

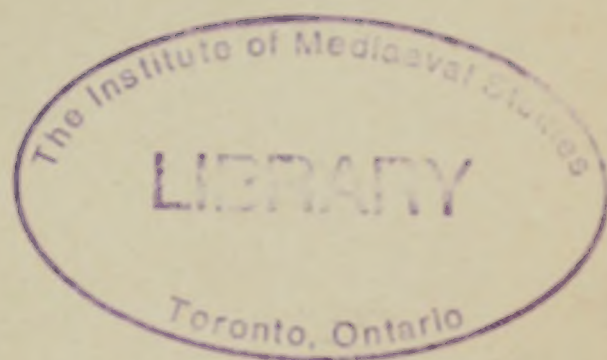

Nizhoff
Dinnick
500 du gu. set

ЗАПИСКИ

СТАТЬИ

ПО РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

изъ Записокъ Императорскаго
Русскаго Археологическаго Общества.

изъ томовъ: VII, VIII, /1895 и 1896/

и т. У и VI /1903 и 1904/

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VII.

Съ 34 таблицами.

НОВАЯ СЕРІЯ.

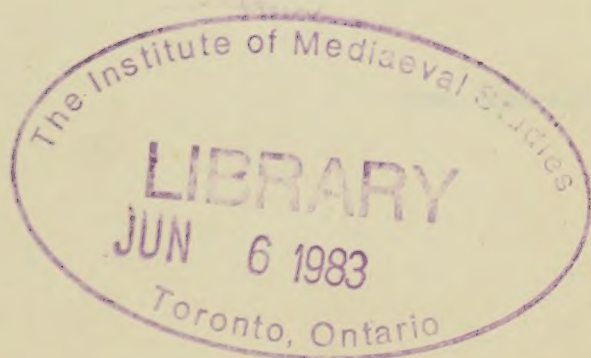
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь В. Дружининъ.

СОДЕРЖАНИЕ

Третье издание VII издания.

IX. П. В. РАДЛОВ, член обществ. "Сибирский драматический"
Перевод с немецкого яз. из кн. А. А. Навроцкого... 14
/с 11 таблицах/

XII. А. А. СПИДИН, член общ. "Архангельская губерния"
Книжка № 1 в 1-м издании... 14
/с 1 таблицей/

IX.

Сибирскія древности.

Изъ путевыхъ записокъ В. В. Радлова.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Десять лѣтъ тому назадъ, академикъ В. В. Радловъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Aus Sibirien“, два тома записокъ, веденныхъ имъ во время научнаго путешествія по Сибири въ 1865 и 1866 годахъ. Седьмая глава второго тома этого замѣчательнаго труда посвящена сибирскимъ древностямъ, и я полагаю, что окажу услугу русскимъ археологамъ, представивъ, съ одобренія автора, русский переводъ этой главы, съ воспроизведеніемъ соответственныхъ таблицъ нѣмецкаго, не вѣсьмъ доступнаго, изданія.

Гр. А. Бобринской.

Ноябрь 1894 г.

Сибирскія древности.

Они это: могилы, натурные камни, каменные могилы долины Енисея, каменные могилы на Алтаѣ, каменные могильные навалы, земляные могильные холмы — Погребеніе каменныхъ могилъ въ долинѣ Енисея и на Алтаѣ. — Погребеніе каменныхъ могильныхъ холмовъ въ Зырянскій степи и на Верхѣ. — Погребеніе земляныхъ могильныхъ холмовъ. — Причина разрушенія могилъ. — Древности мѣдн. периода — Переходъ отъ мѣдн. периода къ желѣзному, древнѣйшій и позднѣйшій желѣзные периоды. — Попытки выясненія въ которыхъ заключеніи по сопоставленію остатковъ древней культуры Сибири съ культурою историческою.

Лишь только, переправившись черезъ Уралъ, перейдемъ въ бассейнъ Тобола и Иртыша, повсюду встрѣчаются громадные могильные холмы прежнихъ временъ, расположенные группами въ обширной степи, на высокихъ береговыхъ грядкахъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Оби эти могилы

становятся многочисленнѣе. Въ сѣверной Киргизской степи типъ ихъ мало измѣняется, хотя къ западу отъ верховьевъ Иртыша многіе изъ могильныхъ холмовъ состоятъ уже не изъ земляной насыпи, а изъ нагроможденныхъ полевыхъ камней. Напротивъ, въ рѣчныхъ долинахъ Алтая, по верховьямъ Енисея и въ Абаканской степи встрѣчаются многочисленные могильники, обставленные и украшенные стоячими обломками скалъ. Всѣ эти могильники свидѣтельствуютъ о значительномъ населеніи, обитавшемъ здѣсь въ прежнее время, населеніи, которое, судя какъ по самымъ могиламъ, такъ и по найденнымъ въ нихъ древнимъ предметамъ, успѣло уже отчасти достигъ весьма значительной степени развитія.

Но прежде нежели перейти къ описанію этихъ предметовъ древности и попытаться сдѣлать выводъ о степени развитія прежнихъ обитателей Сибири, я обращусь къ описанію наружнаго вида могильныхъ холмовъ и начну съ могилъ у Енисея и на Алтаѣ, такъ какъ эти могилы, благодаря камнямъ, которыми онѣ украшены, представляютъ одинъ общій типъ.

Въ степи, расположенной высоко надъ уровнемъ рѣки Абакана, а также по притокамъ этой рѣки, по верховьямъ Енисея, къ югу отъ Красноярска и до нѣдръ Саянскаго хребта, равно какъ и въ степяхъ по берегамъ обоихъ Юсовъ, вплоть до самаго Кузнецкаго Алатауа встрѣчаются могильники весьма различныхъ размѣровъ (заключающіе отъ 10 до 200 могилъ каждый). Эти могильники расположены преимущественно на болѣе возвышенныхъ пунктахъ, гдѣ грунтъ каменистый и не подверженъ наводненію. Отдѣльно взятая могила очень разнообразна, какъ по величинѣ, такъ и по наружному виду. Онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующіе, ясно различаемые, типы:

1) Могилы квадратныя; сверху большею частью плоскія, прикрытыя лишь совершенно незначительной холмообразной насыпью, вышиною не болѣе одного или двухъ аршинъ. Тамъ, гдѣ существуютъ такія возвышенности, онѣ насыпаны изъ грунтовой земли и мелкихъ камней и обставлены какъ бы оградой изъ ряда вкопанныхъ въ землю перпендикулярныхъ толстыхъ каменныхъ плитъ, высота коихъ нерѣдко достигаетъ $1\frac{1}{2}$ сажень, при ширинѣ отъ 3 до 6 вершковъ. Плиты часто закопаны въ землю вглубь до 1 аршина и укрѣплены въ грунтѣ посредствомъ небольшихъ обломковъ скалъ. Благодаря этому, плиты не могли никоимъ образомъ быть сдвинуты съ вертикальнаго ихъ положенія, развѣ лишь если камни, укрѣпляющіе ихъ, были удалены при

Каменные могилы на Абакань.

1. Мраморная — 2. Пурпуровая — 3. Пурпуровая — 4. Пурпуровая — 5. Пурпуровая — 6. Пурпуровая — 7. Пурпуровая — 8. Пурпуровая — 9. Пурпуровая.

Всего 145—150.

позднѣйшемъ вскрытіи могилы. Такого рода квадратныя могилы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Абаканской степи. Онѣ особенно характерны недалеко отъ устья Аскина, близъ каменнаго изображенія Куртуякъ-Тань. Здѣсь вертикальныя каменные глыбы достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Доставка ихъ, вѣроятно, была сопряжена съ значительными затрудненіями, такъ какъ никакихъ скалъ по близости не существуетъ. Квадратныя могилы не отличаются большими размѣрами и не встрѣтилъ ни одной могилы этого рода, сторона квадрата которой превышала бы 4 или 5 саж. Слѣдуетъ еще замѣтить, что вертикальныя глыбы болѣею частью представляютъ изъ себя гладкія плиты, образующія стороны квадрата.

2) Довольно высокіе могильные холмы отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ саж. высоты и отъ 10—25 саж. въ діаметрѣ. Эти надмогильные холмы насыпаны изъ грунтовой земли, на что указываютъ выемки въ землѣ, находящіяся болѣею частью по сторонамъ кургана. На такихъ могильныхъ холмахъ поставлены вертикально обломки скалъ, образующіе прямоугольники. Эти каменные плиты на всѣхъ могилахъ почти одинаковой величины, но высота ихъ не всегда пропорціональна высотѣ надмогильнаго холма. Такъ, нѣкоторые менѣе высокіе холмы обставлены каменными плитами большихъ размѣровъ, тогда какъ на другихъ, очень высокихъ могилахъ поставлены плиты только въ нѣсколько футовъ высоты. На многихъ могилахъ эти каменные плиты достигаютъ сажени высоты. Способъ укрѣпленія плитъ въ землѣ совершенно такой же, какъ и у квадратныхъ могилъ, но самая постановка ихъ отличается отъ постановки на квадратныхъ могилахъ тѣмъ, что здѣсь всѣ плиты поставлены въ одномъ направленіи, т. е. съ востока на западъ, поэтому на восточной и западной сторонахъ прямоугольника плиты стоятъ ребромъ. Прямоугольникъ направленъ короткими сторонами къ сѣверу и югу, а длинныя стороны его, которыя почти всегда вдвое болѣе короткихъ, обращены къ востоку и западу. Длинныя стороны заключаютъ болѣею частью отъ 12 до 18 каменныхъ плитъ, тогда какъ на короткихъ сторонахъ ихъ расположено, въ большинствѣ случаевъ, отъ 3 до 8. Подобные надмогильные холмы съ высокими каменными глыбами я встрѣтилъ въ четырехъ или пяти мѣстахъ на Абаканѣ и въ Тесской степи, недалеко отъ Кизильской Управы. Вообще же этого рода могилы повсюду довольно рѣдки.

3) Главную массу могилъ составляютъ могилы, ограниченный прямоугольниками, составленными изъ 10 камней. Эти прямоугольники, расположенны точно такъ же, какъ и только что описанные, т. е. короткими

сторонами къ сѣверу и югу. Камни, окаймляющіе прямоугольники, на каждой могилѣ почти равной высоты, торчатъ изъ земли иногда на аршинъ, большей же частью высота ихъ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ арш. и даже менѣе. Камни эти — преимущественно плиты или очень грубо-обтесанные обломки скаль. Они расположены по сторонамъ прямоугольника слѣдующимъ образомъ: четыре камня стоятъ по угламъ его, на короткихъ сторонахъ помѣщено только по одному, а на длинныхъ — по два камня. Разстояніе между камнями всюду одинаково, такъ что короткія стороны относятся къ длиннымъ, какъ 2 : 3. Эти надмогильные прямоугольники рѣдко стоятъ одиноко, большей частью они расположены рядами, числомъ отъ 2 до 4 и соприкасаются между собой короткими сторонами. Во многихъ большихъ могилахъ, окаймленныхъ десятью камнями, къ востоку отъ двухъ среднихъ камней восточной длинной стороны, расположены еще два камня, благодаря чему подлѣ большого могильнаго прямоугольника образуется еще другой маленькій квадратъ. Кромѣ того, встрѣчаются большія вертикальныя, болѣе или менѣе хорошо обтесанныя каменные глыбы или столбы, находящіеся большей частью въ разстояніи отъ 10 до 50 шаговъ къ западу отъ могилъ. Столбы эти прозваны русскими обитателями маяками. Путешественники считаютъ ихъ указателями пути или могильными камнями. Я, съ своей стороны, считаю ихъ жертвенниками, имѣющими связь съ вышеописанными могилами, такъ какъ эти столбы постоянно расположены къ западу отъ нихъ. При мнѣ изслѣдованы были многіе изъ этихъ маяковъ, но ничего подъ ними не найдено, кромѣ полевыхъ камней, служащихъ для прикрѣпленія ихъ къ грунту; земля всюду крѣпкая, нетронутая и грунтовая. Точно также мною изслѣдованы многіе изъ вышеописанныхъ прямоугольниковъ, обставленныхъ четырьмя камнями и пристроенныхъ къ восточной сторонѣ могилъ, но и въ нихъ я ничего не нашелъ, а потому и эти квадраты причисляю къ жертвенникамъ.

4) Прямоугольныя ровныя могилы, окаймленные только однимъ рядомъ камней, зарытыхъ въ землю. Эти могилы расположены въ рядъ одна подлѣ другой, такимъ образомъ, что камни одной ограничиваютъ въ то же время и слѣдующую могилу. Размѣры прямоугольниковъ различны, самые большіе имѣютъ 4 саж. длины и отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 саж. ширины; большинство: $4\frac{1}{2}$ арш. длины и отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ арш. ширины, наконецъ, наименьшіе 1 арш. длины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины. Длинныя стороны всегда обращены къ сѣверу и югу, короткія — къ востоку и западу. Расположены могилы группами отъ 10 до 25 могилъ, сплетенныхъ между собой. Иногда онѣ расположены по три въ рядъ, сопри-

касаясь длинными сторонами и образуя прямоугольные большае углубленія. Камни, окаймляющие все эти могилы, зарыты въ землю и торчатъ надъ поверхностью земли. Это болѣею частью каменистая глыба, отъ 6 до 10 вершк. высоты, отъ 1 до 1 1/2 арш. длиной и отъ 2 до 4 вершк. толщины, соприкасающіеся между собой короткими сторонами.

5) Круглыя, плоскія могилы, обставленныя камнями, въ видѣ круга. Въ Абаканской степи эти могилы очень рѣдки; я нашелъ всего три такія могилы по нижнему теченію Абакана, между тѣмъ какъ четырехугольныя могилы мнѣ попадались тысячами. Круглыя могилы у Абакана имѣли отъ 5—6 саж. въ діаметрѣ. Онѣ совершенно плоскія, безъ всякой могильной насыпи. Камни, обмытые и изотесанные бурями, зарыты въ землю и едва видѣются. Все эти могилы посѣты ясныя слѣды прежнихъ раскопокъ. Въ самомъ Алтаѣ, т.-е. въ предѣлахъ извѣстныхъ долинахъ лѣвыхъ притоковъ Катуня и правыхъ притоковъ Пртыша, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются значительныя кладбища, состоящія изъ могилъ, которыя украшены камнями, вкопанными въ землю. Все эти могилы совершенно однородны съ могилами на Енисей, т.-е. плоскія и круглыя; въ видѣ сличеній извѣстней попадаются и низкіе надмогильные холмы съ каменными кругами. При этомъ нужно замѣтить, что могилы въ вѣдрахъ Алтая, т.-е. по нижнему теченію Катуня, на Ангадаѣ, Урустухѣ и на Чуѣ болѣею частью занимаютъ очень небольшое пространство. Точно также и на Уйменѣ діаметръ круглыхъ каменныхъ могилъ не превышаетъ 3 или 4 саж. Гораздо значительнѣе круглыя могилы на Бухтармѣ и окрестностяхъ верховьевъ Пртыша. Я встрѣчалъ ихъ къ западу, почти до города Сергіополя, и по Пртышу, почти до гор. Семипалатинска. Между послѣдними попадались многія вѣсныя вышки въ вѣстовомъ футорѣ.

Кромѣ этихъ круглыхъ каменныхъ могилъ, я встрѣчалъ на Ангадаѣ, Уйменѣ и Чуѣ прямоугольныя, обставленные камнями. Видно они также расположены были рядами, но, сколько я ихъ ни изслѣдовалъ, ни при одномъ не удалось мнѣ найти могильную яму, что даетъ мнѣ право причислять эти прямоугольные къ числу жертвенниковъ.

Во время моего путешествія въ Койбу я встрѣчалъ на многихъ мѣстахъ западной части Монгольской степи каменные могилы, которыя по формѣ своей отчасти отличаются какъ отъ могилъ на Пртышѣ, такъ и отъ могилъ на Енисей и на Алтаѣ. А именно:

1) Между станціями Боробургазунъ и Бьелю, по ту сторону Кошъ-Табы, въ долинѣ рѣки Сакъ. Эти могилы состоятъ изъ вкопанныхъ въ землю камней, расположенныхъ въ видѣ большого круга, въ серединѣ котораго нагромождена небольшая груда булыгъ. Наружный кругъ имѣлъ въ діаметрѣ отъ 4 до 6 саж., а внутренний могильный холмъ — отъ 2 до 3 саж. Высота этого послѣдняго равнялась 1—1½ арш. Всѣ могильные холмы имѣли правильную форму и нигдѣ не оказывалось слѣдовъ прежняго вскрытія.

2) Въ равнинѣ Окату, а также и Кобдо, мнѣ встрѣтились могилы трехъ родовъ построенія: а) круглыя груды камней, бѣльшею частью нагроможденныхъ изъ обломковъ скалъ большого размѣра, б) четырехъугольныя могилы изъ вкопанныхъ въ землю камней, по серединѣ которыхъ насыпанъ низкій могильный холмъ изъ болѣе крупныхъ булыгъ, с) узкія прямоугольныя могилы, состоящія изъ 3 или 4 параллельно вкопанныхъ въ землю камней.

3) Къ востоку отъ Мѣстю-Булакъ двѣ большія каменные могилы, состоявшія изъ большого круга. Въ составъ этого послѣдняго входили 10—12 меньшихъ каменныхъ круговъ, а каждый изъ маленькихъ заключалъ въ себѣ 6 камней. Въ серединѣ одной изъ могилъ находилось пять холмовъ, наваленныхъ изъ большихъ булыгъ; четыре меньшіе расположены были по угламъ квадрата, а пятый, значительно бѣльшій, находился въ серединѣ его. Другая могила состояла изъ могильнаго холма, окруженнаго каменнымъ кругомъ, а этотъ, въ свою очередь, окруженъ былъ цѣлымъ поясомъ мелкихъ каменныхъ круговъ.

4) На Конго-Шурукъ могилы такія же, какъ и описанныя мною въ пунктѣ 2-мъ.

5) Къ западу отъ города Кобдо встрѣчаются одновременно какъ круглыя каменные могилы съ одной только грудой камней, такъ и могилы, состоящія изъ пяти каменныхъ возвышеній, описанныя мною въ пунктѣ 3-мъ. Было еще много могилъ, состоящихъ только изъ 5 камней, изъ которыхъ четыре расположены были по угламъ квадрата, а пятый въ центрѣ его.

Потанинъ встрѣчалъ такого рода могилы, называемыя монголами „керексурами“, по всей западной части Монгольской степи. Судя по рисункамъ Потанина, наружный видъ всѣхъ этихъ могилъ очень схожъ съ тѣми, которыя видѣлъ я. Всѣ онѣ, безъ исключенія, состоятъ изъ бѣльшихъ или меньшихъ, нагроможденныхъ изъ булыгъ, надмогильныхъ холмовъ, и окружены рядами вкопанныхъ въ землю камней.

Помимо упомянутыхъ мною каменныхъ круговъ, Потанинъ указы-

части еще на других фигурах, образуемых вогнутыми и выпуклыми частями, но описание их сделалъ онъ очень немногими словами.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ каменныхъ могилъ, на Алтаѣ, въ Киргизской степи и вообще во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ южной части Западной Сибири, вплоть до Урала встрѣчаются исключительно владѣнцы, заключающіе въ себѣ могильные насыпи большаго или меньшаго размѣра. Они сооружены болѣею частью изъ грунтовой земли, вслѣдствіе чего въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ состоитъ изъ чернозема или глины, курганы насыпаны изъ одной земли, наоборотъ, тамъ, гдѣ почва каменистая, напр., въ долине горъ и въ долинахъ рѣкъ, такъ насыпи изъ земли и камней. Только въ Уйменской степи, на Алтаѣ, а также во всей западной части Киргизской степи и въ среднемъ хребтѣ горъ Абаканской степи, встрѣчаются могильные холмы, насыпанные исключительно изъ полевыхъ камней, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ черноземный и куда, слѣдовательно, приходится доставлять камни на довольно далекое разстояніе. Въ Киргизской степи, а также въ южной Сибири попадаются отдѣльные могильные холмы, высота которыхъ достигаетъ 20 арш., въ діаметрѣ же они имѣютъ до 50 арш. и даже болѣе.

Въ Киргизской степи мы попадаемъ отдѣльно высокія могилы другого устройства. Такъ, напримѣръ, около города Капана находится три громадныя могильника: изъ нихъ одинъ обставленъ двумя каменными кругами, діаметромъ до 100 арш., другой же окруженъ квадратнымъ рвомъ. Около середины западной стороны квадрата ровъ прерывается и тутъ образуется какъ бы дорожка въ вѣрталу, шириною около 4—5 арш.

На Каркарѣ (къ востоку отъ Песавула) я нашелъ два могильные холма значительной высоты, расположенные по направленію съ востока на западъ. Восточная могила была на 1¹/₂ саж. ниже западной и отклонялась въ сѣверу и югу на полукруглые валы, вышиною до 10 арш.

Какъ на Алтаѣ, такъ и въ западной части Киргизской степи могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, достигаютъ значительной высоты; діаметръ ихъ часто равенъ 15—20 аршинамъ. Въ средней же части горнаго хребта Абаканской степи высота такихъ каменныхъ могильныхъ насыпей очень незначительная, не свыше 1 арш., а въ діаметрѣ только 1—2 саж.

Они образуютъ всѣхъ тѣхъ владѣнцевъ, возмущавшихъ насъ до этой могилы, характерной чертой которыхъ является то, что они всегда рас-

покрыты попарно, причемъ каждая пара состоитъ изъ круглой и продолговатой насыпи.

Во время моего путешествія по южной Сибири и Киргизской степи я изслѣдовалъ много могилъ въ разныхъ мѣстахъ, а именно: въ продолженіе 1862 г. въ Кулундской степи, близъ города Семипалатинска, къ сѣверу отъ города Канала, къ востоку отъ Коксуйской станицы, на рѣкѣ Карбарѣ, къ востоку отъ Иссыкула и, наконецъ, въ долинѣ Или, близъ города Вѣрнаго. Въ 1863 г. — на лѣвомъ берегу Абакана, у устья рѣки Еси, на разстояніи около 20 верстъ внизъ по теченію Абакана, у перваго Катинскаго аула; близъ Абаканской Управы, на рѣкѣ Тосѣ, къ сѣверу отъ Кизильской Управы, на рѣкѣ Аскысѣ, на рѣкѣ Чердатѣ (между Чулымомъ и Кіей). Въ 1865 году — на самомъ Алтаѣ, по рѣкамъ Уруссулѣ и Ангодаѣ, въ Чуйской степи, въ Уйменской степи, въ окрестностяхъ деревни Катанда и въ Берельской степи, на верховьяхъ Бухтармы. Въ 1866 г. — въ Барабинской степи, къ югу и къ сѣверу отъ города Каинска, въ Киргизской степи между озеромъ Чаны и городомъ Павлодаромъ, около озера Сары-Ёзекъ, въ городѣ Семипалатинскѣ и у города Кокбекты.

Раскопки всѣхъ этихъ могилъ ясно доказали, что мы имѣемъ дѣло съ памятниками четырехъ культурныхъ эпохъ:

1) Всѣ могилы въ долинахъ Енисея и на Алтаѣ, а также многіе изъ могильныхъ холмовъ въ Киргизской степи, у Кулунды и въ Барабинской степи принадлежатъ мѣдному или бронзовому періоду.

2) Могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, въ Уйменской степи, на Бухтармѣ и въ восточной Киргизской степи, а также большая часть могильныхъ насыпей южной Сибири должны быть отнесены къ древнѣйшему желѣзному періоду.

3) Малые могильные насыпи въ Абаканской степи, прозванные туземцами „Киргизскими могилами“, принадлежатъ къ болѣе новому желѣзному періоду.

4) Могилы на Чердатѣ моложе по времени; я заключаю это изъ того, что въ нихъ найдена была однажды монета XVII-го столѣтія.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію культурнаго состоянія этихъ четырехъ эпохъ я считаю необходимымъ упомянуть о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено изслѣдованіе древностей Сибири. Благодаря этимъ затрудненіямъ правильныя и успѣшныя раскопки могилъ почти невозможны. Причина этого заключается въ томъ обстоятельствѣ, что во многихъ могилахъ въ древности зарыты были богатые золотые клады; это и побуждало обитателей Сибири въ теченіе цѣлыхъ столѣтій испы-

тивать свое счастье по части раскопки могил. Благодаря внимательным замѣткамъ Мессершмита, мы имѣемъ возможность судить о способѣ, которымъ производилось въ прошломъ столѣтіи это извѣстное кладбище.

Вотъ что пишетъ Мессершмитъ, между прочимъ, въ 25 мая 1721 г.: „Тѣ русскіе, которые поселились вблизи на Оби, живутъ гораздо лучше. Ихъ называютъ инимцами. Это вѣроятно тѣ башкиры, которые выходили на „promiselle“, т. е. на вывозку золота и серебра, находимаго ими въ языческихъ гробницахъ. Впервые открыли это русскіе, жившіе на рѣкѣ Инимѣ; продолжая заниматься этимъ промысломъ, они подвигались все дальше, пока, наконецъ, не дошли до Оби. Ибо, всѣ прочіе чужестранцы, откуда бы они ни приходили, или Тобольска-ли, Тара-Нарима, Казани или Сибирска-ли, развѣ только они поселились здѣсь на Оби, въ слободѣ, получали названіе инимцевъ. Въ этой Чанской слободѣ 150 человѣкъ жителей, они занимаются земледѣліемъ и торговлей мѣхами. Особенно же много они занимаются степными раскопками. Съ послѣднимъ сибирскимъ путемъ они отправляются на 20—30-дневное путешествіе по степи и пустынѣ; изъ всѣхъ окружающихъ деревень собирается 2—3 сотни человѣкъ, которые раздѣляются на отдѣльные отряды и направляются въ разные стороны, но не отдаляясь при этомъ другъ отъ друга больше, чѣмъ на такое расстояние, при коемъ они всегда могутъ имѣть между собою сообщеніе, на случай нападенія калмыковъ или казаковъ. Въ такихъ, довольно частыхъ столкновенияхъ, многіе изъ обитателей слободы лишаются жизни. Лишь только они усматриваютъ гдѣ нибудь такіе холмы, набросанные вѣтъ языческими могилами, они тотчасъ же принимаются за раскопку ихъ. Непрѣлѣнно они трудятся понапрасну и находятъ только всякаго рода мѣди и латуни или желѣзные вещи; это, конечно, плохо вознаграждаетъ ихъ за труды; иногда же они находятъ много золота и серебра, порою даже до 5, 6 и 7 фунтовъ, то меньше, то больше. Золото это забирается въ убранные дощатной обшивкой, принадлежностяхъ упряжи, юбкахъ и другихъ предметахъ“.

Насколько основательно велѣсь эти раскопки, доказываетъ слѣдующая замѣтка въ томъ же дневникѣ, за 28 ноября 1725 г. „Лейтенантъ Рудольфи сообщаетъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ вблизи Оби существовало много языческихъ гробницъ, изобилующихъ золотомъ и серебромъ; въ настоящее время эти могилы до того зарыты русскими, что нужно вѣрить большое счастье, чтобы найти на нихъ нѣкоторыя, хотя бы незначительныя, предметы“.

Миллеръ, посѣтившій Сибирь въ 1735 г., рассказываетъ о вѣрм-

ти могилъ слѣдующее: „Могилы на Иртышѣ, Тоболѣ, Оби и Енисеѣ стали впервые подвергаться раскопкамъ русскихъ крестьянъ въ началѣ нашего столѣтія. послѣ того, какъ отсюда удалились калмыки и киргизы. Я засталъ въ Сибири еще многихъ лицъ, которыя въ прежнее время кормились такой работой, хотя въ мое время никто этимъ уже не занимался, потому что всѣ могилы, въ которыхъ надѣялись найти клады, были уже раскопаны. Подобно тому, какъ отправляются партіями на соколиную охоту, такъ и они собирались здѣсь большими группами, съ цѣлью, раздѣливъ между собой работу, скорѣе покончить съ нѣсколькими могилами заразъ. До моего пребыванія въ Сибири еще никто не рѣшался отправиться на раскопки въ западную сторону отъ Иртыша, потому что эту мѣстность почти постоянно объѣзжаютъ казаки. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи здѣсь найдется еще много драгоценностей“¹⁾).

¹⁾ Въ путевыхъ запискахъ Джона Белла, англичанина, принимавшаго участіе въ посольствѣ Л. В. Измайлова, посланнаго Петромъ Великимъ въ Пекинъ въ 1719 году, говорится: «...На разстояніи восьми или десяти дней пути отъ Томска находится въ степи большое количество могилъ и кладбищъ древнихъ героевъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ пали въ бою. Эти могилы легко распознаются, благодаря насыпаннымъ надъ ними землянымъ холмамъ и камнямъ. Когда именно и между кѣмъ происходили эти сраженія въ столь сѣверной странѣ—неизвѣстно. Барабинскіе татары передавали мнѣ, что Тамерланъ или, какъ они его называютъ, Тимуръ-Анъ-Сакъ, имѣлъ частыя стычки съ калмыками въ этой странѣ, которую онъ тщетно пытался завоевать. Много лицъ отправляются каждое лѣто изъ Томска и другихъ мѣстъ къ этимъ могиламъ, которыя они раскапываютъ и гдѣ находятъ, промежъ непла мертвыхъ порядочное количество золота, серебра, мѣди, а иногда и драгоценныя камни, но преимущественно рукоятки саблей и предметы вооруженія. Они находятъ также украшенія сѣдлъ и уздечекъ и прочія части лошадиного убранства и даже кости лошадей, а иногда и кости слоновъ. Изъ сего, казалось бы, что когда хоронился какой-либо полководецъ или знатная особа, то вмѣстѣ съ нимъ хоронились въ той же могилѣ все его оружіе, его любимый конь и служители. Этотъ обычай сохранился у калмыковъ и другихъ татаръ и до сего дня и, повидимому, онъ очень древній. Судя по большому количеству могилъ, казалось бы, что многія тысячи убиты въ этихъ степяхъ, ибо населеніе продолжало выкапывать подобныя сокровища въ теченіе многихъ лѣтъ и все же еще находятъ ихъ неисчерпаемыми. Правду сказать, работа ихъ иногда прерывается партіями калмыковъ, которые отбиваютъ у нихъ добычу, такъ какъ ненавидятъ, чтобы прикасались до останковъ мертвыхъ.

Я видѣлъ нѣсколько штукъ вооруженія и другихъ примѣчательностей, выкопанныхъ изъ этихъ могилъ, въ особенности вооруженнаго мужчину верхомъ, вылитого изъ мѣди, прекрасныхъ очертаній и выдѣлки; также изображенія оленей, вылитыхъ изъ чистаго золота, которые были разсѣчены посерединѣ и пробуравлены нѣсколькими маленькими отверстіями, соотвѣтственно назначенію ихъ служить украшениями колчана или лошадиной упряжи.

Въ бытность мою въ Томскѣ, одинъ изъ такихъ копателей могилъ рассказывалъ мнѣ, что однажды они наткнулись на остроконечный сводъ, гдѣ они нашли останки человека при его лукѣ, стрѣлахъ, копѣ и другомъ оружіи, лежащихъ вмѣстѣ на серебряномъ столѣ. При соприкосновеніи къ трупѣ—онъ распался въ пыль. Цѣнность стола и оружія была весьма значительна». (*John Bell. Travels from St.-Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. London. 1764.*)

Переводчикъ.

Къ сожалѣнью, пожеланіе Миллера не осуществилось. Провѣденныя мною раскопки могилъ въ Каргизской степи ясно доказали мнѣ, что могилы въ этой мѣстности точно также основательно вскрыты, какъ и на Оби, Алтаѣ и Енисей. Такъ какъ этотъ же фактъ замѣчается и къ югу отъ Канала, у Вѣрнаго и на Иссык-Кулѣ, то можно заключить, что не только русскіе, но и прежніе обитатели Каргизской степи занимались такимъ откапываньемъ сокровищъ. Поэтому, изслѣдователь старины долженъ считать за счастье, если между сотнями могилъ онъ встрѣчаетъ одну или двѣ, наружный видъ которыхъ не носитъ слѣдовъ прежняго вскрытія, и если ему удастся между десяткомъ такихъ могилъ найти хоть одну, уцѣлѣвшую отъ разграбленія.

Бронзовый и мѣдный періодъ.

Въ Абаканской и Юсской степяхъ мною вскрыто было болѣе 30 каменныхъ могилъ, причемъ найдена только одна вѣтропуганная могильная яма; точно также и на Алтаѣ я встрѣтилъ только двѣ невѣтропуженныя каменные могилы этого періода, очень незначительной величины. Несмотря на это, мнѣ удалось путемъ изслѣдованія уже вскрытыхъ могилъ получить довольно ясное представленіе о способѣ устройства всѣхъ каменныхъ могилъ описываемаго періода.

Могильныя ямы всѣхъ этихъ могилъ углублены въ землю аршина на $1\frac{1}{2}$ и до 3-хъ и расположены болѣею частью посреди нахмощеннаго холма или прямоугольника. На Алтаѣ глубина могильныхъ ямъ часто не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ арш., такъ какъ, благодаря каменистому грунту, болѣе глубокое выкапываніе могилъ здѣсь затруднительно. Въ могилахъ, окаймленныхъ прямоугольниками изъ десяти камней, стрѣныя камни, повидимому, служили границами собственно могильной ямы, такъ что края ея приходится на линіи, соединяющей четыре средніе камня. Ширина могильной ямы равна, приблизительно, одной трети длины той стороны большаго могильнаго прямоугольника, въѣдетіе чего она измѣряется въ своемъ протяженіи, сообразно величинѣ наружнаго прямоугольника. Длина могильной ямы, наоборотъ, всегда равна $2\frac{1}{4}$ —3 арш. и совершенно независима отъ величины могилы. Длинная сторона здѣсь повсюду параллельна короткимъ сторонамъ наружнаго прямоугольника, т.-е. она направлена съ востока на западъ.

Дно могильной ямы либо просто утрамбовано, либо же выложено тонкими каменными плитами. На дно ямы положены покойники, головою къ востоку. У остова, найденнаго мною на Юсѣ, голова была наклонена на бокъ, руки вытянуты вдоль туловища, а большіе пальцы

подняты вверх. Вершка на четыре надъ головой, по направленію къ сѣверу, находится глиняный сосудъ конической формы. Остовы, лежащіе, такимъ образомъ, на днѣ могилы, прикрывались либо толстымъ слоемъ дерева, либо нѣсколькими большими каменными плитами, толщиною часто въ 2—4 верш. Затѣмъ, могильную яму наполняли различной величины полевыми камнями и сверху засыпали ее обломками скаль или землей.

Относительно устройства могильныхъ ямъ, въ большихъ квадратныхъ могилахъ на Абаканѣ, я не могу дать никакихъ указаній, такъ какъ не вскрывалъ ни одной изъ такихъ могилъ. Только въ одной единственной прямоугольной могилѣ на Юсѣ я встрѣтилъ, кромѣ большой могильной ямы посреди прямоугольника, еще вторую, меньшую, въ южной части его.

Обѣ ямы были прикрыты большими скалистыми плитами. Въ двухъ другихъ могилахъ мною найденъ былъ, въ головахъ, къ востоку отъ могильной ямы, маленькій гробъ, составленный изъ каменныхъ плитъ, приблизительно въ 1 арш. длиною. Внутри лежали разбитыя дѣтскія кости. Эти каменные гробы только на $1\frac{1}{2}$ арш. углублены были въ землю.

Тѣ прямоугольники, которые обставлены рядами камней, не обнаруживаютъ такого правильнаго расположенія могильныхъ ямъ; здѣсь большею частью посрединѣ находится одна могильная яма, весьма различныхъ размѣровъ, въ которой похоронено отъ 1 до 3-хъ человѣкъ.

Покойники прикрыты здѣсь маленькими каменными плитами, а нерѣдко и слоями дерева. Въ одной изъ такихъ могилъ я нашелъ гробъ, правильно построенный изъ каменныхъ плитъ. Глубина этихъ могильныхъ ямъ не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ арш.

Въ большихъ могильныхъ ямахъ подъ могильными прямоугольниками часто находились остатки отъ 3 до 5 труповъ. Но наибольшее количество скелетовъ нашелъ я въ большой могильной ямѣ на Юсѣ; тутъ было 22 черепа, изъ коихъ много дѣтскихъ. Судя по найденнымъ здѣсь же мѣднымъ предметамъ — тутъ похоронены были только женщины.

Каменные могилы на Алтаѣ построены совершенно такъ же, какъ и на Енисей. Близъ города Сергіополя мнѣ удалось изслѣдовать нѣсколько могилъ этого періода и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могильная яма состояла изъ ящика, сложеннаго изъ каменныхъ плитъ и глубиною въ 1 арш. Дно его составляла твердо утрамбованная земля; надъ каменными плитами, покрывавшими ящикъ, навалены были большіе обломки скаль и сверху насыпанъ невысокій могильный холмъ.

Въ городѣ Семипалатинскѣ я извралъ пять могилъ бронзовыхъ инвентаря; въ могильной ямѣ одной изъ нихъ, глубиною въ 1¹/₂ арш., лежалъ человѣческій остовъ, положенный, очевидно, на лѣвый бокъ; кости его были немного согнуты. Точно опредѣлить положеніе остова было невозможно, такъ какъ кости почти совсѣмъ гнилы. Поверхъ остова лежалъ мѣдный ножъ.

Мѣдные ножи я нашелъ и въ отдельныхъ могильныхъ холмахъ въ Барабинской и Калундской степяхъ, но такъ какъ эти могилы похоронены были уже въ прежние времена, то я ничего не могу заключить относительно ихъ устройства. По наружному своему виду эти курганы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые я вскрывалъ до сихъ поръ, и которые, судя по найденнымъ мною въ нихъ предметамъ, принадлежатъ желѣзному періоду. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что населеніе сѣверныхъ степей въ періодъ желѣзный сооружало только земляные могильные холмы, такъ какъ для постройки жилищъ у нихъ не находилось нужнаго матеріала — камней и обломковъ глыбъ.

Я не рѣшаюсь положительно утверждать, что каменные могилы южной Монголіи принадлежатъ желѣзному періоду, такъ какъ объ изслѣдованіи могилъ въ этой мѣстности еще до сихъ поръ ничего не извѣстно.

Во всѣхъ описанныхъ здѣсь мною каменныхъ могилкахъ найдены ясныя слѣды предметовъ, вылитыхъ изъ бронзы или мѣди. Это обстоятельство даетъ намъ право полагать, что тѣ народы, которые оставили послѣ себя эти надмогильные памятники, вѣроятно, еще не знали выдѣлки и употребленія желѣза.

Найденныя въ этихъ могилахъ мѣдные и бронзовые вещи и многочисленныя находки, такой же утвари, сдѣланныя обитателями окрестныхъ мѣстностей на своихъ пашняхъ позволяютъ намъ составить довольно полную картину степени образованія и культурнаго развитія народовъ мѣднаго періода.

Выдѣланные изъ мѣди и бронзы предметы этой цривѣдшей культурной эпохи южной Сибири представляютъ изъ себя всевозможнаго рода орудія и принадлежности ежедневной жизни, а именно: оружіе — кинжалы, стрѣлы, наконечники копій; орудія — ножи, серпы, рѣзакъ, топоры, иглы, шило, бурава; домашняя утварь — прялка, стрелена, узелки, предметы роскоши — серьги, браслеты, пуговицы, браслеты, зеркала, различныя украшенія изъ китѣ изображеній животныхъ; посуду, котлы и тары.

Кромѣ мѣди, парода мѣднаго періода, истомительно, были известны

и съ золотомъ; изъ него богатые люди изготовляли себѣ украшенія. Мнѣ лично удалось найти только въ одной могилѣ бронзоваго періода дѣтскую серьгу изъ крѣпкой золотой проволоки. Однако, въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится много такихъ украшеній изъ массивнаго золота, которыя по формѣ совершенно схожи съ мѣдными предметами, найденными мною въ Абаканской степи. Кромѣ того, и Витценъ даетъ намъ указанія о существованіи золотыхъ вещей въ ту эпоху.

Судя по тому, что богатствомъ золотыхъ и мѣдныхъ рудъ отличаются только Алтай и Саянскій хребетъ, мы можемъ а priori заключить, что древніе обитатели этихъ мѣстностей сами выдѣлывали выше-названные предметы изъ мѣди и золота, и къ тому же сами добывали себѣ эти металлы. Такое заключеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Алтайскомъ районѣ встрѣчается безчисленное множество такъ-называемыхъ Чудскихъ копей; это, остатки шахтъ, въ которыхъ древніе обитатели добывали себѣ мѣдь. Находимые здѣсь всюду каменные молоты и каменные ломы самымъ нагляднымъ образомъ, мнѣ кажется, доказываютъ, что древніе горнопромышленники еще не были знакомы съ добываніемъ и обработываніемъ желѣза.

При эксплуатаціи копей, эти рудокопы слѣдовали по направленію жилъ руды, идущихъ изъ глубины земли вплоть до верхняго ея слоя. Всѣ шахты книзу уже, чѣмъ наверху, такъ какъ недостатокъ въ орудіяхъ заставлялъ горнопромышленниковъ работать большею частью на поверхности земли. Глубина шахтъ нигдѣ не превышаетъ 7 саж.

Эти древніе горнопромышленники очевидно уже умѣли подпирать свои шахты; во многихъ изъ нихъ встрѣчались, у потолка камеры, деревянные подпоры; впрочемъ, въ этомъ искусствѣ они, повидимому, не были очень опыты: шахты нерѣдко проваливались и засыпали рудокоповъ. Доказательствомъ этому служатъ частыя находки въ провалившихся кояхъ — скелетовъ съ еще уцѣлѣвшими при нихъ кожаными мѣшками, наполненными рудою.

Многочисленность этихъ Чудскихъ копѣй указываетъ на такое общее распространеніе разработки рудъ и на такое обильное добываніе мѣди, что мы вправѣ заключить, что народъ этотъ добывалъ мѣдь не только для своего употребленія, но добытымъ металломъ производилъ еще обширную торговлю. Ремесло рудокopa, должно быть, было здѣсь въ большомъ почетѣ. Это доказываетъ намъ, съ одной стороны, мѣдная статуетка, изображающая такого рудопромышленника и находящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а съ другой стороны — тотъ фактъ, что

поиску, гдѣ обитаеъ этотъ народъ, встрѣчается бесчисленное множество острыхъ топориковъ, стоиъ малюшкихъ и такъ тонко отлѣданныхъ, что, повидимому, они служили лишь украшеніемъ нашивъ. Притомъ, нѣкоторые изъ нихъ свидетельствуютъ о такой тщательной и изящной работѣ, что, вѣроятно, не могли принадлежать простымъ рукожодамъ. Что этотъ народъ добывалъ себѣ золото, видно изъ того, что во многихъ золотыхъ россыпяхъ въ Киргизской степи и въ Кузнецкомъ Алатауѣ, часто находятъ въ золотосодержащемъ пескѣ на нѣсколько сантиметровъ въ глубь отъ верхняго слоя земной поверхности — мѣдныя орудія и орудіе. Я самъ присутствовалъ при нахожденіи мѣднаго орудія на приискѣ близъ Кокбейки, а на Кѣѣ мѣѣ продали два большіе мѣдныя кельта, которые, какъ говорили, найдены были въ золотосодержащемъ пескѣ и, вѣроятно, служили для отбиванія щелей.

Для плавки мѣдной руды устроены были особенныя плавильныя печи, слѣды которыхъ еще и теперь встрѣчаются на Алтаѣ, въ Саянскомъ хребтѣ и въ восточной части Киргизской степи, напр. при впадѣніи рѣки Шульбы въ Иртышъ, и въ Каркаралинскомъ округѣ.

Добытый такимъ образомъ чистый металлъ изъ плавильныхъ печей въ необработанномъ видѣ разносился во все части страны и тамъ подвергался обработкѣ искусныхъ мастеровъ. Такъ, напр., я находилъ почти всюду на Абаканѣ, Енисейѣ, на Оби и по ея притокамъ, на Иртышѣ и даже въ Барабинской степи — маленькіе кусочки мѣди, заканчивающіеся обломаннымъ остриемъ, въ нихъ ясно можно было узнать остатки металла, образующіеся при отвертѣнхъ плавильныхъ формъ.

Изъ одного лишь бѣлаго упоминанія собранныхъ мною древностей, видно, что какъ на Алтаѣ, такъ и въ Енисейской степи встрѣчается бронза весьма различныхъ сплавовъ. Съ цѣлью узнать, случайна ли эта разница въ составѣ, или она зависитъ отъ степени познаний въ дѣлѣ отливки металла, я попросилъ г. Генриха Струве анализировать нѣкоторые изъ найденныхъ мною бронзъ. Результаты этого изслѣдованія г. Струве помѣстилъ въ бюллетенѣ Петербургской Академіи Наукъ (1855, томъ IX).

Химическій анализъ четырехъ древнихъ монетъ, принадлежащихъ въ древностямъ Абаданцевой долины — далъ слѣдующій результатъ:

	I	II	III	IV
Мѣди	90,20	88,65	90,05	89,00
Серебра	5,64	11,10	6,20	0,72
Железа	0,15	0,28	0,10	0,28
Итого	95,99	99,93	96,35	90,00

Эта таблица, по мнѣнію Струве, доказываетъ, что ножъ № 4 слѣдуетъ считать выдѣланнымъ изъ чистой мѣди, а небольшое количество остальныхъ примѣсей надо приписать случайности. №№ же 1, 2 и 3 состоятъ изъ чистой бронзы съ очень маленькой примѣсью жѣла. Струве сравниваетъ съ результатомъ своего анализа, — анализа Алтайскихъ бронзъ Гебеля, произведенные послѣднимъ надъ обломками бронзовыхъ сосудовъ и фигуръ. Получилось:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.
1)	80,27	19,66	—
2)	73,0	26,74	—
3)	87,97	9,38	2,5
4)	91,50	6,75	1,75

На основаніи анализа, произведеннаго Фелленбергомъ надъ 180-ю древними бронзами, г. Струве заключаетъ, что въ составъ бронзъ древнѣйшаго мѣднаго періода, назначавшихся для оружія, ножей и тому подобныхъ предметовъ, находимыхъ у свайныхъ построекъ и, которые должны были отличаться крѣпостью—входило 10⁰/₀ олова, а остальное составляла мѣдь. Если же предметъ долженъ былъ служить предметомъ украшенія, то прибавлялся свинецъ, или еще чаще — олово; благодаря этому, сплавъ легче плавился и поддавался обработкѣ. Съ этими выводами, основанными г. Струве на отдѣльныхъ анализахъ Фелленберга, совпадаютъ и изслѣдованія бронзъ, найденныхъ въ Кельтійскихъ надмогильныхъ холмахъ въ Мекленбургѣ Фр. Гебелемъ. Вышеупомянутое, въ высшей степени интересное изслѣдованіе Струве ясно доказываетъ, что народы древнѣйшаго мѣднаго періода, населявшіе Алтай и Саянскій хребетъ, обладали въ дѣлѣ сплава металловъ опытностью и познаніями. Насколько значительны были эти познанія, доказываетъ замѣчательная прочность нѣкоторыхъ изящно выдѣланныхъ бронзовыхъ ножей и кинжаловъ, при изготовленіи которыхъ плавщики, конечно, прилагали больше вниманія и старанія, такъ какъ за эти издѣлія полагалась и бѣлая плата.

Отливка нѣкоторыхъ лучшихъ издѣлій замѣчательно хороша. Тщательная и тонкая обработка отдѣльныхъ украшеній объясняется тѣмъ, что наилучшіе предметы послѣ плавки подвергались шлифовкѣ и полировкѣ. Въ общемъ, плавка очень чистая и гладкая, и свидѣтельствуетъ о необыкновенной ловкости плавщика. Такъ, между сотнями металлическихъ издѣлій, попадавшихся мнѣ на глаза, только 2 предмета обнаруживали недостатки въ плавкѣ: а именно, оставшіеся послѣ нея отверстія, пришлось загладить, заливъ ихъ растопленной

красной мѣлой. Одинъ изъ этихъ предметовъ былъ копье, длиною въ 70 ф. Въ болѣе грубой мѣлѣ въ некоторыхъ предметахъ, на мой взглядъ, еще вовсе нѣтъ непрямѣшаго указанія на болѣе древнюю эпоху для изготовленія. Такъ, напр., я нашелъ въ одной и той же могилѣ два ножа, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ очень грубо, а другой, наоборотъ, замѣчательно тонко отдѣланъ.

Большинство металлических вещей отличается богатой орнаментацией, выполненной съ большимъ вкусомъ. Эта орнаментика состоитъ: 1) изъ прямыхъ линий, т.-е. линий параллельныхъ и линий пересекающихся подъ разными углами; изъ дубовъ, фестоновъ, соединенныхъ точками (или составленныхъ изъ точекъ), 2) изъ крутовыхъ линий, полукруговъ, квадратовъ и концентрическихъ круговъ, 3) изъ кривыхъ линий. Последнія имѣютъ всегда форму животныхъ, какъ-то: спящихъ змѣй, вогнутыхъ птичьихъ клювовъ, птичьихъ головъ и шей, и другихъ звѣриныхъ головъ. Очень часто украшения представляютъ собой изображенія цѣлыхъ животныхъ или части ихъ. Отличительной чертой орнаментики этого періода является стремленіе, какъ можно точнѣе изобразить природныя очертанія звѣрей, такъ чтобы съ перваго взгляда можно было узнать животное. Всякія ненатуральныя искривленія, всевозможныя фантастическія изгибы, или изображенія множества чудовищъ — чужды орнаментикѣ того времени.

Если теперь рассмотримъ различные металлические изделия бронзоваго періода въ отдѣльности, то мы найдемъ особенно богатый выборъ среди различныхъ острыхъ орудій и изделий для рѣзанія, а въ нихъ больше всего двуострыхъ кинжаловъ и мечей.

У всѣхъ этихъ предметовъ рукоятка и лезвіе сдѣланы изъ одного куска. Рукоятки ножей и кинжаловъ очень коротки, это приводитъ къ заключенію, что орудія эти предназначались для очень маленькихъ рукъ. Ножи самой простой работы состоятъ изъ полосы мѣди или бронзы, отъ 3 до 5 верш. длины и отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ в. ширины. Полосы эти съ одной стороны толще, чѣмъ съ другой; одинъ конецъ заостренъ, а на другомъ сдѣлано отверстіе или ушко. Острый конецъ съ одной стороны отшлифованъ на $1\frac{1}{4}$ —2 в., а другая, нешлифованная сторона, служила рукояткою ножа. Усовершенствованіе и украшеніе этихъ ножей производилось такимъ образомъ: остріе изъ снѣжной массы закруглено; часть, предназначенная для рукоятки, сдѣлана уже и круглѣе, отверстіе или ушко зашліфовано кругомъ шириною около $\frac{1}{2}$ в. въ диаметръ. Рукоятка правильно закруглена, приспособлена для удобнаго захвата рукою, и снабжена выгнутыми или плоскими ажурными украшениями.

Верхняя часть рукоятки украшена изображеніями змѣиныхъ головъ, птичьихъ клювовъ и даже цѣлыхъ животныхъ.

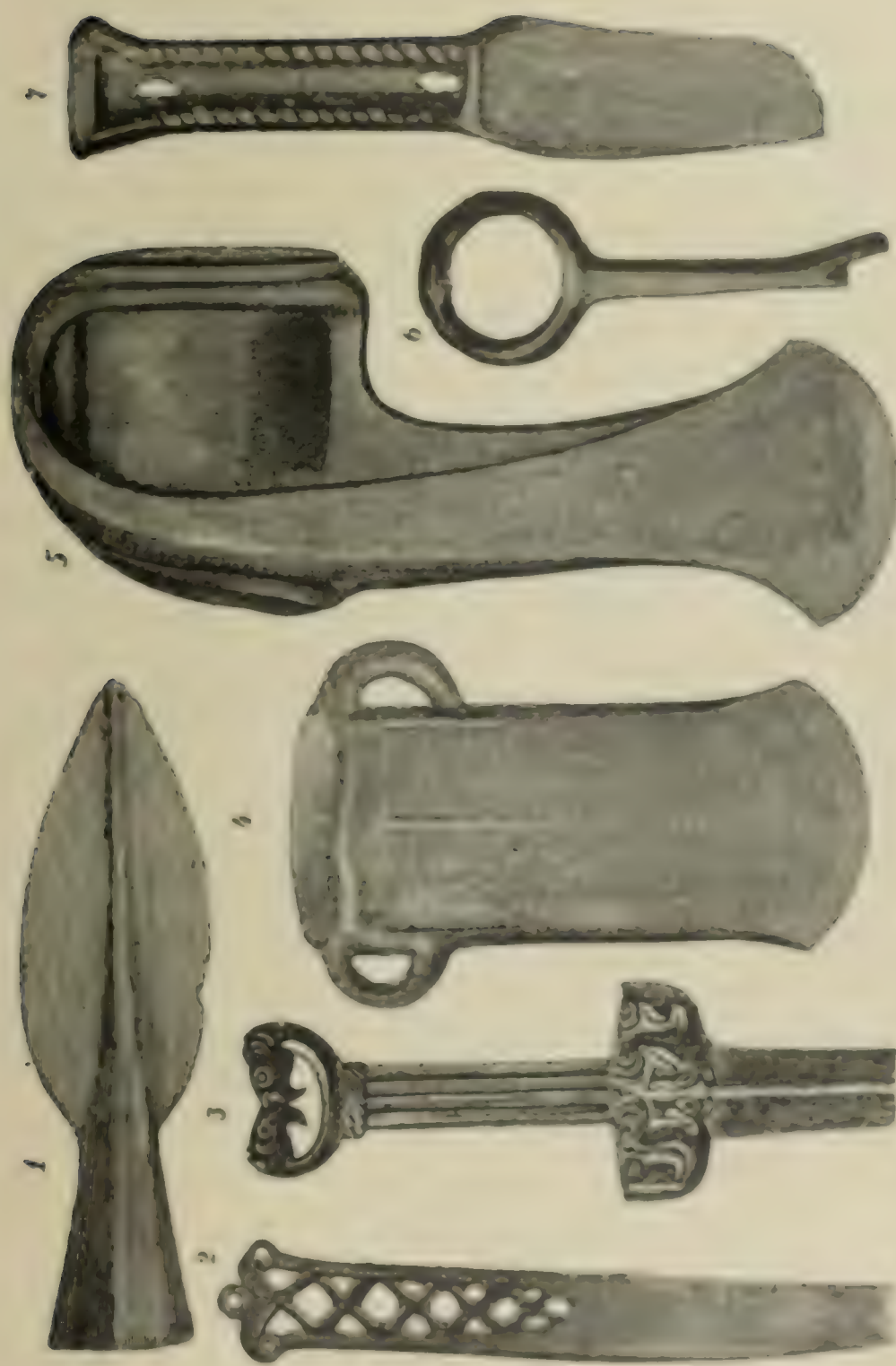
Между сотнями такихъ бронзовыхъ ножей, попадавшихся мнѣ на глаза, я отмѣтилъ всего лишь одинъ, на концѣ рукоятки котораго не было ни отверстія, ни ушка, изъ чего мы вправѣ заключить, что эти ножи носились на поясѣ, къ которому привѣшивались посредствомъ ремней или шнурковъ. Кинжалы, весьма различные по величинѣ, имѣютъ отъ 3—6 верш. длины. На концѣ ихъ рукоятокъ только изрѣдка встрѣчаются кольца, изъ чего мы выводимъ, что и эти кинжалы носились у пояса. Въ общемъ они выдѣланы тоньше и чище, нежели ножи. Сверху—рукоятки оканчиваются кнопкой, а между рукояткою и лезвіемъ, съ двухъ сторонъ выдаются острія, благодаря которымъ рука могла устоять на мѣстѣ, при нанесеніи удара. Рукоять либо совершенно гладкая, либо снабжена продолговатыми полосами. Лезвіе съ обѣихъ сторонъ постепенно сливается въ остріе, и снабжено обыкновенно бороздами для стока крови. Украшенія находятся либо у кнопки, или же между рукояткою и лезвіемъ. У одного, очень изящно выработаннаго кинжала, мною самимъ найденнаго, на концѣ рукоятки были двѣ загнутыя назадъ змѣиныя головы, а между рукояткою и лезвіемъ—два чрезвычайно тонко выдѣланныхъ животныхъ. Нѣкоторые ножи совершенно своеобразной формы, рукоять и лезвіе образуютъ тупой уголъ; эти ножи, вѣроятно, служили орудіемъ для рѣзбы по дереву. Для просверленія дерева употреблялись рѣзцы.

Въ то время, какъ ножи и кинжалы попадаютъ во всѣхъ могилахъ, мѣдные наконечники стрѣлъ въ общемъ гораздо рѣже, а наконечники копій совсѣмъ рѣдки. Наконечники стрѣлъ большею частью снабжены отверстіями, при помощи которыхъ они насаживались на древко.

Чаще встрѣчаются костяные наконечники. Мнѣ попадались наконечники копій двухъ родовъ: сердцевидный, вершковъ въ 8 длиною, и другой—той же длины, но въ видѣ ланцета. Первый былъ алтайскаго происхожденія, второй изъ Киргизской степи. Кромѣ мѣдныхъ наконечниковъ копій употреблялись и костяные. Я лично нашелъ такой экземпляръ въ могилѣ мѣднаго періода на Абаканѣ.

Почти въ такомъ же изобиліи, какъ орудія для рѣзанія, находимъ мы мѣдные и бронзовые кельты, весьма различные по сплаву и величинѣ; они частью выдѣланы совсѣмъ грубо, частью же такъ тонко, что нельзя не предположить, что такіе кельты служили лишь предметами украшенія. Нѣкоторые изъ кельтовъ, вѣроятно, употреблялись какъ

Древности бронзового века.

1. Острие копья — 2. Ножи — 3. Фигуры — 4. Кувалда — 5. Топор — 6. Кольцо — 7. Кольцо — 8. Кольцо — 9. Кольцо — 10. Кольцо.

топоры, другіе какъ оружіе, наконецъ третьи — какъ охотничьи молотки для отбиванія руны въ золотопрошивальникахъ. Кельты эти, безъ сомнѣнія прикрѣплены были къ короткому концу кельтообразнаго древка. Что касается формы кельтовъ, то длина ихъ обыкновенно въ $1\frac{1}{2}$ раза больше ширины; иногда ширина у лезвія равна ширинѣ верхняго конца, иногда же у лезвія она меньше, зорѣвка иногда встрѣчается также кельты, которые у лезвія расширяются. По объему ступицамъ верхняго конца этихъ орудій предѣлана для ушка, а иногда и одно, помещенное на срединѣ широкой стороны, изъ чего можно заключить, что кельты пришивались къ рукояткѣ. Только на некоторыхъ, очень небольшихъ кельтахъ открывались отверстія въ широкой сторонѣ, по которымъ можно видѣть, что въ древку они прикрѣплялись гвоздями или штифтами. Отверстія для вставки рукоятки болѣею частью продолговатыя; круглая попадались лишь очень рѣдко.

Кельты Алтая и Киргизской степи по формѣ своей отличаются отъ кельтовъ долины Енисея. Эти послѣдніе болѣею частью лопатообразны. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть очень большая мѣдная сѣчка, по формѣ схожая съ нашимъ топоромъ и, вѣроятно, служившая оружіемъ, что можно заключить какъ по виду ея, такъ и по тремъ чайно тщательной отлѣлкѣ.

Изъ острыхъ орудій мнѣ удалось собрать довольно большую коллекцію шильевъ; изъ нихъ многія такъ тонки и малы, что можно предположить, что они зашивали италы при сшиваніи кожи и тканей. Большая часть этихъ шиль четырехугольна и снабжена сверху маленькой выемкой. Шиль съ ушками мнѣ не попадались ни разу. Одно, чрезвычайно твердое четырехгранное бронзовое шило снабжено было золотымъ большимъ кольцомъ, поперекъ котораго, по всей вѣроятности, вставлялось круглое древко. Это шило отличалось остротой и могло служить буравомъ. Другое, круглое очень тщательно выдѣланное шило, вставленное на табличкахъ Палласа, можетъ быть, представляло изъ себя большую иглу, служившую предметомъ украшенія для шитыхъ вещей.

Буравовъ съ кельтообразной вѣсѣлкой изъ мѣди я не нашелъ; во всякомъ случаѣ, бронзы для такой цѣли была бы слишкомъ малымъ веществомъ.

Очень часто — почти во всѣхъ мѣстностяхъ попадались острые молоты, весьма различной величины и прочности. Самые простые изъ нихъ состоятъ изъ круглаго обуха, верш. въ 2—4 дюйма, заостреннаго съ одного конца и округленнаго съ другого. Верш. въ $1\frac{1}{2}$ дюйма

затѣмъ конца въ обухѣ находится круглое отверстіе, въ которое могло вставляться древко, толщиною въ палецъ.

Въ молоткахъ большихъ размѣровъ эти отверстія замѣнены длиннымъ цилиндромъ въ $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ в. длиною, въ который вставлялось древко. У нѣкоторыхъ изъ этихъ молотковъ остріе четырехъ или шестигранное и, кромѣ того, тщательно заострено, а на оборотной сторонѣ находятся украшенія, въ видѣ изображеній животныхъ, большею частью одного или двухъ такъ-называемыхъ каменныхъ барановъ. Нѣкоторые молотки такой крѣпкой работы, что вполне могли служить рабочимъ орудіемъ или оружіемъ; другіе же такъ тонки, что употреблялись, вѣроятно, только какъ украшеніе или предметъ роскоши. При помощи маленькихъ топоровъ, производилась, можетъ быть, рисунки и помѣтки на скалахъ.

Лошадиная упряжь встрѣчается рѣдко. Мнѣ удалось найти только части двухъ удилъ; кромѣ того, на Абаканѣ найденъ кусокъ красной мѣди, который считаю за часть стремени. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находятся еще двое мѣдныхъ удилъ, найденныхъ на Алтаѣ.

Изъ орудій мною найдены на Абаканѣ еще 2 мѣдныхъ серпа, которые, очевидно, пасаживались на древко и прикрѣплялись къ нему ремнемъ. На поляхъ Алтая и Киргизской степи, на Енисеѣ и у Абакана часто находили мѣдные котлы всегда одной и той же формы. Украшенія, выведенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, ясно показываютъ, что котлы эти относятся къ бронзовому періоду. Они состоятъ большею частью изъ собственно сосуда, въ видѣ пустого полу-ядра или кубка и ножки, въ формѣ усѣченного пустого конуса, прикрѣпленнаго къ котлу по срединѣ дна. Котель и подножка постоянно вылиты изъ одного куска. Вдоль бортовъ котлы всегда снабжены двумя вертикальными ушками, болѣе или менѣе изукрашенными. Верхній бортъ сосудовъ либо ровный, либо выгнутый, или же снабженъ украшенной каймой. У нѣкоторыхъ котловъ, пониже борта, находились шнурообразныя украшенія.

Самый большой котель я нашелъ въ Шуйской волости, къ югу отъ Минусинска; онъ вѣсилъ 75 фунтовъ. Форма котла показываетъ, что народы бронзоваго періода не были знакомы съ употребленіемъ треножника, но вставляли въ огонь самые котлы. Такого рода котель, найденный въ скифской могилѣ, выставленъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Металлическіе предметы украшенія, относящіеся къ бронзовому періоду, очень разнообразны. Это, во-первыхъ, украшенія, носившіяся на

1. Из Египетских музеев. 2. Из Египетских музеев. 3. Из Египетских музеев. 4. Из Египетских музеев.

Из Египетских музеев.

тѣхъ серьги золотыя и мѣдныя съ сордолицевыми и металлическими бусинами; иголы и фибулы съ иллириными тиснениями, въ формѣ закругленныхъ головъ, четырехъугольныхъ животныхъ или птицъ; поясные пряжки съ золотыми и мѣдными украшениями, украшеніе для поясовъ и ремней, представляющія изъ себя рельефное изображеніе животныхъ: козловъ, оленей, коней. Ко внутренней части ихъ приделаны ушки, при помощи которыхъ украшенія прикрѣплялись къ ремнямъ, плащевымъ, золотымъ и мѣднымъ пуговицы, причемъ послѣднимъ, болѣею частью, придана форма полныхъ сегментовъ круга.

Весьма обыкновенный и распространенный предметъ украшенія составляютъ совершенно круглыя щиты, въ центрѣ которыхъ находится съ одной стороны ушко. Съ другой стороны они гладко отшлифованы. Меньшіе изъ этихъ предметовъ украшенія, діаметръ которыхъ доходить отъ 1 до 2 верш., я бы причислялъ къ украшениямъ одежды, болѣе же, діаметромъ отъ 3 до 5 в., къ зеркаламъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ придѣлана сбоку ручка или ушко, доказательствомъ того, что они носились на шнурахъ; на другихъ же зеркалахъ придѣлана по срединѣ одной изъ поверхностей, большая щитовая, прикрѣпленная къ щитамъ посредствомъ трехъ или четырехъ мѣдныхъ штифтовъ. У одного изъ зеркалъ, изображенныхъ на рисункахъ Палла-са, вмѣсто этой кнопки помѣщена фигура барана. На одномъ изъ найденныхъ мною зеркалъ обратная сторона была тщательно разукрашена, у другого на ней помѣщалась вышуклая кайма.

Въ одной могилѣ на берегу Юса, изъ которой, какъ уже выше замѣчено, нашлось 22 женскихъ и дѣтскихъ остоновъ, мною найдена была очень изящно сдѣланная мѣдная подставка; на нее ставился сосудъ съ закругленнымъ или заостреннымъ дномъ; можетъ быть, она служила свѣтильникомъ. Подставка была сдѣлана въ видѣ вѣнча или кортика и состояла изъ трехъ круговъ, соединенныхъ между собою тремя перекладинами. На верхней каймѣ, надъ этими перекладинами, помѣщены были изображенія трехъ дикихъ козловъ.

Кромѣ этихъ предметовъ украшенія, часто находятъ еще мѣдныя колокольчики, въ видѣ полу-шара, украшенные фигурками дикихъ коней и оленей. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ сохраняются пять подобныхъ экземпляровъ, найденныхъ на Алтаѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ около 1 верш. вышины. Трудно угадать, какою было назначеніе ихъ. Изъ числа украшеній заслуживаетъ еще особаго вниманія: 1) найденная на Алтаѣ большая плитка, шириною въ 2 в. и высотой въ 1 в. длиной, на коей изображены охотники съ двумя собаками; 2) найденная въ

мѣш статуэтка рудоконя. Оба вышеупомянутые предмета также находятся въ Эрмитажѣ.

Кромѣ этихъ металлическихъ издѣлій, во всѣхъ могилахъ встрѣчаются обломки глиняныхъ сосудовъ; всѣ они, безъ исключенія, даже въ богатыхъ могилахъ выдѣланы изъ темно-сѣрой, дурно обожженной глины и притомъ сдѣланы такъ плохо и неправильно, что мы вправе заключить, что сосуды эти выдѣлены руками, безъ помощи гончарнаго станка. Многіе изъ нихъ по формѣ напоминаютъ молочные горшки, еще до сихъ поръ употребляемые въ Сибири, а именно: отъ маленькаго, круглаго дна поднимаются выпуклыя боковыя стѣнки, кверху постепенно расширяющіеся. Сосуды, которые находилъ я у изголовья покойниковъ—остродонны и, вѣроятно, ставились на деревянные или металлические подножки. Нижняя часть этихъ глиняныхъ сосудовъ большею частью совершенно гладкая; украшенія размѣщены только вдоль верхняго борта и состоятъ большею частью изъ треугольниковъ, зубцовъ, параллельныхъ линій, дырочекъ, точекъ и другихъ рисунковъ, выведенныхъ по мягкой глинѣ, при помощи остраго орудія, и занимающихъ нѣсколько дюймовъ въ ширину.

Всѣ глиняныя издѣлія этого періода, которыя попадались мнѣ на глаза, указываютъ на то, что народы, о которыхъ идетъ рѣчь, не прилагали къ изготовленію подобныхъ глиняныхъ издѣлій такого старанія, какое замѣтно въ выдѣлкѣ издѣлій металлическихъ. Но, можетъ быть, я случайно попалъ на дурно обработанные глиняныя сосуды, ибо невозможно предположить, чтобы люди, которые въ состояніи были отливать изъ металла такія изящныя и со вкусомъ сдѣланныя вещи, не умѣли выдѣлывать ничего другого, кромѣ описанныхъ грубыхъ глиняныхъ издѣлій.

Нажется, что искусство пряденія хорошо было знакомо народамъ бронзоваго вѣка. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, удалось найти маленькій кусокъ ткани, принадлежащій несомнѣнно къ тому времени. Я нашелъ его въ глазицѣ черепа нетронутой могилы на берегахъ Юса. Ткань была довольно грубая; нельзя было различить, изъ какого вещества она была сдѣлана. Судя по общему строенію, это, очевидно, была ручная пряжа, весьма схожая со той тканью, которую киргизы и теперь изготовляютъ изъ верблюжьей шерсти, при помощи воткнутыхъ въ землю палокъ.

На нѣкоторыхъ большихъ камняхъ каменныхъ могилъ встрѣчаются рисунки, которые, несомнѣнно, высѣчены ударами остраго, твердаго орудія. Въ прежнее время такіе рисунки должны были быть гораздо много-

численныя, такъ какъ большинство изъ нихъ въ теченіи столѣтій раз-
гробались и уничтожались, благодаря некачественной поверхности кам-
ней. Они повсюду выполнены явно толстоствѣннымъ образомъ съ при-
ложеніемъ однообразной техники. Кроме того, они иногда кажутся како-
по наружному виду, такъ и по способу ихъ выполненія съ тѣми ри-
сунками, которые встрѣчаются въ большомъ количествѣ на многихъ
плиткахъ утесахъ на берегахъ Енисея и въ Абаканской степи. Безвѣстна
этого мы безусловно можемъ отнести къ бронзовому періоду и къ ри-
сунки, исполненные вышеуказаннымъ способомъ. Эти рисунки пред-
ставляютъ грубыя изображенія людей стоящихъ, лежащихъ, падающихъ,
людей съ поднятыми сверху руками (очевидно, молящихся), рыбъ,
дереьевъ, луны и солнца. Между ними находятсѣ также неопытныя
изображенія, въ которыхъ я склоненъ признать знаніе собственности.
Человѣческія фигуры всѣ почти, безъ исключенія, изображены плѣнами,
только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются всадники. Изъ жи-
вотныхъ легко узнать лошадей и животныхъ съ рогами (быковъ?).
Однажды я даже видѣлъ изображеніе человѣка верхома на рогатомъ
животномъ. Значеніе изображеній не поддается разбору, во всякомъ
случаѣ, эти изображенія—не пратная забава, такъ какъ выполненіе
ихъ, при недостаткѣ острыхъ желѣзныхъ орудій, должно было стоить
значительнаго труда.

Кромѣ этихъ, только что упомянутыхъ рисунковъ на камнѣ и на
скалахъ, мы встрѣчаемъ еще и другіе слѣды скульптурнаго искусства
въ бронзовую эпоху. Нѣкоторыя плиты скалъ (малыя), стоящія вблизи
каменныхъ могилъ, снабжены извѣстною орнаментальною, другія пред-
ставляютъ болѣе или менѣе хорошо исполненныя статуи, изображающія
человѣческія фигуры, подобно тѣмъ, которыя встрѣчаются въ большомъ
количествѣ въ южной Россіи. Русскіе называютъ такия статуи камен-
ными бабами.

Одна статуя, найденная Мессершмидтомъ на Ады-Юскѣ, являлась
соотвѣтствующею, по внѣшнему виду, каменнымъ бабамъ южно-русскихъ
стѣпей: она держитъ въ правой рукѣ надгробную урну. У каменныхъ
могилъ на Енисей и въ Абаканской степи находятсѣ, на сколько мнѣ
извѣстно, еще до сего дня слѣдующія статуи.

1) Кургузакъ-Ташъ (камень старухи), близъ того мѣста, гдѣ находится
абаканскіе тазары. Она находится у устья рѣки Асымы, въ Абаканѣ,
и стоитъ подле квадратной могилы съ конической оградой. Камень
образуетъ почти четырехгранную призму и очень грубо обтесанъ, явля-
ется только верховій его конецъ изображаетъ вслѣдующее глѣбѣ:

Лицо этой головы отлично выполнено и ясно показывает черты старой женщины, несмотря на то, что рѣзкость чертъ значительно сглажена отъ выѣтриванія камня. Эта статуя еще и нынѣ служитъ для обывателей предметомъ извѣстнаго поклоненія. Ей приносятъ жертвы, смазывая камень жиромъ. Во время посѣщенія этой мѣстности Мессершмидтомъ (въ 1722 г.) Куртуякъ-Ташу приносилось открытое поклоненіе; нынѣ этого уже нѣтъ. Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя Мессершмидтомъ, отъ 18 августа 1722 г.: „Статуя Куртуякъ высѣчена изъ сѣраго песчаника и вкопана въ землю въ косомъ направленіи (камень и до сихъ поръ стоитъ косо, т.-е. нѣсколько наклонно впередъ). Сзади, на спинѣ, можно было видѣть спускающуюся густую косу, подобно тѣмъ, какія носятъ и до сего дня калмыкскія и татарскія женщины“ (теперь косы уже нельзя различить). „Кромѣ этого, на камнѣ нельзя было замѣтить никакой надписи. Мы наблюдали за тѣмъ, какъ татары, язычники изъ Исѣ-Белтыра, клали многочисленные поклоны передъ этимъ камнемъ, причемъ каждый объѣзжалъ камень три раза. Послѣ такой церемоніи татары приносили въ жертву камню часть своей провизіи, или клали ее у пьедестала, въ травѣ, чтобы статуя могла воспользоваться провизіей по своему желанію. На мой вопросъ, какъ они могли быть настолько глупы, чтобы предполагать, что этотъ безжизненный камень достоинъ такого почитанія, и что неужели они не видятъ, что хищныя птицы, лисицы и т. д. пожирали потомъ ихъ жертвы,—они отвѣчали, что слышали отъ предковъ, что Куртуякъ была нѣкогда знатной матроной, которая обращена въ камень Кайраханомъ или всемогущимъ Богомъ, въ воспоминаніе чего ей и воздаютъ еще подобныя почести. При этомъ, они, однако, не отрицали, что иногда хищныя птицы и пожирали ихъ жертвоприношенія. Изъ всего вышесказаннаго я еще не сумѣлъ разобрать, не дошло-ли до этого народа отъ іудеевъ преданіе объ обращеніи Лотовой жены въ соляной столбъ, или, можетъ быть, какъ полагаютъ многіе изъ нашихъ европейскихъ ученыхъ, эти народы въ большой Татаріи суть остатокъ выродившейся отрасли Израиля, хотя и нельзя сдѣлать еще какого-либо правдоподобнаго предположенія въ этомъ направленіи“.

2) Кысь-ташъ (дѣвичій камень)—каменная плита, около 1^{1/2} арш. вышиною, овальной формы, на гладкой сторонѣ которой довольно грубо высѣчено рельефное изображеніе лица дѣвушки. Это изображеніе находится въ настоящее время на могилѣ на Еси. Что изображенное здѣсь лицо должно представлять дѣвушку, татары заключаютъ изъ того, что съ обѣихъ сторонъ лица висятъ косы, на подобіе того, какъ

то сихъ поръ затесывають ямсы дѣвцы у Абхазскихъ татаръ. Этотъ дѣвичій камень, какъ мыъ рассказывалъ старикъ, прежде стоялъ въ другомъ мѣстѣ и поставленъ здѣсь лишь въ 50 тому лѣтъ.

3) Недалеко отъ Кушъ-таша стояли три каменные плиты, на ушкахъ переднихъ сторонахъ которыхъ были изображены лица, на одной же изъ гладкихъ сторонъ были рисунки. Въ прежнее время эти три камня стояли прямо и въ рядъ, отстоя одни отъ другого, приблизительно, на 1 сажень. Около 20 лѣтъ тому назадъ, произведены были мѣстоныя начальникомъ, по высшему приказанію, раскопки подлѣ этихъ камней, но подлѣ ними найдены были только семь глиняныхъ сосудовъ.

4) Въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ устьевъ Аскыса находится грубо высѣченный изъ гранита баранъ, туловище котораго сохранилось хорошо, но голова сильно испорчена. Эта каменная глыба лежитъ теперь на высокой могилѣ, но первоначально она, очевидно, стояла на мѣстѣ.

5) Барна-Кургуикъ (старикъ рѣки Барна), описанный Мессершмидтомъ 21 іюля 1722 г. такимъ образомъ: „недалеко отъ рѣки Барна мы напали на четырехугольный коричневый булыжникъ, установленный здѣсь вѣрно отъ песчаной дороги и имѣвшій въ некоторомъ сходствѣ съ изображеніемъ человека; благодаря его древности нельзя было, однако, уже распознать, кого именно онъ долженъ былъ изображать“ (камень находится не очень далеко отъ такъ называемаго Богдін озеро).

6) Косанъ-Кушъ-Ташъ (камень Косанъ-Кушъ). Мессершмидтъ переводитъ Хансенъ дѣвичій камень (я думаю, что Косанъ-Кушъ остъ имгероя). Въ горахъ Кара и Акъ-Юссонъ. Описанъ Мессершмидтомъ 20 іюля 1722 г.: „Косанъ-Кушъ-Ташъ находится сама отъ дороги, въ приятной, совершенно поросшей березами долині. Этотъ камень имѣлъ, приблизительно, до 5 $\frac{1}{4}$ футовъ въ вышину. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и представляетъ, по моему мнѣнію, вѣтвица (?); лицо его обращено къ югу, правая рука держитъ урну, въ видѣ чайнаго блюдечка, лѣвая же рука ухватилась полъ платья. Онъ опирается на бедра и съ обѣихъ сторонъ на поясъ у него висѣло по мѣшечку; Голова была покрыта какъ бы шапкой, изъ подъ которой выдѣлался топанъ уши. Шапка эта, какъ кажется, была случайно отбита и поставлена снова, но не закрыта желѣзнымъ болтомъ; послѣднимъ, однако, не слѣдовало бы пренебречь такъ какъ онъ здѣсь поставленъ былъ не безъ намѣренія и причины. Усы были схожи съ обыкновенными усами. Перета же была довольно длинная и рѣдка, такъ что можно было ясно видѣть, что эта статуя была не женская, а мужская. Мимо проходящіе татары весьма почитаютъ эту статую и никогда не претянутъ

засвидѣтельствовать ей свое суевѣрное поклоненіе, посредствомъ жертвоприношеній изъ всякаго рода явствъ, говядины, кореньевъ и т. п. Я нашелъ въ травѣ, у подножія, или пьедестала, очень много сараны или *radices Silii reflexi*; а также замѣтилъ, что ротъ статуи былъ совершенно намазанъ жиромъ и масломъ и блестѣлъ на солнцѣ, какъ будто бы онъ былъ налакированъ“.

7) Монументъ на Бюрѣ. Описанъ Мессершмидтомъ 4 августа 1722 г.: „Я узналъ, что на потокѣ Бюръ, недалеко отъ Юсь-Сагайской юрты, долженъ находится прекраснѣйшій монументъ съ неизвѣстными письменами. Вслѣдствіе сего, я тотчасъ же приготовился ѣхать туда, чтобы во-очію убѣдиться въ этомъ. Камень стоялъ на обширной плоскости, не болѣе чѣмъ на пару мушкетныхъ выстрѣловъ отъ мѣста, гдѣ я въ прошломъ году остановился въ Юсь-Сагаѣ, хотя здѣсь никто мнѣ не сообщилъ о немъ. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и поднимается вверхъ на подобіе венгерской сабли. Высота его надъ уровнемъ грунта—125 дюймовъ, ширина—31 дюймъ (Zoll, собственно, рейнская фортификаціонная мѣра). Камень представлялъ на заостренной оконечности большую татарскую голову (или лицо), направленную къ югу. На западной поверхности вырѣзаны всякія безформенныя фигуры, но вовсе нѣтъ буквъ; сѣверный острый уголъ закругленъ и совершенно сглаженъ, также и восточный“.

Въ Алтайскомъ округѣ мнѣ извѣстны только два фигурные столба, которые находились до семидесятыхъ годовъ въ Барнаульскомъ музеѣ. Оба были высѣчены изъ гранита, около $1\frac{1}{2}$ арш. высоты и 8 верш. ширины. На передней сторонѣ были вырѣзаны 2 фигуры, которыя держали надгробныя урны. Лицо одной имѣло большіе усы и отчетливо видимую бородку, другая была безбородая и посему, вѣроятно, представляла женщину.

Въ Киргизской степи я видѣлъ три каменные статуи, которыя находились у большого могильнаго памятника, къ югу отъ города Аягузъ (Сергіополь), на возвышенности, на правомъ берегу рѣки Аягуза. Киргизское сказаніе сопоставляетъ эти статуи съ рассказомъ о Козы-Кёрпёшѣ, и считаетъ мужскую фигуру изображеніемъ самого Коза-Кёрпёша, женскую же фигуру—за его возлюбленную, Баянсулу, и другую женскую фигуру—за свояченицу его. Очевидно однако, что эти три каменные фигуры не имѣютъ ничего общаго съ памятникомъ Козы-Кёрпёша, который, безъ сомнѣнія, представляетъ большой киргизскій памятникъ, можетъ быть, XVII или XVIII столѣтія; тогда какъ фигуры навѣрно старѣе его болѣе, нежели на тысячелѣтіе. Фигуры, несомнѣнно,

поставлены на этомъ именно мѣстѣ подиѣ: нижняя эти часть отломана, и мы въ настоящее время видимъ ихъ прислоненными къ боковой стѣнкѣ могилы, сирѣчь отъ входа. Мужская фигура имѣетъ 2 арш. 7 верш. длины и 10 верш. ширины, одна женская: 1 арш. 5 верш. длины и 10 верш. ширины, другая — 1 арш. 6 верш. длины и 11 верш. ширины.

Всѣ три фигуры держатъ въ обѣихъ рукахъ, даже груди, продолговатыя могильныя урны. На плечахъ ясно видна круглая вырѣзка для шеи. На женскихъ фигурахъ надѣты острые шапочки съ висюльками по бокамъ кисточками и, кромѣ того, по обѣ стороны лица висятъ косы. На мужской фигурѣ надѣта круглая шапка, опускающаяся до середины лба и два раза загнутая надъ лбомъ. Такъ какъ эти статуи сдѣланы довольно хорошо, то можно легко распознать типическую особенность формы лица: это — широкія лица съ удлиненными, но не ково направленными глазами.

О каменныхъ памятникахъ монгольскихъ стѣн Потанинъ сообщаетъ, что они состоятъ частью изъ необтесанныхъ, частью же изъ обтесанныхъ глыбъ скалъ и представляютъ подобіе человѣческихъ фигуръ. Монголы называютъ всѣ эти каменные глыбы *киша-тишило*². Потанинъ встрѣтилъ, напр., необтесанный *киша-тишило* на Буянту, недалеко отъ города Кобдо, гдѣ они стоятъ подлѣ четырехугольных гробницъ.

Такія *киша-тишило* встрѣчаются весьма часто въ западной части монгольской стѣны. Они расположены частью неправильными группами, частью же правильными рядами. (Можетъ быть, эти *киша-тишило* — сѣтъ четырехугольными каменныя гробницы?) Обтесанный *киша-тишило* состоитъ болѣею частью изъ четырехугольных каменныхъ столбовъ и плитъ, на которыхъ можно различить очень ясные черты (округи и черты).

Изъ несомнѣнно стоячихъ изображеній Потанинъ указываетъ на слѣдующія: 1) гладкіе камни съ лицами, рельефомъ изображенными на одной сторонѣ (подобно Кушъ-Ташу на Шен), въ долинахъ Клань и Канзагатай; 2) грубая фигура, высотой въ 1 метръ, изъ глыбы гранита, на Дайнъ-Гудѣ; голову можно ясно различить. Тогда какъ оба перемы лица вовсе не имѣютъ бороды, и поэтому, очевидно, изображаютъ женщинъ, на послѣдней ясно видны слѣды усовъ и бороды; 3) очень грубо сдѣланныя фигуры на горѣ Кара-Узъ, между рѣками Буянты и Кобдо, — двѣ стояція, третья — жавшая, послѣдняя фигура имѣла свыше 5 арш. длины. Фигуры гладко обтесаны; руки держатъ моты-

ныя урны. Видны слѣды пояса; очень неправильно выдѣланная голова съ особенно длиннымъ подбородкомъ и носомъ. На головѣ — слѣды шапки. У лежащей фигуры шапка, длиною въ $1\frac{1}{2}$ арш.; 4) въ разстояніи одной версты къ югу отъ Кобдо есть четырехугольный столбъ съ хорошо сдѣланной головой; на груди могильная урна; рукъ не видно; лобъ низкій и носъ длинный; слѣды усовъ и бороды. Высота—7 футовъ и 10 англійскихъ дюймовъ, ширина—1 футъ 11 дюймовъ.

Кромѣ этихъ фигуръ, которыя совершенно сходны съ каменными изображеніями на Алтаѣ и въ южной Сибири, Потанинъ упоминаетъ еще о большомъ каменномъ изображеніи на Дайнѣ-Гулѣ. Оно называется киргизами Дайнѣ-Батырь, и урангайцами—Олдзе-Дайнѣ. Высота его—150 сантим., ширина—38 сантим. Оно представляетъ обтесанный съ четырехъ сторонъ камень и большую голову, высотой въ 56 сантим. Форма лба и косое направленіе глазъ ясно указываютъ на монгольскій типъ. На лицѣ, кромѣ того, замѣтны только усы. Такой ясно выраженный монгольскій типъ, слѣдовъ котораго вовсе нѣтъ на другихъ фигурахъ, даетъ поводъ предполагать, что эта каменная фигура принадлежитъ другому, гораздо болѣе позднему времени, нежели вышеписанныя каменные фигуры. Потанинъ хвалитъ, кромѣ того, аккуратную ея работу и говоритъ, что эта статуя хорошо сохранилась. Повидимому, она еще въ настоящее время пользуется особымъ почитаніемъ обывателей, такъ какъ надъ нею выстроено нѣчто въ родѣ деревяннаго балахана, и внутри его натянутъ шнуръ, обвѣшанный кусками шелка.

Вышеописанныя многочисленныя древности бронзоваго періода даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о степени культуры этого народа. О знакомствѣ его съ горнымъ дѣломъ, отливкой металловъ и прочими искусствами, я уже говорилъ. Затѣмъ я коснусь еще остальной жизни и промысловъ этого народа.

Первый вопросъ, который невольно намъ представляется, это: принадлежатъ-ли упомянутыя древности кочующему народу, или мы здѣсь имѣемъ дѣло съ народомъ осѣдлымъ? Я полагаю, что народъ бронзоваго вѣка мы должны признать осѣдлымъ народомъ. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, столь повсемѣстно развитое занятіе горнымъ промысломъ и отливкою металловъ; а затѣмъ и тотъ фактъ, что между древностями, лишь крайне рѣдко попадаетъ конская сбруя, и что рисунки на скалахъ почти безъ исключенія представляютъ пѣшихъ людей. Далѣе, въ пользу осѣдлости этого народа говорятъ многочисленные слѣды древнихъ оросительныхъ сооружений, которые мы встрѣаемъ въ столь многихъ мѣстахъ, какъ напр., на лѣвомъ берегу Аба-

Fig. 1. Mirror of bronze, with central knob, and a beaded border. Fig. 2. Mirror of bronze, with central knob, and a plain border. Fig. 3. Mirror of bronze, with central knob, and a decorative border. Fig. 4. Mirror of bronze, with central knob, and a decorative border. Fig. 5. Mirror of bronze, with central knob, and a decorative border.

See page 100-101

кана, на правомъ берегу Енисея, въ Уйгурской степи, и, наконецъ, тотъ фактъ, что каменные могилы заходятся болѣею частью обителемъ плодородныхъ, годныхъ для земледѣлія, равнинъ. Эти послѣднія обстоятельства, а равно и почти повсемѣстные находки мѣдныхъ серповъ указываютъ на то, что древніе обитатели этихъ мѣстъ мною назывались земледѣльцами.

Весьма распространено должно было быть у народовъ бронзовою періода заніе охотой. Это доказываютъ не только охотничьи сцены, которыя часто встрѣчаются изображенными на рисункахъ, вырѣзанныхъ на скалахъ, но и наклонность этихъ народовъ украшать свое поше и т. п. преимущественно изображеніями зайцевъ, убитыхъ на охотѣ. Наконецъ, на то же самое указываетъ многочисленный стрѣлы и копья, какъ литыя, такъ и вырѣзанныя изъ кости. Снабженные этими орудіями, упомянутые народы убивали, какъ намъ доказываютъ ихъ орнаменты, медвѣдей, оленей, дикихъ козловъ и аргалей, которые въ болѣе шомъ числѣ обрѣтались въ сосѣднихъ горахъ. Что эти народы употребляли при охотѣ и собакъ, видно изъ изображенія охотника съ двумя собаками, найденнаго на Алтаѣ, и изъ многихъ украшеній на кивжалахъ.

Наименѣе ясную картину можемъ мы себѣ составить о томъ, въ какомъ размѣрѣ существовало скотоводство у этихъ народовъ, и какихъ домашнихъ животныхъ они при себѣ имѣли и разводили.

Лошадь была имъ очевидно знакома. Это доказываютъ орнаменты и рисунки на скалахъ и, кромѣ того, найденныя мѣдныя удила. Они пользовались этими лошадьми для ѣзды верхомъ и были знакомы съ уздечкой и стремянами, что видно изъ рисунковъ на скалахъ и изъ найденной мѣдной конской сбруи. Баранъ и козель были имъ, боже сомиѣнія, знакомы, что доказываютъ вырѣзанный изъ камня баранъ и многіе орнаменты. Достоверно неизвѣстно, были-ли они знакомы съ быками, потому что я нигдѣ не встрѣчалъ, ни на рисункахъ на камнѣ, ни на орнаментахъ изображенія животного, которое несомнѣнно представляло бы быка, а между тѣмъ голова быка была такъ характерна, что его легко узнать даже въ самомъ грубомъ начертаніи. Если на одномъ рисункѣ, на камнѣ—на Тувѣ, и вырѣзаны всадники, сидящіе на рогатомъ животномъ, то я, однако, предполагаю, что эти изображенія всадники на сѣверномъ оленѣ, можетъ быть, представляющаго какою-нибудь сосѣднато племени обитателей Тувѣ. Кромѣ этихъ зайцевъ, названные народы знали еще собаку и курицу, что доказываютъ мѣдныя

гла, головка которой представляет курицу, изображенную со всеми типическими признаками.

Еще меньше указаний дают нам древности бронзового периода относительно одежды и жилища этих народов. Рисунки на камнѣ нигдѣ не обнаруживаютъ ясныхъ признаковъ платья на изображенныхъ здѣсь людяхъ. Точно также и охотникъ, изображенный на вышеупомянутой мѣдной пластинкѣ, а равно весьма изящно сдѣланная статуэтка рудокопа кажутся почти совершенно голыми. На статуэткѣ рудокопа ясно замѣтенъ кожаный передникъ, которымъ покрыты бедра этого работника. Такъ какъ климатическія условія края не даютъ возможности предположить, чтобы люди ходили неодѣтыми, то мы должны допустить, что ихъ платья очень тѣсно прилегали къ тѣлу, и что они не носили длинныхъ одѣяній. Знакомство съ ткаными матеріями и употребленіе ихъ для одежды доказывается найденными въ одной изъ могилъ на Юсѣ слѣдами ткани. Каменные статуи указываютъ на то, что эти люди стягивали части своего одѣянія вокругъ талии поясомъ. Что такіе пояса часто были кожаные, доказываютъ намъ поясныя пряжки и предметы, служившіе очевидно украшеніями поясовъ съ острыми и петлями. На головахъ, мужчины носили, какъ показываютъ изображеніе охотника и статуэтка рудокопа, то острые шапочки, то, судя по нѣкоторымъ каменнымъ изображеніямъ Козанъ-Кушъ-Таша на Юсѣ и каменному изображенію мужчины у могильнаго памятника Козы-Керпеша на Аягузѣ, — ермолки, плотно охватывавшія голову. Женщины точно также носили, судя по каменнымъ изображеніямъ на Аягузѣ, острые шапки съ висячими по бокамъ клапанами. На шапкѣ рудокопа виденъ спускающійся на затылокъ кусокъ кожи. Такимъ образомъ острая шапка могла быть по формѣ похожа на киргизскій малахай. Рудокопъ носитъ, повидимому, кожаную сумку, которая виситъ черезъ плечо на ремнѣ; она могла, можетъ быть, служить для собиранія кусковъ руды, хотя для такого назначенія она не довольно объемиста. Каменные фигуры показываютъ, что мужчины отростали короткую бороду и довольно густые усы, а женщины носили волосы, заплетенные въ косы, висящія по обѣ стороны лица, на шеѣ и на груди. О жилищѣ этихъ народовъ, уцѣлѣвшіе памятники древности не даютъ намъ никакихъ данныхъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ рисунковъ, изображающихъ ихъ дома; во всякомъ случаѣ они не имѣли никакихъ постоянныхъ каменныхъ построекъ, такъ какъ отъ таковыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Я прежде держался того мнѣнія, что народы бронзового периода,

обитавшие на Алтае и вокруг него, принадлежали къ угро-самойдской отрасли, такъ какъ эти народы нынѣ занимаютъ всю сѣверъ-западную Сибирь и слѣдовательно, они должны были прежде другихъ покинуть Алтай. Теперь же, послѣ основательнаго изученія сообщеній китайцевъ о народахъ южной Сибири, я вынужденъ признать этотъ прежній свой взглядъ ошибочнымъ. Китайцы указываютъ, какъ я уже выше изложилъ, на рядъ сибирскихъ народовъ, которые въ началѣ VII столѣтія отправляли посольства къ китайскому двору; между ними были очевидно обитатели окрестностей Алтая и степей, расположенныхъ къ сѣверу отъ него по *Дубю* и *Билу* или *Гелочи*. Первые, какъ я уже выше указалъ, суть болѣе сомнѣнія свободныя племена и предки тубинцевъ, койбаловъ, маторовъ и татаръ Чернойкии. Если такой многочисленный народъ, какъ Дубо, еще въ VII столѣтіи находился на столь низкой ступени развитія, то невозможно допустить, чтобы часть народа, жившая въ степи нѣсколько столѣтій ранее, достигла той высокой степени развитія, какой достигли народы бронзового періода. Что обитатели Алтая занимались обработкой металловъ еще въ половинѣ VI вѣка, доказываетъ рассказъ китайцевъ объ отцѣ, данномъ Шуань-шуанскимъ владѣльцемъ Тамину, князю Тукіу. Последний считалъ въ числѣ своихъ подданныхъ народъ старѣйшаго бронзового періода, обитавшій къ сѣверу на Алтаѣ и занимавшійся горнымъ промысломъ. Когда Таминъ просилъ руки дочери владѣтеля Шуань-Шуана, то послѣдній будто бы гнѣвно отвѣтилъ посланнику: «какъ ты, мой литейщикъ металла, осмѣливаешься дѣлать мнѣ такое предложеніе». Что Тукіу сами не занимались плавленіемъ металловъ, можетъ быть положительно выведено изъ того, что они описаны, какъ кочующій народъ, занимающійся скотоводствомъ.

Въ противоположность этому, Била или Гелочи еще въ VII вѣкѣ находились на весьма низкой ступени развитія. Они обитали въ бревенчатыхъ домахъ и занимались земледѣліемъ; слѣдовательно, они не были кочующимъ народомъ. Показаніе, что Гелочи стригли волосы и носили шапки изъ березовой коры, повидимому, находитъ подтвержденіе въ головныхъ покрывахъ каменныхъ изображеній бронзового вѣка. Точно также указаніе, что они держали лошадей, но изъ нихъ верховъ не вѣдали, говоритъ въ пользу того, что Била именно и была тѣмъ народомъ, который оставилъ послѣ себя памятники бронзового періода.

Кромѣ того, китайцы называютъ Била народомъ, схожимъ съ Хавасами, изъ чего можно заключить, что первые также имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. При этомъ, они должны были говорить другимъ язы-

комъ, нежели Хакасы, следовательно, не на тюркскомъ языкѣ, на которомъ Хакасы, безъ сомнѣнія, выражались уже въ VII столѣтіи. Если бы Била говорили на какомъ-либо самоѣдскомъ нарѣчіи, то китайцы, безъ сомнѣнія, упомянули бы объ этомъ и сказали бы о нихъ совмѣстно съ Дубо. Такъ какъ мы находимъ на Енисеѣ и къ сѣверу отъ Алтая слѣды довольно значительнаго въ древности народа, енисейцевъ (Ассанцевъ, Аринцевъ, Сагайцевъ, Коттовъ), которые еще послѣ многихъ столѣтій отчасти вели осѣдную жизнь и занимались до самаго XVII вѣка обработкой металловъ, влѣдствіе чего и получили названіе кузнецовъ (татаръ-кузнецовъ) и далѣе, такъ какъ всѣ тѣ народы, которые въ настоящее время сократились до нѣсколькихъ лишь сотъ семействъ, говорятъ на своемъ собственномъ языкѣ, не принадлежащемъ къ урало-алтайскому нарѣчію, то мы должны предположить, что въ самое раннее время, вокругъ Алтая, въ западной Монголіи, въ Тарбагатаѣ, въ восточной Киргизской степи и въ южной Сибири жили народы енисейскаго племени, которые по типу лица вполне отличались отъ сосѣднихъ народовъ урало-алтайской вѣтви. Западная часть этихъ енисейцевъ, племена хакасовъ, подчинились сначала тюркскому вліянію, остались кочующими и восприняли очень рано тюркскій языкъ. Напротивъ того, западные енисейцы поселились въ богатыхъ рѣчныхъ долинахъ и въ степяхъ и достигли здѣсь значительной степени культуры, какъ показываютъ памятники бронзоваго періода. Притѣсненные южными сосѣдями, впервые тронулись, конечно задолго до Рождества Христова, племена угро-самоѣдовъ и направились частью южнѣе Алтая на западъ, частью же были оттѣснены въ лѣса Саянскихъ горъ и двинулись къ востоку отъ Алтая на сѣверъ. Часть ихъ, Дубо, осталась въ лѣсистыхъ горахъ. Достигли ли эти угро-самоѣды ранѣе прочихъ высшей степени культуры, никакимъ образомъ узнать нельзя; въ VI столѣтіи они жили совершенно такимъ же образомъ, какъ нынѣшніе самоѣды-сѣверно-оленники. Часть енисейцевъ, вѣроятно, была уничтожена вторженіемъ угро-самоѣдовъ, потому что они были однимъ изъ древнѣйшихъ вполне миролюбивыхъ, занимающихся промышленностью народовъ. Когда именно первыя отрасли тюрковъ, Тукию, привели западныхъ енисейцевъ подъ свое подданство, опредѣлить исторически невозможно; но это должно было случиться очень рано и, вѣроятно, какъ мы это позднѣе увидимъ, въ ту эпоху, когда народы бронзоваго періода начали обрабатывать и желѣзо. Къ началу VI столѣтія они были очевидно уже давно подданными Тукию. Въ позднѣйшее время, енисейцы, конечно, никогда уже не могли подняться до степени самостоятельнаго народа, но все болѣе

и болѣе сближались со своими тюркскими представителями, нога, конечно, уцѣлѣли только немногочисленными ихъ отрасли на Кузнецкомъ Алтаѣ, на верховьяхъ Томи, Абакана и по среднему Енисею. Древній языкъ сохранили только Котты, Арины, Ассаны и енисейскіе Остасы, тогда какъ Сагайцы, Белтиры и кузнецкіе кузнецы-татары, уже въ XVI столѣтіи говорили только по тюрески. Властьтѣе частаго смѣшенія, у всѣхъ племенъ енисейскаго происхожденія отличительныя черты расы (блѣднѣе волосы и голубые глаза) были въ XVI столѣтіи уже утеряны.

Когда именно енисейцы бронзового періода познакомились съ желѣзомъ и познакомились-ли они съ нимъ сначала посредствомъ торговли, или научились добывать его съ помощью Тукіу, помѣстившихъ въ сношеніе съ Китаемъ, — конечно, не можетъ быть опредѣлено, но можно утверждать, что именно они имѣли уже желѣзное оружіе. Правда, я нигдѣ не встрѣчалъ въ могилахъ бронзового періода даже слѣдовъ жетѣи, но въ стенахъ Абакана, на Енисей и на Алтаѣ были найдены кинжалы и ножи, выкованные изъ желѣза, но до мельчайшихъ подробностей схожіе по формѣ съ ножами мѣднаго и бронзового періода. Желѣзные ножи этого рода подражаютъ почти всѣмъ формамъ мѣдныхъ; часто они представляютъ просто желѣзные полосы, длиною не болѣе 3 или 4 вершковъ, одинъ конецъ которыхъ заостренъ, а другой закругленъ и снабженъ дыркой, или же это маленькіе, острые ножи, сдѣланные точно также изъ одного куска желѣза, до половины отшлифованнаго и на концѣ рукоятки снабженнаго наконечникомъ, напоминающимъ пестлю. Въ-третьихъ, есть ножи, сработанные очень изящно; рукоятка, длиною около 2 вершковъ, узка, края закруглены; на концѣ рукоятки находится кольцо. Лезвіе шире и заканчивается острымъ кончикомъ, тогда какъ спинка ножа приближается моркамъ изгибомъ къ острию. У одного, найденнаго мною желѣзнаго ножа этого періода, рукоятка и клинокъ образуютъ тупой уголъ, точно также, какъ у вышесоображеннаго бронзоваго ножа, который, очевидно, употреблялся, какъ рабочее орудіе.

У желѣзныхъ кинжаловъ этого рода мы находимъ также почти всѣ формы кинжаловъ мѣднаго періода: у нихъ у всѣхъ клинокъ и рукоятка выкованы изъ одного куска. Даже украшенія повторяются украшеніямъ бронзовыхъ кинжаловъ, съ тою разницею, что они уже не представляютъ фигуръ животныхъ, но состоятъ изъ простыхъ извилистыхъ линий. Причина этого легко понятна: работники хана и уѣзды вырѣзывать въ литейной формѣ тонкіе рисунки орнаментовъ и шлофовали исправлять эти орнаменты посредствомъ шлифовки, но же уѣзды

скачивать подобные рисунки и догадывались подражаніемъ формамъ орнаментовъ въ общемъ видѣ. Это самымъ нагляднымъ образомъ видно при сравненіи бронзоваго кинжала, на концѣ котораго двѣ звѣринныя головы образуютъ кольцо рукоятки, съ желѣзнымъ кинжаломъ, имѣющимъ подобную же рукоятку. Я нашелъ только одинъ кинжалъ этого періода, который имѣлъ до того тонкую желѣзную рукоятку, что съ подобномъ видѣ онъ не могъ быть годенъ къ употребленію и долженъ былъ непременно быть еще снабженъ на рукояткѣ деревяннымъ черенкомъ или обернутъ кожей или ремнемъ.

Перейдемъ теперь къ гробницамъ и древностямъ второго культурнаго періода южной Сибири, который, въ противоположность бронзовому и мѣдному періодамъ, мы назовемъ желѣзнымъ періодомъ. Къ этому періоду слѣдуетъ причислить всѣ остальные могилы, выше нами описанныя, за исключеніемъ каменныхъ могилъ, а именно всѣ кучкообразныя или холмообразныя могилы на югѣ и большую часть земляныхъ могилъ на сѣверѣ. Такъ какъ земляные холмы по наружному виду всѣ похожи одинъ на другого, то по общему ихъ виду мы отнюдь не можемъ опредѣлять періодъ ихъ сооруженія. На югѣ однако мы встрѣчаемъ несомнѣнно два рѣзко отличающіеся вида каменныхъ холмообразныхъ могилъ: 1) большія насыпныя каменные могилы юго-западнаго Алтая (Уймонская степь и Бухтарма) и Тарбагатая и 2) маленькія насыпныя каменные могилы на среднемъ хребтѣ и по окраинамъ Абаканской степи, которыя татарскими обывателями Абаканской степи называются киргизскими могилами.

Древнѣйшій желѣзный періодъ на южномъ Алтаѣ.

Какъ я уже объяснялъ выше, могилы этого періода отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тотъ могильный холмъ, который имѣетъ болѣе или менѣе значительные размѣры, насыпанъ изъ маленькихъ, очевидно, намѣренно разбитыхъ кусковъ скаль. Вѣтру возможно было здѣсь наполнить землею и пылью промежутки въ наружномъ каменномъ покровѣ лишь до половины высоты холма, такъ что только эта часть, засыпанная землею могла обрости травою; поэтому болѣе высокіе могильные холмы этого періода получаютъ своеобразный, характеристическій наружный видъ. Верхняя же часть могильнаго холма состоитъ изъ голыхъ камней и возвышается какъ скалистая вершина горы надъ нижней частью, образующей окружность, обросшую зеленью. Эти большія насыпныя каменные могилы указываютъ въ общемъ лишь изъ-

рѣка на слѣды прежнихъ раскопокъ, такъ такъ тамъ раскопки, какъ мы увидимъ далѣе, сопряжены были съ истиннымъ изнурительнымъ и большимъ же количествомъ золота, находящее въ этихъ могилахъ, не послуживало, конечно, труда заниматься раскопкою.

И предпринять изслѣдованіе могилъ этого періода изъ двухъ мѣстъ: 1) въ Уймонецкой степи и 2) на Бухтармѣ, недалеко отъ устья рѣки Березы. Недалеко отъ деревни Катанды, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки верхней Катанды, находится четыре весьма замѣательныхъ могильника. Первый могильникъ, на лѣвомъ берегу нижней Катанды, заключаетъ 30 — 40 могилъ, холмы которыхъ состоятъ изъ наваленныхъ большихъ камней. Могильные холмы всѣ повелѣны и имѣютъ отъ 1 до 5 саж. въ діаметрѣ. Сбоку отъ этого могильника расположенъ рядъ каменныхъ круговъ; каждый изъ нихъ состоитъ изъ большихъ неотесанныхъ глыбъ булыжника, до половины вбитыхъ въ землю. Вторымъ могильникъ расположенъ въ разстояніи около 2 верстъ отъ деревни въ большой равнинѣ между верхней и нижней Катандой. Этотъ могильникъ состоятъ изъ большого кургана, высоту въ 1 саж. и діаметромъ въ 14 саж., насыпь котораго была сражена и состояла изъ большихъ булыжниковъ. Вокругъ этихъ зеленыхъ могильныхъ холмовъ расположены были около 20 меньшихъ могилъ съ могильными холмами, наваленными изъ камней. Рядомъ со вторымъ могильникомъ замѣтны были ясныя слѣды большихъ каналовъ, при помощи которыхъ прежніе обитатели, очевидно, искусственно орошали свои поля, расположенныя въ отдаленной части долины. Третій могильникъ размѣщенъ былъ на правомъ берегу верхней Катанды и всѣмъ схожъ съ первымъ; наконецъ, четвертый могильникъ расположенъ былъ на берегу самой Катанды, къ западу отъ устья Катанды, и состоялъ изъ небольшого числа незначительныхъ могилъ съ каменными холмами.

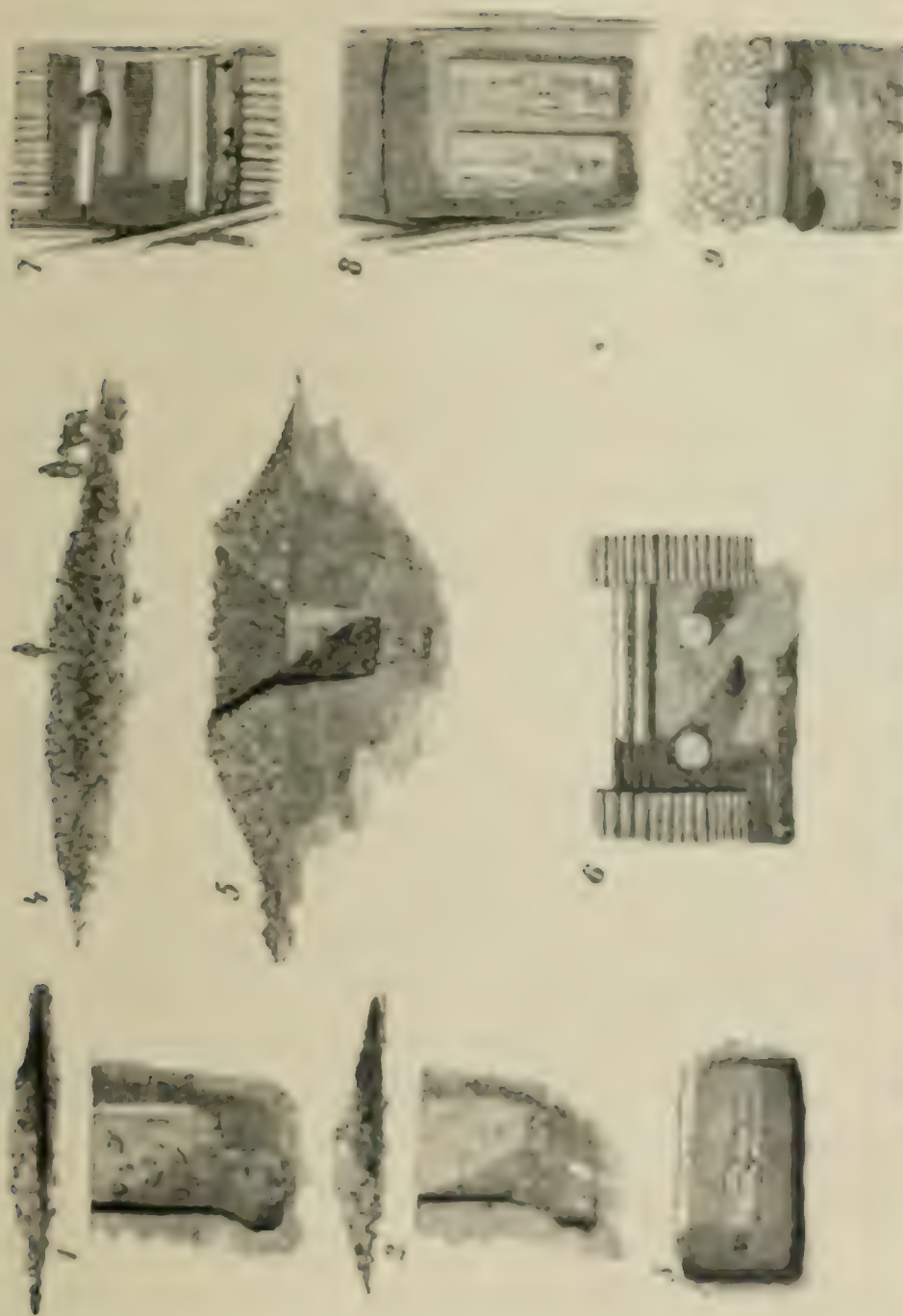
Изслѣдованіе перваго могильника отъ 13 до 20 іюня 1865 г.

Въ первый день я началъ съ изслѣдованія нѣсколькихъ каменныхъ круговъ, состоявшихъ изъ семи камней. Я приказалъ раскопать на $1\frac{1}{2}$ саж. въ глубину все внутреннее пространство трехъ круговъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ діаметрѣ около сажени. Грунтъ состоялъ изъ однородной твердой глины, въ которой замѣтно было симметрическое отложеніе слоевъ. Это наглядно доказывало, что грунтъ былъ здѣсь нетронутъ и что, слѣдовательно, каменные круги служили не гробницами, но, по всей вѣроятности, мѣстами жертвоприношеній.

Послѣ полудня я приступилъ къ вскрытію четырехъ совѣтъ маленькихъ холмиковъ, наружный видъ которыхъ нѣсколько отличался отъ прочихъ. Они состояли изъ груды камней и земли, а на восточной сторонѣ окружности, немного наклонно къ востоку, былъ врытъ въ землю каменный столбъ, высотой отъ 6 до 8 верш. Въ одномъ изъ такихъ холмовъ найдены были подъ камнями желѣзные лошадиныя удила, въ другомъ желѣзный ножъ; но такъ какъ и подъ этими холмами нигдѣ не было обнаружено могильныхъ ямъ, то я ограничился раскопкой грунта лишь на $\frac{1}{2}$ саж. въ глубину.

19 и 20 іюня я изслѣдовалъ 8 насыпныхъ могилъ, вышиною въ $\frac{1}{2}$ арш. и діаметромъ въ 1—2 саж., наружный видъ которыхъ не представлялъ никакихъ слѣдовъ прежнихъ раскопокъ. Четыре изъ нихъ оказались однако уже прежде взрытыми. Изъ остальныхъ же—три были не тронуты и совершенно одинаковаго построения, а именно: могильный холмъ высотой въ $\frac{1}{2}$ арш., нигдѣ не поросшій травою, состоялъ изъ мелко-разбитыхъ камней безъ примѣси земли. На $\frac{1}{4}$ арш. ниже уровня грунта земля была выкопана и углубленіе наполнено точно такими же камнями. Затѣмъ въ серединѣ холма показалась четырехугольная могильная яма, длиною въ 1 саж. и шириною почти въ два аршина, наполненная смѣсью глины съ большими булыжниками. Въ западной части могилы, обращенной длинными сторонами къ востоку, было гораздо больше камней и они были бѣльшей величины, чѣмъ въ восточной ея части. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. въ могилѣ были почти одни только камни. Подъ ними въ одной могилѣ находились двѣ лежащія на боку лошади, головами обращенныя къ востоку; во второй могилѣ—двѣ лошади и жеребенокъ, положенные точно такимъ же образомъ, а въ третьей—три лошади. Въ каждой могилѣ у одной изъ лошадей замѣчались около морды остатки желѣзной узды. Подъ лошадьми лежалъ слой маленькихъ камней, а подъ ними находилась нетронутая твердая земля, т.-е. дно могилы. На сѣверной сторонѣ могила была вырыта шире и опускалась глубже въ землю. Углубившись съ сѣверной стороны еще на $\frac{1}{2}$ арш. мы натолкнулись на цѣлый рядъ послѣдовательныхъ спинныхъ позвонковъ барана, а затѣмъ на 3 человѣческіе скелета. Эти послѣдніе лежали на спинѣ, головой къ западу, отъ 270° до 275° ; руки были плотно прижаты къ тѣлу, а большіе пальцы подняты кверху. Спинной хребетъ барана былъ положенъ на грудь покойниковъ. Судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, два остова были мужскіе, третій же женскій. Первый мужской скелетъ былъ длиною въ 2 арш. 7 верш., второй—2 арш. 8 в., а женскій—2 арш. 4 в.

Предметы из каменья, кости, металла, найденные в Кавказе.

1-3. Кремень, найденный в Кавказе. 4-5. Кость, найденная в Кавказе. 6. Металлический предмет, найденный в Кавказе. 7-9. Металлические предметы, найденные в Кавказе.

Всего предметов 9.

Полѣ этого послѣдняго найдены были жѣлѣзные орудія, а въ верхѣ — слѣды головного убора изъ ткани, украшенной жѣлѣзными элементами, сбоку желѣзный кельтъ и рыбья кость; на лѣвой правой руках — медное серебряное кольцо и круглый просверленный камень, изъверженный, отъ веретена; изъ ногъ — остатки обуви (чулокъ) съ жѣлѣзными украшениями. Полѣ мужскихъ же остоновъ, по правую и лѣвую сторону, около рукъ найдены точильный камень, желѣзные и медные стрѣлы, ножи, остріе конья и обломки лука. Изъ послѣдней доли и открытъ — большую, круглую насыпанную изъ камней могилу, высотой изъ 1 аршина и діаметромъ въ 3 саж. 3 вер., на 1 1/2 арш. глубины, въ ней были лошадиный скелетъ, положенный головою въ юго-востокъ. Еще глубже оказались завернутые въ мѣтъ шубы и шляпа. Шубы были изъ ткани, ручной работы, чулки изъ войлока, со стегаными подошвами. Нѣкоторые части этихъ одеждъ хорошо сохранились, благодаря тому, что были завернуты въ мѣхъ, который имѣлъ видъ пуховъ волосъ, моментально обращающихся въ пыль отъ соприкосновенія съ воздухомъ.

Исслѣдованіе второго могильника отъ 21 до 29 июня

При болѣе точномъ осмотрѣ большого кургана этого могильника, оказались въ трехъ или четырехъ мѣстахъ явные признаки прежней попытки вскрыть могилу. Однако, по моему мнѣнію, эти попытки были очень незначительны, и я полагаю, что *будущимъ* (исследователямъ) не дошли до основанія исследуемой гробовой камеры. Тамъ были остоны, найденные въ маломъ курганѣ, положены были по направлению съ запада на востокъ, то я рѣшился разобрать лѣвую могильную камеру траншеей шириною въ 7 саж. Ету траншею я прокопалъ на разстояніи 11 саж. въ длину. Между лѣвизной могильного холма мы нашли кости, по крайней мѣрѣ, шести лошадей и въ большомъ размѣрѣ человѣческихъ костей. Кроме того: 6 желѣзныхъ удилъ, ружейные жѣлѣзные и костяные стрѣлы, желѣзный и медный ножи, желѣзный пистолетъ, желѣзную саблю, множество голубыхъ свѣдланыхъ бѣлъ и темъ перистыхъ серпоносъ, служившихъ, очевидно, принадлежностями орудія. Всѣ эти предметы были разбросаны изъ толпы въ юго-востокъ. Были выброшены изъ могильной ямы преждемъ исследуемая камера.

Скрыть могильный холмъ удалось быстро, благодаря тому, что лѣва была невелика и свободно лежала одна на другомъ. Мы скрыли эту траншею въ 3 дня. Въ серединѣ его, подъ могильнымъ холмомъ, въ камне

могильную яму, длиною въ 2 саж. и въ $2\frac{1}{2}$ шириною, наполненную землею и большими каменными глыбами. На аршинъ въ глубину мы безъ затрудненія могли вынуть содержимое ямы. Здѣсь, однако, наша работа внезапно остановилась. Дно оказалось совершенно замерзшимъ и со всѣхъ сторонъ сочилась въ яму вода. Выкачать изъ ямы воду и пробить мерзлую землю ломами оказалось дѣломъ настолько труднымъ, что въ продолженіе цѣлаго дня намъ удалось проникнуть глубже въ грунтъ лишь на $\frac{1}{2}$ арш. Поэтому я приказалъ части рабочихъ добыть сухихъ дровъ, разложить ихъ на днѣ могильной ямы, зажечь и затѣмъ удалить растаявшій верхній слой земли. Потомъ яму опять нагрѣвали, и т. д. Работа эта подвигалась, конечно, очень медленно, потому что въ ямѣ то и дѣло попадались громадныя обломки скалъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось возможнымъ извлечь содержимое ямы, не попортивъ его при вынутіи. На глубинѣ 2 саж. подъ землей мы нашли между камнями сначала разбросанныя кости человѣка и лошадей и желѣзныя удила съ большими кольцами. Около $\frac{1}{2}$ арш. глубже наткнулись на построенныя вдоль по стѣнамъ могильной ямы четырехугольныя лѣса изъ дерева породы лиственныхъ деревьевъ; по западной и восточной сторонамъ эти описываемыя лѣса состояли изъ прямыхъ другъ на друга положенныхъ брусковъ, длиною въ 1 арш.; на сѣверной же и южной сторонахъ (длинныхъ сторонахъ могильной ямы) они состояли изъ длинныхъ балокъ, положенныхъ крестъ на крестъ подъ острымъ угломъ. Деревянная крыша этихъ лѣсовъ обнаружена только въ сѣверной части; южная половина крыши была несомнѣнно снята при прежнемъ вскрытіи могилы. На $1\frac{1}{2}$ арш. ниже крыши могильная яма была наполнена громадными каменными глыбами, между которыми встрѣтились неправильныя куски березовой коры и лохмотья вышитой кожи. По удаленіи этихъ камней мы наткнулись на двѣ объемистыя балки, которыя лежали поперегъ ямы и были вставлены въ лѣса. На западной балкѣ лежала связка кожи, покрытая ледяною корою вершка въ три толщины. Я приказалъ перерубить балку и вмѣстѣ со льдомъ достать ее изъ ямы. Когда ледъ растаялъ, передъ нами оказалась одежда изъ собольяго мѣха, похожая на фракъ, покрытая шелковой матеріей и украшенная по краямъ кожей и кусочками золота. Прежніе вскрыватели очевидно дошли только до сихъ поръ, такъ какъ подъ балкой оказался нетронутый пласть березовой коры, покрывавшій всю могильную яму. Немного ниже поперечной балки найдено было въ кускѣ льда промежъ березовой коры свернутое платье, сшитое изъ горностаеваго мѣха, выкрашеннаго въ зеленый и красный цвѣта; платье было украшено пу-

головами и золотыми пластинками, рукава его были длинные, расшиты вышивкой, на платье были шпорутой вышивкой эти горизонтальные ряды и пририсованные к шпуровой ленте вышивочные эти дореза лошади и фантастические звери; на туловище и на рукавах рельефных изображений фантастических животных и птиц (орлов и журавлей). После того, как весь слой береговой земли был вынут, мы достигли дна могильной ямы на глубинѣ свыше 3 саж. Нижняя часть ямы была наполнена водой и не замерзала. На дне могильной ямы, по направлению съ востока на западъ, стояли два камня и четыре рыхъ погребовъ; на каждомъ изъ этихъ столбовъ лежала скелетъ, безъ всякихъ украшеній, головою къ востоку. Столбы были очень тесно сдвинуты съ помощью топора, но не струтаны, а обвѣшаны бортомъ высотой около 1 дюйма. Столбы, борты и погребы въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, сдѣланы изъ одного куска дерева; вокругъ пожелта сѣвернаго стола были прикрѣплены мѣдные обручи, шириною около $2\frac{1}{4}$ верш. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ въ могильную яму протекали вода и вода, то лишь съ трудомъ удалось собрать въ могилѣ золотыя пластинки и отдѣльные куски орнаментовъ. Скелеты оказались совершенно истлѣнными и отъ прикосновенія распадалась въ прахъ. Точную длину этихъ останковъ опредѣлить было невозможно; приблизительно, она выходила отъ 2 арш. 5 верш. до 2 арш. 7 верш. По всему мѣству, эта могила была раньше вскрыта до поперечной балки и разграблена; вѣроятно, всѣ принадлежаще покойнику предметы и лошади находились на этой поперечной балкѣ. Это доказывается тѣмъ, что въ верхней части могильной ямы и могильнаго холма найдены разбросанными человеческими кости и желѣзные предметы, которые при разграбленіи не попали въ могилу, какъ ненужные.

Кромѣ большой могилы, я приказалъ вскрыть на сторожѣ могильникѣ еще 9 малыхъ могилъ, изъ которыхъ четыре оказались вѣтропитыми. Во всѣхъ четырехъ, судя по найденнымъ предметамъ, были мужские скелеты. Первая могила лежала въ востокъ отъ большой кургана. Устройство ея было такое же, какъ у могилы перваго могильника. На глубинѣ 2 арш. мы наткнулись на остовъ лошади, лежащей головою въ востокъ; около него были желѣзные удила, стремена и желѣзная пряжка; на $\frac{1}{2}$ арш. глубинѣ — мужской скелетъ, длиною въ 2 арш. $7\frac{1}{2}$ верш. Слѣдя отъ него лежала правая, левая и средняя (т. е. трехъ-гранная) желѣзные наконечники стрѣлы и сѣвернаго наконечника копья или копья. На груди лежали вѣроятно древнее тѣло и нѣсколько выше, спичные попошки барана. Около головы лежала ва-

лещикъ серебряный сосудъ съ рукою. Всѣ кости лежали совершенно въ порядкѣ, только голова находилась на правой сторонѣ остова, у ложныхъ реберъ.

Вторая могила отличалась тѣмъ, что здѣсь какъ лошадь, такъ и тушъ мужчины положены были головою къ западу. У скелета мужчины, кромѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ стрѣлъ, находились еще огниво и красный камень, служившій очевидно кресаломъ.

Въ третьей и четвертой могилахъ, которая по своему устройству не отличалась отъ вышеописанныхъ, нашлись, кромѣ украшеній лука и желѣзныхъ стрѣлъ, еще желѣзный кельтъ и вырѣзанная изъ кости поясная пряжка.

Въ пятой, совсѣмъ маленькой могилѣ, насыпь которой не превышала 2 арш. въ діаметрѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. ниже уровня земли былъ зарытъ баранъ.

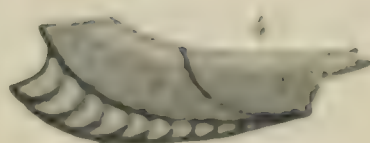
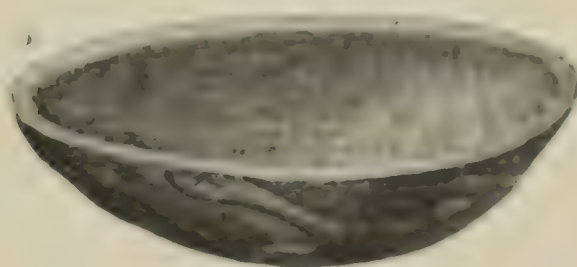
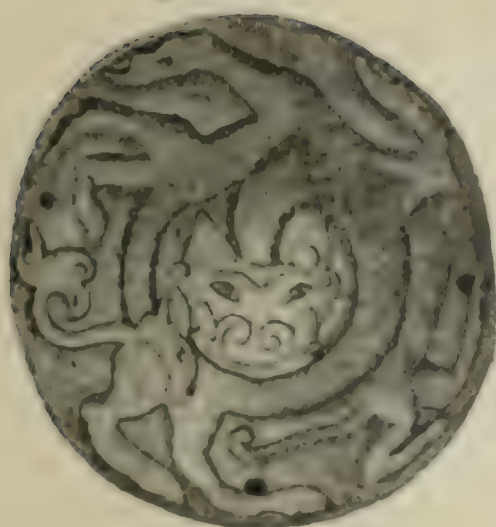
Исслѣдованіе могильника въ Берельской степи, расположеннаго по верховьямъ Бухтармы, недалеко отъ берега, съ 12 іюля до 9 августа 1865 г.

На разстояніи около шести верстъ ниже устья рѣки Береля, отъ расли сѣверныхъ горъ образуютъ маленькое плоскогоріе, лежащее на 30—40 саж. выше уровня Берельской степи. На этомъ плато расположены недалеко отъ южной окраины его, около 20 довольно значительныхъ могильныхъ холмовъ, насыпанныхъ изъ большихъ камней. Большая часть этихъ могильныхъ холмовъ имѣла болѣе 8 саж. въ діаметрѣ. Только 4 кургана насыпаны вблизи рѣки, остальные всѣ—около $1\frac{1}{2}$ верстъ далѣе къ сѣверу. Я вскрылъ здѣсь 4 кургана у рѣки и, кромѣ того, три кургана во второй группѣ. Одинъ изъ кургановъ, у самой рѣки, имѣлъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 саж. высоты и болѣе 14 саж. въ діаметрѣ. Онъ былъ насыпанъ совершенно правильно, и нигдѣ не видно было слѣдовъ прежняго вскрытія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что здѣсь похоронена принцесса, сидящая на золотомъ стулѣ. Могильный холмъ былъ столь значителенъ, что я рѣшился снять его цѣликомъ. Чтобы срыть этотъ холмъ, который весь состоялъ изъ камней, мы должны были работать до 23 іюля. Камни были насыпаны правильными рядами; сначала рядъ плоскихъ, потомъ рядъ круглыхъ камней; пространство между круглыми камнями было наполнено рѣчными камнями. Между камнями могильнаго холма находились скелеты лошади, желѣзные удила и два желѣзныхъ стремена. Я не могу съ

2

Деревянные різьня изъ большой могилы на
Катавль

Въ арх. 188.

точною утверждать, лежали ли кости животного въ какомъ-либо положеніи. Рабочіе скрыли отъ меня эту находку, и найденные предметы были мнѣ доставлены только на слѣдующій день послѣ изложенія ихъ. Когда мы достигли до урочнаго мѣста, то по срединѣ холма обнаружилась большая могильная яма въ $3\frac{1}{2}$ саж. длиною и 3 саж. ширины. Хотя вся земля здѣсь совершенно замерзла, однако можно было ясно распознать могильную яму, потому что она была вырыта пестомъ и глыбой. Только при помощи огня возможно было углубиться въ вѣрно замерзшій грунтъ. Работа здѣсь также шла крайне медленно; до 28 июля мы раскопали могильную яму только на $2\frac{1}{4}$ саж. На этой глубинѣ въ южной части ямы мы наткнулись на рядъ бревенъ. Въ верхней части могильной ямы до глубины 1 саж. не было и слѣда камней, но затѣмъ показались, какъ въ западной, такъ и въ восточной частяхъ отдѣльныя громадныя каменные глыбы. 29 июля я приказалъ равномерно расчищать всю могилу, и въ южной части ея мы нашли пластъ бревенъ, а въ сѣверной — пластъ березовой коры. По удаленіи послѣдняго оказалось, что вся сѣверная часть наполнена была скелетами лошадей. Здѣсь лежало 16 лошадей, всѣ головы ихъ восточу, въ 4 ряда, по 4 лошади въ каждомъ ряду. У первыхъ двухъ рядовъ мы нашли желѣзныя удила. Эти всѣхъ лошадей были покрыты густымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ березовой коры и дерева и по большей части обложенныхъ золотыми пластинками; особенно много такихъ золотыхъ пластинокъ находилось въ первомъ ряду. Подъ лошадьми былъ твердый грунтъ. Невозможно было точно опредѣлить положеніе лошадей и украшеній, благодаря тому, что свѣтъ, падавшій на боковыхъ стѣнкахъ, стекалъ внизъ и постоянно наполнял могилу живыми слоями пыли, толщиною въ нѣсколько дюймовъ. На слѣдующій день я приказалъ очистить и убрать прочь слой бревенъ въ южной части могильной ямы. Мы нашли здѣсь на восточномъ и западномъ концахъ 4 тщательно обтесанные перекладины, между которыми лежали скрѣпленныя одна въ другую соединенныя доски. Потому оказалось, что по срединѣ находилась половина выдолбленнаго ствола дерева, имѣвшаго $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и что въ этомъ стволѣ при скрѣпленіи были двѣ доски. Все это было скрѣплено изъ дубовыхъ спицъ и прикрыто березовой корой. По удаленіи верхняго слоя этой коры оказалось, что на четырехъ углахъ выдолбленнаго ствола дерева прибиты были четыре вынутыя изъ мѣли пухи, съ каждой стороны по одной пухѣ, съ познатыми и по одной съ внутренними крыльями. По обоимъ сторонамъ выдолбленнаго ствола находились два прямо-

угольника, тщательно составленные изъ каменныхъ плитъ. Когда дерево и камни были удалены, то открылась прямоугольная могильная яма нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели деревянная крыша, наполненная на глубинѣ около $1\frac{1}{2}$ арш. ниже этой крыши глиной и рѣчными камнями. Подъ деревянной крышей былъ совершенно истлѣвший остовъ лошади. Здѣсь земля уже не была замерзшей. На глубинѣ $10\frac{1}{2}$ арш. ниже поверхности земли я наткнулся на человѣческія кости, а именно кости рукъ и ногъ, которыя лежали однако не въ длину могилы, но поперекъ ея. Кости рукъ находились прямо подъ сѣвернымъ краемъ могильной ямы. Я приказалъ изслѣдовать всю сѣверную стѣну, но нашелъ только остатки еще двухъ или трехъ реберъ. Кости такъ пострадали отъ сырости, что когда ихъ вынули изъ могилы, представляли только пыль и осколки. Подлѣ человѣческихъ костей нашлись остатки мѣдныхъ и небольшого числа золотыхъ пластинокъ. Въ юго-восточномъ углу могилы, на уровнѣ скелета мы нашли еще кучку угля и пепла. Подъ человѣческими костями былъ каменистый грунтъ, очевидно дно склепа. Такъ какъ въ послѣдніе дни была дождливая погода, то края могильной ямы начали обсыпаться, почему 8 августа мы вынуждены были прекратить работу. Во всякомъ случаѣ сама могила мнѣ кажется разграбленною; невѣроятно, чтобы это случилось ночью во время моихъ работъ, такъ какъ часть человѣческихъ костей лежала въ порядкѣ, и кромѣ того я помѣстилъ часового у могилы. Можетъ быть, могила была ограблена уже въ то время, когда она сооружалась.

Всѣ остальные меньшіе могильные холмы, вскрытые мною въ Берельской степи, оказались построенными такъ же, какъ и могила на Катандѣ. Во всѣхъ могилахъ находились лошади, — въ одной даже цѣлыхъ пять, — зарытыя вездѣ арш. на $1\frac{1}{2}$ выше людей. Слѣдуетъ еще замѣтить, что во многихъ могилахъ найдены были серебряныя украшенія, затѣмъ очень хорошо сдѣланная глиняная посуда, ножъ въ ножнахъ, другой ножъ и кинжалъ, сдѣланные совершенно по образцу ножей и кинжаловъ мѣднаго періода, но изъ желѣза; желѣзная рукоятка была только покрыта тонкой золотой пластинкой. У одного остова найденъ былъ длинный мечъ съ желѣзною рукояткой и кольцомъ, сдѣланной по образцу рукоятокъ кинжаловъ мѣднаго періода, и куски желѣзнаго панциря изъ продолговатыхъ пластинокъ, которыя были, повидимому, укрѣплены на кожѣ.

Земляные могильные холмы, вскрытые мною къ сѣверу отъ Алтая въ Кулундѣ, въ Барабинской степи и у Барнаула, по своему устройству сходны по большей части съ могилами болѣе древняго желѣзнаго

періода, съ тѣмъ только различіемъ, что въ южныхъ могилахъ не встрѣчается скелетовъ лошадей, а если они и находились, то они лежали подлѣ человеческихъ останковъ. Судя по предметамъ, найденнымъ въ этихъ могилахъ, можно заключить, что онѣ относятся къ времени позднѣйшему, чѣмъ насимины могилы южнаго Алтая. Нельзя еще сомнѣваться, чтобы онѣ принадлежали одному и тому же народу, такъ какъ характеристическіе признаки южнаго желѣзнаго періода отсутствуютъ.

Слѣдуетъ описаніе вскрытія нѣкоторыхъ могилъ, дабы дать возможность сравнить ихъ устройство съ постройками насиминыхъ могилъ южнаго Алтая.

1. Вскрытіе могилы въ Кулундѣ.

Круглый земляной могильный холмъ, вышиною въ 1 саж., равномерно обросшій травою, въ діаметрѣ около 16 арш. Сверху могильный холмъ нѣсколько сглаженъ, но снаружи не замѣтно никакихъ признаковъ прежняго вскрытія. Исслѣдованіе производилось 14 и 15 мая 1862 г. Весь могильный холмъ состоялъ изъ такой же глинистой земли, какъ и окружающая степь. Мы провели по срединѣ кургана траншею, шириною около 3 арш., въ главномъ направленіи отъ сѣвера къ югу. Когда могильный холмъ былъ срытъ, мы наткнулись на грунтовую землю, отличающую тѣмъ, что всюду, вмѣсто желтой глины, показался черноземъ. Только по срединѣ раскопа замѣтился былъ прямоугольникъ желтаго цвѣта: это и была могильная яма. Длина ея равнялась 3 $\frac{1}{2}$ арш.; ширина — 3 арш. Она находилась въ западной части кургана и вдавалась только на $\frac{1}{4}$ арш. въ восточную половину. На глубинѣ немного болѣе чѣмъ 1 сажени мы попали на слой древеснаго угля, покрывавшаго равномерно все дно могильной ямы. Толщина слоя угля была не болѣе дюйма. Когда этотъ слой былъ удаленъ, мы наткнулись на слой досокъ, положенныхъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу: доски были толщиною вершка въ три и выструганы такъ, что онѣ прихотились плотно одна къ другой и имѣли обрѣзаны края. После того, какъ этотъ рядъ досокъ былъ снятъ, мы нашли второй слой такихъ же досокъ, соединенныхъ между собою, которые лежали по направленію отъ востока къ западу. Ниже послѣдняго слоя дерева находились въ южной части скелетъ лошади и реломъ съ веревкой для человеческихъ костей, лежащіе въ сѣверо-восточномъ направленіи (70°). Человѣческіе скелеты лежали на спинѣ, руки были протянуты вдоль

туловища; большіе пальцы обращены кверху, голова къ востоку. Длина первого остова: 2 арш. 5 верш., второго — 2 арш. 6¹/₂ верш. У сѣвернаго скелета лежалъ около праваго плеча, крючекъ отъ удочки, около лѣваго — 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго; по обѣ стороны локтя лежало по стремени, на серединѣ тѣла — мѣдная пряжка, съ лѣвой стороны таза кинзу — желѣзный мечъ (прямой, съ однимъ лезвиемъ, украшенный головкой; рукоятка была обвернута кожей), на пальцахъ лѣвой руки было 2 мѣдныхъ кольца, подлѣ лѣвой руки лежалъ ножъ. Около южнаго скелета былъ воткнутъ надъ головой наконечникъ копья (безъ древка), сбоку, ниже лѣваго плеча, находился желѣзный мечъ; между ногами 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго. У остова лошади находились во рту остатки желѣзной уздечки, на головѣ кусочки желѣзной сбруи, съ обѣихъ сторонъ — по желѣзному стремени.

2. Вскрытіе могилъ у Барнаула.

Не разграбленными оказались только совсѣмъ незначительные курганы, болѣею частью только въ ¹/₂ арш. высоты и отъ 2 до 3 саж. въ діаметрѣ. Въ августѣ 1862 г. я вскрылъ 4 изъ этихъ холмовъ. Посреди каждаго кургана находилась прямоугольная могильная яма, длиною около 3 арш.; три такихъ ямы были шириною въ 1¹/₂ арш., четвертая же въ 2¹/₂ арш. Глубина нигдѣ не превышала 1¹/₂ арш. Внутри двухъ могилъ встрѣтился слой дерева, около 2 верш. толщиною, который покрывалъ однако только половину дна могильной ямы. Въ третьей изъ этихъ маленькихъ могильныхъ ямъ найденъ былъ лишь слой березовой коры, а равно и въ четвертой могилѣ. Ниже слоя дерева или березовой коры находились человѣческіе скелеты; въ двухъ могилахъ оказалось даже по два рядомъ лежащихъ остова (могила 1-я: направленіе скелета — головою къ NO 85°; могила 2-я: — NO 72°; могила 3-я: оба остова — NO 73°; могила 4-я: оба скелета — NO 77°). Всѣ остова лежали на спинѣ, съ головою, согнутой на бокъ, и руками, вытянутыми вдоль туловища. На груди каждаго скелета лежало 4—5 спинныхъ позвонковъ барана. Длина костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. 5¹/₂ верш. У двухъ покойниковъ на туловищѣ лежали мѣдные пряжки и подлѣ нихъ — ножи, судя по чему можно заключить, что это были мужскіе скелеты; кромѣ этого я нашелъ лишь незначительные предметы украшенія.

3. Вскрытіе могилъ въ Барабинской степи.

1 іюня 1866 г. у деревни Калмырь, въ 25 верстахъ отъ Убинскаго озера, встрѣтились нѣсколько могильниковъ, состоящихъ отъ 10 до 25 могильныхъ холмовъ. Самый большой изъ нихъ имѣлъ высоту въ 1 арш. и имѣлъ 3 саж. въ диаметръ. На этихъ могильникахъ я работалъ 5 дней и приказалъ вскрыть въ трехъ различныхъ мѣстахъ 26 кургановъ. Здѣсь могильныя ямы были глубиною отъ 1 до 2 арш. глубины. Работа была очень затруднительна, такъ какъ могильные холмы и верхняя часть могильной ямы состояли изъ земли твердой, какъ камень, такъ что пришлось разбивать ее топорами, но на 1 арш. ниже уровня почвы земля стала пловатой и вода наполнила въ короткое время могильную яму до половины. Несмотря на это, можно было съ точностью опредѣлить, что большая часть скелетовъ были обращены головою къ востоку; только два остова лежали головами къ западу. Около головы каждаго отдѣльнаго костяка находился желѣзный кельтъ, но на туловищѣ около рукъ лежали у мужчинъ мечи, стрѣлы, остатки украшеній лука, а у женщинъ — ножи. Кромѣ того, подле всѣхъ скелетовъ оказались разныя украшенія изъ мѣди и желѣза. У женщинъ были около ушей стеклянныя бусы, а на груди мѣдныя пряжки и пластинки. Около двухъ мужскихъ остововъ найдены остатки стремени и лошадиныя удила. Кости совершенно истлѣли и всѣ металлическіе предметы были такъ испорчены сыростью, что ихъ можно было вынуть изъ земли только раскрошенными. Длина мужскихъ костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. $5\frac{1}{4}$ верш. Скелеты женщинъ не были длиннѣе 2 арш. 2 верш.; при большинствѣ остововъ замѣтны сининые позвонки барановъ. Не всѣ костяки были покрыты березовою корой, нѣкоторые были только засыпаны жемчуж. Около другихъ опять нашлись маленькіе куски древеснаго угля. Къ сожалѣнію я могу сообщить только такія незначительныя свѣдѣнія о могилахъ сѣвернаго желѣзнаго періода, потому что большинство могилъ этого періода, которыя я вскрылъ на сѣверѣ Алтая и въ Киргизской степи, уже прежде были разграблены. Это дѣлало, особенно часто у могилъ, сколько-нибудь вытѣляющихся своею кельтичностью. Что касается до вскрытыхъ мною совершенно незначительныхъ, маленькихъ могилъ этой мѣстности, то онѣ всѣ имѣли такое же устройство, какъ и выше описанныя могилы въ Барнаульск. и въ Барабинской степи. Принадлежать ли эти могилы тому же народу, что и большая могила Кулунды, которую я прежде описалъ, утверждать не могу.

Устройство последней имѣетъ сходство съ устройствомъ насыпныхъ могилъ сѣвернаго Алтая: напротивъ того, остальные могилы могли точно также быть сооруженными другими народами, можетъ быть, потомками енисейцевъ бронзоваго вѣка. Во всякомъ случаѣ, оружіе встрѣчается въ нихъ рѣже, чѣмъ въ южныхъ могилахъ.

Перейдемъ теперь къ могиламъ позднѣйшаго желѣзнаго періода, которыя опять-таки представляютъ совершенно определенное, весьма характерное устройство.

Могилы новѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка на Абаканѣ.

Къ могиламъ этой эпохи я отношу всѣ маленькія насыпныя могилы, находящіяся въ могильникахъ среднихъ горъ Абаканской степи и которыя народное преданіе называетъ киргизскими могилами.

Эти могильныя насыпи имѣютъ большею частью только $1\frac{1}{2}$ саж. въ діаметрѣ и лежатъ, плотно примыкая одна къ другой, группами отъ 60 до 80 могилъ въ каждой. Можно ясно различить, что маленькіе могильные холмы большею частью расположены попарно, причемъ одинъ изъ этихъ холмовъ постоянно круглый, а другой овальной формы. Я замѣтилъ такого рода могильники только на среднемъ Абаканѣ: туземцы увѣряютъ однако, что они встрѣчаются повсюду на береговыхъ горахъ Абакана и Енисея въ великомъ множествѣ. Малая величина этихъ могилъ, незначительное количество находимыхъ въ нихъ благородныхъ металловъ, значительное отдаленіе отъ рѣки и скрытое ихъ положеніе служатъ причиной того, что мѣстные жители мало обращали на нихъ вниманія, и что самая лишь незначительная часть такихъ могилъ носитъ слѣды прежняго вскрытія. Между Койбалами, какъ сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ провожатыхъ, распространень взгляды, что это поля битвъ дикихъ киргизовъ, которые похоронили здѣсь своихъ мертвыхъ; но изслѣдованіе большого числа этихъ могилъ нагляднѣйшимъ образомъ доказало, что всѣ эти рассказы ни на чемъ не основаны, потому что здѣсь всюду найдены скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и повсюду трупы были похоронены въ величайшемъ порядкѣ, чего, очевидно, не могло бы быть, еслибъ эти могилы насыпаны были послѣ сраженія. Я занялся изслѣдованіемъ многихъ подобныхъ киргизскихъ могилъ въ 7 верстахъ отъ устья Аскыса.

Расположеніе раскопанныхъ мною могилъ было слѣдующее: между первыми грядами пограничныхъ горныхъ отроговъ, на высотѣ 100 футовъ надъ степью и на разстояніи около 50 шаговъ одинъ отъ другого, находились два могильника. Западное кладбище состояло, приблизительно,

НОВЫЙ ЖЕЛѢЗНЫЙ ВѢСЪ

Въ 1874 г. въ Петербургѣ издана въ Казани 1. Прудъ въ Петербургѣ. 2. Мраморный памятникъ въ Петербургѣ. 3. Мраморный памятникъ въ Петербургѣ. 4. Мраморный памятникъ въ Петербургѣ. 5. Мраморный памятникъ въ Петербургѣ. 6. Мраморный памятникъ въ Петербургѣ.

Въ 1874 г.

илъ 80 кургановъ, тогда какъ восточное заключало въ себѣ не болѣе 30. Я началъ съ изслѣдованія западнаго могильника и изиралъ вѣерно половину находившихся тамъ холмовъ, причемъ выбиралъ такіе, которые не обнаруживали слѣдовъ прежняго вскрытія. При изслѣдованіи этихъ могилъ оказалось, что постоянно два холма обрамляютъ одну могилу. По удаленіи камней продолговатаго холма обнаруживался слой валуновъ или рыхлой земли, около $\frac{1}{4}$ арш. толщиной, ниже которого находились скелеты, не глубже, чѣмъ на 1 арш. ниже уровня земли. Незначительная глубина могильныхъ ямъ, казалось, зависѣла отъ качества грунта, который былъ такъ твердъ, что мои рабочіе только топорами или ломами могли разбивать его. Имятъ глина, въ которомъ лежали кости, была такъ тверда, что и принуждены были выкапывать каждую отдѣльную кость острымъ ножомъ; благодаря этому, только въ нѣкоторыхъ могилахъ мнѣ удалось точно опредѣлить положеніе скелета. Всѣ остовы лежали на спинѣ, по направлению съ востока на западъ, головою къ западу. Голова немного согнута на бокъ и руки прижаты къ туловищу, причемъ большіе пальцы направлены вверхъ. Нигдѣ около этихъ костяковъ не нашлось остатковъ платья или утвари: только около ногъ можно было всегда замѣтить остатки дерева, можетъ быть представляющіе дощечку, о которую опирались ноги покойника.

Второй, круглый могильный холмъ не заключалъ скелета, но зато прикрывалъ посуду и оружіе, положенныя въ могилу покойнику. По удаленіи камней этого могильнаго холма нужно было еще выкопать $\frac{1}{4}$ арш. твердой глины и на этой глубинѣ находился глиняный сосудъ съ узкой шейкой, вышиною въ $\frac{1}{2}$ арш., прикрытый гладкимъ камнемъ. Подобныя глиняныя сосуды всегда пусты; они заключали, вѣроятно, вина; такъ, данный покойнику съ собою въ могилу. По вынутіи глинянаго сосуда оказывался слой отчасти жженныхъ, отчасти вострогнутыхъ костей животныхъ, болѣею частью барановъ, рѣже — лошадей и рогатаго скота. Между этими костями находились многіе желѣзные предметы, какъ, напр., топоры, кельты, ножи, острія стрѣлъ, стрелы, и т.д. Могильные холмы, заключающіе въ себѣ такіе предметы, находились то къ востоку, то къ западу отъ холма, заключающаго скелетъ.

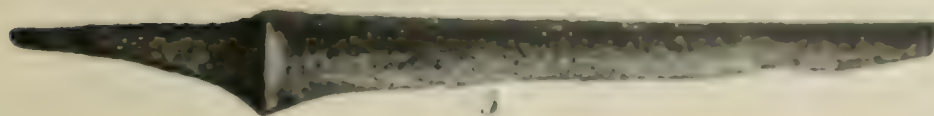
Во всѣхъ могилахъ западнаго могильника я встрѣтилъ исключительно только предметы, выдѣланные изъ желѣза и при этомъ только такіе, которые очевидно служили оружіемъ или орудіями, употребленными мужчинами. Никогда не было въ восточномъ могильникѣ, который я вслѣдъ нѣмъ изслѣдовалъ.

Здѣсь я тщетно искалъ нетронутыхъ могильныхъ холмовъ: всѣ холмы были раскопаны, хотя мною вскрыто ихъ болѣе тридцати. Несмотря на это, можно было ясно различить, что и здѣсь каждая могила состояла изъ двухъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ только скелетъ взрослого или ребенка, безъ всякихъ предметовъ; другой же заключалъ могильную яму съ предметами, положенными для покойника. Тогда какъ въ первомъ могильникѣ встрѣчались исключительно желѣзное оружіе или орудія, въ восточномъ могильникѣ я нашелъ лишь остатки украшеній, сдѣланныхъ изъ мѣди, серебра и золота; изъ нихъ оказались вполне хорошо сохранившимися: 1) очень изящная золотая серьга (по отдѣлкѣ нѣсколько схожая съ прекрасными золотыми украшеніями, изображенными на рисункахъ Витцена); 2) двѣ серебряныя серьги; 3) многочисленные тонкія серебряныя пластинки выдавленной работы, которыми, очевидно, покрытъ былъ мѣдный или деревянный предметъ. Нигдѣ не встрѣтилось слѣдовъ тѣхъ высокихъ, прекрасно сдѣланныхъ глиняныхъ вазъ, которыя попадались въ западномъ могильникѣ; вмѣсто нихъ, во всѣхъ могильныхъ ямахъ оказались черепки маленькихъ некрасивыхъ горшковъ, болѣею частью выдѣланныхъ просто руками. Кромѣ того, во всѣхъ могильныхъ ямахъ, гдѣ оказались какіе-нибудь предметы, находились кости животныхъ, по большей части барановъ.

Исслѣдованія этихъ могилъ ясно показываютъ, что народы болѣе ранняго желѣзнаго періода хоронили мужчинъ и женщинъ въ различныхъ мѣстахъ. Маленькія дѣти, повидимому, хоронились вмѣстѣ съ женщинами, мальчики же постарше, напротивъ, съ мужчинами. Я нашелъ между могилами, гдѣ были похоронены мужчины, два скелета мальчиковъ, никакъ не старше 12—14 лѣтъ. Мужчинамъ клались въ могилу только оружіе и орудія изъ желѣза; кромѣ того, говядина, предназначавшаяся въ пищу во время пути, и большой сосудъ съ водой. Вмѣстѣ съ женщинами хоронились ихъ украшенія и, кромѣ того, горшки съ мясомъ.

Если сравнить устройство этихъ могилъ новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ съ могилами древнѣйшаго періода на южномъ Алтаѣ, то несмотря на большое различіе, можно найти и сходные признаки. Тогда какъ въ могилахъ древнѣйшаго періода лошадь и чловѣкъ хоронились хотя и въ одной могилѣ, но въ различныхъ частяхъ ея, мы здѣсь встрѣтили полное раздѣленіе могилы на двѣ части, которое, однако, легко могло постепенно развиваться изъ прежняго способа погребенія.

1. 2. Переломный сосуд с широко открытым горлом из Ассирии. — 3. 4. Переломный сосуд с узким горлом из Ассирии. — 5. Вазон из Персидского государства.

Из музея ГИМ.

Прежде нежели перейти къ описанію степени культуры и из родовъ желѣзнаго періода, я здѣсь укажу еще устройство могилъ позднѣйшаго желѣзнаго періода.

Къ сѣверу отъ города Маріинска, на берегу верхняго Бѣлы и рѣчки между Бѣлой и Чолымомъ я попалъ на земляные могильные холмы, которые большею частью расположены были тѣсными группами по берегу рѣки. Эти незначительные холмы обнаруживали во многихъ мѣстахъ слѣды прежнихъ раскопокъ, въ особенности въблизи русскихъ селеній, но, однако, никто изъ поселенцевъ не помнилъ, чтобы здѣсь производились раскопки. Только въ двухъ мѣстахъ на мостѣ пути въ Чертагъ эти могилы казались нетронутыми, и поэтому я предпринялъ раскопки лишь въ этихъ мѣстахъ. Могильники здѣсь такъ часты, что повидимому, народъ, оставившій послѣ себя эти надгробные памятники, проживъ въ этой мѣстности долгое время. Многие изъ могильныхъ холмовъ, находясь теперь въ густомъ лѣсу, и кое-гдѣ на нихъ выросли сосны.

Положеніе и устройство этихъ могилъ слѣдующее: на берегу рѣки, обыкновенно на болѣе высокихъ мѣстахъ или на окраинѣ заросшихъ лѣсомъ склоновъ, расположены кладбища, состоящіе изъ 10—40 холмовъ, занимающіе часто площадь длиною въ 100—200 шаговъ. Холмы большею частью имѣютъ отъ 1 до 3 арш. высоты и отъ 3 до 6 арш. въ діаметрѣ. Форма ихъ совершенно закругленная, какъ форма сегментовъ шара и они лежатъ такъ близко одинъ отъ другого, что края ихъ часто соприкасаются. Я предпринялъ изслѣдованіе этихъ могильныхъ холмовъ на Улу-Кіелѣ, около 60 верстъ отъ Маріинска и на рѣкѣ Чертагъ. Такъ какъ холмы эти исключительно земляные, то производить раскопки было не трудно: въ короткое время мнѣ удалось вскрыть большое количество могильныхъ холмовъ и такимъ образомъ представить себѣ ясную картину ихъ устройства.

Скелеты были здѣсь положены на землю, головами въ востокъ, а ногами къ западу, руки были плотно прижаты къ туловищу, и большіе пальцы обращены вверхъ. Обыкновенно верхняя часть тѣла и въ особенности руки были прикрыты слоемъ берестяной кожи. У головы или у ногъ покойника поставлены были то котлы или желѣзные листовые мѣди, то глиняный сосудъ. Затѣмъ на груди покойника предѣльно доски, толщиной въ 2—3 вершка, послѣ чего покойника засыпали землею, которая въплоть около трупа утѣплялась, какъ можно тверже. Этотъ способъ погребенія южнѣ, слѣдовательно, соответствуетъ устройству могилъ желѣзнаго періода въ сѣверной степи, съ той только

разницею, что тамъ покойника клали не прямо на грунтовую землю, а на дно могильной ямы.

На Чердатѣ встрѣтились нѣсколько могильныхъ холмовъ, заключающихъ въ себѣ по нѣскольку скелетовъ. Въ одномъ изъ холмовъ лежали два остова, одинъ на другомъ, раздѣленные только слоемъ березовой коры. Нижній скелетъ положенъ, какъ обыкновенно, головою къ востоку, а верхній какъ разъ наоборотъ, головою къ западу. Нижній костякъ, судя по бывшимъ около него предметамъ, былъ скелетомъ мужчины, а верхній — женщины. Въ другомъ могильномъ холмѣ положены три остова. Нижній лежалъ опять головою къ востоку, а верхніе, раздѣленные слоемъ земли въ 4—5 вершк. толщиною, — одинъ головою на сѣверъ, а другой на юго-западъ. Скелеты всѣ были средней величины, женскіе отъ 2 арш. до 2 арш. 3 вершк., мужскіе не длиннѣе 2 арш. 6 вершк. Всѣ остова были похоронены вмѣстѣ съ платьями и украшеніями; подлѣ нихъ лежали оружіе и инструменты. О древности этихъ могильныхъ холмовъ, которые никакимъ образомъ не могутъ принадлежать предкамъ нынѣ живущихъ въ этой мѣстности кучерикъ-татаръ, можно судить по древнимъ русскимъ мѣднымъ монетамъ, найденнымъ въ одной могилѣ и относящимся къ первой половинѣ XVII столѣтія.

Если мы сравнимъ устройство могилъ желѣзнаго періода съ описываемыми китайцами погребальными церемоніями Уйгуровъ, Тукіу и Хакасовъ, то мы увидимъ только нѣкоторое сходство съ описаніемъ погребенія у Уйгуровъ. Здѣсь говорится: „мертвыхъ хоронятъ они въ вырытыхъ могилахъ“. Если китайцы и рассказываютъ, что мертвые хоронятся въ стоячемъ положеніи а вокругъ нихъ кладется все ихъ оружіе, какъ будто бы они были живы, то первое, вѣроятно, ошибочно, и эта ошибка произошла вслѣдствіе рассказовъ, что Уйгуры хоронили вмѣстѣ съ покойникомъ все то оружіе и ту утварь, которыя онъ употреблялъ при жизни; повѣствователь, вѣроятно, прибавилъ по ошибкѣ, что покойникамъ придавали и положеніе живого человѣка. Описаніе похоронныхъ торжествъ Тукіу заключаетъ навѣрное также многія ложныя данныя. Ложно во всякомъ случаѣ то, что говорится о сожиганіи труповъ, потому что я никогда не слыхалъ, чтобы на Алтаѣ, въ Киргизской степи и въ округѣ Енисея найдены были погребальныя урны съ сожженными человѣческими костями. Напротивъ того, — описанія обильныхъ жертвоприношеній животныхъ во время погребенія правдивы; я вспоминаю, что въ одной могилѣ мы нашли 16 лошадей. Точно также справедливо, что вещи, принадлежавшія покойнику, кла-

лись въ шаторъ (?) вмѣстѣ съ трупомъ. Показаніе, что тѣ люди, которые умирали весной и лѣтомъ, хоронились только тогда, когда листья на деревьяхъ желѣли и опадали, а умершіе осенью и зимою хоронились весной, когда листья и цвѣты начинали распускаться, позволяетъ предположить двойную похоронную церемонію, что отчасти разъясняетъ устройство двойныхъ могилъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ вѣжномъ Аппаѣ. Если это мое предположеніе вѣрно, то покойники хоронились тотчасъ же послѣ смерти, и тогда насыпались половинныя могилы. Нѣсколько же мѣсяцевъ позднеѣ, можетъ быть при случаѣ весенняго или осенняго празнества, происходило большое жертвоприношеніе и погребеніе множества верховныхъ животныхъ. Если въ одномъ китайскомъ описаніи говорится: „на мѣстахъ погребенія они ставятъ изображенія мертвыхъ и на этихъ каменныхъ изображеніяхъ обозначаютъ всѣ сраженія, въ которыхъ покойники участвовали при жизни, когда онъ убилъ только одного человѣка, то они ставятъ только одинъ камень; на нѣкоторыхъ могилахъ стоитъ до 100 и болѣе камней“ — то это просто ошибка, происшедшая вслѣдствіе рассказовъ путешественниковъ о надгробныхъ памятникахъ; могильные камни принадлежатъ къ гораздо болѣе раннему періоду. Такиа интересныя факты мы встрѣчаемъ часто. И напому сообщеніе Рубрукиса въ 1259 году, который, отправляясь къ Менши-Хану, на своемъ пути встрѣтилъ въ южной Россіи надгробные памятники и принесть ихъ Куманамъ, тогдашнимъ обитателямъ этихъ мѣстностей. Онъ говоритъ такъ: „Куманы сооружаютъ большой могильный холмъ надъ мертвыми и ставятъ на немъ статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую въ руцѣ передъ животомъ сосуль“. Каменные бабы, которыя онъ тутъ описываетъ, принадлежатъ къ періоду, на многія столѣтія предшествовавшему переселенію въ Европу тюркскихъ народовъ.

Очень темны свѣдѣнія китайцевъ о погребеніи умершихъ у ханскихъ Хакасовъ: „при погребеніи они не царапаютъ себѣ лица (какъ Тукіу), но обвертываютъ трупъ три раза и плачутъ. Затѣмъ они его сожигаютъ и хоронятъ кости черезъ годъ. Позднеѣ они спрашиваютъ въ определенное время похороннаго торжества“. Что должны означать слова: „они обвертываютъ трупъ три раза и хоронятъ кости черезъ годъ?“ И думаю, что описанію обряда слѣдуетъ понимать такъ: трупъ сначала хоронился безъ всякихъ предметовъ украшенія и при этомъ въ честь души умершихъ сожигались и вѣстома часть жертвеннаго животного (это доказываютъ сожженные кости барана, найденныя около труповъ въ могилахъ позднѣйшаго желѣзнаго періода въ Абхазіи). Же-

тѣмъ, черезъ годъ, происходило жертвенное пиршество, во время котораго зарывали въ землю утварь покойника и насыпали надъ нимъ могильный холмъ.

У насъ имѣются такія богатая коллекціи древностей желѣзнаго вѣка южной Сибири, что не трудно составить себѣ довольно точное понятіе объ исторіи развитія культуры описываемаго народа. Особенно интересны мои изслѣдованія большихъ насыпныхъ могилъ на Катандѣ и Бухтармѣ, такъ какъ эти послѣднія принадлежатъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка. Я нашелъ здѣсь подлѣ желѣзныхъ ножей и оружія, которые по формѣ относятся къ позднѣйшему желѣзному періоду, мечъ, кинжалъ и ножъ, которые по формѣ были совершенно сходны съ предметами древнѣйшаго бронзоваго періода, а именно рукоятка и клинокъ сдѣланы были изъ одного куска. У кинжала кольцо на оконечности рукоятки представляло даже плетеніе двухъ змѣиныхъ головокъ. Послѣдній фактъ заставляеть меня предположить, что могилы, заключавшія въ себѣ это оружіе, сооружены были въ то время, когда далѣе къ сѣверу на Алтаѣ происходилъ переходъ отъ бронзовой культуры къ желѣзной культурѣ; но такъ какъ мы видѣли при описаніи могилы на Катандѣ, что устройство насыпныхъ каменныхъ могилъ вполнѣ отличается отъ устройства могилъ бронзоваго періода то мы вправе предположить, что народъ, который оставилъ послѣ себѣ насыпныя могилы, въ эпоху начала желѣзнаго періода передвинулся съ юга въ южный Алтай. До середины Иртыша этотъ народъ, кажется, не дошелъ, такъ какъ уже подлѣ Усть-Каменогорска и въ Кокбекты я нигдѣ не находилъ насыпанныхъ изъ камней могилъ. Такъ какъ эти новыя пришельцы, очевидно, были чисто кочующимъ народомъ, занимавшимся только скотоводствомъ (что доказывается множествомъ лошадей, похороненныхъ въ большихъ могилахъ), то мы можемъ предположить, что они пріобрѣтали свои металлическіе товары съ сѣвера отъ побѣжденнаго ими народа бронзоваго періода.

Древнія вещи желѣзнаго періода, сдѣланныя изъ металла, доказываютъ намъ, что народы этого періода съ самаго начала знакомы были съ мѣдью, желѣзомъ, золотомъ и серебромъ. Что эти металлы добыты и обработаны были на самомъ Алтаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; мѣдь и золото уже въ теченіе многихъ вѣковъ добывались и обрабатывались на Алтаѣ; желѣзо же и серебро въ первое время желѣзнаго вѣка ввозились, вѣроятно, путемъ торговли, но позднѣе они во всякомъ случаѣ добывались на Алтаѣ, какъ доказываютъ обнару-

1. и 2. кольца из бронзы. 3. и 4. кольца из бронзы. 5. и 6. кольца из бронзы. 7. и 8. кольца из бронзы. 9. и 10. кольца из бронзы. 11. и 12. кольца из бронзы.

Коллекция. 1891.

женныя во многихъ мѣстахъ слѣды начатыхъ работъ въ серебряныхъ коняхъ и встрѣченныя мною кое-гдѣ желѣзные шпиги.

Что касается обработки золота въ древнѣйшій желѣзный періодъ, то она производилась совершенно своеобразно. А именно, золото раскатывалось на тонкіе листы, и этими тонкими золотыми пластинами покрывались различныя украшенія и пуговицы. И нашла большое количество такихъ золотыхъ пластинокъ на Катандѣ и на Гералѣ. Ими были покрыты рукоятки желѣзныхъ ножей и кинжаловъ, которые, по формѣ, принадлежали къ древнѣйшему времени: доказательство, что тогда еще не умѣли золотить и серебрить желѣзо. Деревянные и мѣдные пуговицы также покрывались золотыми листками; тонкія золотыя пластинки прикрѣплялись также на бортахъ и кожаныхъ обшивкахъ платья, равно какъ и вырѣзанныя изъ золотыхъ пластинокъ изображенія звѣрей — тигра, кошекъ, змѣй, а также и людей, воиновъ; арабски, вырѣзанныя изъ березовой коры, тоже покрывались такими золотыми листами. Какъ показываютъ маленькія дырки по краямъ нѣкоторыхъ этихъ пластинокъ, онѣ пришивались нитками къ вышешазнаннымъ предметамъ. Отъ позднѣйшаго времени желѣзнаго періода остались очень изящныя золотыя издѣлія, напримѣръ найденная мною на Абаканѣ золотая серьга и изображенные Витценомъ найденныя въ западной Сибири золотые предметы. Отъ позднѣйшаго періода остались также обдѣланныя въ золото желѣзныя оправы на возжахъ и сбѣлахъ.

Серебро употреблялось сначала для украшенія ремней и сбѣлъ, затѣмъ для колець и серегъ изъ серебряной проволоки для бѣлаго бѣлыхъ людей. Въ позднѣйшее время имъ также покрывалось желѣзо. Кромѣ того, съ самаго начала изготовлялись серебряныя сосуны различной формы, часто выработанные съ большимъ вкусомъ и украшенныя изящной гравировкой.

Желѣзо пріобрѣло съ самаго начала большое значеніе и при изготовкѣ инструментовъ и оружія, требующихъ большой крѣпости, совершенно вытѣснило мѣдь и бронзу. Какъ я уже упоминалъ выше, желѣзные ножи и кинжалы, точно также какъ и мѣдные, выковывались сначала цѣликомъ изъ желѣза, но познѣе поняли, что такая обработка желѣза, при большой крѣпости этого металла, была бесполезна, потому стали выковывать клинки съ тонкими остріями, которыми затѣмъ обрабатывались деревянные и костяныя ручки. Желѣзныя издѣлія древнѣйшаго періода, болѣею частью, такъ пострадали отъ сырости почвы, что мы не въ состояніи опредѣлить ни умѣли ковать, ни степени разнообразія формъ, ни качества стали. Изъ ножей и наконечниковъ стрѣлъ позднѣйшаго желѣзнаго

періода нѣкоторые прекрасно сохранились; отличная ихъ работа и качество стали приводить насъ въ изумленіе. Эти оружія были цѣлкомъ выдѣланы изъ стали и обладали большой крѣпостью. Мнѣ пришлось видѣть много крайне изящно и со вкусомъ сдѣланныхъ наконецниковъ стрѣлъ. Особенно много желѣзныхъ орудій было найдено на поляхъ на Енисей. Русскіе жители увѣрили, что эти предметы для нихъ совершенно безполезны, такъ какъ русскіе кузнецы не могли ихъ передѣлать: хотя это оружіе и ножи и очень тверды, но какъ только ихъ положить въ печь, желѣзо становится мягкимъ и ломкимъ и никакъ не поддается обработкѣ.

Г. Струве любезно изслѣдовалъ также нѣсколько желѣзныхъ ножей и стрѣлъ древнѣйшаго и новѣйшаго желѣзнаго періода. Результатъ его химическаго анализа слѣдующій: „всѣ желѣзные предметы сдѣланы изъ чистаго желѣза, безъ примѣси постороннихъ металловъ. Конечно, они всѣ содержатъ небольшое количество угля и кремня. Чтобы опредѣлить чистоту этого сорта желѣза еще количественнымъ анализомъ, одинъ ножъ древнѣйшаго періода былъ подвергнутъ анализу, и оказалось, что на 100 частей приходилось 99,43 части желѣза, слѣдовательно, здѣсь оказалось превосходное полосовое желѣзо, которое легко поддавалось ковкѣ“. Ни одинъ изъ очень твердыхъ предметовъ новѣйшаго желѣзнаго періода, къ сожалѣнію, не былъ подвергнутъ г. Струве количественному анализу, а къ этимъ предметамъ и относятся преимущественно показанія русскихъ крестьянъ.

Изъ желѣзныхъ предметовъ этого періода мнѣ пришлось видѣть: 1) лошадиную сбрую и приборъ для верховой ѣзды: уздечки (въ древнѣйшій періодъ большею частью съ бѣлыми и мѣдными боковыми кольцами, въ новѣйшій періодъ съ кольцами и отростками длиною отъ 2¹/₂ до 3 вершковъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, въ большинствѣ случаевъ очень хорошей и изящной работы); круглыя и четырехугольныя пластинки для украшенія нагрудника и ремней для хвоста (въ позднѣйшее время обложенныя серебромъ и золотомъ); заклепки и кольца отъ задней части сѣдла для прикрѣпленія ремня (по-татарски—канчуга); стремяна (большею частью съ очень широкими подножками и круглыми штапгами. Верхняя петля, черезъ которую протягивается ремешъ, обыкновенно очень широка. Подножка часто прорѣзной работы. Одно только изъ найденныхъ мною стремянъ оказалось обложеннымъ серебромъ). 2) Рабочіе инструменты: кельты (которые отличаются отъ кельтовъ мѣднаго періода, главнымъ образомъ, тѣмъ, что задняя часть кельта открыта), лопаты, рѣзцы, буравы, топоры и инструменты для

Мѣльные украшения ремней и одежды.

Из музея 201.

сизайки (вообще эти орудія встрѣчаются въ могилахъ лишь жрѣбцамъ, они найдены только въ одной могилѣ на Абаканѣ, также въ могилахъ на Барабѣ и подлѣ Барнаула). 3) Острыя орудія и оружіе: ножи (почти во всѣхъ могилахъ, самой разнообразной величины. Въ могилахъ древняго періода я нашелъ много ножей изъ деревянныхъ рукояткахъ; можетъ быть, они были китайской работы, такъ какъ китайцы еще теперь изготовляютъ подобныя футляры съ нѣсколькими ножами. Ножи новѣйшаго періода имѣютъ прямую спинку и отчасти похожи на ножи сартовъ); книжалы (очень рѣдко, только въ одной могилѣ древняго жѣлѣзнаго періода); мечи (встрѣчаются очень часто, почти всегда болѣе аршина длиной, съ узкими клинками, почти прямыми, обаъ одно лезвие, острие нѣсколько согнуто назадъ; рукоятка меча изъ жѣлѣза или мѣди, но большей части изображавшая розетку, только въ одной болѣе древней могилѣ на Берелѣ я нашелъ болѣе длинный, широкій мечъ съ жѣлѣзною рукояткой, а вмѣсто головки, съ большимъ кольцомъ); острія зонній (вообще рѣдки; но большей части эти острія длинные, нѣкоторыя сдѣланы очень искусно); острія стрѣлъ (самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ: шиловидныя, ланцетовидныя, листовидныя, треугольныя, спереди переходящія въ острие, шириною отъ $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ дюймовъ. Особенно характеристичныя трехгранныя стрѣлы, найденныя на Абаканѣ—страшное оружіе). 4) Панцири (встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, состоятъ изъ искусно выкованныхъ прямоугольниковъ, которые навиты на матерію или кожу (нижнее платье). 5) Огннво. 6) Сельскохозяйственные инструменты: серпы и плуги (изъ послѣднихъ я нашелъ одинъ на Абаканѣ, который совершенно походилъ на плуги сартовъ). 7) Предметы украшенія: пряжки разной величины, застежки и украшенія для поясовъ, аграфы.

Такимъ образомъ, жѣлѣзо значительно вытѣснило изъ употребленія мѣдь и бронзу, такъ что какъ одна, такъ и другая, стали употребляться только при изготовленіи сосудовъ, для оправы и украшеній. Изъ мѣди и бронзы приготовлялись преимущественно оправы ремней для упряжи и поясовъ, затѣмъ поясная пряжка и приборы, аграфы, серпы, кольца, оправы для бусъ, бубенчики, браслеты, ожерелья, маленькія статуэтки. Описывать различныя формы было бы слишкомъ долго, я упомяну только нѣсколькими рисунками. Эти предметы иногда сдѣланы грубо, иногда же снабжены очень тонкими и изящными деталями украшенія. Особенно хорошо сдѣланы нѣкоторыя большія поясная пряжки. Для болѣе грубыхъ работъ пользовались обыкновенно чистой мѣдію, а для болѣе тонкихъ употребляли желтоватый сплавъ, который состоялъ изъ жѣлѣза

сильной примесью олова и свинца (20⁰/₀, какъ показываетъ анализъ Гебеля), такъ какъ такой сплавъ легче растапливался, а былъ болѣе удобенъ для обработки. Замѣчательный сплавъ представляетъ бронза нѣкоторыхъ украшеній новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, а именно: 89,70⁰/₀ мѣди, 0,63⁰/₀ олова и 9,10⁰/₀ желѣза. Эта бронза была очень тверда и ломка; изломъ мелко-зернистый, сѣраго цвѣта; такого рода бронзу, по словамъ Струве, готовить очень трудно и она встрѣчается рѣдко. Кромѣ бронзы, для приготовленія предметовъ украшенія, употреблялся еще бѣловатый металлъ, составъ котораго мнѣ неизвѣстенъ. Я самъ находилъ подобныя украшенія на Енисеѣ, а въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится богатая коллекція древностей изъ подобнаго металла, найденныхъ на Алтаѣ. Зеркала желѣзнаго періода встрѣчаются повсюду съ разнообразными украшеніями. Они отлиты изъ различныхъ металлическихъ сплавовъ, болѣею частью бѣловатаго или сѣрожелтаго цвѣта. Зеркала съ весьма изящно украшенными спинками найдены были Мессершмидтомъ. Особенно хорошо одно изъ нихъ, съ котораго снятъ Мессершмидтомъ рисунокъ; оно сдѣлано изъ стали (?) и снабжено богатой орнаментикой. Всѣ зеркала, которыя я самъ находилъ или видѣлъ, имѣютъ въ центрѣ задней части ушко для прикрѣпленія ремня. Палласъ приводитъ выше рисунки двухъ зеркалъ съ рукоятками. Рисунки оборотныхъ сторонъ этихъ зеркалъ, какъ мнѣ кажется, ясно указываютъ на ихъ китайское происхожденіе.

Кромѣ здѣсь перечисленныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ металла, мы находимъ почти во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка украшенія, вырѣзанныя изъ кости или дерева. Особенно часто встрѣчаются костяныя поясныя пряжки съ костяными или желѣзными язычками. Многія изъ такихъ украшеній также находятся въ Эрмитажѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ высшей степени тонко и тщательно вырѣзаны и украшены рельефными арабесками. На костяныхъ или деревянныхъ пластинкахъ очень часто вырѣзаны изображенія звѣрей, которыя отличаются отъ такихъ же изображеній бронзоваго періода тѣмъ, что это не копія съ настоящихъ формъ животныхъ, а различныя изображенія фантастическихъ чудовищъ: лошади съ птичьими головами, птицы съ головами тигровъ, тигры съ хвостами, на концѣ которыхъ изображены змѣиныя или птичьи головки, лоси или олени, у которыхъ на рогахъ находятся птичьи головы, а морды оканчиваются птичьимъ клювомъ и т. п. Это, очевидно, изображеніе мифическихъ звѣрей, можетъ быть, животныхъ-идоловъ. Къ послѣднему предположенію меня склоняетъ въ особенности тотъ фактъ, что, какъ я уже выше упомянулъ, въ большой

Разные предметы изъ кости древнѣйшаго желѣзнаго вѣка на Азіат. (N 1—10. Музей.)

могилъ на Катанѣ въ сѣвѣ березовой зорѣ, около $1\frac{1}{2}$ арш. нѣк-скелетами были найдены завернутыя въ платъ разнообразныя рѣзные издѣлія изъ дерева, которыя, очевидно, служили не украшеніемъ, но имѣли релігіозное значеніе. Тамъ было много найдутаго въ индусской ленту вырѣзанныхъ изъ дерева статуettek лошадей, натуральныхъ формъ: конята ихъ были украшены золотыми пластинками. У одной изъ лошадей была птичья голова съ сильно вы突出ыми глазами. Другіе нѣчто вроде чаши, на днѣ которой были изображены два спя-тенище между собою вытянувшіеся тигра съ хвостами, снабженными птичьими головами, и фантастическій лось испанской породы, про-гнѣ котораго изображенъ былъ естественный медвѣдь.

Кромѣ изображеній фантастическихъ животныхъ, ориентака же-лѣзнаго вѣка отличается еще въ особенности употребленіемъ драбесовъ и изогнутыхъ линий, заимствованныхъ, очевидно, у растений; тогда какъ мы не встрѣчаемъ ни одного предмета бронзового вѣка, который быль бы подобнаго рода украшенія. Во всѣхъ могилахъ желѣзнаго вѣка мы на-ходимъ глиняные сосуды, но и эти уже въ древнѣйшій періодъ рѣзко отличаются отъ глиняныхъ издѣлій бронзового вѣка. Въ южномъ Алтаѣ и на Бухтармѣ находятся въ могилахъ древнѣйшаго періода желѣ-знаго вѣка очень хорошо обожженные глиняные сосуды, которые от-личной обработкой самой глины и искусствомъ обжиганія далеко пре-восходятъ грубыя глиняныя издѣлія бронзового вѣка. Но еще гораздо болѣе шагъ впередъ въ выдѣлываніи глиняной посуды обнаруживаютъ могильныя урны новѣйшаго періода желѣзнаго вѣка на Абаканѣ. Форма ихъ по большей части исполнена со вкусомъ; онѣ сдѣланы изъ пре-красно обработанной и хорошо промытой сѣро-сѣдой глины, и такъ хорошо обожжены, что при ударѣ издаютъ чистый, почти металлическій звонъ. Наробы новѣйшаго желѣзнаго періода должны были обладать хорошими печами для обжиганія сосудовъ, потому что стѣнки сосудовъ, толщиною часто въ 3—4 линіи, все, безъ исключенія, равномерно обож-жены, тогда какъ сосуды съ болѣе тонкими стѣнками древнѣйшаго желѣзнаго періода на поверхности обожжены сильно, чѣмъ въ сре-динѣ. Глазурованныхъ сосудовъ а не встрѣчаемъ въ могилахъ желѣ-знаго вѣка ни на Енисѣѣ, ни въ южномъ Алтаѣ, но въ Алтаѣ и на-шлись бусы изъ стекла и глины, которыя были покрыты искусственною глазурью. Я полагаю, что эти глазурованныя издѣлія не были гото-вованы на Алтаѣ, но привезены съ юга торгующая.

Обнаруженные здѣсь древности позволяютъ намъ составить довольно ясное понятіе о жизни и занятіяхъ народовъ древняго желѣзнаго ве-

ріода на Алтаѣ и въ восточной Киргизской степи. Мы имѣемъ, очевидно, здѣсь тѣло съ чисто кочующимъ народомъ, какъ описываютъ намъ китайцы Тукию, Хакасовъ и Уйгуровъ. Большое количество разнообразнаго оружія, каковы мечи, копья, кинжалы, стрѣлы и т. д., которое встрѣчается во всѣхъ могилахъ этой эпохи, указываетъ намъ нагляднѣйшимъ образомъ, не на миролюбивый, промышленный народъ, какимъ, очевидно, быть народъ бронзоваго вѣка, но, наоборотъ, на народъ воинственный, который своими дикими набѣгами безпокоилъ всѣхъ своихъ сосѣдей и приводилъ ихъ въ ужасъ, т.-е. на народъ, съ которымъ были очень схожи описанные китайцами тюркскіе народы. Можно сравнить то, что китайцы говорятъ о Тукию: „изъ оружія они имѣютъ луки изъ рога и свистяція стрѣлы, копья, сабли и мечи. Тукию весьма ловко стрѣляютъ съ горы внизъ. Грабежи и набѣги они предпринимаютъ обыкновенно передъ полнолуніемъ“. О Хакасахъ, которые если и не были тюркскимъ народомъ, то все-таки очень рано перемѣшались съ тюрками и переняли тюркскіе нравы, китайцы говорятъ слѣдующее: „На войнѣ они употребляютъ луки и стрѣлы. Всадники прикрываютъ руки и ноги маленькими деревянными щитами. Они имѣютъ войско въ 80.000 человекъ, которое состоитъ подъ высшимъ начальствомъ трехъ полководцевъ. Мужчины выѣзжаютъ на войну верхомъ, вооруженные луками и копьями“. Предметы, найденные въ могилахъ желѣзнаго періода, подтверждаютъ эти указанія объ оружіи древнихъ тюркскихъ народовъ, такъ какъ въ древнихъ могилахъ на Берелѣ находятся даже остатки панцырныхъ пластинокъ. Древнія кольчуги, найденныя въ различныхъ мѣстностяхъ на Алтаѣ, очевидно, относятся не къ этому періоду, но гораздо позднѣе привезены изъ другихъ странъ, такъ какъ, по формѣ, онѣ совершенно схожи съ кольчугами, которыя изготовлялись въ южной части Азіи. Столь воинственный народъ, какъ Тюрки, навѣрно постоянно носили свое оружіе какъ украшеніе, и поэтому вовсе не удивительно, что оружіе, постоянно сопровождавшее мужчину, хоронилось вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы и за гробомъ оно могло ему служить охраной и защитой. Мечи древнихъ Тюрковъ были длиною до 1 арш. 8 вершк., съ однимъ лезвіемъ и немного согнутые. Копья представляли древко длиною въ нѣсколько аршинъ, на концѣ котораго прикрѣплено было, большей частью ланцетообразное, желѣзное остріе, т.-е. они имѣли такой же видъ, какъ „найзы“ нынѣшнихъ киргизъ-кайсаковъ. Стрѣлы и кинжалы этого періода я уже подробнѣе описалъ выше. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что мечи, кинжалы и острія стрѣлъ встрѣчаются только въ могилахъ древнѣйшей эпохи же-

лѣснаго вѣка, тогда какъ въ могилахъ позднѣйшей эпохи из Абхазіи ить оружія находятся только острія стрѣлъ.

Отсюда можно заключить, что Тюрки послѣдней эпохи уже не представляли значительнаго народа, вооруженнаго большаго войска противъ врага. Разнообразныя формы наконечниковъ стрѣлъ, описанныя мною выше, доказываютъ намъ, что древніе тюркскіе племена употребляли это оружіе не только на войнѣ, но и на охотѣ. Некоторые наконечники до того малы, что они, очевидно, служили для охоты на маленькую дичь, какъ-то: бѣлокъ, горностая, соболей, куницы и лисицы, шкуру которыхъ старались по возможности меньше испортить. Для такой же цѣли могли служить также тупыя деревянныя и костяныя стрѣлы. Что эти звѣри дѣйствительно убивались, доказываютъ намъ найденныя въ могилахъ на Катандѣ платья и данныя китайскихъ хроникъ. Стрѣлы съ широкимъ разрѣзомъ служили, очевидно, для охоты на птицъ, гусей, утокъ и лебедей, а также глухарей и тетеревей, которые въ большаго количества проводили лѣто на южномъ Алтаѣ, въ Саянскихъ горахъ и въ прилегающихъ степяхъ. Очень хорошее изображеніе охотничьихъ сценъ представляетъ серебряный кубокъ съ Енисея, извѣстный намъ по рисунку Мессершмидта. На немъ изображены нѣсколько всадниковъ, которые охотятся верхомъ. Одинъ стрѣляетъ въ птицу, представляющую часть ея головы, второй держитъ на длинномъ жупѣ охотничью птицу, три другихъ всадника стрѣляютъ въ различныхъ положеніяхъ въ убѣгающихъ отъ нихъ антилопъ, тогда какъ шестой всадникъ стрѣляетъ въ хищнаго звѣря, по видимому, преслѣдуя его. Эти охотничьи картины дополняются еще рисунками на камнѣ на Тасѣ, которые сходны съ вышеописанными изображеніями бронзоваго періода, но отличаются отъ нихъ вѣрностью передачи и очевидно вырѣзаны на камнѣ съ помощью острыхъ жемчужныхъ инструментовъ. По характеру своему эти рисунки схожи съ рисунками вышеописаннаго серебрянаго кубка, такъ что мы можемъ приписать ихъ народамъ позднѣйшаго желѣзнаго вѣка на Енисеѣ. Наряду съ другими охотничьими сценами здѣсь представлены: охотники верхомъ, вооруженные луками и стрѣлами, которые гонятся за козлами, оленями, лосями и ланями. Одинъ изъ всадниковъ преслѣдуетъ описываемыхъ звѣрей и посылаетъ имъ съ лошади смертоносную стрѣлу, причѣмъ онъ, по видимому, стоитъ на стременахъ. Въ другомъ мѣстѣ представлена охота на хищныхъ звѣрей. Здѣсь мы видимъ тигровъ, рысей, волковъ и медвѣдей. Но на этихъ дикихъ звѣрей охотники не отваживаются напасть, свѣдѣніе на то, такъ какъ въ такомъ положеніи онъ не можетъ стрѣлать изъ лука, а каждая

не понашая стрѣла можетъ стоить ему жизни; онъ сходитъ съ лошади, подкрадывается къ звѣрю на разстояніе выстрѣла, опускается на правое колѣно, упираетъ локоть лѣвой руки на лѣвое колѣно, натягиваетъ правой рукой тетиву до уровня плеча, а лѣвой рукой придерживаетъ лукъ и посылаетъ, такимъ образомъ, страшному врагу смертельную стрѣлу.

Особаго вниманія заслуживаетъ то, что во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго періода находится большое количество лошадиныхъ скелетовъ. Такъ, мы нашли, какъ я уже замѣтилъ, 16 лошадиныхъ остововъ въ большой могилѣ Берельской степи; въ другихъ могилахъ по 8, 6 и 4 лошади, даже въ небольшихъ могилахъ на Катандѣ встрѣчалось по 2 и 3 лошади. Этотъ фактъ, также какъ и рисунки на камнѣ этого періода, на которыхъ никогда не бываютъ изображены пѣшіе люди, а исключительно всадники, доказываетъ намъ, что народы древняго желѣзнаго періода были несомнѣнно верховымъ народомъ; точно также и китайскія хроники съ древнѣйшихъ временъ изображаютъ намъ тюркскіе народы, какъ конныя племена. Это не должно насъ удивлять, такъ какъ всюду, гдѣ даже и въ позднѣйшее время выступаютъ Тюрки, они являются въ видѣ конныхъ ордъ, равнымъ образомъ, какъ и всѣ оставшіеся въ степяхъ западной Азіи Тюрки-киргизы, Кара-киргизы, Кара-калпаки и Туркмены до сихъ поръ остались настоящимъ коннымъ народомъ; даже и оттѣсненныя на югъ Сибири тюркскія племена не измѣнили этого образа жизни, что доказываютъ намъ какъ могилы новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, въ которыхъ повсюду находится лошадиная упряжь, такъ и образъ жизни и нравы алтайцевъ и качинцевъ. Само собою разумѣется, что конные народы снабжали своихъ покойниковъ принадлежностями верховой ѣзды и лошадиною упряжью для далекаго загробнаго путешествія.

Изъ древностей, найденныхъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка, видно, что народы желѣзнаго вѣка искони были знакомы съ сѣдлами и стремянами. Я самъ нашелъ пару стремянъ въ древней могилѣ на Бухтармѣ, а въ большой могилѣ на Катандѣ встрѣтились между вышеописанными статуэтками, вырѣзанными изъ дерева, лошадки съ сѣдлами на спинѣ, передняя часть которыхъ была покрыта золотыми листиками. Копыта этихъ лошадей были также покрыты золотыми листиками. Это, можетъ быть, указываетъ на то, что древнѣйшіе народы желѣзнаго вѣка въ дѣйствительности украшали, такимъ образомъ, копыта своихъ лошадей. Что они украшали разнообразнымъ способомъ лошадиную сбрую, доказываютъ намъ не только шнурки съ нанизанными зубами кабана,

которые мы находимъ въ нѣкоторыхъ могилахъ на Бухтармѣ на двухъ лошадиныхъ скелетахъ, но и деревянные, покрытые золотомъ, украшенія изъ большой могилы на Берелѣ, которые, очевидно, прикрѣплялись къ лошадинымъ гривамъ. Мы не удалось опредѣлить, подковывали-ли они лошадей и въ древнѣйшее время, такъ какъ въ древнѣйшихъ могилахъ я нигдѣ не находилъ слѣдовъ подковъ. Но это позднѣе, народы желѣзнаго вѣка имѣли обыкновеніе подковывать лошадей, доказываются найденными въ одной могилѣ на Абаканѣ кусками подковы, состоящей изъ тонкой желѣзной пластинки съ отверстіями для гвоздей, похожей на подковы, нынѣ употребляемыя въ Китаѣ. Кроме того, встрѣчаются всякаго рода уздечки съ большими боковыми кольцами, въ позднѣйшихъ же могилахъ съ красивыми и разнообразными по формѣ боковыми штангами. Къ кольцамъ уздечекъ были прикрѣплены боковые ремни, а къ нимъ ремни поперечные. Эти ремни были частью прямо связаны съ кольцами уздечки, частью же посредствомъ металлической оправы. Въ ремни уздечки были обложены металлическими украшениями, которые въ древнѣйшія времена состояли у богатыхъ изъ вышитыхъ тонкихъ золотыхъ листиковъ или массивной серебряной оправы, прикрѣпленныхъ серебряными гвоздиками; у болѣе бѣдныхъ — изъ такой же, но мѣдной оправы. Въ позднѣйшій періодъ употреблялась также желѣзная оправка ремней, выложенная золотомъ или серебромъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ богатые киргизы еще до сихъ поръ. На лобныхъ и носовыхъ ремняхъ лошадиной уздечки часто прикрѣплялись круглыя пластинки съ маленькими бубенчиками. Сѣдла народовъ желѣзнаго вѣка имѣли, очевидно, спереди широкій и высокій деревянный бортъ, какъ дѣлаются теперь китайскія сѣдла. У людей богатыхъ этотъ бортъ былъ украшенъ металлической оправой, которая, разумѣется, соотвѣтствовала оправѣ ремней. На задней части сѣдла, какъ доказываетъ найденная металлическая оправка, съ древнѣйшихъ временъ прикрѣплялись два ремня, которые кольцами соединялись съ подхвостникомъ, позднѣе вошли въ употребленіе нагрудники, (что доказываютъ намъ самими негладкимъ образомъ три металлическихъ прибора, укрѣпленные въ боковомъ колѣбѣ), которые также встрѣчаются въ абаканскихъ могилахъ новѣйшаго періода. Подпруга, удерживающая сѣдло, была узкая, такая же точно, какъ еще нынѣ употребляется у конныхъ народовъ Азии; это доказываютъ намъ найденныя подлѣ скелетовъ лошадей прежде все подпруги. Найденныя между лошадиными остовами въ большой ямѣ на Берелѣ украшения изъ березовой коры, покрытыя золотыми листочками, мы кажется, указываютъ на то, что на спяну лошади владѣли

чепраки, украшенные золотыми листочками. Стремена имѣютъ въ большинствѣ случаевъ очень узкую дужку, но широкую подножку, которая въ познѣйшій періодъ желѣзнаго вѣка часто была богато изукрашена.

Главное занятіе этого коннаго народа было, очевидно, скотоводство, которое позволяло имъ вести кочующую жизнь. Кромѣ лошадей, они держали, какъ доказываютъ намъ рисунки на камнѣ на Люсѣ и Енисеѣ, овецъ, козъ, рогатый скотъ и верблюдовъ. То же самое сообщаютъ намъ китайцы о Хакасахъ. „Ихъ лошади высоки и сильны; наилучшими считаются тѣ, которыя любятъ драться между собою. Они содержатъ также верблюдовъ и быковъ, и быковъ болѣе, нежели барановъ. Богатые люди обладаютъ многими тысячами скота“. О Түкіу сообщается только, что они приносятъ въ жертву барановъ и лошадей. Но затѣмъ объ образѣ жизни ихъ говорится: „Хотя никто изъ нихъ не имѣетъ постоянного мѣстожителства, но каждый обладаетъ своимъ участкомъ земли“. Я уже упомянулъ, что эти участки земли опредѣлялись, вѣроятно, только для зимняго мѣстопробыванія. Пастбища каждаго отдѣльнаго аула были, какъ еще нынѣ у кочующихъ киргизовъ, повсюду раздѣлены посемейно. Народы, занимающіеся скотоводствомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ рассказываютъ китайцы о Хакасахъ, могутъ вообще вести только кочующій образъ жизни, такъ какъ иначе ихъ стада скоро должны были бы страдать отъ недостатка травы. О жизни этихъ древнихъ кочевниковъ китайцы рассказываютъ (очень подробно, по поводу описанія правовъ древнихъ Каотше-уйгуровъ) такъ: „Каотше кочуютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ больше воды и травы“. При этихъ кочевыхъ переходахъ Каотше употребляютъ высокія двухколесныя телѣги, что, по показанію китайцевъ, было причиною даннаго имъ имени Каотши (высокія повозки). Что народы желѣзнаго вѣка также употребляли подобныя телѣги, доказываетъ намъ рисунокъ на камнѣ недалеко отъ Люса, который представляетъ закрытую телѣгу съ двумя высокими колесами, запряженную верблюдомъ.

Кромѣ скотоводства, народы желѣзнаго вѣка занимались еще земледѣліемъ, какъ и до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ тюркскіе кочующіе народы. Они обрабатывали подобнымъ же образомъ свои поля по близости зимней стоянки и оставляли на нихъ часть своихъ слугъ и кліентовъ, тогда какъ сами со своими стадами переходили кругомъ съ одного пастбища на другое. На мѣстѣ зимней стоянки Хакасы строили себѣ, по показанію китайцевъ, хижины изъ березовой коры (такъ-называемые алатпикъ-уй нынѣшнихъ тюрковъ), тогда какъ лѣтомъ они жили въ палаткахъ изъ войлока. Насколько у древнихъ Тюрковъ было распро-

странено обыкновенно постоянной зимой стоянет, дожидаются паша, между прочимъ, также тотъ фактъ, что нѣмѣ живущіе осѣлае Уйбаи долины Серафа повсюду измѣняютъ свои деревни зимлава (т. е. зимней стоянкой). Больше точныя свѣдѣнія о земледѣліи у древнѣе Туркочъ даютъ намъ китайцы только относительно Хакасовъ, которые, по ихъ словамъ, сѣлаи просо, ячмень, пшеницу и гималайское жито. Пшеница происходила у нихъ на третѣемъ мѣсѣцѣ, а жито на десятѣмъ. Что земледѣліе у Хакасовъ не было распространено, видно изъ свѣдущаго показанія китайцевъ, которое, впрочемъ, болѣе принимаетъ буквально: они питаются говядиной и кобыльимъ молокомъ, только ама (полководцы) ѣсть кушанье изъ хлѣба. И понимая это такъ, что только богатые люди (какъ и теперь еще у киргизовъ) могли заниматься хлѣбопашествомъ, такъ какъ они оны были въ состояніи оставлять лѣтомъ на обработанныхъ поляхъ урты и рабочихъ и прокормить послѣднихъ.

О занятии земледѣліемъ и употребленіи оной народомъ желѣзнаго вѣка свѣдѣтельствуютъ найденные во многихъ мѣстахъ изуги и серпы, также какъ и круглыя каменные жернова ручныхъ мельницъ и шероховатыя каменные плиты для растиранія зерна. Употребленіе ручныхъ мельницъ у Хакасовъ подтверждается китайскими хрониками. Найденные въ Абаканской степи, на Уйманѣ и на Бухтармѣ остатки древнихъ каналовъ для искусственнаго орошенія степей могутъ, конечно, принадлежать и народамъ желѣзнаго вѣка; но нѣтъ вѣроятнаго, чтобы кочующіе народы часто предпринимали столь изнѣдчительныя сооруженія для орошенія; вѣроятно, они при случаѣ пользовались постройками прежнихъ обитателей (бронзоваго вѣка).

По показанію китайцевъ, Хакасы занимались также рыболовствомъ. Что рыболовство практиковалось у народовъ желѣзнаго вѣка, доказываютъ намъ найденныя въ древнихъ могилахъ на южномъ Алаѣ рыбьи кости, а также и желѣзный инструментъ съ рыбьимъ, который я нашелъ на Абаканѣ и въ которомъ я охотно признаю таргучъ.

То, что китайцы сообщаютъ объ охотѣ Хакасовъ, подтверждаетъ вообще охотничью природу желѣзнаго вѣка. Это доказываютъ также, найденныя мною въ могилахъ древнѣйшаго периода желѣзнаго вѣка на Катандѣ и, благодаря лѣду, хорошо сохранившіеся.

Первое изъ этихъ предметовъ — аркавый палокъ съ длиннымъ, лопатчатымъ ушкомъ руками, что нѣтъ сомнѣнія невозможно, чтобы тутъ можно было просунуть руку. Палокъ былъ подобенъ собольему хвосту, который на этихъ мѣстахъ сохранился въ совершенной чистотѣ. По-

крышка была изъ маленькихъ горностаевыхъ мѣховъ волосами паружу. Эти горностаевые мѣха окрашены были въ красную краску и парѣзаны подковообразными и четырехугольными кусками, между которыми нашиты были полосы того же мѣха, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ. На узкихъ подковообразныхъ зеленыхъ мѣховыхъ полосахъ, которыя сходились одна съ другой верхушками, были нашиты въ разныхъ мѣстахъ до одинадцати круглыхъ деревянныхъ пуговицъ, покрытыхъ золотыми листиками. Зубцы, вшитые между подковами, были прикрѣплены очень узкими кожаными ремнями, на которыхъ на каждомъ зубцѣ нашиты были 16 маленькихъ четырехугольныхъ золотыхъ листиковъ. Вокругъ шеи и на переднихъ сторонахъ плаща нашиты были на разстояніи 4—5 вершковъ 14 рядовъ четырехугольныхъ, плотно одна къ другой прилегающихъ деревянныхъ пуговицъ; онѣ точно также были покрыты золотыми листиками такимъ образомъ, что 4 пуговицы прикрывались однимъ золотымъ листомъ. Восемь рядовъ точно такихъ же пуговицъ окружали лишній край одежды. На плечахъ находились точно такія же полосы, состоящія изъ 5 рядовъ пуговицъ, на концахъ рукавовъ полосы изъ 8 рядовъ и на наружномъ швѣ рукава отъ плеча до низу—2 ряда подобныхъ пуговицъ. Точно такія же тонкія полосы изъ пуговицъ шли изъ подмышекъ и отъ средней части воротника на спинѣ до нижняго широкаго рубца.

Вторая часть одежды—замѣчательной формы, напоминающей нашъ фракъ. Она была точно также подбита собольимъ мѣхомъ, но крышка была изъ темной шелковой матеріи (цвѣтъ ея могъ, впрочемъ, потемнѣть отъ долгаго лежанія). Передняя часть этой одежды представляетъ куртку, достигающую почти до талии, безъ воротника и съ острымъ вырѣзомъ, доходящимъ до середины груди. Около бедеръ спина куртки удлиняется, и эта полоса, шириною около $1\frac{1}{2}$ фута, доходитъ до лодыжекъ. Верхняя одежда вокругъ шеи и весь край платья были обшиты кожаной полосой, шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, которая съ обѣихъ сторонъ была обшита тонкими пилообразными золотыми зубчиками. На свободномъ мѣстѣ между этими золотыми зубцами были нашиты попарно на кожаную полосу маленькіе круглые золотые листики, отстоящіе другъ отъ друга на 1 дюймъ. Подобная же кожаная полоса шла отъ плеча черезъ грудь до паружнаго края ворота и точно также черезъ спину на высотѣ лопатокъ. Рукава были обшиты точно такими же кожаными полосами. Книзу отъ плечъ на наружномъ швѣ рукава и отъ лопатки на спинномъ швѣ шли нашитыя кожаныя полосы вдвое меньшей ширины, обшитыя только пилообразными золотыми полосками.

Третьей частью одежды были нагрудники, который точно так же были подобны соборамъ и покрыты шелковой матеріей, онъ имѣлъ форму трапеціи и былъ обшитъ просто кожаной полосой, борты которой были украшены тонкой золотой полоской. На углахъ ушаго верхняго края были прикрѣплены короткіе ремни или ленты, которые зашнуровывались вокругъ шеи, тогда какъ на нижнихъ углахъ были прикрѣплены болѣе длинныя ленты, зашнуровавшіяся вокругъ талии. Китайцы намъ рассказываютъ, правда, про Хакасовъ, что у нихъ только женщины носили шелковыя и шерстяныя одежды, но мнѣ кажется, однако, что все здесь описанная, найденная въ одномъ мѣстѣ, часть одежды принадлежала мужскому одѣянію, такъ какъ нагрудники, безъ сомнѣнія, могли принадлежать только мужчинамъ. Что болѣе блдныя люди носили овечьи шубы, какъ китайцы сообщаютъ намъ о Хакасахъ, доказываются остатками подобной шубы, найденными въ маленькой могилѣ на Катанѣ. Форму этой шубы, къ сожалѣнію, нельзя было рассмотреть, такъ какъ кожа совершенно истлѣла, и только маленькіе обрывки уцѣлѣли. Въ мѣху шубы сохранились отдѣльные куски штановъ. Они были сдѣланы изъ довольно грубой ткани ручной работы, по своему строенію схожей съ вытканнымъ изъ верблюжьей шерсти армякомъ кертисовъ. Хорошо сохранился нижній край одной штанины; онъ былъ такъ узокъ, что слѣдуетъ предположить, что эти штаны носились въ узкихъ сапогахъ. Съ одной стороны снизу штаны были вырѣзаны, и вырѣзь, также какъ и весь нижній край, обшитъ былъ тонкимъ шнуромъ, концы котораго висѣли и служили, вѣроятно, для того, чтобы поднимать нижній край панталонъ у лошажки. Шнурокъ, которымъ панталоны были обшиты внизу и на поясъ, какъ можно ясно различить на некоторыхъ кускахъ, былъ сплетенъ, а не скрученъ. Въ другой могилѣ тамъ же былъ найденъ войлочный сапогъ или чулокъ, подошва котораго, сдѣланная изъ очень тонкаго войлока, была насквозь протыкана. Верхняя часть голенища, которое было длиною, приблизительно, отъ 1½ до 2 верш., была зашнурована на 1 верш. ширины. Кроме этихъ платьевъ около двухъ женскихъ скелетовъ нашли на шеѣ остатки узкихъ (шириною около 1 верш.) стоячихъ воротничковъ изъ весьма тонкой матеріи, на которой нашиты были рядами маленькіе круглые и овальныя мѣдныя доистики. Последнее частію были такой же формы и величины, какъ и въ которыхъ золотыя листики, найденныя въ большой могилѣ.

И не нашли ни въ одной могилѣ женскаго періода стѣла шпорокъ или другихъ головныхъ уборовъ. Зато я встрѣтилъ въ одной могилѣ на Бухтармѣ вырѣзанную изъ золотого листа фигуру всадника.

у коего, повидимому, на головѣ была остроконечная шапка, которая по длинѣ почти равнялась половинѣ туловища; точно также и одинъ изъ всадниковъ, нарисованныхъ на камнѣ (на Юсѣ), носилъ на головѣ остроконечную шапку. Въ свою очередь, китайцы приписываютъ такія же шапки Хакасамъ. Наконецъ, этимъ показаніямъ соотвѣтствуютъ и острия шапки на головахъ трехъ всадниковъ на вышеупомянутомъ серебряномъ сосудѣ, знакомомъ намъ по рисунку Мессершмидта; только эти шапки гораздо короче, нежели шапки на рисункѣ на камнѣ. Къ этому я еще прибавлю, что нога вышеназваннаго всадника въ рисункѣ на камнѣ на Юсѣ, сверху до низа покрыта косыми полосами; по моему мнѣнію, это—изображеніе мѣховыхъ сапогъ, которые дѣлались изъ шкуры козули и поэтому были полосатые. Такіе сапоги носятъ многіе алтайцы еще и теперь поверхъ длиннаго мѣхового чулка.

Предметы украшенія изъ золота, серебра, бронзы и мѣди, которые только въ небольшомъ количествѣ найдены въ изслѣдованныхъ мною могилахъ, какъ я уже упомянулъ, суть слѣдующіе: пуговицы, оправы поясовъ, аграфы, поясныя пряжки, металлическія пластинки, нашитыя на платья, кольца, серьги, маленькіе бубенчики и металлическія украшенія для волосъ. Я съ намѣреніемъ употреблялъ въ своемъ изложеніи выраженіе: народы желѣзнаго вѣка, потому что мое изслѣдованіе могилъ и видѣнныя мною древности еще недостаточны для того, чтобы специализировать эти народы. Повидимому, народы желѣзнаго вѣка, обитавшіе на югѣ, которые оставили по себѣ большія каменные насыпныя могилы, были тюркскими народностями, также какъ и тѣ народы, которые соорудили позднѣе могилы на Енисеѣ, енисейскіе киргизы или потомки подчинившихся тюркскому вліянію Хакасовъ, такъ какъ послѣдніе отъ VI до XVII столѣтія обитали непрерывно въ долинахъ и степяхъ на верхнемъ Енисеѣ и на Абаканѣ. Точно также могилы восточныхъ киргизскихъ степей къ сѣверу до средняго Иртыша кажутся мнѣ насыпными тюркскими племенами. Но что касается до могилъ желѣзнаго вѣка на сѣверномъ Алтаѣ, между Иртышемъ и Чолымомъ и въ рѣчныхъ бассейнахъ Тобола, Ишима, нижняго Иртыша и Тары, то остались-ли онѣ отъ тюркскихъ народовъ, или онѣ были сооружены угро-самоѣдскими племенами или енисейцами, этого я не могу ни въ какомъ случаѣ утверждать или оспаривать. Для рѣшенія этого вопроса требуются еще многія изслѣдованія и вскрытія могилъ, которыя должны быть предприняты, главнымъ образомъ, на нижнемъ Иртышѣ, въ бассейнѣ Тобола, въ сѣверной киргизской степи, въ об-

дасти средней Оби и на Томи. Точно также важны были бы исследования могил монгольских степей и, наконец, исследование обширных могильников между Бухтармой, Нурь-Зайсаном и городом Сергеевским.

Между тем как турки Средней Азии, благодаря близости с южными культурными народами, достигли более высокой степени государственного развития, у северных их братьев и у подвластных им племен угро-самоедов и енисейцев, отрывавшихся от всевозможного близкого сношения с соседями, прежняя степень культуры упала все ниже и ниже: они распались на мелкие племена, которые в непрерывных расприх и борьбе, сами себя уничтожали и, наконец, дошли до той степени ничтожности, на которой застали их русские в Сибири в XVII столетии. Сь упадком политического значения этих народов и степени их культуры, уменьшалась, конечно, и богатство, и рабочая сила, так, что вскоре они не были уже в состоянии сооружать своим покойникам высокие могильные памятники. Наконец, у них совершенно исчезло обыкновенное насыпать могильные холмы, и они заимствовали способ погребения отчасти у татар, отчасти у монголов. Напротив того, кажется, что в некоторых частях Сибири обычай сооружения курганов сохранился дольше, нежели в других, по крайней мере, я могу это утверждать относительно одной местности, где этот обычай сохранился еще до XVII столетия. Я говорю о местности на Чолыме, к северу от Мариинска, где я нашел в большом количестве уже описанные могилы новейшей эпохи.

Степень культурного развития обитателей Чолыма в XVI и XVII веках была, приблизительно, та же, на которой находится и теперь большинство обитателей южной Сибири. Судя по предметам, найденным в могилах, этот народ умел выделывать медные вещи и железо, так как не подлежит сомнению, что некоторые ножи, железные стрелы и котлы, выкованные из местного железа, сделаны были на месте. Но, повидимому, металлы, обрабатываемые ими, туземцы не сами добывали, а получали в виде платка и лоскута через посредство русских купцов. Прочие предметы из железа, меди и латуни, очевидно, привозили из России. Къ нимъ я причисляю и некоторые ножи, топоры, ножницы и т. д., а также и некоторые украшения, перстни и серьги из желтой меди, латунные аграфы, пряжки, металлические и стеклянные бусы и т. д.

Найденное въ могилахъ оружје (копьяныя и железныя наконеч-

ники стрѣлы) доказываетъ намъ, что эти народы занимались охотой, которая и до сихъ поръ еще составляетъ главное занятіе обитателей этой области. Что у нихъ, кромѣ того, были лошади, употреблявшіяся ими для верховой ѣзды, свидѣлствуютъ найденныя въ могилахъ уздечки. Былъ-ли у нихъ и другой скотъ, нельзя рѣшить на основаніи изслѣдованія могилъ этой эпохи. Занимались-ли они земледѣліемъ и какимъ образомъ занимались—также нельзя сказать положительно: я нигдѣ не находилъ серповъ; хотя нѣкоторые бѣльшіе желѣзные кельты, очевидно, мѣстнаго издѣлія, могли служить и заступами для разрыхленія земли.

Въ такомъ случаѣ древніе обитатели Чолыма обрабатывали землю такимъ же способомъ, какъ татары Чернолѣсья. Маленькіе желѣзные кельты такой же формы, по всему вѣроятію, служили для выкапыванія корня кандыка и луковицъ породы лилій, которые составляютъ съ древнѣйшихъ временъ главный предметъ питанія самоѣдскихъ племенъ. Изъ желѣзныхъ инструментовъ я нашелъ, кромѣ того, еще рѣзецъ и нѣсколько кельтовъ меньшаго размѣра, служившихъ, очевидно, для выдѣлки деревянныхъ чашъ. Подобныя деревянныя чаши, снабженныя иногда ручкой, и служившія, очевидно, для питья, я находилъ въ нѣкоторыхъ могилахъ. Я находилъ также, хотя и весьма разрозненно, обломки глиняныхъ сосудовъ, но только въ могильныхъ насыпяхъ, такъ что они относятся, вѣроятно, къ позднѣйшему времени. Тотъ фактъ, что древніе обитатели Чолыма, вмѣсто прежней глиняной посуды, клали въ могилу котлы изъ листового желѣза или мѣди и деревянныя чаши для питья, служитъ доказательствомъ того, что этотъ народъ уже не умѣлъ выдѣлывать глиняной посуды. Относительно котловъ слѣдуетъ еще замѣтить, что мѣдные котлы сдѣланы цѣликомъ изъ одного куска, желѣзные же состоятъ изъ двухъ частей, боковъ и дна, причемъ эти части прикрѣплены одна къ другой посредствомъ толстыхъ заклепокъ. Въ одной только могилѣ я нашелъ желѣзный чешуйчатый панцырь. Онъ былъ подбитъ красной шерстяной матеріей, цѣлые куски которой хорошо сохранились. Эта шерстяная матерія была очень груба и схожа съ шерстяными тканями русскихъ крестьянъ, что даетъ возможность признать эту ткань продуктомъ мѣстнаго производства. Кусокъ полотна, который оказался въ женской могилѣ на Чердатѣ, безъ сомнѣнія, привезенъ русскими купцами.

Объ одѣяніи обитателей Чолыма, судя по найденнымъ при скелетахъ остаткамъ, можно съ увѣренностью сказать только слѣдующее: какъ женщины, такъ и мужчины носили шапки изъ оленьяго мѣха;

главным же частям изъ одежды были шуба изъ мѣла итѣ-б. тобыты на охотѣ. Сапоги изъ дѣлались изъ мѣла или изъ кожи и доходили почти до колѣна, на подошвѣ и на пятѣ были прикрѣплены куски берестовой коры, которые по большей части представляли собою остатки сапогъ, совершенно уничтоженныхъ временемъ. Женщины носили сараи и юбки на пятахъ, на шеѣ же часто носились желѣзные кольца, на которыхъ прикрѣплены были длинною шнурки съ бусами. Также и на кость прикрѣплялись стеклянныя бусы. Съ лѣвой стороны женщины носили, кромѣ того, аграфы или кресты, на которыхъ висѣло украшеніе изъ бусъ; на этомъ же крестѣ висѣло висюлька съ принадлежностями питья, наперсткомъ и ножницами. Мужчины носили поясъ съ металлической оправой или бѣли нею, а съ лѣвой стороны ножи, вставленный въ деревянные ножины. На рукахъ мужчинъ встрѣчались также кольца изъ латуни съ поперечными выемками или бѣли ванней.

Такъ какъ устройство могилъ на Чолымѣ совершенно сходно съ устройствомъ могилъ древнихъ народовъ бронзоваго вѣка и, кромѣ того, именно въ мѣстахъ нахожденія этихъ могилъ наивѣрнѣе рѣше указать на то, что здѣсь жили вѣдѣдѣтніи енисейцы, то мы вправе признать эти могилы за могилы древнихъ "Ариновъ", которые себѣ составляютъ непосредственными преемниками народовъ бронзоваго періода. Въ одной изъ прежнихъ моихъ статей о коренныхъ обитателяхъ Сибири, напечатанной въ „Живописной Россіи“, я держался того мнѣнія, что это были угро-самоѣды, оставившіе послѣ себя лишь могилы древняго бронзоваго періода, такъ и могилы на Чолымѣ, тогда какъ енисейцы жили прежде самоѣдовъ въ лѣвомъ столѣтіи въ горѣ Алтаѣ и не оставили никакихъ слѣдовъ культуры. Но болѣе тщательному изученію китайскихъ источниковъ и измѣнить это свое мнѣніе, а главнымъ образомъ на томъ основаніи, что китайскіе писатели уже въ VII столѣтіи говорятъ о самоѣдахъ, какъ объ обитателяхъ лѣсовъ, питающихся кореньями, и даже имѣть то же самое имя, какое носятъ еще до сего дня ихъ потомки, живущіе въ Саянскихъ горахъ, а именно Дуба (Туба). Въ то же время китайцы рассказываютъ о сѣверныхъ селѣхъ живущихъ на Илнѣ киргизовъ, о Голочи, и описываютъ ихъ, какъ родственниковъ блѣокурныхъ киргизамъ и какъ земледѣльческій культурный народъ. Но такъ какъ Голочи на Алтай вѣроятно перекочевали, какъ блѣоурый народъ, говорившій на другомъ языкѣ (языкъ киргизовъ, говорящій по-тюркски), и такъ какъ послѣдніе китайскіе писатели называютъ китайцами блѣокурныхъ народовъ, то вѣроятно, всѣ вѣдѣдѣтніе

то гораздо правдоподобнѣе, что всѣ эти племена принадлежали къ племени енисейцевъ, которые и по языку совершенно отличались отъ чернозолотыхъ урало-алтайцевъ. Другаго доказательства, кромѣ вышеприведеннаго, у меня нѣтъ, и мое предположеніе, что енисейцы суть потомки прежнихъ культурныхъ обитателей Сибири, есть только гипотеза, которая, можетъ быть, имѣетъ нѣкоторую правдоподобность. Еслибъ было доказано, что народы, которые уже на Алтаѣ достигли значительной степени развитія, въ позднѣйшее время двинулись на западъ и перешли за Уралъ, то эти племена могутъ точно также имѣть родство и съ блокурами финнами. Возможно даже, что нѣкоторыя индо-германскія отрасли, какъ полагаетъ Риттеръ, проникли до азіатскаго плоскогорья, и такимъ образомъ германцы или славяне и на сѣверномъ краѣ азіатскаго плоскогорья достигли извѣстной степени культуры, но впоследствии были вполне уничтожены надвинувшимися съ юга ордами. Но до тѣхъ поръ, пока въ пользу послѣдняго предположенія нельзя будетъ привести другихъ доказательствъ, кромѣ обозначенія „блокурий“ и „голубоглазый“,—я буду считать свое предположеніе наиболѣе вѣроятнымъ. Къ сожалѣнію, едва-ли окажется когда-либо возможность разрѣшить вопросъ о происхожденіи древнѣйшихъ обитателей Сибири.

ХII.

Археологическая находка конца X вѣка въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губ.

Чл.-согр. А. А. Спицына

Для археологическихъ работъ представляетъ такую важность возможно точное опредѣленіе времени находящихся предметовъ древности, что исследователь обязанъ пользоваться всякимъ случаемъ, дающимъ ему возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи шагъ впередъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ 1883 г. крестьяниномъ дер. Рабицкой, Порѣзской волости, Глазовскаго у., Вятской губ., Т. М. Обуховымъ вынуждены были изъ подъ слѣдующія вещи:

1) Сломанная пополамъ серебряная шейная гривна обыкновеннаго типа (съ гранчатой колбочкой и петлей на концахъ) и обыкновеннаго мѣса (48 мм.).

2) Большая серебряная бляха съ изображеніемъ сцены охоты (табл. XXXII, 4).

3) Два прорѣзныя изображенія всадниковъ, одно изъ бѣлой, другое изъ темной мѣди (табл. XXXII, 1).

4) Три серебряныя сережки характернаго типа (табл. XXXII, 2).

5) Простой серебряный перстень съ широкой круглой наставкой, заключающей въ себѣ бѣлое стекло (табл. XXXII, 3).

6) Двѣ большія выгнутыя серебряныя бляхи (табл. XXXII, 5 и 6).

7) Семь цѣльныхъ и четыре обломка дартевской игорной монеты X в., именно саманидская 959 г., чеванонная въ Самаркандѣ, мард-скія 968 и 978 г., чеканенныя въ Амолѣ, а обломки саманидскія и подражанія имъ.

Ближайшія обстоятельства находки остались неизвѣстными и раз-копокъ на ея мѣстѣ не было произведено ¹⁾.

¹⁾ см. Дѣло Императорской Археологической Комиссіи 1883 г., № 15.

Безъ помощи монетъ изъ всѣхъ перечисленныхъ вещей могло бы быть опредѣлено лишь изображеніе всадниковъ, которое, по аналогіи съ пермскими древностями, должно быть относимо также къ концу X в. Время остальныхъ вещей Рябиновской находки монетами опредѣляется впервые.

Какъ ни незначительно количество вещей, составляющихъ Рябиновскій кладъ, благодаря точности своей даты, онѣ немедленно пріобрѣтаютъ значеніе для опредѣленія различныхъ памятниковъ древности, еще не датированныхъ. Во-первыхъ, онѣ точнѣе опредѣляютъ время извѣстной Сиротининской коллекціи серебряныхъ пермскихъ вещей ¹⁾, такъ какъ въ одномъ недавнемъ кладѣ изъ Глазовскаго уѣзда оказались вмѣстѣ и сережки типа табл. XXXII, 2, и массивныя серебряныя сережки типа Сиротининскихъ. Во-вторыхъ, Рябиновская находка нѣсколько приближаетъ насъ къ опредѣленію времени юмскихъ вещей, найденныхъ мною въ 1891 г. на притокѣ впадающей въ Вятку рѣки Пижмы и представляющихъ большой интересъ по характеру своему и мѣсту своего нахожденія ²⁾. Именно, среди юмскихъ вещей найдена серебряная выпуклая тонкая, орнаментированная точками бляха, хотя не тождественная, но весьма близкая къ подобной бляхѣ Рябиновской находки, и той же величины.

Представленные на таблицѣ рисунки настолько понятны сами по себѣ, что приходится остановиться лишь на изображеніи сцены охоты. Оно представляетъ собою варварское подражаніе сценѣ, нѣсколько разъ встрѣченной на сассанидскихъ блюдахъ и изображающей, надо полагать, Хозроя II ³⁾. Фигуры звѣрей должны представить собою, кажется, медвѣдя, барса и собаку. Фонъ густо вызолоченъ.

---

¹⁾ *Azraelin* № 738—763. Эта коллекція можетъ быть отнесена къ X в. и по другимъ соображеніямъ.

²⁾ Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1891 г. стр. 103.

³⁾ *Azraelin* вып. II, № 610. «Русскія Древности», издаваемыя гр. Толстымъ и Кондаковымъ, вып. III, стр. 86. *Kuhn. Allgemeine Kunstgeschichte* вып. IV, стр. 16.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VIII.

ВЫПУСКИ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ТРУДЫ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1895.

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ.

С ПЕТЕРБУРГА

Типографія И. П. Соловьевой (Полтавская, 44)

1896.

Напечатано по распоряженію Отдѣленія Русской и Славянской археологіи И м п е р а т о р -
с к а г о Русскаго Археологическаго Общества. 28-го іюля 1896 года.

Управляющій Отдѣленіемъ *С. Платоновъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ исторіи княжескаго землевладѣнія въ сѣверо-восточной Руси въ XVI вѣкѣ С. В. Рождественскаго.	1
Изъ поѣздки 1891 года въ Донскую волость и Бахмутскій уѣздъ. Н. Е. Бранденбурга.	12
Записка о Шартанскихъ каменныхъ налѣткахъ. О. Е. Клэра	15
Одинъ изъ типовъ погребеній въ курганахъ южной Россіи. А. С.	11
Наказъ ки М. И. Воротыяскому и росписъ покаямъ 1572 года. С. М. Середонина.	19
Изъ раскопки Фельдгофскаго могильника XVI вѣка въ Витебской губерніи. А. С. Радимичскіе курганы:	63
I. Обзорѣіе кургановъ и городищъ Новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка.	65
II. Раскопки кургановъ Новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка.	72
III. Курганы, раскопанные П. М. Еременкомъ въ Суражскомъ уѣздѣ. А. С.	81
IV. Вещи изъ раскопокъ П. М. Еременка въ курганахъ Новозыбковскаго и Суражскаго уѣздовъ. А. С.	95
Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX в. А. А. Спицына.	103
Обзорѣіе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи:	
I и II. Могилевская и Черниговская губерніи.	115
III. Воронежская губернія.	132
IV. Саратовская губернія.	140
V. Самарская губернія.	154
Матеріалы по исторической археологіи Россіи	
Новгородская губ. Курганы Бѣлозерскаго уѣзда.	160
Самарская губ. Нѣкоторые предметы древности Самарскаго музея.	162
Польская губ. Раскопки близъ сел. Магарычки.	169
Херсонская губ. Раскопки въ Херсонскомъ уѣздѣ.	172
Подольская губ. Исламскіе курганы. Н. П. Анненаріуса.	178
Воронежская губ. Раскопки Л. Б. Вейнберга близъ г. Замая.	187
Чернская и Витебскія губ. Записки проф. П. Н. Смирнова.	189
Семицкагоульская область. Памятники древности Карлауцкаго уѣзда. В. Никитина.	211

	СТР.
Таврическая губ. Материалы по археологии Евпаторийского уезда. Н. Ф. Романченка.	219
Свѣдѣнія 1873 года о городищахъ и курганахъ:	
Подольская губернія.	237
Воронежская губернія.	286
Самарская губернія.	306

Къ исторіи княжескаго землевладѣнія въ сѣверо-восточной Руси въ XVI вѣкѣ *).

Мм. гг.! Въ своемъ сообщеніи я желаю бы представить Вашему вниманію нѣсколько фактовъ и наблюденій изъ исторіи княжескаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ. Совершенно извѣстно, конечно, говорить о томъ громадномъ значеніи, какое имѣла мобилизація княжескихъ вотчинъ въ XV и XVI вв. въ исторіи не только самого служиваго класса, но и въ исторіи политическаго строя московскаго государства. Состояніе печатныхъ источниковъ далеко, однако, не соответствуетъ важности этого вопроса. Писцовыя книги, духовныя московскихъ государей, законодательство XVI в. рисуютъ скорѣе результаты этой мобилизаціи, чѣмъ самые процессы, въ ней совершавшіеся, ея причины и условія. Тѣ же документы, которые раскрываютъ именно эти стороны вопроса, посемельные акты княжескихъ родовъ, напечатаны въ крайне ограниченномъ числѣ. Между тѣмъ довольно много ихъ остается неопубликованными въ нѣкоторыхъ архивахъ и библиотекахъ. Насколько мнѣ извѣстно, одинъ только проф. Ключевскій сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній на эти акты въ XI главѣ „Боярской Думы“ при изученіи остатковъ удѣльнаго порядка въ XVI в. Количество этихъ неподанныхъ княжескихъ актовъ настолько, сравнительно, велико, вопросы, ими затрогиваемые, такъ разнообразны и важны, что я ограничусь только частью княжескихъ родовъ древней Руси и однимъ вопросомъ. Именно, попытаюсь оцѣнить то значеніе, какое нѣкоторыя мнѣ извѣстные княжескіе документы могутъ имѣть для дальнѣйшаго изученія вопроса о судьбѣ родовыхъ княжескихъ вотчинъ сѣверо-востока, о признакахъ и условіяхъ ихъ разрушенія, продолжительности ихъ существованія и нѣкоторыхъ результатахъ ихъ мобилизаціи. Не буду останавливаться на общей ха-

*.) Читая въ изданіи Греческаго духовнаго Университета Греческаго Литургическаго Общества 10 января 1925 года.

Давидовъ Ив. Е. Древняя Русь, т. VIII, стр. 1 и 2.

ракетристикъ актовъ, составляющихъ предметъ моего сообщенія, со стороны формы и юридическихъ нормъ, такъ какъ съ этой стороны они не представляютъ существенныхъ особенностей.

Посмотримъ, прежде всего, какія стороны выдвигаетъ нашъ матеріалъ въ исторіи разрушенія родового княжескаго землевладѣнія.

Землевладѣльческая судьба старѣйшаго изъ княжескихъ родовъ сѣверо-восточной Руси, князей Ростовскихъ, туманнѣе и блѣднѣе фактами, чѣмъ судьба всѣхъ другихъ княжескихъ родовъ. Слѣдить за судьбой родовыхъ вотчинъ Ростовскихъ князей тѣмъ труднѣе, что послѣ отдѣленія Бѣлозерскаго княжества собственно Ростовское уже не дробилось на мелкіе удѣлы, и Ростовскіе князья получали свои фамиліальныя имена не по названіямъ своихъ удѣловъ и вотчинъ, какъ это было среди большинства другихъ княжескихъ родовъ, а по личнымъ прозвищамъ своихъ родоначальниковъ. Исключеніе составляютъ только князья Пужбольскіе, получившіе имя отъ своей вотчины, одной волости ростовскаго края. Въ половинѣ XVI вѣка эта ихъ вотчина находилась уже въ дворцовыхъ земляхъ ¹⁾.

Послѣ окончательнаго присоединенія Ростова къ Москвѣ въ 1474 г., рѣдкія извѣстія источниковъ о родовыхъ ростовскихъ вотчинахъ заставляютъ думать, что Ростовскіе князья въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ не принадлежали уже къ числу богатыхъ родовыхъ вотчинниковъ. Можетъ быть, въ связи съ оскудѣніемъ ихъ земельныхъ богатствъ въ ростовской области надо поставить тотъ фактъ, что поземельные интересы нѣкоторыхъ Ростовскихъ князей еще въ началѣ XV в. выходили далеко за предѣлы ростовскаго края, на сѣверъ, въ Заволочье ²⁾. Такъ же мало указаній на родовыя ростовскія вотчины пришлось мнѣ встрѣтить и среди неизданныхъ документовъ. Нѣсколько данныхъ и вкладныхъ показываютъ только, что Ростовскіе князья продолжали сохранять кое-какія родовыя вотчины и въ XVI в. Напримѣръ, изъ одной вкладной грамоты видно, что пятеро князей Темкиныхъ и Гвоздевыхъ-Ростовскихъ совмѣстно владѣли старинной вотчиной въ Ростовскомъ уѣздѣ, на р. Устьи ³⁾. Но подобныхъ указаній я не встрѣтилъ для второй половины XVI в., когда о существованіи родовыхъ ростовскихъ вотчинъ мы узнаемъ изъ извѣстныхъ указовъ 1562 и 1573 гг., упоминающихъ и Ростовскихъ князей ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 20, л. 324 и слд.

²⁾ А. А. Э., I, № 94, II.

³⁾ Арх. Мин. Юст., грамоты по Ростову, № 10587; Сборн. Рум. Муз., № 53, л. 112; Сборн. Троице-Сергіев. Лавры, № 532, л. 722.

⁴⁾ См. еще О е д о т о в ъ - Ч е х о в с к і й, Акты гражд. распр., I, стр. 269, 272, 280 и слѣд.

Вполне определенный характер носят судьба родовых вотчин Бѣлозерскихъ князей. Последние, въ противоположность Ростовскимъ, всё назывались не по прозвищамъ родоначальниковъ, а по именамъ своихъ родовыхъ владѣній. Эти владѣнія располагались тѣснымъ кольцомъ кругомъ Бѣлаго озера, удалаясь отъ него на югъ, въ бассейнъ Шексны, гдѣ онѣ встрѣчались съ вотчинами ярославскаго рода. Рядъ бѣлозерскихъ княжескихъ документовъ, напечатанныхъ въ „Актахъ Юридическихъ“, относится, большею частью, къ первой половинѣ XVI в. и рисуетъ почти исключительно тѣсный кругъ родовыхъ поместныхъ отношений. Встрѣченные же мною, въ количествѣ около 20, неизданные акты открываютъ другую, болѣе широкую сферу поместныхъ отношений бѣлозерскихъ князей и притомъ въ наиболее интересную эпоху исторіи княжескихъ вотчинъ, третью четверть XVI в.

По этимъ актамъ судьба бѣлозерскихъ княжескихъ вотчинъ въ это время особенно любопытна въ томъ отношеніи, что зѣсь на частномъ примѣрѣ ярко обнаруживается характеръ и быстрота того процесса, который разрушалъ крупное вотчинное землевладѣніе сѣверо-восточной Руси и въ которомъ главной дѣйствующей силой являлся монастырь. Было бы слишкомъ долго и утомительно пересказывать всѣ тѣ случаи перехода княжескихъ вотчинъ въ монастырь, о которыхъ сохранились документы, хотя въ нихъ попадаются любопытныя подробности для исторіи землевладѣнія. Ограничусь однимъ общимъ указаниемъ. Въ семилѣтній промежутокъ времени, съ 1557 по 1564 годъ, когда уже началось стѣсненіе перехода княжескихъ вотчинъ въ монастыри, сохранились документы о переходѣ въ руки Кириллова монастыря отъ князей 6 селъ и болѣе 130 деревень¹⁾. Эта минимальная цифра можетъ, конечно, быть удвоена безъ опасенія удалиться отъ истины, если принять во вниманіе, сколько документовъ погибло или остается неизвѣстнымъ. Причины столь быстрого перехода бѣлозерскихъ княжескихъ вотчинъ въ руки монастыря были двоякаго рода и совершенно противоположнаго характера: онѣ заключались какъ въ религіозно-нравственномъ міросозерцаніи общества XVI вѣка, такъ и въ чисто матеріальныхъ условіяхъ его быта. Бѣлозерскій монастырь для своихъ сосѣдей, князей-вотчинниковъ, былъ не только молитвенникомъ, посредникомъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія, но и банкиромъ въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ немъ бѣлозерскіе князья хранили денежные капиталы, беруть у него большія сумаы денегъ подѣ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. грам. въ Голландію, №№ 290, 300, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

залогъ и продажу своихъ вотчинъ, берутъ въ долгъ не только деньги, но и служилый инвентарь, коней, платье, оружіе, доспѣхи. Примѣромъ быстроты, съ какой переходили вотчины изъ рукъ въ руки по закладнымъ и купчимъ, можетъ служить вотчина кн. Григ. Ив. Ухтомскаго, с. Ескино съ деревнями. Въ 1557 г. она является заложеной по двумъ кабаламъ въ 300 рублѣхъ кн. Вас. Пронскому-Рыбину. Въ 1559 г. Пронскій закладываетъ ее тоже въ 300 р. Кириллову монастырю. Въ томъ же году она переходитъ въ руки прежняго владѣльца кн. Ухтомскаго, который въ этомъ же самомъ году уже продаетъ ее „воиче“ съ братомъ Иваномъ Кириллову же монастырю ¹⁾. Такая быстрота обращенія вотчинъ можетъ быть объяснена только недостаткомъ денежныхъ капиталовъ, побуждавшимъ прибѣгать постоянно къ реализаціи недвижимыхъ имуществъ.

Князья Бѣлозерскіе были смирнымъ и спокойнымъ родомъ, не игравшимъ видной роли въ политической жизни XVI в. О столкновеніяхъ ихъ съ московскимъ правительствомъ мы ничего не знаемъ и имѣемъ только одно свидѣтельство объ отписаніи въ 1564 году вотчины кн. Александра Кемскаго ²⁾. Ближайшихъ обстоятельствъ этой конфискаціи мы не знаемъ.

Сохранились указанія, что Бѣлозерскіе князья спасли часть своихъ родовыхъ вотчинъ и въ XVII в. Напр., въ одной писцовой книгѣ первой четверти этого вѣка находимъ, что двое князей Вадбольскихъ владѣли старыми вотчинами въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Вадбольской волости. Въ томъ же краю находились вотчины кн. Андомскихъ и Шелешнанскихъ ³⁾.

Итакъ главной силой, разрушавшей родовыя владѣнія Бѣлозерскихъ князей, надо признать не политическую силу, а силу нравственную и экономическую, монастырь.

Ярославское княжество присоединялось къ Московскому государству отдѣльными частями, которыя отрывались отъ центра задолго до паденія самого Ярославля въ 1463 г. Хорошо извѣстно, что присоединеніе къ Москвѣ удѣльнаго княжества не влекло за собой утраты мѣстными князьями ихъ частныхъ земельныхъ владѣній. Однако точное разграниченіе государственныхъ верховныхъ правъ московскаго государя и владѣльческихъ правъ мѣстнаго князя-вотчинника не всегда пред-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Бѣлоозеру, №№ 9686, 9688, 9689; А. Ю., № 241.

²⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Пошехонью, № 9694.

³⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 591, лл. 222 об. — 224; кн. № 592, лл. 472 об. — 475 об., 717—720, 721—722.

ставляется возможным. Два примѣра этому, отчасти уже известные въ литературѣ, находимъ и въ ярославскихъ удѣлахъ. Заозерско-Кубенская область отошла къ Москвѣ, какъ известно, приблизительно въ сороковыхъ годахъ XV вѣка. По договору 1447 г. половецка Заозерья и Кубены была уступлена „въ вотчину и въ удѣлъ“ верейскому князю Михаилу Андреевичу, какъ было на прежнихъ князьями-вотчинниками. Несмотря, однако, на несомнѣнные верховныя права московскаго государя, Заозерье съ Кубеной сохраняютъ одну изъ чертъ удѣльнаго вѣчиннаго Ярославля. Мих. Андреевичъ даетъ всѣ орденовскія дани, поиминны и проторы не въ Москву, а въ Ярославль „до старости“¹⁾. Въ той же области находились обширныя вотчинныя князей Пеньковыхъ. Отецъ родоначальника ихъ, Данила Пенка, Александръ Оедоровичъ Брюздѣтій сѣлъ на Ярославскомъ столѣ и послѣ присоединенія Ярославля къ Москвѣ и даже назывался великимъ княземъ. Сохранился рядъ жалованныхъ и данныхъ грамотъ какъ Александра Оедоровича, такъ и его сына, боярина Данила Пенка, и внуковъ, которые также были московскими боярами²⁾. Изъ этихъ грамотъ видно, что князья Пеньковы даже въ первой половинѣ XVI в. въ своихъ обширныхъ заозерскихъ вотчинахъ являлись съ приемами владѣтельныхъ князей: монастыри имъ бѣють челомъ, они ихъ жалуютъ, у нихъ свои тиуны и цѣли, а у Александра и бояре. Между тѣмъ несомнѣнно, что владѣнія Пеньковыхъ въ Заозерьи не были самостоятельнымъ удѣломъ, а были простой, хотя и обширной, княжеской вотчиной. По отношенію къ Данилу Пенко, эта черта, продолжительное сохраненіе государственной традиціи бывшимъ удѣльнымъ княземъ, указана проф. К л ю ч е в с к и м ъ³⁾. Несомнѣнные духовныя и жалованныя Пеньковыхъ позволяютъ перенести ее даже и на сыновей Данила. Такимъ образомъ во второй половинѣ XV и первой XVI то въ Заозерскомъ краѣ мы находимъ какъ бы вѣселою слогот государственныхъ отношеній: верховную власть московскаго государя, власть удѣльнаго князя Верейскаго или Можайскаго, или дѣтей Василія Темнаго, къ удѣламъ которыхъ принадлежало Заозерье, и наконецъ государственныя традиціи старыхъ вотчинной, Ярославскихъ князей, которые, будучи уже московскими боярами, еще не могутъ отрѣшиться отъ приемовъ той номинальной власти, какою пользовались ихъ отцы и дѣды.

Другой примѣръ долготы сохраненія Ярославскихъ князей вѣчин-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. I, № 64.

²⁾ Д. А. Н. I, №№ 14, 15, 20, 21, 1899. Рус. Муз. № 53, кн. 34—37.

³⁾ Историкъ и Духов., кн. 2, стр. 239.

темъ великихъ пріемовъ удѣльнаго князя представляютъ Юхотскіе князья, какъ это видно изъ жалованной грамоты кн. Осдора Ивановича Юхотскаго Спасо-Ярославскому монастырю 1510 года, въ которой монастырю дается рядъ селъ и деревень съ финансовыми и судебными льготами, даже съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбой съ поличнымъ ¹⁾).

Какъ присоединеніе самого Ярославля не нарушило вотчинныхъ правъ Ярославскихъ князей, такъ же точно и присоединеніе мелкихъ ярославскихъ волостей и раздача ихъ московскими государями въ удѣлы сыновьямъ не свидѣтельствуетъ объ удаленіи изъ этихъ волостей ихъ старыхъ вотчичей. Иванъ III, отдавая Мологу сыну Дмитрію, упоминаетъ о вотчинѣ Глѣбовыхъ, о ярмаркѣ на устьѣ Мологи и ни слова не говоритъ о князьяхъ-вотчичахъ. Между тѣмъ мы находимъ въ одномъ актѣ 1544 г. двухъ князей Моложскихъ старыхъ вотчичей ²⁾. Весеогонскія таможенныя грамоты 1563—1564 гг. называютъ на р. Мологѣ вотчины князей Моложскихъ, неизвѣстныхъ по имени, шестерыхъ князей Прозоровскихъ, кн. Ивана и жену его Аграфену Судскихъ (а не Сицкихъ) ³⁾. Изъ владѣній другихъ князей, принадлежавшихъ къ моложской отрасли, находимъ родовыя вотчины князей Шаминыхъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVI в., князей Ушатыхъ въ 40-хъ годахъ ⁴⁾.

Равнымъ образомъ и родовыя вотчины многихъ другихъ отраслей Ярославскихъ князей встрѣчаемъ почти на пространствѣ всей второй половины XVI в.: Алабышевыхъ—въ пятидесятихъ, Дѣевыхъ, Засѣкиныхъ, Аленкиныхъ, Сисеевыхъ, Шаховскихъ—въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ ⁵⁾.

Обращаясь къ даннымъ о разрушеніи ярославскихъ родовыхъ вотчинъ, мы видимъ, что и здѣсь надо поставить на первый планъ дѣй-

¹⁾ Эта грамота недавно напечатана въ книгѣ г. А. Барсукова: «Свѣдѣнія объ Юхотской волости и т. д.». Судное дѣло, изъ котораго извлечена грамота, все цѣликомъ напечатано въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ «Сборникѣ актовъ», Н. П. Лихачева, вып. II, № 10.

²⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Ярославлю, № 14759.

³⁾ Эту поправку надо сдѣлать на основаніи духовной кн. Ив. Оед. Судскаго. Напечатана въ «Сборникѣ» г. Лихачева, вып. I, № 5.

⁴⁾ Писц. кн. XVI в., издан. Геогр. Общ., т. II, 1; Сборникъ г. Лихачева, стр. 204—205; Арх. Мин. Юст., грам. по Бѣжецку, № 1148; Сборн. Троице-Сергіевой Лавры, № 532, л. 53, 155, 760.

⁵⁾ Писц. кн. XVI в., т. II, стр. 7; А. А. Э., I, № 290; Арх. Мин. Юст., грам. по Ярославлю, №№ 14764, 14765, 14767, 14769, 14770; грам. по Владиміру, №№ 1836, 1839, 1843; грам. по Романову, №№ 10108, 10109; грам. по Бѣжецку, № 1312; Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 254, л. 77 об., № 20, л. 283 об.; Сборникъ Тр.-Серг. Лавры, № 530, л. 1381, об., 846, 849 об.

стве того непрерывного и постепенного процесса, на который мы указали на примере блжженских вотчин. Духовное завѣщаніе кн. Ив. Свд. Судскаго и данныя, вложенныя и вкладныя грамоты прочихъ Ярославскихъ князей показываютъ, что ихъ вотчины постоянно пробились естественнымъ путемъ между ихъ наследниками, сыновьями, женами, дочерьми и во множествѣ переходили, крупными и мелкими частями, въ друтія руки, особенно въ руки монастырей. Ограничительные законы нарушались и Ярославскими князьями. Такъ именно въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ перешли во владѣніе монастырей старинныя родовыя вотчины князей Шаховскихъ и Засѣкинскихъ.

Слѣдя за судьбой нѣкоторыхъ крупныхъ вотчинъ до окончательнаго перехода ихъ въ собственность государя, можно видѣть, что послѣднему доставался иногда лишь небольшой кусокъ того, что эти вотчины успѣли уже разрушиться и перейти въ разныя руки. Такъ вотчины князей Пенковыхъ, которыя Грозный отзываетъ сыну Ивану, переходятъ съ конца XV вѣка большими кусками въ руки монастырей. Владѣнія князей Судскихъ также далеко не исторпывались тѣми селами и деревнями, которыя перечисляетъ Грозный. Онѣ составляли только часть вотчины кн. Ив. Свд. Судскаго, какъ видно изъ его духовной 1546 года. Вотчины какъ Пенковыхъ, такъ и Судскихъ, были уже выморочными; поэтому и на переходъ ихъ въ личную собственность московскихъ государей нельзя смотрѣть, какъ на одинъ изъ случаевъ политической борьбы Грознаго съ князьями.

Ярославскіе князья также снаси часть своихъ вотчинъ въ XVII в. Такъ вотчины кн. Прозоровскихъ упоминаются въ Ярославскомъ указѣ въ половинѣ XVII вѣка ¹⁾; одинъ изъ князей Слицкихъ владѣлъ старинной родовой вотчиной въ 1620 году ²⁾.

Самой плотной группой многихъ княжескихъ вотчинъ, сконцентрированныхъ на очень небольшомъ пространствѣ, были владѣнія князей Стародубскихъ. Въ 1566 году состоялась мирная сѣлка между царемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ, послѣдному были уступлены замки Берей, Звенигородъ и Стародубъ-Риполовскій со всеми воостями, вотчинными и монастырскими землями, вромѣ тѣхъ, которыя въ военной грамотѣ не поименованы и отданы въ помѣстья и вотчины; и вромѣ царскихъ дворцовыхъ земель. Изъ князей Стародубскихъ упомянуть одинъ только кн. Дмитрій Хилковъ, вотчина котораго также

¹⁾ Моск. Арх. Мат. Ив. Засѣк. Поврочныя дѣла. № 12, л. 119.

²⁾ Арх. Мат. Вост., грам. изъ Ярославля, №№ 14729, 14736.

отношла къ Владиміру Андреевичу ¹⁾. Но было бы совершенно невѣрно заключать отсюда, что прочіе Стародубскіе князья уже потеряли свои вотчины. Сохранились двѣ неизданныя грамоты 1567 года, межевая и разѣлъная между владѣніями царя и Владиміра Андреевича въ Стародубѣ, грамоты, которыя открываютъ намъ въ Стародубѣ присутствіе очень многихъ князей, продолжавшихъ сохранять родовыя владѣнія: Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Стригинныхъ, Пожарскихъ, Гундоровыхъ, Татевыхъ ²⁾. За время, истекшее отъ помянутой мѣстовной сдѣлки, 1566 года, до духовнаго завѣщанія Грознаго, 1572 года, сохранилось значительное количество документовъ стародубскаго княжескаго рода, которые обнаруживаютъ уже знакомый намъ процессъ постоянной мобилизаціи княжескихъ вотчинъ и перехода ихъ въ руки другихъ владѣльцевъ. Въ эти 6—7 лѣтъ во владѣніе монастырей перешелъ не одинъ десятокъ селъ и не одна сотня деревень, княжескихъ вотчинъ. Болѣе другихъ прибрѣлъ княжескихъ вотчинъ Спасо-Ефимьевъ монастырь, который былъ для Стародубскихъ князей такимъ же банкомъ, какимъ былъ Кирилловъ монастырь для Бѣлозерскихъ; онъ ссужалъ ихъ деньгами, конями, доспѣхами и платьемъ ³⁾. Ограничительные законы 1562 и 1573 гг. такъ же часто нарушались Стародубскими князьями, какъ и всѣми другими. Случаи переходовъ княжескихъ вотчинъ во владѣніе монастырей мы встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ второй половины XVI в. Одинъ документъ 1569 г. характеризуетъ отношеніе правительства къ этимъ нарушеніямъ закона. Жена кн. Семена Ивановича Стародубскаго, по его духовной, отказала Симонову монастырю старинную родовую вотчину с. КуВЕЗИНО съ 17 деревнями, но, предвидя, согласно закону, взятіе вотчины на государя и отдачу ея вотчинамъ, уполномочила монастырь бить челомъ царю объ уплатѣ за ту вотчину 120 рублей. Дѣйствительно владимірскіе городовые прикащики тотчасъ же отписали вотчину на государя, а монастырь обратился къ царю съ просьбой отдать ему вотчину или деньги. Царь предписалъ тѣмъ же городовымъ прикащикамъ отдать вотчину монастырю и записать ее за нимъ ⁴⁾. Такимъ образомъ самъ царь нарушаетъ законъ

¹⁾ С. Г. Гр. и Д., I, № 188.

²⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Суздаю, №№ 11831, 11832; Сборн. Тр.-Сергіевой Лавры, № 530, л. 1106.

³⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Суздаю, №№ 11808, 11809, 11811, 11824, 11833, 11836—11841, 11843, 11844, 11846—11849, 11853, 11856; грам. по Дмитрову, № 3821; грам. по Владиміру, №№ 1831, 1833, 1855; Сборн. Тр.-Серг. Лавры, №№ 530, лл. 1093 об., 1094, 1097, 1105, 1123—1125, 1128 об., 1130, 1396; Сборн. Рум. Муз., № 59, л. 47. В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 246, примѣч.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Суздаю, № 11835.

тамъ, гдѣ и владѣльцы и монастырь готовы были удовлетвориться законнымъ рѣшеніемъ. Въ изданныхъ документахъ можно подобрать еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, когда владѣльцы или монастыри откровенно выставляютъ на видъ незаконность своихъ владѣній и, несмотря на это, получаютъ по нимъ удовлетвореніе.

Иванъ Грозный въ своей духовной отказываетъ старшему сыну болѣе 30 селъ, стародубскихъ княжескихъ вотчинъ, причемъ ясно даетъ понять, что князья уже утратили вотчинныя права на эти селъ. Между тѣмъ, сохранившіеся земельные акты Стародубскихъ князей открываютъ намъ, что около половины этихъ, перечисленныхъ Грознымъ, селъ и деревень, были уже во владѣніи разныхъ монастырей, къ которымъ онѣ перешли до 1572 года. Изъ писцовыхъ же книгъ конца XVI и начала XVII вѣка оказывается, что тѣ вотчины, которые были отданы сначала князьями-вотчинами монастырямъ, потомъ Грознымъ царевичу Ивану, въ концѣ концовъ снова возвращаются во владѣніе монастырей¹⁾. Эти факты должны сильно подорвать значеніе той страницы завѣданія Грознаго, на которую ссылаются, какъ на блестящее доказательство успѣховъ, достигнутыхъ поместной политикой Ивана Грознаго. Они показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ конфискаціей княжескихъ, а съ временной секуляризаціей монастырскихъ вотчинъ. О ближайшихъ обстоятельствахъ этой секуляризаціи можно говорить только предположительно, по недостатку данныхъ. 1) Временное отнятіе у монастырей прибрѣтенныхъ ими княжескихъ вотчинъ можетъ быть поставлено въ связь съ опричниной. На такую мысль наводитъ одинъ актъ 1569 г. о вѣнцѣ въ опричнину Симонова монастыря со всѣми вотчинами, между которыми находилось с. Кузнецино, отданное монастырю кн. Симономъ Стародубскимъ²⁾; 2) можетъ быть эта временная мѣра была осуществленіемъ тѣхъ секуляризаціонныхъ плановъ, которые, несомнѣнно, существовали въ срединѣ XVI в. Какъ бы то ни было, эту мѣру нельзя назвать удавшеюся. Отнятыя вотчины снова возвратились въ обладаніе монастырей.

Нѣкоторые Стародубскіе князья, подобно Бѣлозерскимъ и Преславскимъ, также успѣли спасти свои родовыя вотчины на прѣлѣмахъ эпохи Грознаго и даже на прѣлѣмахъ XVI в. Такъ кн. Кривоборскій вѣн-

¹⁾ См. А. И., I, стр. 280. Писц. кн. XVI в., I, 808, 809, 801, 802, 799, А. И., III, стр. 193. Арх. Мам. Бѣл., чертл. архивныхъ актовъ 1124 г. и др.

²⁾ Гум. Музей. Слѣд. Бѣлосл., № 1027, л. 5. Арх. Мам. Бѣл., грин. на Знамѣну, № 1822. А. Викторовъ, Описание утокъ Н. Д. Бѣлосл., стр. 115.

дѣтъ въ концѣ XVI в. родовыми стародубскими угодами вопче съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ ¹⁾. Князья Пожарскіе сохраняютъ свои стародубскія вотчины въ первомъ десятилѣтіи XVII в. ²⁾. Родовая вотчина Татевыхъ отошла къ монастырю въ двадцатыхъ годахъ XVII в. ³⁾.

Князья Суздальско-Нижегородскіе вели, какъ извѣстно, долгую и упорную борьбу съ Москвой за свое родовое наслѣдіе. Плѣнъ однихъ князей при взятіи Нижняго-Новгорода, бѣгство и бесплодная борьба съ Москвой другихъ, очень рано разбили родовое землевладѣніе Нижегородскихъ князей и спутали поземельныя отношенія, жалобы на что находимъ въ договорахъ Нижегородскихъ князей XV в. Въ XVI в., однако, нѣкоторыя отрасли суздальско-нижегородскаго рода поднимаются и занимаютъ мѣста въ первыхъ рядахъ московской служилой аристократіи: Шуйскіе, Горбатые, Ногтевы. Вмѣстѣ съ этимъ вырастаетъ и ихъ землевладѣльческое положеніе. Въ XVI в. нѣкоторые Нижегородскіе князья снова появляются въ предѣлахъ своихъ родовыхъ владѣній, но трудно рѣшить, дѣйствовала-ли здѣсь непрерывная преемственность родоваго владѣнія или личная выслуга и государево пожалованіе. Сохранилось нѣсколько актовъ о земельных владѣніяхъ князей Горбатовыхъ, Бориса Пв., его сына, извѣстнаго воеводы кн. Александра Борисовича и двоюроднаго брата послѣдняго, кн. Михаила Васильевича ⁴⁾. По этимъ актамъ кн. Горбатые являются богатыми вотчинниками и помѣщиками въ 3-хъ уѣздахъ: Суздальскомъ, Ростовскомъ, Тверскомъ. Несмотря на эти владѣнія, кн. Александръ Борисовичъ принужденъ былъ, идучи на государеву службу, заложить все платье жены своей, которое выкупилъ уже самъ царь по случаю брака дочери кн. Александра Борисовича съ кн. Ив. Ѳед. Мстиславскимъ ⁵⁾. До половины XVI в. владѣнія Горбатовыхъ разрушались обычнымъ путемъ продажи и отдачи въ монастыри ⁶⁾. Казнь Александра Борисовича въ 1566 г. повлекла за собой и конфискацію его суздальскихъ владѣній. Послѣ завѣщанія Грознаго уже не встрѣчаемъ извѣстій о родовыхъ вотчинахъ князей Горбатовыхъ. Мнѣ не удалось также встрѣтить ука-

¹⁾ Писц. кн. XVI в., I, стр. 861, 862; Арх. Мин. Юст., дозорная кн. троицкихъ вотчинъ 7124 г., Айдара Дубасова, л. 272 об.—273.

²⁾ Рум. Музей, Сборн., № 58, л. 9 об.—12.

³⁾ Сборн. Тр.-Серг. Лавры, № 530, л. 885.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Суздалью, № 11791; по Ростову, № 10555; Сборн. Рум. Музея, № 53, л. 30—31. Д. А. И., I, стр. 388. Сборн. Тр.-Серг. Лавры, № 532, лл. 731, 745; писц. кн. XVI в., II, стр. 133—134.

⁵⁾ Д. А. И., I, № 146.

⁶⁾ См. примѣч. 4-е на этой страницѣ; также Владимірскій Сборникъ К. Тихонова, прил. стр. 128—130; Сборн. кн. Хилкова, №№ 1, 57.

завій на родовыя вотчины Шуйскихъ и Скопинныхъ въ XVI в. Но въ началѣ XVII в. жены князей Василія Острожича и Мих. Васил. Скопинныхъ отдають по душамъ мужей Троице-Сергійску монастырю дѣл свои старинныя родовыя вотчины ¹⁾. За послѣднимъ же представителемъ рода Шуйскихъ, кн. Иваномъ Ивановичемъ, по словесной сказкѣ его крестьянъ, была старинная вотчина во Владимірскомъ уѣздѣ, описанная въ писцовыхъ книгахъ 30-хъ годовъ XVII вѣка ²⁾.

Не буду останавливаться на родовыхъ владѣніяхъ Тверскихъ князей, такъ какъ ихъ судьба не представляетъ оригинальныхъ чертъ сравнительно съ владѣніями другихъ княжескихъ родовъ сѣверо-восточной Руси. Князья Микулинскіе, Дорогобужскіе, Чернятинскіе продолжаютъ сохранять свои тверскія владѣнія до средины XVI в., какъ объ этомъ свидѣлствуютъ извѣстныя писцовыя книги Тверской области. Несколько сохранившихся данныхъ и вкладныхъ средины XVI в. показываютъ, что и въ исторіи тверскихъ вотчинъ дѣйствовали уже знакомые намъ факторы ³⁾.

Все эти факты въ исторіи родовыхъ вотчинъ должны, какъ мнѣ кажется, особенно ясно показать необходимость того пріема въ изученіи процесса разрушенія родового княжескаго землевладѣнія, который совсѣмъ почти не примѣняется въ ученой литературѣ; обыкновенно берутъ точкой отсчета тѣ готовые обобщенія, которыя предлагаютъ писатели-современники Курбскій и Флетчеръ, все объясняющіе политическою борьбой Грознаго съ князьями, и подъ эти обобщенія подбираютъ формально согласныя съ ними факты изъ духовныхъ завѣщаній московскихъ государей, писцовыхъ книгъ, законодательства XVI в. и т. д. Но ни Курбскій, ни Флетчеръ не могутъ быть надлежащими руководителями въ разрѣшеніи данного вопроса: у Курбскаго слишкомъ ясна наивная тенденція объяснить все бѣдствіемъ княжескихъ родовъ XVI в. ненасытной алчностью „изавина кровейстѣннаго рода“; Флетчеръ же, по признанію его послѣдняго критика ⁴⁾, судить о политикѣ Грознаго по тѣмъ слухамъ и толкамъ, какіе ходили въ Москвѣ при ц. Федорѣ и уже отъ себя систематизировать и обобщать эти слухи и толки.

Поэтому единственно вѣрнымъ путемъ въ разрѣшеніи вопроса о зем-

¹⁾ Собр. Тр.-Серг. Лавра, № 509, л. 600.

²⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 606, л. 136 об.—136.

³⁾ Собр. Тр.-Серг. Лавра, № 520, л. 42 об., № 523, л. 236 об. П. О. Кавчичевскій. Визрѣши Дѣмъ, стр. 243.

⁴⁾ С. М. Сероданинъ. Слѣпшій Дѣл. Флетчера и т. д., стр. 68—70, 370—371.

девидальческомъ кризисѣ XVI в. будетъ не односторонній подборъ фактовъ къ тому или другому готовому объясненію, а систематическое изученіе всей, по возможности, обстановки и всѣхъ разнообразныхъ условий, въ какихъ этотъ кризисъ совершался. Матеріаломъ же должны служить тѣ поземельные акты XV и XVI вв., особенно акты княжескихъ родовъ, которые въ большомъ количествѣ остаются еще не только неизданными, но и не систематизированными и плохо описанными.

Въ виду того преувеличеннаго значенія, какое до сихъ поръ придаютъ политической борьбѣ Грознаго съ княжатами, изложенные факты изъ исторіи княжескаго землевладѣнія, вынуждаютъ особенно подчеркивать дѣйствіе другихъ силъ:

1) Мы видимъ постоянную, непрерывную отдачу родовыхъ вотчинъ на поминъ души монастырямъ. Московскіе государи употребляли всѣ средства противъ злоупотребленія этимъ обычаемъ: брали на самихъ себя заботы объ устроеніи душъ своихъ вѣрныхъ слугъ и дѣйствительно исполняли эту обязанность очень добросовѣстно; требовали замѣны земельныхъ вкладовъ денежными; наконецъ категорически запрещали отдавать какимъ бы то ни было способомъ вотчины монастырямъ; но они никогда не посягали на самый принципъ необходимости матеріальнаго обезпеченія душевнаго спасенія. Благодаря этому, всѣ мѣропріятія противъ благочестиваго обычая оказались безсильны, и, какъ мы видѣли, княжескія вотчины продолжаютъ поступать въ собственность монастырей и въ теченіе второй половины XVI в. и въ началѣ XVII-го и сами государи спокойно нарушаютъ собственныя узаконенія. Бессиліе законодательства остановить переходъ въ монастыри княжескихъ вотчинъ должно быть поставлено въ связь съ другимъ могущественнымъ факторомъ разрушенія крупнаго вотчиннаго землевладѣнія уже чисто матеріальнаго характера.

Въ числѣ неизданныхъ актовъ XVI в. сохранилось значительное число духовныхъ завѣщаній крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и нетитулованныхъ лицъ ¹⁾. Эти духовныя грамоты обнаруживаютъ очень любопытный фактъ, что обладаніе значительными земельными богатствами сплошь да рядомъ уживалось съ недостаткомъ денежныхъ капиталовъ, вызывавшемъ крайнее развитіе долговыхъ отношеній. Обыкновенно завѣщанія даже наиболѣе богатыхъ вотчинниковъ начинаются длиннымъ спискомъ крупныхъ и мелкихъ долговъ, денежныхъ и натуральныхъ, которые накапливались годами. Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ духовныхъ

---

¹⁾ Въ настоящее время нѣкоторыя изъ этихъ духовныхъ завѣщаній напечатаны Н. П. Лихачевымъ въ его «Сборникѣ актовъ», вып. I.

завѣщаній крупныхъ землевладѣльцевъ XVI в. только въ одномъ, извѣщаніи кн. Куракина¹⁾, замѣчено, что ни оному, ни ему никто не долженъ. Понятно, что необходимость посмертной ликвидаціи долговыхъ отношеній приводила къ денежной реализаціи имущества въ духовныхъ грамотахъ часто читася распоряженія о продажѣ и закладѣ вотчинъ, животныхъ и домашнего скарба въ уплату долговъ.

При жизни же реализація недвижимыхъ имуществъ также востребовывалась служебными обязанностями. Сохранился рядъ купчихъ и завладныхъ служилыхъ людей, при отправленіи на службу бравошихъ въ долгъ какъ денежныя суммы, такъ и разное боевое снаряженіе. Въ какомъ иногда критическомъ положеніи могъ отутѣться служилый человекъ-землевладѣлецъ, показываетъ уже знакомый намъ примѣръ кн. Ал. Горбатого, владѣннаго большими вотчинами и поместьями въ 3-хъ уѣздахъ и все-таки принужденнаго заложить платѣ своей жены.

Такимъ образомъ второй могущественный факторъ разрушенія княжескихъ вотчинъ скрывается въ ненормальныхъ условіяхъ экономическаго положенія московской земельной аристократіи. Одну сторону этого вопроса отмѣтилъ проф. Ключевскій, указавшій на тотъ тяжелый кризисъ, которому подвергалось частное землевладѣніе вслѣдствіе разброда населенія изъ центральныхъ областей на окраины²⁾. Мнѣ кажется, что изученіе долговыхъ отношеній земельной аристократіи XVI в. должно открыть еще одну сторону въ этомъ экономическомъ кризисѣ, именно большой недостатокъ денежныхъ капиталовъ.

Сравнительно съ этими двумя естественными и, такъ сказать, роковыми силами, разрушавшими крупное вотчинное землевладѣніе, прословутая адичность московскихъ государей и ихъ политическая дальновидность должны, позволяю себѣ это думать, значительно отступить на задній планъ. Если неизданные княжескіе документы и не дадутъ непосредственно новаго матеріала для сужденія о земельной политикѣ московскихъ государей, то они все-таки должны, какъ мы видѣли, сильно ограничить значеніе тѣхъ земельныхъ приобрѣтеній, которыя переимѣстятся въ духовныхъ завѣщаніяхъ Ивана III и Ивана Грознаго. Трудно найти такую крупную княжескую вотчину, которая бы не разрушалась независимо отъ московской политики, которая бы не имѣла бы въ сущности московскаго государя въ полномъ видѣ. Пржебрѣ вотчинъ князей Понковыхъ и Суцкихъ показывается, что государемъ оставалось только подбирать обломки родовыхъ княжескихъ вотчинъ. Парал-

¹⁾ Арх. Мѣст. Юст., уроч. кн. Кашино, № 828.

²⁾ Государская Дума, 1906, № 4.

тельно этому, все известные способы приобретения и конфискации княжеских вотчин государями не поддаются объединению в систему политической борьбы. Наоборот, известные указы второй половины века о княжеских вотчинах, являющиеся прямыми выразителями принципов поземельной политики, направлены к сохранению цѣлости вотчин в интересах военной организации государства. Дѣйствительно, в срединѣ XVI в., когда военная организация еще не успѣла сложиться и централизоваться, большія княжескія вотчины были отдѣльными, военно-служилыми территориальными единицами, сохраняя то значеніе, какое имѣли в военной организации удѣльнаго времени. Запрещеніе отчуждать эти вотчины в монастыри, устраненіе отъ наследованія женской линіи и боковыхъ родичей, кромѣ самыхъ близкихъ, наконецъ, взятіе вотчины на государя, — все эти мѣры были естественными и необходимыми средствами для спасенія цѣлости княжескихъ вотчин и ихъ военно-служилого значенія, какъ прямо объяснено в самомъ текстѣ указовъ.

Изъ тѣхъ важныхъ результатовъ, къ какимъ повела мобилизация княжескихъ вотчин сѣверо-восточной Руси, я, по краткости времени, останавлиюсь только на нѣкоторыхъ.

Первый изъ нихъ касается тѣхъ измѣненій в характерѣ вотчиннаго землевладѣнія сѣверо-восточной Руси, которыя были слѣдствіемъ этой мобилизации. Быстрота, съ которой совершалось разрушеніе княжескихъ вотчинъ, крупныя размѣры вотчинъ, уходившихъ изъ княжескихъ рукъ в собственность другихъ вотчинниковъ, — могутъ дать поводъ къ заключенію, что в личномъ составѣ вотчинниковъ сѣверной Руси къ концу XVI в. княжескій элементъ сократился до минимума и былъ представленъ только тѣми князьями, которые успѣли спасти отъ крушенія обломки родовыхъ вотчинъ. Но такое заключеніе противорѣчило бы дѣйствительности. Контингентъ князей-вотчинниковъ, постоянно убывая и сокращаясь одними путями, постоянно пополнялся и обновлялся новыми элементами, приходившими другими путями. Поземельные акты XVI в. открываютъ рядъ князей-вотчинниковъ, хотя и в предѣлахъ ихъ бывшихъ княжествъ, но не в родовыхъ вотчинахъ. Экономическій кризисъ, разрушавшій родовое землевладѣніе, мѣшалъ, разумѣется, развиваться и благопріобрѣтенному. Дѣйствительно, сохранилось крайне незначительное число документовъ о пріобрѣтеніи сѣверо-восточными князьями земель внѣ родовыхъ владѣній. Пріобрѣтались князьями на собственные средства большею частью незначительные земельные участки. Главнымъ же условіемъ, поддерживавшимъ

крупное княжеское землевладѣніе на сѣверо-востокѣ въ XVI в., была служба. Тогда какъ активная, действительная служба стягивала князей изъ ихъ родовыхъ гнѣздъ къ ихъ служебному центру, къ Москвѣ, а затѣмъ разбрасывала по окраинамъ, преимущественно вѣдной и значной, — служебная служба часто возвращала ихъ опять къ родному краю. Акты XVI в. даютъ рядъ свѣдѣній о большихъ жалованныхъ вотчинахъ сѣверо-восточныхъ князей въ прѣдѣлахъ старыхъ княжествъ Ростовскаго, Ярославскаго, Суздальско-Нижегородскаго и близжайшихъ къ Москвѣ уѣздовъ кн. Кубенскихъ, Засѣкинскихъ, Палецкихъ¹⁾. Наконецъ, въ писцовыхъ книгахъ и актахъ находимъ рядъ крупныхъ и мелкихъ не-родовыхъ княжескихъ вотчинъ, о которыхъ достоверно известно, какими способами онѣ были приобретены.

Далѣе, съ начала XVI в. съ природными князьями на сѣверо-востокѣ начинаютъ соперничать по численности и богатству князья пришлые, чужіе, вѣжно-русскаго и литовскаго происхожденія. Уже изъ печатныхъ источниковъ извѣстно нѣсколько случаевъ пожалованій крупныхъ вотчинъ князьямъ-выходцамъ изъ Западной Руси и Литвы. Такъ по духовной Плана III кн. Фед. Пав. Бѣльскому данъ былъ въ вотчину г. Лушь съ волостями, по духовной Грознаго кн. М. П. Воротынского та часть Стародуба Галицкаго, которая была за кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Въ этой части, какъ мы видѣли, сохранились значительныя вотчины кн. Стародубскихъ. Поэтому кн. Воротынский занялъ какъ бы мѣсто удѣльнаго князя, ставъ между государемъ и мѣстными князьями-вотчинниками. Изъ одного судного дѣла 1543 г. узнаемъ, что кн. Фед. Михайл. Мстиславскому далъ кн. Василій Ивановичъ пожаловалъ въ вотчину мелкій ярославскій удѣлъ, Юхотъ, выморочное владѣніе кн. Юхотскихъ. Въ этой вотчинѣ кн. Мстиславскій имѣлъ своихъ дѣтей боярскихъ и награждалъ ихъ поместьями²⁾. Князья Глинскіе представляютъ рѣдкій примѣръ княжескаго рода, богататаго не только земельными владѣніями, но и денежными капиталами. Кн. Мах. Вас. въ срединѣ XVI в. на крупныя суммы скупили много земель въ Ростовской области³⁾. Такимъ образомъ аристократическіе представители западно-русскаго и литовскаго княжескаго родоваго имѣнія выступаютъ по объему и даже по характеру владѣній и по способу новыя родины, на сѣверо-востокѣ.

¹⁾ Арх. Моск. Росс., грим. по Строеву, № 1180, по Котлову, №№ 1134, 1136, по Бадяеву, №№ 1870, 1942, Собр. Гр.-Суд. Загм., № 323, а 340, 3, 3, 3, 3, №№ 341, 342, 344.

²⁾ Собр. Гр.-Суд. Загм. II. II. Завухинъ, стр. 206.

³⁾ Собр. Гр.-Суд. Загм., № 322, дд. 713, 713 об., 715, 714, 716 об., 716, 717.

Найданные акты и писцовыя книги открываютъ далѣе въ тѣхъ же областяхъ массу вотчинъ, большихъ и малыхъ, и очень многихъ другихъ княжескихъ родовъ, черниговскихъ, смоленскихъ, литовскихъ. Ихъ владѣнія разбросаны по всѣмъ областямъ сѣверо-востока и дробятся на мелкіе участки. Только вотчины князей Мезецкихъ тѣсно сгруппированы въ области Стародуба Рязанскаго ¹⁾.

Итакъ во второй половинѣ XVI вѣка въ сѣверо-восточной Руси надо различать слѣдующія группы князей-вотчинниковъ: 1) природныхъ князей, отдаленныхъ потомковъ Всеволода III, сохранившихъ старинныя родовыя вотчины, обломки прежнихъ удѣловъ; 2) князей того же происхожденія, владѣвшихъ въ предѣлахъ старыхъ княжествъ вотчинами жалованными, выслуженными и благопріобрѣтенными, и 3) не меньшее, если не большее число князей чужихъ, южно-русскаго и иноземнаго происхожденія, пріобрѣтавшихъ вотчины на сѣверо-востокѣ самыми различными способами.

По своему юридическому характеру княжеское землевладѣніе сѣверо-востока и во второй половинѣ XVI вѣка остается по преимуществу вотчиннымъ, а не помѣстнымъ. Это и понятно. Помѣстное землевладѣніе развивалось подъ вліяніемъ потребностей службы, а служебные интересы княжескаго сословія, какъ и всего государства въ XVI вѣкѣ сосредоточивались на окраинахъ, преимущественно западной и южной.

Другой результатъ мобилизаціи княжескихъ вотчинъ сѣверо-востока выходитъ уже изъ области поземельныхъ отношеній. Я разумѣю извѣстную мысль проф. Ключевскаго, что сохраненіе многими князьями ихъ родовыхъ вотчинъ въ срединѣ XVI в. оказывало сильное вліяніе на политическое настроеніе московскаго боярства ²⁾. Занимаясь преимущественно поземельными отношеніями XVI в., я только случайно наталкивался на извѣстія о родовыхъ вотчинахъ сѣверо-восточныхъ князей въ XVII вѣкѣ. Какъ мы видѣли, и такихъ случайныхъ указаній встрѣчается не мало. Можно надѣяться, что систематическое изслѣдованіе источниковъ дастъ возможность реставрировать княжескія родовыя вотчины въ XVII в. въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ это можно предполагать въ настоящее время, а мысль В. О. Ключевскаго окончательно подтвердится. Но родовое землевладѣніе сѣверо-восточныхъ князей XVI в. было небольшимъ уголкомъ въ обширной сферѣ ихъ поземельныхъ отношеній, далеко не исчерпывало по-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., грам. по Суздалью, №№ 11796, 11802, 11805, 11812, 11816, 11827, 1847; Сборн. Тр.-Серг. Лавры, № 530, лл. 1065, 1070 об., 1091, 1092.

²⁾ Бояр. Дума, стр. 251—254.

сѣднихъ. По разнаго рода актамъ и писаннымъ книгамъ XVI в., изданнымъ и особенно неизданнымъ, можно набросать общую и довольно полную картину распределенія княжескаго землевладѣнія по территоріи государства. Основной мотивъ этой картины заключается въ томъ, что землевладѣльческая судьба всего княжескаго сословія и каждаго княжескаго рода въ отдѣльности управляется ихъ служебной карьерой. Каждый княжескій родъ пріобрѣтаетъ землевладѣльческія вѣдѣности тамъ, гдѣ находится узелъ его постоянныхъ, служебныхъ интересовъ. Поэтому всѣ болѣе или менѣе значительныя княжескія роды, играющія видную служебную роль, осаживались въ XVI вѣкѣ вокругъ Москвы, а роды мелкіе и заурядные, заносимые службой на окраины, сѣялись тамъ съ мѣстнымъ служилымъ обществомъ и дѣлались мѣстными постоянными землевладѣльцами. Неизданныя писанія князя Новгородской области и Рязанской окраины второй половины XVI в. открываютъ въ этихъ областяхъ цѣлыя гнѣзда сѣверо-восточныхъ князей, мѣстныхъ землевладѣльцевъ и служилыхъ людей. Этотъ фактъ тѣсной зависимости землевладѣльческой судьбы княжескаго сословія отъ служебной карьеры и разбросанности княжескихъ владѣній по всей территоріи государства, даетъ возможность постараться по поводу мысли проф. Ключевскаго такой вопросъ: не парализовались ли вліяніе родовыхъ владѣльческихъ традицій новыми интересами службы и тѣмъ поземельными отношеніями, которыя создавались службой?

Наконецъ, продолжающійся въ теченіе всего XVI в. процессъ перехода княжескихъ вотчинъ въ монастыри, который можетъ быть выясненъ во всей своей непрерывности и объемѣ только съ помощью неизданныхъ актовъ, позволяетъ оцѣнить и ту историческую почву, на которой велась боярами публицистами полемика противъ монастырскаго землевладѣнія. Известно, что всю вину за зло, коренившееся въ монастырскихъ богатствахъ, эти полемисты складывали на голову государей и монашества, а самихъ себя, частныхъ землевладѣльцевъ, выставили жертвами ослѣпленія верховной власти и инерціи лѣнности¹⁾. Но такая точка зрѣнія не имѣетъ подъ собою твердой исторической почвы. Мы видѣли, что переходомъ княжескаго или вообще боярскаго землевладѣнія въ руки монастырей управляли силы, создававшія міросозерцаніемъ общества, котораго князья-вотчинники и другіе землевладѣльцы не могли перерости, и это экономическіе взгляды

¹⁾ См. характеристику этой полемики у Н. А. Ключевскаго, стр. 111, 112 и слѣд.

котораго они не могли измѣнить. Истинныя причины зла, возбуждавшаго литературную полемику, лежали слишкомъ глубоко, чтобы ихъ могли различить глаза современника.

Давая въ заключеніе общую оцѣнку значенія неизданныхъ поземельныхъ актовъ княжескихъ родовъ сѣверо-восточной Руси, я долженъ прежде всего сознаться, что эти акты не поднимаютъ вопросовъ принципиально новыхъ, не открываютъ такихъ точекъ зрѣнія, которыя не обнаруживались бы уже извѣстными, изданными источниками. Но, тѣмъ не менѣе, по моему убѣжденію, безъ нихъ нельзя обойтись при изученіи вопроса о томъ кризисѣ, которому подвергалось крупное землевладѣніе въ XVI в. Только съ ихъ помощью можно отчетливо разобраться въ этомъ сложномъ историческомъ явленіи, твердо установить различныя причины земельной мобилизаціи, оцѣнить сравнительную силу ихъ дѣйствія и результаты этой мобилизаціи въ области не только поземельныхъ отношеній, но и въ области политическихъ идей и публицистической литературы XVI вѣка.

С. Рождественскій.

Изъ поѣздки 1891 г. въ Донскую область и Бахмутскій уѣздъ.

Дѣйствительнаго члена Н. Е. Бранденбурга.

Изъ Новочеркасска я выѣхалъ въ Аксайскую станицу, направляясь въ Ростовъ, причемъ мнѣ представилась возможность наблюдать видимые съ дороги курганы и дѣлать о нихъ замѣтки. Такъ, уже по близости за городомъ, лѣвѣе дороги, лежить группа изъ 7 небольшихъ насыпей, а верстахъ въ двухъ отъ Новочеркасска другая группа, гораздо болѣе замѣчательная, состоящая изъ разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги 20 большихъ кургановъ. Раскопки здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не дѣлалъ, а между тѣмъ условія для нихъ здѣсь весьма благопріятны по близости города: къ тому же можно вспомнить и объ извѣстной находкѣ замѣчательныхъ древностей (золотая діадема), сдѣланной въ курганѣ при устройствѣ водопровода въ самомъ Новочеркасскѣ, какъ объ обстоятельстве, могущемъ вызывать особое вниманіе на упомянутую группу, которой, по моему мнѣнію, необходимо было бы заняться.

Далѣе курганы становятся рѣдки и виднѣются въ отдаленіи справа на горизонтѣ, но не долгая верста за десять до Аксайской станицы, близъ дороги, тянется цѣль изъ 7 кургановъ, а нѣсколько лѣвѣе, подѣзжая къ урочищу и хутору „Большой Логъ“, разбросаны также значительной величины насыпи, нѣкоторыя даже очень большія¹⁾, въ отдаленіи отъ жилья. Нѣсколько кургановъ расположены, впрочемъ, и близъ самого „Лога“ на ерижѣ, по ту и по эту его стороны.

Версты за двѣ до Аксайской станицы вправо отъ дороги стоитъ 4 отдѣльныхъ кургана, затѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдней еще 14 расположены цѣлью (нѣкоторыя очень большія), а при

¹⁾ Одной изъ нихъ (близъ хутора въ Аксаѣ) выкопана такая форма, состоящая изъ Криму Аксаѣ.

тыла въ самую станицу, у церкви, цѣлая группа ихъ (болѣе 15 насыпей средней и малой величины), но нѣкоторыя уже повреждены. Еще семь кургановъ видны влѣво въ отдаленіи на гребнѣ, выѣзжая изъ Аксая, а отѣхавъ версты двѣ разбросано ихъ до 10 (почти всѣ большіе, съ крутыми отлогостями), причемъ одинъ огромный, но, по видимому, уже копаный; отдѣльныя насыпи изрѣдка встрѣчаются въ степи также и далѣе, до полотна желѣзной дороги.

Переѣхавъ послѣднее, влѣво вдали по гребню видна цѣпь изъ 16 насыпей, а ближе къ дорогѣ расположены еще 5 (изъ нихъ три довольно большихъ); нѣсколько же далѣе вправо на горизонтѣ виденъ еще рядъ ихъ. Подѣзжая къ Ростову, близъ послѣдняго лѣвѣе дороги находятся два, въ отдаленіи другъ отъ друга, кладбища и около нихъ расположено до 12 кургановъ (кромѣ нѣсколькихъ малыхъ), изъ коихъ 7 лежатъ около кладбища, ближайшаго къ городу; кромѣ того, нѣсколько кургановъ видны и у самаго Ростова, на прилегающей возвышенности или высокомъ береговомъ кряжѣ.

Въ Ростовѣ я перебрался на лѣвый берегъ Дона и черезъ Батайскъ и Азовъ направился на Кагальникъ. Между Ростовомъ и Батайскомъ кургановъ не попадалось (разливы Дона), но затѣмъ они появились снова.

Между сел. Батайскомъ и Косевымъ ($\frac{1}{2}$ версты разстоянія), влѣво отъ дороги два довольно большихъ кургана, а миновавъ Косево—еще 5 большихъ и нѣсколько малыхъ, но на нѣкоторыхъ расположены вѣтряныя мельницы. Верстахъ въ двухъ далѣе по обѣимъ сторонамъ дороги 8 кургановъ, изъ которыхъ одинъ очень большой, а затѣмъ до дер. Кулешовки правѣе дороги встрѣчаются отдѣльныя насыпи, которыхъ я насчиталъ около 12, лѣвѣе же простирается открытая степь, и онѣ видны лишь на возвышенности дальняго горизонта. Подѣзжая къ Кулешовкѣ, вправо отъ дороги цѣпь изъ шести кургановъ, а далѣе съ лѣвой стороны еще одинъ. За Кулешовкой, не доѣзжая съ версту до нѣмецкой колоніи, правѣе дороги 4 кургана (1 большой), а влѣво на горизонтѣ продолжаетъ тянуться цѣпь ихъ, но въ значительномъ отдаленіи. Далѣе, между колоніей и дер. Вѣтрогоровкой близъ дороги встрѣчены 3 отдѣльныхъ кургана, а у деревни еще 4, и, наконецъ, подѣзжая къ Азову, близъ него 8 кургановъ (одинъ большой и одинъ, по видимому, разрытый).

Наконецъ, между Азовомъ и Кагальникомъ, курганы замѣчены въ 1 — $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ послѣдняго, именно шесть кургановъ по обѣимъ сторонамъ дороги и еще 4 слѣва, но вдали, а при въѣздѣ въ

Кагальники (из $\frac{1}{2}$ версты) группа из пяти насыпей, довольно больших.

Такимъ образомъ отъ Батайска до Кагальника, что составляетъ 34 версты, мною насчитано болѣе 67 кургановъ, кромѣ лежащихъ на дальнемъ горизонтѣ. Всѣ они тянутся по лѣвой окраинѣ долины Дона, до устья послѣдняго, и могутъ представлять этаны для археологическихъ работъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ удобствъ своего расположенія, какъ напр. Азовъ, Кулешовка и Косаго.

Въ Кагальникѣ перестъ мною открылось уже Азовское море, и дорога пошла по самому берегу. Въмѣсто ожидавшихся здѣсь пустырей, пришлось ѣхать до сел. Круглоя (10 версты) по непрерывной цѣпи поселковъ, сплошь окаймляющихъ здѣсь берегъ моря и представляющихъ, такимъ образомъ, какъ бы одно сплошное селеніе, но кургановъ здѣсь не встрѣчено, и только двѣ насыпи видѣлись въ отдаленіи слѣва, приблизительно, на половинѣ дороги. За Круглою эта сплошность поселковъ, однако, исчезаетъ, но, тѣмъ не менѣе, побережье все населено и занято пашнями. Здѣсь до слѣдующей станціи, т. е. до селенія Семибалки (15 версты) курганы довольно рѣдки и небольшие, — мною ихъ насчитано всего девятнадцать, а именно: 3 при дер. Стефанидарь, здѣсь усадьба или экономя, проѣхавъ которую лѣвѣе дороги въ отдаленіи видѣются еще 5, и не доѣжая двухъ верстъ до дер. Очаковки (или Очаковской косы) и другой усадьбы близъ дороги еще 4 (всѣ распахиываются), а затѣмъ, проѣхавъ послѣднюю, до деревни Страшной, я видѣлъ ихъ до 7, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи лѣвѣе дороги.

Между Семибалкой и Маргаритовой (15 версты) мною насчитано также всего 22 кургана, изъ которыхъ 4 находятся не въ дальнемъ разстояніи отъ первой (два, однако, уже очень распаханы, а на одномъ помѣщается триангуляционная вышка) и два по близости Маргаритовой, не доѣжая лежащей здѣсь усадьбы г. Сарангинцевъ, остальные же разбросаны въ промежуткѣ, причемъ болѣе выдающіяся представляются группами или цѣпью изъ 7 насыпей (на пашнѣ) не доѣжая Чумбуровой косы. Кромѣ того, при выѣздѣ изъ Маргаритовой лѣвѣе видны еще 4 большихъ, стоящихъ попарно, кургана, такъ что, въ случаѣ надобности, пунктъ этотъ (Маргаритова) можетъ также служить этаномъ для археологическаго исследования.

Проѣхавъ еще 4 версты по берегу моря, до Ново-Маргаритовки, почтовая дорога уже отходитъ отъ моря и направляется прямо на востъ, къ Ейскому укрѣпленію. Здѣсь близъ Ново-Маргаритовки 4 кургана (изъ нихъ два очень большихъ, но на одномъ триангуляцион-

вал вышка) и 5-й расположенный на новѣйшемъ кладбищѣ; далѣе же дорога (около 25 верстъ) идетъ степью, на которой кое-гдѣ находятся малые хутора и изрѣдка встрѣчаются отдѣльные насыпи.

Нынѣшнее мѣстечко „Ейское укрѣпленіе“ (бывшая крѣпость св. Димитрія) находится на берегу моря, близъ устья р. Еи, и около него лежитъ группа изъ 6 кургановъ; изъ нихъ нѣкоторые очень большіе, но все подъ пашней; близость мѣстечка дѣлаетъ раскопки здѣсь довольно удобными. Отсюда версты черезъ двѣ я уже выѣхалъ на правый берегъ р. Еи и далѣе старался не удаляться отъ ея теченія, не смотря на отсутствіе почтовыхъ станцій, расположенныхъ далеко отъ рѣки, на совсѣмъ другихъ дорогахъ; съ этою цѣлью я избралъ направленіе на лежащую верстахъ въ семи (но на Кубанской сторонѣ) станицу Старощербинскую, чтобы видѣть берега Еи отъ самаго ея устья, а затѣмъ отъ станицы (не переѣзжая рѣки) повернулъ на сел. Екатериновку и такимъ образомъ проѣхалъ весь крутой изгибъ, дѣлаемый здѣсь теченіемъ Еи. Весь этотъ участокъ представляетъ почти бесплодную низменную степь, затопляемую разливомъ рѣки, почему, вѣроятно, и кургановъ здѣсь я не встрѣтилъ до самой Екатериновки, гдѣ мѣстность значительно уже повышается, оставляя по берегамъ лишь узкую полосу низменности, такъ называемые плавни.

Въ Екатериновкѣ послѣдняя почтовая станція на р. Еѣ. Вблизи селенія разбросано 10 кургановъ (именно 6 съ сѣверной стороны и 4 съ восточной), въ числѣ которыхъ 2 большихъ, но развалистыхъ, и одинъ среди новѣйшаго кладбища. Здѣсь условія для работъ также довольно благопріятны.

Начиная отъ Екатериновки, по правому берегу Еи попадаются на всемъ пути разбросанные курганы, главнѣйшимъ образомъ расположенные на возвышенностяхъ побережья, но небольшой частью встрѣчающіеся и у самой рѣки, на вышеупомянутыхъ плавняхъ¹⁾. Такъ, напр., между сел. Екатериновкой и Елизаветовкой (10 верстъ) я ихъ насчиталъ до 20; мѣстами они группируются гораздо гуще. Величина кургановъ довольно разнообразна, но въ большинствѣ случаевъ размѣры ихъ весьма значительны — отъ 2—3 саж. вышины; внѣшній видъ насыпей также неодинаковъ: есть съ покатостями разной крутизны (одна сторона значительно круче прочихъ), есть сегментообразныя и развиисто-коническія, есть съ боковыми валообразными присыпками, есть парныя — соединенныя сѣдловинами и т. под. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ курганы расположены пра-

---

¹⁾ Нынѣ заливные луга, но плохіе, дающіе скудную растительность.

вильною цѣпью, въ другихъ разбросаны отдѣльно, на болѣе или менѣе значительномъ удаленіи отъ берега, въ третихъ образуютъ болѣе или менѣе скученныя группы. Такъ, между сел. Елизаветовкой и Царедаромъ лежитъ выдающаяся группа близъ Павлодара, болѣе отдаленные курганы у нѣмецкой колоніи Ольгенфельдъ (одинъ изъ нихъ огромный) и цѣпь кургановъ близъ упомянутаго Царедара, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано ниже, причемъ есть основаніе заключать, что и самое происхожденіе насыпей не можетъ считаться одновременнымъ, ибо, напримѣръ, между ними обнаружены и тавады, которые относятся еще къ эпохѣ бронзоваго вѣка.

Последнее обстоятельство я считаю настолько интереснымъ, что позволяю себѣ немного на немъ остановиться.

Во время пребыванія моего въ Царедарѣ я узналъ, что изъ упомянутой выше колоніи Ольгенфельдъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были найдены въ курганѣ какіе-то мѣдные обломки странной формы, почему я и принялся ихъ разсматривать; къ счастью оказалось, что они были еще цѣлы, и когда мнѣ принесли ихъ, то я, къ удивленію, увидѣлъ предъ собою бронзовый щельтъ (см. рис. 1), два такихъ же кинжала и часть большого бронзоваго ножа, которые мнѣ удалось пріобрѣсти. Одного взгляда на упомянутые кинжалы достаточно, чтобы узнать въ нихъ типъ, столь свойственный сѣверному Кавказу и, если не ошибаюсь, ему повинѣ даже исключительно, и такимъ образомъ, находка получала большой инте-

Рис. 1. Щельтъ

ресъ, какъ вещественный слѣдъ кавказской культуры въ Приазовьѣ, стоящій, по всей вѣроятности, въ связи съ передвиженіями сюда различныхъ племенъ изъ предгорій Кавказа еще въ незапамятные времена эпохи бронзоваго вѣка. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ условіяхъ этой интересной находки узнать не удалось, такъ какъ самъ находчикъ былъ въ отлучкѣ, и мнѣ могла только указать курганъ, въ которомъ она была сдѣлана. Онъ лежитъ на холмѣ холмистомъ собственникомъ, непосредственно въ самой колоніи (на разстояніи около версты отъ берега) и представляетъ огромную развалистую насыпь, около 90 саж. въ окружности и до 6 арш. вышиною, изрытую ямами, причемъ съ западной стороны четверть кургана срыта уже почти совсѣмъ, но середина и вся восточная половина еще цѣлы. Разрушеніе насыпи ведется уже издавна, ибо отсюда общепринимать берутъ

землю къ себѣ на дворы для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, причемъ мнѣ передавали, что лѣтъ 20 тому назадъ въ томъ же курганѣ (въ южной сторонѣ) были найдены человѣческія кости, которыя снова зарыли гдѣ-то въ насыпи, а относительно послѣдней находки вещей указывали только, что онѣ найдены вмѣстѣ, въ нижнихъ слояхъ кургана, близъ сѣверной его окраины.

Остается прибавить еще, что на лугу той же колоніи, на самомъ берегу Еи, т. е. съ версту отъ вышеописаннаго кургана, лежатъ еще два большихъ, которые, легко быть можетъ, съ нимъ однородны, такъ что вообще этотъ пунктъ заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что и раскопка здѣсь очень удобна.

Другая выдающаяся группа, которую мнѣ представилась возможность осмотрѣть болѣе подробно, лежитъ близъ сел. Царедаръ, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ него на сѣверъ. Здѣсь, въ довольно близкомъ другъ отъ друга разстояніи, расположены правильной цѣпью (въ направленіи на З. З. Ю.) семнадцать кургановъ, а нѣсколько сѣвернѣе ихъ еще 2 рядомъ. Первые представляютъ насыпи разной величины, въ числѣ которыхъ 6 большихъ и 11 малыхъ, но всѣ уже давно пашутся, причемъ большіе изъ нихъ имѣютъ въ окружности отъ 40 до 50 саж., вышина же нивѣ весьма различна: отъ 4 арш. до 3-хъ саж. Что касается до вышеупомянутыхъ двухъ отдѣльныхъ (лежатъ за такъ-называемой „Мечетной балкой“), то они расположены на степной цѣлинѣ и представляютъ невысокія насыпи, причемъ одинъ изъ нихъ окруженъ еще какъ бы низкимъ кольцеобразнымъ валомъ до 22 саж. въ діаметрѣ¹⁾.

Въ виду удобствъ, представляемыхъ этой группой по близости ея отъ усадьбы мѣстнаго землевладѣльца И. П. Коваленскаго, я рѣшился произвести здѣсь раскопку одного изъ нихъ, выбравъ насыпь средней величины, потребовавшую тѣмъ не менѣе почти 6 дней для своего изслѣдованія, при 20—30 ежедневныхъ рабочихъ, — до такой степени былъ твердъ грунтъ ея, вѣроятно, еще болѣе окрѣпшій отъ продолжительнаго бездождія.

Вскрытый мною курганъ имѣлъ въ окружности около 180 арш. и до 2 саж. вышины; грунтъ сверху черноземистый суглинокъ, ниже же чистый суглинокъ. Остатки погребенія встрѣчены въ немъ въ насыпи и въ материкѣ.

Въ насыпи: Въ серединѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., встрѣченъ скелетъ, лежавшій на спинѣ въ вытянутомъ положеніи, головой на за-

¹⁾ Невольно напрашивается сравненіе его съ извѣстнымъ Александропольскимъ курганомъ, съ котораго онъ представляетъ какъ бы миниатюрную копію.

нать; кости не полны и очень ломки; вещей нѣтъ (около костей найдены только маленькій королевскъ бронзовой охи). Южнѣ скелета, около 2-хъ саж., но глубже его на 3 арш. найдена кучка костей какого-то животнаго (быть можетъ, барана). южно издвигая чѣлѣсть и обломки трубчатыхъ костей, а сѣвернѣ того же скелета, соответственно послѣднимъ, встрѣчена кучка костей какой-то крупной птицы (повидимому, полный остокъ). Наконецъ, въ восточной части насыпи, въ разстояніи отъ середины около 3 саж. (на глубинѣ тѣхъ же костей), найдены два черепка простого горшка.

Въ материкѣ: Въ южной сторонѣ (около 2 саж. отъ середины) на уровнѣ материка, или немного выше, встрѣченъ очень тонкій бѣлый прослойкъ, занимавшій около кв. саж., на которомъ мѣстами замѣчены остатки или слѣды дерева, и подъ нимъ обнаружена впаденная въ материкъ могила ($1,45 \times 1,12$ метр.), расположенная длинникомъ съ востока на западъ. Въ могилѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метр., лежалъ совершенно истлѣвшій скелетъ, головой на востокъ, въ скорченномъ положеніи и, повидимому, на лѣвомъ боку; дно могилы покрыто бѣлымъ налетомъ (того же характера, какъ и вышеупомянутый), а въ ногахъ и головахъ скелета ясны слѣды красной краски; кромѣ того, въ нихъ оказались черепки простого горшка. Кости тонкія (молодой особы), вещей не было никакихъ.

Въ сѣверной сторонѣ (отъ середины также въ 2-хъ саж.) обнаружена въ материкѣ другая яма, или колодезь, почти квадратной формы ($2,15 \times 1,92$ метр.), оказавшійся спускомъ въ погребальную камеру и имѣвшій глубины $4\frac{1}{2}$ арш. Больше длинная сторона ямы, расположенная съ С. на Ю., были стѣнами въ три узкихъ уступа (такъ что въ подошвѣ ширина колодезя уменьшалась до $1\frac{1}{2}$ арш.), а на короткихъ стѣнахъ былъ только одинъ уступъ внизу, дно же ямы шло скатомъ на югъ. У подошвы послѣдней, въ южной стѣнѣ, оказался полу-круглый пролетъ или ротъ окна (выш. и шир. въ 1 арш.) въ устроенную за нимъ погребальную, вырубленную въ материкѣ катакомбу (3 арш. 6 верш. $\times$ 2 арш. 3 верш.), расположенную съ В. на З. и имѣвшую въ вышину всего 1 арш. 6 верш., дно которой было выбито, а потолокъ и стѣны покрыты толстой глиняной выбѣленной же обмазкой. Въ катакомбѣ оказался почти совершенно геставшій скелетъ молодой особы (кости очень тонкіе), положенный на спинахъ, въ вытянутомъ положеніи головою на востокъ; изъ костей кисти обматывавшейся съ потолка обмазкой, которыми, вѣроятно, разбитъ и стѣнная черепъ скелета, такъ какъ отъ него оказались только лишь малю

кусочки. Изъ вещей при костякѣ найдено, однако, лишь одно ручное серебряное колечко, въ видѣ змѣйки съ расплюснутыми концами, болѣе же не было ничего.

Такимъ образомъ, изслѣдованный курганъ оказался содержащимъ остатки двухъ разновременныхъ погребеній, изъ коихъ позднѣйшее (въ насыпи) представляетъ лишь интересъ относительный, такъ сказать, лишь топографическій, болѣе же древнее (въ материкѣ) является весьма любопытнымъ по указаннымъ выше особенностямъ устройства могилы; послѣдняя, по всей вѣроятности, заключаютъ въ себѣ и болѣе разнообразный археологическій матеріалъ, если бы удалось напасть на болѣе богатую той же конструкціи могилу, такъ какъ даже и въ описанной бѣдной катакомбѣ все-таки оказалась серебряная вещь.

Любопытно вспомнить при этомъ, что могила того же типа была встрѣчена и въ южной части Кіевской губерніи (около мѣстечка Смѣлы), какъ было сообщено о томъ графомъ А. А. Бобринскимъ въ одномъ изъ засѣданій Русскаго Археологическаго Общества, такъ что въ вопросѣ объ ихъ топографическомъ распространеніи курганы на р. Еѣ являются райономъ весьма знаменательнымъ и тѣмъ еще болѣе заслуживаютъ изученія.

Трудность производства работы, въ зависимости отъ свойствъ мѣстнаго грунта, обусловливавшихъ и дороговизну самихъ раскопокъ, даже при невысокой цѣнѣ рабочихъ рукъ, не позволила мнѣ предпринять здѣсь еще новую раскопку, и потому я долженъ былъ покинуть Царедаръ, удовольствовавшись только вышеизложеннымъ.

Изъ Царедара меня повезли на Денисовъ Хуторъ, лежащій въ 22 верстахъ. Отдѣльных кургановъ встрѣчалось на пути довольно много, и въ большинствѣ всѣ значительной величины, удобные же пункты для раскопокъ представляются только у сел. Козинки, верстахъ въ двухъ отъ которой лежитъ цѣль большихъ насыпей, и у самаго хутора Денисова (усадебная и деревня), южнѣе и западнѣе котораго въ верстахъ находятся два отдѣльных кургана (кромѣ еще цѣлой группы ихъ съ сѣв. и вост. сторонъ, но въ значительномъ отдаленіи). Тотъ же характеръ имѣлъ путь и до слѣдующей остановки въ хуторѣ Куцевкѣ (15 верстъ), гдѣ онъ пересѣкаетъ уже полотно Ростово-Владикавказской жел. дор., большую часть котораго, къ сожалѣнію, пришлось проѣхать уже въ темнотѣ.

Близъ Куцевки р. Ея поворачиваетъ на югъ, и дальнѣйшій мой путь лежалъ уже по теченію притока—Кугой-Еи. Отсюда слѣдующій переѣздъ пришлось сдѣлать черезъ селенія Михайловское (Ивановка

тожъ) и Яриновку, до такъ-называемой „Филиной-Мельницы“ (большой поселокъ до 100 дворовъ, на картѣ не существующій), что составляетъ болѣе 30 верстъ. Здѣсь цѣль большихъ кургановъ встрѣчена только при выѣздѣ изъ самой Куцелки, а далѣе ихъ попадаются уже мало (притомъ небольшіе, отдѣльные); только одинъ выдающійся по величинѣ встрѣченъ верстахъ въ 3-хъ за сел. Михайловскимъ и 2 болѣе-малыхъ расположены близъ упомянутой Филиной-Мельницы, примѣрно въ разстояніи версты, на владѣтельской землѣ.

Отъ Филиной-Мельницы въ сел. Новопровальскъ (хуторъ Платовскій тожъ), дорога пошла по лѣвому берегу р. Кугой-Ея (по Кубанской сторонѣ), но здѣсь на протяженіи почти 25 верстъ ничего выдающагося не встрѣчено, и только изрѣдка попадались отдѣльныя, незначительной величины насыпи. Противъ большой дер. Полѣтовки (на Донской сторонѣ) переѣзъ опять на правый берегъ, слѣдуя по которому, не доѣзжая сел. Новопровальскъ, видны надѣво на горизонтѣ большіе курганы. Самый Новопровальскъ (сел. до 150 дворовъ) можетъ быть также указанъ, какъ удобный пунктъ для раскопки: не доѣзжая его съ $\frac{1}{2}$ версты, вѣево близъ дороги лежатъ два большихъ кургана, а при выѣздѣ не въ дальнемъ разстояніи—еще шесть.

Въ Новопровальскѣ моя поѣздка по южной границѣ Донской Области была окончена, такъ какъ я уже находился близъ верховья Кугой-Ея, и отсюда надлежало направиться въ Егорлыкскую станицу, на большую почтовую дорогу въ Ростовъ. Въ общемъ выносится впечатлѣніе, что первая половина сдѣланнаго пути, т.-е. до пересѣченія его Ростово-Владикавказской жел. дорогой представляется болѣе интересной и удобной для изслѣдованія, нежели вторая.

По большой дорогѣ я прослѣдовала 70 верстъ, т.-е. до Кагальницкой станицы, откуда снова свернула въ сторону, чтобы осмотрѣть теченіе р. Кагальника, до впаденія его въ Азовское море. На всемъ переѣздѣ отъ Новопровальска обращаютъ, однако, на себя особое вниманіе лишь курганы у станицы Мечетинской, отъ которой верстахъ въ двухъ на С.-В. лежитъ отдѣльная, на станичной степи, скученная ихъ группа, заключающая въ себѣ до 10 насыпей разной величины, и въ числѣ ихъ одна представляетъ огромный курганъ около 120 саж. въ окружности и до 3-хъ саж. вышины. Всѣ имѣютъ сегментовидную форму, причемъ у нѣкоторыхъ (въ томъ числѣ и у главнаго) сѣверный скатъ гораздо круче прочихъ, и почти всѣ поморчены кладочискателами (хотя въ болѣе крупныхъ насыпяхъ поморченій эти сравнительно незначительны); кромѣ того, вдали на горизонтѣ видны еще разбросанные курганы.

По теченію рѣки Кагальника разсѣяно также не мало кургановъ; здѣсь отъ Кагальницкой станицы дорога идетъ по лѣвому его берегу, и на протяженіи 6 верстъ (т.-е. до впаденія рѣчки Мечетки) я могъ насчитать болѣе 17 разной величины насыпей, къ сожалѣнію, служащихъ ареною дѣятельности мѣстныхъ кладонскателей, причемъ по разсказамъ находятъ бронзовыя „блишки и кольца“ и „разное желѣзо“. Далѣе до хутора Кушнаревского (деревня и усадьба или экономія), на протяженіи 5 верстъ, также разбросано до 17 кургановъ, между которыми нѣсколько большихъ, по берегу же Кагальника тянутся малые хутора, за которыми вдали, сѣвернѣе рѣки, виднѣются на горизонтѣ еще курганы. Далѣе до хутора Васильевского (Шамшева тожъ) я встрѣтилъ ихъ только два, но около самого хутора, при въѣздѣ и выѣздѣ, находится ихъ до 10, причемъ два большихъ служатъ нынѣ мѣстомъ погребенія.

Вблизи за хуторомъ расположена большая каменная мельница, около которой лежатъ еще 3 кургана и другихъ 3 видны въ отдаленіи; здѣсь дорога переходитъ на правый берегъ Кагальника. Отсюда до сел. Ново-Батайска (Раково тожъ) кургановъ встрѣчено меньше, такъ какъ на протяженіи около 10 верстъ я насчиталъ ихъ всего 9, но между Ново-Батайскомъ и сел. Самарскимъ ихъ появляется много и они тянутся цѣпью вдали отъ дороги, причемъ нѣкоторые очень большіе.

Отъ сел. Самарскаго дорога пошла снова лѣвымъ берегомъ Кагальника; здѣсь, сейчасъ по переѣздѣ черезъ рѣку, расположены рядомъ большіе поселки Везелая и Побѣда, изъ которыхъ у перваго съ зап. стороны находятся шесть кургановъ (3 изъ нихъ очень уже распаханы, и 1 занятъ новѣйшимъ кладбищемъ), а далѣе, на протяженіи 3 верстъ еще восемь (изъ нихъ 2 большихъ, и на одномъ стоитъ каменный крестъ, недавняго, впрочемъ, происхожденія, поставленный въ началѣ нынѣшняго столѣтія надъ погребеннымъ здѣсь мѣстнымъ землевладѣльцемъ). Вообще до сел. Васильево-Петровскаго ничего выдающагося не встрѣчено, и курганы хотя и попадались, но далеко раскиданные въ степи, районъ же самаго селенія представляетъ весьма удобный и интересный пунктъ для раскопокъ, такъ какъ здѣсь при самомъ въѣздѣ расположенъ громадный курганъ съ большой боковой присыпкой, а вблизи за селеніемъ еще 6, изъ которыхъ 2 также большихъ (впрочемъ, одинъ занятъ новѣйшимъ кладбищемъ).

Большое количество кургановъ тянется за Васильево-Петровскимъ, по правой сторонѣ Кагальника, до сел. Петропавловки, но они всѣ лежатъ далеко въ степи и съ дороги едва видны; по лѣвому же берегу

я еще встрѣтилъ скопление кургановъ близъ дер. Пелевятиной, около которой ихъ находится до 11 (въ томъ числѣ одинъ громадныхъ размѣровъ, но также занятъ владѣнцемъ) и въ дер. Шенковой, въ послѣдней большой курганъ находится въ самомъ селѣ, близъ церкви, а верстахъ въ двухъ вѣжѣ еще нѣсколько такихъ (въ томъ числѣ одинъ огромный). Раскопка здѣсь также довольно удобна.

Въ дер. Шенковой я еще разъ перѣхалъ на правый берегъ рѣки, но на этомъ остаткѣ моего пути ничего интереснаго болѣе не встрѣтить; курганы кое-гдѣ хотя и попадались, но въ условіяхъ, для работъ неблагопріятныхъ. Проѣхавъ еще около 6 верстъ, я снова увидѣлъ гладкую синеву Азовскаго моря, такъ какъ прибылъ въ устье Кагальнива, въ селеніе Кагальницкое, т.-е. въ пунктъ, изъ котораго началось мое круговое путешествіе, а отсюда снова черезъ Азовъ и Ростовъ вернулся въ Новочеркасскъ, а оттуда поѣхалъ по направленію къ станицамъ Золотовской, Константиновской и Верхне-Кундрюченской.

Путь лежалъ на Бесергеновскую станицу, т.-е. на В. отъ Новочеркасска, потому представлялся случай видѣть окрестности послѣдняго и съ этой стороны. Здѣсь при выѣздѣ изъ города вѣжо видны три большихъ кургана, а далѣе у слободы Демьянки (около мельницъ и церкви) разбросано ихъ еще до 20-ти (разной величины), такъ что условія для раскопокъ довольно удобны. Вообще, проѣзжая мимо этой длинной слободы, съ лѣвой стороны все время таятся курганы, а въ концѣ ея расположены еще 3 большихъ и нѣсколько малыхъ. Затѣмъ до станицы Бесергеновской я еще насчиталъ 14 ближайшихъ къ дорогѣ насыпей (въ томъ числѣ одна огромная, но на вершинѣ ея погребенная могила съ крестомъ и плитою), кромѣ видѣющихся здѣсь на дальнемъ горизонтѣ; правѣ же дороги лежатъ донскіе плажни съ камышами.

Отъ Бесергеновской станицы, непосредственно въ которой находится также 3 кургана, лѣтняя дорога спускается внизъ и идетъ плажными до станицы Желеховской, потому и наблюдать было здѣсь нечего, но при выѣздѣ изъ станицы разбросано до 10 насыпей и затѣмъ на всемъ пути до станицы Гадзирской одиночныхъ кургановъ попадается много. Приблизительно на половинѣ дороги видѣется также двѣ группы ихъ, одна изъ 7, а другая изъ 9 насыпей, причемъ въ послѣдней въ-которыхъ съ болѣе или менѣе большими боковыми присыпками и двѣ парныхъ (т.-е. соединенныхъ сѣдловинами), кромѣ того, близъ Гадзирской станицы лежитъ еще одинъ курганъ, весьма замѣчательный по своимъ размѣрамъ.

У Раздорской станицы дорога снова спускается вниз, и ближніе курганы начинают встрѣчаться лишь съ половины пути до станицы Кочетовской, но вѣдь на дальнемъ горизонтѣ отдѣльныя рѣдкія насыпи видны и ранѣе; на упомянутой второй половинѣ пути я насчиталъ до 35 кургановъ, болѣею частью однако незначительныхъ (изъ нихъ 3, впрочемъ, большіе) и расположенныхъ группами.

За Кочетовской станицей, послѣ переправы черезъ Донецъ (у хотора Костины-Горы), дорога идетъ по самому берегу Дона, и всѣ ближайшія окрестности совершенно замаскированы береговой стѣной виноградниковъ, такъ что до Золотовской станицы я не могъ дѣлать никакихъ наблюденій и замѣтокъ.

По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, между Золотовской и сосѣдней съ нею Константиновской станицами должны были существовать курганы съ каменными бабами, почему я здѣсь остановился для ихъ осмотра. Дѣйствительно, выше впаденія Донца, на правомъ берегу Дона оказалась расположенною группа насыпей разной величины, въ числѣ которыхъ одинъ курганъ огромный (3—4 саж. выш.), 2 большихъ и болѣе 10 малыхъ, разбросанныхъ по сосѣдству. Упомянутые два большихъ, имѣя одинаковые размѣры, лежатъ на разстояніи версты другъ отъ друга и носятъ мѣстные названія: одинъ — „Казакъ“, а другой — „Баба“, третій же, самый выдающійся, представляетъ огромную насыпь, нѣсколько отличную по своей внѣшности, такъ какъ западный ея склонъ гораздо отложе остальныхъ, и на поверхности ея попадаются въ значительномъ количествѣ обломки жженого кирпича, чего нѣтъ въ прочихъ.

На упомянутыхъ курганахъ Казакъ и Бабъ стоятъ вертикально врытые плоскіе камни (толщиною около $\frac{1}{2}$ арш.) и шириною въ основаніи—1 арш.), кверху нѣсколько суживающіеся и вышиною отъ земли не болѣе 2 аршинъ, очевидно, выломанные изъ скалъ, составляющихъ мѣстный берегъ Дона, причемъ на курганѣ Казакъ камень не носитъ никакихъ слѣдовъ дальнѣйшей отдѣлки, а на другомъ грубо намѣчено рельефомъ изображеніе человѣческаго лица и какъ бы женской груди. Кромѣ того, поверхность обѣихъ насыпей сплошь устлана слоемъ крупнаго битаго камня, сохранившаго ихъ поэтому безъ поврежденія отъ распахки.

Такимъ образомъ, здѣсь оказался курганъ съ однимъ изъ грубѣйшихъ типовъ каменныхъ бабъ и, безъ сомнѣнія, сюда же принадлежитъ и вышеупомянутый Казакъ, на которомъ изображенія, быть можетъ, не хотѣли, или не успѣли почему-либо высѣчь. Въ виду этого,

я рѣшился остановиться въ Константиновской станицѣ и предпринять здѣсь раскопку.

Выбранный для раскопки курганъ „Баба“ имѣлъ въ окружности около 175 арш. и до 5 аршинъ вышины; поверхность, какъ уже сказано, устлана битымъ, заросшимъ дерномъ, камнемъ и на восточномъ склонѣ (аршинахъ въ 4-хъ отъ подошвы) его установлена каменная баба, обращенная, по обыкновенію, лицомъ на востокъ. Грунтъ черноземъ, мѣстами чрезвычайно крѣпкій.

Остатки погребеній обнаружены въ насыпи и въ материкѣ.

Въ насыпи. Въ южной сторонѣ (отъ середины въ 3 арш. на югъ), на глубинѣ отъ вершины $2\frac{1}{4}$ арш., встрѣчены черепки грубого разбитаго горшка, восточнѣе котораго на сажень найденъ обломокъ человѣческаго плеча и съ нимъ бронзовая буса, а южнѣе послѣднато (въ 2 арш.) обломки человѣческаго черепа и ребра, съ которыми лежало ручное серебряное колечко.

Въ той же южной части (отъ середины въ 9 арш. на Ю.-Ю.-В.), на глубинѣ отъ вершины въ $3\frac{1}{2}$ арш., остатки скелета въ утробномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В. Надъ костями пролеталъ тонкій бѣлый прослойкъ (травы?); вещей нѣтъ.

Въ С.-В. сторонѣ (отъ середины въ 6 арш. на С.-В.-В.), на глубинѣ отъ вершины въ $3\frac{1}{4}$ арш., еще остатки скелета, лежавшаго на лѣвомъ боку, головою на С.-З.; ноги поджаты, кости очень гнилы, вещей нѣтъ. Скелетъ, повидимому, былъ покрытъ чѣмъ-то въ родѣ циновки, отпечатки которой (въ видѣ грубой бѣлой плетенки, какъ бы отъ рогожи), явственно были видны на отдѣляемыхъ комьяхъ чрезвычайно крѣпкаго грунта.

Наконецъ, въ восточной сторонѣ (отъ середины въ 7 арш. на В.) на глубинѣ отъ вершины въ 1 арш., встрѣчены еще черепки простого глинянаго горшка.

Въ материкѣ. Близъ середины подошвы обнаружена въ материкѣ неправильной формы яма (до 4 арш. въ поперечникѣ), засыпанная черноземомъ, смѣшаннымъ съ крупными битыми камнями, надъ которой проходилъ весьма тонкій бѣлый прослойкъ (травы?). Надъ ямой была навалена груда камней, вершина которой достигла поверхности насыпи. Въ завалѣ ямы (въ верхнемъ слое) найдены нѣсколько черепковъ грубого горшка, украшеннаго горошками изъ ячменя, и даже много отдѣльных обломковъ человѣческихъ костей, на днѣ же ея (на глубинѣ 2 арш.) оказались только еще нѣсколько обратившихся въ костляную пыль человѣческихъ костей и въ углу ямы кутокъ кремня.

выхъ осколковъ (35 штукъ), между которыми два представляютъ, быть можетъ, наконечники стрѣлъ. На днѣ ямы замѣтны остатки подбѣлки и мѣстами слабые слѣды красноватой краски. Вещей не найдено никакихъ.

Въ восточной сторонѣ, саженьяхъ въ двухъ отъ края подошвы, обнаружена другая могила, впущенная въ материкъ ($2 \times 1\frac{1}{2}$ арш.),

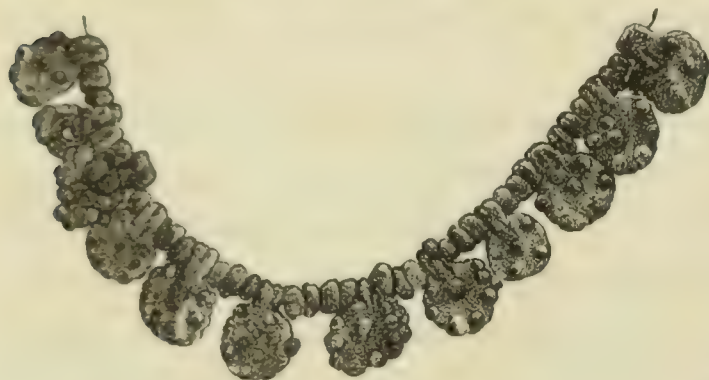

Рис. 2. 1/7.

въ которой на глубинѣ 1 арш. встрѣченъ дурно сохранившійся скелетъ на правомъ боку, головой на югъ; концы рукъ его находились у таза. У груди скелета найдены 12 маленькихъ бронзовыхъ привѣсокъ (въ видѣ кружковъ съ ушками), съ прикинутъ-

шими къ нимъ мелкими бронзовыми же бусами, или бисеромъ, составившихъ вмѣстѣ, вѣроятно, родъ мониста, и бронзовое ручное колечко (см. рис. 2). Дно могилы было выбѣлено, а въ головахъ скелета лежали довольно крупные куски красной краски, слѣды которой во многихъ мѣстахъ находились и на днѣ могилы.

Наконецъ, въ сѣверной сторонѣ подошвы (отъ середины въ 7 арш. на С.) встрѣчена третья могильная яма ($3 \times 2\frac{1}{2}$ арш.) или колодезь, глубиною въ 3 арш., оказавшійся спускомъ въ погребальную камеру, дно котораго шло скатомъ на югъ. У подошвы южной стѣны колодца обнаруженъ заваленный, покатымъ внизъ прокопъ (шир. 2 арш. и выш. 1 арш.), направлявшійся къ югу же, по расчисткѣ котораго на протяженіи 2-хъ аршинъ, за нимъ встрѣчена вырубленная въ материкѣ катакомба, расположенная на аршинъ глубже дна колодца. При расчисткѣ прокопа, въ началѣ его найдены черепки орнаментированнаго горшка, три конскихъ зуба и нѣсколько отдѣльныхъ человѣческихъ костей, съ которыми лежалъ родъ небольшого бронзоваго шила.

Самая катакомба имѣла $2\frac{1}{2} \times 2$ арш. и 1 арш. вышины, и въ ней найденъ худо сохранившійся скелетъ, видимо принадлежавшій очень молодому субъекту (кости весьма тонки); отъ черепа оказались лишь ничтожные остатки, и вообще положеніе скелета не ясно: видно только, что онъ лежалъ головой на югъ, и пальцы рукъ найдены при остаткахъ таза. У головы оказались также куски красной краски, а съ лѣвой стороны лежалъ родъ плоскаго бронзоваго копья и у груди два маленькихъ, неизвѣстнаго назначенія обломка заостренной кости; кромѣ того, въ

землѣ, покрывавшей остатки скелета, найдены 4 малыхъ бронзовыхъ подвѣски, весьма своеобразной формы и нѣсколько бронзовыхъ бусинокъ, вѣроятно, также составлявшихъ родъ мониста (см. рис. 3). На днѣ катакомбы ясны слѣды подвѣлки и красноватой краски.

Таковы были результаты этой раскопки, хотя весьма трудной и не особенно обильной вещественными находками, но, тѣмъ не менѣе, представившей весьма любопытные и поучительные результаты для вопроса о курганахъ съ каменными на нихъ бабами. Здѣсь я долженъ упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ курганѣ, видѣнномъ мною въ окрестностяхъ той же Константиновской станицы.

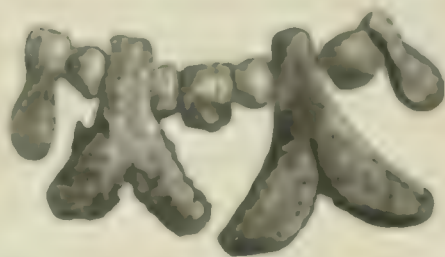

Рис. 3.

Курганъ этотъ лежитъ въ 5 верстахъ отъ послѣдней, по дорогѣ въ станицу Боговляненскую, и представляетъ гигантскую насыпь, формою въ видѣ развалистаго конуса, отъ 4—5 саж. вышиною и до ста саж. окружностью, обведенную какъ бы широкимъ рвомъ. Поверхность кургана сплошь устлана толстымъ слоемъ крупнаго битаго камня, болѣе чѣмъ на аршинъ глубиною, и изрыта кладонскательскими язами (впрочемъ, ничтожными, сравнительно съ размѣрами насыпи). Рядомъ же съ этимъ великаномъ лежатъ еще два кургана также большихъ, но много уступающихъ въ величинѣ главному. Было бы очень любопытно произвести здѣсь изслѣдованія, но таковыя по своимъ размѣрамъ должны составить цѣлое отдѣльное предпріятіе.

Покончивъ раскопку въ Константиновской станицѣ, я направился въ лежащую отсюда въ 60 верстахъ станицу Верхне-Кундрюченскую, на р. Кундрючкѣ, гдѣ ожидалъ еще найти курганъ съ каменной бабой, но поѣздка оказалась совершенно неудачной, такъ какъ курганъ этотъ, находящійся въ Тереховскомъ хуторѣ, я нашелъ уже тѣмъ-то разрытымъ¹⁾, и стоявшая на немъ баба уже увезена на соседней Голубинскій хуторъ. Курганъ стоитъ не особнякомъ, а около него имѣются еще до 10 малыхъ насыпей (въ чѣмъ ихъ, впрочемъ, днѣ довольно большихъ), причемъ одна называется „Баба“. На обратномъ пути изъ хутора, пройдомъ черезъ Верхне-Кундрюченскую станицу, на глаза попалась каменная баба, прятая въ землѣ противъ стариннаго правленія и пришеенная, какъ мнѣ передали, въ Татарской

¹⁾ Въ серединѣ бабикахъ нѣтъ ни дна, ни днаго, однако, что внутренности мѣтлы какъ „Малы“, такъ какъ раскопка, очевидно, неслучайна.

балки. Габа женская, въ остроконечномъ колпакѣ, съ обручемъ на шеѣ, но плохо сохранившаяся.

На остальной части дороги обратно въ Новочеркасскъ болѣе новаго ничего не встрѣтилось, такъ какъ отъ Кочетовской станицы я по ней проѣзжалъ ранѣе; могу только прибавить, что на пути въ эту станицу, верстахъ въ 3-хъ не доѣзжая р. Сухого-Донца, вниманіе мое привлекла лежащая здѣсь группа большихъ кургановъ (до 10 насыпей), но условія для работъ здѣсь удобными признаваться не могутъ.

По дорогѣ изъ Новочеркасска въ Бахмутъ первымъ пунктомъ, гдѣ можно было ожидать встрѣтить курганы съ каменными бабами, была деревня Новониколаевка, Камышевахской волости, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, лежащая въ трехъ верстахъ отъ села Камышевахи и представляющая весьма интересный пунктъ для изслѣдованія, такъ какъ окрестности Камышевахи видимо были когда-то очень богаты упомянутаго рода памятниками. Въ самой Камышевахѣ оказалось до 8 каменныхъ бабъ, изъ которыхъ пять я имѣлъ возможность осмотрѣть: 4 изъ нихъ относятся къ типу сидящихъ и выдѣланы довольно отчетливо, пятая же совсѣмъ въ другомъ родѣ и представляетъ едва обдѣланный экземпляръ, съ грубо обтесанной головой и лицомъ; всѣ свезены изъ окрестностей и стоятъ нынѣ врытыми въ землю. Проѣхавъ далѣе въ Николаевку, верстахъ въ трехъ за ней я нашелъ группу изъ 11 кургановъ, разбросанныхъ на небольшомъ пространствѣ (на урочищѣ Золотой Рудникъ), изъ которыхъ 4 большихъ (окружностью до 60 саж. и вышиной до 6 арш.) имѣютъ на вершинѣ обширную площадку и устланы по всей поверхности крупнымъ битымъ камнемъ. На одномъ изъ этихъ кургановъ и понынѣ лежатъ остатки трехъ разбитыхъ каменныхъ бабъ (типа сидящихъ), когда-то украшавшихъ его вершину, почему этотъ курганъ представляетъ крайне интересную для изслѣдованія насыпь; да по всей вѣроятности и на остальныхъ (имѣющихъ такіа же площадки), нѣкогда также стояли подобные же истуканы. Кромѣ того, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, еще другой курганъ, съ сохранившейся на немъ бабой, имѣется у близъ лежащей дер. Орѣховой и еще три разбитыхъ бабы лежатъ на урочищѣ Спяня-Гора, около рѣки Камышевахи, близъ мѣстнаго рудника; наконецъ, до десятка каменныхъ бабъ лежатъ у той же деревни Орѣховой, поваленныя на землю и едва изъ-подъ нея замѣтныя, такъ что черезъ нихъ проходитъ даже проѣзжая дорога. Такимъ образомъ, мѣстность эта въ данномъ отношеніи крайне любопытна и обращаетъ на себя вниманіе.

Из Камышевахи я проѣхалъ на лошадей черезъ село Покровское въ Бахмутъ, чтобы осмотрѣть находящіяся въ деревнѣ Тришанкѣ двѣ каменныхъ бабы, которыя изображены на картинѣ, имѣющейся въ Археологической Коммиссіи. Бабы эти стоятъ на вырванной старой горѣ, сѣвернѣе деревни, причемъ одна находится на небольшой (около 2 аршинъ) курганѣ, а другая, по соседству съ ней, глыба на ровной поверхности, но далѣе за ней также находится небольшой буторокъ; оба типа сидящихъ (нѣсколько болѣе натуральной величины), причемъ одна нагая (мужская), а другая отѣлая, и совершенно испорченны, такъ что сохранились только частями; лицомъ обращены на Ю.-В. Разсмотрѣвъ интереса не представляетъ, въ виду того, что упомянутый курганныкъ уже кѣмъ-то копанъ (въ немъ вырыта довольно большая яма), а положеніе другой бабы недостаточно опредѣленно и въ тому же ихъ направленіе на Ю.-В. нѣсколько подозрительно: не были ли онѣ уже тронуты съ своего мѣста?

Наконецъ, третій осмотрѣнный мною пунктъ находится около Бахмута, по дорогѣ на Луганскъ. Здѣсь, въ доволѣ верстахъ отъ города, у самой дороги стоитъ глыба на ровномъ мѣстѣ каменная баба (мужская, типа сидящихъ), но также испорченная (голова и руки отбиты), а по близости ея лежатъ грунна изъ пяти кургановъ. Съ версту далѣе, близъ дороги, еще каменная баба (женская), глыба въ землѣ по поясъ, и саженьяхъ въ 150 отъ нея также грунна изъ шести кургановъ. Кромѣ того, не доходя первой изъ нихъ около 100 саж., у дороги найдены еще двѣ лежащихъ рядомъ бабы, состоятъ изъ росной земли, существованіе которыхъ ранѣе даже не было извѣстно.

Откуда пошла сюда упомянутая пять кургановъ и почему появились здѣсь ихъ мѣстонахожденіе, свѣдѣній я получить не могъ, но невозможно даже, что онѣ сняты съ лежащихъ по соседству кургановъ. Вообще, повсемѣстное варварское обращеніе съ этими понынѣ еще загадочными памятниками просто поразительно, необходимо спѣшить съ ихъ изслѣдованіемъ, изданіемъ и описаніемъ, пока они не истощатъ своею

Замѣтка о Шарташскихъ каменныхъ палаткахъ.

Верстахъ въ 3—4 къ востоку отъ г. Екатеринбурга находятся скалы, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Шарташскихъ каменныхъ палатокъ“. Скалы эти образуютъ вершину холма, возвышающагося въ одной, приблизительно, верстѣ къ югу отъ Большого Шарташскаго озера и простирающагося съ WSW на ENE. Какъ скалы, такъ и весь холмъ, и ближайшія окрестности состоятъ изъ сѣраго, довольно крупно-зернистаго гранита ¹⁾.

Во всей этой мѣстности, какъ это ясно видно въ сосѣднихъ каменоломняхъ, гранитъ является въ видѣ почти горизонтальныхъ пластовъ разной толщины, такъ что удобно разрабатывается на плиты для тротуаровъ, фундаментовъ и проч. Въ другихъ мѣстахъ восточнаго склона Урала, напр., на горѣ по дорожкѣ изъ деревни Палкиной къ р. Рѣшеткѣ, вершина состоитъ изъ сильно наклонныхъ пластовъ, но у Шарташскаго озера, какъ и на „Чертовомъ городищѣ“ за Исетскимъ озеромъ ²⁾, пласты, вообще говоря, горизонтальны, и нагроможденія ихъ, составляющія „башни“, настолько правильны, что производятъ на первый взглядъ впечатлѣніе искусственныхъ сооружений (рис. 1 и 2).

Такого рода гранитныя обнаженія, большихъ или меньшихъ размѣровъ, съ угломъ паденія пластовъ отъ 0° до 90°, нерѣдки въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ въ мѣстахъ разрыва складокъ и сдвиговъ этой горной породы. И. В. Мушкетовъ, первый изъ посѣщавшихъ Уралъ геологовъ, который обратилъ на нихъ серьезное вниманіе въ началѣ 70-хъ годовъ, упоминаетъ въ своей „Физической геологіи“ (часть II,

¹⁾ Краткая замѣтка о нихъ, съ двумя фотографическими видами, помѣщена въ 1-мъ вып. «Записокъ» Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

²⁾ «Записки» Ур. Общ. Л. Е., т. III, вып. 2-й, 1876 г., съ тремя фотографическими видами.

1888 г., стр. 1461 „Чертова горюхице“, какъ примѣръ выѣтриванія
массивнаго гранита, получившаго плитничковую окатанность, придав-
шую ему сланцеватое сложеніе.

Рис. 1.

Рис. 2.

Холмъ, на которомъ возвышаются „Шарташскія палатки“, еще въ настоящее время съ двухъ сторонъ окруженъ болотами, но до проведения въ 1831—1832 годахъ канавы для спуска озера и даже позднѣе, до вырубки сосѣднихъ лѣсовъ и осушенія болотъ для добыванія торфа, эти лѣсныя топи, разъединенныя теперь болѣе сухими мѣстами, представляли на нѣсколько верстъ кругомъ очень трудно проходимую глушь, почему каменные навѣсы этого острова, покрытаго тогда густымъ лѣсомъ, составляли надежное убѣжище, а вѣроятно и наблюдательный пунктъ, для разбойниковъ, промышлявшихъ на Сибирскомъ и Верхургскомъ трактахъ, о чемъ довольно свѣжее преданіе сохранилось въ сосѣднихъ селеніяхъ. Въ болѣе отдаленную, хотя, можетъ быть, и не очень древнюю эпоху сплошной торфяникъ, простирающійся на югъ почти до пруда Нижне-Исетскаго завода, представлялъ няшистое (тинистое) лѣсное озеро.

Въ 1889 г. здѣшній охотникъ и золотоискатель, Н. А. Рыжниковъ, пробовалъ почву около этихъ скалъ и нашелъ, вмѣсто золота, узорчатые черепки и каменные орудія, которые и уступилъ мнѣ. Въ слѣдующемъ 1890 г. члены Уральскаго Общества С. И. Сергѣевъ, А. Ф. Комесъ и др. также произвели тамъ пробныя раскопки и добыли подобныя же предметы, а также бусу изъ горнаго хрусталя. Такія человѣческія издѣлія найдены послѣдними не только на небольшой (до 1 аршина) глубинѣ въ грунтѣ около „палатокъ“, но и между плитами, которыя они „расшевеливали“¹⁾, и въ щеляхъ между ними.

Весьма интересную, на мой взглядъ, особенность этихъ Шарташскихъ палатокъ названные изслѣдователи оставили однако безъ вниманія: на верхней плитѣ западной „башни“ выдолблена прекрасно сохранившаяся круглая чаша. Такъ какъ о существованіи на Уралѣ чашечныхъ камней (*pierres à écuellen*) мнѣ до сихъ поръ не приходилось ни читать, ни слышать отъ другихъ, то считаю долгомъ обратить вниманіе на эту находку (рис. 3).

Размѣры чаши слѣдующіе: вышина края надъ дномъ отъ 16 ст. на X до 5 ст. на S, гдѣ болѣе тонкій край камня долженъ былъ страдать отъ времени болѣе, чѣмъ остальная, массивная часть гранитной плиты. Въ настоящее время наибольшій слой воды, какой иногда накопляется въ этой чашѣ послѣ дождя, не превышаетъ 5 сант. толщины, а затѣмъ, испаряясь, оставляетъ концентрическія линіи, дозво-

¹⁾ «Записки» У. О. Л. Е., т. XIII, вып. I, стр. 59, отчетъ г. Сергѣева.

тизмъ и мѣрить нѣсколько внутреннихъ диаметровъ въ трехъ горизонтальныхъ плоскостяхъ ¹⁾.

Ясныхъ слѣдовъ, указывающихъ на способъ работы, не замѣтно, потому нѣкоторые лица, осматривавшіе эту чашу, высказываютъ сомнѣніе, не образовалось-ли это углубленіе путемъ вывѣтриванія болѣе слабаго мѣста въ гранитѣ, такъ же какъ совершилось округленіе краевъ плитъ и разбланныхъ пустотъ между ними. И долгое время самъ считалъ ее изъ „игру природы“, тѣмъ болѣе, что Н. В. Мушкетеръ, осмотрѣвшій, по моей просьбѣ, Шарташскія па-

Рис. 3

латки въ 1873 году, отрицалъ искусственность ихъ происхожденія, потому находку не лишнимъ сообщить вертѣтъ тѣ данныя и изображенія, которыя приводятъ въ признание этой чаши дѣломъ человеческихъ рукъ.

Факта находки черепковъ и проч. между плитами было бы, по видимому, достаточно, чтобы позволяло мнѣнью думать о происхожденіи этихъ „палатокъ“, а развѣ было бы признано извѣстіе находки въ ихъ сооруженіи, не осталась бы логическаго основанія, чтобы отрицать искусственное происхожденію находящейся тамъ чаши. Отна-

¹⁾ Диаметръ по направленію вершинъ чашы 50 SE-SW 20-25 NE-SW

188 188.2 188 188

изъ данныхъ отчета (1890 г.) г. Сергѣева нельзя вывести заключенія, что черепки и проч. никакимъ образомъ не могли быть засунуты сбоку въ горизонтальныя щели или промежутки между плитами, а въ такомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ слѣдами обычая, напоминающаго обвѣщиваніе стѣнъ современныхъ намъ храмовъ разными ex-voto, но не аргументъ противъ исключительно геологическаго происхожденія самыхъ „палатокъ“.

Имѣются свѣдѣнія о находкахъ различныхъ предметовъ и на другихъ каменныхъ палаткахъ. Вышеупомянутое гранитное обпаженіе за Исетскимъ озеромъ, извѣстное подъ именемъ „Чертова городища“, отъ Шарташскихъ палатокъ отличается только болѣе грандіозными размѣрами. Тотъ же С. П. Сергѣевъ, экскурсируя съ нѣсколькими другими лицами въ 1889 г.¹⁾, нашелъ тамъ „глиняные черепки съ орнаментомъ на поверхности плитъ нѣкоторыхъ террасъ, вмѣстѣ съ массою мелко раздробленныхъ костей, а также кое-какіе бронзовые предметы сѣро-стального цвѣта, въ изломѣ темно-краснаго... при полномъ отсутствіи кремневыхъ осколковъ и подѣлокъ“. — „Большой черепокъ, тоже съ костями, и много другихъ черепковъ находимы были потомъ въ разныхъ мѣстахъ на поверхности плитъ“, а въ 1890 году²⁾, при болѣе детальномъ осмотрѣ того же „Чертова городища“, „на разныхъ высотахъ, въ расщелинахъ плитъ, между ними, или при сдвиганіи ихъ съ мѣста, обнаружилась масса черепковъ глиняной посуды и костей...“ Какъ г. Сергѣевъ, такъ и рабочіе его пришли къ мнѣнію, „что эта стѣна образовалась не безъ участія рукъ человѣческихъ“, и г. Сергѣевъ (l. c.) сравниваетъ этотъ фасадъ и башни съ „циклопическими“ постройками Крыма.

Объ однородности и поразительномъ сходствѣ типовъ орнамента на посудѣ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ этихъ окрестностяхъ такъ называемыхъ доисторическихъ стоянокъ, городищъ и проч. я здѣсь не стану распространяться, но, имѣвши въ рукахъ десятки тысячъ обломковъ посуды изъ многихъ мѣстностей, расположенныхъ въ Екатеринбургскомъ и южной части Верхотурскаго уѣздовъ, беру смѣлость утверждать, что происхожденіе ихъ одинаково и относится къ одной и той же эпохѣ съ Палкинскими³⁾.

Каменные издѣлія, найденныя до сихъ поръ на Уралѣ, еще моно-

¹⁾ Отчетъ и пр. «Записки» У. О. Л. Е., т. XII, в. 2-й, стр. 135—137.

²⁾ См. «Записки» У. О. Л. Е., т. XIII, в. I, стр. 57—58.

³⁾ «Гончарное производство у дер. Палкиной», О. Е. Клэръ и К. И. Оаддеева, 1890 г., въ неизданномъ еще томѣ трудовъ Имп. Москов. Арх. Общества.

графически не обработаны, почему ограничусь упоминаніемъ факта со-
вмѣстнаго нахожденія во многихъ мѣстахъ, въ одномъ и томъ же куль-
турномъ слое, издѣлій всѣхъ извѣстныхъ типовъ, начиная отъ *Salutré*,
St. Acheul и т. п. и до отлично полированныхъ исключительно. Въ
данномъ случаѣ ненахожденіе кремневыхъ издѣлій на „Чертовомъ го-
родницѣ“ г. Сергѣевымъ можетъ служить указаніемъ на сравнительную
ихъ рѣдкость въ этомъ мѣстѣ, но едва-ли, — по крайней мѣрѣ, впродѣ
до очень тщательныхъ изслѣдованій, — доказательствомъ совершеннаго ихъ
тамъ отсутствія. Большее значеніе придать слѣдуетъ положительному
его указанію на нахожденіе тамъ остатковъ бронзовыхъ издѣлій, такъ
какъ оно подтверждаетъ видное уже изъ сравненія узоры на череп-
кахъ соотношеніе культуры обитателей или посѣтителей Чертова горо-
дища съ Палкинскими.

Во время производства первыхъ моихъ раскопокъ на Палкинскомъ
городищѣ (валь со рвомъ) съ М. В. Малаховымъ, въ 1874—75 г.г.,
мы узнали отъ мѣстныхъ стариковъ, что перше изслѣдователи горо-
дища, г. Сиговъ и о. Евграфъ, нашли чудскіе мѣдные идола ¹⁾ подъ
большими гранитными плитами, образующими гриву холма къ западу
отъ городища, причѣмъ эти мѣдные издѣлія были завернуты въ кус-
кахъ истлѣвшей кожи, обмотанныхъ снаружи сохранившеюся еще бер-
естою. Мы также поднимали нѣкоторыя плиты, но мѣдныхъ вещей
уже не нашли въ этомъ мѣстѣ. Тамъ попадались такіе же укорчатые
черепки, какъ и въ городищѣ, и въ деревнѣ, и въ окрестностяхъ. Какъ
прежніе изслѣдователи, такъ и М. В. Малаховъ находили каменные
формы для отливки металлическихъ предметовъ въ самомъ городищѣ
и около него, почему онъ относилъ въ совокупности Палкинскія дре-
вности къ эпохѣ переходной отъ неолитической къ бронзовой (мѣдной),
когда мѣль считалась драгоценною и служила только для изготовленія
идоловъ, украшеній и разн.ой формы пожей, вѣроятно, жертвенныхъ ²⁾.

На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкѣ 1887 г.
въ г. Екатеринбургѣ представлены были П. В. Калугинымъ два мѣд-
ныхъ идола и три части каменнаго шлифованнаго шара съ отверстиемъ,
найденные крестьяниномъ А. П. Глобынымъ „въ развалинахъ такъ на-
зываемаго Алуйскаго камня (горы въ 15 сажень высоты), близъ рѣ-

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ изображены у А. С. Савитова: *Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*.

²⁾ М. В. Малаховъ, О историческомъ значеніи въ Уралѣ „Идола“ г. С. А. К. т. XI, вып. I, 1887 г., стр. 6—7.

гося на берегу р. Агуя, въ 1¹/₂ верстахъ отъ впаденія ея въ р. Кочку¹⁾.

Сопоставляя вышеприведенные факты, можно, кажется мнѣ, вывести изъ нихъ заключеніе, что древніе обитатели здѣшнихъ мѣстностей, въ переходную эпоху отъ камня къ металламъ, имѣли обыкновеніе прятать болѣе драгоценныя принадлежности своего культа въ щеляхъ священныхъ скалъ или подъ каменными плитами, на которыхъ совершались жертвоприношенія. Отсюда не великъ уже шагъ къ перениженію и особенной укладкѣ каменныхъ плитъ, даже значительныхъ размѣровъ и вѣса, съ цѣлью возвышенія и украшенія своихъ алтарей; одною изъ побудительныхъ къ тому причинъ могла быть потребность сдѣлать ихъ открытыми взорамъ восходящаго солнца или луны, конечно, не вырубая окружающихъ ихъ священныхъ рощъ. Когда я въ первый разъ посѣтилъ „Чертова городище“ въ 1868 или 1869 году, лѣсъ вокругъ него былъ еще такъ густъ, что этотъ огромный фасадъ съ башнями становился виднымъ только саженъ за 15—20 между стволами ѣльковыхъ деревьевъ, но съ вершины башни открывался обширный горизонтъ, и не вооруженнымъ глазомъ можно было, между прочимъ, отличить церкви и нѣкоторыя зданія г. Екатеринбурга, отстоящаго, приблизительно, верстъ на 20 къ ESE.

Нѣкоторыя лица, между прочимъ вышеназванный Н. А. Рыжниковъ, говорили мнѣ о другомъ городищѣ (палаткахъ) въ Нижне Исетской казенной дачѣ, недалеко отъ деревни Малой Сѣдельниковой (Шабры тожъ), также на горѣ, и представляющемъ нѣсколько узкихъ башенъ изъ гранитныхъ плитъ „въ нѣсколько разъ выше Чертова городища“. Съ большимъ трудомъ и опасностью г. Рыжниковъ высоко вскарабкался по одной изъ нихъ до гнѣзда большой хищной птицы, но до вершины не могъ добраться вслѣдствіе нападенія на него хозяевъ гнѣзда. Это мѣсто еще никѣмъ не изслѣдовано.

Самое южное мѣсто въ нашемъ Зауральѣ, гдѣ я видѣлъ „каменные палатки“, притомъ небольшія, это на холмикѣ въ степи между озерами Большимъ и Малымъ Аллакомъ, верстахъ въ 12—15 отъ с. Тюбукъ (1868 г.). На нѣкоторыхъ „островахъ“ среди непроходимыхъ болотъ въ Березовской и Каменской заводскихъ дачахъ г. Рыжниковъ открылъ „палатки“, подобныя Шарташскимъ, и около которыхъ-то изъ нихъ выкопалъ нѣсколько черепковъ, но мнѣ не удалось узнать въ точности, гдѣ именно.

¹⁾ Каталогъ Сиб.-Ур. выставки. Екатеринбург. 1887 г., стр. 26, № 207.

Одинъ изъ типовъ погребеній въ курганахъ южной Россіи.

Къ ю.-з. отъ станціи Юзово-Донецкой желѣзной дороги (Бахмутскій у., Екатеринославской губ.), въ 4-хъ верстахъ отъ хутора Пески, находятся 6 кургановъ, извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ Рясныхъ могилъ. Три кургана соединены между собою и расположены въ рядъ съ з. на в.; къ нимъ, въ направленіи съ с.-в. на ю.-з., примыкаетъ еще небольшой курганъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ четырехъ кургановъ лежатъ еще 2 курганныя насыпи, размѣщенные въ направленіи с.-в. — ю.-з. Въ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды отъ Рясныхъ могилъ находится группа такъ называемыхъ Парамоновскихъ могилъ, сходная съ Рясными по расположенію отдѣльных насыпей и ихъ внѣшнему виду. Въ окрестностяхъ находится еще до дюжины другихъ кургановъ, но они имѣютъ иной видъ. Въ описываемой мѣстности раскопки были производимы уже неоднократно, особенно инженеромъ Е. Х. Штидою, но Рясныя могилы никѣмъ не были тронуты до 1888 г., когда ихъ, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, раскопалъ профессоръ Петербургскаго университета Э. Ю. Петри.

Окружность основанія наибольшаго изъ Рясныхъ кургановъ имѣла около 170 шаговъ; въ вышину онъ имѣлъ 3 метра. Сѣверный склонъ былъ круче южнаго; на немъ какъ снаружи, такъ и на незначительной глубинѣ, лежали ряды камней, которыхъ совсѣмъ не оказывалось на южномъ и восточномъ склонахъ, а на западномъ склонѣ обнаружены камни большихъ размѣровъ, чѣмъ на сѣверномъ. Здѣсь подъ слоемъ камней найденъ сплюснутый мѣдный изъ тонкаго листа котелъ цилиндрической формы, имѣющій 25 сант. высоты и 44 сант. въ діаметрѣ; на с.-в., подъ большими камнями, на глубинѣ 4-го штыха, оказались конскіе черепа (большой, малый и половина другого малаго) типа, напоминающаго черепа современныхъ донскихъ лошадей. Въ

центрѣ, приблизительно на половинѣ высоты кургана, найденъ скелетъ человека, лежащій головою на в. и сохранившійся лишь въ своихъ очертаніяхъ. Возможно было отличить ниже (къ конечности, т.е., поясные позвонки, нѣсколько реберъ и кисти вытянутыхъ рукъ; прочія части, повидимому, были сдвинуты съ мѣста сусаликами, ходы которыхъ испещрили ту часть кургана, въ которой должна была лежать верхняя половина скелета. Подъ лѣвою рукою скелета стоялъ глиняный горшокъ съ землею и кусочками дерева, орнаментированный сѣтью крупныхъ точекъ, а около нея, перекрещиваясь въ разныхъ направленіяхъ, находились (три?) палки, повидимому, дубовыя. Подъ скелетомъ далѣе на в., въ черноземѣ, подостланнымъ глиной, оказались 3—4 совершенно истлѣвшіе скелета, лежащіе неправильно другъ на другѣ. По направленію къ ю. найденъ былъ кремень, на в., на глубинѣ трехъ штыховъ, — желѣзные удила, наконецъ, еще далѣе на с., на глубинѣ перваго штыха, — уголь, указывающій на слѣды очага.

Окружность основанія кургана, прилегающаго къ предыдущему, имѣетъ до 120 шаговъ, вышина—до 2¹/₂ метр. Сѣверный склонъ круче и обилуетъ камнями; на ю. и в. склонахъ камней нѣтъ, на з. нѣ много. Въ промежуткѣ между курганами на глубинѣ до 2-хъ четвертей найденъ безформенный кусокъ кремня, ниже его—осколки кремня и камни, далѣе на с. — кости лошади и другихъ животныхъ, на ю. — орнаментированный черепокъ сосуда. На пятой четверти подъ грудною камней открыта грубо сложенная изъ камней и плита гробница (170×52,8×74,4 сант.), лежащая въ направленіи в.-в.-с.; сплошной ригель плиты поставленъ лишь по бокамъ гробницы. Плечо сохранившійся скелетъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ согнутыми коленями. Слѣды предъ лицомъ черепа, стоялъ большой глиняный горшокъ, глазной и орнаментированный лишь зубцами по верхнему краю, внутри которого, среди перегородки, оказалось нѣсколько молочныхъ зубовъ лошади. Въ 3-хъ углахъ гробницы найдено по лошадиному зубу, а у одной изъ стѣнокъ истлѣвшія кости какого-то животного. Въ 3-хъ шагахъ къ ю. и в. отъ гробницы найдена голова лошади, обращенная въ гробницу и лежащая на особомъ камнѣ, а при ней—желѣзные удила распространеннаго типа (но кольца не круглыя, а пластинчатые) и два желѣзные стремени простого и изящнаго типа съ овальной пластинчатой подножкой и ушкомъ въ ободкѣ; около запястья—два характерныя костяныя пуговицы, выпуклыя съ верхней части и плоскія съ нижней, орнаментированныя кружками съ точками внутри, и одна такая же съ лѣвой стороны; непосредственно къ черепу лошади были приложены

два большія желѣзные колеса, имѣющія ободъ толщиною до $\frac{3}{4}$ вершка, спицы до 12 вершк. длины и діаметры втулокъ въ $5\frac{1}{2}$ вершк. За ко-
лесами на ю. найденъ человѣческій скелетъ, по всей вѣроятности, муж-
ской, обернутый въ лубокъ и лежавшій головою на з., быть можетъ,
въ кузовѣ телеги; интересно, что во рту этого скелета оказался вло-
женнымъ кусокъ дерева. Вокругъ шеи находился лубокъ, подъ нимъ
обрывки тонкихъ, тисненыхъ серебряныхъ листковъ неопредѣленной
формы и серебряное кольцо, гладкое, съ заходящими другъ на друга
концами (совершенно похожее на височныя кольца древлянскаго типа).
На скелетѣ оказался нарчевой плащъ, безрукавный, доходящій до ко-
лѣнъ, спереди его деревянная (?) пряжка, сзади сборки, примѣтенъ
воротникъ; ткань шерстяная, съ арабскою надписью или узоромъ по
каймамъ; края украшены тонкими серебряными листками. Справа, по-
среди плечевой кости, найденъ узкій желѣзный ножъ или кинжалъ
съ деревянною рукоятью, длиною до 25 сант., у предплечія—сверну-
тый винтообразно серебряный (очень плохого серебра) пластинчатый
прутъ (быть можетъ, часть шейной гривны), въ правой рукѣ—обломки
тонкой деревянной палочки, быть можетъ, древка отъ стрѣлы, нако-
нечникъ которой (желѣзный, почти ромбовидный, плоскій) оказался
около правой ноги; съ лѣвой стороны лежала сабля, однолезвийная,
слегка изогнутая, съ деревянною рукоятью и прямой крестовиной,
имѣвшая клинокъ длиною нѣсколько болѣе метра и въ ширину до
4 сант., рукоятъ въ длину имѣла 15,4 сант., ножны деревянные, съ
какой-то перемычкой. На груди и у ногъ—правильной формы костя-
ныя пластинки, у правой ноги какая-то помятая костяная трубка, утра-
тившая свою первоначальную форму, у ногъ—очень изоржавѣвшія два
желѣзные кольца или пряжки. Въ наполнявшей гробницу землѣ най-
дена свѣтло-желтая прозрачная буса такъ называемой дыневидной
формы.

Третій курганъ имѣлъ въ окружности основанія около 100 ша-
говъ и въ вышину 1,6 метра. Сѣверный склонъ круче и обильно по-
крытъ камнями; на ю. и в. сторонахъ камней нѣтъ, на з. ихъ мало.
На с.-в. склонѣ подъ множествомъ камней открыты лошадиные зубы
и кости, разсыянные по всему склону, а при нихъ оказался полуша-
рный котелъ, клепанный изъ множества мѣдныхъ тонкихъ листовъ,
окованный по краю желѣзной полосой и имѣющій въ діаметрѣ около
30 сант. На с.-з. сторонѣ, среди камней, оказались два поломанные
точильные камня изъ песчаника, на переходѣ къ первому кургану,
то-есть на в.—осколки глинянаго горшка.

Четвертый из раскопанных г. Петров курганах найден на окружности до 70 шаговъ и въ вышину около 1,6 метра и уже подвергался поискамъ кладоискателей. При раскопкахъ въ глубинѣ 1 метра найдены были два совершенно смятыхъ колеса, сходныхъ съ описанными выше, но, повидимому, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, и при нихъ саблы какъ бы кудова тѣлги. Въ этомъ продольномъ кудовѣ, въ направленіи съ в. на з. и посрединѣ самыхъ колесъ, головою на з. лежалъ скелетъ, на плечахъ котораго оказались два большія характерныя серьги изъ дутого золота, совершенно подобныя изображеннымъ на стр. 462 „Записокъ Имп. Русск. Археол. Общества“, т. III, в. 3 и 4 (новой стрѣи). У ногъ найдена пара желѣзныхъ стремянъ того же типа, какъ описанныя выше, среди колесъ — прострѣленный дружокъ изъ черенка крупнаго сосуда красной глины, украшеннаго мелкими продольными линиями, и обломки рѣзной раковины; нѣдалеко отъ черенка стоялъ небольшой глиняный горшокъ, орнаментированный по верхнему краю волнообразной линіей, въ которомъ замечались еще примѣтные слѣды сгнившаго дерева.

Въ курганѣ пятомъ (окружность основанія около 150 шаговъ, вышина 0,7 метра) и въ шестомъ (окружность основанія до 110 шаговъ, вышина 1,2 метра) найдены лишь черепки глиняныхъ сосудовъ и незначительное количество изображеннаго желѣза.

Повидимому, все обнаруженныя въ Расныхъ могилкахъ погребенія принадлежать къ числу впускныхъ, притомъ относящихся къ раннему времени. Изъ нихъ особенное вниманіе останавливаютъ весьма любопытныя погребенія, оказавшіяся въ центрѣ насыпей на половинѣ ихъ высоты, — именно погребенія въ тѣлгахъ или съ тѣлгами, встрѣченныя во 2-мъ и 4-мъ курганахъ. Тѣлги двухколесныя, въ колесныхъ значительнаго діаметра (до 2 арш.). Скелеты на нихъ лежатъ головою на з. Нѣкоторыя изъ вещей весьма характерны. Таковы особенно большія серебряныя серьги, которыя приходится пока признать какъ болѣе типичными предметами этихъ погребеній. Далѣе съ нихъ найдены еще слѣдующіе предметы: гладкія кольца, съ выходящими другъ на друга концами, костяныя пуговицы, орнаментированныя дружки съ точками посрединѣ, желѣзные стремена и удила, длинный, гнѣтый изогнутый сабля, ромбовидныя наконечники стрѣлъ, юшки и наконечники наречная тѣла.

Аналогіи къ описаннымъ вещамъ и погребеніямъ, хотя и немногочисленныя, все же извѣстны. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится пара серегъ того же типа, какъ описанна, замечательныя блѣды

с. Здвиженскаго, Ставропольской губ.¹⁾ и пара такихъ же изъ неизвѣстной мѣстности. У графа А. А. Бобринскаго находится пара такихъ же серегъ изъ окрестностей г. Черкасы, Кіевской губ., а въ коллекціи г. Поля (см. Описаніе коллекціи, стр. 106 и табл. XII, г) есть серьга того же типа, но безъ боковыхъ конусныхъ украшеній, найденная въ городищѣ Роднѣ на устьѣ Росп. Весьма вѣроятно, что существуютъ и другіе экземпляры тѣхъ же серегъ, но они намъ неизвѣстны. Проф. Кнауэръ въ 2-хъ курганахъ близъ с. Павловки, Аккерманскаго у., Бессарабской губ., нашелъ, повидимому, аналогичныя погребенія. Именно, костяки положены были въ срединѣ курганныхъ насыпей болѣе древняго происхожденія и также лежали головою на з. Остатковъ телѣги не было встрѣчено, но кости коня также были найдены, хотя и въ иномъ положеніи, именно — отсѣченныя конечности коня были помѣщены рядомъ съ костякомъ человѣка. Изъ вещей при этихъ погребеніяхъ были найдены: ромбовидные наконечники стрѣлъ, удила и стремяна, костяныя пуговицы съ такимъ же орнаментомъ, длинный мечъ, неспаенныя кольца изъ золота, короткій кинжалъ, парчевая (?) одежда, а изъ новыхъ предметовъ — поясная пряжка²⁾. Не столь рѣшительна аналогія съ погребеніями, найденными Н. Е. Бранденбургомъ въ курганахъ съ каменною бабою близъ ст. Константиновки, на Донцѣ³⁾.

Время описанныхъ погребеній, къ сожалѣнію, еще не можетъ быть опредѣлено съ желательною точностью. Удила, стремяна, сабли, колечки, наконечники стрѣлъ указанныхъ типовъ встрѣчаются въ могильникахъ и курганахъ X в., но какихъ-либо болѣе устойчивыхъ указаній мы пока не имѣемъ возможности дать. Въ виду широкаго распространенія описываемыхъ древностей и интереса обряда погребенія, при которомъ онѣ обнаруживаются, на нихъ нельзя не обратить вниманія.

А. С.

---

¹⁾ При этомъ было найдено еще зеркало, также изображенное въ приведенной выше замѣткѣ. Конечно, неизвѣстно навѣрное, относится-ли оно къ тому же погребенію, при которомъ открыты были серьги.

²⁾ Отчетъ Импер. Археологич. Коммиссіи за 1891 г., стр. 82—84 и 160—164, гдѣ находится и изображеніе пряжки.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

Наказъ кн. М. И. Воротынскому и росписъ полкамъ 1572 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Среди разнообразныхъ документовъ XVII вѣка, заключающихся въ столбцахъ Московскаго стола Разряда, намъ попался весьма интересный документъ XVI вѣка — наказъ кн. Мих. Ив. Воротынскому, данный ему весной 1572 г. при отправленіи его во главѣ большаго войска на р. Оку противъ Крымскихъ татаръ, и полковая росписъ этого похода Московскаго стола столбецъ № 463, ч. III.

Страшное по своимъ гибельнымъ для Москвы слѣдствіямъ нашествіе Крымскаго хана, Девлетъ-Гирей въ 1571 г. напомнило русокамъ людямъ о нѣкогда столь опасномъ для нихъ могуществѣ татаръ и поколебало даже увѣренность московскаго правительства въ прочности пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ первую половину царствованія Грознаго: судя по наказу московскому посланнику въ Крымъ, Іоаннъ вѣтъхъ необходимость отдать теперь Крымскому хану Астрахань. По крайней мѣрѣ, въ переговорахъ, послѣдовавшихъ послѣ этого набѣга, Грозный выражалъ готовность уступить Крыму Астрахань и уже хлопоталъ, какъ бы сдѣлать эту потерю менѣе чувствительной для русскихъ интересовъ. Къ счастью, Девлетъ-Гирей, не довольствуясь слобою Астраханью, рѣшилъ добиваться уступки и Казани. Съ этою цѣлью въ началѣ 1572 г. онъ выступилъ къ московскимъ границамъ съ 120.000 войска, крымскіе татары успѣли переправиться чрезъ Оку, но, настигнутые на берегахъ р. Лопаси большимъ войскомъ подъ начальствомъ кн. М. И. Воротынскаго, послѣ цѣлаго ряда сраженій принуждены были послѣженно отступать съ большими потерями. Тѣмъ не менѣе Девлетъ-Гирей просилъ для заключенія мира съ Москвой уступки Астрахань; обѣ стоя въ Москвѣ больше и не думали побѣды Воротынскаго означать окончаніемъ войны.

укрѣпили за Москвой обладаніе Казанскимъ и Астраханскимъ царствами. Довольно подробный разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ на р. Лопаснѣ сохранился въ „Повѣсти о боѣ воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ“ („Книга о древностяхъ Росс. государства“, также у Карамзина, т. IX, прим. 391; ср. краткій разсказъ Новгородской второй лѣтописи, II. С. Р. Л. III, 173; разрядная записъ—Сибирскій Сборникъ, 34—35).

Найденный нами документъ, на которомъ сдѣлана помѣтка: „наказъ князю Михаилу Ивановичу Воротынсково 80 года; тутъ же полковая роспись того же года“, не только дополняетъ наши свѣдѣнія по этому вопросу своими данными о томъ, какъ въ Москвѣ готовились къ встрѣчѣ крымцевъ, но имѣетъ значеніе самостоятельнаго источника.

Онъ раздѣляется, дѣйствительно, на двѣ части: 1) наказъ кн. Воротынскому, начинающійся словами: „память боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарищи“, и 2) „роспись по полкомъ“.

Первая часть, т.-е. наказъ, подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ какой-либо другой памятникъ, рисуетъ картину отраженія такихъ татарскихъ набѣговъ, которыхъ въ Москвѣ имѣли основаніе особенно опасаться.

Наказъ составленъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія крымцевъ; онъ приказываетъ выслать въ пограничные города осадчиковъ „съ Благовѣщеньева дни“.

Въ виду большой опасности рѣшено было защищать лишь лѣвый берегъ Оки, а „зарѣчныя“ мѣста собрать заранѣе въ „осады“ и при случаѣ помогать имъ отдѣльными отрядами, если ханъ распустилъ тамъ „войну“. Такимъ образомъ наказъ переноситъ насъ въ тѣ времена, когда извилистое теченіе р. Оки составляло границу московской земли, когда р. Ока служила „чертой“. Эта охранная отъ крымцевъ черта шла сначала по лѣвому притоку Оки, по рѣкѣ Жиздрѣ, затѣмъ отъ устья Жиздры Окою до впаденія въ нее Клязьмы. Не допустить хана „перелѣзть“ черезъ рѣку на этомъ пространствѣ—вотъ не легкая задача, возложенная на кн. Воротынскаго съ „товарищи“. Съ этою цѣлью Большой полкъ былъ поставленъ въ Серпуховѣ, Правая рука—въ Тарусѣ, Передовой—въ Калугѣ, Лѣвая рука—на р. Лопаснѣ. Кромѣ того образованъ былъ особый передовой отрядъ изъ 900 вятчанъ и 100 казаковъ, которые изъ Калуги на стругахъ должны были немедленно плыть къ мѣсту переправы хана и мѣшать татарамъ переправляться, пока не подоспѣютъ главные силы.

Наказъ предвидитъ четыре главныхъ направленія, которыя могутъ взять крымцы:

1) Татары перейдутъ Оку въ самыхъ ея верхнихъ мѣстахъ и пойдутъ на Болотовъ „старою дорогою“, въ такомъ случаѣ воеводы должны стать на Жидрѣ и мѣшать хану перейти черезъ нее; не удастся это, — отступаютъ на Угру и пытаются остановить хана при переправѣ черезъ нее.

2) Татары будутъ стараться перейти Оку изъ-забулъ между Калугой и Коломной, и

3) пойдутъ на рязанскія мѣста, перейдутъ рѣку пось Солино, направятся къ Коломнѣ, въ обоихъ случаяхъ воеводы становятся на берегу Оки и мѣшаютъ переправѣ.

4) Татары, направляясь на Шапкъ и Менцери, пойдутъ къ Владиміру, — воеводы спѣшатъ туда же, предварительно убѣдившись, что это перешли не погайскіе татары по „слову“ съ крымскими, означая только съ берега государевыхъ ратныхъ людей.

Тревожное состояніе духа составителя наказа, — самъ Грозный на время этого нашествія Девлетъ-Гирея удалился въ Новгородъ, — видно изъ недоумѣній его къ своему войску и къ искусству воеводъ: онъ нѣсколько разъ предписываетъ воеводамъ сойтись съ ханомъ непременно въ „крѣпкомъ“ мѣстѣ, на „лѣсахъ“, тамъ, гдѣ можно было бы окопаться, а на полѣ, „безъ крѣпости“, или на походѣ изъ въ какомъ случаѣ не сойтись; у воеводъ все должно быть предусмотрено и расписано заранѣе: въ какихъ мѣстахъ подѣлать крѣпости, въ какомъ разстояніи одному полку стать отъ другого и т. п.

II. Вторая часть нашего памятника — полковая роспись, — „роспись по полкомъ“. Она заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе состава войска въ этомъ походѣ и является цѣннымъ источникомъ для изученія вопросовъ о численности и составѣ войска московскаго государства; наша роспись по обстоятельности своей не уступаетъ росписи Полоцкаго похода 1563 г. (Витебская Старина, IV) и значительно превосходитъ росписи походовъ 1577 г. (Валдаишюк-Зерновъ, Псалмъ о касимовскихъ нарахъ и царевичахъ, II, 38—48) и 1578 г. (Дрезн-Визлюница, XIV, 349—357).

Судя по разряду Полоцкаго похода, въ немъ войско сдѣлано изъ 31.159 чел.; въ 1577 г., также, какъ и въ Полоцкомъ походѣ, съ участіемъ самого царя, а сдѣловательно и его сына, — 21.811 ч. Въ нашей росписи перечислено только 19.984 ч., „опріежъ Минюхинныхъ тѣмъ ковъ“. Такое уменьшеніе произошло изъ-за отсутствія царскаго полка (4.763 ч. въ 1563 г. и 1.444 въ 1577 г.) и служившихъ татаръ, которыхъ по вѣдѣнію понятнымъ причинамъ только было выставить про-

тивъ крымцевъ (въ 1563 г. татаръ было: болѣе 5.000 ч., въ 1577 г.— почти 4.400 ч.).

Дворянъ и дѣтей боярскихъ въ 1572 г. выставлено было почти 11.500 ч. (11.499) противъ 18.000 Полоцкаго похода и 7.300 похода 1577 г.

Эти 11.500 ч. почти исключительно принадлежали къ классу дѣтей боярскихъ; людей московскихъ чиновъ (стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ) не было вовсе; они, очевидно, находились съ царемъ въ Новгородѣ (Синб. Сборн., 32—33); дворянъ городскихъ (т.-е. провинціальныхъ) или выбора было всего 180 ч., выборъ распредѣленъ былъ по полкамъ слѣдующимъ образомъ: въ Большомъ полку—65 ч., въ Правой Рукѣ—40 ч., въ Передовомъ—30 ч., въ Лѣвой Рукѣ—25 ч., въ Сторожевомъ—20 ч.; съ первымъ воеводою Большого полка было 40 ч. выборныхъ, со вторымъ—25 ч., съ первымъ воеводою Правой Руки—25 ч., со вторымъ—15 ч.; но въ Передовомъ—съ каждымъ—по 15 ч., въ Сторожевомъ съ каждымъ—по 10 ч. Распредѣляя такъ выборныхъ, правительство, очевидно, само ставило однихъ воеводъ почетнѣе другихъ и тѣмъ давало имъ поводъ мѣстничаться несмотря на уложеніе 1550 г.; въ переписяхъ по полкамъ „выборные“ поставлены отдѣльно отъ „городовъ“, даже не упомянуто, какихъ они городовъ; между тѣмъ, какъ позже, въ XVII в. обычной формулой въ такихъ случаяхъ было, напр., „Володимерцы дворяне и дѣти боярскіе“.

Цифра 12.000 ч., конечно, не есть maximum числа всѣхъ дѣтей боярскихъ; слѣдуетъ помнить, что въ это же время другое войско, раздѣленное, впрочемъ, только на три полка, стояло въ Новгородѣ.

Не имѣя возможности двинуть противъ крымцевъ своихъ служилыхъ татаръ, отправленныхъ также въ Новгородъ противъ шведовъ, московское правительство въ этотъ походъ первый разъ, сколько намъ извѣстно, образовало отрядъ изъ 300 служилыхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ 200 нѣмцевъ Юрьевскихъ (Дерптскихъ) и Ругодивскихъ (Нарвскихъ); цифру 300 служилыхъ нѣмцевъ даетъ и Флетчеръ. При этомъ отрядѣ находилась пристава для доставки корма; любопытно, что нѣмцевъ велѣно было поставить особо отъ московскихъ людей, чтобы между ними не было ссоры.

Слѣдуетъ отмѣтить далѣе участіе 1.000 галичанъ, коряковцевъ, костромичей и балахонцевъ, равно какъ и участіе 900 вятчанъ; и въ росписяхъ другихъ походовъ XVI в. упоминаются сборные люди разныхъ городовъ; въ итогѣ Большого полка они названы короче: „унжане и костромичи“. Что это не дѣти боярскіе видно изъ того:

1) что дѣла боярскіе „костромити“ — 500 ч. упомянуты потомъ въ Правой Руцѣ, и 2) въ итогѣ Большого полка читаемъ: и всего въ Большомъ полку дѣлѣй боярскихъ и стрѣльцовъ и дунжанъ и остроумитъ и съ митрополита и т. д.“

Потому же мы имѣемъ дѣло съ ополченіемъ только двухъ краевъ, Костромскаго и Вятскаго? Относительно Вятки знаемъ, что скорѣе всего можно видѣть въ нихъ ополченіе съ Вятки, а не потомковъ тѣхъ вятчанъ, которыхъ Іоаннъ III прислалъ въ Боровскъ и Кременецъ; относительно же Костромскаго ополченія остается еще одно предположеніе, что въ этомъ обширномъ краю служилое земледѣліе не было достаточно развито, и край долженъ былъ выставить ополченіе, составленное такъ же, какъ составлялись ополченія въ предшущіе вѣка русской исторіи до развитія помѣстной системы и до устройства служилого сословія.

Глубокой стариной вѣсть также отъ названія „сотекій“ во главѣ стрѣльцевъ, высылаемыхъ изъ Сибирскихъ городовъ: изъ Суародуба съ сотникомъ 50 ч. и т. д.; въ Москвѣ и въ лагосковскихъ городахъ сотскимъ соотвѣствовали тогда уже сотники. Въ томъ же Сибирскомъ краѣ въ городахъ стоятъ „наместники“, фактъ извѣстный изъ Гайридоу (см. Сибирскій Вѣстникъ).

Отмѣтимъ, наконецъ, что Строгановы должны были прислать 1.000 казаковъ съ нищаними, — число очень значительное. Спрашивается, сколько же казаковъ они держали у себя на службѣ, если выставили тысячу человекъ?

Въ заключеніе упомянемъ, что документъ, найденный нами, очевидно, черновая рукопись: нѣкоторыя мѣста перечеркнуты раза по два, нѣсколько словъ изъ такихъ мѣстъ остались неразобранными, въ другихъ мѣстахъ вставлено сверху, между строкъ, но въ общемъ документъ переписанъ четкимъ почеркомъ XVI в. На обратной сторонѣ его, кромѣ надписи, приведенной выше, написано также начерно, скорописью, съ поправками, нѣсколько распоряженій о заготовленіи кормовъ для нѣмцевъ и для вятчанъ, о верстаніи и дачѣ жалованья дѣтямъ боярскимъ новинцамъ.

Относительно правописанія печатаемаго текста рѣшено было не слѣдовать буквально рукописи и исправлять на общіе правописаніе безразличныя мѣста; такъ прибавлены тѣртый и шестъ, во многѣхъ случаяхъ с замѣнено ѿ, названія полковъ написаны съ большой буквы.

Память боярину и воеводѣ кн. Михаилу Ивановичю Воротынскому съ товарищи. Царь и великій князь велѣлъ имъ быти для своего дѣла и земского на берегу, а которымъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ и пѣмцомъ и стрѣлцомъ и казакомъ и всякимъ людемъ въ которомъ полку быти, и тому посланы къ боярамъ и воеводамъ росписи и списки; и боярину и воеводѣ кн. Михаилу Ивановичю Воротынскому взять себѣ списки и бояромъ и воеводамъ списки роздать; а збиратися всемъ полкомъ на Коломнѣ и межъ Коломны и до Коширы, а собрався ити и стать по берегу по своимъ мѣстамъ: Болшому полку въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Тарусѣ, Передовому полку въ Колугѣ, Сторожевому полку на Коширѣ, Лѣвой Рукѣ на Лопаснѣ по селамъ; и нарядъ съ Коломны и изъ Серпухова походной и полковой взять съ собою, и быть наряду въ Болшомъ полку з бояры и воеводами со кн. Михайломъ Ивановичемъ Воротынскимъ и съ Иваномъ Васильевичемъ (Шереметевымъ), а выбрать къ наряду изъ дворянъ добрыхъ въ головы дву человекъ, да и дѣтей боярскихъ имъ дать человекъ до пятидесяти и сколько пригоже; а московскихъ пушкарей взять по прежнему наряду, а подводы собрать подъ нарядъ и подъ пушкарей съ тѣхъ городовъ, которые къ берегу подошли, а съ кого возмутъ и съ тѣхъ городовъ другіе посохи ни куды не имать; а подъ стрѣлцовъ подо всехъ розмѣтити и розписать ранѣ на дѣти боярскіе, кому ихъ вести по полкомъ; да поимать по полкомъ памяти, сколько съ кѣмъ будетъ людей полковыхъ въ доспѣсехъ и въ тегилеяхъ и безъ тегилеевъ и сколько кошевыхъ, да розписать, выбравъ головы добрые и розписать, дѣтей боярскихъ и ихъ людей розписать заранѣ; а которые воеводы по украинамъ, которымъ быть по розписи на сходѣ з бояры и воеводами, и боярину и воеводѣ кн. Михаилу Ивановичю Воротынскому по всемъ украинамъ розслати, чтобъ потому же поймавъ памяти и розписавъ по головамъ дѣтей боярскихъ и боярскихъ людей, да тотъ бы списокъ прислати къ боярину и воеводѣ ко кн. Михаилу Ивановичю съ товарищи заранѣ, а у себя противень оставить, чтобъ боярину кн. Михаилу Ивановичю съ товарищи было въ вѣдомѣ заранѣ всехъ украинъ люди по смотру; а какъ люди сойдутца и боярину и воеводу кн. М. И. Воротынскому съ товарищи, приговоря день да вышедъ въ которомъ мѣстѣ пригоже, да въ тотъ день во всехъ полкахъ и по всемъ украинамъ пересмотрити людей на конехъ въ доспѣсехъ, а пересмотря людей понти по своимъ мѣстамъ, гдѣ которому полку стояти, а по вѣстемъ изо всехъ украинъ

вѣсти съ собою сходиться воеводамъ по россіи, чтобъ еще съйти на берегу до парева приходу къ берегу, а оскамъ же на Коломенѣ, на Серпуховѣ, на Колугѣ, на Рязани, на Тулѣ, на Колодсѣ и во иныхъ городахъ уграинныхъ людей по вѣстемъ царевѣ въ оскамъ собрать одиначу, а Конирекой убожь собрать въ оску на Коломеню до въ Серпуховѣ, кому гдѣ ближе. А по вѣмъ города осадчиковъ посылать ратье съ того же сроку съ Благовѣщенства дни, чтобъ всѣхъ оскамъ были устроены и собраны и рѣшианы заранѣе; не тогда бы осадниковъ посылать и въ осаду звать, какъ царь придетъ, — собратъ ихъ изранитъ. А станины и головы на Осколь и на Сѣмѣ и на разныя проѣзды по прежнему россіи и въ иные мѣста посылать, гдѣ пригоже, чтобъ дагы Богъ царя про царевъ походы было изъ вѣдомѣ, а по Сѣмѣ рѣкѣ вверхъ и внизъ разбѣдять бояромъ ви. Михаилу Ивановичу съ которыми воеводамъ пригоже, Ивану Васильевичу по тому же, пережидая, а въ иныхъ мѣстахъ изъ полковъ боярь и воеводъ отлучать боярину ви. Михаилу Ивановичу по тому же пережидая, чтобъ еще одного полку двумъ воеводамъ вѣру не бѣдять; а бѣдять Околомъ ви. и до Рязани, а вверхъ и до Жигары до засѣки и Жигарою до конныхъ мѣстъ вѣдѣть, да гдѣ въ которомъ мѣстѣ пригоже, какова крѣпости посылать; а и на Угрѣ на устьѣ отъ устья вверхъ до котораго мѣста пригоже, по тому же дѣлать крѣпости для пережиданья; а дѣлать по Олѣи по Угрѣ тутонными людьми сохами, которые сохи съ обѣ стороны рѣки пришли, а въ иныхъ мѣстахъ и полковыми людьми дѣлать вѣжи; съ кѣмъ пригоже дѣлать, по тому и промыслать и дѣлать. А Батчаномъ старымъ въ струѣхъ въ Колугѣ, съ ними зазаконъ полками наемными с пинами 1.000 ч. и двѣма головными, а отъ Колуги бѣ по вѣстемъ посылать ихъ по пареву приходу смотря: будетъ царь пойдеть на прямое гѣю, а не для войны, а Оку изъверху ширѣлѣеть, а войдетъ на Волховъ старую дорогомъ, и бояромъ и воеводамъ тѣмъ полкомъ съ Батчаномъ въ струѣхъ и головами съ конями съ пинами всѣмъ съѣхати къ Жигарѣ, да по тѣмъ вертомамъ по засѣкамъ, по дѣломъ по обѣимъ сторонамъ въ крѣпкахъ мѣстахъ стать съ пинами и съ луки, гдѣ какъ пригоже, и на перелазехъ и въ крѣпкихъ мѣстахъ на гѣбѣхъ на крымскихъ людей приходитъ и вѣсти вѣдѣть, а бояромъ и воеводамъ по тѣмъ вѣстемъ со всѣми людьми и съ вертомамъ кѣмъ въ Колугѣ да будетъ мочь вѣсть, чтобъ дагы Богъ поидѣхъ на Жигару со всѣми людьми, и бояромъ и воеводамъ вѣдѣти къ Жигарѣ, а въ Жигарѣ стать, промыслать со паревъ паря и холъ коней дѣломъ, чтобъ дагы Богъ не пережидать на Жигару царя, а будетъ царь пережидать Жигару.

ду а поитъ къ Угрѣ, и бояромъ и воеводамъ стати со всѣми людьми на рѣкѣ на Угрѣ, чтобъ на походѣ со царемъ на полехъ безъ крѣпостей однолично не сходитися; и на рѣкѣ на Угрѣ ставъ, пѣшихъ людей съ пицалми изоставить по крѣпкимъ мѣстамъ; а гдѣ лучища нсходъ со царемъ не у рѣки, и бояромъ и воеводамъ, выбравъ мѣсто крѣпкое, да стать полки, чтобъ поставить полки и стрѣлцы поизаконатись по крѣпкимъ мѣстамъ; а не на походѣ бѣ со царемъ соитись: того беречи на крѣпко, чтобъ имъ напередъ въ которомъ въ крѣпкомъ мѣстѣ стать, выбравъ такое мѣсто стать. А на походѣ полки со царемъ на полѣ безъ крѣпости однолично несходитися, а съ кошей головъ дву добрыхъ крѣпкихъ учинити, а поставити бѣ ихъ въ крѣпкомъ мѣстѣ и стрѣлцовъ и казаковъ съ пицалми въ кошу оставити, сколько пригоже, чтобъ полкъ кошовой былъ особой, только бы стоялъ въ крѣпкомъ мѣстѣ; а какъ полкомъ стояти Большому и Правой Рукѣ и Передовому полку и Сторожовому и Лѣвой Рукѣ, и сколько межъ ихъ далече, въ которомъ мѣстѣ въ каковѣ крѣпости стрѣлцовъ поставити и казаковъ съ пицалми, и в каковѣ мѣстѣ нарядъ поставити, и какая ему крѣпость учинити, и о томъ приговора, бояромъ и воеводамъ росписать заранѣе и, полки уставя, вышедъ въ каково мѣсто, присмотритъ мѣсто до приходу до царева, а выбрать мѣсто таково, чтобъ нарядъ и стрѣлцы полковыхъ людей уберегали, а на нарядъ и на стрѣлцы полки напущати было нелзя, таковы крѣпости подѣлать; о томъ какъ высмотрятъ и приговора, полки поставить и какъ приговора, какую крѣпость учинити у наряду и у стрѣлцовъ у пѣшихъ людей, да то все заранѣе имъ записать, да по тому въ приходѣ царевъ, гдѣ полкомъ стати, таковы мѣста себѣ и прибирати, и крѣпость такову по приговору здѣлать у наряду у пѣшихъ людей, а безъ крѣпости наряду и стрѣлцомъ не въ крѣпкомъ мѣстѣ однолично со царемъ бояромъ и воеводамъ не сходитися. А будетъ царь и царевици пойдутъ къ рѣкѣ къ Окѣ межъ Колуги и Олексина или межъ Олексина и Серпухова или межъ Серпухова и Коширы или межъ Коширы и Коломны, и бояромъ и воеводамъ итти противъ царя къ тѣмъ мѣстамъ, куды царь пойдетъ, и Вятчаномъ и казакомъ съ пицалми къ тому мѣсту спѣшитъ въ стружѣхъ и промысляти у рѣки со царемъ, сколько Богъ помочи подастъ; да того беречи бояромъ и воеводамъ на крѣпко, какъ у рѣки станутъ противъ царя, а будетъ в ѣномъ мѣстѣ люди иные перелѣзутъ, и у бояръ бы и у воеводъ то было заранѣе розписано, которымъ пѣшимъ людямъ съ пицалми и коннымъ стати противъ тѣхъ людей, которые учнутъ за рѣкою стоять, а еще не перелѣзутъ, и которымъ полкомъ

отъ тѣхъ людей стоять и береженіе держати, которые и шведъ яблѣй
перелѣзутъ; чтобъ приговори про то царя разсуждати, чтобъ въ то
время вѣдать, кому гдѣ промышляти. А будетъ царь пойдеть на Рязань,
а Оку рѣку перелѣзеть подѣ Солочюю или ниже или выше, а пойдеть
х Коломнѣ, а бояромъ и воеводамъ ити убережною дорою: да вы-
брати крѣпкое мѣсто да тутъ стати отъ рѣки до дѣсу и на дѣсу крѣ-
пости посылати, да тутъ полки стати, чтобъ царя изъ крѣпкихъ мѣстъ
на поле не вынуждая, его встрѣтити, чтобъ съ стрѣльни и съ водами съ
пищальми въ крѣпкомъ мѣстѣ при дѣсѣ стати и крѣпости наряду и стрѣ-
ломъ посылати, гдѣ какова пригоже, посмотрѣти по мѣсту, и промышляти
государевымъ и земскимъ дѣломъ со царемъ, сколько Богъ помощи пошлетъ,
смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже. А будетъ царь
поидеть на Володимерь, и бояромъ и воеводамъ ити къ Володимерю;
отъ Кіева ити Володимеремъ или гдѣ пригоже царя и великого
князя дѣломъ и земскимъ промышляти со царемъ; а поити къ Володи-
мерю, разсудивъ на крѣпко дальними станицами, чтобъ татарскіе люди
по слову съ крымскими не сманили бы з берега дѣсей, либо на меншер-
скимъ мѣста придуть ногайскіе люди, а царь послѣ ихъ приходу придетъ
къ берегу, того беречь и промышляти бояромъ и воеводамъ дальними
станцами на крѣпко. А будутъ отъ станицъ вѣсти полные будутъ, что
перелѣзеть царь Донъ со всѣми людьми съ крымской стороны на та-
тайскую сторону, а поидеть къ Шацкому и Меншерской украинѣ, и
тѣмъ самимъ ити къ Володимерю, а по вѣстемъ смотря и изъ Володи-
мера ити, и въ судахъ Окою Вятчанъ и казаковъ вооруженъ съ ружьи-
цами и з головами отпуститъ подѣ царя и велѣти на перевозѣхъ на
Окѣ и въ крѣпкихъ мѣstechъ въ дѣсахъ на царя приходити, смотря по
тамошнему дѣлу; а будетъ царь въ которомъ мѣстѣ перелѣзти рѣку,
поидеть полки прямо къ Москвѣ и войны не роспуститъ, и бояромъ и
воеводамъ подѣ царя головъ з дѣтми боярскими посылати, да въ кото-
ромъ мѣстѣ пригоже, на крымскіе люди приходити, высмотрѣти по себѣ, и
языковъ добывать и про царство умышленіе подлинно приидовати, да
смотря по вѣстемъ и разсудивъ прямыхъ вѣстей и Москвѣ помогати
и на крымскіе люди приходити, чтобъ царь Богъ дѣла царя и вели-
кого князя и земского поведати, а себя уберечь. И будетъ царь пере-
лѣзши рѣку, войны роспуститъ или шарѣльные мѣста тулчскіе и рязанскіе
и олекинскіе и козелскіе учинитъ воевати, и бояромъ и воеводамъ
головъ съ людьми посылати и стрѣльцовъ и казаковъ съ пищальми
и рѣзныхъ людей пѣшецовъ посылати, а смотря по дѣлу, а каковыхъ
дѣломъ царя и вел. князя промышляти и на крымскіе люди прихо-

дѣти и тѣмъ мѣстомъ помогати, да и тѣмъ промыслити, на которые мѣста пойдетъ царь назадъ, и, выбравъ бы крѣпкое мѣсто у рѣчки или у крѣпи, у ржавца въ лѣсу въ крѣпкомъ, чтобъ послать въ то мѣсто голову съ казаки съ полскими съ пищальми до пяти сотъ человѣкъ, а велѣти бы имъ на переходѣ въ томъ мѣстѣ, какъ царь съ полономъ изъ земли пойдетъ, дождався приидти на сторожевой полкъ, чтобъ какъ далъ Богъ дѣла царя и вел. князя поискати, а себя убережи; и во всемъ дѣломъ царя и вел. князя и земскимъ промыслять по царя и вел. князя наказу и посмотри по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже и какъ имъ Богъ вразумитъ и о всемъ о своемъ дѣлѣ и о земскомъ царь и великій князь положилъ на Божѣ и на васъ, боярехъ и воеводахъ; какъ лутчи и государеву дѣлу прибылнѣе, такъ прося у Бога милости, и промыслати и, какъ се учнетъ дѣло царя и великаго князя и земское дѣлать и каковы у нихъ вѣсти будутъ, и имъ къ Москвѣ и по всѣмъ городомъ безъ вѣсти не держати и царя и великаго князя безъ вѣсти не держати жъ.

Роспись по полкомъ.

Въ Болшомъ полку бояре и воеводы князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ. З бояриномъ и воеводою со кн. М. И. Воротынскимъ: дѣтей боярскихъ выборныхъ—40 ч., Котомничъ—170 ч., Коширянъ—430 ч., Мещанъ—150 ч., Вязмичъ—180 ч., Суздалцовъ—210 ч., Ржевичъ—200 ч., Зубцовлянъ—60 ч., Черниговцевъ—100 ч., Шелонскія пятины—300 ч.; и всего со княземъ М. И. Воротынскимъ—1840 ч.

С Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ: выборныхъ—25 ч., Муромцовъ—150 ч., Мещерянъ—170 ч., Торопецкихъ помѣщиковъ—150 ч., Серпянянъ и Мошинцовъ—70 ч., Вотскія пят.—500 ч.; и всего с Иваномъ Васильевичемъ 1065 ч., и всего въ Болшомъ полку—2905 ч.

Да въ Болшомъ же полку изъ украинныхъ мѣстъ: з Дѣдилова быти воеводѣ и кн. Ан. Дм. Полетцкому, а съ нимъ 350 ч., из Донкова—кн. Юрью Курлетеву, а съ нимъ 200 ч.

И всего въ Болшомъ полку и съ украинными 3455 ч.

Да въ Болшомъ же полку дѣти боярскіе городовые приказчики... 70 ч., съ митрополита и со владыкъ дѣти боярскіе—430 ч., Галичанъ и Коряковцовъ и Костромичъ и Балахонцевъ—1000 ч. съ ихъ головами; съ головами стрѣлцовъ: съ головою съ Осипомъ Исуповымъ—500 ч., съ Михаиломъ со Ржевскимъ—500 ч.; да наемныхъ казаковъ з двѣма головами: съ Юрьемъ Булгаковымъ да съ Ив. Фустовымъ—1000 ч.

Да въ Болшомъ же полку съ головою Юр. Францоскою нѣмецъ 100 ч., а голова у нихъ Атамык Кашининъ, да Березежскіе и Рутыдзскіе нѣмецъ съ приставы—200 ч., да съ Ошканинхъ дѣтей съ грехъ (т. е. съ Строгановыхъ) 1000 ч. съ нинами казаковъ, а у тѣхъ казаковъ быть въ головахъ Нв. Кобыкову да Юр. Тутолмину.

И всего въ Болшомъ полку дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ и улановъ и костромить и съ митрополита и со владыкъ дѣтей боярскихъ и казаковъ и нѣмецъ—8255 ч.

Да въ Болшомъ же полку Мишка Черкашенинъ съ казаки.

Въ Правой Рукѣ болринъ и воевода кн. Никита Роман. Одоевской да воевода Оед. Вас. Шереметевъ.

З болриномъ и воеводою со кн. Ник. Роман. Одоевскимъ: выборныхъ—25 ч., Козичъ—130 ч., Рижскихъ помѣщиковъ—120 ч., Костромичъ—500 ч., Бѣжецк. пнт.—450 ч.; и всего со кн. Ник. Ром. Одоевскимъ—1225 ч.

Съ воеводою съ Оед. Вас. Шереметевымъ: выборныхъ—15 ч., Бѣлинъ—120 ч., Бѣжецкіи пнт.—400 ч., Ржевскихъ помѣщиковъ—70 ч., Тверичъ и Клининъ—270 ч., Дмитровцовъ—140 ч.; и всего съ Оед. Вас. Шереметевымъ—1015 ч., и всего съ обѣма со кн. Никитою Романовичемъ и съ Оедоромъ Васильевичемъ—2240 ч.

Да въ Правую Руку изъ украинскихъ мѣстъ съ Орда быти кн. Г. Долгорукому, а съ нимъ 350 ч., а всего въ Правой Рукѣ—2590 ч.; да въ Правой же Рукѣ стрѣлцовъ изъ Чернигова съ головою 300 ч., изъ Стародуба съ сотцкимъ—50 ч., изъ Рославля съ сотцкимъ—50 ч., изъ Новогородка Сѣверскаго съ сотцкимъ—50 ч., изъ Почена съ сотцкимъ—30 ч., изъ Беневы съ сотцкимъ 20 ч., и всего въ Правой Рукѣ стрѣлцовъ 500 ч., да казаковъ конныхъ съ нинами въ Шапка съ головою 50 ч., изъ Рязскова съ головою 100 ч., изъ Донкова съ головою 200 ч., изъ Дѣдлова съ головою 150 ч., и всего въ Правой Рукѣ казаковъ 500 ч.; и всего въ Правой Рукѣ стрѣлцовъ и казаковъ 1000 ч. и обоего въ Правой Рукѣ и з дѣтми боярскими 3590 ч.

Въ Передовомъ полку воевода кн. Ан. Петр. Хованский да обозничей и воевода кн. Дм. Нв. Хворостининъ съ воеводою со княземъ Андр. Петр. Хованскимъ: выборныхъ 15 ч., Рязанцевъ старыхъ и новыхъ—200 ч., Смоленскіе—350 ч., Луцкихъ помѣщиковъ—150 ч., Каншинцевъ—370 ч.; и всего съ княземъ Андреемъ Петровичемъ—1095 ч.

Съ окончитимъ со княземъ Дм. Нв. Хворостининымъ: выборныхъ—15 ч., Алексинцовъ—120 ч., Галичанъ—150 ч., Старичанъ—40 ч., Веревъ—30 ч., Мелыничъ—25 ч., Прозавца Малого—75 ч., Др-

ревскіе пѣт.—350 ч.; и всего со Дмитреемъ Ивановичемъ—945 ч.; и всего съ обѣма со кн. Андреемъ Петровичемъ и со княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ—2040 ч.

Да въ Передовомъ же полку быти съ кн. Андреемъ Петровичемъ изъ украинскихъ мѣстъ: изъ Новосили въ сходѣ кн. М. Лыкову, а съ нимъ 350 ч.; и всего въ Передовомъ полку—2390 ч.

Да въ Передовомъ же полку: стрѣлцовъ изъ Смоленска съ головою 400 ч., съ Рязани съ сотцкимъ—100 ч., изъ Епифани съ сотцкимъ—35 ч., и всего стрѣлцовъ—535 ч.; да казаковъ съ пищальми съ Плавы—150 ч., изъ Епифани съ головою—400 ч., изъ Новосили—100 ч., и всего казаковъ—650 ч.; и всего въ Передовомъ полку нѣмецъ съ пищальми и стрѣлцовъ и казаковъ—1185 ч.

Да у Передового же полку Вятчанъ въ стружѣхъ на рѣку—900 ч. а и съ тѣми всего въ Передовомъ полку—4575 ч.

Въ Сторожевомъ полку воевода кн. И. П. Шуйской да околничей и воевода Вас. Ив. Умного-Колычовъ.

Со кн. И. П. Шуйскимъ: выборныхъ—15 ч., Колужанъ—200 ч., Ярославля Большого—430 ч., Угличанъ—200 ч., Лихвинцевъ—40 ч., изъ Перемышля—1 ч., Лушанъ и Кинешемцевъ—70 ч., и всего со кн. Иваномъ Петровичемъ 957 ч.

Съ околничимъ и воеводою съ Вас. Ив. Умного-Колычевымъ: выборныхъ—10 ч., Волочанъ—60 ч., Бѣжечанъ—350 ч., Брянчанъ—60 ч., Володимерцевъ—100 ч., Можайчъ—127 ч., Рославцевъ—50 ч., и всего съ Васильемъ—757 ч.

И всего съ обѣма со княземъ Иваномъ Петровичемъ и съ Васильемъ Ивановичемъ—1713 ч.

Въ Сторожевомъ же полку казаковъ съ пищальми изъ Орла—100 ч., изъ Рыльска—50 ч., изъ Стародуба—100 ч., изъ Рослава—100 ч., и всего—350 ч.

И обоего дѣтей боярскихъ и казаковъ въ Сторожевомъ полку 2063 ч.

Въ Лѣвой Рукѣ воеводы кн. Ан. П. Репнинъ и кн. П. И. Хворостининъ. Со княземъ Андреемъ Петровичемъ: выборныхъ—10 ч., Дорогобужанъ—110 ч., Веневцевъ и Епифановцовъ—150 ч., Рязанцевъ, старыхъ и новыхъ помѣщиковъ, которые полутче—300 ч., Серпуховичъ—76 ч., Торужанъ—120 ч.

И всего со княземъ Андреемъ Васильевичемъ—766 ч.

Со княземъ Петр. Ив. Хворостининымъ: выборныхъ—10 ч., Ружанъ—90 ч., Новоторжцевъ—80 ч., Плавлянъ и Соловянъ—70 ч.,

Опоковцы—15 ч., Воротищцы—70 ч., Похонцовы—50 ч., Понь-
города Сѣверскаго—20 ч., Пошехонцы—70 ч., изъ Карачева—60 ч.,
изъ Юрьева Польскаго—10 ч., лутчихъ, изъ Борова—10 ч., лутчихъ,
Стародубцы—30 ч.

И всего со княземъ Петромъ Ивановичемъ—585 ч.

И всего съ обѣма въ Лѣвой Рукѣ—1351 ч.

Да въ Лѣвой же Рукѣ казаковъ съ пущалми—300 ч.

И всего въ Лѣвой Рукѣ а дѣми боярскими—1651 ч.

И всего во всѣхъ полкахъ со всеми воеводами всенхъ людей—
19984 ч., опричь Мишки съ казаками.

Съ Волскою патиною Н. М. Морозовъ.

Съ Коломиничи кн. Вас. Меньшой князь Ивановъ сынъ Криво-
борскій.

Съ Рязанцы Н. М. Головинъ, да кн. О. Кривоборскій.

Съ Торуняны да съ Сернухоничи кн. О. Троекуроръ.

Съ Колужены кн. Ив. князь Сем. с. Лобановъ-Ростовскій.

Съ Мещаны кн. Юр. князь Мих. с. Мещерской.

Съ Повгородцы Новагорода Сѣверскаго да съ Поченцы кн. Ив.
князь Григ. с. Щербатой, Поугородцкій намѣстникъ, а въ Понь-
городѣ осадики оставлены.

Съ Болховичи кн. Ив. князь Ив. Лыково, намѣстникъ, а на
Болховѣ осадики оставлены.

Съ Сернѣяны и Мошинцы кн. Мих. кн. Юр. Лыково.

Съ Дорогобужаны кн. Ан. Палетцкій.

Съ Муромцы Вас. Мещан. Морозовъ.

Съ Черниговцы намѣстникъ О. О. Потаповъ, а въ Черниговѣ осад-
чики оставлены.

Съ Нижегородцы Тучко Ив. Отаповъ.

Съ Мещеряны кн. О. князь Антр. с. Мещерской.

Съ Алаторцы В. Яв. Кузьминъ.

Съ Смольяны воевода смоленскій кн. С. Борковинскій.

Съ Володимерцы В. Н. Внукоръ (къ Москвѣ).

Съ Юрьевцы Польскаго Юрьева Г. Ярцовъ (къ Москвѣ).

Съ Коширяны Н. М. Бутурлинъ.

Съ Мещяны Д. А. Замытцкой.

Съ Рыловцы намѣстникъ Д. И. Судимавторъ.

Съ Бѣляны кн. И. князь Савс. Туренинъ.

Съ Торопчаны кн. Юр. князь Кошет. с. Курастовъ.

Съ Душаны А. О. Пагоно.

Съ Стародубцы намѣстникъ кн. М. Тюфякинъ.

Съ Пусторжевцы кн. Вас. княжъ Вас. с. Тюфякинъ.

Съ Воротицы и Кременчаны М. П. Впуковъ (къ Москвѣ).

Въ Дѣдиловѣ околичій и воевода кн. П. княжъ Ив. с. Татевъ.

Въ Новосили кн. М. Лыково да кн. В. П. Измайловъ.

На Орлѣ кн. Гр. княжъ Ив. с. Долгоруковъ да Д. Ивашкинъ.

Въ Донковѣ кн. П. Курлетевъ да В. Коробьинъ, срокъ ихъ въ
пятое Воскресенье Великаго поста.

С. Середонинъ.

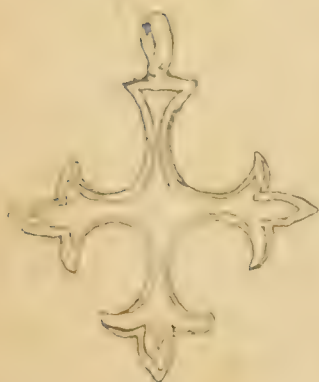

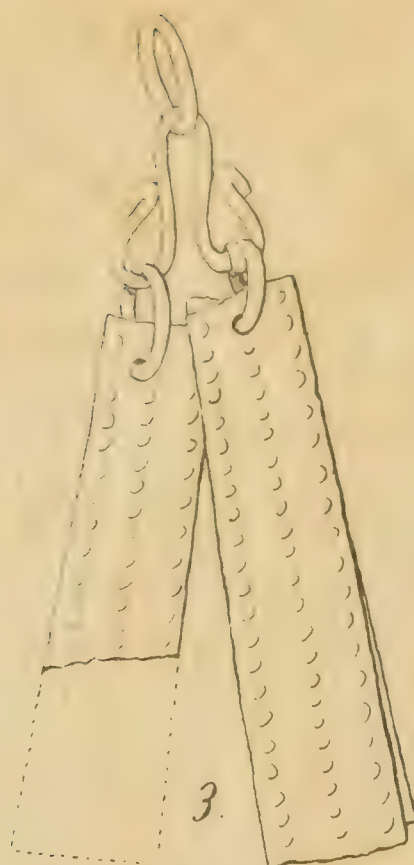
1.

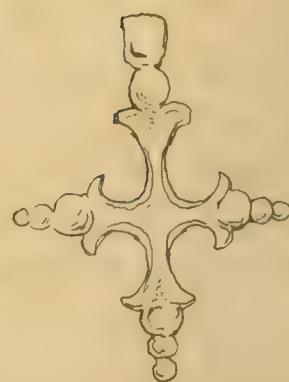
2.

4.

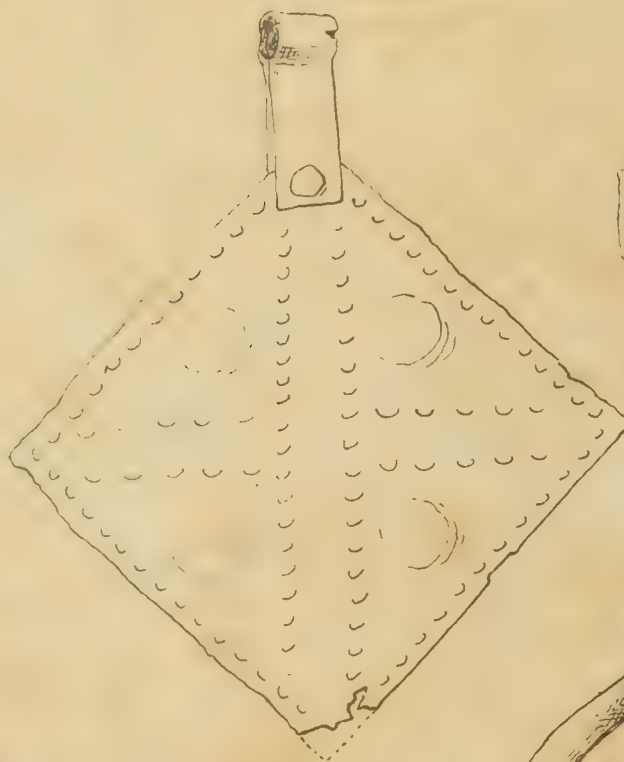
3.

5.

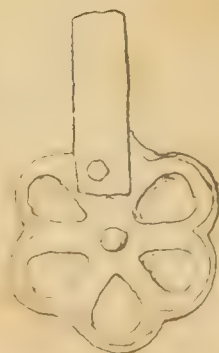
6.

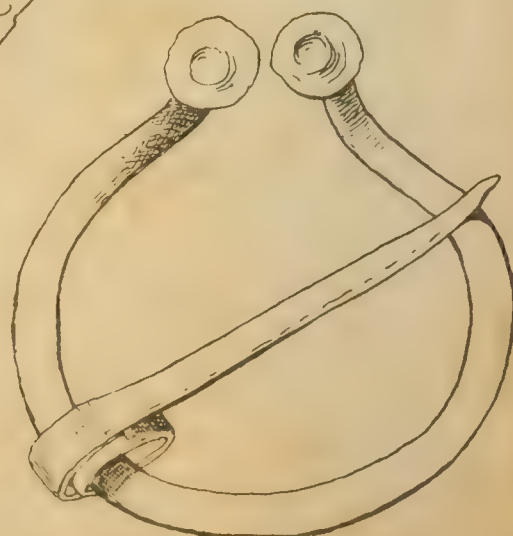
9.

8.

10.

11.

Изъ раскопки Фельдгофскаго могильника XVI в. въ Витебской губ.

Въ 1893 г. Е. Р. Романовъ, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, произвести, между прочимъ, пробную раскопку могильника, находящагося близъ слоб. Фельдгофъ, на р. Лпвѣ, Витебской губ. Могильникъ оказался погребеннымъ и бѣднымъ. Въ проведенныхъ въ части его 3-хъ траншеяхъ обнаружены были 4 погребенія, обращенные головою на З. и СЗ. При нихъ найдены: жст. пряжки, ножъ, ножины (типа такъ называемыхъ „овечьихъ“), шило или булавка, обрывки ткани съ вышитыми въ нѣтъ мелкими спиральными трубочками, круглая мѣдная пряжка съ кувшинообразными украшениями на не сомкнутыхъ концахъ (рис. 11 табл. I) и мѣдное руцное кольцо изъ круглой проволоки, съ тонкими заходящими другъ на друга концами. Самую интересную находку на Фельдгофскомъ могильникѣ составляетъ нитное ожерелье, набранное изъ 56 раковинъ Сургиса шондъ, мелкихъ, темныхъ, повидѣмому, не стеклянныя бусы и изъ различныхъ подѣлокъ, между которыми выдѣляется 7 серебряныхъ монетъ (одна германская, а остальные Дерптскаго епископа, вѣкъ XVI в.), точно определяющихъ время какъ самого могильника, такъ и отдельныхъ вещей изъ него. Подѣлками къ ожерелью, кромѣ монетъ, служили: 1) 3 жст. прямоугольныя пластинки, украшенныя пунтиромъ и выдающимися круглыми бусинками (табл. I, рис. 9), 2) 2 привѣсы, состоящіе изъ большихъ удлиненныхъ, украшенныхъ пунтиромъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ парами къ концамъ двухъ нитей, имѣющихъ поперѣ по колечку (рис. 3), 3) 8 разнообразныхъ мѣдныхъ крестовъ (рис. 4—8), изъ которыхъ только 2 оказались одинаковыми, 4) 4 мѣдн. бубенчика (рис. 1 и 2), 5) половинка янтарной бусы, 6) 2 жст. изъ труба собаки (7) и изъ какой-то другой косточки, 7) серебряная подѣлка въ видѣ розетки съ эмальными, уже вымывшимися глыбами (рис. 10), быть можетъ, болѣе ранняго произхожденія, 8) пара короткихъ жст. ныхъ цѣпочекъ съ пластинчатыми подѣлками на концахъ.

Въ Лифляндской и Курляндской губ. находятся многочисленные слѣды той же культуры и приблизительно того же времени, но ближайшія аналогіи пока невозможно указать, такъ какъ Фельдгофскій могильникъ даже пока очень мало предметовъ. Въ Витебской губ. подобный могильникъ былъ уже раскопанъ г. Глогеромъ близъ Маріенгаузена (см. Pamiętnik Fysiograficzny за 1881 г.). Культура всѣхъ этихъ могильниковъ интересна тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о живучести нѣкоторыхъ типовъ Люцинскаго могильника, относящагося къ IX—X в.

А. С.

Радимичскіе курганы.

I. Обзоръ кургановъ и городищъ Новомировскаго уѣзда.

Свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ предѣлахъ Новомировскаго у. въ печати почти не встрѣчается. Лишь г. Самаринъ въ своемъ изслѣдованіи „Древніе города Россіи“, изданномъ въ 1873 г., отмѣчаетъ, на основаніи донесеній волостныхъ правленій, существованіе здѣсь трехъ городищъ. Когда же въ слѣдующемъ году г. Константиновичъ дѣлалъ докладъ на Третьемъ археологическомъ съѣздѣ о курганахъ Черниговскаго у., то въ перечнѣ уѣздовъ Черниговской губ. съ извѣстными мѣстами находенія кургановъ онъ вовсе не упоминаетъ о Новомировскомъ у., показывая такимъ образомъ своимъ молчаніемъ, что у него свѣдѣній объ археологическихъ памятникахъ въ предѣлахъ этого уѣзда нѣтъ. Между тѣмъ, Новомировскій у. далеко не бѣденъ какъ городищами, такъ и курганами, свидѣтельствующими, что и здѣсь, среди лѣсовъ и болотъ, на тощей почвѣ изъ сунеска, когда-то въ давнюю пору жило населеніе если не особенно богатое, то, сравнительно, плотное.

Свѣдѣнія о памятникахъ, оставленныхъ этимъ населеніемъ, мною были добыты въ три пріема. Прекле всего были получены свѣдѣнія, собранныя для какой-то цѣли волостными правленіями еще въ 1878 г., но такъ какъ они оказались недостаточно полными, то въ 1891 г. были собраны, чрезъ мѣстнаго исправника, по всему уѣзду новыя свѣдѣнія, причемъ на этотъ разъ они собирались чрезъ урядниковъ по особой, составленной мною программѣ. Сообщенія урядниковъ давали о мѣстонахожденіи кургановъ и городищъ болѣе многочисленныя и болѣе точныя указанія, чѣмъ тѣ, какія выйдутъ изъ сообщеній волостныхъ правленій. Когда же съ двойными связками въ рукахъ пришлось объѣзжать уѣздъ, съ тѣмъ, чтобы въ однихъ мѣстахъ провѣрять раскопки, въ другихъ лично осмотрѣть городища и мовиланья и нанести ихъ

на карту, оказалось не мало пунктовъ, не зарегистрированныхъ ни въ томъ, ни въ другомъ спискѣ. Желая привести въ извѣстность, по возможности, всѣ сохранившіеся отъ разрушенія могильники и городища и выяснитъ распределеіе ихъ межъ бассейнами р. Снови, впадающей въ сѣверянскую Десну, и р. Пнуги, впадающей въ радимичскую Сожъ, я долженъ былъ исходить и изъѣздить почти весь уѣздъ и осмотрѣть болѣе двухъ третей всего числа могильниковъ и городищъ, нанося на карту лично не осмотрѣнные памятники древности лишь въ томъ случаѣ, когда и свѣдѣнія волостей, и показанія крестьянъ близълежащихъ селъ совпадали другъ съ другомъ. Такимъ образомъ составилъ слѣдующій списокъ разбросанныхъ по уѣзду могильниковъ *):

А. По р. Снови и ея при-		*14. Въ $\frac{1}{4}$ в. къ В. отъ Ла-	
тока мъ:		комой Буды на полѣ .	?
1. Подъ Карповичами . .	?	15. Въ 3 — 4 в. къ С. отъ	
2. Къ ЮЗ. отъ х. Ирти .	?	Лакомой Буды на поляхъ	
*3. Къ Ю. отъ х. Медвѣ-		крестьянъ—всѣ распа-	
довки въ 2-хъ групплахъ.	18	ханы.	
*4. Межъ Оптенью и Брах-		16. Къ З. отъ Лысыхъ . .	10
ловомъ	8	17. Межъ Карпиловкой и	
*5. Въ с. Бобкахъ	7	БольшимиЩербиничами.	1
*6. Въ 2 в. къ С. отъ с.		*18. Подъ Большими Щерби-	
Курознова	70	ничами въ трехъ груп-	
*7. Въ д. Руднѣ	3	пахъ	127
*8. Вокругъ д. Малой Топали	15	*19. Подъ х. Воронова Гута.	10
*9. Въ верстѣ къ З. отъ д.		*20. Въ 3 вер. къ С. отъ Во-	
Побожеевки	5	роновой Гуты.	46
*10. Въ огородахъ с. Боль-		*21. Въ с. Дубровкѣ . . .	18
шого Кривца	23	*22. Межъ с. Дубровкой и	
*11. Въ $\frac{1}{2}$ в. къ Ю. отъ с.		с. Рословичами 15 цѣ-	
Большого Кривца въ лѣ-		лыхъ и 14 распахан. .	29
су гг. Янжула и Гроцкой.	45	*23. Межъ Дубровкой и х.	
*12. Въ 2 в. къ ЮЗ. отъ с.		Сергѣевкой	34
Большого Кривца . . .	1	*24. Въ $\frac{1}{2}$ в. къ С. отъ х.	
*13. Въ д. Сытой Будѣ въ		Сергѣевки.	6
лѣсу	17	*25. Въ верстѣ къ Ю. отъ д.	

*) Группы кургановъ, лично мной осмотрѣнные и сосчитанные, обозначены звѣздочкой.

Павловки въ двухъ груп- пахъ	97	*40. Погъ Тимошинныхъ Пе- ревокомъ около	120
*26. Погъ х. Селицкого	26	*41. Погъ п. Новымъ Мѣстамъ болѣе	30
*25. Въ верстѣ къ В. отъ с. Гетманской Буды	46	*42. Мужъ Старыми и Новы- ми Гобоничами	8
*28. Въ 2 в. къ Ю. отъ с. Сачковичъ	48	*43. Въ х. Савицкой Гутѣ	7
*29. Въ м. Новомъ Ронскѣ	1	*44. Въ сѣв. концѣ с. Лю- кова въ двухъ группахъ	77
30. Погъ Новымъ Ронскомъ около	25	*45. Въ 2 верстахъ къ Ю. отъ Новомыбкова	12
31. Межъ Любечанами и Сач- ковичами	9	*46. Въ д. Тростани	10
*32. Межъ Любечанами и Мо- гилевцами	15	*47. Въ верстѣ къ Ю. отъ с. Манюковъ	115
*33. Межъ Могилевцами и Сачковичами въ трехъ группахъ	38	*48. Въ д. Гулевкѣ	107
*34. Въ 2—3 в. къ Ю. отъ Лобановки въ 2 группахъ	131	*49. Въ верстѣ къ З. отъ Гу- левки	36
*35. Въ 3 в. къ ЮВ. отъ Лобановки	4	*50. Въ 2 в. къ В. отъ Гулевки	25
*36. Въ 1½ в. къ Ю. отъ Митьковки	26	*51. „ 3 „ „ „ „ „	3
*37. Къ В. отъ Бутовска, на границѣ межъ Новомыбк. и Стародубск. у.	20	52. Въ Туроснѣ	3
Б. По р. Пути и ея при- токамъ		*53. Къ ЮВ. отъ с. Впу- ковичъ въ трехъ груп- пахъ болѣе	30
*48. Въ 2 в. къ В. отъ Добро- дѣевки болѣе	70	54. Въ Частенкѣ около	40
*39. Въ верстѣ къ СЗ. отъ Журавки болѣе	50	55. „ Смотровой Будѣ	83
		56. „ Луцескомъ хуторѣ	3
		В. Между бассейнами Снова и Пути	
		57. Влнхъ хут. Батинскаго	30
		*58. Въ 2 в. къ СЗ. отъ с. Гызовичъ	9

Такимъ образомъ, всѣхъ кургановъ въ Новомыбковскомъ у. известно уже болѣе 1,800. Если же принять во вниманіе, что въ окрестностяхъ не мало кургановъ распахано или развѣсно сътремъ, то действительное число ихъ должно быть значительно увеличено.

О степени сохранности кургановъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 46 осмотрѣнныхъ мной могильникахъ мною изслѣдъ стр

ганы лишь въ 12; во всѣхъ этихъ мѣстахъ могильники находятся подъ прикрытіемъ лѣсовъ. Изъ остальныхъ 34 могильниковъ нѣкоторые почти совершенно уничтожены, и о мѣстѣ кургановъ свидѣлствуютъ лишь прѣлѣнія (напр., о курганахъ близъ Каташинскаго городища) или невысокія выпуклости изъ желтаго песку, какъ это наблюдается на поляхъ крестьянъ селъ Рославичъ, Лакомой Буды и Журавки, и въ лучшемъ случаѣ одинъ-два осиротѣлыхъ кургана, какъ подъ Брахлавомъ и близъ Рудни. Прочіе же могильники сохранились то въ большей, то въ меньшей степени; такъ, близъ Медвѣдовки изъ 18 кургановъ полураспахано и распахано до основанія 11, близъ Сачковичъ — изъ 28 полураспахано и распахано до основанія 16, близъ Гетманской Буды изъ 38 испорчено 8, близъ Большихъ Щербиничъ изъ 127 испорчено 105. Распашка кургановъ, сопряженная съ нѣкоторыми трудностями, усиленно производится, главнымъ образомъ, въ послѣднія два десятилѣтія, когда крестьяне, вслѣдствіе малоземелья, стали гнаться за всякимъ клочкомъ земли. Пройдетъ еще два десятилѣтія, и съ увѣренностью можно сказать, что отъ многихъ изъ могильниковъ въ составленномъ спискѣ не останется и слѣда.

При нанесеніи на карту, могильники Новозыбковского у. распределяются болѣе или менѣе равномерно, какъ въ бассейнѣ Снови, обнимающемъ $\frac{2}{3}$ территоріи уѣзда, такъ и въ бассейнѣ Ипути, захватывающемъ остальную с.-з. треть уѣзда.

Могильники встрѣчаются то въ мѣстахъ совершенно открытыхъ и ровныхъ, то въ низинахъ и среди холмовъ; преимущественно же они располагаются на спускахъ у ручьевъ или рѣкъ, удаляясь, впрочемъ, на версту и болѣе отъ воды.

Размѣръ кургановъ и внѣшняя форма ихъ болѣе или менѣе одинаковы съ тѣми, какіе имѣютъ славянскіе курганы въ Могилевской, Минской и Волынской губ., а также „малые курганы“, какіе указываетъ г. Самоквасовъ въ Подесенѣ въ Черниговской губ. Средній размѣръ ихъ отъ 25—40 арш. въ окружности основанія; высота же различная, смотря по тому, насколько курганъ сохранился и какъ велико его основаніе. Хорошо сохранившіеся курганы обыкновенно имѣютъ форму купола, стороны котораго спускаются къ основанію, приблизительно, подъ угломъ въ 45° . Курганы размѣровъ больше указанныхъ встрѣчаются очень рѣдко, и всегда они находятся въ группахъ среди другихъ кургановъ средней величины. Наибольшій курганъ встрѣченъ въ д. Гулевкѣ; онъ достигаетъ 84 ар. въ окружности основанія. Такимъ образомъ, такихъ большихъ кургановъ, какіе встрѣчаются подъ Сѣднєвымъ

и Черняковымъ, въ родѣ Черной могилы, въ южномъ сѣверѣ, въ предѣлахъ Новосибирскаго уѣзда, совсѣмъ не имѣется.

Вокругъ кургановъ, наиболѣе сохранившихся, что также всего бываетъ подъ защитой лѣсныхъ зарослей, обыкновенно идутъ ровики, прерывавшіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ особыми перекрѣпками изъ подобіе мостиковъ. Это та особенность, которая составляетъ обычную принадлежность кургановъ подесенія, древлянскихъ, дреговичскихъ и Могилевской губ. Глубина ровиковъ не одинакова, — всегда ровикъ тѣмъ глубже, чѣмъ курганъ больше.

Сопоставляя число древнихъ могильниковъ съ количествомъ поселеній начала XVII в. въ предѣлахъ нынѣшняго Новосибирскаго у., получаемъ характерное явленіе. Изъ 143 современныхъ поселеній, включаемыхъ на генеральной картѣ, въ началѣ XVII в. существовало лишь 34 ¹⁾, тогда какъ всѣхъ могильниковъ (за исключеніемъ кургановъ-одиночекъ) насчитывается 56. Это сопоставленіе цифръ заставляетъ сдѣлать два предположенія: если поселки, отъ которыхъ остались могильники, есѣ одновременно существовали наканунѣ принятія христіанства, то въ языческую пору поселенія были чаще, нежели въ началѣ XVII в.; если же поселки въ до-христіанскую пору не были чаще, нежели въ XVII в., то въ языческую пору они должны были часто мѣнять свои мѣста. Которое изъ этихъ гадательныхъ объясненій значительнаго количества могильниковъ ближе къ истинѣ, сказать трудно.

Что касается *уровищъ*, то въ Новосибирскомъ у. ихъ насчитывается 13, изъ коихъ 12 имѣютъ слѣдующіе размѣры по окружности:

1. Въ 2 — 3 в. къ Ю. отъ с. Тимополичъ	94 саж.
2. Въ 2 в. къ ЮЗ. отъ Лобановки	122 "
3. Межъ Огтенью и р. Сновью	109 "
4. Въ с. Бобкахъ	121 "
5. Въ 2 в. къ С. отъ с. Курознова	103 "
6. Въ Большой Топали	91 "
7. Въ ¹ / ₂ в. отъ Малой Топали	107 "
8. Въ с. Каташинѣ	120 "
9. Въ 3 в. къ ЮЗ. отъ с. Новосибирова	123 "
10. Въ с. Большомъ Кривцѣ	123 "
11. Въ верстѣ къ ЮЗ. отъ Побожетия	64 "
12. Въ 2 — 3 в. къ СЗ. отъ Заманцева	64 "

¹⁾ Главнѣйшія селѣнія нынѣшняго подесенія: Яхарево, Бѣлоусово, Сосновка, Сосновка, Мадарово и др.

Кромѣ того, городище находится межъ Старыми и Новыми Бобовичами и, по всей вѣроятности, надъ р. Каменкой въ дачахъ с. Рыловичъ.

По территоріи уѣзда городища распредѣляются неравномѣрно. Значительное большинство ихъ идетъ кривою линіей вдоль теченія р. Снови; населеніе словно избѣгало притоковъ ея, представлявшихъ менѣе удобныя условія для жизни, чѣмъ сама Сновъ, сближающаяся своими верховьями, а въ давнюю пору, быть можетъ, и соединявшаяся чрезъ нынѣшнее Ратово болото ¹⁾ съ р. Ипутью.

Формы городищъ, а равно и мѣстоположеніе ихъ представляютъ обычныя особенности. Расположены они всегда близъ воды, на выступѣ съ двумя или тремя отвѣсно спускающимися скатами и отдѣляются ровомъ и валомъ съ прочихъ двухъ или одной сторонъ, а въ Каташинѣ, Большомъ Кривцѣ, подъ Замышевомъ и межъ обоими Бобовичами—двумя валами и двумя рвами. Типичныя черты представляютъ городища подъ Курозновомъ, Новозыбковымъ и Побожеевкой. Подъ Курозновомъ для возведенія укрѣпленія выбранъ надъ р. Сновью значительной высоты холмъ, отвѣсно обрывающійся съ одной стороны къ болоту у рѣки и съ трехъ другихъ сторонъ круто спускающійся къ ровной площади. За отсутствіемъ естественныхъ рововъ, у подошвы холма вырытъ ровъ искусственный, сажени въ двѣ глубины; изъ вынутой земли насыпанъ по краямъ холма валъ, настолько высокій, что совершенно скрываетъ внутреннюю площадь городища. Такимъ путемъ образовалась подковообразная форма городища съ прямолинейной суженной стороной къ рѣкѣ. Городище близъ г. Новозыбкова отдѣляется съ двухъ сторонъ ручьями, вымывшими себѣ глубокія, но узкія русла, а между тѣмъ вала по бокамъ городища со стороны ручьевъ нѣтъ, тогда какъ со стороны, которою выбранный для городища выступъ соединяется сплошной ровной поверхностью съ окружающею площадью, насыпанъ валъ очень высокій; очевидно, вдоль ручьевъ долженъ былъ находиться частвоколъ или иное какое-либо деревянное сооруженіе, отъ времени погибшее. Подъ Побожеевкой „городецъ“, какъ называютъ его мѣстные крестьяне, расположенъ среди болота, на едва подымающейся надъ общимъ уровнемъ его косѣ. На концѣ косы въ видѣ правильнаго круга сохранился ровъ въ 1 1/2—2 арш. глубины и едва приподнятый валъ. Выходъ изъ „городца“ находится въ той части его, которая обращена къ шейкѣ косы, и никакой защиты этого выхода нѣтъ. На р. Каменкѣ въ дачахъ с. Рыловичъ есть урочище, которое также называется „Городецъ“. Какъ и подъ Побожеевкой, мѣстность здѣсь низменная и бо-

¹⁾ Есть преданіе, что въ Ратовомъ болотѣ были найдены лодка и якорь.

югистах: густая заросль и тонкая почва не давали возможности отыскать сооружений. Въ Суражскомъ у. городища, известномъ изъ народнаго зова именемъ „городище“, также находится въ мѣстностяхъ извѣстныхъ, и сооружения ихъ также отличаются изтожностью рамаиры, сравнительно съ сооружениями городищъ и городковъ въ мѣстахъ невышесенныхъ. Не сохраняеть-ли народная память въ названіи „городище“ съ одной стороны и „городище“ и „городокъ“ — съ другой действительнаго различія бышихъ становисщъ, различіе хронологическаго, а, быть можетъ, и племеннаго?

Лишь вонѣ 5 городищъ непосредственно находится курганы: близъ Малой Тонали, Курошиова, Каташина, въ Большомъ Брящѣ и мѣст. Старыми и Новыми Бобовичами. При прочихъ городищахъ курганы въ близкомъ разстояніи не наблюдается; болышею частью могильники находятся въ разстояніи версты, трехъ верстъ и болѣе отъ нихъ.

На поверхности распаханыхъ городищъ обыкновенно встрѣчаются черепья отъ горшковъ, сдѣланныхъ изъ глины съ примѣсю крупнозернистаго песку. На городищѣ близъ Малой Тонали, единственномъ, на которомъ удалось произвести небольшія раскопки, найдены рогъ лоса, фрагменты стеклянныхъ браслетъ, три мѣдныхъ креста тѣленика и нѣкоторые другіе предметы. Если курганы вонѣ Мало-Тональскаго городища заставляютъ отнести происхождение его къ языческой порѣ, то фрагменты браслетъ и кресты указываютъ на то, что городище продолжало служить мѣстомъ поселенія и послѣ принятія христіанства.

Нынѣшнее состояніе городищъ таково. Плохо сохранились городища близъ Лобановки, Оптени, Тимоновичъ, Вобовичъ и Замышева: гдѣ распаханы даже валы, и слѣды отъ валовъ, а равно и отъ рвовъ едва замѣтны. Въ городищахъ близъ Новомыбкова, Бобковъ и Курошиова распахана лишь внутренняя площадь; рвы же и валы сохранились въ цѣлости. Близъ Побожеевки „городище“ отчасти распахано, отчасти покрыто зарослями. Вокругъ Мало-Тональскаго городища совершенно уцѣлѣли рвы; слѣдовъ же вала совсѣмъ не замѣтно, и можно даже сомнѣваться, былъ-ли насыпной валъ, такъ какъ городище, расположенное на высокомъ холмѣ и отдѣленное глубокимъ рвомъ, представляетъ совершенно гладкую площадь. Нынѣшнее готравненіе очертанія городищъ въ Большой Тонали и Каташинѣ, по эк. Большой Тонали внутренняя площадь городища обращена вонѣ впадинѣю и значительная часть его верхняго слоя перерыта. эк. Каташинѣ же, вонѣ защитой кустарниковъ, а въ прежнемъ арешѣ лѣса, сохранились вонѣ не тронутыми какъ рвы и валы, такъ и площадь, огражденная ими.

III. Раскопки кургановъ Новозыбковского уѣзда ¹⁾.

Изъ 56 могильниковъ Новозыбковского у. были произведены мною раскопки въ 14 могильникахъ, причемъ было раскопано 105 кургановъ, а именно:

А. Въ бассейнѣ Снови:		Б. Въ бассейнѣ р. Ипути:	
1. Близъ Медвѣдовка . . .	5	8. Близъ Тимошкина перевоза . . .	8
2. „ Сачковичъ . . .	7	9. „ Внуковичъ . . .	6
3. „ Лобановки . . .	8	10. „ Людкова въ 1-й гр. . .	7
4. „ Курознова . . .	4	„ во 2-й гр. . .	3
5. „ Малой Топали . . .	3	11. Къ Ю. отъ Новозыбкова	
6. „ Гетманской Буди . . .	9	(къ Карховкѣ) . . .	12
7. „ Большихъ Щербиничъ . . .	13	12. Близъ Манюковъ . . .	5
		13. Въ Гулевкѣ . . .	7
		14. Къ З. отъ Гулевки . . .	8

Изъ всѣхъ 105 кургановъ въ 87 найдены скелеты людей, въ одномъ скелетъ собаки, и въ 17 не обнаружено никакихъ костей. Изъ 87 кургановъ, въ которыхъ найдены кости человѣка, въ 85 найдено по одному костяку; одинъ разъ пришлось встрѣтить два скелета,—взрослаго и подростка, другой разъ—одинъ цѣлый скелетъ и лишь голову небольшихъ размѣровъ другого, лежавшую на позвонкахъ перваго.

Покойникъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, полагался прямо на землю, и яма для погребенія его выкапывалась рѣдко; лишь 10 труповъ изъ 87, т.-е. всего 11⁰/₀, были похоронены въ нарочно углубленной могилѣ. При этомъ могилы эти, имѣя различную глубину, колеблющуюся межъ 7 и 16 верш., встрѣчаются не въ одной или двухъ группахъ кургановъ, а на всемъ пространствѣ сѣверной части уѣзда наряду съ погребеніемъ на поверхности земли. Такія ямы найдены: 2—въ Гулевкѣ, 2—въ Манюкахъ, 1—во Внуковичахъ, 3—подъ Людковымъ, 1—у Тимошкина перевоза и 1—близъ Лобановки. Большинство углубленныхъ въ материкѣ могилъ обнаружено, такимъ образомъ, въ группахъ, расположенныхъ въ бассейнѣ Ипути, и лишь одна (въ Лобановкѣ) встрѣчена въ бассейнѣ Снови. Положеніе кургановъ, насыпанныхъ надъ покойникомъ, погребеннымъ въ ямѣ, среди прочихъ кургановъ той же группы обыкновенно ничѣмъ не выдѣляется; они идутъ рядомъ съ курганами, насыпанными надъ покойникомъ, погребеннымъ

¹⁾ Произведены мною въ 1890 г. при участіи К. И. Берученка-Мусіенка и въ 1891 г. единолично.

прямо на уровень окружающей поверхности или на некотором возвышеніи. Особенности представляют лишь могилы у с. Любкова, гдѣ курганы располагались въ двухъ группахъ, раздѣленныхъ между собой значительной впадиной, въ давнее время представлявшей, по всей вероятности, болото или русло ручья. Въ группѣ, прилегающей ближе къ селу, было раскопано три кургана, и во всѣхъ ихъ скелеты найдены въ ямахъ; въ группѣ, нѣсколько удаленной отъ села, было раскопано 7 кургановъ, и ни въ одномъ изъ нихъ ямы не оказалось. Одновременны-ли обѣ эти группы кургановъ и одними ли и тѣми же насельниками они насыпаны, сказать невозможно.

Нѣсколько чаще для покойника дѣлалось особое возвышеніе, на которое онъ и полагался. Такихъ насыпей различной высоты, не превышающихъ, впрочемъ, 1,5 в., насчитывается на 87 кургановъ со скелетами 19 (22⁰/₁₀₀), 5—къ Ю. отъ Новозыбкова, 8—у Тимошкина Перевоза, 1—близъ Внуковичъ, 4—близъ Любкова и 1—подъ Сачковичами, т.-е. возвышенія, словно ложе для покойника, встрѣчаются въ бассейнѣ Пнуги, и лишь одинъ разъ такое ложе встрѣчено въ бассейнѣ Снови (подъ Сачковичами). Наибольшее количество возвышеній найдено въ мѣстности низменной, покрывающейся въ весеннюю пору водой.

Если сопоставить двѣ таблицы—могильниковъ, гдѣ встрѣтились ямы, и могильниковъ, гдѣ встрѣчались возвышенія, то окажется, что оба вида погребеній встрѣчаются одновременно. Но въ тѣхъ же могильникахъ, рядомъ съ этими видами погребальнаго обычая, наблюдается обычай класть покойника прямо на землю.

Гораздо чаще, нежели вырывалась яма или насыпалось возвышеніе, практиковался обычай положенія умершаго прямо на землю: изъ 50 кургановъ въ бассейнѣ Пнуги, въ которыхъ были найдены скелеты, въ 23-хъ костяки лежали прямо на землѣ, тогда какъ въ ямѣ они найдены въ 10 курганахъ и на возвышенія въ 18. Что касается части уѣзда, обнимаемой Сновью и ея притоками, то здѣсь почти сплошь практиковался обычай погребенія умершихъ прямо на землѣ, и лишь случаи, встрѣченные въ Добановкѣ и Сачковичахъ, представляютъ единичныя исключенія изъ числа 37 кургановъ съ однообразно повторяющимся способомъ погребенія. Вообще же скелеты, лежащие на уровнѣ окружающей поверхности, составляютъ 66⁰/₁₀₀.

Изъ всѣхъ кургановъ, гдѣ были найдены человѣческіе скелеты, въ 29 встрѣчены возлѣ костей слѣды гробовищъ. При двухъ костякахъ у с. Гетманской Буды найдены въ дровѣхъ желѣзные гвозди, которые

встрѣчается иногда и въ тѣхъ курганахъ, гдѣ слѣдовъ гроба не обнаружено. Гвозди, не сопровождавшіеся присутствіемъ дерева, обыкновенно были находимы не у самыхъ костей, какъ лежатъ принадлежности костюма, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, или выше ихъ. Если гвозди въ деревѣ были употреблены для скрѣпы частей гроба, очевидно, и гвозди въ курганахъ, гдѣ дерева не обнаружено, служили для той же цѣли, и ни въ какомъ случаѣ не могли исполнять той же роли, какую они имѣли въ курганахъ древлянскихъ, гдѣ ими прикрѣплялся къ землѣ съ боковъ покойника полагавшійся на него покровъ. На этомъ основаніи къ прежнимъ 24 случаямъ погребенія въ гробу нужно присоединить еще 7 случаевъ, т.-е. всѣхъ гробовъ можно насчитывать 31. Если изъ 24 кургановъ съ остатками дерева лишь въ двухъ сохранились гвозди, а въ 7 отъ дерева не осталось никакихъ слѣдовъ, и о существованіи гробовъ свидѣлствуютъ лишь ихъ скрѣпы, то, очевидно, и въ тѣхъ курганахъ, гдѣ не обнаружено ни дерева, ни гвоздей, то и другое могло совершенно разложиться, и случаевъ погребенія въ гробахъ нужно допустить больше 31. Слѣдуетъ при этомъ добавить, что остатки гробовищъ встрѣчаются во всѣхъ могильникахъ бассейна р. Ипути, въ которыхъ приходилось производить раскопки, и въ половинѣ могильниковъ бассейна р. Снови. Гвозди же, какъ остатки отъ гробовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, встрѣчаются исключительно въ бассейнѣ Снови.

Самый гробъ приготовлялся различными способами. Иногда онъ дѣлался въ видѣ ящика изъ досокъ, какъ это видно изъ сопоставленія трехъ слѣдующихъ данныхъ. Одинъ разъ—въ Гетманской Будѣ—найдена доска межъ скелетомъ и слоемъ золы, другой разъ—въ Большихъ Щербиничахъ—доски шли вокругъ костяка въ формѣ четырехугольника, третій разъ—во Внуковичахъ—вокругъ костяка шли четырехугольникомъ свѣтлыя полосы въ вершокъ толщины, спускаясь постепенно внизъ; въ послѣднемъ случаѣ подобнаго рода полоса была замѣчена и поверхъ костяка, параллельно его ложу. Иногда трупъ обкладывался толстыми бревнами, какъ это оказалось въ Лобановкѣ, Гетманской Будѣ, Большихъ Щербиничахъ, Людовѣ и у Тимошкина Перевоза. Толстые остатки бревенъ во всѣхъ пяти случаяхъ найдены съ боковъ костяка, одинъ разъ надъ нимъ и ни разу подъ нимъ. Это тѣ типы гробовъ, которые найдены у дреговичей ¹⁾ и въ Могилевской губ. по Сожи ²⁾.

Въ одномъ изъ кургановъ подъ с. Людовомъ скелетъ найденъ

¹⁾ Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, кн. IV, 29.

²⁾ Древности, т. XIII, курганы 3 и 10.

положеннымъ въ дѣлномъ деревѣ, выдолбленномъ внутри на подобіе доски; направление слоевъ перегниваемаго дерева каково голова и ниже ногъ, параллельное слоевъ, идущимъ съ боковъ костника, и такая форма гроба, неизбежно заставляютъ сдѣлать это замечаніе. У того же села Людкова вмѣсто остатковъ дерева, идущаго параллельно костнику, встрѣчены въ двухъ курганахъ поставленные стоймя по формѣ четырехъ угольника столбы, причемъ положеніе ихъ настолько правильно, что преднамѣренности въ ихъ расположеніи отгадать невозможно. Столбы эти могли служить подпорками для поддержанія покрова, гдѣмъ-то надъ покойникомъ ¹⁾.

Что касается того, какое положеніе ималось умершему на мѣстѣ погребенія, то на этотъ счетъ расположеніе костей скелета даетъ весьма указанія. Трупъ полагался на спину, лицомъ вверхъ, съ ногами, пригнатыми параллельно одна другой въ направленіи роста человѣка. Случается, что черепъ обращенъ лицевой стороной не вверхъ, а въ какую-нибудь сторону или лежитъ въ другомъ какомъ-нибудь, иногда даже неестественномъ положеніи; но это объясняется просто тѣмъ, что ногъ давленіемъ верхнихъ слоевъ земли черепъ могъ измѣнить свое первоначальное положеніе. Головой трупъ лежитъ обыкновенно къ З., съ отклоненіями въ некоторыхъ случаяхъ къ С. или В. Но вѣрнѣе съ обычаемъ класть покойниковъ головой къ З., встрѣтятся нѣтъ случаевъ положенія скелета головой къ В. Эти отклоненія отъ обычнаго направленія въ положеніи покойника приходится, главнымъ образомъ, на бассейны р. Инуты, и если одинъ разъ встрѣчается въ могильникѣ, находящемся на притоцѣ Снови (Большіе Щербиничи), то все же ближе къ Инутѣ ²⁾. Положеніе рукъ разнообразное: то обѣ протянуты вдоль туловища, и пальцы рукъ найдены съ боковъ тазовыхъ костей; то, пригнутыя въ локти, обѣ положены кистями на животѣ, ирѣдѣ встрѣчается, что одна рука — правая или лѣвая — протянута вдоль, другая же положена кистью на груди или животѣ. Одинъ разъ докопаны кости найдены подъ плечевыми и кости пальцевъ ногъ докопаны. Во многихъ же случаяхъ кости рукъ погивали такъ, что положеніе ихъ описать невозможно.

Одинъ изъ принадлежностей погребальнаго обряда въ курганахъ въ

¹⁾ Невидимому, подобныя столбы встрѣчены въ Запорожскомъ и въ Могилев. губ.

²⁾ Подобная же черта положенія головы, къ В. встрѣчена въ Голыцкомъ и въ Черниговскомъ губ., Могилевской губ., въ одномъ изъ бассейновъ Снови, въ Запорожскомъ, въ Днѣпрѣ, между Березиной и Днѣпромъ, въ томъ же уѣздѣ въ Могилев. губ. въ З. и въ В. не встрѣчается у притоковъ, впадающихъ въ Днѣпръ.

костяками составляли зола и уголь, встрѣчавшіеся подъ скелетомъ и надъ нимъ. Но обычай употребленія угля и золы встрѣчается не повсемѣстно и не всюду одинаковъ. Въ Гетманской Будѣ изъ 9 кургановъ уголь былъ найденъ въ 7 подъ скелетами и ни разу надъ нимъ; въ Большихъ Щербиничахъ изъ 13 кургановъ уголь найденъ въ шести подъ скелетомъ, и изъ числа послѣднихъ при двухъ и надъ нимъ; въ Гулевкѣ изъ 14 кургановъ уголь оказался въ 7, изъ коихъ въ 4 надъ скелетомъ, въ одномъ подъ нимъ и въ двухъ надъ и подъ костякомъ; близъ Новозыбкова зола постоянно встрѣчалась подъ скелетомъ; надъ скелетомъ не было лишь въ развѣянныхъ до основанія курганахъ. Вообще въ бассейнѣ Ппуги уголь или зола составляли необходимую принадлежность при погребеніи всякаго умершаго. Относительно же кургановъ въ бассейнѣ р. Снови этого нельзя сказать (по крайней мѣрѣ, нельзя считать характернымъ, если изъ 4 кургановъ, раскопанныхъ въ Курозновѣ, встрѣченъ уголь лишь въ одномъ курганѣ, да и то въ количествѣ двухъ угольковъ), изъ 5, раскопанныхъ въ Манюкахъ, — въ одномъ курганѣ 3 уголька, изъ 5, раскопанныхъ въ Тимоновичахъ, встрѣчено ничтожное количество угля въ 2 курганахъ, а въ Сачковичахъ и Малой Топали совсѣмъ его не обнаружено.

Изъ всѣхъ 88 скелетовъ, найденныхъ въ 87 курганахъ, по костямъ полъ опредѣленъ лишь въ 13 случаяхъ, изъ коихъ 11 костяковъ надо признать мужскими и 2 женскими. При 11 мужскихъ скелетахъ, кромѣ желѣзныхъ гвоздей при двухъ изъ нихъ, никакихъ принадлежностей костюма или наряда, а равно и орудій не найдено. Но по аналогіи съ находками въ Суражскомъ у. къ мужскимъ необходимо отнести тѣ скелеты, при которыхъ найдены поясныя пряжки и ножи у лѣвой бедренной кости. Такимъ путемъ опредѣляются еще два костяка; слѣдовательно, всѣхъ мужскихъ скелетовъ можно точно указать 13. Къ принадлежностямъ женскаго костюма нужно отнести височныя привѣски и шейныя украшенія, по которымъ опредѣляется полъ 18 костяковъ. Такимъ образомъ, всѣхъ женскихъ скелетовъ можно насчитать 20. Полъ остальныхъ 55 костяковъ, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, не могъ быть опредѣленъ, хотя при нѣкоторыхъ и были находимы вещи: при 8 скелетахъ желѣзные гвозди, при 9 — кольца съ пальцевъ, при нѣсколькихъ — принадлежности сбруи, желѣзные обручи отъ ведеръ, пряжки; въ 33 случаяхъ не оказалось даже слѣдовъ какихъ бы то ни было вещей.

Вообще же вещи были найдены слѣдующія:

Тимоновичи. Кург. II. На шеѣ десять стеклянныхъ бусъ съ

позолотой. Кург. III. 1) Два ушных или височных проволочных кольца. 2) На груди 2 маленьких проволочных кольца без снайб.

Сачковичи. XI. Часть желѣзнаго гвоздя со шиповою мѣшью ногами у лѣваго колѣна. XII. Тоже у локтя правой руки.

Лобановка. XIII. 1) У головы на одномъ уровнѣ съ шиповыми позолотками кусочекъ желѣза, напоминающій по формѣ остатокъ перержавѣшаго гвоздя. 2) На 8 верш. выше лѣвой ноги кусочекъ сильно испорченнаго ржавчиной желѣза, назначеніе котораго опредѣлить невозможно. XV. Гвоздь головы и у лѣваго бедра по небольшому кусочку желѣза, назначеніе котораго нельзя опредѣлить. XIX. Гвоздь головы и нѣсколько выше лѣваго локтя два хорошо сохранившихся гвоздя по 2 слишкомъ вершка длины. XX. 1) Кольцо съ пальца правой руки. 2) Съ лѣвой стороны головы два височныхъ кольца изъ проволоки, безъ снайба.

Курозновъ. XXII. Вершокъ на 6 выше костей ноги и у лѣвой таковой остатки перержавѣвшихъ желѣзныхъ вещей въ вершкѣ длины, неопредѣленнаго назначенія.

Малая Топаль. XXV. На глубинѣ 18 в. отъ вершиномъ и значительно выше основанія кургана желѣзный шпиль въ 4 в. длины. XXVII. 1) На разстояніи 4—7 в. къ Ю. отъ головы три желѣзныхъ гвоздя въ $1\frac{1}{2}$ —2 в. длины и небольшая желѣзная скоба. 2) По обѣ стороны таза по кусочку перержавѣшаго желѣза по больше вершка длины, по всей вѣроятности, остатки гвоздей. 3) На правой рукѣ пара бронзовыхъ колецъ безъ снайба. 4) Подъ нижней челюстью двѣ сердоликовыя бусы.

Маныки. XXXII. Съ обѣихъ сторонъ головы кольца, одно серебряное изъ тонкой проволоки и кусочки двухъ или трехъ члн сплава.

Гулѣвка. XXXVI. 1) На лѣвой рукѣ кольцо съ сближенными концами и съ утолщеніемъ по срединѣ; на правой рукѣ серебряное кольцо изъ проволоки, также безъ снайба. 2) Съ лѣвой стороны головы фрагменты колецъ изъ сплава. XXXVIII. 1) Два проволочныхъ кольца, по одному съ каждой стороны головы. 2) Вокругъ шеи нанизъ стеклянныхъ свѣтло-зеленыхъ бусъ. 3) Съ пальца правой руки кольцо, состоящее изъ проволоки, безъ снайба. 4) Съ пальца лѣвой руки кольцо изъ серебряной проволоки съ заходящими другъ на друга концами. 5) Подъ верхней частью плечевой кости, на груди и подъ локтемъ кусочки распавшагося плетеннаго браслета. 6) Шпильница съ шиповою изъ композиціи, съ мотанинскими ушками. XI. 1) На груди желѣзный ножикъ въ верш. длины. 2) Съ обѣихъ сторонъ головы по три височныхъ кольца изъ тонкой проволоки. 3) Кольцо съ пальца со

спайкой. 4) Бусы 13 родовъ: 1 сердоликовая граненая въ видѣ цилиндра, 1 глиняная крупная, 9 глиняныхъ мелкихъ, 5 янтарныхъ, 1 желтаго стекла, 1 зеленого, 2 синяго съ 4 гранями и инкрустацией бѣлаго цвѣта по сторонамъ, 1 синяго круглая съ бѣлой инкрустацией въ видѣ трехъ полосокъ, маленькая, 7 стеклянныхъ молочнаго цвѣта, причемъ каждая изъ нихъ двойная, тройная или четверная, множество одинарныхъ, двойныхъ, тройныхъ и четверныхъ синяго стекла, наконецъ, цѣлая нитка продолговатыхъ съ 4 гранями, также синяго стекла. XLII. 1) Большая круглая бронзовая пряжка на животѣ, и подъ ней немного сукошной матеріи. 2) Маленькая бронзовая пряжка межъ голеньями у лѣвой тазовой кости. 3) У лѣваго бедра ножикъ въ 2 верш. длины. 4) Кусочки перержавѣвшаго желѣза межъ голеньями, неизвѣстнаго назначенія. XLIV. Въ изгибѣ правой руки желѣзный ножикъ вершка 2 длины. XLV. Съ обѣихъ сторонъ головы по проволочному кольцу. XLVI. 1) Съ праваго боку поясная бронзовая пряжка. 2) У верхней частіи лѣваго бедра желѣзный ножъ въ 3 в. длины. 3) Тамъ же остатки кожаной сумки съ нашитыми на ней 2 маленькими пряжками и съ 3 небольшими колечками; въ ней находились огниво и сѣра, а также черная масса (губка?). Тутъ же найденъ какой-то желѣзный предметъ, назначеніе котораго, вслѣдствіе сильной порчи, трудно опредѣлить.

Гетманская Буда. XLVIII. Кусочекъ кольца. L. 1) Желѣзный гвоздь. 2) 4 одинаковыхъ височныхъ кольца съ лѣвой и три такихъ же кольца съ правой стороны головы. 3) Бусы. 4) Перстень съ правой руки. LI. Надъ позвонками у таза шарикъ. LII. Въ уцѣлѣвшемъ кускѣ дерева три желѣзныхъ гвоздя отъ $1\frac{1}{2}$ — 2 в. длины. LIV. 1) Бусы: 16 сердоликовыхъ круглыхъ съ горошину, 1 сердоликовая граненая, 1 небольшая стеклянная съ позолотой. 2) Съ пальцевъ лѣвой руки перстень изъ тонкаго листа, расширяющійся по срединѣ и сплетенный узкими концами, съ выпуклымъ ободкомъ по краямъ. 3) Надъ поясными позвонками желѣзный ножикъ, не больше 1 в. длины. 4) Надъ головой желѣзная вещьца на подобіе буквы Э вершка $1\frac{1}{2}$ длины. LIX. 1) Два височныхъ проволочныхъ кольца. 2) Съ правой стороны головы семилопастная височная привѣска. 3) Бусы: 4 глиняныхъ, изъ коихъ 3 четырехгранныхъ и 1 круглая, 6 синяго стекла; половина серебряной дутой бусы въ видѣ полшарика. 4) Кусочки проволочнаго кольца съ пальцевъ правой руки. 5) Маленькое проволочное кольцо безъ спайки, въ изгибѣ локтя. LXI. Съ пальцевъ, по одному съ каждой руки, два одинаковыхъ кольца съ узоромъ на на-

ружбой стороны, безъ спайки. LXII. 1) Бусы: 8 стеклянныхъ: 1 зеленого, 4 синяго и 3 бѣлаго стекла; 1 серебряная дуга, состоящая изъ 2 полушариковъ. 2) Пуговица металлическая. LXIII. Съ обѣихъ рукъ по кольцу безъ спайки.

Новозыбковъ-Карховка. LXX. 1) Бусы: стеклянная съ наложеннымъ золотомъ и серебромъ, бисеръ изъ комбинации, 1 бусъ изъ золота. 2) Три проволоочныхъ колечка, вмѣстѣ съ бусами. 3) Съ пальцевъ лѣвой руки кольцо, на немъ рисунокъ изъ перекрѣщающихся въ косую желобковъ.

Людково. LXXVII. 1) Два витыхъ одинаковыхъ браслета по одному на каждой рукѣ. 2) Бусы: стеклянная корнелии и синя, серебряная круглая изъ полушариковъ; глинная четырехгранная. 3) Семь семилопастныхъ височныхъ привѣсокъ. 4) Съ пальцевъ правой руки проволоочное колечко. LXXXI. Въ основаніи кургана, на разстояніи 34 в. къ ю.-ю.-з. отъ скелета, часть удила. LXXXII. Бусы. LXXXIII. 1) Бусы. 2) Два проволоочныхъ колечка, связанныхъ перетянутой кожей. 3) Тонкое колечко. LXXXIV. 1) Масса бусъ, и межъ ними лунница. 2) Шейная гривна. 3) Прислица. 4) Двѣ проволоочныя спиральныя привѣски съ лѣвой стороны головы, три съ правой.

Виуковичи. LXXXVIII. 1) У затылка пара колець, такая же пара колець у праваго плеча. 2) Вокругъ шеи 8 бусъ. XCI. Около шеи металлическая привѣска (?).

Тимошкинъ Перевозъ. XCII. Межъ ногами, немного ниже колѣнъ, колечко. XCIII. 1) Возлѣ колѣна большое кольцо; ниже его меньшее. 2) На поясицѣ кольцо съ пальцемъ. XCVII. Около шеи кольцо и кусочки другого. XCIX. 1) Бусы, и межъ ними лунница. 2) Кольцо на груди. CI. Кольцо у праваго плеча. CII. 1) На поясныхъ позвонкахъ прижка. 2) У лѣваго бедра желѣзный ножикъ. CV. 1) У лѣвой ступни три желѣзныхъ обруча отъ бедра около 5 в. въ діаметрѣ. 2) Прижка. 3) Ножъ у лѣвой голени. CVI. 1) Вокругъ шеи бусы. 2) Съ пальцевъ правой руки кольцо съ изображеннымъ голубкомъ. 3) Раковина на животѣ.

Распредѣляя курганы по количеству вещей, замѣчаемъ различіе ихъ по р. Снови и сравнительное богатство по р. Пуги. Въ Сновичахъ и Курюжнѣ, гдѣ раскопано 11 кургановъ, кромѣ остатковъ вещей, ничего не найдено; въ Лобановѣ и Топалѣ, гдѣ раскопано также 11 кургановъ, лишь два кургана (по одному въ мотыковѣ) дали 2 бронзовыхъ кольца съ пальцемъ, двѣ пары височныхъ колецъ и 2 сердоликовыя бусы; въ Медвѣдовѣ, гдѣ раскопано 5 кург., въ

одномъ найдено 4 колечка, въ другомъ кольцо съ пальца и 10 стеклянныхъ золоченыхъ бусъ. Такимъ образомъ, изъ 27 кургановъ встрѣтились вещи всего въ 4 кург.: если же не принимать расчетъ кургановъ, въ которыхъ не оказалось костяка, то 4 кургана съ принадлежностями костюма придется на 24 кургана, въ которыхъ костяки найдены, или одинъ костякъ съ вещами придется на 6 костяковъ безъ вещей.

Иное совсѣмъ отношеніе скелетовъ съ вещами къ костякамъ безъ нихъ въ бассейнѣ Ипути. Въ Манюкахъ изъ 5 скелетовъ вещи найдены при 1. у Тимошкина Перевоза изъ 9 въ 3, межъ Новозыбковомъ и Карховкой изъ 10 въ 5, подъ Людковымъ изъ 10 въ 6, въ Гудевкѣ изъ 14 въ 6, во Впуковичахъ изъ 4 въ 2, т.-е. изъ 52 костяковъ вещи найдены при 23, или одинъ скелетъ съ вещами приходится почти на 2 скелета безъ вещей.

Подобное же отношеніе замѣчается и въ могильникахъ у Большихъ Щербиничъ и Гетманской Буды на верховьяхъ притоковъ р. Снови, примыкающихъ къ р. Ипути, съ той лишь разницей, что въ названныхъ могильникахъ отдѣльныя находки въ общемъ бѣднѣе и однообразнѣе находокъ въ курганахъ бассейна р. Ипути.

Изъ 105 кургановъ въ 20 найдены горшки или черепки отъ нихъ. Цѣлыхъ горшковъ найдено всего 6. Размѣры ихъ слѣдующіе:

Курганы.	Высота.	Діаметръ.
XL.	2,2 в.	2,65 в.
XLI.	2,75 „	2,65 „
XLVII.	2 „	3 „
LXI.	2,8 „	2,65 „
	2,25 „	2,15 „

Шестой горшокъ, размѣры котораго не сняты, приблизительно, одинаковой величины съ прочими. Четыре горшка сдѣланы при помощи гончарнаго круга, два же такой грубой работы, что могли быть вылѣплены лишь руками. Какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ горшкахъ совершенно отсутствуютъ линіи, которыя скрашивали бы внѣшность ихъ; наружная поверхность ихъ безъ всякихъ узоровъ. Гораздо чаще, чѣмъ цѣлые горшки, встрѣчаются части ихъ, черепки.

Горшки и черепки встрѣчались какъ въ курганахъ съ костяками, такъ и въ курганахъ безъ нихъ. Но случаевъ перваго рода значительно больше, нежели случаевъ второго рода; тогда какъ горшки и черепки отъ нихъ при костякахъ найдены 18 разъ, безъ нихъ встрѣчены лишь дважды. Обыкновенно, въ горшкахъ и черепкахъ находится песокъ или земля, смотря по тому, изъ чего насыпанъ курганъ, но ни разу не

встрѣтилось горшка съ пережженными костями или углями внутри. Горшокъ или черенки при костяхъ встрѣчаются болѣе частью на одномъ уровнѣ со скелетомъ, и лишь нрѣдка нѣсколько выше его, и находятся у головы, или съ боку (чаще съ лѣваго, чѣмъ съ праваго), или въ руки или голени, наконецъ, у ногъ. Въ двухъ случаяхъ, когда въ курганѣ безъ скелета были найдены одинъ разъ цѣлый горшокъ, другой разъ черенки, они оказались не въ вершинѣ кургана, а въ основаніи его. Въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ черенками была найдена куча угля въ 2—5 в. толщины и аршинъ въ диаметръ и одна лишь голень отъ человѣческой ноги, но безъ всякихъ слѣдовъ дѣйствія огня; въ другомъ же при цѣломъ горшкѣ не было и слѣдовъ угля или зола. Такимъ образомъ, въ горшкахъ и частяхъ ихъ невозможно видѣть тѣхъ сосудовъ, которые, по словамъ лѣтописца, ставились съ пережженными костями „на столѣ“ и которые найдены у сѣверянъ на Деснѣ. Горшки въ предѣлахъ Новозыбковскаго у., даже по Снови, являющейся въ сѣверянскую Десну, должны были имѣть иное назначеніе,— по всей вѣроятности, въ нихъ ставилась пища.

Изъ 18 кургановъ, въ которыхъ не оказалось скелетовъ человѣка, въ одномъ найдена лишь человѣческая голень (въ Большихъ Щербиничахъ), въ другомъ скелетъ собаки (въ Сачковичахъ), въ остальныхъ 16 вообще не обнаружено никакихъ костей. Всѣ эти 16 кургановъ распредѣляются по бассейнамъ обѣихъ рѣкъ, перерѣзающихъ Новозыбковскій у.: а именно, въ бассейнѣ Снови: въ Сачковичахъ 1, въ Кургановѣ, Топали и Будѣ Гетманской по 2, въ Большихъ Щербиничахъ 3, всего 10; въ бассейнѣ Ипути: въ Гулевкѣ и Манюкахъ по 1, въ Викуновичахъ и межъ Новозыбковымъ и Карховкой по 2, всего 6. Въ бассейнѣ Снови 10 кургановъ безъ скелетовъ составляютъ 20⁰/₀ всего числа кургановъ (49), въ бассейнѣ Ипути 6 кургановъ безъ скелетовъ составляютъ только 10⁰/₀ всего числа раскопанныхъ кургановъ (56). Всѣ курганы безъ костяковъ, какіе пришлось раскопать, встрѣчались въ тѣхъ же могильникахъ, въ которыхъ находились и курганы со скелетами: могильниковъ, состоящихъ исключительно изъ кургановъ безъ скелетовъ, не найдено. Курганы безъ скелетовъ обыкновенно ничѣмъ не выдѣлялись среди другихъ кургановъ ни по положенію, ни по внѣшнему виду.

Въ сѣверномъ Стародубскомъ у. по р. Деснѣ и въ Черниговскомъ у. по нижнему теченію Снови встрѣчены курганы, изъ которыхъ также не оказалось костяковъ; но за то въ нихъ встрѣчены горшки, въ которые собраны перетерѣнная кости сожженного на сторонѣ покойника. По

Новозыбковскомъ же у., двѣ трети котораго принадлежатъ бассейну Снови, изъ 18 кургановъ горшки найдены лишь въ двухъ курганахъ, да и тѣ безъ всякихъ признаковъ пережженныхъ костей и даже золы; въ Большихъ Щербиничахъ, какъ сказано, найдена человѣческая голень, но и та безъ слѣдовъ дѣйствія огня; въ 8 курганахъ не найдено ни одного уголька, въ одномъ 2 угля, и только въ другихъ 8 встрѣчено по болѣе или менѣе значительному количеству золы. Какъ объяснить происхожденіе кургановъ безъ признаковъ трупосоженія и погребенія?

Подводя итоги всѣмъ разсмотрѣннымъ особенностямъ кургановъ Новозыбковского у., приходимъ къ слѣдующимъ наблюденіямъ:

1) Ясныхъ указаній на обычай трупосоженія, не вызывающихъ никакихъ сомнѣній, въ предѣлахъ уѣзда не найдено ни по Ипути, ни по Снови, хотя вверхъ по Ипути—въ предѣлахъ Суражскаго у.—случаи трупосоженія встрѣчались.

2) Уголь въ курганахъ рѣже встрѣчается по р. Снови, чаще по Ипути.

3) Курганы безъ костяковъ встрѣчаются вдвое чаще по р. Снови, нежели по р. Ипути.

4) Въ бассейнѣ Ипути скелетъ полагался преимущественно на линіи горизонта, но рядомъ съ этимъ встрѣчались случаи положенія его ниже горизонта,—въ ямѣ, или выше,—на подстилкѣ; въ бассейнѣ же Снови почти исключительно наблюдается положеніе скелета на горизонтѣ.

5) По Снови головой скелеты лежатъ къ З., тогда какъ по Ипути, рядомъ съ преобладающимъ положеніемъ на З., встрѣчаются случаи направленія головой къ В. ¹⁾.

6) Хотя слѣды гробовъ встрѣчаются по всему уѣзду, но въ бассейнѣ Ипути совсѣмъ ни найдено гвоздей ²⁾, тогда какъ въ бассейнѣ Снови они встрѣчались нерѣдко.

7) Вещи въ курганахъ бассейна Снови встрѣчаются рѣдко,—одинъ костякъ съ вещами приходится на шесть скелетовъ безъ вещей; въ курганахъ бассейна Ипути онѣ встрѣчаются значительно чаще,—одинъ скелетъ съ вещами приходится на два скелета безъ нихъ.

Эти выводы приводятъ къ заключенію, что отождествлять населеніе двухъ бассейновъ невозможно. Правда, раскопки не раскрыли оснований, по которымъ можно было бы приписать могильники тому или дру-

¹⁾ То же самое наблюдается по Ипути и въ Суражскомъ у.

²⁾ Не встрѣчались они и въ Суражскомъ у.

тому племени, назвать могильники по р. Снови сѣверянскими, а по Пиуту радимичскими. Но сама археологія безсильна, если не приложить къ ней помощь указаний другихъ источниковъ и если не принимать во вниманіе наблюденій надъ ходомъ исторической жизни вообще. На основанія указаний лѣтописныхъ и того соображенія, что въ отдаленную пору, въ которой относятся курганы, путями передвиженій и раскопаны были въ лѣсной области оныя рѣки, нужно предположить, что по р. Снови жили сѣверяне, по Пиуту радимичи. Хотя признакомъ сѣверянскихъ кургановъ до настоящаго времени считалось трупосожженіе, но въ сѣверянскомъ Полесьи и въ низленіи теченія снѣжа (полк. Сѣверномъ) наряду съ трупосожженіемъ, въ однихъ и тѣхъ же могильникахъ, встрѣчается также и погребеніе, и потому нѣтъ основанія отрицать сѣверянское происхожденіе кургановъ, расположенныхъ по верхнему теченію Снови, въ южной части Новозыбковскаго у. Если въ будущемъ предстоить произвести археологическія разслѣдованія въ бассейнѣ Десны съ цѣлью выясненія отличительныхъ признаковъ сѣверянскихъ кургановъ съ обрядомъ погребенія, то все же нужно имѣть въ виду, что различіе межъ данными раскопокъ по р.р. Снови и Пиуту въ предѣлахъ Новозыбковскаго у. совпадаетъ съ выводомъ, къ которому пришелъ г. Барсовъ на основаніи изученія исторической топографіи и до котораго онъ высказалъ въ положеніи: „сѣверный предѣлъ сѣверянъ составлялъ, безъ сомнѣнія, водораздѣлъ между бассейномъ Снѣга съ Пиутомъ, который былъ занятъ радимичами, и полостью Десны (рѣки Снѣга или Замглай, Сновъ“¹⁾). Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ курганами по Пиуту. Не опредѣляя точно по найденнымъ вещамъ столбѣи, въ которому слѣдовало бы отнести происхожденіе могильниковъ, во всякомъ случаѣ можно утверждать, что время ихъ происхожденія близко ко времени лѣтописныхъ записей²⁾, которыя указываютъ и на племя, какъ оставившее — именно на радимичей. Къ тому же, по Пиуту, какъ въ Новозыбковскомъ, такъ и Суражскомъ уу., встрѣчаются вещи, которыя не найдены въ землѣ сѣверянъ, — это семитопастые нисошныя прутьяски. Если вещь могла переходить путемъ торговли отъ одного племени къ другому, то обычай употребленія сѣ. вабитцовой въ плѣтень-районѣ, думается, можетъ быть характернымъ для опредѣленія племенной особенности населенія. Обычай носить вабитцый упрямень, правда,

¹⁾ Очерки русской исторической топографіи, стр. 146.

²⁾ Нахъ р. Пиуту, въ могильникѣ Іанку въ Копытцѣ, Сурожскому у., найдены 24 вещи, такъ что можно въ этомъ пунктѣ находить на Новозыбковск. р., который разсѣкаетъ почти 943 г.

существовать у сѣверянъ и дреговичей, но у нихъ употреблялись для этого проволочныя кольца (какъ употреблялись они у другихъ славянскихъ племенъ, не исключая и радимичей), семилопастныя же привѣски съ дужками найдены, кромѣ Ипути, и на другихъ притокахъ Сожи, тогда какъ не встрѣчаются ни въ Подесеньи, ни въ Полѣсьи.

П. Еременко.

III. Курганы, раскопанные П. М. Еременкомъ въ Суражскомъ уѣздѣ.

Въ 1891 и 1894 гг. П. М. Еременко произвелъ раскопки въ 15 курганныхъ группахъ Суражскаго у., причемъ подвергнуто изслѣдованію было всего 160 кургановъ, именно: 7—при с. Высокомъ, 10—при с. Ляличи, 27—при с. Вязовичи, 19—при с. Казаричи, 11—при с. Смяличъ, 9—при д. Холѣвичи, 9—при с. Коржевкѣ, 10—при д. Чертовицы, 10—при д. Голубовкѣ, 5—при д. Нов. Новицкой, 10—при д. Поповкѣ, 6—при с. Антоновкѣ, 10—при с. Батуровкѣ и 17—при мѣст. Попова Гора. Всѣхъ курганныхъ группъ въ Суражскомъ у. г. Еременкѣ извѣстно 60 и, кромѣ того, онъ имѣетъ свѣдѣнія о 23 городищахъ, изъ которыхъ 44 курганныя группы и 18 городищъ имъ осмотрѣны лично.

Перечисленныя мѣстности находятся по теченію р. Ипути (пересекающей уѣздъ изъ угла въ уголъ), или же по ея притокамъ. Въ описываемыхъ курганахъ замѣчается вообще столь сильное стремленіе держаться какъ можно ближе къ водѣ, что они иногда выходятъ прямо на заливную равнину, и весьма рѣдко ихъ можно встрѣтить на разстояніи одной или нѣсколькихъ верстъ отъ воды.

Курганы располагаются довольно большими группами—отъ 50 до 100 и болѣе насыпей въ каждой. Среди кургановъ обычной, т.-е. круглой, формы изрѣдка попадаются продолговатые, расположенные отъ З. къ В. или отъ С. къ Ю.; повидимому, это исключительно насыпи съ двойнымъ погребеніемъ. Средняя высота кургановъ имѣетъ два предѣльные размѣра: $1\frac{1}{2}$ — 2 арш. и выше 3 арш. Высокіе курганы попадаются несравненно рѣже; не заключаютъ-ли они, по аналогіи съ курганными погребеніями другихъ славянскихъ мѣстностей, преимущественно мужскія погребенія—того мы пока не знаемъ. Самый высокій курганъ имѣлъ въ вышину 4 арш. 2 в. (с. Ляличи, гдѣ оказалось вообще много высокихъ насыпей). Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ рѣшить во-

простъ увеличивалась или уменьшалась высота Суражскихъ кургановъ въ разные періоды времени: на основаніи имѣющихся данныхъ можно съ нѣкоторою осторожностью высказать, что позднѣйшія курганы на- сипи убада, повидимому, въ общемъ нѣсколько большей высоты, чѣмъ болѣе древнія. Что можно утверждать положительно, такъ это то, что болѣе ранніе курганы бывають окружены прерывающимися рѣзками или канавами, которыхъ у позднихъ курганныхъ насыпей уже не замѣчается.

Раскопанные доселѣ Суражскіе курганы принадлежать тому времени, когда прежній обрядъ погребенія — труносожженіе — рязимитами былъ почти уже совершенно оставленъ. Среди изслѣдованныхъ г. Еременкомъ 160 кургановъ *труносожженіе* оказалось лишь въ трехъ, которыми мы и должны заняться прежде, какъ древнѣйшими. Въ курганѣ № 71¹⁾ выше поверхности земли, и не въ центрѣ насыпи, а ближе къ восточной окружности, найденъ струженный костеръ изъ крупныхъ углей, имѣющій длиною 1¹/₂ арш., толщиною 2¹/₂ четв.; въ срединѣ костра пережженные кости человѣка и среди нихъ славившіяся мѣдныя вещицы. Въ основаніи кургана № 141 (Батуровка) шелъ слой золы въ 2 в. толщиною; въ западной сторонѣ, нѣсколько выше поверхности, куча угля и въ ней пережженные кости. Въ основаніи кургана № 148 (Попова Гора) лежалъ сѣрый слой песку съ мелкими угольками, а на немъ отдѣльныя пережженные косточки человѣка, расположенныя сообразно ихъ положенію въ скелетѣ; между костями попадаются угли. Надъ костякомъ бревенчатый срубъ 3¹/₃ арш. длины и 1 арш. 6 в. ширины изъ бревенъ, имѣющихъ до 9 в. въ обрубѣ; надъ головой тонкое бревно вкось, сверху сруба прослойка древесной гнили около 1 в. толщины. Основываясь на изложенныхъ немногихъ данныхъ, относительно кургановъ съ труносожженіями данной мѣстности можемъ заключить: 1) что въ основаніи такихъ кургановъ прелѣтаетъ слой золы, или же смѣшанной съ золою земли, 2) что труно сожигался на самомъ мѣстѣ кургана, причемъ кострище или оставлялось на мѣстѣ до полного стораанія и уже тогда, въ истронутомъ видѣ, засыпалось землею, или же угли и кости съ тлѣющаго еще костра струживались въ кучу (быть можетъ, для того, чтобы тѣмъ ускорить совершенное сторааніе органическихъ веществъ), и забрасывались землею нѣкоторое время спустя. Способъ погребенія совершенно лsenъ, и происхожденіе золыиго слоя, идуиаго въ основаніи насыпей, врдѣ-изъ сомнительно; это остатки сторааннаго костра.

¹⁾ Номера кургановъ сдѣланы по плану г. Еременка, хранящемуся въ архивѣ Императ. Археологической Комиссіи.

Но обычный и почти исключительный для Суражских кургановъ обрядъ погребенія есть *погребеніе на уровнѣ поверхности земли*. Изъ 160 раскопанныхъ кургановъ онъ наблюдается въ 150 случаяхъ. Въ этихъ погребеніяхъ костякъ обыкновенно лежитъ на слоѣ зола или зольной земли, и часто прослойками зола же присыпанъ бываетъ сверху. О такомъ зольномъ слоѣ намъ придется сказать подробнѣе, такъ какъ происхожденіе его можетъ быть объясняемо двояко.

Итакъ, въ основаніи большинства Суражскихъ кургановъ проходитъ, до самой окружности насыпи или до окружающаго ее рва, особый слой, въ которомъ г. Еременко различаетъ троякій составъ: зола, сѣрая земля и слой зола, смѣшавшейся съ пескомъ, или слой песку, смѣшавшагося съ золой ¹⁾. Такой слой залегаетъ въ основаніи кургана толщиною до 2 в., иногда больше, иногда меньше, а то и тонкой прослойкой, всегда въ срединѣ толще, къ концамъ тоньше ²⁾, но вообще онъ идетъ ровно. Исслѣдователь Суражскихъ кургановъ склоненъ думать, что слой зола подсыпался на мѣсто предъ погребеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть данныя, говоряція въ пользу такого предположенія, и прежде всего — массивность зольнаго слоя и чистота его состава. Нужно много времени, чтобы образовать зольный слой 2—3 в. толщины и 30—50 арш. въ окружности, да еще, кромѣ того, цѣлый слой насыпать надъ костякомъ сверху, почему, казалось бы, естественнѣе думать, что на мѣсто кургана высыпалась уже готовая зола. Далѣе—если бы зола въ курганѣ получалась отъ сгоранія кострища, то въ составъ ея должны бы войти большіе и малые угли и даже прямо обрубки дровъ, между тѣмъ какъ въ очень немногихъ курганахъ примѣтны слабые или болѣе значительные слѣды углей. Въ курганѣ № 129 подъ костякомъ оказался лишь тонкій прослойкъ зола, а надъ нимъ, на $\frac{1}{2}$ арш. выше, лежалъ слой зола значительной толщины: допустить, что здѣсь зола была отгребена со средины кострища, чтобы послѣ прикрыть ею костякъ сверху,—значить, придать этому случаю слишкомъ изысканное толкованіе. Въ шести курганахъ совсѣмъ не оказалось зола *подъ* костяками, и въ тоже время въ нихъ лежала зола *надъ* скелетами, въ одинъ и нѣсколько слоевъ (№ 44, 114, 119, 122, 145 и 157): откуда же взялась эта зола, если раскопкой обнаружено, что въ курганѣ не было кострища? Изъ числа этихъ шести насыпей въ двухъ (№ 44 и 145) костяки ле-

¹⁾ Точнаго опредѣленія этимъ терминамъ г. Еременко не даетъ, да, можетъ быть, и невозможно его дать.

²⁾ Въ курганѣ № 78 толщина слоя въ центрѣ насыпи имѣла 4 в.; въ курганѣ № 140 слой въ срединѣ имѣлъ 3 в. толщины, къ окружности 1 в.

жали даже прямо на черной, т.-е. дерновой землѣ. Какъ ни рѣшительны, повидимому, приведенныя соображенія, все основаніе считать болѣе вѣроятнымъ, что зола, лежащая въ основаніи Суражскихъ кургановъ, получалась на самомъ мѣстѣ насыпи отъ кострищъ. Во первыхъ, такіе зольные слои встрѣчаются въ курганахъ Суражскихъ древнѣйшихъ, съ трупосожженіями, гдѣ, какъ замѣчено выше, они составляютъ остатки отъ сгорѣвшаго тутъ же костра. Во-вторыхъ, если и допустить, что зола была приносима на мѣста насыпей въ готовомъ видѣ, то этого нельзя рѣшиться утверждать ни про сѣрую землю, ни про землю, смѣшанную съ золою и даже углемъ, которая во многихъ курганахъ замѣняютъ зольный слой. Въ-третьихъ, въ одномъ изъ кургановъ (№ 40) найдено вполне убѣдительно доказательство того, что на площадкѣ самаго кургана разводимъ былъ костеръ: здѣсь костки лежали, повидимому, на голой землѣ и сверху на него брошена масса горячаго угля, отъ котораго обгорѣли кости ногъ скелета. Переносить габющій уголь со стороны врядъ-ли было удобно и естественно; проще было соорудить костеръ тутъ же на мѣстѣ и перекинуть съ него угли на трупъ, если уже это почему-то казалось нужнымъ. Другой случай: въ курганѣ № 76 кромѣ спущаго въ основаніи слоя золы найдено на с.-в. сторонѣ кострище изъ угля и золы площадью $2 \times 3\frac{1}{2}$ арш. и толщиною 8 в.: могъ-ли быть принесены сюда уголь со стороны, и не проще-ли думать, что устроители описываемаго кургана не дождались совершеннаго сгорания разведеннаго ими костра, и остатки углей, чтобъ очистить мѣсто для трупа, собрали въ одну кучу, которую потомъ и засыпали вмѣстѣ съ покойникомъ? Даже мы увидимъ, что иногда подъ самими костяками находятъ угли, въ нѣсколькихъ случаяхъ даже въ массахъ: не видѣть-ли въ этихъ угляхъ скорѣе остатки кострища, чѣмъ своеобразную угольную подстилку? Массивность зольнаго слоя Суражскихъ кургановъ можетъ быть объяснена усердиемъ лицъ, производившихъ погребеніе, а кромѣ того, пожалуй, породами лѣса, сожженнаго на кострищѣ, и свойствами тропъ, — известно, что сухое, слегка иструпившее дерево даетъ много золы. Чистота состава золы легко можетъ быть объяснена поднятіемъ сгорающимъ костра; да и не всегда же зола чиста: такъ „зольный слой, смѣшанный съ значительнымъ количествомъ угля“, замѣченный въ нѣсколькихъ курганахъ, скорѣе могъ образоваться прямо на мѣстѣ. Если въ нѣкоторыхъ курганахъ оказалось, что скелеты лежали прямо на землѣ, безъ всякаго слоя, а сверху надъ ними насыпанъ слой золы, то это еще не значитъ, что зола принесена была со стороны: костры

могъ быть разложенъ и не по всему основанію кургана, а лишь въ части его. Правда, зольная подсыпка уже была встрѣчена подъ скелетами, именно въ Волынскихъ курганахъ, но здѣсь зола имѣетъ вполнѣ определенный характеръ подстилки и ложа для покойника и ограничена размѣрами человѣческаго роста. Для Суражскихъ кургановъ мы имѣемъ другую, болѣе подходящую аналогію, именно въ курганахъ Приладожскихъ и Петербургскихъ. Тамъ въ основаніи насыпей также проходятъ зольные слои, иногда еще болѣе массивные; но въ мѣстномъ образованіи ихъ нѣтъ сомнѣній. Весьма было бы желательно имѣть свѣдѣнія, не замѣчается-ли въ Суражскихъ курганахъ подъ слоемъ золы слѣдовъ дѣйствія огня которые обыкновенно очень отчетливо означаются на песчаной почвѣ; въ отчетахъ о произведенныхъ въ нихъ раскопкахъ такихъ свѣдѣній мы пока не находимъ.

Другую особенность Суражскихъ кургановъ составляютъ слои золы (отъ одного до пяти), неправильно проходящіе въ насыпи надъ скелетомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Изъ 52 кургановъ, имѣющихъ въ основаніи зольный слой, такіа прослойки встрѣчены въ 26, т.-е. ровно въ половинѣ. Одновременно описанныя прослойки съ сооруженіемъ кургана, или же нѣкоторыя изъ нихъ присыпались послѣ, мы не знаемъ, какъ не знаемъ размѣровъ и вида этихъ прослоекъ.

На основаніи предъидущаго, способъ сооруженія Суражскихъ кургановъ интересующаго насъ типа можно представлять въ слѣдующемъ видѣ. На площадкѣ діаметромъ отъ 3-хъ до 5-ти саж. разводился, какъ остатокъ прежняго обычая сжигать трупы, болѣе или менѣе значительный костеръ, на который повидимому, ничего не помѣщали и который доводили до полного сгорания. На образовавшійся зольный слой, совершенно остывшій, полагался трупъ, который сперва присыпался землею, потомъ слоемъ золы и вообще остатками отъ костра, и, наконецъ забрасывался до желаемой высоты землею. Кругомъ образовавшейся насыпи, въ древнѣйшихъ погребаніяхъ, оставались рвы съ мостиками или премышками.

Въ видѣ дополненія къ изложенному, помѣщаемъ извлеченныя изъ отчета о раскопкахъ нѣкоторыя подробности о составѣ тѣхъ кургановъ, въ основаніи которыхъ пролегаетъ слой золы. Въ курганѣ № 73 слой золы съ углемъ встрѣченъ выше скелета на 6 в., въ курганѣ № 75 такой же слой лежалъ выше костяка на $1\frac{3}{4}$ арш., въ курганѣ № 27 и 85 слой золы лежалъ на 7 и 8 в. отъ костяка, а въ курганѣ № 78 слой золы до 1 в. въ толщину находится надъ самымъ гробомъ. Въ курганѣ № 68 слой золы въ основаніи имѣлъ въ толщину 2 и 3 в. и,

кроме того, масса золы находилась над скелетом. Над однимъ костякомъ лежали два слоя золы съ ю. стороны, въ другомъ курганѣ начиная съ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ костяка до самого верха насыпи попадались маленькія гнѣзда золы и крапинки углей. По нѣскольку неправильно лежащихъ зольныхъ прослоекъ (числомъ до пяти) лежало въ курганахъ № 121, 149 и 151. Въ курганѣ № 113 надъ проходящимъ въ основаніи зольнымъ слоемъ оказалась земля коричневаго цвѣта, а на высотѣ 1 арш. 6 в. лежалъ слой золы, смѣшанный съ пескомъ, толщиной въ срединѣ до 10 в., а по краямъ до 2 в. Въ курганѣ № 115 въ основаніи лежалъ только тонкій слой золы.

Слой „сѣрой земли“, замѣняющіе собою слой золы, встрѣчены въ основаніи 35 кургановъ, причемъ въ очень многихъ изъ нихъ, именно въ 15 случаяхъ, сѣрая земля была смѣшана съ угольками, изъ чего можемъ вывести заключеніе, что эта земля есть тоже продуктъ сгорания кострищъ. Въ курганахъ № 65 и 138 къ сѣрой землѣ примѣшаны гнѣзда золы. Въ сѣрой землѣ кургана № 38 оказалась „масса“ угля, и въ немъ же сверху костяка черезъ груду отъ лѣваго плеча къ правой поясницѣ положено обгорѣлое сосновое полѣно; трудно допустить, что это не остатки костра, а что-нибудь иное. Самый тонкій прослойкъ сѣрой земли встрѣченъ въ курганахъ № 65 и 138, а наиболѣе массивный — въ курганахъ № 91, 102, 105 и 142, въ которыхъ онъ имѣетъ 1, $1\frac{1}{2}$ и 2 в. толщины. Зольныхъ слоевъ поверхъ костяковъ въ курганахъ этого типа ни разу не встрѣчено (а это иногда могло бы быть, если бы зола приносилась для погребенія со стороны), за то въ курганѣ № 102, имѣющемъ въ основаніи смѣшанный съ угольками слой сѣрой земли толщиной въ 1 в., надъ грудью и головой скелета оказалась куча угля, — опять, по всей вѣроятности, остатки кострища. Не лишено интереса то обстоятельство, что въ курганахъ съ сѣрой землей въ основаніи вообще не находится никакихъ вещей; впрочемъ въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены богатые женскія погребенія съ семилопастными височными украшениями, что рѣшительно не позволяетъ курганы этого типа относить къ числу болѣе позднихъ и дѣлать нѣкоторое основаніе предполагать, что „сѣрая земля“ Сурожскихъ кургановъ есть результатъ сгорания кострищъ небольшого размѣра.

Въ пяти случаяхъ (№ 103, 104, 109, 110 и 112) вмѣсто зольнаго слоя въ основаніи курганныхъ насыпей проходитъ „сѣрый песокъ“, который, по замѣчанію П. М. Еремеева, представляетъ собою собственно не что иное, какъ слой золы, тѣмъ болѣе, что въ немъ иногда попадаются угольки. Толщина такого слоя доходить до 2 в.

Почти во всѣхъ перечисленныхъ пяти курганахъ кромѣ сѣраго песку въ основаніи залегаютъ надъ костякомъ слои чистой золы, а въ курганѣ № 112 надъ скелетомъ лежалъ слой смѣшанной съ пескомъ золы толщиной 3—4 в. (снова явные слѣды сожженного на мѣстѣ кострища).

Въ четырехъ случаяхъ въ основаніи кургановъ вмѣсто зольнаго слоя залегаетъ сѣрый или темный песокъ, смѣшавшійся съ золою, а иногда и съ углями (№ 108, 144, 147 и 159), а въ девяти—„слои золы, смѣшанной съ пескомъ и частью съ углемъ“ (№ 92—96, 98, 100, 140 и 160). Такіе слои вообще довольно массивны, и кромѣ нихъ въ курганахъ нерѣдко попадаются слои чистой золы надъ костяками, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Такъ, въ курганѣ № 146 надъ костякомъ лежало 5—6 слоевъ золы, смѣшивающихся одинъ съ другимъ: въ другихъ случаяхъ попадаетъ обыкновенно по одному слою. Въ курганѣ № 108 зола и угольки не лежали надъ скелетомъ въ видѣ слоя, а попадались гнѣздами отъ костяка до самаго верха насыпи.

Въ 5 случаяхъ не найдено остатковъ кострищъ по всему основанію кургановъ, а лишь угли, лежащіе подъ костякомъ, иногда въ массѣ, иногда только въ небольшихъ количествахъ (№ 26, 27, 30, 35 и 154); по всей вѣроятности, это также остатки костровъ, иногда, быть можетъ, сгруженные по срединѣ основанія насыпи и составившіе ложе для покойника. Надъ костякомъ, кромѣ отмѣченнаго выше случая (курганъ № 40), угли встрѣчены въ курганѣ № 33 и 50, въ одномъ случаѣ надъ голеньями, а въ другомъ въ видѣ мелкихъ гнѣздъ до верха насыпи.

Въ 5 курганахъ (№ 114, 119, 122, 145 и 157) вовсе не оказалось слѣдовъ кострища въ основаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ найдены слои золы, одинъ или нѣсколько, надъ костяками; иногда эти слои идутъ беспорядочно, иногда смѣшаны съ пескомъ. Выше высказано предположеніе, что въ этихъ случаяхъ зола могла быть добыта съ кострищъ, разложенныхъ не по срединѣ, а въ сторонѣ, въ какой-нибудь полѣ кургана.

Подводя итоги, находимъ, что остатки кострища, въ томъ или другомъ видѣ, изъ 150 суражскихъ кургановъ съ погребеніемъ на уровнѣ поверхности земли обнаружены въ 106 случаяхъ, что составляетъ болѣе 70%. Въ остальныхъ курганахъ покойники были положены прямо на голой землѣ. Въ общемъ, эти послѣдніе курганы несравненно бѣднѣе первыхъ, хотя въ то же время нѣтъ надежнаго основанія считать ихъ болѣе поздними.

Вотъ самое существенное относительно устройства суражскихъ

курганных насыпей съ погребеніемъ на уровнѣ поверхности земли. Что касается другихъ обрядовъ погребеній, въ нихъ наблюдаемыхъ, то въ видѣ характерной черты прежде всего приходится отмѣтить, что курганы съ такими погребеніями встрѣчаются въ Суражскомъ уѣздѣ очень рѣдко, именно они составляютъ всего около $7\frac{2}{3}\%$ общаго числа раскопанныхъ въ уѣздѣ кургановъ.

Погребенія въ ямахъ отмѣчаются только въ 8 изъ числа раскопанныхъ кургановъ. Глубина ямъ — отъ 1 арш. и меньше до 2-хъ арш.; форма ихъ не опредѣлена. Въ большинствѣ насыпей замѣтны слѣды разложенныхъ на мѣстѣ кургана костровъ, причемъ яма иногда вырыта предъ сожженіемъ кострища, а иногда на мѣстѣ костра, уже остывшаго. Не трудно перечислить и описать всѣ случаи погребенія въ ямахъ. Въ кург. № 13, 15 и 152 оказались ямы глубиной въ 1, $1\frac{1}{2}$ и 2 арш. Въ курганѣ № 8 костякъ лежалъ въ ямѣ, амбланой въ глубину $1\frac{1}{4}$ арш.; въ насыпи до верху изрѣдка попадались глыбы земли. Въ курганѣ № 24 яма имѣла въ глубину только 9 в.; недалеко отъ вершины насыпи куча угля $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и $\frac{1}{2}$ арш. въ толщину. Въ курганѣ № 76 яма имѣла въ глубину 14 в., въ ширину 1 арш. 4 в. и въ длину $3\frac{3}{4}$ арш.; костякъ лежалъ на слой земли до 1 в. толщины и такой же слой шелъ въ основаніи кургана, а въ с.-в. полѣ насыпи найдены остатки кострища изъ угля и земли, измѣющаго 2 арш. ширины, $3\frac{1}{2}$ арш. длины и до 8 в. толщины. Въ курганѣ № 107 яма имѣла $\frac{1}{2}$ арш. глубины и въ основаніи насыпи шелъ тонкій слой сѣраго песку со слабыми слѣдами угля. Въ курганѣ № 133 костякъ лежалъ въ ямѣ $\frac{1}{2}$ арш. глубиной; подъ костями найдены слой коричневой земли ¹⁾; надъ костякомъ по всей высотѣ насыпи земля.

Погребенія въ насыпи выше поверхности земли встрѣчены лишь въ двухъ курганахъ. Въ курганѣ № 13 на высотѣ 2 арш. обнаруженъ костякъ, лежащій на слой земли; подъ же мѣстами попадаетъ и надъ костями. Въ курганѣ № 133 скелетъ лежалъ на тонкомъ слой земли, на высотѣ $\frac{1}{2}$ арш. Образъ погребенія ясный, но остается непонятнымъ, были-ли въ основаніи ямы въ двухъ курганахъ остатки кострища, или же та земля, на которую положены покойники, получена съ кострища, сооруженнаго уже послѣ того, какъ для гроба изготовлено было ложе изъ земли.

Оба описанные обряда погребенія встрѣчены и въ болѣе позднихъ и въ болѣе древнихъ суражскихъ курганахъ, такъ что имѣющіеся въ нихъ

¹⁾ Единственное измѣненіе у насъ указываетъ на перестроеніи въ ямѣ погребенія.

распоряженіи небольшой матеріалъ не дастъ возможности составить предположенія, который изъ нихъ можно бы признать болѣе старымъ.

Преобладающее въ суражскихъ курганахъ положеніе костяковъ—головою на З., какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ скелетовъ; но несомнѣнно, что однообразіе въ этомъ обрядѣ погребенія сложилось лишь со временемъ и что въ началѣ покойники - мужчины полагались головою на В. Изъ 153 случаевъ, въ которыхъ положеніе костяковъ могло быть опредѣлено, въ 116 скелеты лежатъ головою на западъ, иногда съ отклоненіемъ на С. и Ю., въ 36 случаяхъ на В. и въ 1 случаѣ (женское погребеніе) на С. Изъ 61 мужскихъ костяковъ 36 лежатъ головою на В. и 25 — на З. Въ двойныхъ погребеніяхъ, встрѣченныхъ въ курганахъ № 36 и 39, мужскіе скелеты положены головою на В., женскіе на З. Всѣ костяки лежатъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями. Въ курганахъ № 3 и 7 правая рука костяковъ согнута въ локтѣ и подогнута къ плечу; 5—6 другихъ случаевъ исключенія изъ общаго правила можно не принимать во вниманіе. Голова лежитъ прямо, но нерѣдко подъ давленіемъ земли мѣняетъ свое положеніе.

Во всѣхъ суражскихъ курганахъ встрѣчено по одному погребенію, кромѣ кургановъ №№ 33, 36 и 39, раскопанныхъ близъ с. Вязовичи и кургана № 12 (с. Ляличи), гдѣ оказалось по два костяка, одинъ мужской, другой женскій; въ послѣднемъ случаѣ найдено погребеніе взрослого съ ребенкомъ, кажется, мужчины съ дѣвочкой. Въ курганахъ №№ 24, 90, 134 и 160 вовсе не оказалось костяковъ, но остатки кострищъ въ нихъ во всѣхъ имѣются.

Очень часто встрѣчаются слѣды погребенія въ деревянныхъ гробахъ. Болѣе ясные остатки гробовищъ встрѣчены въ курганахъ №№ 4, 9, 10, 43, 65, 74, 76, 111, 118, 128, 133 и 154. Лучше всего сохранился гробъ въ курганѣ № 76. Здѣсь онъ совершенно глухой и составленъ изъ досокъ, повидимому, ничѣмъ не скрѣпленныхъ другъ съ другомъ. Боковыя доски имѣютъ въ длину $2\frac{1}{2}$ арш., по росту скелета, и, кромѣ того, выступаютъ за поперечныя доски на $\frac{1}{4}$ арш. на каждомъ концѣ; поперечныя доски имѣютъ въ длину 8 в. (?), а въ толщину 1 в. Ширина боковыхъ и поперечныхъ досокъ, насколько онѣ сохранились -- 4 и $4\frac{1}{2}$ в.; толщина продольныхъ досокъ 2 в., а верхнихъ $1\frac{1}{2}$ в. Длина гробовищъ другихъ кургановъ—2 арш. 3 в., 3 арш. и $3\frac{1}{2}$ арш., ширина—7, 9, $10\frac{1}{2}$, 13 в. и 1 арш. 3 в.; видимо, гробы дѣлались тѣсные. Въ 5 случаяхъ встрѣчены доски сверху, въ 4—сверху и снизу, въ одномъ—снизу; другихъ случаевъ съ ясными слѣдами по-

гребени межь досками можно насчитать 44, а всего больше и меньше ясныхъ слѣдовъ погребеній въ гробу или доскахъ въ Суражскихъ курганахъ встрѣчено 66. Число это необходимо уяснить, такъ какъ во многихъ курганахъ переро могло истѣть безъ остатка. Въ курганѣ № 148, какъ мы видѣли выше, нать сожженнымъ труномъ устроена была особый бревенчатый гробъ. Никакихъ металлическихъ скрѣпъ или гвоздей отъ гробовицъ въ Суражскихъ курганахъ не встрѣчено.

Основываясь на анализѣ находокъ, а также на соображеніи, что костяки, положенные головою на В., принадлежали мужчинамъ, въ раскопанныхъ г. Еременкомъ курганахъ мы находимъ 61 мужское погребеніе, 65 женскихъ, и 37 погребеній остаются неопредѣленными.

Присоединяемъ краткое описаніе тѣхъ курганныхъ группъ, въ которыхъ произведены были г. Еременкомъ раскопки.

С. Великое. Въ лугахъ р. Ипути на удлиненномъ возвышеніи расположено свыше 60 кургановъ, изъ которыхъ 11 съ распаханными боками, 2 цѣлыя, а остальные распаханы почти до основанія. Раскопанные курганы оказались поздними и настолько бѣжными, что изъ 7 изслѣдованныхъ насыпей вещи найдены лишь въ одной, и то незначительныя. Золы и угля въ курганахъ с. Великого вовсе не встрѣчено, и лишь въ двухъ оказался слой сѣрой земли.

С. Лиличи. Двѣ группы кургановъ, обѣ близъ поймаго луга: въ одной 50, въ другой 57 насыпей, вполнѣ уцѣлѣвшихъ. Въ этихъ группахъ встрѣчены наиболѣе высокіе курганы. Погребенія тоже не богаты, и въ половинѣ раскопанныхъ кургановъ не найдено ни золы, ни углей.

С. Вязовичи. На ровной площади, по правую сторону р. Ипути, на выгонѣ, большою частью подъ зарослями, расположена группа изъ 59 кургановъ, имѣвшая прежде, по всей вѣроятности, въное большое количество насыпей. Большинство кургановъ имѣтъ 30—35 арш въ окружности, наибольшій до 40, а наименьшій до 17 арш. Во Вязовичскихъ курганахъ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, встрѣщаются въ основаніи насыпей слой сѣрой земли; здесь же часты слѣды гробовъ и найдено нѣсколько костяковъ на массѣ угля. Нать погребеній могутъ быть названы богатыми, но зато и раскопано здѣсь кургановъ болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, именно 27.

С. Казаричи. Курганы, въ числѣ 93, расположены на возвышеніи, входящемъ въ заливающую долину р. Ипути; до 50 насыпей совершенно распаханныхъ. Въ основаніи кургановъ слѣды кострищъ рѣзки, они вообще не богаты и могутъ быть причтены къ болѣе позднимъ.

С. Смяличь. Группа изъ 98 сохранившихся кургановъ, расположенныхъ надъ луговой равниною Ипути и поросшихъ дубками. Курганы старше и богатые. Обильные остатки кострищъ, кругомъ насыпей канавки, случай трупосожженія.

Д. Холѣвичи. Группа, приблизительно, изъ 93 кургановъ, расположена частью на кладбищѣ, частью въ березовой рошѣ въ 1 в. отъ Ипути. Открыто мало женскихъ костяковъ, но несомнѣнно, что курганы древни и богаты. Часты погребенія въ гробахъ.

С. Коржевка. Группа состоитъ изъ 33 цѣлыхъ и 23 распаханыхъ кургановъ и находится на спускѣ въ луга р. Унечи. Погребенія старыя.

Д. Чертовичи. Два кургана въ концѣ деревни, 14 въ разстояніи 1 в. влѣво отъ Клинецвской дороги и группа до 90 кургановъ (изъ которыхъ 60 цѣлые) на половинѣ разстоянія между Чертовичами и Клиндами. На ровномъ мѣстѣ, вблизи рѣки нѣтъ. Довольно часты погребенія въ гробахъ.

Д. Голубовка. На крутомъ спускѣ къ рч. Туроснѣ, частью на кладбищѣ, частью въ кустарникѣ и поляхъ группа 104 кургановъ. У сохранившихся насыпей примѣтны кругомъ канавки съ перехватами. Находки въ раскопанныхъ курганахъ сравнительно не богаты, но относятся къ числу болѣе старыхъ.

Д. Новая Новицкая. 13 цѣлыхъ и 9 распаханыхъ кургановъ въ 3-хъ в. отъ деревни, вдали отъ рѣчки. Есть большіе курганы 40—50 арш. въ окружности. Раскопано было лишь малое количество насыпей.

Д. Поповка. 18 цѣлыхъ, 11 полуразрушенныхъ и 32 распаханыхъ кургановъ верстахъ въ 2-хъ отъ деревни, близъ небольшого озера. Женскихъ погребеній раскопано мало.

С. Антоновка. Небольшая группа кургановъ (10 цѣлыхъ и 7 распаханыхъ) надъ р. Бесѣдью. Много богатыхъ женскихъ погребеній; остатки кострищъ часты.

С. Батуровка. У р. Бесѣди расположено 30 цѣлыхъ и 7 развѣянныхъ кургановъ. Наибольшій курганъ имѣетъ 76 а. въ окружности, около половины средняго размѣра (30—40 а. въ окружн.) и остальные малые (20—30 а. въ окружн.). Кругомъ большихъ и среднихъ кургановъ канавки. Характеръ группы не опредѣлился.

С. Батуровка. Въ $\frac{1}{2}$ в. другая группа кургановъ, состоящая изъ 38 цѣлыхъ и 8 развѣянныхъ насыпей. Размѣры кургановъ тѣ же. Встрѣчено трупосожженіе, и вообще, кажется, что эти курганы старыя.

М. Попова Гора. Въ 2-хъ в. отъ мѣстечка, перпендикулярно р. Бесѣди на разстояніи 1 — 1½ в. разбросано до 112 курганныхъ насыпей, среди которыхъ насчитано 32 цѣлыхъ. Окружность наибольшей насыпи 62 а. Курганы старше и богатые.

Уроч. Боровина, въ ¼ отъ Поповой Горы. 8 цѣлыхъ и 12 обиханныхъ кургановъ. Женскихъ костяковъ найдено мало. Слой въ основаніи насыпей разнообразенъ и вообще группа не имѣетъ опредѣленнаго характера.

Итакъ, къ числу болѣе древнихъ кургановъ мы относимъ курганы насыпи, раскопанныя близъ Смилей, Холмичей, Коржеев, Чертовичей, Голубовки, Антоновки и Поповой Горы. Они отличаются обиліемъ остатковъ кострищъ, а также богатствомъ погребеній и нѣсколько отличнымъ характеромъ находокъ, о чемъ сказано будетъ далѣе.

А. С.

IV. Вещи изъ раскопокъ П. М. Еременка въ курганахъ Новосыльковскаго и Суражскаго уѣздовъ

Указывая нѣкоторыя отличія въ обрядахъ погребеній, замѣчаемыя между курганами р. Инути и Снови, П. М. Еременко считаетъ болѣе естественнымъ объяснить ихъ разность въ племенномъ влеченіи береговъ той и другой рѣки въ X — XI в. Трудно согласиться съ такимъ предположеніемъ. Различіе между тѣми и другими курганами столь несущественно, а разница между курганами р. Снови и Десны столь примѣтна, какъ въ обрядахъ погребенія, такъ и въ могильномъ инвентарѣ, что курганы по Снови можно приписать также различнымъ, отнесши ихъ къ болѣе позднему времени, напр., XI в. можетъ быть, отчасти къ XII в. Въ курганахъ, расположенныхъ на р. Снови близъ д. Гетманская Буда, найдены семидесятиная височная подбѣска, а въ курганахъ тина р. Снови заходятъ на Инуть (Гулевка, Манюхи, Лавичи) курганы близъ д. Большой Щербиничи составляютъ переходную ступень между тѣми и другими. На этомъ основаніи, въ общемъ перелѣ вещей изъ раскопанныхъ П. Еременкомъ кургановъ мы считаемъ извѣстнымъ предметы изъ курганныхъ насыпей р. Снови выдѣлять въ отдѣльную группу, какъ вещи одной и той же культуры.

Время древнѣйшихъ изъ раскопанныхъ П. Еременкомъ кургановъ приблизительно опредѣляется датированіемъ 913 г., найденнымъ при одномъ погребеніи близъ д. Казаричи, и аналогіей съ такими же курганами другихъ мѣстностей, гдѣ найдены были монеты также первой

половины X в. Пасколько культура этих курганов уходила в XI в., мы не имеем возможности судить, но, по всей вероятности, она захватывала лишь часть этого века. Выборъ предметовъ въ древнѣйшихъ радимичскихъ курганахъ сравнительно богатъ и разнообразенъ.

Самый характерный предметъ древнѣйшихъ радимичскихъ погребеній, нигдѣ болѣе не встрѣчаемый—мѣдныя семилопастныя височныя кольца (табл. II, 7). Лопасты суживаются и имѣютъ на концѣ плоскую горошину; по верхнему краю лопастной пластинки идетъ 7 зубчиковъ. Подвѣски эти иногда орнаментированы (табл. II, 6), а въ большинствѣ случаевъ гладки. Тѣ же подвѣски изрѣдка встрѣчаются съ лопастями въ формѣ какихъ-то растительныхъ отростковъ *). Въ тѣхъ же курганахъ встрѣчаются и другіе типы височныхъ колецъ: 1) спиральныя проволочныя подвѣски, очень характерныя для сѣверянскихъ кургановъ, а въ радимичскихъ попавшіяся, кажется, всего 2—3 раза (табл. II, 5); 2) проволочныя кольца средней и большей величины, иногда съ завиткомъ на концѣ (табл. II, 2 и 12); 3) часто встрѣчаемыя небольшія тонкія колечки (табл. II, 8). Встрѣченъ экземпляръ довольно большого проволочнаго височнаго кольца (до 1 вершка въ діаметрѣ) съ рѣзкимъ эсвиднымъ завиткомъ на концѣ. Височныя подвѣски есть принадлежность исключительно женскаго наряда. Радимички видимо любили щеголять такими подвѣсками и очень часто носили ихъ по нѣскольку, напр. по 3, по 4, по 5 и по 6; въ этихъ случаяхъ выбирались обыкновенно кольца разнородныя (особенно часто семилопастныя съ маленькими проволочными), нанизывались на кожаную ленту и прикрѣплялись въ такомъ видѣ къ головному убору. Симметріи въ размѣщеніи подвѣсокъ по правой и лѣвой сторонѣ головы не наблюдалось; иногда на одной сторонѣ вовсе нѣтъ подвѣсокъ, а на другой ихъ видимъ по 4 и по 6. Въ курганахъ позднѣйшихъ совсѣмъ не встрѣчается семилопастныхъ височныхъ колецъ, а остальные типы (преимущественно кольца малыя проволочныя) попадаются рѣже и въ меньшемъ количествѣ.

Серьги рѣдки. Вотъ ихъ немногіе типы: 1) проволочныя мѣдныя колечки съ напущенными на нихъ бусами (табл. II, 10), 2) маленькое колечко съ эсвиднымъ завиткомъ (табл. II, 1), 3) серьги съ филигранными бусами. Сережекъ встрѣчено лишь нѣсколько экземпляровъ: очевидно, при височныхъ кольцахъ онѣ казались излишними.

Между шейными гривнами есть характерныя, принадлежащія, на-

---

*) Ихъ изображеніе см. въ статьѣ г. Турбина (Древности, т. VIII).

сколько из сих порь известно, исключительно ратимичскими курганами: пластичатыя на двѣ грани, ornamentированныя чеканными или вылитыми узорами въ видѣ треугольника съ толками внутри, и украшенныя мѣдными или оловянными розетками на концахъ (табл. V, 8). Точно также, кажется, только въ этихъ курганахъ встрѣчены тонкія витыя шейныя гривны съ гранчатыми колбочками на концахъ, встрѣчающіяся здѣсь очень часто (табл. V, 6 и 7). Еще встрѣчено нѣсколько экземпляровъ круглыхъ, гладкихъ и витыхъ шейныхъ гривонъ не изъ мѣди, а изъ какого-то серебристаго металла, очень дурно сохраняющагося, и гривны желѣзныя. Вообще шейныя гривны встрѣаются лишь въ богатыхъ женскихъ погребеніяхъ и очень рѣдко по 2 или особенно по 3 экз. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, одна гривна лежитъ на шеѣ, а другая на какой-нибудь иной части тѣла или крутомъ голени. Шейныя гривны найдены всего при 17 костякахъ; кажется, что онѣ встрѣчаются одинаково часто и въ болѣе древнихъ, и въ болѣе новыхъ погребеніяхъ, и въ послѣднихъ даже едва-ли не болѣе часто.

Ожерелья изъ бусъ и разныхъ подвѣсокъ были въ большомъ ходу, и въ составленіи ихъ ратимички проявляли много вкуса. Изъ 65 женскихъ погребеній Суражскихъ кургановъ бусы встрѣчены въ 50, изъ которыхъ 19 относятся къ старымъ курганамъ, а остальные къ новѣйшимъ.

Наиболѣе изящныя ожерелья—старыя: они набираются изъ 1 или 2-хъ нитокъ мелкихъ разноцвѣтныхъ (темныхъ, черныхъ, желтыхъ, бурыхъ, синихъ, зеленыхъ) бусъ, преимущественно прозрачныхъ, а между бусами наизящныя красивыя подвѣски, о которыхъ сказано будетъ ниже. При этомъ заботливо избѣгаютъ пестроты и выбираютъ бусы и подвѣски болѣею частью однородныя. Кромѣ указанныхъ бусъ встрѣчается много другихъ типовъ:

1) позолоченныя и (рѣже) посеребренныя бусы, цилиндрическія и бочковидныя, съ каймой по краямъ, двухъ величинъ—средній и малой;

2) сердоликовыя: большія гранчатыя съ прямыми гранями, гранчатыя удлиненныя съ суживающимися концами (чаще), гранчатыя малыя и большія квадратной формы;

3) янтарныя (рѣдки): гранчатыя удлиненныя съ сужившими концами и круглыя;

4) аметистовыя продолговатыя, неправильной формы (рѣдко);

5) хрустальныя: гранчатыя прямая продолговатыя, гранчатыя въ видѣ сдвоеннаго шарика;

6) агатовыя, большія гранчатыя продолговатыя (рѣдки);

7) довольно крупныя посеребренныя съ рядами точекъ на поверхности;

8) рубчатая, цилиндрическія и круглыя, посеребренныя, синія и голубыя, средней величины;

9) бурья, — продолговатыя, гранчатая и круглыя;

10) малыя вишневая и зеленая, круглыя;

11) темныя и черныя съ 3 большими, выступающими съ боковъ желтыми глазками, и такія же боченковидныя съ желтой полоской посрединѣ;

12) малыя коричневыя съ бѣлыми глазками въ черной каймѣ (рѣдки);

13) синія въ видѣ параллелоипеда съ ромбическими желтыми вставками на бокахъ (рѣдки);

14) цилиндрическія средняго размѣра, сложенныя изъ черныхъ и бѣлыхъ линій зигзагами;

15) тщательно выдѣланныя изъ какой-то темно-зеленой массы, средней величины, съ острою поперечною гранью;

16) мѣдныя: проволочныя и ленточныя спирально свернутыя трубочки, цилиндрики, свернутые изъ обломковъ перстней.

Подвѣски къ ожерельямъ изящнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ курганахъ другихъ древне-русскихъ областей:

1) лунницы средняго размѣра, орнаментированныя поставленными подъ угломъ линіями и треугольниками изъ точекъ (табл. III, 13); есть очень маленькія подвѣски-лунницы (табл. III, 5);

2) круглыя подвѣски, орнаментированныя: розеткой изъ зернчатыхъ треугольниковъ и шариками вокругъ (табл. III, 12), лунницей и шариками (табл. III, 9), крестомъ (табл. III, 8), головкой быка при зернчатыхъ пирамидкахъ и шарикахъ (табл. III, 11), простой розеткой, и нѣкоторыя другія, извѣстныя намъ изъ раскопокъ въ смоленскихъ курганахъ;

3) подвѣски въ видѣ петель и челночковъ (табл. III, 7 и 10); послѣднія по лицевой сторонѣ имѣютъ иногда грань;

4) маленькіе бубенчики, складывающіеся изъ двухъ половинокъ (табл. III, 15 и 16); такіе бубенчики набирались на ожерелье обыкновенно въ большемъ количествѣ, вмѣстѣ съ маленькими бусами;

5) обычнаго типа брактеаты изъ бѣлаго металла, довольно большіе, но всегда плохой сохранности; рисунокъ на нихъ въ видѣ руническихъ буквъ, одноглаваго орла и схематическихъ знаковъ въ видѣ буквъ;

6) раковинки *Сургааа шенета*, въ очень небольшомъ количествѣ;

7) зубы волка или собаки, въ видѣ амулета;

8) разнообразныя кресты: четырехконечный съ выступами въ средокрестіи, украшенный желтою эмалью (табл. III, 18; съ ямъ мѣста 913 г.), плоскіе орнаментированные кресты большихъ размѣровъ (табл. III, 13; такихъ крестовъ попадается до 8 на ожерелье) и малые четырехконечные (табл. III, 6); кресты встрѣчены не только на груди, въ составѣ ожерелья, но также на животѣ и на тазу костякомъ.

Нагрудныя украшенія обыкновенныхъ формъ: крупныя бубенчики (табл. II, 3), тонкіе костяные коньки или птицы съ очень изогнутою шеей (табл. II, 4; разъ такой конекъ вмѣстѣ съ 5 кольчужками оказался у кисти правой руки, въ другой — пять этихъ коньковъ вмѣстѣ съ 2 бубенчиками и колечками найдены у голени), обычной формы мѣдныя собачки, ложечки и гребешки (табл. III, 2 и 1, и IV, 10) (найжены на верхней части груди). Есть на женскихъ костякахъ и другія нагрудныя украшенія: ножички въ футлярѣ, прикрѣпленные на цѣпочкѣ на правой или лѣвой сторонѣ груди, цѣпочки съ какими-то другими, перержавѣвшими вещами, подвѣски въ видѣ полукруглой бляшки съ привѣсками на цѣпочкахъ ключа, рыбы, собачки и проч. (подобныя были находимы въ курганахъ вѣтичевскихъ и даже въ курганахъ Воды). Не украшались-ли подобными предметами другія части костюма, это пока остается неизвѣстнымъ; если это бывало, то рѣдко: только при костякѣ № 25, межъ голеними оказались лежащими вмѣстѣ 2 костяные конька, 2 волчьихъ зуба и 9 бубенчиковъ, изъ нихъ 3 большой, 3 средней и 3 малой величины (другой подобный случай указанъ выше).

Нагрудныя пряжки встрѣчаются исключительно на женскихъ костякахъ, но не такъ часто, какъ можно бы предположить; интересно: обычай помѣщать на груди 2 парныя пряжки — одна по одну, другая по другую сторону. Типы такихъ пряжекъ разнообразны: красивыя лучистыя, почти съ такими же лопастями, какъ у височныхъ колецъ (табл. IV, 6), подобныя же съ выступами изъ 3-хъ шариковъ, небольшія (табл. II, 14), обычныя пластинчатыя и круглыя съ спиральными концами (табл. IV, 1 и 2). Вмѣсто пряжекъ, попадаются иногда мѣдныя пуговицы, по одной и по нѣскольку. Разъ встрѣчилась пуговица изъ стекляннаго шарика съ проходящимъ внутри его мѣднымъ стержнемъ.

Поясные пряжки попадаются исключительно при мужскихъ костякахъ. Формы ихъ тоже очень обыкновенныя (табл. III, 17; IV, 4, 7, 8 и 12); рѣже другихъ попадаются пряжки типа табл. IV, 3 и 8.

Изрѣдка встрѣчаются поясные желѣзные пряжки— большія четырехугольныя и малыя круглыя. Поясныхъ бляшекъ не найдено ни одной, но поясные кольца, назначенныя для подвѣшиванія къ поясу ножей и другихъ вещей, есть; большею частью эти кольца круглыя и гладкія (табл. II, 11), а изрѣдка они имѣютъ колесовидную форму (табл. IV, 5). На одномъ скелетѣ при поясѣ найдено три такихъ кольца, на другомъ—два.

Выборъ браслетовъ бѣденъ и разнообразенъ. Изъ 26 случаевъ, въ которыхъ найдены браслеты, по два найдены только при шести костяхъ. По расчету выходитъ, что въ погребеніяхъ новѣйшихъ браслеты попадаются вдвое чаще, чѣмъ при старыхъ. Вотъ встрѣченные типы браслетовъ:

- 1) проволочные сложно-витые съ завязанными концами (табл. V, 3);
- 2) обыкновеннаго типа простые витые съ петлями на концахъ и безъ нихъ (табл. V, 5); между ними иногда попадаются сравнительно массивные;
- 3) витые простые съ завязанными концами (табл. V, 1);
- 4) гладкіе, почти проволочные, сомкнутые или съ расплющенными, орнаментированными концами (табл. IV, 20 и V, 2).
- 5) пластинчатые орнаментированные, съ суженными концами, украшенными изображеніями змѣиныхъ головокъ (табл. V, 4), часты;
- 6) пластинчатые съ головками человѣка на концахъ (табл. IV, 21);
- 7) пластинчатые съ двумя продольными бороздками (табл. IV, 18);
- 8) пластинчатая, украшенная съ наружной стороны выпуклымъ витымъ орнаментомъ.

Въ суражскихъ курганахъ перстни найдены при 41 костякѣ, изъ которыхъ 3, быть можетъ, мужскіе. Большею частью въ каждомъ погребеніи попадаетъ лишь по одному перстню, и очень рѣдко по 2 и по 3 на рукѣ. Погребеніе № 25, въ которомъ на правой рукѣ скелета оказалось 10, а на лѣвой 3 перстня, составляетъ большое исключеніе. Можно примѣтить, что перстни, какъ и браслеты, входятъ въ большее распространеніе уже въ болѣе позднее время. Типы перстней: витые съ гладкими сомкнутыми или заходящими другъ за друга концами (табл. IV, 17 и 19), мелкіе витые съ завязанными концами (табл. IV, 15), пластинчатые въ $1\frac{1}{2}$ оборота (табл. IV, 13 и 14), пластинчатые, украшенные мелкимъ выпуклымъ орнаментомъ, наиболѣе частые (табл. IV, 11), серебряные пластинчатые съ сужевными и завязанными концами (табл. III, 4), пластинчатые свитые спиралью съ расширенною и украшенною зернчатыми треугольниками среднею частью (табл.

IV, 9) и перстни съ гладкими щитками, иногда имѣющими изображенія (табл. III, 3).

Въ описываемыхъ курганахъ встрѣчены еще слѣдующіе предметы:

1) небольшіе желѣзные ножи, величиною 9—11 и 7 смт., встрѣчены болѣею частью на мужскихъ скелетахъ, гдѣ они лежали сѣбя у пояса, но въ 3—4 случаяхъ найдены и на женскихъ костякахъ, именно на груди;

2) одинъ экземпляръ топора, обычной формы съ вырѣзкомъ, найденъ у лѣвой ноги ниже колѣна;

3) точильные камни, при мужскихъ скелетахъ;

4) желѣзные огнивы, обычной формы въ видѣ буквы *Г* и *В*, а при нихъ кремни; въ суражскихъ курганахъ найдены на 3-хъ мужскихъ костякахъ, съ лѣвой стороны пояса;

5) желѣзная токарная стамеска, найдена у лѣваго бедра мужского костяка;

6) желѣзная удила простой формы (съ круглыми кольцами на концахъ);

7) тонкая желѣзная окоевка отъ деревянныхъ ведеръ, состоящая изъ 3—4 обручей и дужки; въ суражскихъ курганахъ встрѣтилась дважды при мужскихъ костякахъ и однажды при женскомъ (всегда въ ногахъ);

8) нѣсколько экземпляровъ прислонецъ изъ розоватаго камня, средней и малой величины; встрѣчены исключительно на женскихъ костякахъ, у лѣваго бедра или голени;

9) остатки ткани двухъ сортовъ: грубой и болѣе тонкой, не шерстяной.

Въ видѣ единичныхъ предметовъ найдены слѣдующія вещи:

1) какое-то небольшое тонкое, сомкнутое кольцо, вершка 3 въ диаметръ и въ мизинецъ толщины, найденное съ лѣвой стороны у плеча костяка № 128; вмѣстѣ съ нимъ оказалась мѣдная вещица въ видѣ продолговатаго цилиндра, имѣющаго на одномъ концѣ крючокъ, а на другомъ посаженную на него сбоку бляшку;

2) на животѣ костяка № 140 обнаружилось верхнее крестообразное кольцо булавки, извѣстной или находящее въ курганахъ моравянъ;

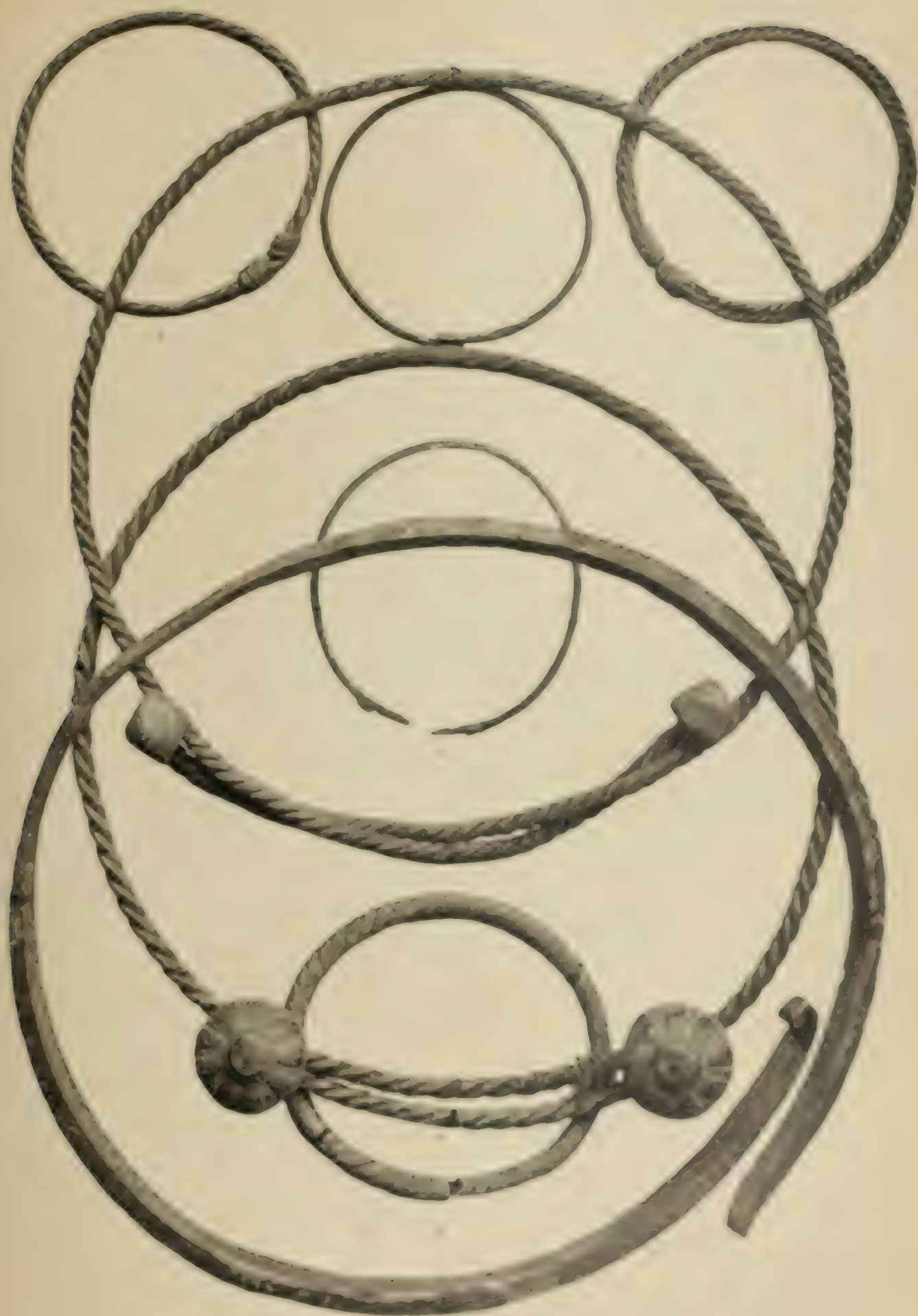
3) весьма оригинальная вещь встрѣчена на костякѣ № 130. Она состоитъ изъ довольно большой выпуклой бляхи, орнаментированной по краю, къ срединѣ которой сверху прикрѣплена подставка съ двумя схематическими конскими головками по бокамъ и рядомъ отверстій по нижнему краю.

4) нѣсколько десятковъ тончайшихъ проволочныхъ серебряныхъ звенушекъ съ какого-то головного убора (костякъ № 130). Членики украшенія всего нѣсколько болѣе 1 сант. длины и съ обоихъ концовъ имѣють по ушку (для прикрѣпленія?).

Позднѣйшія радимичскія курганныя погребенія (по всей вѣроятности, XI в.) отличаются бѣдностью находокъ и бѣдностью типовъ ихъ. Изъ прежнихъ предметовъ сохранены: мелкія височныя кольца, позолоченныя, сердоликовыя и бурья продолговатыя бусы, пластинчатые перстни съ завязанными концами и желѣзная оковка отъ деревянной посуды. Въ качествѣ новыхъ типовъ должны быть перечислены слѣдующіе предметы: 1) крупныя позолоченныя бусы, бусы ярко-синія продолговатыя, мелкія красивыя сердоликовыя, величиною съ горошину, встрѣченныя въ одной снискѣ, большія филигранныя бусы, типа дреговичскихъ кургановъ, и буса серебряная въ формѣ оливки, унизанная шариками, 2) янтарный крестъ (табл. III, 14), 3) темно-синій стеклянный мелко-витой браслетъ, 4) перстни: серебряные круглые съ заходящими другъ на друга или же смыкающимися концами, типа височныхъ колецъ (табл. II, 9 и 12), витые въ двѣ пряди съ концами, лежащими другъ на другѣ (табл. IV, 16) и пластинчатый съ большой наставкой въ видѣ розетки, 5) поясная пряжка съ почти овальною переднею частью (табл. IV, 3), 6) большіе желѣзные гвозди съ шляпками и безъ нихъ (длиною до 12 сант.) и 7) шесть цѣлыхъ глиняныхъ небольшихъ горшечковъ и черепки отъ другихъ. Въ суражскихъ курганахъ горшки, цѣлые и черепки, встрѣчены исключительно при мужскихъ погребеніяхъ. Положеніе ихъ неопредѣленно: 5 экз. встрѣчено на нѣкоторомъ разстояніи надъ костяками (№№ 46, 54, 70, 89 и 115), 4 экз. у головы (№№ 46, 97, 101 и 124) и 3 экз. въ ногахъ. Въ кург. № 148 черепки встрѣчены въ трупосоженіи, внѣ сруба; въ кург. № 142 черепки найдены въ основаніи насыпи въ 1 арш. отъ центра. Одинъ изъ горшечковъ весь расписанъ частыми горизонтальными линиями, а другой грубо слѣпленъ безъ помощи гончарнаго станка.

Другія отличія новѣйшихъ кургановъ отъ старыхъ были отмѣчены въ предыдущемъ изложеніи. Впрочемъ, характеристика позднѣйшихъ радимичскихъ кургановъ еще не вполне возможна, а равно еще нельзя болѣе или менѣе точно опредѣлить и время, до котораго дотянули свое существованіе эти курганы.

Предполагаемые литовские курганы VIII — IX в.

Намъ представляется, что произведенныя въ последнее время археологическія раскопки съ достаточною вѣрностью опредѣлили, какіе памятники древности въ Северо-Западномъ краѣ слѣдуетъ называть литовскими. Это — разсыпанные по литовскимъ мѣстностямъ невысокіе курганы съ остатками труносожженій и весьма типичнымъ, описываемымъ ниже, могильнымъ инвентаремъ.

Предполагаемые литовскіе курганы представляютъ собою низкія расплывчатые насыпи, имѣющія въ вышину отъ одного до двухъ арш., а въ основаніи отъ 5 до 6 саж., и весьма нерѣдко укрѣпленнымъ по окружности кольцомъ изъ камней въ 2—3 и даже болѣе рядовъ; изрѣдка камни встрѣчаются и на самой поверхности насыпи, особенно на верху ея. Существуютъ-ли литовскіе курганы, сложенные изъ однихъ камней, этого мы пока не знаемъ. Курганы состоятъ изъ большихъ группами, до 100 насыпей въ одномъ пунктѣ. Остатки труносожженій расположены на поверхности горизонта, въ центрѣ, и состоятъ изъ слоя угля и золы, обыкновенно незначительнаго, на которомъ расположены отѣльныя пережженные кости человѣка и остатки бывшихъ на кострѣ вещей. Иногда въ курганѣ находятъ только горсти костей и немногія вещи; въ рѣдкихъ случаяхъ такіе небольшіе остатки лежатъ на подкладкѣ изъ булыжника или же булыжникомъ обложены кругомъ. Наибольшій по массивности погребальный слой занимаетъ площадь въ 4 кв. метра при толщинѣ въ 3—4 саж. Слѣдующія раскопки показываютъ, что, въ большинствѣ случаевъ, сожженіе труна происходило на сторонѣ, и погребались лишь уцѣлѣвшіе отъ огня остатки, но есть случаи сожженія труновъ и на мѣстѣ самихъ кургановъ. Кругомъ сохранившихся кургановъ обыкновенно идетъ ровъ. Вершина курганныхъ насыпей нерѣдко имѣетъ углубленный видъ, вслѣдствіе обсыпанія землей внутри. Болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ устройствѣ интересующихъ насъ

кургановъ мы пока не имѣемъ и потому лишены возможности высказываться о томъ, какія особенности этого устройства должно считать болѣе новыми, какія старѣйшими; не можемъ также указать, какія изъ нихъ слѣдуетъ признать общераспространенными и какія имѣютъ болѣе рѣдкій или случайный характеръ. Если мы и можемъ рѣшиться одни изъ предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ назвать болѣе древними, а другіе сравнительно новыми, то главнымъ основаніемъ для этого служить анализъ могильныхъ находокъ. Кажется, что болѣе поздніе литовскіе курганы встрѣчаются меньшими группами, а высота ихъ болѣе разнообразится, падая до $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. и поднимаясь до 1 саж. Вещей въ нихъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ ихъ. Чаше встрѣчаются погребенія коня, сожженного и не сожженного, начинаютъ попадаться погребенія не сожженного трупа человѣка (головой, кажется, на ЮВ).

Находки въ описываемыхъ курганахъ отчетливо распадаются на двѣ группы—древнѣйшихъ и болѣе новыхъ, но и тѣ, и другіе характеризуются болѣе всего разнообразными подѣлками изъ желѣза, отличающимися чрезвычайно тонкой, можно сказать, почти ювелирной работой. Къ болѣе древнимъ желѣзнымъ вещамъ должны быть относимы слѣдующіе типы:

1) Весьма характерные, нигдѣ болѣе въ древностяхъ Россіи не встрѣчающіеся прямые узкіе топоры съ закругленною тыльною частью (рис. 4). Въ предполагаемыхъ литовскихъ курганахъ составляютъ почти неизбѣжную особенность каждаго погребенія, причемъ попадаются въ количествѣ отъ одного до четырехъ. Похожіе по типу топоры, встрѣченные въ Восточной Пруссіи, относятся мѣстными учеными къ довольно ранней порѣ; верхняя линія ихъ идетъ не прямо, какъ въ топорахъ нашихъ литовскихъ кургановъ, а горбомъ. Въ курляндскихъ, виленскихъ и ковенскихъ курганахъ, тоже болѣе раннихъ, чѣмъ литовскіе, часто попадаетъ разновидность этихъ топоровъ, отличіе которой состоитъ въ томъ, что клинки ихъ имѣютъ сильный наклонъ острія книзу и довольно длинны.

2) Наконечники дротиковъ встрѣчаются также очень часто. Всѣ они съ круглой втулкой, а форму имѣютъ чаще всего удлинненную листовидную (рис. 5) и рѣже они узкіе гранчатые (рис. 6). Очень часто посрединѣ проходитъ грань, но нерѣдки и гладкіе наконечники.

3) Умбоны отъ щитовъ представляютъ собою большія круглыя пластины съ коническимъ выступомъ посрединѣ (рис. 7); по краю насаженъ тѣсный рядъ бородавчатыхъ выпуклостей. Отъ современныхъ

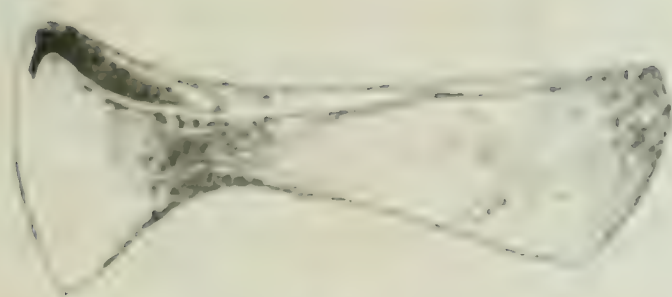

FIG. 4

FIG. 5

FIG. 6

FIG. 7

FIG. 8

FIG. 9

FIG. 10

FIG. 11

умбоновъ, встрѣчающихся довольно перѣдко въ древностяхъ Финляндіи, литовскіе имѣютъ опредѣленные отличія, хотя въ общемъ и одинаковой формы: ихъ пропорціи изящнѣе, верхъ конуса никогда не развивается въ особый выступъ, а всегда сходится на нѣтъ, нижняя часть конуса никогда не имѣетъ изогнутой формы, высота конуса всегда умѣренная; нижняя бляха умбоновъ Финляндіи не бываетъ украшена. Въ древностяхъ Прибалтійскихъ губерній умбоновъ не было находимо. Въ предполагаемыхъ литовскихъ курганахъ, кромѣ умбоновъ, найдена рукоять отъ щита, каковыя встрѣчаются также и въ финляндскихъ древностяхъ того же времени.

4) Пзящныя желѣзныя стремяна съ прямой подножкой (рис. 8).

5) Очень часто попадаются желѣзныя поясныя пряжки, всегда украшенные мелкимъ чеканомъ изъ тонкихъ линій (рис. 9—11). Состоятъ изъ бляхи, кольца и иглы. Бляха овальной или круглой формы съ выступающими на поверхность гвоздиками, кольцо имѣетъ посрединѣ выгибъ для язычка, который иногда тоже орнаментированъ. Несомнѣнно, что типъ пряжекъ заимствованъ изъ такъ-называемыхъ готскихъ древностей; ближайшія, правда, весьма немногочисленные аналогіи онѣ имѣютъ также въ древностяхъ финляндскихъ кургановъ.

6) Тонкая пластинчатая желѣзная фибула съ мѣдною иглою и спиралью (рис. 12).

Предметы изъ мѣди менѣе типичны и оригинальны. Таковы:

1) Довольно большія фибулы арбалетной формы (рис. 13 и 14), одна съ узкою, другая съ гладкою расширяющеюся нижнею частью. Вполнѣ подходящія аналогіи среди русскихъ древностей намъ неизвѣстны.

2) Браслеты трехъ типовъ: тонкіе круглые съ очень расширенными концами и сѣуженной заднею частью (рис. 16, подобный браслетъ въ атласѣ г. Аспелина, стр. 332, изъ находки въ Лифляндіи), тонкіе съ расширяющимися гранчатыми концами (рис. 15) и тонкіе узкіе пластинчатые съ проволочными концами (рис. 17).

3) Спиральные перстни, свернутые изъ узкой мѣдной ленты (рис. 18).

4) Маленькія мѣдныя пряжки, типа желѣзныхъ (рис. 19).

5) Поясная пряжка и продолговатые наконечники отъ пояса, готскаго типа (рис. 20—22). Интересенъ орнаментъ наконечниковъ, состоящій изъ мелкихъ кружковъ съ точками въ центрѣ, соединенныхъ касательными линіями и елочками.

6) Бляхи въ видѣ портфеля, орнаментированныя выпуклыми точками и перекрещивающимися чертами (рис. 23). Согнуты вдвое изъ

FIG. 12

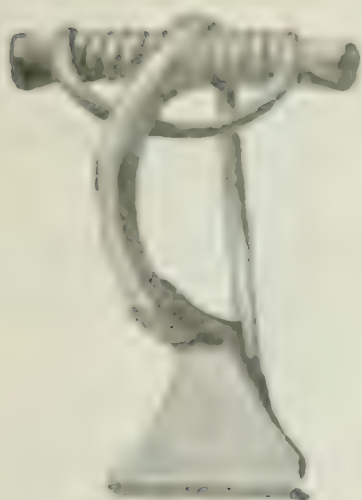

FIG. 14

FIG. 15

FIG. 16

FIG. 18

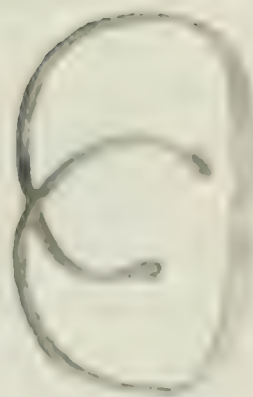

FIG. 17

FIG. 18

FIG. 19

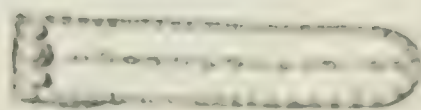

FIG. 20

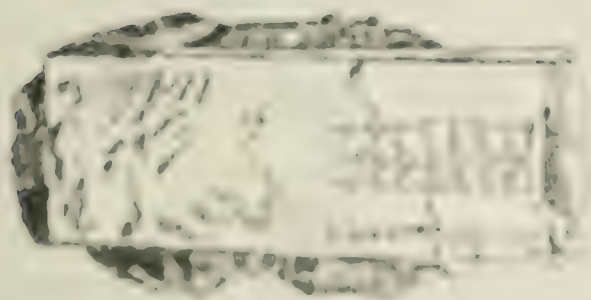

FIG. 21

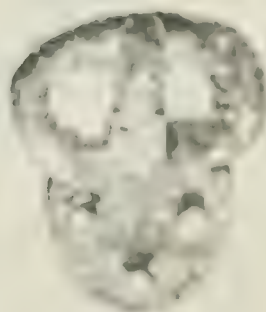

FIG. 22

тонкаго листа и украшали ремень портупей или что-нибудь подобное. Предметъ этотъ весьма характеренъ для раннихъ литовскихъ кургановъ и нигдѣ болѣе не встрѣченъ.

7) Головка большой булавки съ ушкомъ, къ которому прикрѣплены колечки (рис. 24), гранчатая.

8) Бляшка неопредѣленнаго назначенія (рис. 25).

Попадаются въ предполагаемыхъ древнѣйшихъ литовскихъ курганахъ и другія вещи, именно:

1) Оригинальныя желѣзныя шпоры съ шипомъ, направленнымъ вверхъ. Совершенно такія же найдены были у с. Мартыновки, Каневского у., Кіевской губ., вмѣстѣ съ вещами, принадлежащими, впрочемъ, къ другому времени ¹⁾, и встрѣчаются въ Восточной Пруссіи.

2) Желѣзные ножи, всегда съ прямымъ обухомъ и безъ орнамента.

3) Глиняныя пряслицы, почти всегда орнаментированныя (рис. 26).

4) Глиняные сосуды, цѣлые и въ черепкахъ.

5) Различныя другіе предметы, о которыхъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ доставить подробныхъ свѣдѣній: желѣзныя и мѣдныя булавки, тонкая серьга, желѣзное кайло и сабля.

Такъ какъ монетъ въ описываемыхъ курганахъ найдено не было, и находимыя въ нихъ вещи почти не попадаютъ среди извѣстныхъ древностей другихъ краевъ Россіи, то мы до послѣдняго времени лишены были возможности опредѣлить ихъ время даже съ отдаленнымъ приближеніемъ. Только раскопки, произведенныя въ 1894 г. *О. В. Покровскимъ* въ курганахъ такого же устройства и типа близъ д. *Лынтупы*, *Свенцянскаго у.* ²⁾, дали надежную точку опоры для сужденія по этому вопросу. Въ *лынтупскихъ* курганахъ вмѣстѣ съ предметами описанныхъ выше типовъ (топоры, наконечники копій, пряслицы, браслеты, бляхи въ видѣ портфеля) было найдено нѣсколько предметовъ хорошо извѣстной намъ культуры *Люцинскаго могильника*, именно: пластинчатая шейная гривна, безъ подвѣсокъ и съ особыми удлиненными ромбическими подвѣсками на петляхъ, большія витыя гривны съ коническими пуговицами и сѣдловиднымъ сгибнемъ на концахъ, мелкія спиральки, спиральныя наручники, такіе же перстни и проволочный наконечникъ ножа ³⁾. Такимъ образомъ, предполагаемые

¹⁾ *Гр. Бобринской*. Курганы и случайныя находки близъ м. *Смѣлы*. Т. I, табл. XVIII.

²⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи, дѣло 1894 г., № 94.

³⁾ *Люцинскій могильникъ*. Табл. III, 8 и 11; VII, 17; IX, 9 и 12. Подобные предметы были находимы въ литовскихъ курганахъ и прежде, но рѣдко и въ ограниченномъ количествѣ. *Лынтупскіе курганы*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать тоже литовскими.

FIG. 22.

FIG. 21.

FIG. 23.

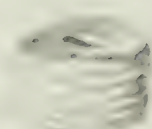

FIG. 24.

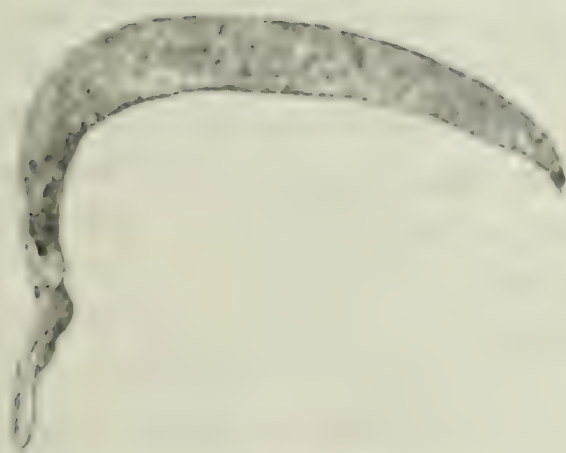

FIG. 27.

FIG. 28.

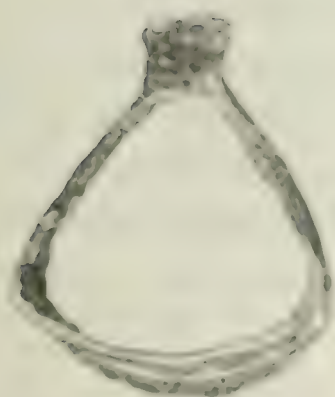

FIG. 29.

FIG. 30.

литовскіе курганы древнѣйшаго типа могутъ быть относимы, приблизительно, къ VIII и IX в.

Что касается болѣе позднихъ предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ, то самымъ характернымъ предметомъ въ нихъ являются желѣзные серпы, всегда одной формы: съ длинной рукоятью, сильно изогнутымъ къ рукоятки лезвіемъ и загибающимся острымъ концомъ (рис. 27). Весьма рѣдко, кромѣ серпа и сожженныхъ костей, въ курганѣ ничего не находится. Сравнительно часто встрѣчаются также желѣзные удила, обыкновенной формы съ круглыми, довольно большими кольцами на концахъ; иногда межзубье состоитъ изъ трехъ частей, причемъ средняя всегда бываетъ витая. Еще рѣже попадаются удила щегольской формы, представленныя на рис. 28; эти удила снабжены трензелемъ, весьма красиво орнаментированнымъ. Стремена имѣютъ выгнутую подножку (рис. 29); работа ихъ, какъ и прежде, весьма тонкая. Рѣдко встрѣчаются также крупные мѣдные бубенчики (рис. 30), имѣющіе аналогію въ древностяхъ Оки и Сѣвернаго Кавказа; въ одномъ курганѣ найдено было желѣзное кнутовище (рис. 31). Изъ перечисленныхъ древностей большинство должно быть относимо къ IX в., да и врядъ-ли какія-нибудь могутъ быть приписаны болѣе поздней порѣ. Кнутовище совершенно такой же формы найдено близъ Курк-іюки (Крунебора), на СЗ. берегу Ладожскаго озера, съ вещами, которыя принадлежатъ ко времени не позднѣе IX в. До какой поры доходятъ тѣ поздніе предполагаемые литовскіе курганы, которые заключаютъ въ себѣ изъ предметовъ одни только серпы, мы не беремся судить.

До настоящаго времени предполагаемые литовскіе курганы древнѣйшаго типа найдены и раскопаны въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Нѣсколько кургановъ раскопано въ 1890 г. генераль-лейтенантомъ А. А. Іохеромъ въ имѣніи г. Нарбута Грабяллы, расположенномъ по правую сторону р. Вилии, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Вильны, ниже по теченію рѣки. Въ курганахъ на поверхности земли оказывалось небольшое количество мелкихъ косточекъ; въ одной изъ раскопанныхъ насыпей на костяхъ лежали: умбонъ, топоръ (рис. 4), 2 наконечника копій (рис. 5), 2 мѣдныхъ пряжки (рис. 19), пряслица, 2 спиральные кольца (рис. 18), обломокъ мѣднаго браслета (рис. 16), мѣдная фибула (рис. 13). По словамъ г. Іохера, много кургановъ, подобныхъ раскопаннымъ, находится также въ Виленскомъ и Троцкомъ уѣздахъ ¹⁾.

¹⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1890 г., № 185.

2) 5 кургановъ раскопано было въ 1894 г. О. В. Покровскимъ въ сѣверной части губерніи, близъ д. Бороной, Сабиданскаго у. Здѣсь имѣются двѣ группы кургановъ въ 15 и 16 вѣковъ. Находка вообще обычнаго типа (серпикъ и тѣ.), но одно погребеніе весьма интересно тѣмъ, что костякъ въ немъ оказался не сожженнымъ. Она лежала въ грунтовой могилѣ на глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$ арш., головою въ СЗ., на лѣвомъ боку, съ поджатыми ногами, при костяхъ найдены: обломки желѣзнаго умбона, интересная пряжка и бляхи, описанныя выше (рис. 20—22). Находка умбона позволяетъ отнести это погребеніе къ тому же времени, какъ древнія литовскія погребенія, а образъ погребенія и другія вещи могутъ возбудить нѣкоторое сомнѣніе, можно-ли считать его литовскимъ. Быть можетъ, что описанное погребеніе есть инуэское, такъ какъ въ основаніи кургана были найдены черныя слои съ угольками, принадлежавшій, быть можетъ, иному, болѣе раннему погребенію¹⁾.

3) Въ 1889 г. 4 кургана древне-литовскаго типа раскопаны близъ д. Орлишки, въ 4 в. отъ м. Елье, Э. А. Вольтеръ. Курганы были высотой отъ 1 до 3 арш.; въ нихъ найдены: обломки шейной гривны, топоры, пряслица, коньки, ножи, часть фибулы, браслеты и сабля (17).

4) Тѣмъ же лицомъ и тогда же было раскопано 6 кургановъ въ имѣніи Олава, близъ д. Слобожки. Могилы оказались каменными (18). Находки: умбонъ, обломки фибулы, коньки, пряжки, браслеты, топоры²⁾.

5) Тогда же раскопано было г. Вольтеромъ 25 кургановъ въ уроч. Ганишки, въ имѣніи Помусе, Трокскаго у. Находки были разнообразны и интересны; многіе приведенные выше рисунки (7, 9, 10, 16, 17, 23, 25) сдѣланы съ вещей, добытыхъ въ Помусе. Первыми начали здѣсь раскопки В. А. Шукевичъ и г. Роскохадскій, добывшіе изъ кургановъ, между прочимъ, мѣдную фибулу, витую шейную гривну съ коническими пугалками на концахъ, красивый орнаментированный браслетъ и мечъ саксонскаго типа³⁾.

6) Э. А. Вольтеромъ въ 1888 г. было раскопано 36 кургановъ того же типа близъ Куроны. Кроме обычныхъ вещей, здѣсь найдены: мѣдная булавка (рис. 24), рукоять отъ щита, коньки (рис. 6), мѣдная и желѣзная фибулы (рис. 11 и 14), обломки тонкой сераги⁴⁾.

7) Землеуладѣлецъ Лидскаго у. В. А. Шукевичъ, производившій уже довольно много археологическихъ раскопокъ въ своей мѣстности, въ

¹⁾ Въ изданіи Императорскаго Археологическаго Комитета *Дѣла*, 1894 г., № 24.

²⁾ Тамъ же, *Дѣла*, 1889 г., № 36, стр. 18.

³⁾ Тамъ же, стр. 15 и 19.

⁴⁾ Тамъ же, 1888 г., *Дѣла* № 13 к.

1893 г. раскопалъ 5 кургановъ изъ двухъ курганныхъ группъ, расположенныхъ близъ д. Подборже и Богатой. Первая группа заключала въ себѣ до 60 хорошо сохранившихся кургановъ, высотой отъ 2 до 5 арш., кругомъ обведенныхъ рвами. Находки обычны; между ними интересны стремена, бубенцы, мѣдная шейная гривна, глиняные сосуды, шпоры, умбонъ ¹⁾).

8) Въ 1894 г. В. А. Шукевичъ раскопалъ 6 кургановъ близъ д. Вильканцы, при чемъ нашелъ, кромѣ другихъ вещей, желѣзный серпъ особой формы, желѣзную фибулу (рис. 12), пряжку, дротикъ и пр. ²⁾).

Мѣстнымъ изслѣдователямъ съ давняго времени были извѣстны вещи описанныхъ выше типовъ и курганы съ такими вещами, но въ ихъ работахъ нѣтъ указаній на мѣста находокъ и древности эти не выдѣлены въ особую группу ³⁾. Нанеши на карту всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о распространеніи предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ древняго типа, видимъ, что они уже извѣстны въ районѣ между Виліей и Нѣманомъ и къ С. отъ Виліи, въ другихъ же мѣстностяхъ, конечно, по недостатку раскопокъ, такихъ кургановъ еще не знаемъ.

Районъ распространенія новѣйшихъ литовскихъ кургановъ значительно шире, чѣмъ районъ древнихъ. Извѣстны раскопки такихъ кургановъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Въ Ново-Александровскомъ у., Ковенской губ., близъ м. Солокъ въ 1895 г. было раскопано К. П. Гуковскимъ 6 кургановъ, содержаніе которыхъ оказалось составляющимъ переходъ между литовскими курганами древними и болѣе новыми. При раскопкахъ были найдены: нѣсколько удиль, топоръ, серпъ и пряжка ⁴⁾).

2) Въ сѣверной части Виленской губ. курганы описываемаго типа раскопаны въ 1894 г. Ѳ. В. Покровскимъ, именно близъ заст. Перкушты, Свѣнцянскаго у. Изъ 40 здѣшнихъ кургановъ изслѣдовано было 9 насыпей, при чемъ найдены были лишь немногія вещи, а чаще не находилось ничего. Находки изъ одного кургана, впрочемъ, очень интересны: 5 крупныхъ мѣдныхъ бубенчиковъ (рис. 30), удила (рис. 28), стремена (рис. 29), кнутовище (рис. 31) и серпъ (рис. 27). Всѣ курганы имѣютъ слѣды окружавшихъ ихъ рововъ. Въ другомъ курганѣ

¹⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1893 г., № 126.

²⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1894 г., № 90.

³⁾ Тышкевичъ К., гр. «О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси». Вильна. 1865 г., стр. 52 и слѣд.—Tyszkiewicz Eust. «Radania archeologiczne». Wilno, 1850, табл. II. Въ послѣдней работѣ данъ рисунокъ умбона, выпавшаго близъ Кернова; почти такого же, найденнаго близъ Уцянь, Вилькомирскаго у., Ковенской губ.

⁴⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1895 г., № 99.

оказались остатки конского скелета, лежащего головой на С., и на немъ четырехугольная желѣзная пряжка съ втулчатыми боками ¹⁾.

3) Несколько кургановъ въ Сибиринскомъ у. раскопано было въ 50-хъ годахъ Киркоровъ, въ имѣніи Шенны ²⁾.

4) Въ 4-хъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1888 г. г. Волытеромъ близъ м. Елье, Троцкого у., найдены лишь серпы; близъ двухъ кургановъ въ сторонѣ оказались саблы кистрицы ³⁾.

5) 7 полныхъ литовскихъ кургановъ раскопано было въ 1893 г. О. В. Покровскимъ, въ имѣніи Швейцары, близъ Вильны, около м. Рудонина. Въ одномъ изъ нихъ на кистрицѣ лежала кость вѣдѣлаго лошадиного скелета, положеннаго головою на В.; у многихъ оказались саблы окружавшихъ насыпи рововъ. Находили: серпы, удила съ треноземъ, мѣдныя бубенцы. Одинъ изъ кургановъ, имѣвшій высоту въ аршинъ, весь былъ сложенъ изъ камней ⁴⁾.

6) Въ давнее время раскопаны были курганы, повидимому, того же типа, близъ м. Бол. Солочники, Вильнскаго у. ⁵⁾.

7) Въ 2-хъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1891 г. В. А. Шукевичемъ близъ д. Вильканцы того же у., найдены лишь одинъ топоръ, а въ одномъ изъ нихъ оказались три позднѣйшія христіанскія погребенія ⁶⁾. Въ 1894 г. изъ 20 кургановъ оставался лишь одинъ, остальные были раскопаны.

8) Близъ д. Боровой Лидскаго у., въ казенномъ лѣсу Думблесь, раскопаны 3 кургана, 2 — г. Шукевичемъ (въ 1890 г.) и 1 — г. Волытеромъ (въ 1889 г.). Найдены серпы, стремени и др. вещи позднихъ типовъ ⁷⁾. Такія же вещи найдены г. Волытеромъ въ 1889 г. въ курганахъ, находящихся около Монтаты.

9) Близъ м. Эйнишки, г. Шукевичемъ въ 1894 г. раскопано было 9 кургановъ, изъ которыхъ въ 3-хъ не оказалось ничего, а въ прочихъ найдены: серпъ, ножъ, пряжка, концы, т. е. вещи и новыхъ, и старыхъ типовъ. Въ одной насыпи оказались 2 бастея, лежащіе въ

¹⁾ Тамъ же, дѣло 1894 г. № 94.

²⁾ Покровскій, Археологическая карта Виленской губ., стр. 33 на вѣсткахъ изъ Виль. Warta, 1885 г., Z. CLXXV, nr. 25—26.

³⁾ Въ архивъ Императорской Археологической Комиссіи дѣло 1889 г., № 22.

⁴⁾ Покровскій, Курганы на территории Литвы и Польшы. Труды Виленск. Общ., т. I, стр. 215—220.

⁵⁾ Покровскій, Археологическая карта, стр. 111.

⁶⁾ Въ архивъ Императорской Археологической Комиссіи дѣло 1891 г., № 103 и карта О. В. Покровскаго, стр. 116.

⁷⁾ Тамъ же, дѣло 1890 г., № 43.

направленіи отъ С. къ Ю. въ противоположныя стороны, вѣроятно, впускныя ¹⁾).

10) „Цѣлое море“ кургановъ, по всей вѣроятности, поздняго литовскаго типа, находится близъ д. Бражоны Трокскаго у. Раскопки, произведенныя въ нѣкоторыхъ курганныхъ насыпяхъ г. Киркоромъ, дали находки: серпъ, бубенцы, шпоры и сосуды ²⁾).

11) Нѣкоторые изъ кургановъ, раскопанныхъ въ им. Грабяллы Трокскаго у., гр. К. Тышкевичемъ, оказались поздними ³⁾).

12) Близъ д. Пожарцы (между Прены и с. Вейверы) Маріампольскаго у. Сувальской губ., находится до 50 поздне-литовскихъ кургановъ, находки въ которыхъ были незначительны ⁴⁾).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній слѣдуетъ, что предполагаемые литовскіе курганы позднѣйшей поры занимали бассейнъ р. Нѣмана, переходя на его лѣвый берегъ и бассейнъ Вилліи.

А. Спицынъ.

Рис. 31.

¹⁾ Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи дѣло 1894 г., № 90.

²⁾ Киркоръ, Археологич. розысканія въ Виленской губ.—Извѣст. Имп. Русск. Археол. Общ. 1857 г., т. I, стр. 15—19.

³⁾ Tyszkiewicz K., Wilija i jej brzegi, стр. 223.

⁴⁾ Будзинскій, Археолог. розысканія въ Сувальской губ.—Памятн. кн. Сувалк. губ. на 1877 г.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи.

I и II. Могилевская и Черниговская губ.

Курганныя славянскія древности Могилевской и Черниговской губерній въ настоящее время извѣстны сравнительно хорошо.

На верховья р. Сожа уже выходили курганы кривичей. Здѣсь при д. Мозыки разрыты были въ 1892 году г. Чоловскимъ 3 высокіе (до 2-хъ саж. вышины) курганы неправильно-овальной формы. Въ курганных насыпяхъ оказались въ значительномъ количествѣ, въ разбросѣ, мелкіе угли; въ одной насыпи посрединѣ высоты помещался горшокъ изъ темной глины. Погребенія находились въ разнообразно устроенныхъ грунтовыхъ могилахъ: въ одномъ курганѣ яма выкопана удлиненная съ выступами для рукъ и головы, т.-е. по формѣ тѣла, въ другомъ она была прямоугольная, а въ третьемъ — особой, не вполне ясной формы: въ основаніе насыпи вырыта (четыреугольная?) яма глубиною въ $1\frac{1}{2}$ арш., а въ ней другая яма, также въ $1\frac{1}{2}$ арш. глубиною, стѣнки которой расположены тремя уступами, обложенными въ 15—17 слоевъ бересты; выложено берестою и дно; на уступахъ положены дубовыя бревна, обернутыя въ 12—15 слоевъ бересты; для погребеннаго на днѣ могилы устроено углубленіе по формѣ тѣла; надъ могильной ямой, въ уровень съ полошвою кургана, т.-е. на высотѣ 3 арш. (?) отъ ея дна, устроена была дубовый срубъ (?), отъ котораго сохранились на высотѣ до 1 арш. доски и масса гвоздей. Стѣны дубоваго сруба надъ могилною ямою и въ другихъ двухъ курганахъ, такъ какъ они все сгнили, то на внутреннихъ кургановъ примѣтны впадины отъ обсыпавшей земли. Находились проволоочныя височныя кольца съ изпущенными на нихъ серьгами съ филигранными бусами, сердоликовыя, позолоченныя и чинныя бусы, четырехконечный крестъ съ желтою эмалью, красивый серебряный брас-

леть и перстень съ камнемъ. Кажется, что выпускное кривичское погребеніе найдено еще въ одномъ изъ кургановъ близъ Хотимска ¹⁾. Въ Мстиславскомъ у., на берегу р. Сожа г. Борейшею найдены слѣды кострищъ и горшечки. Костяковъ не оказалось. По замѣчанію Н. Е. Бранденбурга, найденныя г. Борейшею вещи сходны съ находками изъ кургановъ Смоленской губ. ²⁾. Ниже по р. Сожѣ кривичскіе курганы, повидимому, не шли. Судя по формѣ крестика, найденнаго въ Мозыскомъ курганѣ, и по другимъ вещамъ, эти курганы относятся ко времени не раньше конца X в., а вѣрнѣе, къ XI в. Что они принадлежатъ кривичамъ, это слѣдуетъ изъ типа височныхъ колецъ и характера курганныхъ насыпей.

Сѣверная часть Могилевской губ., водораздѣлъ между теченіемъ Зап. Двины и Днѣпра, въ XI в. представляла собою политическую границу между Полоцкимъ и Черниговскимъ княженіемъ, но гдѣ слѣдуетъ здѣсь положить границу между племенными поселеніями кривичей, полочанъ, дреговичей и радимичей, еще трудно указать, особенно потому, что типъ курганныхъ погребеній X—XI вв. полочанъ еще не выясненъ. Кажется, что древнѣйшими курганами въ странѣ полочанъ слѣдуетъ считать курганныя насыпи съ помѣщенными на верху ихъ глиняными сосудами, заключающими въ себѣ остатки отъ сожженныхъ труповъ, болѣе новыми—трупосоженія на кострищахъ въ самомъ курганѣ, а новѣйшими—погребенія въ гробахъ и безъ нихъ на поверхности земли и въ могилахъ, подъ кострищемъ или слоемъ черной или зольной земли. Между курганами встрѣчаются четырехугольные и продолговатые въ видѣ валовъ. Болѣе высокія насыпи окружены рвами. Находокъ бываетъ очень мало. Изъ нихъ самыя характерныя—тонкія височныя проволочныя кольца съ завязанными концами и головные вѣнки изъ спиралей, типа Люцинскаго могильника.

Въ Сѣнинскомъ и Оршинскомъ уу. Могилевской губ., куда могли заходить поселенія полочанъ, раскопки извѣстны въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Близъ с. Немойты, недалеко отъ г. Сѣнно. Здѣсь нѣсколько кургановъ раскопано Е. Р. Романовымъ. Насыпи имѣютъ видъ полушарія съ довольно тупой вершиной и одинъ—вала. Изъ 120 сохра-

¹⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1892 г. Фурсовымъ и Чоловскимъ. Могилевъ, 1892 г., стр. 30 и 23 (кург. № 34). Тамъ же изображеніе предметовъ, найденныхъ въ курганѣ близъ д. Мозыки. О раскопкахъ гг. Фурсова и Чоловского см. также въ Археологич. Извѣстіяхъ, 1893 г. № 12, стр. 446; 1895 г., №№ 3, 5 и 9, и въ Трудахъ Виленск. Археол. Съѣзда, т. I, стр. 236—245.

²⁾ Зап. Русск. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., IV т., стр. XV.

нившихся кургановъ лишь 9 имѣютъ въ вышину до 4 арш. Въ насы-
пахъ замѣчены глыбы угля и цемя, по срединѣ—слой земли съ глы-
бой. Костякъ головной на с. 4., на деревянной подстилкѣ и нѣтъ нима
золотой слой въ $1\frac{1}{2}$ арш. Находки не характерны ¹⁾.

2) Вдоль г. Лукомля, д. Закурье и д. Овсяники. Въ 1888 г. г-нъ
г. Романовымъ раскопано 7 кургановъ. Замѣчено, что курганы эти
выше и чаще окружены рвами. Погребенія разнообразны: на кострищѣ,
иногда обложенномъ сосновыми вѣтвями, на высокой подстилкѣ, под
слоемъ черной земли, въ грунтовыхъ могилахъ, въ гробахъ, бѣлыхъ ко-
стяковъ кострище. Костяки расположены головной на с., с. 4. и с. По-
видному, эти курганы не могутъ быть отнесены къ одному времени.
Находки бѣдны и не характерны; изъ нихъ особенно любопытны: же-
лѣзный наконечникъ копья, проволоочныя серги, проколотыя височ-
ныя кольца среднего размѣра и какой-то вѣнокъ изъ деревяннаго ободка,
оббитаго кожей и тканью и унизанный бусами на проволокахъ ²⁾.

3) Большой курганъ у дер. Старый Бобръ, на притоцѣ Березины
Бобрѣ, въ 1856 г. былъ раскопанъ К. Тышкевичемъ. Въ насипи ока-
зались остатки труносожженія, расположенныя въ 3-хъ горизонтахъ,
что очень напоминаетъ устройство большихъ черниговскихъ кургановъ ³⁾.

4) При д. Дымовѣ Сѣвинскаго уѣзда. Зѣсь въ 1886 г. было
раскопано 12 кургановъ г. Турбинымъ. Насыпи въ вышину имѣли до
 $3\frac{1}{2}$ арш. Въ 10 курганахъ костяки лежали на поверхности земли, го-
ловной на 3., а нѣсколько выше костяковъ находилось кострище, бѣлыя
костяки найденъ въ снѣгомъ положеніи. Находки: тонкія височныя
кольца среднего размѣра съ завязанными концами, вѣнокъ или спира-
лей, шейный желѣзный обручъ, разнообразныя бусы, бѣсы, горшки.
Выдержанность типа погребеній и характерныя находки въ Дымовскихъ
курганахъ глѣбуютъ раскопку, произведенную въ нихъ г. Турбинымъ,
наиболѣе цѣнной изъ всѣхъ раскопокъ, до сихъ поръ произведенныхъ
въ странѣ полюдны. Къ какому времени слѣдуетъ приблизительно от-
нести эти курганы, т.-е. въ X или XI в., пока нельзя сказать опре-
дѣленно, но, кажется, что можно отнести ихъ скорѣе къ X вѣку.

5) Вдоль г. Орши были произведены раскопки Н. Е. Гривцова
Бургомъ, въ 1889 г. (у д. Гривовица, было раскопано 5 насыпей). Кур-

¹⁾ Груда Андреева. Отдѣлъ, т. IX, вып. 1, стр. 285—286 и 284—285 стр. 286
стр. 425.

²⁾ Древности, т. XIII, вып. 1, стр. 146—148 въ 2-ой кн. «Рассказы изъ Могилевской
губ. въ 1888 г.»

³⁾ Тышкевичъ К. О курганахъ въ Давей и Овѣ. Стр. 146—147 стр. 10.

ганы невысоки, распылчатой формы, погребенія большею частью въ материкѣ. Находки не характерны и, кажется, должны быть отнесены уже къ XI в. ¹⁾).

6) Въ этой же мѣстности около 1880 г. были произведены раскопки графомъ А. С. Уваровымъ, но результаты ихъ намъ неизвѣстны ²⁾).

7) Въ 1893 г. Е. Р. Романовымъ были произведены небольшія раскопки въ курганахъ близъ с. Вядца Сѣнинскаго у. Въ самомъ большомъ курганѣ погребеніе оказалось на кострищѣ; ниже погребенія положена была большая дубовая плаха, а выше оказались 2 зольныя прослойки. Въ курганѣ была найдена монета 914 г., безъ ушка, что и датируетъ описанный обрядъ погребенія. Въ другомъ курганѣ костякъ также найденъ на кострищѣ, а въ третьемъ сожженные кости помѣщены были въ сосудѣ на верху насыпи ³⁾).

Заходятъ-ли кривичскіе курганы въ сѣверную часть Могилевской губ., пока неизвѣстно. Точно также мы вовсе не знаемъ содержанія кургановъ всего Оршинскаго у., протянувшагося здѣсь во всю ширину губерніи. Любопытно и то, что въ этомъ уѣздѣ курганныхъ насыпей извѣстно сравнительно очень малое количество, какъ и въ сосѣднихъ Могилевскомъ и Горьковскомъ уу. Возможно, что эта часть губерніи была еще плохо заселена въ X—XI в. и составляла естественную границу между полочанами и радимичами.

Такъ какъ радимичскіе курганы не переходятъ Днѣпра, то отсюда слѣдуетъ, что правобережье этой рѣки ниже Могилева было заселено тѣмъ же племенемъ, которое заселяло ближайшій водный бассейнъ — р. Березины, т.-е. дреговичами.

Лѣтопись назначаетъ для дреговичей обширный районъ между Припятью и Зап. Двиною. Характеръ погребенія въ дреговичскихъ курганахъ опредѣляется раскопками проф. В. З. Завитневича, произведенными, между прочимъ, вблизи границъ Могилевской губ., по р. Березинѣ, при впаденіи въ нее Свислочи. Здѣсь обнаружено три основныхъ обряда погребенія, вѣроятно, относящихся къ разному времени, — трупосожженіе на кострищѣ въ курганѣ, погребеніе въ гробу или деревянномъ срубѣ на остаткахъ костра или зольномъ слоѣ и погребеніе въ гробу въ грунтовой могилѣ ⁴⁾). Обстоятельной характеристики этихъ

¹⁾ Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1889 г., № 32.

²⁾ Замѣтка объ этихъ раскопкахъ помѣщена въ какомъ-то номерѣ «Вилensk. Вѣстн.» за 1880 г.

³⁾ Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи 1893 г., № 7. Отчетъ Археолог. Комм. за 1893 г., стр. 11.

⁴⁾ Отчетъ Императ. Археологич. Коммиссіи за 1892 г., стр. 124—153.

обрядовъ, погребенія и описанія связанныхъ съ каждымъ изъ этихъ предметовъ мы еще не имѣемъ, но все же нѣкоторыми изъ установленныхъ данныхъ можно воспользоваться для объясненія курганныхъ древностей правого берега Днѣпра въ предѣлахъ Могилевской губ. Въ Быховскомъ и Рогачевскомъ уу. въ этой части Приднѣпровья найдено было еще очень мало раскопокъ, именно въ 1892 г. г. Фурсовымъ, близъ дер. Лугинки (ныне Ново-Выхова), дер. Винницъ (ныне Рогачева), д. Коломы (на Друти, близъ Рогачева), въ 1888 г. Е. Г. Романовымъ близъ д. Толочковой, также на Друти, и въ 1819 г. Нарбутомъ близъ Рогачева. Въ общемъ раскопано было 14 кургановъ, которые оказались принадлежащими къ разнымъ типамъ: а) высокіе (до 2-хъ и 3-хъ саж.) курганы съ трупосожженіемъ на кострищѣ (иногда обложенномъ плитами), б) болѣе низкіе, съ мелкими углями въ насыпи и погребеніемъ на поверхности земли (иногда съ вѣнцъ изъ бревенъ), в) еще меньшія насыпи (отъ 2 арш.) безъ всякихъ примѣсей, съ погребеніемъ на поверхности земли и въ почвѣ; встрѣчается по нѣскольку погребеній. Кострища съ костяками встрѣчены и въ низкихъ курганахъ¹⁾. Изъ вещей въ этихъ курганахъ найдены височныя кольца типа Березинскихъ кургановъ, браслеты, перстни, горшки и фигурка человека съ вѣнкомъ въ рукѣ. Ни вещи, ни обряды погребенія въ Рогачевскихъ и Быховскихъ курганахъ не исключаютъ возможной близости ихъ къ Березинскимъ и, во всякомъ случаѣ, совершенно отличаютъ ихъ отъ соседнихъ радимичскихъ кургановъ. Раскопки Нарбута не были удачны²⁾. Турчиновичъ знаетъ нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка и другихъ, происходившихъ, будто бы, изъ кургановъ Быховскаго у.³⁾

По лѣвую сторону Днѣпра найдены разбросанными изъ разныхъ мѣстностей среди кургановъ радимичскаго типа отличныя отъ нихъ курганныя насыпи, которыя всего удобнѣе примыкаютъ также къ курганамъ заднѣпровскимъ. Это довольно высокія насыпи правильной полушарой формы, заключающія въ себѣ кострища съ лежащими на нихъ обгорѣвшими костяками. Положеніе костяковъ головы на З. и иногда на В. (что замѣчается и въ древнѣйшихъ Березинскихъ курганахъ). По бокамъ кострищъ встрѣчаются обуглившіеся колоды. Въ курганахъ этого типа найдены и погребенія (на поверхности почвы), иногда съ

¹⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ, т. IV, I и II отъѣзды въ Рогачевъ, стр. 140—143 (въ приложеніи даны чертежи).

²⁾ Турчиновичъ К. О погребеніяхъ въ Геттѣ (стр. 232) въ сочиненіи на Радимичахъ Писаревъ С. П. СПб.

³⁾ Турчиновичъ К. Очеркъ истории Древности, 1887 г.

небольшими кострищами при нихъ. Характернымъ для кургановъ описаннаго типа предметомъ можно считать височныя изъ проволоки кольца средней величины, находимыя по нѣскольку экземпляровъ (до 9 экз.). Такіе курганы раскопаны: близъ д. Красная Слобода (около устья Прони), у д. Корма (нѣсколько ниже по р. Сожу), близъ д. Князевки (въ той же мѣстности) и, наконецъ, въ Хотимскѣ (на р. Бесѣди, на восточной границѣ губерніи), всего 19 кургановъ. Хотимская группа интересна тѣмъ, что здѣсь вмѣсто кострища чаще встрѣчаются простыя прослойки угля и пепла. Въ одномъ изъ кургановъ найдено впускное погребеніе кривичское. Въ нѣсколькихъ курганахъ встрѣчены разсыпанные по всей насыпи мелкіе угли¹⁾. По недостатку раскопокъ въ курганахъ этого типа мы не можемъ ни дать опредѣленной характеристики ихъ, ни указать точное отношеніе ихъ къ радимичскимъ и другимъ сосѣднимъ. Быть можетъ, эти курганы дѣйствительно дреговичскіе, а можетъ это не что иное, какъ радимичскіе курганы, древнѣйшіе, или болѣе новые.

Остальная часть Могилевской губ. по западному берегу Днѣпра и по р. Сожу и сосѣдніе Суражскій и Новозыбковскій уу. Черниговской губ. покрыты радимичскими курганами. Благодаря позднѣйшимъ раскопкамъ П. М. Еременки (1890, 1891 и 1894 гг.) и В. Б. Антоновича (1893 г.), а также прежнимъ В. И. Сизова, Могилевскаго Статист. Комит. и др. радимичскія древности намъ въ общихъ чертахъ извѣстны довольно хорошо, хотя до изданія отчетовъ объ этихъ раскопкахъ мы и лишены возможности дать ихъ точную характеристику.

Значительныя раскопки, произведенныя профессоромъ В. Б. Антоновичемъ близъ древнихъ городовъ Гомеля и Чечерска, показали, что общепринятый для X в. (можетъ быть, первой половины его) обычай погребенія у радимичей этой мѣстности состоялъ въ погребеніи труповъ на особенномъ возвышенномъ ложѣ (выше $\frac{1}{2}$ метра) изъ смѣси золы, земли и зеренъ угля (безъ признаковъ пережженныхъ или обугленныхъ костей), которое покрывалось затѣмъ земляною насыпью въ видѣ полушара, а кругомъ послѣдней выкапывался ровъ. Иногда трупъ облагался съ боковъ досками, безъ гвоздей; клали его всегда головою на З., съ протянутыми конечностями. Наиболѣе характерныя радимичскія вещи этого времени—семилопастныя височныя кольца особаго типа, пластинчатая шейныя гривны съ розетками на концахъ и раз-

¹⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ, стр. 11, 13, 14 и 22. Быть можетъ, къ этой же группѣ древностей относятся вещи изъ Рогачевского у., доставленныя на Ярославскій Археол. Съѣздъ А. Л. Гурко (Указатель выставки Съѣзда, стр. 68).

нообразныя подвѣски къ ожерелью. Въ другихъ мѣстностяхъ края, именно въ бассейнѣ р. Сожа, на ряду съ описаннымъ, въ болѣе крупномъ употребленіи нѣсколько иной обрядъ погребенія, можетъ быть, одновременный съ описаннымъ и заключающійся въ томъ, что костякъ полагается на поверхности земли или въ грунтовой ямѣ, а надъ нимъ, въ различномъ разстояніи, помѣщаются сломъ остатки костра. Иногда такіа кострища помѣщались и надъ костякомъ, лежащимъ на ложѣ. Въ нѣкоторыхъ курганныхъ группахъ описаннаго типа встрѣчаются насыпи съ остатками трупосожженія, совершеннаго внѣ кургана, быть можетъ, древнѣйшія, но судить объ этомъ трудно, такъ какъ вещей въ этихъ погребеніяхъ не было найдено. Въ болѣе новыхъ радимичскихъ курганахъ обнаруживается погребеніе на поверхности земли, въ ямѣ или даже въ насыпи, въ досчатомъ гробу и безъ него. Ни кострища, ни ложа изъ черной земли нѣтъ, и только иногда грудки углей помѣщаются близъ головы или въ ногахъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣченъ въ насыпи тонкій черный слой, безъ признаковъ костей и вещей.

Радимичскіе курганы, древнѣйшіе и болѣе поздніе, раскопаны въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Въ д. Анелиной, Быховскаго у., въ 1876 г. было случайно раскопано нѣсколько кургановъ, давшихъ вещи древне-радимичскаго типа; костякъ лежалъ на остаткахъ кострища и ими же присыпанъ сверху ¹⁾.

2) Около того же времени 2 кургана раскопаны были Н. М. Турбинымъ близъ ст. Обидовичи, на Дибрѣ, причемъ были, между прочимъ, найдены 4 сребреника съ именемъ Владимира. Одни курганы высокіе, островерхіе, содержатъ сожженіе, другіе — болѣе плоской формы и меньшей высоты — заключаютъ въ себѣ обыкновенное погребеніе, причемъ костяки пересыпаны (?) пепломъ и кусками угля. Между вещами найдены, между прочимъ, витой желѣзный шейный обручъ. Въ 1873 г. въ имѣніи Вотинъ были раскопаны 13 кургановъ гр. А. С. Уваровымъ, причемъ найдены были насыпи и съ трупосожженнымъ, и съ погребеніемъ, головою на В. Находки: кольца, серьги, бусы ²⁾.

3) Въ верховьяхъ р. Сожа раскопки были произведены г. Чолом-

¹⁾ Могилевскій музей, стр. 14 (1897 г.).

²⁾ Императ. Россійскій Историческій Музей, 2-е изд., 1899 г., стр. 161 — 163 и въ статьѣ г. Турбина, «Вещи изъ кургановъ, раскопанныхъ въ Быховскомъ у., Могилевской губ.», Древности, т. VIII, стр. 33 и 34. — Губинскій, Археологическія раскопки кургановъ, произведенныя гр. А. С. Уваровымъ въ имѣніи Вотинъ, Могил. губ. Губинск. Вѣстн., 1890, 228.

скимъ въ 1892 г. (близъ д. Городокъ), г. Романовымъ—близъ с. Дубойкова, Костюковичи и Шины, въ 1890 г., и В. И. Сизовымъ—близъ с. Туровичи, но раскопки эти были незначительны и не дали определенныхъ результатовъ ¹⁾.

4) Въ м. Кричевѣ были въ 1888 г. произведены раскопки помещикомъ В. С. Голынскимъ, давшія небольшое собраніе вещей, по видимому, древне-радимичскаго типа, хотя и безъ характерныхъ височныхъ колець ²⁾. Въ д. Испады, близъ Кричева, произвелъ небольшія раскопки В. И. Сизовъ ³⁾.

5) По р. Остеру и Любжанкѣ были произведены раскопки, въ небольшихъ размѣрахъ, при д. Иванскѣ, Хотовижѣ, Стройкалы и Тиманово г. Чоловскимъ въ 1892 г. ⁴⁾.

6) По среднему теченію р. Сожа курганы съ вещами радимичскаго типа встрѣчены близъ д. Елизаветино ⁵⁾.

7) Близъ старыхъ радимичскихъ городовъ В. Б. Антоновичемъ въ 1893 г. на средства Императорской Археологической Коммиссіи произведены были значительныя раскопки, давшія богатый матеріалъ, еще не обнародованный. Всего было раскопано 115 кургановъ, причемъ, кромѣ вещей, было найдено 5 арабскихъ монетъ первой половины X в. Изъ измѣренныхъ 33 череповъ 28 оказались длинноголовыми. Въ напечатанномъ краткомъ отчетѣ объ этихъ раскопкахъ мы находимъ весьма любопытное указаніе, что среди прочихъ вещей были найдены двѣ дугообразныя фибулы—бронзовая и желѣзная ⁶⁾.

8) Въ тѣхъ же мѣстностяхъ въ 1888 г. производилъ раскопки Е. Р. Романовъ (д. Нисимковичи, Хмеленецъ, Любенъ, Еленецъ, Корма, им. Радуга и близъ с. Стар. Рудня, расположенномъ ближе къ Днѣпру, чѣмъ къ Сожу), давшій первыя по времени описанія радимичскихъ кургановъ. Впрочемъ, такъ какъ раскопки были произведены отрывочно, въ немногихъ курганахъ, то и описанія эти приобрѣли значеніе лишь со времени послѣднихъ серьезныхъ раскопокъ г. Антоновича и Еременки. При нѣсколькихъ костякахъ г. Романовъ нашелъ у головы известковые камни; найдены были курганы съ двойными погре-

---

¹⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ, стр. 29, и Указатель Историч. музея, стр. 590. Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 33. Указатель Историческаго музея, стр. 590.

²⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1888 г., № 38.

³⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 590.

⁴⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ, стр. 26, 25, 27 и 21.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 15.

⁶⁾ Археологич. Извѣстія 1893 г., № 9, 316—318.

белыми. Если бы эти разнородные, но между ними попадались глиняные сосуды с фигурами на дѣлѣ и тѣм¹⁾. Паничъ с. Чечерскъ привозилъ также раскопки В. И. Сизова²⁾, а близъ д. Федоровой, Румянского у. — А. В. Прахова³⁾.

9) Ниже Гомеля, противъ с. Нов. Добрыничи, было раскопано до 20 радимичскихъ кургановъ въ имѣніи гг. Паскевича. Все погребеніе оказалось на поверхности земли, вещи найдены не во всѣхъ курганахъ. Среди находокъ въ этихъ курганахъ указываются, между прочимъ, 3 глиняные кувшины 4, 5 и 8 дюйм. вышины, съ двумя ушками на каждомъ, орнаментированные зигзагообразными линиями въ 1 и 3 пояса, какая-то глиняная тарелка и каменный топоръ, наложенный на ребрахъ скелета. Все эти предметы, быть можетъ, относятся къ другому времени и другой культурѣ, болѣе древней. Аналогій имѣ въ могилоческихъ и черниговскихъ курганахъ мы не знаемъ.⁴⁾

10) Свѣдѣніями о радимичскихъ курганахъ Новомышкунского и Суражскаго у. Черниговской губ., мы обязаны раскопкамъ П. М. Еременка, отчетъ о которыхъ помѣщенъ выше. По р. Ппутѣ оказались радимичские курганы болѣе древняго, частаго типа, а по Снони, впадающей въ Десну — курганы болѣе поздняго времени. Въ 1893 г., въ имѣніи г. Зенченка „Кургане“, Суражскаго у., были произведены не большія раскопки, давшія предметы древне-радимичскаго типа⁵⁾. Близъ д. Парфеновки Мглинскаго у. (въ самой сѣверной части этой) были когда-то раскопаны курганы, въ которыхъ найдены позолоченныя бусы, какія-то сребровидныя бѣлхи, серьги съ длинными подвесками изъ этой проволоки и пластинчатые браслеты⁶⁾; характеръ древностей не ясенъ.

Верхнее и среднее теченіе р. Десны извѣстны очень мало. Если основанія предполагать, что и здѣсь должны оказаться радимичские курганы, либо въ видѣ сплошныхъ курганныхъ группъ, либо среди курганныхъ насыпей другого племени, такъ какъ курганы радимичскаго древнѣшаго типа встрѣчены даже въ Курской губ., по притоку Десны

¹⁾ Румянцевъ, Развалины въ Мглинскомъ уѣздѣ въ 1898 г. — *Извѣстія* в. XIII, к. 1, стр. 139—144.

²⁾ Указаній. Историческое мѣсто, стр. 243.

³⁾ Найденныя вещи: бронза, тонкія рѣзные монеты, обломки посуды, украшенной позолотой, бронза, вещи находившіяся въ Ивотѣхъ Румянского Архангельскаго общества.

⁴⁾ Даниловичъ В. А. Археологическія раскопки въ Гомельскомъ уѣздѣ. — *Киевскія извѣстія*, 1895, III, стр. 575.

⁵⁾ Въ извѣстіи Ивотъ Архангельскаго общества 1893 г., № 242.

⁶⁾ О курганахъ Мглинскаго у. — *Черкасск*, 1894 г., 1895, 40, и *Южная Россія*, 1895, 7, стр. VIII, стр. 164—165.

Сейму ¹⁾. То, что мы знаемъ о курганахъ подъ Стародубомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова, произведенныхъ въ 1874 г. ²⁾, не противорѣчитъ нашимъ свѣдѣніямъ о радимичскихъ курганахъ и не идетъ къ курганамъ сѣверянскимъ. Погребенія расположены ниже поверхности земли, часто въ гробахъ, вещи позднѣйшія. Въ нѣкоторыхъ курганахъ близъ Стародуба оказался обрядъ погребенія, отмѣченный нами въ курганахъ верховьевъ Сожи, которые мы предположительно приписали кривичамъ, именно погребеніе въ дубовыхъ домищахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями и обернутыхъ въ бересто. Если это такъ, то по среднему теченію Десны можно ожидать встрѣтить и радимичскіе, и кривичскіе курганы, что, конечно, вполне естественно. Раскопки кургановъ въ этой мѣстности должны показать, кто прежде занялъ Десну изъ этихъ двухъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ ³⁾.

По Деснѣ и Сейму расположены сѣверянскіе курганы. Изъ нихъ древнѣйшіе, раскопанные Д. Я. Самоквасовымъ въ 1872—74 г. въ Черниговѣ и Сѣднѣвѣ, отличаются своей значительною величиною и заключаютъ въ себѣ трупосожженія на кострищѣ, расположенномъ обыкновенно на поверхности почвы. Насыпи вокругъ обведены рвами. Вещи встрѣчаются какъ на кострищѣ, вмѣстѣ съ костями человѣка и животныхъ, такъ и въ отдѣльномъ слѣбѣ, помѣщенномъ въ насыпи выше кострища, иногда въ глиняномъ сосудѣ. Всѣ вещи носятъ слѣды огня. Находки очень разнообразны и интересны: предметы вооруженія, конскаго убора, домашняго быта и различныя украшенія (ушныя колечки съ подвѣсками, бусы, булавки, бляшки, пуговицы и пр.); вмѣстѣ съ ними найдена византійская и арабская монеты IX в., которыми и определяется время этого типа погребеній ⁴⁾. Какія вещи этихъ кургановъ

¹⁾ С пер а н с к і й. Раскопки кургановъ въ Рыльскомъ у. (Курской губ.) въ «Археологич. Извѣстіяхъ» и Замѣткахъ, 1894 г., № 8, стр. 263—269.

²⁾ При д. Мериновѣ, Левинѣ и с. Лариновкѣ и Хворостовкѣ. С а м о к в а с о в ѣ, Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи въ Трудахъ III-го Археол. Съѣзда, т. I, стр. 195—197. Е го ж е, Основанія хронологич. классифик., стр. 70—72.

³⁾ Въ музеѣ Московск. Археологич. Общества находятся вещи курганныхъ кривичскихъ типовъ съ отмѣткой «Остеръ, Ипутъ, Десна». Не знаемъ, чьи это раскопки и какого времени.

⁴⁾ С а м о к в а с о в ѣ, Сѣверянскіе курганы, стр. 187—194, въ Трудахъ III-го Археологическаго Съѣзда, т. I. Е го ж е. Основанія классификаціи и пр., стр. 63—70.—О раскопкахъ кург. «Черная Могила» въ Извѣст. И. Р. Геогр. Общ., X т. (1874 г.) и въ Извѣстіяхъ Московск. Общ. Любит. Естествозн., XX, кн. 2, в. 1. Э н г е л ь м а н ѣ, о срытіи кургана въ Черниговѣ. «Черниг. Вѣд.» 1852, 44 (перепечатано въ работѣ г. Самоквасова).—С а м о к в а с о в ѣ, О сѣверянскихъ могилахъ, «Нашъ Вѣкъ», 1877, 51.—Е го ж е, О древностяхъ Черниговск. губ. въ Антропол. Вѣст., т. II, 338, 339, 341, 343, 344, 348, 349.

можно считать характерными, еще не установленно. Быть может, больше Черниговские курганы представлять могилы больше значительных лиц сѣверянскаго племени. Больше простой и очень распространенный обряд погребения въ странѣ сѣверянъ состоитъ въ томъ, что остатки отъ сожженнаго на сторонѣ трупа въ глиняномъ сосудѣ (одномъ или двухъ) помещали въ верхней части невысокихъ курганныхъ насыпей. Курганы такого типа раскопаны въ значительномъ количествѣ Д. И. Самоквасовымъ въ д. Сѣнѣвѣ, Черниговскаго у., въ с. Ошасовѣ и д. Любатовѣ Кролевецкаго у., въ с. Волокитинѣ и Готовкѣ Глуховскаго у., и далѣе по Сейму въ Курской губ. ¹⁾ и В. В. Антоновичемъ близъ Любеча и Сибережа ²⁾. Такимъ образомъ, ихъ можно прослѣдить по прямой линіи къ востоку по Днѣпру, Деснѣ и Сейму. Въ курганахъ этихъ предметы встрѣчены въ столь сглаженномъ видѣ, что пока не представляется возможности говорить объ ихъ типахъ.

Въ однихъ и тѣхъ же группахъ вмѣстѣ съ курганами, заключающими трупосожжения, встрѣчены курганы съ погребениемъ обыкновеннымъ. Костяки лежатъ въ неглубокихъ материковыхъ ямахъ, solitoю на З., а иногда на Ю. и ЮВ., часто въ гробахъ. Вещи немногочисленны и не характерны: ушные кольца (иногда съ напущенными на нихъ серебряными и стеклянными бусами), кольца, прожки, бусы и пр. Такіе курганы раскопаны Д. И. Самоквасовымъ въ Черниговѣ, д. Сѣнѣвѣ и с. Волокитинѣ Глуховскаго у. ³⁾, и В. В. Антоновичемъ близъ Любеча ⁴⁾. Они же с. Самоквасовымъ найдены среди кургановъ съ трупосожжениями въ Курской и Харьковской губ. Къ тому же времени или нѣсколько болѣе раннему, относятся курганы, раскопанные близъ с. Переславы и въ Ромненскомъ у. Полтавской губ., и въ Суджанскомъ у. Курской губ., характеризующіеся височными кольцами двухъ типовъ (малыя проволочныя и проволочныя же, изогнутыя спирально, тѣсныя характерныя, встрѣченныя и у радимичей) и витыми гривами съ пластичатыми стѣбками на концахъ. Время этого типа кургановъ опредѣляется находками монетъ 914—943 гг. Въ Черниговской губ. такихъ кургановъ еще не найдено, но, безъ сомнѣнія, лишь по недостат-

¹⁾ Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы, стр. 194—196. — Антоновичъ, Печерск. т. II, стр. 243.

²⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 149—151. — Кашаевъ, Исследования кургановъ въ южной части въ 1880 г. въ с. Токмарицкѣ, сѣверн. Сѣверу, археологическія раскопки въ Днѣпрѣ въ окрест. Импер. Архива. Киевскія 1885 г. № 35.

³⁾ Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы, стр. 183, 184 и 187. — Антоновичъ, Печерск. т. II, стр. 243.

⁴⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 149.

точности раскопок¹⁾. Едва-ли можно сомнѣваться, что это тоже сѣверянскіе курганы: найденные въ нихъ предметы принадлежать, несомнѣнно, славянскому племени, а изъ всѣхъ славянскихъ племенъ X в. здѣсь всего естественнѣе предполагать сѣверянъ.

Черепъ изъ Черниговскихъ кургановъ, какъ и изъ кургановъ Мериновскихъ, оказались длинноголовыми, и на этомъ основаніи проф. Богдановъ не считаетъ возможнымъ признавать ихъ славянскими, тѣмъ болѣе, что черепъ, взятые изъ черниговскаго кладбища, относимаго къ XII (?) в., оказались короткоголовыми²⁾. Такъ уже не въ первый разъ выводы антропологическіе не сходятся съ историко-археологическими.

Ни въ Могилевской, ни въ Черниговской губ. мы не знаемъ славянскихъ курганныхъ древностей, восходящихъ далѣе IX в., хотя славяне жили на этихъ мѣстахъ несомнѣнно и въ болѣе древнее время. Не имѣемъ понятія о типѣ славянскихъ древностей болѣе ранняго періода и не знаемъ, гдѣ искать ихъ.

Слѣды болѣе древнихъ и, вѣроятно, еще не славянскихъ культуръ изъ всей этой мѣстности до сихъ поръ найдены лишь къ югу отъ Десны и Сейма, по пути изъ Днѣпра въ бассейнъ Оки. Близъ устья Десны, у с. Вишенки, находятъ бронзовыя подѣлки съ выемчатою эмалью, небольшія фибулы и бронзовыя стрѣлки, типовъ II—V в.³⁾. Въ 1873 г. близъ г. Нѣжина найденъ кладъ изъ 1.312 серебряныхъ римскихъ монетъ I-го, но преимущественно II-го в. по Рожд. Христ., а съ ними 2 великолѣпныя золотыя фибулы, такъ-называемаго готскаго типа, инкрустированныя гранатами, и бронзовое кольцо. Нѣжинскими называются также 2 превосходныя и важныя въ научномъ отношеніи серебряныя фибулы той же формы, хранящіяся въ Императ. Эрмитажѣ⁴⁾. Въ 1872 г. интересныя древнія вещи, по слухамъ, были найдены близъ г. Борзны, именно римскія монеты и серебряное блюдо⁵⁾. Повидимому, къ давнему времени относятся и нѣкоторыя изъ вещей,

---

¹⁾ Курганные древности лѣваго берега Десны въ нижнемъ ея теченіи совсѣмъ не затронуты.

²⁾ Богдановъ, Курганные жители Сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниговской губ.—Антрополог. Выставка, т. III, стр. 350—361.

³⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 47. Предметы изъ с. Вишенокъ есть также въ собраніи гр. А. А. Бобринскаго, въ Таврической архивной комиссіи и у бар. де-Бая.

⁴⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1873 г., № 31. Изображеніе фибулъ въ III в. «Русскихъ древностей», издаваемыхъ гр. Толстымъ и Кондаковымъ, стр. 147 и 154 и въ дѣлѣ Археолог. Коммиссіи 1875 г., № 17.—Указатель средневѣков. отдѣленія Эрмитажа, стр. 281.

⁵⁾ Древности, т. VII, стр. 2 (проток.).

найденных Д. Я. Самоквасовым на Юхновском городище близъ Понгорода-Сверскаго ¹⁾. Какіе-то серебряные и медные браслеты древнихъ типовъ, найденные близъ г. Стародуба, имѣются въ Киевской коллекции г. Хайновскаго ²⁾.

В. Б. Антоновичемъ было раскопано нѣсколько кургановъ близъ г. Борзны, которые могутъ быть относимы къ позднѣйшему славянскому типу. Курганы эти имѣютъ распычатую форму, погребеніе довольно глубокое въ материкѣ. Вещи разбросаны въ безпорядкѣ въ насыпи и ниже ея. Найденны: черенки почти terra-cottовой посуды, трехгранные наконечники стрѣлъ, бронзовые пряжки, золотыя и бронзовыя бляшки съ изображеніемъ животныхъ, желѣзные удила, наконечники копій и ножи, бронзовыя и желѣзные втулки и пр. ³⁾ Кажется, къ той же культурѣ относятся 2 кургана, раскопанные В. Б. Антоновичемъ близъ с. Табаевки, на р. Бѣлоусѣ, недалеко отъ Чернигова ⁴⁾. Слѣды большаго раскопаннаго кургана указываются у м. Новаго Быкова Конотопскаго у. ⁵⁾ и цѣль изъ большихъ курганныхъ насыпей нѣсколько выше, у с. Свидовца ⁶⁾. „Огромнѣйшій“ курганъ извѣстенъ у с. Табалаевки, близъ Нѣжина; нѣсколько большихъ кургановъ (отъ 6 до 7 саж. вышины) указываются близъ с. Плоскаго, Нѣжинскаго у. ⁷⁾. Изъ городища, расположеннаго близъ м. Красный Калитинъ, Конотопскаго у. и находящихся близъ него кургановъ Т. В. Кибальчичъ извлекъ стеклянныя бусы, золотыя слитки, желѣзный топоръ и черенки древняго типа ⁸⁾, а изъ кургана „Очеретовая могила“ у с. Кошаръ—желѣзный мечъ, толстый бронзовый браслетъ, желѣзный ножъ и удила съ украшеніями ⁹⁾. Курганъ Цемхалиха, раскопанный г. Кибальчичемъ въ 1874 г. близъ м. Бахмачъ, Конотопскаго у., ничего не далъ, но

¹⁾ Самоквасовъ, Описанія классификація и пр., стр. 6 и 7.

²⁾ Указатель Выставки Московскаго Археолог. Съѣзда 1890 г., стр. 34.

³⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 152 и 153. Антоновичъ, описавъ предметы украшенія, найденныя проф. Антоновичемъ въ курганахъ близъ с. Борзны Черниг. губ., въ Древности, т. X, стр. 32—34 (протѣка).

⁴⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 161 и 162.

⁵⁾ Миссионеръ, О трехъ городищахъ въ Конотопск. у.—Труды III-го Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 237—243.

⁶⁾ Шеншицкѣ, Могилы, описанія вещей с. Свидовца, Конотопскаго у.—Черниг. Губ. Вѣд., 1884 г., № 1.

⁷⁾ Проконисевичъ, о курганѣ близъ с. Табалаевки.—Черниг. Вѣд., 1884, № 1.—Стефановскій, о курганѣ и курганахъ близъ с. Платова.—Черниг. Губ. Вѣд., 1886, № 48.

⁸⁾ Кибальчичъ, Древности. Киевъ 1880 г., стр. 1, 4 и 16.

⁹⁾ Опись вещей этой раскопки въ Антонов. Писемск. и О., стр. 97. См. также Проконисевичъ, Древности, стр. 28. Курганы описаны также въ кн. Кибальчича, описанія С. на 10.

близъ него, по слухамъ, была найдена интересная древняя могила съ золотыми и серебряными вещами, глиняною посудою и лампочкой ¹⁾. Близъ с. Баба Сосницкаго у. находится огромный курганъ, а около него слѣды земляного укрѣпленія и на немъ грубо обработанная каменная баба. вышиною 2¹/₂ арш., съ отбитой головой ²⁾. Кажется, это единственное указаніе на существованіе каменныхъ бабъ въ Черниговской губ.

Д. И. Самоквасову посчастливилось найти въ данномъ районѣ курганъ даже бронзоваго вѣка, именно близъ м. Сѣднева, Черниговскаго у. Въ курганѣ этомъ оказались: бронзовый наконечникъ копья, янтарная буса, оселокъ изъ чернаго камня и кремневый наконечникъ стрѣлы ³⁾. Въ Румянцевскомъ музеѣ сохраняется бронзовый палъ-ставъ, найденный гдѣ-то въ Черниговской губ. ⁴⁾. Изъ с. Вишенокъ въ коллекціи г. Поля находятся слѣдующія вещи бронзоваго періода: кельтъ, 2 тонкіе кованые наконечника копій, обломокъ небольшого долота и шила ⁵⁾. Остается непонятнымъ происхожденіе нѣсколькихъ подлинныхъ египетскихъ статуэтокъ до 4 вершк. величиною, найденныхъ, по слухамъ, гдѣ-то близъ Батурина, въ Мазепиныхъ валахъ, на значительной глубинѣ, изъ которыхъ одна поступила въ музей при Кіевской духовной академіи. Обстоятельства этой интересной находки остались неуясненными ⁶⁾.

Извѣстныя изъ Черниговской губ. находки каменнаго вѣка пока незначительны и ничѣмъ не выдѣляются. Каменные орудія найдены близъ с. Пирогова, с. Горки, д. Кудлаевки, с. Ленковки на Деснѣ, въ Новгородъ-Сѣверскомъ у.; въ курганѣ близъ с. Монастырщина Нѣжинскаго у., и близъ с. Вишенки Остерскаго у. ⁷⁾. Изъ Могилевской губ. находокъ каменнаго вѣка извѣстно еще менѣе ⁸⁾.

И Могилевская, и Черниговская губ. принадлежать къ числу весьма богатыхъ курганами. Наболѣе полныя свѣдѣнія по курганографіи Могилевской губ. собраны Е. Р. Романовымъ, составившимъ первую археологическую карту этой губерніи. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ онъ

¹⁾ Древности, т. VI, стр. 28 (проток.).

²⁾ «Одесск. В.», 1854, 105 (см. словарь Семенова подъ словомъ с. Баба).

³⁾ Самоквасовъ. Основы классификаціи, стр. 10.

⁴⁾ Филимоновъ, Каталогъ отдѣлен. доисторич. древностей Московск. Публ. музея. Москва, 1873, стр. 38.

⁵⁾ Каталогъ коллекціи г. Поля, стр. 36, 41 и 42.

⁶⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммисіи дѣло 1885 г., № 40 6.

⁷⁾ Уваровъ гр., Археологія Россіи, т. II, стр. 87 и 147. — Указатель Историческаго музея, стр. 26. — Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, стр. 1—4.

⁸⁾ Археологія Россіи, т. II, стр. 139.

перечисляетъ здѣсь свыше 100 курганныхъ грунть ¹⁾, въ другой части свѣдѣнія о курганныхъ грунцахъ въ Свининскомъ у. ²⁾, Г. Соколовъ въ 1851 г. напечаталъ свѣдѣнія о многихъ курганахъ Быховскаго и Рогачевскаго у. ³⁾. Въ 1892 г. хорошія свѣдѣнія о курганахъ южной и средней части губерніи собраны были г. Фурсовымъ и Чоловковымъ ⁴⁾. Въ статьѣ Головацкаго помѣщены свѣдѣнія о курганахъ Рогачевскаго у. ⁵⁾, въ статьѣ Лоначевскаго — о курганахъ Гомельскаго у. ⁶⁾ и въ замѣткѣ Муромцева — общія свѣдѣнія о курганахъ губерніи ⁷⁾. При нанесеніи всѣхъ имѣющихся свѣдѣній на карту обнаруживается, что очень мало извѣстны курганы Оршинскаго, Могилевскаго, Горковскаго и Чаусовскаго у., т. е. сплошная полоса между древнѣйшими поселеніями полочанъ и радимичей. Точныхъ свѣдѣній о распространеніи кургановъ по Черниговской губ. мы не имѣемъ, но изъ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ убѣждаемся, что они расѣяны по всей губерніи въ значительномъ количествѣ. Такъ мы знаемъ, что въ Мглинскомъ у. кургановъ много ⁸⁾. П. М. Еременко въ Суражскомъ и Новозыбковскомъ у. разыскалъ ихъ также большое количество. Въ статьяхъ г. Милорадовича ⁹⁾, Шишацкаго ¹⁰⁾, Безъ-Корниловича, Константиновича и друг. ¹¹⁾ заключаются свѣдѣнія о курганахъ всей

¹⁾ Труды Виленскаго Отдѣленія Предварит. Комитета по устройству IX Археологическаго Съезда, стр. 44 и 45.

²⁾ Романовъ, О курганныхъ раскопкахъ въ Свининскомъ у. — Труды Австрійскаго Отдѣла, т. IX, в. 3, стр. 297—606 и XII, 422 (карта).

³⁾ Соколовъ, Дорога изъ Могилева въ Гомель. — Черниг. Губ. Вѣд., 1851, в. 6, 9 и 10. — Чертова Гора близъ Чечерска. — Черниг. Вѣд., 1854, в. 6.

⁴⁾ Дневникъ курганныхъ раскопокъ. Черниг., 1892 г.

⁵⁾ Головацкій, Археологич. раскопки кургановъ, произведенныя Уваровымъ въ им. Ветѣй Могил. губ. — «Виленск. Вѣстн.», 1880, 228.

⁶⁾ Лоначевскій, Археологич. находки въ Гомельск. у. — «Кіевская Старина», 1885, III, стр. 573.

⁷⁾ Муромцевъ, Замѣтки о Могилевскихъ курганахъ и находкахъ монетъ. — Труды I Съезда, т. I, стр. LXVI, 119—123.

⁸⁾ Ковалевъ, О курганахъ въ Мглинскомъ у. — Черниг. Вѣд., 1854, № 39, «Отч. Зап.», 1852, II, отд. VIII, стр. 154—155 и «Московитинъ», 1852, IV, стр. 126 (7).

⁹⁾ Милорадовичъ, Чертова Поква близъ г. Любеча (продолженіе о курганахъ). — Черниг. Вѣд., 1857, 38.

¹⁰⁾ Шишацкій, Могилы, лежащія юго-в. отъ Свинцова, Ковельскаго у. — Черниг. Губ. Вѣд., 1854, 52.

¹¹⁾ Константиновичъ, О курганахъ Черниговской губ. Труды III-го Археол. Съезда, т. I, 181—184. — Безъ-Корниловичъ, Историческія свѣдѣнія о древнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлороссіи, 1865 г. — Курганы въ г. Черниговѣ. Ж. М. В. Д., 1897, т. XXVI, № 11, стр. 353. — Вайдашскій, Славянскіе курганы. Зап. Русск. Общ. И. Р. Арх. Общ., т. I, отд. 4, стр. 5 и 6. — Гагаринскій, Псковскіе курганы и малороссійскія древности. — Зап. Писка, 1872, 287. — Курганъ въ каменистыхъ породахъ, находящійся близъ Лубовицъ Горькаго у. Черниг. губ. Общ. Арх., 1898, т. XXXII и XXXIII, стр. 5—6.

Черниговской губ., особенно же Черниговскаго и Нѣжинскаго у. Раскопки, произведенныя въ различныхъ пунктахъ губерніи, показываютъ, что курганы въ Черниговской губ. находятся всюду; менѣе всего средняя часть губерніи (Городненскій и Новгородъ - Сѣверскій у.), представляющая также грань между древними поселеніями радимичей и сѣверянъ.

Въ описываемомъ краѣ древнѣйшія монеты найдены въ 5 в. отъ Нѣжина по дорогѣ въ Пашковку, именно 1.312 серебр. римскихъ монетъ имп. Домиціана, Антонина Пія, Марка Аврелія и др., кончая монетами Септимія Севера (т.-е. преимущественно II в.), найденныя въ 1873 г. ¹⁾. Въ 1804 г. открытъ кладъ близъ г. Климовичи, состоявшій изъ 1.815 монетъ римскихъ императоровъ. Въ 1873 г. возлѣ Черниговскаго городища найдено нѣсколько монетъ импер. Траяна, Адриана, Антонина Пія и Діоклетіана ²⁾. Арабскія монеты найдены были въ видѣ огромнаго клада близъ г. Могилева, а въ меньшемъ количествѣ гдѣ-то въ Могилевскомъ у. и въ двухъ мѣстностяхъ Гомельскаго у. Въ Черниговской губ. небольшіе клады арабскихъ монетъ найдены въ г. Любечѣ, въ с. Яриловицахъ Городницкаго у., близъ д. Савиной Остерскаго у., въ имѣніи г. Лишина въ Сосницкомъ у. и нѣсколько кладовъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ ³⁾. Всѣ эти клады относятся къ IX и X в. 179 русскихъ монетъ X и XI в. найдены близъ Нѣжина ⁴⁾. 5 золотыхъ византійскихъ монетъ XII в. найдены были въ 1873 г. въ с. Спасскомъ Кролевецкаго у. ⁵⁾. Монетныя гривны черниговскаго типа, т.-е. ромбическія съ растянутыми или расплюснутыми углами, найдены въ 1886 г. въ с. Мамекинѣ Новгородъ-Сѣверскаго у. ⁶⁾ и въ с. Горбовѣ того же у. ⁷⁾; гривны кievскаго типа, т.-е. ромбическія съ обрѣзанными углами—близъ д. Задрутье близъ г. Рогачева (92 слитка) ⁸⁾; гривны типа саумовъ, т.-е. въ видѣ удлинненныхъ палочекъ—близъ г. Мглина ⁹⁾, близъ с. Суво-

¹⁾ Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1873 г., № 31.—В. Ш. Археологическая находка. «Кіевлянинъ», 1874, 93.

²⁾ Самоквасовъ. Исторія русскаго права, в. II, стр. 138 (1884 г.).

³⁾ По сообщенію А. К. Маркова.

⁴⁾ Stroganoff S. gr. Le trésor de Néjine, Zeitschr. für Numism., X, 112--118.—Tolstoi gr. Der Münzfund von Njeschine, ibid. X, 177—185.—Письмо въ редакцію. «Сѣверн. Пчела», 1852, 194.

⁵⁾ Въ архивѣ Импер. Археол. Коммиссіи дѣло 1879 г. № 8.

⁶⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 153 и въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1886 г., № 21.

⁷⁾ Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1878 г., № 14 и 1886 г., № 21 и Самоквасова, Основанія классификаціи, стр. 83.

⁸⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1893, № 151.

⁹⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1892 г., № 138.

рова Стародубскаго у. ¹⁾ и въ с. Остролядовѣ того же у. ²⁾. Общее число найденныхъ гривенъ доходить до нѣсколькихъ сотенъ.

Черниговская губ. известна находками цѣльных вещей, относящихся уже къ собственно-русскому предшлущему періоду. Мы не имѣемъ въ виду дать ихъ описаніе, хотя бы краткое, но тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ сообщить библиографію являющихся у насъ свидѣній объ этихъ находкахъ. Известны находки: такъ-наименованной черниговской гривны, вызвавшей въ свое время много статей и замѣтокъ ³⁾, львовскій кладъ ⁴⁾, кладъ Черниговскаго Елецкаго монастыря ⁵⁾, Черниговской Борисо-Глебской церкви ⁶⁾, кладъ, найденный въ Черниговѣ на Александровской площади ⁷⁾, на потостѣ кафедральнаго собора ⁸⁾, у обрыва крѣпостного вала на берегу Стрижня ⁹⁾, въ коллекціи Д. И. Самоквасова находится вещи изъ раскопокъ въ той же мѣстности ¹⁰⁾.

Старія русскія городища обратили на себя вообще еще очень мало вниманія, хотя ихъ въ Черниговской губ. отмѣчено уже довольно много ¹¹⁾. Древнихъ русскихъ кладбищъ известно также очень мало ¹²⁾.

¹⁾ Тамъ же, дѣло 1873 г., № 31.

²⁾ Тамъ же, дѣло 1873 г., № 31.

³⁾ Анастасевича въ «Отеч. Зап.» 1821 г., № 21, стр. 425—442. Битковъ и де-Сампленъ и Варнинскіе въ Труд. и Зап. Моск. Общ. Ист. и Древн., ч. III, т. 1, стр. 119—120, ч. III, кн. 2, стр. 8—11, ч. VIII, стр. 176—180, ч. VI, 107—123. К. Агге въ «Вѣстн. Евр.», ч. 16, № 12, стр. 299, ч. 121, № 4, стр. 280, ч. 122, № 5, стр. 43, № 6, стр. 118, ч. 124, № 15, стр. 121. См. статью гр. Н. И. Толстого въ Зап. Им. Рус. Арх. Общ. нов. сер. т. III, выд. 3, т. IV, в. 2 и Кондакова, указатель отдѣленія предвѣстия вѣстия Им. Эрмитажа, Спб. 1891, стр. 280.

⁴⁾ Кондаковъ, Указатель средне-вѣков. отдѣла, стр. 270—272. Архивъ Импер. Археол. Комм. 1879, № 8.

⁵⁾ Указатель къ отдѣлу ист.-арх. ценностей Румана, мунд., стр. 96.

⁶⁾ Въ архивѣ Импер. Археол. Коммисіи дѣло 1887 г., № 11. — Хавинъ, археологич. находка въ Черниговѣ, въ Киевск. Стар. 1883, V, стр. 174. — Константиновичъ, о находкѣ скелета съ металлич. украшениями въ Черниговѣ, въ Древности, т. X, стр. 28 (протек.).

⁷⁾ Въ архивѣ Импер. Археол. Комм. 1887, № 11. — Кондаковъ, Указатель, стр. 283.

⁸⁾ Тамъ же, дѣло 1883 г., № 11.

⁹⁾ Древн. и Нов. Россія, 1878, 7 (тамъ).

¹⁰⁾ Самоквасовъ, Описаніе классификаціи, стр. 82 и 100—101.

¹¹⁾ Находки близъ м. Гоманова Могилевской губ., въ Историческомъ музеѣ (Указатель, стр. 59). — Гильтбрандтъ, Ранданіе городища въ историческомъ музеѣ (сложение реферата г. Самоквасова), Древн. и Нов. Россія, 1879, 3, — Покровскій, Черниговскаго наместничества топографическое описаніе 1861, — Самоквасовъ, Описаніе хронолог. классиф., стр. 85 (Глушницкій у.). — Бороздинъ и Голубчикъ, Остролядовскіе близъ мѣст. Салтыковскій Дворецъ, Труды IV-го Археол. Съѣзда, т. 1, 46, 52. — Н. И. Мамшиевскій предполагаетъ, что г. Бадюкѣ принадлежатъ въ р. Днѣпѣ (Чувств. въ Общ. Имп. Дѣл., II, 163).

¹²⁾ Константиновичъ, О находкѣ скелета съ металлич. украшениями въ г. Черниговѣ, Древности, т. X, 28 (протек.). — Вибалдинъ, чертл. г. Черниговъ и

мало также свѣдѣній о древнихъ ипоческихъ пещерахъ ¹⁾. Вѣроятно, уже къ русскому времени относится сабля, 5 копій и 5 топоровъ, найденныхъ около 1883 г. въ 1½ в. отъ с. Лихачева Козелецкаго у. ²⁾.

III. Воронежская губ.

Въ с. Костенкахъ, находящемся на Дону нѣсколько ниже впаденія въ него р. Воронежа и расположенномъ на второй рѣчной террасѣ, съ давнихъ поръ извѣстно обширное мѣстонахожденіе мамонтовыхъ костей, подвергнутое изслѣдованію уже Гмелинымъ (въ 1769 и 1770 гг.). Но только столѣтіе спустя, благодаря раскопкамъ Академіи Наукъ, а потомъ Историческаго музея, открыто было, что это костище есть не что иное, какъ замѣчательная стоянка каменнаго вѣка. Раскопками сперва И. С. Полякова (въ 1879 г.), а вслѣдъ за нимъ А. П. Кельсіева (1881 г.) обнаружено, что подъ селомъ на глубинѣ до 2 аршинъ пролегаетъ слой глины толщиною до 1 арш., въ которомъ внѣдрены многочисленныя остатки мамонтовыхъ костей, а вмѣстѣ съ ними различныя подѣлки человѣка палеолитической поры. Кости мамонта встрѣчаются самыя разнообразныя, но ни разу не найдено цѣлаго скелета; иногда кости расколоты или обожжены. Въ разныхъ мѣстахъ найдены прослойки золы, и около нихъ-то чаще всего попадаются, въ значительномъ количествѣ, подѣлки изъ кремня, именно ножи, скребки, острія и ядрища. Другихъ орудій не найдено, а равно черепковъ и углей. Лучшія находки сдѣланы на дворѣ крест. Фокина, подъ которымъ, повидимому, находится особенно обширное пепелище ³⁾.

Отдѣльныя находки предметовъ неолитической поры каменнаго вѣка въ Воронежской губ. встрѣчены: на лѣвомъ берегу р. Дона противъ Костенокъ (кремневая стрѣлки и другія орудія) ⁴⁾, на правомъ

Конотопа. Антропол. Выст., т. II, 156 и 202. — Самоковасовъ, Основанія хронологич. классиф., стр. 82, 100, 101 (Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій). — О находкахъ г. Кибальчича въ Древн. и Нов. Россіи, 1878, 7 и Извѣст. Моск. Антроп. Общ., XXXI, стр. 156.

¹⁾ Слѣды древнихъ Черниговскихъ пещеръ (на Болдиной горѣ у Елецкаго монастыря). «Черниг. Вѣд.», 1853, 17.

²⁾ Изъ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи 1892 г., № 129. — Въ библиографическомъ указателѣ къ «Москвитяину» отмѣчается (1846 г., IV, стр. 200) статья о находкѣ двухъ серебряныхъ идоловъ въ Черниговѣ, при церкви Спаса, въ 1702 г., но указаніе это ошибочно. Не знаемъ также содержанія замѣтки, помѣщенной въ «Московск. Вѣд.» 1848, 157.

³⁾ Поляковъ. [Антропологич. поѣздка (въ Приложеніи къ XXXVII т. Зап. Акад. Н.). Кельсіевъ. Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежск. у. (Древности, т. IX, 154—180). Указатель Историч. музея, стр. 15 и 27. Гр. А. С. Уваровъ. Каменный вѣкъ, т. II, 144.

⁴⁾ Кельсіевъ, стр. 178. Указатель Историческаго музея, стр. 27.

берету Дона против Червленого яру (3 широкие и плоские наконечника стрѣлъ или копій, довольно значительныхъ размѣровъ) ¹⁾ и въ сл. Марченковой, Ольховатской вол. Острогожск. у. (престрашный большой шлифованный молотъ) ²⁾.

Въ мѣловыхъ образованияхъ, спущенъ по правому берегу р. Дона, находится много пещеръ, особенно на Диньгорьѣ, Шатрацгорьѣ, Бѣлогорьѣ и близъ Тихоновской обители около Задонска ³⁾. Пещеры эти тянутся въ глубину до 60 и даже 150 саж. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ слѣды искусственной обработки, въ иныхъ устроены двери. Есть сомнѣнія, что въ нихъ найдены будутъ и остатки каменнаго вѣка.

Быть можетъ, къ каменному же вѣку доведется отнести нѣсколько любопытныхъ кургановъ, раскопанныхъ г. Вейнбергомъ въ 1888 г. близъ г. Задонска на тамъ-называемомъ Тюнинѣ степи. Въ глубину эти курганы имѣютъ до 5 арш. Въ одномъ курганѣ въ центрѣ (нѣсколько выше поверхности земли) найденъ былъ глиняный сосудъ, заключающій на днѣ уголь вмѣстѣ съ комками сѣраго цвѣта. Въ С.-В. полѣ другого найденъ былъ дѣтскій черепъ, а въ изголовьяхъ кучка каменныхъ стрѣлъ, каменный молотокъ, раскрашенный камешокъ и что-то въ родѣ „башмачка“. Въ третьемъ курганѣ, совершенно распаханномъ, на глубинѣ 4 арш., на особомъ овальномъ ложѣ изъ камешковъ лежалъ на лѣвомъ боку въ утробномъ положеніи костякъ большого роста. У головы, на кругѣ изъ камешковъ, стоялъ грубый глиняный сосудъ, въ 3. отъ головы находился камень, отчасти распиленный на треугольнички. Нѣсколько въ отдаленіи въ 3. расположены были въ линію 3 глиняные сосуда, стоявшіе на кружкахъ, выложенныхъ бѣлыми камешками; между двумя изъ нихъ помѣстился свѣтъ или, скорѣе, ниша изъ скрѣпленныхъ глиною камешковъ до 1 арш. вышины, подъ которымъ на особой подстилкѣ изъ камешковъ находились переднія ноги и голова быка ⁴⁾. Въ этихъ курганахъ, кромѣ явнѣшаго указанія на находки каменнаго вѣка, признаками потребностей того же времени могутъ служить: утробное положеніе костяка и кругло-

¹⁾ Найденъ г. Вейнбергомъ. Въ архивѣ Импер. Археологической Комиссіи (Мат. 1890 г., № 23).

²⁾ Тамъ же: дѣло 1891 г., № 110. Найденъ, кажется, на дунѣхѣ. Тамъ же: еще одна еще каменная молотилка, состоящая изъ оваловъ и четырехугольниковъ (дѣлать каменъ) (см. статью г. Вейнера, стр. 106).

³⁾ Вейнбергъ. Очеркъ памятниковъ древней исторической культуры, 1904 г., стр. 20, 46—49. Даніи въ, указавъ и Мѣловыя пещеры: «Извѣст. РИИ», 1907, 11—12 и 1890, 3 и 4.

⁴⁾ Въ архивѣ Археологической Комиссіи (Мат. 1895 г., № 33. Отчетъ Комиссіи за этотъ годъ, стр. ССХХVI и примѣч. къ Материаламъ).

донные сосуды на подставкахъ. Курганы Тюнинскаго селища заслуживаютъ дальнѣйшихъ раскопокъ. Изъ дѣлъ Воронежскаго Статистическаго Комитета узнаемъ, что въ 60-хъ годахъ близъ с. Скорнякова Задонскаго у. мѣстный землевладѣлецъ г. М. раскопалъ 2 кургана, при чемъ найдены были костяки и при нихъ горшки съ 6-ю кремневыми стрѣлами въ каждомъ (величиною до 1¹/₂ в.) и по кожаному (костяному?) рожку (?) ¹).

Предметовъ бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Воронежской губ. до сихъ поръ не было найдено вовсе, и нѣтъ надежды, чтобы ихъ много было найдено современемъ. За то можно надѣяться, что здѣсь будетъ отыскано довольно много различныхъ подѣлокъ мѣднаго вѣка. Первые находки уже сдѣланы. Въ сѣверной части губерніи близъ с. Скакунъ Землянскаго у. (на границѣ съ Орловской губ.) въ 1891 г. найдены были слѣдующія мѣдныя вещи: 2 топора обычной формы, сломанная пластина, расширяющаяся къ одному концу, небольшой дротъ, изъ котораго находчикъ сдѣлалъ иглу, и, наконецъ, долото съ круглымъ насадомъ, свернутымъ изъ пластинчатой верхней части ²). Г. Звѣревъ, произведшій въ слѣдующемъ году изысканія на мѣстѣ находки, обнаружилъ, что она сдѣлана въ торфяникѣ, расположенномъ въ балкѣ. На этотъ разъ ему удалось пріобрѣсти новые мѣдныя предметы, именно: большой топоръ обычной формы, но съ продольнымъ выпуклымъ пояскомъ на обухѣ; другой топоръ тоже обыкновенной формы, но съ нѣсколько приподнятою верхнею частью и долото описаной выше формы ³). Въ той же части губерніи найдены курганы, примыкающіе по находкамъ къ мѣдному вѣку. Въ 1869 г. (?) въ имѣніи Муравьева-Карскаго, при слияніи Дона и Сосны, близъ д. Скорняковой раскопаны были 3 такіе кургана. Въ большомъ курганѣ въ грунтовой ямѣ глубиною 1¹/₂ арш. обнаруженъ былъ истлѣвшій шатеръ изъ толстыхъ бревенъ, а подъ нимъ найдено тонкое пластинчатое копьѣ. Въ другомъ курганѣ, меньшихъ размѣровъ, на той же глубинѣ найденъ былъ костякъ, лежащій головою на С.-В.; выше праваго плеча скелета лежало такое же мѣдное копьѣ и прекрасно изготовленная кремневая стрѣлка, а рядомъ съ головою стоялъ искусно орнаментированный глиняный горшокъ, въ которомъ найденъ цилиндрическій обрубокъ рога и обычная мѣд-

¹) Звѣревъ, Воронежскія древности. Памятн. Книжка Ворон. губ. на 1893 г., стр. 162. Не есть-ли это описываемая далѣе раскопка кургановъ мѣднаго періода?

²) Въ архивѣ Археологической Комм. дѣло 1891, № 170 и Отчетъ Коммиссіи за 1891 г., стр. 124. Указатель Историч. музея, стр. 600.

³) Въ архивѣ Археологической Коммиссіи дѣло 1892 и Отчетъ Коммиссіи за 1892 г., стр. 41—42. См. также Археологическія Извѣстія, 1893, № 1, стр. 21.

ная стрѣла съ острыми концами. Въ третьемъ курганѣ найдены были лишь наконечникъ копья ¹⁾.

Ни римскихъ монетъ, ни курганныхъ съ предметами II—V в. въ Воронежской губ. до сихъ поръ не было найдено, но нѣтъ сомнѣнія, что курганы этого времени есть и будутъ открыты при серьезныхъ раскопкахъ.

Зато Воронежская губ. доставила нѣсколько интересныхъ находокъ V—VIII в., вообще чрезвычайно рѣзкихъ въ Средней Россіи. Такъ при желѣзно-дорожныхъ сооруженіяхъ недалеко отъ г. Ватули (близъ с. Колоскова) въ 1895 г. обнаружены были, пошлагому, вѣрный могильникъ съ вещами, приблизительно, VI—VII в. или нѣсколько болѣе ранняго времени. Въ Императорскую Археологическую Коммиссію отсюда были доставлены: 5 большихъ фибулъ такъ-называемаго готскаго типа съ выступами по верхнему краю и схематическими головками на другомъ концѣ, орнаментированныхъ сплошнымъ узоромъ изъ двухъ concentрическихъ кружковъ съ точкою посрединѣ ²⁾, обломки глинныхъ шейныхъ гривень съ суживающимися концами, значительное количество цѣлыхъ и поломанныхъ браслетовъ простой формы, серебряная пряжка и наконечникъ отъ пояса, глѣзкіе, съ ажурными вырѣзками, нѣсколько крупныхъ спиральныхъ подвесокъ, синія, зеленныя и интарныя бусы малыхъ размѣровъ и 2 желѣзныхъ наконечника копій. Всѣ украшения вылиты изъ латуни. На нѣкоторыхъ предметахъ слѣды огня, показывающіе, что въ могильникѣ всѣ или нѣкоторыя находки были подвергнуты сожженію ³⁾.

Въ 1869 г., нѣсколько выше по р. Осколу, въ имѣніи г-жи Муравьевой, въ 4 в. отъ праваго берега рѣки, въ оврагѣ на отвѣснѣ „Попова“ лѣса найдено было погребеніе воина. Останки, судя по расказамъ находчиковъ, лежали на угольяхъ и были присыпаны сверху известью. Возлѣ скелета справа лежала козлѣхта, въ руцѣ—длинное мечъ, на головѣ находился желѣзный шлемъ, на груди, выше вѣсчицы, оказались двѣ золотыя византийскія монеты VIII в. (первой и послѣдней четверти вѣка), висѣвшія въ галстѣи украшенія въ какихъ-то ободочкахъ, а на поясѣ найдено нѣсколько интересныхъ се-

¹⁾ Сидоръ, Слѣдованіе кургановъ Воронежской губ. *Дружеско*, т. XIII, к. 2 стр. 125—127. — Объ археологической находкѣ изъ кургана г-жи Муравьевой. *Вѣстн.* 1900, 73 и *Иранск. Вѣстн.*, 1900, № 370. *Самарск. Истор. муз.* стр. 41.

²⁾ Подобныя фибулы, монеты и раскопки, въ Колосковѣ (пошлагому) относятся къ времени VI—VIII вв., а пошлагому такія находки въ Харитоновѣ и Батюшиной губ.

³⁾ Въ архивѣ Импер. Археологической Коммиссіи дѣло 1900 г., № 106.

ребриныхъ и золотыхъ пряжекъ и бляшекъ. Орнаментъ ихъ—пальметка съ плодами, листочки, бисерныя нити, переплетъ. Проф. Н. П. Кондаковъ придаетъ этимъ вещамъ большое значеніе ¹⁾.

При желѣзно-дорожныхъ сооруженіяхъ 1895 г. открыты остатки погребеній еще близъ д. Воробьевки, находящейся въ другой сторонѣ губерніи, въ верхней части Богучарскаго у. Въ Импер. Археологическую Коммиссію отсюда доставлены: серебряная обкладка меча, состоящая изъ тонкихъ листовъ, двухъ скобочекъ и двухъ обоймицъ, поясной серебряный наборъ, состоящій изъ пряжки, орнаментированнаго изображеніемъ креста съ витою нижнею частью, изъ наконечника, украшеннаго изображеніемъ головки слона, и 10 бляшекъ, орнаментированныхъ растительнымъ узоромъ, серебряный перстень съ овальнымъ камнемъ, прикрѣпленнымъ цапками, серебряная пуговица, 7 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ разной формы, удила, стремя, желѣзное кольцо ²⁾. Повидимому, это вещи изъ одного погребенія. По аналогіи съ кавказскими древностями, всю находку можно отнести, приблизительно, ко времени VIII в.

Третій могильникъ того же времени обнаруженъ на самомъ сѣверномъ концѣ губерніи, около Задонска. Здѣсь на вершинѣ такъ-называемыхъ Дивьихъ горъ, повидимому, находится цѣлое кладбище съ погребеніями, отмѣченными небольшими бугорками земли. Въ 1890 г. въ одну изъ могилъ провалилась корова, причемъ обнаружилось, что могила состоитъ изъ довольно большого квадратнаго склепа, въ которомъ находился деревянный гробъ, а въ немъ оказался въ сидячемъ положеніи (?) женскій скелетъ. Въ головахъ костяка найденъ узкогорлый глиняный сосудъ съ ручкой, на рукахъ 2 перстня описаннаго выше типа, а съ правой стороны не то зеркало, не то бляха съ изображеніемъ фантастическихъ животныхъ ³⁾.

Древностей отъ времени X, XI, XII и XIII вв. въ Воронежской губ. мы пока не знаемъ. По сообщенію С. Ѳ. Ольденбурга, въ коллекціи академика В. П. Васильева имѣется Джайнская статуэтка, найденная гдѣ-то въ Воронежской губ. и совершенно подобная изображенной въ Отчетѣ Импер. Археологической Коммиссіи за 1894 г. изъ Самарской губ.; оно важно тѣмъ, что имѣетъ хронологическую дату, именно 1169 г.

¹⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1869 г., № 26. Кондаковъ, Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ Импер. Эрмитажа, стр. 272—283. Сообщение о находкѣ въ «Ворон. Вѣдом.» 1869, 73. См. еще отчетъ Археолог. Комм. за 1869 г., стр. XXI.

²⁾ Въ архивѣ Импер. Археологической Коммиссіи дѣло 1895 г., № 63. См. также Археологическія Извѣстія 1895, № 5, стр. 156 и «Московск. Вѣд.», 1895, 103.

³⁾ Тамъ же, дѣло 1890 г., № 23.

Курганы съ каменными бабами встрѣчаются и въ Воронежской губ. (хотя довольно рѣдко), но содержаніе ихъ пока неизвѣстно ¹⁾.

Отъ XIV в. древностей неизвѣстно пока тоже мало. Въ 1893 г. близъ с. Нижне-Покровскаго Бирючинскаго у. найдены были вещи золотого-ордынскихъ серебряныхъ монетъ XIV в., часть которыхъ была доставлена въ Императ. Археологическую Комиссію ²⁾; въ 1893 г. близъ с. Семилуки Воронежскаго у. найдены были интересный рубль типа саумовъ съ именемъ Володимира на штемпелѣ и 34 скученскихъ монетъ XIV в. отъ Узбека до Абдалаха ³⁾. Много раньше, въ 1872 г., проф. Кожевниковымъ были раскопаны курганы близъ с. Марокъ Острогожскаго у., въ которыхъ оказалась монета 1363 г. Курганныхъ вещей находилось нѣсколько, вышиною 3—4 арш. и въ 1 арш. Раскопана была насыпь меньшихъ размѣровъ. Въ неглубокой ямѣ оказался скелетъ, лежащій головою на З., съ протянутыми конечностями; около головы лежало копье, на тазовыхъ костяхъ осиново, кремль и монета, а въ ногахъ остатки сѣла, удила и стремяна ⁴⁾.

Имѣются отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ древностяхъ болѣе поздняго времени. Въ 1890 г. г. Вейнбергъ раскопалъ 5 небольшихъ кургановъ близъ Таврова у., д. Масловки, недалеко отъ Воронежа; въ нихъ оказались лежаще на материкѣ костяки, головою всегда на Ю-З., въ изголовь которыхъ поставлены глиняныя горшки ⁵⁾. Въ подолѣ очень осѣвшего кургана близъ церкви с. Хвощеватки Землянского у. обнаружены были 2 костяка, лежащие головами на Ю., лицомъ влѣво; въблизи костяковъ лежали челюсть лошади и собаки, а кругомъ всюду видны были остатки дерева; черена были, будто бы, конюшеннаго типа ⁶⁾. Въ 1864 г. при копаннн колодца въ с. Конь-Колодезѣ Бадонскаго у. на глубинѣ 3 арш. при костяхъ найдена была женская конюшня ⁷⁾. При постройкѣ церкви въ слоб. Ольховаткѣ Острогожскаго у. въ очень осѣвшемъ курганѣ найдены въ деревянныхъ гробахъ сильно поврежденные костяки, и при нихъ клочки шерсти ⁸⁾. При раскопкахъ двухъ

¹⁾ Извѣстную извѣстна были 4 каменные бабы изъ Воронеж. губ. (Павлова Иск. Русск. Архивъ, т. III, стр. 214). Другія упомянуты въ извѣстн. о древностяхъ, найденныхъ тамъ же.

²⁾ Въ архивѣ Археологической Комиссіи дѣло 1893 г., № 15.

³⁾ Въ архивѣ Императ. Археолог. Комиссіи дѣло 1893 г., № 11.

⁴⁾ Авторизован. выписка, т. II, стр. 7. Записки. Историч. архивъ, стр. 303.

⁵⁾ Въ архивѣ Импер. Археологической Комиссіи дѣло 1890 г., № 22.

⁶⁾ Тамъ же, дѣло 1889 № 19.

⁷⁾ Селеневск. Археологическая комиссія въ «Воронежск. вѣстн.», 1864 г., № 39. Другая конюшня находилась у дерев. Давыдовъ въ с. Чертковѣ въ 14 в. отъ Воронежа, о ней извѣстна (Кургуновскій въ «С.-Пetersb. вѣстн.» и «Печ. вѣстн.», 1880, 1881).

⁸⁾ Въ архивѣ Археологической Комиссіи дѣло 1889 г., № 11.

кургановъ на хут. Богуславскомъ Воронежскаго у., кромѣ человѣческихъ костей и глиняныхъ горшковъ, были найдены кольца, браслеты и серьги. При раскопкѣ двухъ кургановъ въ полѣ с. Костенокъ найдены были человѣческія кости, мѣдныя украшенія, браслеты, серьги и глиняная посуда въ видѣ корчажекъ. Въ двухъ курганахъ, раскопанныхъ на хут. Шемякинскомъ Новохоперскаго у., оказались своды изъ дикаго камня, выложенные надъ поверхностью земли. Подъ сводами въ деревянныхъ гробахъ лежали костяки, головами на В., а при нихъ найдены: мѣдныя серьги, бусы, кольца и (желѣзный?) наконечникъ копья. На сводахъ оказались угли и въ разбитыхъ кувшинчикахъ бараны кости. Въ курганѣ, хищнически раскопанномъ въ 1892 г. близъ с. Бѣлый Колодезь Валуйскаго у., найдены: глиняный горшочекъ съ узорами, другой горшочекъ, дубовыя бревна, небольшой комокъ цвѣтной глины (?); вѣроятно, въ курганѣ были и другія вещи ¹⁾. Вблизи хут. Должанки, находящагося на грани Воронежскаго, Коротоякскаго и Нижнедѣвицкаго у., управляющимъ хутора разрыто было 5 кургановъ. Въ первомъ, недалеко отъ вершины, оказалось до 4 мѣръ рассыпаннаго угля, а ниже 2 скелета, изъ которыхъ при одномъ найдены большія серьги изъ мѣдной проволоки и горшочекъ изъ темной глины. Во второмъ курганѣ оказались также 2 скелета, и при одномъ изъ нихъ мѣдный витой браслетъ, мѣдное остріе и глиняный сосудъ, безъ горлышка. Въ третьемъ лежалъ только одинъ скелетъ, рядомъ собака и кругомъ много глиняныхъ горшковъ. Въ четвертомъ найденъ большой глиняный сосудъ съ пережженными костями и въ пятомъ — маленькій горшочекъ также съ перегорѣвшими костями ²⁾.

Кургановъ въ Воронежской губ. извѣстно уже весьма значительное количество. Наибольшія скопленія ихъ замѣчаются въ западной части губерніи, по нагорному берегу Дона, особенно же въ южныхъ уѣздахъ (Коротоякскомъ, Бирюченскомъ и Валуйскомъ). Значительное количество кургановъ находится также въ самой сѣверной части губерніи, въ Задонскомъ у., и по р. Воронежу, Усмани и Битюгу. Менѣе всего кургановъ извѣстно по линіи желѣзной дороги отъ Коротояка до Новохоперска; мало ихъ также въ Острогожскомъ и въ нижней половинѣ Богучарскаго у. Лучшія свѣдѣнія о курганныхъ насыпяхъ губерніи имѣются въ матеріалѣ, собранномъ въ 1873 г. Центральн. Ста-

¹⁾ Последнія свѣдѣнія взяты изъ статьи г. Звѣрева въ Памятн. книжкѣ, стр. 165—167.

²⁾ Марковъ, Древній городъ Костенскъ. «Русск. Вѣстн.», 1891, XII, стр. 72—90.

тистич. Комитетом¹⁾, отъѣзныя указанія можно найти въ статьяхъ гг. Маркова²⁾, Германова³⁾, Селиванова⁴⁾, Домоманова и П⁵⁾, Кочергина⁶⁾, Аристова⁷⁾, Романовскаго⁸⁾, Черникова⁹⁾ и г. Марьинскаго¹⁰⁾.

Изъ городищъ (?) Воронежской губ. наиболее интересны майданы, довольно многочисленныя въ краѣ. Изъ нихъ исследованію подвергнуты были два, близъ хут. Гвоздовки и Ясиновки Острогожск. у. Въ каѣ майдана, какъ основной кольцообразный, такъ и боковыя обвалы сложены изъ чрезвычайно плотной земли, состоящейся изъ одного лѣтняго слоя. Въ основаніи боковыхъ валовъ найдены бревна, которыми, повидимому, обозначалось направленіе ихъ. Прѣтъ входовъ найдены какія-то ямы, наполненныя отчасти щебнемъ и углемъ, напоминая общимъ устройствомъ что-то въ родѣ печей. Въ основномъ валу, нѣскольکو отъ входа, найдены были человѣческіе скелеты, лежащіе головою на Ю. и имѣвшіе въ ногахъ глиняные сосуды. Въ ногахъ одного костяка лежалъ лошадиный черепъ и стоялъ толстый колы; ебливъ другого найденъ цѣлый скелетъ коня. Отъ костяка вънутрь вала шла нѣскольکو ходы. Въ другихъ мѣстахъ майдановъ были найдены пеньки, угли, черепки, просо, рыба шелуха, кости животныхъ и человека¹¹⁾. Майданы преимущественно, если не исключительно, располагаются по правому берегу Дона, не заходя на лѣвый.

Кромѣ майдановъ и городищъ обычнаго типа, Воронежская губ. богата городищами особыхъ, рѣдкихъ формъ. Таковы большія городища

1) Пятидесятъ лѣтъ. Тѣ же свидѣнія, въ сокращенномъ видѣ, вышестъ въ г. Вейнбертъ: «Городища и курганы Воронеж. губ.» (Приложеніе къ Гл. Воронежскаго актова).

2) Марковъ. Еяг., Древній городъ Костышка. «Русск. Интвенар», 1901, 215, стр. 72, 80.

3) Германовъ Г. Почвенныя раскопки одного изъ городищъ Воронеж. губ. — Зап. Им. Рус. Геогр. Общ., т. XIII (1887).

4) Селивановъ А. Археологическая экскурсія о курганскихъ мѣстохъ — Зап. Им. Рус. Геогр. Общ., 1885, 33.

5) П. и Домомановъ. Урочища Пороховск. тѣ. «Ворон. Губ.», 1884, 34, 1881, 2 и 10.

6) Кочергинъ В. А. Покровъ — городъ. «Ворон. Губ.», 1884, 2 и 3.

7) Аристовъ. Лѣтописный преданіе о войскахъ, воевавшихъ въ лѣт. Дроздовск. «Ворон. Губ.», 1886, 30 и 31.

8) Романовскій. Народныя преданія о курганскихъ мѣстахъ Воронежской губ. «Ворон. Губ.», 1886, 28 и 10.

9) Черниковъ А. Древній каменный и рѣдкіе каменные. Воронежскій и Им. Им. Рус. Геогр. Общ., 1882, 16 (мѣстохъ рѣдкіхъ въ Воронеж. губ.).

10) Вѣ. «Ворон. Губ.», 1882 — 70 и 71.

11) Вейнбертъ. Letter sur les fouilles faites dans le district de Voronezh, 1847 — Шейнбергъ. Мѣстохъ — раскопки древнихъ мѣстохъ. «Ворон. Губ.», 1847, 31.

полукруглой формы и городища четырехугольныя, относящіеся, повидимому, уже къ болѣе новому времени. Раскопокъ на нихъ не было произведено. Особое мѣсто среди городищъ занимаетъ такъ-называемое Козарское городище близъ Воронежа, представляющее собою, повидимому, остатки какого-то обширнаго поселенія.

Свѣдѣнія о воронежскихъ городищахъ, кромѣ перечисленныхъ выше источниковъ, имѣются еще въ статьяхъ и замѣткахъ Леопольдова ¹⁾, Доломанова ²⁾ и въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи ³⁾.

Изъ отдѣльныхъ находокъ предметовъ древности въ Воронежской губ. слѣдуетъ отмѣтить также находку интереснаго желѣзнаго меча близъ д. Пироговой Бирючинск. у. ⁴⁾, желѣзнаго кинжала близъ д. Сергіевки Задонск. у. ⁵⁾ и желѣзныхъ кольчугъ, выпаванныхъ близъ с. Конь-Колодезь Задонск. у. ⁶⁾ и близъ с. Чулка ⁷⁾.

IV. Саратовская губ.

Остатковъ каменнаго вѣка въ Саратовской губ. до сихъ поръ извѣстно ничтожное количество. Каменные топоры найдены близъ слд. Виляевки Кузнецкаго у. и с. Лисичкина Аткарскаго у., каменный молотъ—въ Липовской вол. Царицынскаго у. и 2 небольшіе кремневые наконечника стрѣлъ найдены близъ Камышина ⁸⁾; огромный каменный молотъ поступилъ въ Сарат. архивн. коммиссію отъ С. А. Алексѣева. Ф. В. Духовниковъ насчитываетъ въ губерніи 15 пещеръ, преимущественно въ возвышенной сѣверной части ея, но также и на югѣ ⁹⁾. Пещеры эти не изслѣдованы; нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, были утилизированы въ позднѣйшее время, такъ какъ входы ихъ выложены

¹⁾ Леопольдовъ. Укрѣпленіе близъ р. Усмани. «Ж. М. Н. П.», 1838, ч. XXVIII, стр. 4 и «Ж. М. В. Д.», 1838, ч. XXVII, кн. 1.

²⁾ Доломановъ. Два урочища въ Новохоперскомъ у. «Ворон. Вѣд.», 1850, 43.

³⁾ Дѣло 1889 г., № 49.

⁴⁾ Изображеніе въ указанной выше статьѣ Г. С и з о в а. См. также Указатель Историч. музей. стр. 364.—Не объ этой-ли находкѣ сообщается еще въ «Ворон. Вѣдом.», 1870, 9?

⁵⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1895 г., № 286.

⁶⁾ Селивановъ, Археологическая замѣтка. «Ворон. Вѣд.», 1865, 33.

⁷⁾ Корреспонденція «Пенз. Вѣд.», 1885, 138 (кажется, перепечатка изъ «С.-Петербур. Вѣдом.»).

⁸⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. II, стр. 78 и 143 и Радищевскій музей.

⁹⁾ Духовниковъ, О пещерахъ Саратовской губ. «Археолог. Извѣст.», 1894, № 5, стр. 159—164 и «Сарат. Листокъ», 1893, 287. — Замѣтка «о Кудеяровой пещерѣ» (близъ с. Лоха), въ «Сарат. Вѣд.», 1884, 72.

кирпичемъ. Обширные пещеры находятся, будто бы, въ известности Камышевскихъ „ушахъ“¹⁾.

Предметы бронзового и мѣдного вѣка встрѣчаются значительно чаще, но тоже въ видѣ случайныхъ находокъ. Изъ кургановъ, не считая бронзовыхъ пиръ пока неизвестно. Близъ с. Рудня Камышевскаго у. и близъ Волска найдены бронзовые наконечники копій плавниной формы съ вырѣзомъ у рукоятки²⁾. Кельты обѣтанный, съ отчетливыми гранями (повинному, мѣдный), найдены на берегу р. Мотвилницы, у с. Краснаго Ира, кельты съ однимъ ушкомъ — на р. Иловѣ³⁾ и кельты съ двумя ушками — въ Волскомъ у. Быть можетъ, къ бронзовому же вѣку слѣдуетъ отнести теласкопичный шлемъ, найденный близъ с. Печуръ Хвалынского у. Насколько известно, подобный шлемъ находится еще лишь въ Историческомъ музеѣ какъ неизвестной мѣстности⁴⁾. Къ бронзовому или мѣдному вѣку относится также интересное украшеніе удила въ видѣ колеса, снабженнаго съ одной стороны выступомъ, съ другой — скобочкою⁵⁾, найденное гдѣ-то на р. Иловѣ. Подобныя вещи (изъ желѣза) известны на Сѣверномъ Кавказѣ, а также въ Прибалтійскомъ краѣ (раскопки В. Н. Сизова близъ Кашедова). Мѣдный топоръ обычной формы, но съ расширенными концами найденъ въ Увекѣ, въ неизвестной мѣстности найденъ мѣдный серпъ⁶⁾.

Въ Саратовской губ., какъ повсюду въ южной и средней Россіи, нѣкоторые мѣдные вещи находятся въ курганахъ при окрашенныхъ костякахъ. Такихъ кургановъ здѣсь встрѣчено три разновидности. Въ курганахъ перваго типа костяки расположены въ глубокихъ грунтовыхъ ямахъ, на лѣвомъ боку, головой на СВ.; при нихъ ornamentированные сосуды, тонкія мѣдныя конья и точки, рядомъ фальшивый погребальная яма меньшихъ размѣровъ, сверху кости коня, мѣдныя конья и кремневый наконечникъ стрѣлы (таковы раскопки 1896 г. близъ ст. Лѣбязьей на р. Иловѣ). Курганы второго типа представляютъ собою низкія насыпи, укрѣпленныя кольцомъ камней и заключающія погребенія также въ глубокихъ грунтовыхъ ямахъ, причемъ нѣтъ костякомъ устроены деревянные потолокъ; вещи при скелетѣ располагаются

¹⁾ Словарь Словцова охотъ и птицъ, стр. 100.

²⁾ Радловскій музей, Тамб. раск. 220 и 221 с. 1. 1896 г.

³⁾ Тамб. раск.

⁴⁾ Описание предмета, представленнаго Импер. Академіи наукъ, сообщеніе въ вѣстникъ Импер. Академіи наукъ (1896 г.) т. 1, стр. 188. — Записки Импер. Академіи наукъ, стр. 74, № 1890.

⁵⁾ Радловскій музей, № 1794.

⁶⁾ Музей Саратовской губернской академіи, № 120 и 121.

болѣе разнообразныя: копья, иглы, бусы изъ костей, серебряные перстни, бараньи кости. Костяки лежатъ на боку, съ скорченными ногами, головою на В. (наши раскопки 1895 г. близъ кол. Норки, на р. Иловлѣ). Третій типъ кургановъ съ окрашенными костяками заключаетъ погребенія въ менѣе обширныхъ и глубокихъ ямахъ (прямоугольной и овальной формѣ), причемъ костяки лежатъ на томъ или другомъ боку, съ скорченными ногами, головою также на В.; находокъ обыкновенно никакихъ не бываетъ (наши раскопки 1895 г. близъ кол. Норки и ст. Лебяжьей). Кажется, къ числу тѣхъ же кургановъ съ окрашенными костяками слѣдуетъ отнести насыпи съ погребеніями, въ которыхъ костякъ положенъ на спинѣ, съ поджатыми ногами, головою на СВ., и иногда имѣетъ слѣды окраски и, быть можетъ, къ нимъ же могутъ быть отнесены довольно высокіе курганы Саратовскаго края, въ которыхъ найдены искусно орнаментированные городками большіе глиняные сосуды, подобные найденнымъ на Дону и въ Кіевской губ., съ тѣми же мѣдными вещицами. Одинъ такой курганъ раскопанъ былъ въ долинѣ р. Латрыка у Больш. Дмитріевки г. Волковымъ. Грунтовая могила здѣсь шла сначала воронкой и затѣмъ переходила въ четырехугольную яму. Костякъ положенъ съ З. на В.; въ головахъ у него найдены 3 глиняные сосуда¹⁾. Другой курганъ съ такими же сосудами раскопанъ былъ въ 1893 г. въ имѣніи г. Зейферта, близъ с. Рыбушки Саратовскаго у. Курганъ имѣлъ въ вышину до 3¹/₂ саж. (?), въ діаметрѣ до 20 саж. Въ грунтовомъ погребеніи оказался костякъ, въ головахъ котораго находилась какая-то мѣдная тарелочка (зеркало?), въ ногахъ глиняная чашечка, а въ нѣкоторомъ разстояніи — глиняное грузило и части двухъ черныхъ сосудовъ²⁾.

Не знаемъ, къ какому времени могутъ быть отнесены тѣ курганы Саратовской губ., въ которыхъ находятъ большіе мѣдные котлы. Въ 1886 г. въ с. Комаровкѣ Сердобскаго у. крестьяне въ небольшомъ мару выкопали до 6 мѣръ угля и мѣдный котелъ удлиненной формы, съ двумя ручками и суживающимся дномъ³⁾. Подобный же котелъ выкопанъ былъ въ курганѣ близъ д. Молоденки на р. Аркадакѣ и близъ кол. Норки на Иловлѣ; ушки послѣдняго снабжены выступами⁴⁾. Котелъ нѣсколько другой формы найденъ былъ въ курганѣ близъ с. Рыбинка на р. Иловлѣ: широкій съ круглымъ дномъ и двумя ручками,

¹⁾ Волковъ, Больше-Дмитріевскіе курганы. Труды Саратовской архивн. комиссіи, т. I, в. 3, стр. 285—293, кург. № 125.

²⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1893 г., № 201.

³⁾ Тамъ же, дѣло 1887 г., № 3. — Указатель Историч. музея, стр. 75.

⁴⁾ Тамъ же, дѣло 1895 г., № 79.

украшенными выступами, вмѣстѣ съ котломъ найдено было большое гладкое зеркало и неопредѣленный серебряный обломокъ ¹⁾.

По сообщенію А. В. Комарова, дѣтъ 20 тому назадъ, при земляныхъ (железно-дорожныхъ?) работахъ гдѣ-то близъ Царницава на зѣмь высохшей воложки открыта была могила съ золотыми вещами, при которыхъ оказались также монеты одного изъ Сарматовъ. Три такихъ монеты чрезъ инженера М. А. Данилова приобретены были г. Комаровымъ. Бар. В. Г. Тизенгаузенъ слышалъ о находкѣ близъ Царницава при желѣзно-дорожныхъ сооруженіяхъ серебряной босфорской монеты, которую ему, однако, не удалось разыскать ²⁾. Но, повидному, находки сарматскаго времени должны оказаться для Саритонской губ. довольно обыкновенными, особенно для гдѣхъ ея частей, которыя составляютъ часть донскихъ степей. По крайней мѣрѣ, курганы II—IV в. обнаружены въ этихъ мѣстностяхъ уже теперь, при весьма незначительныхъ еще раскопкахъ. Изъ такихъ кургановъ особенно любопытна одна курганная насыпь, раскопанная г. Волковымъ близъ с. Больш. Дмитріевки, въ долинѣ р. Латыжа. Костяныя предметы въ полѣ кургана, въ грунтовой ямѣ, головою на С.; при немъ оказались: римская мѣдная кострюля II—III в., извѣстнаго и распространеннаго во многихъ мѣстахъ Кароны типа ³⁾; мѣдный котелокъ съ 5 ушками, два извѣстной формы глиняные сосуда, большая цилиндрическая мраморная и красная съ глазками и перекрещивавшимися полосками бусы, мѣдная конусная подѣлка, какое-то серебряное ситечко и небольшая рукоятъ, браслетъ съ частыми бородатками по краю, типа, извѣстнаго изъ находокъ близъ Симферополя и въ другихъ мѣстахъ Крыма, и наконецъ, два весьма замѣательныя круглыя мѣдныя кольца, на которыхъ посажены по 2 крупныя фигуры двугорбыхъ верблюдовъ ⁴⁾. Къ тому же, приблизительно, времени относятся курганы, раскопанные нами въ 1895 г. близъ д. Маневки, на верховьяхъ р. Аркадакъ. Костяныя предметы, головою на С., въ глубокихъ грунтовыхъ могилахъ; при нихъ въ изголовьи найдены сосуда и глинныя бляхи (сосуда съ барабанными костями), а на скелетѣ — большія узкія фибулы типа, приблизительно, II—IV в.; иныхъ вещей мало, и онѣ не характерны. Другія постройки того же времени найдены нами близъ р. Пизовы близъ

¹⁾ Тамъ же, 1895 г., № 10.

²⁾ Изъ архива Импер. Академіи Наукъ (1890 г.), № 22.

³⁾ Извѣстнаго типа, найденная въ Копаней губ., см. въ Описаніи Императорск. Академіи Наукъ (1891), стр. 91.

⁴⁾ Упомянутая выше находка г. Волкова, была извлечена изъ сарматской могилы.

ст. Лебяжьей. Здѣсь это были впускныя могилы, заключавшія костякъ на подстилкѣ или въ колодѣ: въ головахъ скелетовъ найдены сосуды, бараньи кости, зеркала, а на костяхъ—фибулы, пряслицы, мелкія гатювыя и инныя бусы и еще незначительныя вещи. Къ нѣскольکو болѣе позднему времени, но врядъ-ли позднѣе VI в., должны быть отнесены курганы, раскопанные нами также по теченію р. Иловли, близъ кол. Норки. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ еще въ 1887 г. была сдѣлана замѣчательная находка, хранящаяся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Здѣсь, при вывозкѣ земли изъ кургана на плотину, были найдены: золотая шейная гладкая гривна, золотая плетеная пряжка, золотая конусовидная подвѣска, обдѣланная гранатами, совершенно подобная которой найдена была въ новыхъ Кобанскихъ могилахъ, серебряная или мѣдная гладкая проволочная фибула, зеркальце поздняго кавказскаго типа и большая буса ¹⁾. Въ раскопанныхъ нами тамъ же курганахъ погребенія оказались въ глубокихъ грунтовыхъ ямахъ, устроенныхъ съ подбоемъ почвы. Скелеты лежали вообще головою на СВ. и имѣли въ головахъ сосуды и бараньи кости, а на костяхъ ихъ найдены: фибулы, зеркальце, пряслица ²⁾. Какъ Машевскіе, такъ и Норкинскіе курганы имѣютъ очевидное сходство съ курганами, раскопанными гр. А. А. Бобринскимъ близъ Грознаго и Алдарь ³⁾.

Повидимому, къ еще болѣе позднему времени должны быть отнесены другіе курганы, раскопанные нами близъ ст. Лебяжьей. Въ нихъ погребенія находились въ глубокихъ грунтовыхъ ямахъ, которымъ придана форма правильнаго полукруга, расположеннаго въ направленіи отъ С. къ Ю. Къ сожалѣнію, всѣ эти курганы были уже расхищены, и только оригинальная форма ямъ и нѣкоторыя обломки предметовъ побуждаютъ насъ относить ихъ къ довольно старому времени.

Не знаемъ, къ какому времени могутъ быть отнесены: а) курганы съ огромными грунтовыми могилами, заключающіе погребеніе съ конемъ, при чемъ въ одномъ изъ такихъ кургановъ найдены лишь костяные накозечники стрѣлъ оригинальной древней формы (ст. Лебяжья); б) курганы, въ которыхъ оказались сосуды съ остатками мелкихъ (сожженныхъ?) костей ⁴⁾ (у с. Песчанки) и с) курганы съ каменными кладками внутри, изъ которыхъ еще ни одинъ не былъ правильно изслѣдованъ. Курганъ послѣдняго типа былъ раскопанъ крестьянами близъ

¹⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1887, № 47 и Указатель Средне-вѣков. Отдѣленія Эрмитажа, стр. 288.

²⁾ Каталогъ выставки при Императ. Археологич. Коммиссіи, 1895 г., стр. 9 и 10.

³⁾ Отчетъ Императ. Археологич. Коммиссіи 1888 г., стр. 220—274.

⁴⁾ Саратовскій сборникъ, т. I, в. 2, стр. 23.

с. Бол. Дмитриевки. По их словам, въ курганѣ одно погребеніе находилось въ грунтовой ямѣ, а другое надъ нею, межъ четырьмя поставленными надъ ямой каменными столбами, покрытыми сверху слоемъ камней, и такой же слой проходилъ по всей площади кургана, составляя его брону, которая поверхъ была закидана землею ¹⁾.

Весьма интересное (внущенное) погребеніе найдено было нами въ одномъ курганѣ близъ кол. Норки въ 1895 г. Кости лежали на поверхности земли, головою на З., съ согнутыми ногами, въ сивѣ. Въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ, справа лежалъ желѣзный мечъ или кинжалъ, обычной стеной формы, идущей отъ обще-скифскихъ типовъ ²⁾, и по всему скелету разсыпаны мѣдныя и желѣзныя наконечники стрѣлъ. Но самое интересное въ погребеніи то, что на костяхъ поверхъ брошены разсѣченные баранъ и собака. Помнится, какой-то древній авторъ говорить, что собаку въ могилу бросали печенѣги, или же хозары.

Находокъ IX — X в. въ Саратовской губ. извѣстно пока очень мало, но несомнѣнно, что здѣсь отъ этого времени остались многочисленные слѣды, которые и не замедлятъ обнаружиться. Отдѣльные находки, приблизительно X в., слѣданы пока въ сѣверной части губернии, т.-е. въ той холмистой и лѣсной мѣстности, въ которой, надо думать, обитали буртасы арабскихъ писателей. Такихъ находокъ мы знаемъ пока всего лишь нѣсколько: плетеную пряжку и нѣсколько другихъ вещицъ типа Ладинскаго могильника, найденныхъ въ 1893 г. въ развалинахъ Увеса ³⁾, и овальную мѣдную пряжку, украшенную по срединѣ и на концахъ эмалевыми фигурами, найденную близъ с. Дуровки Сердобскаго у. ⁴⁾. Еще находки старыхъ вещей того же и болѣе ранняго времени извѣстны съ р. Иловли (мечъ, мѣдныя и желѣзныя наконечники стрѣлъ, пожертвованные въ Галицескій музей гг. Тулузовыми). Извѣстны находки мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ изъ Сарыны, изъ с. Стрѣльнаго Царицынскаго у., изъ с. Сестренокъ, с. Саламатина и кол. Норки Камышинскаго у.; близъ слд. Озерки Сердобскаго у., выхвачанъ былъ хорошаго типа мѣдный браслетъ, съ суживающимися концами и гладкое кольцо изъ темнаго сплава ⁵⁾.

¹⁾ Въ той же статьѣ г. Родкина.

²⁾ Также изъ кинжалы найдены еще въ другомъ мѣстѣ на Шамшѣ и тамъ с. Озерки Сердобскаго у. (Родкинъ, мѣд. и желѣз. археол. коллекція).

³⁾ Далеко въ армянск. Империѣ. Археологич. Комиссія 1893 г., № 107. — Нушчианъ въ формѣ сходна съ изображенной на табл. XIII № 3, см. «Лавинскій могильникъ». — Въ Увесѣ найдено еще статуэтка кончика (образцы Саратовск. археол. комиссіи).

⁴⁾ Мѣдн. Саратовской археол. комиссіи. — Нахичевъ донской 1894. И. Г. А. 1894. II. с. IV. и № 124 и Сарат. Летоисп. 1895. 47.

⁵⁾ М. Д. Родкинъ, Календарь музея Сарат. археол. комиссіи, стр. 30.

Не знаемъ, какому времени и народу принадлежать изрѣдка па-
ходимыя въ Саратовской губ. грубыя мѣдныя статуэткы. Одна такая
статуэтка, изображающая поясную голую женскую фигуру, въ остро-
конечномъ головномъ уборѣ, найдена въ д. Грязнухѣ Сердобскаго у.¹⁾,
другая, найденная въ имѣніи Елань того же у., представляетъ жен-
щину, рождающую дитя и держащую другое въ лѣвой рукѣ, третья
подобная же найдена въ неизвѣстной мѣстности²⁾.

По увѣренію г. Леопольдова, очень много каменныхъ бабъ въ его
время встрѣчалось на курганахъ, въ равнинахъ и среди дубровъ нагор-
ной стороны Волги³⁾. Кажется, онъ былъ правъ, но съ того времени
бабы свезены съ кургановъ, и врядъ-ли теперь можно ихъ найти гдѣ-
нибудь на мѣстѣ. Слѣдами ихъ остаются лишь названія кургановъ и
мѣстностей, вродѣ: „Бабій курганъ“, „Каменная баба“, „Бабій ручей“,
„Болваны“, „Бабій родникъ“. Фалькъ увѣряетъ, что по р. Медвѣдицѣ
малые курганы называются просто „Могилами“, а большіе „Бабьими
курганами“. Въ 1752 г. былъ разрытъ одинъ такой большой курганъ,
и въ немъ найденъ человѣческій скелетъ, сидящій на лошади, и раз-
ныя золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи⁴⁾. Въ печати имѣются свѣ-
дѣнія о каменныхъ бабахъ: близъ Большихъ хуторовъ на Иловлѣ и
въ горахъ противъ Ситниковыхъ хуторовъ⁵⁾, у с. Окатнаго въ 5 в.
отъ р. Терешки⁶⁾, въ 13 в. отъ Камышина въ дачахъ Астраханскаго
войска и въ 14 в. у родника⁷⁾, близъ д. Ключи Аткарскаго у. и въ
Калмыцкой степи близъ Сарепты⁸⁾. Ф. В. Духовникову извѣстны ка-
менные бабы въ с. Мордовскіе ключи Вольскаго у., въ г. Вольскѣ и
въ с. Завьяловѣ Балашовскаго у. (курганъ безъ конечностей, съ острой
головой). Нами курганы съ названіями „Каменная баба“ встрѣчены
были близъ д. Песковатки Сердобскаго у. и с. Гусѣлки на Иловлѣ.
Курганы съ каменными бабами видимо разсѣяны по всей губерніи, не
сосредоточиваясь ни въ одной опредѣленной мѣстности. Раскопокъ въ

¹⁾ Прозоровскій, Опись предметовъ, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ., стр. 73.

²⁾ Двѣ послѣднія описаны и изображены въ статьѣ Н. В. «Двѣ статуэткы изъ Са-
ратовской губ.», помѣщенной въ Записк. Имп. Русск. Археол. Общ. Нов. сер., т. V, в. 3,
стр. 407—409.

³⁾ А. Л. Каменные бабы. «Самарск. Вѣд.», 1853, 15.—Каменные бабы въ Саратов-
ской губ. «Тамбов. Вѣд.», 1884, 85.

⁴⁾ Полное собраніе ученыхъ путешествій, т. VI, стр. 47 (1824 г.).

⁵⁾ Лепехинъ, Дневныя записки, т. I, стр. 422 и 424.

⁶⁾ Каменные болваны, найденные въ дачахъ с. Старой Яблонки Хвалынскаго у.
«Сарат. Вѣд.», 1845 или 1846 г., 48 и «Ж. М. Н. П.», т. XIII, отд. VI, стр. 358.

⁷⁾ Древности, т. X, 205.

⁸⁾ Мипхъ, А. Н. Ключевская каменная баба. «Сарат. Лист.», 1895, 219.

нихъ произведено пока не было, если не считать описанную выше раскопку 1752 г. ¹⁾.

Древности времени Золотой Орды въ Саратовской губ. довольно многочисленны. Къ этому времени можно отнести прежде всего значительное количество кургановъ, отчасти раскопанныхъ. Кажется, что курганы XIII—XIV в. могутъ быть отличены по внешнему виду. Это большія курганныя насыпи, расположенныя всегда на возвышенныхъ мѣстахъ, въ одиночку или по нѣскольку въ линію; на вершинѣ ихъ нѣрѣдко видны ямы, образовавшіяся вслѣдствіе обвала земли внутрь. Внутри кургановъ нѣрѣдки деревянныя срубы, часты погребенія съ конями. Находки: сабли, наконечники копей и стрѣлъ, стремена, удила, сѣдла, конскій уборъ, монеты, серебряныя чашки, парча. Курганы часто обнесены рвомъ. Татарскіе курганы раскопаны въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Одинъ курганъ раскопанъ въ 1868 г. въ 38 в. отъ Саратова, по Камышинскому тракту, на городской землѣ. Найдены: костякъ въ колодѣ, кольчуга, сабли, остатки одежды, куски вооруженія и сбруи, кости коня ²⁾.

2) Въ цѣпи маленькихъ кургановъ, идущихъ параллельно съ краемъ Медвѣдицкаго займища, близъ с. Рудни, находились 2 насыпи, нѣсколько большія по размѣрамъ. При раскопкѣ ихъ найдены были мѣдныя и желѣзныя вещи и глиняная посуда ³⁾.

3) Въ нѣсколькихъ курганахъ (имѣвшихъ до 2-хъ арш. вышины), раскопанныхъ при д. Семеновкѣ Сердобскаго у., на р. Аркадакѣ, найдены были скелеты съ черными глиняными сосудами въ головахъ ⁴⁾.

4) Въ 1886 г. близъ с. Марьевки Петровскаго у. раскопанъ былъ большой курганъ, въ которомъ оказалась клатка изъ березовыхъ бревенъ, человѣческія кости, стремя, куски парчи, костяная пуговица и монета Джани-Бека ⁵⁾.

5) Въ 1795 г. въ курганѣ близъ с. Ртищева Сердобскаго у., будто бы, вынута была огромная человѣческая голова и желѣзное кольцо до $\frac{1}{2}$ пуда весомъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ статьѣ «Каменная баба» («Сарат. Вед.» 1851, 9) ошибочно сказано, что какъ вѣсники свалили каменную бабу въ р. Тереу, такъ и на то, что баба вытута изъ земли сама (Хваницкій у.).

²⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Комиссіи дѣло 1868 г., № 12.

³⁾ Курганы въ Камышинскомъ у. («Сарат. Вед.» 1845, 10—11).

⁴⁾ Минихъ, курганы Елизинки и Копылькіе. Древности, т. XV, ч. 2, стр. 127.

⁵⁾ Сокотинъ Н. С. Памятникъ старинъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Протоколъ Саратов. археол. комиссіи, 1886 г., 11—12. Въ архивѣ Импер. Археологич. Комиссіи дѣло 1886 г., № 3.

⁶⁾ А. Л. Древнія изваянія. «Сарат. Вед.», 1844, 10.

6) При раскапываніи кургановъ близъ сл. Песчанки, на р. Терсѣ, были находимы разныя металлическія вещи, орудія, стрѣлы, копья, стремена, идолы въ видѣ собаки и пр. ¹⁾.

7) Близъ д. Родіоновки Балашовскаго у., при р. Карай, при раскопкѣ одного изъ нѣсколькихъ кургановъ были найдены: остовы человѣка и коня, желѣзная конская сбруя, сабля и копьѣ ²⁾.

8) По словамъ Лепехина, въ курганахъ, расположенныхъ въ степи между дер. Карамышемъ, Добычкою и Грязнухой, были находимы серебряныя и золотыя деньги, богатая сбруя, идолы и пр. ³⁾.

9) О нѣсколькихъ курганахъ, разрытыхъ колонистами гдѣ-то на Шювлѣ (или Медвѣдицѣ?), сообщаетъ Фалькъ. Въ двухъ курганахъ оказались скелеты въ гробахъ, лежавшіе головой на В. На груди одного изъ нихъ лежалъ стражъ, окруженный мѣдными щитками, рыболовный крючокъ, деревянная ложка и двѣ татарскія серебряныя монеты, а при другомъ — зеркало съ фигурами и нѣсколько монетъ. Надъ гробомъ лежалъ скелетъ коня. Въ третьемъ курганѣ найденъ костякъ безъ гроба, на боку; у ногъ найдены остатки сѣдла, подлѣ — сабля, лукъ и стрѣлы ⁴⁾.

10) Въ курганахъ близъ сел. Топовки Камышинскаго у. находимы были копья, кольца, удила и пр. Разъ при пашнѣ быкъ провалился въ яму. Когда ее стали осматривать, то нашли въ ней остовъ коня, человѣка, мѣдныя и желѣзныя вещи ⁵⁾.

11) Въ двухъ Бурлуцкихъ курганахъ (Камышинскаго у.), имѣвшихъ въ вышину до 3 саж., найденъ былъ желѣзный дротикъ ⁶⁾.

12) Въ курганѣ, находящемся въ 7 в. отъ с. Мамякова Балашовскаго у., въ 1889 г. найденъ серебряный ковшикъ, орнаментированный растительными узорами на кружковомъ фонѣ и желѣзный топоръ ⁷⁾.

13) По берегамъ р. Черной, впадающей въ Донъ, крестьяне находили въ курганахъ грубообтесанные 4-хъ и 3-хъ угольные камни, расположенные другъ на другѣ крестообразно. Въ одномъ курганѣ найдена мраморная плита съ какими-то знаками, похожими на араб-

¹⁾ Горизонтовъ, Песчанскіе курганы. «Сарат. Вѣд.», 1846, 30 и «Ж. М. Н. Пр.», ч. LIII (1847 г.), отд. 6, стр. 207.

²⁾ Студенскіе курганы. «Ж. М. В. Д.», 1838 г., ч. XXVII, № 1.

³⁾ Рычковъ, Дневныя Записки, ч. I, стр. 392.

⁴⁾ Л. с., стр. 119—120.

⁵⁾ Курганы въ Камышинскомъ у. «Сарат. Вѣд.», 1846. 19—21.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Медоксъ, каталогъ музея Сарат. архивн. комиссіи, Саратовъ. 1893 г., стр. 39

скія буквы. Около хут. Калача въ могилахъ при востѣвахъ находились луки и стрѣлы ¹⁾.

Между погребенными курганами Саратовской губ. известны также и курганы сь кирпичными кладками внутри или вверху основанія. Самыми замѣчательными изъ такихъ кургановъ слѣдуетъ признать „Царскія могилы“ или „Каменные курганы“, находящіяся въ Царицынскомъ у. въ 6—7 в. отъ с. Пролетки. Кургановъ два, прежде они были очень большой величины и видны были на огромное расстояние. Насыпи очень разрыты; въ глубокихъ ямахъ, ихъ покрывавшихъ, видно много различной величины камней. Сѣк. въ 200 отсюда замѣтны слѣды каменнаго двора или городка, и тутъ же находится до 10 малыхъ кургановъ, тоже разрытыхъ. Отъ Царскихъ могилъ идетъ каменный валъ на разстояніи болѣе 3-хъ в., уже разобранный крестьянами. По старымъ извѣстиямъ, курганы были обнесены каменными стѣнами. При раскопкахъ въ нихъ, будто бы были, находимы золотыя короны, чашки, статуэтки, серебряная и мѣдная посуда, монеты, стрѣлы, кольца, браслеты и украшенія ²⁾. Известна такъ-называемая золотая корона Джанибека, хранящаяся въ Іенскомъ музеѣ ³⁾; о другой коронѣ, привезенной изъ Ростія наст. Цвикомъ, есть извѣстіе, что она была имъ продана въ Дрезденъ ⁴⁾.

Въ раскопанныхъ нами курганахъ въ бассейнѣ р. Павловъ почти неизбѣжно всегда встрѣчались впускныя погребенія, которыхъ, кромѣ позднѣйшихъ христіанскихъ и киргизскихъ, мы насчитали три вида:

1) Костяки, лежащіе на правомъ боку съ поджатыми ногами, головою на С. и на Ю.; встрѣчаются обыкновенно на весьма значительной глубинѣ.

2) Костяки, лежащіе головою на Ю., въ насыпи. Сверху береста или дерево. Въ головахъ и ногахъ торчки.

3) Небрежно брошенные въ яму костяки. Въ головахъ или ногахъ сосуды съ пористымъ веществомъ (творогъ?) На шее найдены бусы. Могильныя ямы доходятъ до материка.

Въ 3-хъ в. отъ с. Руины Камышевскаго у., на песчаной равнинѣ „Рыльциковой“, омываемой рч. Щелканомъ, при раскопкахъ открыты

¹⁾ Саратов. Довѣд. 1889, 45 и Там. Н. Р. А. Сб. м. в. IV к. 1, стр.

²⁾ Курганы въ Царицынскомъ у. «Сарат. Губ. вѣд., 1886, I—II—III—IV. Историко-географич. описаніе Саратовской губ. «Сарат. Губ. вѣд., 1889, 128.

³⁾ Савельевъ, О древн. древностей, находившихся при Ростіи и украшенныхъ изъ каменнаго кирпича. «Д. М. Н. II», 1851 г., к. I—XII, стр. VII, стр. 36.

⁴⁾ Гиллѣсъ, Das Schloss zu Borsdorf und die mittelalt. Stifte. Borsdorf 1884. Jahrbuch, XVI, 462—463.

былъ какой-то могильникъ. Скелеты лежали подъ большими плоскими камнями и были осыпаны просомъ ¹⁾. Другихъ старыхъ кладбищъ или могильниковъ въ извѣстныхъ намъ источникахъ почти не указывается ²⁾.

Близъ г. Саратова находятся развалины самаго обширнаго татарскаго города въ предѣлахъ губерніи — Увека. Хотя городъ этотъ отчасти подмытъ Волгою и значительная часть его подверглась разрушенію отъ оползней, но несомнѣнно, что на его площади найдется не мало цѣлыхъ фундаментовъ зданій, ожидающихъ своего изслѣдователя. Изъ находокъ на Увекѣ большихъ коллекцій, повидимому, никогда не могло составиться. Наибольшее количество вещей (кромѣ монетъ), какъ намъ кажется, собрано было лишь въ послѣдніе годы, благодаря производившимся здѣсь желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ. Предметы эти совершенно аналогичны съ вещами, находимыми въ другихъ золотоордынскихъ городахъ. Лишь очень немногія находки относятся въ значительно болѣе отдаленному времени, именно въ IX—X в., что указываетъ на существованіе здѣсь, по нашему мнѣнію, буртасскаго поселенія. Изъ извѣстныхъ сооружений татарской поры на Увекѣ болѣе интересно зданіе, раскопанное въ 1891 г. г. Краснодубровскимъ, представляющее собою четырехугольное сооруженіе съ какими-то круглыми камерами внутри, и каменные помосты, скрывающіе подъ собою, по словамъ Саблукова, погребенія въ особыхъ сводчатыхъ кирпичныхъ сооруженіяхъ. Извѣстно также, что Увекъ окруженъ былъ стѣною и что по нему проходила система водопроводовъ. Нѣкоторыя зданія города описаны П. А. Пономаревымъ и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ ³⁾; найдены были и татарскія погребенія въ кирпичныхъ гробахъ или склепахъ ⁴⁾.

¹⁾ Курганы въ Камышинскомъ у. «Сарат. Вѣдом.», 1846, 19—21.

²⁾ О двухъ надмогильныхъ татарскихъ камняхъ изъ Саратовской губ. въ замѣткѣ: «Археологическая находка въ Саратовской губ.», помѣщенной въ «Тамбовск. Вѣдом.», 1884, 84.

³⁾ Свѣдѣнія о найденныхъ постройкахъ близъ д. Увѣкъ. «Сарат. Вѣдом.», 1878, 201.

⁴⁾ Литературу объ Увекѣ см. въ брош. кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго «Увекъ». Саратовъ, 1891 г. — Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммисіи, дѣла 1891, 30 и 1893, 107. — Медоксъ, каталогъ музея Сарат. архивн. коммисіи, стр. 42 и дал. — Въ Извѣст. Каз. Общ. Археол., т. I, 38—40, 46, 62—63, 121, 194; II, 88, 171—175; III, 298 — 322; X, в. 6, 643 — 646; XI, в. 4, стр. 390 (статьи гг. Пономарева, Шестакова, Савельева, Саблукова, Медокса и др.). — Минхъ, Набережный Увѣкъ. «Саратов. Сборн.», т. I и «Сарат. Вѣд.», 1879, 206, 219—221. — Пономаревъ, Древній Увѣкъ исчезаетъ. Казань, 1891 г. — Васильчиковъ, матеріалы по исторіи Увека. Труды Сарат. арх. ком., т. IV, в. I, стр. 27—31. — Мѣстечко Увѣкъ. «Сарат. Вѣд.», 1838, 15. — Пономаревъ, на развалинахъ г. Увека. Древн. и Нов. Россія, 1879, 4, стр. 321—335. — Духовниковъ, раскопки и находки въ Увекѣ. «Археолог. Изв.», 1893, № 12, стр. 450; 1894, № 5, стр. 159, 451; 1895, № 9, стр. 335 («Сарат. Лист.», 1893, 200 и «Моск. Вѣд.», 1895.

Другимъ значительнымъ татарскимъ поселеніемъ Саратовской губ. является Дубовское городище, удачно приуроченное г. Чоканнинымъ къ Бельжамену. Здѣсь также были находимы фундаменты зданій, остатки водопроводовъ, могилы и различныя вещи, но все въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ на Увекѣ. Слѣды фундаментовъ зданій или кургановъ находятся также въ валахъ, отраждающихъ городище ¹⁾.

Другія татарскія поселенія расположены: близъ с. Класнаковки, противъ Увека ²⁾, около с. Узморя, близъ с. Винновки и между двумя Мечетками Царицынскаго у. ³⁾.

Отдѣльныхъ находокъ татарскаго времени въ Саратовской губ. извѣстно пока немного. Въ 2-хъ в. отъ р. Бурлука, близъ села того же имени, среди 3-хъ кургановъ видна куча камней отъ какого-то зданія, окруженнаго канавой. Противъ входа въ это зданіе находится 2 небольшие кургана („Кирничные мары“), изъ которыхъ въ одномъ въ 1825 г. вынаханъ былъ амулетъ въ видѣ плоской мѣдной коробочки почти треугольной формы, въ которой, завернутый въ вату (?), лежалъ идоличекъ безъ конечностей, но съ головою; „по раздробленіи сего бурхана оказалось, что онъ устроенъ былъ изъ коровьяго помета, смѣшаннаго съ глиною“ ⁴⁾. Въ 40-хъ гг. близъ сл. Песчанки Бала-новскаго у. вынаханъ былъ желѣзный топоръ съ татарскою надписью ⁵⁾. Въ 1889 г. близъ д. Сафоновки Сердобскаго у. на берегу р. Панаира обнаружены были крестьянами, повѣстному, остатки какого-то небольшого зданія, сложеннаго изъ мѣстной породы песчаника, у стѣны

284). Съ раскопокъ Увека. «Сарат. Листъ», 1891, 138, 143, 148. — Г. въ С. Туринъ мѣрять. «Русск. Жизнь», 1891, 234 и 235, 1892, 11. Французскій ученикъ археолога въ Саратовѣ. «Сарат. Листъ», 1895, 207. — Публика архивной коммисіи въ Увекѣ. «Сарат. Листъ», 1895, 115, 117. — Сарат. раскопки на Увекѣ. «Сарат. Листъ», 1895, 128 и «Сарат. Листъ», 1895, 229. — Большая часть монетъ изъ собранія г. Маурина приобретена близъ г. П. П. Шуваловымъ. См. Извѣст. Имп. Русск. Арх. Общ., I, 321 и 394.

¹⁾ Курганы въ Царицынскомъ у. «Сарат. Листъ», 1846, 4. — Боданское городище. «Ж. М. В. Д.», 1828 г., ч. XXVII, № 1. — Толмачевъ, о Боданскомъ городищѣ Саратовской губ., въ Трудяхъ Одесс. Общ., т. IV, 91—95. — Соколовъ П. С., археологическія экскурсіи, въ Трудяхъ Саратов. арх. коммисіи, т. I, к. 3, стр. 303—305. — Отчетъ Импер. Археологич. Коммисіи за 1893 г., стр. 91. — Чоканниновъ, какому или какому-то городищу принадлежить городище близъ н. Дубовки. Труды Саратов. арх. ком., т. I, к. 3, стр. 391—395. — Леопольдовъ, развалины татарск. городка близъ н. Дубовки. «Сарат. Листъ», 1899, 209. — Мелюкты, каталогъ муз. Саратов. археолог. коммисіи, стр. 34—37.

²⁾ Духовники въ степяхъ въ с. Камышинову, Извѣст. Общ. Архив. Истор. и Этн. при Каз. ун-в., т. XII, к. 3, 203—208 (1894 г.).

³⁾ Фалькъ, I, к., стр. 127 и «Сарат. Листъ», 1895, 128. — Духовники въ степяхъ въ с. Камышинову (III, ч. 2, стр. 204).

⁴⁾ Курганы въ Камышиновомъ у. «Сарат. Листъ», 1895, 128—129.

⁵⁾ Слобода Песчанка. «Сарат. Листъ», 1874, 170—172.

котораго найдены были два скелета ¹⁾. Св. Бобровымъ доставлены были въ Радищевскій музей интересныя вещи изъ Царицына, между прочимъ, формочка для лѣпки терракотовогаго голубя, формы, извѣстной между находками изъ Херсонеса. Близъ с. Изнайра Сердобскаго у. на краю оврага, на незначительной глубинѣ, найдены были 2 черепна, кучка поддѣльнаго жемчуга, зеркало, гребень и какой-то длинный металлическій предметъ ²⁾. Татарскія монеты въ губерніи находятся, повидимому, довольно часто. Близъ д. Средн. Елюзани Кузнецкаго у. найдены были монеты 1320—1359 гг. ³⁾, близъ с. Воскресенскаго Вольскаго у. въ 1884 г. — кладъ золото-ордынскихъ монетъ 1306—1348 г. въ количествѣ 3427 экз. ⁴⁾, въ г. Вольскѣ въ 1888 г. — 417 серебр. татарскихъ монетъ 1310—1387 гг. ⁵⁾, въ Увекѣ въ 1891 г. — 67 сер. и 88 мѣдн. золото-ордынскихъ монетъ XIII—XIV в. ⁶⁾, близъ с. Полчанинова Саратовскаго у. — 1200 монетъ, преимущественно Узбека, Бердибека, Хызра, а главнымъ образомъ, Джанибека. Близъ послѣдняго клада найденъ кусокъ обгорѣлаго дерева и нѣсколько черепковъ характерной татарской посуды изъ красной глины съ гладкими полосками ⁷⁾. Близъ слоб. Елани Аткарскаго у. въ 1854 г. выпаханъ былъ цѣлый котелъ серебряныхъ монетъ, которыя, къ сожалѣнію, были переплавлены ⁸⁾. Въ 1853 г. — 500 джучидскихъ монетъ найдены близъ д. Самодуровки Хвалынскаго у. ⁹⁾.

Въ Саратовской губ. извѣстно уже весьма значительное количество кургановъ и городищъ. Кромѣ перечисленныхъ выше статей, свѣдѣнія о нихъ имѣются въ цѣломъ рядѣ еще другихъ замѣтокъ ¹⁰⁾. Всѣхъ

¹⁾ Дѣло въ архивѣ Императ. Археолог. Коммиссіи, 1889 г., № 60.

²⁾ Медоксъ, каталогъ, стр. 39.

³⁾ Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи, дѣло 1887 г., № 3. — Преувеличенные слухи объ этомъ кладѣ проникли въ «Сарат. Дневн.» и «Новое Время» (1886 г. № 3862) а оттуда въ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. Н. С., т. II, стр. CLXVI.

⁴⁾ Тамъ же, дѣло 1884 г., № 29.

⁵⁾ Тамъ же, дѣло 1888, № 46.

⁶⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи, дѣло 1891 г., № 9.

⁷⁾ Тамъ же, дѣло 1892 г., № 116.

⁸⁾ Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общ., I, 47.

⁹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 254. — Еще о находкѣ монетъ XIV в. въ «Сарат. Вѣд.», 1844, 2 и 3.

¹⁰⁾ Матеріалы къ описанію Саратовской губ., 1875 г. и «Сарат. Вѣд.», 1874, 162—164, 166, 168, 172 и 173. (Свѣдѣнія о древнихъ земляныхъ насыпяхъ, находящихся въ Сарат. губ.). — Тѣ же свѣдѣнія 1873 г. повторены въ кн. г. Горожанскаго, земляныя насыпи и пр., на стр. 77—95. — Ключаревъ, о Будановой горѣ. «Сарат. Вѣд.» 1857, 30 и 1884, 88. — Хоперскіе курганы. «Ж. М. В. Д.», 1838 г. ч. XXVII, № 1. — Гайворонскій, курганы въ Сарат. губ. «Ж. М. В. Д.», 1837 г., ч. XXVI, № 11, стр. 348. — Андреевъ, Чихонастовскій курганъ. «Сарат. Вѣд.», 1860, 8. — Федоровъ, бугоръ. «Сарат. Вѣд.», 1854, 5. — Лукьяновъ, заколдованный кладъ. «Сарат. Вѣд.», 1870, 197. —

7) Писемнымъ переносъ ибраническихъ заимствовъ въ Сиретскомъ диалектѣ, въ писемныхъ въ предыдущемъ изданіи: Леопольдовъ, *Юридическая Грамм. Сирет.* (См. Печать, 1887, 9 и Журн. для мѣсяца Вост.-Учебн. Вост., 1887 г., т. 3, № 11) — Шендъ, «Кіѣв. ибраничскыя слова въ библіяхъ св. Гавина въ предѣлахъ Сирет. губ. Сирет. Уезд. 1884, 1900. — Дренинъ и др. Сирет. губ. Сирет. Уезд., 1883, 46 и 47 — Сиретскій архіеп. Сирет. Епарх., 1844, 9 и «См. Печать», 1844, 16. — Пайматрѣвъ, *Словарь по юридическимъ Сирет. губ. Труды Сирет. арх. ком.*, т. II, в. 1. — Савинъ, А., *Ибраничскыя Псалтири, Оракии и Лалы* «Сирет. Сборн.», т. I (1881 г.) — Шендъ, Р., *Сиретскій языкъ въ Кузнецк. у. Ивотѣи Ивот. Рус. Архива Сирет.* т. II, 29 — Хавинъ-Сиретскій въ Сиретск. у. «Сирет. Дневн.», «Новое Время», 1880 г., № 2023 и 302. Вост. Русск. Арх. Сирет. т. II, стр. 61, XVII. — Дуклянская, *заключенный языкъ Сиретск. Царько-вского уѣд.* «Сирет. Епарх. 1910, 191. — Чеховичъ, *древній сиретскій Сиретск. губ.* Протоколъ Сирет. архіеп. комиссии, 1880 г., № 4, 12—29. — Писемная грамота, «Сирет. Епарх., 1859, 32. — Готлибъ, К. *Ибраничскыя слова въ Сирет. архіеп. въ Сиретскомъ епархіальномъ на VIII Архивѣ Сиретск. Труды Сирет. арх. ком.*, т. III, в. 2, 271—273. — Харузинъ, *черезъ св. Кузнецк. епархію* Вост. Моск. Сирет. Дневн. Печать, 1888, в. 3, стр. 94—97. — О курсканск. ибранич. Брѣвнѣ Арх. см. въ Писемн. въ Сирет. 1908, на 1878 г., стр. 72. — О Готлибѣ, архіеп. Сиретск. въ «См. Печать», 1880 г., ч. XXVI, стр. 349. — Карскаго Ассоциатъ въ Пис. В. Р. А. Сирет. в. 10, 4, 3, 478 (примечаніи г. Подлинна) Ибраничскыя заимствовъ въ Сирет. губ. Писемн. въ Готлибѣ, Писемн. въ Сирет. Дневн.

V. Самарская губ.

Находками орудій каменнаго вѣка Самарская губ. пока очень бѣдна. Въ 16 в. выше Самары найдено нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ, въ колон. Сюзенталь ниже Вольска—наконечникъ стрѣлы изъ бѣлаго кварца съ зубчатыми краями, нѣсколько шлифованныхъ каменныхъ молотковъ въ Бузулукскомъ у. близъ с. Зуевки и др., въ томъ же уѣздѣ наконечникъ стрѣлы (с. Усманка) и кусокъ бѣлаго камня въ видѣ клина (с. Проскурино), да еще нуклеусъ и обломокъ ножа при Столыпинскихъ минеральн. водахъ, въ 46 в. отъ Балакова¹⁾. Пещеръ отмѣчено до сихъ поръ также немного. Въ 43 в. отъ г. Бугульмы у д. Абсалимовой, недалеко отъ р. Ика указываются пещеры, идущія, по рассказамъ, верстъ на 10; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются озера²⁾. Въ 40 в. отъ Бугульмы къ Ю. близъ сел. Мал. Толкай на р. Сокъ на ровномъ мѣстѣ имѣется большая яма, изъ которой идетъ ходъ въ нѣсколько подземныхъ пещеръ, тянущихся, по мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ, на нѣсколько десятковъ верстъ; въ одной изъ пещеръ есть озеро, на берегу котораго, по рассказамъ, попадаютъ кости человѣка и животныхъ, въ другихъ, будто бы, находили вещи поздняго происхожденія: оружіе, перстень съ бирюзой, огромныя деревянныя колеса и пр.³⁾. Близъ с. Царевщины въ верстѣ отъ Волги, позади не особенно высокаго вала, у подножія крутой горы имѣется нѣсколько пещеръ, изъ которыхъ въ одной, въ 1888 г., найденъ былъ кинжалъ и клинообразный кусокъ серебра въ 7 зол. вѣсомъ⁴⁾.

Повидимому, находки бронзоваго и мѣднаго вѣковъ въ Самарской губ. обѣщаютъ быть довольно многочисленными и интересными, хотя къ серьезнымъ раскопкамъ въ ея предѣлахъ еще не приступали. Въ курганѣ близъ с. Пьяновки Бугурусланскаго у. найдена бронзовая бляха типа Ананьинскаго могильника, бронзовое копье найдено гдѣ-то въ Бузулукскомъ у.⁵⁾, мѣдные и костяные наконечники стрѣлъ вымываются близъ с. Дергунова (Вязовка) Николаевск. у. на Иргизѣ⁶⁾;

¹⁾ Алабинъ, Остатки каменнаго вѣка въ Самарской губ. «Самарск. Вѣд.», 1866, 74.—Его же статья въ Трудахъ Казанск. Археолог. Съѣзда. — Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, II т., стр. 12 и 112.

²⁾ Ивлентьевъ К., Пещеры въ Бугульминскомъ у. «Оренбургск. Вѣд.», 1847, 2.

³⁾ Юдинъ, Курганы и подземныя пещеры въ Самарской губ. «Историч. Вѣстн.», 1894, VII, стр. 172. Къ статьѣ приложены фантастическіе рисунки.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ См. ниже въ статьѣ о предметахъ древности Самарскаго музея.

⁶⁾ Петровскій, О находкѣ идола на Иргизѣ и о тамошнихъ курганахъ. «Антропол. Выст.», т. II, 239.

въ раскопанномъ курганѣ Новоузенскаго у. найденъ массивный бронзовый котелъ, другой такой же небольшой котелъ съ носкомъ и дужкой, кельтъ, бронзовыя стрѣлы, кружокъ съ 3 круглыми отверстіями¹⁾. Небольшой помятый бронзовый котелокъ, гладкій, съ 2 ручками и суживающимся дномъ подаренъ Рязищевскому музею Я. П. Альбрантомъ „изъ подъ клада, найденнаго въ Новоузенскомъ у.“²⁾; близъ вол. Поддѣнной Новоузенскаго у., при разрытіи могилы, обложенной кирпичемъ, найденъ мѣдный топоръ обычной формы, мѣдный серпъ и какія-то кленцы³⁾. Въ невысокомъ курганѣ (до 1¹/₂ арш. вышины) близъ с. Благодаровки Бузулукскаго у., въ 1889 г. найденъ былъ скелетъ и близъ него очень много мѣдныхъ стрѣлъ и бронзовыя удила⁴⁾. Изъ находокъ мѣднаго вѣка пока извѣстны лишь копье и топоръ, изъ которыхъ послѣдній найденъ близъ с. Стар. Буяна Самарскаго у.⁵⁾

Къ болѣе поздней порѣ, вѣроятно, ко времени послѣ Р. Х., относятся нѣсколько весьма интересныхъ кургановъ, раскопанныхъ въ Бузулукскомъ у. Въ помещаемой ниже замѣткѣ о древностяхъ Самарскаго музея дается перечень и рисунки предметовъ изъ одного кургана, раскопаннаго близъ хут. Крыловскаго у. Большого Сырта; среди этихъ вещей, по оригинальности своей, особенно выдаются каменные блюда на высокихъ ножкахъ. Каменное блюдо такого же типа, но безъ ножекъ, извѣстно еще изъ Самарскаго у. Близъ сел. Любимовка Бузулукскаго у. въ курганѣ „Елга“ нашли (въ грунтѣ?) остатки какого-то деревяннаго сооруженія, подъ которымъ оказалась круглая ровная площадка съ 6 коническими камерами на днѣ, расположенными по радиусамъ. Гдѣ-то съ Ю. стороны этой площадки сооруженъ былъ изъ глины особый выступъ, на которомъ стояла четырехугольная каменная скамейка, а на ней лежали бронзовый сосудъ и сломанный кинжалъ или ножъ съ бронзовою рукояткою, украшенною фигурою овицы, имѣющей массивный хвостъ. Въ могильной ямѣ, кромѣ того, были найдены 4 стрѣлки и неопредѣленный бронзовый предметъ, ажурный, въ родѣ коляски миниатюрныхъ размѣровъ⁶⁾.

¹⁾ Neфедовъ, Les kourganes de la steppe des Kirghizes въ Труды Музея Международн. Археол. Общ-ва, т. II, стр. 902.

²⁾ Рязищевскій музей, № 1179.

³⁾ Тамъ же, № 134.

⁴⁾ Дѣло въ архивѣ Императ. Археол. Комиссіи 1889, № 15. Описание раскопаннаго сооружения, по обширной заметкѣ, изъ которой избрано было до 150 нум. утес. см. также (Московск. Вѣст.), 1889, III.

⁵⁾ См. ниже статью о древностяхъ Самарскаго музея.

⁶⁾ Въ упомянутой статьѣ С. Нефедова, стр. 903. Раскопанъ былъ устроительн. интереснаго кургана овицы не только и не только.

Близъ хут. Красная Глинка Самарск. у. въ 1878 году г. Ф. Д. Пестелевымъ было раскопано 3 кургана, въ которыхъ найдены были остатки трупосожженій и при нихъ неопредѣленные вещицы: синяя плоская буса, украшенная четырьмя кружками и крестомъ, дно стеклянаго сосуда въ видѣ ножки отъ рюмки. Курганныя насыпи велики и чрезвычайно плотны ¹⁾. Близъ хут. Мѣлового Николаевского у. на границѣ съ казачьими землями находятся каменные курганныя насыпи до 4 арш. вышины и отъ 20 до 50 саж. въ основаніи. Кажется, насыпи эти сложены частью изъ каменныхъ плитъ; подробности устройства ихъ неизвѣстны. Нѣкоторыя изъ этихъ насыпей въ 1892 г. были разобраны ²⁾.

Отдѣльныхъ древнихъ находокъ въ Самарской губ. извѣстно мало, но нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны. Таковы особенно 2 серебряныя блюда, пайденныя въ 1884 г., въ 6 в. отъ г. Новоузенска и хранящіяся въ Императ. Эрмитажѣ. На нихъ вдоль краевъ вычеканены вытянутыя, весьма оригинальныя фигуры грифоновъ, по одной фигурѣ на каждомъ блюдѣ. Оба блюда были скрѣплены и внутри ихъ находилось 207 маленькихъ колечекъ, раздѣланныхъ по поверхности на 2 грани и 5 бляшекъ-пуговицъ съ изображеніемъ ежа ³⁾. Весною 1866 г. въ оврагѣ при рытьѣ колодца близъ Столыпинскихъ минеральныхъ водъ найденъ былъ скелетъ, при которомъ найдена золотая шанка съ камнями (?), металлическое зеркало и гладкая золотая чашка; тутъ же, будто бы, найденъ былъ скелетъ коня въ сбруѣ съ наборомъ изъ камней (?) ⁴⁾. Случайныя находки, относящіяся ко времени старыхъ кочевниковъ края, хранящіяся въ Самарскомъ музеѣ, отмѣчены ниже. Въ 1890 г. близъ с. Мусорки Ставропольскаго у. найденъ былъ прекрасный желѣзный топорикъ, инкрустированный изображеніями козла, птицы и растительными разводами; вмѣстѣ съ нимъ найдено болѣе 40 куфическихъ монетъ 958—981 г. ⁵⁾. Въ 1856 г. въ Ставропольскомъ у. найденъ былъ замѣчательный для того времени кладъ куфическихъ монетъ IX и X в. ⁶⁾.

¹⁾ Антропол. Выст., т. II, 158.—Указатель Историч. музея, стр. 324.

²⁾ Извѣстія Казанск. Археолог. Общ., т. X в. 3, 327 (перепечатка изъ «Казанск. Вѣстн.» 1 апр. 1892 г.). См. еще ниже, въ изложеніи брошюры г. Алабина.

³⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммисіи дѣло 1884 г. № 21.

⁴⁾ Алабинъ, Намъ извѣстные остатки древности въ Самарской губ. Труды Казанск. Археол. Съѣзда, т. I, стр. 1—7. — Въ архивѣ Императ. Археолог. Коммисіи дѣло 1866, № 24.

⁵⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммисіи дѣло 1890, № 194.—Указатель Имп. Эрмитажа, стр. 274.

⁶⁾ Савельевъ В., Монетный кладъ изъ Ставропольск. у. Самарск. губ. Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общ., т. I, стр. 182—193.

Во времени больше подвиги кочевниковъ въ Самарской губ. прежде всего слѣдуетъ отнести каменные бабы и находки мѣдныхъ бурхановъ. Леопольдовъ сообщаетъ, что уже въ 50-хъ годахъ каменныхъ бабъ не было на курганахъ: онѣ были разбросаны въ развалинахъ фундаментовъ домовъ и на другія надобности; нѣсколько экземпляровъ хранилось при Саратовской духовн. семинаріи. Бабы были и женскія, и мужскія ¹⁾. Г. Пискареву извѣстна лишь одна каменная баба изъ Самарской губ. ²⁾. Палаасъ видѣлъ бабу въ 14 в. отъ Ново-Сергѣевска Бузулуковского у. ³⁾. Н. В. Алабину доставлены были двѣ бабы ⁴⁾. Рисунки двухъ грубыхъ каменныхъ бабъ изъ Самарской губ. были представлены граф. А. С. Уваровымъ Моск. Археол. Обществу ⁵⁾. Ф. В. Духовниковъ каменную бабу указывалъ въ с. Воскресенскомъ Новоузенскаго у.

Изображенія весьма интересныхъ „бурхановъ“, найденныхъ въ Самарской губ. и хранящихся въ Самарскомъ музѣ, помѣщаются ниже. Извѣстны и другія находки въ томъ же рѣзѣ. У г. Алабина находился бронзовый двучленный бурханчикъ, найденный на сырту Синихъ горъ Новоузенскаго у. ⁶⁾. А. С. Петровскій доставилъ на Антропологическую выставку „небѣлаго идола“, найденнаго близъ с. Вязовки, въ 3-хъ в. отъ Прима ⁷⁾. Бурханъ съ изображеніемъ богини Дурги найденъ бытъ, въ 1894 г., въ полѣ близъ с. Острая Лука Николаевского у.; совершенно такіе же были найдены гдѣ-то въ Воронежской губ. и на западныхъ прѣсѣкахъ близъ г. Троицка, на глубинѣ 20 арш. ⁸⁾.

Курганы, оставленные въ Самарскихъ степяхъ позднѣйшими кочевниками, извѣстны также еще очень мало. Въ 5 в. отъ бывшей 80-й фермы Новоузенскаго у., въ 50-хъ годахъ, были раскопаны курганы, внутри котораго оказался четырехугольный склепъ величиною 3X2 саж., сложенный изъ сырца, мѣстами смѣшаннаго съ обожженными кирпичами; отъ сѣв. стѣны шелъ корридоръ, сараенный помѣстъ и какой-то

¹⁾ А. Л., Каменные бабы. Самарск. Езд., 1893, 16.

²⁾ Пискаревъ, О древнѣйшихъ каменныхъ бабахъ Самарск. Арх. Общ., т. III, 191.

³⁾ Раф. Палаасъ, Учен. Путеш., т. I, стр. 306—309 и т. II, стр. 306—309, Сибирск. путешествіе въ 1794 г. Путеш. Москвитин. Арх. Общ., т. I, 104.

⁴⁾ Алабинъ, Остатки каменнаго идола въ Самарск. губ. Самарск. Езд., 1893, 74.

⁵⁾ Древности, т. IX, стр. 80 (серия 1).

⁶⁾ Алабинъ, Остатки каменнаго идола и др. въ Самарск. Езд., 1893, 74.

⁷⁾ Антрополог. Выставка, т. II, 233.

⁸⁾ Даниилъ Буакинъ, Сиб. Лѣтн. Повѣствов., в. VI, кн. 4, стр. 112 (перечисленіе фигурокъ) и Отдѣлъ Истор. Археол. Комиссіи въ 1894 г., Пермскій Бурханъ, хранящійся въ архивѣ Писарева, бывшій рогатый идола, что на немъ изображены иныя-то находки въ 1893 г.

узкій ходъ шелъ снизу отъ середины которой-то стѣны ¹⁾. Подобный склепъ г. Алабинъ видѣлъ гдѣ-то близъ одной колоніи въ Новоузенскомъ у. Близъ с. Новоселки Бузулукскаго у. и с. Вязовки на р. Вязовкѣ, впадающей въ Самару, раскопаны были курганы, заключавшіе внутри склепы, покрытые плитнякомъ и обожженными кирпичами, при чемъ были находимы, кромѣ костей человѣка и лошади, остатки сѣделъ и узды, иногда съ серебряными украшеніями, ножи, черепки, изрѣдка монеты ²⁾. Кирпичная кладка была найдена въ курганахъ по р. Торгуну (притокъ Еруслана), при оз. Солодковомъ близъ о. Эльтона и въ 8 в. отъ с.л. Малаго-Узенья; кирпичъ былъ находимъ четырехугольной, круглой и треугольной формы. Кажется, это были высокіе курганы ³⁾. Въ нѣкоторыхъ Бузулукскихъ курганахъ открывали склепы изъ обожженного кирпича, сверху заложенные дикимъ плитнякомъ; въ другихъ находили человѣческія и конскія кости, угли, золотыя, серебряныя и желѣзныя вещи: чаши, цѣпи, монеты, стремена, кинжалы, стрѣлы, кольчуги, котлы (въ одномъ былъ найденъ золотой ключъ). Надъ нѣкоторыми склепами были возвышенія изъ дикихъ камней ⁴⁾. Царевъ курганъ, стоящій въ 30 в. отъ Самары близъ устья р. Сока, имѣлъ въ основаніи большіе четырехугольные обтесанные камни; на ю. сторонѣ были примѣтны остатки небольшого земляного вала ⁵⁾. Между двумя сухими Узеньями (въ Калмыцкой степи) Фалькъ видѣлъ 3 кургана вышиною отъ 2 до 3-хъ саж., окруженные рвомъ ⁶⁾. При раскопкахъ въ курганахъ близъ с. Мироновки найдены были лишь камень и кирпичъ ⁷⁾.

Вещи изъ поздняго могильника, открытаго близъ ст. Кинель, и нѣкоторыя отдѣльныя находки поздняго времени описаны ниже ⁸⁾. Въ 1894 г. близъ д. Бол. Ремизенки Бузулукск. у. найдено было 165 золотыхъ ордынскихъ монетъ 1393 — 1415 гг. ⁹⁾, въ 1887 г. близъ с. Балакова Николаевского у. змѣвикъ, хранящійся нынѣ въ Импер.

---

¹⁾ Леонидовъ П. св., въ «Самарск. Вѣд.» 1860, 42 (указаніе взято изъ статьи г. Алабина).

²⁾ Алабинъ, Намъ извѣстные и пр.

³⁾ Курганы въ Саратовской губ. Ж. М. В. Д. 1837, ч. XXVI, № 11, стр. 348.

⁴⁾ Ивлентьевъ К., Древности въ Бузулукскомъ у. «Самарск. Вѣд.», 1852, 17.

⁵⁾ Лепехинъ, Дневныя Записки, ч. I.

⁶⁾ Фалькъ, Полное собраніе ученыхъ путешествій, т. VI.

⁷⁾ Въ словарѣ Семенова подъ словомъ Мироновка.

⁸⁾ О томъ же могильникѣ см. въ статьѣ г. Алабина въ Трудахъ Казанск. Археол. Съѣзда, стр. 4.

⁹⁾ Въ Архивѣ Императ. Археологич. Коммисіи дѣло 1894 г., № 196.

Эрмитаж¹⁾; в муз. Императ. Русск. Архив. Общ. хранится отличный образец, найденный в Самарк. у.²⁾.

Мы знаем, что въ Самарскихъ степяхъ разсѣяно весьма значительное количество кургановъ, но тѣхъ именно и мало, кои разсмотрѣны, указаній на то, можно сказать, вовсе не имѣется. Отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ помѣщены у Лепехина и Фаллаха и въ перечисленныхъ выше статьяхъ мѣстныхъ и другихъ изданій, а лучшія—въ помѣщаемыхъ ниже данныхъ, собранныхъ въ 1875 г. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ можно найти и довольно частыя указанія на городища Самарской губ., о которыхъ немногія данныя можно найти еще въ известной статьѣ Невоструева ³⁾, у Рычкова, Лепехина и Палласа. Извѣстія нѣкоторыхъ другихъ статей по археологіи края даютъ или незначительный матеріалъ, или же относятся къ болѣе позднему времени ⁴⁾.

Матеріалы по доисторической археологіи Россіи.

Новгородская губ.

Курганы Бѣлозерскаго уѣзда. О древностяхъ Бѣлозерскаго края въ археологической литературѣ до послѣдняго времени не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній. Даже не было извѣстно, есть-ли тамъ курганы ¹⁾. Въ виду этого оказались весьма интересными небольшія раскопки, произведенныя, въ 1894 г., въ Бѣлозерскомъ у. мѣстнымъ землевладѣльцемъ А. В. Панинымъ.

Раскопки произведены были въ двухъ курганныхъ группахъ, находящихся на лѣвомъ берегу р. Суды (притокъ Шексны) между дер. Мятино и Зворыкино, одна на самомъ берегу рѣки, другая въ 100 саж. отъ него. Первая группа покрыта лѣсомъ, вторая уже распахивается. Высота сохранившихся кургановъ 1¹/₂ арш., насыпаны они изъ песку. Въ первой группѣ есть остатки двухъ кургановъ вышиною до сажени, но они, по словамъ крестьянъ, были раскопаны какими-то пріѣзжими археологами еще въ крѣпостное время; большая часть другихъ раскопана самими крестьянами при разыскиваніи кладовъ.

Въ первой группѣ г. Панинымъ было раскопано 3 кургана, изъ которыхъ въ одномъ, на глубинѣ до 2-хъ арш., оказалась черная прослойка. Въ другой насыпи найденъ скелетъ, обращенный головою на Ю.; при немъ были найдены: у лѣвой руки 2 желѣзные наконечника стрѣлъ (типа, изображеннаго въ атласѣ гр. А. С. Уварова къ изслѣдованію о мерянахъ на табл. XXX, 1); у правой руки топоръ (табл. XXIX, 11), около поясничныхъ позвонковъ гладкій круглый мѣдный браслетъ, камень и изогнутая проволока, на разстояніи одного аршина

---

¹⁾ Намъ извѣстна лишь одна замѣтка о Бѣлозерскихъ древностяхъ, принадлежащая Прозоровскому: «Древнія вещи, найденныя въ Бѣлозерскомъ у.» (Извѣст. Имп. Археол. Общ., т. VIII, стр. 64—66). Въ ней говорится о «могилѣ», раскопанной въ 1868 г., на р. Судѣ г. Якубовичемъ. Небольшое собраніе древностей откуда-то изъ Бѣлозерскаго края имѣется въ Новгородскомъ музеѣ. Всѣ вещи принадлежатъ «мерянскому» типу.

съ правой стороны — грубый горшокъ съ устьемъ. Помиможего, на томъ же костякѣ найденъ еще желѣзный ножъ и желѣзная предострогавая пластинка, представляющая собою, по всей вѣроятности, огниво. На третьемъ курганѣ найденъ скелетъ, лежащій головою къ Ю., и при немъ вещи: витая мѣдная шовная гривна съ пластинчатыми концами (табл. XXXI, 59), ожерелье или бубенчиковъ и бусъ средней и малой величины, два тонкія височные кольца средней величины (меньше, чѣмъ изображенные у гр. А. С. Уварова на табл. XXXII, 1, и безъ подвески), желѣзный ножикъ, костяной гребень (табл. XXVII, 10), пряжка малаа съ спиральными концами и такая же пластинчатая средней величины (табл. XXXII, 31), два браслета (одинъ пластинчатый тонкій, другой болѣе массивный съ шиповатыми головками на концахъ), проволочное колечко и обломки горшка. Въ перерывомъ для отысканія кладъ курганѣ той же группы подняты оставленные исследователями слѣдующія вещи: тонкое височное кольцо, вѣсколько бубенчиковъ и бусъ отъ ожерелья, два пластинчатыхъ ручныхъ колечка, три браслета (витой съ связанными концами, пластинчатый узкій съ шиповатыми головками на концахъ и гладкій круглый), два серебряныхъ ручныхъ кольца пластинчатыхъ съ стуживающимися и связанными концами, обломки отъ костяного гребня, поясная пряжка (табл. XXXII, 23), наружная пластинчатая пряжка описаннаго выше типа, ножъ, обломки горшка, 2 монеты XI в. (гор. Базеля и Бельневая архіепископа Пеллигрима) и 2 подвески въ видѣ монеты.

Во второй группѣ разрыты были всего одинъ курганъ, въ которомъ, на глубинѣ 2 арш., т.-е., пошлѣмому, уже въ материкѣ, открытъ скелетъ, лежащій головою на Ю., и при немъ вещи: въ ногахъ развалившійся горшокъ съ устьемъ, на шее витая гривна того же типа, какъ въ курганѣ третьемъ, ожерелье въ бусъ, 12 мелкихъ пластинчатыхъ колецъ, изъ которыхъ 7 сдвинуты въ 1^ю оборотъ, а 5, кромѣ того, имѣють перетяжки, 2 широкіе пластинчатые тонкіе браслета, 7 ручныхъ колецъ съ витой переднею частью (исъ пахочились на левой рукѣ и 1 перстень (съ правой руки), на пояснѣнныхъ костяхъ — 4 подвески (ажурная точно табл. XXV, № 21, собачья типа табл. XXXIII, № 8, уточка и пѣтушокъ типа найденныхъ Н. Е. Брауншбургскихъ въ Приамурскихъ курганахъ табл. III, № 1 и 12 и еще одна подвеска, ажурная съ 2 головками боней типа швейцарскаго или разноморскаго Костромскихъ меранскихъ кургановъ). По какому интересному случаю при этомъ скелетѣ являютъ битый и рѣзанный подборъ различнаго подвески въ ожерелье, большою частью состоявшаго изъ камней, очевидно:

по 1 экз. кресты типовъ № 3, 5, 6 (рис. 32), 2 экз. типа № 8 (у гр. Уварова табл. XXXIV, 12), 2 экз. типа № 7), 7 экз. типа № 4, 2 экз. типа № 6, 13 экз. типа № 2, 6 медальоновъ съ изображеніемъ Успенія Богоматери (№ 11), 3 образка съ изображеніемъ Николая Чудотворца (№ 10), образокъ съ изображеніемъ Богоматери (№ 9) и 3 маленькія лунницы (№ 1).

Рис. 32.

Сдѣланныя выше ссылки на атласъ гр. А. С. Уварова показываютъ, что въ раскопанныхъ г. Панинымъ курганахъ мы встрѣчаемся съ тою же культурою, какъ и въ „мерянскихъ“ курганахъ Владимірской губ. Отличія замѣчаются не въ предметахъ, а въ обрядѣ погребенія:

въ мерянскихъ курганахъ скелеты лежатъ головою на З., а въ Бѣлозерскихъ на Ю. (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которые намъ теперь стали извѣстны).

Самарская губ.

Нѣкоторые предметы древности Самарскаго музея. Въ 1895 г. управляющій Самарскимъ публичнымъ музеемъ, П. В. Алабинъ, сдѣлалъ фотографическіе снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ древности музея и издалъ объяснительную записку къ нимъ ²⁾. Въ виду значительнаго интереса нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, считаемъ полезнымъ представить здѣсь ихъ изображенія и небольшое описаніе.

1) Крестики типовъ № 6 и 7 встрѣчены въ Херсонесѣ.

2) Древности, найденныя въ Самарской губ. и хранящіяся въ Самарскомъ публичномъ музеѣ. Самара, 1895 г.

Къ бронзовому вѣку относятся: 1) копье съ широкимъ лезвиемъ, проходящимъ чрезъ все копье, типа, изображеннаго въ атласѣ г. Асеплина стр. 110, № 432 (найдено гдѣ-то въ Бузулукскомъ у., см. рис. 33), 2) булава въ видѣ свернувшейся змѣи, уже палеолитаго типа, см. рис.

Рис. 33.

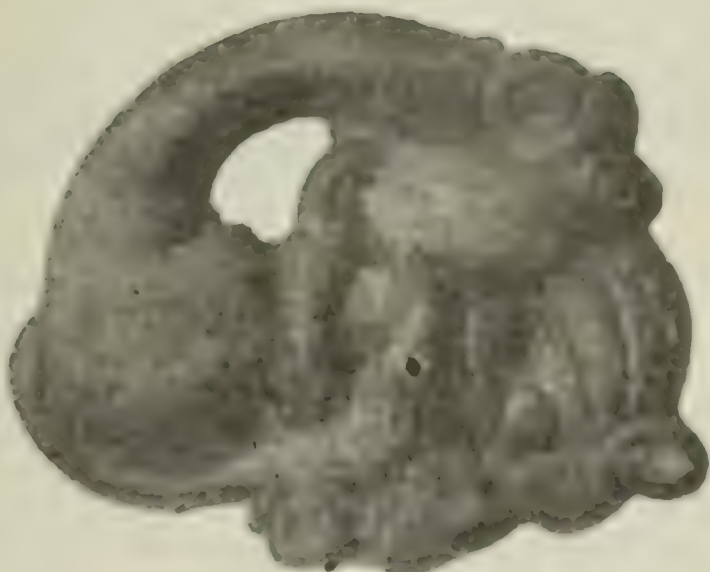

Рис. 34.

Рис. 35.

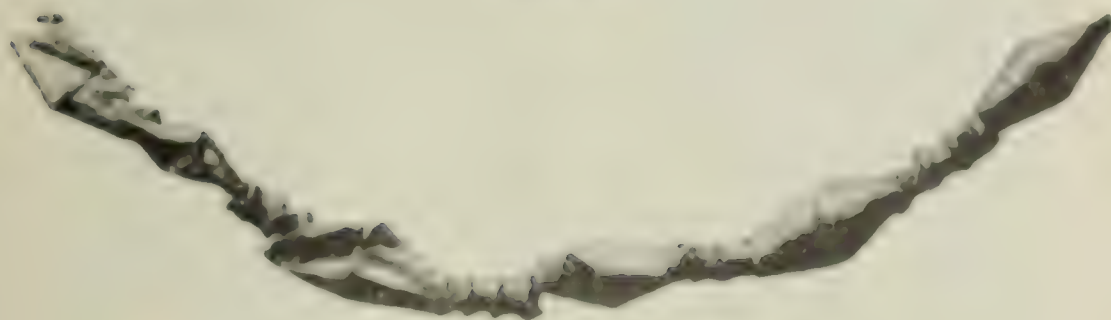

Рис. 36.

изображеннаго на плочѣ въ Бриссели и въ Гамбургѣ (рис. 34); найдена въ урочищѣ близъ с. Паланова Бузулукскаго у.

Мѣдному вѣку принадлежатъ: 1) тонкое лезвие копья, также палеолитаго типа, и 2) мѣдный топоръ съ гранью по верху, являющ-

ный тѣмъ, что клинокъ его почти совершенно прямъ (рис. 35); найденъ около с. Стар. Буяна на границѣ Самарск. и Ставроп. у.

Орудій каменнаго вѣка немного: клинъ, долото и накопечники стрѣлъ, найденные близъ Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, у с. Прокурина и Усамки Бузулукскаго у. и въ уроч. Барбашина поляна въ Соколыхъ горахъ, въ 16 в. выше Самары.

Среди другихъ предметовъ самыми древними являются вещи изъ кургана, разрытаго крестьяниномъ Тарасовымъ у Большого Сырта въ Крыловскомъ хут., Любимовской вол. Бузулукскаго у.: 1) большое (до 6 вершк., діаметръ диска $3\frac{3}{4}$ в.), отлично отполированное зеркало съ рукоятью, изъ зеркальнаго сплава; 2) мѣдная или бронзовая вещь въ видѣ части маленькаго подсвѣчника (?); 3) ожерелье изъ золотыхъ бусъ и трубочекъ (рис. 36); 4) мѣдные наконечники стрѣлъ такъ-называемаго скифскаго типа (въ коллекціи ихъ 14 штукъ); 5) каменное плоское блюдо на 3-хъ массивныхъ ножкахъ, длиною $6\frac{3}{4}$ верш., по краю 6 вытянутыхъ фигуръ какихъ-то хищныхъ звѣрей и 2 такихъ же по нижнему краю (рис. 37); 6) такое же круглое блюдо на 4-хъ ножкахъ, съ рельефнымъ арочнымъ орнаментомъ по краю (рис. 38), 7) овальное каменное блюдо на 4-хъ низкихъ ножкахъ (рис. 39); 8) желѣзный мечъ. Блюдо, подобное послѣднему, но круглое и безъ ножекъ, имѣется въ Самарскомъ музеѣ изъ находокъ въ Самарскомъ уѣздѣ.

Г. Алабинъ совершилъ поѣздку въ Синія горы (отроги общаго Сырта) къ хут. Мѣловому, Кочетковскому и Камышлаку, гдѣ, по слухамъ, въ 1892 г. выбрали камень изъ кургановъ, причемъ, будто бы, попадались плиты съ какими-то надписями. Оказалось, что дѣйствительно въ одной долинѣ Синихъ горъ разобранъ былъ большой курганъ, имѣвшій въ окружности до 60 саж. и по верху 15 саж., и 6 меньшихъ, огибавшихъ его въ видѣ полукружія съ з., с. и ю. сторонъ. Большой курганъ сложенъ былъ изъ большихъ каменныхъ плитъ съ прослойками мелкихъ; нѣкоторыя плиты стояли вертикально, и когда ихъ разбили, то подъ ними оказалась настилка, также изъ большихъ камней, идущая внизъ ступенями. Изъ всѣхъ кургановъ долины вывезено было болѣе 180 куб. саж. камня; основанія кургановъ не разобраны. По рассказамъ крестьянъ, при выборкѣ камня были найдены: кружка, ножъ, стрѣлы, копье, шашка (быть можетъ, изъ впускныхъ погребеній). На сѣдѣнныхъ холмахъ имѣются каменные курганы еще нетроутые и городище „Ичка“, представляющее какъ бы огромный дворъ, обнесенный каменною невысокою стѣною. Въ 2-хъ в. отъ

Большого кургана замбуны остались только, такъ онъ замаскированъ эту долину. Стѣна эта тянулась на нѣсколько сотъ саженъ, сложена бревен

Fig. 10

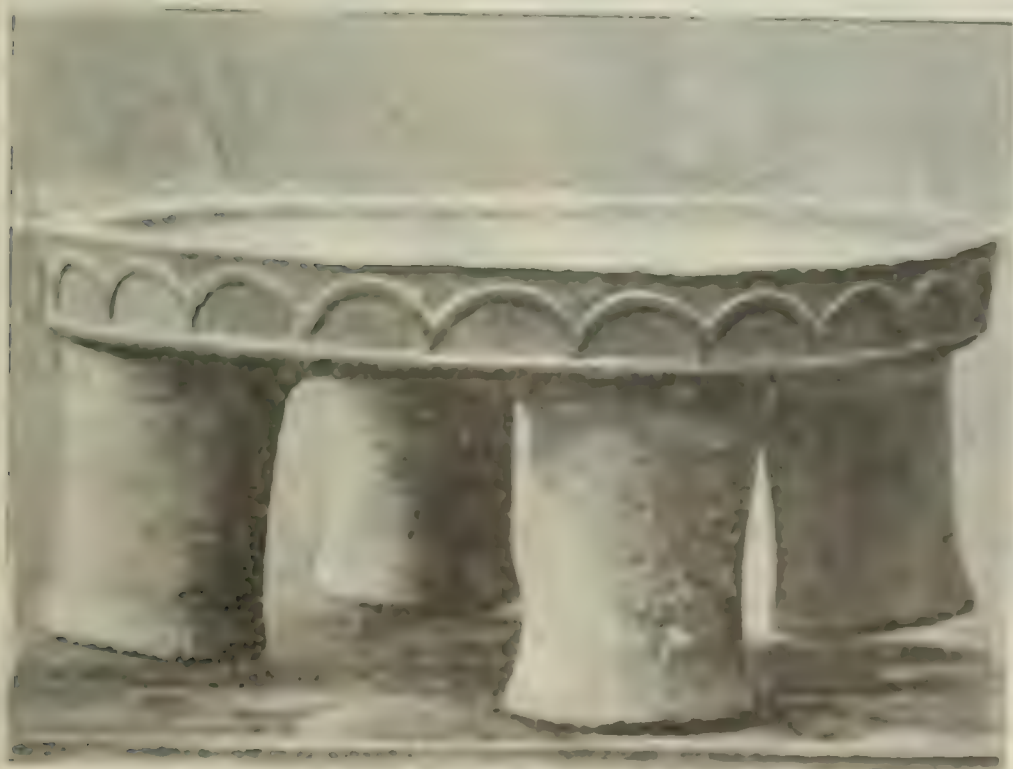

Fig. 11

также и въ болѣе позднѣе время съ Меланомъ самцемъ и въ 1892 г. охота была разорана подрядчикомъ общественными работами.¹⁾

¹⁾ О курганѣ замбуны см. Меланомъ охотничьи на «Востокъ» (Востокъ) 1892 г. I томъ и на «Востокъ» (Востокъ) 1893 г. II томъ, с. 10, 11, 12.

Старымъ кочевникамъ край принадлежатъ слѣдующія вещи Самарскаго музея: 1) желѣзный мечъ длиною $18\frac{1}{2}$ вершк., найденный въ Самарскомъ у., рѣдкаго типа (рис. 40); 2) желѣзный же мечъ

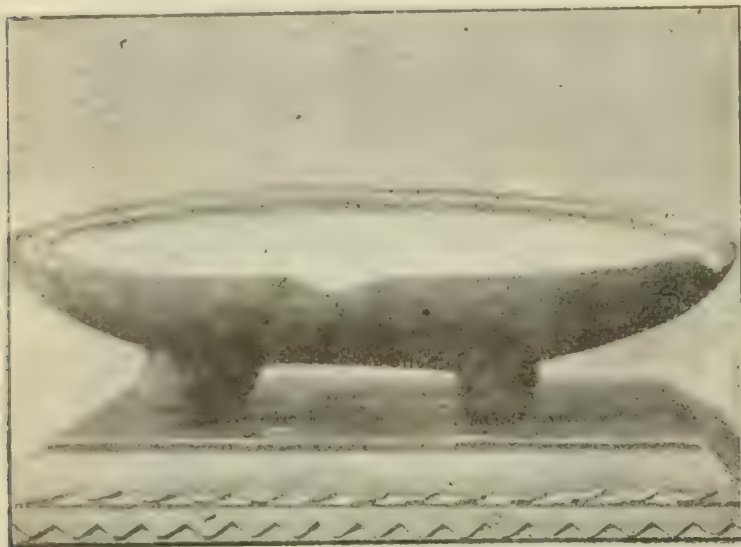

Рис. 39. ¶

15 вершк. длиною, найденный близъ с. Измайлова Бугурусланскаго у., тоже рѣдкой формы и прекрасно сохранившійся (рис. 41); рукоять состоитъ изъ двухъ частей, крыжъ съ прорѣзными фигурами двухъ звѣрей, по бокамъ рукояти и сверху были вставки; 3) трехгранный мѣдный наконечникъ стрѣлы, найденный въ 20 в. отъ

с. Богатаго Бузулукскаго у.; 4) желѣзный, трехреберный наконечникъ дротика, найденный около сел. Стар. Буянъ Самарскаго у.

Болѣе новымъ кочевникамъ принадлежитъ нѣсколько найденныхъ въ Самарской губ. мѣдныхъ бурхановъ. Таковы: 1) группа всадника

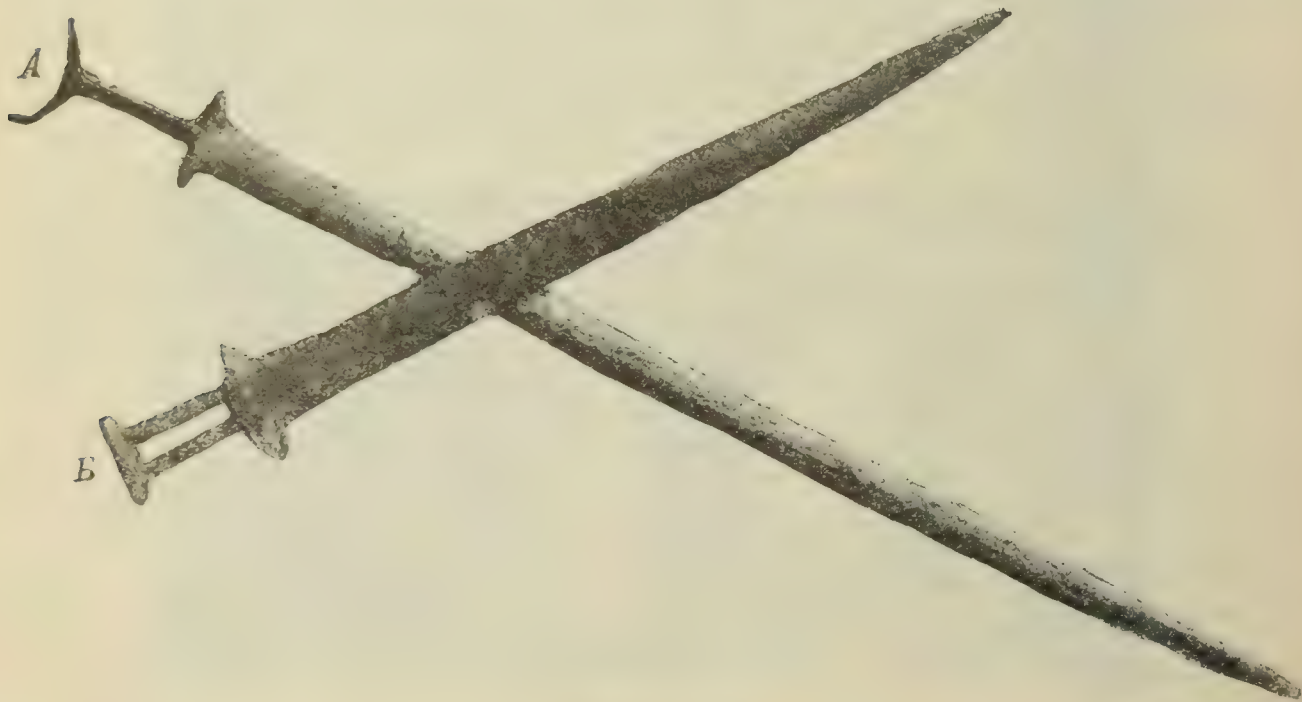

Рис. 40 и 41.

на слонѣ съ двумя человѣческими фигурами по бокамъ и какимъ-то животнымъ, сидящимъ въ ногахъ слона (рис. 42); группа утверждена на подножій, покоящемся на шарѣ, въ который снизу проходитъ по-
лость для насаживанія на древко. На подножіе снизу тянется длин-

ный зверь, представленный схематически. У него человеческая фигура остроконечный головной убор; у всадника в руках оружие и щит, в ушах серги, с левого бока котик (1). Из фигур одна мужская, другая, по видимому, женская (2). Женская фигура это то держит в правой руке, с левого бока у нее волант. По краям подножия идет восточный орнамент. Промета найденъ у жер. Пустынной Самарскаго у. Подобная группа уже известна 3). 2) Бур-

Рис. 42.

Рис. 43.

ханъ, найденный въ 1889 г. въ бузулукскихъ степяхъ и представляющий сидящую на престоле женскую фигуру (рис. 44). Изъ левой руки сосудъ, въ правой жезлъ, тщательный уборъ волосъ особенно выступаетъ слава. 3) Бурханъ, представляющий богиню, съ двумя человеческими фигурами у ногъ и найденный на той же степи (рис. 45). 4) Бурханъ, представляющий четырехрукую богиню въ сидячемъ положении и найденный близъ г. Новоузенской Бузулукск. у (рис. 46).

1) Стат. Извѣст. Археолог. Комисс. 1902 г., стр. 40. Бурханъ этотъ найденъ въ Астраханской губ.

Подъ именемъ чувашскихъ идоловъ, повидимому, произвольномъ, слагаютъ двѣ грубыя мѣдныя статуэтки, найденныя въ Самарскомъ у. и изображенныя на рис. 46 и 47. Первая представляетъ собою одну-рукую, одноногую и одноглазую мужскую фигуру въ острокопечной шапкѣ, которой совершенно подобная найдена въ г. Билярскѣ Казанской губ. и хранится въ коллекціи Лихачева¹⁾, вторая представляетъ обнаженную фигуру въ сидячемъ положеніи.

При постройкѣ Оренбургской жел. дороги на ст. Кипель открытъ былъ значительный могильникъ, тотчасъ же уничтоженный рабочими.

Рис. 44.

Рис. 45.

Удалось найти лишь нѣсколько нетронутыхъ могилъ гр. Рошфору, который разыскалъ, между прочимъ, костякъ, завернутый съ головою въ парчу, и П. В. Алабину, открывшему костякъ, лежавшій лицомъ на З., при которомъ найденъ былъ ножъ, черный глиняный горшокъ, орнаментированный по борту вдавленнымъ узоромъ, удила и желѣзный наконечникъ стрѣлы. У рабочихъ изъ находокъ въ могильникѣ были

¹⁾ Труды Одесск. Археол. Съѣзда, т. I, табл. XIV, въ статьѣ г. Лихачева: «Скиѣскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ Казанской губ.».

собрания: обломки двухъ зеркалъ до 3 верш. въ діаметрѣ, расщепка и острога буса. Одинъ изъ костяковокъ, по расщепамъ, былъ обернутъ

въ бересту. По всей вѣроятности, киевскій могильникъ относится ко времени не раньше XIV в. Къ тому же времени относится кладъ различныхъ вещей, также хранящійся въ музеѣ и найденный въ Накондеевскомъ у. : желѣзный котелъ, медь, туга, джучинская монета, 3 желѣзные и 1 медный наконечники стрѣлы; въ томъ же кладѣ находятся красноватый наконечникъ стрѣлы треугольной формы съ широкимъ основаниемъ и безъ пасага, 1¹/₂ вершк. длины.

Остальные, описанные въ брошюрѣ г. Алабина, немногіе предметы древности Сахарскаго музея для доисторической археологіи не имѣютъ значенія.

Рис. 46

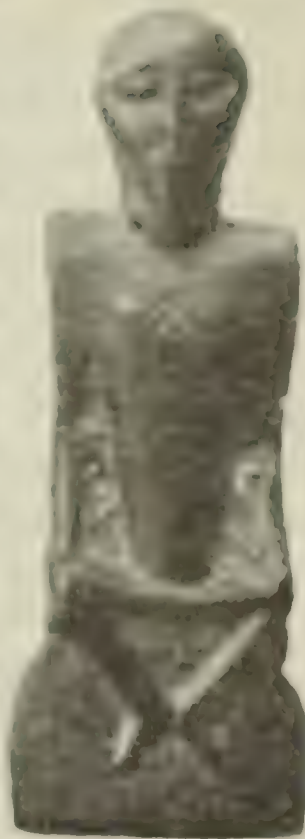

Рис. 47

Подольская губ

Раскопки близъ сел. Межирѣчки. Въ 1895 г., въ имѣніи Алек. Мих. Абама, близъ сел. Межирѣчка Баттеевато у. Подольской губ., произведены были раскопки 6 кургановъ, изъ которыхъ три оказались древними и 2 — позднѣйшими.

Одинъ изъ древнихъ кургановъ имѣлъ въ высоту больше 1¹/₂ саж. и 18 и 14 саж. въ діаметрѣ. По срединѣ находилась большая грунто-вая могильная яма (7 X 8¹/₂ арш.), въ которой у дѣла (косточный) стѣны лежалъ костякъ головою на Ю., съ вытянутыми конечностями въ головѣ его располагалась большая двуручная амфора, изъ красной, хорошо обожженной глины. Цѣль въ н. с. стѣнѣ ямы находилась также истрѣпанная кость человѣка и лошади, всего 4 костяка, у дѣла, вѣнча-наго близъ с. стѣнки, найденны различные вещи, именно: 2 костяные кон-чешкія трубочки, украшенныя ярусами, 2 очень выпуклые золо-тыя бляшки съ какимъ-то рисункомъ, золотой облатокъ съ рѣзъю кон-чешкія, широкое костяное колечко, украшенное ярусами съ точкой посрединѣ, 2 большія бусы съ тѣмъ же рисункомъ (можетъ быть, это были

наго угля), буса пепельнаго цвѣта съ глазками, круглая буса изъ лянисъ-лазури (?), обтянутая золотой проволокой, и въ головахъ небольшой сосудъ пепельно-сѣраго цвѣта. Между костями лошади и человѣка у ю. стороны найдены кости птицы, у з. стѣны—5 штукъ какой-то крупной картечи, слѣпленной изъ глины. До высоты въ 1 саж. насыпь кургана была очень плотна. Въ ней изъ разныхъ мѣстъ добыты глиняные черепки, и почти на самомъ днѣ могилы донышко черполаковаго греческаго сосуда; въ ямѣ еще подняты: костяной ромбикъ съ отверстіемъ въ срединѣ, горлышко разбитаго сосуда, что-то въ родѣ большой желѣзной иглы или булавки, желѣзный ножъ со скошеннымъ концомъ, кусочекъ кремня. Поверхъ древней насыпи, доходящей до высоты въ 1 саж., въ в. части былъ постланъ слой дерева до 4 саж. (?) въ діаметрѣ, на которомъ лежали кости человѣка и коня, перемѣшанные другъ съ другомъ. Ноги лошади поджаты. Здѣсь найдены: жел. удила, 2 стремени съ очень широкими подножками и 2 массивныя золотыя, не сомкнутыя кольца, обработанныя на 4 грани. и, вѣроятно, къ тому же погребенію относится глиняный черный сосудъ плохой работы, со сборчатымъ краемъ, найденный въ курганѣ на томъ же горизонтѣ. Поверхъ этого новаго погребенія насыпь была поднята на $1\frac{1}{2}$ арш.

Рядомъ съ этимъ курганомъ находилась небольшая курганная насыпь, въ которой оказалась грунтовая могила, повидимому, круглой формы, имѣвшая въ длину и ширину $4\frac{1}{2}$ и $3\frac{1}{4}$ арш., уже разоренная. Въ землѣ на разной глубинѣ встрѣчены отдѣльныя кости человѣка и коня или вола, а также черепки отъ амфоры той же формы, какъ въ предъидущемъ курганѣ. Въ с.-в. сторонѣ могилы найдена нетронутою кучка изъ 17 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ и двухъ глиняныхъ бусъ того же типа, какъ и въ первомъ курганѣ; кучка прикрыта была деревомъ.

Третій раскопанный древній курганъ имѣлъ наибольшіе размѣры. доходя до $1\frac{1}{2}$ — 2 саж. высоты. Въ центрѣ его оказалась большая грунтовая могила, имѣющая въ длину $5\frac{1}{2}$ и въ ширину 5 арш., уже разоренная, повидимому, еще въ древности, такъ какъ вся курганная насыпь была очень плотна. Стѣны могилы и потолокъ забраны березовыми брусьями. У в. стѣнки находились кости вола (коня?), а вдоль нихъ лежала сосновая доска, около которой найдены 3 кольца, сѣпленные вмѣстѣ, одно желѣзное и 2 мѣдныхъ (они могли принадлежать и не погребенію); въ з. сторонѣ лежала стронутая съ мѣста и разбитая амфора того же типа, какъ въ первомъ курганѣ. Отдѣльныя кости человѣка найдены на различной глубинѣ.

Одинъ изъ раскопанныхъ позднихъ кургановъ имѣлъ въ вышину не болѣе $1\frac{1}{2}$ арш., а въ діаметрѣ отъ 7 до 8 саж. Недалеко отъ центра въ с. полѣ насыпи находилась грунтовая могила глубиною $1\frac{1}{2}$ арш., шириною 2 и длиною 1 арш., выложенная дернотомъ, въ которой погребены были скелетъ въ сидячемъ положеніи (спина впередъ, на корточкахъ), спиною къ С. Слѣда скелета находились остатки копытъ и желѣзный шлемъ, а между ними золотое кольцо съ головкой дракона на конѣ, часть мѣднаго кольца, 5 золото-орнаментныхъ монетъ, буса свѣтло-синія съ лучистыми глазками, 2 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, одинъ лопаточкой, другой въ видѣ гранчатого стержня, желѣзный ремешный наборъ изъ узкихъ пластинокъ, желѣзная пряжка, обломок огнива въ видѣ пластинки съ выгнутою срединною, желѣзная ножъ съ прямымъ обухомъ и обрывокъ ткани. Шлемъ состоялъ изъ нѣсколькихъ, навигавшихся другъ на друга пластинокъ, въ которыхъ нижняя имѣла загнутый край. Также недалеко отъ центра въ ю.-в. сторонѣ на поверхности земли лежалъ скелетъ коня съ поджатыми ногами, головою на З.; при немъ удила и 2 желѣзные стремена съ очень широкими подпоясками. Въ насыпи кургана попадались много камня, мелкаго и крупнаго.

Второй поздній курганъ былъ нѣсколько большихъ размѣровъ и заключалъ 2 грунтовыхъ погребенія. Надъ первой могилой сверху, вѣдомъ лежало бревно, и два такіе же находились по бокамъ ея. Има въ длину имѣла $3\frac{1}{2}$ арш., въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш. и внутри обшита дернотомъ. Костякъ, лежавшій головою на З., по видимому, въ гробу, оказался потревоженнымъ зѣвряками. Слѣва лежала длинная изогнутая сабля въ ножнахъ, приблизительно въ полѣхъ копытца и шлемъ потушарой формы со слѣдами прикрѣпившейся къ нему саблѣ копытца, а съ нимъ шишакъ (булава?) справа около копытъ или выше лежали 2 чашки — мѣдная и серебряная, обшитыя кожей снаружи и внутри (?), на груди остатки ткани, бить сабли 4 желѣзные пряжки, 3 желѣзные кольца, кремль и 2 наконечника стрѣлъ листовидной формы. Вторая могила, женская, расположена была почти рядомъ изъ с. полѣ насыпи, имѣла тѣ же размѣры и заключала погребеніе костяка въ томъ же положеніи и также въ доскахъ, можетъ быть, въ гробу. Верхнія доски гроба выкрашены мѣстами красной краской. На груди скелета лежало довольно большое зеркало (главное поперечное въ видѣ), оббитое по краю кожей и опирающееся въ деревянную раму, обитую мѣдными гвоздями и украшенную, кромѣ того, нѣсколькими разбичными мѣдными бляшками. Около шеи буса и серебряный довольно крупный, орнаментиро-

важный въ верхней части цилиндрикъ съ 2 ушками вверху, чрезъ которыя продѣта проволока. На груди лежали остатки тканой золотомъ матеріи, нѣсколько позолоченныхъ мѣдныхъ пуговицъ въ видѣ шарика съ ушкомъ и мѣдная серьга, въ видѣ кольца съ опускающимся внизъ тонкимъ стержнемъ.

Херсонская губ.

Раскопки въ Херсонскомъ у. Въ 1893 г., по порученію Императ. Археологической Коммисіи, В. И. Гошкевичемъ произведены были раскопки въ курганахъ близъ с. Дымовки, расположеннаго на притокѣ р. Буга, Гниломъ Еланцѣ. Всѣхъ кургановъ раскопано было 17, причемъ обнаружены весьма разнообразныя погребенія.

Курганъ I. Насыпь расплывчатой формы до 0,9 м. вышины и 12 м. въ діаметрѣ. Въ насыпи найдено кремневое остріе, цѣлый глиняный сосудъ, лежавшій отверстіемъ кверху, при которомъ кучка угля. 1) Въ овальной ямѣ, имѣвшей въ глубину 0,7 м., костякъ головою на З., конечности протянуты. 2) На томъ же уровнѣ ноги скелета, лежавшаго въ направленіи отъ С. къ Ю. 3) На пятомъ штыхѣ скелеть, лежавшій головою на С. 4) Рядомъ ноги скелета, лежавшаго въ направленіи Ю.-З.—С.-В. 5) На глубинѣ 0,9 м. въ овальной ямѣ, ниже перваго погребенія на 0,2 м., слегка окрашенный скелеть головою на С.-В. У лѣваго виска кремневое остріе, поодаль глиняный сосудъ, на лѣвой плечевой кости костяные кружочки отъ ожерелья, рядомъ—мѣдное шило, у лѣваго локтя кусокъ красной краски; конечности протянуты.

Курганъ II. Очень расплывшійся курганъ высотой 1,5 м. и въ діаметрѣ 40 м. 1) На пятомъ штыхѣ—безпорядочный скелеть чело-вѣка, ниже—куча известковыхъ камней, а подъ ними раздробленныя и разбросанныя кости, среди которыхъ разбитый глиняный сосудъ. 2) На седьмомъ штыхѣ скелеть, лежавшій головою на З., съ протянутыми конечностями, въ деревянномъ гробу, обитомъ маленькими желѣзными гвоздями. У праваго локтя подвѣска—амулетъ извѣстной формы въ видѣ треугольника, изъ темно-синяго стекла или ляписъ-лазури и кусочекъ коралла, у лѣваго локтя желѣзный ножъ, у лѣвой кисти кусочекъ извести, на ногахъ кожаная обувь въ видѣ башмаковъ. Съ лѣвой стороны черепъ коня съ удилами и 4 конскія ноги, а между ними куски неопредѣленныхъ желѣзныхъ вещей (стремена?). 3) На поверхности почвы хорошо сохранившійся костякъ, головою на Ю.-В., въ

деревянный гроб, обставленный и прикрытый камнями. Над тем-
ным обидановым и кремневым острём, на шею ожерелье из 22 бус
(2 поделочных и 20 синих, коричневых и серых), у правого плеча
праслица, под поясницей слёды коры, у левой лопатки рёберная кость
riosteris, у кисти правой руки 3 кусочка извести, 2 черепка (один из них
повидному, точильными камнями) и 2 куска желтой глины, на ве-
стах слёды такой же обуви. 4) Также на поверхности и также широким
и обставленный камнями костяк без гроба, лежащий головою на З.

Курганъ III. Насыпь распычатой формы высотой 1,2 м.,
въ діаметрѣ 14 м.; земля насыпи очень твердая и во веѣхъ направ-
леніяхъ въ значительномъ количествѣ большіе известковые камни.
1) На седьмомъ штыкѣ, на глубинѣ 0,4 м., короткая грунтовая яма
эллиптической формы, въ которой хорошо сохранившійся скелетъ голо-
вою на З. Ноги немного приподняты, лѣвая рука на тобѣ, правая
протянута вдоль туловища, ростъ 1,49 м. На шеѣ и въ черепѣ 9 сте-
кланныхъ бусъ сѣраго цвѣта, на поясницѣ 3 мѣдные бубенчики, рас-
положенные въ линію, между лѣвымъ локтемъ и таломъ желѣзные
пожницы. 2) Въ грунтовой ямѣ того же вида и размѣровъ костякъ
головою на Ю.-З., черепъ на правомъ вискѣ. Съ правой стороны
нѣтъ ни дѣтскій скелетъ.

Курганъ IV. Распычатая насыпь высотой 0,7 м., въ діаметрѣ
11 м.; въ твердой землѣ насыпи много камней, изъ коихъ нѣкоторые
стояли торчкомъ, другіе лежали на нихъ. Въ узкой и короткой грунтовой
ямѣ на глубинѣ 1,4 м. костякъ (головою на З.). Черепъ на правомъ
вискѣ. Надъ темнемъ безформенные желѣзные обломы.

Курганъ V. Распычатая насыпь 2,1 м. вышины и 3,6 м. въ
діаметрѣ. Курганъ до глубины аршина былъ распычиваемъ для добычи
камня. 1) На четвертомъ штыкѣ, въ насыпи, костякъ, головою на В. Н.,
руки подогнуты къ шеѣ, въ гробу. У головы справа вѣнчикоподобная
тонкая мѣдная выгнуто-изогнутая пластинка и шестугольное гальчѣе на
поясницѣ справа 2 желѣзные пряжки и 2 маленькихъ мѣдныхъ бляшки
съ дырочками, слѣды глиняный сосудикъ, на лѣвой берцовой кости
мѣдное кольцо. 2) У тѣла пернато скелета расположены ноги стертые,
желѣзные также въ насыпи головою на З. 3) На третьемъ штыкѣ же-
сткованая плита (1,2 × 0,9 × 0,2 м.), прикрывавшая грунтовою ямѣ
глубиною 0,7 м., шириною 0,9 м. и длиною 1,2 м., лежащую направ-
леніе отъ З. къ В. Дѣтскій скелетъ въ полномъ безпорядкѣ, головою
на В. Надъ плитою до самаго верха насыпи кладенъ изъ известковыхъ

каменей, между которыми найденъ раздавленный сосудецъ и обломки черепа и позвонковъ человѣка.

Курганъ VI. Насыпь распылчатой формы высотой 2 м. и въ діаметрѣ 36 м. 1) На первомъ штыхѣ известковые камни въ безпорядкѣ, а на второмъ — разбросанныя кости человѣка. 2) Въ насыпи на четвертомъ штыхѣ хорошо сохранившійся скелетъ, лежавшій головою на Ю.-В., руки пригнуты къ ключицамъ, ноги немного приподняты. У праваго бедра обломокъ костяного предмета, выше темени безформенные куски желѣза. Вдоль правой стороны скелета стоятъ торчмя камни; нѣсколько камней подъ скелетами. 3) Ниже на штыхѣ, въ насыпи, костякъ на правомъ боку, съ поджатыми ногами, головою на С.-З. 4) Въ насыпи на глубинѣ 0,9 м. человѣческія кости въ безпорядкѣ. 5) На глубинѣ 1,1 м., въ насыпи, подъ погребеніемъ вторымъ, костякъ въ гробу, головою на Ю.-В. 6) Въ центрѣ кургана на томъ же уровнѣ двѣ огромныя известковыя плиты, прикрывавшія небольшую могилу глубиною 0,7 м., длиною 0,8 м. и шириною 0,4 м., въ которой оказались раздавленные дѣтскія кости. 7) Ниже пятаго погребенія на уровнѣ почвы скелетъ въ гробу, на правомъ боку, головою на С.

Курганъ VII. Небольшая насыпь высотой 0,5 м., въ діаметрѣ 9 м. Раскопанъ. Грунтовая могила длиною 1,4 м., шириною 0,8 м., глубиною 0,4 м. Нѣсколько стеклянныхъ бусъ и остатки дерева.

Курганъ VIII. Размѣры насыпи почти тѣ же. Насыпь „переполнена“ камнями. Грунтовая узкая и короткая яма глубиною 0,8 м., имѣющая направленіе Ю.-В.—С.-З. Въ в. углу лежитъ разломанный черепъ, ключицы и верхнія конечности, ножныя же кости помѣщались въ нишкѣ, выдолбленной въ с.-в. стѣнѣ могилы; тамъ же лежали 2 переднія ноги коня. Верхняя часть туловища была огорожена торчмя стоявшими большими камнями.

Курганъ IX. Высота насыпи 0,6 м., діаметръ основанія 10 м. Грунтовая яма глубиною и длиною по 1,4 м., шириною 0,9 м., имѣвшая направленіе отъ З. къ В. Скелетъ въ ю.-в. углу ямы, головою на Ю.-З., нижняя часть въ нишкѣ. Черепъ на правомъ вискѣ, подъ нимъ остатки серьги въ видѣ бусы на проволоку. Въ насыпи найденъ обломокъ бронзоваго долота.

Курганъ X. Насыпь высотой 0,8 м., въ діаметрѣ 12 м. На второмъ штыхѣ найденъ черепокъ и баранья кость. 1) На третьемъ штыхѣ въ центрѣ обнаружена кучка человѣческихъ костей безъ черепа, лежавшихъ отчасти на известковой плитѣ (1,4×1,1×0,3 м.), которая прикрывала собою раздавленный черепъ ребенка. Направленіе плиты

С.-З. — Ю.-В. 3) На томъ же уровнѣ скелетъ, головою на В., на лѣвомъ боку, ноги немного подогнуты, у ступней торчкомъ. 4) На томъ же уровнѣ отдельный черепъ. 5) Въ грунѣ ниже плиты медная мелкая монетка, въ которой иставленъ крестъ ребенка, у вершка урнотка.

Курганъ XI. Насыпь вышиною 1,1 м., въ диаметрѣ 14 м. На первомъ штыкѣ попадались камни. 1) На второмъ штыкѣ показались пнига, стоявшая торчкомъ (1 × 0,7 м.), подъ которою найденъ скелетъ, лежащій на правомъ боку, головою на З. 2) Въ грунтовой ямѣ глубиною 0,3 м. скелетъ, лежащій головою на З., нижнія кости замѣтно приподняты. Поверхъ ямы слой камней.

Курганъ XII. Насыпь распычатой формы вышиною 1 м., въ диаметрѣ 10 м. Въ насыпи найдены желѣзные удила, стремени и еще неопредѣленные обломки, на штыкѣ — остатки деревяннаго сѣдла, попадаются камни. Погребеніе въ центрѣ, въ грунтовой ямѣ, глубиною 1,1 м., въ гробу, обитомъ небольшими желѣзными гвоздями и въ узкихъ и тонкихъ дубовыхъ доскахъ и прикрытомъ сверху тремя досками. Скелетъ лежалъ головою на С.-В., черепъ на правомъ вискѣ. Слѣды погребенія золотной ткани. На правой голени пустой кожанъ изъ бересты, на лѣвой — кожаное налоучье, въ которомъ остатки лука съ тетивой. Подъ кистью лѣвой руки кожаный кошель, а въ немъ бременъ и огниво, вошь правой рукой кусокъ кожи. На ногахъ длинные сапоги. Въ ногахъ медная полушаровидная бляха. Длина скелета 1,61 м. Надъ ямой толстый слой утрамбованной земли.

Курганъ XIII. Распычатая насыпь вышиною 1,1 м., въ диаметрѣ 14 м.; въ насыпи небольшие камни. 1) На 4 и 5-мъ штыкѣ скелетъ коня съ удилами въ зубахъ, остатками деревяннаго сѣдла, желѣзными стремени и медная полушаровидная бляха. 2) Несколько въ сторонѣ въ грунтовой ямѣ, прикрытой слоемъ утрамбованной земли и имѣвшей въ глубину 1,4 м., совершенно такое же погребеніе, какъ и предыдущемъ курганѣ: скелетъ въ гробу, черепъ на правомъ вискѣ, конечности простираются, но кости головою лежатъ на З. Подъ костью на днѣ гроба слой бѣлой глины. Золотная ткань. На лѣвомъ бедрѣ кожанъ изъ бересты (отверстіе зафиксировано желѣзной оплывкой), на которомъ 11 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ; въ правомъ бедрѣ пустое налоучье. У лѣвой тазовой кости кожаный кошель, а въ немъ бременъ, огниво и кусокъ красной кожи, на правой тазовой кости широкий кожаный карманъ. У лѣвато лопки небольшой точильный камень, подъ головою и лопатками остатки войлока, на ногахъ длинные сапоги.

Курганъ XIV. Насыпь вышиной 1 м., въ діаметрѣ 12 м.; въ ней много камней, въ срединѣ большой камень. 1) На глубинѣ 1,1 м. яма, а въ ней желѣзные удила, большая четырехугольная желѣзная пряжка, пряжка трехугольная, мѣдная пуговица и нѣсколько безформенныхъ кусковъ желѣза. Вещи лежатъ поверхъ каменной плиты ($0,9 \times 0,5 \times 0,2$ м.), стоявшей торчмя, и нѣсколькихъ меньшихъ камней. Подъ этой каменной кладкой скелетъ головою на З., раздавленный, на словъ бѣлой глины. Черепъ красноватаго цвѣта. 2) Параллельно расположена другая яма, въ которой черепъ коня съ удилами, а ниже—скелетъ, лежавшій головою на С.-В. У лѣвой руки неопредѣленнаго назначенія костяной предметъ, на тазу и нѣсколько ниже—3 мѣдныхъ пряжки, 6 изогнутыхъ мѣдныхъ пластинокъ, цѣлая пластинка и нѣсколько обломковъ изъ какого-то хрупкаго состава, мѣдная пуговица и обломокъ узкой прямоугольной костяной пластинки съ круглыми дырочками.

Курганъ XV. Насыпь вышиною 1,8 м., въ діаметрѣ 23 м. На третьемъ штыхѣ обнаружилась квадратная площадка изъ мелкихъ камней съ 4-мя большими камнями по угламъ, имѣвшая въ длину 1 саж. Къ С. отъ середины площадки найденъ глиняный орнаментированный сосудъ, а подъ нимъ обгорѣлыя косточки и пепелъ. Мелкія кости и пепелъ попадаются и между камнями. 2) На уровнѣ почвы также куча пепла и остатки обугленныхъ костей.

Курганъ XVI. Очень расплывчатая насыпь вышиною 0,4 м., въ діаметрѣ 9 м. Ямы не оказалось вовсе.

Курганъ XVII. Насыпь вышиною 0,6 м., въ діаметрѣ 10 м. Въ грунтѣ яма неопредѣленныхъ очертаній, заваленная аршина на 2 камнемъ; на днѣ раздавленный и сгнившій скелетъ.

Такимъ образомъ въ 17 раскопанныхъ курганахъ оказалось 40 погребеній. По одному погребенію найдено въ 6 курганахъ, по два—въ 5, по пяти—въ 2-хъ, изъ остальныхъ двухъ насыпей въ одной было 4, въ другой 7 погребеній. Типовъ погребеній въ описываемыхъ курганахъ можно насчитать 13.

Погребенія грунтовые:

1) Окрашенный костякъ въ овальной грунтовой ямѣ, головою на С.-В. Сосудъ, ожерелье, шило, краска. Костякъ I, 5.

2) Костякъ въ ямѣ головою на С. (I, 2 и 3) и на Ю.-З. (I, 4); скелетъ въ овальной ямѣ, головою на З. (I, 1). Вещей нѣтъ.

3) Интересныя погребенія въ грунтовыхъ ямахъ, прикрытыхъ каменной плитой и грудой камней, среди которыхъ черепки и человѣ-

числїя вості. В: амб дїтвіе крестичи, головно на II. в З. Крестичи II, 1; V, 3; VI, 6; X, 2; X, 5; XI, 2; XIV, 1; XVII. Вості пїти.

4) В кургашной насыпи камня. Погребения из земли и коротких грунтовых ямах. Скелеты лежат головой на В. 2, Ю-З, С-З, череп на правом боку. В некоторых погребениях ноги помещаются в особый нише, в других они прижаты. При одном погребении найдены кости кова. Вещи: бусы, бубенцы, бронзы, желтые обломки. Погребения III, 1 и 2; IV; VIII, IX.

5) Погребения в дмб, головой на С-В и З, череп на правом виске. На костях берестяной колчань, налучье, железная твась с золотыми штырьками, кремль и огниво, высокие саногы и пр. На ласных костях зона вь сбруь или одна сбруа. Погребения XII, I в XIII, 2.

Потребности на уроцих роман:

6) Погребенія въ гробу и безъ него, обитыя или обставленыя и прикрытыя камнями, головою на З. Вещи: бусы, прялки, жемчугъ, красна. Погребенія II, 3 и 4.

7) Кучи щепа и сожженных косточек на урвнѣ поверхности, въ насыпи каменная площадка, на которой сосуда и орудья этого по-
мѣль и кости. Погребеніе XV.

Потреба в інструкції:

8) Костякъ въ гробу, головою на З., хорошо сохранившийся. Ажурный обитный тисн въ видѣ треугольника изъ лентъ-зазуре, носки, кораллы, башмаки. Рядомъ положена шопъ. Погребеніе II, 2.

2) Погребеніє обшкотною із гробу, залозово на Ю.-В., руше протанути кь шеф. Вощи: желѣзные прижки, жѣлѣзные бляхи, кованіе, глиняный сосудъ, известняковъ галька, измѣталъ жѣлѣзнакъ, обломки костяного предмета. У одного костянаго сѣла и полъ палеа плути. Погребенія V, 1; VI, 2 и 5.

10) Скелет головною на B_1 съ протанутими анатоміями. Цифрею V_1 2.

III) Косточки на правомъ или лѣвомъ боку, сохнущая на II и на III, ноги поджаты. У одного скелета горничная. Погребены VI, II и X, 3.

12) Погребение на правия бок, големия на Δ , юга-изток (M. 1).

13) Погребение на правом боку, головой на С (VI, 7).

Погрешности VI, I и 4 в VII объясняются беспорядочными соотношениями

Най. переносимости, наймен. подробный по. перевод, перевод
Андрей Вик. Р. Андрей Вик. - 1944 - 1945. 1 - 2.

лишь окрашенные костяки и трупосожженія. Всѣ остальные могутъ быть отнесены, повидимому, къ XIII—XIV в. и къ болѣе позднему времени.

Полтавская губернія.

Поставмукскіе курганы. Лѣтомъ 1895 г. я произвелъ раскопку нѣсколькихъ кургановъ близъ селенія Поставмуки, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Село Поставмуки и оба имѣнія того же имени, принадлежащія А. В. Дзѣвчупольской и А. В. Кореневу, лежатъ на лѣвомъ берегу р. Удая, отдѣляющей Лохвицкій уѣздъ отъ Лубенскаго. Усадьбы и огороды расположены въ широкой долинѣ рѣки, а поля, лѣса и выгоны на нагорномъ берегу, возвышающемся надъ долиной на 200—250 футовъ.

На этомъ нагорномъ берегу, противъ селенія Поставмуки, между урочищами Потоки и Дражинъ яръ, разсыпано болѣе ста кургановъ. Самая бѣльшая, средняя часть кургановъ занимаетъ общественный выгонъ и лѣсъ; крайній восточный находится на землѣ А. В. Дзѣвчупольской, а западнѣе—за такъ-называемой Бѣлой горой, на землѣ казакѣвъ Демченко и Муциля. По обстоятельствамъ мнѣ пришлось отказаться отъ раскопокъ главной части могильника на общественной землѣ и ограничиться изслѣдованіемъ крайняго восточнаго кургана на землѣ г-жи Дзѣвчупольской, а потомъ въ концѣ лѣта, послѣ жатвы, на поляхъ Демченки и Муциля. По обнаженнымъ крутымъ оврагамъ видно, что почва нагорнаго берега Удая, до самой его подошвы, состоитъ изъ глины, безъ примѣси камней или песку. Даже верхняя, культурная часть почвы состоитъ изъ той же глины, отличающейся только нѣсколько болѣе темнымъ цвѣтомъ и рыхлостью. Этотъ рыхлый слой опускается на глубину 1—3 аршинъ, послѣ чего идетъ твердая глина, съ трудомъ поддающаяся лопатѣ.

Процессъ раскопки описанъ въ приложенѣмъ дневникѣ. Поэтому я теперь ограничусь разборомъ общихъ и частныхъ признаковъ изслѣдованныхъ мною кургановъ.

1) Въ насыпяхъ не встрѣчается никакихъ предметовъ, за исключеніемъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ глиняныхъ черепковъ, мелкихъ раздробленныхъ сожженныхъ костей и угольковъ. Всѣ эти предметы попали въ курганъ, очевидно, при его насыпкѣ.

2) Все могилы пахотыся на ямѣ, вырытой на 1—3 аршина ниже уровня земли.

3) Погребение вседѣ обыкновенное, безъ трупосожженія.

4) Все найденныя мною костями лежали головой на востокѣ, ногами на западѣ съ протянутыми на бедра верхними конечностями. Въ одномъ случаѣ покойникъ лежалъ на дѣломъ бревнѣ.

5) Въ одномъ курганѣ не найдено ничего, въ одномъ одинъ фрагментъ, въ 4-хъ остальныхъ случаяхъ могилы были двойныя. Въ двухъ могилкахъ покойники лежали рядомъ, въ одной—одинъ надъ другимъ, почти встѣвший, лежалъ выше другого; наконецъ, въ первомъ въ рас-

Рис. 45

Рис. 46

кончаныхъ кургановъ одинъ изъ костяковъ лежалъ въ могилѣ, а другой въ вырытой рядомъ съ этой могилкой ямѣ.

6) Въ всехъ могилахъ встрѣчалась нѣтъ костями дровосная паша, смѣшанная съ глиною. Въ двухъ случаяхъ сохранились сдвинутыя древесные брусья, поставленные ребромъ по длиннымъ сторонамъ могилы. Можно полагать, что покойниковъ клали на толую глыбу съ елочной, состоящей изъ двухъ брусковъ, прикрытыхъ досками.

7) На въ одномъ курганѣ не найдено ни жилищныхъ вещей, одежды, обуви и вообще какихъ-либо бытовыхъ предметовъ, за исключеніемъ встѣвшаго дерева.

8) На въ одномъ изъ пашъ не найдено столь бытовыхъ вещей, ни жилищныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ другихъ могилахъ.

именно серегъ, колець и простыхъ горшковъ безъ узоровъ или съ простыми узорами, линиями, городками и т. п.

Вещи найдены только въ трехъ изъ 6-и изслѣдованныхъ кургановъ.

Перехожу къ описанію этихъ вещей, располагая ихъ въ матеріальномъ порядкѣ.

1. Каменные предметы: Одинъ небольшой, хорошо сохранившійся четырехъугольной формы точильный брусокъ, съ отверстіемъ для привѣшиванія.

Большая вытесанная изъ песчаника овальной формы подставка, или, вѣрнѣе, приборъ для растиранія красокъ, на которой лежало бронзовое зеркало ¹⁾.

2. Глиняные предметы: Изящная терракотовая вазочка желтой глины съ черными параллельными полосками типа, изображеннаго на табл. II № 38 описанія эрмитажныхъ вазъ Стефани, но безъ ручки (рис. 48) ²⁾.

Большая амфора съ остроконечнымъ дномъ (рис. 49) ³⁾.

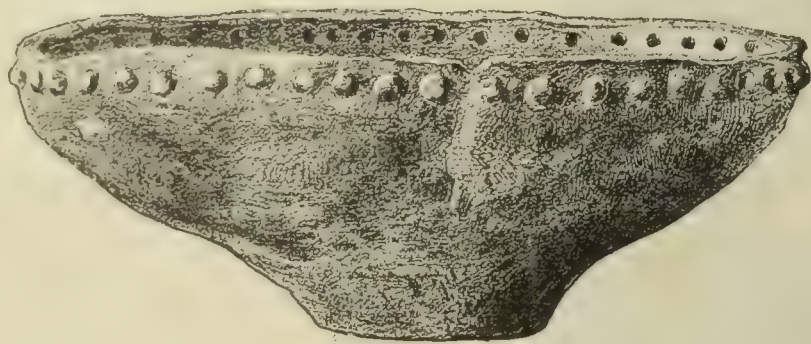

Рис. 50.

Большая миска или блюдо грубой работы (рис. 50), 26¹/₂ сант. въ діаметрѣ.

Маленькій черный горшечекъ также очень грубой выдѣлки ⁴⁾.

Двѣ глиняныя пряслицы, по одной въ двухъ могилахъ.

3. Стекланные предметы: Стекланные бусы при одномъ костякѣ. Сохранилась въ цѣлости только небольшая часть; остальные рассыпались при первомъ прикосновеніи. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы, повидимому, изъ стекла съ примѣсью мѣднаго порошка.

4) Мѣдные и бронзовые предметы: Три длинныхъ мѣд-

¹⁾ Этотъ камень, очевидно, привозный и распавшійся на три части, оставленъ у П. В. Давычупольской.

²⁾ По мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго, IV или начала III вѣка до Р. Хр. *Ред.*

³⁾ Амфора, распавшаяся при раскопкѣ на множество частей и потомъ склеенная.

⁴⁾ Этотъ горшечекъ найденъ уже раздавленнымъ и возстановить его не оказалось возможности.

ных гвоздеобразных предмета, из которых одна, сложенная из три части, имѣетъ въ длину 6 вершковъ (рис. 51 и 52)¹⁾.

Бронзовое зеркало, обычной формы съ вертикальнымъ выступомъ по краю, 18 сант. въ диаметрѣ. Дѣлъ маленькія бронзовыя извѣстныя стрѣлки, найденныя по одной въ двухъ курганахъ, обыкновенной формы,

Рис. 51

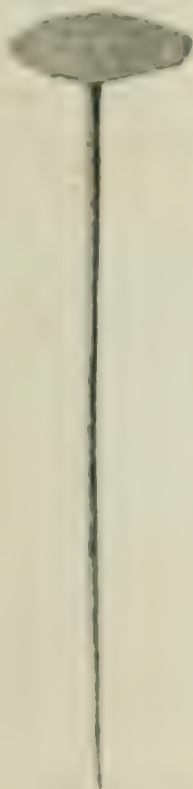

Рис. 52

Рис. 53 1/2

грехнерья. Мѣдная фибула, почти плоская (рис. 53); дужка поднимается лишь слегка.

5) Железные предметы: Большой ножъ, отъ котораго при выемкѣ отломился кончикъ. Длиною 23 сант., формы длинныхъ мѣдныхъ ножей Аксентьевскаго типа.

Мечъ и ножъ, лежащіе рядомъ, которые при раскопкѣ распались на мелкіе части.

Наконецъ обломки железныхъ гвоздей-булавонъ съ большими плоскими шляпками

Изъ вещей этихъ немногихъ предметовъ и слѣдуетъ вывести интереснѣе маленькій terra-cottный горшечекъ, найденный въ курганѣ на землѣ казака Маханца Демьяненко. Полагаю, что эта вещь не сомнѣнно греческаго происхожденія. Подобный горшечекъ, найденный въ Керчи или въ одномъ изъ большихъ скифскихъ кургановъ, не имѣетъ

¹⁾ Подобенъ булавкѣ изъ кургана № 40 Аксентьевскаго кургана. Рис.

бы никакой цѣнности среди другихъ, болѣе изящныхъ и дорогихъ предметовъ, но, найденный въ курганѣ Лохвицкаго уѣзда, этотъ маленькій горшечекъ дастъ намъ новый пунктъ для опредѣленія сѣверныхъ границъ греко-скиѣскаго вліянія. Въ этой сравнительно хорошо сохранившейся вещицѣ недостаетъ ножки. Въ могилѣ отъ нея не сохранилось слѣдовъ, и потому нужно полагать, что горшечекъ былъ положенъ въ могилу въ такомъ видѣ, какъ найденъ.

Интересно сравнить этотъ горшечекъ высоко изящной выдѣлки изъ превосходнаго матеріала съ найденной въ этомъ же курганѣ миской. Трудно встрѣтить въ одномъ мѣстѣ такіе контрасты. Начать съ того, что миска вылѣплена или изъ неочищенной отъ растительныхъ волоконъ глины, или же глину нарочно вымѣсили съ такими волокнами, для придачи ей большей твердости. Подобный способъ вымѣсиванія глины съ соломой или навозомъ мы видимъ по настоящее время въ нашихъ южныхъ глинобитныхъ постройкахъ. Затѣмъ, очевидно, что эта миска сдѣлана руками, безъ помощи станка. На поверхности ея видны какъ бы слѣды пальцевъ. Наконецъ, въ ней интересенъ грубый, но необычный орнаментъ въ видѣ каемки изъ крупной зерни. Это украшеніе получено вдавленіемъ палочкою или другимъ подобнымъ предметомъ во внутреннія, еще не успѣвшія затвердѣть стѣнки сосуда. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ въ этихъ двухъ вещахъ, найденныхъ въ одномъ курганѣ, образцы двухъ культуръ: чужой, высоко развитой, и мѣстной, самой первобытной.

Если, какъ я не сомнѣваюсь, терракотовый горшечекъ будетъ признатъ греческою работою, то я полагаю, что и бронзовое зеркало, найденное лежащимъ на подставкѣ или подносѣ изъ тесаннаго овальнаго песчаника, нужно признать также греческимъ произведеніемъ. На задней сторонѣ этого зеркала, окруженной стоячимъ ободкомъ, при выемкѣ изъ земли были найдены прилипшіе къ бронзѣ кусочки пропитаннаго ярью дерева. Эти кусочки потомъ отпали и превратились въ пыль. Полагаю, что задняя сторона зеркала была выложена деревомъ и что недостающая ручка была также деревянная. На мѣстѣ прикрѣпленія бывшей ручки сохранилась желѣзная накипь.

Третій предметъ, указывающій связь между Поставамукскимъ могильникомъ и греко-скиѣскимъ міромъ—это большая амфора. По своей формѣ этотъ сосудъ, какъ мнѣ кажется, не отличается отъ обыкновенныхъ древне-греческихъ амфоръ, но ручки его менѣе массивны и не имѣютъ обычныхъ клеймъ. Въ нижнемъ заостренномъ концѣ замѣчается круглое углубленіе, подобное тѣмъ, какое мы видимъ въ нынѣшнихъ бутылкахъ. Если эта амфора не привезена изъ какой-нибудь черноморской грече-

ской колонии, то, во всяком случае, обрившись на служилые древне-греческая амфора.

Теперь мне нужно указать на три найденных мною предмета, которые я называю совершенно неопредѣленно мѣдными тиснообразными предметами. Если бы я нашелъ только одинъ изъ нихъ, самый массивный, то я назвалъ бы его тисномъ. Но несообразное соотношение между длиной и толщиной въ двухъ остальныхъ экземплярахъ заставляетъ отказаться отъ этого предположенія. Въ особенности замѣчательна длина (6 вершковъ) одного изъ этихъ предметов, сложенного на три части. Такими длинными, тонкими тиснами нѣтъ никакой возможности пробить дерево. Слѣды вырѣзовъ на вершечныхъ концахъ бивеньчатники, нѣтъ повода предполагать, что на эти стержни обматывалась какая-нибудь нить или пряжа. Можетъ быть, бивеньчатникъ служилъ только для того, чтобы эта пряжа или же какой-нибудь мягкій предметъ, проткнутый мѣднымъ стержнемъ, не выпадалъ изъ него. Словомъ, не были-ли это большія головни булавки или иглы, подобныя извѣстному кавказскому, съ тою лишь разницею, что мѣсъ, вмѣсто большого плоскаго украшенія, насажена простая игла, которая задерживала выпаденіе насаженныхъ на булавку мягкихъ украшеній. Впрочемъ, все это предположенія, но несомненное замѣчаніе этихъ предметовъ далеко не ясно. Наконецъ, я позволю себѣ обратиться вниманіе на большую фибулу съ прекрасной древней патиной, найденной въ курганѣ № 2. Она сохранилась хорошо, за исключеніемъ иглы, которая не найдена. Верхняя половина, фибулы въ своихъ очертаніяхъ представляетъ схематическое изображеніе птицы. Каждое изъ крыльевъ изображаетъ голову лошади или другого животнаго. Въ жѣлѣзныхъ у меня подъ рукой археологическихъ матеріалахъ я не нашелъ ни одной вещи, болѣе или менѣе сходной съ этой фибулой ¹⁾.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Пеставмуки, недалеко отъ урочища Красныя горки и мѣста бывшаго Красногорскаго монастыря, находится громадное городище, называемое мѣстными жителями Валикмо. Не имѣя возможности не только подробно исследовать, но даже осмотрѣть это городище. Но, на мой взглядъ, оно болѣе всего гдѣ, которое мнѣ удалось видѣть. Съ одной стороны оно ограждено тройнымъ рядомъ рововъ и валовъ, съ другой стороны двойнымъ, съ третьей стороны валомъ, съ четвертой опущается круто внизъ. Это городище, несомнѣнно представляло въ свое время серьезное укрѣпленіе и могло вмѣстѣ съ собою много сотъ ланцетниковъ и обозниковъ.

¹⁾ Изъ жѣлѣзныхъ вещей. Штемпель, принадлежавшій этому (См. примечаніе стр. 184).

Курганъ № 1. Находится на землѣ А. В. Дзѣвчупольской, рядомъ съ общественнымъ выгономъ, на такъ-называемомъ Малинниковомъ полѣ. Окружность кургана 110 шаговъ. Высота— $2\frac{1}{2}$ аршина. Почва всей мѣстности (какъ видно изъ обнаженныхъ овраговъ, на глубинѣ 200—250 фут.) сплошная глина, безъ малѣйшихъ признаковъ камня и песку. Толщина слоя культурной мягкой глины отъ 1-го до 2-хъ арш.¹⁾ Сначала проведены двѣ поперечныя траншеи, въ 4 арш. ширины. Затѣмъ снята послойно (на штыхъ) средняя часть кургана на 10 арш. въ діаметрѣ до уровня земли. На глубинѣ 1 арш. въ разныхъ мѣстахъ насыпи стали встрѣчаться горшечные черепки, мелкіе угольки и раздробленные кусочки сожженныхъ костей. Большія кости были расколоты въ длину. Нужно полагать, что всѣ эти предметы попали въ курганъ при его насыпкѣ. На глубинѣ одного аршина ниже уровня дошли до материковой глины. Въ самой серединѣ вырытаго круга показались признаки могилы: полоса болѣе рыхлой глины, въ 3 арш. длины и, приблизительно, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Когда могильная яма была тщательно очищена, на глубинѣ двухъ аршинъ показались сначала два толстыхъ сгнившихъ деревянныхъ бруса, поставленныхъ ребромъ вверхъ по обѣ продольныя стороны могилы. Эти брусья были, вѣроятно, покрыты досками, такъ какъ находящаяся между ними глина была перемѣшана съ темною древесною пылью. Затѣмъ показался костякъ, головою на В., ногами на З., въ лежачемъ положеніи, съ протянутыми по бедрамъ руками. Сохранились: теменные части черепа, часть большихъ костей верхнихъ и нижнихъ конечностей, одна лопатка и тазовая кость. По выемкѣ всей мягкой земли изъ могилы замѣчено, что дно и три стороны могилы состоятъ изъ твердой материковой глины, а одна продольная стѣпка въ нижней своей части рыхлая. При выемкѣ этой рыхлой земли получилась ниша, въ 1 арш. высоты, съ плохо сохранившимся костякомъ. Очевидно, что могила была приготовлена одновременно для двухъ покойниковъ, при чемъ дно ея было расширено въ видѣ ниши. Въ курганѣ не найдено никакихъ вещей, за исключеніемъ распавшагося на три части большого желѣзнаго гвоздя или схожаго съ гвоздемъ орудія.

Курганъ № 2. Находится на землѣ казака Мих. Демченко, подъ обрывомъ Бѣлой горы. Половина кургана уже давно обрушилась въ кручу, при чемъ обнажился костякъ. О правильной раскопкѣ не могло быть и рѣчи. Рабочіе, вскарабкавшись по обрыву до костяка, сбросили

---

¹⁾ Въ Поставмукахъ, какъ вообще во всей южной части Лохвицкаго уѣзда, настоящаго черпозема нѣтъ.

его вниз и, удержившись на полученной таким образом опоре, привалился на охватку руками остальной части мотыля. И рывком работы, стоя на вершине обрыва. Найденно костяк из дождевого положения, головой на В., между сгнившими брусками. Второй костяк, обрушившийся в кручу, очевидно, лежал рядом с первым. Около сохранившегося костяка найдены: в области шеи прислонив грубой выделки; с правого бока мѣдный гвоздеобразный предмет; с левой стороны большая бронзовая фибула с изображением коня; около голя. Около левого бедра маленькая бронзовая стрѣлка. Кроме того, при первом скелетѣ, упавшем в кручу, найдены также мѣдный гвоздевидный предмет.

Курганы № 3. Находится на ржаномъ полѣ села Деметово, близъ Дрожина яра, недалеко отъ Бѣлой горы и кургана № 2. Посты и подножья глиняны, какъ и въ первыхъ двухъ курганахъ. Высота 1 арш., окружность около 100 шаговъ. Внутренняя постоянная, въ 3-хъ-саженомъ диаметръ. Приблизительно на уровнѣ земли найдены остатѣ части костяка, но слѣдовъ черепа не оказалось. На архиву явилась до материка. Посреди огищенной площадки рыхлая земля, какъ и въ курганѣ № 1. Глубина могильной ямы 1½ арш. За извлеченіемъ небольшого количества смѣшанной съ глиною древесной пыли не найдено слѣдовъ деревяннаго скелета. На днѣ могильнаго колодца костякъ головою на В., въ дождевомъ положеніи, повернутый на лѣвый бокъ. Черепъ сохранился хорошо, за исключеніемъ лицевыхъ костей. Прекрасно сохранившіеся зубы указываютъ на молодой возрастъ покойника. Вообще весь костякъ сохранился хорошо. При немъ найдены слѣдующія вещи: 1) Глиняный головной вѣнчикъ изъ терракоты, конусообразной формы и прекрасной выдѣлки, красного цвѣта, обведенный тремя черными полосами. Нижняя часть или ножка съеда отломана, но всей вероятности, еще до положенія его въ могилу, такъ какъ слѣдовъ ее не найдено. 2) Около ноги большая дискъ или лопатка изъ сѣрой глины, выдѣланная, очевидно, руками безъ помощи станка. При извѣстѣ изъ земли, она, не смотря на принятые мѣры предосторожности, распалась на нѣсколько частей. 3) Съ правого бока коня большой гвоздеобразный мѣдный предметъ, какъ въ курганѣ № 2. 4) Въ области шеи ожерелье изъ бусъ, слѣдующихъ заперку или стержню, такъ же изъ какой-то желѣзистой стальной массы. Большая часть бусъ была уже раскопана, но удалось сохранить изъ цѣлости нѣсколько штукъ. 5) Около левого бедра большой желѣзный ножъ, остъ которого кончикъ отломанъ при раскопкѣ. 6) Нѣсколько ниже маленькая бронзовая стрѣлка.

Курганы № 4 и 5 представляют собою двѣ совершенно плоскія распаханныя насыпи, едва возвышавшіяся надъ уровнемъ земли. Въ № 4, на глубинѣ одного аршина, была найдена пора съ цѣлой семьей овражковъ, тутъ же пойманныхъ и убитыхъ. Эта находка служитъ живымъ объясненіемъ того, что скелеты и вещи въ могилахъ перѣдко встрѣчаются въ совершенномъ безпорядкѣ. Далѣе найдены черепки горшковъ, сожженные косточки и угольки. На 2 арш. ниже уровня земли въ неглубокой ямѣ плохо сохранившійся костякъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ какихъ-либо вещей. Въ курганѣ № 5 не найдено рѣшительно ничего, за исключеніемъ черепковъ и сожженныхъ костей въ насыпи.

Курганъ № 6, самый большой. Находится на землѣ казака П. Муциля, рядомъ съ полемъ Демченки. Такъ какъ этотъ курганъ много разъ раскапывался, то принялъ плоскую форму. Тѣмъ не менѣе, высота его осталась $1\frac{1}{2}$ арш. при окружности въ 150 шаговъ. По опредѣленіи центра круга начата послойная раскопка на штыхъ въ 4 саж. въ діаметрѣ. Въ насыпи и ниже ея попадалось нѣсколько кучекъ обычныхъ черепковъ, сожженныхъ костей и угольковъ. Материковая глина и поверхность могилы показались только на трехъаршинной глубинѣ ниже поверхности земли. Могильная яма была въ 4 арш. длины, 3 арш. ширины и $1\frac{1}{2}$ арш. глубины. Отъ досокъ или брусевъ осталось много древесной пыли, смѣшанной съ землею. Прежде всего въ западномъ углу показалась большая глиняная амфора кирпичнаго цвѣта, въ 10 верш. вышины, съ заостреннымъ дномъ. Несмотря на самую осторожную раскопку этой амфоры въ теченіе $1\frac{1}{2}$ часовъ, она распалась на много частей, вѣроятно, отъ давленія находившейся въ ней землистой массы. Амфора лежала въ ногахъ одного изъ костяковъ. Могила была двойная. Оба костяка лежали рядомъ, головами на В., ногами на З. Сохранились плохо. Тѣмъ не менѣе, положеніе частей тѣла не трудно опредѣлить. Они лежали на спинѣ, съ протянутыми конечностями. Между головами лежалъ въ горизонтальномъ положеніи вытесанный изъ песчаника плоскій овальный подносъ, длиною въ 10 вер., шириною въ $7\frac{1}{2}$ верш. На этомъ подносѣ, распавшемся на три части, лежалъ большой массивный бронзовый дискъ съ вертикальнымъ ободкомъ, по всей вѣроятности, зеркало. На задней сторонѣ (съ бортомъ) остались слѣды прилипшаго къ бронзѣ дерева. Вѣроятно, задняя подкладка зеркала и ручка были деревянные. Ниже зеркала лежала пряслица. Съ лѣвой стороны одного изъ скелетовъ или, точнѣе, между обоими, лежали желѣзные мечъ и ножъ. Оба эти предмета совершенно

окислились и, не смотря на самую осторожную выемку окружающей ихъ земли, распались на куски при первомъ прикосновеніи. Близъ нихъ найдены небольшой могильный камень съ стержнемъ для привѣшиванія.

Н. Авераріусъ.

Воронежская губ.

Раскопки Л. Б. Вейнберга близъ г.р. Задонска. Въ 5 в. выше г. Задонска, Воронежской губерніи, близъ Тюнинна монастыря, находится любопытная мѣстность, носящая названіе „Селище“. Она представляетъ собою огромную площадь длиною (отъ В. къ З.) около 3-хъ и шириною около 2-хъ верстъ. Съ В. и З. (Улице ограничено Тюнинскимъ логомъ, съ С. — рѣкою Проходной, съ В. примыкаетъ къ продолговатому холму, а съ З. выходитъ на р. Донъ. Часть Селища, примыкающая къ р. Проходной, называется „Побойще“; здесь въ разное время въ довольно значительномъ количествѣ были находимы предметы вооруженія: кольчуги, лапы, бердыши, кинжалы съ татарскими надписями, мечи, ножи, сабли, стрѣлы, коня, даже, кажется, пистолы. Все Селище покрыто низкими распаханными курганами, имѣющими отъ $\frac{1}{2}$ арш. до сажени вышины и до 20 саж. въ діаметрѣ и расположенными столь часто, что мѣстами они какъ будто сливаются. Кроме того, на немъ расположено 6 каменныхъ насыпей, имѣющихъ форму конуса и расположенныхъ правильно линіей. Въ 1885 г. нѣсколько Тюнинскихъ кургановъ было раскопано, по порученію Императ. Археологической Комиссіи, Л. Б. Вейнбергомъ, и результаты раскопки настолько интересны, что заслуживаютъ подробнаго изложенія. Первый изъ раскопанныхъ кургановъ имѣлъ въ вышины до 6 саж., въ окружности до 40 саж. Въ срединѣ насыпи на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., т. е. на половинѣ ея вышины, нѣрѣдка начали попадаться ямки (срединѣ битой глиняной посуды. На глубинѣ 4 арш. черепкомъ насыпи сѣнилось глыбой темно-краснаго цвѣта, чрезвычайно крѣпкой и перемѣшанной съ мелкимъ известковымъ камнемъ, состоявшею изъ бѣлой жаворухи; на поверхности этого слоя, также посрединѣ насыпи, найдены небольшой глиняный сосудъ, наполовинный черепкомъ съ жаренымъ бѣлкомъ, а на днѣ это оказался уголь съ комками земли сѣроватаго цвѣта, — вѣроятно, остатки отъ сожженного тѣла. Сосудъ имѣлъ круглое или почти круглое дно. Второй курганъ имѣлъ почти тѣ же размѣры и отличался лишь тѣмъ, что сѣверная сторона его была круче остальныхъ. Здесь, также на поверхности земли, оказалась ямка, въ полуаршинѣ

чем положеніи, головою на З.; колѣни скелета приподняты, руки протянуты вдоль туловища. Покойникъ лежалъ на слоѣ утрамбованной глины: въ изголовьѣ его находился камень. Кажется, костякъ былъ мужской: приблизительная длина его—2 арш. 7 верш. Погребеніе находилось въ некоторомъ разстояніи отъ центра, въ ю.-в. полѣ насыпи. Въ с.-в. полѣ кургана, на той же глубинѣ, найдены были остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго головою также на З.; близъ черепа его оказалась кучка камешныхъ маленькихъ стрѣлъ, каменный молотокъ, раскрашенный камешекъ и какая-то игрушка въ видѣ башмачка. Третьимъ раскопанъ былъ одинъ изъ совершенно распаханыхъ кургановъ, имѣющій въ вышину не болѣе $1\frac{1}{2}$ арш. Здѣсь, на глубинѣ около 2-хъ арш. отъ поверхности земли, въ ямѣ, имѣющей по сажени въ длину и ширину, найдено было интересное погребеніе, надо думать, каменнаго вѣка

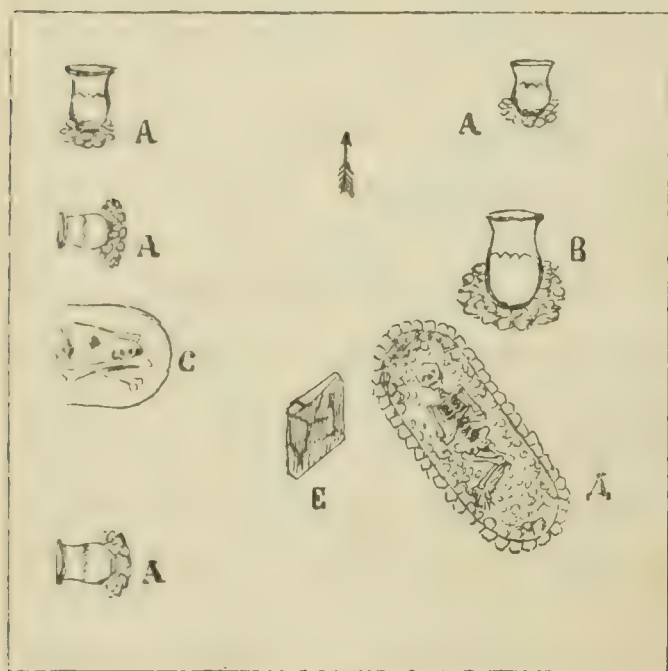

Рис. 54.

(см. рис. 54). Костякъ лежалъ въ ю.-в. углу могилы, головою на С.-З., на особомъ ложѣ, имѣющемъ въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш., а въ длину 1 саж., выложенномъ изъ мелкихъ камней съ каймой изъ болѣе крупныхъ и имѣющемъ видъ широкаго плоскодоннаго корыта, толщиною до 4 вершк.; скелетъ лежалъ на лѣвомъ боку съ поджатыми ногами и скрещенными руками. Покойникъ оказался огромнаго роста: въ длину, безъ ступней, онъ имѣлъ 3 арш. 2 вершка, въ плечахъ $16\frac{1}{2}$ вершк. На

шеѣ найдены остатки какого-то ожерелья. Въ головахъ, слѣва, на круглой подставкѣ изъ мелкихъ камней, стоялъ глиняный сосудъ грубой работы, а справа находился какой-то темносѣрый камень (Е), который оказался разрѣзаннымъ на плитки, изъ коихъ верхняя была уже разрѣзана на треугольники. Въ 3-хъ остальныхъ углахъ могильной ямы расположены были, на такихъ же подставкахъ изъ камешковъ, сосуды той же формы съ круглымъ дномъ, но вдвое меньшей величины, чѣмъ стоявшій предъ лицомъ скелета (А). Кромѣ того, у западной стѣнки могилы, по срединѣ ея, находилось оригинальное сооруженіе, сложенное изъ камней на глинѣ въ видѣ ниши или свода вышиною въ 1 арш. и

шириною въ $1\frac{1}{2}$ арш., въ которой, на особой подставкѣ изъ бѣлыхъ известковыхъ камней, сложены были въ 2 ряда переносныя ноги бочка, а на нихъ сто голова, обращенная къ покойнику (С). На лѣв. сосуда, стоящаго въ головѣхъ костяки, оказался домокъ стѣлловорачивающаго цѣпа, можетъ быть, остатокъ костей, а въ остальныхъ сосудахъ найдены лишь черноземъ съ жернымъ блескомъ.

Изъ каменныхъ насыпей подвергнута раскопкѣ была одна, имѣвшая въ вышину до 1 саж., въ основаніи 4 и на вершинѣ площадкѣ 2 арш. въ діаметрѣ. Вся толща насыпи оказалась сложенной изъ известковыхъ плитъ, внизу бѣльшихъ, вверху темныхъ. Подъ самою насыпью начали попадаться черенки сосудовъ, но дальнѣйшая раскопка была приостановлена.

На томъ же Селищѣ находится получившая большую известность въ мѣстномъ населеніи „Тюпина яма“ или „Погрѣбище“, которая, по разслѣдованію г. Вейнберга, оказалась искусственною пещеркою, выбитою въ слоѣ известковаго плотнаго камня, подъ большою каменною плитою. Яма находится среди поля, почти въ центрѣ какихъ-то „террасъ“, составляющихъ, по мнѣнію г. Вейнберга, что-то въ родѣ остатковъ укрѣпленія. По угламъ террасъ расположены описанные выше каменные насыпи или курганы. По общему мнѣнію, яма служила мѣстомъ обитанія разбойниковъ, и въ этомъ сужденіи нѣтъ ничего невероятнаго, но возможно, что она вырыта была и значительно ранѣе. При раскопкѣ ямы г. Вейнбергомъ въ ближайшей ее окрестности были найдены: тесаки, обломки желѣзныхъ оружій и инструментовъ, копы, ружейный замокъ, глиняныя черенки, 3 полые каменные шара, обломки каменныхъ молотковъ, кости домашнихъ животныхъ, уголь. Подъ глиняной пещерой идетъ ходъ въ находящуюся рядомъ малую камеру, и, повидимому, другихъ камеръ и ходовъ въ ямѣ нѣтъ ¹⁾.

Пермская и Вятская губ.

Экспедиціи проф. Н. П. Смирнова. Экспедиція 1891 г. была пачата съ р. Чусовой. Причиной, опредѣлившая выборъ восточнаго пункта, заключалась въ томъ, что въ послѣднее время О. А. Тихомировъ выдвинулъ предположеніе тождества яды съ предками индѣйской культуры и остатковъ. На Чусовой, гдѣ воздвигнута застава еще соловежникомъ Ермака, можно было ожидать найти мѣста погребенія воздвигнута

¹⁾ Въ архивѣ Императ. Археологич. Комиссіи 2100: 1891 г., М. 10 — отъ г. Вейнберга. Комиссія въ 1892—1893 гг., стр. 553, 571—583, 515.

XV—XVI вв., выдѣлить ихъ изъ погребеній другихъ народовъ на основаніи данныхъ, характеризующихъ позднѣйшій погребальный ритуаль богуловъ и, изслѣдовавши ихъ содержаніе, пріобрѣсти прочную почву для рѣшенія вопроса о предполагаемомъ тождествѣ древней югры и чудн. Что такіе могильники должны были встрѣтиться на Чусовой, въ виду положительныхъ указаній „Списка населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи“ представлялось почти несомнѣннымъ. Прежде всего приступлено было къ изслѣдованію „Чудского могильника“, находящагося на Чусовой неподалеку отъ с. Вереина, извѣстнаго въ литературѣ пермской археологіи по случайнымъ находкамъ погребеній какъ на его территоріи, такъ и въ окрестностяхъ. Мѣстность такъ-называемаго „Могильника“ обладаетъ всѣми внѣшними признаками кладбища. Среди луговой низины праваго берега Чусовой въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ рѣки выдѣляется площадка, на которой правильно чередовались небольшіе холмики и продолговатыя углубленія, расположенныя параллельно съ ними. Волнистое строеніе почвы подавало населенію поводъ считать эту площадку могильникомъ, и безъ раскопки ничего нельзя было сказать противъ такой квалификаціи мѣстности; на могильникахъ, обладающихъ, приблизительно, двумя столѣтіями давности, при густотѣ погребенія такая картина довольно обычна: углубленіе образуется провалившейся (осѣвшей) могилой, холмики — изъ промежутковъ, отдѣляющихъ тѣсно расположенныя могилы одну отъ другой. Пробная раскопка одной ямы ничего не дала, но земля въ ней оказалась перемѣшанной, и сомнѣніе относительно характера ямъ, благодаря этому, устранялось. Чтобы захватить разомъ возможно большее количество ямъ, проведены были двѣ траншеи перпендикулярно къ ямамъ, глубиною до 1 саж. Раскопки не дали никакихъ результатовъ: „могильникъ“ оказался естественнымъ образованіемъ. Всякое сомнѣніе относительно правильности заключенія было устранено снятіемъ одного изъ холмиковъ, покрывавшихъ площадку; подобно углубленіямъ, онъ оказался сложенымъ изъ однородной красной глины. Съ мѣста мнимаго „могильника“ работы были перенесены на два, расположенныхъ ближе къ Вереину, мягко закругленныхъ холма, которые идутъ отъ гористаго праваго берега Чусовой къ луговой низинѣ и представляютъ собою какъ бы два громадныхъ контръ-форса, подпирающихъ стѣну горнаго берега. На одномъ изъ нихъ, лѣтъ 20 тому назадъ, были найдены серебряныя вещи. Оба холма распаханы. Траншеи, проведенныя поперекъ ихъ, не дали также никакихъ находокъ. Безрезультатными оказались дальнѣйшія раскопки, произведенныя въ самомъ с. Вереинѣ, на дворѣ крестьянина, у кото-

рато, по сообщению „Списка населенных мѣстъ“, найденъ была въ-
стоямъ съ украшеніями чуждаго характера, имѣла на Беренскомъ
городищѣ, на городищѣ близъ дер. Роднянской, на урочищѣ „Куз-
чихъ“ или „Микишѣ“ (Мытищѣ?), внизъ по Чусовой отъ городища.
Хотя раскопки крестьянъ относительно находокъ истолкованы относительно
къ раскопкамъ съ нѣкоторыми надеждами. Отъ перекопокъ можно было
узнать, что на послѣдніа 20 лѣтъ въ с. Беренны и его окрестностяхъ
были слѣданы слѣдующія находки: 1) въ самомъ селѣ найдены чуждой
монеты и наковальня; 2) въ обрывѣ горы близъ села серебряная ба-
ранья голова; 3) серебряная чаша съ изображеніемъ и такими же
браслеты и „тарелки“ (сасанидскія бляды?) — на обрывѣ Роднянскаго
городища; 4) мѣшныя пряжки — на „Кузчихъ“; 5) скелеты животныхъ
изъ слѣдствъ положенія съ серебряными монетами и оружіемъ (подъ
Городищенской горой у села). Беренское городище имѣетъ весьма
оригинальное направленіе валовъ. Въмѣсто обычныхъ прямого сѣва или
коконикообразно-закругленнаго, мы видимъ два вала, образующихъ на
правой сторонѣ городища прямой уголъ; валь, параллельный берегу
имѣлъ до 70 саж. длины, а перпендикулярный къ нему — 30; высота
обоихъ до 2-хъ саж.; направленіе мѣста NW—SE. Роднянское горо-
дище, расположенное на мѣстѣ того же направленія, имѣетъ форму,
приближающуюся къ городищамъ съ закругленными валами; особен-
ность заключается въ томъ, что углубившій главный валъ его, вмѣсто
обычной вриной линіи, представляетъ ломаную съ очень тупыми углами.
На Роднянскомъ городищѣ было подобрано и добыто раскопками нѣ-
сколько ornamentированныхъ черепковъ.

Послѣ поисковъ въ окрестностяхъ Беренна изслѣдованія переко-
паны были на окрестности дер. Шунчанки на противоположной сто-
ронѣ Чусовой, гдѣ по указаніямъ „Списка“ находится: 1) лѣсъ съ слѣ-
дами срубовъ, въ которыхъ, основываясь на извѣстностяхъ писателя XVII в.
о „потребѣхъ“, служившихъ жилищами знороческ., можно было на-
дѣяться встрѣтить жилища жителей древнихъ поселенцевъ Чусовой —
мугуловъ; 2) урочище „Сѣла“ и 3) „могильники“. „Сѣла“ оказалась по-
рой, обаямленной глѣбой луговой, на которой нѣтъ было пох-
рутой травой рассмотреть ни какихъ признаков дѣл, а „могиль-
ники“ оказались точнымъ подобіемъ „Беренскаго“, и при раскопкѣ,
которую производили мѣстные жители, не обнаружены никакихъ
признаковъ потребовъ: на верхнемъ дерновомъ слое въ неперерожденно
вазвивался однородный истинный материкъ. Отличіе Шунчанскую
„могильника“ отъ Беренскаго заключалось лишь въ томъ, что онъ

имѣть болѣе возвышенное, сравнительно съ Верейскимъ, положеніе, окаймленъ лѣсомъ, и холмики и углубленія на немъ мельче.

Слѣдующими „могильниками“, на которые еще оставалась кое-какая надежда, были: могильникъ у д. Заозерья, Калининской волости, расположенный на горѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ слиянія Усывы и Чусовой и, отдаленный отъ него часовъ на 7 пути въ лодкѣ вверхъ по Усывѣ, „могильникъ“ близъ д. Баскіе. Заозерскій „могильникъ“ расположенъ на поросшемъ ельникомъ угорѣ и состоитъ изъ правильно идущихъ рядовъ возвышеній, на которыхъ выросли молодые ели; около каждаго возвышенія была впадина. Раскопавши два такихъ холмика и двѣ расположенныхъ рядомъ съ ними ямы, легко было убѣдиться, что и здѣсь не можетъ быть рѣчи о могильникѣ. Такой же „могильникъ“ и съ такими же результатами изслѣдованъ былъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, въ Тиминской волости, въ лѣсу, отстоящемъ на 12 верстъ отъ с. Архангельскаго. Здѣсь холмы и углубленія были крупныя — до сажени длины. Тиминскій „могильникъ“ представляетъ собою систему холмиковъ, раскиданныхъ въ довольно старомъ лѣсу. Можно думать, что оба „могильника“ образовались на мѣстахъ, гдѣ полоса урагана были вырваны съ корнемъ и положены въ одномъ направленіи деревья. „Могильникъ“ при д. Баскихъ — точнѣе, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ нея — состоялъ изъ нѣсколькихъ ямъ, вырытыхъ, повидимому, кладонскаателями на поросшемъ травой склонѣ лѣваго гористаго берега Усывы.

Пробныя раскопки не обнаружили чудскихъ погребеній и здѣсь. Поѣздка въ Баскіе дала нѣсколько мелкихъ приобрѣтеній: подвѣску, повидимому, изъ латуни, чудскую подвѣску обычнаго типа, ральникъ, и позволила отмѣтить одинъ небезынтересный фактъ — нахожденіе земледѣльческихъ орудій чудскаго типа на лѣвомъ берегу Камы въ отрогахъ Урала, гдѣ въ историческую пору извѣстны только кочевья звѣролововъ; въ Баскихъ ральники находимы были и прежде.

По пути изъ Баскихъ на станцію Чусовую, осмотрѣно было городище, расположенное выше д. Заозерья на одномъ изъ береговыхъ мысовъ Усывы, удаленныхъ отъ рѣки заливной низиной. Городище окружено тремя полукруглыми валами. Первый внѣшній валъ, представляющій собою едва замѣтное возвышеніе, отдѣленъ отъ втораго разстояніемъ въ 4 саж. и имѣетъ въ длину болѣе 45 саж., второй отъ 3-го на 7 арш. Вещей при раскопкѣ не оказалось; было добыто только нѣсколько костей и гладкихъ черепковъ. Культурный слой имѣетъ до $\frac{1}{2}$ арш. глубины. Отказавшись отъ поѣздки на „могильный лугъ“ и „могилищную гору“ на р. Иньвѣ, притокѣ Чусовой, изслѣдователь рѣшилъ от-

правиться в Соликамский уезд, относительно могильников которого у него была свѣдѣнія изъ такъ-называемыхъ „Старинныхъ книгъ“ волостей, входившихъ некогда въ составъ Свѣтошурскаго вѣдѣнія. Зѣксъ, на Путь, онъ рассчитывалъ пойти то, что напрасно нечело на Чусовой. Но уже первые шаги въ этой новой области показали, что и здѣсь съ именемъ чуди сочетаются порою мѣста, лишенные археологическаго значенія. Направляясь въ Архангельскую волость, Зѣксъ остановился въ Юсьѣ, гдѣ ему указали на „Чудскую яму“ близъ д. Паньковой, и „Чудской лугъ“ („чуждой пашней“) неподалеку отъ с. Юсьѣ. Въ Паньковой, которая носила еще другое характерное названіе „Чучковичи“, ямы не оказалось и, какъ случайное мѣсто нахождения кучки костей, указали быть поросшій вересковым подростомъ холмъ. Крестьяне, добывая въ немъ известь, сами ощущали небольшую пустоту, въ которой оказались какіе-то кости. Мѣста, гдѣ свѣдѣна была эта находка, они не помнятъ точно. Холмъ былъ переконанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но при этомъ не найдено ничего. Ничего не оказалось и на „Чудскомъ лугу“, который на дѣлѣ оказался небольшимъ еловымъ лѣскомъ. Могильникъ, отмѣченный по „Стариннымъ книгамъ“ въ окрестностяхъ Баланды надъ р. Пиской, оказался и въ действительности, но назывался онъ различно: одни именovali его чужскими, другіе „православнымъ“. Нужно думать, что здѣсь когда-то былъ действительно древній пермскій могильникъ, такъ какъ въ это время при расчисткѣ въ немъ находили мѣсть съ крестами и чудовищныя вещи — „коньки“, но могильникъ этотъ уже вымывался. Зѣксъ предложены были три предположительныхъ узкихъ траншеи длиной свѣдѣной въ 5 и глубиной въ 1 1/4 арш., но найдены только приложенныя къ земле и костями животныхъ — доказательство бывшаго присутствія древнихъ погребеній.

Послѣ новой неудачи, поспѣшной въ „Чудскомъ могильникѣ“ въ 1880, на границѣ Тиминской и Архангельской волостей, Зѣксъ-дователь не рѣшился вхалъ на новый „могильникъ“, который находится въ той же волости на р. Бѣлшорѣ, въ сѣверо-восточной дрѣтѣ Е. Ив. Пытеникова въ дер. Мѣгора (П), и направился въ обратный путь, предположая осмотрѣть мѣстоаходженіе мѣдныхъ орудій близъ д. Першиной, Охоловато уѣзда, и провѣсти раскопки въ Пискоборскомъ и Мушорскомъ могильникахъ. Въ дер. Першиной мѣстоаходженіе мѣдныхъ орудій оказалось на берегу озера Кама — тогдѣсья рукава „Заостровья“, такъ какъ коренная Кама идетъ по длинному острову, на довольно возвышеніи, хотя и изрытой въ нѣсколько

разливы площадкѣ земли, изрытой въ различныхъ направленіяхъ рабочими находившагося на ней кирпичнаго сарая. Мѣдныя вещи попадали здѣсь перѣдко въ черноземномъ пласту, предшествующемъ глиняному; о находкахъ костей не помнятъ. На площадкѣ пробито было нѣсколько шурфовъ и небольшая траншея, но въ нихъ ничего не найдено. Изъ разспросовъ оказалось, что въ самой дер. Першиной на огородѣ было найдено мѣдное копье. Находки мѣдныхъ „атаманскихъ“ вещей не ограничиваются Першиной; рабочіе изъ д. Заполья находили ихъ и выше Першиной, добывая изъ горнаго берега Камы камень.

Изъ отчета о поѣздкѣ въ 1894 г. въ Глазовскій у. Вятской губ. ¹⁾ Проѣхавъ Сарапульскій уѣздъ безостановочно, закрывъ глаза на мѣстныя древности до границы Глазовскаго, я не нашелъ возможнымъ. Сарапульскій уѣздъ представлялся мнѣ преддверіемъ Глазовскаго Ю., съ Камы не только въ географическомъ, но и въ культурно-историческомъ отношеніи. Если на основаніи названій, ранѣе въ непосредственнаго ознакомленія съ памятниками, я могъ позволить себѣ догадку, что бигеръ-шанъ есть не что иное, какъ булгаро-татарскіе могильники, а вужъ-шанъ—древне-вотскіе, то болѣе раннихъ и болѣе типичныхъ, стало быть, памятниковъ обоого рода я вправѣ былъ ожидать на почвѣ Сарапульскаго уѣзда: болгары, прежде чѣмъ попасть въ Глазовскій у., должны были, конечно, водвориться въ прикамскихъ уѣздахъ губерніи—Елабужскомъ и Сарапульскомъ, и здѣсь оставить слѣды своего пребыванія на вятской территоріи. Надежду найти здѣсь болѣе ранніе вотскіе могильники внушала высказанная въ послѣднее время въ спеціальной литературѣ догадка, что вотяки издревле, во всякомъ случаѣ начиная съ XV ст., были обитателями береговъ Камы и оставили здѣсь слѣды своего пребыванія въ видѣ ряда городищъ. Археологическія данныя, собранныя статистиками вятскаго земства, давали нѣкоторую почву для такихъ ожиданій.

Въ большей или меньшей близости отъ Камы, начиная съ Галаповской волости, статистики намѣчаютъ рядъ мѣстностей, которыя обѣщаютъ добычу для археолога. Въ поляхъ с. Большіе Калмáши, крестьяне указывали имъ на ямы, глубиною до 1¹/₂ сажень, въ которыхъ жили какіе-то люди. Здѣсь и около ямъ попадались ковши, молотки, мѣдныя бляхи съ отверстіемъ посрединѣ. Въ лежащей вверхъ отъ Га-

---

¹⁾ Въ 1894 г. на проф. И. Н. Смирнова Импер. Археологическою Коммиссіей возложено было порученіе—уяснить, по мѣрѣ возможности, отношеніе вятскихъ могильниковъ Глазовскаго края къ мѣстнымъ чудскимъ древностямъ. Для поѣздки своей проф. Смирновъ снабженъ былъ археологическою картою.

ланова Мазунинской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ Мазунина, статистикамъ указывали каменоломни, гдѣ находили много ископаемыхъ скелетовъ, нѣдко съ металлическими украшениями на рукахъ и на шеѣ, въ Саранульской волости, близъ д. Костиной, въ урочищѣ, называемомъ „Могильники“ (не могильники-ли!) — казарское кладбище. „Вашкирское могилнище“ указывали близъ д. Шенуратовой, той же волости. И рѣшилъ посѣтить перечисленные этихъ пункты и проклясть въ нихъ пробыла раскопки, для того, чтобы имѣть понятіе о той обстановкѣ, которую заключаютъ въ себѣ приамурскія могильники.

Экскурсія началась побѣдкой въ с. Калманн. Приблизивъ туда, я разыскалъ сѣдущихъ стариковъ, которые должны были указать означенныя мѣста амы и сообщить свои свѣдѣнія о нихъ. Старики не повелили изысканій, но ихъ рассказы ослабили археологическій интересъ дѣла. Урочище, гдѣ находились амы, оказалось известнымъ подъ именемъ „амыкуренья“, которое заключаетъ въ себѣ мало археологическаго, — „амыкуреньный логъ“. Одинъ изъ стариковъ рассказывалъ, что въ бывшее время, когда на счетъ винокуренья было свободѣе, жители с. Калманной гнали въ этомъ логѣ вино; къ этой операціи онъ приурочивалъ и самия амы. На вопросъ, не назывались-ли эти амы еще какъ-нибудь, онъ отвѣчалъ незнакомѣе. Показанія другого старожилы оказались болѣе общими. Старикъ припомнилъ, что амы назывались чужбиникъ, что въ нихъ среди земли, которая осыпалась съ прилегающей нахотной холмы, находили ножи и топоры, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-то производилъ въ этихъ ямахъ раскопку и не нашелъ ничего, что имело бы видъ, подобнаго же рода находки попадались въ паннѣ, прилегающей къ ямамъ. Покончивши на этомъ съ разспросами, я отыскалъ въ предполагаемыхъ чужбинныхъ ямахъ. Амы оказались неправильной формы, поросшими травой углубленіями, вмѣстимостью, приблизительно, въ 1/2 кубическихъ сажени. Принаказомъ сторожика или могильника охоты нѣтъ не оказалось. Вдѣлѣнъ холмы, прилегающей къ ямамъ, случайно оказался по близости и сообщилъ, что давно уже ничего не находилъ на ней. Раскапывать амы при такихъ условіяхъ и не было необходимо. Но побѣдка въ Калманн оказалась все же неудовлетворительною. Разспросы о находкахъ въ ямахъ и по близости ихъ не дали результатовъ. Крестьяне на разговоръ о находкахъ вообще, и ямъ въ частности, сообщали, что у насъ въ сѣверѣ нѣтъ ни то же самое, ни то же самое. И немедленно вернулся въ Калманн и добылъ коня, которое оказалось костяной остригой. Крестьянинъ указалъ, что въ прежніе времена на этой рутѣ, лежащей на востокъ гдѣ-то. По всей вѣроят-

ности, острога была снесена въ оврагъ водой откуда-нибудь съ болѣе возвышеннаго мѣста. Находка эта даетъ возможность установить новый пунктъ нахождения костяныхъ орудій.

Изъ Калмашей я отправился въ Мазунино, для изслѣдованія находящагося при селѣ могильника. Могильникъ оказался расположеннымъ на высокой береговой террасѣ Камы, отлого спускающейся къ Мазунину. Площадь его занимаетъ, приблизительно, около 25 кв. саж. и представляетъ собою изрытое неоднократно и по всѣмъ направлениямъ пространство. Изъ разспросовъ выяснилось, что добыча камня на „каменкахъ“ въ настоящее время уже прекратилась за истощеніемъ площади, но „каменки“ были тронуты впервые не такъ давно. Тогда это была небольшая полоска пашни, на которой работающимъ часто попадались разныя вещи. Когда на полосѣ стали добывать камень, попало много скелетовъ. Самъ онъ нашелъ до 6 костяковъ, которые лежали на слоѣ камней, на глубинѣ одного аршина. При одномъ изъ нихъ найдена была „въ головахъ“ мѣдная склепанная чашка, съ нартзанными мѣдными крестиками (не шлемъ-ли?). При другихъ скелетахъ встрѣчались широкіе тонкіе браслеты и крупныя „каменные“ бусы. Одинъ рабочій нашелъ бѣлую бусину величиной съ голубиное яйцо. Изъ предметовъ, которые находили на „каменкахъ“, ничего не сохранилось: все растеряли ребяташки, которымъ находки отдавали на игрушки. Я сдѣлалъ на могильникѣ пробную раскопку и убѣдился въ справедливости того, что говорили крестьяне. При осмотрѣ ямъ я нашелъ въ одной изъ нихъ выступающую изъ перерытой земли кость. Произведенная на этомъ мѣстѣ выемка земли дала разрушенный и отдѣленный отъ костяка черепъ; другихъ костей по близости не оказалось, но за то попался изоржавѣвшій желѣзный предметъ, повидимому, обломокъ удила обычной формы. Эта находка представляла известную цѣну въ виду неопредѣленности крестьянскихъ указаній на характеръ металлическихъ находокъ: могильникъ принадлежалъ несомнѣнно желѣзному вѣку и, можетъ быть, довольно близкой къ намъ эпохѣ. Пробныя шурфы, заложенные по краямъ прилегающихъ къ могильнику полосъ пашни, показали, что площадь его ограничивалась предѣлами остающейся въ настоящее время нераспаханной земли. Можно думать, что, переваливши всю перерытую землю могильника на одну какую-нибудь сторону его, удастся найти какія-нибудь мелочи, способныя характеризовать могильникъ. Я не предпринялъ этой работы въ виду того, что она отняла бы у меня время, необходимое для спеціально опредѣльной задачи.

Пребываніе въ Мазуинѣ даю мнѣ, кромѣ знакомства съ „камен-
лами“, возможность установить фактъ существованія въ Мазуинѣ еще
одного могильника, по остаткамъ крестовъ, „черемисаго“. Могиль-
никъ этотъ былъ обнаруженъ при устройствѣ креста К. Башкаровымъ
молотильнаго сарая и ограда на гумнѣ. При рытьѣ ямы для ограда и
столбовъ обнаружены человѣческія кости, горшочки и лѣзвѣ-то прѣзая.
Я проложилъ двѣ траншеи глубиною въ $1\frac{1}{2}$ арш., шириною въ 1 арш.
и длиною саж. по 3, но близости ограда и не встрѣтили никакихъ при-
знаковъ погребенія; не оказалось этихъ предметовъ и на полосѣ раско-
пного жилища, прилегающаго съ правой стороны къ гумну Башкова. Мо-
гильникъ можно было предполагать или на пространствѣ молотильнаго
сарая, на которомъ въ то время производилась работа, или подъ ко-
лопязникомъ, который примыкаетъ къ тылу молотильнаго сарая. Не
въ томъ, ни въ другомъ пунктѣ целия было производить раскопки:
уступить мнѣ для раскопокъ токъ, на которомъ шла сѣвѣнная работа,
крестьяне ни въ какомъ разѣ не согласились бы, а колопязникъ былъ
еще не убранъ. За свои неудачи при раскопкахъ я былъ достаточно
вознагражденъ весьма цѣнными сообщеніями, которыя мнѣ сдѣлали
крестьяне мимоходомъ, во время работы.

У одного изъ крестьянъ с. Мазунина, Тимофея Башкова, оказа-
валось мѣдное копье, которое онъ нашелъ въ верхнихъхъ болотныхъ
рѣчки, протекающей близъ Мазунина, при дождѣ камня, другой на-
шелъ близъ такъ-называемой Куратовой кельи, мѣднаго „сайца“, въ
 $\frac{1}{2}$ ф. весомъ. Сайць былъ проданъ мѣднику въ г. Саранскъ, а копье
находилось у владельца и оказалось довольно крупнымъ мѣднымъ копье-
томъ съ треугольными украшеніями по всемъ ребрамъ. Этотъ копье
прибавляетъ Мазунину въ качествѣ новаго звена къ ряду прикасавшихъ
мѣстоахожденій мѣдныхъ орудій — памятниковъ глубоко интересной
культуры. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ о судьбѣ мѣднаго „сайца“, по-
будили меня воспользоваться проѣздомъ черезъ Саранскъ, для того,
чтобы обойти мѣдная лавки съ металлическимъ старьемъ и попытаться
не найтеся-ли въ нихъ какихъ-нибудь древностей. Обходъ мой вышелъ
мнѣ не даръ, но я все же думаю, что какому-нибудь энтузиастическому съ
археологическою цѣлью не лишне обходить мастерскія мѣдниковъ или
серебряниковъ и лавки съ желѣзными изделиями.

Поѣзженіе Калмашей, Мазунина и Саранска потребовало неаб-
стѣе обусловленнаго долгами дурного состоянія дорогъ, торнадо было
времени, чѣмъ я предполагать, и я отказался отъ предпологаемой по-
ѣздки по Саранскаго волости, для того, чтобы поспѣвать же Гла-

ловскій уѣздъ. Изъ Саранула я направился въ Усть-рѣчку, а оттуда черезъ Шарканъ, Ляльшуръ и Чутыръ въ Глазовскій уѣздъ.

Подробность моего маршрута опредѣлялась тѣми археологическими и топографическими данными, которыми я располагалъ относительно Саранульскаго уѣзда. Разсчитывая на обратномъ пути вернуться черезъ Дебесы и Тыловай, я имѣлъ возможность посѣтить все волости, въ которыхъ вотяки были исконными насельниками и остались господствующимъ элементомъ до сихъ поръ. Въ Шарканской и Сосновской волостяхъ сосредоточивается наибольшее количество древнихъ вотскихъ кладбищъ при деревнѣ Ляльшурѣ, по свѣдѣніямъ земскихъ статистиковъ, оказывалось два древнихъ кладбища, которыя, по найденнымъ на нихъ монетамъ, можно было отнести къ XVII в. Здѣсь, кромѣ того, я ожидалъ найти еще одинъ памятникъ мѣднаго или бронзоваго вѣка — „мѣдное копье“. Приѣхавши въ Ляльшуръ, я обратился къ г. Верещагину, доставившему эти свѣдѣнія, за подробностями о произведенныхъ имъ на обоихъ могильникахъ раскопкахъ, и эти подробности оказались не совсѣмъ согласными съ тѣмъ, что напечатано статистиками. На основаніи сообщеній статистиковъ, я съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ о Пурга-шаѣ; здѣсь были найдены монеты XVI в. Г. Верещагинъ сообщилъ мнѣ, что Пурга-шай въ настоящее время распаханъ, да и ранѣе онъ былъ менѣе интересенъ, чѣмъ находящійся въ 2-хъ верст. отъ деревни не тронутый Яг-шай (сосновое кладбище): монеты и вещи — топоры, ножи — находились именно тамъ. Согласно полученнымъ указаніямъ, я съ 5 рабочими отправился на упомянутый могильникъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды мы были въ мелкомъ еловомъ лѣскѣ, выросшемъ на мѣстѣ могучаго бора (яга), поднимавшагося когда-то по склону глубокаго оврага. Въ настоящее время отъ этого бора уцѣлѣло лишь нѣсколько гигантскихъ сосенъ.

Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ найдено было мѣсто съ могилами, нѣсколькими едва замѣтными углубленіями въ почвѣ, спускавшимися въ небольшой лѣсной прогалинѣ по склону оврага. Могилы представляли собою едва замѣтныя углубленія, поросшія травой. Послѣ того, какъ снятъ былъ дерновый слой, почва оказалась смѣшанной, и на глубинѣ около $1\frac{1}{2}$ аршина, въ четырехъ выбранныхъ ямахъ были найдены костяки, обращенные головами на С.-З., ногами на Ю.-В.; голова костяка № 1 лежала на бокъ и имѣла поворотъ на Ю.-З. Могила № 2 заключала въ себѣ дѣтскій костякъ. Голова, какъ и у костяка № 1, была обращена на Ю.-З., но разрушена проникшими въ нее корнями деревьевъ, такъ что верхняя челюсть была отворочена отъ

нижней и обращена вправо. Подъ правый високъ были подоткнуты руки. У пояса оказались мелкія стекляныя желтые бусы. Могилы № 3 заключала въ себѣ мужской костякъ, обращенный лицомъ влѣво. Рядомъ съ правой плечевою костью оказался баранья лопатка. Между костями пальцы найдены были маленькія серебряныя монеты. Могилы № 4 заключала въ себѣ костякъ, обращенный лицомъ влѣво. Въ виду того, что вскрытіемъ 4-хъ могилъ были достигнуты назначенныя потребности, а вещей, ради которыхъ можно было бы продолжать раскопку, не оказалось, раскопки были остановлены. Начавшійся дождь и позднее время дня не позволили перенести раскопки въ Пурга-шай. Вечернимъ временемъ я воспользовался для того, чтобы выяснить вопросъ о находящемся у одного изъ алтышурцкихъ жѣлвномъ коваѣ Г. Борещасвиѣ любезно вѣдѣи вести переговоры съ ховлиномъ нахокке, по его старанію оказались безуспѣшными; неоднократно путешествовавшій уланскаго сторожа сопровождался однимъ отвѣтомъ: не можетъ найти. Утромъ, когда уже я собрался въ Сосновку съ тѣмъ, чтобы мимоходомъ произвести раскопку на Пурга-шай, г. Борещасвиѣ еще разъ и такъ же безуспѣшно попытался добыть нахокку черезъ сторожа. Дѣло вышло совсѣмъ проиграннымъ, но тутъ у меня оказался новый соперникъ — динчикъ, вившійся вести меня до Сосновки. Она выжидала съѣздить къ владѣльцу нахоки и черезъ нѣсколько минутъ вылезла съ отвѣтомъ, что конь найденъ и мы можемъ захватить и вывезти на шестъ. Когда сторожъ и нѣсколько ватажковъ, случайно забредшихъ вынуть изъ комнаты, она предупредила мнѣ, что захватятъ вѣтъ и необходимо вѣшь съ нимъ и она покажетъ ее, когда мы выйдемъ изъ деревни. За околицей Лалышуръ „конь“ очутился въ моихъ рукахъ и, къ моему разочарованію, оказался изъ конькомъ, въ жельтомъ, а неопредѣленной формы и назначенія кускомъ мѣди, весь интересъ котораго заключался въ связанныхъ съ нимъ повѣрьяхъ. Повѣрья называютъ этого коня божьимъ или небеснымъ конемъ и убѣждены, что тотъ, кто захватитъ его въ своемъ домѣ, будетъ счастливъ на дѣлѣ. Чухотѣйственника глѣз коня приписывается даже заступаніе это дѣлѣмъ обзаводится тѣ, что кусокъ обрѣзанъ съ обѣихъ сторонъ. И съ большимъ интересомъ ожидая пробныхъ раскопокъ на могилницахъ. Шай повѣтъ, называя родъ Пурга, съ которымъ мы встрѣчаемся на сѣверѣ Саркунулскаго у. и въ Гиджескомъ; не была-ли она или не древнѣйшая, то онаже или древнѣйшихъ могилницъ рода? Оставивши лошадей у забора, мы выобразили на гору, по склону которой были разбросаны могилницы. Все пространство могилницъ, на которомъ, вѣроятно, дѣлались на-

затѣ, производилъ пробныя раскопки г. Верещагинъ, было за послѣднее время распахано, но проводникъ, участвовавшій въ раскопкахъ, надѣялся все же найти погребенія. Начатыя работы не оправдали его ожиданій: три узкихъ траншей, сажени въ $1\frac{1}{2}$ длиною, проложенныя въ разныхъ мѣстахъ площади, не дали ничего. Во время работъ мнѣ удалось получить только свѣдѣнія, что при распахкѣ могильника, попадаются по временамъ ножи и топоры. Въ виду того, что добытыя свѣдѣнія не обѣщали чего-либо новаго сравнительно съ Ляльшуромъ, я рѣшилъ прекратить работы и отправиться черезъ Сосновку въ Чутырь, завернувши по пути въ городище (Каръ-Гурезъ) близъ д. Пашуръ. Городище представляло собою узкую стрѣлку, защищенную двумя полукруглыми валами. При обходѣ его площадки, я нашелъ нѣсколько гладкихъ черенковъ, а при пробныхъ раскопкахъ, произведенныхъ по близости къ валу, получилъ возможность выяснить, въ какой степени достовѣрными были сообщенія г. Верещагина о печищахъ, которыя, будто бы, находились на площадкѣ. Непосредственно подъ пахотнымъ слоемъ оказался дѣйствительно слой зернистой глины, который можно было признать за развалившійся кирпичъ, но траншеи, проложенныя отъ мѣста нахожденія этого слоя подъ угломъ, показали, что слой этотъ идетъ безъ всякихъ перерывовъ подъ пахотнымъ слоемъ во всѣ стороны городища и, стало быть, не могъ служить остатками былого поселенія. Раскопки на городищѣ дали мнѣ возможность осторожно поставить вопросъ, кто жилъ на этомъ городищѣ, затѣмъ, другой—не рассказываютъ-ли старики, кто жилъ въ этой сторонѣ до вотяковъ и жилъ-ли кто? На оба вопроса получился отвѣтъ ни положительный, ни отрицательный. Ни проводники-работники, ни мой ямщикъ ничего не слыхали на этотъ счетъ, но были, повидимому, склонны предполагать, что до вотяковъ въ странѣ не было никакого народа. Имя чудь не было произнесено ни разу. Изъ Пашура, гдѣ мнѣ удалось пріобрѣсти найденныя на городищѣ точило и какое то мѣдное, повидимому, украшеніе, черезъ Сосновку я проѣхалъ въ Чутырь. Причина, побудившая меня избрать этотъ путь, заключалась въ томъ, что у мѣстнаго священника, о. Раевского, я надѣялся, со словъ г. Верещагина, увидѣть коллекцію мѣстныхъ древностей. Надежды эти и осуществились, но только отчасти. О. Раевскій оказался дѣйствительно владѣльцемъ коллекціи „рѣдкостей“, но не чисто археологическаго характера. Въ его собраніи были и минералы, и иностранныя монеты; мѣстныя находки занимаютъ незначительное мѣсто и заключаются въ русскихъ монетахъ XVIII в. и небольшомъ каменномъ, прекрасно отшлифованномъ кельтѣ.

Позднѣ на пути въ Зуру я узналъ отъ людей, что на Чутырскихъ поляхъ находили и каменные (громовыя) стрѣлы.

Прѣйдомъ черезъ Чутырскую волость я предполагалъ для того, чтобы сдѣлать раскопку на старомъ могильникѣ, расположенномъ близъ дер. Навъ-Ворны, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ отъ Чутыря. Вужъ-шай, подлежащій изслѣдованію, находится на восточномъ склонѣ горы изъ древней и представляетъ собою площадку, поросшую мелкимъ стѣпникомъ. Могилы можно было отыскать безъ особаго труда, — онѣ образовали неглубокія впадины и замѣтно отдѣлялись отъ нетронутой земли. Вскрытіе одно такое углубленіе, я нашелъ женскій костякъ, лежащій на спинѣ, на передней части лежащей на правомъ вискѣ головы сохранилась полоска узкаго золотого позумента; между головой и плечомъ лежала короткая лопатка — послѣдній даръ умершей. Могильникъ оказался несомнѣнно татарскимъ, и въ дальнѣйшихъ раскопкахъ подробности не предстояло. Черезъ 3—4 часа послѣ этой раскопки я былъ въ Зурѣ, въ Глазовскомъ у. Здѣсь мнѣ предстояло сдѣлать верное шага въ дѣлѣ изслѣдованія Глазовскихъ Вужъ и Бигеръ шаевъ.

При Зурѣ на археологической картѣ Глазовскаго уѣзда значится вужъ-шай, въ незначительномъ разстояніи отъ нея, на пути къ д. Каргурецкой (Кыкля-мезь) находится бигеръ-тулынь — татарское (булгарское?) жилище, далѣе по дорогѣ въ Туйти-гуртъ бигеръ-шай. Вужъ-шай с. Зуры расканывался уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ по порученію покойнаго Первухина и не далъ ничего, кромѣ костей. Я узналъ объ этомъ еще до начала раскопокъ, но считъ необходимымъ изслѣдовать могильникъ, въ виду того, что въ литературѣ не имѣлъ указаній на его признаки. Вужъ-шай Зуринскій расположенъ на луговомъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ большой дороги, идущей изъ Игры въ Зуру. На площади его еще и теперь замѣтна слѣды произведенныхъ раскопокъ. Выбравши одно изъ разбросанныхъ по площади могильника углубленій, я поставилъ на это двухъ рабочихъ, которые на глубинѣ аршина нашли лежащаго въ безпорядкѣ кости отъ потрепаннаго погребенія. Предполагая, что костякъ былъ разрушенъ при вырываніи могилы для новаго покойника, я пошелъ раскопку глубже и на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. ниже встрѣтилъ скелета, въ которой лежалъ потрепанный костякъ въ 2 арш. 6 верш. длиною, имѣвшій особенное направление S — N. Скелетъ, судя по положенію становящаго хребта, лежалъ въ слегка изогнутомъ положеніи. По обѣ стороны головы лежали бигеръ-шай лопатки, и въ недалекомъ разстояніи на уровнѣ пазухъ углубленіе. Вторая могила была вскрыта на $\frac{1}{2}$ в. отъ первой. Въ ней оказалась

перерытый костякъ съ головой, лежавшей на С. Выше головы въ томъ же направленіи былъ найденъ ножъ, около головы мелкій синій бисеръ. Костякъ былъ, видимо, тронутъ при рытьѣ могилы для новаго покойника печально, но затѣмъ оставленъ въ покоѣ; ниже его перерытой земли уже не оставалось. Раскопка двухъ могилъ показала, что на площади Зуринскаго Вужъ-шяя погребенія встрѣчаются на двухъ горизонтахъ: болѣе древнія въ верхнемъ горизонтѣ, болѣе позднія въ нижнемъ. То обстоятельство, что два костяка оказались перерытыми, дало мнѣ право предположить, что въ XVIII ст., къ которому относятся позднѣйшія языческія погребенія, болѣе древнія погребенія были уже совершенно не замѣтны и площадь могильника представлялась уже совершенно ровной. Если бы эта догадка была справедлива, погребенія могли бы обнаружиться и на такихъ участкахъ луговины, на которыхъ незамѣтно никакихъ углубленій. Чтобы провѣрить ее, я проложилъ узкую траншею поперекъ могильника въ направленіи съ З. на В., т.-е. въ перпендикулярномъ къ направленію костяковъ. Если бы ровная почва заключала въ себѣ костяки, они были бы въ той или другой части затронуты траншеей. Траншея не дала ожидаемыхъ результатовъ. Прокладывать новыя въ виду того, что типъ погребенія и народность погребенныхъ достаточно выяснились изъ сравненія съ результатами раскопкою Нязъ-Ворцынскаго могильника, я не считъ нужнымъ. Предо мною былъ несомнѣнно вотскій могильникъ XVII—XVIII вв., но онъ, какъ и предъидущіе, не давалъ матеріаловъ для уясненія „чудскихъ“ древностей.

Имѣя своей конечной задачей установить отношенія „вотяцкихъ“ древностей, которыя я долженъ былъ еще отыскать, къ чудскимъ, и припоминая тѣ нити, которыя ведутъ археолога отъ „древностей“ Рыбкинскаго могильника къ таковымъ же Лядинскаго, я съ большимъ недоумѣніемъ остановился передъ фактомъ, что „древностей“—то этихъ совсѣмъ почти и не оказывалось: я видѣлъ не одинъ уже женскій костякъ, но ни при одномъ не оказалось ни кольца, ни браслета, ни пуговицы, не говоря уже объ ожерельяхъ. Предположить тутъ случайность—разрытіе могилъ, принадлежавшихъ бѣднымъ индивидуумамъ—я не могъ: въ Рыбкинскомъ могильникѣ богатство или бѣдность погребенныхъ сказывалась въ большемъ или меньшемъ количествѣ вещей извѣстнаго типа, но сьюлгамы, шюрьки, бусы были въ каждой женской могилѣ. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось предположеніе, что вотяки, по своей скупости, не кладутъ и не клали къ умершимъ украшеній. На эту тему я завелъ разговоръ съ рабочими-вотяками, и они

мнѣ сообщили, что всѣ цѣнныя вещи родные усѣвской оставили и оставили прежде при себѣ. Это „открытие“ одно уже способно было ввести въ очень скромныя границы требованія, которыя я имѣлъ право предъявить къ вужь-шаймъ. Внимательное изученіе украшеній, которыя носятъ современные обитатели Сарантуйскаго и Глазовскаго уѣздовъ, показали, что даже при желаніи потрепсти съ новобранной всѣ принадлежащія ей вещи, вотки былого времени не могли дать археологу очень много. О томъ разнообразіи металлическихъ украшеній, которыя до сихъ поръ входятъ въ туалетъ мокшанки и которыя по своимъ типамъ восходятъ до потщенной древности, у вотачи не было и помину: въ относительно близкихъ къ нашему времени мотивахъ можно было бы въ лучшемъ случаѣ ожидать встрѣтить кольца, браслеты, бусы, монетки. На ту массу побрякушекъ, которую носила на себѣ чудская женщина, въ современномъ вотскомъ туалетѣ, какъ и въ пермяковомъ, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ, между тѣмъ какъ черемисскія и мордовскія фибулы (сволягамы, шурьки) и другія украшенія ясно указываютъ о своемъ родствѣ съ древностями X—XIII вв. Замѣтку чудскихъ древностей могли при этихъ условіяхъ разрѣшить только тѣже вотскіе могильники, которые восходили бы къ XV—XIV вв.

Въ Зуринской волости я получалъ возможность намѣтить первыя границы тѣмъ ожиданіямъ, которыя складываются у археологовъ съ замѣчивымъ словомъ „Бигеръ“. Издали за этимъ словечкомъ мерещатся тѣ булгары, съ древностями которыхъ (особенно билдрскихъ) такъ тѣсно соприкасаются во многихъ отношеніяхъ древности чудскія. Поблизъ у Зуры и Тюшии-гурта эти привлекательные признаки разсѣиваются отъ нѣсколькихъ словъ вотковыхъ работниковъ. „Бичеръ-тучинъ“ или „булгарскаго жилища“ обращается въ „жилище татаръ“, потому что которыхъ въ настоящее время проживаютъ въ Костымѣ и которые были прогнаны изъ окрестностей Зуры за воровство; Бигеръ-шай, который я жаждалъ распознать и на который уже направился съ рабочими, это „булгарскаго кладбища“ обратился въ одинокую могилу татарина, убитаго на памяти современнаго населения Тюшии-гурта за какое-то недоброе дѣло. Перенесенныя, которыя отирывала мнѣ, ничего не подтверждая, но „бигерскому вопросу“ зуринскіе и тюшии-гуринскіе вотачи, были не изъ многообѣщающихъ. Вплоть до Костыма, который уже тѣснѣе удаленъ отъ Глазова, за „Бигерами“ скрываются истинные татары, не способные изъ наготы уяснить чудскую загадку.

Охлажденный зуринскими вычкѣйствами, безъ пружинившихъ ожиданій, я направился далѣе въ Глазовъ. Первый станціонъ на пути

было с. Поломъ, при которомъ на картѣ показано городище и два древнихъ могильника (вужъ-шай). То и другое оказалось въ дѣйствительности. При самомъ селѣ оказался только одинъ могильникъ. Принадлежность его вотнякамъ можно было ужъ констатировать до раскопки по одному неизвѣстному составителю карты названію „Чабъ-шай“. Чабъ—воршудное имя, широко распространеннаго по Глазовскому у., вотяцкаго рода. Представители его, какъ я узналъ, и теперь имѣются въ Поломѣ. Если при наличности въ селѣ другихъ родовъ—мнѣ называли при моихъ разспросахъ роды: Сюра, Пурга, Дзюмъ, Чуйа—могильникъ носить названіе одного рода, то объяснить этотъ фактъ можно было бы двумя предположеніями: или въ языческую пору каждый родъ имѣлъ особое кладбище, или первоначально въ Поломѣ жилъ одинъ родъ чабъ и его именемъ позднѣйшіе насельщики стали называть прежнее кладбище. Противъ перваго предположенія говорить отсутствіе другихъ кладбищъ съ родовыми названіями. Я остановился поэтому на послѣднемъ. Чабъ-шай оказался распаханнымъ, но мѣсто его можно еще вполне опредѣленно указать на оставшейся нетронутой небольшой полоскѣ земли, распахать которую не позволили бывшія на ней еще недавно деревья (теперь самое большое уже упало).

Исходя изъ обычнаго въ изслѣдованныхъ могильникахъ положенія костяковъ N—S или NO—SN, я прокопалъ поперекъ оставшуюся нетронутой полоску и попалъ на незначительной глубинѣ на голову и верхнюю часть туловища скелета, остатокъ котораго уже уходилъ на распаханное пространство. Я продолжилъ канаву въ предполагаемомъ направленіи скелета и не нашелъ ничего: кости, выходящія на пашню, были, вѣроятно, выпажаны. Нѣсколько пробныхъ ямъ, сдѣланныхъ на распаханномъ пространствѣ вокругъ изслѣдуемой полоски, показали, что неглубокія погребенія могильника были всѣ разрушены многократнымъ перепахиваніемъ. То, что я предположилъ относительно Чабъ-шай, мнѣ положительно сообщили относительно Даньшай-шай, находившагося верстахъ въ 5 отъ Полома. При раскопкѣ этого могильника выворачивали черепа и кости, но вещей не находили.

Что касается Поломскихъ городищъ, то, обходя находящееся въ самомъ селѣ и уже изслѣдованное, я заинтересовался Курокъ-Каромъ, который находится верстахъ въ 3-хъ отъ села, въ лѣсу и представляетъ собою заросшую соснякомъ и ограниченную глубокими логами, стрѣлку. Здѣсь также производились раскопки для покойнаго Первухина, но ничего, кромѣ „писанныхъ“ черепковъ не было найдено. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось увидать этого городища. Вотяковъ, ко-

торые работали для Перзухина, мнѣ не пришлось захватить: они были заняты полевыми работами, а молодой землеѣзецъ, взявшійся меня проводить, плохо зналъ мѣсто и оказался не въ состояніи найти городища. За свою неудачу я былъ вознагражденъ тѣмъ свѣдѣніемъ, которое мнѣ сообщилъ мой спутникъ относительно первозначальныхъ обитателей городища. Въ Поломѣ, какъ и на всемъ протяжении Чепцы до Пазенина отъ Голыдона, вотки уже не отговариваются незнакомъ из разсказа объ основателяхъ городищъ и определенно говорятъ о другой, отличной отъ вотиковъ породы людей, которые на нихъ жили — курокахъ. Куроки на Поломскомъ городищѣ жили въ большомъ земляномъ домѣ, окруженномъ (?) стѣною, колоде и обладали вотиковъ, которые похитили имъ въ руки. Вотки долго терпѣли ихъ насилие, наконецъ стали готовиться къ нападенію соединенными силами. Куроки узнали объ этомъ и ночью скрылись, покинувши свой домъ.

За Поломомъ, на пути къ Глазову, на картѣ мое вниманіе съ особенной силой привлекали Порь-гучинъ (черемисское жилище, близъ дер. Гординой), Гурья-карь по вол. (Гурья-кала по тат.) и Порь-шай (черемисскій могильникъ) на противоположномъ берегу Чепцы, приблизительно около д. Омутницкой — больше всего, конечно, послѣдній. На древнемъ черемисскомъ могильникѣ, какомуъ долженъ былъ оказаться Омутницкій порь-шай, я не опасался встрѣтить одна могила: известные въ Казанской и Вятской губерніяхъ могильники черемисъ заключаютъ въ себѣ значительное количество металлических предметов: серьги, пряжки, полевые украшения и т. д. Ища, добытыя на Омутницкомъ порь-шаѣ, должны были, по моему сужденію, выяснитъ вопросъ о западныхъ курокахъ. Въ Казанской губ. черемисы называютъ себя по берегамъ Волги — занимающіе правый горный берегъ — Курюкъ-мар (горные черемисы), занимающіе лѣвый лѣвый берегъ — Кожла-мар (лѣсные, сѣвнковые черемисы).

Присматриваясь къ картѣ Глазовскаго у., я замѣтилъ, что и Курюкъ-карь, порь-гучинъ — памятники бывшаго черемискаго населенія — находятся на правомъ возвышенномъ берегу Чепцы (меньшая часть) и лѣвомъ низменномъ лѣсистомъ, и у меня зародился вопросъ, не будутъ-ли сохранившіеся изъ преданій и некоторыхъ чепецкихъ городищахъ племенное патентіе куроки остаткомъ сибирскихъ, которымъ небольшая группа черемисъ, забравшаяся на правый берегъ Чепцы, отличала себя отъ родичей, оставшихся на низменномъ лѣвомъ. Проверить эту гипотезу можно было, сравнивая матеріалъ, добытый, главнымъ образомъ, на порь-шаѣ и отчасти на порь-гучинѣ, съ находками,

которые дали бы лѣво-бережные поръ-кары (при д. Венижской, Куныковской, Пажмонской, Уканы, д. Извильской) и поръ-кара праваго берега Чепцы, на С. отъ Глазова.

Свѣдѣнія, которые я получилъ въ с. Балезинѣ относительно Гординскихъ поръ-гучына и бигеръ-шай, побудили меня не торопиться изслѣдованіемъ этихъ памятниковъ и направиться прямо на поръ-шай. Въ Балезинскомъ волостномъ правленіи въ день моего пріѣзда оказался въ сборѣ сельскіе старосты. Я пригласилъ къ себѣ Гординскаго старосту, который оказался бесермяниномъ и очень охотно отвѣчалъ на мои разспросы. Поръ-гучынъ, оказалось, давно распахивается, но о какихъ бы то ни было находкахъ онъ ничего не слыхалъ; что касается до бигеръ-шай, то онъ представляетъ собою въ настоящее время площадку, заросшую лѣсомъ, который остается неприкосновеннымъ, такъ какъ татарскій мулла строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы его не рубили. На бигеръ-шаѣ, по словамъ старосты, хоронили татаръ и предковъ нынѣшнихъ бесермянъ, когда они исповѣдывали татарскую вѣру. Тронуть бигеръ-шай, бывшій и бесермянскій могильникъ, было очень интересно: народность бесермянъ еще недостаточно опредѣлилась; по языку они представляются овотячившимся тюркскимъ племенемъ, по костюму представляютъ нѣчто среднее между чувашами (головныя украшенія) и черемисами (вышитыя рубашки и кафтаны). Но въ Гординѣ оказывалось препятствіе—ревнивый мусульманскій фанатизмъ. Вести раскопку тамошняго бигеръ-шай представлялось возможнымъ въ весьма несимпатичныхъ для меня условіяхъ: въ присутствіи урядника и понятыхъ, которые должны были защищать меня и работниковъ отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны татаръ. Изъ Балезина, такимъ образомъ, я отправился на поиски Поръ-шай. Первухинъ указываетъ его на задворкахъ д. Омутницкой, но жителямъ деревни это названіе оказалось неизвѣстнымъ. Мнѣ удалось случайно встрѣтить человека, который былъ очень хорошо знакомъ съ Первухинымъ и участвовалъ въ его раскопкахъ стариннаго кладбища, но онъ, какъ и другіе его однодеревенцы, называлъ его вужъ-шаемъ.

Раскапывать ужъ изслѣдованный и не давшій никакихъ результатовъ могильникъ мнѣ не представлялось необходимымъ, и я рѣшилъ, не останавливаясь въ Омутницкой, ѣхать до Глазова. Здѣсь мы, вмѣстѣ съ сотрудникомъ Первухина, Т. Р. Будинымъ, сдѣлали поѣздку: отправились въ Солдырь и предприняли чуть не подворный обходъ для скупки находокъ съ могильниковъ Чемъ-шай и Идна-кара. Такимъ путемъ удалось пріобрѣсти нѣсколько интересныхъ костяныхъ

фигурокъ для погребенія, представляющихъ собой весьма низкую имитацию обычныхъ чужескихъ фигурокъ изъ слезки и косыла антеперитамъ большую серебряную булаву, съ головной собакой, скандинавскаго типа, помножъ значительнаго количества костяныхъ стрѣлокъ и обрывковъ подвѣсковъ. У одного крестьянина, кромѣ того, я видѣлъ, но не могъ приобрести, каменную стрѣлку, найденную на пашнѣ близъ Итхъ-тара. Собранныя все, что можно было получить отъ находившихся въ деревнѣ женщинъ и дѣтей, мы отиравались на Чомъ-шай. И былъ на могильникѣ вмѣстѣ съ покойнымъ Первухинымъ въ 1883 г. и тогда уже видѣлъ его распаханнымъ. Могильникъ давно распаханъ, но до сихъ поръ не истощенъ, какъ показали находки. Проведети на немъ раскопку, въ виду глубокаго интереса его культуры, представлялось очень желательнымъ. Примѣръ Казбекскаго могильника, въ которомъ подъ пахотнымъ слоемъ оказалось значительное количество нетронутыхъ погребеній, говорилъ въ пользу того, что и Чомъ-шай могъ затѣ что подобное. Къ сожалѣнію, эта надежда не оправдалась. Исследование могильника производилось слѣдующимъ образомъ. Прежде всего замечень былъ шурфъ для того, чтобы опредѣлить почвенный слой, затѣмъ, для того, чтобы опредѣлить горизонтъ, въ которомъ встрѣчаются кости и находки, шурфъ былъ продолженъ и обращенъ въ траншею; когда эта послѣдняя цѣль была достигнута, производилась послѣдняя съемка земли по одному изъ боковъ траншеи. Результаты разработанныхъ, такимъ образомъ, въ трехъ пунктахъ траншеи оказались слѣдующіе. Слой, заключающій въ себѣ кости и находки, не идетъ слѣдомъ подаршина и состоитъ изъ удобреннаго суглинка. Подпочву составляетъ песокъ-материкъ. Въ одной изъ траншей была найдена ножная кость и около нея желѣзное кольцо, показанному, отъ ручья пожа, недалеко далѣе ножъ и топоръ. Положеніе вещей относительно кости не исключало возможности встрѣтити при продолженіи раскопокъ на всѣ стороны отъ мѣстонахожденія кости и вещей остальными частями света и при нихъ какія-нибудь другія вещи, но проведенныя работы не оправдали этихъ ожиданій: костей болѣе не оказалось, а изъ вещей были найдены только крупная желѣзная стрѣла. При казенной поспѣшной съемкѣ жили въ слой, заключающемъ въ себѣ находки, встрѣчались мелкіе угольки. Работы, произведенныя на могильникѣ, привели меня къ убѣжденію, что онъ, вследствие крайне неглубокаго зарыванія гробницъ, разрушенъ на всемъ пространствѣ и распахивать его ради того, чтобы установить типъ погребенія и назначеніе „чужескихъ находокъ“ было бы напрасно. Чомъ-шай стоитъ того, чтобы рѣше оставившася еще

въ немъ вещей раскопать его сплошь въ перевалъ, но у меня не было въ распоряженіи достаточнаго для такой работы времени, и я съ чувствомъ очень понятнаго сожалѣнія покинулъ могильникъ и Солдырь. Выѣхавъ изъ Глазова, я предположилъ посѣтить на обратномъ пути Лудошуръ, гдѣ у крестьянъ можно было найти вещи съ Сепычкара и тронуть указываемый близъ городища бигеръ-шай. Здѣсь я приобрѣлъ отъ мѣстныхъ вотяковъ небольшую коллекцію вещей, однородныхъ по типу съ пдна-карскими и имѣлъ возможность посмотреть тоненькое орнаментированное зернью золотое колечко, найденное на городищѣ (продать его владѣлецъ не согласился)¹⁾. Раскопка, произведенная на Бигеръ-шаѣ—маленькомъ кусочкѣ нераспаханной и поросшей небольшими елками земли—не дала погребеній.

Изъ Лудошура, собравши попутно свѣдѣнія объ обстоятельствахъ паходки здѣсь въ 1891 г. серебряныхъ шейныхъ гривенъ, я направился въ с. Ягошурское, населенное бесерменами, съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать бигеръ-шай въ этомъ селѣ и при расположенномъ неподалеку отъ него починкѣ Кочетовскомъ. Оба бигеръ-шай находились въ благопріятныхъ для изслѣдованія условіяхъ: одинъ среди чисто бесерменскаго населенія, другой—около вотяцкой деревни. Старое бесерменское кладбище находится въ самомъ селеніи близъ церкви; часть его занята постройками и садомъ сельскаго священника, часть подъ училищемъ, на остальномъ пространствѣ видны были слѣды какихъ-то недавнихъ построекъ и пролегала улица. Я проложилъ три небольшихъ траншей близъ сада священника, одну на противоположной сторонѣ улицы, но безъ всякаго результата. Начиная спускаться сумерки и дождь остановили работы. Единственнымъ вознагражденіемъ за бесплодно проведенное время были данныя о старинномъ (относительно, разумѣется) бесерменскомъ погребеніи, выхваченныя изъ разговоровъ между бесерменскими рабочими. Одинъ изъ рабочихъ, натолкнувшись на мягкую, какъ бы перерытую землю, замѣтилъ, что нужно копать въ бокъ ямы, потому что старики, какъ и современные татары, дѣлали углубленія въ одномъ изъ боковъ могилы и туда клали покойника. Такія воспоминанія не обѣщали въ археологическомъ отношеніи ничего утѣшительнаго: если бесермяне хоронились по строго мусульманскому обряду, то въ ихъ могилахъ не было основанія встрѣтить принадлежностей быта.

Отклоненій нужно было ожидать, сообразно съ этимъ, въ могиль-

¹⁾ Одна изъ находокъ—имитация саманидской монетки.

никахъ болѣе древняго происхожденія. Такимъ могъ, казалось мнѣ, быть Кочетовскій. Онъ находится при селеніи, въ которомъ нѣтъ ни татаръ, ни бесермянъ. Въ ожиданіи утра, когда можно было отираться въ починокъ, я употребилъ остатокъ дня на внимательный осмотръ старинныхъ золотыхъ уборовъ бесермянокъ. Этотъ осмотръ былъ не безынтересенъ съ археологической точки зрѣнія. Обнаружилось, что оловянные проныжки, купленные въ Солдирѣ въ качествѣ чужь-шайскихъ находокъ, точь-въ-точь сходны съ проныжками на бесермянскихъ кашну. На тѣхъ же кашну встрѣчены были серебряныя грабенныя проныжки и таковыя же проныжки, въ видѣ трубочекъ, около полувершка длины, покрытыхъ точечнымъ орнаментомъ. Въ Кочетовскомъ починкѣ меня ожидало разочарованіе. Вотьяки не знали никакого битеръ-шай и показали только свой старый могильникъ — вужь-шай.

Въ виду того, что мнѣ предстояло изслѣдовать подобный же могильникъ въ починкѣ Кебе-ни (Верхъ-Сенъчъ), я не тронулъ Кочетовскаго могильника и направился въ Кебе-ни, близъ котораго на картѣ показаны, кромѣ того, разбойничій станъ, Селта-каръ и Селта-шай. Факты, собранные мною въ Верхъ-Сенъчѣ, оказались не вполне согласными съ показаніями карты. „Разбойничяго стана“ поселеніе Кебе-ни не знало. На вопросъ о томъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ валовъ „кара“, вотьяки указали на видимый изъ деревни дѣсистый мысъ на правой сторонѣ Сенъча и назвали его Селта-заромъ. Мысъ этотъ находится какъ разъ напротивъ дер. Сенъча; другого кара и шая при немъ Кебе-Шевъ не знали. Для изслѣдованія оставались старинное языческое кладбище „Чачча шай“ при Кебе-ни и названный уже Селта-каръ. Чачча-шай представляетъ собою, согласно названію, небольшую еловую рощицу, изъ которой едва замѣтна углубленія почвы выдавали бывшія могилы. Вскрытіе этихъ углубленій не дало никакихъ результатовъ: не оказалось не только вещей, но даже признаковъ костяка — явленіе, не разъ имѣвшее мѣсто при раскопкахъ Первухина. Прекративъ безплодную работу на могильникѣ, я отправился съ рабочими на Селта-каръ. Дорогой я получилъ отъ одного изъ стариковъ очень важныя свѣдѣнія по исторіи заселенія вотьяками долины Сенъча. Поселеніе Верхъ-Сенъча или Кебе-ни все принадлежитъ къ роду Чабла и предки его пришли на починокъ около ста лѣтъ тому назадъ изъ д. Сенъча. Въ Сенъчѣ родъ Чабла, по преданію, пришелъ изъ д. Атамовой, Повинской волости, а въ эту послѣднюю изъ д. Омсинской (Чабла тоже), Слободского у. Составляя эти свѣдѣнія съ тѣмъ, что нами было уже констатировано относительно

коренного мѣстожителѣства рода чола въ Слободскомъ у. (д. Кругловская), связей, соединяющихъ бессермянъ Ежевской волости съ вотяками Кругловскаго прихода, мы можемъ положить ихъ въ основаніе опредѣляющей планъ археологическаго изслѣдованія Глазовскаго у. гипотезы о ходѣ его заселенія. Глазовскій у. среднимъ теченіемъ Чепцы отъ Бalezина до границы Слободскаго у. дѣлится на двѣ не равныя и по размѣру и по археологическому значенію части—сѣверную, въ составъ которой должны войти оба берега Чепцы, часть южныхъ ея притоковъ и всѣ волости, лежащія на С. и С.-В., и южную, въ которую должны войти всѣ волости, лежащія на югъ отъ намѣченной линіи до границъ Сарапульскаго и Малмыжскаго у. Согласно преданіямъ вотяковъ, слѣды болѣе раннихъ поселеній слѣдуетъ ожидать на сѣверѣ, и тамъ должны сосредоточиваться поиски древнихъ могильниковъ Чемъ-шайскаго типа. Въ бесѣдѣ о прошломъ Сепычскаго края мы подошли къ Селта-кару. По поросшему крупнымъ сосновымъ лѣсомъ склону, мы стали подниматься на Селта-карскій мысъ и черезъ $\frac{1}{4}$ часа очутились у расплывшагося вала, который огромнымъ полукругомъ огибалъ мысъ. Около вала были замѣтны слѣды рва. Вся площадь городища поросла въ настоящее время лѣсомъ, но проводники помнятъ еще время, когда она распахивалась. Шурфы, заложенные въ разныхъ мѣстахъ площадки, показали, что толщина культурнаго слоя опредѣлялась его близостью къ валу. Въ ближайшихъ къ валу частяхъ городища встрѣчались по мѣстамъ гладкіе черепки, далѣе не оказывалось никакихъ признаковъ жилья. Результаты моихъ раскопокъ и воспоминанія стариковъ о томъ, что попадалось на городищѣ ранѣе, показали, что Селта-каръ относится къ иной, болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ Сепычъ-каръ и Идна-каръ.

Вернувшись съ городища, я направился назадъ къ Бalezину, для того, чтобы выѣхать на Сибирскій трактъ и осмотрѣть расположенныя вдоль его городища Лэстэмъ и Нимтямъ-каръ (безъимянное городище) въ Буринской волости и Каръ-гуря въ Тольйонской. Нимтямъ-кара мнѣ не могли показать; Лэстэмъ-каръ оказался верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ деревни и формой своихъ укрѣпленій различался отъ Селта-кара. Въмѣсто полукруглаго вала, здѣсь передъ нами былъ высокій (отъ 1 до 2 саж. по перпендикуляру), поросшій деревьями прямой валъ, который прикрывалъ спускающійся къ рѣкѣ мысъ. Пробныя раскопки, произведенныя здѣсь, дали нѣсколько узорчатыхъ черепковъ и кусокъ желѣзнаго шлака. Тольйонскій кар-гурезъ оказался тождественнымъ по устройству съ Лэстэмъ-каромъ и далъ замѣчательное количество разнообразно орнаментированныхъ черепковъ. На обоихъ городищахъ я слышалъ о

курёкахъ, какъ ихъ основателяхъ и поселенцахъ. За Талышскомъ начинается уже Саранулъскій у.

На пути къ Усть-Рѣкѣ мнѣ удалось только свернуть съ дороги изъ Талова на Шарканъ въ Богдановскій починокъ — мѣстный (же) по кладу татарскихъ монетъ. Здѣсь представлялась возможность осмотрѣть и изслѣдовать указывавшее статистиками старинное татарское кладбище и собрать свѣдѣнія объ условіяхъ нахождения монетъ. Крестьяне починка охотно показали мнѣ мѣсто, лежащее у водоема Бигеръ-шаемъ, но произведенныя въ разныхъ мѣстахъ его раскопки узкими траншеями не дали ничего. Что касается клада, то мнѣ показали полосу пашни, на которой онъ былъ найденъ, а сообщая, что монеты были выворочены кучкой и находились, почитаемому, въ какой-нибудь посудѣ.

Изъ Богдановскаго починка я вывелъ только узкій маленький рачникъ, найденный на пашнѣ въ лѣсу за рѣкой ¹⁾.

И. Смирновъ

Семипалатинская обл.

Памятники древности Каркаралинскаго у. 1) Городъ Каркаралинскъ. Въ районѣ городского выгона на урочищѣ „Мутарого“, находится стѣна, сложенная изъ булыжника и известняка. Лягая по равнинѣ, приблизительно, до 4¹/₂ версты, далѣе же она подымается въ горы, гдѣ и теряется среди камней; высота стѣны не одинакова: въ равнинѣ мѣстами доходитъ она до 3-хъ арш., а гдѣ развалилась, она едва приметна. Объ этой стѣнѣ существуетъ слѣдующій рассказъ. Когда въ каркаралинскихъ степяхъ широче подвигались каргизы, вытѣсненныя калмыками, то одинъ изъ завоевателей, по имени Маллай Сары, выбралъ каркаралинскую долину, защищенную большими, почти отвѣсными горами, для своей кочевки, но такъ какъ она была окружена горами только съ трехъ сторонъ, то съ четвертой стороны, гдѣ горъ не было и гдѣ мѣстность была открыта для набѣговъ калмыковъ, онъ построилъ стѣну. Стѣна эта долго служила защитой для жителей долины Маллай Сары и потеряла свое значеніе лишь съ приходомъ въ эти мѣста русскихъ.

2) Стан. Каркаралинскія. Въ районѣ станочныхъ земель найдены въ разныхъ мѣстахъ болѣе 50 кургановъ различной величины, но почти всѣ уже давно разрыты. Давнишній жатокъ Каркаралинск., состоящий

¹⁾ Въ архивѣ Импер. Археологической Комиссіи, 1880 г. № 105.

чиновникъ Бахиревъ, еще недавно, лѣтъ 7—10 тому назадъ, усиленно занимался разрытіемъ этихъ кургановъ и владѣлъ массою древнихъ вещей. Въ районѣ тѣхъ же земель, въ верстахъ 17 отъ станицы, на вершинѣ горы „Мурзучекъ“, какъ-то уцѣлѣлъ одинъ курганъ средней величины, вышности ничѣмъ не замѣчательной, но останавливающей вниманіе тѣмъ, что около него и теперь еще находятъ уздечки, ножи и другія мелкія вещи.

3) Кентскія горы. Эти горы находятся по преимуществу въ районѣ Кентской волости, гдѣ кургановъ и другихъ древностей разбросано много; болѣе или менѣе замѣчательны слѣдующіе:

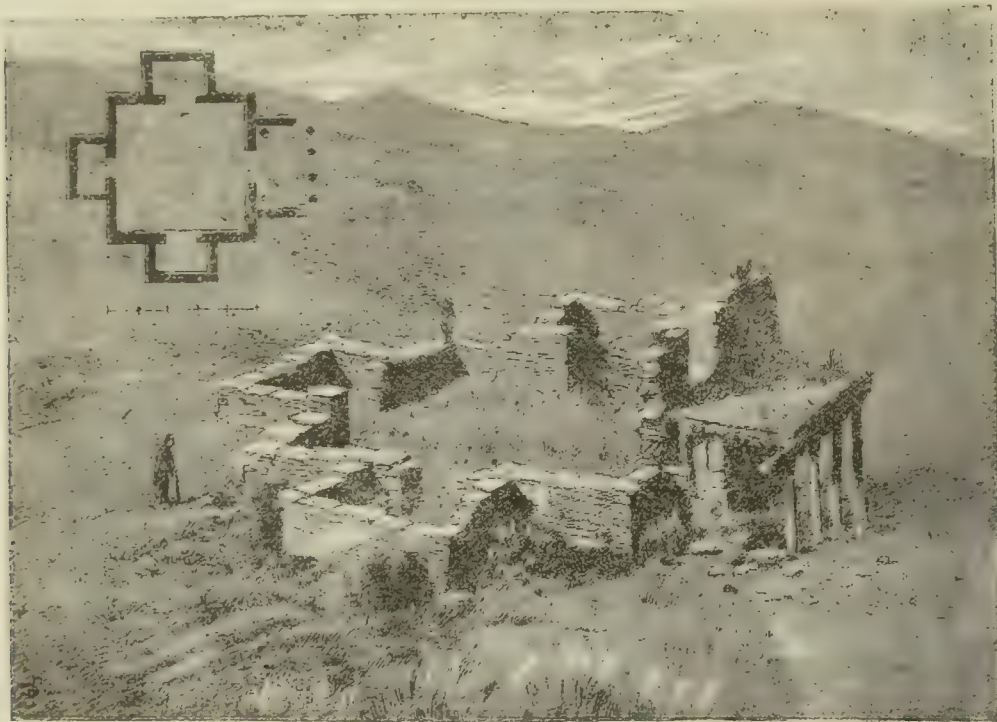

Рис 55.

а) по ключу Кызыль-Кенчъ, въ восточной сторонѣ Кентскихъ горъ имѣется 21 курганъ, формой напоминающіе юрты; часть изъ нихъ большой величины, часть средней. Какъ тѣ, такъ и другіе на вершинахъ имѣютъ или углубленія въ аршинъ и больше глубины или же камни и бабы, съ высѣченными лицами и цѣлыми фигурами.

Вблизи этого же ключа, въ урочищѣ того же названія, имѣются развалины какого-то зданія, по народной молвѣ Кентскаго дворца (рис. 55). Зданіе это небольшое: въ длину и ширину не превышаетъ 5 саж.; съ трехъ сторонъ: съ сѣверной, восточной и западной, къ зданію примыкаютъ небольшія прямоугольныя пристройки, не одинаковой величины. Эти пристройки наружныхъ входовъ не имѣютъ и сообщаются съ главнымъ зданіемъ, каждая порознь, внутренними хо-

дами (дверями), шириною въ 1 арш. 12 верш., а высоту 2 арш. 4 верш. Судить о томъ, были-ли такъ въ пристройкахъ, такъ и въ самомъ зданіи окна, невозможно, потому что стѣны сильно разрушены, и въ настоящее время высоты немнogo болѣе сажени, на восточной южной стороны, гдѣ стѣна достигаетъ высоты почти 8 арш. и въ это пристройки имѣетъ входъ во внутрь. Входъ — шириною 2 арш. и высоту въ 2 арш. 12 верш., устроенъ подъ навѣсомъ. Навѣсъ имѣетъ видъ балкона и поддерживается шестью деревянными столбами, высотой до 4 арш.; два столба расположены у самой стѣны дома, по обѣ стороны наружнаго входа, и поддерживаютъ навѣсъ около стѣны, а четыре — поддерживаютъ навѣсъ съ противоположной стороны, по краямъ: два — на углахъ и два — по серединѣ. На двухъ заднихъ и на четырехъ переднихъ столбахъ положено по бревну, при чемъ подъ бревнами на двухъ наружныхъ угловыхъ столбахъ имѣется фигурныя подстилки; на этихъ бревнахъ, толщиной равной столбамъ, поперекъ расположено 17 жердей средней толщины. Пространство же между жердями заполнено дощечками длиной 5 — 7 верш., шириною $1\frac{1}{2}$ вершка и толщиной въ $\frac{1}{2}$ вершка; концы ихъ стесаны для болѣе устойчиваго положенія на жердяхъ; поверхъ же этихъ дощечокъ, придавивая ихъ, находятся опять жерди, а на нихъ уже каменные плиты, земля и разный мусоръ. Съ обѣихъ сторонъ навѣса видны какіе-то остатки стѣны. Были ли то стѣны такой же пристройки, какъ и въ другихъ сторонахъ зданія, или же ими защищались только подѣлакъ, сказать трудно, какъ раскованно предположить, что навѣсъ этотъ принадлежитъ далекому прошлому, а не ближайшему времени. Внѣ навѣса въ стѣнѣ имѣется окно, а внутри зданія въ той же стѣнѣ на высотѣ 3 арш. 7 верш. отъ земли, выдвигая четыре тонкія балки, — по видимому, не что иное, какъ остатки основанія пола второго этажа. Что это зданіе было двухъ-этажное, говоритъ преданіе и подтверждается отчасти высотой южной стѣны, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ южной стѣнѣ сохранилось окно на высотѣ болѣе 5-хъ арш. Все зданіе съ пристройками сложено изъ каменитыхъ, плохо стесанныхъ плитъ и, какъ можно судить по сохранившимся рѣзкамъ остаткамъ, было снаружы и внутри вымощено глиною. Стѣны сильно разрушены, поросли толщей травой, но и теперь въ некоторыхъ мѣстахъ имѣется толщина 1 арш. 2 верш. Около же самого зданія, въ восточной и западной сторонахъ, видны стѣны какихъ-то разрушенныхъ построекъ, а вѣснго прохода отъ нихъ обнесены жердью, по вѣснму входу не пропускающихъ. Мѣсто это, гдѣ находится Кентевѣ

дворецъ. представляетъ небольшую долину, окруженную почти со всѣхъ сторонъ скалистыми горами. которыя, однако, къ югу становятся болѣе отлогими и образуютъ съ сѣверо-запада проходъ въ долину рѣки Талды. Передъ лицевою южною стороною развалинъ въ саженьяхъ грехъ, четырехъ, имѣется небольшой, весь заросшій камышомъ, прудъ. Въ долину южнѣе пруда растетъ мелкій кустарникъ и изрѣдка небольшія сосны, которыя чѣмъ ближе къ горамъ, растутъ и чаще и гуще, а на горахъ опять рѣдѣютъ и кое-гдѣ лѣнятся по скаламъ. Эта мѣстность вмѣстѣ съ развалинами нынѣ принадлежитъ киргизу Акпаю и находится во владѣніи его рода уже лѣтъ полтораста, а то и больше. По словамъ настоящаго владѣльца, первымъ пришелъ сюда его прапрадѣдъ, по имени султанъ Букуй-ханъ, который, будто бы, дворецъ этотъ засталъ уже оставленнымъ и разрушающимся; но въ ихъ родѣ живетъ еще память о томъ, что домъ этотъ былъ двухъ-этажный и имѣлъ болѣе 20 комнатъ. Дѣдъ же его Джулды-ханъ и отецъ Силъ-ханъ, въ этотъ дворецъ, во время непогодъ, загоняли барановъ. Чѣмъ въ дѣйствительности былъ этотъ домъ, нынѣ сказать затруднительно, пока не будутъ произведены изслѣдованія; возможно лишь установить то мнѣніе, что во всякомъ случаѣ эта постройка не киргизскихъ рукъ, такъ какъ такихъ построекъ у киргизъ не встрѣчается. О самой же постройкѣ существуетъ такая легенда. Во время борьбы калмыковъ съ киргизами, калмыкъ Айда-батыръ полюбилъ дочь (Лауке) Косанъ-Серенъ-хана, но такъ какъ Косанъ-Серенъ-ханъ добровольно свою дочь не отдавалъ за Айда-батыра, то послѣдній укралъ ее, а съ нею увелъ 40 дѣвушекъ и 40 нокеровъ (слугъ). Долго они странствовали въ степи, но тамъ было не безопасно, киргизы уже завладѣли степями и ежеминутно могли напасть на бѣглецовъ. Тогда они ушли въ Кентскія горы, гдѣ и застала ихъ зима; чтобы укрыться отъ холода и бурановъ, Айда-батыръ построилъ себѣ дворецъ и зажилъ въ немъ, не заботясь о будущемъ. Такъ прожилъ Айда-батыръ въ этомъ укромномъ мѣстѣ нѣкоторое время покойно и счастливо. Но когда калмыкамъ въ борьбѣ съ киргизами пришлось очень плохо, братъ Айда-батыра, Тлеуке-батыръ, спасаясь отъ киргизъ, укрылся тоже въ Кентскихъ горахъ, гдѣ и повстрѣчалъ своего брата и сталъ звать его съ собою идти на враговъ. Однако ни увѣщанія Тлеуке оставить Лауке, ни укоры за то, что братъ наслаждается, когда всѣ его сородичи борются за свою жизнь и свободу, ни проклятія—ничего не дѣйствовало на Айда-батыра. Онъ лично былъ счастливъ, а ко всему остальному былъ равнодушенъ; онъ говорилъ: „борьба теперь напрасна, дѣло проиграно, и рано или поздно

смерть, все равно, меня не минуетъ, такъ пусть же она сама придетъ ко мнѣ, чѣмъ самъ я пойду къ ней, а пока еще ся вѣтъ, а пока она далеко, пусть счастье улыбается до послѣдней минуты²... И послѣдняя минута пришла скорѣе, чѣмъ онъ ждалъ ее. Гаеуке возненавидѣлъ брата и, сговорившись съ нокарами, убилъ Айла-батыра. Гаеуке и всѣхъ дѣушскъ, а самъ со своими зоннами и нокарами брата отправился на войну, но былъ побѣжденъ и убитъ. То былъ послѣдній калмыкъ, какъ говорить легенда.

б) по рѣчкѣ Талдѣ. Около урочища Кызыль-Чиликъ существуютъ четыре могилы. Эти могилы насыпей не имѣютъ, а представляютъ площадки прямоугольной формы, средней величины, огражденныя каменными плитами небольшихъ размѣровъ. Такія же могилы встрѣчаются по той же рѣчкѣ, въ мѣстности подъ названіемъ: „Бесъ-оба“. Въ томъ же урочищѣ Кызыль-Чиликъ, близъ дороги въ Каркаралы, имѣются двѣ каменные бабы съ высѣлкой, изображающей лицо.

в) около горъ Кененбай-джалъ (группа Кентскихъ горъ съ восточной стороны) и на урочищахъ Май-уленъ и Кайтасъ тоже имѣются курганы, у коихъ нѣкоторыя вершины съ углубленіями, а нѣкоторыя съ каменными бабами.

г) по ключу Гадыр-оль-кесы, въ западной сторонѣ Кентскихъ горъ — 10 кургановъ, сложенныхъ изъ земли въ прослойку съ камнями и 11 могилъ, подобныхъ Кызыль-Чиликскимъ.

д) на урочищѣ „Бесъ-тамакъ“ имѣются двѣ бабы большихъ размѣровъ, но кургана около нихъ не замѣтно.

е) въ горахъ „Бахтакъ“ (группа Кентскихъ), въ восточной сторонѣ имѣются 4 кургана средней величины, съ углубленіями, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находятся каменные бабы гладкія, безъ высѣлки.

ж) на урочищѣ Кара-кунчей, въ Кентскихъ горахъ, подъ названіемъ: „Карасакатъ-аула“, имѣется пещера, внутри круглая и могущая выстѣть до ста барановъ, входить въ нее съ востока. Такая же точно пещера имѣется въ тѣхъ же горахъ на урочищѣ „Кара-агачъ“, входить въ которую съ вѣсѣ-востока. Третья пещера въ горахъ Гады-Кустасъ, имѣющая внутри нѣтъ огромной веры. Подробности этихъ пещеръ не изслѣдованы.

з) Абралинская волость. Около горъ Абрамы, Мар-мыкы, Джангыль-тау и Джалаулы, расположенныхъ по генеральской дорогѣ изъ г. Семипалатинска въ г. Каркаралыскъ, находятся побольше кургановъ, у которыхъ на вершинахъ замѣтна углубленія, вокругъ же кургановъ

расположены стойкомъ камни, въ видѣ ограды. По этой же дорогѣ расположены сопки Тамгалы-тасъ, на которыхъ находятся нѣсколько большихъ камней съ рѣзными изображеніями.

5) Беркаринская волость. На урочищѣ Сары-улень (сопки Сырыкъ-тасъ), близъ Актавской дороги, находятся два большихъ размѣровъ кургана, на вершинѣ которыхъ имѣются углубленія. Курганы кругомъ обведены рвами. По той же Актавской дорогѣ, на урочищѣ Джаксы-караджаль, существуетъ пещера, внутри которой нерѣдко находятъ серебро-свинцовыя руды.

6) Аксаринская волость. На восточной сторонѣ горъ Аксары, въ долину имѣется курганъ въ окружности до 60 саж. и вышины до 10 саж., вершина кургана круглая, безъ углубленія. Въ той же долині, въ разстояніи отъ перваго кургана около версты, на югъ находится группа каменныхъ кургановъ, вторая группа такихъ же кургановъ находится на восточномъ склонѣ горъ Бала-Кулбалды и третья по рѣчкѣ Талдѣ, ниже урочища Кызыль-джаръ. На урочищѣ же Алтынды-Карасу имѣются слѣды древнихъ рудниковъ.

7) Кызылтавская волость. По рѣкѣ Нурѣ, противъ западной стороны горъ Бугулы, находятся два большихъ кургана, кругомъ окруженные рвами, одинъ отъ другого въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, по прямой линіи отъ сѣвера на югъ. На вершинахъ ихъ есть углубленія. Около же сопки Серекташъ расположены 10 каменныхъ кургановъ, на вершинахъ которыхъ имѣются поставленные стойкомъ камни, безъ надписей и изображеній.

8) Моинтинская волость. Въ этой волости находятся курганы въ большомъ количествѣ по Актавской дорогѣ около горъ Аиртау и весьма замѣчательный по величинѣ на вершинѣ этой горы; по рѣчкѣ Моинты и около горъ Учъ-кызыль; на горѣ же Бурлы-Байталъ, въ группѣ горъ подъ названіемъ Джалгызъ-тау, находится группа кургановъ небольшихъ размѣровъ. Они замѣчательны тѣмъ, что если по вершинѣ какого-нибудь кургана ударить ногой, то внутри слышенъ гулъ; это же наблюдается и въ нѣкоторыхъ курганахъ около горъ Учъ-Кызыль. Кромѣ того, на вершинѣ горы Бурлы-Байталъ имѣются слѣды древнихъ плавокъ, а древніе рудники встрѣчаются въ горахъ Айранъ и Акчалыкъ, по ключу Джилы-булакъ, у сопокъ Джаланды и Учъ-Кара. Въ горахъ Акчалыкъ есть одна вершина, подъ названіемъ „Карабасъ“, въ западной сторонѣ которой при рѣчкѣ Чумекъ находится пещера.

9) Акчатавская волость. Курганы въ этой волости находятся въ долині съ восточной стороны горъ Аиртау, въ сѣверной сторонѣ горъ

Кызыл-Омтекъ и въ восточной сторонѣ горы Токотай. Всѣ эти курганы имѣютъ на вершинахъ углубленія, а мѣсто покрывъ мелкими камнями. Повидимому, большинство этихъ кургановъ разграблено.

10) Нуринская волость. По рѣкѣ Нуртай-узенъ, въ окрестности горъ Курстай и Нуртай, имѣются въ двухъ мѣстахъ каменные курганы, вершины которыхъ окружены камнями; подлѣ кургановъ поставлены каменные бабы съ изображеніемъ человека. По рѣкѣ Нурѣ, у горъ Айлы, тоже имѣется группа кургановъ, а одинъ изъ нихъ отличается своими большими размерами. Про него у киргизъ сложилось вѣрованіе, что въ немъ похороненъ какой-то каиманъ со своимъ богатствомъ, стоимость котораго болѣе стоимости 40.000 лошадей. Киргизы нѣсколько разъ принимались раскапывать эти богатства, но каждый разъ безуспѣшно: кто бы ни начать работы, тотъ вскорѣ умираетъ.

11) Токраунская волость. Съ южной стороны горъ Кызыл-Тасъ имѣются двѣ круглыя постройки, стѣны которыхъ сложены изъ камня и вышиною около 4-хъ аршинъ; изъ центра этихъ построекъ стойкомъ стоитъ камень, вышиною около двухъ аршинъ, съ изображеніемъ человека. У подножій горъ Бетавы есть четыре замѣчательныя могилы, кругомъ которыхъ установлены каменные столбы, числомъ у каждой могилы—18 и болѣе; столбы вышиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 арш. Въ сажняхъ 50 отъ могилъ замѣтны развалины каменныхъ построекъ, числомъ 15. Такія же развалины встрѣчаются и на урочищѣ Кара-менды, а на урочищѣ Кытай встрѣчаются древнія горныя разработки. Въ западной же сторонѣ горъ Бектау-ата существуетъ пещера, входъ въ которую по 4 аршинъ вышиною и до 3 аршинъ шириною, внутри пещера не исследована. Въ районѣ горъ Кенсамъ на отчѣльныхъ камняхъ и на цѣлыхъ скалахъ имѣются на какомъ-то языкѣ надписи и изображенія разныхъ животныхъ. Въ долинѣ рѣки Джолоначъ имѣется весьма странная могила. На совершенно плоской мѣстности поставлены стойкомъ небольшія каменные плиты. Кажется эти установлены такъ, что образуютъ видъ доски, поперекъ которой положены двѣ узкія каменные плиты, на подобіе стамески.

12) Темиртинская волость. Въ окрестности горъ Кызыл-Тасъ и Темирчи существуютъ такія же курганы, какъ и у Кызыл-Таса, около же зимовья киргиза Алтын-Алара, близъ Кокшаксайа горъ, находится большой камень съ надписью на непонятномъ языкѣ.

13) Чубартаевская волость. На сѣверо-западной сторонѣ горъ Кызыл-Тасъ и въ восточной сторонѣ горъ Чубарь-айтыръ имѣются двѣ кур-

гановъ, сложенныхъ изъ земли въ прослойку съ мелкимъ камнемъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ плоскую вершину съ воронкообразными ямами, края которыхъ поросли кустарникомъ, нѣкоторые же, напротивъ, вершину имѣютъ круглую безъ ямъ и камни на этихъ курганахъ больше.

14) Бюрлинская волость. Въ этой волости находятся два кургана: одинъ въ 3-хъ верстахъ отъ южнаго склона горъ Мыржыкъ, а другой на восточной сторонѣ горъ Кызыль-адырь, вблизи рѣчки Ащи-су. Оба кургана средней величины и съ небольшими углубленіями на вершинахъ, кругомъ же обложены камнями и обведены едва замѣтнымъ рвомъ.

15) Кувская волость. На правой сторонѣ рѣчки Терё-Кашканъ, восточнѣе горъ Бесикъ-адырь и западнѣе озера Мурза-коль (на берегу котораго находится могила киргиза Баймуруна), въ 4 верстахъ на юго-востокъ отъ горы Ку, находятся въ разстояніи ста сажень другъ отъ друга, два кургана, сложенные изъ мелкихъ камней съ землею. Одинъ изъ нихъ въ окружности до тридцати сажень и вышиною болѣе 2 саж., а второй въ окружности до 35 саж. и высотой не болѣе сажени. Къ первому кургану съ сѣверной стороны примыкаетъ невысокая ограда, овальной формы, изъ поставленныхъ стойкомъ каменныхъ плитъ. За оградой, ближе къ кургану, имѣются двѣ небольшія насыпи изъ камней, такая же насыпь имѣется внѣ ограды, восточнѣе перваго кургана, при чемъ у послѣдней насыпи тоже видна ограда, но настолько она не высока, что едва замѣтна. Эти насыпи есть, повидимому, ни что иное, какъ курганы, но сложенные исключительно изъ однихъ камней; величина ихъ по окружности не болѣе сажень десяти, а высота не болѣе двухъ аршинъ. По лѣвому, весьма крутому берегу ключа Кызыль-Кенчъ сохранились развалины какихъ-то построекъ, сдѣланныхъ изъ ровно и чисто обтесанныхъ плитъ дикаго камня. Постройки эти, по словамъ киргизъ, возведены еще калмыками, у которыхъ на этихъ мѣстахъ были кузницы или плавильные заводы. Послѣднее предположеніе дѣлается въ виду того, что, лѣтъ сто тому назадъ, около этихъ развалинъ на поверхности земли киргизы часто находили много пережженаго желѣза и шлака, а при раскапываніи въ 60 годахъ холма, лежащаго въ юго-восточной сторонѣ отъ развалинъ, находили посуду изъ обожженной глины, какъ-то: горшки, корчаги, чашки, блюда и разныя изображенія людей и животныхъ.

В. Никитинъ.

Таврическая губ.

Материалы по археологии Евпаторійскаго у. Пространство къ западу отъ Евпаторіи, отъ такъ-называемаго Карантина до Бюкъ-Майнакскаго озера, представляетъ собой чрезвычайно интересное мѣсто для археологическихъ изысканій. Мѣстность эта обнимаетъ пространство длиною около 3-хъ верстъ, шириною въ среднемъ, около 1²/₂ вер., причѣмъ одной стороною расположено по берегу моря, съ другой — примыкаетъ къ Евпаторійскому заливу, съ третьей — къ Бюкъ-Майнакскому озеру и только съ четвертой прилегаетъ къ открытой степи. Такой пунктъ, окруженный съ трехъ сторонъ водою, представлялъ весьма удобное мѣсто для поселенія. Брунъ первый открылъ здѣсь слѣды древняго поселенія. Въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ Евпаторіи, въ углу, образованномъ морскими берегами и лиманомъ Орта (иначе Бюкъ-Майнакское озеро) съ пересыпью, Брунъ, называя эту мѣстность урочищемъ Юртлукъ, помѣщаетъ древнее поселеніе ¹⁾, и указываетъ, что мѣсто это удобно въ стратегическомъ отношеніи и изобилуетъ прекрасной ключевой водою, причѣмъ въ соседствѣ его находятся остатки каменныхъ построекъ и древней черепицы, отчасти засыпанные пескомъ, а также попадаются много монеты греческія и римскія. Не задаваясь рѣшеніемъ вопроса о названіи этого поселенія, такъ какъ рѣшеніе его всецѣло зависитъ отъ успѣха археологическихъ изысканій, замѣтимъ, что указаніе Бруна о нахожденіи здѣсь, кромѣ каменныхъ построекъ, черепицы, чрезвычайно важно.

Далѣе, Кондараки упоминаетъ о находкѣ въ 1867 г., древней гробницы, выложенной чрезвычайно правильно ²⁾, а въ справочной книжкѣ города Евпаторіи ³⁾ сообщается, что на мысу Лодосъ-бурумъ (у Карантина) „были найдены двѣ статуи, изображающія одна грека, другая римлянку“. Куда дѣлались эти статуи (?), а также, что онѣ собою представляли, намъ неизвѣстно, но фактъ находки подобныхъ рода указываетъ, что описываемое нами поселеніе существовало когда-то процвѣтало. Далѣе, если сопоставить разныя старожилскія о немъ:

¹⁾ Которыя назывались Беркинтларъ, Кисилъ-дере, Бутъ, означены эти деревни и приписаны къ мѣсту П. О. Пуранина, который сообщил Беркинтларъ въ 1867 г. переехавъ отъ Евпаторіи, къ Лодосъ-бурумъ озеру. Вѣстникъ, 1868, 2 11, стр. 7.

²⁾ Кондараки, Указательное описание Крыма, т. IV, стр. 11.

³⁾ Шандаровъ Е., Справочная книжка города Евпаторіи.

какъ здѣсь предметовъ древности и даже цѣлой мраморной лѣстницы, то интересъ этого мѣста еще болѣе поднимается.

Первоначальное, древнѣйшее поселеніе вблизи Евпаторіи, пови-
дному, можно отнести къ до-исторической древности, какъ показали
раскопки П. О. Бурачкова (находки кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ ¹⁾),
находки Д. Я. Самоквасова ²⁾, а также мои многочисленныя на-
ходки въ пескѣ наконечниковъ стрѣлъ и различныхъ орудій каменной
культуры.

Находки остатковъ исторической культуры были констатированы
П. О. Бурачковымъ, который въ 1873 г. ³⁾ писалъ, что, „начавъ свои
ислѣдованія отъ Карантина, т.-е. съ оконечности нынѣшней Евпаторіи,
мы почти на каждомъ шагѣ встрѣчали обломки отъ греческихъ амфоръ,
по большей части съ клеймеными ручками. Монеты херсонисскія и
керкинитидскія, находямыя въ этой мѣстности, принадлежатъ періоду
времени, совпадающему съ поступленіемъ Херсониса подъ покровитель-
ство Миэридата“.

Въ 1880 г. Бурачковъ отправился въ Евпаторію съ цѣлью про-
вѣрить свои предположенія и даже произвелъ пробныя раскопки на
всемъ пространствѣ отъ Карантина до Б. Майнакского озера. Около
озера онъ нашелъ „сохранившіеся слѣды фундамента одного зданія,
дающаго возможность опредѣлить не только величину постройки, но даже
направленіе шедшей отъ него улицы, имѣющей въ ширину 3 саж.“ ⁴⁾.
При дальнѣйшемъ описаніи мѣстности, Бурачковъ говоритъ: „при по-
верхностномъ обзорѣниі представляется, что мѣсто существованія посе-
ленія принадлежитъ не одному городу, но тремъ отдѣльнымъ сельби-
щамъ, въ различное время воздвигавшимся. При этомъ является та
особенность, что слѣды вала, окружавшаго это мѣсто, составляютъ
какъ бы одно цѣлое, такъ что валъ служилъ защитой не одного го-
рода, но трехъ селеній, причемъ въ двухъ изъ нихъ, ближайшихъ къ
озеру, и по сю пору видны остатки какихъ-то укрѣпленій изъ камня,
воздвигнутыхъ въ формѣ буквы П, обращенныхъ открытою стороною
къ морю“ ⁵⁾, причемъ замѣчаетъ, что укрѣпленія эти не должны
быть древними, такъ какъ въ нихъ не встрѣчается остатковъ битой
черепицы.

---

¹⁾ Записки И. Одесскаго Общ. Исторія и Древностей, т. XII, стр. 245.

²⁾ Проф. Д. Я. Самоквасовъ, Основанія хронологической классификаціи и
Каталогъ коллекціи древностей, стр. 85.

³⁾ Извѣстія Одесскаго Общ. Истор. и Древностей, т. IX, 122.

⁴⁾ Записки Одесскаго Общ. Ист. и Др., т. XII, стр. 242.

⁵⁾ Тамъ же.

Дѣленіе поселенія вблизи Емпаторіи на три отдѣльных селѣнцъ, какъ это дѣлалъ г. Буратковъ, намъ кажется, судя по тому, насколько намъ извѣстна эта мѣстность, дѣлать нельзя, такъ какъ безъ археологическихъ развѣдокъ подобное дѣленіе ни на чемъ не основано. По вѣдшему же топографическому виду мѣстности, ее дѣлестоятельно можно раздѣлить на три различныя части, но никакъ не на три поселенія (рис. 56).

Первая часть (I), ближайшая къ Емпаторіи, называется отъ Карантина А, простирается на западъ до земснаго вала, окружающаго

Рис. 56

городъ съ одной стороны, и граничить дорогою на Майнаки съ другой. Здѣсь вѣднмыхъ слѣдовъ поселенія никакихъ не сохранилось. Поверхность эта, ближайшая къ морю и Карантину, частью занимаетъ извѣстную, частью, ближе къ дорогѣ на Майнаки и къ валу, черную-емная. Въ этой части находки, какія мы извѣстны до сихъ поръ, были преимущественно погребальнаго характера: находились скелеты, гробницы, погребальныя урны, кратеры, терракоты и пр. вещи, ясно указывающія, что здѣсь было древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ вещамъ, можетъ быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. X. (на языкѣ К). Въ этой мѣстности сосредоточены съ громаднымъ количествомъ бытъя черепки, обломки амфорныхъ рѣчекъ, дѣвнцы, обломки зерной молотковой посуды, а также находится большое количество монетъ, преимуще-

ственно херсонесскихъ съ квадригою и львиною головкой. Здѣсь же была впервые найдена въ 1893 г. монета Керкинитиды, поваго, неизвѣстнаго до сихъ поръ, типа ¹⁾).

Вторая часть (II на планѣ) всего пространства занимаетъ среднюю часть мѣстности отъ Карантина до Б. Майнакского озера и начинается отъ окружающаго городъ вала. Здѣсь песчаная почва уже не встрѣчается, а земля болѣе черноземная. Вся эта средняя часть представляется ровною поверхностью и въ настоящее время застраивается дачами. Въ археологическомъ отношеніи эта мѣстность изслѣдована менѣе другихъ.

Третья часть (III на планѣ) прилегаетъ къ Майнакскому озеру и по своему внѣшнему виду очень рѣзко отличается отъ двухъ предъидущихъ, которыя носятъ характеръ болѣе или менѣе ровный, степной, особенно вторая, средняя часть. Третья часть, ближайшая къ озеру, напротивъ, имѣетъ характеръ поверхности волнистой, покрытой большими возвышеніями, преимущественно песчаными, среди коихъ попадаются котловины съ черноземнымъ грунтомъ и массою битой черной поливной посуды, ручками и разными другими обломками посуды. При изслѣдованіи этихъ двухъ послѣднихъ частей, П. О. Бурачковъ нашелъ „признаки улицъ, показывающихъ, что онѣ направлялись къ самымъ возвышеннымъ точкамъ, представляющимъ въ настоящее время три кургана (на планѣ В), изъ которыхъ самый большой находится вблизи Майнакского озера. Что касается матеріала, служившаго для возведенія этихъ построекъ, то онъ состоитъ изъ мелкаго камня мѣстной породы; тесаный же камень въ количествѣ нѣсколькихъ штукъ отысканъ только на городищѣ вблизи озера, въ фундаментѣ одной постройки, но при этомъ нигдѣ не встрѣчено слѣдовъ скрѣпленія известью или цементомъ“ ²⁾. Далѣе, по словамъ П. О. Бураčkова, кромѣ фундамента, сохранившагося вблизи озера ввидѣ буквы П, „отъ задней стѣны этой постройки тянется рядъ другихъ сооружений, имѣющихъ видъ клѣтокъ (см. на планѣ А). Въ 150 саж. отъ этого мѣста къ востоку видна какъ будто бы крѣпостная стѣна (на планѣ Г), протяженіемъ 70 саж., которую можно принять за стѣну отъ укрѣпленія, потому что на ней, при окончаніи, видны очертанія круглыхъ построекъ, какъ бы башенъ. Слѣды этихъ стѣнъ и развалины башенъ очень легко могутъ быть

¹⁾ Романченко Н., Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи. Археол. Извѣст., 1894, № 1, стр. 9—15.

²⁾ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII, стр. 242.

замѣчены еще и теперь, по массѣ камней, лежащихъ въ опредѣленномъ направленіи* 1).

Что касается слѣдовъ существовавшей водопроводной, то до сихъ поръ ихъ еще не найдено, да, быть можетъ, и не найдется, такъ какъ вблизи озера на самомъ его берегу, гдѣ находится долина, встрѣчается масса прѣсныхъ родниковъ. Сиринхъ кучь, какъ въ Керчи и Ольвии, пока не найдено, и все пространство, особенно ближайшее къ озеру, требуетъ серьезнаго исследования. Мрамора и битой кровельной черепицы пока еще не найдено, несмотря на указанія г. Бруна и увѣренія одного еваторійскаго старожилы, говорившаго намъ, что собственными глазами видѣлъ найденную мраморную лѣстницу и нѣсколько ея ступеней.

Кусочки угля, жженые и черные поливные черепки попадаются довольно часто, особенно въ сосѣдствѣ кургановъ у озера. Тутъ же были найдены нѣтъ терракотныя стѣна, представляющая собою обломокъ задней части загражденной фигуры, другая — женская фигура безъ головы (см. рис. 57). Наконечники стрѣлъ, бронзовыя вещицы и кусочки сплавленной бронзы встрѣчаются здѣсь въ изобилии. Слитки бронзы показываютъ, быть можетъ, на обработку ее на мѣстѣ. Что же касается кургановъ, то г. Вурмаковъ очень замѣчаетъ, указывая на отсутствіе ихъ вблизи Еваторіи. Курганы у Еваторіи попадаются какъ на пространствѣ отъ Карантина до В. Майнакскаго озера, такъ и въ степной части, прилегающей къ этому пространству.

Раскопки, предпринятныя нами на греческомъ поселеніи вблизи Еваторіи въ 1895 г. по предложенію Императорской Археологической Коммиссіи, производились въ двухъ пунктахъ: на первомъ изъ упомянутыхъ участковъ, на землѣ, арендуемой Авахомъ, вблизи Майнакскаго озера (на планѣ Ж). На первомъ пунктѣ раскопки были не

Рис. 57

* См. От. Ольв. Изв. и др., т. XII, стр. 100. Отъѣздъ въ Керчь въ 1895 г. и преемъ Гурьямовъ въ Керчь въ 1896 г.

особенно удачны. Въ виду наноснаго, культурнаго слоя, въ этомъ участкѣ они начаты были сплошною передвигающеюся траншеей, причемъ оказалось, что слой простирался надъ матеркомъ до $1\frac{1}{2}$ арш. и заключалъ въ себѣ много битой черепицы и кусочковъ угля, но археологическія находки тутъ совершенно отсутствовали, за исключеніемъ нѣсколькихъ херсонесскихъ монетъ, наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыхъ небольшихъ слитковъ, двухъ костяныхъ пластинокъ и другихъ мелкихъ вещицъ, повидимому, не очень древняго происхожденія.

Раскопки, произведенныя близъ гробницы, открытой въ 1893 г., дали болѣе благопріятный результатъ. Вблизи и вокругъ этой гробницы земля перекопана была сажени на четыре въ окружности, и здѣсь въ грунтѣ найдены двѣ терракотовыя, плоскія статуетки, изъ коихъ одна представляетъ собою крылатую фигуру съ высокимъ уборомъ на головѣ и совершенно тождественна той, которая была найдена два года тому назадъ на этомъ же мѣстѣ ¹⁾. По характеру работы ее можно отнести къ IV вѣку до Р. Х., и онѣ служили, быть можетъ, украшеніемъ деревяннаго гроба. Вторая плоская терракотта изображаетъ полуфигуру (почти до колѣнъ) одѣтой женщины, которая лѣвой рукой держитъ покрывало, а правой далавастръ. По характеру работы ее можно отнести къ III вѣку до Р. Х. ²⁾. Дальнѣйшія раскопки, ввиду отсутствія находокъ, мы не продолжали, и всѣ рабочіе сосредоточены были ближе къ Біюкъ-Майнакскому озеру.

Въ трехъ верстахъ отъ города, въ $12\frac{1}{2}$ саж. отъ Біюкъ-Майнакского озера и $13\frac{1}{2}$ саж. отъ Майнакской гостинницы имѣлись два небольшихъ возвышенія, изъ которыхъ одно осенью 1894 г. было сравнено при планировкѣ мѣстности, причемъ оказалось, что земля этого возвышенія насыпная, рыхлая, съ многочисленною примѣсью битыхъ черепковъ, амфорныхъ ручекъ, днищъ и пр. Это обстоятельство дало намъ поводъ произвести здѣсь раскопки, которыя увѣнчались счастливыми находками. На глубинѣ не болѣе $\frac{1}{2}$ арш. найдена была плита изъ мѣстнаго раковистаго известняка длиною 57 сант., шириною 41 и толщиною 16, съ изображеніемъ нагого отдыхающаго Геркулеса. Правая рука протянута впередъ и зажимаетъ ротъ головки льва, который

¹⁾ Совершенно такая же фигура принесена въ даръ Имп. Археолог. Коммиссіи въ 1895 г. А. А. Бертъе-Делагардомъ, вмѣстѣ съ другими терракоттами, найденными въ Оеодосіи.

²⁾ Опредѣленіе найденныхъ предметовъ и ихъ времени сдѣланы Г. Е. Кизерицкимъ, которому мы не можемъ не принести своей искренней благодарности за этотъ трудъ.

служить крапом источника. Левая нога вытянута и примыкает къ маленькой подставкѣ, около ступни, такимъ образомъ, какъ будто бы онъ направлялъ струю, изъ закрытаго лѣвою рукой крана источника, на ногу. Правая нога согнута; лѣвымъ локтемъ онъ опирается на угловое возвышеніе, на которомъ высѣчена рельефная сучковатая палица (рис. 58). Что касается самой работы, то она грубовата и въ своемъ родѣ оригинальна тѣмъ, что вся фигура совершенно плоская. Плита эта найдена въ горизонтальномъ положеніи, изображеніемъ вверхъ. Въ 1¹/₂ арш. отъ плиты найденъ дорическій фронтоны, отчасти поломанный (рис. 58). Фронтонъ изъ болѣе плотнаго известняка (синкерманскаго) и гораздо лучше и чище по исполненію, нежели плита съ изображеніемъ Геркулеса. Размѣры его слѣдующіе: высота 20 саж., ширина 48 и толщина въ основаніи 24 сант. Зѣсь же,

Рис. 58.

почти на поверхности земли, найдена была рузка отъ разбитой амфоры

съ исполнымъ именемъ астронома ΠΡΕΔ...
 ...ΜΟΥΝΤΟΥ . Далеѣ, на глубинѣ отъ

поверхности земли вершковъ въ 12 обнаружены фундаменты зданий, за которыми показался цѣлый рядъ такихъ фундаментовъ (рис. 59). Прилагаемый планъ дастъ возможность избѣжать описанія размѣровъ этихъ фундаментовъ. Кладка фундаментовъ, окружающихъ помѣщеніе ж, замѣчательно правильна, съ соблюденіемъ порядки, сложена изъ продолговатыхъ отлично-тесаныхъ мѣстныхъ камней, на извести, которая, впрочемъ, не вездѣ сохранилась (рис. 60). Изъ этого помѣщенія выходятъ двери въ помѣщеніе б, которое имѣетъ видъ прямоугольника, какъ бы соединяющагося съ корридормъ с. Стѣны б оклеены на внутренней своей поверхности въ двухъ мѣстахъ слѣди обоевъ, а вынимаемая отсюда земля была перемѣнена углемъ. На полѣ въ мѣстахъ, примыкающихъ къ тѣмъ частямъ стѣны, гдѣ имѣются слѣды

огня, лежали груды известковых камней. всѣ въ сажѣ и копотѣ, а также были найдены закопченные валуны (числомъ 2), которыхъ въ этой

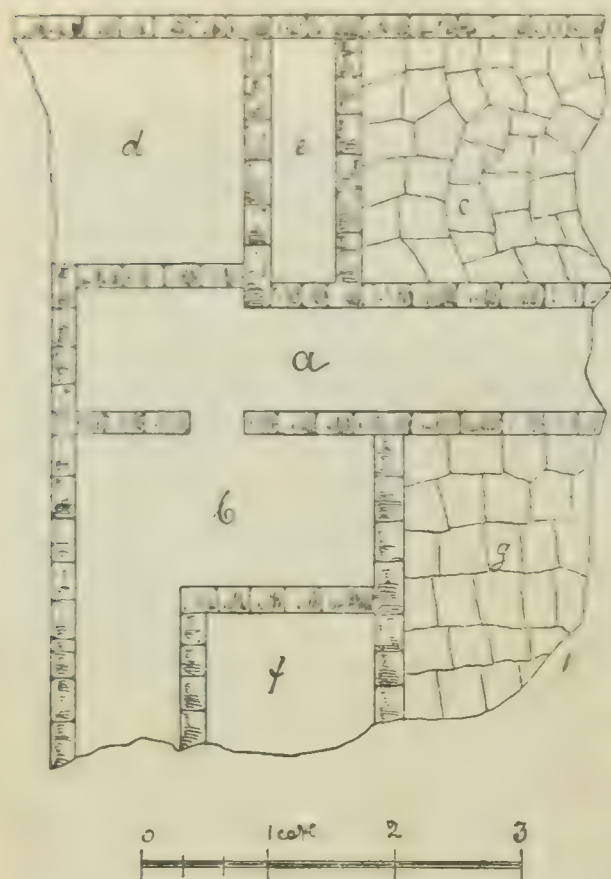

Рис. 59.

мѣстности не встрѣчается и которые были расколоты на 4 части, какъ будто бы отъ сильной жары. Вблизи одной груды закопченныхъ камней, на полу, была найдена большая черепица, въ видѣ заслонки, изъ красной глины съ сильно замѣтными, съ одной стороны, слѣдами дыма и копотѣ. По внѣшнему виду она всецѣло походитъ на тѣ желѣзные щиты, коими замыкаются отверстія русскихъ печей, съ тою только разницею, что у послѣднихъ имѣются ручки, а у найденной ихъ не было (рис. 61). Размѣры заслонки слѣдующіе: длина 60 сант., высота 45 и толщина $1\frac{1}{2}$ сант. Все это даетъ возможность заключить, что здѣсь находилось два очага. Полю описы-

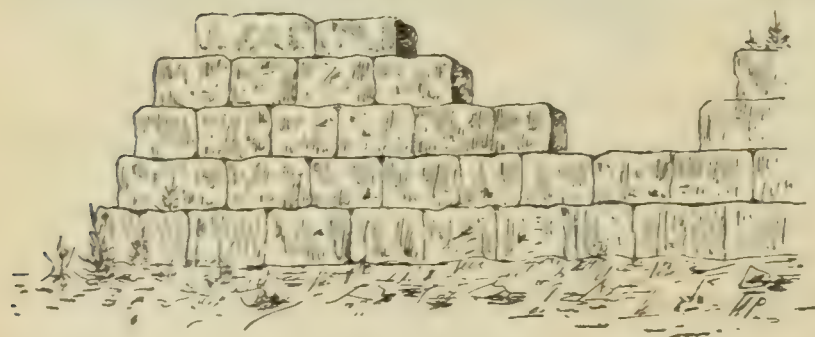

Рис. 60.

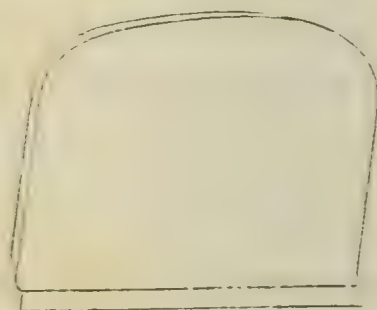

Рис. 61.

ваемого помѣщенія земляной, материкъ и кладка стѣнъ не такая аккуратная, какъ у стѣнъ помѣщенія а; здѣсь же, на полу, недалеко отъ

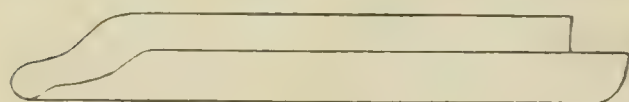

Рис. 62.

заслонки найденъ небольшой черепичный желобъ, изъ красной глины, длиною $14\frac{1}{2}$ в., шир. $3\frac{1}{2}$ (рис. 62). Назначеніе этого предмета намъ неизвѣстно. Такая же

совершенно и того же размѣра вещь была найдена и въ болѣе высокихъ слояхъ. Дальнѣйшая разчистка поля въ помѣщеніи очаговъ показала,

что на поверхности это сосредоточено много разбитых на мелкие части кусков от черной поливной посуды. Также разбитых еще от древности кусков от амфор, их днища и рзла, а также совершенно переторченные черепки. Некоторые из черепков имели весьма правильные профили: на одном из них была выпаравана буква ГГ. Что касается остальных фундаментов, то их расположено видно из прилагаемого плана: под фундаменты *Г* и *В* заложены довольно правильные плиты. Расположения под известным именем показывают, что там идет материковая, исторпугая земля, а под ней залегают известковые скалы.

Нельзя сомнѣнія, что фундаменты эти продолжают на значительное расстояние, такъ какъ мѣстами ихъ можно прослѣдить по поверхности земли.

Сопоставляя эти находки фундаментовъ съ известными намъ данными плановъ, находящихся вблизи озера, но ближе къ морю, и обширными массою черепковъ, между которыми попадаются также предметы различныхъ эпохъ, начиная съ каменной культуры и кончая греческими terra-cottami и бронзовыми обломками статуэтокъ, приходимъ къ заключенію, что у В. Майнакскаго озера существовало съ древнѣйшихъ временъ поселеніе, оставившее по себѣ слѣды и греческой культуры.

Въ виду того, что греки выбирали пункты для поселеній обыкновенно вблизи рѣкъ, моря и бухтъ, а также изъ виду того, что берега Чернаго моря на послѣднія два тысячелѣтія значительно возвысились, мы имеемъ право предположить, что В. Майнакскае озеро (отдѣляемое въ настоящее время косомъ всего въ 10 саж., черпъ которому и теперь въ большія волненія перекатываются волны), соединялось прямо съ моремъ и образовало удобный каналъ, по берегу котораго, а отчасти по берегу моря и было расположено интереснѣшее дася поселеніе, а такъ-быче этого поселенія находились ближе къ городу (въ планѣ В) на первомъ изъ описанныхъ выше участкахъ ¹⁾.

Переходя къ описанію найденныхъ въ разное время на греческомъ поселеніи близъ Елиаторіи предметовъ, разсмотримъ самую группу находокъ отдѣльно.

Памятники эпиграфическіе. Эпиграфическіе памятники по своему значенію имѣютъ первостепенное значеніе, такъ какъ они

¹⁾ Примечая, что описаніе находокъ, даемыя въ прилагаемомъ приложеніи ¹⁾ описаніемъ района, слѣдуетъ отъ себя, а не отъ чужа, и что сами находки, описанные въ приложеніи, являются результатомъ изслѣдованій, проведенныхъ въ 1900 году, а не въ 1901 году.

ставляютъ наиболѣе точныя и опредѣленныя данныя. Къ сожалѣнію, среди находокъ они занимаютъ пока болѣе чѣмъ скромный отдѣлъ, ограничиваясь лишь надписями на амфорныхъ горлышкахъ и ручкахъ.

1) Горлышко отъ амфоры съ надписью

ΒΟΙΤΑΣΙΛΟΥ¹⁾.

2) Надпись на горлышкѣ небольшой амфоры

..... ΣΕ
ΟΑΡΙΣΤΟ
ΚΛΕΟΣ

3) Горлышко отъ большой амфоры съ надписью

ΥΡΙΑΕΙΟΥ
ΣΤΥΦΩ

4) Ручка отъ амфоры изъ красной глины съ именемъ астинома

ΙΡΕΑΛ . . . .
..... ΜΟΥΝΤΟΣ

Памятники нумизматическіе. Изслѣдуемое нами пространство отъ Карантина до Б. Майнакского озера по своимъ нумизматическимъ памятникамъ имѣетъ выдающійся интересъ, такъ какъ освѣщаетъ до нѣкоторой степени вопросъ о древнемъ поселеніи, извѣстномъ подъ названіемъ Каркинитиды или Керкинитиды. Такъ, здѣсь попадаются монеты Керкинитиды²⁾, Херсонеса³⁾ автономнаго періода, рѣже монеты Пантикапеи⁴⁾, Амизуса и еще рѣже Ольвіи⁵⁾, причемъ періодъ времени монетныхъ находокъ заканчивается II вѣкомъ по Р. Х., а именно мѣдными римскими монетами. Монетъ же позднѣйшихъ и херсонесскихъ византійскаго періода пока не встрѣчено.

Всѣ перечисленные нумизматическіе памятники имѣютъ большой интересъ въ виду того, что указываютъ на сношенія евпаторійскаго поселенія съ Херсонесомъ, Ольвіей, Пантикапеей и Амизусомъ, а нахожденіе монетъ Керкинитиды указываетъ, быть можетъ, на сосѣдство этого города и выдвигаетъ вопросъ о Керкинитидѣ. Новѣйшія эпиграфическія данныя подтвердили свидѣтельства древнихъ писателей, что Керкинитиды, Калось-Именъ или прекрасный портъ и „другія укрѣпленія“ находились въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ котораго

---

¹⁾ Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древ., т. XII, стр. 246.

²⁾ По каталогу П. О. Бурачкова, таблица XIII, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, а также см. Романченко Н. Ф., Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи, стр. 5.

³⁾ У П. О. Бурачкова, табл. XIV, 17—20, 21, 25—40, 55, 60, 61, 62, 68, 69—77. Болѣе позднихъ херсонесскихъ не встрѣчалось.

⁴⁾ Тамъ же, табл. XIX, 37, 52, 55, 60, 62, 71.

⁵⁾ Тамъ же, табл. XI, 124, 131.

находится западное побережье Таврического полуострова. Большинство исследователей (Спаский, Брунъ, Врѣшнѣ, Латышевъ и А. В. Орѣшниковъ) пришли къ заключенію о существованіи одной Керкинитиды, а не двухъ, какъ это думали Фридрихъ, Нейманъ, Бурачковъ и Миллеръ, причемъ главнымъ источникомъ ихъ недоразумѣній были §§ 99—101 IV книги Геродота ¹⁾. Хотя мѣстоположеніе вышеупомянутыхъ поселеній еще не определѣно и окончательное рѣшеніе этого вопроса зависитъ всецѣло отъ археологическихъ изысканій, однако новыя археологическія находки, относящіяся къ вышеупомянутымъ городамъ и укрѣпленіямъ, понемногу увеличиваются и даютъ надежду, что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Такъ, въ 1878 г., на Херсонесскомъ городищѣ найдены знаменитый декретъ херсонесцевъ въ честь Діофанта, воеводы Миноридата Императора, а въ 1891 г., гражданская прислуга херсонесцевъ съ упоминаемъ тѣхъ же извѣстныхъ городовъ Керкинитиды, Калось-Лимена и „другихъ укрѣпленій“.

Кромѣ этихъ эпиграфическихъ данныхъ, относящихся къ Керкинитидѣ, Калось-Лимену и „прочимъ укрѣпленіямъ“, имѣются незначительныя свидѣнія историческія, уже сгруппированныя В. В. Латышевымъ ²⁾, а присоединивъ къ нимъ нѣсколько монетъ, принадлежащихъ Керкинитидѣ, описаніе коихъ собраны въ „Матеріалахъ по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья“, изданныхъ А. В. Орѣшниковымъ, мы будемъ имѣть въ рукахъ весь наличный матеріалъ для ознакомленія съ этими интересными греческими поселеніями на Таврическомъ полуостровѣ.

Историческія судьбы Керкинитиды извѣстны очень мало. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, Гекатей Милетскій (540—486 до Р. X.), современникъ Даріуса похода на скифовъ, въ своемъ „описаніи Кероны“ уже знаетъ, что существуетъ „Каркинитъ скифскій городъ“ — Καρκινίτις, Πόλις Σαβδιχί ³⁾. Извѣстіе этого писателя, какъ самаго древнѣйшаго изъ упоминающихъ о Керкинитидѣ, является для насъ само по себѣ крайне цѣннымъ указаніемъ на существованіе Керкинитиды уже въ VI вѣкѣ до Р. X. и опредѣляетъ все по основанію Керкинитиды, то начало тамъ греческаго господства, такъ какъ, по словамъ В. В. Латышева, „одинъ изъ колоній представлялъ собою только расширенный и

¹⁾ Геродотъ въ переводѣ Мачука, т. I, стр. 311—312.

²⁾ См. № 9 Матеріаловъ по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья.

³⁾ Страб. Геог. у С. Миллер, Географическія Вѣдомости Императора Павла, т. 10, стр. 162.

слинизированных населенія, ранѣе принадлежація туземцамъ, другіе могли образоваться постепенно отъ маленькихъ факторій¹⁾.

Это постепенное развитіе греческихъ поселеній на мѣстахъ, уже обитаемыхъ туземцами, и это постепенное образованіе изъ маленькихъ факторій иногда даже цѣлыхъ городовъ, вполне объясняютъ намъ невозможность опредѣлить вообще хронологическія даты основанія большей части колоній, а потому извѣстіе Гекатея о Керкинитидѣ можетъ только приблизительно опредѣлить время возникновенія на данномъ мѣстѣ греческой факторіи или поселенія, т. е. нѣсколько ранѣе конца VI вѣка до Р. Х. Такимъ образомъ, Керкинитиду можно признать однимъ изъ древнѣйшихъ греческихъ поселеній или факторій на сѣверныхъ берегахъ Понта Евксинскаго. Что касается прилагательнаго „скиоскій“, поставленнаго въ извѣстіяхъ Гекатея, то отсюда не слѣдуетъ, что основаніе Керкинитиды возникло именно изъ поселенія скиѳскаго, а тѣмъ болѣе немыслимо предположить, что городъ этотъ былъ скиѳскимъ въ полномъ смыслѣ слова, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій древнихъ писателей о существованіи у скиѳовъ городовъ. Намъ извѣстно обыкновеніе грековъ пользоваться туземными поселеніями для устройства своихъ городовъ, а потому весьма возможно, что поселеніе первоначальное было скиѳское, а затѣмъ уже греки завели здѣсь свою факторію, которую называли Керкинитидой.

Интересно мнѣніе А. В. Орѣшникова, который высказываетъ догадку, что „Керкинитиды, основанная до VI вѣка, могла первоначально служить мѣстопоселеніемъ гераклеѣскихъ колонистовъ, перенесшихъ затѣмъ колонію на болѣе удобный пунктъ“²⁾, указывая въ подтвержденіе этого, „что около того же времени (около 500 г.) считается и основаніе Херсониса гераклеѣцами, хотя никакихъ для этого до сихъ поръ данныхъ еще нѣтъ, и кромѣ того, молчаніе Геродота о Херсонисѣ внушаетъ нѣкоторое сомнѣніе, что городъ въ то время существовалъ и, наконецъ, древнѣйшіе памятники, принадлежащіе Херсонису — монеты — едва-ли восходятъ далѣе IV вѣка, тогда какъ древнѣйшія монеты Пантикапеи (основанной около 511 г.) смѣло могутъ быть отнесены къ началу или половинѣ V вѣка до Р. Х.“³⁾.

Резюмируя изложенное выше, можемъ сказать, что Керкинитиды основана до конца VI вѣка до Р. Х., была первоначально, вѣроятно,

¹⁾ Латышевъ В. В., Изслѣдованіе о государственномъ строѣ города Ольвіи, стр. 12.

²⁾ Орѣшниковъ А. В., Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья, стр. 7.

³⁾ См. тамъ же.

скиоскимъ поселеніемъ, а затѣмъ сѣлалась факторіей тараклейцевъ, которые, быть можетъ, перенесли ее потомъ на болѣе удобный пунктъ, въ Херсонесъ.

Что касается названія Каркинитиды, Керкиавитиды ¹⁾ или Керкинитъ, то, не входя въ этимологическое изслѣдованіе этого слова, замѣтимъ только, что родственныя ему названія встрѣчаются въ греческомъ мірѣ, такъ, напр., Керкина (островъ у малаго Сирта), Керкиастиды (островъ у Лидійскаго берега). Это греческое названіе, первоначально, быть можетъ, скиоскаго поселенія, не можетъ показаться странницею, такъ какъ Людвигъ Бюхнеръ и Реннелъ указываютъ на тотъ важный фактъ, что цѣлый рядъ полуострововъ и мысовъ Понта только отъ эллиновъ получили наименованія ²⁾.

Слѣдующее по времени извѣстіе мы имѣемъ отъ Геродота, который рассказываетъ, что „отъ Истра (Дунай) начинается собственно Скиа, обращенная къ полудню и вѣтру Поту, до города, называемаго Каркинитидой“, и затѣмъ при перечисленіи рѣкъ, текущихъ въ Скиаю, рассказываетъ, что „шестая рѣка Гипокирисъ, которая беретъ начало изъ озера и, протекая среди земли скивовъ кочевниковъ, впадаетъ въ море около города Керкинитиды, оставивъ въправо Подѣсе и такъ-называемый Ахилловъ Вѣсъ“ ³⁾. Кроме того, Геродотъ, при перечисленіи рѣкъ, доступныхъ для судовъ, упоминаетъ также и вышеприведенную рѣку Гипокирисъ ⁴⁾. Такимъ образомъ наши свѣдѣнія о Керкинитидѣ пополняются еще извѣстіемъ Геродота, который говоритъ, что Керкинитиды находилась около впаденія рѣки Гипокириса ⁵⁾ въ море, т.-е. на берегу моря. Какъ бы въ подтвержденіе вышеизложеннаго, мы можемъ видѣть на монетахъ города Керкинитиды съ изображеніемъ лошади, которая помещена здѣсь, по замѣчанію А. В. Орбшниковъ, вслѣдствіе „обычая древнихъ изображать на монетахъ имя города или

¹⁾ Имя города на пѣктергахъ (травѣ) монетъ описано верою и, какъ пишетъ Геродотъ и Страбонъ, а на прочихъ монетахъ, какъ пишетъ другой авторъ и такъ это имя писалось въ пѣктергахъ.

²⁾ Латышевъ въ Изслѣдованіи о государственномъ строе Греческаго Союза, стр. 2. Онъ тамъ не только приводитъ здѣсь мнѣніе барона Якоби, который утверждаетъ Гр. Огюстенъ-Мюльею клады Керкиосъ на стр. 109) одну монету въ виду тѣхъ монетъ, которые Гуде назвалъ названіемъ Карка, Карка, и объясняетъ, что Карка и Каркинитиды, вѣроятно, происходятъ отъ финиційскаго или египетскаго Карка, что означаетъ коню, коня и конюхъ, конитъ городомъ, который, такъ сказать, былъ востроенъ въ конюхъ Карка. Карка, вѣроятно, быть можетъ Керкинитиды была конюхъ финиційская, первоначальною названіемъ, которая торговля скотиною, скотомъ даже въ древности называлась.

³⁾ Геродотъ, кн. IV, § 56.

⁴⁾ Тамъ же, IV, 47.

⁵⁾ Птоломей называетъ эту рѣку Керкинитидою.

рѣки, на которой онъ расположенъ, предметомъ, имѣющимъ по созвучію нѣкоторое сходство съ именемъ города или рѣки“ ¹⁾. Здѣсь лошадь изображена какъ „намекъ на имя рѣки Гипокириса, имѣющее сходство въ звукахъ съ греческимъ названіемъ лошади ἵππος“. Кроме того, на монетахъ Керкинитиды изображена также бородатая, сидящая на скалѣ, фигура человѣка влѣво, опирающаяся лѣвой рукой на скалу и держащая въ правой рукѣ жезлъ, увѣнчаный спорнымъ, въ прежнее время, предметомъ, но теперь объясненнымъ А. В. Орѣшниковымъ, который видитъ въ немъ изображеніе дельфина, а вся фигура, по его мнѣнію, представляетъ рѣчное божество Керкинитиды, подобно другимъ божествамъ рѣкъ, источниковъ, изображенныхъ на множествѣ монетъ древняго міра ²⁾. Такимъ образомъ, съ открытіемъ мѣстоположенія Керкинитиды будетъ также рѣшенъ и вопросъ о руслѣ рѣки Гипокириса ³⁾.

Не перечисляемъ послѣдующихъ историческихъ данныхъ, которыя не сообщаютъ намъ ничего новаго, могущаго хоть сколько-нибудь освѣтить историческія судьбы интересующихъ насъ Керкинитиды, Калось-Лимена (прекраснаго порта), а служатъ лишь данными для опредѣленія мѣстоположенія Керкинитиды и Калось-Лимена. Такъ, напр., въ Цериплѣ Арріана, а затѣмъ уже и у Безъимяннаго, довольно опредѣленно сообщаются разстоянія отъ Херсониса до Калось-Лимена.

Памятниковъ эпиграфическихъ съ именами Керкинитиды, Прекраснаго порта и „другихъ укрѣпленій“ у насъ до сихъ поръ, какъ замѣчено выше, существуетъ два: 1) декретъ въ честь Діофанта и 2) гражданская присяга херсонисцевъ ⁴⁾. Сравнивая ихъ, мы видимъ, что въ III вѣкѣ до Р. Х. Керкинитиды, Прекрасный портъ и „другія укрѣпленія“ принадлежали херсонисцамъ, но впослѣдствіи были взяты у нихъ скиѳами и находились въ ихъ владѣніи и во времена войнъ Діофанта въ Крыму, пока, наконецъ, Діофантъ во вторую войну противъ

¹⁾ Орѣшниковъ А. В., Матеріалы по нумизматикѣ, стр. 9.

²⁾ Орѣшниковъ, Матеріалы по нумизматикѣ, стр. 8 и 9.

³⁾ Въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи (Нейманъ, Десимони, П. О. Бурачковъ и Кречетовъ) пришли къ заключенію, что Гипокирисъ въ настоящее время есть не что иное, какъ Донгузлавское озеро, верстахъ въ 25 къ западу отъ Евпаторіи, которое соотвѣтствуетъ указаніямъ древнихъ писателей (Арріану и Безъимянному) по разстоянію отъ Херсониса, а также и по вѣшнему виду. При посѣщеніи озера Донгузлавскаго не вѣрится, что это озеро,—до такой степени оно походитъ на рѣку.

⁴⁾ «Быть, можетъ еще одинъ памятникъ можетъ говорить о городѣ Керкинитидѣ. Это сосудъ изъ глины съ надписью на шейкѣ $\begin{matrix} \text{ΚΕΡΚΙ} \\ \text{ΝΩΣ} \end{matrix}$. Н. М. Мурзакевичъ, издавшій этотъ памятникъ, принимаетъ ΚΕΡΚΙΝΩΣ за имя гончара Керкиниса, тогда какъ ΚΕΡΚΙ можетъ означать имя города, а ΝΩΣ имя Астинома. Имена мѣстностей на многихъ изъ амфоръ, напр., ΘΑΣΙΩΝ, ΠΑΡΙΩΝ, а ΝΩΣ можетъ быть составлено изъ νοσις (іоническая и дорич. форма вмѣсто νοσις)». Баронъ Кёне, Музей кн. Кочубея, стр. 111.

ихъ (по Ренаку въ 109 г. до Р. Х.) не взять Керкинитиду, „сѣламъ“ и не приступить къ осадѣ Прекраснаго порта, въ это время, однако, Дифантъ былъ отвлеченъ Палакомъ, царемъ скифскимъ, который прѣбывалъ съ соединенными полчищами скифовъ и рекеаналовъ. Пятью или шестью Прекрасный портъ или портъ — неизвестно, но по общему ходу войны В. В. Лагашевъ склоненъ полагать ¹⁾, что Прекрасный портъ былъ взятъ ими. Такимъ образомъ, Керкинитиды въ III вѣкѣ до Р. Х., также какъ и Прекрасный портъ и „другія укрѣпленія“ принадлежали херсонессцамъ, но затѣмъ они подпали подъ власть скифовъ и были подъ ихъ владычествомъ. Когда кончилось это владычество скифовъ надъ Керкинитидою, Прекраснымъ портомъ и „другими укрѣпленіями“ — неизвестно, но есть основаніе предположить, что они были завоеваны Скигуромъ, отцомъ Палака, чему отчасти подтвержденіемъ можетъ служить монета Скигура, съ именемъ города Керкинитиды, о которой упоминаетъ П. О. Бурачковъ въ своей статьѣ о мѣстоположеніи Керкинитиды ²⁾. Такимъ образомъ, судя по этимъ монетамъ, мы можемъ судить, что городъ Керкинитиды находился совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, по отношенію къ завоевателямъ скифамъ, какъ и Ольбія, т.-е. платилъ извѣстную дань, пользовался свободою своихъ учреждений и правомъ чеканить монету.

О дальнейшей судьбѣ Керкинитиды, Прекраснаго порта и прочихъ укрѣпленій мы, за неимѣніемъ данныхъ, сказать ничего не можемъ, развѣ только то, что во II вѣкѣ до Р. Х. Аррианъ, путешествовавшій по Черному морю, называетъ Керкинитиду и Прекрасный портъ — скифскими.

Что касается Прекраснаго порта, который находился также въ предѣлахъ нынѣшняго Евпаторійскаго уѣзда, то возвращаясь опять къ декрету и гражданской присягѣ, мы должны замѣтить, что Прекрасный портъ былъ не только портомъ, но и представлялъ собою укрѣпленный городокъ, такъ какъ иначе Дифанту не пришлось бы его осаждать.

Изъ вышеизложеннаго становится ясно, какой авторъ-съ представляють собою вышеизложенныя древнія повѣствованія Керкинитиды, Калосъ-Лимень (Прекрасный портъ) и „другія укрѣпленія“, съ описаніемъ которыхъ мы должны получить массу новыхъ свѣдѣній объ ихъ исторіи, устройствѣ и пр. До сихъ поръ, въ обществѣ, было очень мало изслѣдователей, которые бы на мѣстѣ занимались изслѣдованіемъ этихъ

¹⁾ Матеріалы изъ Археологіи Россіи, изд. Им. Арх. Комиссіи, № 9, стр. 11.

²⁾ Зап. Одеск. Общ. 1875 г., т. IX, стр. 30, 130, 139.

печелувшихъ городовъ (миѣ извѣстны только Брунъ и Бурачковъ), а между тѣмъ, кабинетными изслѣдователями о мѣстоположеніи Керкинитиды. Прекраснаго порта и пр. написано не мало.

Терракотты. Изъ терракотъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

1) Женская фигура, безъ головы, въ хитонѣ, съ поясомъ и гаматионѣ, высотой 21¹/₂ сант. (см. рис. 57). Греческая терракотта конца IV вѣка до Р. Х. Случайно найдена на городищѣ вблизи озера.

2) Двѣ женскія головки съ покрывалами, IV вѣка до Р. Х., величиною одна 5¹/₂, другая 4¹/₂ сант. (см. рис. 63 и 64), причемъ у одной изъ лицо открыто, а у другой нижняя часть его прикрыта покрываломъ.

Рис. 63.

3) Терракоттовое изображеніе крылатой фигуры, съ высокимъ уборомъ.

4) Плоская терракотта, изображающая полуфигуру (почти до колѣнъ) одѣтой женщины; лѣвой рукой она держитъ покрывало, а правой алавастръ.

Рис. 64.

III вѣка до Р. Х.

5) Кратеръ, частью разбитый. Найдень вблизи дѣтскаго склепа. На немъ изображено ложе, передъ которымъ два стола; на ложѣ покоятся, съ одной стороны, двое, а съ другой — одинъ, полуобнаженные мужчины (ноги покрыты покрывалами), облокотившіеся лѣвыми руками на изголовье и привѣтствующіе входящую молодую женщину; подъ ручкой изображенъ акротерій. На задней сторонѣ кратера представленъ стоящій юноша въ профиль съ непокрытою головой, завернутый въ длинную, безрукавую маптію, одинъ конецъ которой наброшенъ на правое плечо; возлѣ него другая, повидимому, человѣческая фигура, отъ которой уцѣлѣла только нижняя часть. По стилю фигуръ должно полагать, что это художественное произведеніе принадлежитъ концу IV вѣка до Р. Х.

6) Лекиѣ глиняный, высотой около 13 см. съ одною ручкою, съ изображеніемъ палестрической сцены, довольно грубой работы; фигуры черныя по красному полю; подъ горлышкомъ изображенъ пѣтухъ. Лекиѣ этотъ найденъ на глубинѣ 1 арш., въ глинистомъ грунтѣ, совершенно отдѣльно, т.-е. безъ костяка или другихъ какихъ-либо вещей.

Кромѣ вышеприведенныхъ художественныхъ предметовъ, здесь найдено много простыхъ вещей: чашечекъ, урнчиковъ, кувшинчиковъ, амфоръ и прочихъ вещей домашнего быта (рис. 65 и 66), причемъ въ некоторыхъ вещи носили слѣды высоко художественной работы.

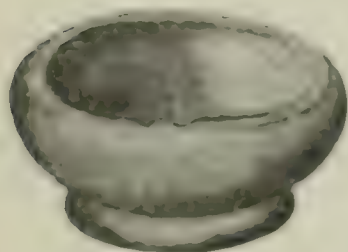

Рис. 65

Рис. 67

Рис. 66

Стекло. 1) Стекланный сосудикъ въ формѣ амфоры съ двумя ручками, расширяющимся горлышкомъ и острымъ дномъ, высотой 10 сант., изъ темносиняго стекла съ разводами голубыми и желтыми.

2) Пронизъ изъ синяго стекла съ изображеніемъ съ двухъ сторонъ бородатой головы. III вѣка до Р. X.

Рис. 68

Рис. 69

Вообще до сихъ поръ стекло попадается очень мало и болѣею частью въ мелкихъ, разбитыхъ кусочкахъ.

Бронза. 1) Ручка, лезвѣнная обломкомъ, обломкомъ отъ статуэтки превосходной работы.

2) Ножка, чудесной работы, обломокъ отъ статуэтки.

3) Бронзовое кольцо съ вырѣзаннымъ изображеніемъ Омфалы, лидійской царицы.

4) Кольцо съ изображеніемъ женщины, III в. по Р. X.

5) Утиная головка, обломокъ, вѣроятно, ручки отъ сосуда.

6) Конекъ, бронзовое украшеніе отъ конской сбруи, варварскаго характера (рис. 67).

7) Бронзовая фибула (рис. 68).

8) Необдѣланныя, плоскія треугольныя наконечники стрѣлъ и масса обдѣланныхъ, трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ (рис. 69) различной формы и величины.

Н. Романченко.

Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ.

Собранныя въ 1873 г. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, по почину проф. Д. И. Самокласова, свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ Европейской Россіи до сихъ поръ являютсѣ наиболѣе полными и систематическими. Вслѣдствіе этого мы предприняли пажѣреніе разыскать непечатанный матеріалъ 1873 г. и, по мѣрѣ возможности, издать его. Уже изданы разными лицами свѣдѣнія по 16 губерніямъ. Изъ остальныхъ губерній свѣдѣнія по одной (Архангельской) находятся въ архивѣ Статистическаго Комитета и по 17—у Д. И. Самокласова; гдѣ находятся прочія, намъ пока неизвѣстно. Д. И. Самокласовъ, по нашей просьбѣ, передалъ намъ матеріалъ по Воронежской и Самарской губ., помещаемый ниже въ извлеченіи, и выразилъ любезную готовность оставить для обработки весь остальной, находящійся въ его распоряженіи, матеріалъ. Въ настоящемъ выпускѣ Трудовъ Русск. Отдѣленія И. Р. А. Общ. помещаемъ также свѣдѣнія 1873 г. по Подольской губ., обработанныя самимъ Д. И. Самокласовымъ и хранящіяся въ архивѣ Импер. Археологической Комиссіи.

А. С

Подольская губернія.

Каменискій уѣздъ. Книгининская вол. Въ этой волости два городища. Первое—въ 2 саж. отъ с. Книгина, по направленію къ с. Рыхтѣ, а второе—въ верстѣ отъ с. Ластовца, на пахатной землѣ помѣщ. Комари, съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ м. Жванца. Оба городища помѣщены на болышенихъ мѣстахъ и первое—на берегу р. Жванчика; со второго городища видны окрестности на вѣскольکو верстъ. Въ окрестности первого городища болѣе 1 000 сажень, а второе свѣтъ въ длину и ширину почти по 10 сажень, высота послѣдняго до 2 аршинъ. Форма первого городища четырехугольная; поверхность его плоская холмистая, поверхность же площади второго городища распах-

вается подъ насыпью. Первое городище съ ю. и з. сторонъ оканчивается высокою, обрывистою скалою. Искусственныхъ, вѣшнихъ укрѣпленій возлѣ этихъ городищъ нѣтъ. Преданій объ этихъ насыпяхъ нѣтъ; находокъ на нихъ не было.

Гавриловецкая вол. *Двѣ земляныя насыпи*, пазываемыя „батареями“ и „шанцами“, при м. Жванцѣ, по дорогѣ въ с. Брагу, на скалистомъ берегу р. Днѣстра. Форма ихъ четырехугольная, вѣздъ съ В. Говорятъ, что одна изъ этихъ батарей устроена во время Яна Ходкевича, великаго маршала литовскаго, а другая по своему происхожденію относится къ 1811 г. Въ центрѣ того же м. Жванца, на скалистомъ обрывѣ, сохранились стѣны съ башнями и погребамъ подъ ними каменнаго замка. Замокъ этотъ представляетъ собою правильный четырехугольникъ и занимаетъ площадь въ двѣ десятины. По свѣдѣніямъ Гавриловецкой волости, замокъ этотъ построенъ въ началѣ XVII в. Калиновскимъ ¹⁾ и нѣсколько разъ былъ разрушаемъ во время стычекъ поляковъ съ турками, а особенно во время Пулавскаго ²⁾

Маковская вол. Городище въ полуверстѣ отъ д. Приворотья, по направленію въ м. Маковъ; помѣщено на высокомъ берегу пруда. Въ длину это городище имѣетъ 190, въ ширину 45 и въ окружности 400 саж. Форма его кругообразная. Поверхность площади ровная, отчасти поросшая лѣсомъ. Городище защищено съ С. и В. рвомъ, а съ прочихъ сторонъ — крутымъ каменистымъ спускомъ, поросшимъ лѣсомъ. Длина рва 200, ширина 8, а глубина его 6 сажень. Вѣздъ съ востока. Городище сохранилось вполне, но преданій о немъ и находкахъ на немъ нѣтъ.

Черчецкая вол. При с. Залучѣ, въ скалахъ, находятся „пещеры“, въ которыхъ и нынѣ находятъ человѣческія кости. По народному преданію, въ этихъ пещерахъ во время монгольскаго ига мѣстное населеніе скрывалось отъ татаръ. Въ пещерахъ ежегодно 12 іюня служится панихида объ усопшихъ, здѣсь почивающихъ.

Кадіевецкая вол. Городище, называемое „батареей“ и „шанцемъ“, въ 40 саженьяхъ отъ черты м. Оринина и въ 10 саженьяхъ отъ крестьянскихъ усадебъ. Помѣщено оно на высокомъ мѣстѣ. Форма его

¹⁾ Извѣстенъ Калиновскій *Мартынъ*, черниговскій воевода и великій коронный гетманъ Польши. Въ 1618 г. дѣйствовалъ подъ Москвой въ войскѣ королевича Владислава; въ 1648 г. бился съ татарами подъ Корсунемъ, а въ 1651 г. съ Брацлавскимъ полковникомъ Нечаемъ подъ Краснымъ.

²⁾ Пулавскихъ было два: *Иосифъ* (1705—1769), принимавшій участіе въ усиліяхъ освобожденія Польши, и сынъ его *Казиміръ* (1748—1778), участвовавшій въ заговорѣ для похищенія короля Станислава.

четыреугольная; поверхность площади ровная, покрытая травой. Длина площади „батарей“ 24, а ширина 18 саж., въ окружности этой насыпи 100 саж. Городище окружено со всехъ сторонъ валою, который отчасти поврежденъ только съ одной стороны. Длина вала въ по 20 саж., ширина ихъ въверху по одной, а внизу по 3 саж.; высота вала въ съ наружной стороны по 4, а съ внутренней по 2 саж. Валу въ 3. Въ 1870 г. некоторые изъ ориинцевъ жителей, при добываніи въ ориинцевской батарее камня, нашли въ ней 7 глиняныхъ сосудовъ. Сосуды эти были цѣлы и имѣли форму четырехугольных ящиковъ небольшого размѣра; они были взяты для домашнего употребленія и шестъ разбитыхъ. Эта находка возбудила въ мѣстномъ волостномъ старшинѣ Мухомовѣ и писарѣ Шведѣ желаніе раскопать это городище съ цѣлю найти что-либо. Раскопка была произведена, и въ батарее, на глубинѣ одного аршина, нашли небольшой глиняный сосудъ четырехугольной формы. Найденъ онъ лежащимъ вверхъ дномъ; внутри его оказалась глина темно-печеноватого цвѣта земля съ примѣсью небольшого количества глины желтоватаго цвѣта. Близъ этого сосуда были найдены кулечики глина, сильно окисшія. Обѣ эти находки, волостное правленіе съѣздомъ о городищахъ и курганахъ, представила въ мѣстный Статистическій Комитетъ. Рассказываютъ также, что около 1870 г. некоторые изъ солдатъ, бывшихъ тогда постоемъ въ м. Ориинѣ, раскапывали городище съ цѣлю найти деньги, причемъ были найдены жемчужескія кости, которыя были оценены известію. Второе городище — „батарей“ — „нанежъ“, въ 110 саж. отъ того же м. Ориинѣ. Нанежъ на полѣ, на ровномъ мѣстѣ. Форма треугольная. Городище окружено со всехъ сторонъ валою, который во многихъ мѣстахъ прерванъ. Перерывы эти служатъ нынѣ проходомъ на площадь городища. Поверхность площади городища неровная, покрытая цѣпью холмиковъ. Длина вала въ 60, а въ окружности батарей 66 сажень. Въ настоящее время поверхность площади городища и окружающее его валы распахиваются погъ постѣмъ.

„Батарей“ въ 202 саженьхъ отъ с. Кадомецъ, помещена на полѣ, на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ. Форма треугольная. Въ длину батарей имѣеть, по валамъ, 70, а въ ширину 60 саж. Поверхность ее въ ровная, на ней находится цѣпъ холмиковъ, идущихъ ломаной линіей отъ одного конца насыпи до другого, самые большіе изъ этихъ холмиковъ имѣють въ длину 7, а въ ширину $2\frac{1}{2}$ саж. Городище обнесено валами, слѣва концы соединяются вышеназванной линіей батарей. Валы въ разныхъ пространствахъ площади валины распахиваются погъ постѣмъ. Холмики

же, находящіеся на поверхности этой площади, сохраняютъ свою первоначальную форму. Находокъ не было. 3 кургана находятся при с. Кадіевцахъ, 2 при с. Фридровцахъ, 1 при с. Пораевкѣ, 2 при м. Ориинѣ и 1 при с. Рѣшницахъ. Всѣ помѣщены на ровныхъ мѣстахъ, въ полѣ. Крестьяне называютъ эти курганы „могилками“, но не потому, чтобы думали, что въ нихъ похороненъ кто, а потому, что курганы эти своей формой напоминаютъ тѣ холмики, какіе образуются на сельскихъ кладбищахъ при погребеніи умершихъ.

Савинецкая вол. На границѣ земель с.с. Савинецъ, Удріевецъ и Томашовки. среди лѣса, находится мѣстность, называемая „Городисками“. Въ длину эта мѣстность имѣетъ до $1\frac{1}{2}$, а въ ширину около половины версты. Другая такая же мѣстность, называемая „Западной“, находится на разстояніи четверти версты отъ м. Фрамполя, въ полѣ. Обѣ помѣщены на низкомъ мѣстѣ. Поверхность этихъ мѣстностей частью вспахивается подъ посѣвы, а частью обращена подъ сѣнокосъ; на второй площади есть впадины глубиною отъ $\frac{1}{2}$ до 2 сажень, кромѣ того, по ней протекаетъ небольшой ручей. Валовъ или рововъ и вообще какихъ бы то ни было укрѣпленій возлѣ этихъ мѣстностей нѣтъ. По преданію, вторая площадь названа „Западной“ потому, что на ней нѣкогда стояло село, которое провалилось. „Могила“ въ верстѣ отъ с. Удріевецъ съ в. его стороны, на полѣ. 2 могилы, тоже на полѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ с. Савинецъ съ в. его стороны. Могилы эти нынѣ распахиваются. Вышина ихъ до 1 саж.

Цыковская вол. Городище, называемое мѣстными жителями „валами“, въ самомъ селѣ Карачковцѣ, на усадьбѣ мѣстнаго приходскаго священника; помѣщено на гористомъ берегу р. Смотрича. Въ длину это городище имѣетъ 90, въ ширину 80 и въ окружности болѣе 300 саж. Форма его кругообразная. Поверхность площади ровная и мѣстами распахивается подъ огороды. Городище окружено валами съ трехъ сторонъ; длина валовъ 194, а ширина ихъ 2 саж. Входа не замѣтно. По преданію, на мѣстѣ с. Карачковецъ стоялъ въ древнія времена городъ, а на этомъ городищѣ была крѣпость, разрушенная во время войны. Говорятъ, что подъ площадью описаннаго городища есть погреба. Около 159 кургановъ съ в. стороны с. Карачковецъ на разстояніи полуверсты отъ него. Изъ нихъ 53 находятся въ 95 саж. отъ дороги, ведущей изъ с. Карачковецъ въ с. Цыкову, а остальные — въ 50 саж. отъ той же дороги. Обѣ эти группы помѣщены на гористомъ мѣстѣ. Значительное количество кургановъ съ з. стороны того же с. Карачковецъ, въ 80 саж. отъ дороги, идущей въ с. Бѣлую. Кур-

ганы эти помѣщены тоже на гористомъ мѣстѣ, на берегу р. Свотрича, на пространствѣ длиною въ 120 и шириною въ 80 саж. 46 курганы съ з. же стороны с. Карачовецъ, въ 300 саж. отъ дороги, ведущей въ с. Вѣзую. Всѣ эти Карачовскіе курганы помѣщены на низкотомъ поляхъ и нѣкоторые, незначительной величины, распаханы. Говорятъ, что при раскопкѣ находили въ нихъ человѣчскія кости, но раскопокъ не было.

Соколенцкая вол. Городище въ 200 саж. отъ с. Малиновца, на высокомъ, каменистомъ берегу р. Дибетра. Въ длину это городище имѣетъ 72, а въ ширину 58 саж. Форма его съ з. — тупообразная, а съ прочихъ сторонъ угловатая. Городище укрѣждено валами и рвами длиною болѣе 200 саженой. Входа два и оба съ з. стороны; ширина ихъ въ 4 аршина.

7 кургановъ находятся при с. Гринчуки, 2 при с. Малиновцахъ, 1 при слоб. Малиновецкой, 6 при с. Соколы, 3 у прииска Можигори, 1 при с. Устьи и 11 при с. Циклонцахъ.

Карабчѣвская вол. Городище въ с. Карабчѣевъ, на усадьбѣ крестьянина Ив. Костока, помѣщено на высокомъ берегу ручья. Длинна это городище въ 25, шириною въ 20, а въ окружности его 90 саж. Форма его четырехугольная. Поверхность площади бугорчатая и съ большими впадинами, а подъ нею, по срединѣ городища, находится каменный погребъ, величиною въ $4\frac{1}{4}$ саж. Часть этой площади занята огородами и постройками. Укрѣпленія не сохранилось. Городище повреждено добытелями камня. Въ предѣлахъ холста есть земляныя насыпи вродѣ кургановъ, но полагаютъ, что онѣ природныя.

Рудавская вол. Дѣлъ батарей при с. Браги. Первая помѣщена на ровномъ полѣ, по направленію къ с. Рудай, а вторая — на берегу р. Дибетра. Первая батарея въ длину и ширину по 200 саж., а въ окружности ея около 800 шаговъ; вторая же имѣетъ въ длину до 150, а въ ширину до 12 саж., въ окружности около 500 шаговъ. Форма первой батареи четырехугольная, поверхность ея площади ровная и распахивается подъ посѣвы. Поверхность площади второй — холмистая, заросшая травой. Первая насыпь обведена валами со всѣхъ сторонъ, а вторая съ з. и с. Входы на первую съ з., а на вторую съ с. В трехъ мѣстахъ на полѣ къ с. Рудай. Одна изъ нихъ длиною до 24, шириною до 11 и вышиною въ 6 саж., по срединѣ ея имѣется впадина, въ діаметрѣ косой до 6 саж. Остальная 5 мотыль клиновъ и шириною почти по 10 и вышиною по 2 саж. 5 мотыль на полѣ къ с. Остричанъ, длина и ширина ихъ тоже по 4 саж., а вышины каждой до

1¹/₂ саж. 2 могилы на поляхъ с. Ходоровецъ; каждая длиною и шириною до 6 и вышиною до 2 саж. 5 могилъ изъ находящихся при с. Рудай и могилы, находящіяся у сс. Островчанъ и Ходоровецъ распахиваются. 2 могилы, на поляхъ, у с. Выснихъ Паневецъ. Первая длиною и шириною въ 10, а вышиною въ 4 саж.; вторая имѣетъ въ длину и ширину 8, а въ вышину 1 саж. Могилы эти поросли травой; на нихъ видны камни. 2 могилы на поляхъ с. Нижнихъ Паневецъ; каждая длиною и шириною до 9, а вышиною до 1¹/₂ саж. 5 могилъ на поляхъ у с. Шутнѣвецъ. Одна изъ нихъ длиною и шириною почти по 12 и вышиною 1¹/₂ саж., а остальные 4 могилы длиною и шириною по 6 и вышиною по 1¹/₂ саж. Могилы, находящіяся въ с.с. Нижнихъ Паневцахъ и Шутнѣвцахъ, распахиваются.

Ольховецкая вол. Городище, называемое „Дивичьемъ“, въ 2 в. отъ с. Голенищева по направленію къ с. Иванковцамъ Проскуровскаго у., въ лѣсу помѣщицы с. Голенищева Людв. Липской. Помѣщено на низкомъ мѣстѣ, надъ р. Збручемъ. Ширина городища 360, а въ окружности его 1.039 шаг. Форма его кругообразная; поверхность холмистая, поросшая лѣсомъ. Городище обведено валомъ и рвомъ съ в., з. и с. сторонъ; длина ихъ по 780 шаг., а ширина по 2 арш. Кромѣ вала, на этомъ городищѣ есть еще какая-то насыпь. Въѣздъ съ С. По преданію, на этомъ городищѣ нѣкогда стоялъ замокъ, въ которомъ какая-то княжна проводила свое дѣвство въ кругу своей прислуги, отчего и замковище это названо „дивичье“. А на склонахъ горы, примыкающей къ этому городищу, по преданію, было расположено въ незапамятныя времена мѣстечко „Звенигора“. На этомъ мѣстѣ нынѣ видны впадины и валяются камни. 14 кургановъ-могилъ въ с. Ольховцѣ. Изъ нихъ одна круглая, имѣющая въ окружности 60 шаг. и въ вышину до 4 арш., находится въ центрѣ села, въ 200 саженьяхъ отъ мѣстной церкви, а остальные 13—въ верстѣ отъ с. Ольховца съ в. его стороны, по направленію къ с. Свиршковцамъ. Могилы эти разбросаны по полю на разстояніи отъ 100 до 500 шаг. одна отъ другой; нѣкоторыя изъ нихъ распахиваются. Могила на разстояніи четверти версты отъ м. Гусятина съ в. его стороны, на ровномъ мѣстѣ. 2 могилы на поляхъ д. Беднаровки, въ 2 в. отъ нея, на ровномъ мѣстѣ. Эти могилы и находящаяся при м. Гусятинѣ распахиваются. 3 могилы, вышиною до 3 саж., въ верстѣ отъ д. Викторовки съ в. ея стороны, на возвышенномъ полѣ. Въ 250 шаг. отъ этой группы при той же д. Викторовкѣ—5 небольшихъ, распаханыхъ могилъ; находятся онѣ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. 5 небольшихъ могилъ въ 2 в. отъ д. Шидловецъ и

въ такомъ же разстояніи отъ кургановъ, находящихся при с. Викторевкѣ. Шидловскія могилы помѣщены съ ю. стороны деревни, на ровномъ полѣ, на разстояніи отъ 60 до 150 шаг., одна отъ другой. При раскопкѣ и распахѣ этихъ кургановъ находили въ нихъ въ прежнія времена: стрѣлы, пули, обломки желѣзныхъ оружіевъ и сабей.

Черноволинская вол. 5 кургановъ при с. Черноволинскѣ и по одному при с. Шустовцѣ, Зенчалѣ и Кудринскѣ. Всѣ эти курганы, кромѣ находящагося при с. Кудринскѣ, помѣщены на сѣв. вершинѣ хребта возвышенностей, на разстояніи отъ одной до 5-хъ в. другъ отъ друга и отъ 3 до 5 в. отъ вышеупомянутыхъ селеній. Расположены они такъ, что съ одного кургана можно видѣть другой. По народному преданію, во время набѣговъ татаръ, курганы эти служили наблюдательными пунктами. Нынѣ они распахиваются, но ничего въ нихъ не находили. Курганы, находящіеся при с. Кудринскѣ, помѣщены у самого села. Въ с.с. Чернокозницахъ и Кудринцахъ находятся развалины замковъ, служившихъ нѣкогда црѣностями.

Жабинская вол. 3 могилы въ 2 в. отъ с. Гукоча, на ровномъ, возвышенномъ полѣ. 5 небольшихъ могилъ въ 100 саж. отъ с. Жабинскъ; помѣщены онѣ тоже на высокомъ полѣ.

Кормилечская вол. Могила въ 120 саж. отъ с. Жерди, на ровномъ, возвышенномъ полѣ. Въ окружности она имѣетъ 40 саж., а въ вышину до 4 арш.

Ушницкій уѣздъ. Проскуровская вол. Городище въ верстѣ отъ с. Проскуровки. Помѣщено въ Проскуровскомъ лѣсу, называемомъ „Замчиско“, на вершинѣ крутой горы, у подношья которой протекаетъ рѣчка Ушка. Въ длину это городище имѣетъ $\frac{1}{2}$ в., а въ ширину $\frac{1}{4}$ в., въ окружности $1\frac{1}{2}$ в. Поверхность площади частью заросла лѣсомъ, а частью распахивается подъ посѣвы. Въсѣтъ описываемаго городища сохранились земляныя укрѣпленія. Входъ на городище не замѣтенъ. Преданій объ этомъ городищѣ нѣтъ; что же касается раскопокъ и находокъ, то нѣкоторые изъ крестьянъ с. Проскуровки, 10 лѣтъ тому назадъ, производили раскопку этого городища въ той его части, которая заросла лѣсомъ, при чемъ найдены были желѣзные ножовы, топори и кости части руки. При распахѣ этого городища нашли также чело-вѣческій черепъ. Крестьяне говорятъ, что если дойти до городища, то попадется какая-то жесуя, кости и харины съ жемчужинами. Персдають, что въ томъ же лѣсу, близъ городища, находится игофера, по мѣстоименованію это неопредѣленно.

Камоская вол. Городище близъ с. Ружинцевъ, на гористомъ

берегу р. Дибстра. Длина и ширина его по $\frac{3}{4}$ в.; форма кругообразная; поверхность площади ровная, мѣстами усѣянная камнями; часть этой площади занята постройками, часть распахивается, а часть (каменная) служить пастбищемъ. Городище окружено со всѣхъ сторонъ валомъ длиною въ 2 в., шириною въ 10 саж.; валъ сохранился вполнѣ. Въѣздъ съ В. и З. Преданій о происхожденіи этого городища въ народѣ нѣтъ.

Ольховецкая вол. Городище-замчище возлѣ самой деревни Мацюрской, на косогорѣ. Городище занимаетъ площадь болѣе 6 дес. Изъ представленнаго чертежа видно, что это городище, съ одной стороны, имѣетъ форму четырехугольника, а съ противоположной стороны очертанія его идутъ въ видѣ дугъ, такъ что съ этой стороны описываемое городище принимаетъ форму крюка. Поверхность площади поката и пересѣкается двумя ручейками. Возлѣ этого городища сохранились валы и рвы. Часть площади городища занята крестьянскими усадьбами. Насыпь эта повреждена. По преданію, городище это построено Буянкомъ Шолудивымъ. Раскопокъ и находокъ на этой насыпи не было, но при распащкѣ земли возлѣ этого городища находятъ стрѣлы.

Зелено-Куриловская вол. Въ 3-хъ в. отъ с. Зеленыхъ-Куриловецъ, по направленію къ с. Лоевцамъ, сохранилось множество ямъ, называемыхъ народомъ „городищами“. Въ 2 в. отъ с. Вахневцеъ, по направленію къ заштатному городу Старой Ушицѣ, сохранились такія же ямы, какъ и при с. Куриловцахъ. Въ 4 верстахъ отъ с. Пижовки, по направленію къ тому же городу—Старой Ушицѣ, находится городище. Вышеозначенныя ямы при двухъ селахъ и городище при с. Пижовкѣ помѣщены на возвышенностяхъ, изъ коихъ у подошвы первой протекаетъ безыменная рѣчка, у подошвы второй—ручей Гнилячка, а у подошвы горы, на которой помѣщено Пижовское городище, протекаетъ р. Ушица. Длина площади Куриловецкаго городища 230, ширина 60, а въ окружности 488 саж.; длина площади, занимаемой ямами при с. Вахневцахъ 115, ширина ея 57 и въ окружности 319 саж., длина же площади Пижовскаго городища 90, ширина 31 и въ окружности 150 саж. Форма первыхъ двухъ площадей — кругообразная, а третьей — треугольная; поверхность первыхъ двухъ площадей заросла лѣсомъ, а площадь Пижовскаго городища ровная и распахивается подъ посѣвы. Ямы, находящіяся при с. Куриловцахъ, защищены съ В. спускомъ, а съ Ю. и С.—большою каменною горою; Вахневцкія ямы защищены съ Ю. каменною горою, городище же, находящееся при с. Пижовкѣ, укрѣплено съ З. валомъ, а съ С. и Ю. — большою каменною

городъ Вѣзгъ на Бахневцѣхъ имъ съ С., а на Куряновцѣхъ и Пажовское городище — съ З. Вокругъ этихъ вѣстовыхъ есть земляныя насыпи въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ нынѣ на кладбищахъ. Находятъ не было, только ближе Бахневцѣхъ тѣхъ, при разнашѣ, находятъ какіе-то „бузжичіе черенки“, называемые здѣсь „попелюшками“. При с. Зеленыхъ Куряновцахъ, въ урочищѣ „Планица“, на высокомъ мѣстѣ, поросшемъ дѣсомъ, находится 3 древнія насыпи, называемыя народомъ „валами“. Между этими валами есть колодезь, въ которомъ, по преданію, разбойниками спрятаны деньги. В древнія земляныя насыпи, называемыя „могилами“, при с. Шебутинцахъ, на выскомъ полѣ. Одна изъ этихъ могилъ распахана, а остальныя, какъ и вышестоящія, сохранились въ цѣлости. Находятъ не было.

Муровано-Куряновская вол. Городище въ верстѣ отъ с. Дерешевой, по направленію къ с. Посухову. Городище это называется народомъ „Замчискомъ“. Помѣщено оно на холмѣ, у подножія котораго протекають рѣчки: съ в. стороны Желѣ, а съ з. — Гереблѣ; рѣчки эти съ южной стороны городища сливаются въ одну. Длина городища 120, ширина 30 и въ окружности около 300 саж.; оно имѣетъ форму растянутаго круга. Площадь городища обращена почти съѣнокось; поверхность его ровная, раздѣленная валомъ на двѣ части. Городище окружено со всѣхъ сторонъ валомъ, длиною въ 300 саж., а шириною въ 2 арш. Входы въ городище два: первый на юго-восточномъ мѣстѣ, съ Ю., а второй низкій — съ В. Одна „древняя могила“ вышиною до 2-хъ саж. въ 300 саж. отъ с. Дерешевой, на помѣщичьемъ полѣ. Могила эта въ 40-хъ годахъ была раскопана Державинымъ помѣщикомъ Александромъ Комаровымъ, но въ ней ничего не нашли.

Куческая вол. Городище въ 2-хъ в. отъ с. Куча, по направленію къ с. Ильяковцамъ. Помѣщено на террасѣ горы. Городище имѣетъ форму круга, въ диаметрѣ косого 14 саж.; въ окружности городища 42 саж. Поверхность ровная, поросшая дѣсомъ. Городище обнесено со всѣхъ сторонъ рвомъ, длина всего 42 саж., а ширина 1½ арш. Входы съ С., но не входы сохранились. Городище отчасти поросло дождевыми деревьями. Насыпь эта, по преданію, служила вѣстою сѣверскимъ кладбищемъ, на которомъ хоронили сѣверскіе, умеревшіе отъ чумы, отчего оно называется нынѣ „Сѣверскимъ обывальникомъ“. В курганахъ при с. Кучѣ, Курганъ при с. Пещѣ. Всѣ они помѣщены на полѣ и первые три раскопаны.

Михаловская вол. Двѣ „каменные бѣлѣны“ съ с. Суворовкиныхъ, на горѣ, близъ помѣщичьей дома. Одна изъ этихъ бѣлѣнъ

ныиъ полуразрушена, а другая цѣла, и въ ней устроены помѣщикомъ хлебный магазинъ. Могила на крестьянскомъ пахатномъ полѣ при с. Блищановкѣ. На вершинѣ ея есть ныиъ впадина; на этой насыпи стоитъ ныиъ небольшой каменный крестъ.

Студеницкая вол. 7 древнихъ могилъ въ верстѣ отъ с. Бодачовки, на возвышенномъ, открытомъ полѣ. Одна изъ нихъ имѣетъ въ вышину 18, а въ окружности 138 арш. На вершинѣ ея есть впадина глубиною въ 4 арш. Остальныя 6 могилъ поменьше предыдущей и распахируются. 15 древнихъ могилъ съ другой стороны того же с. Бодачовки, въ верстѣ отъ него и въ 1^{1/2} отъ вышеописанныхъ могилъ; помѣщены онѣ на ровномъ возвышенномъ полѣ. Изъ нихъ 6 бѣльшихъ имѣютъ въ вышину по 13, а въ окружности по 90 арш.; на вершинахъ ихъ есть небольшія впадины.

Стругская вол. 2 могилы при с. Стругѣ. Изъ нихъ одна, большая—въ урочищѣ „Великое поле“, а другая средней величины — въ урочищѣ „Побитомъ“. 6 могилъ при м. Заимховѣ; изъ нихъ 4 въ урочищѣ „Ксенжи“, а 2 подъ лѣсомъ Ксенжимъ. Говорятъ, что въ этихъ могилахъ похоронены умершіе отъ чумы.

Солобковецкая вол. 4 насыпи, называемыя народомъ „могилами“, на пахатныхъ поляхъ м. Солобковецъ; форма ихъ кругообразная; въ окружности основанія по 20 саж. По преданію, подъ этими могилами похоронены убитые во время сраженія казаковъ съ поляками, назадъ тому около 200 лѣтъ. Рассказываютъ, что одинъ крестьянинъ м. Солобковки нашелъ въ этихъ могилахъ при распашкѣ штыкъ и шпоры.

Проскуровский у. Кузьминская вол. Городище, называемое народомъ „Замчиськомъ“, въ 3 в. отъ м. Кузьмина, по направленію къ с. Останковцамъ, въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ, въ 30 саж. отъ р. Смотрича. Длина городища 40, ширина 28 и въ окружности 114 саж. Форма его кругообразная. Поверхность ровная, совершенно заросшая лѣсомъ. Городище окружено ровомъ и насыпнымъ валомъ. Въѣздъ съ С.-В. По преданію, на площади городища стоялъ нѣкогда замокъ, который неизвѣстно когда и кѣмъ былъ построенъ и когда и кѣмъ разрушенъ.

Фильштынская вол. Городище въ чертѣ м. Фильштына, на возвышенномъ мѣстѣ, на землѣ причта мѣстнаго костела. Длина городища 96, ширина 64, а въ окружности 326 шаг. Форма его четырехугольная. Поверхность площади ровная, занятая частью жилыми постройками, частью садомъ и огородомъ. Городище окружено полураз-

рушившимся валомъ длиною въ 340, а шириною въ 6 шаг. Вала по-прежнему добываютъ глину и песокъ. Кроме вала, горюшко замѣчено съ ю. спускамъ горы, на которой оно помѣщено. Глины въ В. и З. „Могила“ въ верстѣ отъ м. Филиппина, на крестьянскомъ полѣ, при дорогѣ въ с. Хмѣляву. Могила при с. Добротурѣ, на помещичьемъ пахотномъ полѣ. 2 могилы при с. Хмѣлявѣ, на помещичьемъ полѣ. Изъ этихъ могилъ только первая сохранилась въ цѣлости, а остальныя три распаханы.

Юрицкая или Батарей, называемая народомъ „Замчискомъ“, въ м. Сатановѣ, на высокой каменистой горѣ, въ 100 саж. отъ р. Збруча. Въ окружности батареи 80 саж.; форма ея кругообразная; поверхность площади ровная. Батарея эта некогда была обнесена кирпичною стѣною изъ дикаго камня и насныннымъ валомъ изъ стѣны. Часть этой стѣны сохранилась донынѣ съ сѣверной стороны камня, вышиною до 10 саж. и толщиною въ 3 арш. По сторонамъ этого облома стѣны сохранились остатки двухъ башенъ съ отверстиями для орудий. Такая же часть стѣны сохранилась съ восточной стороны съ башней и въ ней воротами. Кроме того, съ ю. стороны батареи сохранилась высокая круглая башня. Длина ваза, окружающаго батарею съ внѣшней стороны стѣны, 80, а ширина 4 саж. Подъ восточною башней и подъ площадью „Замиска“ сохранились погреба, которые, какъ полагаютъ, служили некогда пороховымъ складомъ. Мѣстные старожилы рассказываютъ, что этотъ замокъ построенъ въ послѣднія времена какимъ-то польскимъ городомъ, для защиты отъ нападеній турокъ. Передаютъ также, что когда-то и все м. Сатановъ было обнесено такою же каменною стѣною съ двумя башнями и большими въѣзными воротами въ нихъ. Одна изъ этихъ башенъ находилась съ с. стороны мѣстечка, а другая—съ ю. Последняя башня сохранилась донынѣ и прикрыта крышей. Стѣну, окружающую м. Сатановъ, и восточную башню около 1817 г. помещикъ Александръ Потоцкій употребилъ на постройку частью пивовареннаго завода, частью церкви въ с. Покровѣ, а частью на постройку несколькихъ домовъ. Что касается каменнаго въ замкѣ, то рассказываютъ, что въ 1863 г., во время польскаго мятежа, когда русскіе войска расположились въ этомъ замкѣ, солдаты выкопали здѣсь нѣсколько таринскихъ серебряныхъ монетъ. Въ 60-хъ гг. въ центрѣ м. Сатанова, при добываніи глины, находили большой серебряный колоколъ съ латинскою надписью: „Tu Deus laudamus 1808 anno“ Колоколъ этотъ выкопанъ въ желѣзной рудно-каменнско-ской доломитѣ. 1 фурманскъ „могила“ въ 3 в. отъ с. Спасова.

Народное преданіе говоритъ, что во время нападенія турокъ и татаръ на м. Сатановъ жила здѣсь вдова; она имѣла семь сыновей, которые были предводителями семи отдѣльныхъ отрядовъ. Въ сраженіи съ турками и татарами всѣ эти семь братьевъ пали, ихъ здѣсь похоронили и надъ каждымъ насыпали по кургану. „Большая могила“ въ 3 в. отъ с. Иванковецъ съ ю.-в. его стороны. Насыпь эта, по преданію, во время нападеній турокъ служила наблюдательнымъ пунктомъ,—на ней сидѣлъ съ флагомъ часовой, который, замѣтивъ приближеніе непріятеля, наклопеніемъ въ извѣстную сторону флага, давалъ знать окрестнымъ жителямъ, куда они должны убѣгать. Между м. Сатановымъ и сс. Юринцами и Покровкою, съ в. стороны мѣстечка, на выгонѣ, стоитъ большой каменный столбъ, а на немъ каменная статуя, представляющая Спасителя. Одни говорятъ, что столбъ поставленъ на мѣстѣ казни, когда м. Сатановъ управлялось на Магдебургскому праву, а по словамъ другихъ, въ томъ числѣ и мѣстнаго духовенства, подъ этимъ столбомъ погребены тѣла воиновъ, павшихъ во время одного изъ сраженій съ турками. Какой націи были эти войны, преданіе не говоритъ, но надо полагать, что польской, потому что памятникъ этотъ, по преданію, построенъ бывшимъ владѣльцемъ м. Сатанова, короннымъ гетманомъ Антономъ Синявскимъ. При рытѣи рва возлѣ этого столба открыты были человѣческія кости. Черезъ сс. Зверховцы и Юринцы проходитъ „валъ Траяна“. Валъ этотъ сохранился вполнѣ только въ с. Зверховцѣ, а часть его, идущая изъ с. Зверховца въ с. Юринцы, повреждена отъ проведенія на ней проселочной дороги между этими селами.

Кременнянская вол. Земляной насыпной валъ въ 2-хъ в. отъ с. Кременны, на границѣ земель с.с. Кременны и Лисоводѣ. 3 „могилы“ при с. Кременнѣ. Изъ нихъ двѣ въ 2 в. отъ села и помѣщены на поляхъ крестьянъ. Обѣ эти могилы имѣютъ въ длину по 12, а въ ширину по 8 саж. и распаиваются. Третья могила находится въ 1½ в. отъ с. Кременны; длина ея 5, а ширина 3 саж. Всѣ три могилы помѣщены на высокихъ мѣстахъ и имѣютъ четырехугольную форму. „Могила“ на разстояніи около версты отъ д. Новоселки, на высокомъ мѣстѣ. Форма ея четырехугольная; въ длину она имѣетъ 7, а въ ширину 5 саж. На вершинѣ этой могилы есть впадина. 2 могилы почти въ верстѣ отъ с. Бедриковецъ, на высокомъ мѣстѣ; форма ихъ четырехугольная; первая имѣетъ въ длину 7, въ ширину 6 саж., а вторая длиною въ 9½ и шириною въ 7½ саж. Одна отъ другой на разстояніи 120 шаг.; на вершинахъ этихъ насыпей есть впадины.

Куровская вол. 3 могилы при с. Мартинковцах, на крестьянских полях. Из них одна въ 30 шаг. отъ дороги, идущей изъ с. Мартинковецъ въ м. Сатановъ, а остальные двѣ — въ 100 шаг. отъ дороги, идущей изъ с. Гречанной въ м. Сатановъ. Могила при с. Куровкѣ въ урочищѣ „Зрубъ“, въ лѣсу помещика, въ 60 шаг. отъ дороги, идущей изъ с. Забичевъ въ м. Сатановъ. Могила при д. Вубновѣ на помещичьей землѣ, въ урочищѣ „Могиликъ“.

Хоминская вол. 3 могилы при с. Немировичахъ, двѣ большія и одна малая. Изъ нихъ двѣ въ самомъ селѣ, на высокомъ мѣстѣ, а третья въ 4 в. отъ села, на полѣ, близъ Немировичской корчмы. Могила въ 1½ в. отъ с. Хоминъ, на высокомъ полѣ. Большая могила въ 3 в. отъ с. Большихъ Гелетинъ, на возвышенномъ полѣ. Могила въ 3 в. отъ с. Ланковецъ, на возвышенномъ мѣстѣ, въ полѣ.

Баламутовская вол. Въ этой волости 2 кургана. Изъ нихъ 4 при с. Баламутовѣ, по два при с.с. Михалковцахъ и Карповцахъ и одинъ при с. Ружичанкѣ. Всѣ они помѣщены на поляхъ, кромѣ двухъ, изъ коихъ одинъ находится въ с. Баламутовѣ, а другой въ с. Карповцахъ, въ лѣсу. Изъ этихъ кургановъ одинъ только, находящійся при с. Ружичанкѣ, помѣщенъ на высокомъ мѣстѣ.

Олексинская вол. 4 кургана на полѣ, на ровномъ мѣстѣ, при с. Скажицахъ, близъ дороги, идущей изъ с. Скажицы въ с. Седобковцы мимо корчмы, называемой Ланановкою.

Малинская вол. Курганы при с. Волицкахъ, на полѣ, близъ лѣса. Курганы при с. Волицѣ на полѣ, близъ дороги и лѣса. Курганы на полѣ при д. Режулинцахъ. Эти три кургана помѣщены на высокихъ мѣстахъ. Курганы при д. Климовцахъ среди поля на ровномъ мѣстѣ. Всѣ 4 курганы называются крестьянами „могилами“; были-ли они когда раскапываемы, неизвѣстно, но курганы, находящіяся при с. Волицѣ и д.д. Климовцахъ и Режулинцахъ, раскапывались, причемъ въ первомъ изъ нихъ находили кости.

Бубновецкая вол. 3 кургана въ 2-хъ в. отъ с. Бубновка на полѣ помещика с. Бубновка Тодко, близъ дороги, идущей въ с. Пахутицы, на высокомъ мѣстѣ.

Тарновская вол. Курганы въ 1½ в. отъ д. Соломной съ ю.-в. стороны, на полѣ въ урочищѣ „Добры“. Курганы этого мѣста въ вышину до 2, а въ окружности 44 саж.; вершина его плоская. Курганы сохранились вполне. Курганы въ 3-хъ в. отъ д. Забичевъ съ ю.-в. стороны, на ровномъ полѣ. Курганы этого мѣста въ вышину не болѣе 1 сажени, а въ окружности 18 саж.; сохранились вполне.

Летичевскій уѣздъ. Бахматовецкая вол. Три городища, изъ коихъ первое, называемое „Замчищемъ“, находится возлѣ с. Теремовецъ, между садами, на возвышенномъ берегу ручья; второе, называемое также „Замчищемъ“, въ верстѣ отъ с. Теремовецъ, по дорогѣ въ с. Бахматовцы, на ровномъ мѣстѣ, а третье — почти въ 2 в. отъ с. Нархомовецъ, по дорогѣ въ м. Меджибожъ, на высокомъ холмѣ. Въ окружности перваго городища 110, второго 100, а третьяго 376 саж. Первые два городища имѣютъ форму правильнаго круга, а третье — форму полукруга. Въ чертѣ третьяго городища (второй валъ?) есть окопъ, въ окружности коего 105 саж.; разстояніе между валомъ этого окопа и очертаніями городища 32 саж. Поверхность площади перваго городища ровная; она выше уровня окружающей мѣстности въ иныхъ мѣстахъ на $1\frac{1}{2}$, а въ иныхъ на $1\frac{1}{2}$ саж. Площадь этого городища занята частью огородомъ, а частью фруктовымъ садомъ. Площадь второго городища ровная, занятая фруктовымъ садомъ. Поверхность третьяго городища поросла лѣсомъ; площадь его опускается къ З. въ видѣ террасы. Въ серединѣ этого городища, именно въ чертѣ окопа, есть лисьи норы и другія впадины. Внѣшнія укрѣпленія возлѣ перваго городища не сохранились. Второе окружено со всѣхъ сторонъ валомъ шириною въ 3 и ровомъ шириною въ $1\frac{1}{2}$ саж.; валъ этотъ съ ю. стороны едва замѣтенъ. Возлѣ третьяго городища сохранился валъ только съ в. стороны длиною въ 56 саж., а ширина его, равно какъ и внутренняго, т.-е. вала окопа, 3 саж. Кромѣ того, городище это защищено съ ю. стороны оврагомъ, а съ з. и с. болотомъ. Въѣздъ на первое городище не сохранился, на второе — съ З., а на третье, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ валу, съ В.

Домско-Коричинецкая вол. Три городища, изъ коихъ первое находится въ верстѣ отъ с. Згарка, по направленію къ с. Домскимъ-Коричинцамъ, второе — въ полуверстѣ отъ колоніи Старозакревскаго Майдана, по направленію къ с. Козачкамъ, а третье — въ Волковинецкихъ хуторахъ, на разстояніи 5 в. отъ с. Волковинецъ, по направленію къ Старозакревскому Майдану. Помѣщены эти городища: первое на полѣ, а остальные два на высокихъ косогорахъ. Площадь перваго занимаетъ пространство до 7 дес., второго — до одной десятины, а внутренняя площадь третьяго имѣетъ въ окружности до 1.000 саж. Форма всѣхъ трехъ городищъ кругообразная. Площадь перваго городища распахивается подъ посѣвы; кругомъ нея по валу и рву посажены въ два ряда деревья. Площадь Майданскаго городища занята еврейскимъ кладбищемъ, а площадь Волковинецкаго городища

заросла кустарникомъ. Городище, расположенное въ с. Зигирѣ, окружено со всѣхъ сторонъ валами и рвомъ, а городища Майданское и Волковинское — только валами, кромѣ того последнее городище въ Ю.-З. и С. защищено крутымъ склономъ косогора, на которомъ оно помещено. Курганъ на полѣ при с. Зигирѣ, близъ озера. Курганъ въ центрѣ колонии Майдана на высокомъ мѣстѣ. 2 кургана при с. Волковинцахъ по направленію къ с. Бару, на выемкѣ полѣ. Покладки дѣлѣ могилы распаханы помещникомъ с. Волковинцы Владимѣръ Раевскимъ. Находокъ не было. Первые дѣлѣ насыпи — ильм.

Меджибожская вол. Городище, называемое „древнимъ замкомъ“, въ верстѣ отъ с. Ставицы, по направленію къ уничтоженному селенію Головчинцамъ, на берегу р. Буга. Длина городища 100, ширина 96 и въ окружности 280 шаг. Форма четырехугольная. Поверхность площади неровная, поросшая кустами, по срединѣ ее находится погребъ, входъ въ который нынѣ заброшенъ камнями. Городище обнесено рвомъ, въ которомъ постоянно есть вода; длина рва 240, а ширина 30 шаг. Входъ съ В. Замокъ разрушенъ добываемыми камнями. По народному преданію замокъ этотъ построенъ турками. 3 кургана при с. Ставицѣ, на высокомъ полѣ. Курганы при с. Кончановѣ, въ дѣсу на сѣнокосѣ. 4 кургана при с. Голосковѣ, изъ коихъ одинъ на берегу р. Буга, а остальные въ полѣ. По одному кургану при с. Переговцахъ и Коньстинѣ, на поляхъ.

Сусловская вол. Городище, называемое „пазами“, близъ с. Кудынки, на высокомъ берегу р. Буга; близъ дороги на м. Меджибожь. Городище длиною въ 62, въ окружности его 182, а въ вышину имѣетъ 4 саж. Форма кругообразная; поверхность ровная. Городище окружено валами, длина вала соответствуетъ внешнему диаметру окружности городища. Входъ съ В. По преданію, городище построено во время турецкаго господства. 2 могилы при с. Горбасовѣ на ровномъ мѣстѣ, на полѣ. Могилы эти распахиваются, притомъ почти ежегодно находятъ при распахиваніи черепшечки кости, а въ 40-хъ г.г. нашли здѣсь при распахиваніи оловянные ружья и пушечку.

Вербская вол. Изъ донесенія этой волости видно, что въ ее предѣлахъ городище нѣтъ, есть только дѣлѣ насыпи, на которыхъ, по преданію, помещались палаты, въ нихъ выдѣлывали поташъ. Первая насыпь съ плоскою поверхностью и окруженная востокъ въ 200 саж., находится въ центрѣ г. Майдана Вербовскаго на берегу рѣчки Соклика. Форма ее круглая. Второе насыпь, состоящая изъ овраговъ и

занимающая пространство въ четверть десятины, находится въ чертѣ д. Майдана Мординскаго, на самой дорогѣ, ведущей въ д. Старую Гуту, на возвышенномъ мѣстѣ, близъ ручья. 6 могилъ при д. Старой Гутѣ. Изъ нихъ 5 помѣщены близъ деревни на пахотныхъ поляхъ и уже около 35 лѣтъ распахируются подъ посѣвы. Разстояніе между ними отъ 100 до 300 саж. Шестая могила находится на границѣ казеннаго лѣса и крестьянскихъ полей той же деревни. Та половина могилы этой, которая вдается въ крестьянскія поля, распахируется, а другая цѣла. Въ окружности 1-й мог. 35 саж., 2-й мог.—27 саж., 3-й мог.—30 саж., 4-й мог.—53 саж., 5-й мог.—34 саж., 6-й мог.—47 саж. При распашкѣ этихъ могилъ находили въ прежніе годы человѣческія кости, части ружейныхъ стволовъ и картечныя пули.

Войтовецкая вол. 10 небольшихъ кургановъ въ 3 в. отъ с. Голенищева, въ лѣсу, на ровномъ мѣстѣ. 4 большіе кургана въ 2¹/₂ в. отъ с. Козачекъ, тоже въ лѣсу и на ровномъ мѣстѣ. 3 большія могилы близъ д. Россохъ, на полѣ. На послѣднихъ трехъ насыпяхъ нѣкогда пахали; остальные 14 цѣлы.

Игнатовецкая вол. 4 кургана въ с. Игнатовцахъ на высокомъ мѣстѣ. Изъ нихъ 3 — на полѣ, а одинъ на усадьбѣ крестьянъ Витючковъ.

Волоско - Коричинецкая вол. 3 могилы на поляхъ, принадлежащихъ с.с. Коричинцамъ. Могилы помѣщены въ 2-хъ в. отъ селъ на высокихъ мѣстахъ, по дорогѣ, идущей въ м. Баръ. По преданію, на мѣстѣ этихъ насыпей нѣкогда было сраженіе, и въ нихъ похоронены убитые воины. Рассказываютъ, что на этихъ могилахъ стояли кресты.

Волосовецкая вол. Небольшая могила при с. Лисановцахъ, на ровномъ, высокомъ, пахатномъ полѣ, на которомъ нѣкогда, какъ рассказываютъ старожилы, стоялъ дубовый лѣсъ. Могила эта нынѣ распахируется, но раскапываема не была.

Литинскій у. Дашковецкая вол. Городище въ 2¹/₂ в. отъ с. Дашковецъ, по направленію къ с. Майдану Сопруновскому, на низкомъ берегу рѣчки. Форма городища круглая; въ діаметрѣ его 80, а въ окружности 400 саж. Поверхность площади холмистая и частью поросла кустами, а частью распахируется. Городище обведено валомъ, ширина коего 4 саж. Входъ съ Ю.

Ильятовецкая вол. Два городища въ с. Пилявцахъ, изъ коихъ одно находится въ 3 в. отъ села, въ лѣсу на ровномъ мѣстѣ, а другое въ самомъ селѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, близъ дома г. До-

рожинскаго. Оба городища имѣютъ форму круга, въ диаметръ перваго городища 75, а въ окружности его 200 саж., въ диаметръ же втораго городища около 200, а въ окружности его 500 саж. Поверхность площадей ровная и первая площадь заросла дѣсомъ. То и другое городище обведено рвомъ, длина коюго вѣздъ перваго городища 230, а вѣздъ втораго 550 саж.; ширина обоихъ рововъ въ 1½ саж. Вѣзды на первое городище съ В., а на второе съ С. Городища сохранились.

Пилывская вол. Два городища при м. Пилыцѣ, изъ нихъ первое находится въ 3 в. отъ мѣстечка, по дорогѣ въ м. Старую Сиву, на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣчки Иковки, а второе въ 4½ в. отъ м. Пилы въ направленію къ с. Иванковцамъ на правомъ берегу той же рѣчки Иковки. Первое городище имѣетъ въ длину 20, а въ ширину 15 саж., а второе длиною въ 185, а шириною въ 130 саж. Форма обѣихъ насыпей кругообразная, поверхность площадей ровная. Оба городища обведены ватами; длина вѣздъ перваго городища 55, а ширина 18 саж.; второе городище защищено съ 3 стороны, кромѣ вѣздъ, рвомъ глубиною до 7 саж. Входа на первое городище не замѣтно, входъ же на второе съ В. По преданію, городища эти построены для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. При раскопкахъ находили въ этихъ городищахъ человѣческія кости. 3 могилы при м. Пилыцѣ. Изъ нихъ одна въ 5 в. отъ мѣстечка съ лѣвой стороны дороги, ведущей въ г. Старокопстантиновъ. Волеиск. губ., въ 7 саж. отъ этой дороги. Поверхность этой могилы поросла молодымъ дѣсомъ. Остальные двѣ могилы находятся въ верстѣ отъ м. Пилы въ правой стороны и въ 75 саж. отъ дороги, ведущей къ м. Можжибожѣ. Помѣщены онѣ на полѣ и поросли травою. Раскопки и находки изъ этихъ могилъ не было.

Хмѣльницкая вол. Насыпь, называемая „замкомъ“, близъ остатковъ города Хмѣльникъ съ ю. его стороны. „Замокъ“ помѣщается на правомъ берегу притока Ю. Буга. Площадь „замка“ занимаетъ около полутории десятины, форма его овальная. На площади этого замка сохранилась башня, востроенная, какъ полагаютъ, татарами. Въ 1805 г. графъ Бенбородко обратилъ эту башню въ православную приходскую церковь села Малурови. Кромѣ церкви съ колокольней, площадь „замка“ застроена помѣщичьими, жилыми постройками, а по лѣвую сторону и площадь „замка“ находится огорода, которые нѣкогда засыпаны. Въѣзды въѣздовъ въѣзды съ Н. и С. По преданію, замокъ этотъ устроенъ крымскими татарами во время ихъ владычества на бывшихъ зѣбѣ польскія вѣзды. Преданій о замкѣхъ на южнѣ

замкѣ нѣтъ, но говорятъ, что въ погребѣхъ, подъ площадью этой насыпи есть деньги и разныя вещи, оставленныя татарами. Близъ с. Голодекъ, въ лѣсу, на высокомъ и крутомъ холмѣ находится „замчище“ подъ названіемъ „Шабашова“. „Замчище“ это имѣетъ въ длину и ширину по 60 саж.; поверхность его поросла лѣсомъ. Замчище обведено кругомъ двумя довольно глубокими рвами; разстояніе между этими рвами 6 саж. Преданій объ этой насыпи нѣтъ. Курганъ, въ 200 саж. отъ с. Мазуровки. При проведеніи межевой линіи, на курганѣ этомъ вырыли яму, причемъ нашли человѣческія кости.

Куриловская вол. Два городища, — одно въ полуверстѣ отъ с. Сандрокъ, среди лѣса, а другое — въ 2 в. отъ с. Куриловки, тоже въ лѣсу. Оба городища помѣщены на высокихъ мѣстахъ, но первое среди овраговъ. Первое городище имѣетъ въ длину 150, въ ширину 120 и въ окружности 540 саж., длина второго городища 175, ширина 150 и въ окружности его 650 саж. Форма этихъ городищъ четырехъугольная. Площадь перваго городища частью заросла лѣсомъ, частью распахивается, площадь же второго поросла лѣсомъ. Городища эти обведены со всѣхъ сооронъ валами; въѣздъ на первое съ З., а на второе съ Ю. Городища эти цѣлы, но валы, ихъ окружающіе, повреждены скотомъ. Преданій объ этихъ городищахъ нѣтъ; старожилы рассказываютъ, что когда-то, давно, какіе-то неизвѣстные люди рыли ямы на этихъ насыпяхъ, но было ли что найдено, неизвѣстно. 52 могилы на Куриловскихъ поляхъ, въ верстѣ отъ с. Куриловки. Помѣщены онѣ на высокомъ мѣстѣ въ урочищѣ „Круглякъ“ въ 200 саж. отъ р. Буга и поросли кустами; величина ихъ различна, — инныя имѣютъ въ вышину до 3 и болѣе аршинъ, а въ окружности до 10 и болѣе сажень.

Винниковецкая вол. „Городокъ“ въ верстѣ отъ с. Винниковецъ, въ саду помѣщика Стеленовскаго, въ урочищѣ „Сѣрый садокъ“. Городокъ имѣетъ круглую форму; въ окружности его до 100 саж.; вышина его до 4 саж. По серединѣ этой насыпи находится глубокій оврагъ, въ которомъ могутъ помѣститься до 70 человѣкъ. Входы на городокъ одинъ съ В., а другой — съ С.-В. По сказанію старожилонъ, городокъ этотъ служилъ убѣжищемъ для жителей во время татарскихъ набѣговъ. Городище въ 3 в. отъ с. Макарова, въ лѣсу, близъ ручья, въ урочищѣ „Ольхово“. Форма его кругообразная, — въ окружности около $\frac{1}{4}$ версты. Городище это обведено валомъ, который нынѣ поросъ лѣсомъ и поврежденъ, но еще довольно высокъ. По преданію, въ городищѣ этомъ во время татарскихъ набѣговъ, жители прятались съ своими пожитками и скотомъ. Земляная насыпь — курганъ въ 2 в.

отъ с. Луки Гарской, на ровномъ мѣстѣ, въ 100 саж. отъ дороги, ведущей къ с. Винникоу. Насыпь эта похожа на стогъ сѣна и уже нѣсколько дѣтъ распахивается подъ посѣвомъ.

Межирѣвская вол. Городище, называемое „жмтискою“, въ 2 в. отъ с. Межирова. Помѣщено на правомъ высокомъ берегу р. Рова. Длина городища 160, ширина 210, а въ окружности его 740 саж. Форма его четырехугольная. Поверхность площади нѣсколько подыма къ р. Рову и распахивается подъ посѣвомъ. Городище зашищено въ 3, т. е. со стороны рѣки, крутымъ спускомъ въ 10 саж. вышиною, а съ прочихъ сторонъ обведено насыпнымъ валомъ, ширина котораго у подошмы въ 3, а на верху въ $1\frac{1}{2}$ саж. Высота съ В. Городище это разрушено, но преданію, во время нашествія татаръ. По преданію, на этой насыпи стоялъ замокъ, въ которомъ съ войскомъ жилъ король Яна. На этомъ городищѣ при распанкѣ находятъ глиняные черепки толщею въ вершокъ и болѣе и куски кирпича. 2 могилы при с. Севериновкѣ; одна на лѣвомъ берегу р. Рова, на высокомъ холмѣ, близъ урочища „Коповщина“, а другая—въ 200 саж. отъ той же рѣки, въ лѣсу, въ урочищѣ „Шеметовъ“.

Бѣлоруканская вол. При с. Бѣломъ Рукавѣ, съ в. стороны, на берегу р. Межеры имѣется насыпь предѣ городища. Въѣзжихъ укрѣпленій при этой насыпи нѣтъ; входъ на нее съ В. и З. 2 могилы при с. Бѣломъ Рукавѣ; изъ нихъ одна въ 3 в. отъ села по направленію къ м. Пинову, а другая — въ 2 в. отъ с. Бѣлаго Рукава по направленію къ с. Большому Мытнику.

Улановская вол. „Замковице“ въ третѣ м. Уланова, близъ Вознесенской церкви, на возвышенномъ берегу р. Синюды. „Замковице“ состоитъ изъ двухъ площадей, раздѣленныхъ дорогой, идущей на замковице. Одна изъ этихъ площадей имѣетъ въ длину 68, а въ ширину 45 шаг., а другая длиною въ 63, а шириною въ 50 шаг. Форма „замковица“ четырехугольная. Поверхность его ровная; на немъ стоялъ каменный замокъ съ амбразурами въ стѣнахъ. Изъ стѣнъ этого замка помѣщикъ Викентій Пинеллоцкій около 1854 г. построилъ въ м. Улановѣ сахарный заводъ. Болѣе этого замка находилась отсюда древній костель, который сгорѣлъ въ 1826 г. Подъ площадью замковица находится погреба. Замковице обведено валомъ, длина и вышина котораго нѣмнѣ значительная, — сохранившаяся часть вала имѣетъ въ длину нѣмного болѣе 60 шаг. Въѣздъ на замковице съ В., т. е. со стороны мѣстечка. Замокъ, по преданію, построенъ украинскими казаками для защиты отъ неприятельскихъ нападѣній. 2 могилы при м. Улановѣ.

новѣ. — одна на полѣ, а другая близъ мѣстечка, при почтовой дорогѣ, ведущей въ г. Хмѣльникъ. 2 могилы при с. Рибчинцахъ, близъ кладбища. По одной могилѣ при с. Мытинцахъ и д. Морозовкѣ, на полѣ. Могилы, находящіяся при с.с. Рибчинцахъ и Митинцахъ и при м. Улановѣ на полѣ, распахиваются, но только въ Рибчинецкихъ могилахъ находили кости (?). Въ могилѣ, находящейся въ м. Улановѣ при почтовой дорогѣ, въ 70-хъ г.г. выкопали крестъ, стоящій нынѣ на этой могилѣ, при чемъ нашли кости.

Почапинецкая вол. Городище въ верстѣ отъ с. Дубовой съ правой стороны дороги, ведущей въ с. Багриновцы, въ помѣщицьемъ лѣсу, называемомъ „Черный“, въ урочищѣ „Окопаны“. Помѣщено на ровномъ мѣстѣ. Внутренняя площадь городища, безъ внѣшнихъ укрѣпленій, занимаетъ 5 дес.; длина этой площади 120 саж. Форма городища четырехугольная. Поверхность площади ровная, заросшая лѣсомъ. Городище было обведено рвомъ, который сохранился только съ з. и с. сторонъ длиною въ 300 саж. и шириною въ $2\frac{1}{2}$ арш. Входъ съ Ю. По преданію, въ этомъ городищѣ населеніе защищалось отъ татарскихъ набѣговъ. Могила на ровномъ мѣстѣ, на крестьянскихъ поляхъ Головчинецкаго и Петранскаго обществъ. На вершинѣ этой могилы находится впадина, которая неизвѣстно когда и отъ чего образовалась.

Качановская вол. По одной могилѣ при с.с. Терешполѣ и Войтовцахъ; обѣ помѣщены на поляхъ, на ровныхъ мѣстахъ. Могилы эти раскапываемы не были, но, при распашкѣ полей, находили возлѣ нихъ человѣческія кости.

Бичевская вол. 2 могилы на поляхъ с. Берцовки. Одна помѣщена на ровномъ полѣ; при дорогѣ, идущей изъ г. Староконовина въ г. Бердичевъ; а другая находится на низкомъ мѣстѣ близъ с. Бичевой. Первая насыпь называется „Барсуковой“ могилой, а вторая „Комаровой“. Обѣ эти могилы, по рассказамъ старожиловъ, были раскапываемы помѣщикомъ с. Берцовки Цѣлецкимъ, съ цѣлью найти кладъ, при чемъ въ первой могилѣ — Барсуковой — были найдены двѣ старинныя сабли и небольшой, металлическій сундучекъ съ старинными деньгами. Во второй могилѣ, Комаровой, Цѣлецкій нашелъ тоже сундучекъ съ такими же монетами, какъ и въ Барсуковой могилѣ. Деньги эти были отданы Цѣлецкимъ въ церковь (?) съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ сдѣлали крестъ.

Береднянская вол. Древняя земляная насыпь, называемая народомъ „могилой“, въ верстѣ отъ с. Березной на высокомъ полѣ, по направленію къ с. Крупину. Въ длину эта могила имѣетъ 4, въ

ширину 5 и въ окружности 20 саж.; форма ея кругообразная; поверхность распахивается подъ поскон. Одно говорится, что эта насыпь служила наблюдательнымъ пунктомъ во время татарскихъ набѣговъ, а по словамъ другихъ въ ней погребены тѣла убитыхъ татарскихъ.

Вичинский р. Черепанинцы воед. Два городища, названныя мѣстными жителями „замчисками“, одно при д. Гуляевоцахъ, а другое въ с. Черепанинцахъ; оба при сѣверныхъ прудахъ, но первое на низкомъ, а второе на высокомъ мѣстѣ. Длина площади первого замчиска 30, ширина 42 и въ окружности ея 146 саж.; второго — длина и ширина по 30, а въ окружности по 120 саж. Форма обоихъ городищъ четырехъугольная; поверхность ихъ площадей ровная, первая частью занята жилымъ домомъ, а частью распахивается подъ поскон и огородъ, а на площади второго городища разводятся поскон. Оба городища были укрѣплены ровомъ и валомъ, но ровъ воцѣлъ первого городища запаханъ, а сохранивался воцѣлъ него часть вала вмѣстѣ съ длину 85, а въ ширину 2 саж. Длина вала, окружающаго второе городище, 135, а ширина его 2 саж.; длина рва воцѣлъ этого городища 140, а ширина 2 саж. Въѣзды на первое городище съ В., а съ прочихъ сторонъ были узкіе проходы, которые нынѣ раскопаны; на второе городище два въѣзда: съ В. и З. Первое городище повреждено частью отъ распахивки и частью отъ постройки на оцѣлѣ дома, а второе сохранилось цѣлымъ, благодаря тому, что находится въ сѣнѣ владѣльца имѣнія. По преданію, городища эти устроены во время монгольскаго вѣда.

Уладовская воед. Городище въ 3 в. отъ с. Уладова, по направленію къ с. Майдану Боберлѣ. Помѣщено въ лѣсу на гисовомъ мѣстѣ. Длина городища 40, ширина 24 и въ окружности 120 саж. Форма его кругообразная. Поверхность площади ровная, засаженная фруктовыми деревьями. Городище окружено со всѣхъ сторонъ рвомъ, воста длина 130, а ширина 4 саж. Въѣзды на городище съ В. и З. По народному преданію, городище это устроено для отраженія набѣговъ татаръ. Раскопокъ этого городища и ихъ ходовъ на немъ и воцѣлъ него не было. Городище на разстояніи $\frac{1}{4}$ в. отъ д. Забушка, по дорогѣ, ведущей въ м. Иноу. Городище помѣщено на ровномъ мѣстѣ, въ лѣвонъ берегу р. Бути, въ полверстѣ отъ рѣки. Длина городища въ 50, ширина въ 24, а въ окружности его 146 саж.; форма его кругообразная. Поверхность площади ровная, заросшая порослемъ. Крѣпкѣ городища, въ вѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился ровъ, который некогда было обведено это городище и который окружалъ распахиваемую территорию

сохранившагося рва въ 3 саж. Въѣздъ съ С. На этомъ городищѣ, при распахѣ, находятъ черепа и кости людей, а въ прежніе годы находили здѣсь обломки оружія. Древняя могила на поляхъ д. Забужья, близъ границы земель м. Янова. Насыпь эта, по преданію, служила наблюдательнымъ пунктомъ во время татарскихъ набѣговъ. Нынѣ эта могила распахивается подъ посѣвы.

Калиновская вол. Городище въ 2-хъ в. отъ с. Гуцинецъ по направленію къ с. Сунрунову, на землѣ помѣщика. Помѣщено на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рѣчки Бибки. Площадь городища имѣетъ форму круга; въ діаметрѣ его 20, а въ окружности 55 саж. Поверхность площади поросла лѣсомъ. Городище обведено рвомъ и валомъ, длина коихъ соотвѣтствуетъ величинѣ окружности городища, а ширина равняется 3 саж. Входъ съ Ю. Курганъ при с. Гуцинцахъ, на высокомъ полѣ. Сохранился онъ вполнѣ.

Якушинецкая вол. Городище, называемое пародомъ „крѣпостью“, въ верстѣ отъ с. Якушинецъ; помѣщено на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ. Площадь городища имѣетъ въ длину 200, а въ ширину 150 саж., форма ея овальная. Поверхность площади ровная, поросшая частью фруктовыми деревьями. Городище обведено тремя валами на разстояніи отъ 4 до 5 саж. одинъ отъ другого, валы эти вышиною отъ 2 до 7 саж. Въѣзда три: два съ Ю. и одинъ съ З., въѣзды проходятъ на площадь городища черезъ три вала въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Курганъ въ 4 в. отъ того же с. Якушинецъ и на разстояніи одной версты отъ рѣчки, на полѣ помѣщика Руссаловскаго. Курганъ вышиною въ 7, а въ окружности его 20 саж. На его вершинѣ есть впадина окружностью до 4 саж.

Лукомелешковская вол. Городище („небольшой окопъ въ видѣ батареи“) при с. Соловьевкѣ. Городище помѣщено на высокомъ мѣстѣ, на склонѣ горы, на берегу болота. Длина площади окопа 22, ширина 19, въ окружности ея 82 саж.; форма ея четырехугольная. Поверхность площади ровная, частью поросла лѣсомъ, а частью распахивается подъ посѣвы. Городище было обведено со всѣхъ сторонъ рвомъ и валомъ, которые сохранились только съ С., З. и Ю. длиною въ 43, а шириною въ 1 саж.; съ в. же стороны внѣшнія укрѣпленія распаханы. Въѣздъ съ Ю. По преданію, окопъ этотъ построенъ казакѣмъ Соловьевымъ, и служилъ ему жильемъ. Небольшая могила при с. Цважинѣ, на ровномъ мѣстѣ, на полѣ.

Посковецкая вол. 8 кургановъ близъ с. Слободки Посковецкой, на ровномъ мѣстѣ. 2 кургана при с. Носковцахъ. Изъ нихъ одинъ

находится из 4 в. отъ села въ дѣст. на ровномъ мѣстѣ, а другой съ противоположной стороны с. Пасконицъ, из 3 1/2 в. отъ того, на возвышенномъ полѣ, пять вершковъ. Покрѣпный курганъ въ 1840 г. былъ раскапываемъ полковникомъ Столѣновому съ цѣлью отыскать какаго-либо вещи, но ничего не оказалось.

Гавриловецкая вол. 5 могилъ при с. Гавриловскѣ. Въ пяти 4, называемыя народомъ „Четыремя могилы“ на крестьянскихъ поляхъ, на ровномъ мѣстѣ, близъ границы земли с. Вишницъ, а одна, называемая „Поповою могилою“, помѣщена на церковномъ пахотномъ полѣ, тоже на ровномъ мѣстѣ.

Милославская вол. 2 могилы при с. Хуторахъ Милославскихъ, на ровномъ мѣстѣ, на полѣ близъ границы земли с. Пересвѣтъ. 3 древнія могилы при м. Милославѣ, изъ коихъ одна находится при вѣздѣ въ мѣстечко, 4-дучи изъ м. Стрижовна, съ правой стороны дороги; другая—близъ мѣстечка, на полѣ, между дорогами, ведущими въ с.с. Супруновъ и Майданъ, а третья могила — въ дѣсу Милославскаго имѣнія, на высокомъ мѣстѣ, въ урочищѣ „третья гора“. Близъ границы земли с. Супрунова.

Вишневская вол. По одной могилѣ при с.с. Вольномъ Острожкѣ, Клигивѣ и Слободѣ Кустовенской. Могилы эти помѣщены частью на крестьянскихъ, а частью на помѣщичьихъ поляхъ, на возвышенн. мѣстѣхъ и распаханыхъ.

Сосонская вол. Двѣ древнія могилы при с. Сосонкѣ на полѣ, одна изъ нихъ на высокомъ мѣстѣ, а другая на низкомъ.

Юзвинская вол. 2 „древнія могилы“ при с. Широкой Грѣбѣ между пахотными полями; на низкомъ мѣстѣ, въ полувѣстѣ отъ р. Ровца.

Станиславтиская вол. „Небольшой курганъ“ при м. Станиславчикѣ, близъ кладбища.

Грицковскій и Савиенцевскіе вол. Два городища въ с. Букичѣмъ; изъ нихъ одно въ верѣхъ села на усадьбѣ крестьянина Касляненка, на высокомъ берегу ручья. Длина и ширина городища въ 30, а въ окружности его 120 саж.; оно имѣетъ форму квадратную. Поверхность площади заросла фруктовыми деревьями. Городище обнесено со всѣхъ сторонъ вѣтами. Входа нинѣ не замѣтно. На концѣ прощавши вѣка мѣстные крестьяне раскапывали это городище и въ срединѣ его площади нашли два золотыхъ гривенъ величина, жемчужныя ожерелье и нѣсколько раскопано на каменномъ вѣтвѣй церкви, а другой сохранился и находится въ употребленіи при этой церкви. Кладбище

этотъ относится къ XVII в. Кромѣ колоколовъ въ этомъ городищѣ, при раскопкѣ нашли подковы (должно быть лошадиныя) и другія мелкія принадлежности збруи. На основаніи этихъ паходокъ полагаютъ, что описываемое городище нѣкогда служило крѣпостью, но преданій о немъ нѣтъ. Второе городище находится въ 2-хъ в. отъ с. Куничего, на полѣ, близъ лѣса Ильяшовскаго имѣнія Ольгопольскаго уѣзда. Городище помѣщено на высокомъ мѣстѣ, надъ оврагомъ; форма его конусообразная; въ окружности его 250 саж. Входъ на это городище съ З. Преданій объ этой насыпи нѣтъ, но полагаютъ, что она нѣкогда служила крѣпостью, равно нѣтъ воспоминаній о раскопкахъ и находкахъ.

Потоцкая вол. Два городища при с. Войтовцахъ. Изъ нихъ одно находится въ чертѣ этого села, по направленію къ с. Песочасну, а второе — въ 15 в. отъ с. Войтовецъ, въ лѣсу, по направленію къ с. Ометинцамъ. Оба городища помѣщены на низкомъ мѣстѣ,—первое на берегу рѣчки Бريدка, а второе съ двухъ сторонъ омывается водою, вытекающею изъ Немировскаго лѣса. Первое городище имѣетъ въ длину 92, въ ширину 48, а въ окружности 296 саж., второе же городище длиною въ 80, шириною въ 60 и окружностью въ 280 саж. Форма перваго городища кругообразна, а второго четырехугольная. Поверхность площади перваго городища ровная съ впадинами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Площадь этого городища частью занята жилыми крестьяскими постройками, а частью распахивается подъ огороды. Что касается площади второго городища, то одна половина ея имѣетъ поверхность ровную, а другая холмистую, поросшую лѣсомъ. Первое городище было обведено со всѣхъ сторонъ валомъ и рвомъ, которые сохранились по частямъ со всѣхъ сторонъ, а второе обведено только валомъ, сохранившимся съ трехъ сторонъ. Длина вала, уцѣлѣвшаго возлѣ перваго городища 92, а ширина его 2 саж., ровъ возлѣ этого городища длиною также въ 92, но шириною въ 14 саж. Длина вала возлѣ второго городища, 80, а ширина его 10 саж. Въѣзды на первое городище съ С. и Ю., а на второе съ В., З. и Ю.

Тростянецкая вол. Городище въ чертѣ с. Комарова, на высокомъ мѣстѣ, по направленію къ м. Вороновицѣ. Длина городища 60, ширина 59, а въ окружности по 258 саж.; форма четырехугольная. Поверхность площади холмистая и съ 1873 г. распахивается мѣстнымъ помѣщикомъ подъ посѣвы. Городище было окружено валами и рвами, которые донинѣ сохранились съ В., З. и Ю. и носятъ на себѣ слѣды поврежденія. Входа на городище нынѣ незамѣтно, но старожилы рассказываютъ, что онъ былъ съ Ю. По рассказамъ мѣстныхъ крестьянъ,

назвать тому 300 летъ на мѣстѣ этого городища была крѣпость, въ ней находилась церковь и кладбище, а самое с. Комаровъ нѣкогда было городомъ, называвшимся Комайгородомъ.

Немировская вол. Городище въ 3 в. отъ м. Немирова, по направленію къ д. Сажкамъ. Помѣщено на обрывистыхъ возвышенностяхъ, на мѣстѣ мало доступномъ, на берегу рѣ. Мирка. Площадь городища обведена валомъ; форма ея кругообразная. Городище имѣетъ въ длину 7,366, а въ ширину 310 саж. По преданію, на этомъ городищѣ во время перваго раздѣла Польши была крѣпость, окруженная густымъ лѣсомъ. Здѣсь нѣкогда происходило сраженіе и заключенъ миръ, отъего протекающая близъ городища рѣчка названа Миркою.

Лучачская вол. Городище, называемое народомъ „валачи“ въ 1¹/₂ в. отъ с. Стрѣльчинецъ. Помѣщено оно на землѣ помѣщ. Куликовского, на скалистомъ высокомъ берегу р. Буга, въ 26 саж. отъ него. Форма этого городища кругообразная: въ діаметрѣ его 32 саж. 2³/₄ арш., а въ окружности 76 саж. Площадь городища ровная и служитъ нинѣ выгономъ: на ней до недавняго времени росъ лѣсъ, который срубленъ. Площадь городища обведена валомъ, кругомъ котораго съ вѣнней и внутренней сторонъ идутъ рвы. Валъ имѣетъ въ ширину до 3 саж., а ширина рвовъ въ 1 саж. Входы въ городище съ В. и З. По преданію, на этомъ городищѣ нѣкогда была турецкая крѣпость.

Рогозининская вол. Городище въ 100 саж. отъ с. Рогозной, по направленію къ м. Печерѣ, на высокомъ берегу р. Ю. Буга. Городище имѣетъ въ длину 56, въ ширину 50, а въ окружности 260 арш. Форма его четырехугольная. Поверхность площади ровная съ тремя впадинами. Городище укрѣплено валами только съ в. стороны; лѣвая вала 56 арш. Входа незамѣтно.

Кобылевская вол. Городище въ полуверстѣ отъ с. Ицковъ, на высокомъ мѣстѣ, въ полѣ. Городище длиною въ 38, шириною въ 33 и окружностью въ 120 саж. Форма его кругообразная. Площадь городища покатая въ С.-В. и распахивается подъ посѣвы. Городище обведено валами съ В., З. и Ю. и ровомъ со всѣхъ сторонъ. Выходъ изъ городища съ С.-В.

Холодовская вол. Городище въ 2-хъ в. отъ Брицковецъ въ с. его стороны, на высокомъ мѣстѣ. Городище это называется народомъ „суворовскими батареями“. Внутренняя площадь городища имѣетъ въ длину 130, а въ ширину 130 шаг. Форма ея четырехугольная. Въ каждомъ углу овицнаго городища воздвигается треугольная батарея „батареи“. Такія же треугольные укрепления имѣются и на городищѣ

площади городища; послѣднія насыпи отдѣлены отъ угольныхъ батарей валами. Поверхность площади городища ровная и распахивается подъ посѣвы. Городище обведено со всѣхъ сторонъ рвами и валами; длина первыхъ 800, а ширина 5 шаг.; валъ длиною въ 530, а шириною въ 8 шаг. Въѣздъ съ юга. Городище сохранилось вполнѣ. По преданію, „суворовскія батареи“ устроены для маневровъ въ концѣ XVIII в. 3 кургана при с. Холодовкѣ. 2 кургана при с. Нестерваркѣ. Курганы эти помѣщены на высокомъ мѣстѣ, на полѣ. На нихъ сохранились слѣды раскопки.

Кордышовская вол. Городище, называемое „Замчискомъ“, близъ с. Дубовца, въ урочищѣ „Гуральское“, на землѣ крестьянина Педоренко. Помѣщено оно на низкомъ мѣстѣ, близъ безымяннаго ручья и пруда. Длина площади насыпи 60, а ширина 23 саж., вышина же ея отъ 7 до 10 саж. Форма четырехугольная. Поверхность площади ровная и распахивается подъ посѣвы. Возлѣ этого городища по берегамъ ручья и пруда сохранились слѣды нѣкогда росшаго здѣсь ольховаго лѣса. Почва площади городища суглинистая, какъ и почва окружающихъ его полей, но, при распашкѣ, находятъ на городищѣ куски жженой глины вродѣ кирпича, чего нѣтъ на смежныхъ поляхъ. По народному преданію, на мѣстѣ с. Дубовца и на поляхъ возлѣ описываемаго городища до сосѣдняго пруда, называемаго „Савинымъ“ и находящагося отъ с. Дубовца на разстояніи полуверсты, нѣкогда стоялъ городъ, а на мѣстѣ этого городища былъ оборонительный замокъ. Жители этого города и замка, будто, были православные христіане. Рассказываютъ также, что подъ площадью этого „Замчиска“ находится погребъ, въ которомъ за желѣзною дверью хранится множество золотыхъ и серебряныхъ денегъ въ желѣзныхъ бочкахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ крестьянинъ (должно быть, Дубецкаго общества) раскапывалъ эту насыпь въ различныхъ мѣстахъ съ цѣлью открыть эти сокровища, но, говорятъ, каждый разъ докапывался до жженой глины и, потерявъ надежду найти что-либо, бросилъ работу. При распашкѣ этого городища, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашли два камня, въ коихъ были по срединѣ полукруглыя отверстія. 4 кургана при с. Степановкѣ. Изъ нихъ одинъ находится на разстояніи 180 саж. отъ села, по дорогѣ, ведущей въ с. Зарудинецъ. Помѣщенъ на низкомъ мѣстѣ; имѣетъ въ вышину до одной сажени, а въ окружности основанія около 56 саж. Часть этого кургана распахивается, при чемъ ежегодно находятъ въ немъ человѣческія кости необыкновенной величины. Курганъ этотъ называется могилей, но преданій о

номъ мѣстѣ. Остатки 3 кургана помѣщены съ т.-е. стороны к. Станюковки, по дорогѣ, ведущей къ д. Вороняну. Изъ этихъ кургановъ ближайшій къ селу находится отъ него на разстояніи 100 саж.; въ мѣстѣ на высокомъ мѣстѣ и называющійся „Ольшанкою“, должно быть, отъ того, что здѣсь некогда росъ ольшаный лѣсъ, слѣды этого подрѣзаніи въ оврагѣ, находящемся ближе этого кургана. Кургана „Ольшанка“ некогда имѣлъ въ вышину болѣе 8 саж., но въ концѣ прошлаго лѣта помѣщикъ Лиз. Грохольскій, предположивъ построить домъ на мѣстѣ этого кургана, приказалъ снести его. На разстояніи 6 саж. отъ вершины этой насыпи рабочіе нашли въ ней множество костей (человѣчскихъ), и дѣлѣвшаяся работа была прекращена. Оставшаяся часть кургана имѣетъ въ вышину 2 саж. 2 арш., въ окружности основанія 66, а разстояніе отъ одной стороны основанія черезъ вершину оставшейся части этого кургана до противоположной стороны 22 саж. По мѣстѣ крестовины, мѣста погребены 3 каменъ-теперовъ съ лошадыми и досѣхами. Протяженіе кургана назовутся въ 66 саж. отъ „Ольшанки“; они поменьше послѣдней. По преданію, они насыпаны въ одно время съ курганомъ „Ольшанкой“. Курганы эти распахиваются, причемъ въ нихъ ежегодно изходятъ человѣческія кости.

Верховская вол. Городище въ 100 шагахъ отъ м. Верховки съ с. в. его стороны, близъ православнаго кладбища. Помѣщено на ровномъ мѣстѣ. Внутренній планъ городища имѣетъ въ длину 2 ширины по 65 саж.; форма ея эллипсовидная. Поверхность ровная. Городище обведено со всѣхъ сторонъ валомъ, шириною въ 8 саж., а по угламъ насыпи квадратнаго плана (должны быть выступы), заключающіе въ себѣ по 10 и 13 кв. саж. Выходъ къ С. и З. Вала городища отчасти разрушены добытелями глины. По преданію, городище это устроено турецкими войсками. Кургана на разстояніи $\frac{1}{4}$ в. отъ м. Верховки, на высокомъ мѣстѣ. Они распахиваются полѣ помѣщика Собанскихъ. По преданію, происхожденіе этого кургана относится къ времени полудня описаннаго городища. Пѣтуховъ и старожилы м. Верховки говорятъ, что нѣтъ никакого описаннаго городища находится гробовый погребъ съ желѣзными орудіями, кабаньями костями, но каковы въ этотъ погребъ помыслили.

Шенковская вол. 2 кургана между д. Шенковкой и м. Шенковомъ, на полѣ, на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ. Слѣды рѣки. Могилы эти имѣютъ въ вышину по 4 арш., а въ окружности — по 20 саж. Различивались по селу. По преданію, въ нихъ похоронены воины, павшіе въ битвѣ между мѣстами съ татаринами.

Мотилевскій у. Карышковская вол. Городище въ 2 в. отъ с. Грабовца по направленію къ с. Кацмазову. Помѣщено на высокомъ мѣстѣ, на берегу р. Гнилой. Длина городища 50, ширина 21, а въ окружности его 150 саж. Форма овальная. Поверхность площади холмистая: часть ея распахивается. Городище нѣкогда было укрѣплено валомъ, который сохранился съ С. и З. дѣною въ 80, а шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 12 саж. Въѣздъ, какъ полагаютъ, былъ съ ю.-в. стороны. Городище повреждено водою р. Гнилой. По преданію, насыпь эта устроена турками.

Куковская вол. Два городища,—одно, называемое „Містись-ко“, находится въ с. Низшемъ Ольчежевѣ, на высокомъ мѣстѣ, при р. Лидовѣ и оврагѣ „Ковничи“, а второе городище, называемое „Валы“, находится въ 3 в. отъ д. Лимозова, на крестьянскихъ поляхъ, на высокомъ мѣстѣ. Городища эти имѣютъ въ окружности первое 500, а второе 724 саж. Форма ихъ кругообразная. Поверхность площадей обонхъ городищ холмистая; первая занята крестьянскими постройками и распахивается подъ огороды, а вторая распахивается подъ посѣвы. Первое городище окружено валомъ длиною въ 510, а шириною въ 5 саж. и рвомъ длиною въ 516 и шириною въ 3 саж.; второе городище обведено только валомъ длиною въ 734, а шириною въ 5 саж. Въ настоящее время есть много въѣздовъ на эти городища, но всѣ они позднѣйшіе, такъ что невозможно опредѣлить, гдѣ были первоначальные въѣзды. Одни говорятъ, что эти насыпи были нѣкогда турецкими крѣпостями, а по словамъ другихъ, на мѣстѣ этихъ городищъ нѣкогда стояли городъ и мѣстечко. Въ валахъ этихъ насыпей и возлѣ нихъ мѣстные жители находили человѣческія кости. Въ предѣлахъ волости находится 7 могилъ: 2 при д. Ломозовѣ, 2 при с. Малой Куковѣ и 3 —при д. Иракліевѣ. Всѣ онѣ помѣщены на крестьянскихъ пахатныхъ поляхъ и распахиваются.

Хоньковецкая вол. 2 могилы въ 132 саж. отъ с. Нагорянъ, на ровномъ каменистомъ плацу, близъ оврага глубиною въ 96 саж. Одна могила имѣетъ въ вышину $1\frac{1}{2}$, а въ окружности 75 саж., а другая вышиною въ 2, а окружностью въ 67 саж. Близъ этихъ могилъ, на берегу р. Дпѣстра находится высокая обрывистая скала, а въ ней отверстіе вродѣ окна. Отверстіе это находится въ такомъ мѣстѣ обрыва, что взойти къ нему невозможно. Но въ 1873 г. одинъ крестьянинъ какимъ-то способомъ взобрался туда и видѣлъ за этимъ отверстіемъ комнату въ скалѣ. Старожилы рассказываютъ, что мѣстное населеніе пряталось въ этой комнатѣ во время турецкихъ нападеній.

Шаргородская вол. Земляная четырехугольная насыпь въ 300 саж. отъ д. Деревниокъ, на возвышенномъ мѣстѣ, въ 120 саж. отъ ручья. Насыпь эта имѣетъ въ длину 12, въ ширину 6, а въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж.; на ней съ с.-в. стороны стоитъ старый громадный крестъ. 3 четырехугольныя насыпи въ $\frac{1}{4}$ в. отъ д. Шостакѣвки, на крестьянскихъ пахатныхъ поляхъ, на ровномъ мѣстѣ. Старожилы рассказываютъ, что въ этихъ насыпяхъ похоронены люди, умершие отъ чумы, которая свирѣствовала здѣсь болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Изъ двухъ насыпей, будто, потребены христіане, а въ одной евреи.

Марьяновская вол. Могила въ $\frac{3}{4}$ в. отъ с. Марьяновки, при дорогѣ, ведущей въ с. Премошаницу, на высокомъ мѣстѣ, близъ р. Додоны. По рассказамъ старожиловъ, когда этой могилы нѣкогда стояло м. Марьянъ, которое было разорено татарами, а подъ этой могилкой похоронены убитые татарами. Могила эта прежде распахивалась полѣносеми, но когда, назадъ тому около 6 лѣтъ, нашли въ ней чешеческія кости, то съ тѣхъ поръ перестали пахать.

Озаринецкая вол. Около 156 земляныхъ насыпей въ 50 саж. отъ черты м. Озаринецъ, съ в. его стороны на высокомъ, ровномъ возномъ мѣстѣ. Мѣстное население называетъ ихъ „буртами“; каждая изъ этихъ насыпей имѣетъ видъ конуса, основаніе котораго представляетъ правильный четырехугольникъ. Насыпи эти имѣютъ каждая въ длину до 4, а въ ширину около 3 саж., въ окружности вхъ болѣе 8 саж. Расположены онѣ правильными рядами на площади, имѣющей въ длину 35, а въ ширину не болѣе 15 саж.; одна насыпь отъ другой находится на разстояніи полусаженія. Насыпи эти по своему расположенію и устройству напоминаютъ собою тѣ насыпи, какія дѣлаютъ нынѣ солдаты при устройствѣ лагеря. Поверхность площади, на которой помѣщены эти бурты, ровная и не имѣетъ на себѣ слѣдовъ распахки или раскопки. Съ противоположной стороны м. Озаринецъ, т.-е. съ 3. въ 100 саж. отъ него, на высокомъ, ровномъ берегу рѣки сохранился древній каменный замокъ. Этотъ замокъ перестроенъ бывшимъ владѣльцомъ м. Озаринецъ Комаромъ въ хлѣбные амбарты. По преданію, замокъ этотъ построенъ поляками, съ стратегическою цѣлью, между прочимъ, для усмиреннаго дѣйствія противъ татаръ, которые во время одного изъ своихъ нашествій на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ мѣстечко Озаринецъ, построили вышеописанныя насыпи — „бурты“ тоже съ стратегическою цѣлью. Что касается находокъ, рассказывають, что при устройствѣ помещиками Комаромъ мототилки близъ замка, юнцы для этого рыли рвы, въ земляхъ нашли золотую мусоромъ варителюшу печь, а въ ней чашки-

ний хлебъ и пищу въ сосудѣ, приготовленную изъ бобовъ. Находокъ въ „буртахъ“ не было.

Ямпольскій у. Мурафская вол. Городище въ 3 в. отъ м. Старой Мурафы, идучи изъ мѣстечка въ урочище Коблевую. Длина городища 111, ширина 40 и въ окружности его 170 саж.; форма его кругообразная. Поверхность площади ровная и распахивается подъ посѣвы. Городище помѣщено на высокомъ мѣстѣ. Оно нѣкогда было обведено рвомъ, который нынѣ мало замѣтенъ частью отъ древности, а частью отъ распашки. Длина рва 176, а ширина его до 4 саж. Входа нынѣ незамѣтно, но, по словамъ старожиловъ, онъ былъ съ В., а подъ этимъ въѣздомъ на глубинѣ болѣе сажени есть, будто, желѣзные ворота, ведущіе, вѣроятно, въ погребъ. Городище вообще повреждено распашкой его подъ посѣвы. По народному преданію, городище построено разбойниками „гайдамаками“, которые жили на этой насыпи. Говорятъ, что эти разбойники скрыли въ погребахъ, находящихся подъ площадью городища, деньги и монисто (ожерелье). Нѣкоторые изъ крестьянъ раскапывали это городище съ цѣлью найти сокрытыя въ немъ сокровища и для этого рыли ямы глубиною въ 4 саж., но ничего не нашли.

Бабчинская вол. Городище въ самомъ с. Бушѣ, по направленію къ с. Дорошовкѣ. Помѣщено на высокомъ мѣстѣ между р. Мурафою и рѣчкою Бушишкою. Площадь городища длиною въ 317, шириною въ 288 и окружностью въ 1.210 саж. Форма четырехугольная. Поверхность площади холмиста, часть ея занята сельскимъ кладбищемъ. Городище нѣкогда было обведено рвомъ и валомъ, часть которыхъ сохранилась до нынѣ съ ю.-в. стороны длиною въ 350, а шириною въ 10 саж. Кромѣ того, городище защищено съ Ю. оврагомъ. Первоначальнаго въѣзда незамѣтно. Находокъ на городищѣ не было. По преданію, на этой насыпи и возлѣ нея, на мѣстѣ нынѣ существующаго с. Буши, нѣкогда стояло многолюдное и богатое мѣстечко, называвшееся Гилополемъ или Антополемъ. Нынѣшнее с. Буша произошло отъ этого мѣстечка и названо такъ отъ малороссійскаго слова „бушовать“, потому что здѣсь кто-то когда-то бушевалъ, — вырѣзалъ все населеніе мѣстечка.

Краснянская вол. Разрушенное городище въ чертѣ м. Краснаго. Помѣщено оно на низкомъ мѣстѣ, на берегахъ безыменныхъ прудовъ. Форма городища четырехугольная; поверхность площади ровная, застроенная домами. Изъ внѣшнихъ укрѣпленій этого городища сохранились два вала, изъ коихъ первый длиною 410, а шириною 4 саж., второй — имѣетъ въ длину 900 саж. По преданію, городище построено

полями для защиты от неприятеля. Могилы въ 2-хъ в. отъ с. Черешовнаго, на полѣ. Говорятъ, что въ ней похоронены ватага Петръ и его товарищи, убитые поляками при осадѣ казачьихъ ж. Краснаго (могила эта въ 4-хъ в. отъ м. Краснаго). Насыпь-валъ въ 2-хъ в. отъ с. Гришовца, на полѣ, по направленію въ с. Мажову, на широкомъ мѣстѣ. Насыпь длиною въ 280, а шириною въ 3 саж. Она имѣетъ форму растянутаго круга. Поверхность площади возвышается и опускается подъ носѣмъ. Вѣнчиковъ укрѣпленій нѣтъ. Насыпь размыта водой, которая протекаетъ по срединѣ насыпи. По преданію, ватага этой насыпи некогда было село Большой Мажовъ. Исходоку не было, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода размываетъ насыпь, исходятъ куски сплани краснаго пѣла, вроде того, какой остается въ вулканич. горѣ по время разкариванія жезла для конки.

Комаргородская вол. Городище въ чертѣ ж. Комаргородъ. Помѣщено на ровномъ мѣстѣ, на берегу пруда и болыманной рѣки, которая протекаетъ съ ю. стороны городища. Насыпь эта имѣетъ длину 271, въ ширину 157, а въ окружности болѣе 800 саж. Форма ея четырехугольная. Поверхность площади ровная, занятая имѣ 20 еврейскими домами и 23 крестьянскими усадьбами. Часть площади, занятая усадьбами, распаханна. Часть площади съ с. ее стороны обведена валами въ формѣ квадрата; здѣсь имѣется помѣщается церковь. Почти по срединѣ площади по направленію съ С. и Ю. идетъ оврагъ: глубиною въ 18 и шириною въ 50 саж. Площадь обведена валами и рытомъ съ З., С. и В., съ Ю. стороны ни вала, ни рва нѣтъ; здѣсь городище упирается въ рѣку и прудъ. Въ этой-то части городища, гдѣ долженъ бы быть проходить валъ, находится 10 разнообразныхъ возвышеній. Изъ нихъ 6 идетъ по направленію съ З. на В., а расположены онѣ въ такомъ порядкѣ: со стороны рѣки и пруда, на краю площади находится 3 батареи, расположенныя рядомъ, за ними рядомъ слѣдуетъ второй рядъ, состоящій изъ двухъ батарей, за которыми рядомъ помѣщается 6 я батарей. Прочія 4 батареи находятся близъ вышеназванныхъ 6 батарей, съ с.-з. ихъ стороны, и идутъ по направленію съ С. на Ю., перпендикулярно къ площади, кончась первой 6 ю батареями. Эти 4 батареи расположены не рядомъ, а одна за другой, но такъ, что между самая короткая, слѣдующая за ней длиннѣе первой, третья длиннѣе второй, четвертая самая длинная. Всѣ эти батареи длиною отъ 7 до 27, поперечною отъ 1 до 3 и вышиною до 4 саж. Ширина вала отъ 2 до 3, а рытъ до 2-хъ саж.; глубина послѣднихъ отъ 1 до 1½ арш. Съ в. стороны городища вала

вала и есть оврагъ глубиною до 4 саж. Въ этомъ оврагѣ есть входъ въ погреба, находящіеся подъ площадью городища. Черезъ площадь городища проходятъ двѣ дороги, которыя пересѣкаютъ валъ въ трехъ мѣстахъ, такъ что неизвѣстно, гдѣ былъ первоначальный входъ на городище. Насыпь вообще повреждена вслѣдствіе распахки. По народному преданію, на мѣстѣ мѣстечка Комаргорода стоялъ нѣкогда древній греческій городъ. Онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ пруда, омывающаго городище съ южной стороны. Обѣ части города были соединены желѣзнымъ мостомъ, который находился на Ю.-В. отъ городища. Самое же городище служило крѣпостью, защищавшею городъ отъ непріятельскихъ нападеній, а квадратное, валообразное возвышеніе, находящееся въ с. части площади городища, было внутреннею крѣпостью въ главной крѣпости. Могила близъ описаннаго городища съ в. стороны, на ровномъ мѣстѣ. Въ окружности ея основанія около 40 саж., а въ вышину она имѣетъ $1\frac{1}{2}$ саж. Полагаютъ, что подъ этою насыпью похоронены тѣла убитыхъ, потому что, назадъ тому около 15 лѣтъ, $\frac{1}{3}$ ея завалилась съ в. стороны. При вѣдомости Комаргородской вол. приложенъ чертежъ вышеописанныхъ земляныхъ насыпей.

Клембовская вол. Городище, называемое „Тангродъ“, въ 150 саж. отъ с. Смѣлы, по направленію къ с. Видамъ Томашпольскимъ. Городище помѣщено на высокомъ берегу р. Русавы. Длина его 300, ширина 100, а въ окружности 800 саж. Форма четырехугольная. Поверхность площади ровная съ восемью впадинами. Съ з. стороны городища сохранился ровъ длиною въ 100, а шириною около 3 саж. Въѣздъ съ С. 3 могилы при с. Смѣлѣ, на полѣ, на высокомъ мѣстѣ.

Косницкая вол. Городище, называемое народомъ „польскимъ замкомъ“, въ самомъ селѣ Косницѣ, на низкомъ мѣстѣ, въ 20 саж. отъ р. Днѣстра. Городище имѣетъ въ длину и ширину по 40, а въ окружности 160 саж. Форма четырехугольная. Поверхность площади занята крестьянскими избами. Городище обведено со всѣхъ сторонъ валомъ, длиною въ 190, шириною въ 6 и вышиною около $1\frac{1}{2}$ саж. Въѣздъ съ Ю. Городище сохранилось вполнѣ. Сооружено оно, по преданію, поляками и служило имъ крѣпостью для защиты отъ непріятеля. Въ 1868 г. крестьянинъ Никита Мельникъ, при раскопкѣ въ городѣ, нашелъ на этомъ городищѣ кусокъ олова вѣсомъ въ 20 фунт. Въ предѣлахъ волости 57 кургановъ: 37 — при с. Косницѣ; 2 — при м. Цекиновкѣ; 10 — при с. Кетросахъ, 7 — при с. Подлѣсовкѣ и 1 — при слободѣ Вольфановкѣ. Всѣ помѣщены на высокихъ мѣстахъ, на поляхъ. Курганы эти раскапываемы не были.

Бандишевская вол. Двѣ „земляныя насыпи“ — курганы при с. Бандишовкѣ. Та и другая насыпи имѣютъ въ диаметрѣ у основания 8, а въ высоту 3 саж. Одна изъ нихъ находится при дорогѣ, ведущей въ с. Грушку, а другая — при почтовой дорогѣ, ведущей изъ с. Бандишовки въ г. Ямполь. Въ первой насыпи въ 1853 г. крестьяне добывали камень на постройку Бандишиновой почтовой станции, но находокъ никакихъ не было.

Ямпольская вол. Въ этой волости 17 курганныхъ при с. Ямполь — 5; при д. Порогахъ 4; с. Янкуловѣ 4 и с. Галажбичевѣ 4. Всѣ они помѣщены на высокомъ полѣ и распахиваемы не были.

Яругская вол. 3 земляныя насыпи, называемыя „батарями“, и 2 могилы при с. Михайловкѣ Яругской, на крестьянскихъ поляхъ. Могила при с. Бѣлой, на крестьянскомъ полѣ, на ровномъ мѣстѣ, при почтовой дорогѣ, ведущей изъ г. Мотылева въ г. Ямполь. Могила при м. Яругѣ, на полѣ, близь почтовой дороги. 2 могилы при с. Ивковкѣ, на крестьянскихъ поляхъ, на ровномъ мѣстѣ, близь почтовой дороги.

Черниовецкая вол. 4 могилы при м. Чернѣвцахъ изъ крестьянской земли, на ровномъ мѣстѣ. Изъ нихъ двѣ близь р. Мурафы. Могилы эти распахиваются.

Яланецкая вол. Большая могила въ 2-хъ в. отъ Ялана, по дорогѣ, ведущей въ м. Томашполь. На этой насыпи стоитъ старейшій деревянный крестъ.

Джуринская вол. „Древняя могила“ въ $\frac{1}{2}$ в. отъ с. Казановки, при дорогѣ въ с. Голытинцы, на возвышенномъ пахотномъ полѣ. На вершинѣ этой могилы стоитъ древній каменный крестъ.

Гайсинскій у. Кузьминевская вол. Городище въ 3-хъ в. отъ с. Сокольца. Помѣщено на островѣ, на р. Бугѣ. Городище имѣетъ въ длину около 50, въ ширину 25, а въ окружности болѣе 100 саж. Форма кругообразная. Поверхность площади холмистая, поросшая травой. Вѣшнихъ укрѣпленій нѣтъ.

Гравовская вол. Городище, называемое „земкомъ“, при с. Михайловкѣ, въ 90 саж. отъ почтовой дороги, ведущей изъ с. Гайбана въ г. Умань, Казень. губ., на высокомъ мѣстѣ. Длина „земка“ 24, ширина 18 и въ окружности его 88 саж. Форма городка четырехугольная. Поверхность площади ровная и имѣетъ въ вѣстороннихъ мѣстахъ слѣды раскопки, часть этой площади занята огородами. Городище окружено валомъ и рвомъ, длина которыхъ равняется внешнему периметру въ окружности вала, а ширина вала въ 3, а ровъ въ 4 саж. Поверх

на городище, называемый народомъ „брамою“, съ С.-В. Валы городища на углу съ ю. стороны повреждены кладонскателями. По преданію, городище это, пазадъ тому около 200 лѣтъ, было крѣпостью какого-то польскаго воеводы.

Зятковецкая вол. Городище въ с. Кушечцахъ, на низкомъ мѣстѣ близъ р. Киблича. Городище длиною и шириною по 17, а въ окружности его 72 саж. Форма его квадратная. Поверхность площади ровная, не запятая пичѣмъ. Городище обведено валомъ и рвомъ со всѣхъ сторонъ. Входъ съ В. По преданію, городище построено нѣкогда мѣстнымъ населеніемъ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ.

Райгородская вол. Городище—замчиско, на разстояніи $\frac{1}{3}$ в. отъ д. Гутки Райгородской, по направленію къ с. Низшей Кропивнѣ. Городище помѣщено на возвышенномъ мѣстѣ, при ручьѣ Самцѣ. Длина и ширина „замчиска“ по 20, а въ окружности его 116 саж.; форма насыпи кругообразная. Поверхность площади ровная, поросшая лѣсомъ; площадь поката къ С. Городище окружено со всѣхъ сторонъ валомъ и съ В., З. и Ю. рвомъ; съ с. стороны, вмѣсто рва, городище защищено спускомъ. Длина рва 104, а ширина 5 саж.; длина вала 78, а ширина 3 саж. Входъ съ Ю. Городище отчасти разрушено искаателями кладовъ. Городище, называемое также „замчискомъ“, въ верстѣ отъ д. Слободки Райгородской, по направленію къ с. Остолопову, на высокомъ берегу безыменнаго ручья. Длина городища 30, ширина 25, а въ окружности 150 саж. Форма его кругообразная. Поверхность площади ровная, заросшая лѣсомъ. Городище обведено рвомъ и валомъ съ В., З. и Ю., съ с. же стороны оно оканчивается спускомъ. Ровъ длиною въ 100, а шириною въ 2 саж., длина же вала въ 80, а ширина въ 4 саж. Входъ съ С.-В. Насыпь повреждена добывателями камня. Городище—замчиско въ 2-хъ в. отъ с. Остолопова, по направленію къ д. Гутѣ Райгородской. Помѣщено на высокомъ берегу безыменнаго ручья. Длина городища въ 40, ширина 35, а въ окружности 180 саж. Форма кругообразная. Площадь городища ровная, поката къ югу и распахивается подъ посѣвы. Городище обведено рвомъ и валомъ съ В. и С.-В., а съ Ю., З. и С.-З. защищено спускомъ. Длина рва 44, а ширина 4 саж.; длина вала 30, а ширина его 3 саж. Въѣздъ съ Ю. Два городища—замчиска, изъ коихъ одно находится въ самомъ с. Мельниковцахъ, а другое въ 2-хъ в. отъ этого села по направленію къ м. Райгороду. Оба городища помѣщены на высокомъ мѣстѣ, — первое при безыменномъ прудѣ, а второе близъ ручья, текущаго изъ с. Мельниковецъ въ м. Райгородъ. Первое горо-

дище имѣть въ длину 34, въ ширину 25, а въ окружности 120 саж., второе длиною въ 36, шириною въ 32 и окруженности въ 135 саж. Форма первого „замиска“ четырехугольная, а второго кругообразная. Площади обоихъ городищъ ровныя, но первая застроена, а вторая заросла лѣсомъ. Первое городище было обнесено со всѣхъ сторонъ ровомъ и валомъ, но нынѣ съ в. стороны вала раскопанъ, а ровъ засыпанъ, когда развали мѣстность при возведеніи построекъ. Что же касается вѣшнихъ укрѣпленій второго городища, то оно окружено также ровомъ и валомъ со всѣхъ сторонъ, кроме с.-з., гдѣ лѣсъ не рва ни вала, а городище защищено здѣсь спускомъ. Валъ первого городища длина вала 69, а ширина его 1 сажень; длина рва 73, а ширина 3 саж. Длина рва вѣкъ второго городища 125, ширина 3, длина вала 72, а ширина 5 саж. Входъ на первое городище съ Ю. В., а на второе съ В. Первое городище отчасти разрушено при возведеніи на немъ построекъ, второе же городище не повреждено. По народному преданію, вышеописанныя 5 городищъ построены мѣстнымъ населеніемъ во время нашествія татаръ для защиты отъ ихъ нападений. На городищѣ, находящемся въ д. Гутѣ Райгородской, по рассказамъ стариковъ, въ 20-хъ гг. крестьянинъ с. Нижней Краинны Шижко вырылъ деньги, но какія это были деньги, никому неважно.

Латыжнинская вѣл. Батарей, называемая мѣстнымъ населеніемъ „Запачнею“ въ 2-хъ в. отъ м. Латыжина съ ю.-з. стороны. Батарей помѣщена на высокомъ берегу пруда, образованнаго отъ рѣчки Сильницы, въ 3-хъ в. отъ впаденія ея въ р. Бугъ. Батарей имѣетъ форму круга, въ діаметрѣ вѣсто 36 саж.; въ окружности площади насыпи 113 саж. Поверхность площади ровная и распахивается полъ посѣвы. Площадь батареи съ в. и ю. стороны защищена землянымъ валомъ, а за нимъ ровомъ. Валъ этотъ имѣетъ въ длину 48, въ ширину на вершинѣ 3 и въ вышину вала поверхностью площади насыпи 3 саж.; ровъ длиною въ 56, шириною въ 6 и глубиною въ 3 саж. Съ С. и З., т. е. со стороны пруда, площадь батареи оканчивается крутымъ спускомъ вышиною въ 16 саж. Ровъ съ в. стороны насыпи нѣсколько поврежденъ распаховомъ. Пронѣскаждое Батарей относится мѣстнымъ преданіемъ къ глубокой древности, — говорятъ, что эта батарея построена для защиты мѣстнаго населенія отъ набѣговъ татаръ и тюрковъ. Что же касается раскопокъ и находокъ, раскопавъ, что когда-то мѣстные жители раскопывали эту насыпь съ цѣлю найти кладъ, но было-ли это найденно, остается неизвѣстнымъ. Въ настоящее время на площади Батарей есть двѣ выкопаныя

которыя, какъ полагають, вырыты давно. Двѣ батареи при томъ же м. Ладыжинѣ, изъ коихъ первая находится въ полуверстѣ, а вторая въ верстѣ отъ мѣстечка. Обѣ батареи помѣщены на ровныхъ, высокихъ, пахатныхъ поляхъ. Батареи эти одинаковаго размѣра, имѣють въ длину и ширину по 14, а въ окружности по 56 саж.; форма ихъ квадратная. Поверхность площадей ровная; первая площадь распахи- вается подъ посѣвы, а на второй было римско-католическое кладбище, которое, судя по надписямъ, сохранившимся на крестахъ, относится къ 20-мъ годамъ текущаго столѣтія. Обѣ батареи обведены валомъ, кото- рый по угламъ нѣсколько выше, чѣмъ по сторонамъ. Валы длиною по 56 саж. Они повреждены частью отъ распашки, а частью отъ рытья могилъ (на второй насыпи). Кромѣ того, въ Ладыжинской во- лости находятся три насыпи, изъ коихъ одна имѣется при с. Лады- жинскихъ Хуторахъ, а двѣ при с. Четвертиновкѣ. Первая насыпь дли- ною въ 36, а шириною въ 20 саж., а послѣднія двѣ имѣють въ длину по 55, а въ ширину по 14 саж. М. Ладыжинъ стоитъ на полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ рч. Сильницы съ р. Бугомъ. Р. Бугъ течетъ здѣсь по направленію съ С.-З. на Ю.-В., а рч. Сильница—съ З. на В., но въ 435 саж. отъ впаденія въ р. Бугъ рѣчка Сильница прини- маетъ с.-в. направленіе. Рѣки эти сливаются съ в. стороны мѣстечка. Съ з. стороны мѣстечка отъ берега р. Буга до рѣчки Сильницы идетъ глубокій ровъ, а за нимъ со стороны мѣстечка насыпной валъ по направленію съ С. на Ю.-З. Ровъ и валъ длиною въ 540, а шири- ною ровъ до 12 саж. Затѣмъ съ в. стороны м. Ладыжина, тамъ, гдѣ рч. Сильница поворачиваетъ на С.-В. и образуетъ этимъ поворотомъ колѣно, здѣсь, на этомъ колѣнѣ начинается второй ровъ, который огибаетъ мѣстечко съ в. стороны и простирается до р. Буга на раз- стояніи 80 саж. отъ сліянія этой рѣки съ рч. Сильницею. Ровъ этотъ имѣетъ въ длину 295 саж.; говорятъ, что онъ служилъ нѣкогда про- долженіемъ того рва, который окаймляетъ м. Ладыжинъ съ з. стороны. Площадь, находящаяся, съ одной стороны, между р. Бугомъ и рѣчкою Сильницею, а съ другой—между валомъ и рвами, представляетъ собою неправильный четырехугольникъ, коего с. сторона—по р. Бугу—имѣетъ въ длину 530, южная—по рѣчкѣ Сильницѣ, 390, западная по валу и рву 540 и восточная по рву 295 саж. Валъ и рвы повреждены частью вслѣдствіе распашки подъ огороды, а частью при возведеніи на нихъ крестьянами построекъ. Крестьяне называютъ рвы и валъ древнею крѣпостью, которая, по преданію, была построена для защиты отъ нападеній турокъ, татаръ и поляковъ. Есть преданіе, что на ю.

Берегу р. Сальники, тамъ, гдѣ оканчивается русъ, окруженный вѣ-
сткою съ в. стороны и гдѣ нѣтъ никакихъ кургановъ, была крѣпость,
въ которой сражались съ поляками и турками и была убитъ защитой
полковникъ Мурановъ. По преданію, въ Ладиминскихъ крѣпостяхъ было
два выхода, которые запирались крѣпкими желѣзными воротами. Одна
защита находилась на в. валу и называлась „Гранадскою бранью“, а
другой—съ ю. стороны на мосту, находившемся на рѣкѣ Сальникѣ;
этихъ воротъ запирались „Бернадскою бранью“. 4 кургана при
м. Ладиминѣ на пахатномъ полѣ. Изъ нихъ 2 находятся на полу-
верстѣ отъ мѣстечка, а 2 — въ трехъ верстахъ. 12 кургановъ при
с. Ладиминскихъ Хуторахъ, въ 3-хъ в. отъ него, на пахатномъ полѣ,
на высокомъ мѣстѣ. 7 кургановъ при с. Губинѣ; изъ нихъ 5 — на
высокомъ пахатномъ полѣ, а 2 въ лѣсу. 34 могилы при с. Четвер-
тиновѣ, на высокомъ пахатномъ полѣ. Всѣ эти курганы круглые,
имѣютъ въ діаметрѣ отъ 10 до 33 саж. и распахиваются, кромѣ
одного кургана, находящагося при с. Ладиминскихъ Хуторахъ, кото-
рый не распахивается вследствие того, что помещенецъ на другой воз-
вышенности. Могилы, находящіяся при с. Ладиминскихъ Хуторахъ и
и Четвертиновѣ, носятъ названіе „Семь могилъ“, потому что, по
преданію, на нихъ были семь народовъ. Говорятъ, что 2 могилы при
с. Ладиминскихъ Хуторахъ и одна при с. Четвертиновѣ когда-то
раскапывались нескотлыми кладами, но затѣмъ были результаты этихъ
раскопокъ, неизвѣстно. Одна изъ могилъ, находящихся при с. Ладим-
инскихъ Хуторахъ въ 50-хъ гг. раскапывалась какою-то крестьян-
скимъ съ цѣлью найти кладъ, но в результатехъ и этой раскопки
тоже ничего неизвѣстно.

Могила ланская воз. Два городища, называемыя архангелами
„Раскопанными могилами“, одно въ 3-хъ в. отъ с. Могилово по
направленію къ р. Бугу и в. Сопани, а другое — съ другой стороны
того же села по направленію къ с. Сальковой. Оба городища воз-
вышены на высокомъ мѣстѣ, близъ р. Буга. Первое городище имѣетъ
въ длину 8, въ ширину 6, а въ окружности болѣе 25 саж., второе же
длиною и шириною по 10, а въ окружности около 20 саж. Формы
второго городища круглообразныя. Поверхность площади обоихъ горо-
дищъ ровная; на площади первого городища по всей въ длину ар-
хандитъ вѣсны, въ вѣтѣхъ плотвицы, шириною около 2 арш. Городища
обведены валомъ съ в., с. и ю. стороны. Валъ вокругъ городища,
кромѣ того, есть два разъ, вѣдущіе наружу. Валъ въ оба горо-
дища съ С. 37 могилъ при с. Могиловѣ, отъ которыхъ еще въ

полагають, получило свое названіе. Изъ этихъ могилъ 9 находится съ в. стороны с. Могильной въ слѣдующихъ мѣстахъ: 2 могилы при границѣ земель Могиланскаго помѣщика и с. Чемерполя; 2 могилы близъ хутора Юзефполя, принадлежащаго Могиланскому помѣщику, и 5 могилъ — при дорогѣ, идущей изъ г. Умани въ м. Соврапъ. Съ ю. стороны с. Могильной — 8 могилъ; съ з. стороны того же села находятся остальные 20 могилъ по дорогѣ, идущей изъ с. Завалья въ с. Салькову и м. Хоцевату.

Городянская вол. „Замчиско“ въ центрѣ с. Городка. Замчиско помѣщено на небольшой возвышенности, при ручейкѣ Грязномъ, протекающемъ съ ю. стороны насыпи и въ 200 саж. отъ большого пруда, находящагося съ с. стороны „замчиска“. Площадь его занята крестьянскими усадьбами, на ней разведены сады; кромѣ того, на площади помѣщаются подвалъ и сарай, принадлежащіе винокуренному заводу, находящемуся близъ „замчиска“. Когда строили этотъ заводъ, то раскопали описываемую насыпь съ ю. стороны. Вслѣдствіе всего этого невозможно опредѣлить величину замчиска, но, судя по уцѣлѣвшимъ частямъ насыпи, видно, что она имѣла четырехугольную форму. Замчиско было укрѣплено двумя валами и глубокимъ рвомъ между ними; ровъ этотъ былъ наполненъ водою изъ ручья Грязнаго. Сохранившіеся съ в. стороны замчиска валы длиною около 300, а съ западной около 400 саж.; ширина валовъ и рововъ въ 6 саж. Преданій о происхожденіи этого замчиска нѣтъ, но говорятъ, что с. Городокъ было нѣкогда мѣстечкомъ. 2 могилы при с. Городкѣ. Изъ нихъ первая, имѣющая въ вышину 3, а въ окружности 60 саж., находится на границѣ полей, принадлежащихъ с. Городку и с. Купчинцамъ, Кіевской губерніи. Вторая могила находится въ 2-хъ в. отъ первой съ в. стороны. Могила эта распахивается. Первая могила находится въ 6 в. отъ с. Городка, а вторая въ 5-ти. Возлѣ этихъ могилъ находится 9 батарей. 2 древнія могилы и 11 батарей на поляхъ с. Корытка, съ в. его стороны, на разстояніи одной и болѣе версты отъ села. Насыпи эти распахиваются издавна.

Кислякская вол. Древняя насыпь, называемая народомъ „городищемъ“, въ верстѣ отъ с. Метлинецъ, на левадѣ крестьянина Чмуня. Насыпь эта имѣетъ въ вышину съ ю. стороны 4, а съ з. 8 саж.; въ окружности ея на верху 130 саж. Поверхность площади холмистая, поросшая мелкимъ лѣсомъ.

Хащеватская вол. При самомъ м. Хащеватой есть насыпь, вродѣ городища. 4 могилы на поляхъ м. Хащеватой, на ровномъ мѣстѣ.

Изъ нихъ 10ѣ—въ 2-хъ в. отъ мѣстечка съ з. стороны, на дорогѣ въ с. Струнковскій Ташлыкъ, на разстояніи полторы мили отъ деревнѣ, а другія двѣ могилы находятся въ с-в. стороны м. Хандеулю, по дорогѣ въ д. Юзьяновку. Всѣ 4 могилы средней величины; онѣ тохривались въ цѣлости. Могилы, средней величины, въ 2-хъ в. отъ с. Струнковскаго Ташлыка, съ з. его стороны, на ровномъ полѣ, на дорогѣ въ Хандеулю. 3 могилы въ с. Струнковѣ на ровномъ полѣ. Изъ казѣ двѣ—въ центрѣ села, на разстояніи 20 шаг. одна отъ другой, а третья на полѣ въ верстѣ отъ села. 3 могилы въ 3-хъ в. отъ с. Гайворона съ с-в. стороны, на ровномъ полѣ. Могилы эти средней величины и расположены одна около другой въ видѣ треугольника. Всѣ эти могилы цѣлы.

Джулинская вол. 16 могилъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ этой волости: при с. Джулиновѣхъ 5, с. Черепатѣхъ 5, с. Ставахъ 3 и д. Теофиловкѣ 3. Всѣ эти могилы помѣщены на возвышенныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были кѣмъ-то раскопываемы.

Высше-Ташлыкская вол. 5 могилъ при с. Высшемъ Ташлыкѣ; изъ нихъ 2 могилы въ центрѣ села, а 3—на пахатномъ полѣ. 3 могилы при с. Нижнемъ Ташлыкѣ: одна въ центрѣ села, а двѣ на пахатномъ полѣ. 3 могилы при д. Саотѣ на пахатномъ полѣ. 3 могилы при с. Росонѣ, тоже на пахатномъ полѣ.

Степановская вол. 2 кургана въ 4-хъ в. отъ с. Степановки. Курганы при с. Марковѣхъ, въ 4-хъ в. отъ нихъ. Могилы эти помѣщены на полѣ и распахиваются; пролѣный обѣ нихъ вѣтъ. Одна изъ нихъ разбита.

Ольшанскій уездъ. Ободовская вол. „Замыско“ въ 5 в. отъ м. Ободовки, въ дѣсу, на выемномъ мѣстѣ. Площадь этого мѣста имѣетъ въ длину 37, въ ширину 30, а съ овражностью, по шир. 104 саж. Намѣченъ видѣ треугольника. Поверхность площади ровная, заросшая густыми дѣсомъ; она нѣсколько покатъ съ В. къ С. Замыско ободово рѣкою и баломъ; вышина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 2 саж. Съ з. стороны площадь ея кѣтъ въ пространствѣ около 6 саж.; полагаютъ, что кѣтъ были первоначальный кѣтъ въ мѣстѣ. Говорятъ, что съ в. стороны Замыска была жилищная дѣра, которая будто была въ подожжѣе, котораго нинѣ не имѣется. Провѣдѣніе этого „Замыска“ нѣкоторыхъ преданійхъ относится къ времени вѣлороссійскаго воеводы Семона Пала, который (сказка) шелъ съ своимъ войскомъ, отъ с. в. мѣстности отъ мѣстѣ „Семонистовъ“. На площади ея и на выемныхъ мѣстахъ ея есть кѣтъ раскопки, которыя производились мѣстными крестьянами съ цѣлю добычи вещей.

Бершадская вол. „Замчиско“ при м. Бершади съ юз. стороны, въ 10 саж. отъ помѣщичьяго сада и въ 100 саж. отъ р. Шарпановки. Замчиско имѣть четырехугольную форму, вышина его въ 3 саж. Площадь насыпи обведена валомъ. Въѣздъ съ В. По серединѣ замчиска есть погребъ съ 4 входами, а другой погребъ съ однимъ входомъ находится съ с. стороны насыпи, въ валу. Погреба эти построены по распоряженію пачальства во время Севастопольской войны для хранения пороха. Самое же „замчиско“, по преданію, устроено для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. Въ 2-хъ в. отъ этого „замчиска“ на В. отъ него имѣется земляной, насыпной валъ длиною въ 20 саж.

Загнитковская вол. Древнее кладбище, называемое „Шашковъ“, въ 2-хъ в. отъ м. Загниткова, по направленію къ д. Волядынкѣ. Помѣщено на высокомъ мѣстѣ, надъ оврагами. Кладбище это имѣть въ длину и ширину по 1.400, а въ окружности около 5.600 саж. Форма его квадратная. Поверхность площади ровная. Внѣшнихъ укрѣплений нѣтъ; въѣзда незамѣтно. Кладбище разрушено добывателями плиты и вслѣдствіе распахки съ незапамятныхъ временъ. По преданію, кладбище это осталось съ давняго времени отъ нѣкогда бывшихъ здѣсь войнъ. На немъ находили человѣческія кости, которыя обратно зарывали въ землю.

Лугская вол. Городище, называемое „замчищемъ“ въ 2-хъ в. отъ с. Городища, съ южной стороны, по направленію къ с. Рудницкому, въ 300 саж. отъ бывшей почтовой дороги. Помѣщено на полѣ, оканчивающемся съ сѣвера крутымъ обрывомъ, такъ что „замчище“ съ этой стороны неприступно; близъ этой насыпи имѣется прудъ. Площадь городища безъ внѣшнихъ укрѣплений, имѣть въ длину 60, въ ширину 44 и въ окружности 178 саж. Городище имѣть форму полукруга; поверхность площади ровная, поросшая вѣковыми дубами. Площадь городища съ С., В. и З. окопана рвомъ, а съ Ю.—тамъ, гдѣ городище примыкаетъ къ ровному полю, двумя рвами и валомъ между ними. Ровъ, окружающій городище, длиною въ 178, а шириною въ 3 саж.; валъ имѣть въ длину 90, а въ вышину до 3 саж. Входъ съ С. и З. На площади городища и рвахъ есть слѣды раскопокъ, которыя нѣкогда производились искателями кладовъ. Три городища при с. Лугѣ. Первое, называемое „Бардацкимъ“, находится въ 3-хъ в. отъ с. Луга, въ долині, называемой „Шкафаровой“, въ дубовомъ казенномъ лѣсу. Второе городище, называемое „Селищами“, въ 5-ти в. отъ с. Луга, въ той же „Шкафаровой“ долині, на границѣ земель, принадлежащихъ с.с. Лугу, Вербкѣ и Кориневкѣ. Третье городище въ 1½ в. отъ с. Луга, въ казен-

номъ лѣсу, въ урочищѣ „Поланкѣ“, на усадьбѣ лѣсника. Первое городище имѣетъ въ длину 40, въ ширину 30, а въ окружности около 140 саж.; второе — длину въ 21, ширину въ 13 и окружности около 68 саж.; третье имѣетъ въ окружности по рву болѣе 98 саж. Первые два насыпи имѣютъ форму⁷ четырехугольную, а послѣдняя — кругообразную. Поверхности площадей всѣхъ трехъ городищъ ровныя; всѣхъ первого поросли лѣсомъ; площадь второго городища расположена при размежеваніи полей и распаханная, кромѣ того, на ней сохранились слѣды раскопки, произведенной некакимъ-либо владѣльцемъ. Площадь третьего городища занята постройками лѣсника. Городища эти помѣщены на небольшихъ возвышеніяхъ, второе на берегу руты, а третье на берегу некогда бывшаго кружа, на мѣстѣ коото имѣѣ городище. Первое и третье городища обведены валомъ и рвомъ, а второе только рвомъ; ширина рвовъ до 3-хъ саж., а длина ихъ соответствуетъ вѣне вѣнчавшей величинѣ окружности насыпей. Входе въ первое городище съ В. и З., во второе съ З., а въ третье съ Ю. Послѣднія два городища повреждены второе проведеніемъ железной линіи и распашкою, а третье постройкой дома и сараевъ лѣсника. По преданію, городища эти построены для защиты отъ нападений татаръ и турокъ. Въ валу и рву второго городища находили турецкія деньги, но большей части мѣдныя; на первомъ и третьемъ городищѣ есть слѣды раскопки, произведенныхъ владѣльцами, но о находкахъ воспоминаній нѣтъ.

Мястковская вол. Городище, называемое мѣстными населе-ніемъ „батарей“, въ 3-хъ в. отъ м. Мясткови съ ю.-в. стороны, на землѣ помѣщика. Расположено на ровномъ мѣстѣ. Площадь городища имѣетъ въ длину $6\frac{1}{2}$, а въ ширину 2 саж. Форма четырехугольная. Поверхность площади ровная. Городище обведено по всѣмъ сторонамъ валомъ и рвомъ, глубина рва въ 1, а ширина его въ $1\frac{1}{2}$ саж. 6 древнихъ могилъ при м. Мястковѣ; изъ нихъ три наибольшія съ ю. стороны мѣстечка, одна съ ю.-з. и двѣ съ з.

Хрустовская вол. Городище, называемое „двинемъ“, въ 2-хъ в. отъ с. Грушка, на вершинѣ горы. Городище имѣетъ въ длину 60, въ ширину 2 и въ окружности 125 саж. Форма его кругообразная. Поверхность площади ровная и распаханная похѣ полямъ. Городище было укрѣждено валомъ, длина коото теперь 60 саж. Входе съ Ю. Насыпь повреждена распашкою. На вопросъ о происхожденіи городища волость сообщаетъ только, что въ 43 саж. отъ этого городища, похѣ горой траншея, по преданію, вала. Близъ этого вала, отчего на этомъ мѣстѣ есть выходы. 20 мостовъ при

с. Болганѣ надъ оврагомъ, на высокомъ мѣстѣ. Изъ нихъ 8 съ одной стороны, а 12—съ другой. Могилы не распахиваются. 29 могилъ при с. Хрустовой, на поляхъ, на высокихъ мѣстахъ. 8 могилъ при с. Окницѣ, на высокомъ мѣстѣ, на поляхъ, въ урочищахъ: Рыбникѣ, „Бѣломъ камнѣ“, „Аысой горѣ“ и „Свидерскомъ яру“. Кромѣ того, на „Аысой горѣ“ имѣются какія-то ямы, занимающія площадь окружностью въ 135 саж. 44 могилы при с. Трибусовкѣ и ея слободкѣ, на высокомъ мѣстѣ, на пахатномъ полѣ. 17 древнихъ могилъ при с. Грушкѣ, на высокихъ мѣстахъ, на пахатномъ полѣ. Съ с.-в. стороны того же с. Грушки въ 1¹/₂ в. отъ него имѣется 128 пераспаханныхъ и около 50 распаханныхъ и едва замѣтныхъ ямъ, называемыхъ „поныры“. Ямы эти различной глубины, длины и ширины и находятся одна возлѣ другой. Онѣ занимаютъ площадь, имѣющую въ окружности около 850 саж.

Ольшанская вол. 20 могилъ при с. Ольшанкѣ; изъ нихъ 9—въ чертѣ этого села, и 11 на полѣ. 7 могилъ при с. Джугастрѣ,—помѣщены 4 на полѣ и 3—въ лѣсу. 4 могилы при с. Вербкѣ-Волоской; изъ нихъ одна въ самомъ селѣ, на берегу рѣчки, а 3—на полѣ. 2 могилы при д. Леоновкѣ, на полѣ. 1 могила при д. Петруновкѣ, на полѣ. Изъ этихъ могилъ одна при с. Ольшанкѣ раскопана, но когда и кѣмъ, неизвѣстно.

Рашковская вол. Земляная насыпь—„шанецъ“ близъ дороги, ведущей изъ г. Ольгополя въ с. Алексѣевку. Курганъ, называемый „Домниной могилой“ въ полуверстѣ отъ с. Катериновки. При томъ же селѣ въ урочищѣ Кіевкѣ имѣются ямы. Преданій о нихъ нѣтъ. Небольшая могила у с. Строинецъ, на крестьянской пахатной землѣ. 7 могилъ при с. Подоймѣ, на крестьянской землѣ. На 4 могилахъ этой группы виденъ камень. При томъ же с. Подоймѣ, на крестьянской землѣ имѣются насыпи, называемыя „батареями“. Въ нихъ находили бомбы, ядра и друг. огнестрѣльные снаряды. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ могилъ обведены рвами шириною въ 3 шага. Въ м. Рашковѣ, при добываніи глины въ 1870 г., нашли человѣческія кости въ незамѣтной, не большой величины (должно быть, насыпи). Кости эти были похоронены въ деревянныхъ гробахъ, которые оказались очень огнивыми. Кости были перенесены на мѣстное кладбище и зарыты.

Каменская вол. 8 могилъ возлѣ м. Каменки, съ ю. стороны. Изъ нихъ 7 помѣщены на пахатныхъ поляхъ, а одна на сѣнокосѣ при р. Днѣстрѣ. Преданій объ этихъ могилахъ, раскопкахъ и находкахъ на нихъ нѣтъ.

Дмитрашковская вол. 3 могилы при с. Дмитрашковкѣ; двѣ

при дорогѣ, идущей изъ с. Дмитрашинова въ м. Мухомову, а одна близъ долины Канериды. 2 могилы при с. Гусуховѣ; одна при дорогѣ, идущей изъ с. Болгана въ м. Пещанку, а другая — въ долину „Хрустовой“. 2 могилы при с. Студеной. Всѣ эти могилы помѣщены на возвышенныхъ мѣстахъ. По народному преданію, они насыпаны татарями во время ихъ набѣговъ. Рассказываютъ, что передовые отряды татаръ насыпали эти курганы съ цѣлю, чтобы сабломъ не низав массы татаръ могли знать о направленіи движенія передовыхъ отрядовъ. Равно при возвращеніи татаръ насыпи эти должны были указывать, куда они должны были идти.

Демовская вол. 4 могилы при с. Демовѣ. Изъ нихъ одна близъ села, на берегу пруда, называемаго „Усѣтима“, другая въ 3 в. отъ с. Демовки, на возвышенномъ мѣстѣ, при дорогѣ, идущей въ м. Бершица, третья — въ верстѣ отъ села, на выгонномъ мѣстѣ, на помѣщичьей землѣ и четвертая въ 2-хъ в. отъ села, тоже на помѣщичьей землѣ, на ровномъ мѣстѣ, близъ Рачинскаго колодца. 3 могилы при с. Бершицахъ Челенинцвихъ. Изъ нихъ одна находится въ дѣлной, казенной дачѣ, на высокомъ мѣстѣ. Могила эта раскопана, но неизвестно кѣмъ и когда. Другая въ 2¹/₂ в. отъ с. Бершицы, на полѣ, при дорогѣ, идущей изъ с. Бершицы въ с. Повонцовъ. Третья могила находится въ 2-хъ в. отъ с. Бершицы, при дорогѣ, идущей изъ с. Демовки въ с. Повонцовъ. Могила эта раскопана въ 1867 г. крестьянами съ Бершицы, съ цѣлю отыскать кладъ, но, кромѣ костей, изъ нея ничего не нашли.

Солгутаевская вол. 2 могилы при с. Овсѣевѣ на помѣщичьей землѣ. Одна въ 2-хъ в. отъ с. Овсѣева, на дорогѣ, идущей въ с. Устье, а другая въ 3-хъ в. отъ Овсѣева по дорогѣ въ с. Солгутаевъ. 3 могилы при с. Лутовой въ 2¹/₂ в. отъ него, на ровномъ мѣстѣ, на помѣщичьей землѣ. Могилы эти одна отъ хрустовой на разстояніи 60 саж. Небольшая могила при д. Соломѣнскѣ въ 2-хъ в. отъ нея, на ровномъ мѣстѣ, по дорогѣ, идущей изъ д. Соломѣнки въ с. Солгутаевъ. Всѣ эти могилы распахиваются. Преданій объ этихъ погребеніяхъ, раскопкахъ и находкахъ на нихъ нѣтъ.

Львовичанская вол. Изъ этой волости имѣется 5 могилъ: 3 — при с. Ливничевѣ, на полѣ; 1 — при д. Любановѣ тоже на полѣ, и 1 — при с. Романовѣ. Раскапываемы не были.

Горлатовская вол. 2 кургана, называемые „Пашаповскіе“, въ верстѣ отъ с. Горлатовки, по направленію въ г. Монастырь. Курганы эти имѣютъ въ вышину по 2 арш., а въ окружности окруж. 6, а

второй 4 саж. Помѣщены они на ровномъ мѣстѣ и распахиваются подъ посѣвы. Говорятъ, что эти насыпи остались отъ польскаго владычества.

Пятковская вол. Могила въ 5-ти в. отъ с. Пятковки съ ю. стороны, на высокой ровной площади, на крестьянскихъ поляхъ. Могила въ верстѣ отъ с. Бондуровки, на крестьянскомъ полѣ, съ ю. стороны села. По преданію; насыпана она во время набѣговъ татаръ и служила тогда наблюдательнымъ пунктомъ. Эта могила нынѣ распахиывается, такъ что величина ея незначительна.

Бѣлѣтскій у. Богопольская вол. Три окопа, называемые народомъ „батареями“ (слова: „городокъ“, „городище“ здѣсь не употребляются) при м. Богополѣ. Первое—въ чертѣ мѣстечка, среди крестьянскихъ усадьбъ, по дорогѣ, идущей въ г. Балту; второй — въ 150 саж. отъ мѣстечка и 12 саж. отъ дороги въ г. Умань; третій — въ 165 саж. отъ мѣстечка и въ 6 саж. отъ дороги, ведущей въ с. Чаусову. Всѣ три окопа помѣщены на ровномъ мѣстѣ; первый въ 90 саж., а прочіе два въ верстѣ отъ р. Буга. Первый окопъ имѣетъ въ длину 6, а въ ширину 3 саж., второй длиною въ 7 и шириною въ $3\frac{1}{2}$ саж., третьяго длина $7\frac{1}{2}$, а ширина 4 саж. Форма ихъ четырехугольная. Поверхность площадей холмистая; почва этихъ площадей глинистая, тогда какъ почва смежныхъ полѣй—черноземная. Всѣ эти насыпи обведены рвами съ трехъ сторонъ: в., з. и ю.; ширина рвовъ $2\frac{1}{2}$ саж. Насыпи эти сохранились вполнѣ. Мѣстные жители рассказываютъ, что эти окопы устроены во время Крымской войны по распоряженію военнаго начальства. Въ предѣлахъ волости имѣется около 70 кургановъ, которые по частямъ находятся во всѣхъ селахъ входящихъ въ составъ этой волости, именно: въ м. Богополѣ, д. Бѣлославчикѣ, с. Станиславчикѣ, с. Лащовкѣ, д. Лукашовкѣ, с.с. Долгой Пристани, Подгурьи и Чаусовой, м. Конецполѣ, д. Пороповкѣ, с.с. Крымкѣ, Кумарѣ и д.д. Каменной балкѣ и Николаевкѣ. Одинъ изъ кургановъ, находящихся при м. Богополѣ, раскопанъ, но когда, кѣмъ и съ какою цѣлью неизвѣстно. По донесеніямъ остальныхъ 13 волостей, въ ихъ предѣлахъ городищъ нѣтъ, а только курганы.

Липовенская вол. Могила при с. Липовеньковѣ на землевладѣльческой землѣ, въ степи, съ правой стороны дороги, ведущей изъ м. Богополя въ м. Покотылову. Могила эта имѣетъ плоскую вершину, но раскапываема не была. 9 могилъ при с. Капитанкѣ; изъ нихъ 3 на крестьянской землѣ, а 6—на помѣщичьей. 10 могилъ при с. Витольдовомъ Бродѣ; 4 на крестьянской землѣ, а 6 на помѣщичьей.

9 могилъ при с. Луисеватой; 6 — на крестьянской землѣ, изъ нихъ одна большая, и 4 могилы средней величины — на земледѣльческой землѣ. 8 могилъ при с. Молдавкѣ. Изъ нихъ 2 большія на крестьянской землѣ, одна на церковномъ полѣ, одна въ центрѣ села, на базкѣ и 4 большія могилы на помещичьей землѣ. 10 могилъ при с. Гладной; 3 на крестьянской, а 7 — на помещичьей землѣ. Изъ нихъ 2 большія и потому не раскапываются, остальныя же 8 раскапываются полѣ помещика. Небольшое возвышеніе при с. Свириевой на крестьянскомъ полѣ. 7 могилъ при с. Пушкиной, 5 на крестьянской землѣ и 2 на помещичьей. Всѣ эти могилы нигдѣ не раскапывались, почти всѣ онѣ помѣщены на высокихъ мѣстахъ.

Гармацкая вол. Въ этой волости явится 53 кургана на слѣдующихъ пунктахъ: при с.с. Гармацкомъ 9, Цыбуловкѣ 2, Дубовой 3, Журѣ 7, Батушанкахъ 9, д.д. Михалевкѣ 3, Доббанахъ 3, Красномъ Куцѣ 7, Цыхановкѣ 2 и при м. Игоревѣ 3. Всѣ эти курганы помѣщены на поляхъ и преимущественно на ровныхъ мѣстахъ.

Юзефопольская вол. Въ предѣлахъ этой волости 48 могилъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: при м. Юзефополѣ 5, при сс. Покровской Балкѣ — 3, Доросинкѣ — 2, Сухомъ-Ташликѣ — 5, Катеринкѣ — 5, Куцой Балкѣ — 11, Овсѣянкѣ — 5, Корытной — 4, Бузниковатий — 3 и д. Овсѣянахъ — 5. Изъ этихъ могилъ 6 при с. Куцой Балкѣ и 2 при с. Овсѣянкѣ помѣщены на высокомъ мѣстѣ, близъ р. Синюха, а остальныя 40 — на ровныхъ мѣстахъ.

Одну могилу при с. Катеринкѣ, назвавъ тому лѣтъ 20, раскапывалъ крестьянинъ Иванъ Печнипорокъ съ цѣлю найти кладъ. Но, выкопавъ сокровища, нашелъ мѣдный котелокъ и остовъ человѣка и лошади. Одна могила при с. Бузниковатой тоже была раскапана лѣтъ 20 назадъ владѣльцемъ сего с. Маріаномъ Тарховскимъ, причемъ были найдены каменный крестъ и человѣческій скелетъ. Остальныя могилы цѣлы.

Велико-Мечетинская вол. 11 курганныхъ-могилъ при с. Великой Мечетной. Изъ этой группы два кургана помѣщены на крестьянскихъ усадьбахъ близъ р. Буга; изъ нихъ одинъ, называющийся „Мечетомъ“, разрушалъ добытцеламъ тѣмъ, а другой, громадной величины, уцѣлѣлъ. Могила на общественномъ выгонѣ на возвышенномъ мѣстѣ, она потрепана жадными добытцелами изъ желѣзного камня и кирпича. Дѣлъ могилы на фермѣ вице-адмирала Завойко на возвышенномъ мѣстѣ; изъ одной изъ этихъ могилъ крестьяне при копаніи кирпича нашли „пустой погребъ“ небольшого размѣра, тако-

женный жженымъ кирпичемъ и залитый свинцомъ, такъ что съ большими трудомъ могли пробить въ немъ отверстіе; другая могила раскапываема не была. Небольшая могила близъ села на берегу р. Буга. Три могилы — одна большая и двѣ малыя — по горой, близъ дороги, идущей изъ с. Мечетной въ с. Терновату; раскапываемы не были. Небольшая могила на крестьянской землѣ, близъ села, на высокомъ мѣстѣ; раскапываема не была. Тоже небольшая могила на крестьянской землѣ, на ровномъ мѣстѣ, близъ д. Николаевки; могила эта повреждена добываніемъ въ ней дикаго камня. 3 небольшія могилы при с. Токаровкѣ на крестьянской землѣ; раскопокъ не было. 14 могилъ при с. Чаусовой, на крестьянскихъ поляхъ, на возвышенныхъ мѣстахъ; могилы эти раскапываемы не были. Изъ нихъ двѣ выдаются своей величиной: первая, называемая „Мечетнянской“, а другая „Крестомъ“; на ней стоитъ издавна крестъ. При томъ же с. Чаусовой сохранились остатки военныхъ укрѣпленій, состоящіе изъ „обширныхъ и длинныхъ ямъ, окруженныхъ съ в. стороны валами; многія изъ этихъ ямъ соединены канавами. Помѣщены онѣ при р. Бугѣ и оврагѣ, называемомъ Кудца, на ружейный выстрѣлъ отъ противоположнаго берега р. Буга. Полагаютъ, что эти ямы устроены съ цѣлью препятствовать непріятелю переправиться въ бродъ черезъ р. Бугъ. Что эти ямы устроены были съ стратегическою цѣлью, ссылаются, во-первыхъ, на народное преданіе, которое говоритъ, что въ этихъ ямахъ жили гайдамаки и вторыхъ, на то, что въ окрестностяхъ этихъ ямъ не такъ давно мѣстные жители находили при распашкѣ полей: „стрѣлы, пикн, сабли, кинжалы, человѣческія кости и гробы изъ каменныхъ плитъ“. Въ гробахъ этихъ оказывались кости людей, похороненныхъ одѣтыми въ панцыри; при нихъ находили сабли и друг. военное оружіе. Двѣ могилы близъ с. Лукановки, на низкомъ мѣстѣ. Раскапываемы не были и сохранились въ цѣлости. 9 большихъ могилъ при с. Беризкахъ Ныдкодымскихъ, на крестьянскихъ поляхъ; раскапываемы не были. Изъ нихъ 6 находятся при дорогѣ, идущей изъ г. Ольгополя въ г. Балту. 4 могилы при с. Малой Мечетной, на крестьянской землѣ, на ровномъ мѣстѣ. Раскапываемы не были и сохранились въ цѣлости. 7 могилъ при с. Оныськовой, на крестьянской землѣ, на возвышенныхъ мѣстахъ. Раскапываемы не были. 2 могилы при с. Терноватой. Одна на ровномъ мѣстѣ на крестьянскомъ полѣ, а другая, большая, близъ р. Буга.

Троянская вол. 7 могилъ при с. Троянкѣ. 2 изъ нихъ находятся на землѣ помѣщика Русецкаго и по его распоряженію были раскопаны въ 50-хъ гг. Въ первой, большой, имѣющей въ окружности

Тридубская вол. Въ предѣлахъ этой волости 28 кургановъ, именно: при сс. Тридубахъ—5, Секретаркѣ—4, Красенькомъ—7, Дубиновой—2. Очеретной—2, Буриловой—3, Курочихъ Лозахъ—1 и д. Стапиславчикѣ Курачанскомъ—4. Курганы эти помѣщены на поляхъ и сѣнокосахъ, на ровныхъ мѣстахъ. Раскапываемы не были. При с. Красеньковѣ, въ лѣсу, въ урочищѣ „Западня“ есть пещера, въ которой крестьянинъ с. Даниловой Балки Петрашевскій искалъ клада, но ничего не нашель.

Велико-Бобрикская вол. 5 кургановъ при с. Великомъ-Бобрикѣ. Курганы эти вышиною отъ 4 до 7 аршинъ. Три изъ нихъ помѣщены въ центрѣ села; въ двухъ изъ нихъ устроены погреба для сохраненія пчелъ, а въ третьемъ—винный погребъ. Одинъ курганъ изъ этой группы находится при почтовой дорогѣ; при проведеніи дороги часть его раскопали съ южной стороны и нашли человѣческія кости и побитую черепяную посуду. 3 кургана отъ 3 до 5 аршинъ вышиною при приселкѣ Арчинитовкѣ. Два изъ нихъ съ с. стороны приселка, на высотѣ, на ровномъ мѣстѣ, при почтовой дорогѣ, а одинъ на пахотномъ полѣ, тоже на ровномъ мѣстѣ. 4 кургана вышиною отъ 3 до 8 аршинъ при с. Гвоздовкѣ, на ровномъ мѣстѣ. Изъ нихъ одинъ находится среди села, одинъ на выгонѣ и два на пахатномъ полѣ: одинъ съ з. стороны села, а другой съ в. Послѣдній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскопанъ искателями кладовъ. 3 кургана вышиною отъ 3 до 4 арш. при д. Ясиновой, на ровныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ одинъ находится въ центрѣ деревни, а два на пахатныхъ поляхъ; изъ этихъ двухъ кургановъ одинъ раскопанъ съ с. стороны при проведеніи почтовой дороги, а при другомъ имѣется ровъ съ с. стороны, длиною въ 20, а глубиною въ 1 саж. Въ центрѣ слободки Янишовки имѣется земляной валъ длиною въ 50, а шириною въ 2 саж. Валъ этотъ идетъ по направленію съ С. на Ю. Южный конецъ его раскопанъ. Преданій о немъ нѣтъ. Курганъ вышиною въ сажень при д. Маломъ Бобрикѣ, на пахатныхъ поляхъ, на ровномъ мѣстѣ. 3 кургана при м. Кривомъ Озерѣ; курганы эти имѣютъ въ вышину отъ $2\frac{1}{2}$ до 8 арш., помѣщены они въ степи на з. отъ мѣстечка. При одномъ изъ нихъ имѣется валъ длиною въ 40 саж.; на немъ сохранились слѣды раскопокъ, производившихся нѣкогда искателями кладовъ. Народное преданіе относитъ происхожденіе этихъ кургановъ и вала ко времени татарскихъ набѣговъ. Курганъ, называемый народомъ „Семеновою могилой“, при д. Гедзиловой, съ южной стороны. Этотъ курганъ имѣетъ въ вышину 4 арш.; помѣщенъ онъ на вершинѣ крутой горы. Курганъ, вышиною въ 2 саж. на границѣ

земель с. Кричуновой и д. Гелитовой и Малого Габриша. Они помещены на вершинѣ той же горы, что и предыдущія. Курганъ этотъ съ в. стороны раскопанъ. Говорятъ, что въ этомъ раскопѣ были найдены курганы, называемый народомъ „Киришанна жогитъ“, при с. Магуровой, съ в. стороны. Этотъ курганъ имѣетъ въ вышину 3 арш.; помещенъ онъ на вершинѣ горы. 3 кургана, называемые „Бераситоними мегалами“, при с. Михальченковой, на горѣ. Два изъ нихъ имѣютъ въ вышину по 4, а третій 2 арш. Курганы вышнюю въ сажень при с. Кричуновой, на горѣ. Курганы вышнюю въ 5 арш., на поляхъ бывшей колоніи Гельбиновой, на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ.

Чернявская вол. Въ этой волости есть 21 могила, именно при с.с. Чорной—7, Тисхолунгъ—2, Тоналой—8 и д.д. Артемовъ—1, Флѣорой—2. Изъ кургановъ, находящихся при с. Тоналой, 4 помещены отъ границы с. Журъ; по народному преданію, на мѣстѣ этихъ 4 могилъ когда-то происходило сраженіе. Происхожденію этихъ кургановъ, по народному преданію, относится ко времени татарскихъ набѣговъ.

Даниловская вол. 3 кургана при с. Чемяришѣ, изъ нихъ одинъ вышнюю въ 5 саж. находится въ центрѣ села, другой вышнюю въ $3\frac{1}{2}$ саж., близъ села, въ степи, третій на полѣ, по дорогѣ къ с. Каменный Бродъ. Курганы эти когда-то были раскопываемы, потому что по серединѣ его есть пинация въ $3\frac{1}{4}$ кв. саж. 3 кургана при с. Собатановкѣ, по дорогѣ, ведущей въ с. Даниловую Балку. Одинъ изъ нихъ вышнюю въ 4 саж. Помѣщены они въ степи. 2 кургана въ степи при с. Луцановой (если это называется также Красненькое), 3 кургана въ степи при д. Дельфиновѣ, одинъ помещенъ со стороны Луцелянской степи, а два со стороны села Люмивкатой. 2 кургана на поляхъ при с. Лосоватой; 2 кургана на поляхъ при с. Лосолтой, одинъ вышнюю въ 4, а другой въ 3 саж. 2 кургана при д. Молдованкѣ; одинъ во влѣ самой деревни, а другой въ 2-хъ в. отъ нея. Оба вышнюю по $3\frac{1}{2}$ саж. 2 кургана на поляхъ при с. Каменномъ Бродѣ, одинъ по направленію къ д. Молдованкѣ, а другой со стороны с. Даваловой Балки. Последний незначительно когда и вѣкъ раскопанъ. 3 кургана при с. Даниловой Балкѣ, на полѣ; одинъ съ в. стороны села въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ него, а другой съ в. стороны села въ верстѣ отъ него, третій же на границѣ земель с.с. Шапранскѣ и Даниловой Балки, въ 2-хъ в. отъ этихъ селъ.

Нестоятская вол. 3 могилы при с. Нестоятой, двѣ на возвышенномъ мѣстѣ, одна на возвышенномъ. 6 могилъ при с. Кутьной, на возвышенномъ мѣстѣ. 3 могилы при д. Глубочкѣ, съ холмѣ „Игоранскъ“. 2 могилы при с. Любимиркѣ, на поповомъ мѣстѣ.

Савранская вол. 4 могилы при м. Саврани, по дорогѣ въ с. Каменоватую, на ровномъ мѣстѣ. 7 могилъ при с. Каменоватой; изъ нихъ 2 помѣщены надъ р. Бугомъ, 4 на полѣ по дорогѣ въ с. Байбузовку и одна по дорогѣ въ с. Казавчипъ. Одна могила въ м. Саврани раскопана, но когда, кѣмъ и съ какою цѣлью, неизвѣстно.

Песчанская вол. 4 кургана при с. Песчаной, на полѣ, на ровномъ мѣстѣ. По одной могилѣ при м. Пужайковѣ и Новиполѣ, на поляхъ, на высокихъ мѣстахъ. Могила въ с. Пужайковѣ и одна въ м. Песчаной раскопаны, но время и цѣль этой раскопки неизвѣстны, равно неизвѣстно, было-ли что найдено въ этихъ насыпяхъ. Всего въ Подольской губерніи, по донесеніямъ волостей, отмѣчены 104 городища и болѣе 1.516 кургановъ.

Воронежская губ.

Задонскій у. Сѣнновская вол. Въ 5 в. отъ с. Пекшева кругообразное городище (майданъ?). Длина 7 саж., ширина 7 саж., окружность 14 саж.; длина вала 20 саж., ширина — 15 саж. Находится въ пахатномъ полѣ и значительно разрушено скотомъ. Курганы имѣются при сс. Манинѣ, Плещеевѣ и Карачунѣ.

Землянскій у. Касторинская вол. Въ 2 в. отъ с. Касторнаго кругообразное городище, находящееся на ровномъ мѣстѣ въ полѣ. Длинною 27, шириною 5, въ окружности 70 саж. Площадка плоская. Съ в. стороны—валъ, имѣющій въ длину 27 саж., ширину 3 саж. и 1 арш. Разрушено. Въ 5 в. отъ г. Землянска, въ с. Чистой Полянѣ городище четырехугольной формы, имѣющее въ длину 65, ширину 27, окружности 200 саж. Вокругъ городища рвы, длиною 65, шириною 2 саж. и 1 арш. Находится на возвышенномъ мѣстѣ, при пересыхающемъ озерѣ. На площади добывается глина, причемъ найденъ былъ небольшой кинжалъ, а съ в. стороны городища находятъ уголь. Въ 2¹/₂ в. отъ с. Нижняго Ломовца Калобинской вол. находится „Волотова могила“, имѣющая въ длину 35, ширину 15, окружности 75 саж. Курганъ имѣется въ 12 в. отъ с. Горяинова Орѣховской вол., и два кургана при д. Слизнѣвкѣ Касторинской вол. Всѣ эти курганы распахиваются.

Нижнедѣвическій у. Туровская вол. Въ разстояніи 1 в. отъ с. Хохла существовало городище (?) кругообразной формы; было помѣщено на полугорѣ, на берегу р. Дѣвицѣ. Разрушено водою. Въ дачѣ с. Турога находится 58 кургановъ, изъ нихъ 44 помѣщены на

возвышенныхъ мѣстахъ, одинъ въ Туровскомъ лѣсу и 13 на рѣшномъ пахатномъ мѣстѣ. Въ дачѣ с. Хохла имѣется 51 курганъ, изъ нихъ 23 на возвышенномъ берегу р. Дѣсны, два на низменномъ мѣстѣ, остальные въ пахатныхъ поляхъ. Кроме 4-хъ, все курганы распахиваются. Истобненская вол. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ с. Подосоловскаго городище четырехугольной формы, на высокомъ мѣстѣ, вблизи водоема; въ длину имѣетъ 100, въ ширину 60, въ окружности 300 саж. Площадь покатиная, съ В., С. и З.—ры и овраги, съ Ю.—небольшой валъ и ровъ. Близъ с. Истобнаго на пахатномъ полѣ 7 кургановъ и одинъ на низкомъ мѣстѣ. Въ дачѣ с. Краснаго въ полѣ 2 кургана и пять лугомъ одинъ. Близъ с. Новосоколовскаго въ полѣ 4 кургана и въ дачѣ с. Скупой Потудани 3 кургана. Близъ того же села Потудань городище, имѣющее въ длину 115 саж., ширину 60 саж., окружности 360 саж. Площадь покатая и поперекъ городища валъ со рвомъ. Роговская вол. На землѣ г. Чувицина, въ $3\frac{1}{2}$ в. отъ с. Россони, близъ р. Скупой Потудани находится четырехугольное городище, имѣющее въ длину 20, въ ширину 10, а въ окружности 60 саж. Площадка покатая. Расположено на возвыш., на берегу болота; виднѣются валы съ одной стороны и вѣроятъ низа. Въ волости находятся: 8 кургановъ близъ с. Роговатаго, 8—въ полѣ, въ разныхъ мѣстахъ, близъ с. Шаталовки, 26 въ поляхъ с. Россонь. При с. Никольскомъ Никольской вол. 13 кургановъ, при Никольскомъ выселкѣ 7 кургановъ, при Никольскомъ выселкѣ, что на Еманѣ — 2. Въ 5 в. отъ д. Чужиковой Чужиковской вол. курганъ, вышиною 3 арш., въ окружности 60 саж. Курганы находятся на землѣ с. Нижняго Гнидаго Неполовской вол., между селеніями Богородицкой и Сомони. Въ Солдатской вол. курганы находятся: одинъ близъ д. Рыбдиной, около с. Старого Оскола, на землѣ Глаф. Фил. Добролюбской, одинъ на переланной землѣ с. Горшечнаго, одинъ близъ д. Андреевки, на полѣ г. Дружани, одинъ въ урочищѣ Юровѣ, на с. Ключемъ на землѣ купца Гаврилова и одинъ въ Троицкомъ лѣсу по дорогѣ изъ с. Старого Роговаго въ Бекетово. Курганы имѣютъ въ вышину до 3-хъ саж. и вьются въ видѣ сѣнскихъ коней. Сивининиговская вол. При с. Гнизъ Липани находится 12 кургановъ. Первый на болыномъ Муромскомъ шляхѣ, прѣлѣтающемъ отъ с. Истобнаго, близъ слѣваго озера; вѣроятно направо по прямой линіи отъ этого кургана въ 4-хъ в. имѣетъ два кургана; отъ нихъ въ двухъ верстахъ еще одинъ. А отъ него въ 4 в. вѣрно на Ю. 2 кургана. По той же дорогѣ вѣрно на Ю. въ 6 в. н.

2 кургана съ ямами наверху. Въ противоположную сторону отъ села къ В. одинъ курганъ; отъ него въ 2-хъ в. въ прямомъ направленіи еще одинъ; отъ этого влѣво къ З. въ 5-ти в. одинъ курганъ; отъ этого къ З., въ 4-хъ в. отъ села, при шляхѣ, послѣдній курганъ. Эти курганы имѣютъ въ вышину отъ 3-хъ до 6 арш., кругомъ отъ 20 до 30 саж., и почти всеѣ распаханы.

Воронежскій у. Хавская вол. При с. Верхней Хавѣ на возвышенныхъ мѣстахъ въ разстояніи одинъ отъ другого въ 5 в. находятся два кургана, изъ которыхъ одинъ называется Чернымъ. При с. Большой Приваловкѣ 4 кургана, изъ нихъ одинъ прозванъ Сиротскимъ. Курганъ при с-цѣ Никольскомъ въ полѣ Ник. Дим. Халютина. При с. Богословскомъ два кургана; изъ нихъ одинъ называется „Старое Дворище“. При с-цѣ Аннинскомъ курганъ „Карнѣевъ“. При с-цѣ Сухіе Гаи на землѣ гг. Савостьяновыхъ 6 кургановъ, называемыхъ „Частые“; изъ нихъ 4 расположены вмѣстѣ и два въ разстояніи 200 саж. *Ивановская вол.* Курганъ, въ 3 саж. вышиною и 12 саж. длиною, на землѣ гг. Кстишинскихъ, близъ хут. Таловаго; по кургану проходитъ дорога, ведущая въ с. Верхнюю Хаву. Въ насыпи курень для полевого сторожа. Три кургана, вышиною $2\frac{1}{2}$ саж., шириною 15 саж., на высокомъ мѣстѣ при с. Михайловскомъ 2-мъ на землѣ г. Савостьянова. Три кургана по 2 саж. вышиною и 30 саж. шириною, при с. Дмитріевскомъ на землѣ г. Перелепина; всеѣ курганы распахиваются. Два кургана, на землѣ г-жи Домогатской, близъ дороги, пролегающей въ с. Верх. Мазу; одинъ высотой $3\frac{1}{2}$ саж. и шириною 30 саж., другой высотой $2\frac{1}{2}$ арш., шириною 10 саж., распаханный. Два кургана на землѣ с. Краснаго, вышиною 2 арш., шириною 3 саж.; оба распахиваются. Три кургана по 2 саж. вышины, шириною по 15 саж. близъ д. Ѳедоровки. Близъ с-ца Васильевского, на помѣщичьей землѣ, курганъ вышиною 3 арш. На землѣ г. Тулипова близъ лѣса два кургана, по $1\frac{1}{2}$ саж. высотой и 20 саж. шириною; третій курганъ тамъ же въ лѣсу вышиною въ 1 саж. Близъ Бабьяго лога при с-цѣ Петровскомъ два кургана, вышиною по 1 саж. Курганъ, вышиною въ 1 саж., шириною 10 саж., при с-цѣ Суходолкѣ на помѣщичьей землѣ. Три кургана, высотой по $1\frac{1}{2}$ саж., шириною по 18 саж., при с-цѣ Хавенкѣ. Одинъ курганъ, вышиною $1\frac{1}{2}$ саж., шириною 15 саж., при с-цѣ Ѳоминичѣ, на землѣ гг. Кстишинскихъ, близъ озера. Курганъ, высотой 3 саж., шириною 20 саж., при с-цѣ Никольскомъ 1-мъ, на землѣ г. Задѣпина. Два кургана, высотой по $3\frac{1}{2}$ саж., шириною по 30 саж., при с-цѣ Никольскомъ 2-мъ, на землѣ

г. Ключевской. Котуховская вол. Очень небольшие курганы въ полѣ южной Котуховки. Усманская вол. Четыре кургана при д. Парусной, пять на поляхъ с. Усманки и два близъ с. Равки. Орловская вол. Два городища на в. Орловѣ, 25 и 17 саж. въ диаметръ, круглой формы, окружены валами и рвами. Близъ с. Орлово три кургана: Конаный, Острый и Куряховъ. Близъ с. Мавры курганы: Луговой, Стопочка, Болшой и еще одинъ, около которыхъ разсѣяно до 6 малыхъ. Близъ села Горюхи курганы Кошары и еще второй. Близъ села Горенскихъ выселковъ два кургана, называемые „Два брата“. Близъ д. Никоновой три кургана. Въ 18 в. отъ с. Тресвятскаго Зибинскій курганъ. По кургану близъ хутора Хлопотнаго и с. Приваловки. Близъ с-ва Пригоны два кургана, Рытый и Сапожный, оба раскопанные; по раскопкамъ, по которымъ найдены сапожная шила и молотокъ. Рождественская вол. Въ 3-хъ в. отъ с. Казанская Хава городище четырехугольной формы, имѣющее въ длину и ширину по 50 саж. Валъ имѣетъ въ длину до 52 саж. и въ ширину 1 саж. Въ 6 в. отъ с. Рождественская Хава кругообразное городище, имѣющее въ длину и ширину по 12 саж. Со всѣхъ сторонъ окружено валами $\frac{1}{2}$ саж. вышины, $1\frac{1}{2}$ саж. ширины. Площадка ровная, съ небольшими холмиками построекъ, распахивается. Въ 4-хъ в. отъ с. Хриновое кругообразное городище, имѣющее въ длину 10 саж., въ ширину 6 саж., въ окружности до 30 саж. Курганы при с. Рождественской Хавѣ (1), при с. Хриновскомъ (3), при с. Казанской Хавѣ (1), при с-вѣ Петропавловскомъ (1). Чижовская вол. Три кургана близъ Воронежа по Мамышевской дорогѣ у золотого яма: одинъ въ 8 в. отъ Воронежа, второй — въ 2-хъ в. отъ первого, 3-й въ 300 саж. отъ второго; послѣдній имѣетъ углубленіе на $2\frac{1}{2}$ арш. глубины, 4 арш. ширины. Два кургана въ 2-хъ в. отъ д. Грушиной, въ разстояніи одинъ отъ другого въ 200 саж. Первый въ 1-й в. отъ другого въ 6-ти в. отъ с. Мамышки, второй изъ нихъ раскопанъ. Можайская вол. Курганы находятся при посѣлкѣ Мамышковъ (2), въ Горенскомъ (3), Запрудномъ (10), Мародьскомъ (3), Рыбачинскомъ (1), Дюковскомъ (3), Карамышевскомъ (1), въ Красномъ лесу (10), всего 37 кургановъ, всѣ они находились на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ 1868 г. были раскопаны Луговой курганъ въ Рыбачинскомъ полѣ, при чемъ злочи не было найдено. Въ курганѣ Зеленецкомъ, раскопанномъ въ 1870 г. по Давыдову, найдены деревянная перегородка и деревянные стѣны. Тресвятскій холмъ

Въ 3-хъ в. отъ с. Гремячаго круглое городище, шириною въ 8 саж.; посрединѣ яма, изъ которой имѣется выходъ. Въ 5-ти в. отъ с. Рудкина курганъ вышиною въ 5 саж., кругомъ 20 саж. (?) Въ 12 в. отъ с. Костенокъ курганъ вышиною 5 саж., шириною 12 саж., кругомъ 26 саж. (?) Вблизи имѣется еще 4 такихъ же кургана.

Коротоякскій у. Въ 7 в. отъ г. Коротояка, по направленію къ хутору Мостицу трехугольное городище, имѣющее въ длину 160, въ ширину 130 и въ окружности 460 саж., расположено по р. Потудани и укрѣвлено съ с. и с-з. стороны валомъ, имѣющимъ 250 саж. длины и 5 саж. ширины. Распахивается. Вблизи этого городища въ 1 в. курганъ съ широкою ямою на верху; близъ подгородной слободы Успенской другой курганъ.

Боршевская вол. Въ 1 в. отъ с. Боршева сохранилось большое городище, прорытое двумя логами и отчасти поросшее лѣсомъ, расположено на правомъ берегу Дона, на высотѣ до 50 саж. Имѣетъ форму полукруга, прямую линію котораго составляетъ берегъ р. Дона, длиною на 300 саж., а вся окружность городища простирается на 900 саж. Есть какой-то валъ, длиною 60 саж., шириною 15 саж. Къ З. черезъ логъ на косогорѣ 6 насыпныхъ бугровъ, шириною до 6 саж., а кругомъ отъ 20 до 40 саж.; къ в. сторонѣ отъ вала по косогору на обѣихъ сторонахъ лога въ три ряда до 100 небольшихъ ямокъ; къ В. идетъ продолженіе вала до Дону, при которомъ замѣтенъ ровъ, шириною 15 саж., глубиною 1 саж., длиною 100 свж. Далѣе къ В. поперегъ бугра ровъ, длиною 25 саж., шириною 5 саж., глубиною 5 арш. Къ Ю. противъ валовъ въ лѣсу до 100 насыпей, шириною по 5 саж., вышиною по 6 аршинъ; всего рвы тянутся на разстояніи 205 саж. Подъ городищемъ по склону р. Дона попадаетъ много глиняныхъ черепковъ, костей и угля; тутъ же найдена была мѣдная кастрюля, ножъ въ костяныхъ черенкахъ и, по слухамъ, также монеты. Въ 1 в. отъ с. Архангельскаго (Голышевка) находится городище такой же формы, надъ р. Дономъ, берегъ котораго поднимается здѣсь на 50 саж. Прямая линія городища имѣетъ 200 саж., а полукругъ 440 саж. Площадь городища пересѣчена посрединѣ канавою въ 125 саж., раздѣляющей городище на двѣ части; первая часть укрѣплена валомъ и двумя рвами, длиною 240 саж., по обѣимъ сторонамъ его; поперегъ второй части канава на 50 саж.; укрѣплена эта часть рвомъ въ 200 саж. длиною. На противоположномъ берегу р. Дона имѣются слѣды какого-то стараго поселенія, въ которомъ находятъ серебряныя монеты. Въ дачахъ с. Россоши Оськинской вол. находятся три кургана. За р. Дономъ на землѣ

с. Сторожового въ разныхъ мѣстахъ три отрожающа кургана. Въ 7 в. отъ с. Россонска а въ 4 отъ с. Сторожового выйдя въѣзжа въ кля. Курганы находятся: большой курганъ въ 10 в. отъ с. Ибнечана, въ направленіи къ с. Козетонкѣ, въ 11 в. отъ с. Маетосана. 6 кургановъ разной величины, и при с. Осленнѣ два кургана стрѣной величина. Дале курганы находятся: при поселкѣ Новаго Ослена (1), при с. Верхней Россоня (2) и при поселкѣ Соловцовскѣ (3).

Колбинская вол. Въ 1 в. отъ с. Прилѣнахъ курганъ, имѣющее 20 саж. длины и 15 ширины, окружено тремя валами. Другое курганное городище въ 4 в. отъ с. Прилѣна, называемое „Майданомъ“ имѣющее длину и ширину по 30 саж., окружено однимъ валомъ. Въ одной верстѣ отъ д. Владичиной городище, имѣющее длину и ширину по 24 саж., два вѣтъ. Курганы находятся: при с. Гердаха, Болотинскѣ, Усть-Муравьянскѣ, Прилѣнахъ, Солдатовскѣ, и при д. Владичиномъ и слоб. Сасовскѣ, всего 24 курганъ.

Въ Расховецкой вол. курганы имѣются: при с. Бывотѣ (2), при с. Расховецкомъ (4), распахиваются. Въ 200 саж. отъ с. Крутого Крагинской вол. находится круглое городище, имѣющее въ ширину 56 саж., въ длину 71 саж. и расположенное на возвышеніи, имѣющемъ наклонъ къ оврагу; внутренний валъ имѣетъ 177 саж. въ окружности и 3 саж. въ ширину, а внешний валъ, расположенный отъ внутреннего на 10 саж., имѣетъ въ ширину не болѣе 3 арш.

Острогожскій у. При хут. Острогожскѣ въ 4 в. по дорогѣ въ г. Острогожскѣ три кургана, въ которыхъ слѣды были раскопаны кладовоскателин; курганы до 7 арш. вышины и остроугольной формы. Въ Владиміровской вол. курганъ имѣется: 6 при слоб. Владиміровскѣ, 4 въ слоб. Николинскѣ и 12 въ слоб. Петропавловскѣ. Въ Елдоковской вол. курганъ находится: два при хут. Куликовскѣ, вышиною въ 5 и 3 арш., 4 кургана при слоб. Верхъ-Маркѣ, вышиною 3 и 1 саж., одинъ курганъ въ 1 в. отъ хут. Рыбачева, вышиною до 3 саж., 3 кургана близъ хут. Митурна, вышиною болѣе 2-хъ саж., одинъ курганъ близъ хут. Иркова до 3 саж. вышины, два кургана близъ слоб. Елдоковой вышиною до 3 саж., одинъ курганъ близъ хут. Доложана. Почти всѣ курганы распахиваются. Въ 4 в. отъ хут. Владиміровской вол. въ впадинѣ оврага есть кладовище каменныхъ курганное городище, имѣющее до 400 саж. длины, до 200 ширины и до 1.000 въ окружности, окруженъ однимъ валамъ и разбитъ на три части. Близъ слоб. Новой Сосны имѣется курганъ, имѣющий длину.

Лисинская вол. Въ 3 в. отъ слоб. Осленнѣ городище и курганъ.

угольной формы, имѣющее въ длину 42 саж., ширину 38 саж., въ окружности 160 саж. Съ с. стороны прилегасть къ крутизнѣ мѣловой горы, близь которой находится Дивногорскій монастырь, а съ остальныхъ сторонъ окружено валомъ и рвомъ. На землѣ слоб. Лыски близь слоб. Криницы городокъ четырехъугольной формы, имѣющій по 12 саж. въ каждой сторонѣ; окружено валомъ, по 15 саж. въ каждой сторонѣ. Въ 5 в. отъ слоб. Лыски городище трехъугольной формы, по 48 саж. въ каждой сторонѣ; съ ю. и с. стороны валы, сведенные къ В. остро-конечно. Помѣщается на ровномъ мѣстѣ среди пахатныхъ полей. На выгонѣ слоб. Лыски находятся въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи 8 кургановъ. Близъ слоб. Селявной въ трехъ группахъ расположено 19 кургановъ, два кургана въ 1½ в. отъ хут. Мысева на пашнѣ, три кургана на пахатной землѣ хут. Мелахина, 7 кургановъ при хут. Понасномъ: 5 кургановъ, идущихъ рядомъ, при слоб. Коломыйцевой. Три кругообразныя городища, по 40 саж. въ окружности, имѣются близъ слоб. Поповки (1), близъ хут. Шапочкина на землѣ г. Казачкова (2), близъ хут. Шапочкина на землѣ Айгустова (1) Подгоренской вол. Расположены въ поляхъ; съ з. стороны примѣтны выемки. Близъ Судьевки 10 кургановъ, изъ которыхъ одинъ на низкомъ мѣстѣ. Въ 1½ в. отъ слоб. Судьевки два большіе кургана на землѣ г. Рикгофъ. Въ 1½ в. отъ Кулешевки, въ полѣ, „Острый“ курганъ и одинъ на Кулешевскомъ полѣ около дороги; изъ этихъ кургановъ нѣкоторые были раскапываемы для обжиганья кирпича и извести, причемъ были находимы человѣческія кости. 4 кургана находятся близъ слоб. Сагуновой Сагуновской вол., изъ которыхъ два расположены на выгонѣ слободы и имѣютъ значительную величину, а два въ 8 в. по дорогѣ въ слоб. Подгорную. Два кургана находятся на высокомъ мѣстѣ близъ Дона въ 7 в. отъ слоб. Марокъ Марковской вол.; курганы были раскапываемы крестьянами, причемъ выкопаны были лошадиныя кости и желѣзныя удила. При слоб. Колыбелькѣ Колыбельской вол. 7 кургановъ, изъ которыхъ три расположены на высокомъ мѣстѣ близъ Дона, а четыре въ полѣ на ровномъ мѣстѣ; изъ этихъ кургановъ три были раскопаны г.г. Тевяшевыми и г. Станкевичемъ, причемъ найдены были человѣческія кости. Къ З. отъ слоб. Ольховатки Ольховатск. вол. находятся въ полѣ на высокомъ мѣстѣ три кургана, изъ нихъ два по 3 саж. и одинъ въ 1 саж. Съ ю. стороны слободы курганъ вышиною 2 саж., въ окружности 70 саж., со впадиной на верху, около котораго имѣется нѣсколько какихъ-то насыпей или валовъ по 1½ саж. вышины; на в. сторонѣ слободы два кургана вышиною по двѣ саж., въ окружности

25 и 30 саж., близъ одного края нѣхъ нѣтъ нѣмцы. Айдарская вол. Въ двухъ в. отъ слоб. Айдара городище кругообразной формы, имѣющее въ длину 5 саж., ширину 10 саж., окружности 30 саж.; середина городища углубленная въ нѣмцы, кромѣ того на днѣ углубленіе длиною 2 саж., шириною 4 саж. Длинна вала 30 саж., ширина 7 саж. Въ 4 в. отъ слоб. Айдара городище продолговатой формы, имѣющее въ длину 10 саж., ширину 5 саж., окружности вала 16 саж., длиною, 4 саж. шириною; середина нѣмцы углубленна. Расположено на высокомъ мѣстѣ, среди пашень, близъ села Крутики. Въ 5 в. отъ слоб. Айдара, въ 1 в. отъ хут. Омина четырехъугольное городище, имѣющее въ длину 50 саж., ширину 10 саж.; углублено окрѣпками и рвами. Въ 3 в. отъ хут. Рай-Городка кругообразное городище, имѣющее въ длину 9 саж., ширину 26 саж.; середина углублена на 3 саж. и, кромѣ того, на днѣ нѣмцы углубленіе длиною 6 саж., шириною $5\frac{1}{2}$ саж. Длинна вала 59 саж., ширина 4 саж. При вхождѣ на С. входы длиною 20 саж., шириною 4 саж. Въ $3\frac{1}{2}$ в. отъ хут. Рай-Городка такое же городище, имѣющее въ длину 10 саж., ширину 8 саж.; середина углублена на 3 саж. и, кромѣ того, нѣмцы на днѣ особое углубленіе длиною 6 саж., шириною 5 саж. Выходъ нѣмцы 39 саж. длины, $2\frac{1}{2}$ саж. ширины. Выходъ съ Ю. Въ 3 в. отъ хут. Рай-Городка на С. трехъугольное городище, имѣющее въ длину 23 саж., ширины у входа 3 саж., а въ концѣ 11 саж. Середина углублена на 2 саж. и кромѣ того на днѣ углубленіе въ 3 саж. длины, $2\frac{1}{2}$ саж. ширины. Кругомъ вала на 80 саж. длиною, $4\frac{1}{2}$ саж. шириною; входъ съ В. Два кургана въ нѣмцѣ на высокомъ мѣстѣ, близъ слоб. Айдара. Другіе курганы: два близъ хут. Зубкова, два близъ хут. Лихобойова; одинъ большой бугоръ въ окрѣпѣ, близъ слоб. Лодной, 7 кургановъ на выемѣ и 2 въ нѣмцѣ, близъ той же слободы, 6 кургановъ близъ хут. Рай-Городка.

Марьевская вол. Въ 5 в. отъ слоб. Марьевки на западѣ крестьянъ собственниковъ и при хут. Гвоздовскѣ, въ 2 в. отъ слободы расположены 3 кругообразные городища, имѣющие въ окружности по 40 саж., распаханности; по срединѣ углубленіе отъ 2—3 саж. Курганы въ нѣмцы имѣются близъ слоб. Александровки (откуда) при хут. Гвоздовскѣ (2). Въ 4 в. отъ слоб. Марьевки на землѣ барона Шеннига (1). Поезднѣе нѣтъ раскопанъ, но нѣмцы въ нѣмцѣ нѣ было найдено, кромѣ костей человека и лошади.

Ровенская вол. Въ 2 в. отъ села Ровенска 4 кругообразныхъ городища въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, длина 20 саж. длины и 20 ширины другосъ и третье по 7 саж. длины и ширины, четвертое

12 саж. длины и ширины; все четыре имѣютъ углубленіе. Въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ слоб. Нижней Серебрянки три кругообразныя городища, расположенныя вблизи другъ друга: одно длиною 10 саж., шириною 9 саж., другое въ длину и ширину по 9 саж., третье въ длину и ширину по 6 саж., все имѣютъ углубленіе по $3\frac{1}{2}$ саж. Въ 4-хъ в. отъ слоб. Нагольной четыре кругообразныя городища въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, каждый въ длину и ширину по 12 саж.; углубленія по 4 саж. Входы съ В. и С. Влизъ слоб. Ровенскъ три кургана. При слоб. Старой Калитвѣ и Терповкѣ.

Старо-Калитвенской вол. 18 кургановъ. Влизъ слоб. Новой Калитвы Ново-Калитвенской вол. 4 кургана продолговатой формы (въ урочищѣ Андреевскомъ надъ Дономъ, надъ Криничномъ яромъ и въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ рч. Черной Калитвы). Влизъ слоб. Ивановки надъ Куреннымъ яромъ курганъ, раскопанный въ 1872 г., причемъ найдено было три глиняныя плошки. Курганъ въ 1 в. отъ той же слободы подлѣ Песковатаго лѣса.

Павловскій у. Въ 2 в. отъ города находится урочище, называемое городищемъ; въ длину оно имѣетъ 320 саж., въ ширину 120 саж., помѣщается въ заливной долинь, между двухъ озеръ. Укрѣпленій не имѣется. Говорятъ, что здѣсь были находимы татарскія монеты. Въ 5 в. отъ города на С.-В. находятся курганы. Въ Николаевской вол. курганы имѣются: 17 при слоб. Николаевкѣ, 2 при хут. Желдаковѣ и 4 при хут. Варваровкѣ. Буйловская вол. Въ 6 в. отъ слоб. Песковатки 2 кругообразныя городища, въ длину по 5 и ширину по 4 саж. и два въ длину и ширину по 4 саж.; 4 такія же городища въ длину по 5, ширину по 4 саж. въ 3, 5 и 8 в. отъ с. Буйлова; расположены на высокихъ мѣстахъ, входы съ С., по срединѣ всехъ углубленія до 3 саж., отъ входа при каждомъ по два вала. Все расположены около большого Черкаскаго тракта. Въ Журавской вол. курганы имѣются: 29 при слоб. Журавкѣ и 3 при слоб. Мошоновкѣ. Въ Лосевской вол. имѣется 8 кург. при слоб. Лосевкѣ. При селѣ Шестаковѣ Шестаковской вол. расположены 6 кургановъ, изъ которыхъ на одномъ, уже раскопанномъ, въ 1873 г. лежала каменная баба. Въ 5 в. отъ слоб. Козинки Козинской вол. находится большой курганъ въ $9\frac{1}{2}$ арш. высоты, 17 саж. ширины и въ 1 в. отъ него еще три насыпи меньшихъ размѣровъ. Кругомъ нѣкоторыхъ кургановъ примѣтны рвы; распахиваются. Влизъ с. Пузева Пузевской вол. два кругообразныя городища, имѣющія въ длину по 42, въ ширину по 24 саж.; середина городковъ углубленная; входы

съ С. Куртаны въ волости живутъ: 2 при селѣ Пущевѣ, 39 при селѣ Кленовкѣ, 10 при селѣ Гвоздѣ, 3 при Затонскомъ обществѣ, 7 при Соловецкомъ, всѣ распаханыя. Въ 7 в. отъ селъ Верхняго Мамоня городище трехъугольной формы, имѣющее въ длину 130, ширину 30 саж.; окружено валомъ шириною въ 2 саж. Въ волости живутъ: 39 кургановъ; на одномъ изъ нихъ находимы были обломки старого кирпича. Въ дачѣ с. Ниж. Мамона находится: 1 продолговатый курганъ, имѣющій въ длину 30 саж., въ ширину чертъ верхъ 16 саж., 8 на низкомъ мѣстѣ близъ рч. Мамонки, 3 на высокомъ мѣстѣ среди полей и 5 близъ Кавыленскаго лѣта. Близъ с. Островки расположены 4 кургана и пятый продолговатый, имѣющій въ длину 30, а въ ширину чертъ верхъ 8 саж. При с. Ливенкѣ, Ливенской вол. имѣется 6 кургановъ. Въ Александровско-товской вол. курганы находятся: 2 при хут. Прогорѣловомъ, 3 при хут. Перелазѣ, 1 при селѣ. Донской Александровкѣ и одинъ при селѣ Кабелѣ. Въ Семеновской вол. курганы находятся: 6 на землѣ хутора Морозова (изъ нихъ 3 расположены въ рядъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, не доходя до селѣ. Мамонки на 2 в., 2 на землѣ селѣ. Семеновки, 1 въ 1 в. отъ хут. Сторожова, 4 близъ хут. Паригина (расположены въ рядъ), 1 на землѣ хут. Арнаутова, 3 близъ хут. Ювакова (изъ которыхъ 2 на церковной землѣ); всѣ распаханыя. Въ Петровской вол. кругообразныя городища находятся: близъ дер. Бѣлой, при селѣ. Потановкѣ (имѣеть въ ширину 24 саж., углубленіе $1\frac{1}{2}$ саж., входъ съ ю. стороны и съ лѣвой стороны пещинная насыпь), близъ той же слободы на землѣ г-жи Пензенской (имѣеть въ ширину 40 саж., углубленіе въ $2\frac{1}{2}$ саж. и входъ съ ю. стороны), въ 6 в. отъ слоб. Петровки (имѣеть въ ширину 28 саж., углубленіе $1\frac{1}{2}$ саж., входъ съ с. стороны и ороло насыпи). На землѣ с. Гнилуши Гнилушинской вол. имѣется 20 кургановъ. При селѣ Новокѣ Михайловской вол. на частнымъ землямъ разсыпаны 5 кургановъ. Въ 2 в. отъ слоб. Александровки находятся три майдана: первый вышиною 4 саж., въ окружности 18 саж., углубленіе въ 3 саж., съ выходомъ на В., второй вышиною 8 саж., въ окружности 20 саж., выходъ на С., третій продолговатой формы, вышиною 13 и 17 саж., углубленіе въ 3 саж. Майданы расположены другъ отъ друга въ 200 и 215 саж. Тамъ же имѣется нѣсколько насыпей курганообразной формы.

Белогорскій у. Въ Колодезевской вол. курганы живутъ: 3 близъ большой дороги, курганъ на селѣ. Новомъ Толуковомъ, въ разстояніи пяти

отъ другого на 3 в., 1 по правую сторону дороги, идущей на слоб. Подгорную, близъ рч. Подгорной, 2 близъ рч. Подгорной при хут. Лебяземъ подъ слоб. Гордиенковой, 5 по дорогѣ въ слоб. Новую Кріушу, недалеко одинъ отъ другого, 5 по дорогѣ на Старую Кріушу, 1 по дорогѣ на Новую Меловатку, 2 съ ю.-в. стороны подъ слоб. Калачемъ и 1 по дорогѣ, идущей на слоб. Подгорную. Одинъ изъ кургановъ былъ основательно раскопанъ крестьянами въ 1866 г., но при этомъ, кромѣ горсти угольевъ, ничего не было отыскано. Близъ слоб. Новобѣлой Новобѣлянской вол. находится кругообразное городище, имѣющее по 30 саж. въ ширину и длину и углубленіе въ 4 арш. Въ 2 в. отъ слоб. Новой Бѣлой находится курганъ, называющійся „Червоною могилою“ и имѣющій около 170 саж. въ окружности; по слухамъ, курганъ этотъ былъ раскопанъ въ 1865 г. свящ. Евг. Проконьевымъ и крест. Гр. Сурмою, причемъ ничего не было найдено, но замѣчены въ насыпи глиняные вальки, замѣшанные съ водою. Въ 6 в. отъ слоб. Новой Бѣлой расположена „Бондарева могила“, въ которой, по преданію, погребенъ основатель слободы Бондарь; по рассказамъ, курганъ этотъ въ давнее время былъ раскопанъ и въ немъ найденъ всадникъ на конѣ, съ оружіемъ. Въ 7 в. отъ слоб. Подгорной Подгорной вол., противъ хут. Блещичена, между рѣкою Маниною и Манинск. оз., сохранилось четырехъугольное городище, имѣющее въ длину и ширину по 30 саж.; площадка камениста и не подвергается распаханію. Въ Твердохлѣбовской вол. курганы имѣются: 3 при слоб. Твердохлѣбовой, 3 при слоб. Расковой, 4 при слоб. Донцовой, 2 при с. Дрезовкѣ, 1 при хут. Дубовиковомъ и 2 при хут. Голомъ. Близъ слоб. Старой Мѣловой Старомѣловатской вол. находится 7 кургановъ. Въ 18 в. отъ этой слободы и въ 7 в. отъ слоб. Новотроицкой Кріуши расположенъ курганъ, на верху котораго въ 1873 г. стояла каменная баба, имѣющая 3 арш. вышины и 3 (?) арш. ширины. Въ Березняковской вол. курганы имѣются: 2 близъ села Березняковъ (одинъ за Дубовою балкою, другой въ урочищѣ Осинкахъ), 2 въ двухъ верстахъ отъ хут. Богомолова, 1 при слоб. Богородицкой и 5 при слоб. Прогорѣлой. Въ Старокріушинской вол. курганы имѣются: 13 на землѣ слоб. Старой Кріуши, 9 на поляхъ слоб. Новой Кріуши, 1 при слоб. Скрыпниковой. Нѣкоторые изъ кургановъ раскопаны. Въ районѣ Берцовской вол. курганы имѣются: 4 близъ слоб. Берцовки при рч. Толучеевой (въ окружности 70, 40, 30, 42 саж.), 5 кург. на землѣ полковн. Пв. Вас. Лисаневичъ (въ окружности 39, 55, 56, 44, 60 саж.), 7 кургановъ на той же землѣ, въ полѣ, по лѣвую сторону р. Толу-

чешки (въ окружн. 23, 22, 40, 32, 48, 38, 60 саж.), 2-й при с. Березовкѣ, близъ дороги, идущей на Новосинеревъ (въ окружности 53 и 55 саж.), 4—по правую сторону рѣ. Толучеева, въ оврагѣ (въ окружн. 36, 40, 38, 23 саж.), 5 кург. между ярами (въ окружн. 48, 38, 77, 39 и 34 саж.), 5 кург. на землѣ г. Сидорова (въ окружн. 57, 39, 40, 42 и 37 саж.), 6 кург. на землѣ г. Богдановскаго (въ окружн. 46, 47, 40, 37, 41 и 40 саж.) 9 кург. на землѣ г. Лисаневичъ, изъ которыхъ одинъ называется „Лопатино“, а другой „Лубово“ (въ окружн. 85, 47, 47, 259, 65, 40, 38, 24, курганы „Баба“ въ окружн. имѣетъ 66 саж., веретъ верха въ длину 26 саж., въ ширину 15 саж.), 2 кург. на землѣ кушца Стопанова (въ окружн. 66 и 60 саж.), 2 кург. на землѣ с. Банинаго (въ окружн. 34 и 66 саж.), 1 кург. на землѣ г-жи Потудовой (въ окружн. 34 саж.). Въ Руднянской вол. имѣется 5 кургановъ. Въ дачахъ слободы Воробьевки курганы имѣются: одинъ въ вершинѣ Зубковаго лѣса (окружн. 44 саж.), 2 по лѣвую сторону дороги на слободу Колосъ (окружн. 50 саж. и 44 саж.), 1 въ вершинѣ Олеховаго лѣса (окружн. 78 саж.), 1 въ верху Калиноваго яра, называемый Жилинымъ (окружн. 68 саж.), 1 въ верху Сухомлинова оврага, называемый Овечьимъ (окружн. 60 саж.), 4 по дорогѣ изъ слоб. Толучеевой на слоб. Мужичью (окружн. 33 саж., 50, третій, называемый Бибединъ, въ окружн. 46 саж. и четвертый, того же названія, въ окружн. 77 саж.), 4 кургана по дорогѣ изъ слоб. Воробьевки къ Никольской грани (одинъ, Бибединъ, въ окружн. 46, другіе въ окружн. 49 саж., 20 саж. и 35 саж.), 3 кургана близъ дороги изъ слоб. Воробьевки въ выселки Ломы (окружн. 45 саж., 26 саж. и 34 саж.), 5 кургановъ изъ слоб. Воробьевки на слоб. Березовку (въ окружн. 43 саж., 30 саж., 35 саж., 14 саж. и 19 саж.), 11 кургановъ по дорогѣ изъ слоб. Воробьевки на Игнатовскую дорогу (въ окружн. 34 саж., 32, 29, 22, 15, 26, 41, 30, 30, 35 и 25 саж.), 3 кургана близъ Руднянской грани (въ окружн. 50 саж., 33 и 15 саж.), курганы близъ Квашенской грани (окружн. 52 саж.), 18 кургановъ (одинъ въ 36 саж., а размѣры другихъ въ длину и ширину: $10 \times 8 \frac{1}{2}$, 14×11 , 14×10 , 11×7 , 16×18 , 16×10 , 10×8 , 12×8 , 15×11 , 14×13 , 12×8 , 13×11 , 19×11 , 11×10 , 10×8 , 13×11 , 16×8 саж.) Греховскихъ кургановъ, повидимому, два майдана: одинъ въ вершинѣ Гоголевскаго яра, имѣющій въ окружн. 112 саж. и по срединѣ токъши 12 саж. ширины и 15 саж. длины, а второй по дорогѣ изъ слоб. Воробьевки на хуторъ Греховъ, имѣющій въ длину 42 саж., въ ширину

13 саж., по срединѣ внадину 10 саж. ширины и по обѣимъ сторонамъ отдѣльныя насыпи. По дорогѣ изъ слоб. Воробьевки на слоб. Бутурлиновку на верху Фощеватаго лѣса 10 кургановъ, размѣрами: 18×15 , 10×7 , 17×10 , 10×7 , 13×10 , 12×10 , 13×10 , 14×12 , 13×12 и 15×13 саж. Курганъ близъ дороги изъ слоб. Квашинной на слоб. Бутурлиновку въ длину 9 саж., въ ширину $7\frac{1}{2}$ саж. Курганъ вверхъ Товстого лѣса близъ дороги изъ слоб. Квашинной на слоб. Иسنовку въ длину 11, въ ширину 10 саж. Шесть кургановъ на поповской дачѣ слободы Квашинной, размѣрами: $7 \times 6\frac{1}{2}$, $9\frac{1}{2} \times 10$, 12×12 , 7×6 , 9×9 , 29×7 саж. Два кургана близъ лѣса Рѣдкодуба на землѣ хут. Гринева (размѣрами: 12×5 и 10×6), два кургана на грани слоб. Фощеватой (размѣрами: 13×9 и 18×10 саж.), два кургана близъ Клеповской дороги, Павловскаго у. (размѣрами 15×10 и 12×12 с.). Два кургана въ 7 и 4 в. отъ слоб. Михайловки Михайловской вол. были когда-то раскопаны. Въ Никольской вол. курганы имѣются: 1 при дорогѣ, пролегающей на хут. Верхній Быкъ въ 7 в. отъ с. Никольскаго, 1 въ 3 в. отъ с. Краснополя на Чернецкомъ логу, 1 курганъ, называемый „Разрытымъ“, въ 300 саж. отъ с. Краснополя, 1 въ 8 в. отъ с. Никольскаго, близъ Манинской дороги, 1 въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ с. Никольскаго, близъ Урюпинской дороги, 1 въ 4 в. отъ с. Никольскаго на Куньей вершинѣ, 1 въ 5 в. отъ села на урочищѣ Репьѣ, 2 въ 3 в. отъ села, близъ Барсучьева лѣса, 1 въ 7 в. отъ села Никольскаго, за Тредьяковскимъ лѣсомъ, 1 въ 6 в. отъ села, близъ Васильевой Яруги, 1 въ 4 в. отъ села близъ лѣса Извольскаго. Всѣ курганы находятся на высокихъ мѣстахъ. Въ Манинской вол. курганы имѣются: 5 при слоб. Маниной и два при слоб. Коренной; изъ нихъ три раскопаны. Въ $2\frac{1}{2}$ в. отъ слоб. Дьяченковской по дорогѣ на слоб. Монастырщину. Въ Терешковской дачѣ находится какая-то яма 4 арш. глубины и 4 арш. ширины. Въ Бычковской вол. курганы находятся: „Червонная“ и „Толстая“ могилы на землѣ слоб. Бычка, одинъ курганъ въ 6 в. отъ слоб. Журавки и 5 въ 18 в. отъ той же слободы на границѣ съ Красноселовскимъ обществомъ. Бычковскіе курганы кѣмъ-то были раскапываемы лѣтъ 70 тому назадъ. Въ Ширяевской вол. обозначены 4 кургана при слоб. Ширяевой; два малые, въ чертѣ построекъ, и два большіе въ поляхъ.

Валуѣйскій у. Близъ слоб. Никитовки Никитовской вол. курганы имѣются: 1 въ верстѣ отъ слободы на возвышенномъ мѣстѣ, вышины 3 арш., въ окружн. 15 саж., 1 въ 4 в. отъ слободы, вышиною 2 арш., въ окружности 30 саж. (распахивается), 1 въ 80 саж.

отъ предыдущаго, вышиною 2 арш., въ окружн. 30 саж., 1 близъ предыдущаго, въ вышину 2 арш., въ окружн. 27 саж., 1 въ 12 д. отъ слободы на С.-В., вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ окружн. 19 саж., 1 въ $\frac{1}{2}$ в. отъ предыдущаго, на возвышенномъ мѣстѣ, вышиною 3, въ окружн. 45 саж., 1 въ 80 саж. отъ предыдущаго, вышиною $2\frac{1}{2}$ арш., въ окружн. 18 саж., 1 тамъ же, вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ окружн. 15 саж., 1 въ 13 в. отъ слободы, вышиною 4 арш., въ окружн. 60 саж. Близъ села Арнаутова курганы имѣются: 4 въ верстѣ отъ села въ В. (расположены въблизи другъ отъ друга крестообразно, одинъ $2\frac{1}{2}$ арш. вышины и 9 саж. въ окружн., другой вышиною 5 арш., въ окружности 22 саж., 3-й и 4-й по $2\frac{1}{2}$ арш. вышины, по 17 саж. въ окружн.), 3 въ Ю.-В. въ 4 в. отъ села (размѣщены въ одну линію, всѣ по 3 арш. вышины и по 8 саж. въ окружности), 1 въ 5 в. въ Ю. В., вышиною 3 арш., въ окружности 20 саж., 1 въ 7 д. отъ села въ С.-В., вышиною $2\frac{1}{2}$ арш., въ окружности 11 саж., 4 въ недалекомъ разстояніи отъ хут. Зюриккина, въ разныхъ мѣстахъ вышиною въ 1 арш., 2 арш. и $2\frac{1}{2}$ арш., въ окружности 5 саж., 8 саж., 11 саж. и 18 саж. Въ Вейделевской вол. на землѣ Викт. Цик. Панина курганы имѣются: 1 близъ хут. Закуцкаго, 3 у хут. Пибушевъ, 3 у хут. Солонцовъ, 1 у хут. Викторюхи, 1 по дорогѣ на хут. Гинцовъ, 1 при слободѣ Вейделевскѣ и 3 по дорогѣ въ г. Валуйку, близъ дер. Зеленой и хут. Пихавки. Въ Казацкой вол. близъ дер. Колосковой находится городище, имѣющее въ окружн. 350 шаговъ, поперекъ 19 шаговъ, и защищенное рвами и палисадами. Курганы находятся: 5 близъ слоб. Панинской, 3 при дер. Пушкарной, 4 на землѣ дер. Новой Иеронимовой, 1 при д. Шелашной, 1 близъ дер. Сухаревой, 3 при сел. Богородицкомъ и 2 при дер. Коловниковой; изъ перечисленныхъ кургановъ 14 издѣлительности, кажутся, майданы. Въ Думучевской вол. отмѣчено 20 кургановъ: при слоб. Думучинной, 1 при хут. Башвариншовой, 12 при дер. Лопачовской и 1 при с. Долгомъ. Два кургана имѣются близъ слоб. Малоровой, Насобинской вол.; оба раскопаны, 22 кургана имѣются при слоб. Малаковской, хут. Рожиховѣ, хут. Грицаковѣ, хут. Дергуницкомъ и дер. Догтаркой. Въ полѣ с. Вѣдоводовскаго разкопано 18 кургановъ, имѣющихъ въ вышину отъ одного до четырехъ аршинъ. Въ Оскотвищенской вол. отмѣчается два городища, одно круглое, въ длину и ширину по 42 саж., второе въ В. (находится въ имѣніи Бор. Фед. Лопатанскаго въ „Колгунахъ“, близъ слоб. Башовицкой), другое городище четырехъугольной формы, высшей въ длину 103 саж., въ ширину 68 саж., рвы длиною 103 саж., ширины

3 саж. На землѣ с. Троицкаго находится 4 распахиваемые кургана. При хут. Соболевскомъ Уразовской вол. имѣются три майдана: первое въ вышину 5 арш., въ окружи 60 саж., площадка ровная, шириною 8 саж., входъ съ С. и отъ него ва вала, длиною 33 арш. каждый; второе и третье одинаковой формы, но у третьяго входъ съ В. Близъ хут. Лобкова имѣется майданъ той же формы, называемый Сумскимъ, въ вышину 4 саж., въ окружи. 44 саж. въ ширину 8 саж., входъ съ С., огражденъ двумя двойными валами, имѣющими въ длину 30 саж., въ ширину 4 саж. и въ вышину 2 саж. (между валами разстояніе 20 саж.). Въ 200 саж. расположенъ майданъ той же формы, но меньшей величины: въ вышину 3 саж., въ окружи. 24 саж., въ ширину 5 саж., входъ также съ С. и защищенъ двойными валами, длиною по 8 саж. Такое же городище находится въ хут. Герасимовкѣ, въ вышину имѣетъ 4 саж. и 7 саж. ширины, входъ съ С., огражденный двумя валами, имѣющими въ длину по 17 саж., въ вышину по $1\frac{1}{2}$ саж., въ ширину по 3 саж., разстояніе между ними 9 саж. Такой же формы майданъ, называемый Бузиновымъ, находится въ 3 в. отъ хут. Швыдунова; вышина 3 саж., ширина 8 саж., ширина вала $1\frac{1}{2}$ саж., входъ съ С., имѣются два двойные вала по 18 саж. длины, 2 саж. ширины и 3 саж. вышины каждый, разстояніе между ними 12 саж. Близъ послѣдняго городка имѣется еще одинъ майданъ средней величины, совершенно такой же формы. Всѣ эти майданы расположены на рч. Уразовой; близъ нихъ находятся какія-то курганообразныя насыпи. Курганъ находится при дер. Елдиновки Казиновской вол. близъ лѣса, называемаго Фоцеватою Яругою. 4 кургана находятся близъ слоб. Александровки Александровской вол. Въ 8 в. отъ гор. Валукъ по направленію къ с. Ураеву находится майданъ, имѣющій входъ съ С.

Бирюченскій у. Курганъ въ $2\frac{1}{2}$ саж. вышиною, называемый „Думнымъ“, находится въ 5 в. отъ с. Ольшана Ольшанской вол.; еще 3 кургана такой же формы и величины въ 3 в. отъ предыдущаго. Въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ слоб. Алексѣевки Иловской вол., при хут. Новой Мельницѣ, на берегу р. Тихой Сосны, сохранилось городище четырехъ-угольной формы, имѣющее въ длину 70 саж., въ ширину 35 саж., окруженное съ с. рѣкою, съ остальныхъ сторонъ рвами, по срединѣ проходитъ небольшой валъ. Около 70 лѣтъ тому назадъ, при устройствѣ кирпичнаго завода, найденъ былъ погребъ съ перегнившимъ просомъ, и въ немъ же оказалась каменная посуда и желѣзный шлакъ. Какое-то городище указывается въ 4 в. отъ слоб. Стрѣлецкой. Въ 2 в. отъ слоб. Стрѣлецкой находится курганъ „Острая могила“ (по-

видимому, майданъ) и двѣ бѣлѣны (можетъ быть, вала майдана). Въ 2 в. отъ хут. Хлѣбница находится курганъ амсотовъ 1 саж., въ окружности 30 саж., отчасти раскопанный, называемый „Велле“. Въ 1/2 в. отъ слоб. Ивинки указывается какой-то полукруглый валъ, длиною 18 саж., и круглый поперѣкъ въ 7 саж. въ діаметрѣ, 2 саж. глубины. При той же слободѣ имѣются еще 3 другія такіе же вала и поперѣка. Въ 70 саж. отъ дороги, прѣлегающей къ хут. Хлѣбнику, имѣются курганы 30 саж. въ окружности. Близъ слобод. Волоконовка Волоконовской вол. имѣются 3 кургана: первый въ 2-хъ в., вышиною 5 саж., въ окружности 44 саж., второй въ 5 в., вышиною 4 саж., въ окружности 42 саж., третій, слывущій подъ названіемъ Осыкова могилъ, въ 6 в. отъ слободы, 7 саж. вышины и 49 саж. въ окружности. Въ Натолинской вол. курганы имѣются: 1 при хут. Власовомъ, 1 при при хут. Череновомъ, 5 при хут. Мартыновомъ, 4 при хут. Вроцкомъ, 3 при хут. Жуковомъ, 8 при хут. Рыбальчиномъ, 1 при хут. Клемовомъ, 3 при хут. Камышевatomъ, 5 при хут. Хришатомъ, 2 при хут. Бендаревомъ, всего 33 кургана; вышины эти имѣютъ въ окружности отъ 10 до 50 саж. Въ 10 в. отъ г. Вирюча на землѣ хут. Бывова Засосненской вол. находится 7 майдановъ обичной формы. Первый имѣетъ въ длину 9, въ ширину 7 саж., углубленіе въ 3 саж., площадка внутри въ діаметрѣ 4 саж., входъ съ С.-З. отъ сѣвера идетъ валъ, длиною 27 и вышиною 4 саж. Второй майданъ имѣетъ въ длину 14, въ ширину 10 саж., яма глубиною 2 саж., по сторонамъ входа два вала, вышиною въ 1 саж., а длиною въ 8 и 7 саж. Третій майданъ имѣетъ въ длину 18, въ ширину 11 саж., яма глубиною 3 саж., внутренняя площадка въ ширину 5 саж., съ восточной стороны при входѣ валъ, вышиною 2 и длиною 14 саж. Четвертый въ длину имѣетъ 22, въ ширину 11 саж., яма глубиною 4 саж., внутренняя площадка 5 и 4 саж., съ обѣихъ сторонъ входа 2 вала по 4 саж. вышины и по 12 саж. длины. Пятый въ длину имѣетъ 16, въ ширину 10 саж., яма глубиною 3 саж., внутренняя площадка въ диаметрѣ отъ юга къ сѣверу 4 саж., въ противоположномъ 2 саж.; по сторонамъ входа два вала вышиною въ 1 1/2 саж., длиною въ 10 и 5 саж. Шестой въ длину имѣетъ 16, въ ширину 10 саж., яма глубиною 3 саж., внутренняя площадка 4 саж. въ діаметрѣ, по сторонамъ входа два вала вышиною по 2, длиною по 10 саж. Сѣвѣмъ въ длину имѣетъ 12, въ ширину 7 1/2 саж., яма сдѣлана по сторонамъ входа 2 вала по 1 саж. вышины и по 3 саж. длины. Входъ въ этихъ майдановъ всегда съ сѣвера; захватываю они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ р. Сѣны.

Курганы въ волости имѣются: 7 близъ слободы Засоснепской, 2 при слоб. Дубовской, 5 при слоб. Новенькой, 2 при хут. Гинлушѣ, 10 при хут. Быковомъ и 2 при хут. Городномъ Бличѣ, слоб. Веселой Веселовской вол. имѣется часть древняго засѣчнаго вала, вдоль котораго перѣдко находятъ такъ называемый чеснокъ¹⁾. Въ 10 в. отъ слоб. Веселой по дорогѣ въ слоб. Слоповку имѣется какой-то курганъ. Въ Шелякинской вол. курганы имѣются: 8 при слоб. Шелякиной, 1 близъ хут. Хмызова и 1 близъ хут. Дмитровскаго. При слоб. Иващенко-вой Иващенко-вой вол. отмѣчаются 13 кургановъ: 1-й возлѣ дороги на хут. Тютюнниковѣ (въ окружности 15 саж.), 9 на землѣ графа Шереметева близъ Грищенкова лѣса (распахиваются), остальные въ другихъ мѣстахъ на крестьянской землѣ. Близъ хут. Тютюнникова расположены 4 кургана, имѣющіе въ окружности по 24 и 30 саж. При слоб. Божковой находится 7 могилъ (въ окружности имѣютъ по 30, 40, 48 и 50 саж.). Въ другихъ мѣстахъ волости курганы находятся: 3 при хут. Неменушемъ (изъ нихъ два по 52 саж. въ окружности, а третій простирается въ длину на 30 саж. и въ ширину на 15 саж.), 2 при хут. Карниковомъ (въ окружности 27 и 42 саж.), 3 при с. Татаринѣ (окружности 15, 20 и 40 саж.), 4 при слоб. Пироговой, имѣющіе въ окружности 19, 40, 70 и 90 саж., (изъ нихъ 2 находятся на землѣ П. М. Гордевина), 7 кургановъ при хут. Владимірскомъ на землѣ В. И. Станкевича (въ окружности 25, 41, 42, 44, 50 и 54 саж.). Большинство кургановъ распахивается и имѣетъ плоскую вершину. Городище четырехъ уг. формы, простирающееся въ длину на 90 саж., въ ширину на 58 саж., находится на правой сторонѣ р. Сосны, въ 1 в. отъ слоб. Колтуновки Алексѣевской вол.; со всѣхъ сторонъ окружено валами, имѣющими съ наружной стороны до двухъ сажень ширины. Въ 300 саж. сохранилось другое городище такой же формы. Имѣетъ въ длину 79 саж., въ ширину 40 саж., расположено на высокомъ мѣстѣ и окружено лугами; валовъ два, одинъ изъ нихъ спускается въ логъ. Въ 1 в. отъ слоб. Колтуновки, по лѣвую сторону р. Сосны, находится майданъ, имѣющій въ ширину 10 саж.; по серединѣ едва замѣтный курганчикъ; валъ вышиною 1 арш., шириною 3 арш. Кургановъ въ волости 9; изъ нихъ 4 разной величины находятся въ 1¹/₂ в. отъ слоб. Алексѣевки, по дор. къ хут. Гезикову, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ еще большой одинъ курганъ. 4 небольшіе кургана расположены въ 1 в. отъ слоб. Колтуновки, на

¹⁾ Остатки этого вала находятся и въ другихъ мѣстахъ Бирюченскаго у.

низкомъ мѣстѣ. Въ Старо-Ивановской вол. курганы имѣются: одинъ при слоб. Старой Ивановкѣ (былъ раскопанъ въ 30-хъ годахъ), одинъ при хут. Ивановкѣ и одинъ при хут. Чанозьномъ. Въ 1 в. отъ слоб. Верхней Моисеевкѣ Хмѣлевской вол. находится четырехугольное городище, имѣющее въ длину 200, въ ширину 100 саж. Вокъ и ровъ идутъ на протяженіи 100 саж.; площадь частью распахана, частью поросла лѣсомъ. Въ волости курганы имѣются: 4 близъ слоб. Голофѣевки и 6 кургановъ близъ дер. Новосельской. Близъ с. Верхне-Покровскаго Верхне-Покровской вол. находится два городища: одно по направленію къ слоб. Марьевкѣ и другое къ дер. Габанной. Оба четырехугольной формы и окружены рвами; первое имѣетъ въ длину и ширину по 60 саж., второе по 80 саж. Курганы въ волости имѣются: 2 на землѣ с. Пралѣтѣ, 1 близъ дер. Саркиной и 2 близъ с. Верхне-Покровскаго. Въ Полатовской вол. курганы имѣются: 6 на землѣ пригорода Полатова, изъ которыхъ 4 на церковной землѣ, 1 на землѣ с. Цельшерна, при с. Старопузинѣ и 1 при с. Фонцеватояхъ. Въ 1 в. отъ гор. Вирюча по направленію къ дер. Новоселовкѣ находится майданъ, имѣющій въ ширину 8 саж., входъ съ С.-В. Въ 5 в. отъ слоб. Алексѣевки по направленію къ с. Покровскому находится городище четырехугольной формы, имѣющее въ длину и ширину по 30 саж. и окруженное рвами и валами. Курганы въ Успенской вол. имѣются близъ дер. Новоселовки и дер. Плоской. Въ Луценковской вол. курганы имѣются: 8 вблизи слоб. Конанца, вдоль дороги, ведущей къ слоб. Алексѣевки къ слоб. Шемлиной, 3 кургана вблизи слоб. Луценковой по той же дорогѣ, 2 кургана вдоль хут. Габжана, 5 кургановъ близъ хут. Кривой Березы и 1 близъ слоб. Осмаковой, всего 10 кургановъ. Почти всѣ курганы распахиваются. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ с. Русской Матренки Матрено-Гелевской вол. на скатѣ горы возвышается городище четырехугольной формы, имѣющее въ длину 40, въ ширину 20 саж. и окруженное валами и рвами. На площади городища были найдены: ядро до 15 фун. вѣсомъ, 2 стрелени, 3 донца и горшочекъ съ вѣстями. Въ 100 саж. отъ этого городища расположено майданъ, длиннѣйшаго вала котораго 70 саж.; въ срединѣ углубленіе на $2\frac{1}{4}$ саж., яма въ сѣверной сторонѣ. Курганы въ волости имѣются: 4 близъ слоб. Матрено-Гелевой и близъ хут. Рѣзника.

Бобровскія р. Въ Бобровской вол. курганы имѣются: 3 въ 7 в. отъ города, по дорогѣ къ с. Верхній Покровъ, 5 въ 6 в. отъ города, на границѣ съ имѣніемъ г-жи Рѣзниковой, 12 въ 3 в. 3 в. отъ хут. Лешкова и 1 въ 10 в. отъ с. Березовки. Въ 3 в. отъ с. Лешкова

Ичелниновской вол. въ казенной лѣсной дачѣ, въ разстояніи 1 в. отъ р. Битюга, расположено большое городище круглой формы, имѣющее въ ширину 114 саж. и окруженное валомъ и рвомъ. На землѣ поселка Никольскаго той же волости имѣется 13 разнаго размѣра кургановъ. Въ Липовской лѣсной дачѣ имѣются еще какіе-то 7 раскоповъ въ 3 в. отъ села и 1 в. отъ р. Битюга. Кромѣ того, близъ с. Липовки, на урочищѣ „Мельничный логъ“ обнаружено какое-то кладбище, изъ котораго вымывается водою много костей; въ народѣ это мѣсто слыветъ подъ именемъ греческаго кладбища. При с. Верхо-Тишанкѣ имѣется 16 кургановъ: 2 на выгонѣ подъ вѣтрянными мельницами (при устройствѣ мельницъ были найдены человѣческія кости и какая-то серьга), 3 кургана (такъ-назыв. „Куличъ“) въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ села „Три кургана“ въ 3 в. отъ села, „Длинный курганъ“ въ 10 в. отъ села, „Пять братьевъ“ на степи, въ 25 в. отъ села и 2 кургана („На бою“) въ 12 в. отъ села. Близъ кургана „Куличъ“ были выпаваемы орудія въ видѣ алебардъ, а близъ „Длиннаго кургана“ выпавано мѣдное стремя и желѣзное копье. Въ 2 в. отъ с. Мечетки Мечетской вол. находится круглое городище, имѣющее въ ширину 40 саж. и окруженное рвомъ; распахивается. Въ волости курганы имѣются: 19 въ дачахъ с. Мечетки, 5 на землѣ сц. Мечетки и 5 на частной землѣ въ поселкѣ Новомъ Буравлѣ. Въ Чесменской вол. курганы имѣются: 6 при с. Кореневѣ (вышиною отъ 5 до 8 саж.), одинъ курганъ, вышиною до 9 саж., въ полѣ Шишовскомъ, незначительные и распахиваемые курганы въ Чесменскомъ полѣ. Въ 7 в. отъ с. Старой Топезы, въ дачѣ мѣщанки Семилеткиной, близъ винокуреннаго завода, находится городище полукруглой (?) формы, имѣющее въ ширину 32, въ длину 50 саж. Рвы и валы едва примѣтны. Въ Старотойдинской вол. имѣются 54 кургана, которые всѣ запахиваются. По слухамъ, въ лѣсной дачѣ купца Хрѣнникова, въ Верхотойдинской вол. имѣется городище. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ гор. Новаго Курлана находится курганъ, вышиною около 4, въ окружности 30 саж. Въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ слоб. Масловки, между р. Дономъ и оз. Кутомъ находится майданъ, имѣющій въ окружности 30 саж. и окруженный низкимъ валомъ. Два кургана находятся при хуторахъ г. Звездинцева. Въ Мартыновской вол. курганы имѣются: 4 при с. Мартынѣ на частной землѣ, 18 на землѣ г. Капканщикова, 4 при поселкѣ Маломъ Мартынѣ, 17 при с. Кріушѣ, 17 въ имѣніи гр. Орлова-Давыдова, изъ коихъ нѣкоторые были разрыты, 3 на хуторѣ купца Кабанова, 18 въ имѣніи ген. Казакова, изъ которыхъ въ одномъ выпав-

хана саба, 4 при хуторѣ г-жи Туляновой, 34 въ имѣніи гр. Панина (одинъ изъ 40 тому назанъ близъ одного кургана вытханы были желѣзныя шлемы), 1 при с. Пандоканѣ на государственной землѣ и 3 на частной, 2 на хуторѣ С. Ф. Сельснова, 1 при хут. Шерстенинковыхъ и 2 при хут. В. Я. Тулянова. Въ Матренской вол. курганы имѣются: „Большой“ курганъ въ $\frac{1}{2}$ в. отъ с. Матренка, въ 10 саж. отъ р. Вятка, на низкомъ мѣстѣ, раскопанный ямами, „Малый“ курганъ въ $\frac{1}{4}$ в. отъ предыдущаго (имѣеть въ окруж. 20 саж.) распаханъ, „Большой“ курганъ въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ села на другой сторонѣ, также на низкомъ мѣстѣ, „Разрытый“ курганъ въ 3 в. отъ с. Кузьмаго (распахивается; раскапываемъ были крестьянами, изъ 60 тому назанъ, въ сущемъ, что если прогнать скоть по этому кургану, то падежа его прекратиться). „Большой“ курганъ въ $\frac{1}{4}$ в. отъ с. Валкова, имѣющій въ вышину $7\frac{1}{2}$ саж., а въ окружности 48 саж. (прежде служилъ для того же сущемъ, вблизи имѣется нѣсколько меньшихъ кургановъ), курганъ „Бычокъ“ въ $\frac{1}{2}$ в. отъ дер. Колодѣвки и близъ него 3 малыхъ курганныхъ насыпи. Въ засѣваються хлѣбомъ. Въ Васильевской вол. имѣются какія-то насыпи круглой формы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: одна при сл. Кучеравой, 2 при сл. Конюховой и 2 при сл. Васильевкѣ; первая въ окружности 64 саж., вышиною 2 саж., вторая въ окружности 66 саж., вышиною $2\frac{1}{4}$ саж., третья въ окружности 68 саж., вышиною $2\frac{1}{4}$ с., четвертая въ окружности 110 саж., въ вышину 5 арш и пятая въ окружности 60, въ вышину $4\frac{1}{4}$ арш. Въ 7 в. отъ с. Исырокъ Садовской вол. на берегу озера имѣется горизонтъ полукруглой формы, огражденное прямымъ рвомъ длиною 75 саж. Въ волости курганы имѣются: 2 при с. Садовомъ, 2 и 1 при с. Малыхъ Исыркахъ. Въ Щученской вол. курганы имѣются: 4 при с. Щучѣ, 1 при с. Ертилѣ, 2 близъ с. Сластеньки, 11 на поляхъ с. Баршева, 14 на Ертильской степи ил. Ороза (3 близъ хут. Маскаго, 2 близъ хут. Ланина, 3 при хут. Новайскомъ, 3 на хут. Рожковѣ и 3 близъ хут. Михайлова), и 2 въ имѣніи г. Сибирева, всего 36.

Новогонерскій у 2 кургана имѣются между сл. Красною и сл. Подосиновую Красненской вол. Первый („Высокая могила“) находится въ 1 в. отъ почтовой дороги и въ 4 в. отъ сл. Красной; имѣеть отъ подножия до верху 15 саж., въ окружности 100 саж. Второй находится отъ него въ разстояніи 140 саж. и имѣеть отъ подножия до верху 7 саж., въ окружности 70 саж. Оба кургана, по слухамъ, до 1828 г. были раскопаны уса Бороздинымъ, но это при этомъ было найдено, осталось неизвѣстнымъ. Въ 15 в. отъ с. Новогонерска по Са-

раговскому тракту, по лѣвую сторону р. Хопра, находится урочище, называемое городищемъ, на которомъ видны остатки ямъ въ родѣ погребовъ; внѣшнихъ укрѣпленій никакихъ нѣтъ и вообще трудно сказать, что эта мѣстность имѣетъ слѣды стараго селенія. На землѣ с. Рождественскаго, по правую сторону почтовой дороги, имѣется 8 кургановъ (Ребихинъ, Отрожный, Макушинъ, Орловъ, Рытый, Козачій, Кезинъ). Въ Песковской вол. курганныя насыпи имѣются: 14 при дер. Песокъ, 4 при Мазуркѣ и 3 при дер. Кардоиловкѣ. Въ 4-хъ в. отъ с. Нижняго Карачапа имѣется трехугольное городище значительныхъ размѣровъ (въ длину 400, въ ширину 300 саж.); находится на берегу озера и болота и укрѣплено валомъ въ 400 саж. длины. На городищѣ этомъ, по слухамъ, бывали дѣлаемы какія-то находки. Въ Нижне-Карачанской вол. имѣется 4 кургана. Близъ с. Еланскаго Колѣна находятся 2 городища круглой формы. Первое, расположенное въ 5 в., при урочищѣ Паникѣ, имѣетъ въ ширину 200 шаговъ; на немъ встрѣчаются обожженные кирпичи. Второй, расположенный въ 6 в. при р. Елани на землѣ г-жи Раевской, имѣетъ въ длину и ширину по 500 шаговъ; на немъ въ началѣ 60-хъ годовъ выпханъ былъ стальной панцырь. Укрѣпленія обоихъ городищъ сохранились плохо. Въ Еланской вол. курганы имѣются: 44 при с. Еланскомъ Колѣнѣ, 10 въ поселкѣ Синявскомъ и 8 при дер. Абрамовкѣ; 6 изъ этихъ кургановъ расположены на низкомъ мѣстѣ. Въ Тюковской вол. курганы имѣются: 5 при с. Тюковкѣ, высотой отъ 3-хъ до 7 арш. (изъ нихъ 2 продолговатой формы), 7 въ Губаряхъ, вышиною отъ 4-хъ до 7 арш., 8 въ с. Горелкѣ (Горенкѣ?), вышиною отъ 5 до 10 арш. Въ Верхне-Карачанской вол. курганныя насыпи имѣются: 3 при с. Верхнемъ Карачанѣ (первый въ разстояніи 8 в. въ урочищѣ Дубовомъ, второй и третій въ разстояніи 9 в. въ урочищѣ Набадкиной), 3 при с. Среднемъ Карачанѣ (первый въ разстояніи 5 в. въ урочищѣ Березовая вершина, второй, „Ежовый“ въ разстояніи 10 в. и третій въ разстояніи 12 в. въ урочищѣ Осиновомъ), 3 при с. Кирсановкѣ (первый, называемый Тысячнымъ, въ разстояніи 12 в., второй, называемый Сотеннымъ, въ разстояніи 8 в., третій, называемый Петровымъ, близъ самого селенія на землѣ временнообязанныхъ крестьянъ).

Самарская губ.

Ставропольскій у. У дер. Палицыной Архангельской вол. находится какой-то „городокъ“, круглой формы, имѣющій въ длину и

ширину по 150 саж., быть ровны и гладки. Расположены на берегу Волжки и застроены дворами и гунами. Интересный городок круглой формы находится близ с. Тинарка Хмелевской вол. Это — круглая площадка 60 саж. в диаметре, окруженная двумя валами, отстоящими друг от друга на 9 саж. Длина внешнего вала 384 саж., внутреннего — 275 саж., глубина рвов $1\frac{1}{4}$ саж.; высота вала по 3 саж., ширина по 4 саж. „Спуск устроен к рѣкѣ Тинаркѣ каменными рвомъ“. Въ 5 в. къ Ю.-З. отъ приторада Бѣлаго При вѣдѣна кака-то 2 городища, расположенныя на мысахъ и огражденных валами. Не входятъ-ли они въ линію проходящаго зѣва вѣдѣнаго вала, пока неизвѣстно. Кургановъ въ Бѣлоярской вол. не встрѣчается, на то указываетъ разѣ какихъ-то „предохранительныхъ пикетовъ“, расположенныхъ на высокихъ мѣстахъ. Въ 6 в. отъ с. Музловки находится круглый городокъ, имѣющій до 50 саж. въ диаметрѣ и расположенный близъ болота, кругомъ площадка идетъ валь со рвомъ. Близъ с. Рождественна у р. Верхн. Майны расположено большое городище, имѣющее въ ширину до 400 саж. и въ длину, будто бы, до 2-хъ верстъ; увѣрено съ с. стороны валомъ, а съ з. стороны видны еще слѣды какаго-то „выкопа“. Около 1840 г. близъ городища при расчисткѣ мѣста найденъ былъ мѣдный котелъ, но о другихъ находкахъ не слышно, хотя площадка и распахивается. Близъ д. Ертугановой Бряндинской вол. на высокомъ ровномъ мѣстѣ имѣются 2 кургана. Въ 2 в. отъ дер. Крылинска находится мартъ, имѣющій 2 саж. выш. и въ поперечникѣ 18 саж., по срединѣ, сверху и сбоку есть ямы каменщателей. Близъ с. Крестовыя Городища указывается кака-то валь, издѣній на 200 саж., и отъ него еще 2 вала длиною до 100 шаг.; концами вала направлена къ берегу Волги. При селеніяхъ Крестово-Городищенской вол. имѣется до 15 кургановъ. Близъ с. Подбѣлюхины Тинской вол. находится городище круглой формы, имѣющее въ окружности до 800 саж.; съ В. и Ю. городище защищено двумя валами, а съ С. и З. — однимъ. При сѣв. Выхотцевой той же волости имѣется 4 кургана въ овалѣ. Въ 5 в. отъ дер. Нов. Матюшиной Одерской вол. находится городище четырехугольной формы, имѣющее въ длину 200 и въ ширину 100 саж.; съ с. и ю.-в. стороны окружено двумя рвами и валами. Курганами въ волости имѣются: 1 при с. Оверкахъ и 1 при дер. Овер. Угрюмовскыя. При дер. Высококолькова (волость того же наименованія) находится 10 кургановъ и 2 кург. близъ дер. Елзовой Кусть. Интер. с. Бѣлши. Кандамы имѣется кака-то окопъ длиною до 150 саж. Вѣдѣ с. Греходова курганы имѣются: 1 въ 3-мъ в. отъ сѣв. къ Ю. (называю до

1¹/₂ саж., въ основаніи 47 саж.) и 3 въ 4-хъ в. отъ села на С., всѣ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга (имѣютъ 1 саж. вышины, первый въ основаніи 73 саж., а остальные по 46 саж.). На всѣхъ курганахъ ямы. Въ Филиповской вол. курганы находятся: 2 близъ д. Филиповки и 3 близъ дер. Монсѣвки.

Самарскій у. Въ Чернорѣченской вол. курганы имѣются: 1) одинъ курганъ въ 4 в. отъ с. Чернорѣчья на Верхне-Раменскомъ полѣ, разрытъ, 2) 3 небольшіе кургана близъ самаго села, 3) въ 2-хъ в. отъ села 3 небольшіе кургана по дорогѣ въ с. Дубовый Уметъ, 4) 2 большіе и 1 маленькій курганы въ 4 в. отъ села по той же дорогѣ, распахиваются, 5) курганъ средней высоты близъ Чернаго лѣса по дорогѣ на хут. Осокорникъ, распахивается, 6) 2 небольшіе кургана близъ Карасева озера, 7) 3 небольшіе кургана въ 2-хъ в. отъ с. Лопатина по Уральской дорогѣ, 8) небольшой курганъ по той-же дорогѣ близъ рч. Лопатина, 9) курганъ на Романовой горѣ около бывшей удѣльной запашки, 10) курганъ „Стрѣлица“ между двумя Лопатинами, 11) 3 кургана въ 2-хъ в. отъ хут. Черной рѣчки. Въ одной верстѣ отъ пригорода Алексѣевска находится городище четырехугольной формы, имѣющее по 20 саж. въ ширину и длину. Расположено при впаденіи р. Кинеля въ Самару и укрѣплено валомъ съ с.-в. и ю.-в. сторонъ; по слухамъ, на немъ были находимы чугуныя ядра. Два такой же формы городища находятся въ 3 в. отъ с. Чекалина, одно по направленію къ д. Нижней Орлянкѣ, другое по направленію къ с. Ешанкѣ; первое городище имѣетъ въ длину 165 саж., въ ширину 145 саж., другое въ длину и ширину по 10 саж., первое расположено на низкомъ, второе на высокомъ мѣстѣ, оба городища укрѣплены валами. Два той же формы городища находятся въ Каменской вол.: въ с. Черновкѣ и въ 4 в. отъ с. Большой Каменки; одно имѣетъ въ длину и ширину по 40 саж., другое въ длину 160 саж., въ ширину 105 саж. Оба городища укрѣплены валами. Два той же четырехугольной формы городища находятся въ вол. Старо-дворянской, именно близъ с. Краснаго Яра и въ 2-хъ в. отъ с. Воина. Первое по угламъ имѣетъ треугольные выступы, второе въ длину и ширину имѣетъ по 20 саж., а первое по 60. Городокъ четырехугольной формы находится близъ д. Новой Царевщины Старо-Буянской вол., по правую сторону р. Сока, имѣющее въ длину и ширину по 6 саж. Расположено на косогорѣ и укрѣплено валомъ, окруженнымъ съ обѣихъ сторонъ рвами; въ 10 саж. съ ю. стороны имѣются 3 ямы. Около с. Царевщины находится высокій курганъ или холмъ,

на вершинѣ котораго прежде имѣлись были слѣды городка, укрѣпленнаго валами. Въ Бобровской вол. курганы имѣются: 2 при с. Габровкѣ и 1 при с. Спиридоновкѣ. Въ Александровской вол. курганы находятся: 5 при селеніи Александровск., 2 при сел. Найдюфунгъ и 2 на землѣ сел. Маріенталь.

Будульминскій у. Городокъ четырехъугольной формы, имѣющій въ длину и ширину по 32 саж., находится близъ вѣрности Кочуевской.

Бутурусланскій у. Близъ д. Васильевки Новокушинецкой вол. на бугрѣ, называемомъ „Шинкою“, находится слѣды древняго могильника, на которомъ, по рассказамъ татаръ, имѣются могилы ихъ святыхъ. Въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ с-ца Тургеневки Смоленской вол. находится городище четырехъугольной формы, имѣющее въ длину 27, въ ширину 24 саж. Въ Емантаевской вол. курганы имѣются: въ 2 в. отъ д. Верхніе Курмее, вышиною $2\frac{1}{2}$ арш., въ окружности около 10 саж. (по рассказамъ старожиловъ, курганъ этотъ былъ очень высокъ) и одинъ курганъ въ 4 в. отъ д. Нижніе Курмее.

Бутулукскій у. Въ Ключевской вол. находятся два городища: въ $4\frac{1}{2}$ в. отъ с. Ключей и въ $2\frac{1}{2}$ в. отъ д. Гасвицкой; укрѣпленія городищъ состоятъ изъ валовъ, расположенныхъ подъ прямымъ угломъ. Близъ одного изъ этихъ городищъ найдено ядро въ 10 фунтовъ весомъ. Въ 60 тому назадъ, по правую сторону Гжавцы осиноуткіе жители нашли небольшое чугунное ядро, желѣзные подковы, шпоры и русскія серебряныя и мѣдныя денги: изъ нихъ одна оказалась 1735 г., другая 1739. Въ той же волости курганы находятся: 1 въ 3 в. отъ с. Ключи, 1 въ $4\frac{1}{2}$ в. отъ с. Новотодкасо и 3 въ вѣсковыхъ верстахъ отъ с. Грачевки и д. Гасвицкой. Всѣ они имѣютъ до 60 саж. въ окружности. Въ одномъ изъ ключевскихъ кургановъ, по рассказамъ, открыта была каменная кладка и въ ней найдены: ружейный стволъ (?), колычуга и жернова. Близъ селца Петровца Цепляевской вол. имѣется курганъ вышиною до 3 саж.: по рассказамъ, курганъ этотъ былъ раскопанъ однимъ помещикомъ, причѣмъ были найдены части скелета челоуѣка и лошади, остатки хорошаго сѣдла и стремена. Въ 3 в. отъ с. Марювки находится курганъ, тронутый кладовщиками. Близъ с. Шестаховки Богдановской вол. находится городище полукруглой формы, имѣющее въ длину 80, въ ширину 50 саж.; устроенные съ в., с. и ю. стороны валъ дваго камня вала почти совершенно разобраны крестьянами для постройкъ. Въ 1 в. отъ с. Богдановки той же волости находится курганъ, раскопанный крестьянами въ 1862 г., причѣмъ найдены были топканныя

и человѣческія кости и три черена, остатки перегниваго сѣдла и нѣсколько штукъ мѣдныхъ стрѣлокъ. Другой курганъ находится близъ д. Малой Ремезенки. Въ 3 в. отъ д. Михайловки Андреевской вол. находится городище четырехъугольной формы, имѣющее въ длину и ширину по 15 саж. и довольно хорошо сохранившееся; вблизи были находимы маленькія трехъугольныя стрѣлки. Курганы въ волости имѣются: одинъ при д. Кретовкѣ, 10 при д. Михайловкѣ (изъ нихъ 7 по лѣвую сторону р. Бузулука, 3 по правую) и 5 при д. Федоровкѣ (изъ нихъ 3 при рч. Грязнушкѣ и 2 по правую сторону Бузулука). Кретовскій курганъ выбирается для хозяйственныхъ надобностей, причемъ были находимы лошадиныя и человѣческія кости. Близъ одного изъ 7 Михайловскихъ кургановъ выпажаны два ручные жернова, а близъ одного изъ 3 кургановъ найдены мѣдныя стремяна. Въ одномъ изъ кургановъ близъ рч. Грязнушки болѣе 40 лѣтъ тому назадъ выпажанъ камень. Въ 1864 г. былъ раскопанъ одинъ изъ кургановъ, находящихся по правую сторону Бузулука въ поляхъ д. Федоровки, причемъ между двумя камнями найдены остатки человѣческаго скелета, а при нихъ до 100 штукъ мѣдныхъ стрѣлокъ. Въ 1873 г. въ 1 в. отъ д. Федоровки по лѣвому берегу Бузулука однимъ крестьяниномъ найдены: длинный мечъ, часть кольчуги, удило и кольцо. Въ 5 в. отъ с. Благодаровки Усманской вол. находится курганъ до 2 саж. вышины и до 50 саж. въ окружности; курганъ этотъ подвергался многократнымъ попыткамъ кладонскателей, причемъ, между прочимъ, были находимы угли и пережженныя камни.

Николаевскій у. Два кургана имѣются при с. Горяинова, на землѣ г. Горяинова. Въ Тяглоозерской вол. курганы имѣются: 1) на земляхъ с. Тяглаго Озера. 3 на заливныхъ лугахъ, въ $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ и 3 в., вышиною отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ арш.; 2 на выгонной землѣ, той же вышины, 1 на удѣльной землѣ, вышиною до $1\frac{1}{2}$ арш.; 2) 1 близъ д. Тепловки, вышиною до 4-хъ арш.; на земляхъ с. Малой Глушицы находится 9 небольшихъ кургановъ: 2 въ 9 в. на ю. сторонѣ, 2 въ 5 в. тамъ же и въ 8, 5 и 1 в. отъ села съ в. стороны. Въ Березовской вол. при с. Березовѣ находятся 4 кургана, называемые „Поповымъ“, „Тулуповымъ“, „Савельевымъ“ и „Ремневымъ“. Въ Каменносарминской вол. имѣется 10 кургановъ: 3 близъ д. Большаго Кушума, 5 при д. Новой Столыпинкѣ и одинъ близъ с. Александровки. Въ Любичской вол. курганы находятся: 6 при с. Карловкѣ, 6 близъ с. Жестянки, 11 при сд. Новой Порубежкѣ, 1 близъ Новой Павловки, 2 на хут. Кочетковомъ, 4 на хут. Жестян-

скомъ, 5 на хут. Ростаниномъ и 5 на участкѣ Болышескопомскомъ. Въ 1848 г. были раскопаны крестьянами одинъ изъ кургановъ близъ с. Жестянки, причемъ были найдены два глиняные сосуда до 1 верш. толщины и глиняный кругъ до 1 арш. въ диаметръ, прикрывавшій какой-то колодезь, наполненный глиною съ водою. Еще раскопаны были курганы на берегу Желтого яра, причемъ найденъ слой земли, а выше его слой травы и еще выше тонкая кора отъ вяза. При с. Мокши Мокшанской вол. находится курганъ до 1½ арш. вышины и до 20 саж. въ поперечникѣ, именуемый „Каши-Бугоръ“. Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, этотъ курганъ былъ раскапываемъ, причемъ найденъ старинный котелъ въ 6 фун. вѣсомъ. Въ Григорьевской вол. имѣются курганы: 2 при с. Григорьевкѣ на землѣ гг. Жемчужниковыхъ (въ окружности 35—37 саж.), и 10 при с. Брыковѣ (2 въ 15 в. въ урочищѣ Хруцовой межѣ, 3 въ 10 в. близъ Липовской дороги, 4 по той же дорогѣ въ разстояніи 5 и 2 в. отъ села, и одинъ въ 9 в. по Городиной дорогѣ). Въ 15 в. отъ с. Брыковки на Никольской межѣ имѣется яма, глубиною въ 1 саж., длиною въ 3 саж., шириною въ 1—2 арш. На землѣ с. Андреевки Воздвиженской вол. имѣется 5 кургановъ, изъ коихъ нѣкоторые были раскапываемы. Близъ с. Порубежки курганы имѣются: „Соленая могила“ въ 3 в. (лѣтъ 40 тому назадъ былъ раскапываемъ, причемъ обнаружена кирпичная кладка и дубовыя доски), 1 въ 3 в. около городской дороги (разрытъ), 1 въ 3 в. около оврага „Рыночного“, 1 въ 4 в. близъ урочища „Горьшій кустъ“, 2 въ 5 в. близъ дороги Курганской, и 4 верстахъ въ 10 отъ села. Въ 1½ и 4 в. отъ с. Баратаевки Панинской вол. находится 3 кургана, изъ которыхъ одинъ обнесенъ небольшою канавою.

Новоурезскій у. Въ Малышенской вол. курганы имѣются: 9 большихъ на земляхъ сел. Гансау, 10 близъ с. Кенонутадъ (два изъ нихъ были разрыты, причемъ, въ одномъ открытъ былъ кирпичный склепъ 9 фут. длиною и 5 шириною, разделенный перегородкою надѣ равныя части; въ каждой камерѣ оказалось по человѣческому скелету, подлѣ которыхъ были найдены совершенно стглаженные серебряныя монеты; въ другомъ найденъ сырцовый склепъ съ тавякъ же погребеніемъ внутри и такъ же съ серебряными монетами), 5 близъ с. Ланданау, 122 въ с. Ландановой (3, 319) на земляхъ с. Остепельма. Въ Савинской вол. имѣется 6 кургановъ, изъ которыхъ на одномъ находилась каменная баба изъ сѣраго камня. Близъ села Питерки Моршанской вол. курганы расположены: одинъ около

церковной ограды, одинъ въ 5 в. на берегу р. Малаго Узеня, 2 въ 2 в., 1 въ 4 в., одинъ въ 5 в. на З. и одинъ въ 3 в. на С.; всѣ насыпи окружены канавами. Кромѣ того, 3 кургана паходятся въ 10 в. отъ с. Мироновки и 2 въ 6 и 2¹/₂ в. отъ с. Морши. Кажется, всѣ эти курганы были раскапываемы. Курганы находятся по всей Воскресенской вол.; близъ с. Воскресенки ихъ насчитывается до 40 разной величины. Въ Торгунской вол. курганы имѣются: 8 при с. Визенмиллеръ, 10 на земляхъ сел. Фриденбергъ, 4 на границахъ с. Гнадентау, 4 при с. Кано, 5 на берегу рѣки Гѣлая Кула, на землѣ с. Блюменфельдъ, 5 при с. Моргенту, 12 на земляхъ с. Страсбургъ, 4 при с. Франкреихъ, одинъ огромный курганъ въ дачѣ с. Нейвеймаръ и одинъ курганъ, называемый „Черная могила“, въ дачѣ с. Нейгали. Въ 3 в. отъ с. Краснаго Яра Черобовской вол. на выгонѣ находится курганъ. изъ котораго крестьяне добывали много кирпича.

ЗАПИСКИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ V.
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сорокина. (Школьная) 1892.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

Настоящимъ выпускомъ Отдѣленіе
Русской и Славянской Археологии Импе-
раторскаго Русскаго Археологическаго
Общества приступаетъ къ продолженію
своихъ „Записокъ“, коихъ до настоящаго
времени издано было всего четыре тома.

Отделение Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества, живо соучаствуя и помогая областным археологическим съездам и желаю содействовать съ своей стороны развитию второго областного Тверского археологического съезда 1904 года, посвящает интересам этого съезда настоящий выпуск «Журнала» Отделения, выходящий съ съезда въ началу зимних съездовъ въ г. Твери.

Сложность и затруднительность работы по изготовлению рисунковъ не дозволяя, въ настоящее время, осуществить первоначальный, хотя и широкій планъ настоящего предназначеннаго для съезда издания.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тихоміровъ, Н. А. Побѣда на р. Мугу	1
Рерихъ, Н. К. Некоторые древности дитинъ Деревской и Вѣдичской (таблицы I—III)	14
Отчетъ В. Н. Глазова о раскопкахъ, произведенныхъ имъ Псковскою губ. въ 1901 и 1902 гг. (таблицы XXI и XXII)	41
Отчетъ В. Н. Глазова о раскопкахъ, произведенныхъ имъ (1899 г.) въ Псковскомъ у. (таблица XX)	67
С. А. А. Мѣдный вѣкъ въ верховьяхъ Новолыбъ (таблицы XXIII—XXV)	77
Каменскій, В. И. и С. А. А. Раскопки близъ г. Балабны (таблицы XVI—XVIII)	84
Глиняныя клады (таблицы XXIX—XXXI)	104
Городища Лякова типа	111
Раскопки Н. А. Смирнова въ Глинскомъ у. (таблица XLIV)	143
С. А. А. Предметы съ выемчатою эмалью (таблицы XXVI—XXVIII и XXXII)	149
Отдѣльные находки металлологическихъ вещей въ верховьяхъ Новолыбъ	155
С. А. А. Удлиненные и денные ружья курчавы	155
С. А. А. Замѣтка о каменныхъ крестахъ преимущественно Псковской губерніи	201
Иверсенъ, В. М. Новые вещи Вологодской стоянки доисторическаго периода (таблица XIX)	235
С. А. А. Вологодская стоянка каменнаго вѣка (таблицы IV—XV, XXXIII—XLIII)	239
Послѣдній періодъ каменнаго вѣка въ верховьяхъ Новолыбъ	278

СОКРАЩЕНІЯ.

Ивановск. — А. А. Сидоровъ. Ивановск. С.-Петербургскій губ. извѣстности. А. В. Ивановскаго. 1905. 1906.
 Губ. — А. А. Сидоровъ. Губ. извѣстности въ разномъ вѣдѣ. 1905. 1906.
 Сидоръ. — В. И. Сидоръ. Сидоръ. Губ. извѣстности. 1905. 1906.

сани на южной вершинѣ тоже не могли мнѣ ничего сообщить; ее многие даже и не замѣчаютъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Почвино къ С. расположены д.д. Бол. и Мал. Городецъ, а отъ нихъ нѣсколько къ В., при самомъ сѣверномъ концѣ оз. Мстино и при истокѣ изъ него р. Мсты, на землѣ Министерства Путей Сообщенія находится дача Императорской Академіи Художествъ. Берега Мсты и озера въ этомъ мѣстѣ высоки и круты, образуя языкообразный мысъ, омываемый съ В. Мстой, съ Ю.-В. и Ю. озеромъ, а съ З. отдѣляемый отъ сосѣдней возвышенности (коренного берега) болотистой низиной, покрываемой въ половодье водою. Прежде эта низина была заливомъ озера (рис. № 2 и 3). Весь мысъ покатъ нѣсколько къ С., но на южномъ концѣ

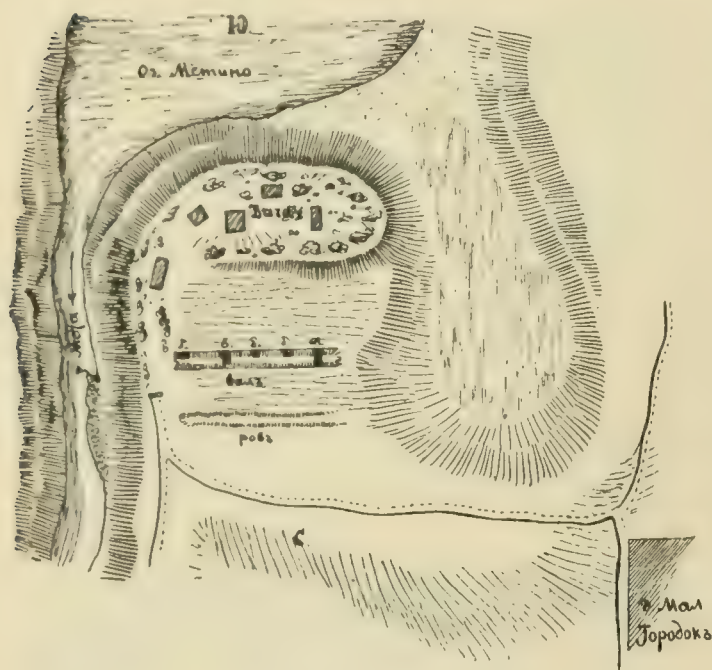

Рис. 2.

имѣть особую возвышенность, идущую съ В. на З.; эта-то возвышенность и занята дачей. Прилегающая къ ней мѣстность, имѣя общій уклонъ къ С., въ то же время значительно падаетъ къ З. (къ д. М. Горо-

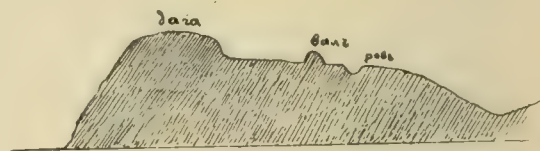

Рис. 3.

докъ), переходя постепенно въ коренной берегъ. Эта покатость нынѣ занята пашней названной деревни, а въ далекомъ прошломъ тутъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка, соединяющаго мысъ съ берегомъ, насыпанъ былъ валъ 60 с. длины, 5 ар. высоты и до 10 ар. шир. въ подошвѣ (рис. 3). Концы вала не доходятъ до краевъ обрывовъ береговъ. Въ поперечномъ сѣченіи валъ представляетъ треугольникъ съ закругленной вершиной, ширина которой около 2 ар., а въ продольномъ сѣченіи—погнутую линію, параллельную линіи материка (рис. 4). Крутизна откосовъ вала около 45^0 . Передъ валомъ, саженьхъ въ 10 отъ него къ С., идетъ параллельно ему ровъ, сливающийся устьемъ съ материкомъ. Ровъ уже вала и глубина его меньше высоты послѣдняго. Такимъ образомъ полуостровъ является мѣстомъ, совершенно отдѣленнымъ отъ материка и укрѣпленнымъ природою и искусствомъ, и представляетъ изъ себя одно

ны, тѣмъ доисторическіе, а частью и историческіе, габляны, которыя въ немаломъ количествѣ разсыпаны по срединѣ Россіи, слѣды древнѣйшаго населенія, городковъ, городковъ и городковъ.

Въ ранне-Мстинскій городокъ, оснужденъ котораго низу отъ одного конца вала до другого около 410 с., утратить уже это названіе, простираніе это не поминать, называя запутанъ городкомъ, мѣстность «дочей», но это городокъ, преледе назывался такъ, объ этомъ сподобительствуетъ наименованіе двухъ ближайшихъ къ нему селеній Городками. Рассматривая прилагаемый планъ городка, видишь, что городокъ состоитъ изъ

Рис. 1

3 частей: рѣд и вала—на С. западной стороны—въ городокъ и приростный возвышенности—на Ю., замѣнающей искусственный валъ, простираніе котораго она и производить на зрители, стоящаго на доминантѣ. Западная же сторона городка, представляющая собой невысокій береговой скатъ, является нѣмъ незащищенной, открытой, такъ какъ никакихъ признаков вала въ этомъ мѣстѣ не обнаружено. Это было бы мало поминать, если бы не имѣть въ виду того обстоятельства, что съ этой стороны прежде была глубокая заливъ озера, служившій естественной защитой для городка. Возвышенность городка, поросшая старыми деревьями, занята постройками дачи, а южная, какъ сказано, занята пашней, которую въ прежее время посѣяли городка готыили подл озера. Несмотря на то, я не нахожу нѣмъ поминать разкопки на планшан городка, но культурный слой это, который главнымъ образомъ и представляетъ интересъ, не въ перспективѣ. Однако, по собраннымъ свѣдѣніямъ, находокъ здесь было очень мало, да и то лишь омыли вѣтъ, 1-я не менѣе существеннаго мѣстѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ г. Панфилова, здесь 20—30 лѣтъ тутъ были найдены оловянные серпъ, другой рѣзъ, стрѣла, копалка, также и другія вещи, а равно кости животныхъ и птицъ, рѣдъ даже въ грядкѣ. Вѣтъ поступили въ частную рѣдъ и стрѣловыя, а кости, оставлены на вѣтъ, грядкѣ, выстроены и рѣдъ. На вѣтъ 10 лѣтъ о находкахъ вѣтъ вѣтъ не слышно.

Обзоръ пашни (я описываю вѣтъ вѣтъ) въ грядкѣ замѣтитъ

богаче темныя или свѣтлыя пятна на ея поверхности (признаки землянокъ, прищепокъ, ямъ, могилъ и пр.), дать также отрицательные результаты. Но меня заинтересовали рассказы о раскопкѣ самаго вала, производившейся нѣсколько разъ. Впервые его раскапывалъ г. Кокоревъ, сынъ завѣдывавшаго этимъ участкомъ Вышне-Волоческой системы, переконпавшій валъ насквозь саженьхъ въ 15 отъ его западнаго конца (рис. 2 а). Затѣмъ копали ученики Академіи (б. б.). По словамъ ихъ и крестьянъ, при этихъ раскопкахъ у подошвы вала внутри его встрѣчались бревна, «даже какъ будто бѣ срубленные угломъ», а мѣстами еще и угли, зола и кости. Желая провѣрить, не были-ли въ основу вала поставлены для устойчивости бревенчатые срубы, что опредѣлило бы и время устройства городища, и народность строителей, я нанялъ рабочихъ и сдѣлалъ выемку (в.) горизонтально до середины ширины вала, а отвѣсно — съ верха до основанія. Эта раскопка выяснила только одно то, что валъ насыпанъ изъ глиноватаго песка, мѣстами съ хрящемъ, и что подъ подошвой его идетъ тонкій зольный слой. Бревна оказались чернымъ поломъ («пакатомъ») какого-то небольшого деревяннаго строенія, стоявшаго не особенно давно близъ вала съ уцѣлѣвшей еще на немъ глиняной смазкой, а угли—глинчанками отъ того же строенія.

Ниже по Мстѣ, противъ д. Новое Котчище (лѣвый берегъ) и усадьбы г. Псаева на правомъ берегѣ, вдоль послѣдняго, у воды, тянется длинный невысокій береговой валъ—продуктъ Мсты, со стороны рѣки обрывистый и обмытый, а съ задней, поросшей травой, очерченный мягкими округлыми линіями. Если на этотъ валъ смотрѣть съ низоваго конца его, то онъ представляется круглымъ холмомъ, и многими признается и выдается за искусственный. Однако это заблужденіе разсѣвается тотчасъ же, какъ только встать противъ середины длины его, на примѣръ выше д. Нов. Котчищъ.

Близъ д. Островъ, расположенной при оз. Островъ, «курганы» нашились при первомъ опросѣ и староста не безъ удовольствія повелъ меня смотрѣть ихъ. Но курганы эти, едва замѣтные бугорки, оказались насыпанными всего лѣтъ 20 назадъ по случаю подтопа водами озера владѣльческихъ и крестьянскихъ земель послѣ запруды озернаго протока кѣмъ-то изъ чиновъ Министерства Путей Сообщенія. Ихъ насыпали по границѣ разлива, съ тѣмъ, чтобы выяснитъ величину площади разлива и, сообразно ей, взыскать убытки. Староста принималъ непосредственное участіе въ насыпкѣ этихъ «кургановъ».

Близъ с. Березки или Березокъ, расположенномъ на самомъ берегѣ оз. Имположье, была сонка въ имѣньи мѣстнаго землевладѣльца Маптіна.

крупнейшего тысячами десятин земли. Она распростирается приблизительно в 10 раз дальше. О результатах раскопок узнать не удалось.

На возвышенной и ровной, лишь слегка холмистой, возвышенности высотой (больше 500 футов, назв. Гринвич) моря: восточн. конец — Подпесочная и Дивинетъ на Ю., Юльковск на Ю. и Фендерово на Ю.-В., на землѣ крестьян д. Федово (Подпесочная возв.) находится 3-й конец. Одна половина сохранившаяся, из 1^й — мор. из С.-З. отъ д. Федова, из 2-ой, а и др. другая из небылой поросли между холмов и пашней, сдвинута на 250 к. С. отъ этой. Четвертая часть пахотная приблизительно из того же расстояния к Ю. отъ первых трех, из холмов, на восточн. берегу оз. Дивинетъ, близ д. Подпесочной. Все 4 расположены почти на одной прямой и притомъ почти меридиональной лини (С.-В. — Ю.-З.), на небольш. возвышенностях, такъ какъ что линии, удаленн. с. нихъ видъ открывается также очень обширный. Для известн. и притомъ сохранившейся — Подпесочной, сдвинутой — Федовск., третьей — Путятинской и четвертой, самую северную — Малой. Малая и Путятинская расположены на сухой возвышенной местности, занатой пашней, Путятинская на краю этой возвышенности, около почасового тупика — из сиротному коварину, а Малая из 17 с. из С.-З. отъ нея. Какъ самая сохр., такъ и ближайшия окрестности ихъ поросли дубовым и лубомъ, а около Путятинской, кроме того, много картофеля и яч. Сверхъ того, из С. отъ нея находится еще болыная (до 70 с. в. стороны), почти квадратная яма около 2 — 2 1/2 ар. глубиной, заросшая деревьями и представляющая что-то из разл. выемки пруда, но безъ береговъ (падош). Крестьяне и ее пахаютъ картошкой, однако этому едва ли можно вѣрить: слишкомъ велика, чтобы думать, что яма образовалась безъ выемки земли для пасовицы сохр. Малая гонимая сильно пострадала, все была ей обвалена и некое свозило на дорогу, такъ что она совершенно утратила первоначальную форму, но среднее осталось нѣбольш. Нынешне разлѣры ея: окружность около 30 с. (7,5 шаг.) — высота около 4 арш., грунтъ — крупный глинистый (моренный) песокъ, из гравия. На вершинѣ гребня и др. возвышенностяхъ холмов. О каменн.-глин. находкахъ въ концѣ почти не слышно.

Путятинская сохр., представляющая собой мѣл. болынина, сохранившаяся довольно порочно. Окружность ее около 61 с., высота до 3 арш. форма — полушаріе. Сверху поросли дубовымъ, на вершинѣ яма до 2 1/2 арш. глубиной — стѣны раскопанъ из гли. Путятинской, возвыш. кругомъ основанія, очень острая лавина. Въ одной изъ сводныхъ картоф.-ныхъ ямъ при рытѣхъ ее найдены, по словамъ крестьянъ, золотой 1/2

перстень съ надписью, перешедшій отъ нашедшаго къ его родственнику, жившему въ дачахъ въ Петербургѣ, и тамъ попавшій на глаза кн. Путятину, что и послужило будто бы поводомъ къ раскопкамъ сопки. Кромѣ перстня, тутъ же найдены, по тѣмъ же рассказамъ, мѣдный образокъ и «медаль» съ славянскою, ясно-четкою надписью «Борисъ воинъ». Раскопки кн. Путятина велись съ вершины ямой и закончены не были. О какихъ-либо находкахъ участвовавшіе въ работѣ крестьяне ничего не слыхали и не помнятъ. Грунтъ сопки тотъ же, что и въ предыдущей.

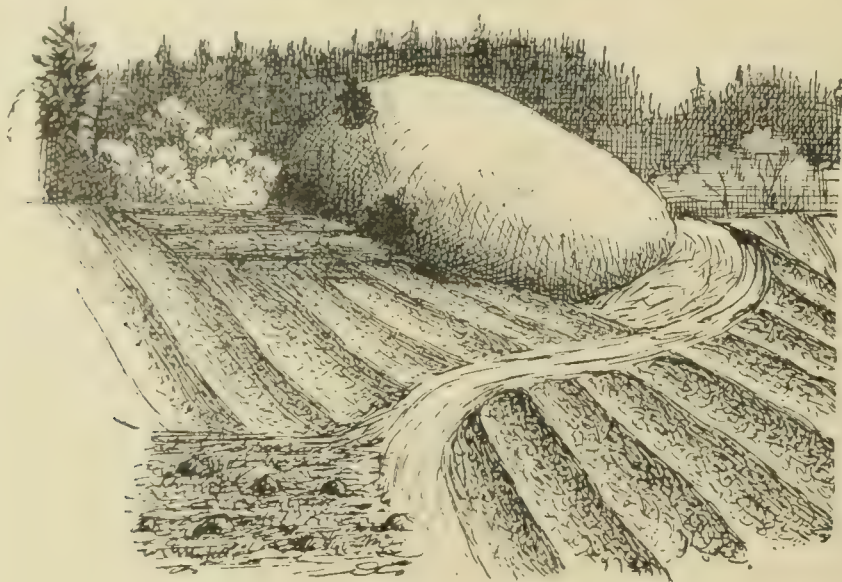

Рис. 5.

Фёдовская сопка (рис. 5) почти цѣльная, лишь сѣверо-восточный край нѣсколько тронутъ крестьянами, бравшими изъ нея песокъ для своихъ надобностей, осыпая его съ откоса, а не врываясь внутрь. Несмотря на это, по словамъ крестьянъ, бравшихъ песокъ, при этой работѣ попадается множество человѣческихъ костей, какъ въ костякахъ, такъ и разрозненныхъ: «какъ собирать, такъ въ $\frac{1}{2}$ часа «люльку» (кузовъ землевозной телеги) вѣрхомъ павалишь», рассказывали они. Дѣйствительно, около сопки валяются и черепшья, и другія кости. Кромѣ костей здѣсь вырываются и вещи, изъ которыхъ мнѣ пришлось видѣть мѣдный (красной мѣди) литой образокъ тѣльникъ около $1\frac{1}{4}$ вер. выш. и 1 в. шир., четырехугольный, съ выпуклымъ изображеніемъ Крещенія и славянскою надписью по ободку—рамкѣ (вѣкъ XII—XIII) и ромбическій крестъ, грубовытесанный изъ плиты синевато-сѣраго, пористаго камня (рис. 6). Размѣры креста, бывшаго, вѣроятно, надгробнымъ, въ вышину около $1\frac{1}{4}$ ар., въ ширину въ широкомъ мѣстѣ 8—10 верш. и въ толщину $2\frac{1}{2}$ верш. Форма въ общемъ ромбическая, но не правильная, а ломаная, съ заплечиками. Лицевая поверхность плоская, ровная, съ

голыми стенами или грѣзками (отъ толпками или «охлажда») по ребрамъ и шести-угольнымъ крестомъ въ срединѣ, вытоскивающимъ мѣтбу, желтымъ лепобломъ. Сгѣзки на задней сторонѣ шире и достояно округлены, оттого вся сторона кажется вынукло-округлой. Подъ крестомъ, какъ разсказываютъ другой крестяннинъ, была квадратная плита изъ того же камня въ 4 арш. въ сторонѣ и 4 верш. толщиной, на которой будто бы и лежалъ крестъ. Паничій креста крестянинъ, Инокъ Димитъ, Кербасинъ (д. Федово) привезъ его домой и заставлялъ изъставить на своей могилѣ, гдѣ они и нынѣ и находится (на кладбищѣ с. Березки). Вышина Федовской сонки около 8 арш., окружность около 50 саж. (123 ш.). Она расположена среди пашни, на берегу безымяннаго ручья, поросла травой и кое-гдѣ небольшими кустиками, форма почти правильная полушаръ, а грунтъ — песокъ съ хрипемъ. Подъемъ на нее довольно труденъ, зато видъ съ нея очень обширенъ: видно с. Тубасъ (на оз. Тубасѣ), отстоящее отъ нея въ 8 верст.

Рис. 6.

Про свои сонки федовцы разсказываютъ, что тутъ была городъ Лебанъ, богатый и обширный, разоренный при вражескомъ нашествіи. Они утверждаютъ даже, что объ этомъ писано въ каенитъ-то древнихъ книгахъ и что мѣня о томъ же вѣсть отъ стариковъ.

Подневетиховская сонка едва ли представляетъ настоящую сонку, т. е. могильную насыпь, она скорѣе и вѣто родъ укрѣпленія, такъ какъ во-первыхъ насыпана на самомъ берегу озера, въ-вторыхъ имѣетъ въ вертѣ плоскую площадку въ 84 саж. въ окружности и въ третихъ около нея, на особомъ холмѣ, расположено нѣкое курганное кладбище, первое изърѣченное мною здѣсь и мною же, можно сказать, открытое, такъ какъ крестяне изъ-за того о немъ не знали, принимая курганы за непроходные бутры и на распросы указывая лишь сонку. Форма сонки — невысокій усѣченный конусъ около 105 — 110 саж. въ окружности и 8 — 10 арш. вышины. Со стороны озера была ее очень крута и выше, чѣмъ съ противоположной, такъ какъ въ соответной нѣтъ выемки чѣмъ приближается еще къ сонкѣ берега, на которомъ она насыпана. Эти бѣла, а равно и нѣтъ холмики, обращенная къ озеру, поросли дерновыми кустами и травой. Частъ же площадки и бѣла, обращенные къ л. Подневетихѣ, состоятъ изъ гонимы людьми и скотуной. Видъ съ сонки, гдѣ не мѣшаетъ расто-

теплота, обширный и красивый: легко всхолмленная равнина, съ близкими и дальними селеньями, пашнями, нивами и перелѣсками, а у ногъ зеркальная поверхность озера съ камышемъ по берегамъ. О находкахъ на сонкѣ или около нея не пришлось ничего слышать. Грунтъ ея песчаный.

Къ С. отъ сонки, вдоль сѣверо-восточнаго конца оз. Дивинца, лежитъ длинный, неширокій, валу-образный холмъ такой же высоты, какъ сонка. Идя съ С.-З. на Ю.-В., онъ отдѣляетъ озеро отъ тонкой низины, которая залегаетъ между этимъ холмомъ и скатомъ кореннаго берега. На низинѣ сѣнокосъ, а берегъ и холмъ заросли сосновымъ жердякомъ, слежникомъ и полудровянымъ лѣсомъ съ можжевельнымъ подсѣдомъ. На округленномъ хребтѣ холма насыпано около десятка кургановъ—скорѣй большихъ, чѣмъ среднихъ. Курганы расположены близко другъ къ другу, многіе до взаимнаго сліянія основаніями; около нѣкоторыхъ замѣтны у подошвы ямы или рвы съ перемычками. Форма—низкій срѣзокъ шара: стороны, обращенныя къ хребту холма, ниже и круче, такъ какъ насыпи располагаются на скатахъ. Многіе изъ кургановъ поросли деревьями. На этомъ кладбищѣ мною разрыты 3 кургана.

Рис. 7.

Курганъ № 1 лежитъ къ Ю. отъ большой центральной насыпи, выс. $1\frac{3}{4}$ арш., поперечникъ $27\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ отъ поверхности 12 вер., въ южной сторонѣ траншеи, въ 10 арш. отъ восточнаго края кургана лежитъ небольшая (горсти въ 3) грудка мелкихъ обломковъ пережженныхъ костей и среди ихъ продолговатый, узкій, къ одному концу утоняющійся каменный брусокъ изъ сѣраго глинистаго сланца, обожженный на огнѣ (рис. 7). Брусокъ этотъ напоминаетъ формою черенокъ современнаго столоваго ножа, а также тѣ вѣсовыя гири или разновѣски, которые я находилъ въ курганахъ съ сожженіемъ близъ с-ца Михайловскаго Ярославскаго уѣзда вмѣстѣ съ вѣсами; только въ подшевелиховской гирькѣ нѣтъ отверстія въ тонкомъ концѣ для проволочнаго колечка, каковыя имѣются въ Михайловскихъ. Взвѣсивъ брусокъ, я получилъ вѣсъ его равнымъ 81 грам. или 19 золот., т.-е. $\frac{1}{4}$ сѣверной или «новгородской» гривны, опредѣляемой въ 72 зол.¹⁾ Ниже грудки костей на 10—12 вер. шель горизонтальный зольный слой, достигающій въ центрѣ 1 верш. толщины, а къ краямъ кургана постепенно утоняющійся. Ни на немъ, ни въ

¹⁾ Оригинальное, но врядъ ли допустимое предположеніе. *Ред.*

почва почти не пахана. На глубинѣ 1' 4 арш. с.-в. на востокѣ встрѣ-
ченъ другой такой же слой сѣ. обильног. прироста желтого угля. Подъ
этимъ слоемъ лежитъ блѣднѣй обожженный песокъ. Подъ слоемъ грану-
листый чистый песокъ, поросший сѣ. обильног. прироста (какъ и въ
пояс. нѣтъ сѣ. амальгано-красный).

Бурганъ № 2. Въ 90' отъ № 1 — коренъ 7' ширины, слитъ обиль-
ными сѣ. обильног. прироста 1' 4 арш. поперечнаго 3' арш.

Въ 8' 4 арш. отъ восточнаго края кореня, на глубинѣ 8 арш. отъ
поверхности кореня въ сѣ. лежитъ грудъ обильног. прироста желтого угля.
На глубинѣ 1 арш. ровный желтый сѣ. углистый прослой, до 1' шири-
ны, на глубинѣ 1' 4 арш. такой же другой прослой, но паче
ему не ровный, а волнистый. Мѣстами онъ лежитъ на обильног. прироста
чистого и чисто-бѣлаго (какъ употребляемый для топлива, паче минераль-
наго) песка, лежащихъ на материкѣ. Материкъ состоитъ изъ
красно-каристого песка сѣ. христого и прироста на 2' арш. высота. Сѣ.
углубленіемъ песка, становится сѣ. и въ нѣмъ желтоватый пожелтый
бурый желтый. Подъ нами прочно-желтый (желтый) песокъ почти безъ
угля. Вонючій никакимъ.

Бурганъ № 3 почти въ 90' отъ № 1 — рядомъ съ сѣ. форма по-
желта, округлая, высоты 1 арш., поперечнаго 7' 4 арш. Въ вершинѣ
сейчасъ подъ корнемъ бурганъ круглая яма 1' 4 арш. отъ поверхности и
10' арш. глубиной въ нѣмъ много обильног.
перемеженного песка (прироста 3'), паче
сѣ. слой черной жемчужной и нѣтъ подъ до верха
обильног. прироста сѣ. жемчужной жемчужной. Вонючій
песокъ, грудъ обильног. такой же, какъ
въ предыдущемъ бурганѣ.

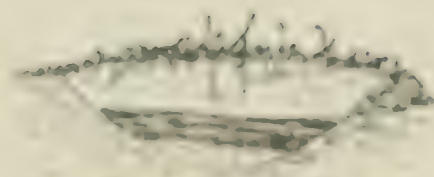

Рис. 4.

Изъ Фасова 4 верстулы въ Востокъ симметрично крестъ на югъ
Кербова, а оттуда направляется къ с. Амальгано. По дороге не за-
мѣтны, ни разлуки, что-либо подмѣтено для археолога не удалось.
Не безъ труда разыскали окурники въ Амальгано. Обильног. прироста
сѣ. нѣтъ находится въ С., вершина въ 3-хъ. на сѣ. въ «Бару» арш.
«Горбана» бару» г. Паче, продолжения сѣ. нѣтъ (какъ), разлука-
жонкой на правый берегъ Местъ, верста въ 10' (какъ), (какъ), (какъ),
д. Паче (какъ). Бурганъ, какъ и симметрично, (какъ), (какъ), (какъ),
путемъ, въ формѣ обильног. прироста (какъ), (какъ), (какъ), (какъ), (какъ),
малый высоты, расположенъ на обильног. прироста и ровный (какъ),
чистый песокъ сѣ. 1, по сѣ. сторона (какъ) жемчужной въ
с. Местъ. Обильног. прироста на сѣ. (какъ) въ Местъ, (какъ) жемчужной.

Всего я насчиталъ около двухъ десятковъ. Нѣкоторые разрыты, по показанію крестьянъ, кн. Путятинымъ около 1883 г.

Въ $3\frac{1}{4}$ —1 вер. отъ кургановъ дальше къ С. по той же дорогѣ еще издали можно замѣтить возвышеніе на лѣвой (ѣдучи къ Млеву) сторонѣ дороги. Издали оно напоминаетъ собку, но чѣмъ больше приближаешься къ нему, тѣмъ больше убѣждаешься въ ошибочности подобнаго заключенія. Всего вѣроятнѣе, что это городище. Оно расположено на высокомъ и крутомъ мысѣ, возвышающемся надъ сырой кочковатой низиной съ оз. Тишадра въ срединѣ. Эта низина составляетъ бывшее дно названнаго озера, а возвышенность, залегающая кругомъ ея, съ городищемъ на одномъ изъ мысовъ—бывшій берегъ этого озера. Берегъ этотъ обрывистъ, крутъ и довольно высокъ, сажени 3—4, и поросъ лѣсомъ. Городище мною не осмотрѣно на мѣстѣ.

Дальше къ Млеву по той же дорогѣ обращаетъ на себя вниманіе возвышеніе своеобразной формы, расположенное по лѣвую сторону дороги, среди обширной, сплошь распаханной равнины, на землѣ крестьянъ д. Поляны, и само также почти все распаханное. Около возвышенія насыпана одинокая, хорошо сохранившаяся сопка правильной полушарой формы съ водруженнымъ къ-мъ-то на ея вершинѣ высокимъ шестомъ. Дорога огибаетъ возвышеніе почти кругомъ, такъ что, проѣзжая по ней, можно осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Возвышеніе это, нанесенное между прочимъ на карту генеральнаго штаба, лежитъ на правомъ берегу Мсты, въ разстояніи отъ нея не болѣе версты, отъ с. Млева къ Ю. верстахъ въ $1\frac{1}{2}$, а отъ погоста Троицы—нѣсколько менѣе. Въ планѣ возвышеніе представляется изогнуто-продолговато-округлымъ, а въ профили или продольномъ сѣченіи—тридольной возвышенностью, средняя часть которой въ свою очередь, состоитъ изъ 2 уступовъ. Скатъ къ рѣкѣ западный—отлогій, южный и сѣверный—болѣе круты, а восточный представляетъ совсѣмъ уже крутой обрывъ, кое-гдѣ поросшій кустарникомъ. Средняя (наиболѣе высокая часть) съ восточной, т.-е. обрывистой стороны выступаетъ нѣсколько впередъ противъ боковыхъ и отдѣляется отъ нихъ довольно глубокими лощинами, лежащими, однако, выше окружающей равнины. Общее впечатлѣніе, производимое возвышенностью на зрителя, это то, что оно представляетъ изъ себя нѣчто искусственное. Однако слишкомъ большіе размѣры ея ослабляютъ это впечатлѣніе. Впрочемъ, окончательное заключеніе можно дать только при ближайшемъ обслѣдованіи возвышенности.

Въ с. Млевѣ я зашелъ на кладбище, на которомъ, какъ мнѣ сообщали еще въ Почвинѣ, «вышла изъ земли» плита Марфы Посадницы.

Плита эта (рис. 9) лежит на земле, внутри каменной рамы, вытесанной каменщиками усердствующими из сѣверо-западной части каменной плоти около дома церковно-служителей и представляющая изъ себя естественную, неправильную, четырехугольную, продолговатую плиту темнаго кристаллическаго сланца около 2-хъ аршинъ длиной и несколько больше 1/4 арш. шириной. На ней вырубъ не особенно ясно и угловато выѣдена надпись. Плита обнаружена по какому мѣсту, гдѣ лежить она теперь, а по другой сторону переезъ¹⁾.

Рис. 9

У крыльца часовни с. Мзена стоитъ каменный крестъ, по формѣ, размерамъ и материалу очень близкій къ кресту, добытому изъ фелонской сени. Тѣ же жители села, съ которыми я разговаривалъ по поводу его, не могли объяснить, откуда онъ вышелъ. Впрочемъ, происхождение креста выдвинулось очень скоро. За с. Мзеномъ, къ С.-В. отъ урвца возманиваются разномъ дѣлѣ круглая, хорошо сохранившаяся сени среднихъ размѣровъ, а третья, сильно эволюция съ бокомъ, несколько подалѣе. Кто ее поворачивалъ, а не могъ точно изъяснить, они говорятъ, что ее расхаживали каменщики, другие утверждаютъ, что крестьяне, бравшие песокъ. Последней, принявъ во вниманіе нахождение каменнаго креста изъ каменіи селя, сѣриѣ.

Съ версту дальнѣе, т. е. сѣверо-восточнѣе, къ правой же стороны дороги (отъ Мзена къ станицѣ Метѣ), при крутомъ поворотѣ на къ С.-З., въ полуверстномъ отъ нея разстояніи видна изъ поля еще сени менѣе правильной формы, тѣмъ дѣлѣ мѣловѣя, но тѣмъ же приблизительно размѣромъ.

Дальнѣе у д. Кожицко, съ 1/2 вер. ниже переезда черезъ Метѣ, почти на самомъ правомъ берегу возманиваются сени весьма значительныхъ размѣровъ (рис. 10) съ непонятными боками. За Метѣю, на лѣвомъ берегу, на каменѣ, подмываемомъ рѣкою, выдвинуто отъ станицы Метѣ, на крестьянской землѣ, испещренная мочушная на той вытесанная сени тоже очень большихъ размѣровъ той же формы и тѣмъ же вытесанная съ бокомъ (рис. 11 и 12). Последнія дѣлѣ сени, хотя и поименованы, едва ли представляютъ собою могилы, но, вѣроятно,

¹⁾ Плита выдвинута Железнодорожными рабочими Тарновск. уѣзда, стр. 10-й км. станціи Железнодорожной въ «Полѣ. Дрѣво-Рубка. Подольскъ. 1914 г. № 12, стр. 11. 1-го

Рис. 10.

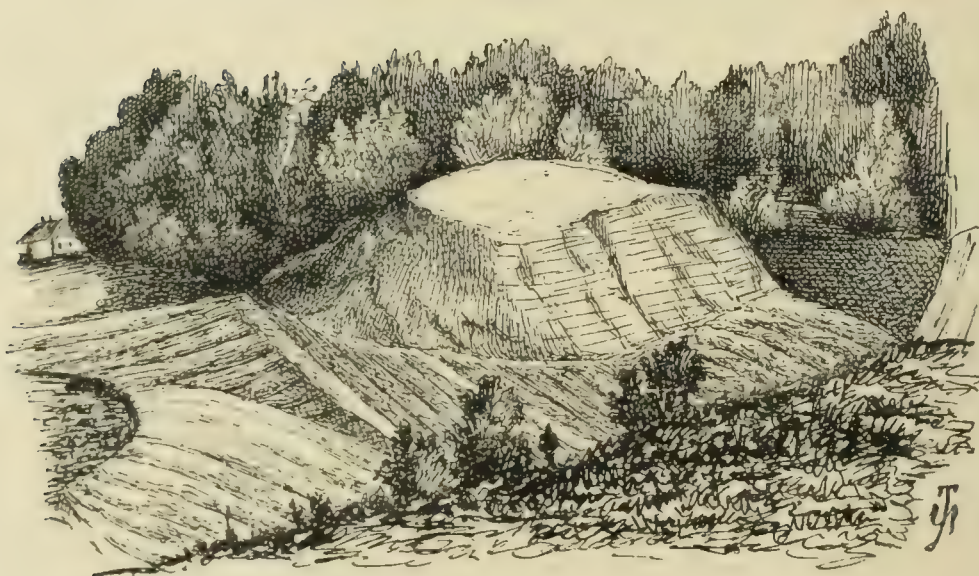

Рис. 11.

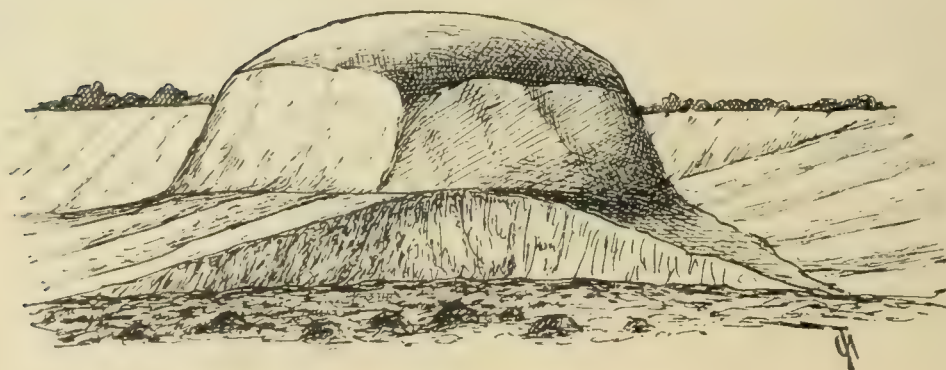

Рис. 12.

уверѣненіи, за что говорить и название бѣлка, владѣлаго къ нимъ, селеніи Горюхиномъ.

Упомяну еще о сонцѣ, находящейся въ Лукинскій волости того же Вышне-Волочскаго уѣзда, недалеко отъ Ивановскаго полустана, у казны Бѣженской дороги, на берегу озера. Давній мужъ эти стѣбѣнія крестьянникъ не могъ назвать ни бѣлкайшаго къ сонцѣ селенія, ни лавнаго истра. По его словамъ, эта сонца больше Федосѣиха, но называтся, какъ и эти, на ровномъ открытомъ мѣстѣ. По словамъ крестьянина, въ селеніи на кладбищѣ бѣлкайшаго къ сонцѣ селенія сохраняется какое-то старинное оружіе.

Н. А. Тихоміровъ.

Нѣкоторыя древности пятины Деревской и Бѣжецкой.

(Раскопки, произведенныя въ 1902 г. по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества).

Работы 1902 г., вмѣстѣ съ раскопкою, произведенною въ 1900 г. при имѣніи герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго (Валдайскаго у.), сосредоточились въ смежныхъ волостяхъ Крестецкаго, Валдайскаго и, главное, Боровичскаго у., Новгородской губ., т.-е. въ мѣстности, входившей въ составъ Деревской и Бѣжецкой пятины Великаго Новгорода. За отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ, раскопки пришлось производить наряду съ развѣдками, не ограничивая заранѣе плана работъ.

Въ районѣ изслѣдованій было опрошено 92 селенія, причемъ крайними пунктами являлись: на западѣ—с. Перетно, Крестецкаго у.; на вѣверѣ—с. Кончанское, Сопины и Столбово, Боровичскаго у.; на востокѣ—с. Устрика и пог. Мошинской, Боровичскаго у.; на югѣ—г. Боровичи и пог. Боровно, Валдайскаго у. Въ этомъ районѣ были осмотрѣны древности въ 34 пунктахъ, причемъ была изслѣдована 51 курганная насыпь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поврежденное состояніе кургана, близость къ жилому мѣсту и мѣстное народное почитаніе не дозволили произвести желательныя раскопки.

Красивое, озерное мѣсто, наполненное валдайскими отрогами, удобное во всѣхъ отношеніяхъ для жилья, должно быть обитаемо съ древнѣйшихъ временъ, и потому въ районѣ настоящихъ раскопокъ можно было ожидать многочисленныя древности. Слѣды исконнаго славянскаго населенія новгородскихъ кривичей, во главѣ съ прирѣчными и приозерными сопками, могли восходить къ древностямъ каменнаго вѣка, признаки котораго находятся въ мѣстныхъ озерныхъ плесахъ, давая даже такія богатая находки, какъ въ Бологовской стоянкѣ, разработанной кп. П. А. Путятинымъ.

Тѣмъ не менѣе ожиданія многочисленныхъ древностей не совсѣмъ

оправданы. Не знаю, умею объяснить это тем, что иными из более мелких древностей при обработке земли, частыми ли коллективными потребностями или же древности местных жителей, известности много потребных изюби (связь и также предполагать при работе из Старорусского у. в 1899 г.). Последнее предложение имеет еще более место, что некоторые предметы района раскопки являются еще начало из XV века¹⁾, а в курганных потребностях из Петербургской губ. была найдена новгородская конейна того же века и известно существование курганных потребностей даже до XVI в. включительно.

Курганные группы и сены отстоять друг от друга на расстоянии довольно значительном, лишь иногда сближаются на маневренное поле. Такие курганные группы встречаются лишь при Полесье, Глазове и Петербурге. Ветерный вид и сохранность насней далеко не удовлетворительны. Многие западаны, многие разбиты владислатолами, а также поминками, но большей части не представляющими раскопки научного характера. Плохой сохранности курганов способствует и местная песчаная почва: она слишком легко выветривается, оседает и совершенно изменяет первоначальный вид насней. Лишь некоторые высокие сены не имеют распавшегося разваливающегося вида. Но кроме естественных условий, и в самом устройстве насней не замечается тщательности, даже, напр., наблюдается в курганах Петербургской губ. Присутствие в окрестности земли не дает мысли устройству насней воспользоваться ими для лучшего укрывания кургана; не встречается ни дерновой земли, ни глинистой смазки, сеном (разве кроме рвом вокруг насней), не видно следов заботливости, как и в курганах Порховского у., в сравнении с наснями С.-Петербургской губ. (см. «Зап. Импер. Русск. Археол. Общ.», т. XI к. стр. 376). Кроме раскопок, проведенных местными жителями, жителям приходится слышать о каких-то «приказных» из Петербурга (свидетельствую, хотя, насколько известно, систематическому исследованию района каменных работ подвергался впервые.

Все осмотренные курганные группы приурочены к какому-либо водному бассейну: рьян или овра и большей частью расположены на высоких доминирующих местах, исключение составляет один незначительный насней с труднодоступным, находящимся во тьме пещерных «гопотных борав», в миглах обычных (описаны) гробовых с

¹⁾ См. Е. А. Пашков, «О каменном и железном Петербурге», стр. 296, 297, 298, 299 и др.

мелкими болотами. Точное повтореніе такихъ кургановъ встрѣчено мною въ Лужскомъ у., близъ ст. Преображенской; тамъ, также въ хвойныхъ лѣсахъ, разбросаны низкія песчаныя насыпи, круглыя и продолговатыя, очень многочисленныя, безъ всякихъ находокъ, иногда окруженныя ровикомъ.

Исследованныя пылъ насыпи по своему устройству распадаются на 9 типовъ. Изложеніе ихъ устройства расположимъ въ порядкѣ приближительной постепенной древности, начиная съ самыхъ новѣйшихъ.

I. Кладбища старшаго происхожденія, служація для погребенія и до сего поръ. Такія кладбища были осмотрѣны въ пог. Боровно, Валдайскаго у., пог. Мошинскомъ, Борович. у., и въ с. Пѣлице, Крестецкаго у. Въ нихъ наряду съ новѣйшими погребеніями встрѣчаются древнѣе Новгородскаго типа каменные кресты. Въ Пѣлицахъ въ кладбищенской оградѣ находятся также и два кургана, высотой до $3\frac{1}{2}$ арш. Въ Бобовикѣ (Валдайскаго у.), на курганѣ выстроена часовня.

II. Жалыники. Жалыники были осмотрѣны въ Боровичскомъ у., при деревняхъ Б. Меглецы, Сорокино, Обрѣчье, Передки и въ Горахъ, Валдайскаго у. Въ большинствѣ случаевъ при жалыникѣ находится часовня, или если часовни и не имѣется, то все-таки по опредѣленнымъ днямъ совершается панихида по «забыдущимъ родителямъ», такъ что раскопка такихъ жалыниковъ можетъ вызвать неудовольствіе окрестнаго населенія. Къ отдѣлу жалыниковъ слѣдуетъ отнести также позднѣйшія погребенія на широкихъ курганахъ въ Передкахъ, Боровичскаго у., и въ Горахъ, Валдайскаго у. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вся поверхность кургана оказалась усыпаною позднѣйшими впускными погребеніями, частью съ признаками колоды. Костяки лежали въ два и даже въ три слоя, мѣстами почти соприкасаясь оконечностями. Руки оказывались сложенными крестомъ, или на лопномъ соединеніи, или вдоль боковъ. Внѣшность могилъ представляется или въ видѣ бугорка продолговатой формы, или слабой вмяткой, отмѣченной двумя или однимъ валуномъ. Никакихъ предметовъ въ такихъ могилахъ не встрѣчается, кромѣ желѣзныхъ гвоздей и скобъ, вѣроятно, укрѣплявшихъ гробовище. Гвозди и скобы встрѣчаются въ очень маломъ числѣ—по одному, по два на могилу. Кость въ жалыничныхъ могилахъ желтобурая, хорошей сохранности. Такъ какъ особому изслѣдованію подобныя жалыники не подлежали, то вскрыты они были лишь нѣкоторые, расположенные на вершинахъ кургановъ.

Древнихъ жалыниковъ съ ихъ характерною каменною окладкою, какіе встрѣчены мною въ Старорусскомъ и Порховскомъ у., въ изслѣдованной мѣстности вовсе не найдено.

прямая, распыленная, въ последнемъ случаѣ заросшая крупными камнями. Въ центрѣ насыпи на поверхности былъ замѣтенъ валуны: подъ нимъ на уровнѣ материка найдены три костяка въ сидячемъ положеніи. Два изъ нихъ были обращены лицомъ на С.-З., и третій помещался спиной къ нимъ, лицомъ на В. Подъ всѣми тремя костяками замѣчаются отдѣльныя кучки золы и угольные точки въ небольшомъ количествѣ. На затылочной кости третьяго костяка (лицомъ на В.) замѣтны слѣды бронзы, но, несмотря на поиски, никакихъ предметовъ не найдено. Кость была очень плохой сохранности. Камней ни въ томъ, ни въ другомъ курганѣ не встрѣчено, хотя насыпь, бывшая рядомъ съ послѣдней, имѣла въ себѣ цѣлый рядъ булыжниковъ ¹⁾).

Г. Курганы съ трупосожженіемъ на материкѣ. Низкая, очень плоская насыпь имѣла частью на поверхности, частью скрытый подъ дерномъ (ср. № 7) рядъ булыжниковъ, направленіемъ съ С.-В. на Ю.-З. Нѣкоторые изъ этихъ камней носили слѣды обжога. Вся масса насыпи была насыщена вкрапинами золы и углей. На материкѣ были остатки 3-хъ сожженныхъ костяковъ, бывшихъ, вѣроятно, въ лежачемъ положеніи. Два костяка имѣли направленіе на С.-З. и третій, помещавшійся въ ногахъ ихъ—на Ю.-З. Около шеи этого костяка найдена черная смальтовая буса, круглая, средняго размѣра. Тыльная кость (такъ-же, какъ въ предыдущемъ) имѣла слѣды бронзы, не найденной. Подъ костяками имѣлось кострище, распространяющееся почти на все основаніе насыпи.

Курганы съ трупосожженіемъ на материкѣ или, точнѣе, со слоемъ золы и угля на материкѣ (ибо иногда этотъ слой могъ быть и насыпной), представляютъ самый распространенный типъ мѣстныхъ кургановъ, измѣняясь лишь въ объемѣ. Отъ самыхъ незначительныхъ насыпей высотой не болѣе $\frac{1}{2}$ арш., они достигаютъ до $4\frac{1}{2}$ арш. Курганы этого типа были также изслѣдованы около дер. Подлище, им. г. Шатицъ, и Глазова, Крестецкаго у., при Потерпилицѣ, Столбовѣ, Устрикѣ, с. Кончанскомъ, Тумашевѣ, Подоль и при оз. Люто, Боровичскаго у. При Подлицахъ, Глазовѣ и Потерпилицѣ насыпи небольшой величины (до $2\frac{1}{2}$ арш.), соединяются въ группы числен-

---

¹⁾ Такое же коллективное погребеніе въ сидячемъ положеніи мною встрѣчено при имѣніи Горы, Валдайск. у., въ 1900 г. (см. мою статью „Къ древностямъ валдайскимъ“, стр. 60—68 въ „Извѣстіяхъ Имп. Археол. Комм.“, 1901). Костяки при Горѣхъ не имѣли лишь подстилки-кострища, такъ какъ между ними основнымъ толстымъ кострищемъ (древнѣйшимъ погребеніемъ) было отъ 2—4 вершковъ чистаго песка, да и самое кострище было слишкомъ толсто (до 5 верш.).

постыло до 10 псалней, при прочих же лунныхх псалней стояло или по двѣ, по три. При Столбовѣ и Поголѣ обилие этихъ псалней съ трупосожженіемъ на матеріи находится псалней съ другими разномнностями погребеній съ трупосожженіемъ. Въ псалнѣхъ этого типа предметы сохранились не найдено, хотя въ Поголѣ, гдѣ есть наиболѣе высокія псални оказались гдѣ-то тому нѣсколько разномнностями мѣстнымъ закономъ, прѣстольно перемѣнили о нахождѣ въ курганахъ бронзовыхъ браслетовъ и пряжекъ, а также булѣ и ножей. Въ настоящее время изъ этихъ псалней ничего не сохранилось.

Однообразный типъ псалней съ трупосожженіемъ на матеріи лишь нѣсколько видоизмѣняется рамами, окружающими псалню и доходящими даже теперь до аршина глубины, а также толстыми лѣтними прѣстольными и угольными керамическими въ разныхъ слояхъ псални. Такая прѣстольная обкладка очень тонка (всего до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ верш.), тогда какъ лѣтнее основное кострище мѣстами даетъ до 3 верш. золь и углей, прѣстоль углей сравнительно съ золью встрѣчается очень мало. Большую часть золь вѣсти въ такихъ кострищахъ сохранилось, что и даетъ поводъ предполагать перенесеніе золь съ одного либо другого мѣста.

Такое же внутреннее устройство имѣла и длинная псалня, названная на берегу оз. Лято, Березинского у. Расположенная вдоль берега озера, псалня имѣла 61 арш. длина при 5 арш. ширины и $1\frac{1}{2}$ арш. вышины. Въ основаніи псални во всю длину ее находилась слой золь и углей, очень неравномерный—отъ $\frac{1}{8}$ верш. до 3 верш. Псалней находилась въ псални не встрѣчено. Въ окрестности псални называлась «Великойной могилей».

Изъ обширной группы кургановъ съ трупосожженіемъ слѣдуетъ выделить, какъ особый видъ, курганъ съ трупосожженіемъ на вершинѣ псални, погребеніе на вершинѣ псални лѣтнее, сожженіе въ курганѣ, и, наконецъ, слой, содержащіе этихъ псалней уже довольно хорошо извѣстно.

ГГ. Курганъ съ трупосожженіемъ на основаніи псални встрѣченъ въ двухъ мѣстахъ—при дер. Столбово и при Пелавинскомъ оз. Горюховск. у. При Столбовѣ двѣ псални съ трупосожженіемъ на вершинѣ стояли вдоль берега озера на разстояніи около 150 шаговъ другъ отъ друга. Около нихъ находилась одна высокая курганъ съ псалней лѣтнимъ лѣтнимъ погребеніемъ на вершинѣ и съ кострищемъ въ псални и другая псалня низкая, также основанная на слое золь. Въ псални съ сожженіемъ на вершинѣ дхн на глубинѣ 2—3 верш. отъ поверхности, въ центрѣ псални, кострище толщиной отъ 1 верш. до

5 верш., діаметромъ до 2 арш. Въ серединѣ кострища помѣщались остатки сожженнаго костяка. Скуденность осколковъ кости и слабое продолженіе въ одну (западную) сторону даетъ предположеніе о сидячемъ положеніи трупа. Кость сохранилась очень плохо. При костяхъ были найдены желѣзный ножъ, трубочка и осколки бронзовыхъ предметов: браслета и гривны, обычныхъ типовъ для насыпей X в. Вся масса насыпи была изъ чистаго желтаго песка. Такое же точно устройство имѣлъ и курганъ на берегу Пелавинскаго оз. При этомъ сидячее положеніе костяка было еще болѣе замѣтнымъ; направленіе костякъ имѣлъ съ В. на З. Съ правой стороны костей былъ найденъ ножъ.

Этотъ послѣдній курганъ входилъ въ составъ довольно разнообразной курганной группы (при Пелавинскомъ оз.), въ которой, кромѣ трупосожженія на материкѣ, встрѣченъ еще одинъ типъ погребенія, соединяющійся съ довольно загадочными подробностями, а именно—погребеніе на вершинѣ насыпи костяка, сожженнаго внѣ кургана.

VII. Курганы съ погребеніемъ остатковъ отдѣльно сожженнаго костяка на вершинѣ насыпи. Въ Пелавинской группѣ такихъ кургановъ встрѣчено 4, но ихъ могло быть и больше, ибо нѣсколько насыпей раскопано ранѣе, неизвѣстно кѣмъ. Насыпи настоящаго типа окружены ровиками, за исключеніемъ одной. Глубина ровика, вѣроятно, была очень значительной, такъ какъ даже теперь, при всей измѣнчивости песчанаго материка, глубина рва достигаетъ до 1 арш. Во всѣхъ 4-хъ случаяхъ на вершинѣ насыпи, при глубинѣ 5—8 верш., найдены сожженные костяки, сложенные кучкой. При костяхъ черепки очень неискусно, грубо сдѣланныхъ горшковъ, безъ орнамента (погребальныхъ). Въ одномъ курганѣ непосредственно въ кучу костей оказался вставленнымъ цѣльный горшокъ, сработанный изъ очень плохой глины, наполненный костями. Въ двухъ случаяхъ при костяхъ были слѣды золы; одинъ разъ въ видѣ тонкой прослойки вершка 4 діаметромъ и другой разъ въ видѣ кучки размѣрами пригоршни въ двѣ, положенной съ правой стороны костей.

Кострище въ основаніи, въ которомъ не было найдено костей, могло натолкнуть на соображеніе, что не изъ него ли вынуты остатки трупа для помѣщенія ихъ на вершинѣ насыпи, но одна находка, сдѣланная вблизи описываемыхъ кургановъ, выдвинула другое соображеніе; при немъ основное сожженіе въ курганахъ можно считать совершенно самостоятельнымъ, а погребеніе на вершинѣ болѣе позднимъ, перенесеннымъ изъ иного мѣста. Дѣло въ томъ, что въ 45 шагахъ отъ этихъ кургановъ были найдены 6 насыпей слѣдующаго устройства. На-

сыпи имѣли до 1½ арш., въ диаметръ при $\theta = 1$ арш. высоты, представляли изъ себя совершенно плоское возвышеніе, окруженное расчлѣненнымъ ровникомъ. При раскопѣхъ подъ верхнимъ листовымъ дерномъ (растительность хвоя на пескѣ) обнаружился толстый слой золы, окруженный кострище, центръ котораго имѣлъ почти чистую золу, а въ краяхъ содержалъ много углей и угольки. Толщина золыаго слоя мѣстами достигала даже до 10 верш. Легко себѣ представить, какой продолжительности и силы должны были быть огонь, чтобы оставилъ такое внушительное кострище. Но еще болѣе интересъ возбуждала одна такая плоская насыпь, когда, при очисткѣ золыаго слоя, было замѣчено, что въ центрѣ насыпи слой дѣлался совсѣмъ тонкимъ, толщиной въ 1 верш., и образовалась продолговатая выемка, направленная съ В. на З. Изъ 6 имѣвшихся насыпей было раскопано 4, лузней сохранности, а вещи, измѣнялись лишь въ деталяхъ (въ общемъ диаметръ или толщину слоевъ) картина получалась одинаковая, кромѣ разнѣ того, что въ двухъ насыпяхъ нельзя было прослѣдить центральную выемку въ золѣ. За недостаткомъ аналогій, трудно развитъ предположеніе изъ картины сожженія издѣ кургана и затѣмъ перенесеніе костей на вершину насыпи, но несомнѣно усматривалась какая-то связь между этими низкими, нѣжными возвышеніями и кучками сожженныхъ костей на вершинахъ прежде описанныхъ кургановъ. Надо имѣть въ виду, что дѣлѣніемъ раскопки въ Боровичской и Бѣженской округѣ дадутъ ту или иную разгадку найденнымъ насыпямъ. Если только низкія насыпи съ толстыми пластами золы можно будетъ считать мѣстомъ сожженій, то эта находка представитъ значительный интересъ, ибо подобныхъ мѣста сожженій извѣстны въ очень маломъ количествѣ.

VIII. Сопки. Въ ряду кургановъ съ сожженіями слѣдуетъ отмѣтить еще сопку, исследованную въ с. Устрицѣ, Боровичскаго у.

При Устрицѣ находится 6 сопокъ, изъ которыхъ 3 были разрыты помѣщикомъ г. Зотовымъ. Въ меньшей изъ разрытыхъ сопокъ по раскладамъ кональниковъ, были найдены какіе-то предметы, но описаніе ихъ оказалось слишкомъ фантастично, чтобы приписать ему значеніе.

Исследованная сопка, расположенная на берегу рѣки, имѣла высоту до 3¼ саж., представляла изъ себя очень крутое возвышеніе съ впадиной на вершинѣ. Въ центрѣ насыпи, на глубинѣ не болѣе 7¼ арш., найдены дѣлѣніе лузной черепки горшка, грубой работы, безъ орнамента. Около черепка была масса въ количествѣ извѣстности горшка. Далѣе, до самаго основанія, оставался съ измѣненіемъ краевъ аршина 1½ чистаго грунта, вся насыпь оказалась пачинной жем-

ними прослойками, чередовавшимися безъ особой системы. На рисункѣ отмѣчены главнѣйшія прослойки. Зола, расположенная иногда тонкими слоями, мѣстами собиралась въ толстыя кучки (до $4\frac{1}{2}$ верш.). Къ основанію насыпи отъ прослоекъ освободился слой песка толщиною до 1 арш., и затѣмъ открылось большое основное кострище, давшее массу золы, углей, концовъ плахъ и чернаго перегара. Почва подъ кострищемъ оказалась сильно обожженною. Несмотря на обиліе камней въ окрестныхъ поляхъ, въ устройствѣ сопки камня вовсе не встрѣчено.

IX. Курганы каменнаго вѣка. Совершеннымъ особнякомъ отъ всѣхъ описанныхъ кургановъ стоитъ небольшая курганная группа, найденная вблизи с. Кончанскаго. Позволю себѣ, остановиться на этой находкѣ нѣсколько подробнѣе, въ виду ея новизны и неожиданности среди мѣстныхъ древностей.

Въ 2-хъ верст. отъ с. Кончанскаго, Боровичскаго у., въ 20 шагахъ отъ ровнаго песочнаго плажа оз. Шерегородо, находится 7 низкихъ насыпей: высотой онѣ были отъ $1\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{2}$ арш. Къ озеру была обращена южная часть насыпей, въ которой оказались находки. Насыпи имѣли форму совершенно расплывчатую и, прикрытыя мелкой хвоей и высокими сухими травами, были мало замѣтны при бѣгломъ обзорѣ. Вокругъ насыпей не было ни камней, ни ровика. Прежде всего слѣдуетъ описать курганъ, давшій разнообразныя янтарныя подѣлки. Въ группѣ этотъ курганъ былъ однимъ изъ высокихъ. Высота его— $1\frac{1}{4}$ арш. Грунтъ, какъ и въ остальныхъ, свѣтлый желтый песокъ. Центръ насыпи оказался безъ всякихъ находокъ, такъ что насыпь казалась пустою, и лишь въ южной части ея начало вырисовываться на поверхности материка кострище, діаметромъ до 3 арш., толщиною, неравномѣрно, отъ $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ верш. Среди золы былъ найденъ лишь одинъ осколокъ сѣро-бѣлой пережженной кости. Вся поверхность кострища была усыяна черепками горшковъ, разныхъ рисунковъ, извѣстныхъ въ находкахъ неолитической поры (Табл. III). Среди черепковъ особенно выдѣлялись толстые черепки съ глубокимъ ямочнымъ орнаментомъ и отверстіями, составлявшіе, вѣроятно, большой сосудъ съ круглымъ дномъ, совершенно аналогичный найденному въ Бологовской стоянкѣ княземъ П. А. Путятинымъ.

Поверхъ кострища, занимая, нѣсколько подковообразною фигурою, значительную часть его, шелъ красноватый слой песка, который, по изслѣдованію въ химической лабораторіи морского вѣдомства, оказался сильно пережженнымъ. Такіе слои, по указанію г. Аппельгрена, встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ курганахъ Финляндіи. Красный слой рѣзко

отличался по цвету: среди окружающих песка и галы ж. крошки того, была большей твердости, нежели песок перемешанный. На поверхности красной слои, не имеющие беспорядка, были найдены 207 ленточных предметов разнообразной величины и формы и плоскости блинны с кремниевыми на обратной стороне дырочками для прошивания шнура (Табл. I). Ленты желати не беспорядка, лишь иногда соединялись по два по три, что, однако, не давало ни завитым ленточного ожерелья, ни убора, которыми, блинны могли быть напущены, например, на поверхность одежды. Кроме явемидаров, которые удалось добыть блонными или голубыми и склеить вносильными, остались еще не мало мелких перемешанных, достаточных на несколько десятков блинны или привесов. Немного выше красной слои лежало в куче несколько привесов свинцового лентаря, может быть, представляющее собою целый отдельный набор. Соединялись с красными слои, по сторонам бодринна лежали на дне кучи 7 кремней, жемч. 2 стрелы, пилы и предметы неясного назначения (Табл. II). Кремни носили следы вторичной обработки и некоторые из них сильно окрасились после влияния красной слои.

Во пяти прочих насыпях этой группы найдены бодринны, в одной жемч. Красной краски больше не встречено. Найлены лишь одна блинны и одна трубочка из лентаря и еще много черепков от горшков по рисунку совершенно совпадающих с черепками описанного кургана. На бодринне одного из курганов найден скребок и 4 неясного назначения кремни.

Исследование из всей группы составляет один курган, может быть даже позднейшего происхождения, стоящий вдали от остальных. В этой насыпи было найдено сождение на материалы в центр насыпи (поперечному, в среднем положении). С правой стороны сождения жемч. были найдены кремневый скребок.

Таким образом, после разнообразных в деталях, но, в общем, не помышляя русских потребностей, мы были отвлечены в каменный, политический период, в совершенно новому, не встречавшему еще типу курганов. Годчарство, кремни, даже красная окраска находились себе легко аналогично не только в отдаленных древностях, но и в близких местностях, в бодриннах из Голубовской стоянки. Гораздо труднее было с лентарями, который не русскими древностями при подобных обстоятельствах не были встречены. Если найденным отдаленным были и привесы не позднейших курганов, были встречены следы лентаря в Космополит при раскопках В. С. Перемосова, то обширность известнейшей находки заставляет искать положительных аналогий на стоянках.

Рижскій заливъ, сѣверное Нѣмецкое море — родина бѣльшей части янтара — обратили поиски къ древностямъ Помераніи и Даніи, въ которыхъ и нашлись нѣкоторые подходящіе экземпляры.

Sophus Muller въ древностяхъ ютландскихъ ¹⁾ указываетъ обширныя находки янтарей каменнаго вѣка, причемъ воспроизведены длинныя янтарныя трубочки-бусы, какихъ въ нашей находкѣ имѣется двѣ. Жаль, что изъ найденныхъ 4.000 янтарей воспроизведены лишь немногіе; среди прочихъ легко могли бы оказаться желательныя для насъ аналоги. Впрочемъ, удалось подыскать еще одну деталь, а именно: въ статьѣ Capitan въ «Revue de l'école d'Anthropologie de Paris», L'Anthropologie prehistorique à l'Exposition de 1900 (стр. 265), среди кѣнигсбергскихъ неолитическихъ янтарныхъ находокъ описывается янтарный идольчикъ и привѣски, изъ которыхъ одна представляетъ собою точное повтореніе бляшекъ нашей находки, очевидно нашитыхъ на какой-то одеждѣ. Разнообразный размѣръ бляшекъ невольно вызываетъ представленіе о какомъ-то узорѣ, изъ нихъ составлявшемся. Кромѣ того, Capitan упоминаетъ про бляшку съ насѣчками по краямъ. Такія же точно насѣчки имѣемъ мы на привѣскѣ съ отверстіемъ по срединѣ ея въ нашей коллекціи (см. табл. I № 31). Изъ прочихъ нашихъ подвѣсковъ нѣкоторые имѣютъ форму зубовъ, пожей и скребковъ. Общій наборъ янтарей производитъ особенно пріятное впечатлѣніе разнообразіемъ пропорцій и размѣровъ привѣсковъ; несмотря на однородный матеріаль, такія ожерелья лишены скуки ремесленнаго повторенія и штампа.

Кромѣ внѣшняго вида янтарей, интересно было бы произвести изслѣдованіе ихъ качества; при этомъ, согласно даннымъ отношеній янтарной кислоты, установленнымъ Helm'омъ, нельзя ли будетъ заключить, что мѣсторожденіе нашего янтара сѣверное, Балтійское море.

На тѣ же сѣверныя страны, подобно Мюллеру, обращаетъ наше вниманіе и Нидерле. Онъ говоритъ: «Кромѣ предметовъ, служившихъ и въ палеолитическую эпоху для украшеній тѣла (шнурковъ, раковинъ, зубовъ, каменныхъ привѣсковъ), въ неолитическую эпоху появляется въ первый разъ янтарь, который, безъ всякаго сомнѣнія, уже тогда доставлялся путемъ торговли съ береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ отложеніяхъ неолитической эпохи янтарь встрѣчается отдѣльными находками въ видѣ просверленныхъ кусковъ, служившихъ подвѣсками. Въ большомъ количествѣ онъ попадаетъ въ эту эпоху только въ скандинавскихъ странахъ» («Человѣчество въ доисторическія времена». Л. Нидерле. 1898, стр. 169).

¹⁾ Müller, S. „Nordische Altertumskunde“. Strasb. 1897. Band I. S. 51.

Кроме этих данных слѣдуетъ привести еще одно, которое съ особенною точностью опредѣляетъ мѣсто и значеніе истинной находки. Рихардъ Клебсъ въ своей монографіи «Интарныя украшенія каменнаго вѣка» («Der Bergsteinschmuck der Steinzeit», von Dr. Richard Klebs, Königsberg, 1882) даетъ намъ нѣсколько таблицъ находокъ изъ Квинтсберга, Дании и другихъ мѣстъ Помераніи, совершенно сходныхъ съ нашими привѣсками. Длинныя трубочки, привѣски съ зазубринами по краямъ, двойныя дырочки для прикрѣпленія, способъ провертыванія отверстій и разными другими деталями тѣсно связываютъ нашу находку съ померанскими и датскими неолитическими древностями, которыя, если бы при нихъ не было характернаго гончарства и кремней, можно было даже продолжать на начало бронзоваго вѣка. Такъ какъ работа Р. Клебса мало известна въ русской литературѣ и съ нѣмецкаго еще не переводилась, то позволю себѣ перевести изъ нея мѣсто, касающееся прибалтійскихъ находокъ интара.

(Стр. 50). «Такимъ образомъ выяснилось, что интарныя украшенія совершенно одинаковаго характера, какія преимущественно встрѣчаются въ Шварцпортѣ, находятся въ восточной и западной Пруссіи, въ представляющихъ польскихъ областяхъ и сѣверо-восточной Польши. Интара эти, за исключеніемъ Шварцпорта, попадаются единичными экземплярами и въ курганахъ, и въ мѣстахъ стоянокъ, и по нѣкоторымъ одновременно найденнымъ съ известнаго характера предметамъ несомнѣнно относятся къ каменному вѣку. Находить интарныя трубки въ курганахъ и въ мѣстахъ стоянокъ бурляндскихъ областей, а также подѣлки, бусы, и тѣловишкообразныя изображенія. Къ очень отдаленной эпохѣ относятся находки, глубоко лежащія въ землѣ. Если не въ еще предмета изъ Шварцпорта найдены въ древностяхъ каменнаго вѣка, какъ, напримеръ, двойныя пуговицы, колесообразныя привѣски, то все же эти предметы по тонкой обработки должны быть отнесены къ другимъ, образуя со всеми другими подобными находками известный типъ, не встрѣчаемый въ курганахъ бронзоваго вѣка. Случайно попадаются сходныя формы молотовъ, наконечниковъ стрѣлъ, шпатель, но совершенно иной техникой. Въ концѣ концовъ, мы въ правѣ считать эти находки интара украшеніями каменнаго вѣка. Эти выводы много разъ подтверждаются въ вернѣ, и только при пересмотрѣ мѣстныхъ находокъ могли быть показаны полностью. Типичныя въ своей работѣ «Исслѣдованіе каменнаго вѣка въ восточной Пруссіи» ясно изложилъ, что культура каменнаго вѣка въ означенной области, т.-е. въ Пруссіи, Полабѣ и русскаго прибалтійскихъ провинціяхъ, обнаруживаетъ совершенно тотъ же харак-

терь, рѣзко отличающійся отъ западныхъ областей. Можно назвать эту область Восточною Балтикой и опредѣленно говорить о каменномъ вѣкѣ Балтики. Принадлежность къ каменному вѣку доказывается не только костяными и каменными издѣліями, но также и совершенно своеобразнымъ и многочисленнымъ гончарствомъ, которое рѣзко отличается отъ памятниковъ позднѣйшаго времени, гдѣ каменные издѣлія находятся на ряду съ бронзовыми, но рѣдко. Янтари въ этой области распределены неравномѣрно, многочисленнѣе всего сосредоточиваясь около морского берега. Въ русскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ янтари еще не были обнаружены. Это обстоятельство, конечно, отчасти зависитъ отъ естественнаго распространенія янтара, болѣе всего находимаго у померанскаго берега. Но все-таки янтарь иногда глубоко проникаетъ во внутреннія области, доказывая торговое обращеніе, существовавшее въ древнѣйшія времена. Было бы желательно, чтобы въ близъ лежащихъ областяхъ и особенно въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ подобныя янтарныя находки обнаружилась въ скоромъ времени. Съ особенною тщательностью слѣдуетъ находить эти окислившіеся (окрашенные въ красный цвѣтъ) кусочки, такъ какъ легко ихъ пропустить. Если бы на эти находки обратили вниманіе, то результаты такихъ работъ дали бы богатѣйшій матеріалъ... Прежде чѣмъ приступить къ ближайшимъ выводамъ относительно культуры каменнаго вѣка, должны быть найдены подобныя подѣлки изъ янтара и въ другихъ областяхъ сѣверной Европы».

Въ концѣ концовъ, Р. Клебсъ относитъ янтарныя находки каменнаго вѣка къ концу Гальштадскаго періода, т.-е. приблизительно въ начало I-го тысячелѣтія до Рождества Хр., «если еще не ранѣе».

Такимъ образомъ изслѣдованіе Р. Клебса вполне опредѣляетъ мѣсто нашей находки, конечно, не освобождая насъ отъ дальнѣйшихъ поисковъ, которые, можетъ быть, дадутъ опредѣленія, еще ближайшія.

Во всякомъ случаѣ, неожиданность находки заставляетъ не ограничиться произведенными нынѣ изслѣдованіями. Озерные плесы Новгородской и Тверской области, въ началѣ изысканій уже подарившіе насъ такими оригинальными находками, при ближайшей разработкѣ, вѣроятно, дадутъ намъ еще многія открытія. Въ сѣверной части Боровичскаго уѣзда мы извѣстно уже нѣсколько примѣчательныхъ мѣстъ, обусловленныхъ мѣстными указаніями.

Красивыя, высокія мѣста, богатые лѣсами и озерами съ разнообразною снѣдью, должны быть, повторяю, обитаемы издавна.

Приводимъ отчетъ о произведенныхъ раскопкахъ.

на материкѣ, въ сидячемъ положеніи, лицомъ на В. женскій костякъ. На шеѣ 12 бусъ, преимущественно посеребренныхъ, и двѣ монеты-приписки, одна императ. Генриха III (1039—1056 г.), другая стертая западноевропейская XI в. Около лѣваго уха серьга съ шариками, сломанная. Подъ костякомъ слабые признаки золы и угля, но не дающіе представленія о цѣломъ кострищѣ или правильной подстилкѣ. Кость плохой сохранности; руки, повидимому, вытянуты вдоль туловища. Ближе къ центру кургана, на 3 верш. выше костяка № 1, расположены костяки № 2, № 4 и № 5 (рис. 14) въ сидячемъ положеніи,

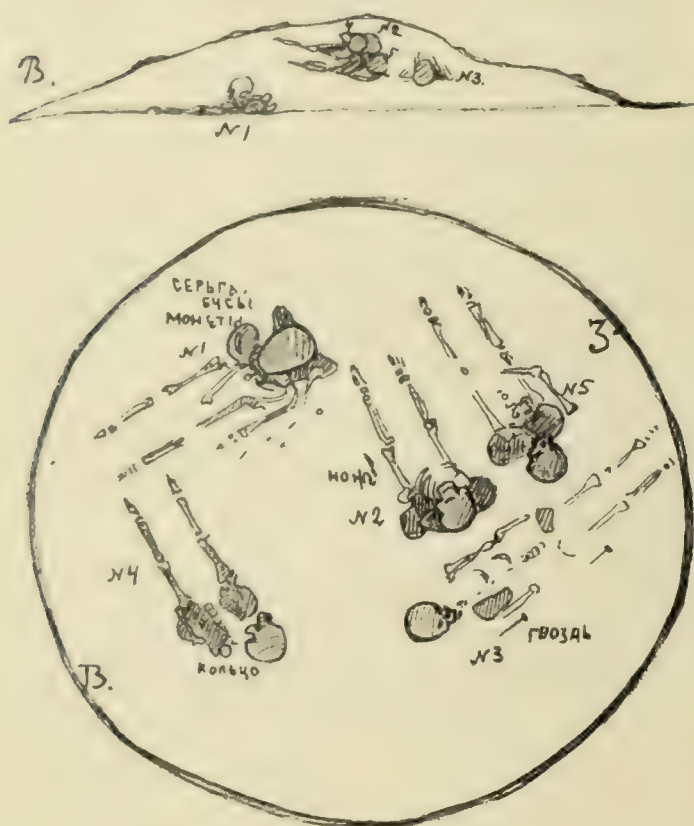

Рис. 14.

лицомъ на Ю.; кость плохой сохранности, темно-бурая, признаковъ золы не найдено. При костякѣ № 2 найденъ ножъ (лежавшій при лѣвомъ бедрѣ), а при костякѣ № 4 височное кольцо изъ бронзовой проволоки, найденное около шеи (діаметръ 4 сант., концы далеко заходятъ другъ за друга). XII—XIII в.?

Въ сѣверной части кургана, почти на поверхности насыпи, обнаружено лежащее погребеніе, головою на В., причемъ около костяка найдены 2 желѣзные гвоздя и небольшой кусокъ дерева, быть мо-

жетъ, отъ гробовища. Золы и угля ни при этомъ погребеніи, ни въ верхней части насыпи не найдено. Кость вездѣ плохой сохранности, въ особенности же въ верхнихъ погребеніяхъ.

При томъ же с. Полищѣ на частной землѣ г. Пасберга (въ $\frac{3}{4}$ верстахъ отъ села), въ хвойномъ лѣсу на песчаной почвѣ находятся до 40 кургановъ, полушаровидной и расплывчатой формы, высотой отъ $\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ арш. Вокругъ большинства насыпей ясно видны небольшіе ровики. Камней при насыпяхъ нѣтъ. Курганы расположены въ безпорядкѣ на разстояніи 5—30 шаговъ другъ отъ друга. Несмотря на предупрежденіе, что при прежнихъ раскопкахъ въ этихъ курганахъ ничего не найдено, были изслѣдованы двѣ насыпи (рис. 15).

Курганы № 3. Высота $3\frac{1}{4}$ арш., діаметръ 15 арш. Вокругъ насыпи

замѣтнѣй ровнѣе, быть можетъ имѣющій въ низу усилить обшукъ насыпи. Грунтъ—желтый песокъ. Камней нѣтъ. На глубинѣ 1¹/₂ до 2 арш. въ почтѣ насыпи рѣдкія вкрапинны золы и угля. Около 2¹/₂ арш. начинается чистый грунтовый песокъ, ни прѣломѣнна, ни плавленъ не обнаружено.

Рис. 15.

Курганъ N 4. Высота 2²/₄ арш., диаметръ 10 арш. Устройствомъ совершенно похожъ на прѣдшущій. На глубинѣ 2 арш. нѣсколько незначительныхъ прослоевъ угля и золы, ни костей, ни предметовъ не найдено.

2. Бол. Перетно. Около погоста Перетно находятся 4 курганы, расположенныя по берегу озера. Все онѣ раскопаны: Волгардпржедскіи и г. Кузубовыми, причемъ, по словамъ мѣстнаго священника, при раскопкѣ были найдены нѣкоторые предметы. Получено были собраны слѣдующія свѣдѣнія и опрошены слѣдующія селенія:

3. Мыза Совино, въ 3-хъ верстахъ отъ Перетно; при мызѣ сонца «Поклонная гора».

4. Докотскій погостъ, имѣются сонца.

5. Имѣніе Жалицы (Вадвѣскій уѣздъ) имѣются каменныя, Птичьи курганы, ни жалынскіи при деревняхъ (6—11): Борозновскія, Елагина, Голотаевка, Паравино, Обулочка и Виселѣва.

На землѣ имѣнія Борозновск. В. М. Волгардпржедско, при ближайшемъ содѣйствіи владѣльца, были исследованы 7 кургановъ. Перскій курганъ (сонца), на берегу р. Перетны болѣе отъчасти раскопаны, каменныя владѣльцемъ предложившимъ докопнуть начатую уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскопку.

Курганъ № 5. Диаметръ 16 арш., высота 4 арш.; о первоначальной высотѣ судить трудно, ибо верхніе слои сняты при прежней раскопкѣ. Полной картины погребенія курганъ не могъ дать, такъ какъ первая раскопка нарушила правильное расположеніе зольныхъ слоевъ. На глубинѣ 2 арш. съ поверхности начались небольшія зольныя прослойки и вкрапины угля, которыя, все учащаясь, наконецъ представили большое кострище на уровнѣ материка въ основаніи насыпи. Кострище распространяется почти во всю площадь насыпи и въ наиболѣе толстыхъ мѣстахъ даетъ до $3\frac{1}{2}$ верш. золы и угля. Предметовъ не найдено. Камней въ устройствѣ насыпи не имѣется.

Въ 2-хъ верст. отъ этого кургана расположены двѣ небольшія насыпи, сlying подъ названіемъ могилъ «трехъ старовѣровъ»; насыпи поросли старыми елями (затруднявшими раскопку); на поверхности насыпей было замѣтно нѣсколько камней, лежащихъ, на первый взглядъ, безъ особой системы. Грунтъ—желтый песокъ.

Курганъ № 6. Высота $1\frac{3}{4}$ арш., диаметръ 8 арш. Форма насыпи неправильная, около центра на поверхности замѣтенъ крупный валунъ, около котораго и начата раскопка. На уровнѣ материка въ сидячемъ положеніи (кость весьма плохой сохранности, такъ что представила затрудненіе заключить о первоначальномъ положеніи костяка) обнаружены 3 костяка. Два костяка помѣщались рядомъ, лицомъ обращены на С.-З., причемъ замѣченный на поверхности насыпи валунъ приходился надъ колѣнями одного изъ костяковъ. Въ восточной части насыпи въ положеніи противоположномъ, т.-е. лицомъ на В., помѣщался третій костякъ; затылочная кость носила слѣды бронзы; подъ костяками замѣчены слѣды углей и золы, но лишь мѣстами, не представляя собою цѣльнаго кострища. Общая форма насыпи не имѣла правильной формы, будучи испорчена или вросшими въ нее деревьями, или боковыми подкопами. Грунтъ насыпи—желтый песокъ (рис. 16).

Курганъ № 7. Высота $1\frac{1}{4}$ арш., диаметръ $9\frac{1}{2}$ арш. Черезъ всю насыпь, направленіемъ отъ С.-В. на Ю.-З., проложенъ двойной рядъ булыжниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые (въ разбивку) носили слѣды обжога. Вся масса насыпи имѣетъ вкрапины углей и золы. На материкѣ, (вѣроятно, въ лежачемъ положеніи, ибо кость сохранилась лишь въ незначительныхъ остаткахъ), 3 костяка, изъ которыхъ два направлены ногами на С.-З. и одинъ, помѣщенный въ ногахъ ранѣе указанныхъ костяковъ, направленіемъ на Ю.-З. (рис. 17); около шеи этого костяка найдена буса, черная, средняго размѣра, и замѣчены на затылочной кости ясные признаки бронзы, но самого предмета обнаружено не было.

Появ. костями. Находятся кустрично раздвигавшиеся почти по всей площади основания насыпи, толщиной от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{4}$ верш.

Рис. 10.

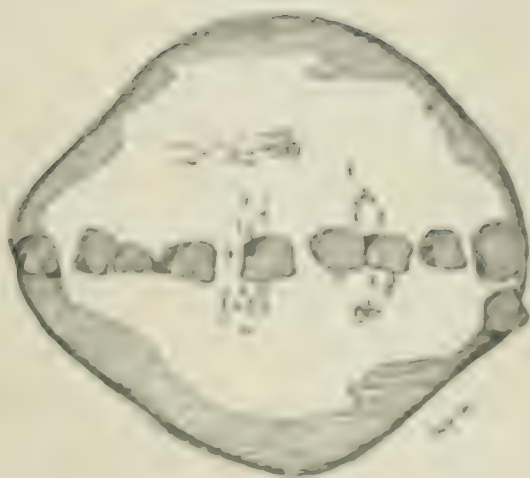

Рис. 11.

Валдайскій уѣздъ.

12. 1. Потерицкѣ. На землѣ г. Потерицкѣ найдено 3 группы кургановъ. Эти группы расположены на разстояніи 1—1 $\frac{1}{2}$ верстъ другъ отъ друга и имѣютъ видъ совершенно схожій съ курганами на землѣ г. Пасберга у с. Полицы. Какъ и тѣ, курганы при Потерицкѣ находятся на песчаныхъ мѣстахъ, поросшихъ мелкими хвойными дѣрешами. Форма кургановъ большей частью расплывчатая, въ основаніи наклонъ иногда захватываетъ слабые рощицы. Во всѣхъ группахъ болѣе высокая насыпь раскопана, по рассказамъ, дѣтъ 30 тому назадъ цѣлою мѣстной деревней (наибѣе умереннымъ), причемъ при раскопѣ были найдены бусы, ювелирные браслеты и прѣжки.

Первая группа расположена на берегу оз. Кривого, въ 4-хъ верстахъ отъ Потерицка и содержитъ до 24 насыпей, расплывчатой формы, высотой отъ $\frac{1}{2}$ арш. до $2\frac{1}{2}$ арш.

Курганъ N 8. Диаметръ 16 арш., высота $2\frac{1}{4}$ арш. Вся насыпь насыщена жѣзными и железными точками. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. встрѣчена прослойка жѣлы толщиной въ $\frac{1}{2}$ верш., въ центрѣ насыпи. На материалъ почти по все основаніе кургана слой жѣлы (стѣбъ жѣлы); толщиной до 1 верш. Предметовъ и костей не найдено.

Курганъ N 37. Диаметръ 9 арш., высота $1\frac{1}{4}$ арш. Форма расплывчатая, вокругъ основанія прилегаетъ слабый рощица. На поверхности небольшой слой жѣлы толщиной до $\frac{1}{2}$ верш. Ни предметовъ, ни костей не найдено.

Курганъ № 38. Диаметръ $11\frac{1}{2}$ арш., высота 1 арш. На материкѣ встрѣченъ слой золы, не давній никакихъ находокъ.

Вторая группа расположена на другомъ берегу оз. Крюково, въ такъ называемомъ Сопочномъ бору. Видный видъ насыпей такой же, какъ и въ первой.

Нѣкоторыя насыпи также изслѣдованы уже ранѣе.

Курганъ № 9. Высота $1\frac{1}{2}$, диаметръ 9 арш. На поверхности материка, во все основаніе насыпи, продолжается слой золы до 1 верш. толщиною. Въ насыпи встрѣчаются угольные точки и вкрапины. Предметовъ не найдено.

Курганъ № 10. Высота 2 арш., диаметръ $13\frac{1}{2}$ арш. Устройство аналогичное предыдущему.

Курганы № 8—10 bis. Совершенно аналогичны курганамъ № 8, 9 и 10.

13. Д. Меглецы. Жальникъ въ сосновой рощѣ. Мѣстами замѣтны четырехконечные каменные кресты. На жальникѣ ежегодно служатъ панихиду. Раскопки невозможны.

14) Мошинской погостъ. Во дворѣ земской больницы находится сопка высотой до $2\frac{1}{2}$ саж.; вершина срѣзана и на ней устроена бесѣдка и скамьи. Раскапывать неудобно.

15) Александрово. Жальникъ въ старой еловой рощѣ. Кое-гдѣ изъ-подъ деревь замѣтны камни. Раскапывать неудобно (земля частная).

16) Львово. Сопка высотой до 4 саж.

17) Фелистово. Сопка, полураспаханная.

18) Столбово. Въ $2\frac{1}{2}$ верст. отъ деревни 9 кургановъ (рис. 18). Два кургана расположены около берега озера (курганы № 1 и 2); изъ

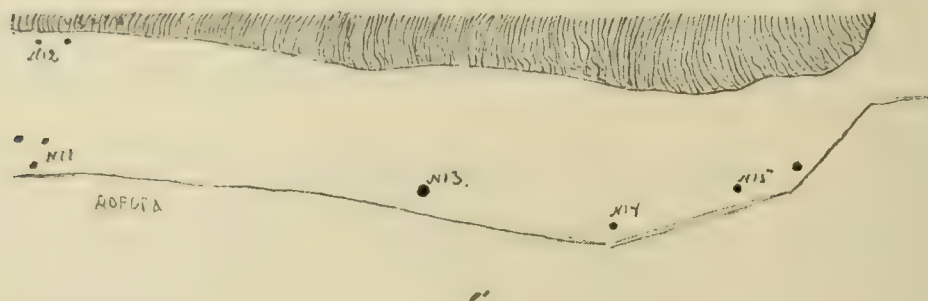

Рис. 18.

нихъ одинъ раскопанъ уже ранѣе. Остальные расположены вдоль пролегающей параллельно озеру дороги; среди нихъ одинъ представляетъ большую сопку до 2 саж. высоты, а прочіе меньшей величины отъ 4 до $\frac{1}{2}$ арш. Три кургана раскопаны ранѣе.

Курган № 11. Высота $1\frac{1}{2}$ арш., диаметр 9 арш. Расположен близ дороги, в двойном лесу. Форма расчлененная. Грунты, как и во всех прочих — песок. На материке, в основании насыпи, небольшие простоявшая вода и углы. Костей и предметов не найдено.

Курган № 12. Высота $4\frac{1}{2}$ арш., диаметр 14 арш. Расположен на берегу озера. В центре насыпи на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина обнаружено кострище (диаметромъ до 2 арш., толщиной до 2 верш.), содержащее сожженный костяк (рис. 19). Кость плохо сохранившаяся, вь мелится

Рис. 19

бѣлосѣрыми осколками. О первоначальномъ положеніи костяка судить трудно, но потому, что остатки кости сосредоточились въ одномъ мѣстѣ, имѣя нѣкоторое слабое продолженіе лишь въ одну сторону, можно предположить, что погребеніе было сидячее, направленное на З. При остаткахъ костей встрѣчены осколки бронзовата предмета и желѣзный ножъ. При продолженіи раскопки до уровня материка, не было встрѣчено ни признаковъ воды, ни углей, все насыпь состояла изъ чистаго песка.

Курган № 13. Высота 6 арш., диаметр 39 арш. Вскл. зарослѣсомъ. Съ боковъ насыпи видны прежнія преобладаемы. Въ центрѣ насыпи на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. найдены остатки хорошей сохранности (кости желѣобурага), въ желѣомъ позолотѣ, направленномъ на В. Руки сложены на лѣвомъ соединеніи. Осколки костей не найдены ни въ мѣстѣ, ни углей, хотя верхніе слои земли содержали угольные вырѣзки. При продолженіи раскопки центральныя выкопаны, на границѣ материка были найдены слои воды, толщиной до $2\frac{1}{2}$ верш. На исследованномъ пространствѣ ни слои костей, ни предметы не найдены.

Курган № 14. Высота 3 арш., диаметр 7 арш. Расположенъ около дороги, в 120-ти шагахъ отъ № 13. На вершинѣ насыпи, на глубинѣ 3 верш., обнаружено кострище, толщиной до $\frac{1}{2}$ верш. въ центральной части. Въ срединѣ кострища остатки сѣребрянаго костяка, настолько малые, что можно объ немъ персонифицировать по возможности. Среди костей осколки бронзы, часто приваженны какъ грибки.

безъ орнамента, слишкомъ мелкіе, чтобы судить о видѣ цѣлаго предмета. Это погребеніе также, какъ и въ курганѣ № 12, оказалось погребеніемъ съ трупосожженіемъ на вершинѣ насыпи, ибо въ нижнихъ слояхъ и въ основаніи кургана ни золы, ни костей не найдено.

Курганъ № 15. Высота $1\frac{1}{4}$ арш., діаметръ 10 арш. Расположенъ около № 14. На материкѣ въ основаніи насыпи обнаружено кострище, толщиною до $2\frac{1}{2}$ верш., но ни костей, ни предметовъ не найдено.

19. Тумашево. На противоположномъ Столбовскимъ курганамъ берегу озера при дер. Тумашево находятся двѣ сопки. Поверхность ихъ попорчена какими-то ямами. На обѣихъ много камня, но трудно рѣшить, принадлежитъ-ли этотъ камень къ составу насыпи или набросанъ позднѣе съ окрестной пашни.

Курганъ № 16. Высота $4\frac{1}{2}$ арш., діаметръ 12 арш. Раскопка была ведена центральнымъ колодцемъ (въ виду попорченной поверхности насыпи). На материкѣ въ основаніи насыпи встрѣченъ по всей площади основанія насыпи слой (до 3 верш.) золы и угля, безъ признаковъ костей.

Курганъ № 17. Высота 3 арш., діаметръ 13 арш. Расположенъ въ 200 шагахъ отъ предыдущаго. Вся насыпь состоитъ изъ чистаго желтаго песку и имѣетъ въ основаніи слой золы до $\frac{1}{2}$ верш. толщиною.

20. Любони. Сопка, служащая мѣстомъ повѣйшихъ погребеній.

21. Сопины. При озерѣ Ситно сопка, раскопанная пастухами; при этомъ были сдѣланы какія-то находки.

22. С. Кончанское. При с. Кончанскомъ имѣются двѣ группы кургановъ. Одна состоитъ изъ трехъ кургановъ въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села; другая—изъ шести кургановъ на берегу оз. Шерегородо. Курганы первой группы представляютъ расплывчатая насыпи, высотой отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ арш. Одна изъ насыпей оказалась уже ранѣе раскопанной (неизвѣстно, кѣмъ); былъ изслѣдованъ одинъ сосѣдній курганъ.

Курганъ № 18. Высота $4\frac{1}{2}$ арш., діаметръ 12 арш. На глубинѣ 1 арш. въ центрѣ насыпи встрѣчена небольшая тонкая прослойка золы. Въ основаніи кургана обнаружено кострище, толщиною до 2 верш. Костей и предметовъ среди золы не встрѣчено. Грунтъ насыпи—песокъ.

Вторая группа кургановъ расположена въ двухъ верстахъ отъ с. Кончанскаго (въ иномъ отъ села направленіи) и состоитъ изъ семи насыпей, низкихъ (отъ $1\frac{1}{2}$ арш.— $\frac{1}{2}$ арш. высотой), расплывчатыхъ, заросшихъ мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ. Курганы находятся въ 20-ти шагахъ отъ берега большого оз. Шерегородо (рис. 20). Трава и хвоя иногда почти скрываютъ виѣшній видъ насыпи. Раскопка, начатая въ центрѣ

пасыни не дали никаких результатов, и пасыны, лежащие совершенно пустою, пасынами или листвяго несли. Наименьше, от южной части насыпи обнаружилось жила, вблизи которой находилась южная часть погребения.

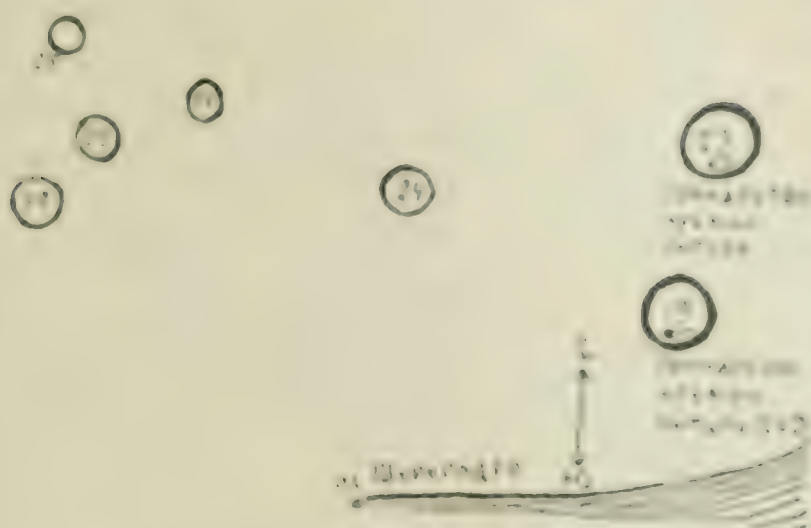

Рис. 20

Курган № 12. Высота $1\frac{1}{4}$ арш., диаметр, 8 арш. Распавшейся формы, поросль мелкой хвоей (рис. 21). Вел насыпь из листвяго несли. В южной части насыпи обшла, южная часть этой насыпи на мауэрке было найдено кострище диаметром до 4 арш., толщиной неравномерно от $\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ верш. Вел площадь кострища была уселена черепками горшков. В южной части насыпи два незначительные наметки на перекладке стро-блудно кости. Под кострищем, приблизительно на поверхности южной части насыпи, южная красная слой из перекладки го несли, красная грунт, распространяется несколько под-образно в южной части ко-стрища, толщиной достигала до 4 верш. Толщина слоя была раз-личная, образуя на окраинах слой даже остывающих остывших, до касав-шихся с общей красной массой. Из красных слой, на различной глу-бине его, были истощены, разбросанный по площадке безобразно, истоще-ны привели в башни. Эти истощения находились вблизи большого кострища

Рис. 21

пороши, но иногда соединялись по нѣскольку, такъ напр., ожерелье изъ болѣе свѣтлаго янтара, лежавшее нѣсколько выше краснаго слоя и потому не подвергнувшееся дѣйствию краски, лежало болѣе или менѣе въ одной кучѣ. Красный слой имѣлъ несравненно большую плотность, нежели окружающій песокъ, а потому добываніе изъ него янтарныхъ вещей, разсыпавшихся при первомъ прикосновеніи, представляло особенную трудность. Въ нижнихъ частяхъ краснаго слоя, въ соприкосновеніи съ золою, были найдены кремни (скребокъ, пила, ножъ и три кремня неопредѣленнаго назначенія), лежавшіе двумя кучками по лѣвую и по правую стороны краснаго слоя. Кромѣ этихъ кремней, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, въ верхнихъ частяхъ насыпи найдены одиночные кремни, не посящіе, впрочемъ, слѣдовъ особой отдѣлки. Камней въ насыпи не найдено вовсе. Центръ насыпи не содержалъ ни золы, ни какихъ бы то ни было находокъ.

Курганъ № 20. Высота $1\frac{1}{4}$ арш., діаметръ 9 арш. Курганъ формы расплывчатой, заросъ травами; въ наружномъ очертаніи впадины не замѣтно. Въ центрѣ насыпи на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. кучка угля. На материкѣ въ южной части насыпи кострище толщиною до $3\frac{1}{2}$ верш., діаметромъ до $1\frac{3}{4}$ арш. Въ кострищѣ ни костей, ни предметовъ не найдено.

Курганъ № 21. Высота 1 арш., діаметръ 8 арш. Внѣшній видъ аналогичный предыдущему. На материкѣ въ юго-восточной части насыпи кострище діаметромъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ арш. Въ кострищѣ преобладаютъ угли. Никакихъ находокъ не встрѣчено.

Курганъ № 22. Высота $\frac{3}{4}$ арш., діаметръ $9\frac{1}{2}$ арш. На материкѣ, опять въ южной части насыпи, небольшое кострище діаметромъ до $1\frac{1}{2}$ арш., безъ костей и предметовъ.

Курганъ № 23. Высота 2 арш., діаметръ $8\frac{1}{2}$ арш. Выше всѣхъ предыдущихъ; заросъ соснами, и можетъ быть вслѣдствіе этого не замѣтно впадины. Въ южной части насыпи на материкѣ кострище діаметромъ до $2\frac{1}{2}$ арш., толщиною въ 2 верш. По площади кострища разбросаны черепки горшковъ, и приблизительно около середины кострища найдены 3 кремня, сложенные кучкою. Въ песокъ, въ ближайшемъ къ кострищу слое, найдена янтарная трубочка и бляшка. Черепки горшковъ по рисунку были во многихъ экземплярахъ совершенно сходны съ черепками, найденными въ курганѣ № 19.

Курганъ № 24. Высота $\frac{3}{4}$ арш., діаметръ 5 арш. На поверхности материка, въ центрѣ насыпи, кострище діаметромъ до $1\frac{3}{4}$ арш.; на кострищѣ сожженный костякъ, причемъ скученность костей, сохранившихся лишь въ мелкихъ осколкахъ, даетъ вѣроятіе о сидячемъ положеніи ко-

стка и о направлении его съ В. на З. При раскопках найдены временный среброжек (съ правой стороны тугоже костей).

Курганъ № 25. Высота 1 арш., диаметръ 6 арш. На материкѣ почти во всю площадь насыпи кострище толщиной до 2 верш.; въ дострищѣ ничего не найдено.

Изъ чертежа (рис. 20) видно, что курганы на *XX* 20, 21, 27 и 28 представляли какъ бы отдельную группу. Курганы № 24 стояли въ сколко особнякомъ; курганы *XX* 19 и 23, расположенныя ближе другихъ къ озеру, помѣщены также въ сколко въ сторонѣ отъ прочихъ, отличаясь отъ нихъ также и высотой.

23. Обрѣты. Жалыны, служатъ панихидамъ.

24. Подоль. Въ 4-хъ верст. отъ дер. Подоль на перешейкѣ между озерами Лято (название Лято происходитъ отъ легенды объ утонувшемъ великанѣ) и Пелавино. Курганы Пелавинскіе разбились какъ бы на 3 группы. Первая группа состоитъ изъ 4-хъ насыпей, расположенныхъ параллельно берегу Пелавинскаго озера, выгатахъ въ 2½ отъ берега, причемъ въ серединѣ помѣщаются двѣ низкія насыпи, а по краямъ двѣ высокія. Вторая группа состоитъ изъ 6 насыпей, очень низкіе, распычатыхъ и окруженныхъ ясно обозначеннымъ рвомъ; эта группа отстоитъ шаговъ на 100 отъ первой. Третья группа, имѣющая связь со второю, отстоитъ отъ нея на 45 шаговъ и содержитъ 17 насыпей, изъ которыхъ 2 низкіе, 6 раскопаны неизвѣстно къмъ рабѣ, а остальныя высокія, вышиною до 5½ арш., почти все окружены ясно обозначенной канавой глубиною до 1 арш. Все насыпи поросли кустарникомъ. Грунтъ—песокъ.

Кромѣ указанныхъ насыпей въ 1 верстѣ отъ нихъ (по направлению къ дер. Подоль) есть еще 3 насыпи, вышиною до 4½ арш. безъ канавъ при основаніи.

Курганъ № 26. Высота 1½ арш., диаметръ 8 арш. Распычатый, замшичатая насыпь, окруженная рвомъ. Въ западной сторонѣ насыпи замѣтно осыпъ. Подъ опустившимся мѣстомъ на глубинѣ 6 верш. голый костякъ. Кости отъ мелкихъ сѣро-бѣлыхъ остаткахъ скотины (лучшей въ диаметрѣ отъ 8—10 верш.). Оболочка костей черной покрывающаго грубаго горшка (нѣсколько раздробленныхъ штукъ). При раскопкахъ ни углей, ни земли не найдено. Продолжая работу, извѣдали на материкѣ слой земли и углей во всю площадь насыпи. Толщина слоя до 1¼ верш.

Курганъ № 27. Высота 4½ арш., диаметръ 12 арш. Покрытъ насыпью правильнаго рѣба глубиною до 1 арш. На глубинѣ 7 верш. отъ

поверхности въ центрѣ насыпи (рис. 22) встрѣченъ сожженный костякъ, также, какъ въ предыдущемъ курганѣ, сложенный кучкою; съ правой стороны костей кучка углей (пригоршней двѣ) и около нихъ два черенка грубого горшка (отъ дна, работа безъ круга). На материкѣ встрѣченъ слой золы толщиной до $1\frac{1}{2}$ верш.; ни костей, ни предметовъ въ ней не найдено.

Рис. 22.

Курганъ № 28. Высота 1 арш., діаметръ 4 арш. Принадлежитъ къ группѣ низкихъ насыпей, окруженъ рвомъ; поверхность замшилась и

Рис. 23.

очень расплывчата. На материкѣ обнаруженъ слой золы и углей (угли расположены преимущественно ближе къ окружности кострища). Зола лежитъ чрезвычайно толстымъ слоемъ отъ 6 верш., доходящемъ даже до 10 верш.; въ центрѣ насыпи слой золы почти исчезъ, доходя лишь до $\frac{1}{2}$ —1 верш. Осторожно очистивъ покрывавшіе золу слои песка, удалось получить въ центрѣ насыпи (рис. 23 и 24) продолговатую площадку, почти свободную отъ золы. Длина площадки, свободной отъ золы, достигала до $3\frac{1}{4}$ арш. Вокругъ этой фигуры слой золы быстро утолщился, доходя, какъ упомянуто, до 10 верш. Продолговатая площадь, свободная

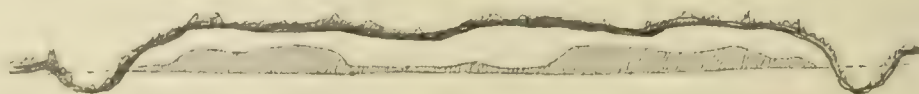

Рис. 24.

отъ золы, направлена была отъ В. на З. (сравни кург. № 27. костякъ безъ кострища). Песокъ подъ золою послѣ слѣды сильного обжоба и значительно уплотнился.

Курганъ № 29. Высота $5\frac{1}{2}$ арш., діаметръ 17 арш. Высокій курганъ, испорченный какими-то ямами. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. въ центрѣ

насыпи побоиная куча жила и угля. На материкѣ кострище, толщиной отъ 1 до 3 верш. Находокъ нѣтъ.

Курганъ № 29 б. Высота 4 арш., диаметръ 12 $\frac{1}{2}$ арш. Устройствомъ почти походитъ на № 27 и находится рядомъ съ нимъ, да въ той же окружѣ основанія. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. въ центрѣ насыпи встрѣчена тонкая желтая прослойка диаметромъ до 1 $\frac{1}{4}$ арш. Около нея найдена кучка костей отъ сожженного костаса; на материкѣ почти во всей площади основанія насыпи кострище, толщиной до 2 верш. На костяхъ, на предметовъ не найдено.

Курганъ № 30. Высота 1 арш., диаметръ 15 арш. Очертани основанія довольно распылчаты и не даютъ формы правильной дуги. Принадлежитъ къ группѣ низкихъ насыпей. На материкѣ слой жила толщиной до 9 верш. Въ центрѣ насыпи желтый слой замѣтно утонѣлъ.

Курганъ № 30 б. Высота $\frac{3}{4}$ арш., диаметръ 15 $\frac{1}{2}$ арш. Устройство совершенно аналогично предыдущему.

Курганъ № 31. Высота 1 $\frac{1}{4}$ арш., диаметръ 8 арш. Расположенъ на берегу Пелавинскаго озера, одинъ изъ 4-хъ кургановъ, стоящихъ параллельно берегу. Форма — довольно сохранившаяся, полушаровидная. Грунтъ — песокъ. На материкѣ обнаружено обширное кострище во всей площади основанія насыпи, толщиной до 3 $\frac{1}{2}$ верш. Среди жила найдены черепки (безъ орнамента) и нѣсколько кремней, разбросанныхъ по всей порядкѣ по всему кострищу.

Курганъ № 32. Высота 4 арш., диаметръ 12 арш. Вокъ изгородки баревчыми юрами. Повидимому, грунтово-железистое на материкѣ.

Курганъ № 33. Высота 1 $\frac{1}{2}$ арш., длина 61 арш., ширина 5 арш. Длинная насыпь, почти соприкасающаяся съ продолговатымъ курганомъ. Направленіе насыпи съ Ю.-В. на С.-В. — вдоль берега озера, отъ котораго насыпь отстоитъ на 12 шаговъ. На глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$ арш. во всей насыпи вѣтъ неравномерный (отъ $\frac{1}{2}$ верш. до 3 верш.), но непрерывный слой жила и угля. Ни костей, ни дровишекъ не найдено.

Курганъ № 34. Въ 3-хъ верстахъ отъ Пелавинскаго кургана, на противоположномъ берегу оз. Лягу, находится 3 кургана и одна длинная насыпь, известная подъ названіемъ «Могила желѣзная». Два изъ кургановъ оказались неперевытыми, разбитыми для картофелинотъ погребовъ. Былъ исследованъ третий курганъ и длинная насыпь. Высота кургана $\frac{3}{4}$ арш., диаметръ 6 $\frac{1}{2}$ арш. Форма распыленная, остатокъ поверхности болѣею частью обожжена и смѣтривается. На материкѣ во всей площади основанія насыпи — кострище, толщиной до 1 верш. Костей

не найдено. Въ массѣ насыпи находятся кремни, обитые, но безъ особой обработки.

Курганъ № 35. Высота $1\frac{1}{2}$ арш., діаметръ 6 арш. Расположенъ рядомъ съ № 31. Въ центрѣ насыпи на глубинѣ не болѣе 4 верш. (рис. 25) найденъ горшокъ, грубой обработки, легко разсыпавшійся,

Рис. 25.

безъ орнамента, наполненный костями. Горшокъ оказался вставленнымъ въ кучу сожженныхъ костей (не болѣе одного костяка). Около костей было нѣсколько углей, не составлявшихъ цѣлаго кострища. При даль-

нѣйшей работѣ, на материкѣ во все основаніе насыпи встрѣчено кострище толщиною до 2 верш. Среди золы найдено нѣсколько кремней безъ опредѣленной обработки, лежавшихъ въ безпорядкѣ.

Курганъ № 36. Высота $4\frac{1}{2}$ арш., діаметръ 11 арш. Четвертый изъ кургановъ, расположенныхъ вдоль берега озера. Окруженъ рвомъ, глубиною до $\frac{1}{2}$ арш. Форма расплывчатая: заросъ кустарникомъ. На глубинѣ 5 верш. отъ поверхности насыпи въ центрѣ найденъ сожженный костякъ, въ сидящемъ положеніи, лицомъ на З. Съ правой стороны костей ножъ. Подъ костякомъ небольшое кострище діаметромъ въ $2\frac{1}{2}$ арш., толщиною до 1 верш. Ни костей, ни древностей въ насыпи болѣе не встрѣчено.

25. Большіе лѣса. При деревцѣ 8 сопокъ, вышиною отъ $6\frac{1}{2}$ до 11 арш. Были курганы нѣсколько меньшаго размѣра, но теперь уничтожены и засѣяны рожью.

26. Жданье. Имѣніе г. Аничкова. При имѣніи 1 сопка.

27. Сушанье и Тпни. 5 сопокъ, высотой до $3\frac{1}{2}$ до 4 саж.

28. Передки. Въ 1 верстѣ отъ села въ полѣ находится сопка, въ которой, по словамъ крестьянъ, были находимы кости. Въ 300 шагахъ отъ сопки бугоръ (нынѣ подъ засѣяннымъ полемъ), называемый городкомъ.

Курганъ № 39. Высота съ одной стороны $6\frac{1}{2}$ арш. и съ другой 4 саж., діаметръ 35 арш. Курганъ находится на склонѣ холма и потому по внѣшнему виду трудно судить объ его высотѣ (рис. 26). Поверхность кургана бугристая, попорченная какими-то выемками. Одинъ бокъ насыпи осыпается, и съ пескомъ выпадаютъ кости изъ верхней части насыпи. На вершинѣ кургана была начата раскопка, обнаружившая на глубинѣ отъ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{4}$ арш. рядъ костяковъ направленіемъ на В., въ лежащемъ положеніи. Руки сложены у лоннаго соединенія. Около костей вкраплены угля (у одного костяка былъ найденъ уголь въ глазной

овалінні). Поцѣ костями иногда намоща на зерно. Костями покрыва плоть около другого овицѣ близко, а иногда ит два а даже три слоя. При раскопкѣ небольшого пространства найдено 17 костяковъ. Постиная постѣ не позволяла различить овертаны постѣ. Извѣстная растинка была верена центральнымъ колономъ, причемъ на глубинѣ 4 1/2 арш. встрѣченъ слой земли толщиной до 2' 1/2 верш.

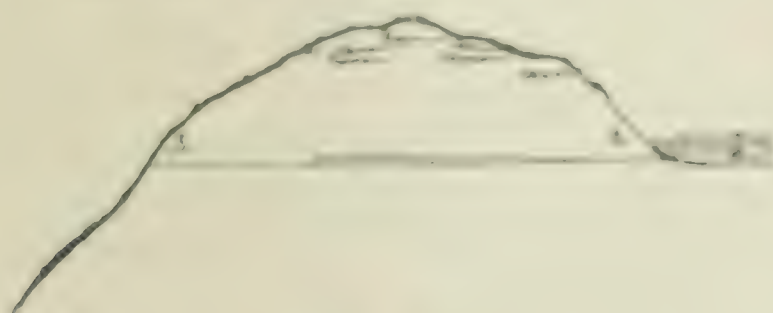

Fig. 26

29. Устрица. Около с. Устрицъ имѣется 6 сопокъ. Три итѣ итѣ на овицѣ берегу рѣки Увери а три на противоположномъ. Три изъ сопокъ шести сопокъ уже ранѣ извѣданы были мѣстными помещиками г. Зотовымъ. Высота сопокъ отъ 2' 1/2 до 5 саж.

Киринъ № 10. Высота 3 1/2 саж., диаметръ 12 саж. Вершина земного впаля (рис. 27). Въ центрѣ на глубинѣ 3 1/4 арш. горшка грубой обѣлки, безъ орнамента, около горшка кучка земли. Далеко до самаго основанія вся насыпь насыщена земляными простоями, начиная отъ самыхъ значительныхъ и кончая голыми, кучками до 4 1/2 верш. Простоями слѣдуетъ безъ всякой опредѣленной системы и отдѣлены другъ отъ друга слоями песка. Въ основаніи насыпи кюстрино толщиной до 5 верш. со множествомъ угля, въ особенности въ верхней части кюстрина. Въ земѣ въ глиняхъ находокъ не отыскано.

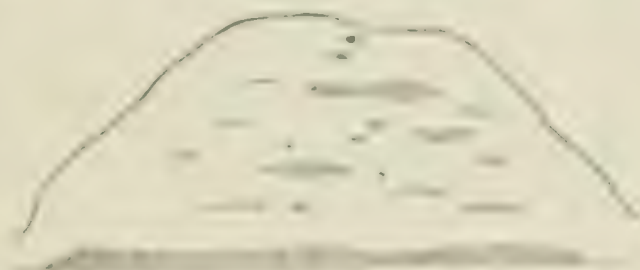

Fig. 27

Въ 1 1/2 верстѣ отъ раскопанной сопки на берегу озера имѣется 3 сопки, расположенныя вдоль берега, вышинею 3—5 арш. Въ сопкахъ были ямы центральная пробная яма, причемъ оказалась въ ямѣ тротъ земляной слой ит основаніи насыпи.

30. Шестриная гора. При селѣ 2 сопки вышиною до 3 саж., заросшія веревками въ видѣ картофельно погребѣ.

31. Л е в о ч а. При селѣ (по указаніямъ многихъ крестьянъ) имѣется 15 кургановъ различной величины.

32. У с а д ѣ б а г. Ш а т ц ѣ. (Крестецкаго уѣзда, въ 5 верстахъ отъ с. Поліце). На землѣ г. Шатца имѣются два кургана. Первоначальная форма нарушена, вершины скрыты, но, судя по основанію, вышины могла быть около 2-хъ арш.

Курганъ № 41. Высота около 2 арш., діаметръ 9 арш. Форма расплывчатая: поросъ мелкой хвоей. Мѣсто песчаное. На материкѣ въ основаніи насыпи слой золы и угля до 5 верш. толщиною. Слой распространяется почти по всей площади основанія.

Курганъ № 42. Высота около 10 верш., діаметръ $10\frac{1}{2}$ арш. Насыпь совершенно попорчена, такъ что по наружному виду курганъ почти незаметенъ среди окружающихъ песчаныхъ бугровъ. На материкѣ, во все основаніе насыпи, кострище съ признаками (мелкими сѣро-бѣлыми осколками) сожженного костяка. Судя по распространенію костей, костякъ могъ быть сожженъ въ лежащемъ положеніи. Въ разныхъ мѣстахъ кострища найдены два зуба жвачнаго животнаго (лошади?). Кострище толщиною отъ 1 до 2 верш.

33. Г л а з о в а. Въ 3-хъ верстахъ отъ Глазовой въ хвойномъ лѣсу имѣется до 17 насыпей. Нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ до берега Окуловскаго озера. Насыпи различной вышины, отъ $\frac{1}{2}$ арш. до 3 арш. Форма насыпей разнообразная, хотя въ большинствѣ случаевъ попорчена скотомъ, вслѣдствіе легко осывающейся песчаной почвы. До 9 насыпей разрыты, неизвѣстно, кѣмъ и когда. Нѣкоторыя насыпи имѣютъ нѣсколько удлиненную форму, хотя она, можетъ быть, является слѣдствіемъ сыпучей почвы.

Курганъ № 43. Высота $\frac{3}{4}$ арш., діаметръ 9 арш. Расплывчатая форма; на материкѣ кострище толщиною въ $\frac{1}{2}$ верш.

Курганы №№ 44—46. Высота 1 арш., діам. $9\frac{1}{2}$ —10 арш. По устройству вполне сходны съ № 43.

34. Б о б о в и к ѣ. При имѣніи Бобовикъ находятся 2 кургана, заросшіе старыми соснами, конусообразной формы, высотой до $3\frac{1}{2}$ арш. Около кургановъ видны слѣды могилъ, въ видѣ слабыхъ возвышеній. Вблизи стоитъ часовня, раскапывать неудобно (Валдайскій уѣздъ, въ 8 вер. отъ имѣнія Горы).

Во время поѣздокъ по Боровичскому, Валдайскому и Крестецкому уѣз. осмотрѣно 34 курганныя группы; изъ нихъ въ 16 группахъ изслѣдована 51 насыпь.

Были опрошены слѣдующія селенія: Валдайскаго уѣзда: Бо-

рошно, Загубье, Мельнича, Бобовичи, Пересохъ, Гора, Баркина, Крапивна, Жалнина, Перестово, Димовичи, Крестовцкаго уѣзда Перетца, Окулева, Березовикъ, Гладина, Васильца, Голышевца, Подберезье, Нарыкино, Поддубье, вѣдно г. Шатицъ, вѣсно г. Нагберга, Мелюново, Пылино, Боропытскаго уѣзда Демихова, Глазона, Владычино, Крестово, Дорохново, Котово, Шетрина гора, Горюховъ, Данилова, Тайнова, Дерягина, Хоромы, Бобовикъ, Подберье, Потерялецъ, Боровичи, Гюристанъ, Суманы, Тини, Ланынина, Косюна, Тухунъ, Власиха, Орлово, Юрино, Башова, Могилно, Б. Лѣса, М. Лѣса, Лѣни, Гора, Лытцно, Жаворонково, Бѣлавина, Подоль, Быкова, Пруднице, Дубовики, Федосино, Холмича, Дриглицъ, Ледина, Кончанское, Соины, Сорokino, Любань, Колуцково, Туханово, Юхново, Милино, Столбово, Устрица, Лѣво, Фалатково, Фелистова, Александрова, Ульянова, Сорочья, пот. Мониенской, Ивасильскій, Ратана, Б. Метлены, М. Метлены, Бѣльцово, Тольбовичи, Плутина, Переди, Боровина (всего 92 селенія).

Н. Рерихъ.

Отчетъ В. Н. Глазова о раскопкахъ, произведенныхъ въ Псковской губ. въ 1901 и 1902 гг.

Въ 1901 г. раскопки были пачаты съ Великолуцкаго у., гдѣ были осмотрѣны и изслѣдованы курганы и жалынки при 11-ти селеніяхъ, означенныхъ въ брошюрѣ г. Ушакова, нѣсколько пополненной новыми свѣдѣніями, частью собранными на мѣстѣ, частью полученными отъ мѣстныхъ земскихъ управъ. Бѣольшая часть осмотрѣнныхъ кургановъ относится или къ бѣольшимъ сопкамъ, или къ крупнымъ курганамъ сопочнаго характера, совершенно одинаковымъ съ курганами Опочецкаго и Новоржевскаго у. Малые курганы съ погребеніемъ цѣлаго трупа и могилы жалыничнаго типа встрѣчены въ весьма ограниченномъ количествѣ, что, на нашъ взглядъ, можетъ быть объяснено, главнымъ образомъ, усиленной распахкой ихъ, особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе; по словамъ стариковъ, за это время совершенно исчезли безслѣдно цѣлыя группы кургановъ. Распахивались не только малые курганы, но даже сопки вышиною 2—3 саж. Значительная часть уцѣлѣвшихъ жалынниковъ обращена въ современныя кладбища и потому не можетъ быть подвергнута изслѣдованію. Полная безнаказанность кладоискательства также очень уменьшаетъ количество кургановъ; даже въ глухихъ мѣстахъ въ настоящее время нѣтъ ни одной уцѣлѣвшей курганной группы, гдѣ бы значительная часть насыпей, свободныхъ отъ зарослей, не была уже ранѣе раскопана самымъ варварскимъ способомъ.

Во многихъ курганныхъ группахъ встрѣчены продолговатыя и длинныя насыпи, по внѣшнему виду и внутреннему устройству совершенно одинаковыя съ встрѣченными въ Опочецкомъ и Новоржевскомъ у. При д. Сатонкиной, Великолуцкаго у., встрѣчены продолговатыя курганы иного вида, представляющіе собою насыпи почти прямоугольной формы съ слегка закругленными углами.

При раскопках 1901 г. на мѣстѣ были произведены графическія работы и мѣренія углубившихся веревкою по международному составленію 1886 г., т.-е. мѣрилась длина и ширина веревки при анжоннѣ связаннаго циркуля Вирхона и выводился показатеель веревки. Всего мѣрено 33 черенковъ.

Великолуцкій у. (1901 г.).

1. Пог. Дроздово.

У пог. Дроздова осмотрѣна огромная сопка, имѣвшая не менѣе 3 саж. вышины и около 10 саж. въ диаметрѣ. Она расположена на лѣвомъ высокомъ берегу рч. Локны (притокъ Ловати). Посерединѣ обросла кустами и деревьями и вся ископана кладочкаремъ. Каменной обкладки по подошвѣ не имѣется.

2. Дер. Клюево.

Между д. Клюево и Кожемяки, на пространствѣ около версты, среди пахотныхъ полей, отлого спускающихся къ правому берегу р. Локны, идетъ, вдоль дороги, цѣль изъ 8 невысокихъ сопочекъ отъ одной до трехъ сажень вышины. Наъ нихъ углубленъ лишь дерѣ, остальныя пастбищно подыханы, распаханы и переораны всякаго рода змама, что не даетъ составить понятія объ ихъ первоначальномъ видѣ и величинѣ. Судя по углубившимся насыпямъ, это были не особенно высокія, грунтобыя насыпи, хорошо закрепованныя и имѣвшія потѣхъ правильную полушарую форму, безъ каменной обкладки основанія, свойственной сопкамъ шведско-голландскимъ. Грунты насыпей — сѣроватый суглинокъ.

Кирпичи № 1. Сопка вышиною до 2 саж. высотой и до 3 саж. въ диаметрѣ. На глубинѣ около 2 арш. отъ вершины насыпи въ ЮЗ. полѣ обнаружены ливки изъ четырехъ каменныхъ плитъ, длиной до 1 арш., шириною нѣсколько менѣе, на днѣ лежала пятая плита, а сверху ливки прилежать были также плиты. Швы забиты были осколками камней, но безъ заливки цементомъ. Плиты отколоты отъ булыжниковъ и потому съ наружной стороны выгнуты. Въ размѣрѣ жидковатымъ 3 горшка изъ сѣроватой глины, смѣшанной съ крупными зернами проса, предположительной формы (рис. 28 и 29). Въ двухъ разномъ стоявшихъ горшечкахъ, большомъ и маломъ, находились кости обугловѣвшихъ костей: грубнатыхъ отъ руки и ноги, осколки черепка, обугловѣлыхъ костей, фаланги пальцевъ, ребра, очевидно отъ отхлоснувшей тушюю. Пять ниж-

пещи и дитю камеры обнаружено много сѣрой золы и крупные куски угля, но сѣдовъ кострища или сѣдовъ огня на камняхъ не замѣчено. Въ насыпи попадались отдѣльные, довольно крупные камни, по 3 и по 4 въ длину: въ нижнемъ слое насыпи, почти въ центрѣ, на $1\frac{1}{2}$

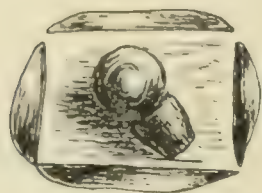

Рис. 28.

Рис. 29.

арш. отъ материка расположено 5 крупныхъ камней полукругомъ, дугою на Ю., на разстояніи приблизительно $\frac{1}{2}$ арш. одинъ отъ другого. Ясно выраженныхъ помостовъ или площадокъ не замѣчалось. На материкѣ по всей вскрытой площадкѣ шелъ сѣрый пепельный слой съ мелкими угольками, до 1 верш. толщиною. Материкъ оказался настолько плотнымъ, что не поддавался желѣзнымъ лопатамъ. На вершинѣ кургана и на бокахъ попадались мелкіе и средней величины камни, попавшіе, вѣроятно, при сооруженіи его вмѣстѣ съ землею.

Остальные 7 насыпей, какъ сильно попорченныя, не подвергнуты раскопкѣ.

3. Дер. Ржавенъе.

У самой дороги при вѣздѣ въ д. Ржавенъе, въ небольшой сосновой роцѣ, жалыникъ, состоящій изъ 6 малыхъ кургановъ до $1\frac{1}{2}$ арш. высотой, одного большого до 4 арш. высотой и изъ 25-ти позднихъ жалыничныхъ погребеній. Огражденія послѣднихъ прямоугольной формы, изъ сплошныхъ линій камней средней величины; на нѣкоторыхъ поверхъ лежали большія гранитныя плиты, у иныхъ въ головахъ и ногахъ валуны крупныхъ размѣровъ. Насыпи изъ песку.

№ 2 (1). Курганъ, вышиною 4 арш., въ діаметрѣ 4 саж. Въ насыпи на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. 3 костяка, головою на З., въ разстояніи другъ отъ друга на $\frac{1}{2}$ арш. Въ срединѣ мужской скелетъ, длиною 2 арш. 6 верш., по сторонамъ женскіе. Лежавшій справа длиною 2 арш. 5 верш., руки на груди; на правой рукѣ мѣдный проволочный плетеный браслетъ типа Ивановск., табл. IV, 6, на вискахъ по мѣдному кольцу и по мѣдной пластинкѣ, снабженной подвѣсками (табл. XXII,

11); способ скрѣпленія пластинокъ съ кольцами не ясенъ. Показатели черепа (16,5 × 100): 18,8—87,9 см., брахицефаль. Второй костякъ также, по внешнему, женскій, длиною 2 арш. 3 верш., показатели черепа 15,9; 17,2—82,9 см., гипербрахицефаль. Въ пазухахъ мѣстами попадались жѣла и мелкій уголь. XIII—XIV вв.

№ 3 (2). Курганный, высотой 1¹/₄ арш., изъ диаметръ до 4 арш. Въ грунтовой ямѣ, глубиною вѣсто до ¹/₄ арш., костякъ, длиною 2 арш. 3 верш., плохой сохранности. Въ пазухахъ и мѣстѣхъ мѣстами попадались мелкій уголь и жѣла.

№ 4 (1). Грунтовое погребеніе. Огражденіе четырехъугольной формы, размѣромъ 2¹/₂ × 1¹/₂ арш., въ головкахъ и ногахъ очень крупныя валуны, наверху насыпи большаѣ плита размѣромъ 2 × ³/₄ × ¹/₄ арш. На глубинѣ 1¹/₄ арш. 2 костяка, головкахъ на 3., плохой сохранности, длиною 2 арш. 3 и 4 верш. Въ верхней части насыпи, почти до половины, черенія отъ горшка свѣтлой глины.

№ 5 (2). Грунтовая могила. Огражденіе въ формѣ прямоугольника размѣромъ 4 × 2¹/₂ арш., въ головкахъ и ногахъ камни сравнительно большой величины. На глубинѣ 1¹/₂ арш. 3 костяка въ обычномъ положеніи, правыя руки на груди, лѣвыя на животѣ. Первый скелетъ длиною 2 арш. 4 верш., размѣры черепа 19,3; 16,9—82,3 см., г.-к. брахицефаль. На рукахъ по мѣдному пластинчатому перстню типа табл. XX, 17. Длина второго 2 арш. 6 верш., черепъ 16,5; 18,8—87,7 см., гипербрахицефаль. Длина третьего 2 арш. 7 верш., черепъ 16,6; 17,5—89,1 см., гипербрахицефаль. По сторонамъ этого костяка были замѣнены слѣды гробовища и найдены обломки гондла. XIII в.

№ 6 (1). Грунтовое погребеніе, съ огражденіемъ квадратной формы размѣромъ 2¹/₂ × 2¹/₄ арш. На глубинѣ 2¹/₂ арш. 2 костяка, въ обычномъ положеніи. Первый костякъ, по внешнему, женскій, длиною 2 арш. 5 верш., черепъ 15,6; 19,2—81,2 см., брахицефаль. Второй скелетъ дѣтскій, плохой сохранности.

№ 7 (1). Грунтовая могила. Огражденіе прямоугольной формы, размѣромъ 3 × 2¹/₂ арш., въ головкахъ и ногахъ камни крупной величины. На глубинѣ 1¹/₄ арш. 3 костяка. Первой скелетъ, длиною 2 арш. 4 верш., правая рука на груди, лѣвая на животѣ, черепъ 15,6; 17,8—87,4 см., гипербрахицефаль. Второй длиною 2 арш. 4 верш., черепъ 16,6; 19,00—87,3, гипербрахицефаль, руки на животѣ соединены. Третій скелетъ дѣтскій.

№ 8 (5). Грунтовое погребеніе. Огражденіе размѣромъ 2¹/₂ × 1¹/₂ арш., въ головкахъ и ногахъ крупныя валуны, сверху большая плита.

На глубинѣ 2 арш. мужской костякъ. длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 15.3; 18.9 = 80,9 см., брахицефаль.

№ 9—11 (6—8). Грунтовые погребенія, съ крупными камнями въ головахъ и ногахъ скелетовъ. На глубинѣ 2 арш. по костяку плохой сохранности.

Большая часть могилъ попорчена картофельными ямами; часть, вѣроятно, уже распахана. При устройствѣ ямъ были находимы лишь кости.

4. Дер. Сатонкино.

Двѣ группы крупныхъ кургановъ — одна въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ деревни близъ оз. Язно и пог. Насцы, среди большого лѣса, изъ нѣсколькихъ круглыхъ и удлиненныхъ насыпей, вторая въ $2\frac{1}{2}$ в. отъ деревни, въ ту же сторону, но дальше отъ озера. Въ ней до 20 насыпей круглой и продолговатой формы, расположенныхъ тѣсно другъ къ другу; у всѣхъ въ основаніи неглубокіе ровики. Насыпь — тонкій желтый песокъ. Нѣкоторые курганы уже распаханы. Насыпи невысоки, расплывчаты, довольно большого діаметра. Длинные курганы нѣсколько иной формы, чѣмъ опочекскіе и новоржевскіе; именно, насыпи очень низки, плоски и имѣютъ форму прямоугольника съ закругленными углами. Нѣкоторыя изъ нихъ даже квадратной формы. Замѣтныхъ рвовъ кругомъ основанія у этихъ кургановъ не наблюдалось.

№ 12 (1). Курганъ вышиною 1 арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ основаніи курганной площадки угольно-пепельный слой не толще 1—2-хъ см. Въ насыпи мѣстами попадался уголь и зола. Ни костей, ни вещей.

№ 13 (2). Курганъ высотой $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до $2\frac{1}{2}$ саж. Въ насыпи на глубинѣ около 1 арш. обнаружена небольшая грудка мелкихъ пережженныхъ костей до $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ и до $1\frac{1}{2}$ верш. въ толщину. Въ основаніи кургана обычный тонкій угольно-пепельный слой.

№ 14 (3). Курганъ высотой до $2\frac{1}{4}$ арш., въ діаметрѣ до 3-хъ саж. Въ основаніи насыпи обычный тонкій угольно-пепельный слой. Въ насыпи на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., на правомъ боку, костякъ хорошей сохранности, очевидно, позднѣйшій.

№ 15—17 (3—6). Курганы вышиною $1\frac{1}{2}$ —3 арш. По устройству совершенно подобны первымъ курганамъ.

№ 18 (7). Курганъ продолговатый, съ С. на Ю. Насыпь плоская, высотой до $1\frac{1}{2}$ арш., длиною 7 саж., шириною около 4-хъ саж.; углы

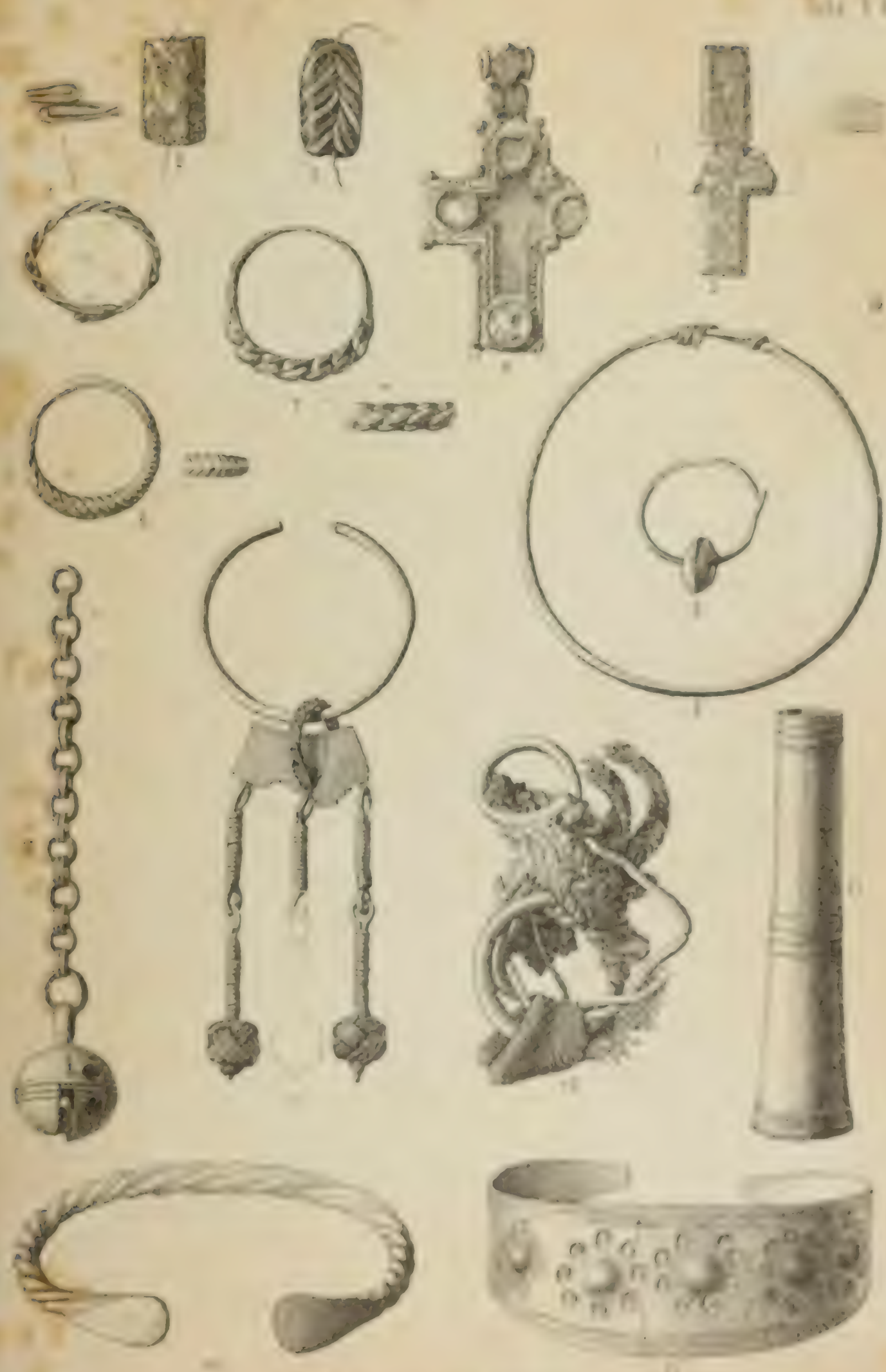
№ 23 (2). Курганъ высотой $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до $2\frac{1}{2}$ саж., сплошное обложеніе изъ крупныхъ валуновъ. Въ грунтовой ямѣ глубиною $1\frac{1}{2}$ арш. два костяка, на разстояніи 1 арш. другъ отъ друга. Длина первого 2 арш. 5 верш.; черепъ 15,0; 17,8 = 84,2 см., брахицефаль. Второй, женскій, длиною 2 арш. 3 верш., черепъ 15,1; 17,5 = 86,2, гипербрахицефаль. На черепѣ серебряныя височныя кольца съ расширеніями типа Глаз. табл. XX, 3 (верхнее), на шеѣ подъ подбородкомъ небольшая полоска византійской парчи, на правой рукѣ мѣдное спиральное кольцо типа табл. XX, 9. Въ насыпи попадались мѣстами мелкіе угольки и зола. Костяки лежали на тонкой зольной подстилкѣ, шедшей по всей курганной площадкѣ. XIII в.?

№ 24 (3). Курганъ высотой 1 арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Насыпь обложена не сплошнымъ кольцомъ камней средней величины. Въ грунтовой ямѣ глубиною до $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костякъ; руки протянуты, длиною 2 арш. 5 верш., черепъ 15,3; 18,8 = 81,3, брахицефаль. Въ насыпи и въ могилѣ кое-гдѣ уголь и зола; по всей курганной площадкѣ тонкій зольный слой.

№ 25 (4). Курганъ вышиною до 2-хъ арш., въ діаметрѣ $3\frac{1}{2}$ саж.; почти сплошное кольцо крупныхъ валуновъ. Въ грунтовой ямѣ глубиною 1 арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 16,0; 19,5 = 82,0 см., брахицефаль. По курганной площадкѣ замѣтенъ тонкій зольный слой.

№ 26 (5). Курганъ высотой $\frac{3}{4}$ арш., въ діаметрѣ 5 арш., расплывчатой формы; въ основаніи не сплошное кольцо изъ камней средней величины. Надъ могильной ямой (глубиною 1 арш.) по всей площадкѣ тонкій пепельный слой. Въ пескѣ насыпи и въ могилѣ мѣстами попадался мелкій уголь и зола. Справа дѣтскій костякъ, у котораго на черепѣ 2 тонкія мѣдныя височныя кольца съ напущенными на нихъ бусами и косточкою (табл. XXII, 8), на шеѣ ожерелье изъ косточекъ вишни, нѣсколькихъ мелкихъ стекляныхъ бусъ и трехъ мѣдныхъ бубенчиковъ типа Ивановск. табл. VIII, 21, тутъ же нѣсколько косточекъ сливъ, просверленныхъ, и такой же бубенчикъ на короткой цѣпочкѣ, табл. XXII, 10, на рукѣ мѣдное проволочное витое колечко (табл. XXII, 6). У женскаго взрослого костяка на правомъ вискѣ 3 мѣдныя малыя височныя кольца, частью мятые, различнаго діаметра типовъ Глаз. табл. XXIV, 3 и 5; на одномъ напущены бусы. На лѣвомъ вискѣ 1 такія же кольца, соединенныя между собою двумя узлами изъ шерстяной ткани, такъ что здѣсь образовалось какъ бы мѣсто скрѣпленія двухъ концовъ какого-то убора (табл. XXII, 12). У ворота, ближе къ

Αρχαία Μεταλλουργία

тиной и лентой, обрывается золотой нитью и является вложенная лентой типа табл. XX, 1. XIII—XIV в.

№ 27 (6). Курганы вышиною 1 арш., их диаметр до 2-х саж., кругом почти сплошное кольцо камней средней величины. Перерывы в костях в грунтовой яме глубиною 1 арш.

№ 28 (7). Курганы вышиною $2\frac{1}{4}$ арш., их диаметр до $4\frac{1}{4}$ саж. По подножию почти сплошное кольцо из крупных булыжников. На материкъ из курганной площадки, покрытой тонкой угольно-белой пылью, мужской костяк в обыкновенном положении, руки вытянуты, длиною 2 арш. 7 верш., череп 16,0; 17,9 = 89,3 см., гипербрахицефал. Справа у ноги, остроконечный, двоякий наконечник кольца типа Иванова, табл. XVIII, 15, у ноги раздвоенный горшок с волнистым орнаментом. По сторонам следы гробовни XI—XII в.

№ 29 (8). Курганы вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., их диаметр до 3-х саж., по подножию кольцо камней средней величины, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. На курганной площадке женский костяк, головой на З., правая рука на груди, левая на животъ. Длинною 2 арш. 4 верш., череп 15,5; 17,7 = 87,5 см., гипербрахицефал. Около висков по 2 больших серебряных нагрудных кольца кривичского типа табл. XXII, 9, с редко расположенными узлами. XII в.

№ 30—31 (9 и 10). Курганы вышиною $1\frac{1}{2}$ и 2 арш., их диаметр $2\frac{1}{2}$ и 2 саж. По подножию почти сплошное кольцо крупных валунов. В грунтовых ямах глубиною до 1 арш. перерывы в костях.

№ 32 (11). Курганы вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., их диаметр около 1 саж., при подножию несплошное кольцо булыжниковой средней величины. На грунтовой яме глубиною $\frac{5}{4}$ арш. мужской костяк, в обыкновенном положении, длиною 2 арш. 6 верш., череп 15,6; 17,8 = 87,6 см., гипербрахицефал.

Остальные курганы почти все перерывы.

6. Дер. Дохино.

Група до 10 курганов, расположенная частью в долине, частью на возвышенном мысу, близ деревни на берегу р. Еким. Все курганы обложены почти сплошным кольцом довольно крупных валунов.

№ 33 (1). Курганы вышиною до 1 арш., их диаметр до 3 саж.; по подножию небольшой круг камней средней величины. На южной курганной площадке тонкий угольно-белый слой, белый уголь в нем попадались и в пылин. На северной женский костяк, в обыкновенном

положении: лѣвая рука на груди, правая на животѣ. По сторонамъ скелета остатки гробовища. Длина скелета 2 арш. 3 верш., черепъ 15,4; 17,7 = 87,0 см., гипербрахицефаль. У висковъ по 2 серебряныя височныя кольца средней величины (діаметръ $5\frac{1}{2}$ сант.) табл. XXII, 9. На шеѣ ожерелье изъ крупныхъ сердоликовыхъ бусъ (П. И. А. К. в. VI, табл. III, 2). свѣтложелтыхъ, сплюснутыхъ золоченыхъ, крупной палевой съ зелеными жилами (табл. XXII, 1) и крупной съ пестрыми полосками табл. XXII, 2. XI—XII в.

№ 34 (2). Курганъ вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметръ до $2\frac{1}{2}$ саж.: по подонвѣ несплошное кольцо изъ камней средней величины. На материкѣ костякъ, головою на В., безъ вещей; длиною 2 арш. 4 верш., черепъ 15,5; 18,3 = 84,7 сант., брахицефаль. Въ южной полѣ, на 1 арш. отъ перваго, другой костякъ, дѣтскій, нѣсколько выше материка, можетъ быть, впускной; головою на З., плохой сохранности.

№ 35 (3). Курганъ высотой $1\frac{3}{4}$ арш., въ діаметръ до $2\frac{1}{2}$ саж.; каменное огражденіе. На материкѣ въ обычномъ положеніи костякъ, длиною 2 арш. 4 верш., черепъ 15,7; 18,2 = 86,2 см., гипербрахицефаль; у праваго бедра желѣзный ножъ. Въ 1 арш. разстояніи отъ таза въ сѣверной полѣ, т.-е. слѣва, небольшой горшокъ темной глины съ мелкими пережженными человѣческими костями въ разной степени обугливанія, смѣшанными съ пескомъ и золою. Горшокъ стоялъ на материкѣ; подъ нимъ и около него было немного угля.

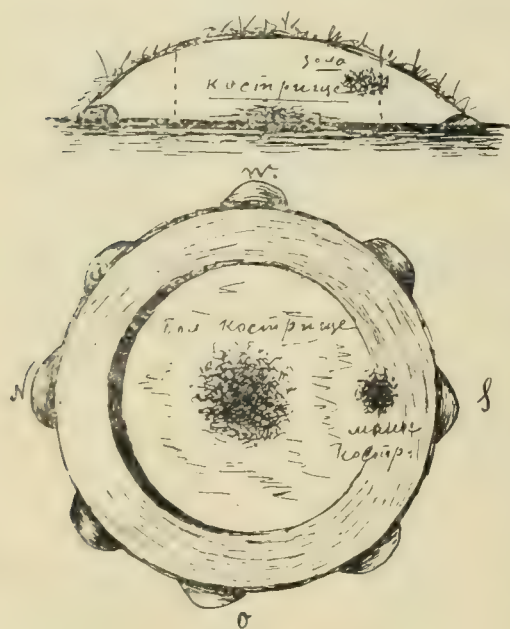

Рис. 32.

№ 36 (4). Курганъ высотой до 2 арш., въ діаметръ до $3\frac{1}{2}$ саж.; по подонвѣ рѣдкая каменная обкладка. Въ центрѣ насыпи на материкѣ кострище съ крупными костями угля и нѣсколькими небольшими камнями, покрытыми черной маркой копотью, и пережженными человѣческими костями; въ діаметръ до $1\frac{1}{2}$ арш., толщиной до 2 верш. Въ южной полѣ, нѣсколько выше материка, небольшая грудка пережженныхъ костей, до $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметръ и до 3 верш. толщиной (рис. 32).

№ 37 (5). Курганъ распаханый, не выше $\frac{1}{2}$ арш., въ діаметръ до $2\frac{1}{2}$ саж. На материкѣ, на зольной прослойкѣ, мужской костякъ, въ обычномъ положеніи, длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 15,8; 17,9 = 88,2 см. Въ ногахъ небольшой горшокъ темной глины съ орнамен-

тоже из параллельных полосок, из грубо сложенный лентой скреп-
ся столбными вставками (табл. XXII, 1). XI—XII в.

№ 38 (6). Распаханный курганъ. Костякъ похороненъ сохой. Вещей
не оказалось.

№ 39 (7). Курганъ высотой $1\frac{1}{2}$ арш., въ диаметръ до 2 саж.,
въ основании почти сплошное кольцо изъ крупныхъ камней. Въ груп-
товой ямъ глубиною $\frac{1}{2}$ арш. мужской костякъ въ обычномъ положеніи,
длиною 2 арш. 5 верш., черепъ 15,8; 18,2 = 86,8 см., гипербразилефаль.

№ 40 (8). Курганъ высотой до 2 арш., въ диаметръ до 3 саж.,
но подишвъ восточное кольцо валуновъ, въ головастъ и въ ногахъ
погребенія больше крупныя камни. Въ ямъ, глубиною $\frac{1}{4}$ арш., мужской
скелетъ, въ обычномъ положеніи, длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 15,7;
18,5 = 84,8 см., брахилефаль.

№ 41 (9). Курганъ распаханый, костякъ потревоженъ; при немъ
найдены обломки мѣдныхъ височныхъ колецъ, свинца бусы, типа Ивановск.
табл. XIII, 17 и 18, и черепки горшка темнаго цвѣта. XI—XII в.

№ 42—46 (10, 12, 14, 16, 17). Курганы высотой $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ арш.,
почти всѣ распаханные, у нѣкоторыхъ вокругъ насыпи кольцо изъ камней
средней величины. Костяки плохой сохранности.

№ 47 (13). Курганъ распаханый. На материкѣ мужской костякъ, въ
обычномъ положеніи, длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 15,3; 18,2 = 84,0 см.
Въ сѣверной части, въ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ таза, плоская гранитная плита рас-
мѣрами $\frac{1}{2}$ арш. $\times$ $\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 2 верш., на которой стоитъ небольшою
горшочекъ, темной глины. Подъ плитою и около нея немного желтаго угля
и золы, которыя встрѣчались и въ насыпи, и по всей курганной пло-
щадкѣ.

№ 48 (15). Двойной курганъ или, вѣрнѣе, два жалыпичная погре-
бенія, примыкающія другъ къ другу, съ очень немногими насыпями
(меньше $\frac{1}{2}$ арш.) и огражденіями въ видѣ круговъ, сложенныхъ изъ
малыхъ камней, диаметромъ до 3 арш. Въ глубокихъ грунтовыхъ ямахъ,
достигающихъ до 2 арш., по костяку, плохой сохранности, въ обычномъ
положеніи. Длина мужского 2 арш. 5 верш., черепъ 15,7; 18,4 = 73,5 см.,
брахилефаль (при немъ обитокъ типа Ивановск. табл. XVII, 27); длина
женскаго 2 арш. 4 верш., черепъ 15,9; 18,6 = 82,1, гипербразилефаль.

№ 48 а (18). Курганъ высотой до $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметръ до 2 саж.,
но подишвъ почти сплошное кольцо камней средней величины, въ го-
ловастъ и ногахъ больше крупныя валуны. Въ грунтовой ямъ, глуби-
ною до $\frac{1}{2}$ арш., костякъ, длиною 2 арш. 4 верш., въ обычномъ по-
ложеніи, черепъ 15,4; 18,6 = 82,1 см., брахилефаль. На черепѣ 4 жидкія

височный серебряный кольца, свернутые изъ обломковъ большихъ височныхъ колецъ типа табл. XXII. 9, на шеѣ 7 золоченыхъ бусъ типа Глаз. табл. XXII. 77, на лѣвой рукѣ желѣзный браслетъ съ сомкнутыми концами, толщиною въ гусиное перо. XI—XII в.

Холмскій уѣздъ.

7. Дер. Васюково (1901 г.).

Группа кургановъ, состоящая изъ сопки (высотой до 2-хъ саж. и въ діаметрѣ до 7 саж.), 12 насыпей меньшихъ размѣровъ и нѣсколькихъ жальничныхъ погребеній: послѣднія всѣ съ огражденіемъ круглой формы. Грунтъ крупный красный песокъ.

№ 49 (1). Курганъ высотой до 2-хъ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж., опаханъ. На материкѣ мужской костякъ въ обычномъ положеніи, длиною 2 арш. 7 верш., черепъ 15,2; 18,9 см., брахицефаль. По всей курганной площадкѣ угольно-пенельный тонкій слой; уголь и зола мѣстами попадались и въ самой насыпи.

№ 50 (2). Курганъ высотой 1¹/₂ арш., въ діаметрѣ 2 саж., перерытъ. При костяхъ мѣдный дѣтскій проволочный браслетъ типа Глаз. Табл. XX, 13. XI в.?

№ 51 (3). Курганъ высотой до 1³/₄ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. На материкѣ, въ обычномъ положеніи, сильно истлѣвшій костякъ. На груди мѣдная пряжка типа Изв. А. К. в. VI, табл. I, 2. XI в.

№ 52 (1). Грунтовая могила съ огражденіемъ изъ довольно крупныхъ валуновъ, въ діаметрѣ до 5 арш.; насыпь плоская, ниже камней. Въ грунтовой ямѣ глубиною 2 арш. костякъ, въ обычномъ положеніи, длиною 2 арш. 4 верш., черепъ 15,5; 18,8 = 83,5 см., брахицефаль. Въ песокѣ мѣстами попадался мелкій уголь и зола.

№ 53 (2). Грунтовая могила, съ огражденіемъ того же устройства, въ діаметрѣ до 4-хъ арш. Въ грунтовой ямѣ глубиною 2 арш. сильно истлѣвшій костякъ, длиною 2 арш. 6 верш., черепъ 15,4; 19,1 = 80,6 см.

8. Пог. Бологово (1901 г.).

Группа приблизительно изъ 15 кургановъ на землѣ г. Елагина при пог. Бологово, среди пахатныхъ полей; въ этомъ числѣ 2 сопки до 2-хъ саж. высоты и курганъ удлиненной формы. Часть кургановъ или опахана, или совершенно распахана.

№ 54 (1). Курганъ распывчатой формы, высотой 2¹/₂ арш., въ діаметрѣ около 4-хъ саж. По всей курганной площадкѣ обычный угольно-

поверхний слой, до 1 верш. толщинию из центр. площадки выходящее скопление более крупных кусков угля и слиткой жолы, но следы выжженного кострища не обнаружено. По найденю ни жолы, ни костей.

№ 55 (2). Курганы высотой $1\frac{1}{4}$ арш., их диаметр до 2-х саж. По курганной площадке угольно-пепельный слой из жолы, слитки суглинистой, местами попадаются мелкие кости и жолы.

№ 56 (3). Курганы удлиненной формы, высотой до $2\frac{1}{4}$ арш., шириною $2\frac{1}{2}$ саж., длиной 4—5 саж. на материке обычный тонкий пепельный слой по всей курганной площадке.

За ручьем, на земле соседнего помещика, тянется ряд так же курганов, обросших крупными сосновыми деревьями.

2. Дер. Яновице (1901 г.)

На берегу оз. Яновского группа из 18 курганов, расположенных отчасти на полях, отчасти в мелкой поросли, в том числе одна сопка вышиною в 2 саж. Часть насыпей совершенно распахана, места их на селже впаханном поле вытравляются слитыми плугами.

№ 57 (1). Курганы высотой 1 арш., их диаметр до $1\frac{1}{4}$ саж. По всей курганной площадке обычный тонкий угольно-пепельный слой.

№ 58 (2). Курганы высотой около 1 саж., их диаметр до $3\frac{1}{2}$ саж. По курганной площадке слой угольно-пепельный слой до 1 верш. толщиной, в некоторых местах попадаются глыбы более крупного угля. Несколько выше материка, примерно на 1 арш., впа довольно примитивная угловатая простояла: мелкие камни, встречающиеся на ней местами, носили лишь следы черной, маркой жолы.

№ 59—62 (3—6). Насыпи высотой 2— $2\frac{1}{4}$ арш., их диаметр 2—3 саж. Того же устройства, как № 2, т. е. с угольной прослойкой несколько выше материка.

№ 63 (7). Курганы высотой до $1\frac{1}{2}$ арш., их диаметр до 2-х саж. В центр. насыпи, на глубине одного лотка, обнаружена небольшая (до $\frac{1}{2}$ арш. их диаметр) грудка жолы, окруженная из мелких переложными костями. По курганной площадке слой обычный тонкий угольно-пепельный слой.

№ 64 (8). Курганы высотой 2 арш., их диаметр 2 саж. По всей курганной площадке тонкий угольно-пепельный слой.

3. Дер. Захолье (1901 г.)

В 2-х верст. от дер. Захолье, на правом берегу р. Столешки, впадающей в Купю, среди густого лесного тлел, тянется ряд

холмъ, обведенный валомъ въ видѣ неправильнаго прямоугольника (рис. 33). Валъ по наружному откосу достигаетъ до 5—8 саж., особенно въ южной сторонѣ, къ ручью, гдѣ замѣтенъ и въѣздъ на площадку городища. Съ внутренней стороны валъ имѣетъ въ вышину до $1\frac{1}{2}$ —2 саж. Произведена была выемка въ сѣверной части вала, изнутри, дли-

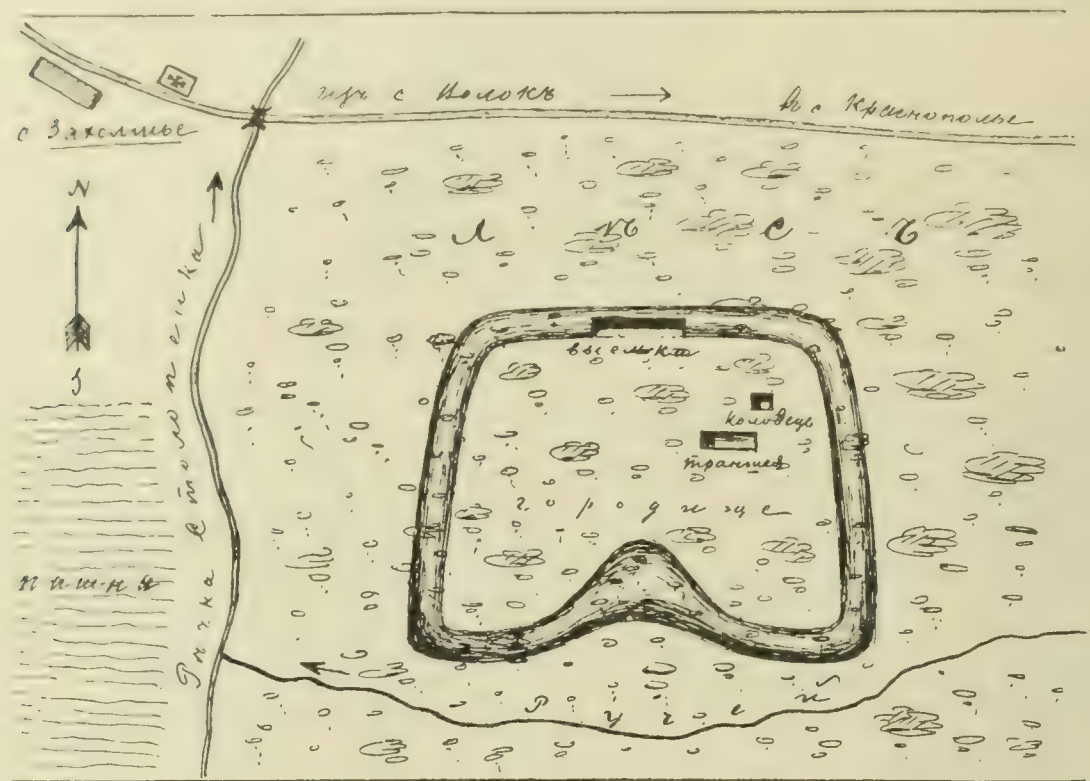

Рис. 33.

ною въ 5 саж., причемъ не было найдено ни вещей, ни камней, ни обгорѣлыхъ бревенъ. Траншея, проведенная посреди площадки, длиною 4 саж., шириною $1\frac{1}{2}$ саж. и глубиною 1 арш., также ничего не обнаружила, какъ и яма, пробитая на мѣстѣ предполагаемаго колодца. По старымъ преданіямъ, на городищѣ было находимо оружіе.

11. Дер. Прошково и Шелковецъ (1901 г.).

Между деревнями существовала большая группа кургановъ, распашанная за послѣднія 25—30 лѣтъ, отъ которой, среди пахатныхъ полей, до десятка крупныхъ кургановъ, уже значительно попорченныхъ распашкою. По словамъ крестьянъ, на полѣ при пахотѣ иногда бывають находимы мѣдныя колечки и желѣзные наконечники копій, а на вершинѣ одного кургана, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были найдены человѣческія кости. Грунтъ суглинистый.

№ 65 (1). Курганъ высотой до 1 саж., въ діаметрѣ до 4-хъ саж. По всей курганной площадкѣ обычный угольно-пепельный слой, въ

центр которого лежал крупный камень (до 10 пуд. весом), вставленный на поверхности слоем черной жаркой земли, кругом камня слой тонкого крупного угля и золы, толщиной до 2-х верш.

У 66 (2). Курганы сильно оплывшие, но все же вышиною до 2¹/₂ арш. В насыпи, на высоте 1 арш. от материка во всю ширину, есть горизонтальный угольный слой с примесью жаркой земли до 1 верш. толщиной. По курганной площадке шло другой такой же слой, средин которого местами попадались мелкие камни со следами черной жаркой земли.

У 67 (3). Крутобокий курган высотой до 5 арш., по диаметру больше 3-х саж., оплывший. Грунт насыпи красноватый суглинок. На курганной площадке и выше ее на 1¹/₂ арш. угольные слои.

12 Дер. Козлова (196) г.)

В ольховой рощице небольшой дачник, состоящий из каменных могил, круглых, овальных и четырехугольных, обложенных крупными и мелкими камнями и плитами. Все центральные, древнейшие погребения дачника были уже перерезаны кладочеселетями. Вскрыто 6 могил на окраинах его. По словам жителей-хрустьян, на дачнике в прежнее время находилось несколько небольших каменных крестов, с расширяющимися концами.

У 68 (1). Грунтовая могила с каменным ограждением четырехугольной формы размером 2¹/₂ × 2 арш., из пазухов средин величины, в головах и ногах 4 очень крупные камни. На глубине 1¹/₂ арш. два костяка, головной на 3., хорошей сохранности, у правого руки сложены на груди и живот, у левого протануты. Длина первого 2 арш. 5 верш., череп 16,2: 18,7 = 81,2 см., длина второго 2 арш. 3 верш., череп 16,3: 19,2 = 79,6 см. Под черепом попадались черенки от горшка светлой глины с тонкими стбками.

У 69 (2). Грунтовая могила того же устройства, размерами 2¹/₂ × 1¹/₂ арш. На глубине 1³/₄ арш. мужской костяк, головной на 3., правая рука на груди, левая на живот, длиной 2 арш. 6 верш., череп 15,7: 18,9 = 83 см., брахицефал. В носу встраивался большой уголь, золы, под черепом черенки от горшка светлой глины.

У 70—72 (3—5). Грунтовые могилы с ограждением овальной формы как пазухов средин размер и с плитками насыпи. Глубина погребений 1¹/₂—2 арш. В одной могилах попадались тонкие скелеты, длиной 2 арш., из грудной по костяк, длиной 2 арш. 3 верш. (череп 15,8: 18,6 = 81,9 см.) и 2 арш. 6 верш. (череп 15,3: 18,8 = 80,8 см.).

Близъ жальника расположено нѣсколько кургановъ, высотой 1—2 арш. Въ одномъ изъ нихъ, по словамъ крестьянъ, были найдены человѣческія кости и 2 витые проволочныя браслета съ петлями на концахъ.

13. Село Ильинское, близъ г. Холма (1902 г.).

На лѣвомъ, крутомъ берегу р. Ловати, среди пахатнаго поля, 5 крупныхъ кургановъ, изъ которыхъ 2 можно назвать сопками, такъ какъ въ высоту они имѣютъ до 2-хъ саж. Всѣ курганы онаханы и перерывы кладонскателями. Въ прежнее время здѣсь, по словамъ крестьянъ, было значительное количество насыпей, исчезнувшихъ отъ распашки. Пробная раскопка въ одной изъ сопокъ обнаружила 3 очень недавнія погребенія.

У д. Дунаевой, въ верстѣ отъ с. Ильинскаго, на самомъ берегу Ловати уцѣлѣли 2 крупныхъ кургана, аналогичныхъ Ильинскимъ.

Выше по р. Ловати близъ д. Макаровой имѣются еще 2 такіе же кургана. По рассказамъ крестьянъ, большія насыпи по р. Ловати попадаются довольно часто, но о курганахъ малой величины и жальникахъ они не имѣютъ свѣдѣній.

Торопецкій уѣздъ (1902 г.).

14. Пог. Бенецкій.

Противъ погоста, на другой сторонѣ небольшого озера, вдоль крутого берега расположена группа изъ 8 кургановъ, въ томъ числѣ 3 удлиненныхъ, высотой до 1 саж. У всѣхъ насыпей кругомъ основанія ровики безъ перемычекъ. Мѣстность песчаная.

Въ $1\frac{1}{2}$ в. отсюда, у околицы д. Пески 2 удлиненныхъ кургана и одинъ круглый. Видимо, это лишь остатки отъ бывшей здѣсь большой группы кургановъ, сообщающейся съ первою.

№ 73 (1). Курганъ высотой 1 саж., въ діаметрѣ до 3-хъ саж. По подшивѣ слѣды ровика. По всей курганной площадкѣ угольно-пепельный слой, толщиной до 1 дюйма.

№ 74 (2). Курганъ высотой $2\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до $3\frac{1}{2}$ саж.: вокругъ подошвы слѣды ровика. По курганной площадкѣ тонкій угольно-пепельный слой.

№ 75 (3). Курганъ удлиненной формы, высотой 2 арш., длиною до 6 саж., шириною до 4-хъ саж.: вокругъ подошвы слабые слѣды ровика. По всей курганной площадкѣ тонкій угольно-пепельный слой. Съ сѣверной стороны, вверху, въ выдутомъ вѣтромъ обвалѣ, гнѣздо мелкихъ пережженныхъ косточекъ и угольковъ.

У 76 (4). Курганъ удлиненной формы, высотой 2 арш., длиной до 6 саж., шириною до 3-хх саж. Из обоихъ концовъ насыпи на первомъ же штыкѣ обнаружены груды металловъ порошкообразнаго характера, перемѣшанныхъ съ золою и мелкими угольками (рис. 34), диаметромъ до $\frac{3}{4}$ арш., толщиною до 3-хх верш.

Въ первой грудкѣ найденъ обломокъ мѣдной проволоки, двѣ сплавившіяся синеватыя бусы и слитокъ изъ какого-то металла, во второй — часть тонкаго мѣднаго браслета съ сильно распрямившимся концами типа вятичскихъ курганных («Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. VIII, к. 1 и 2, стр. 107, № 16), концы не круглой, а сплюснутой формы (табл. XXI, 5). Въ основаніи тонкій угольно-пепельный слой. IX в.

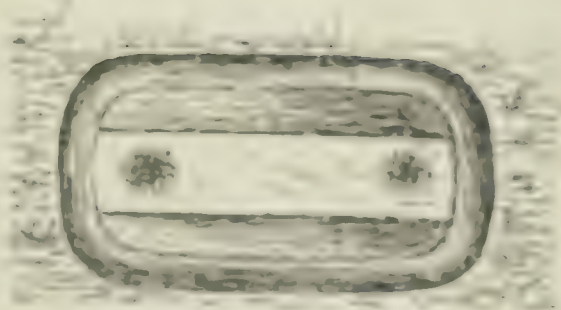

Рис. 34.

У 77 (5). Курганъ продолговатой формы, высотой до $2\frac{1}{4}$ арш., длиной 8 саж., шириною 5 саж., вокругъ основанія слѣды потлѣвато ровна. По всей курганной площадкѣ угольно-пепельный слой до 1 верш. толщиною. Сѣверный край насыпи выдутъ вѣтромъ, и бывшій слѣдъ южный пластъ рассыпался по ея поверхности. На южномъ концѣ насыпи, въ 1 саж. отъ края, на глубинѣ штыка обнаружена гряда золы, угля и костей, но значительно болѣе масляная, пыльно до 1 арш. въ диаметръ и не менѣе четверти толщины, причемъ попадаются и довольно крупныя угли.

При истокѣ изъ озера рч. Бонья, на ея правомъ берегу, на небольшомъ холмѣ расположено небольшое городище, площадка котораго и остатки вала заросли крупнымъ тѣсомъ.

По дорогѣ къ Натусу, у самой дороги, на опушкѣ тѣса, въ 3—4-хъ верст. отъ д. Пески, замѣчены 3 значительныя вѣтряна, расположенныя въ линію и обросшія крупнымъ тѣсомъ. Наибольшій изъ нихъ имѣетъ до $1\frac{1}{2}$ саж. высоты, второй до 6 арш., третій, распыленный формы, расположенъ внаклонную. У перваго насыпей въ основаніи рвы, изъ которыхъ излучай въ окружности главнаго кургана, выдутъ до 1 саж. ширины и до $1\frac{1}{4}$ арш. глубины. Также же вѣтряны, то въ окрестности по нѣскольку, встрѣчались далѣе по обѣ стороны дороги по направленію къ с. Торопцу. Въ 5 верст. отъ пос. Борода близъ д. Верещаковой, на землѣ г. Челищска, болѣе крупныя курганы, въ тѣхъ же песчаной мѣстности, въ которой своимъ развѣтвямъ издается 2 каменныя сопки. По западному т. Ушакова, близъ пос. Натусъ, вѣтряна

горы. Дѣйствительно, здѣсь въ густомъ лѣсу находится продолговатый холмъ неопредѣленной формы, но никакихъ слѣдовъ искусственныхъ укрѣпленій на немъ не замѣчено. На берегу оз. Улина при слд. Михайловскомъ г. Арбузова имѣется 5 довольно массивныхъ кургановъ сопочнаго характера, расположенныхъ въ линію, высотой 5, 2¹/₂ и 2 арш. Всѣ насыпи перерѣзаны кладонскательскими ямами.

16. Дер. Селянь.

Близъ д. Селяни на правомъ, довольно крутомъ берегу р. Торопы, расположены 3 группы кургановъ.

А. Первая группа расположена въ остаткахъ соснового лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, причемъ лѣвая часть ея содержитъ до 15 кургановъ безъ камней въ основаніи, а правая до 12 насыпей съ камнями вокругъ подошвы. Въ первой части, какъ показала пробная раскопка 2-хъ насыпей, курганы заключаютъ трупосожженія, а во второй всѣ насыпи оказались съ костяками. Грунтъ песчаный.

№ 78 (1). Курганъ высотой до 1¹/₂ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж., хорошей формы. По всей курганной площадкѣ тонкій угольно-пепельный слой, не толще 2-хъ сапт.

№ 79 (2). Курганъ высотой до 2-хъ арш., въ діаметрѣ до 2¹/₂ саж. На второмъ штыхѣ оказалось небольшое кострище до ³/₄ арш. въ діаметрѣ и до 1 верш. толщины; на немъ среди мелкихъ угольковъ и черной маркой золы оказался круглый обожженный камень въ кулакъ величиною и 2—3 пригоршни мелкихъ косточекъ въ разной степени обугливанія, сгруженныхъ близъ середины пласта. По основанію тонкій угольно-пепельный слой.

№ 80 (3). Курганъ высотой 1¹/₂ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж., по подошвѣ несплошное кольцо булыжныхъ камней средней величины (3—5 пудовъ). На глубинѣ 1¹/₄ арш. отъ поверхности материка 2 костяка, на разстояніи 1 арш. другъ отъ друга, головою на З., правая рука на груди, лѣвая на животѣ. Сохранность костяковъ плохая. Мужской костякъ длиною 2 арш. 6 верш., женскій, лежавшій справа, длиною 2 арш. 4 верш. У черепа послѣдняго по височному кольцу съ ромбическими расширеніями типа Глаз. Табл. XX, 3, на рукахъ 5 мѣдныхъ браслетовъ (4 круглые съ суживающимися концами типа Глаз. табл. XXV, 4, пятый пластинчатый формы Ивановск. табл. XXIII, 25, но орнаментъ Глаз. таб. XXV, 22). XIII в.

№ 81 (4). Курганъ высотой 1¹/₄ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж.; въ основаніи почти сплошное кольцо изъ булыжниковъ средней вели-

чины. Въ амб. глубиною до $1\frac{1}{2}$ арш. женскій костяк, плечей сохрани-
ности, похоронен на 3-х руках сложены на груди, длиной 2 арш. 3 верш.
По сторонамъ черепъ на известномъ серебряному волыку съ разбросанными
расширеніями типа Глаз. табл. XX, 2, на шеѣ нагрудье и въ области
грудныхъ и плечевыхъ бусъ типичн. Ивановск. XVIII, 17 и Глаз. табл.
XXII, 43 и использовать удлиненныхъ, а также мѣдн. бусовъ типа
Глаз. табл. XXV, 43 на ручѣ мѣдн. перстень табл. XXI, 9, въ виде
раздвоенный горнобы средн. размѣра свѣтлой длины съ орнаментомъ
на параллельныхъ полюсахъ типа Ивановск. табл. XIX, 15. XIII ж.

№ 82 (5). Курганы высотой до $1\frac{1}{2}$ арш., въ диаметрѣ до 2-х саж.,
въ основаніи камни средней величины. Въ амб. глубиною 1 арш. сильно
истлѣвшій мужской костяк.

№ 83 (6). Курганы высотой до $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметрѣ $2\frac{1}{2}$ саж.,
въ основаніи камни. Въ грунтовой амб. глубиною $1\frac{1}{2}$ арш. сильно
истлѣвшій мужской костяк.

Нѣсколько насыпей этой группы были уже раскопаны въ предшес-
тствующихъ, какъ и во второй.

Б. Вторая группа кургановъ расположена у самой деревни, на
длинномъ плоскомъ возвышеніи, поросшемъ тѣсомъ и сусамомъ. У нѣско-
лыхъ насыпей въ основаніи почти сплошной колыда изъ валуновъ, а по кур-
ганной площади тонкій угольно-песчаный слой.

№ 84 (7). Курганы высотой $\frac{1}{2}$ арш., въ диаметрѣ до 6 арш. Въ
грунтовой амб. глубиною до $1\frac{1}{4}$ арш. сильно истлѣвшій костяк.

№ 85 (8). Курганы высотой до 2-х арш., въ диаметрѣ до $2\frac{1}{2}$ саж.
Въ грунтовой амб. глубиною до 1 арш. извлеченъ оваловидной формы,
сильно истлѣвшій женскій костяк, въ обычномъ положеніи, длиной
2 арш. 4 верш. На шеѣ нагрудье и на 6 крупныхъ и мелкихъ вшитыхъ
бусъ табл. XXI, 6, нѣсколькихъ золотыхъ типа Глаз. табл. XXII, 71, 72
и медныхъ антарного цвѣта типа Глаз. XXV, 45, на рукахъ по мѣд-
ному браслету типичн. Глаз. XXV, 17 (съ тинами на лопаткахъ) и Ива-
новск. IV, 2, по мѣдному перстню типичн. Ивановск. табл. III, 6 и
XII, 18. XIII ж.

№ 86 (9). Курганы высотой $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметрѣ до 2-х саж.
Въ грунтовой амб. глубиною до $1\frac{1}{4}$ арш. женскій костякъ длиной 2 арш.
3 верш., въ обычномъ положеніи. Два серебряныхъ женскихъ кольца
табл. XXI, 10, браслетъ, плетный изъ мѣдной проволоки, табл. XXI, 7
оловянный браслетъ (табл. XXI, 4) позолоченный, и мѣдный перстень
типа Ивановск. II, 17. XIII ж.

№ 87 (10). Курганы высотой до $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметрѣ до 2-х

сая. Въ грунтовой ямъ глубиною до 1 арш., повидимому, мужской костякъ, длиною 2 арш. 5 верш., въ обычномъ положеніи. На шеѣ 2 маленькія мѣдныя пуговицы типа Глаз. XXV, 13 и остатки темной шелковой ткани на кускѣ кожи: послѣдній шириною 3 сант. Въ изголовьѣ, выше головы на $1\frac{1}{2}$ арш., въ самой насыпи, небольшой раздавленный горшокъ свѣтлой глины. XIII в.?

№ 88 (11). Курганъ высотой 1 арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ грунтовой ямъ глубиною 1 арш. потревоженный кладонскателями костякъ.

№ 89—90 (12—13). Курганы вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ грунтовыхъ ямахъ глубиною до $1\frac{1}{4}$ арш. сильно истлѣвшіе костяки.

В. Противъ второй группы кургановъ у берега р. Торопы расположенъ небольшой плоскій холмъ, называемый у мѣстныхъ крестьянъ «Церковницемъ», длиною до 10 и шириною до 8 саж., въ прежніе годы распахиваемый. Здѣсь находились жальникъ (?), отъ котораго сохранились лишь кое-гдѣ отдѣльные камни средней величины. Могилы расположены гуще къ СЗ. краю площадки, а на южномъ ихъ нѣтъ совсѣмъ. Были проведены 4 траншеи, по нѣскольку сажень длины, причемъ найдены костяки въ, на глубинѣ 1— $1\frac{1}{2}$ арш., всѣ въ обычномъ положеніи.

№ 91 (1). Женскій костякъ длиною 2 арш. 3 верш. На черепѣ 2 большія серебряныя височныя кольца типа Изв. А. К., в. VI, табл. II, 17 и 2 мѣдныя перстня типа Ивановск. III, 5. XII—XIII в.

№ 92 (2). Женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 верш. На вискахъ по 2 крупныхъ серебряныхъ кольца типа Изв. А. К. в. VI, табл. II, 17, на одномъ пальцѣ 3 мѣдныя перстня типа табл. XXII, 6 и XXI, 1, на другихъ 2 перстня табл. XXI, 8 и типа Ивановск. II, 17. XII—XIII в.

№ 93 (3). Повидимому, мужской костякъ, длиною 2 арш. 5 верш.

№ 94 (4). Женскій костякъ, длиною 2 арш. 2 верш. У черепа 2 серебряныя височныя кольца типа Изв. А. К. в. VI, табл. II, 17, на рукахъ мѣдный пластинчатый браслетъ типа Ивановск. IV, 12 и 3 перстня типовъ табл. XX, 4 и Ивановск. III, 5. XIII в.

№ 95 (5). Дѣтскій костякъ, безъ вещей.

№ 96—98. Два костяка безъ вещей и третій, дѣтскій, у котораго на рукахъ 2 крученые браслета типа Ивановск. IV, 4 и мѣдный перстень типа табл. XX, 17. XIV в.?

Г. Третья группа кургана расположена нѣсколько выше по р. Торопу, по опушкѣ сосноваго лѣса, и состоитъ приблизительно изъ 10

пасаней, высотой 1—3 арш., в диаметре 2—4 саж. Вокз камней на основании круговъ наибольша круглыхъ рововъ.

№ 29—101. Курганы высотой 1, 1½ и 2 арш. По курганной площадке тонкие угловато-песчаные слои. Вещей нет.

При пог. Хворостяево, близъ старой «молочного тракта» въ тѣсу, группа изъ 10 пасаней, пыльныхъ 2—4 арш. высотой и 2—4½ саж. в диаметре у основания небольшо рововъ.

У самого края той же дороги въ 10 в. отъ г. Торонца имѣются 2 такіе же курганы, поврежденные владостроителями.

Въ 2-хъ в. отъ пог. Пасаново, на опушкѣ тѣсу, 2 холмика жергови, ради такихъ же кургановъ. Одинъ курганъ разрушенъ для починки дороги, на немъ по всему основанію идетъ угловато-песчаный слой до 2-хъ сант. толщиной.

Въ 6 в. отъ г. Торонца, въ имѣніи Поддай, близъ самой дороги, въ саду усадьбы, 2 такіе же курганы, оба поврежденные.

Въ 15 в. отъ г. Торонца въ имѣніи г. Бакунина Маслова имѣлась группа кургановъ, обложенныхъ въ основаніи камнями, числомъ до 20. Вокз пасаней раскопана впадинами въ прежніе годы, причемъ были найдены мѣдные витые и пластинчатые браслеты, бусы, медная и крупная, перетни, наконечники копій, топоры, горшки. Нѣтъ ли раскопана небольшая группа кургановъ, при д. Баринской. Курганы въ основаніи имѣютъ ровики. Никакихъ вещей не было найдено.

Группа большихъ кургановъ сопочнаго характера находится близъ д. Ермала въ 8 в. отъ г. Торонца, при соединеніи Бѣлостасо и Осташковскаго тракта. Въ тѣсу, недалеко отъ дороги, на берегу небольшого стояго озера, городище оригинальной формы. Оно расположено на небольшомъ отдельномъ возвышеніи и имѣетъ площадь длиной 40, шириною 25 паж. въ основаніи городище окружено глубокимъ ровомъ, имѣющимъ до 2½ саж. ширины и до 1 саж. глубины, и вѣномъ. Для устройства такого сооружения, вѣроятно, сначала вынута была изъ холма широкій уступъ, а потомъ въ него врыты ровъ.

У пог. Турова, въ тѣсу, у самой дороги, группа кургановъ, приблизительно изъ 10 пасаней, сопочнаго характера.

17. Дер. Низинка.

Въ 1 в. отъ д. Низинка (близъ пог. Забродина) группа изъ 12 кургановъ, еще разбѣгающихся отъ распаханки. Въ тѣсу въ основаніи обнаружены почти сплошными камнями или крупными булыжниками.

№ 102 (1). Курганъ высотой $1\frac{1}{4}$ арш., перерытый. Костякъ лежалъ въ неглубокой грунтовой ямѣ.

№ 103 (2). Курганъ высотой 1 арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ грунтовой ямѣ не глубже $1\frac{1}{2}$ арш., женскій костякъ, плохой сохранности, головою на З. У висковъ по малому плохого серебра колечку типа Изв. Арх. Комм., в. VI, табл. II, 4: на лбу остатки вѣличка изъ парчевой ленты.

№ 104 (3). Курганъ высотой $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ неглубокой ямѣ мужской костякъ, длиною 2 арш. 5 верш.

№ 105 (4). Курганъ высотой $1\frac{3}{4}$ арш., въ діаметрѣ 2 саж. Въ грунтовой ямѣ менѣе 1 арш. глубины сильно истлѣвшій костякъ, повидимому, мужской, длиною 2 арш. 6 верш.

№ 106 (5). Курганъ высотой 1 арш., въ діаметрѣ до 2-хъ саж. Въ ямѣ глубиною $1\frac{1}{2}$ арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 6 верш., головою на З. На пальцахъ обѣихъ рукъ по тонкому серебряному колечку типа Изв. Арх. Комм., в. VI, табл. II, 8. XII в.?

№ 107—110 (6, 8—10). Курганы совершенно такого же устройства и содержанія.

№ 111 (7). Курганъ высотой до 3-хъ арш., въ діаметрѣ до $3\frac{1}{2}$ саж. Камней по подшвѣ не было. По курганной площадкѣ тонкій угольно-пепельный слой; тонкая зольная прослойка наблюдалась еще приблизительно на половинѣ высоты насыпи.

Остальные 2 кургана тронуты кладонскаателями. У мѣстныхъ крестьянъ-эстовъ приобрѣтены слѣдующія вещи, собранныя ими при бороньбѣ поля недалеко отъ кургановъ: 2 небольшія шиферныя пряслица кievскаго типа табл. XXI, 2, мѣдная привѣска съ двумя ложечками и ключомъ (табл. XXI, II), часть мѣднаго браслета съ ушкомъ на концѣ, обломокъ кости съ тонкимъ мѣднымъ колечкомъ, звено отъ желѣзной цѣпочки, типа почти Глаз. табл. XX, 12, въ видѣ восьмерки, желѣзный ключъ (головка круглая, прорѣзь въ видѣ креста) и желѣзный пожъ, орнаментированный 3 кружками съ точкою посрединѣ. XII—XIII в.

Въ 2-хъ в. отъ пог. Чистово, кругомъ небольшого озера при слц. Петрикѣевѣ и Демидовѣ, въ лѣсу и на самомъ берегу озера, имѣется до 20 крупныхъ кургановъ, въ одиночку и группами по нѣскольку. Всѣ они сопочнаго характера, съ ровиками въ основаніи. Двѣ сопки имѣютъ въ высоту не менѣе 3-хъ саж. Есть нѣсколько насыпей продолговатыхъ, не особенно большихъ: длиною до 3—4 саж., шириною до 2-хъ саж. и высотой до 1 саж. Два небольшіе кургана были раскопаны лѣтъ 20 тому назадъ, причемъ ничего не было найдено, кромѣ золы и угля.

18. Др. Финско.

Въ 2-е к. в. отъ почтовой станции Нокса, близъ д. Финскому найдена большая группа курганных (не менѣе 50 насыпей), основаніе которыхъ обложено камнями. По наружному виду курганы дѣлятся на два типа: насыпи болѣе высокія и крутыя съ почти вертикальнымъ скатомъ средней величины въ основаніи, и насыпи болѣе низкія (не выше 1 арш.) съ сплошнымъ кольцомъ изъ крупныхъ валуновъ въ основаніи, причемъ еще промежутокъ между валунами забиты толстыми обожженными брусками. Курганы второго типа составляютъ видный переходъ къ жилищнымъ постройкамъ. Раскопаны лишь 3 насыпи первого типа, изъ нихъ оказалась костяк, лежащій на материкѣ. Между курганами этого типа 2 насыпей въ вышину не менѣе 1-го саж., одна изъ нихъ разрыта до половины мѣстными крестьянами въ 7 мну насыпѣ.

№ 112 (1). Курганъ высотой до 1 саж., въ диаметрі до 2¹ саж., изъ крупнаго краснаго песка. На материкѣ слой сибирскаго рѣчного песка, сѣмьязычнаго съ золою и углемъ, толщиной до 2-го верш. На этомъ слой лежали 2 костяка, мужской и женскій, въ обыкновенномъ положеніи, первый почти посрединѣ, второй слѣва отъ него. Мужской длиною 2 арш. 8 верш., довольно хорошо сохранившійся, въ остаткахъ гробовища, отъ котораго найдено 3 гвоздя; у него на пояскѣ желѣзная пряжка типа Иванова, табл. VII, 3 и 2 желѣзные концы пояса съ орнаментомъ (табл. XXI, 3), у него въ правой рукѣ ножъ, рукою вытиснуты. Вторымъ костякъ дѣтскій, менѣе 2-хъ арш. длиною, сильно сжатый. У него около шеи стеклянная бижутерія бусы типа Глаз. XII, 18, на правой рукѣ тонкій витой проволоочный браслетъ типа Глаз. XX, 13, на пальцахъ рукъ проволоочное и пластинчатое желѣзные кольца (табл. XX, 9 и 17) на ногахъ стоятъ небольшие гирьчешки гайковой формы съ орнаментомъ изъ параллельныхъ линий XI—XII в.

№ 113 (2). Курганъ высотой около 1 саж., диаметрѣ 2 саж. На курганной площадке, покрытой тонкимъ желѣзнымъ слоемъ, въ обыкновенномъ положеніи мужской костякъ. У него на пояскѣ желѣзная пряжка типа Иванова, VII, 3, XI—XII в.

№ 114 (3). Курганъ высотой около 1 саж., диаметрѣ 2 саж. съ восточной стороны. У него на насыпи каменное погребеніе. На курганной площадке тонкій угловатый слой, на которомъ лежатъ желѣзные костяки, болѣе высокіе.

Опочецкій у.

Предлагаемъ изображенія нѣсколькихъ предметовъ, найденныхъ г. Глазовымъ въ 1900 г. въ могильникѣ при с.ц. Загрязьѣ, Опочецкаго у.¹⁾, именно: каменнаго крестика (табл. XXII, 5), мѣднаго перстня (№ 7), мѣднаго наконника (№ 13), мѣднаго витого браслета (№ 14) и мѣднаго пластинчатого браслета (№ 15). XIV в.?

---

¹⁾ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XII, в. 1 и 2, стр. 223—225.

Отчетъ В. Н. Глазова о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1899 г. въ Псковскомъ у.

Л. С. Кривовицы, острогой вол. (X и XIII—XIV вв.).

Жальникъ, расположенный на ровной открытой песчаной местности, отлого спускающейся къ берегу Псковскаго оз., въ 2-хъ в. отъ села, близъ Гювской дороги. Всѣхъ погребеній, курганныхъ и жальничныхъ, можно насчитывать до 250. Грунты очень слабый, изъ обильнаго мелкаго песку, въдѣствіе чего курганные насыпи имѣютъ въ вышину не болѣе 1—1½ арш., въ диаметръ отъ 2-хъ до 4 саж., ихъ не болѣе 50. Жальничныя погребенія расположены неправильными рядами, идущими съ С. на Ю., а въ ЮЗ. углу, близъ курганныхъ, — въ шахматномъ порядкѣ. Большинство ихъ имѣетъ отраженія въ видѣ обланного круга изъ крупнаго булыжника. Отраженій овальныхъ и четырехугольных формы мало. Круглыя и овальныя могилы прикрыты почти плоскими настилами въ ¼—½ арш. вышины, диаметръ ихъ отъ 2-хъ арш. до 2-хъ саж. Въ извѣданные курганы, числомъ 23, заключены группосожженія. Групповыхъ могилъ раскопано 84. Глубина ихъ не менѣе 1 арш., обыкновенно же 1¾ и даже 2 арш., имѣя могилы съ овальными и четырехугольными отраженіемъ глубже. Сохранность достаточная, плоская, благодаря близости подпочвенной воды. Подпочва состоитъ изъ твердаго, глыблага, слежавшагося песку, съ прослойками глины, съ трудомъ поддающагося лопатѣ. На жальникѣ было извѣстено самое низкое древоточе. Всѣ раскопанные курганы могутъ быть отнесены къ X в., гробъ № 14, который принадлежитъ, по всей вѣроятности, къ XIII в. Жальничныя погребенія относятся къ XIII—XIV в.

№ 1. Курганъ, вышиною до 1¼ арш., въ диаметръ 2¼ саж. На глубинѣ около 1 арш. находилось жерло ямы и желѣзныя дѣла, но достой ихъ найдено.

А 2. Курганъ, вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до 3-хъ саж. На материкѣ, болышею частью въ восточной полѣ, небольшое кострище, шириною до $1\frac{1}{2}$, толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш., состоящее изъ массы золы, угля и струженныхъ въ кучку мелкихъ пережженныхъ человѣческихъ костей; на немъ сверху, посрединѣ, небольшой горшочекъ до 3-хъ верш. въ діаметрѣ. Нѣсколько лѣвѣе кострища внущенное погребеніе, вѣроятно, XI—XII в. Костякъ мужской, длиною 2 арш. 8 верш., головою на З., правая рука сложена на груди, лѣвая вытянута. На тазу справа мѣдная пряжка, на 2 грани. съ спиральными концами, у кисти лѣвой руки желѣзный наконечникъ стрѣлы типа Ивановск. табл. XVIII, 23, съ насадомъ. X в.

А 3. Курганъ, вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., въ діаметрѣ до 3-хъ саж. На материкѣ кострище, въ діаметрѣ до 1 саж., изъ углей и золы; на немъ мелкія пережженные косточки, у восточнаго края маленькій горшочекъ съ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ. X в.

А 4—6. Курганы, такой же величины и устройства, какъ № 3.

А 7. Курганъ, вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., въ діаметрѣ 2 саж. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. два небольшія кострища (вѣрнѣе, двѣ груды угля, золы и мелкихъ пережженныхъ косточекъ) до 1 арш. въ діаметрѣ и до $\frac{1}{2}$ арш. толщиною, расположенныя въ ЮЗ. и ЮВ. частяхъ насыпи. У одного изъ кострищъ маленькій горшокъ съ волнистымъ и линейнымъ орнаментомъ. Сожженіе было совершено на площадкѣ, занимаемой курганомъ. X в.

А 8. Курганъ, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ $2\frac{1}{2}$ саж. Въ основаніи слой пепла и золы до $\frac{1}{4}$ арш. толщиною, въ которомъ найдена желѣзная шпоровидная скобочка типа Сиз. табл. IX, 20. Поверхъ этого слоя лежали два дѣтскіе костяка, безъ вещей, вѣроятно, поздніе впускные. X в.

А 9—11. Курганы той же величины и устройства. Костяковъ не найдено.

А 12. Курганъ, вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до 3-хъ саж. По всему основанію пепельный слой съ мелкимъ углемъ, толщиною въ 2 верш., по срединѣ котораго кострище до $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и до 4 верш. толщиною; на немъ попадались мелкія кости разной степени обугливанія. Въ восточной полѣ маленькій горшокъ того же типа. X в.

А 13. Курганъ, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ 2 саж. Въ основаніи небольшое кострище до $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ; груда пережженныхъ костей, зола, уголь, пережженные вещи: обломки спирального мѣднаго перстня типа Люц. могилы. табл. X, 3, обломокъ спирального наручника типа Люц. могилы. табл. IX, 9, мѣдный браслетъ, узкій, съ умень-

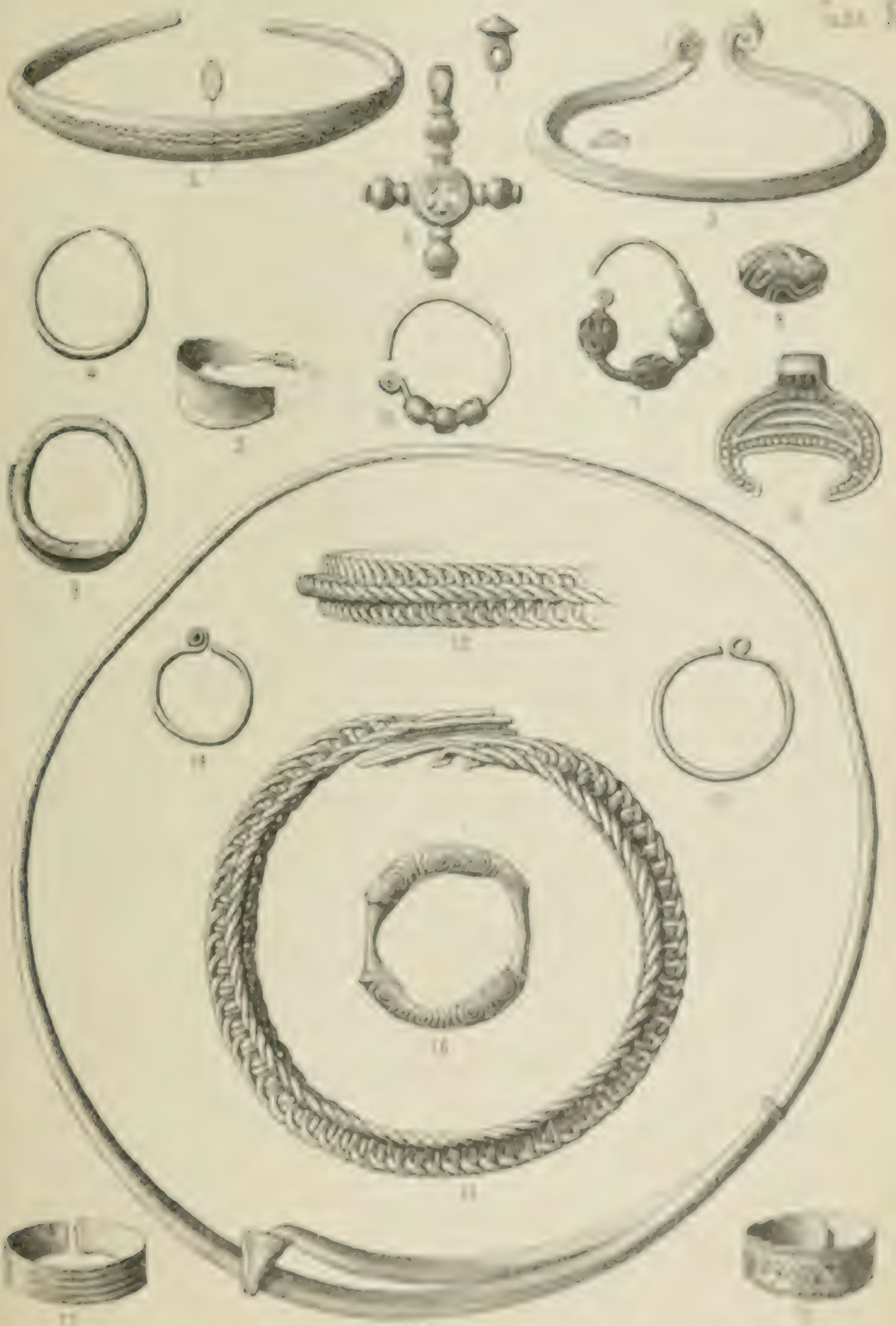

Fig. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18.

появились биссами и дотеля, инкрустированному орнаментом (табл. XX, 2), слитый из неопредѣленного металла бусы-стаканы серебряного или медного обычного спиралета. Ложилась типа, обломки медной пряжки типа Ловч. монеты, табл. VI, 5, желтый кончик от дѣлота типа Сиз. рис. 51, полировка трудна, опрѣлитель серебряной монеты, полировка, лезвием. Тут же найдены обломки желтой стрѣлки, не подвергавшейся дѣлотовому, и тѣла кабаньего клыка X в.

№ 14. Курганы, вышиною до $1\frac{1}{4}$ арш., ж. диаметр $2\frac{1}{4}$ саж. По всему основанию пеньный слой съ мелким углем, толщиной до 2—3 верш. На немъ оказался костяк, мужской, длиною 2 арш. 3 верш., головою на 3., правая рука протянута, лѣвая на животѣ. У лѣвого плеча медное кольцо артемовскаго типа, свернутое въ $1\frac{1}{4}$ оборота (табл. XX, 9), на груди медный бубенчикъ типа Ивановск. табл. VIII, 17, у рта правой руки желтый, наконечникъ стрѣлы типа Ивановск. табл. XVIII, 11, остріе въертъ, у лѣваго бедра желтый шпал. свинцовой, обломки меднаго большого бубенчика типа Глаз. табл. XXIII, * и неопредѣленный желтый или чужбинный обломок. По бубенчику, костякъ можетъ быть отнесенъ приблизительно къ XIII в.

№ 15—23. Курганы, совершенно аналогичные предыдущему по размерамъ и устройству, но ни костяковъ, ни перажеленныхъ костей не было. Три насыпи не имѣли никакихъ железякъ, угля и жѣлы и, быть можетъ, представляютъ собою лишь земляныя погребенныя пѣтрохы.

№ 24 (1). Грунтовая могила, ж. диаметр до 1 саж., насыпь еще замѣтна. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костяк, головою на 3., руки вытянуты. Сѣвѣ, пѣстоладо выше колѣна, желтый носок. Въ грунту ямы показались мелкій уголь и жѣта ¹1.

№ 25 (2). Грунтовая могила, ж. диаметр 1 саж. На глубинѣ 1 арш. женскій костяк, длиною 2 арш. 3 верш. У правого плеча медная или серебряная серца съ гвоздями типа Костр. табл. V, 21. XIII—XIV в.

№ 26 (4). Грунтовая могила, ж. диаметр 1 саж. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костяк.

№ 27 (5). Грунтовая могила, ж. диаметр $2\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ

¹ Который это, такъ и описанный видъ, выходящими изъ почвы, имѣютъ шарообразную форму, круглую, квадратную, треугольную, и т. д. Диаметръ шарообразнаго до 1 саж., въ остальныхъ до 1/2 саж.

1 арш. мужской костякъ. длиною 2 арш. 7 верш. У когѣна правой ноги обломокъ стрѣлы.

№ 28 (6). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 верш.; правая рука на животѣ, на ней пластинчатый серебряный перстень типа табл. XX, 19.

№ 29 (7). Грунтовая могила. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. женскій костякъ, сильно истлѣвшій, длиною 2 арш. 2 верш. На шеѣ крупная черная буса съ бѣлыми прожилками (табл. XX, 8). XIII—XIV в.

№ 30 (8). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 3 верш. Двѣ серебряныя серьги типа табл. XX, 14, противъ лѣваго бедра маленькій горшокъ изъ темной глины.

№ 31 (9). Грунтовая могила, въ діаметрѣ 2 арш. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 верш. У висковъ 2 небольшихъ позолоченныя бусы типа Глаз. табл. XXII, 77, на правой рукѣ пластинчатый серебряный перстень табл. XX, 19.

№ 32 (11). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 3 верш. У висковъ по позолоченной бусѣ того же типа, какъ у № 31.

№ 33 (14). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. костякъ, длиною 5 верш. На правой рукѣ мѣдный пластинчатый перстень табл. XX, 17. XIII—XIV в.

№ 34 (17). Грунтовая могила. На глубинѣ до $1\frac{1}{4}$ арш. костякъ, длиною 2 арш. 6 верш., повидимому, женскій. У лѣваго виска слѣды мѣдной окиси.

№ 35 (18). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 верш. На вискахъ по серебряной серьгѣ съ филигранными бусами (табл. XX, 7), у таза слѣва ножъ, на правой рукѣ мѣдный браслетъ типа Пваловск. табл. IV, 12. Правая рука на груди, лѣвая на животѣ.

№ 36 (19). Грунтовая могила, въ діаметрѣ $2\frac{1}{2}$ арш.; на глубинѣ 1 арш. сильно истлѣвшій костякъ. У праваго виска поломаный серебряный перстень типа табл. XX, 19.

№ 37. (20). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. истлѣвшій костякъ. Около шеи мѣдный крестъ съ чернью на средокрестіи (табл. XX, 6).

№ 38 (21). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 7 верш. У лѣваго бедра ножъ.

№ 39 (22). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. мужской костякъ. Ножъ.

№ 40 (32). Грунтовая могила, съ ограждением овалной формы, размеры 3×2 арш. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 5 верш.; правая рука на груди, лѣвая вытянута вперед. У шеи лѣвой руки ножъ.

№ 41 (40). Грунтовая могила. На глубинѣ 1 арш. мужской костякъ. У правого бедра обломок ножа.

№ 42 (41). Грунтовая могила, съ ограждением продолговатой формы; въ головахъ и ногахъ особенно крупныя казаны (рис. 34). На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 2 верш., правая рука на груди, лѣвая на животѣ. На шеѣ 2 мѣдная маленькія бусы, позолоченныя пуговицы и серебряная монета Канута Великаго (XI в.), съ ушкомъ у правого бедра ножъ.

№ 43 (42). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костякъ, плохой сохранности. На шеѣ пуговка того же типа, какъ у № 42, у бедра ножъ.

№ 44 (43). Грунтовая могила, въ диаметръ $2\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ 1 арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 верш., правая рука на груди, лѣвая на животѣ. На правой рукѣ мѣдный проволоочный браслетъ типа Ивановск. табл. IV, 3, у лѣваго бедра ножъ. Въ могилахъ мѣстами попадаются мелкія уголья и зола.

№ 45 (50). Грунтовая могила, съ ограждением овалной формы, размеры 3×2 арш. На глубинѣ до 2-хъ арш. женскій костякъ; правая рука на груди, лѣвая на животѣ. На вороту 2 круга изъ кожи и шелковой парчевой матеріи, шириною 2 и $1\frac{1}{4}$ саж., на шеѣ 2 мѣдныя маленькія пуговицы табл. XX, 1, у лѣваго бедра обломок ножа.

№ 46 (71). Грунтовая могила, съ ограждением продолговатой формы, размеры 3×2 арш. На глубинѣ около 2-хъ арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 6 верш., конечности протянуты. Около шеи позолоченный желѣзный обломокъ, съ зубцами изъ дерева у лѣваго бедра ножъ. Въ верхней части пазухи попадаются черепки отъ другою выглаженнаго горшка, бѣлыя орнаменты въ могилахъ мѣстами встрѣчаются мелкія уголья и зола.

№ 47—81 (3, 10, 12, 13, 10, 16, 23—31, 22—29, 24—49,

Рис. 34.

72—81). Грунтовая могила, съ огражденіями круглой, овальной и частью четырехугольной формы. Кромѣ костей, находокъ не было.

Н. Д. Жидиловъ Боръ.

Деревня отстоитъ отъ с. Кривовицъ въ 3-хъ в. и лежитъ у самаго озера. Близъ нея жалынкъ изъ каменныхъ могилъ (до 50) и плоскихъ кургановъ (до 10), совершенно того же устройства и вѣшняго вида, какъ на предыдущемъ. Всѣ камни уже свезены на устройство ограды при церкви с. Кривовицъ. Раскопаны 3 кургана и 20 каменныхъ могилъ: послѣднія, вѣроятно, XIII—XIV в.

№ 82—84. Три кургана, въ которыхъ ничего не найдено, кромѣ кострищъ и мелкихъ пережженныхъ косточекъ. X в.

№ 85 (1). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. женскій костякъ, плохой сохранности, длиною 2 арш. 3 верш., правая рука на груди, лѣвая на животѣ. На головѣ 2 серебряныя серьги (одна типа табл. XX, 7, съ зерновыми бусами, другая безъ бусъ, табл. XX, 14), на шеѣ нѣсколько малыхъ золоченыхъ и шпыхъ бусъ и двѣ пуговицы, мѣдная и костяная, на правой рукѣ браслетъ, плетеный изъ серебряной проволоки (табл. XX, 12 и 13).

№ 85 (2). Грунтовая могила, въ діаметрѣ $2\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ 1 арш. мужской костякъ, длиною 2 арш. 5 верш., правая рука на груди, лѣвая протянута. На поясѣ мѣдный поясной наконечникъ, типа табл. XX, 11, но съ инымъ орнаментомъ, попорченный, и желѣзное поясное кольцо типа Ивановск. табл. XV, 6, вдоль лѣвой ноги желѣзный стержень съ кольцомъ типа Ивановск. табл. XVII, 24 (кольцомъ внизъ, у самаго колѣна) и ножъ (ниже предыдущей подѣлки, рукоятію вверхъ).

№ 86 (3). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. женскій костякъ, длиною 2 арш. 2 верш. Вещи: подвѣска изъ серебряной утрехтской монеты еп. Вильгельма (1054—1076 г.), тонкое серебряное колечко (табл. XX, 4), мѣдное поясное кольцо типа Ивановск. табл. XV, 6. Въ могилѣ попадался мелкій уголь и зола, а также встрѣчались и черепки отъ горшка темной глины.

№ 87 (6). Грунтовая могила. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. сильно истлѣвшій костякъ. Вещи: серебряная лунница (табл. XX, 11) и гладкій серебряный перстень типа табл. XX, 17, безъ орнамента.

№ 88 (7). Грунтовая могила, съ огражденіемъ овальной формы, размѣровъ 3×2 арш. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. сильно истлѣвшій мужской костякъ. На поясѣ два мѣдныхъ кольца табл. XX, 16 и типа Ивановск. табл. XV, 6: послѣднее растянута въ овалъ.

№ 82 (10). Грунтовое погребение. На глубинѣ 1 арш. железной костыль длиной 2 арш. 7 верш. Найдены также стрѣлы типа Глас табл. XXVI 8.

№ 90 (11). Грунтовое погребение, въ диаметрѣ 2' 4 верш. На глубинѣ 1 1/2 арш. костыль, сильно истѣнный, при шестъ ногъ.

№ 91 (12). Грунтовая могила, овальной формы, разбѣромъ 3 X 2 арш. На глубинѣ 1 1/2 арш. сильно истѣнный железный костыль. У дѣла видна серебряная серьга съ 3 нанизанными бусами (табл. XX, 10) на шей похоронить изъ медной парчи, шириною 3 смъ.

№ 92—99. Грунтовые могилы, тако же устроенныя. Въ нѣкоторыхъ найдены ножи.

III. Дер. Подмогвако.

Жабыны въ 1/4 в. отъ деревни, расположенной у старой Гомельской дороги, размѣромъ 12 X 10 саж. Состоитъ изъ дощатыхъ въ грунтовыхъ могилъ, обложенныхъ отраженномъ изъ крупныхъ валуновъ, обыкновенно круглой и рѣже овальной или даже четырехъугольной формы. При самой дорогѣ четырехъугольный каменный крестъ, утвержденный на цѣпѣ. Глубина погребеній отъ 1 1/4 до 2 арш. Костыли лежатъ поперекъ на 3., руки большою частью сложены на груди, иногда же приподняты вверхъ туловища, или же сложены кистями въ полости таза. Кисти правой сохранности. Грунтъ крупный красный песокъ, полнотой утраченный. Разкопано было 28 могилъ (№ 100—127), но изъ нихъ не было найдено, кромѣ черепковъ, попадавшихся въ верхней части пазубовъ. Въ грунтѣ могилъ мѣстами попадаются меншіе углы и жила.

Всего изъ данныхъ насчитано до 33 могилъ, но несомненно, что въ продолже время ихъ было болѣе. Часть каменность огражденій снесены крестьянами для построекъ.

IV. Д. Замятце.

Старое кладбище, расположенное у деревни на отступленномъ поставномъ возвышеніи измѣняющъ до 45 саж. длины, до 5—6 саж. ширины и до 2 1/4 саж. вышины. Дѣль 20 тому назадъ здесь стояла старая деревянная часовня. Почти во всю длину возвышенія стѣны были выемки, притомъ обнаружено до 45 погребеній, лежащихъ въ центральной части нукъ ярусами, первый рядъ могилъ лежитъ на глубинѣ до 1 арш., второй на 1 арш. сверху. Стѣны часовни хорошо сохранности, особенно въ нижнюю часть, лежаща дѣль отъ дѣль на разстояніи не болѣе 1/2 арш., тождество на 3., руки сложены на груди

или на тазу. При костякахъ въ разныхъ слояхъ насыпи попался уголь, а въ потокахъ нѣкоторыхъ оказались большіе глиняные горшки темной и свѣтлой глины. У немногихъ костяковъ наблюдались остатки дерева отъ гробовницъ и попадались крупные желѣзные гвозди. Одинъ или два костяка лежали головою на В.

Вещей найдено немного: довольно большой мѣдный образокъ съ изображеніемъ Распятія, закругленный въ верхней части и снабженный гранчатою пропилью. 2 мѣдные креста типа Ивановск. табл. XVII, 5, одинъ мѣдный крестъ типа Ивановск. табл. XVII, 21, но съ лучами въ средокрестіи, нѣсколько синихъ и темныхъ стеклянныхъ бусъ, мѣдная и серебряная пуговицы шаровидной формы съ ушками, тонкое мѣдное колечко-серьга. Всѣ эти предметы относятся, повидимому, къ XVI—XVII в.

V. Д. Лопатово, близъ приг. Изборска (XIII—XIV в.).

Група изъ 21 кургана, расположенная на высокой плоскости, примыкающей къ глубокому оврагу, который обходитъ пригородъ Изборскъ съ трехъ сторонъ, близъ дороги на г. Островъ. Насыпи вышиною всего 1—1¹/₂ арш., расплывчатой формы, діаметромъ 2¹/₂—5 саж. По окружности основанія расположено по 6—8 валуновъ, у нѣкоторыхъ по 2—3 камня на самой вершинѣ. По словамъ крестьянъ, на нѣсколькихъ курганахъ до недавняго времени стояли каменные кресты. Вокругъ основанія замѣтны ровики или, вѣрнѣе, ямы, изъ которыхъ бралась земля для насыпей. Грунтъ—довольно твердый суглинокъ, съ трудомъ поддающійся лопатѣ, материкъ—плотная вязкая красная глина. Въ насыпи попался мелкій уголь и мѣстами зола, но правильныхъ зольныхъ прослоекъ въ нихъ не замѣчалось. Почти всѣ костяки лежали на ¹/₄—¹/₂ арш. выше материка, такъ какъ часто грунтъ ниже костяка былъ еще слабый. Положеніе скелетовъ обычное. Въ двухъ случаяхъ наблюдались остатки гробовницъ, и въ одномъ курганѣ найденъ большой гвоздь со слѣдами дерева. Сохранность костей средняя. Большая часть кургановъ заключала по нѣсколько погребеній; въ двухъ случаяхъ наблюдались впускныя погребенія. Двѣ-три насыпи по основанію ограждены сплошными кольцами изъ крупныхъ валуновъ. Раскопано 16 кургановъ. Ихъ можно относить къ XIII—XIV в.

№ 128 (1). Курганъ, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ 2¹/₂ саж. На глубинѣ ³/₄ арш. мужской костякъ, плохой сохранности, длиною 2 арш. 4 верш. У лѣваго колѣна неопредѣленная желѣзная пластинка треугольной формы.

№ 129 (2). Курганъ, вышиною около 1 арш., въ діаметрѣ 2¹/₂ саж.

На вершинѣ насыпи 3 доломано брусчатое камне, выложенная облицовка 8 камнями, затлупутыми насыпью. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. мужской костяк, длиною 2 арш. 5 верш. На углу съѣзда желѣзнаго постола выложена Иванова, табл. XV, 6, въ ногатахъ желѣзной горюхот, опрокинутый на бокъ. По бокамъ скелета и похъ нѣтъ, слѣды гробовника.

№ 130 (3). Курганъ, вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметръ 4 саж. На глубинѣ около 1 арш. мужской костяк, длиною 2 арш. 3 верш. У правого колѣна массивное желѣзное кольцо до 4 сант. въ диаметръ. Въ основаніи кольца изъ 7 камней, наверху 2 валуна.

№ 131 (4). Курганъ, вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., въ диаметръ 4 саж. На глубинѣ 1 арш. 2 костяка, мужской и женской; оные изъ $\frac{1}{4}$ арш. еще 2, дѣтскіе.

№ 132 (5). Курганъ, вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ диаметръ до $3\frac{1}{2}$ саж. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. (отъ верха) мужской костяк, длиною 2 арш. 1 верш., сильно истлѣвшій, ниже на $\frac{1}{4}$ арш. мужской и женскій костяки. Въ верхней части насыпи попадаются черепки темной глины. Кругомъ основанія 8 булыжниковъ.

№ 133 (6). Курганъ, вышиною 1 арш., въ диаметръ до 3-хъ саж. Въ основаніи насыпи мѣстами камни средней величины, затлупутые землей. На материкѣ мужской и женскій костяки, длиною 2 арш. 3 и 2 верш. На рукахъ второго по мѣдному пластинчатому браслету типа табл. XIII, 25 (того же орнамента) и XIII, 16, XIV а.

№ 134 (7). Курганъ, вышиною до 1 арш., въ диаметръ до 5 саж. (расширительной формы), кругомъ основанія 8 валуновъ (рис. 36). На материкѣ 4 костяка, въ двухъ рядахъ. Во второмъ по срединѣ костякъ женскій, длиною 2 арш. 3 верш. на головѣ 2 мѣдныя серьги типа Пав. Арх. Комм. в. VI, табл. II, 16 (одна съ мочкою уха), а справа, кромѣ того, мѣдн. височное кольцо типа Глаз. табл. XXIV, 3, но болѣе величины, на шеѣ ожерелье изъ стеклянн. бусъ и изъ нефритовыхъ крупнѣе поперечныхъ, типа Глаз. табл. XXII, 76 и того же типа пазыухъ, а также мѣдн. шейная юбка срѣзкой съ выемками на концахъ типа Пав. Арх. Комм. в. VI, табл. II, 19, на рукахъ широкій пластинчатый мѣдн. браслетъ типа и орнамента типа Глаз. табл.

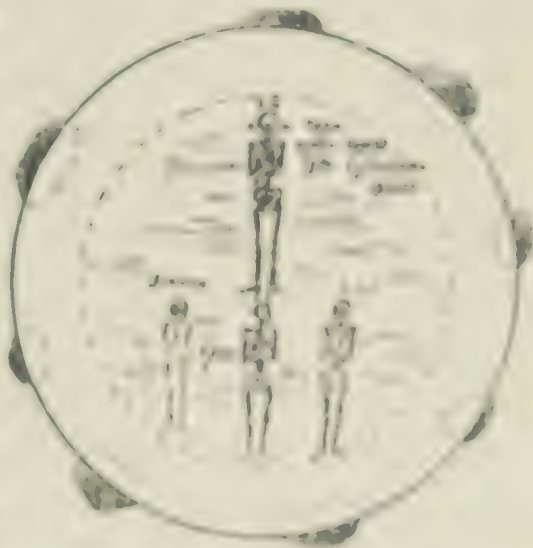

Рис. 36.

Глаз. табл. XXII, 76 и того же типа пазыухъ, а также мѣдн. шейная юбка срѣзкой съ выемками на концахъ типа Пав. Арх. Комм. в. VI, табл. II, 19, на рукахъ широкій пластинчатый мѣдн. браслетъ типа и орнамента типа Глаз. табл.

XXV, 15 (на концахъ отверстія) и пластинчатый перстень изъ плохого серебра съ вогнутою поверхностью (табл. XX, 5). По сторонамъ этого костяка справа дѣтскій скелетъ безъ вещей, слѣва женскій, при которомъ мѣдный браслетъ типа Ивановск. табл. IV, 10, но неопредѣленнаго орнамента. Въ верхнемъ ряду одинъ женскій костякъ, длиною 2 арш. 1 верш.: на головѣ мѣдное колечко типа Глаз. табл. XXIV, 1, но съ однимъ загибомъ и меньшей величины, на рукахъ по мѣдному браслету типа Ивановск. табл. III, 11 (но безъ срединной выуклости), и на немъ же половина скорлупы дѣснаго орѣха, съ отверстіемъ въ верхней части. XIII в.?

№ 135 (8). Курганъ, вышиною $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ до 4-хъ саж.: въ основаніи 6—7 камней. Въ насыпи на глубинѣ 1 арш. мужской костякъ длиною 2 арш. 5 верш.

№ 136 (9). Курганъ, вышиною $1\frac{1}{4}$ арш., въ діаметрѣ до 3-хъ саж.: основаніе обложено *сплошнымъ кольцомъ* изъ крупныхъ валуновъ. На материкѣ 3 костяка: два мужскихъ, въ остаткахъ гробовищъ, и одно дѣтское. Длина взрослыхъ 2 арш. 6 и 4 верш. Находки—большой желѣзный гвоздь и обломки ножа.

№ 137—138 (10 и 11). Курганы, общаго типа съ несплошнымъ огражденіемъ изъ валуновъ въ основаніи. Въ нихъ на материкѣ лежало по мужскому костяку.

139 (12). Курганъ, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ до $2\frac{1}{2}$ саж. На материкѣ женскій костякъ, длиною 2 арш. 3 верш.; у него на головѣ маленькія мѣдныя височныя кольца типа табл. XII, 8, по двѣ на каждой сторонѣ, на шеѣ ожерелье изъ мелкихъ цвѣтныхъ бусъ, одной мѣдной типа Ивановск. табл. XI, 15, одной крупной черной неправильнаго литья и одной продолговатой коричневой типа Ивановск. табл. XII, 17: тамъ же мѣдная шейная гривна съ гранчатымъ выступомъ на одномъ концѣ и тупымъ рыльцемъ на другомъ (табл. XX, 16), въ ногахъ горшокъ средняго размѣра, грубой работы, безъ орнамента; у лѣваго бедра ножъ. Справа дѣтское погребеніе. XIII—XIV в.

№ 140 (13). Курганъ вышиною 1 арш., въ діаметрѣ 2 саж. На материкѣ дѣтскій костякъ. На головѣ 2 мѣдныя височныя кольца табл. XX, 15 и типа Глаз. табл. XXIV, 3; на груди 2 мѣдные бубенчика типа Ивановск. табл. VIII, 17 и 1 экз. типа Ивановск. табл. VIII, 16. XIII—XIV в.

№ 141—143 (14—16). Курганы, по устройству одинаковые съ предыдущими. Въ одномъ изъ нихъ оказались два погребенія на материкѣ, мужское и женское. У всѣхъ въ основаніи огражденіе изъ несплошнаго ряда валуновъ.

Мѣдный вѣкъ въ верхнемъ Поволжьи.

Въ районѣ верхняго Поволжья пока не прослѣживается непрерывнаго перехода отъ каменнаго вѣка къ жѣзному. Въ обложкѣ каменнаго вѣка фактомъ, который выступаетъ въ видѣ опредѣленнаго, стройнаго словеснаго явленія самобытнаго характера, служитъ существованіе друтиевъ русскими древностями, притомъ не мѣстными, а привозными. Явленіе это значительное и заслуживаетъ specialнаго вниманія и должнѣе изысканій.

Мѣдный вѣкъ верхняго Поволжья характеризуется погребеніями въ мѣди, своеобразною глиняною посудой и особыми типами каменныхъ орудій. Памятники древности этого времени — отчасти похороненія, главнымъ же образомъ мотыльницы, которыхъ нами насчитывается уже болѣе 15 въ широкое пространство отъ Мологи до Суря.

Ознакомленіе съ металлами производитъ острый и ясный — необыкновенно быстрый и рѣшительный переходъ къ каменію. Ножи вѣкъ начинаютъ жадно стремиться къ металлу, такъ неограниченно болѣе выгодному материалу для орудій, и при трезвомъ видѣ подлинности населенія того времени повинны производить въ томъ или другомъ видѣ переходъ. Если же принимаютъ самые орудія въ жѣзъ или бронзу, то изъ дѣлотованій и рѣзокъ, то между съ болѣе — каменныя воспринимаются новаго формы въ погребеніяхъ въ старомъ матеріалѣ — камнѣ, кости и глины, напоминающія на почвѣ погребенія каменныя изъ металла.

Погибнувъ въ жѣзъ въ верхнемъ Поволжьи каменныя орудія — значительное количество, конечно, до той степени, что каменныя орудія были если не жѣзъ, то болѣе — частію каменныя. Мѣдью руководствуясь этой мѣткостью каменности, жѣзъ съ каменными орудіями — жѣзъ каменныя, или же въ формѣ каменныя. Помысливъ погребать, чтобы жѣзъ — погребенію мѣднаго жѣзъ — были каменныя каменныя жѣзъ, но —

какой мѣрь оно было знакомо съ этимъ дѣломъ, это можетъ показать лишь далекое будущее. Въ настоящее время приходится допускать, что мѣдные вещи въ верхнее Поволжье проникали главнымъ образомъ изъ другихъ мѣстностей и притомъ въ небольшомъ количествѣ. Въ могильникахъ найдены лишь слѣдующіе мѣдные предметы: колечко при подвѣскѣ изъ клыка медвѣдя и кружокъ въ Фатьяновскомъ могильникѣ, неопредѣленная пластинка въ Великосельскомъ, колечко въ Чуркинскомъ и топоръ типа каменныхъ въ предполагаемомъ Чукальскомъ. Фатьяновскій кружокъ оказался собственно желѣзнымъ, облитымъ мѣдью, такъ что его приходится исключить изъ даннаго списка, какъ предметъ, по всей вѣроятности, позднѣйшаго происхожденія. Между остальными находками любопытно колечко при амулетѣ изъ того же могильника: тамъ, гдѣ мѣдь играетъ уже второстепенную, очень служебную, невидную роль, очевидно, она уже не составляетъ предмета исключительной рѣдкости.

Посуда могильниковъ фатьяновскаго типа весьма своеобразна и далека отъ подобныхъ издѣлій каменнаго вѣка. Формы ея изящны и разнообразны, днѣща круглыя, а не коническія, вѣнчики сужены, глина прекраснаго качества, мелкій, изящный и разнообразный орнаментъ совершенно иного стиля, чѣмъ въ каменномъ вѣкѣ.

Появленіе подѣлокъ изъ металловъ не только не прекращаетъ обработку вещей изъ камня, но даже весьма увеличиваетъ ихъ издѣліе, давъ имъ улучшенныя формы и новые типы. Нигдѣ въ подѣлкахъ каменнаго вѣка вы не встрѣтите такого изящества и разнообразія, какъ въ вещахъ, находимыхъ въ курганахъ и могильникахъ мѣднаго вѣка. Въ сѣверной и средней Россіи лучшія подѣлки изъ камня встрѣчены именно въ могильникахъ описываемаго типа. Фатьяновскіе каменные молотки имѣютъ рѣжущую часть удлиненную, въ тыльной части изгибъ; въ нихъ не составляетъ рѣдкости орнаментъ изъ выпуклыхъ полосокъ, разнообразныхъ выемокъ, граней, плоскостей съ острыми ребрами, остріе часто расширено выгибомъ внизъ. Ножи изъ кремня длинные, но тонкіе, на 3 грани, широкіе; они напоминаютъ ножи, кованые изъ мѣди. Обычныя для данныхъ могильниковъ кремневые клинья по формѣ и по чистотѣ отдѣлки также напоминаютъ клинья изъ мѣди, находимые въ южныхъ курганахъ мѣднаго вѣка.

Наконецъ, въ могильникахъ Фатьяновскаго типа встрѣчены различныя подѣлки изъ зубовъ и костей животныхъ, одѣ въ видѣ украшенія, другія въ формѣ орудій. Особенно характерныхъ типовъ онѣ не представляютъ.

№ 2. Краснохолмскій. Въ 1873 г. въ г. Красномъ Холмѣ, при выемкѣ земли на соборной Преображенской горѣ для устройства дамбы, найдены 3 каменные топора, находящіеся теперь въ Тверскомъ музеѣ (рис. 38—40. *Жизневскій*, Описание Тверского музея, стр. 13—14. *Гр. Уваровъ*, Каменный вѣкъ, табл. 25 № 237 и 4378).

№ 3. Вѣсьёгонскій. Въ 1901 г. при выборкѣ песку въ Бого-явленской горѣ близъ г. Вѣсьёгонска найдены были 2 каменные топора при человѣческихъ костяхъ (Сообщено Н. И. Рѣпниковымъ).

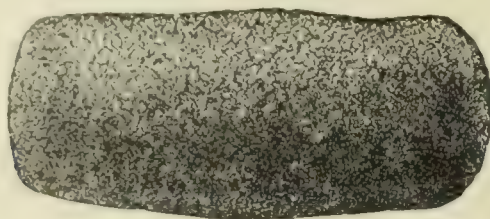

Рис. 38. $\frac{2}{5}$.

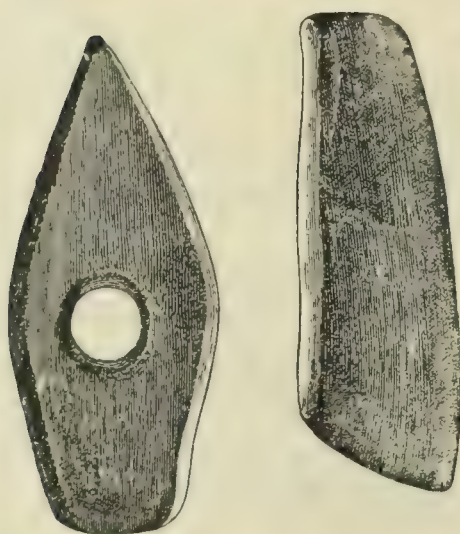

Рис. 39. $\frac{1}{3}$.

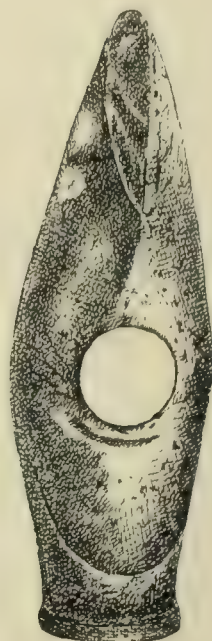

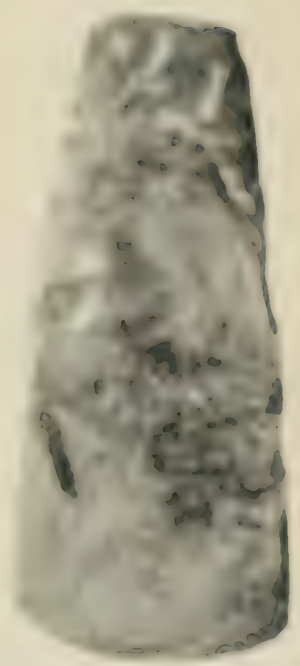
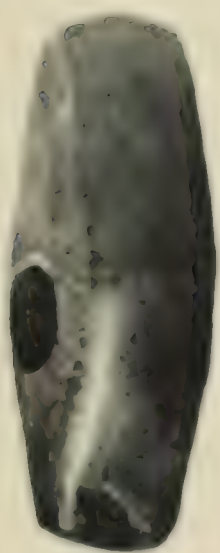
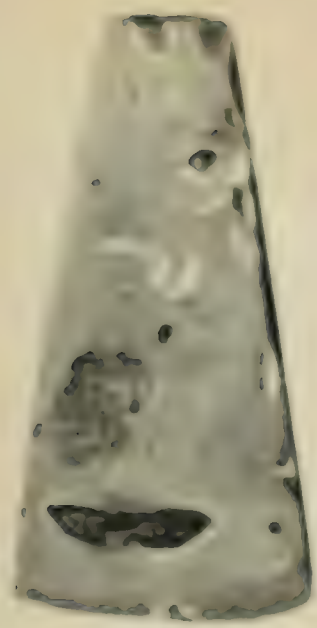
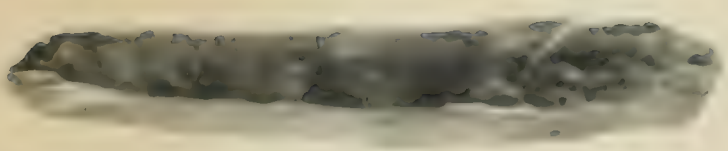
Рис. 40. $\frac{1}{3}$.

№ 4. Холмовогорскій. На выставку Ярославскаго сѣзда было представлено г. Ласкинымъ и Гурьевскимъ нѣсколько подѣлокъ изъ камня, найденныхъ на Холмовой горѣ близъ Романово-Борисоглебска, именно 2 топора и 2 клина, одинъ кремневый, другой изъ известковаго камня¹⁾.

№ 5. Фатъяновскій, самый богатый. Открытъ въ 1873 г., при устройствѣ полотна желѣзной дороги, и былъ раскапываемъ г. Андіюномъ (1874 г.), гр. Уваровымъ и В. Б. Антоповичемъ (1875 г.), Л. К.

¹⁾ Указатель выставки Ярославскаго сѣзда, стр. 88. По любезному указанію Н. А. Тихомірова, мы узнали, что гора находится близъ д. Холма, не далеко отъ Романова.

Delawarean flint arrowheads.

Ивановскимъ и павлономъ, Н. С. Подконовымъ (1878 г.). Раскопками на краю длиннаго холма, стоящаго среди низины, открывавшейся отъ бывшихъ уже издавна возвышенныхъ пространствъ. Тутъ же, между многими другими находками сдѣланы были гробницами, Гр. Уваровъ, однако, не счелъ быти изгребеній, въ которыхъ, вѣроятно, уже не обнаруживалось изгребеній. Въ первомъ погребеніи, лежащемъ на глубинѣ болѣе 1 арш., на верху слоя щебня, найденъ 7 сосудовъ, почти все въ опрокинутомъ положеніи, и елици изъ розоваго кремня. На сосудахъ замѣнены слѣды угля. Тутъ же обнаружены ризы весьма грубыхъ валуновъ, были молоты, также относящихся къ погребенію. Во второй могилѣ найденъ кремневое долото, каменный бросокъ, 3 цѣлые сосуда, въ опрокинутомъ положеніи, и черепки отъ четвертого, тутъ же еще найдены каменный молотокъ, а еще ниже кремневое долото. Въ третьемъ погребеніи оказались 3 сосуда (изъ нихъ одинъ поставленъ въ другой), вблизи кремневое долото, въ одномъ изъ сосудовъ найдены уголь и кремневая стрѣла. Въ четвертомъ погребеніи найдены каменный молотокъ, черепки посуды и при нихъ тонкій слой угля; въ пятомъ при остаткахъ костяка найдено 17 сосудовъ разной величины, меньшие въ большияхъ, нѣкоторые въ опрокинутомъ положеніи; въ шестомъ при остаткахъ скелета черепки, вблизи черепа угля.

Важнѣйшіе предметы Фатьяновскаго могильника изображены на рис. 41 — 64. По замѣчаніямъ гр. А. С. Уварова, явное извѣстно рис. 64, по видимому, выковано, а не вылито, на стволѣ одного изъ черепковъ имѣлось желтое пятно отъ мѣднаго предмета, брѣзговатымъ иски разнообразныхъ цвѣтовъ и далеко не все мѣстномъ происхожденіи добротные валуны имѣются тутъ же изъ холма. Въ могильникѣ найдены пригнѣски изъ зубовъ кабана, рыси, медвѣди, лиса и собаки. Гр. Уваровъ колебался, въ какомъ періоду отнести Фатьяновскій могильникъ, и остановился на каменномъ вѣкѣ въ виду того, что явными вещами въ немъ обнаружено ничтожное количество, въ образѣ погребенія не замѣтно отличія отъ каменнаго вѣка, сосуда не имѣютъ ручки. А. П. Орбанинское относитъ находки могильника къ едному вѣку. Правдѣ ли справедливо предположеніе гр. Уварова о томъ, что вблизи могильника находилось поселеніе той же поры. (Гр. Уваровъ. Каменный вѣкъ, т. I 396—412, т. II, табл. 26—28. — Катанскія собранія древностей гр. А. С. Уварова. М. 1887 г., стр. 17—19.)

А. К. Ивановскій, преимущественно раскопки въ могильникѣ, описалъ гр. Уварова, однако, въ послѣднемъ издѣніи, являющемся значительнымъ оружіемъ, костякомъ же не отыскалъ.

Рис. 41.

Рис. 42.

Рис. 43.

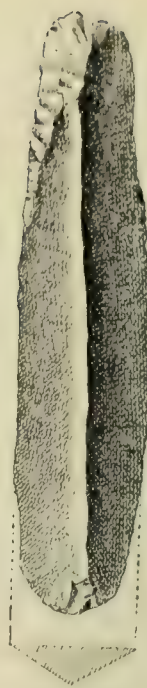

Рис. 44.

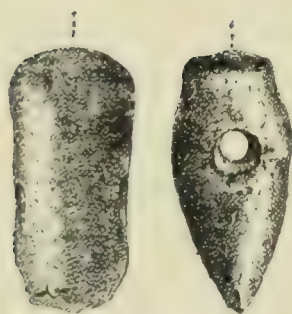

Рис. 45.

Рис. 46.

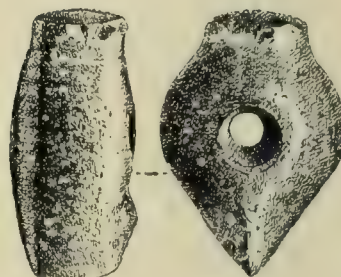

Рис. 47.

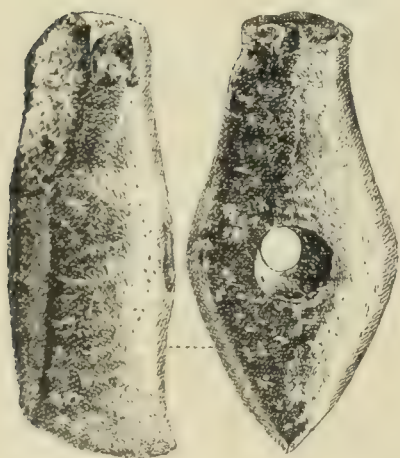

Рис. 48.

Рис. 49.

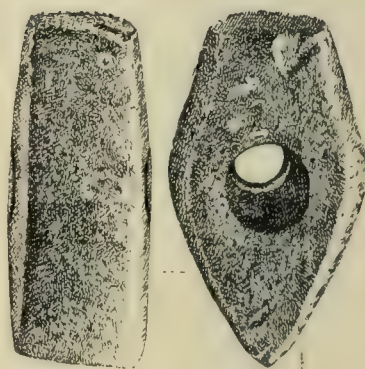

Рис. 50.

Вещи рис. 42—44 въ $\frac{2}{3}$, остальные въ $\frac{1}{2}$.

Фатьяновскій могильникъ.

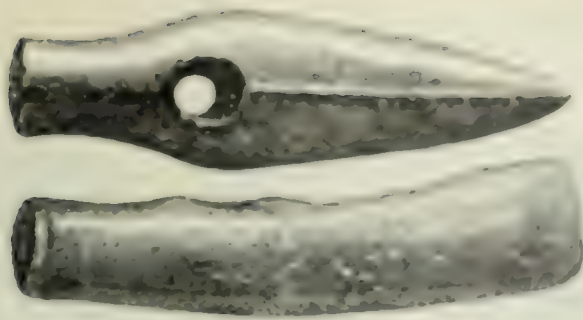

FIG. 55

FIG. 54

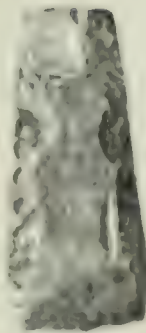

FIG. 51

FIG. 56

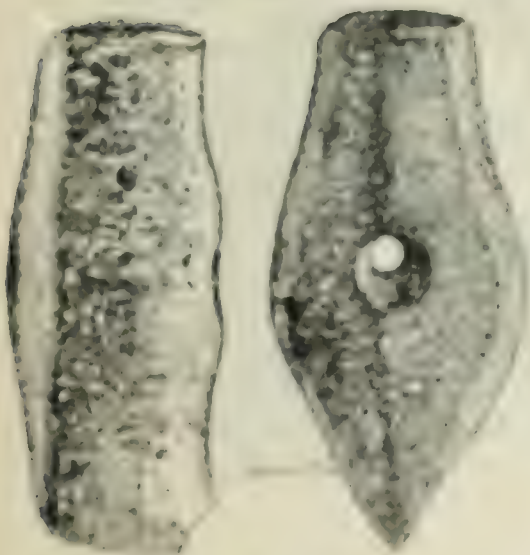

FIG. 52

FIG. 53

FIG. 57

THE MUSEUM OF THE BUREAU OF
 GEOLOGICAL SURVEY

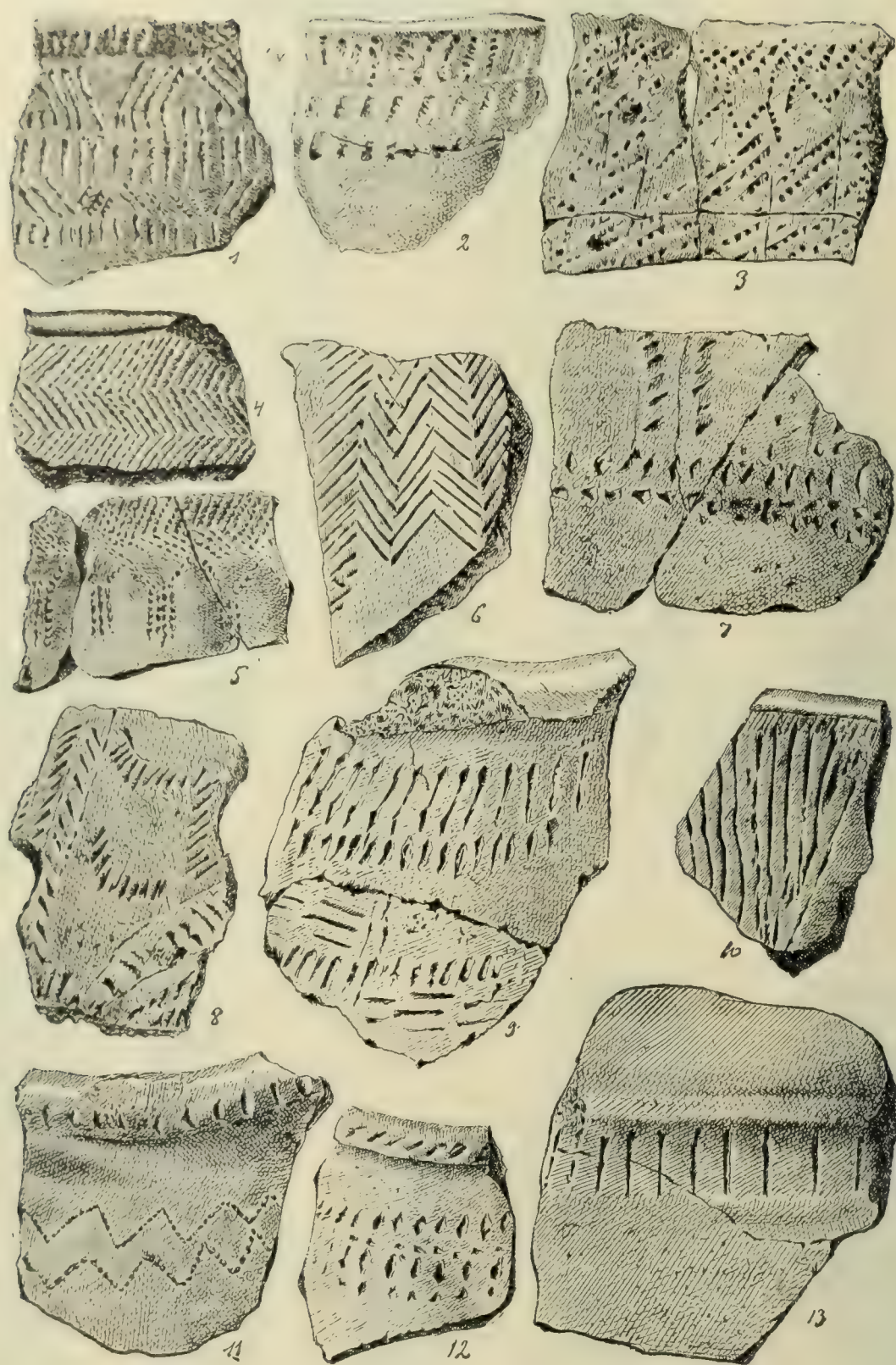

Рис. 58. ²/₃.

Фатьяновскій могильникъ.

Fig. 10-11.

—POTTERIES OF THE ANCIENTS—

Рис. 60. $\frac{1}{1}$.

Рис. 61. $\frac{1}{1}$.

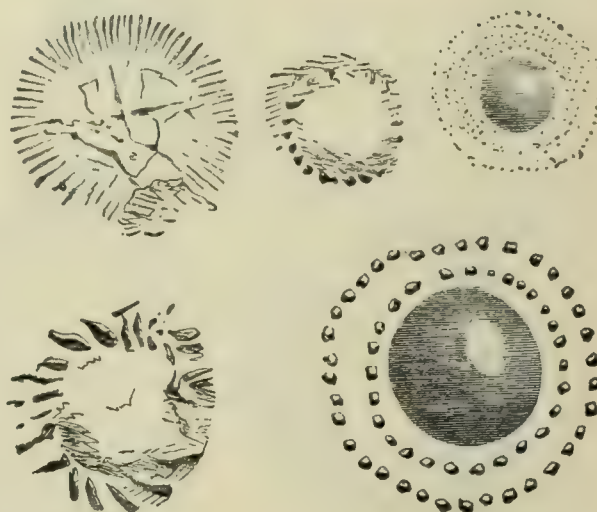

Рис. 62.

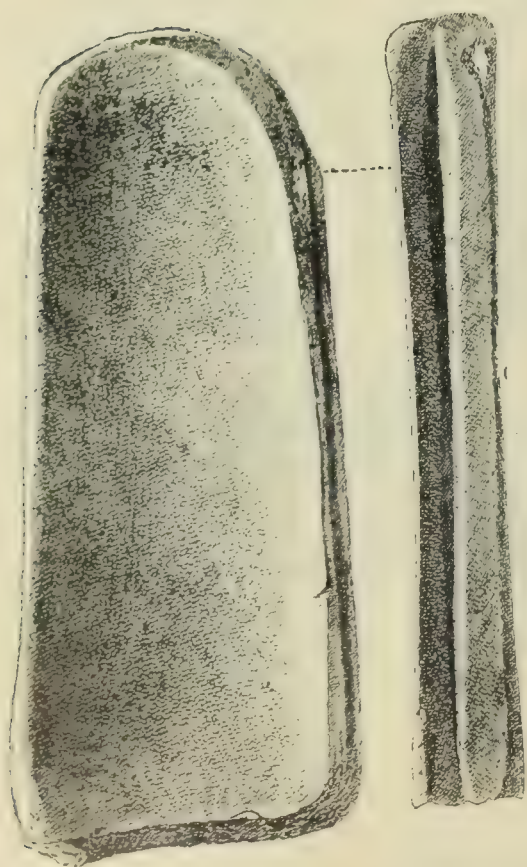

Рис. 63. $\frac{1}{3}$.

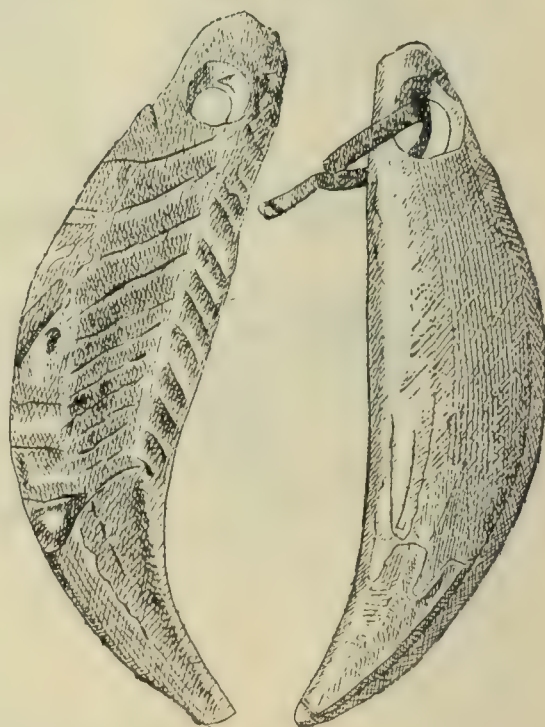

Рис. 64. $\frac{1}{1}$.

Въ 1878 г. на могильникѣ контрольными работы произвелъ Н. С. Поляковъ, отыскавшій здѣсь одно погребеніе, весьма бѣднѣе другихъ. Оно на глубинѣ 1½ арш. имѣло 3 глиняныя урна въ равной величинѣ, одна въ другой, и тутъ же обнаружилъ грубую керамику, носившую слѣды какого-то приспособленія. На одномъ изъ нихъ лежалъ отличный кремневый клинъ (рис. 66). Въ другомъ мѣстѣ, поспавшому, не тронутому позднѣйшими раскопками, Поляковъ нашелъ галетею меднаго козленка. Интересна находка топора изъ глинистой глины (рис. 65), съ грубо выдѣланною сверлишкою. (Антропологич. Выставка, т. III, 188—192).

Рис. 65. 2.

Рис. 66. 2.

Дальнѣйшихъ раскопокъ нѣмѣе не было произведено, въ виду того, что края карьера загромождены землею ¹⁾.

№ 6. Селевскій. На Волотовой горѣ близъ г. Селевкинъ Костромскаго у., находили много каменныхъ орудій, — преимущественно, при достаткѣ или нѣтъ. («Археологич. Извѣстія» 1897, 196).

Дальнѣ могильники мѣстами переходятъ на правый берегъ Волги, гдѣ они извѣстны отъ Ярославля до Суры.

№ 7. Великосельскій. На краѣ озера близъ г. Великаго, Ярославскаго у., въ карьерѣ при добываніи вагранокъ въ 1889 и 1890 гг., вмѣстѣ съ человѣческими костями, были найдены: 1) каменные клины, 2) кремневые ножи, каменный молотокъ, нѣскольکو каменныхъ оружіи на подобіе пугалокъ, съ черточками, и, поспавшому, еще нѣскольکو предметов,

¹⁾ Не знаемъ, гдѣ находится каменный Палеолитическій и Палеолитическій каменный.

попавшіе отчасти въ Ярославскую архивную комиссію, отчасти въ руки Н. А. Ушакова. Вещи комиссіи изображены на табл. XXIII. Всѣхъ кремневыхъ ножей три, величиною 10,5; 8,2 и 14,5 сант. (послѣдній на рис. 1). Изображенный ножъ изъ хорошаго кремня розоваго цвѣта съ пятнами (оба лезвія поддержаны), второй изъ того же матеріала, но съ широкою желтою коркою, а третій изъ сѣраго кремня, очень плохо обработанный, толстый, почти негодный къ употребленію. Клинь рис. 2 изъ отличнаго свѣтло-розоваго кремня съ темными пятнами, прекрасной техники, остріе обработано неравномерно, такъ что подѣлка употреблялась, вѣроятно, для горизонтальныхъ ударовъ. Клинь № 4 длиннѣе и тоньше, остріе срѣзано равномерно, матеріалъ — сѣрожелтый кремень съ красными крапинками. Маленькій молотокъ № 3 изъ мѣстнаго матеріала и грубой работы. Молотокъ № 7—8 почти тождественъ съ Фатьяновскимъ рис. 55; слѣдовъ употребленія не имѣетъ. Верхняя поверхность молотка № 5 почти совершенно ровная, такъ что по краю ея образуется грань; остріе отточено превосходно и совершенно свѣжо.

Въ 1895 г. могильникъ былъ посѣщенъ мною, причемъ пробною расконкою обнаруженъ былъ скелетъ, въ скорченномъ положеніи, головою на Ю.-В., при которомъ найденъ отличный круглодонный сосудъ (рис. 69) и неопредѣленные костяныя заостренія; подъ спиною проходилъ примѣтный слой мелкаго угля. Внѣ погребеній найдены вещи, изображенные на табл. XXIV, а также кости животныхъ (Отчетъ Императорск. Археологич. Комм. 1895, 36).

Въ 1896 г. могильникъ былъ болѣе основательно изслѣдуемъ В. А. Городцовымъ, открывшимъ здѣсь 2 погребенія, изъ которыхъ одно оказалось вполне сохранившимся. Костякъ лежалъ также въ скорченномъ положеніи, головою на З., въ ямѣ съ неправильными боковыми стѣнками; при немъ найдена небольшая свернутая мѣдная пластинка, 2 небольшие горшечка и 2 костяныя орудія, изъ которыхъ одно орнаментировано (табл. XXV). На глубинѣ 4—5 верш. отъ верху въ могилѣ замѣченъ небольшой слой золы и угля, а еще ниже прослойка изъ валуновъ среднихъ размѣровъ¹⁾. Въ другомъ погребеніи найдено ожерелье изъ птичьихъ костей и звѣриныхъ зубовъ, а внѣ погребеній — черепки и небольшой кремневый скребокъ. Въ 1899 г. тѣмъ же лицомъ на могильникѣ найдено было еще одно погребеніе. Костякъ лежалъ на правомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на С.-З.; у праваго ко-

---

¹⁾ *Городцевъ*. Раскопки могильника на Черной горѣ. „Ярославск. Вѣд.“ 1898 г. (п отдѣльно).

дѣла найдено костяное орудіе въ видѣ прямого жура (Рукописная отчетъ о раскопкѣ).

№ 8. Чижевскій. Расположено на возвышеніи н.м. 245 в. отъ д. Чижова, на полѣ Яхорникова, притяго Кострома. При раскопкѣ кургана въ 1823 г. Костромского артиллерійскаго комиссара на возвышеніи открытъ шарообразный сосудъ мѣднаго пѣла (рис. 67); обстоятельства находки остались не выясненными.

№ 9. Нерехтскій. Каменные орудія и черепа были находимы на Егорьевой горѣ близъ Нерехты ¹⁾.

№ 10. Рождественскій. Близъ с. Рождественскаго Нерехтскаго у. (у с. Тафонова) въ 1870-хъ г.г. найдены были на глубинѣ 5 арш. каменный молотокъ, вмѣстѣ съ костями. Хотя Керцелли не нашелъ здѣсь никакихъ погребеній, но возможно, что они имѣются ²⁾.

Рис. 67.

№ 11. Чуркинскій. Могилиныя открыты В. И. Каменискимъ, и имъ же раскопаны въ 1902 г. Описание этой раскопки помѣщается въ слѣдующей статьѣ. Всѣхъ погребеній найдено три. Могилиныя ямы широки, неправильной формы, дно у двухъ покрыто небольшими глыбами земли съ углемъ, стѣнки одной обжаты красною глиной. Верхъ одной ямы имѣлъ вынутую форму, какъ въ одномъ изъ погребеній Богомоловскаго могильника. Въ землѣ, выходящей изъ ямы, встрѣчались угли и камни. Костяныя не сохранились. Поименному, они лежали головками на З. Находки: значительное количество небольшихъ шарообразныхъ и круглыхъ камней, изъ которыхъ иные лежали поверхъ лопатки, 2 лопатки, каменные клинья и иные поделки, мѣдное кольцо.

№ 12. Сергачскій. Могилиныя въ с. Сергачѣ на слоб. Савинской, у кирпичнаго сарая. Здѣсь при добычѣ глины на глубинѣ 1—3 арш. находимы были сосуды съ круглымъ дномъ и разными горлышками, иногда покрытые орудиями, рваной медью, но прямоу-

¹⁾ Записка Памятника старому Костромскому уѣду. Архивъ Палеонтологическаго музея, 1897. 186.

²⁾ Антропологическаго Института. II тѣр. 8 и 206.

пространно небольшие, отъ одного до пяти вмѣстѣ. Въ одномъ сосудѣ былъ кирпичъ черный илифованный молотокъ, въ другомъ—угли. Разработка глины занимаетъ нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень ¹⁾).

Въ Нижегородскомъ земскомъ музеѣ до 1893 г. хранился мѣдный молотокъ, вылитый по образцу подобныхъ издѣлій изъ камня, и небольшой сосудъ съ круглымъ дномъ и широкой шейкой. По свѣдѣнiямъ, собраннымъ нами при любезномъ посредствѣ А. А. Савельева, вещи эти получены были изъ с. Чукалы, Сергачскаго у. (быть можетъ, изъ какого-нибудь могильника).

На Антропологическую выставку представленъ былъ каменный молотокъ, найденный при копанiи могилы въ с. Зайцевѣ, Ржевскаго у. ²⁾). Если молотъ лежалъ въ материковой землѣ, то тутъ можно предполагать могильникъ.

Не знаемъ, въ какомъ отношенiи описываемые волжскiе могильники находятся къ подобнымъ окскимъ. Последнихъ пока извѣстно три, Волосовскiй, Нарминскiй и Борковскiй. Первый найденъ и отчасти раскопанъ гр. А. С. Уваровымъ, который близъ извѣстной Волосовской стоянки каменнаго вѣка вскрылъ 5 погребенiй, повидимому, такихъ же, какъ волжскiе. Цѣлыхъ костяковъ не было найдено, но по тому, что головы погребенныхъ лежали на боку, а руки у головы, можно заключать о погребенiи труповъ въ скорченномъ положенiи. Найдена подстилка изъ угольнаго слоя. Находки незначительны и не характерны: кремневый наконечникъ стрѣлы въ формѣ лавроваго листа, горшечикъ съ прямымъ дномъ и крупнымъ ногтевымъ орнаментомъ. Въ одномъ горшечкѣ лежали сожженные кости животнаго. Измѣренный черепъ оказался суббрахицефаломъ ³⁾). Могильникъ при с. Нармѣ Елатомскаго у. еще никѣмъ не тронутъ. Костякъ, найденный на Борковскомъ островѣ близъ Рязани, лежалъ на правомъ боку, головою на З. Въ головахъ его стоялъ горшечекъ, имѣющiй насѣчку изъ наклонно-параллельныхъ черточекъ по краю прямого вѣнчика ⁴⁾). Видимо, что обрядъ погребенiя двухъ перечисленныхъ могильниковъ близокъ къ наблюдаемому въ поволжскихъ, по датѣ аналогiи пока не идутъ.

Впрочемъ, представляется весьма вѣроятнымъ, что могильники Фатьяновскаго типа окажутся и на Окѣ. По крайней мѣрѣ, В. А. Городцо-

¹⁾ Въ архивѣ Императ. Археологической Комиссiи дѣло 1892 г. № 59.

²⁾ Антропологическая выставка т. II, 23.

³⁾ Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, стр. 298—311, 321 (рис.).

⁴⁾ Черепнинъ, Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края. Рязань 1896 г. стр. 11.

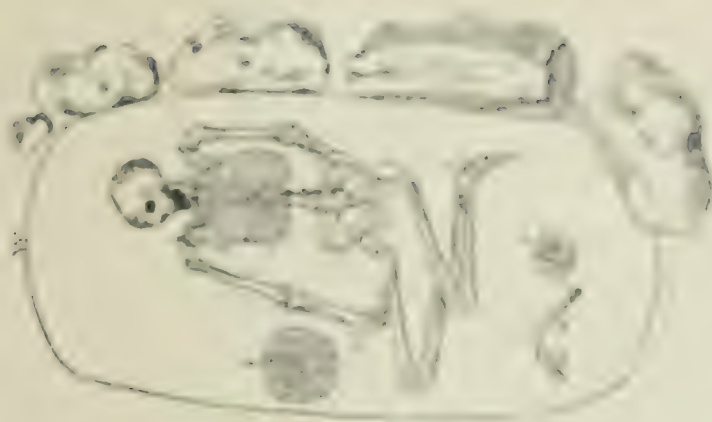

FIGURE 1. BURIAL 100, 1911.

вымъ по разному теченію р. Они найдены послѣдніе въ формахъ мѣднаго вѣка, на которыхъ, по его словамъ, встрѣчаются, между прочимъ, и черепки съ орнаментомъ Волжско-камскихъ мотыльковъ (Дубровини, Алесанова, Сумбулова). Конечно, весьма существенно, что фатьяновская культура проникла на Волгу именно по Окѣ. Впрочемъ, въ отношеніи о началѣ мѣднаго вѣка въ этой мѣстности необходимо подходить съ большою осторожностью, какъ это видно на примѣрѣ древняго поселенія, открытаго г. Чувымъ въ д. Давыдовичи. Гривцоваго у. Зѣбсь были найдены каменные топоры, кремневые стѣпны, мѣдный ножъ оббитыго типа и другія послѣлки, имѣвшія прямое отношеніе къ фатьяновскому мотыльку, но черепки оказались совершенно иными — съ амочнымъ и зубчатымъ орнаментомъ каменнаго вѣка.

Среди русскихъ древностей мотыльковъ Фатьяновскаго типа ближайшія аналогіи имѣютъ въ волжскихъ курганахъ съ погребеніемъ скорченныахъ костяковъ, особенно же въ нѣкоторыхъ зубанскихъ. Больше всего поражаетъ сходство посуды, какъ въ формѣ, матеріалѣ, такъ и въ орнаментѣ, штриховомъ и также располнѣвающимся по поверхности

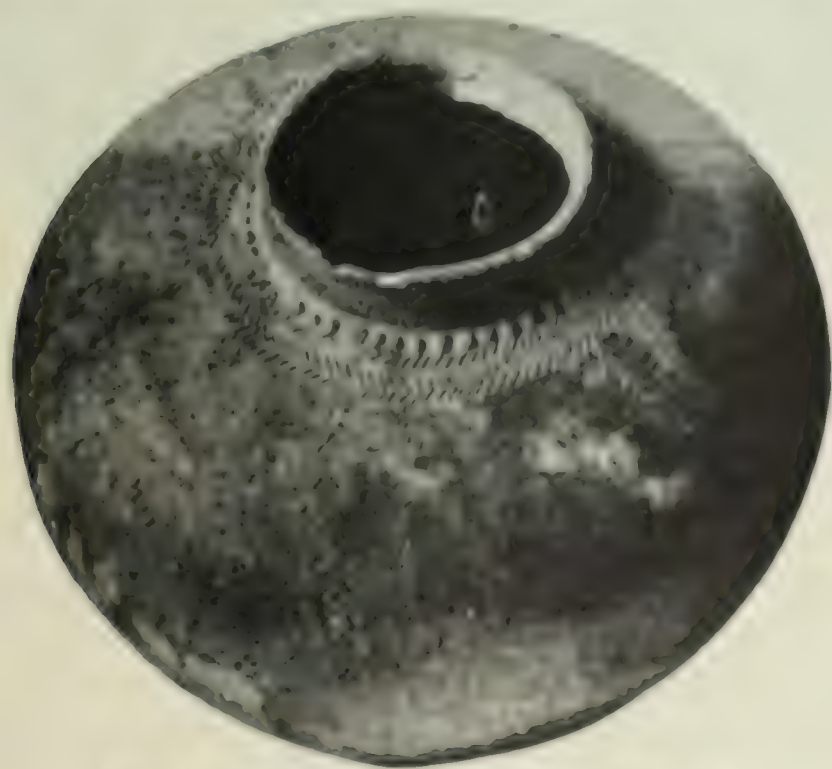

Рис. 68. Кург. Пар. курганъ Сѣвернаго уѣзда.

сосуда отдѣльными позолоченіями (рис. 68). Характерна была и другая особенность, какъ на Фатьяновскихъ, такъ и на зубанскихъ круглодонныхъ сосудахъ порѣдно имѣются на нихъ, съ наружной стороны амочки, иногда орнаментированныя (рис. 62). Изъ волжскихъ фатьяновскихъ каменныхъ топорковъ явственно отличаются: лишь въ то-

кихъ же подѣлкахъ кургановъ кубанскихъ, ставропольскихъ и таврическихъ, гдѣ они достигаютъ высшаго расцвѣта. Обрядъ погребенія тотъ же самый ¹⁾. Если въ фатьяновской культурѣ погребеніе совершается не въ курганахъ, то все же непременно на возвышеніяхъ курганнаго вида. Другія черты сходства: ожерелья изъ звѣриныхъ зубовъ и костяныхъ грубочекъ, мѣдныя колечки, одинаковая форма клинцевъ, тамъ изъ мѣди, здѣсь изъ кремня: тонкіе и длинные кремневые фатьяновскіе ножи найдены также въ кубанскихъ курганахъ и близки къ мѣднымъ пожамъ, столь обычнымъ въ курганахъ со скорченными костяками. Черепъ кость-

Рис. 69. Великосельскій могильникъ. ¹/₂.

ковъ и тамъ, и здѣсь длинноголовые; впрочемъ, эта черта хотя и должна быть отмѣчена, но не имѣетъ особеннаго значенія. Непосредственной связи фатьяновскихъ могильниковъ съ курганами даннаго типа средней Россіи пока мы не можемъ установить,—наоборотъ, посуда орловскихъ и воронежскихъ кургановъ съ скорченными костяками совсѣмъ не та, что въ поволжскихъ могильникахъ мѣднаго вѣка, но тѣмъ не менѣе, близость той и другой культуры виѣ сомнѣнія. Будущее покажетъ, въ какомъ именно отношеніи находятся онѣ другъ къ другу по времени и народностямъ.

¹⁾ *Спицынъ*, Курганы съ окрашенными костяками. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. XI в. 1 и 2, стр. 53—133.

Такъ какъ культура Фатъановская значительно отличается совершено-нымъ образомъ среди мѣстныхъ древностей и не имѣетъ никакого отношенія къ туземному каменному вѣку, который постепенно переходитъ къ культурѣ желѣза уже до нѣкоторой степени обнаруживается, то не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что мѣстный вѣкъ извѣстенъ на Волгѣ благодаря съ какою-то пришлымъ населеніемъ? Вънѣдѣ этого вопроса допустить при-наличіе такихъ свѣдѣній, которыя однако, конечно, весьма недостаточны. Если это населеніе пришло, то когда оно ушло съ него и какаа судьба его постигла, гдѣ его живые остатки? Извергло ли оно постепенно при новыхъ, болѣе тяжелыхъ условіяхъ жизни, или передвину-лось далѣе, или вернулось обратно, или же умножилось на мѣстѣ, при-способившись къ жизненнымъ условіямъ новой родины и жизни среди насъ въ видѣ болѣе или менѣе значительнаго элемента? Только архео-логія ставитъ эти вопросы, и только она современно, можетъ дать на нихъ отвѣты.

А. С.

Раскопки близъ г. Балахны.

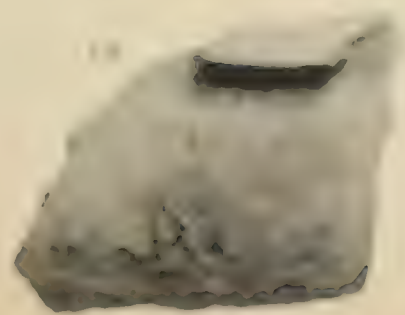
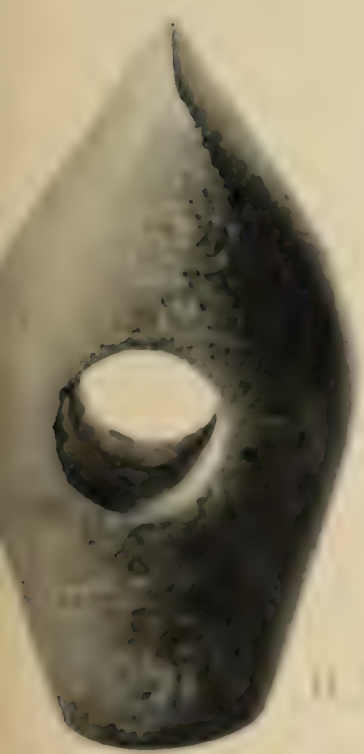
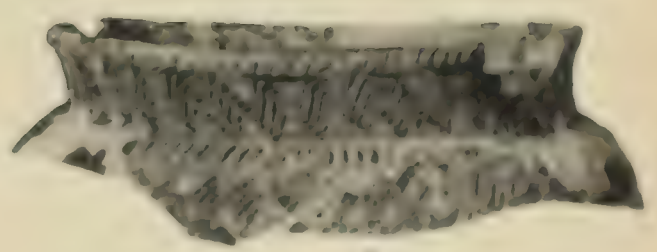
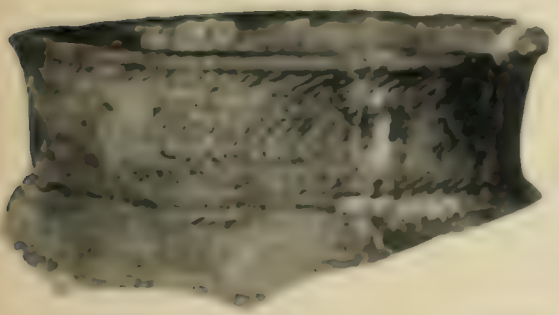
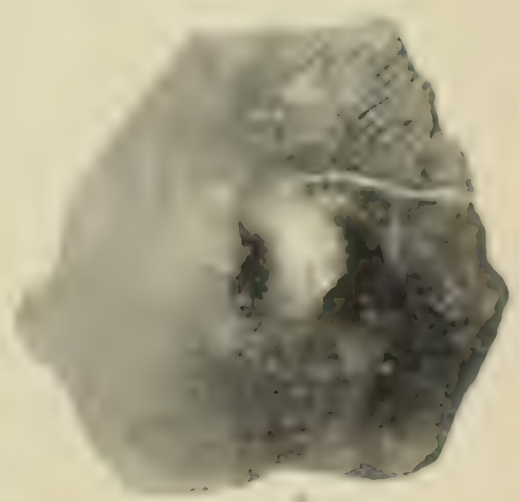
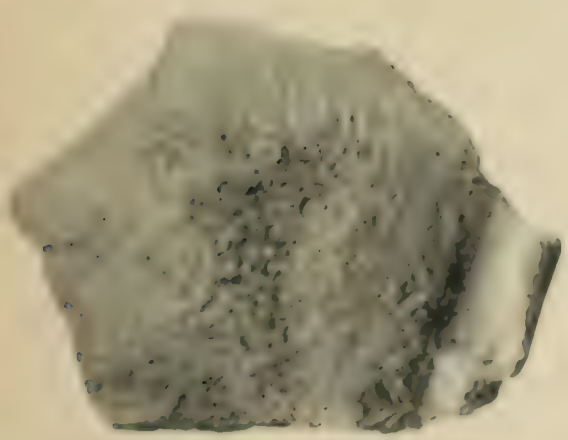
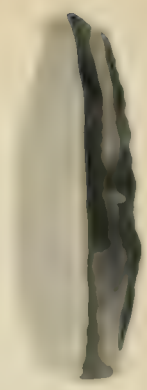
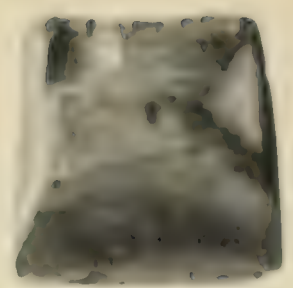
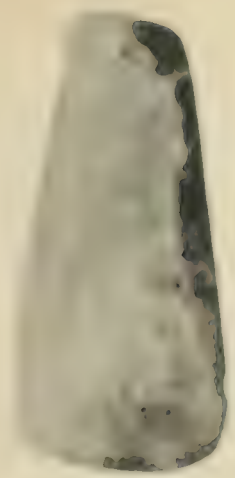
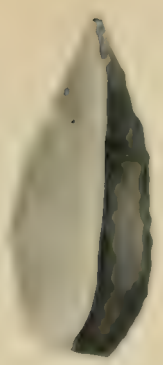
Развѣдки 1901 г. Верстахъ въ 12-ти по прямому пути отъ г. Балахны и въ 45-ти вер. отъ Нижняго-Новгорода находится мѣстность, называемая «Жары». Она представляетъ изъ себя плато, деформированное тальвегами ¹⁾ и волнообразно идущее подъ уклономъ съ С.-В. на Ю.-З. Плато господствуетъ надъ громаднымъ пространствомъ Волжско-Окской низины; съ ея высотъ, напримѣръ съ Рыловой Горы, открывается столь далекий кругозоръ, что въ ясную погоду можно свободно различать на горизонтѣ бѣлѣющія точки церквей не только Балахны, но и Городца, и Нижняго-Новгорода. По предположенію проф. Докучаева, восточные берега описываемаго плато представляютъ не что иное, какъ высоты древняго берега Оки, впадавшей первоначально въ Волгу верстъ на 40 выше теперешняго своего устья, т.-е., по крайней мѣрѣ, около дер. Воняты. Но затѣмъ, вслѣдствіе упорнаго стремленія подмывать свой правый берегъ, Ока постепенно отступала вправо, на востокъ, оставляя послѣ себя характерные слѣды давно исчезнувшей дельты: болота, старицы, озера, протоки и длинныя гряды дюнныхъ холмовъ, идущія въ этомъ мѣстѣ въ перекрестъ теченію Волги и, слѣдовательно, болѣе или менѣе параллельно современному руслу Оки.

За исключеніемъ немногихъ покрытыхъ сосновыми рощами, эти дюны имѣютъ видъ бугровъ, иногда значительной высоты, почти обнаженныхъ или скудно поросшихъ мелкою растительностью. Вообще довольно пологія, онѣ обрываются крутыми склонами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ берегомъ какого-нибудь притока Волги, какъ это наблюдается у г. Балахны; здѣсь волнистая гряда такъ называемыхъ «Панскихъ Бугровъ» составляетъ правый высокій берегъ рѣчки Желѣзницы. На этихъ-то склонахъ (западныхъ) мною обнаружены были слѣды перво-

---

¹⁾ Долина высохшей рѣчки.

бытной жизни человека, как много ранее найдено было еще этой местности проф. В. В. Докучаевым.

*Углистый культурный слой, представляющий толщину 1—1½ а ф., встречается весьма часто во всей области распространения упомянутого слоя: он то залегает на самой поверхности, то оказывается на глубине или менее значительной глубины, будучи занесенный ветрами более поздних происхождений. Ясно, что большинство этих холмов было обитано извнутри пещер. Но более разнообразные памятники и предметы культуры, как-то: черепки битой посуды, остатки рыбных костей, кремневые и пестанниковые орудия и т. д. находят только в окрестностях с. Балахины, с. Б. Козина, д. Монастырской и Пановской. Судя по многочисленным черепкам, глинная посуда была весьма грубой и толстой, черепки очень толстые, плохо обожжены (серого цвета) и сделаны из глины перемешанной крупными зернами кварцевого песка. Рисунок, наблюдающийся на черепках, крайне интересный, — это сочетание прямых и ломаных линий и точек. Такие же грубые изделия и орудия, особенно же большие из красноватого песчаного. Они имеем вид наконечников стрел, вертела скребков. Но рядом с этими грубыми изделиями встречаются и весьма изящно сделанные из крошки более мелкие орудия — ножи, скребки и пилы ¹⁾ и т. д.

В. А. Горюнов многократными стоянками каменного века нашел на холмах близ самого Нижнего-Новгорода ²⁾. Близ упомянутой области распространения таких холмов то следы обитания доисторического человека не ограничиваются данной местностью, а идут и далее вверх по течению р. Оки. Наблюдая это можно видеть как следующие гр. Уварова, Подкова, дн. Голубина, с. Горюнова, совершенно аналогичные явления наблюдаются во многих облюбованных ими местах по среднему и нижнему течению р. Оки.

Много на Пановской бузине была найдена небольшая находка глиняных черепков. Там, где дерновый слой, сменяется слоем из массы гравия и песка, большими кучами сложены камни и обломки различной пестановой посуды (серый и желтый цвета), они встречаются целыми горами. Собранные камни черепки и т. д. относятся к Докучаевскому, хотя они так же грубы и толсты, как и те, что из красной глины, и т. д. и т. д. черепки состоят из глины, как и те, что в грубых разном, конусообразных, донцах и бороздах, но края шероховатые.

¹⁾ См. отчет проф. Докучаева Нижегородскому обществу, 1885 г., стр. 145.

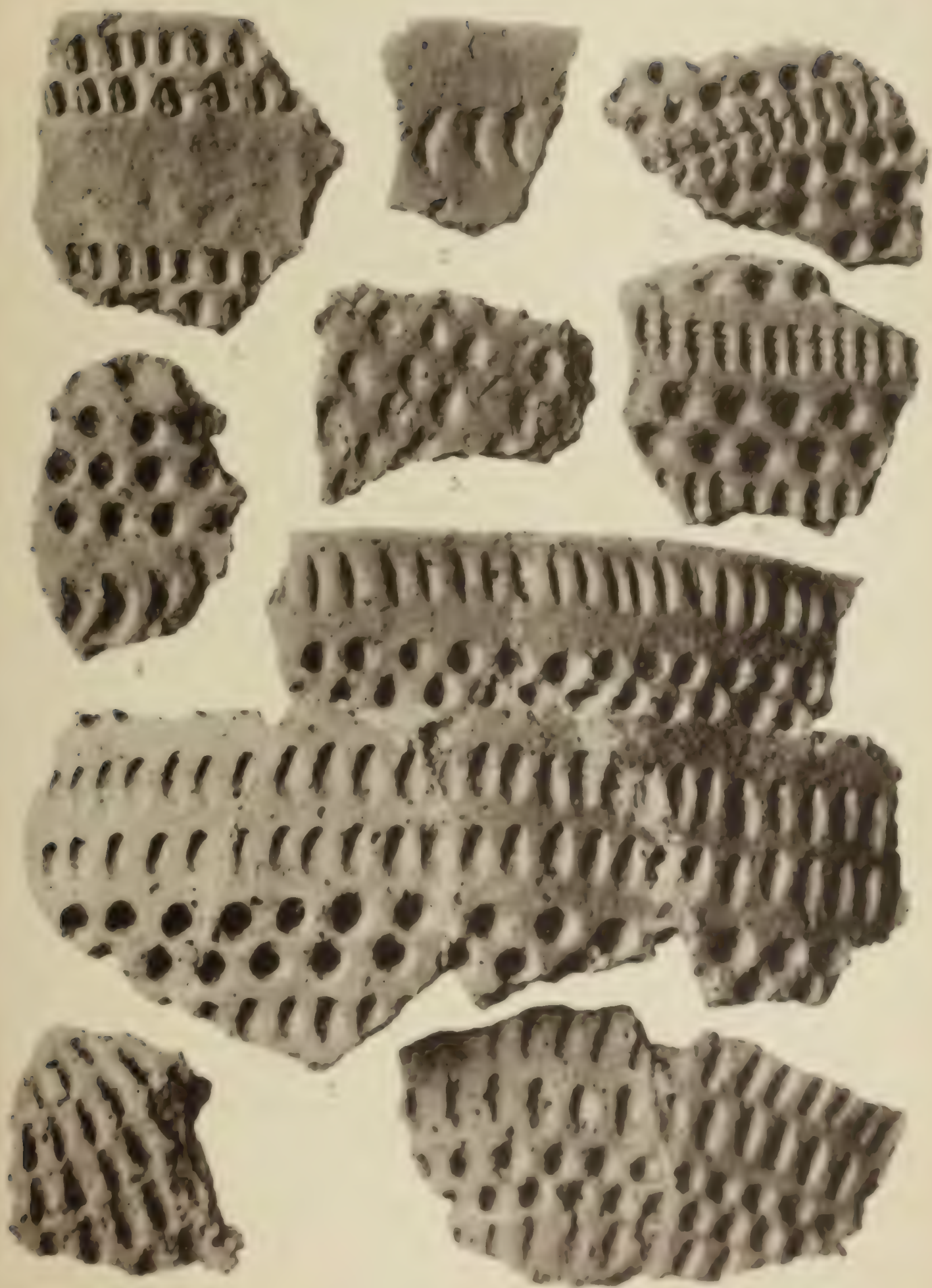
²⁾ Горюнов, Сведения о каменном веке, собранные им в окрестностях Нижнего-Новгорода, изд. 1887, стр. 21.

и крайне слабо выраженного вѣтрика встрѣчаются рядами серповидные слѣды нажима, сдѣланнаго ногтемъ. Иногда замѣчаются искусственныя поцарапанія этимъ ногтевымъ слѣдамъ. Дно у горшковъ было коническое (см. Табл. XXVII и XXVIII).

Мои разсѣдованія балахнинскихъ бугровъ имѣли болѣе или менѣе случайный характеръ, главный же интересъ представляла для меня раскопка въ Жарахъ могильника на такъ называемой «Шишкѣ», расположенной почти у самой д. Чуркиной и имѣющей видъ отдѣльнаго возвышенія, покрытаго небольшою сосновой рощей. Холмъ этотъ, составляя какъ бы вторую террасу широкой Бабской Горки, загачиваетъ собой возвышенность Жары и господствуетъ надъ всей юго-восточной стороной, куда выступаетъ болѣе крутымъ скатомъ. Здѣсь, примѣрно по серединѣ ската, наблюдаются остатки вала ($1\frac{1}{2}$ —2 ф. выс.), идущаго подъ прямымъ угломъ съ С. и З. на Ю.-В. Отъ подошвы Чуркинскаго холма мѣстность еще болѣе понижается, круто обрываясь на В., а къ Ю. постепенно переходя въ болота, которыя отсюда начинаются долиной р. Трестяны. Отстоя отъ Нижняго-Новгорода приблизительно въ 45 вер. (зимнимъ путемъ), могильникъ лежитъ немного въ сторонѣ отъ дороги, называвшейся въ старину «Балахонкой» и шедшей на Суздаль отъ Нижняго и Балахны, мимо Чуркина, Замятина, погоста Николы Суковатаго, построеннаго, по преданію, будто бы кн. Пожарскимъ, и далѣе на сельцо Юрино, гдѣ, по тому же мѣстному преданію, стоялъ неподалеку походный дворецъ кн. Пожарскаго, а нынѣ еще существуетъ давно уже остающаяся безъ пѣнія и обращенная въ часовню деревянная церковь (Казанская), также, говорятъ, имъ построенная.

Положеніе могильника у большой дороги давало нѣкоторый поводъ связывать его происхожденіе съ эпохой Смутнаго времени; крестьянинъ сельца Бабья, указывая мнѣ этотъ шиханъ, былъ вполне увѣренъ, что здѣсь погребены въ общей могилѣ «паны», вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ. Изъ литературныхъ источниковъ неизвѣстно, чтобы въ этой именно мѣстности происходило какое-либо сраженіе; но весьма возможно, что и сюда заходили польско-литовскія или мятежныя войска. Говорятъ, одно такое сраженіе имѣло мѣсто верстахъ въ 5-ти отъ д. Чуркиной у «Долгаго Моста» (названіе гати), другое—верстахъ въ 10-ти, у «Талашманихи». На чемъ основано такое указаніе, мнѣ такъ и не удалось узнать; но что въ окрестностяхъ д. Чуркиной находятъ слѣды военныхъ передвиженій, это несомнѣнно. Мѣстные жители подбирали здѣсь раньше немалое количество разнаго рода оружія, даже ратныхъ доспѣховъ; такъ, въ лѣсахъ находили какія-то «мѣдныя головы», по полямъ и оврагамъ—

ленты, латан кремиковых рудой, жара. Так пожелалъ заготовить выдѣлать приобрести два разныхъ вида пазоночныхъ лентъ и крутима тугоплавкая латра различной величины и вѣса (отъ 1/2—3 ф. л.).

Возмущение могло быть также русскимъ жидышомъ или же курганомъ, какому въ данной мѣстности нѣбось уже нѣтъ. Крестикомъ археологомъ Н. Д. Дружанинымъ въ 1887 г. раскопанъ Рыловскій курганъ, лежащій у стовпанаго жиды Н. А. Дерягина въ Рыловскій горѣ, верстахъ въ 4 отъ Чуркинскаго мѣстечка. Слѣды раскопаннаго уже нѣхана извѣстна на Бабской горѣ у д. Бабьд, въ 1 верстѣ отъ «Шинки». Тамъ на одной похоронѣ, гдѣ въ нѣхалъ, были найдены на время латан кремиковый пазоночный лентъ типа гр. Увар., табл. XXV-3689, похоронѣ вынаживались и челоушескія кости, которые тутъ же гдѣ-нибудь старательно закапывались. Таковы раскопанная похоронѣ, вѣроятно, было гдѣсь и большее количество, но въ теченіемъ времени, отъ постоянной раскопки, они сравнялись съ поверхностью земли. Верстахъ въ 2-хъ отъ д. Чуркина къ Ю.-З. на полехъ д. Ватажной была вынахана крестикъ, переданный нами въ Московскій Историческій Музей. По мнѣнію А. В. Оршника и В. И. Сидорова, крестикъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ курганнымъ украшеніямъ XI—XII вв.

Но никто не могъ предполагать, каковаго рода памятникъ древности Чуркинская Шинка представляетъ собой въ действительности. Назначеніе ея начало было попутно, но другомъ поводу, именно на похоронѣ предполагаемой могилы кн. Подарскаго.

Отъ крестьянина Гузанава я узнала о существованіи преданія, сообщеннаго ему Дружанинымъ, о томъ, что церковь Николая Святиго построена кн. Подарскимъ¹⁾. Крестьяне с. Захитина, концы которыхъ около этой церкви, наткнулись на известковую надгробную плиту, частично разбитую похоронной клятой, что ее долго выписывали отъ старости большими кусками вѣсть съ цѣлемъ, изображавшимъ отъ своей старой могилы. Плитъ сродомъ означены значительныя кости, похоронены величиной и бѣлымъ цвѣтомъ. Кости, собранные на кляотѣ, похоронены были вѣсть съ цѣлемъ похороннымъ, а разрозненные кости плоти на брошены похоронѣ вѣдьей могилы. Мнѣ слѣдующее гдѣсь охотѣе нѣхъ. На одномъ фрагментѣ плиты можно было свободно прочитать: «Авг. 3» на другомъ — слово «камъ» или останки, кроме «вѣдьей» и этого не вырѣзаннаго слова главнѣйшей латра, почему не удалось установить ни мнѣ, ни клонимъ Нижегородской архивной комиссіи, проводившей

¹⁾ См. 8-й Нижегородскій сборникъ, стр. 77—78.

Лит. Родъ отъ Вѣд. Р. Ав. Отъ Т. П.

ми сюда, по моему предложению, для изучения этой археологической находки.

Не удовлетворенные осмотром плиты, мы обратили внимание на Чуркинскую Шиху и произвели на ней, недалеко от западного края, небольшую пробную раскопку, которая определила с ясностью лишь то, что это природный холм, а не курган.

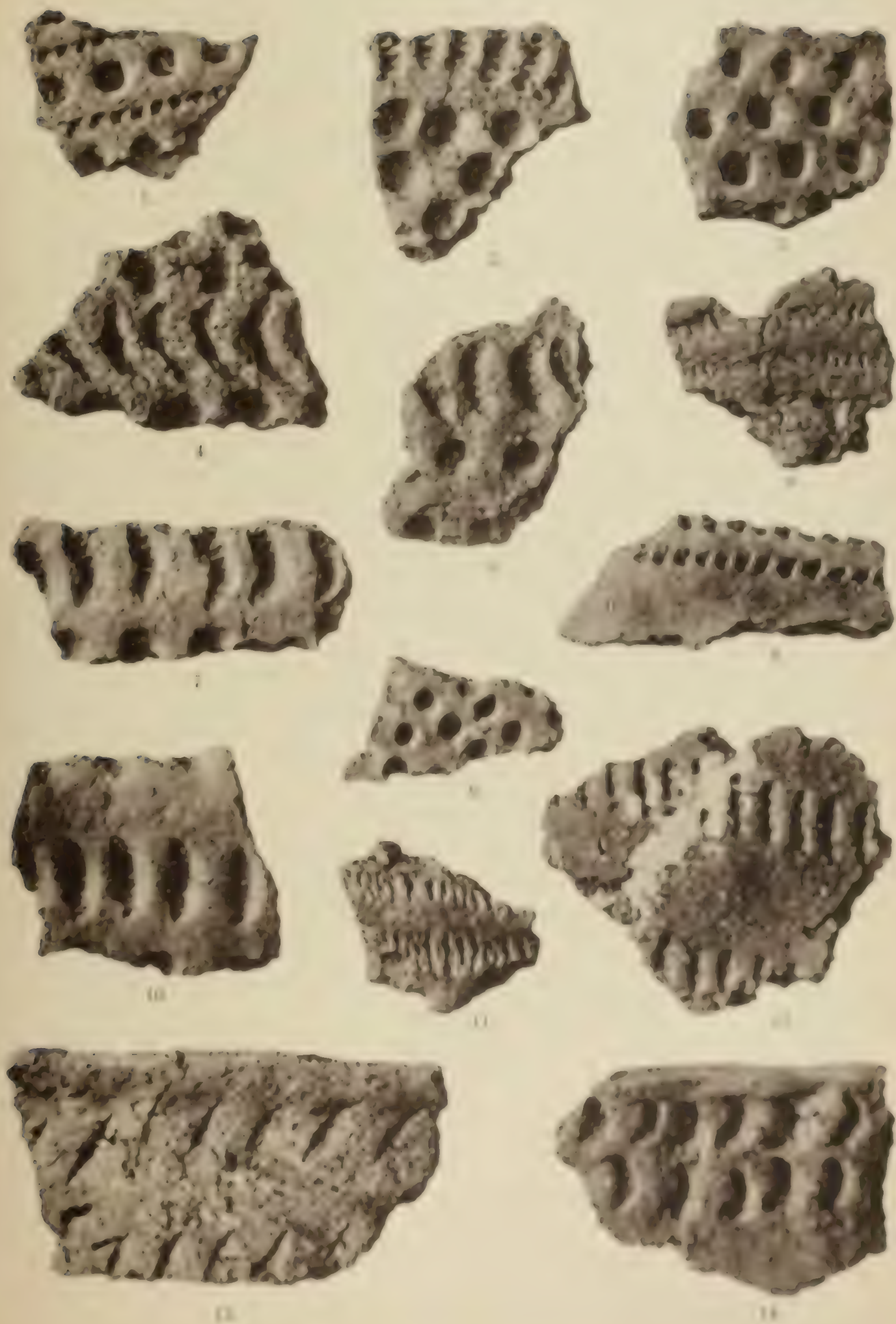
Спустя несколько дней послѣ отъѣзда членовъ комиссіи я предпринялъ болѣе значительныя пробныя раскопки, для чего въ средней части Шихи, пользуясь промежуткомъ между деревьями, мною проведена была канава болѣе 3-хъ сажень въ длину, болѣе 2-хъ арш. въ глубину и до 2-хъ арш. ширины. Никакихъ вещей найдено при этомъ не было. Единственный интересъ представляла лишь находка какихъ-то угольковъ. Кромѣ верхняго, такъ называемаго культурнаго слоя, гдѣ они встрѣчались и отдѣльно, и грудками, и въ видѣ зольныхъ ямокъ, угольки изрѣдка попадались и въ пескѣ насыпи, отдѣльными мелкими зернами. Да еще въ пескѣ на глубинѣ около одной сажени въ серединѣ восточной половины Шихи найдено было нѣсколько осколковъ глиняной тонкостѣнной посуды, покрытой елочнымъ орнаментомъ.

На слѣдующій рабочій день пошли поперечной траншеей (4 арш. шириною) съ сѣвернаго края на южный, перпендикулярно вырытой раньше канавѣ. Тутъ, на разстояніи 1 саж. отъ сѣвернаго края, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., стали попадаться очень плохой сохранности человѣческія кости (берцовыя и затылочная часть черепа), а за ними другія, болѣе свѣжія кости почти полнаго человѣческаго скелета. Послѣдній лежалъ въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головой на З., ногами на В., лицомъ склоненный къ Ю. Руки, очевидно протянутыя вдоль тѣла, сходились въ кистяхъ у лобковаго соединенія. Никакихъ предметовъ около этихъ костей не было; только на разстояніи 1—2 арш. отъ костяка попался одинокій гладкій осколокъ посуды изъ темной, хорошо обожженной глины. При дальнѣйшей раскопкѣ по направленію къ центру было замѣчено, что линія насыпной земли то повышалась, то понижалась, описывая волнообразную кривую. То же явленіе замѣчалось и раньше въ среднемъ разрѣзѣ шихана. Дальнѣйшія раскопки пришлось отложить до будущаго лѣта.

В. Каменскій.

Чуркинскій могильникъ. Могильникъ расположенъ близъ г. Чуркиной, лежащей въ 12 в. отъ Восточныя и западной оконечности Палея, на краю старой долины р. Оки, и расположенъ на слегка возвышенномъ и невысокомъ естественномъ возвышеніи, глыбистой форма, каменномъ «Шишкѣ», въ крестьянскомъ лѣсу. Ширина возвышенія до 15—16 саж., высота до $3\frac{1}{2}$ арш. Холмикъ сложенъ изъ черку съ тонкими горизонтальными прослойками твердаго суглинка и подожженныхъ пластовъ и плотнымъ пластомъ краснаго суглинка («печина»), который густо покрываетъ всю поверхность холма. Этотъ пластъ лежитъ на слое еще болѣе плотной зеленовато-серой глины. Поверхъ черку лежитъ слой культурной земли въ 6—10 верш., смѣшанный съ камнями разной величины, глыбками отъ грунчатыхъ и преимущественно вапни этой местности.

Могильникъ раскопанъ въ 1902 г. В. И. Каменевымъ. Для чего была сдѣлана обширная сплошная выемка земли длиной до 33 арш., шириной до 27 арш., до пласта суглинка. Древнѣйшія вещи найдены были въ восточной части возвышенія, имѣвшаго здесь болѣе крутой бокъ.

№ 1. Могила выступила изъ траншеи болѣе темнымъ пятномъ изъ перекопанной земли, смѣшанной съ мелкими угольками и камешками, а въ боку траншеи было видно, что верхъ могильной ямы имѣетъ выпуклую форму¹⁾. Угольки и камешки шли по всему черку, наполняющему могилу, но болѣе всего ихъ было въ верхней части. Яма была, повидимому, неправильной, овальной формы, длиной около $2\frac{1}{2}$ арш., шириной $1\frac{1}{4}$ арш., глубиной до 3-хъ арш., расположенная въ направлѣніи отъ С. къ В. Стѣнки ямы каменнотекстуричны были красною глиной, слоемъ у нихъ ямы до $\frac{1}{2}$ вер., а выше болѣе тонкимъ. На днѣ въ южной сторонѣ слой бурого песка, въ западной части котораго найдены чернѣеугольный уголь, рядомъ съ нимъ пластинчатое желтое болотное, гнилое дерево и трубочка (рис. 70) и тутъ же деформированный топорокъ (Табл. XXVI № 11), слѣды, приближающіеся къ топороку предположаемаго восточнаго найденія черепки горшка древней медной посуды Фатинновскаго типа и орнаменты (Табл. XXVI № 12), а близъ него кремневый наконечникъ (№ 2). Ниже песка плотный густой суглинокъ.

№ 2. На глубинѣ болѣе 3 арш. дно могильной ямы имѣло въ длину $2\frac{1}{4}$ арш., въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш., а концы ее направлены отъ СЗ на ЮВ. Въ головѣ у южной ямы горнѣеугольный уголь и

1) Карту см. стр. 28, фиг. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

Табл. XXVI, 9), рядомъ другой, дномъ внизъ, и еще груда черенковъ (Табл. XXVI, 6, 7, 13), среди которыхъ оказались 2 кремневые ножичка (№ 1 и 5), а выше, надъ черенками, кремневый клинъ (№ 3). На днѣ въ центрѣ лежалъ короткій кремневый клинъ (№ 4), а въ ЮВ. сторонѣ каменный молотокъ, остриемъ внутрь могилы (Табл. XXVI, 12). Могилу наполнена перекопанною, болѣе темною землею, въ которой попадались угольки и камешки. Камешки представляютъ собою очень мелкіе кусочки разнаго рода кварца. Дно было покрыто слоемъ черноватаго песку съ остатками угля. Ниже идетъ плотный слой пещины.

№ 3. Въ разстояніи отъ предыдущаго погребенія на 1 саж. къ ЮЗ., почти посрединѣ возвышенія, яма длиною $2\frac{1}{4}$ арш., шириною $1\frac{1}{4}$ арш., глубиною $2\frac{1}{3}$ арш. Угольки начали попадаться въ ней на глубинѣ 1 арш. Верхняя часть ямы имѣла прямолинейныя формы, а нижняя была менѣе правильныхъ очертаній. Дно сплошь покрыто темнымъ слоемъ угля и золы. Направленіе могилы то же, т. е. СВ.—ЮЗ. Въ головахъ одинъ большой (въ черепкахъ) и два сосуда меньшихъ размѣровъ (№ 10), въ ногахъ, въ правомъ углу, маленькій горшечекъ, окруженный 13 тонкими кремневыми пластинками неправильной формы, такъ называемыми «осколками».

Предлагаемъ краткое описаніе вещей, добытыхъ при трехъ описанныхъ погребеніяхъ:

Мѣдное колечко по величинѣ и по мѣсту нахожденія при костякѣ вполне напоминаетъ подобныя кольца (обыкновенно съ заходящими другъ на друга концами), находимыя при окрашенныхъ южно-русскихъ костякахъ. Чуркинское колечко производитъ впечатлѣніе согнутаго изъ сплющенной трубочки.

Каменные молотки. Молотокъ Табл. XXVI рис. 12 изъ сѣраго гранита, простой формы и любопытенъ тѣмъ, что остріе его обработано неаккуратно, вкось; въ употребленіи не былъ. Молотокъ № 11 изъ другого, сѣраго матеріала; остріе было сломано и на-скоро, менѣе тщательно, отдѣлано вновь, вслѣдствіе чего молотокъ укоротился.

Клинъ. Изъ темносѣраго плотнаго кремня. Оба клина (рис. 3 и 4) полированные, но работы не вполне тщательной.

Скребки. Изъ темно-сѣраго кремня. Удлиненной листовидной формы, сравнительно толстые, лицевая сторона отдѣлана на двѣ грани, тупые края подвергнуты вторичной обивкѣ зубцами. Предметы непонятнаго назначенія. Оба производятъ впечатлѣніе подѣлокъ, обработанныхъ изъ обломковъ пожей, но толщина ихъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ у пожей, которые вообще имѣютъ видъ весьма тонкихъ пластинокъ.

Пожь. Грубо обработанная пожелта иль сѣрая кремни, со историчной обивкой по краю, неизвѣстнаго пашатона.

Пластинки. 10-ть очень тонкихъ пластинокъ иль тумесѣрасъ кремни, неправильныхъ формъ, длиною отъ 2-хъ до 4-хъ сант. Иѣльотъ видѣ обколковъ или чешуекъ (сѣлаис).

Посуда. Всѣ горшки иль хорошо обработанной глины, иѣльотъ тонкія стѣнки, глянцевитую поверхность, иль въ кругломъ диаметѣ, почти всѣ малой величины. Можно было собрать лишь 4 горшка.

№ 1. Горшокъ 14 сант. вышины иль темной глины (Табл. XXVI, 10). Вѣнчикъ $13\frac{1}{2}$ сант. въ диаметрѣ; по краю его съ одной стороны 2 отверстія, на 4 сант. другъ отъ друга, и вправо, иль верхней части плеча, еще 2 такія же отверстія. На днищѣ вдавленность, орнаментированная по краю. Орнаментъ верхней части горшка, ильотъ края иѣльотъ зубчатыхъ, по вѣнчику полоска иль косыхъ сѣчатыхъ ромбовъ, по плечамъ — сверху линія босо поставленныхъ рубцовъ, ниже полоса иль прямыхъ сѣчатыхъ ромбовъ, еще ниже кайма рубчиками. Вокъ орнаментъ складчатъ иль бороздчатъ зубчатыхъ, глубока вдавленныхъ линій (Погребеніе 2-е).

№ 2. Горшокъ иль темной глины съ совершенно сѣдлою поверхностью (табл. XXVI, 8), меньшихъ размѣровъ. Широкий вѣнчикъ, орнаментированный косыми крестами, сѣчатыми ромбами (требешками) и косой насѣчкой, верхняя часть плечика орнаментирована полосою иль тройной косой насѣчки. Вся насѣчка исполнена очень тонкими и иѣльотъ поставленными короткими линіями. На днищѣ легкая вдавленность (Погребеніе 1-е).

№ 3. Маленькій горшочекъ (высотой 9,5 сант., диаметръ вѣнчика до 10 сант.), довольно небрежной работы, иль темной глины съ сѣдлою поверхностью (рис. 9); на днищѣ вдавленность. Орнаментъ иль тонкой насѣчки въ видѣ ломаныхъ, прямыхъ и косыхъ линій (Погребеніе 1-е).

№ 4. Крошечный горшочекъ, не болѣе 9 сант. вышины, орнаментированный по вѣнчику насѣчкой иль рѣдко разставленныхъ рубчиковъ (Погребеніе 3-е).

Въ совершенно разрушенномъ видѣ собрано, по плечамъ — всего 5 горшковъ.

№ 5. Большой горшокъ плохой глины, съ чрезвычайно шероховатой. Горнышко суженное, съ узкимъ плечикомъ, орнаментированнымъ грубыми рубчиками (Погребеніе 3-е).

№ 6. Большой горшокъ съ узкимъ широкимъ краемъ; орнаментъ иль тонкой насѣчки и иѣльотъ или болѣе бугорковъ или оскотковъ (табл. XXVI, 6, 7, 13, погребеніе 2-е).

№ 7. Горшочекъ, хорошей работы, съ тонкимъ насѣчкой края

ментомъ изъ сѣчатыхъ ромбиковъ и косыхъ крестиковъ. На днищѣ вдавленность съ орнаментомъ по краю (Погребеніе 2-е).

№ 8. Маленькій темный горшочекъ съ орнаментомъ изъ крупныхъ рубчиковъ по плечу (Погребеніе 2-е).

№ 9. Вычикъ отъ горшечка темной глины, орнаментированный тремя линиями изъ косыхъ глубокихъ рубчиковъ (Погребеніе 3-е).

Орнаментъ изъ короткихъ глубокихъ рубчиковъ составляетъ, по-видимому, особенность Чуркинского могильника.

Кромѣ трехъ погребеній мѣднаго вѣка, на Чуркинской Шипкѣ открыто было еще 16 позднерусскихъ могилъ, относящихся, вѣроятно, къ XII—XIII в. Глубина этихъ погребеній менѣе значительная: 28, 24, 28, 18, 17, 16 и 7 верш. Костяки, лежащіе въ могилахъ, помѣщающихся на верху возвышенія и у основанія его, лежатъ правильно головою на западъ, остальные же, положенные по скату, нѣсколько перемѣстились; костякъ № 10 лежалъ головою почти на Ю. У всѣхъ руки на лобкѣ. Кости средней сохранности. Въ могильныхъ ямахъ попадались угольки и зола. Черепъ костяка № 13 покоился на камнѣ, костякъ № 8 лежалъ на деревянной доскѣ, надъ головою костяка № 18 находились 2 небольшіе камня аккуратной формы: одинъ продолговатый до 2-хъ верш. длины, другой въ формѣ яйца. Длина одного изъ костяковъ, безъ истлѣвшей нижней части голеней, достигала до 2 арш. $6\frac{1}{2}$ верш.

Находки вещей не многочисленны. У черепа костяка № 4 найдены 4 мѣдныхъ тонкія височныя колечка типовъ Глаз. табл. XXIV, 1 и 3, въ діаметрѣ 1,7 сант.; у первой пары крючки лишь на одномъ, а не на обоихъ концахъ. У костяка № 6 оказался желѣзный гвоздь, безъ шляпки. Богаче всѣхъ былъ костякъ погребенія № 13. У него на головѣ найдены остатки парчевого вѣчника, мѣдное небольшое височное колечко типа Глаз. табл. XXIV, 3 и двѣ серебряныя серьги съ позолоченными зерчатymi бусами, обычнаго кievскаго типа, но бусы имѣютъ не круглую, а продолговатую форму; на правой ключищѣ кусокъ парчи на берестѣ, размѣровъ 19×6 сант., обложенный по углу позументомъ (рис. 71). Съ боку этой нашивки были прикрѣплены 4 крошечныя пуговицы типа приблизительно табл. XX, 1. У лѣваго колѣна небольшое количество мелкихъ цвѣтныхъ бусъ. На черепѣ костяка № 14 узкій парчевой позументъ, какъ на рис. 71. На правой сторонѣ груди костяка № 17 остатки позумента, по всему туловищу небольшое количество мелкихъ бусъ. У костяка № 19 оказался обломокъ мѣднаго тонкаго пластинчатого пехарактернаго браслета съ суживающимися концами. По всему возвышенію въ небольшомъ количествѣ были разбросаны поздніе

русские черепки безъ орнамента. Также еще нѣкоторые изъ такихъ черепковъ были найдены и въ могильной ямѣ, то несомнѣнно, что она одновременна погребеніямъ и составляетъ отдѣлку отъ погребенія. Тамъ же, на поверхности Шинки, найдено нѣсколько ямъ-то ямъ съ желтыми пластами, въ которыхъ также попадаются черепки такого типа.

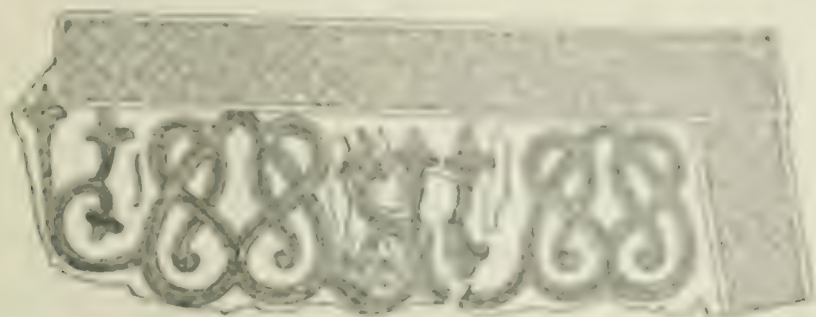

Рис. 71. 94

Рыловскій курганъ. Находится въ 4-хъ верстахъ отъ д. Чуркиной, близъ стеклянаго завода г. Дерюгина; былъ уже раскопанъ Дружковымъ¹⁾. Насыпь стоитъ на темномъ углистомъ слое, толщиной 3—6 верш., происходящемъ или отъ лѣснаго нава или же состоящемъ изъ древней культурной почвы, описанный проф. Дюбуа-де-Монпеллемъ. Могила глубиною 18 верш., длиною до 3-хъ арш., шириною около 25 верш. При расчисткѣ ямы, въ западной сторонѣ найденъ поврежденный черепъ и въ некоторомъ разстояніи отъ него мѣдная пуговица типа найденныхъ въ Чуркинскихъ погребеніяхъ. Въ верхнемъ слое кургана, на глубинѣ 3—6 верш., попадаются мелкіе черепки, совершенно сходные съ черепками, найденными на Шинѣ.

Повидимому, Рыловскій курганъ одновремененъ съ русскими погребеніями Чуркинскаго могильника. Если это такъ, то мы по раскопкамъ г. Каменскаго знакомимся съ поздними русскими курганами въ этой части Поволжья и съ первыми русскими кладбищами, для которыхъ, повидимому, вначалѣ избирались кургановидныя возвышенія. Такой переходъ отъ кургановъ къ группамъ погребеній, здесь можно относить къ XIII в.

А. С.

¹⁾ К. А. Т. Очеркъ археологическаго исследования. III. 11.

Галичскій кладъ.

Епископъ Черниговскій (Костромской) Павелъ, представляя, въ ноябрѣ 1836 г., мѣдныя вещи изъ Костромской губ. въ Московское Общество Исторіи и Древностей, писалъ о нихъ слѣдующее: «Сего 1836 года іюня 22-го дня, по случаю обозрѣнія мною Костромской епархіи, бывши въ селѣ Туровскомъ, что близъ города Галича, въ домѣ г-жи Натальи Ивановны Челѣевой, получилъ отъ ея племянника Дмитрія Сергѣевича Бестужева нѣсколько металлическихъ вещей, весьма любопытныхъ, потому что напоминають собою языческій бытъ предковъ нашихъ. Г. Бестужевъ сказалъ, что сіи вещи найдены осенью прошлаго 1835 года въ берегу рѣчки Лышкинки, протекающей подъ высокою горою, на коей стоитъ село Туровское, крестьянами ихъ, копавшими землю для плотины, и что по оплошности довольно сихъ вещей побросано ими въ рѣчку, а изъ уцѣлѣвшихъ также довольно отправлено имъ въ Москву къ родственникамъ своимъ, и особенно всѣ старинныя монеты ¹⁾. Подаренныя мнѣ г. Бестужевымъ вещи суть слѣдующія: 1) небольшой языческій идолъ, вылитый изъ красной мѣди, 2) мѣдный ножъ, довольно изоржавѣвшій, вѣроятно, жреческій, 3) небольшое мѣдное животное, 4) мѣдная голова небольшого идола, 5) значительной величины мѣдное кольцо, 6) небольшая мѣдная вещица, 7) нѣсколько серебряныхъ вещей также разнаго вида, 8) два небольшіе черепа глинянаго горшка, въ которомъ находились означенныя вещи» («Русскій Историческій Сборникъ» т. I стр. 101—102; приложены рисунки главнѣйшихъ предметовъ).

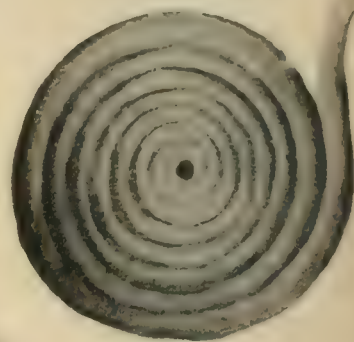
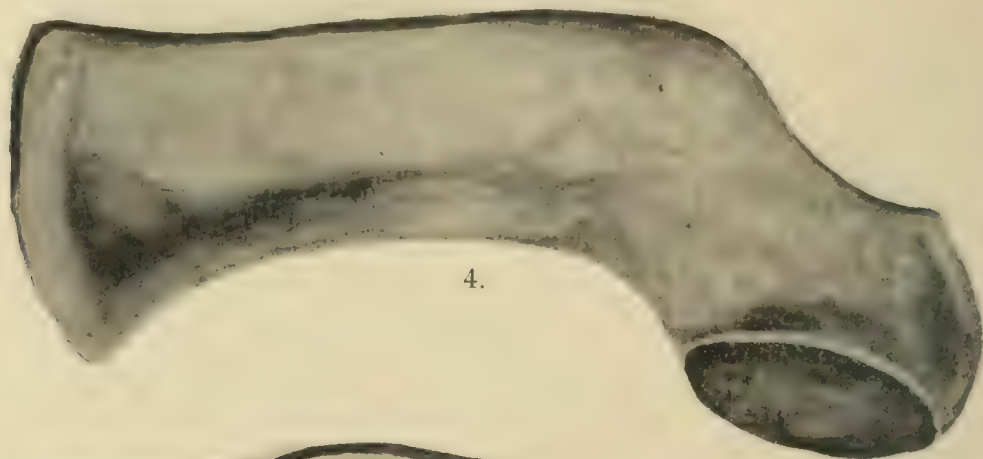
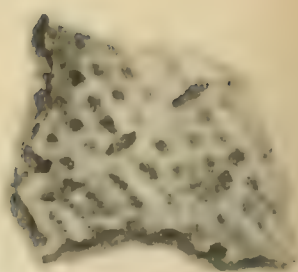
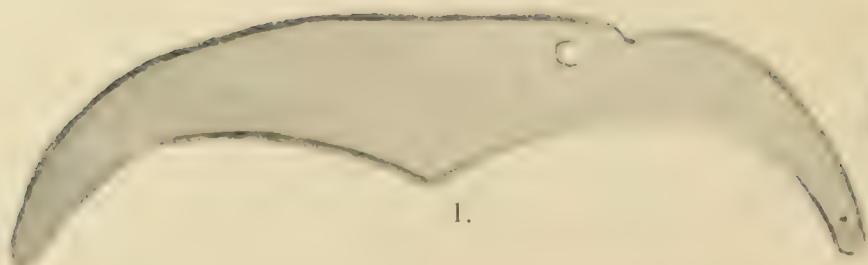
Перечисленныя вещи почти въ полномъ составѣ сохранились до 1870-хъ годовъ, когда онѣ подвергнуты были изученію г. Аспелиномъ и изданы отчасти въ его трудѣ на финскомъ языкѣ ²⁾, отчасти въ его

¹⁾ Разумѣются, безъ сомнѣнія, мѣдныя бляхи Табл. XXXI, 1—5 и др.

²⁾ *Aspelin, Suomalais-ugrilaisen muinaistutkiannon alkeita*. Hels. 1875, стр. 84—86.

индизномъ атласѣ¹⁾, Подпись въ коллекции переданъ быть въ Историческій музей, въ Указателѣ котораго и описанъ²⁾. Изъ вещей, перечисленныхъ въ спискѣ. Наконецъ, не сохранилось лишь серебряныя монеты вѣщицы «разнаго вида». Представимъ линеиня рисунокъ этой монеты, въ $\frac{2}{3}$ натуральной величины (Табл. XXX). Фигуры сами собою изобѣ, и композиція ихъ не требуетъ детальной описанія, котораго мы, впрочемъ, и не можемъ сдѣлать, не имѣя въ рукахъ самихъ вещей. Фигура № 5 могла висѣть на ушѣ, но также могла быть и опираема на какой-нибудь стержень. Для чего очень удобна выгнута лѣвая ст. правая рука охвачена лѣвою, прижала подлѣ нѣтъ. Голова № 7 прикрѣплена помощью двухъ отверстій по боу. Фигура анора № 9 имѣла съ сквозными отверстиями вмѣсто глазъ. Линейный аноръ № 10 обводоострое, очень тонкое, на спинѣ профанной рубашки отлита фигура анерицы. Рукавѣ заканчиваются головками шты, или также анерицы, съ разинутою пастью. Браслетъ анорѣ орнамента. Мѣдная проволока № 2 имитируетъ плетенье изъ спальныхъ веревочекъ. При послѣднемъ осмотрѣ коллекции нами было обращено особенное вниманіе на черепки, которые могли дать нѣкоторую точку опоры для сужденія о томъ, въ какой мѣстной культурѣ она должна быть относима. Какъ ожидалось, оба сохранившіеся черепка оказались не характерными по орнаменту. Одинъ (№ 8) темнаго цвѣта, скорѣе даже сѣраго, орнаментъ состоитъ изъ трехъ рядовъ частой, тонкой, кривой насѣлки, нанесенной столь нечисто, что линія имѣютъ видъ почти зубчатыхъ. Другой (№ 4) совершенно чернаго цвѣта и орнаментированъ сплошнымъ рядомъ широкихъ и длинныхъ поперечныхъ линий съ поперечными штрихами и змочками, а по вромѣ насѣткой. Ничего общаго съ посудой мѣднато вѣка юрванго.

Фиг. 21

Позволяя въ этихъ черепкахъ мы не находимъ. Такъ какъ это обломки двухъ совершенно различныхъ сосудовъ, то представляются маловероятнымъ преданіе, что весь сдѣлъ помѣщался въ глиняномъ горшкѣ. Изъ рисунковъ Галичскаго вѣка, даваемыхъ г. Аснелиномъ, беремъ боковой видъ главной фигуры (рис. 72).

О Галичскомъ сдѣлѣ получить самыя интересныя свѣдѣнія П. П. Свининъ, который очень имѣ заинтересовался и описалъ свое происхожденіе и значенія. Изъ его руки пришла та часть сдѣла, по-

¹⁾ *Archiv. Antiquaria de Nord. Museum. Helsing. 1877. № 100. стр.*

²⁾ *Указатель Историческаго музея, изд. 3-я (1888 г.), стр. 224-225.*

горах, по словамъ ениск. Павла, была отправлена Бестужевымъ къ его родственникамъ въ Москву. Въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», вслѣдъ за статью ениск. Павла, помѣщена замѣтка о кладѣ Свинына, дающая нѣкоторыя новыя подробности объ обстоятельствахъ его обнаруженія и общую характеристику мѣстности находки. По словамъ замѣтки, кладъ лежалъ въ глиняномъ сосудѣ; село Туровское Свинынымъ помѣщается на высокой горѣ, господствующей надъ всѣмъ озеромъ, предъ которой расположены пригорки меньшей высоты. Приводимъ важнѣйшія мѣста этой замѣтки, опуская изложеніе мнѣнія автора о томъ, что галичскія древности принадлежать мерѣ, найдены на мѣстѣ, посвященномъ ся богу Туру, и что они напоминаютъ фигуры, нашиваемыя шаманами на одежду. «Прошлаго 1836 года 23-го марта ¹⁾ крестьяне г-жи Челѣвой, поправляя мѣльничную гать на рѣчкѣ Лыкшинкѣ, впадающей въ Галичское озеро, вырыли большой глиняный сосудъ, наполненный разными металлическими вещицами; къ сожалѣнію, любопытный образчикъ ваянія галичской древности разбился отъ удара желѣзнаго лома ²⁾, и нѣсколько вещицъ, выпавшихъ изъ него, утонули въ водѣ. Остальныя, вмѣстѣ съ нѣсколькими черепками, принесены были къ г-жѣ Челѣвой, владѣтельницѣ села Туровскаго, которая приказала значительнѣйшія изъ первыхъ положить въ квасную гущу, а потомъ вычистить ихъ пескомъ и кирпичемъ на уксусѣ, отъ чего онѣ потеряли зеленоватость свою, столь драгоценную для антикваріевъ. Названіе селенію явно дано славянами, вѣроятно, въ воспоминаніе того, что на этой конусомъ возвышающейся горѣ надъ всѣмъ Галичскимъ озеромъ, существовалъ храмъ, посвященный Туру... Догадку сію можно основать и по сравненію кургана съ подобными урочищами, находящимися по рѣкамъ Вексѣ и Темзѣ: два меньшіе кургана, называющіеся Заячьими горками, служили ему какъ бы подножіемъ или вратами, чрезъ кои только можно было достигнуть чела сего святилища». Свинынъ добавляетъ, что с. Туровское въ старину называлось иначе Мыльнымъ и имѣло 9 церквей (стр. 102—105). Думаемъ, что описаніе мѣстности дается на основаніи сообщеній родственниковъ Бестужева и врядъ-ли отличается точностью.

Замѣтка Свинына подписана 10-го января 1837 г. Онъ столь дорожитъ своими соображеніями, что сообщаетъ ихъ въ видѣ официальной записки, какъ членъ Костромскаго Статистическаго Комитета, Ко-

---

¹⁾ Эти слова беремъ изъ официальной записки Свинына, о которой далѣе.

²⁾ Мало вѣроятно, чтобы при добываніи земли, пригодной для мельничной гати употреблялся ломъ. Видно, что рассказъ объ обстоятельствахъ находки ведется далеко не изъ первыхъ рукъ.

стремлению губернатору для представления Министру Внутренних Дѣлъ (Блуану). Черезъ послѣднего записка «идетъ» къ Министру Народнаго Просвѣщенія Уварову, отъ него въ Академію Наукъ, которая перешлетъ ее на заключеніе своему члену. Устрялову. Записка заключенна въ почтительномъ замѣткою Свищова, въ которой оупомянуто, что въ 1844 году находился въ Америкѣ. Отъ него Устряловъ на мисію Свищина можно сказать прямо безцеремоннымъ, но это замѣчательнымъ словомъ, «въ такомъ времени вещи относятся, кому принадлежатъ или для чего служатъ и каково имѣютъ значеніе, ничто не можетъ быть только безцѣльнымъ, но и правдоподобно, при очевидномъ недостаткѣ для каждаго изъ предметовъ изъ вѣроятному предположенію»⁷⁾.

Перенесла Свищина въ Академію Наукъ очень важна въ томъ отношеніи, что при ней сохранились рисунки той второй коллекции Галичскаго клада, почти совершенно исчезнувшей. Рисунки помѣщены на одной табличкѣ, воспроизводимой нами на Табл. XXIX. Голландскихъ показаний вещей на приносимыхъ рисункахъ мы не усматриваемъ, почему и должны принять всѣ основныя детали какъ за соответствующіе действительности. Мы тутъ видимъ двѣ человѣческія фигуры, тонору, браслеты, повѣску съ спиральными завитками, подѣлку въ видѣ рукояти ножа съ головкой апертуры на концѣ (№ 8), тонкія мѣдныя подѣлки разнообразной формы, часть мѣднаго листа (№ 6), серебряныя прошивки (№ 10, 11), серебряныя же полушарныя нашивныя бляшки (№ 9), обломокъ глинянаго горшка, подѣлка № 7, безъ сомнѣнія, представляющая собой двѣ головы животныхъ, соединенныя перетискомъ, подѣлка № 18, несомнѣнно, имѣла обозначенный глѣзъ и, следовательно, представляющая собой изображеніе животного. Изъ вещей этихъ вещей сохранилась лишь фигура пласъ, именно въ музейной гр. Е. Г. Сперанскаго, бывшаго въ 1836 г. представителемъ Московскаго Общества Истории и Древностей (рис. 75 и рис. 304 въ атласѣ г. Асеева, гдѣ пласъ обозначенъ неправильно приносимымъ въ Перевѣ, а мѣдныя

рис. 75 18

⁷⁾ Въ артиклъ Императорскаго Академія Наукъ (1844 г., № 8)

теперь изображенный г. Аспеллиномъ (рис. 74), неизвестно, гдѣ теперь находящійся.

Существуетъ еще третья коллекція вещей Галичскаго клада. Она находится въ собраніяхъ Костромской архивной комиссіи, которой при-

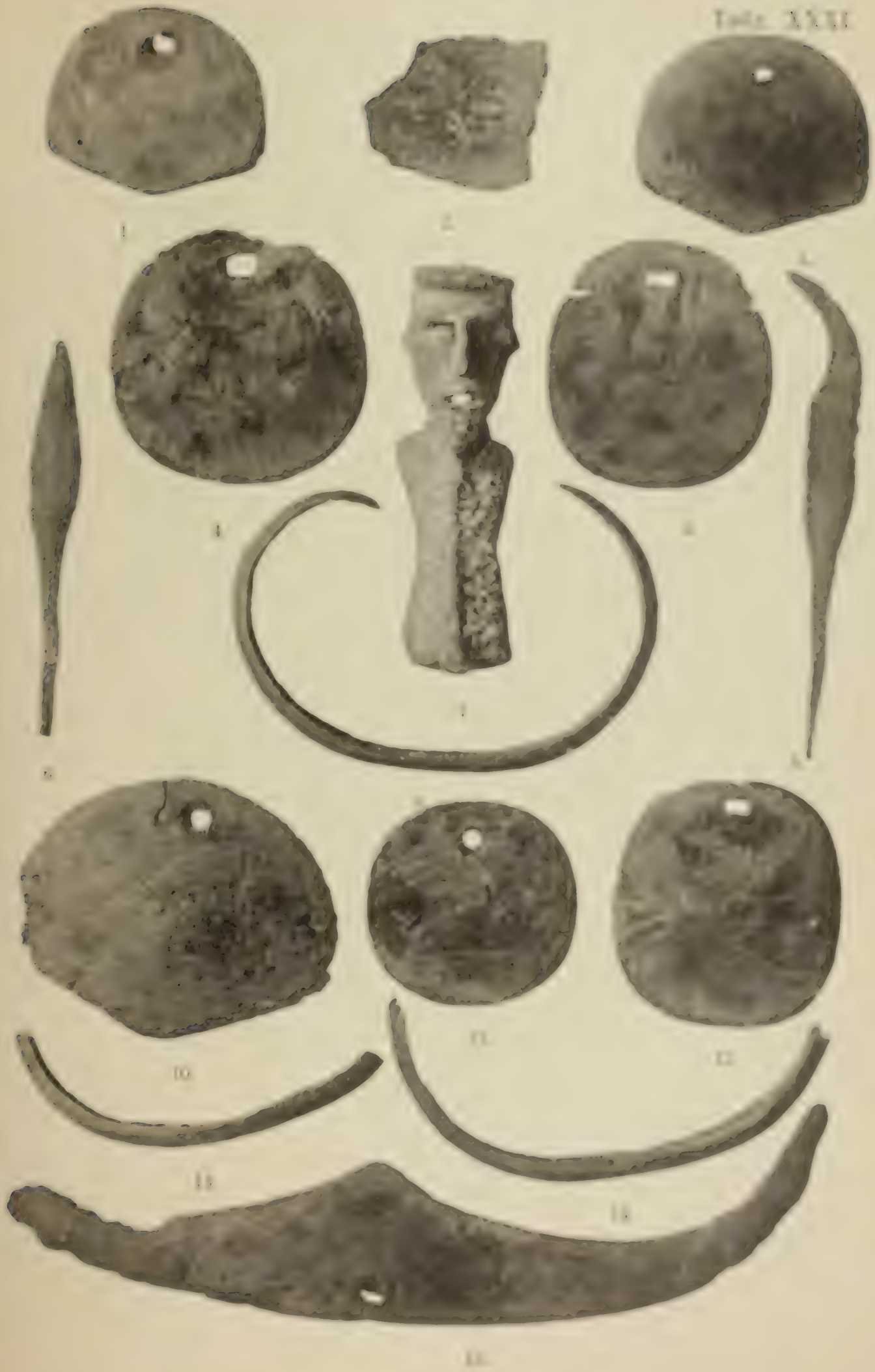

Рис. 74. $\frac{1}{3}$.

несена въ даръ генераломъ Ив. Ник. Челѣвымъ, повидимому, производившимъ раскопки на мѣстѣ клада. На Табл. XXXI представляемъ изображеніе входящихъ въ эту коллекцію вещей, въ натуральную величину. Въ нее входятъ: человѣческая фигура въ видѣ головы съ торсомъ, но

безъ рукъ и ногъ, изъ толстой литой пластины (рис. 7), 9 продолговатыхъ, круглыхъ и круглыхъ со скошеннымъ въ видѣ угла низомъ пластинокъ, пробитыхъ въ верхней части крупнымъ круглымъ или продолговатымъ отверстіемъ (рис. 1—5, 10—12), два тонкіе ланцетовидные ножичка разной формы и величины и наконечникъ стрѣлы (рис. 6, 8, 15), пять тонкихъ же выпуклыхъ браслетовъ (рис. 9, 13, 14) и обломокъ мѣдной тонкой выпуклой пластины (рис. 2). Всѣ вещи изъ красной мѣди, кромѣ стрѣлки, одной бляшки (№ 10), большого ланцета № 15 и браслетовъ, которые сработаны изъ желтой мѣди, а также обломка № 2, который выкованъ или вылитъ изъ какого-то желтаго ломкаго сплава. Бляхи и ланцеты выкованы; браслеты, кажется, также кованы. Неправильность очертанія ланцетовъ и нѣкоторыхъ бляхъ объясняется именно способомъ ихъ изготовленія: въ этихъ частяхъ подѣлокъ не хватило матеріала. Человѣческая фигура вылита грубо, видимо, не въ каменную форму; она имѣетъ поверхность вогнутую, ушка нѣтъ, внизу слѣды свѣжаго отлома какого-то узкаго придатка. Носъ тонкій, крупный, почти прямой, глаза поставлены тѣсно, надглазницы прямая, брови круглая, высокія. Всѣхъ бляхъ 9; кромѣ изображенныхъ, имѣются еще 2 экз. типа № 5. Почти всѣ онѣ тонкія (кромѣ № 1 и 3, имѣющихъ въ толщину до 0,2 сант.) и слегка выпуклыя (особенно № 10; совершенно гладки № 1 и 3). Отверстія въ нихъ или пробиты съ одной стороны гвоздеобразнымъ круглымъ или гранчатымъ орудіемъ, или же выбиты узкой стамеской, косыми ударами съ одной или съ обѣихъ сторонъ. Углы бляхъ № 1, 3 и 10 оттянуты специальными ударами и потому тоньше сосѣднихъ частей. Къ краямъ всѣ бляхи тоньше. Продолговатая бляха въ нижней части слегка расширена. Обломокъ № 2 изъ плохой, ломкой желтой мѣди, очень выпуклый, съ наружной стороны сглаженъ, снутри

поверхность шероховатая, как бы лупка. У поверхности для палеонтологической стрелы № 6 стержень обработан на 4 градуса и совершенно тонкий, лезвие тонкое, со слабыми гранями. Средняя часть ланцета № 8 также тонкая, с пленкой от попутной выемки на одной стороне. Лезвие тоже тонкое. Большой ланцет № 15 весь тонкий: отверстие у него большое, темъ изображено, почти какъ у № 12. Изъ пяти браслетов только один сохранность имѣетъ лишь одинъ, № 9. Все они очень тонкіе, выемками въ видѣ глубокаго лоточка, шириною до 0,8 см.

Не имѣемъ возможности дать изображение и описаніе еще некоторыхъ иныхъ интересныхъ предметовъ, входящихъ въ коллекцію г. Чельева: 3-хъ серебряныхъ полунармныхъ бляшекъ типа Табл. XXIX, 2 медныхъ кольчужекъ въ видѣ небольшихъ сплюснутыхъ широкихъ медячекъ, очень мелкихъ медныхъ бусокъ цилиндрической формы, медныхъ спиральныхъ трубочекъ и меднаго тонера типа Табл. XXIX, 4.

Галичскій кладъ явно примыкаетъ къ восточному медному вѣку Европейской Россіи и имѣетъ огромную важность для пониманія культуры, къ которой принадлежить, такъ какъ ничтого больше найдено для характеристики этой культуры не имѣетъ. Это научный матеріалъ первокласснаго значенія.

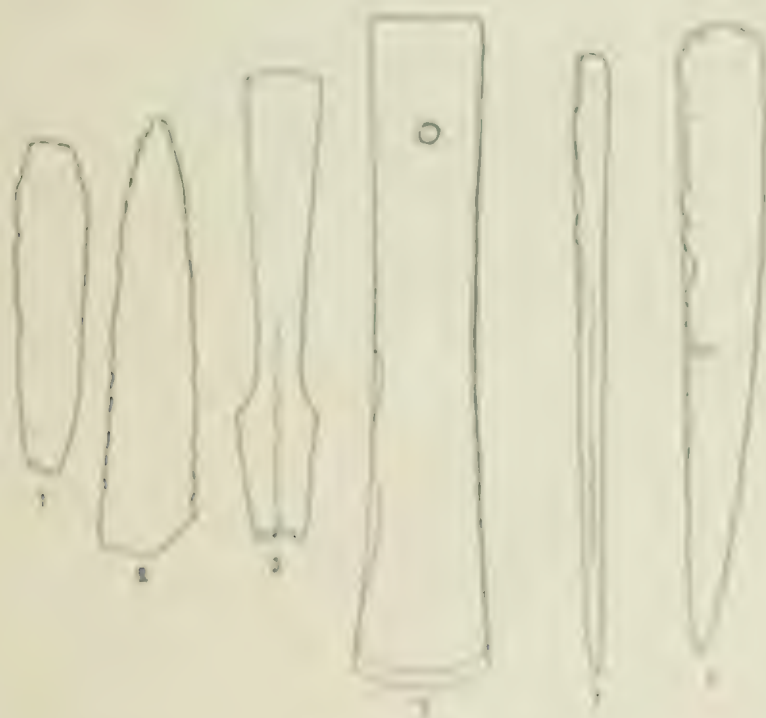

Рис. 75-76

Пользуемся случаемъ дать здѣсь изображенія предметовъ, найденныхъ въ 1864 г. въ видѣ клада близъ д. Коростовской влр. Дзунинск., недалеко отъ Близнецоваго завода Слободскаго у. Первый рубль при добываніи сланы для кирки, и сохранившіеся въ Историческомъ

Музей (рис. 75). Въ кладъ этотъ входятъ: 2 тонкіе ножа, поломанный наконечникъ кося съ гранчатымъ остриемъ, длинный тонкій клинъ, съ отверстіемъ, длинный заостренный четырехгранный дротъ и массивный четырехгранный клинъ ¹⁾. Большинство этихъ вещей, если не всѣ, по-видимому, изготовлены простою ковкою. Кажется, что вмѣстѣ съ этими вещами найденъ былъ еще мѣдный топоръ типа рис. 74. Описанный кладъ принадлежитъ также восточному мѣдному вѣку и также имѣетъ большую важность для его характеристики.

---

¹⁾ Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи. Т. I, стр. 33.

Городища Дьякова тина.

Не имѣя письменныхъ указаній о населеніи городищъ Волги и Оки до прихода сюда русскихъ, мы для рѣшенія этого вопроса неизбежно должны обратились къ археологическимъ даннымъ. Минимумъ отъ этого невозможно. Такія данныя уже есть, хотя еще не высока ихъ реальность по ихъ недостаточности, но въ то же время весьма точная и много обещающая въ будущемъ. Это мы и желали бы показать въ ближайшемъ изложеніи.

Туземное населеніе верховьевъ Волги и Оки за время приблизительно отъ VI-го по VIII в. соорудило здѣсь весьма значительное количество любопытныхъ городищъ, которые пока до отысканія жилищниковъ, и служатъ единственнымъ археологическимъ матеріаломъ для рѣшенія всѣхъ касающихся этого населенія вопросовъ. Городищамъ этимъ удобнѣе всего устроить названіе по имени Дьякова городища близкаго, ранѣе всѣхъ изслѣдованнаго и уже издавнаго. Такихъ городищъ на верховьяхъ Оки въ настоящее время открыто и открыты послѣдующихъ 12 на верховьяхъ Волги 22, а всего на пространствѣ между Волгой и Окою 50 (рис. 76).

Устройство ихъ весьма характерное и сильно отличается отъ устройства обычныхъ городищъ. Вместо бѣднаго слоя черепковъ съ рыбьими костями животныхъ, черепками посуды и обломками металлургическихъ изделий, мы здѣсь находимъ слой земли, иногда весьма значительной массивности, пережженую землю и гравитально богатые залежи ил совершенно чуждыхъ вещей, иногда представляющихъ не только чуждость вмѣстѣ съ костями животныхъ и жилищниковъ черепками, но и совершенно чуждымъ предметамъ, совершенно не обычнымъ для городищъ, напр., золотые бляхи, встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ. Городища Дьякова тина въ большинствѣ случаевъ это не искусственныя валами, которые также имѣютъ совершенно особенное устройство.

ство. Порѣдко они сложены, отчасти или даже цѣликомъ, изъ тѣхъ же золотыхъ слоевъ, иногда столь рыхлыхъ, что ихъ можно разобрать руками. Въ другихъ случаяхъ валы состоятъ изъ пережженныхъ слоевъ земли, прослоекъ камней, иногда укрѣплены деревомъ. Валъ нѣкоторыхъ городищъ насыпанъ не въ началѣ устройства послѣднихъ, а уже на толстомъ золотомъ слоѣ. Извѣстно даже такое городище, валъ котораго отдѣлялся отъ городища ровомъ и гребень котораго не подымался выше горизонта площадки. Еще удивительнѣе, что въ валу городищъ Дьякова типа встрѣчается столько же находокъ, какъ и на площади; болѣе,—лучшія вещи найдены именно въ валу и подъ валомъ. Величина городищъ

Рис. 76.

вообще незначительная, хотя они иногда бываютъ и большихъ размѣровъ; зато встрѣчаются городища прямо крошечныя, въ какой-нибудь десятокъ сажень длины; гдѣ городища Дьякова типа встрѣчены, они обыкновенно залегаютъ цѣлыми гнѣздами и расположены въ небольшомъ, иногда незначительномъ разстояніи, напр., въ версту и менѣе. Всѣ перечисленные признаки указываютъ съ полною очевидностью, что въ городищахъ Дьякова типа мы имѣемъ дѣло не съ укрѣпленіями, а съ сооруженіями обрядоваго характера, вѣроятно всего—съ жертвенными мѣстами, т.-е. съ сооруженіями совершенно того же порядка, какъ болѣе ранніе городки камскіе, бѣльскіе, вятскіе и ветлужскіе типа вятскаго Инземскаго городища. Съ меньшею ясностью жертвенный характеръ высту-

насть въ окскихъ городищахъ Дьякова типа. Зѣвъ южный стѣнъ вообще не столь массивенъ, валы имѣютъ въ большинствѣ случаевъ иное устройство, именно они сложены изъ обожженной глины или обожжены. Но это лишь отношеніе окскихъ городищъ въ общему и по устройству, и по планамъ они представляютъ одно явленіе съ южными, сходное даже въ деталяхъ.

Такимъ образомъ выступивше съ полнымъ несомнѣніемъ заключение, что многочисленная городища Дьякова типа, найденныя между Волгою и Окою, принадлежать не завоевателямъ, не пришлому населенію, а туземному, и притомъ такому, религіи котораго близка къ вѣрованіямъ сѣверо-восточнаго населенія Россіи.

Къ какому времени относятся эти городища? Легче опредѣлить послѣднее время ихъ существованія, чѣмъ ихъ начало. Дьякова городища дано вѣсти, совершенно аналогичныя найденнымъ въ Кошибозельскомъ могильникѣ, относимомъ нами къ VI—VII в. на Ошанинскомъ городищѣ найденъ кирсъ 815 г. Такимъ образомъ, время развитія городища Дьякова типа можетъ быть отнесено къ VI—VIII в. Вѣрнѣе всего, что въ данномъ районѣ оказались образцы городища в болѣе ранняго времени, но пока мы ихъ не знаемъ, и во всякомъ случаѣ это не будутъ городища Дьякова типа, время которыхъ и можно установить между VI и VIII в.

Судя по находкамъ на городищахъ, можно предполагать, что население верховьевъ Волги и Оки въ VI—VIII в. жило главнымъ образомъ охотою и рыболовствомъ (кости лоса, медвѣдя, бобра, лотки), но оно знало также и домашнее скотоводство (кости коровъ и овецъ), а весьма возможно, что знало было и съ земледѣліемъ (кости свиней и лошадей).

Есть лишь два серьезныхъ кандидата на городища ошанинскаго типа — литвы и финны. Такъ какъ въ вѣровавшихся литвы, нашедшихъ намъ извѣстно, никто не находитъ элементовъ палеолита и такъ какъ между VI—VIII в. найденыя по Западной Двинѣ и Печанѣ, въ общемъ отношеніи рѣзко отличаются отъ найденныхъ на городищахъ Дьякова типа, то изъ двухъ замѣченныхъ кандидатовъ мы исключаемъ литву и оставляемъ финновъ. За послѣднихъ говорить намъ находки, совершенно аналогичныя съ находками финскаго Кошибозельскаго могильника, такъ и районъ распространенія городищъ финской по преданіямъ и по каменнымъ населеннымъ мѣстамъ, а также образцы характера городищъ, сближающій ихъ съ палеолитомъ рѣчнѣйшими вѣрованіями финновъ. Если современнѣе придетъ верное оскіе городища Дьякова типа имѣли

въ особую группу, то ближайшимъ кандидатомъ на нихъ будетъ литва. Во всякомъ случаѣ, къ вопросу о томъ, населяла ли литва въ давнее время верховья Оки (а также и Волги), слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и не рѣшать его отрицательно, пока для этого не окажется вполне достаточныхъ основаній.

Но финскихъ племенъ два—западное и восточное. Которому изъ нихъ принадлежатъ данныя городища? Окскія городища, безъ сомнѣнія, восточнымъ, волжскія, вѣроятно, имъ же. Они ближе всего могутъ быть приписаны мери, а меря, скорѣе всего, восточно-финское племя.

Высокій научный интересъ городищъ Дьякова типа, безъ сомнѣнія, долженъ привлечь къ нимъ самое серьезное вниманіе изслѣдователей. На нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы выросла цѣлая группа любителей-археологовъ, оцѣнившихъ по достоинству богатый и благодарный матеріалъ, уже доставленный этими городищами, и взявшихся спеціально за ихъ изученіе. Несомнѣнно, интересъ къ нимъ будетъ все возрастать, и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлится районъ ихъ распространенія и ихъ отношеніе съ западнымъ (литовскимъ), южнымъ (аланскимъ) и восточнымъ (камскимъ) древностями, будетъ точнѣе опредѣлена ихъ хронологія и отношеніе къ мѣстному каменному вѣку. Открытіе въ верхнемъ Поволжьѣ раннихъ финскихъ могильниковъ внесетъ еще болѣе свѣта въ хронологію данныхъ городищъ, которыя однако и въ такомъ случаѣ не утратятъ своего значенія, какъ важнѣйшаго пособія для характеристики быта мѣстнаго населенія за извѣстный періодъ времени.

Въ помощь будущимъ изслѣдованіямъ предлагаемъ краткое описаніе извѣстныхъ намъ городищъ Дьякова типа и изображенія важнѣйшихъ найденныхъ на нихъ предметовъ. Почти каждое изъ изслѣдованныхъ городищъ представляетъ своеобразныя особенности въ конструкціи и своеобразныя вещи, такъ что благоразуміе требуетъ отказаться на время отъ общей подробной характеристики ихъ.

Бассейнъ Оки.

№ 1. Д. Городище (Карачевского у.). Городище открыто въ 1902 г. В. Р. Анухтинымъ. Отсюда на выставку при Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ доставлены были черепки характерныхъ Дьяковыхъ типовъ.

№ 2. Дольцы. Городище открыто въ 1901 г. тѣмъ же лицомъ. Кромѣ черепковъ, здѣсь были собраны другія находки, между прочимъ интересныя непонятнаго назначенія продолговатые блоки изъ глины, пронизанныя глубокими ямками въ ширину пальца.

№ 3. Устье р. Нутры (Балховской у.). Городище открыто татарами г. Анухтинымъ, въ 1902 г. Черепки.

№ 4. Д. Федяшева (Бѣлевскаго у.). Городище открыто и исследовано въ 1897 г. В. А. Городцовымъ. Покръ культурнаго слоя черный углистый, въ нижней части болѣе сѣрый, желтый. По находкамъ г. Городцова на городищѣ различаютъ два слоя. Въ нижнемъ черепки, издѣлія изъ кости и жѣста, скопленіе вещей дичья и домашнихъ животныхъ (лошадь, корова, овцы, свинья, лося, бобра, бѣлка, медвѣдя, птицы, рыбы); орудій изъ кости нѣтъ. Въ верхнемъ множеству шлаковъ и почти всѣ подѣлки: глиняныя прѣслицы, костяныя и желѣзныя стрѣлы, тигли, костяныя орудія, сосуды, погребушки, глиняныя шары. Немногочисленныя подѣлки изъ металла (бронзы, серебра) найдены подъ культурнымъ напластованіемъ на слое глины и подъ валомъ; рѣдкими подняты 2 черепка съ ямочнымъ и зубчатымъ орнаментомъ. Въ находки вообще аналогичны съ Дѣлковскими. Главныя типы посуды — грубая небрежной работы и черная глянцевитая. Въ нижней части культурнаго слоя много черепковъ съ густымъ точечнымъ и многозубчатымъ орнаментомъ. На городищѣ найдены (не при раскопкахъ) 2 диктема, изъ которыхъ одинъ оказался 815 г. Въ 1890 г. отсюда въ Московское Археологическое Общество доставлена жѣдная фибула съ красною эмалью, быть можетъ, та, которая названа графомъ П. С. Уваровымъ и переиздана нами ниже (рис. 262). Интересно, хотя и не вполне ясно устройство на городищѣ вала. Въ основаніе его, по словамъ г. Городцова, положены 2 вала меньшихъ размѣровъ, сложенные изъ сырой земли, изъ которыхъ внутренній обложенъ камнями и плитами. Срединка между валами выложена слоями глины, обожженной сверху слоями дерева, отъ которыхъ остались угольные пролобы. Чѣмъ выше, тѣмъ слой глины тоньше и крѣпче. Между наружными валами образовалась труба, или канава (*Городцовъ*, Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бѣлевскомъ и Рязанск. у. въ 1897 г. Археологич. извѣст. 1898, 218—223. — Его же, Отчеты объ археологич. изслѣдованіяхъ въ долине р. Оки въ 1897 г. Древности г. XVII, 1—10).

№ 5. Д. Мишневъ (Ладимирскаго у.). На западнѣмъ древнемъ городищѣ въ 1892 г. найдены были кладъ денегъ 732—960 г. и обрѣзокъ серебряной массивной фибулы (Въ архивѣ Император. Археол. Комиссіи дѣло 1892 г. № 73).

№ 6. Городище Дува, близъ г. Липкина, открытое въ 1894 г. במקомъ случайнымъ находкамъ. Въ 1897 г. раскопывалось Н. В. Токмакомъ, въ 1898 г. Н. Д. Четыревымъ и Ю. Г. Голуновъ, въ 1899 г. г-номъ Голуновъ.

Расположено на высокомъ мысу, большая часть котораго уже размыва теченіемъ Оки. Г. Тепловъ отмѣчаетъ на городищѣ три культурные слоя, легко различаемые въ отвалѣ по цвѣту: чернѣй, сѣрый и желтый (суглинокъ). Чернѣй слой состоитъ изъ довольно однообразнаго по составу жирнаго чернозема, безъ замѣтной примѣси золы и угля; въ немъ попадаются много костей животныхъ и черепковъ съ волнистымъ орнаментомъ, а также различныя позднія вещи, очевидно, русскаго происхожденія: ножи, гвозди, обломки скобокъ, стрѣлы, пряслица, грузила, обломки стеклянныхъ браслетовъ, семилепестныя серьги и проч. Сѣрый слой кажется такимъ издали, въблизи же составъ его оказывается довольно разнообразнымъ. Главная масса его состоитъ изъ желтовато-сѣраго суглинка съ большою примѣсью золы и мелкаго угля; мѣстами выступаетъ желтая глина, пережженная красная глина и пр. Земля обильно пересытана обломками костей и черепками. Посуда лѣплена руками, плохо обожжена, съ большою примѣсью зеренъ кварца, большею частью тонкая и хрупкая. Орнаментъ весьма разнообразенъ; преобладаютъ всевозможныя углубленія, вдавленія, простой и многозубчатый чеканъ. Въ сѣромъ слоѣ преобладаетъ костяная культура: пилюля, иглы, различныя другія заостренія изъ кости и подѣлки, родъ боевого молота, крупныя отточенныя ребра, много стрѣлъ, разной величины и формы, остроги. Найдено также много пряслицъ и грузилъ разнообразной формы. Кромѣ этихъ двухъ слоевъ, г. Тепловъ различаетъ на городищѣ еще третій, промежуточный, лежащій подъ чернымъ пластомъ, на глубинѣ 1 арш., и имѣющій въ толщину 10—14 верш. Онъ характеризуется особыми черепками, ему лишь принадлежащими: глина съ сильною примѣсью очень мелкой дрествы, обжигъ сравнительно хорошій, работа на правилѣ, край черепковъ обыкновенно очень отвороченъ наружу, иногда же внутрь; орнаментъ обыкновенно изъ одного ряда ямочекъ. Другая особенность слоя—обломки формочекъ для отливки, которыя, впрочемъ, встрѣчались и въ нижнемъ слоѣ. Въ древнѣйшемъ, нижнемъ слоѣ въ наибольшемъ количествѣ попадались кости лошади, свиньи и коровы, въ меньшемъ—барана, лося, медвѣдя, бобра, собаки, выдры, виверры, барсука и зайца. Найдены кремневый наконечникъ стрѣлы и обухъ каменнаго молота. Въ промежуточномъ слоѣ найденъ диргемъ 758 г. (Археологич. извѣстія 1898, 30.—*Тепловъ*, Городище Дуна близъ г. Лихвина. Извѣстія Калужск. архивн. комис. 1899 г. вып. 1. стр. 15—20).

Г. Четыркинъ видитъ на городищѣ лишь два слоя. Подѣлки изъ кости найдены исключительно въ нижнемъ. Раскопки были не продолжи-

костяная пластинка съ рядами отверстій, костяной кружокъ, костяныя острия, отличная мѣдная фибула съ красною эмалью (рис. 288), крупный мѣдный бубенчикъ кавказскаго типа, мѣдный перстень (рис. 78), длинная мѣдная спираль, желѣзный наконечникъ стрѣлы (рис. 79), желѣзная пряжка, каменная точилка (рис. 82). По опредѣленію проф. Д. Н. Анучина, собранныя г-жею Гендуне кости принадлежали: лося, коровѣ, свиньѣ, овцѣ, лошади, бобру, медвѣдю, хорьку. Позднихъ русскихъ вещей не перечисляемъ. (Рукописные отчеты г-жи Гендуне).

№ 7. Лабынская усадьба, въ 4-хъ в. отъ г. Лихвина. Городище открыто г-жею Гендуне въ 1898 г. Валъ длиною до 16 саж., вышиною до 3¹/₂ саж., нѣскольکو округленной формы. Въ раскопанныхъ мѣстахъ его обнаружена обожженная земля и уголь; вообще насыпь оказалась очень плотною, состоящею главнымъ образомъ изъ иловатой глины. Въ валу найдены черепки. (Изъ рукописнаго отчета).

№ 8. С. Порѣчье (Одоевскаго у.). Городище стало извѣстнымъ въ 1897 г., раскопано Н. И. Троицкимъ въ 1898 г. Отдѣльное возвышеніе до 8 саж. высотой, длиною 20 саж., на излучинѣ р. Упы, на луговомъ берегу. Укрѣплено валомъ и рвомъ. Два культурные слоя: верхній черноземный, до 4¹/₂ фут. толщиною, въ которомъ ничего не найдено, и нижній изъ перегной, прослоеннаго углемъ, пескомъ, золой и глиной, толщиною 3 ф. Во множествѣ кости домашнихъ животныхъ, черепъ человѣка; другія находки: мѣдная фибула типа Мощинскаго городища (рис. 128), пластинчатое украшеніе типа Мощинскаго клада (рис. 251), много орнамента, мѣдная проволочная пряжка съ длинными спиральными концами, 2 желѣзные наконечника стрѣлъ, изъ которыхъ одинъ типа рис. 100 Спасскаго городища, глиняное пряслице, мѣдные спиральные перстни, стекляныя бусы (позолоченная, коричневая и пестрая пронизка), костяная игла и кремневый наконечникъ стрѣлы. (Троицкій Н. И., Городище при с. Порѣчѣ Одоевскаго у.—Археологич. Извѣстія 1898, 297—299).

№ 9. Д. Тулица (Тульскаго у.), на р. Тулицѣ. Городище съ остатками жилья въ видѣ слоя перегорѣлой земли и пепла, глубиною до 1 саж. Въ верхнемъ черноземномъ слоѣ найдены въ значительномъ количествѣ оббитые камни, имѣвшіе форму топоровъ, кости разныхъ домашнихъ животныхъ, многочисленныя кости кабана, желѣзный стержень въ видѣ песта. За городищемъ въ обилии выпахиваются человѣческія кости. Здѣсь Поляковъ подъ кучею камней, на глубинѣ 1 арш., нашелъ лежащія въ безпорядкѣ и въ неполномъ составѣ кости нѣсколькихъ костяковъ, на площади до 2-хъ кв. саж. Въ наибольшемъ количествѣ

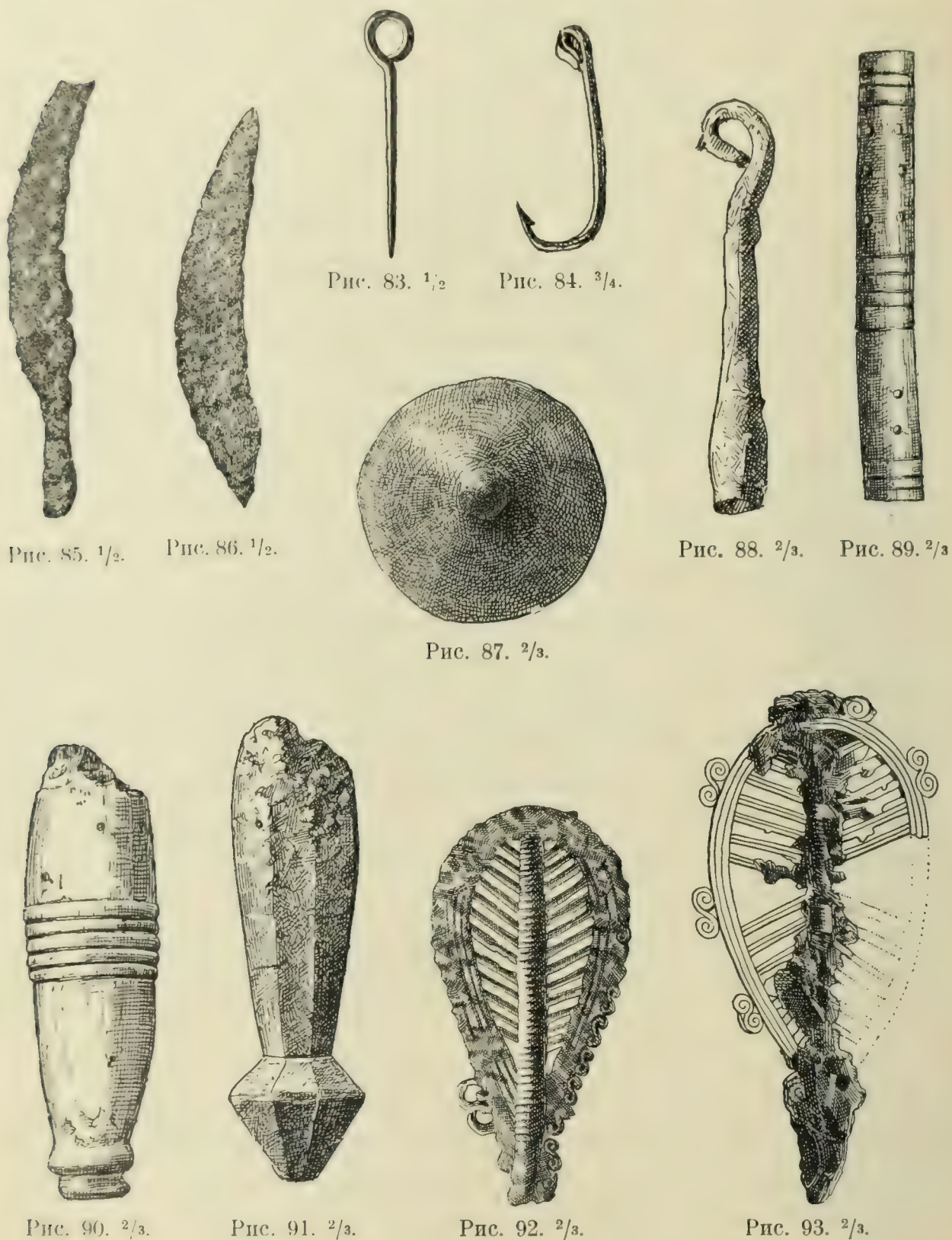
оказались почти ничь, верблюда треугольная дощечка, выделенная черепицей сзади, дана по пути. Показ по обриту сурьмы, выделенная на основании потребности, напоминающая сурьму, выделенная черепицей. (Получены: Антропологическая посылка. Сиб. 1980 г., стр. 1).

У 19. С. Гремляков (Перовицкиский р-н). Горнякше известно собиственно оное съ 1882 г., когда г-жа Антонина Александровна изъ него въ Московскій Антропологическій музей различные кости, между прочимъ мѣлкую зрѣлку и обрубковъ лѣвннго рога. Въ 1893 г. горнякше было самостоятелно открыто и раскопано Н. Н. Бутрковскыи.

Городище расположено на возвышенном, занесенном холмистом просло-
говатой формы, на выпуклой площадке размерами 30 X 18 саж., на
правом берегу Оки. Срединная часть площадки возвышаясь, постепенно
лишена азлутурнаго слоя, который сползъ на края, занимая здесь тол-
щю до $\frac{1}{2}$ арш. толщины. Слой этот состоитъ изъ рыхлаго желтого
черновема, лежащаго на тонкой глинистой прослойкѣ или бѣлаго песку.
Слѣдовъ укрѣпленія неимѣется, если не считать за остатки вала низкій
прослоговатый кургантикъ, расположенный у подножія бугра съ запад-
ной стороны. Возвышеніе это, имѣющее до 2-хъ арш. высоты и до
8 $\frac{1}{2}$ саж. длины, на половину состоитъ изъ рыхлой земли, песка и глины,
а на половину изъ очень плотнаго песчанистаго сѣрожелтаго суглинка,
лежащаго на томъ же тонкомъ припойкѣ бѣлаго песку. Тамъ гдѣ из-
слѣдователь на бугрѣ не отмѣчаетъ желтого сѣраго слоя, а видитъ на
немъ лишь тонкій рыхлый въ верхнемъ собраніи почти желъ песокъ,
то является нѣкоторое сомнѣніе, относите ли это къ числу городишекъ
железистаго значенія, или, болѣе, что въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ отсюда
имѣется настоящее городище. Однако гортинянта показываютъ обѣстный и
богатый, а кроме того, на бугрѣ все же отмѣчается и толстая про-
слойка желтой земли, песокъ и глина, такъ что этотъ бугоръ самъ
все же включается въ общій счетъ описываемыхъ городищъ, хотя и не
бѣтъ отворовъ.

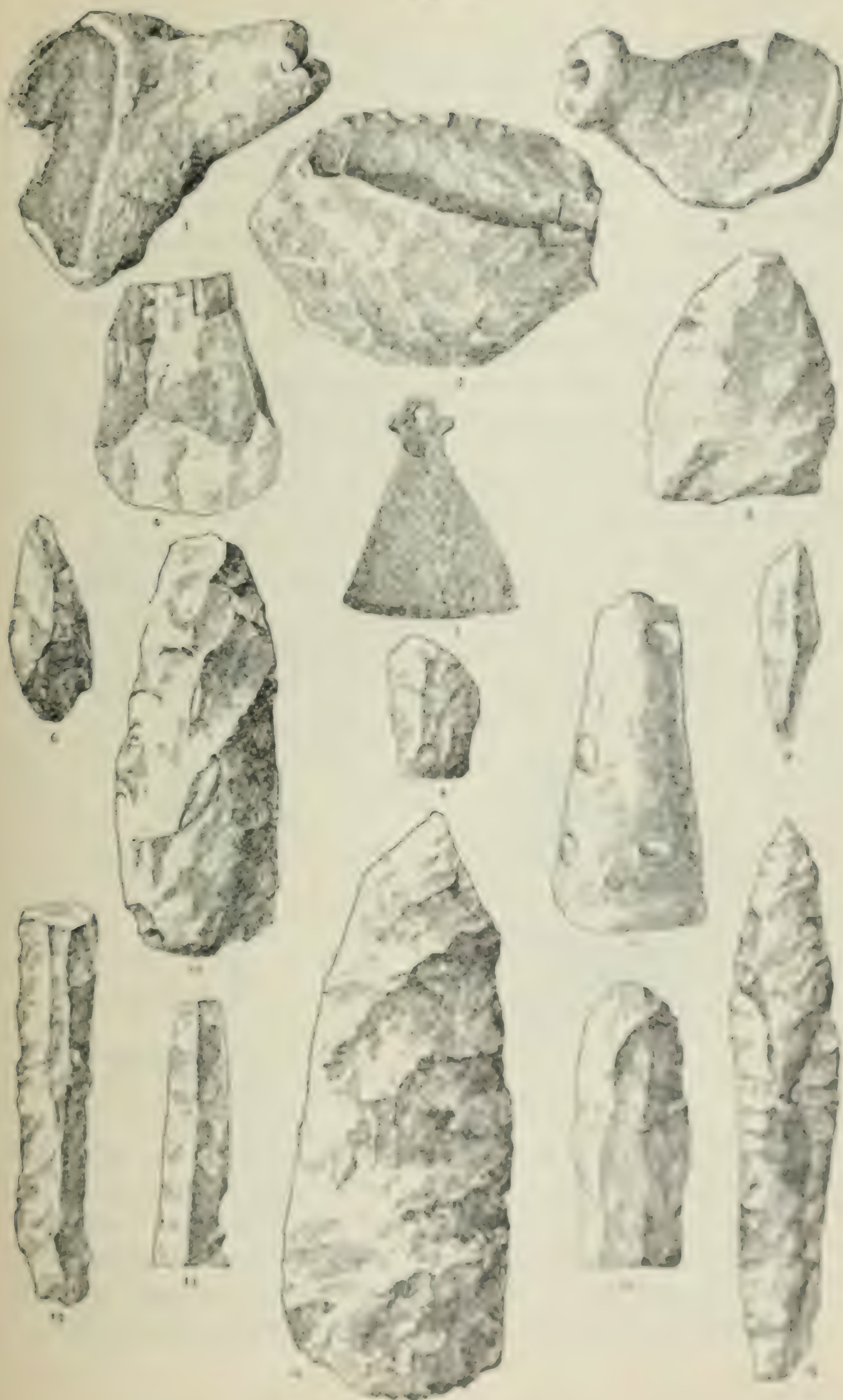
На горизонте пейзажа чередой сь появляются обжитые участки, кисти домовинных и доканы животинных (домашних, коровы, лошадей, свиней, мелких животинных и крылатых, птиц и рыб), а также, раскочеванных и жонных, и различные виды, очень интересные животные (рис. 31) и растения итд. пролетают поперек крестов, а также, итд. палатки итд. Харьковской и Полтавской (рис. 32, 33), выходящая вдали башня с гонимой, лавкой (рис. 34), а также, вдали (рис. 34), различные виды сь круглыми, обитыми (рис. 35 и 36), а также, различные животные или части, а также, (рис. 37), различные острова, различные

ныя заостренія, рукояти (рис. 89—91), амулетъ въ видѣ треугольной подѣлки, вырѣзанный изъ человѣческаго черена (рис. 91 № 7), глиня-
ная пряслица и ложки (рис. 91 № 1 и 2) и значительное количество

подѣлокъ изъ кремня: ножичковъ, скребковъ, грубыхъ стрѣлокъ, массив-
ныхъ клинцевъ (рис. 91) и неопредѣленныхъ осколковъ. Большинство
кремневыхъ подѣлокъ найдено въ одномъ мѣстѣ, на краю вала, «въ верх-

ней части пласта плотнаго суглинка». На СВ. склонѣ бугра найдены 2 каменные топора (типа рис. 94 № 14?), обломки скребковъ, ножн; кремневые обломки встрѣчались изрѣдка и по другимъ мѣстамъ бугра. Подѣлки рис. 9 и 11 приобрѣтены съ рукъ изъ мѣстныхъ находокъ. Городище производитъ впечатлѣніе одного изъ самыхъ раннихъ сооружений этого рода на Окѣ и Волгѣ (Булычевъ Н. И., Журналъ раскопокъ 1898 г. по берегамъ Оки. М. 1899 г. стр. 18—23).

№ 11. Слц. Серѣнскъ (Мещовскаго у.). На старомъ городищѣ, упоминаемомъ въ XIII в., среди сравнительно позднихъ русскихъ вещей Н. И. Булычовымъ добыты различныя вещи типовъ Дьякова городища: два каменные топора (одинъ на рис. 129 № 18, другой такой же, но съ болѣе тупымъ тыломъ), обломокъ мѣдной подѣлки, покрытой красною эмалью (рис. 95), костяная игла, желѣзный плоскій наконечникъ стрѣлы типа рис. 100 и небольшое количество другихъ вещей. (Булычевъ Н. И., Журналъ раскопокъ. М. 1899 г. стр. 39—42).

№ 12. С. Спасъ-Перекша (Масальскій у.). Остатки городища, шириною до 23 саж., приспособленнаго подѣ укрѣпленіе позднѣйшимъ русскимъ населеніемъ. Интересенъ составъ вала, имѣвшаго въ общемъ до 5 арш. вышины. На $\frac{1}{2}$ арш. сверху шель дерновыи покровъ, ниже сперва выступалъ слой песчаной и жженой земли той же тол-

Рис. 95. $\frac{2}{3}$.

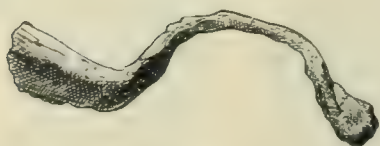

Рис. 96. $\frac{1}{2}$.

Рис. 97. $\frac{1}{2}$.

щины, а затѣмъ слой чернозема въ 1 арш. массивности; остальная часть вала состояла изъ плотной желтой глины. Раскопана была вся площадка и снесена прилегающая къ ней половина вала. Почти всѣ предметы найдены въ валу, въ верхнемъ слоѣ черноземнаго пласта: черепки, уголь, кости лосей, коровъ, овецъ, свиней, медвѣдя и домашнихъ птицъ и различныя вещи (маленькая золотая лунница типа рис. 237), мѣдныя фибулы рис. 96 и 97, пряслица, часть мѣдной пряжки того же типа, какъ въ Порѣчскомъ городищѣ, подѣлки изъ кости, кремневый по-

дичекъ и пр.). Весьма возможно, что пласты, лежащие въ ватѣ были черноземнаго, насыпаны уже въ позднѣйшее время. На площадкѣ терраса найдены только черепки и кости. (Будычковъ Н. П., Журналъ раскопокъ, М. 1899 г., стр. 23—25).

№ 13. Д. Мощины (Масальскаго у. г.). Терраса открыта и раскопана въ 1888 г. Н. П. Будычковымъ. Она расположена на берегу р. Панаоты, на небольшомъ, остромъ, уже опавшемъ съ береговъ мысу и укреплена валомъ и небольшимъ рвомъ, вѣроятно, такой же ровъ находится и вдоль внутренней части вала. Валъ имѣетъ въ вышину до 6 арш. и состоитъ изъ двухъ древнихъ и двухъ новыхъ слоевъ. Сверху на $\frac{3}{4}$ арш. идетъ дерновая земля, ниже второй слой иного состава, заключающій въ себѣ много вещей, какъ древнихъ, такъ и позднихъ русскихъ, толщиной 2 $\frac{1}{4}$ арш., еще ниже — первый старый слой, толщиной 1 арш., и наконецъ выступаетъ древнѣйшій пластъ, 2 арш. массивности, вымощенный сверху будыжникомъ (рис. 275). Ватѣ попадались съ углемъ, костями животныхъ, черепками и железной землей. Между многочисленными находками въ ватѣ можно отмѣтить: обломокъ мѣдной пряжки съ эмалью (рис. 245), мѣдную подвеску съ эмалью (рис. 255), мѣдныя орнаментированныя бляшки (рис. 101 и 246), обломки мѣдныхъ браслетовъ, стеклянную красную бусу Кошнбеевскаго типа, разнообразныя глиняныя пряслины (рис. 98, 99, рис. 129 № 14 и 16), подбала

Рис. 98. 1/4

Рис. 99. 1/4

Рис. 100. 1/2

Рис. 101. 1/4

изъ кости, обломки маленькнхъ глиняныхъ сосудовъ, желѣзные наконечники стрѣлъ (рис. 100) и клинъ, поломанную железную стрѣлу (рис. 129 № 15). Въ грунтѣ ватѣ вала, въ срединѣ части его, найденъ замѣчательный кладъ вещей съ эмалью и безъ нея, описанный въ одной изъ слѣдующихъ статей (рис. 235—276). Кроме ватѣ на площадкѣ найдено 6 человѣческихъ скелетовъ — одной супружеской, де-

лавныхъ, какъ показалось изслѣдователю, въ безпорядкѣ; одинъ изъ нихъ лежалъ на лѣвомъ боку съ подогнутыми ногами и руками, и тутъ же оказался обломокъ каменнаго орудія. Кажется, что здѣсь же найденъ каменный молотокъ (рис. 129 № 17), разбитый пополамъ. Возможно, что г. Булычевъ наткнулся на остатки древняго могильника, можетъ быть, даже мѣднаго или каменнаго вѣка. Хотя близъ упомянутаго скелета въ скорченномъ положеніи найденъ въ обломкахъ сосудъ городищенскаго типа (грубой работы съ выступающимъ наружу краемъ дна), однако мы не рѣшаемся относить его къ этому погребенію, впредь до рѣшенія общаго вопроса объ обрядѣ погребенія у народности, оставившей городища даннаго типа. По всей площадкѣ встрѣчены кости животныхъ, черепки и уголь. На самой стрѣлкѣ городища находились остатки кургановиднаго возвышенія до 2-хъ арш. высоты, насыпаннаго изъ жженой глины, земли и гравія, въ которомъ всюду попадались уголь, черепки и кости, а также найденъ былъ желѣзный ножъ и обломокъ какой-то другой желѣзной вещи. (Булычевъ, Журналъ раскопокъ, М. 1899 г. стр. 15—21).

№ 14. С. Городище (Тарусскаго у., противъ г. Алексина, на картѣ не отмѣчено). Открыто г-жею Гендуне и раскапывалось ею въ 1900—1902 г. Городище расположено на отдѣльномъ продолговатомъ возвышеніи, образующемъ весьма значительную площадку (не менѣе 150 саж. длины и 55 саж. ширины), на которой и помѣщается самое село со всѣми своими усадьбами; р. Мышега обходитъ почти кругомъ всего этого, можно сказать, огромнаго укрѣпленія. Раскопки произведены были главнымъ образомъ по оползню культурнаго слоя, въ разныхъ мѣстахъ городища, причемъ всюду были находимы древніе черепки, кости животныхъ и различныя вещи: пряслица, мѣдныя спиральки, бусы, мѣдная подвѣска-трубочка типа Борковскаго могильника и др. Большинство же находокъ должно быть отнесено къ числу болѣе позднихъ русскихъ. Найдены были остатки костра, на которомъ производилось обжиганіе древней посуды, и печь, примитивно сложенная изъ известняка; въ ней сохранилась зола и уголь. Раскопка вала обнаружила, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ (рис. 102). Верхнюю часть его занимали два слоя, черноземный и суглинокъ (?), оба малой толщины. Далѣе шла главная масса вала, состоящая изъ комьевъ обожженной глины, разбитыхъ и смѣшанныхъ съ простою глиною, повидимому, мокрою; въ массѣ этой всюду вкраплены частицы угля. Въ общемъ получился очень плотный матеріалъ, съ трудомъ поддающійся изслѣдованію. Основаніе этой части вала сложено изъ земли весьма разнороднаго состава. На материкѣ изъ

бурой глины и известняка накладывают один слой над толщиною в $1\frac{1}{4}$ ф., далее слой белой глины с углем в толщину $\frac{1}{4}$ ф., также также небольшой слой желтой глины, толщиною в 1 ф., также бурый натертого глина толщиною в 1 ф., и это до начала расширять вверх, далее в 2 ф. толщиною опять слой глины с известняками желтой глины и углем, и все это в передней части обдвинуло слоем известняка толщиною до 2-го ф. По сторонам от верха, слою, в толщину 1 ф., в это углубление вмести найдено корытообразное углубление длиной в 3,5 ф. и шириною в 7 ф., стенки изогнутое стволы дровяны, приращенные из жести из углей (рис. 103). Дно углубления состоит из глины желтого цвета (Рис. 103).

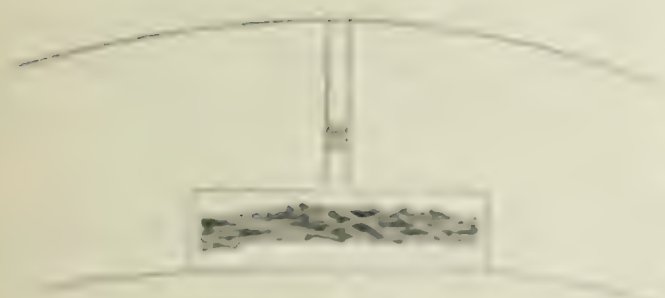
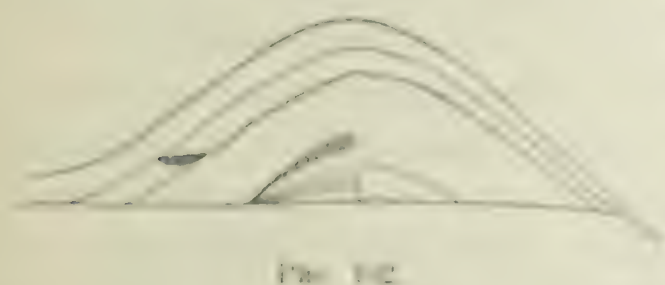

Рис. 103

Рис. 102

Рис. 103

Она занимать длинное возвышение, заселенное еще в пору до каменного века, от которого остались массивные наслоения речных разливов, заселенные черепки, кости животных и предметы из камня. Слой разливов был прикрыт желтовато-бурым слоем, замечательным остатками рыбы, до 1 верш. толщиною, а выше слой темный, иногда совершенно черный культурный слой с костями животных (лошади, корова, овца, свинья, медведь, бобр, лисы, мелкие грызуны, птицы, кости птиц и рыбы), черепками Дьякова типа (?) и разными предметами, между которыми особенно можно отметить желтый браслет, остатки желтого поля, глиняная ложка, приспичка, выделанная палка, несколько кремневых орудий и выделанные кремневые стрелы. Из этого видно, что Дьяковский городок представляет собой место поселения и не имеет ритуального значения (Городков. Результаты исследований 1898 г.—Археология. Иллюстр. 1899, 131—136).

А 16. С. Вышгород. (Рис. 104) Городок находится против села, на р. Рак. Находки: небольшие желтые фибры архаической формы довольно много, выделанные кремневые стрелы, каменный топор, камешки дробы, кремневые выделанные стрелы и др.

черепки съ орнаментомъ, характернымъ для мѣстнаго каменнаго вѣка неолитическаго періода. Есть и позднѣйшіе предметы. (Черепнинъ, Мѣстная старина. Труды Ряз. арх. ком. т. XII, стр. 52).

№ 17. С. Половское (Спасскаго у.). Городище раскапывалось въ 1887 г. членами мѣстной архивной комиссіи. По описанію А. В. Селиванова, валъ этого «Кириллова городка» состоитъ изъ нѣсколькихъ чередующихся слоевъ угля, обожженной кирпичной глины и сырой глины. Въ срединѣ вала слои шли въ горизонтальномъ направленіи, а оболочка представляла собою сводъ, идущій по всему протяженію вала (рисунка разрѣза не дается). Слои угля состояли, повидимому, изъ цѣльныхъ обуглившихся бревенъ. По предположенію г. Селиванова, валъ сооружался такъ, что сперва во всю длину клали бревна, зажигали ихъ, набрасывали сверху слой сырой глины, и повторяли этотъ пріемъ еще два раза, такъ что валъ составилъ изъ трехъ слоевъ обожженной глины. Найденные на городищѣ черепки имѣютъ шероховатую поверхность. (Селивановъ, О раскопкахъ въ Старой Рязани.—Труды Ряз. арх. ком. II, 123; V, 35—36).

№ 18. Недостаево. Валъ городища обожженъ (статья г. Городцова о Федяшевскомъ городищѣ).

№ 19. С. Городецъ (Спасскаго у.). Городище находится на лѣвомъ берегу р. Оки ниже Половскаго. Изслѣдовано въ 1898 г. В. А. Городцовымъ (Археологич. Извѣст. 1899 г., стр. 186—194).

Городецкое городище расположено на мысу; его размѣры 38 × 33 саж. Культурный слой въ среднемъ имѣетъ толщину въ 1 арш., но мѣстами достигаетъ до 5 арш. глубины. Городище укрѣплено валомъ, имѣющимъ не болѣе 4 арш. вышины, и рвомъ. Нижняя часть культурнаго слоя представляетъ прослойку нѣжнаго пепелисто-темнаго цвѣта, всего до 1½ верш. толщиною, происшедшаго, какъ полагаетъ г. Городцовъ, отъ выжиганія мѣстности огнемъ. Въ прослойкѣ этомъ, относящемся къ каменному вѣку, найдено небольшое количество подѣлокъ изъ камня, между которыми наиболѣе любопытны обломки кремневой стрѣлы и кремневый отбойникъ овальной формы. Всѣ остальные культурные остатки городища относятся къ болѣе позднему времени. По краямъ площадки и по срединѣ ея найдены остатки жилищъ, въ видѣ ямъ, имѣющихъ въ длину 10—18 арш., въ ширину около 8 арш., въ глубину до 1½ арш.; жилища эти имѣли сверху деревянный накатъ, прикрытый землею, по всей вѣроятности, односкатный. Какъ въ ямахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ городища были найдены въ значительномъ количествѣ кости животныхъ (чаще всего попадались кости лошади и

вершин, въ меньшемъ количествѣ глины, глина, доска, желѣза и артефакты, черепки Ладкова типа, преимущественно съ рубчатыхъ орнаментомъ, пряслица, глиняные лязки, разнообразная жарафа изъ глины, рутинны вагонныя терки или жернова, желѣзные ножи, ножки, прошивъ одинъ съ округленнымъ обушкомъ, желѣзные удила и пр. Среди черепковъ преобладають керамикары съ крупнымъ рубчатымъ и ступенчатымъ орнаментомъ, составляющимъ оригинальную особенность дачасть и Михайловскаго московскаго городища (№ 25). Подѣлка изъ камня, которая можно было бы съ несомнѣнностью отнести къ послѣднему времени съуществованія городища, нельзя указать; можетъ быть, къ этому времени (?) относится сломанный дориговый молотокъ и часть другого, изъ которыхъ первый найденъ въ землянкѣ (*Городища. Результаты исследований. Археологич. Извѣст. 1899 г., 186—194*).

Бассейнъ р. Москвы.

У 20 С. Дьяково (близъ Москвы). Городище открыто, кажется, Д. И. Самоквасовымъ, исследовано Ю. Д. Фидимоновымъ и В. И. Сионовымъ. Расположено на вершинѣ очень высокого отсѣльнаго холма, поднимающагося до 24 саж. надъ уровнемъ рѣки. Съ вершины естественный спускъ на культурную низину (рис. 104). По краямъ холма, почти совершенно отвѣснѣй. Размеры городища значительныя, до 500 кв. саж. Вала состоитъ изъ чистой глины и интереснѣе тѣмъ, что насажены на культурномъ слое, можетъ быть, въ болѣе позднее время. Въ западной части культурныя наслоенія, по словамъ В. И. Синова, располагались слѣдующимъ образомъ: сверху слой чистаго чернозема, толщиной до 1 арш., съ жемчужно-особенно обильными въ нижней части, за нимъ слой угля и жомъ въ сеткомъ, въ которыхъ вещей почти не встрѣчалось (также жомъ и въ другихъ ниже прослойкахъ чистаго бѣлаго песка), толщиной въ $1\frac{1}{2}$ арш. и даже болѣе, еще ниже слой бурого, сжиганнаго съ жемчужно-отдѣльными прослойками жомъ, лежащій на природномъ глинистомъ грунѣ и также заключающій въ себѣ черепки и вещи, хотя въ немъ весьма въ количествѣ, чѣмъ верхній слой. Послѣднй слой достигаетъ въ толщину до $1\frac{1}{4}$ арш. и представляетъ собой древнѣйшее наслоеніе городища. Общая толщина культурнаго пласта въ этой части достигаетъ до 2-хъ саж.; въ средней части планировка наслоенно тоньше. Найденъ весьма многочисленныя и разнообразныя костяныя орудія разнаго размера (рис. 105 № 3, 3 а, 17, 21), иглы (№ 4, 10), каменные стрѣлы и острѣя (№ 5—7), пряжка, рюхлякъ, фигурки животныхъ (№ 8—11), желѣзные

шеиные гривны (рис. № 106 № 2 и 6), пряжки (№ 8 и 10), браслеты, шумящія подвески (рис. 106 № 3 и 7), желѣзные ножи, плоскіе наконечники стрѣлъ типа рис. 100, удила, пластинка съ ушкомъ типа рис. 129 № 11, остріе, стекляныя позолоченыя бусы, желѣзный

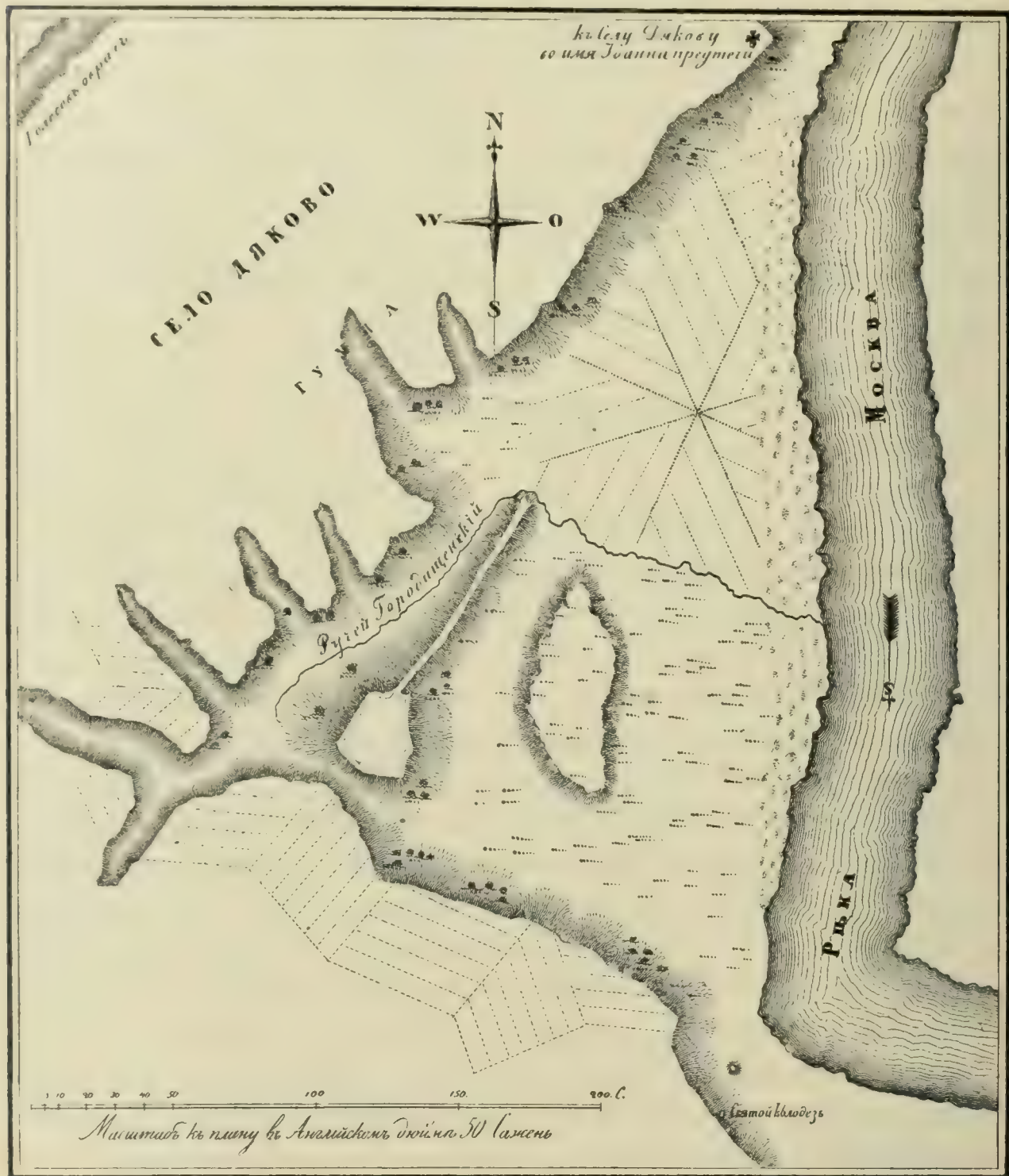

Рис. 104. По чертежу Ходаковского.

кольцо, многочисленныя и разнообразныя глиняныя пряслица (№ 1, 2, 11), шарики (№ 8), маленькіе сосудики (№ 12, 14, 15), льячки (№ 16), нѣсколько каменныхъ орудій (№ 18—20) и чрезвычайно обильныя черепки отъ посуды съ разнообразными, характерными для культуры ор-

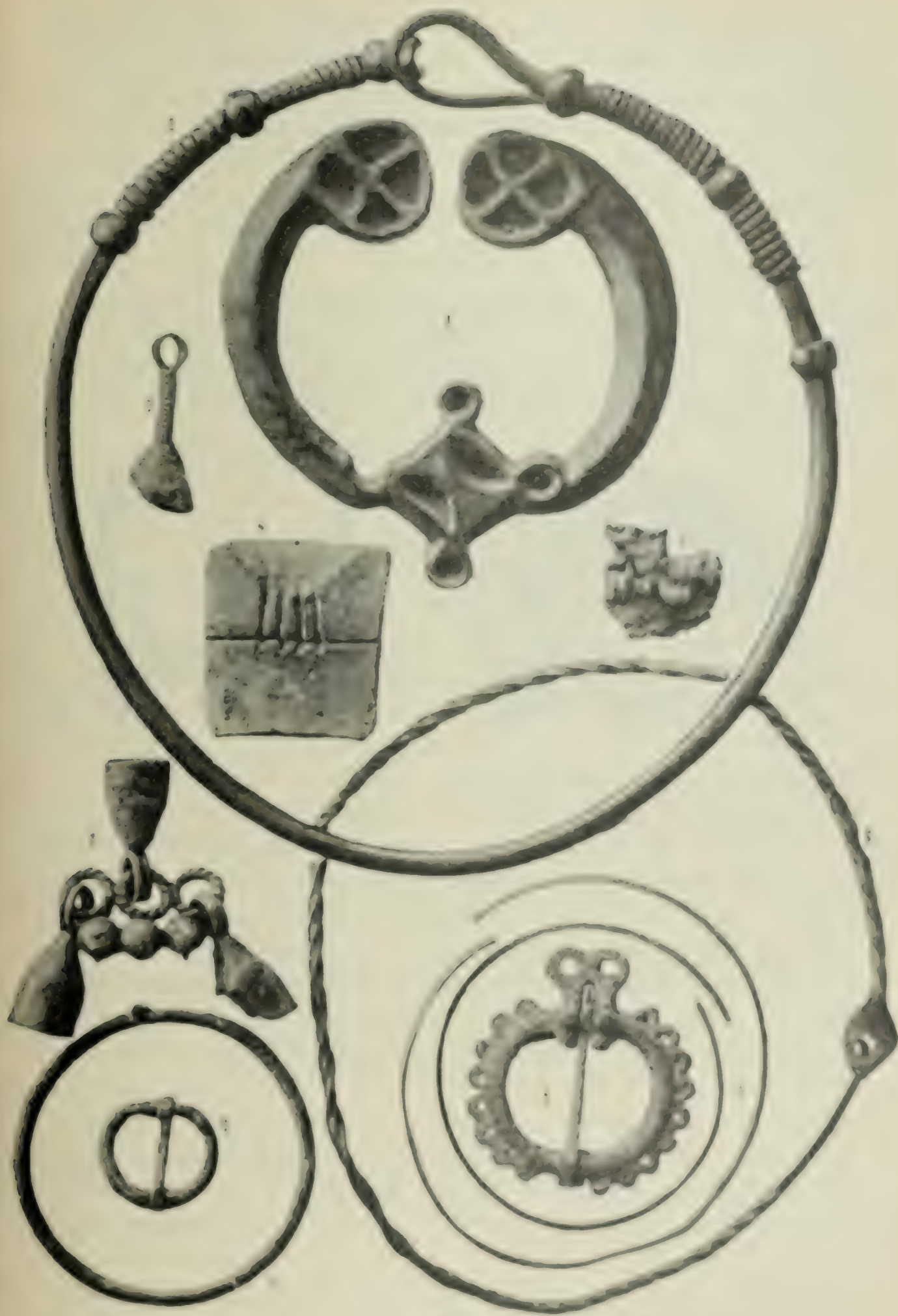

камнями, събитымъ, шнуровымъ, ямочнымъ, погтевымъ и пр. Събитый орнаментъ В. И. Сизовъ признаетъ наиболѣе древнимъ, такъ какъ украшенные имъ черепки встрѣчены въ нижнемъ слое, въ которомъ найдены также плоскіе наконечники стрѣлъ и каменное орудіе въ формѣ кирки (точилка № 18). Гдѣ найденъ кремневый клинъ, остается не отмѣченнымъ. При раскопкахъ встрѣчены кости лося, медвѣдя, бобра, лошади, кабана, рыбы. По отчету Ю. Д. Филимонова, разрѣзавшаго городище широкими канавами крестъ-на-крестъ, верхній культурный слой, толщиной въ 1 арш., состоятъ изъ чернозема и не заключалъ никакихъ предметовъ древности. Глубже слѣдовали слои угольевъ съ золою, а затѣмъ, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., слой песку, доходившіе мѣстами до $\frac{1}{4}$ арш. толщины: угольные слои тянулись также неравномѣрно, отъ 2-хъ до 4-хъ и 5-ти верш. Въ угольныхъ (зольныхъ) слояхъ встрѣтились черепки, глиняныя подѣлки въ видѣ человѣческой фигуры, костяная головка кабана, погремушки, шарики, пряслица, мѣдная бляшка, колокольчикъ. Далѣе, до глубины 4-хъ арш., шли тонкіе слои мелкаго угля съ золою, а материкъ былъ покрытъ слоемъ бурой земли съ остатками изъ растительнаго царства, мѣстами до 1 арш. толщиной, отваливающагося кусками, какъ торфъ. Здѣсь сдѣланы наиболѣе обильныя находки: черепки, кости коровы, овцы и кабана, большія и малыя костяныя орудія, кругляки, точильные камни, бруски, плитки. Мѣдныя и нѣкоторыя желѣзныя вещи городища тѣсно связываютъ его съ культурою Кошнбеевскаго могильника, относящагося, быть можетъ, къ VI—VII в., начало же его существованія пока не можетъ быть опредѣлено. Хотя городище и имѣетъ очень массивный культурный слой, но находки въ немъ столь однородны, типы вещей и черепковъ такъ повторяются, что, на нашъ взглядъ, нельзя говорить о многовѣковомъ существованіи его. Тѣмъ цѣннѣе это, еще не вполне дослѣдованное, жертвенное мѣсто. (Сизовъ В. И., Дьяково городище. Труды Вилensk. Археолог. Съѣзда т. II, 256—267. Филимоновъ, Краткое извѣстіе о раскопкѣ Чортова городища подъ Москвой. Вѣстн. Общ. Др.-Русск. Иск. 1876 г., стр. 106).

№ 21. Д. Нижніе Котлы (за Серпуховскою заставою г. Москвы). Городище открыто П. О. Криштафовичемъ и еще не вполне обслѣдовано. Оно расположено на береговомъ выступѣ, ограждено рвомъ, имѣетъ 70 шаговъ длины и 50 шаговъ ширины. Въ сторонѣ стрѣлки, на легкомъ скатѣ, толщина культурнаго слоя доходитъ до $2\frac{1}{2}$ —3 арш., а выше на площадкѣ постепенно сходитъ на нѣтъ. Въ нижней части слоя черепки плохого обжига, съ примѣсью зеренъ кварца. Находки: мѣдная

витая шейная гривна, костяное остріе до $3\frac{1}{2}$ верш. длиною, въ большомъ количествѣ кости. Въ культурномъ слое часто встрѣчается уголь, полуобожженное дерево и пр. При выемкѣ чернозема съ площади городища на огороды крестьяне вырыли множество человѣческихъ костяковъ (Археологич. Извѣстія 1893 г., стр. 420—421).

Бассейнъ Клязьмы.

№ 22. С. Доброе (нѣсколько ниже г. Владиміра). Городище, называемое «Курмышъ». Раскапывалось въ давніе годы Тихомировымъ, причемъ, между прочимъ, найденъ былъ кремневый пуклеусъ. По этой находкѣ мы предположительно и зачисляемъ данное городище въ число описываемыхъ (Извѣст. Имп. Русск. Археол. Общ. V, 479).

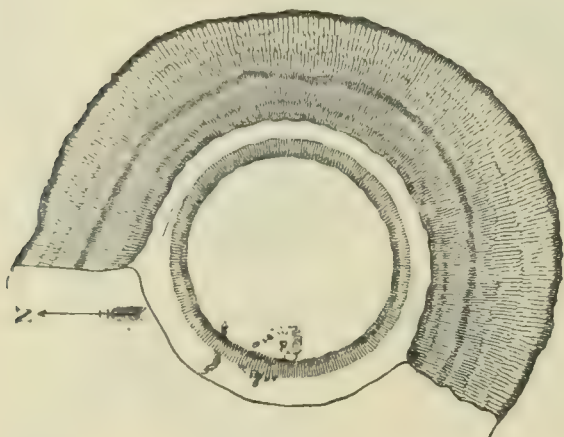

Рис. 107.

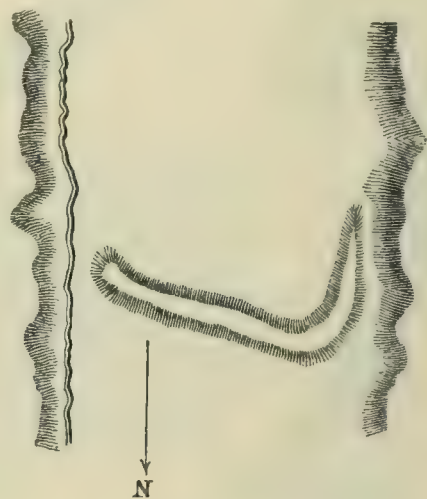

Рис. 108.

№ 23. С. Васильки (близъ Суздаля), на р. Нерли. Городище расположено на оконечности обширнаго мыса, имѣетъ круглую форму, ограждено рвомъ (рис. 107). Савельевъ въ 1851 г. провелъ на площадѣ нѣсколько канавъ, причемъ подъ слоемъ чернозема обнаружены были звѣринныя кости, черепъ, 3 каменные бусы, серпъ, нѣсколько ножей, глиняный просверленный катокъ и небольшіе слои угля. Городище отнесено къ данной группѣ лишь предположительно. (Гр. Уваровъ, Мереяне, стр. 673).

№ 24. С. Ильинское (близъ г. Юрьева). Городище «Турданъ», расположенное на возвышеніи, имѣющемъ форму загнутаго вала (рис. 108). При раскопкѣ въ двухъ мѣстахъ въ 1852 г. Савельевъ на глубинѣ 6 арш. нашелъ уголь, черепки отъ необожженныхъ сосудовъ, костяной черенокъ. (Тамъ же, стр. 673).

№ 25. Д. Михайловка (Дмитровскаго у.). Городище «Пирожная гора». Открыто г-жею Гендуке и изслѣдовано ею въ 1901 и 1902 гг.

Расположено на обширном мысу, не особенно сильно возвышенном над берегом р. Вери, в очень плодородной долинке. Находка здесь гонимы, веревы, свинца, кости и значительное количество черепков и обломки праслин. Орнаменты черепков: рѣдкій рубчатый (пробитый), крупный зубчатый, также на Гореловском городище (№ 17), а также неправильными зубцами и пр. истрѣбаны черепки из шпуровых орнаментов.

Бассейнъ верховьевъ Волги.

№ 26. С. Сидорово (Клинского у.). Городище открыто в 1901 г. И. И. Смирновым. Расположено на мысу, окруженном высоким холмистым валомъ. По находкамъ, костям и черепкамъ можно однако предполагать, что это городище было из древнѣйшихъ данного типа.

№ 27. Д. Понезово (Клинского у.). Два жилища городища, расположенныя въ недалекомъ разстояніи одно отъ другого. Открыты И. И. Смирновымъ и раскопаны Н. А. Смирновымъ въ 1903 г. Изъ описанія этой раскопки, помѣщаемой ниже, усматривается между прочимъ, что валъ первого городища занималъ по краю площадку, на которой ите жила, отдаленъ отъ площадки ровомъ и степь показана, что ясно не поднимается надъ ея горизонтомъ.

№ 28. С. Тарапново, расположенное въ томъ же районѣ на р. Луговѣ. На городищѣ найдены золотые вещи и черепки дѣловыя типа. Не исследовано.

№ 29. С. Спасеное (Зубовскаго у.). Кладовики Тверского музея. Небольшое количество черепковъ.

№ 29а. Д. Юратина (Гжельскаго у.). На устьѣ р. Дюкъ близъ Ржева въ 4 вер., на высокомъ мысу. Въ Тверскомъ музѣ отсюда найдены изделия типа дѣловыхъ городищъ. Въ верховьяхъ, расположенныхъ тутъ же г. Шестовымъ, замѣчались черепки жемчуга, кости и т. п. найдены находки каменнаго молотка, а также бусы и другие древня находки.

№ 29б. Д. Фомино (Гореловск. у.). Городище открыто при сдѣлкѣ р. Вазулы и Оуши. Открыто С. А. Степановъ, производившій кромешный каменечный копья, тѣло древняго клина, стрѣла кремневая стрѣлы изъ палочекъ, костей и выщипанъ жемчуга, бусы, пруты подбѣсы.

№ 30. С. Юрковское (Истринскаго у.). Городище открыто в окрестности раскопано въ 1906 г. В. А. Басковскимъ. Расположено на ос-

на возвышеніи, окруженномъ съ трехъ сторонъ ручьемъ, и имѣеть въ длину 60, въ ширину 25 метр. Подъ новымъ слоемъ, на глубинѣ 2—3 метр., старый культурный слой, въ которомъ найдено много костей животныхъ, черепковъ, глиняная чашечка, пряслице, костяныя подѣлки и мѣдный обломокъ. (Изъ рукописнаго отчета).

№ 31. Д. Горка (Старицкаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Черепки, пряслице, мѣдная гладкая бляшка съ ушкомъ, какъ на Лисицкѣ Черной Горѣ, 3 мѣдныхъ пластинчатыхъ кольца.

№ 32. С. И з б е р е ж ь е (Тверскаго у.). Въ курганахъ, раскопанныхъ здѣсь В. П. Сизовымъ, костяки лежали «на слоѣ золы и сажн, съ примѣсью угля», который, быть можетъ, относится къ мѣстному городищу (Указатель Историч. музея, стр. 111). Въ Тверскомъ музеѣ изъ г. Избриска имѣются: нѣсколько черепковъ съ сѣтчатымъ и зубчатымъ орнаментомъ, изящная кремневая стрѣлка съ насадомъ, 2 тонкіе ножичка, плоскій каменный шлифованный молотокъ, большой рѣзакъ изъ желтаго кремня, грубой работы, желѣзный ножъ съ круглымъ обухомъ.

№ 33. Д. М у х и н о Г о р о д и щ е (Тверскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея.

№ 34. Д. Д у д е н е в а (Тверскаго у.). Городище, отъ котораго остался лишь небольшой край вала, насыпаннаго изъ зольныхъ пластовъ, и зольный пласть позади вала, гдѣ начинается большая группа кургановъ XII—XIII в., отчасти изслѣдованныхъ нами въ 1902 г. Въ курганныхъ насыпяхъ всюду замѣчались черныя прослойки, образовавшіяся изъ вынутой съ поверхности городища земли, и найдены нѣкоторыя подѣлки: широкій кремневый нуклеусъ, желѣзная пластинка съ ушкомъ, пряслице съ зубчиками по краю, битые красные камни, шиферная точилка типа рис. 109 и 7 кремневыхъ неопредѣленныхъ осколковъ и подѣлокъ. Въ береговомъ обвалѣ собрано до 40 такихъ же неопредѣленныхъ обломковъ и почти круглый скребокъ съ крутою обивкой на одной сторонѣ. Цвѣтъ кремня преимущественно синевато-розовый. Въ Тверскомъ музеѣ имѣется довольно много вещей типовъ Дьякова городища и иныхъ съ отмѣткою «Дуденева» и «Отмичи». Подѣлки изъ мѣстнаго кремня: массивный топоръ въ видѣ пластины съ широкимъ полукруглымъ остриемъ и массивнымъ, но суженнымъ тыломъ (формы приблизительно табл. XIX. 42), до $\frac{1}{4}$ арш. ширины, и большой клинъ типа рис. 123, длиною 19 сант. Иныя подѣлки изъ кремня: наконечникъ копья съ шипами (рис. 112, изъ темнаго кремня), 2 такіе же меньшей величины изъ желтаго и розоваго кремня, наконечникъ копья ромбической формы (рис. 114, изъ чернаго кремня), наконечникъ стрѣлы лавролистной формы съ легкою вы-

FIG. 109

FIG. 110

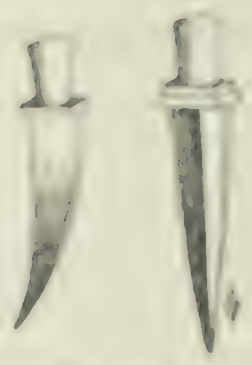

FIG. 111

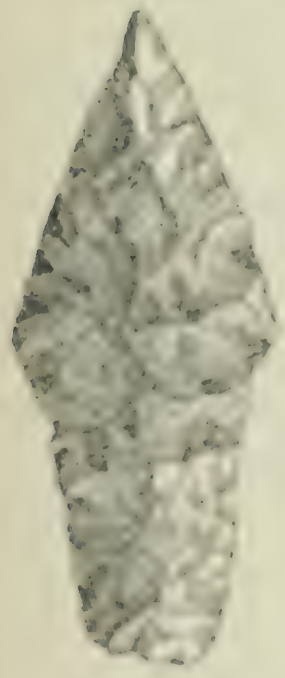

FIG. 112

FIG. 113

FIG. 114

FIG. 115

FIG. 116

FIG. 117

глубокою выемкою въ нижней части (рис. 116), 3 наконечника стрѣлъ другихъ формъ (2 съ насадами, какъ рис. 119, одинъ толстый узкій, съ круто оббитыми сторонами), 8 ножичковъ типа рис. 120, разной величины, большой наконечникъ копья миндалевидной формы, изъ сѣраго кремня, большой же наконечникъ типа рис. 112 изъ розоваго кремня, небольшой клинъ съ желобкомъ типа рис. 126 (длиною всего 8 сант.), изъ плохого сѣраго кремня, и разные обломки. Подѣлки изъ камня: половина плохого полированнаго каменнаго молота, клинъ изъ сіенита (?) рис. 115 и ударное орудіе въ видѣ небольшого валуна овальной формы, съ выемками для захвата изъ краснаго песчаника (рис. 113, напоминаетъ подобныя олонекскія подѣлки). Мѣдныя вещи: отличная фибула (рис. 111) типа рязанскихъ могильниковъ VIII в. и двѣ подвѣски въ видѣ кинжаловъ (рис. 110), римскаго типа. Черепки съ орнаментомъ изъ кружковъ и глубокихъ зубцовъ, маленький сосудъ (рис. 117); черепковъ собрано къ сожалѣнію, мало.

№ 35. Д. Горки (Тверскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Нѣсколько черепковъ зубчатаго и сѣтчатаго орнамента.

№ 36. С. Лисицы (Тверскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Отличный большой рѣзакъ общаго типа, 3 стрѣлки съ насадомъ, кремневый наконечникъ копья съ широкимъ насадомъ, 3 ножичка, широкій нуклеусъ, пряслице, черепки съ очень стильнымъ орнаментомъ (крупно-зубчатымъ, какъ въ Михайловскомъ городищѣ, щипкомъ, плоскими кружками, кружками въ видѣ широкихъ колецъ, кружковый двудольный, прерывистымъ кружкомъ, во всѣхъ примѣсъ кварца), часть ажурнаго мѣднаго браслета изъ двухъ узкихъ полосокъ. Въ томъ же музеѣ съ Черной Горы, между с. Юрьевскимъ и Лисицами, имѣются: 7 кремневыхъ ножичковъ, изъ которыхъ одинъ широкій и тщательно обитый, большой грубый нуклеусъ, обломокъ каменной булавы, шиферный топоръ-рѣзакъ общаго типа, подержанный, кремневый наконечникъ копья, грубой работы, мелкія подѣлки изъ мѣди, литыя и проволочныя (кольца, бляшки, кольчужки), 2 бусинки изъ синей пасты, 2 желѣзныя булавки, большой желѣзный полукруглый ножъ.

№ 37. Д. Сухарина (Корчевскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Черепки съ сѣтчатыми и иными орнаментами.

№ 38. Д. Заборье (Корчевскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Кажется, что курганы, раскопанные близъ этой деревни Кельсіевымъ, частью стояли на городищѣ, откуда въ нихъ попадались черныя прослойки, кости животныхъ, обломокъ кремневаго ножа. (Указатель Историч. Музея, стр. 204).

№ 29. Д. Омутня (Кортевого т.). Коллекция Тверского музея.

№ 10. С. Пристона (Калужского у.). В Тверском музее отсюда имются: 1) 25 рыболов-дуги из желтого желтого кремня съ желобком внизу и больше выпуклым задним сторонам (рис. 123 и 126), длиной 18, 16, 14, 10 и даже 8 сант.; 2) 7 обломков таких же орудий; 3) неопределенные грубые напильки на концы каменных коней; 4) экземпляр описанного выше орудия съ изогнутого топора, здесь это орудие напоминает бытовую ножь или пилу съ полукруглым острием и широким прямым обухом; 5) 22 позитивы разной величины, работы вообще небрежной (заметьте стремление углубить и искривить позитивы); 6) наконечники стрел (2 цилиндрической формы, 4 удлиненной, кажется, даже съ признаками шиповъ, 5 широкие съ широким насадомъ); 7) наконечники коней (6 шт., изъ яйцевидной формы, довольно широкие, некоторые грубой работы); 8) 4 круглые скребка, массивные, съ крутой обиншой; 9) шпатель скребковъ треугольной формы; 10) полукруглые скребки съ рубчатой; 11) неопределенныя позитивы, плоския, на 4 грани; 12) 2 позитивы Лангана меча; 13) костяныя позитивы (отличные наконечники стрелъ и острей, топика, шила, рукояти, кружокъ съ отверстиемъ, 14) 4 праслицы (одна въ видѣ лопатки) и 2 крышечки; 5 яднйя проволоки изъ дерева позитивы; 15) хорошая коллекція черепковъ, некоторые съ орнаментомъ въ характерѣ каменнаго вѣка.

№ 11. Д. Некупова (Кортевого т.). Коллекция Тверского музея. Большие черепки съ орнаментомъ оббитымъ и рубчатымъ, а также плоскими ямочками, метками и крупными глубокими жолобками. 3 праслицы, изъ которыхъ одна высокая, большой костяной стержень, часть костяной остроги, желѣзный ножъ съ круглымъ обухомъ и желѣзная обоймина съ ушкомъ, бывшее на остѣ. Гореловое, называемому, имѣетъ форму описаннаго ниже Муромитяна и напоминаетъ Поневское; оружено двумя палками и тремя рыжми. Длина его 81 сант., ширина 9 сант. (Жуковскій, Описание Тверского музея, стр. 11). Плоская гореловая вымывается какъ гребенчатъ напиль.

№ 12. А. Воробьева (Кортевого т.). на р. Молодани. На покниппиныхъ курчанахъ, расположенныхъ близъ с. Чапковъ, найдены вещи, относящіяся къ совершенно новому вѣку, а именно: праслица изъ гонира въ видѣ лопы, рукоятъ лопы въ видѣ лопы, 2 позитивы

*) Только одна одна изъ рыболов-дугъ, остальныя 24 рыболов-дугъ съ гребенчатъ напиль.

костица, костяное шило, большая серповидная костяная обоймица, точильный камень, обломок обтесанного известкового камня. Вероятно, это вещи съ мѣстнаго городища. (Указатель Историческаго музея, стр. 191).

№ 43. С. Бѣлгородка (Калязинскаго у.). Коллекціи Тверскаго музея. Черенки крупнаго сѣтчатаго орнамента, 3 кремневые ножичка, короткій массивный топоръ или шила, 2 подѣлки въ видѣ шилокъ, осколки.

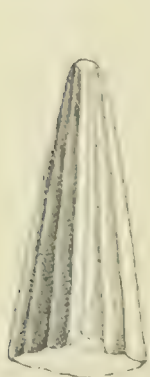

Рис. 118. $\frac{1}{4}$.

Рис. 119. $\frac{2}{3}$.

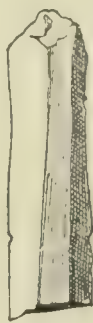

Рис. 120. $\frac{2}{3}$.

Рис. 121. $\frac{2}{3}$.

Рис. 122. $\frac{3}{4}$.

Рис. 123. $\frac{1}{2}$.

Рис. 124. $\frac{2}{3}$.

Рис. 125. $\frac{2}{3}$.

Рис. 126. $\frac{2}{3}$.

№ 44. С. Скнятино (Калязинскаго у.), на устьѣ р. Нерли. Въ Тверскомъ музеѣ отсюда имѣются: отличный рѣзакъ-долото изъ сѣраго кремня (рис. 126), наконечникъ конья съ шипами (рис. 125), 3 наконечника стрѣлъ почти ромбической формы (рис. 121) и одинъ

насадом (рис. 119), 2 длинные и такие же коротко кожанка (рис. 124), до 20 малых похитом (рис. 120), пашенной (ребенка), баша жеричной обивки (рис. 122), 3 раша пухлетта (рис. 118), долевой наконечный стрбы формы рис. 80, концы ахланой петрога, черенки съ рабчатыми и пшуронными приаментами, обломки таша иах трампаго пашалыка и пр. Въ томъ же избраніи русска вещи предмательство XII в.

У 45. Д. Кирьянова (Угличаго у.). Баша-компіа, иаагоры курганы, расположенные здѣсь Ушаковскы, спланы на городищѣ, съ котораго въ нухъ попадали угли и пшолы, а также иаахъ моахъ протомъ, башная мѣдная приажа съ амаломъ рис. 281 (Угличаго. Историч. Музея, стр. 213).

У 46. С. Діаболь (Ростовскаго у.). Моахъ баша, въ числу городищъ Дьякова типа относится извѣстное городище, расположенное на излучинѣ р. Сарры, на отдельномъ каменистомъ возвышеніи (рис. 127), упоминаемое подъ 1216 г. и отчасти изслѣдованное Снедземымъ, по словамъ котораго «тутъ ни копала, вѣдь оказывались вещи». Судя по описанію, найденны были преимущественно похиты русска вещи, ко, моаху прочимъ, тутъ же на городищѣ открыты были небольшой кладъ диргеомъ 713—854 г., а также на немъ были найдены замѣный мшотомъ похитой формы (гр. Уварова, Каменный алакъ, т. II, табл. XVIII, X 241). Сохранившаяся часть городища имѣетъ до 130 саж. длины и до 25 саж. ширины (Гр. Уварова, Мерано, стр. 661—663). Въ 1876 г. побольши раскопки на городищѣ проводилъ Горюхтъ, раскопавшій отахъ иахъ валомъ. Но это словеса, вѣдь состоитъ иахъ черной земли, изъ которой попадаются доволыныя крупныя кссытты, черныя кости животныхъ и пайдена замѣная баша. (Донраискоахъ, восточн. г. II, 289).

У 47. С. Милудинъ (Одесскаго у.). Городище расположенное

въ 1892 г. мѣстной архивною комиссіею, причемъ обнаружена масса воды, углей, много обгорѣлыхъ камней, черенки и желѣзный кельтъ, подобный найденному на Дьяковомъ городищѣ, съ частью дубовой рукоятки. (Костромск. Старина, в. 3, стр. 34—36).

Жертвенныя городища Дьякова типа имѣютъ, безъ сомнѣнія, ближайшую связь съ болѣе древними городищами того же назначенія, найденными на Волгѣ, на Ветлугѣ и въ бассейнѣ р. Камы съ притоками. Близкое къ Дьяковскимъ городищамъ нами найдено въ г. Юрьевцѣ на Волгѣ. Городище имѣетъ валъ и зольный пластъ, въ которомъ при поверхностномъ разысканіи нами найдена пряслица общаго типа, украшенная въ верхней части тремя рядами точекъ, и черенки съ рябчатымъ орнаментомъ. Совершенно такіе же черенки имѣются въ Костромской архивной комиссіи изъ сл. Городища, расположеннаго противъ Костромы: здѣсь, кромѣ того, найдены: черенки съ зубчатымъ и ямочнымъ орнаментомъ и кремневая подѣлки (клинья, скребки, обломки). Черепки съ рябчатымъ орнаментомъ найдены еще въ окрестностяхъ г. Костромы у оз. Святого, на холмѣ, вмѣстѣ съ разнообразными подѣлками изъ кремня и каменными молотками. Днища у посуды прямая. Небольшое городище съ зольнымъ слоемъ извѣстно еще близъ с. Великаго (Ярославскаго у., открыто въ 1899 г. В. А. Городцовымъ). Далѣе на западъ древнія городища съ находками каменныхъ орудій извѣстны на оз. Селигерѣ и Глубокомъ; еще далѣе черенки съ сѣтчатымъ и рябчатымъ орнаментомъ, а также и нѣкоторые другіе предметы дьяковыхъ типовъ (костяное остріе, желѣзный ножъ съ круглымъ обухомъ) найдены въ Витебской губ. На востокъ жертвенныя городища въ большомъ количествѣ извѣстны и отчасти изслѣдованы по р. Ветлугѣ ¹⁾. Большая часть этихъ городищъ по находкамъ примыкаетъ къ типу Пижемскаго костепоснаго, а нѣкоторыя приближаются къ типу Дьяковскаго (особенно таково Одоевское городище, давшее черенки рябчатаго и ямочнаго орнамента и металлическія подѣлки).

Городища низовьевъ Оки, Мокши, Цны и Суры пока остаются неизслѣдованными, но именно въ этихъ мѣстахъ найдены могильники съ вещами, аналогичными предметамъ городищъ Дьякова типа (Кошибеевскій и Сергачскій). Въ центрѣ района этихъ городищъ извѣстенъ пока лишь одинъ могильникъ того же времени, Городищенскій, на р. Москвѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе могильники современемъ будутъ от-

---

¹⁾ Обзоръ нѣкоторыхъ губерній въ археологическомъ отношеніи. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XI, в. 1, стр. 227.

Fig. 120. Various small objects, including flint tools, pottery vessels, and metal objects.

раствы на всемъ пространствѣ отъ Оки до Волги и далѣе, равно какъ и жилищники того же населенія болѣе поздняго типа, Борковского, известные уже и теперь въ значительномъ количествѣ. Слѣды одного жилищника этого типа открыты далеко на западъ отъ Волги, на пустоши Часовиѣ по р. Мстѣ (см. рис. 76).

Рис. 128. ¹ 2.

Вопросъ о верхне-окскихъ городищахъ Дьякова типа вообще рѣшается менѣе опредѣленно, чѣмъ о сѣверныхъ. Въ устройствѣ ихъ есть, какъ мы видѣли, нѣкоторыя особенности: въ вещахъ, при общемъ сходствѣ, замѣчаются и отличія, объясняемые и различіемъ во времени, по можетъ быть, и нѣкоторою разностью культуръ. Главное же, что отличаетъ окскія городища отъ сѣверныхъ—это связь ихъ съ мѣстными курганами. Такіе курганы изслѣдованы были въ районѣ калужскихъ городищъ Н. И. Булычовымъ при д. Шаньково, Почепки и Кажаки, а также при д. Дубровкѣ и Почернино. Курганы эти круглой и продолговатой формы, кругомъ нѣкоторыхъ канавки; въ насыпяхъ остатки кострищъ съ сосудами, иногда многочисленными, съ жженными человѣческими костями и различными вещами типа мѣстныхъ городищъ (мѣдныя фибулы, пряслицы, желѣзная пластинка съ ушкомъ, подѣлки изъ кремня и проч., рис. 128, 129 № 1—13). Быть можетъ, курганы, раскопанные г. Городцовымъ близъ Федяшева городища, относятся къ этому же времени и типу. Возможно, что и всѣ окскіе курганы съ сожженіемъ относятся къ тому же типу, такъ какъ русскіе курганы въ этой мѣстности выступаютъ, повидимому, не раньше конца XI в. и прямо съ обрядомъ погребенія несожженного трупа.

Быть можетъ, въ связи съ городищами Дьякова типа состоятъ оригинальныя окскія городища, небольшія по размѣрамъ, расположенныя на верху ската и укрѣпленныя по скату двумя или тремя валами, съ такимъ же количествомъ рвовъ. Одно такое городище, находящееся близъ с. Муроминскаго, описано В. А. Городцовымъ (Древности, т. XVII, стр. 36), другое открыто мною на Окѣ близъ д. Мысь Доброй Надежды. На последнемъ найдены были кремневые осколки и черепки, повидимому, каменнаго вѣка. Эти городища находятъ нѣкоторую аналогію въ городищахъ Пекуновскомъ на Волгѣ (№ 41) и Попелковскомъ (№ 27).

Раскопки Н. А. Смирнова въ Клинскомъ у. (1902 г.).

(Городища Дыкова типа, русскія курганы)

I. Понедковское городище. Находится близъ д. Понедковской Соперихской вол., на крутомъ берегу р. Дыковки, впадающей въ р. Сестру, въ мѣстности, изрытой оврагами. Открыто въ 1901 г. М. И. Смирновымъ.

Городище расположено между двухъ оврагами и имѣетъ оригинальное устройство. Въ сохранившемся видѣ оно представляеть собою маленькую площадку, почти круглой формы, 44 шага длиной и 34 шага шириною, окруженную сперва рвомъ, а затѣмъ наемъ, который, въ свою очередь, окаймленъ оврагомъ, ватъ не возвышается надъ горизонтальною площадью, а проходитъ даже нѣсколько ниже его (рис. 130, справа въ правомъ углу). Черезъ дѣлный овражекъ на городищѣ велѣтъ дорога, удобная и для проезда. Такъ какъ, по словамъ крестьянъ, большая часть площадки городища уже отмыта водою, то весьма вѣроятно, что въ первоначальномъ видѣ городище имѣло форму удлиненного ямса, бѣло, можетъ, овальной формы. Грунтъ городища — суглинокъ съ глинной, сильно крѣпкой, что его совершенно не беретъ заступъ. Площадка вѣроятно спускается по направлению къ рѣкѣ. Значительная часть городища, начиная отъ края, занята пашей, вырытая для пахотнаго скота.

Раскопана была почти вся свободная часть площадки. У сѣверо-восточнаго края внутреннего рва, почти посрединѣ полуокружности (рис. 130) обнаружена западная дѣла, наполненная углемъ. Дѣла эта имѣла въ длину до 7 арш., въ ширину отъ 1-й до 3-хъ арш., въ глубинѣ до 2-хъ арш., стояла на откосѣ. Дѣла въ сѣверо-восточномъ углу, вѣло, совершенно обуглившуюсь бревенца, лежащихъ почти параллельно по дѣлѣ, и мѣстами имѣла массивность до 1 арш. и болѣе. Отъ дѣла въ вѣло

на грунтъ, а въ верхней части былъ перемѣнанъ съ пескомъ. Среди угля найдено большое количество щебня, колотаго рукою человека, немного черепковъ и два кусочка кости. Щебень наколотъ острыми углами, въ видѣ неправильной формы кусковъ длиною 1—2 верш. и почти исключительно изъ краснаго песчаника, а отчасти изъ гранита (образчикъ такого щебня на Табл. XLIV, 17). Къ угольной ямѣ непосредственно примыкалъ культурный черный пластъ, толщиною до $1\frac{1}{2}$ арш., постепенно выходящій къверху до $\frac{1}{2}$ арш. массивности и въ этомъ видѣ

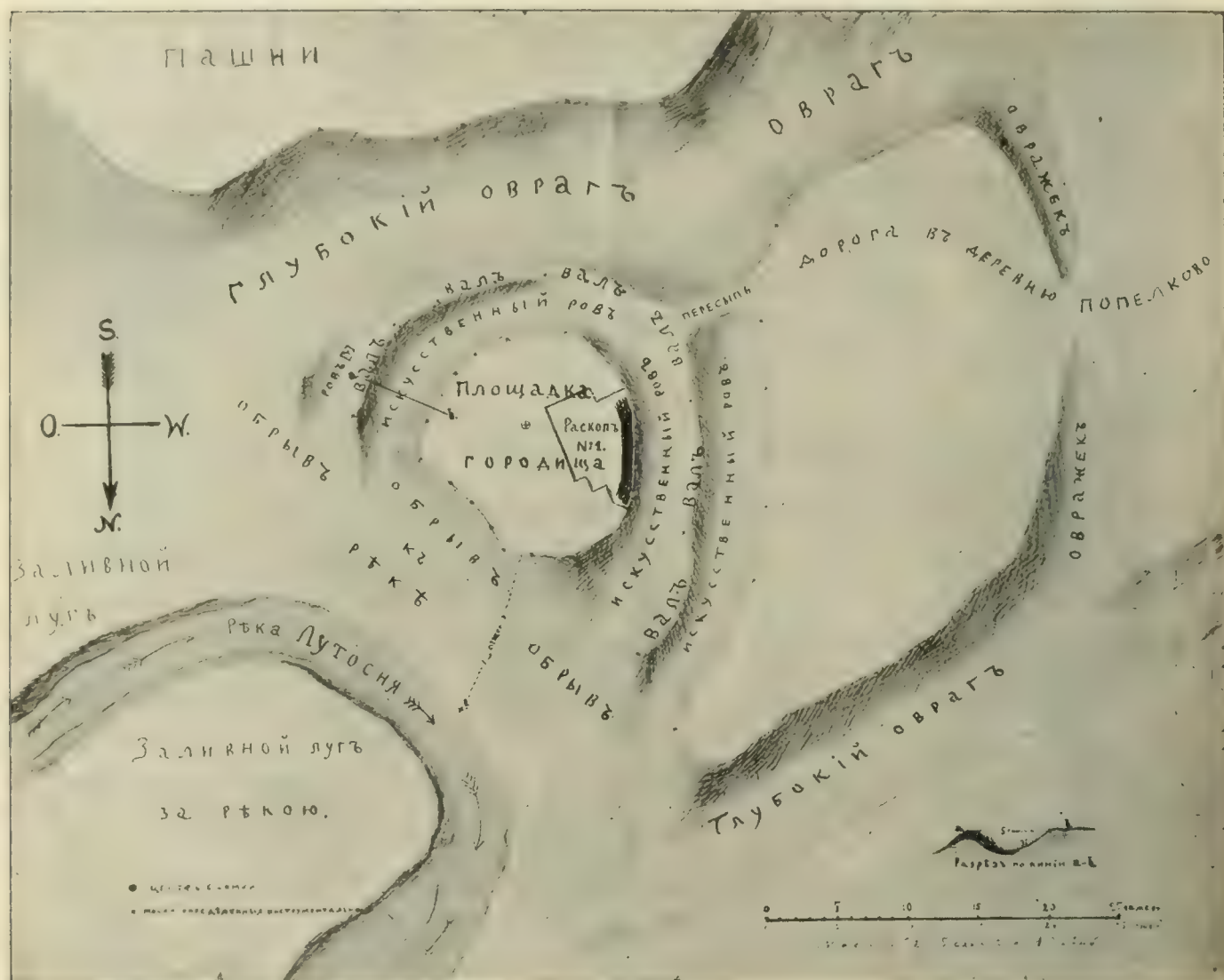

Рис. 130.

подошедшій къ ямамъ съ павшимъ скотомъ. Въ пласту найдено значительное количество черепковъ, куски перержавѣвшихъ желѣзныхъ вещей, желѣзный наконечникъ стрѣлы (рис. 132), нѣсколько поломанныхъ пряслицъ (рис. 131) и желѣзные шлаки. На скатѣ городища собрано небольшое количество черепковъ, и тамъ же оказались комья бурой глины, окрашенной желѣзною ржавчиной отъ разложившихся вещей.

Въ правомъ концѣ вала сдѣланы были разрѣзъ и выемка, съ цѣлью

опредѣлить его устройство. Оказывается, что каждой изъ стенокъ, со-
сверху прикрыть культурнымъ слоемъ обратъ шила толщиной отъ 1 $\frac{1}{2}$
до 2-хъ арш. съ внутренней стороны и $\frac{1}{4}$ —1 арш. съ внешней. Этотъ
слой, чрезвычайно рыхлый, насыщенный щебнемъ, въ который еще попада-
етъ щебенка, или же имѣетъ самостоятельное происхождение. На немъ
найдено значительное количе-
ство черепковъ, болѣе грубого
орнамента, чѣмъ на плакатахъ
городища. Пробныя раскопки
по рву показали, что въ немъ
культурный пластъ имѣетъ тол-
щину не глубже $\frac{1}{4}$ арш.

Рис. 131. 2/3

Рис. 132. 1/3

II. Второе Попелков-
ское городище. Предста-
вляетъ собою мысъ, находящийся
приблизительно въ 100 саж. отъ
перваго городища и въ насто-
ящее время распаиваемый.

Пробными ямами обнаружено, что культурный пластъ имѣетъ въ ус-
шину не болѣе $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. Найденные въ немъ черепки и каменный ин-
струментъ совершенно аналогичны черепкамъ перваго городища. Косматого камня
такъ много, что онъ въ нѣкоторой степени затрудняетъ раскопку. На
стрѣлкѣ мыса имѣется отдѣльное курганообразное возвышеніе, на кото-
ромъ пробной раскопкой обнаружены угли и черепки тѣхъ же типовъ.

III. Таракановское. Находится вблизи р. Лупень у с. Та-
раканова. На немъ найдены черепки совершенно того же типа и ор-
намента и золотые камни.

IV. Синьковское. Находится у с. Синькова, Дятровскаго в.,
на ручьѣ Золотарѣ, въ бассейнѣ р. Яхромы, притока Сестры, близъ
самаго села. Въ настоящемъ видѣ представляется собою мысъ, также не-
большаго размѣра, изрѣженный массивнымъ валомъ колошеникообраз-
ной формы и широкимъ рвомъ. Не распаивается и не размывается.
Новидимому, это богатое городище. Самая интереснѣйшая находка рас-
копки по праву принадлежатъ двумъ черепкамъ каменнымъ инструментамъ,
осколку кремня и обломку камня въ видѣ топора.

Въ прежнее время послѣдній городищъ имѣлъ видъ возвышенія,
очень глубокое, которое отъ времени сильно занурено водой. Прежи-
вали проникнуть въ предположительныя городища нѣтъ, но работы
эти не далѣ извѣстныхъ находокъ. Место обитывающихъ старожилъ

звучали на городищѣ свѣтъ, какъ бы отъ лампы, а иногда по нему бѣгаетъ баранъ. Городище открыто Я. П. Смирновымъ.

Посуда, черепки которой собраны на описанныхъ городищахъ, состоитъ исключительно изъ горшковъ. Размѣры ихъ, по слабости состава глины, вообще малые. Стѣнки почти прямая, слегка суживающіяся къ дну; отогнутые края составляютъ большую рѣдкость. Днища совершенно прямая, обыкновенно толстая и съ вѣншей стороны нерѣдко выступаютъ изъ стѣнокъ карнизикомъ, тупымъ или острымъ.

Составъ глины плохой. Плотность ея слабая, обжигъ неудовлетворительный. Изломъ черепковъ обыкновенно косой, слоистый; нѣкоторые изъ нихъ разстаются длинными пластами. Цвѣтъ черепковъ обычный желтовато-сѣрый; внутренняя сторона иногда темнѣе. Лишь немногіе черепки черные. Весьма характерна примѣсь черепковъ, состоящая изъ крупныхъ и средней величины кварцевыхъ и шпатовыхъ кристалловъ. Кристаллы эти примѣшаны къ самой глиняной массѣ и не служатъ лишь для паружной отдѣлки посуды; въ черепкахъ они выступаютъ изъ фона, придавая имъ своеобразную шершавость, особенно же въ слабыхъ, уже вытертыхъ экземплярахъ. Почему-то съ наружной стороны эта примѣсь выступаетъ обильнѣе, чѣмъ съ внутренней, но вообще ее нельзя назвать значительной. Кристаллы, очевидно, приготовлены искусственно, такъ какъ всѣ они имѣютъ очень острые углы, какихъ не бываетъ у дрествы. Они иногда столь слабы и рассыпчаты, что при разломѣ черепка ломаются пополамъ,—ясный знакъ, что кристаллы изготовлены путемъ перекаливанія и дробленія крупнозернистаго гранита. Изрѣдка въ составѣ черепковъ попадаютъ и мелкіе кристаллы слюды.

Черепки вообще толстые. Средняя толщина ихъ 0,5—0,6 сант., наибольшая 1 сант., малая 0,3—0,4 сант.; преобладаютъ черепки средней массивности.

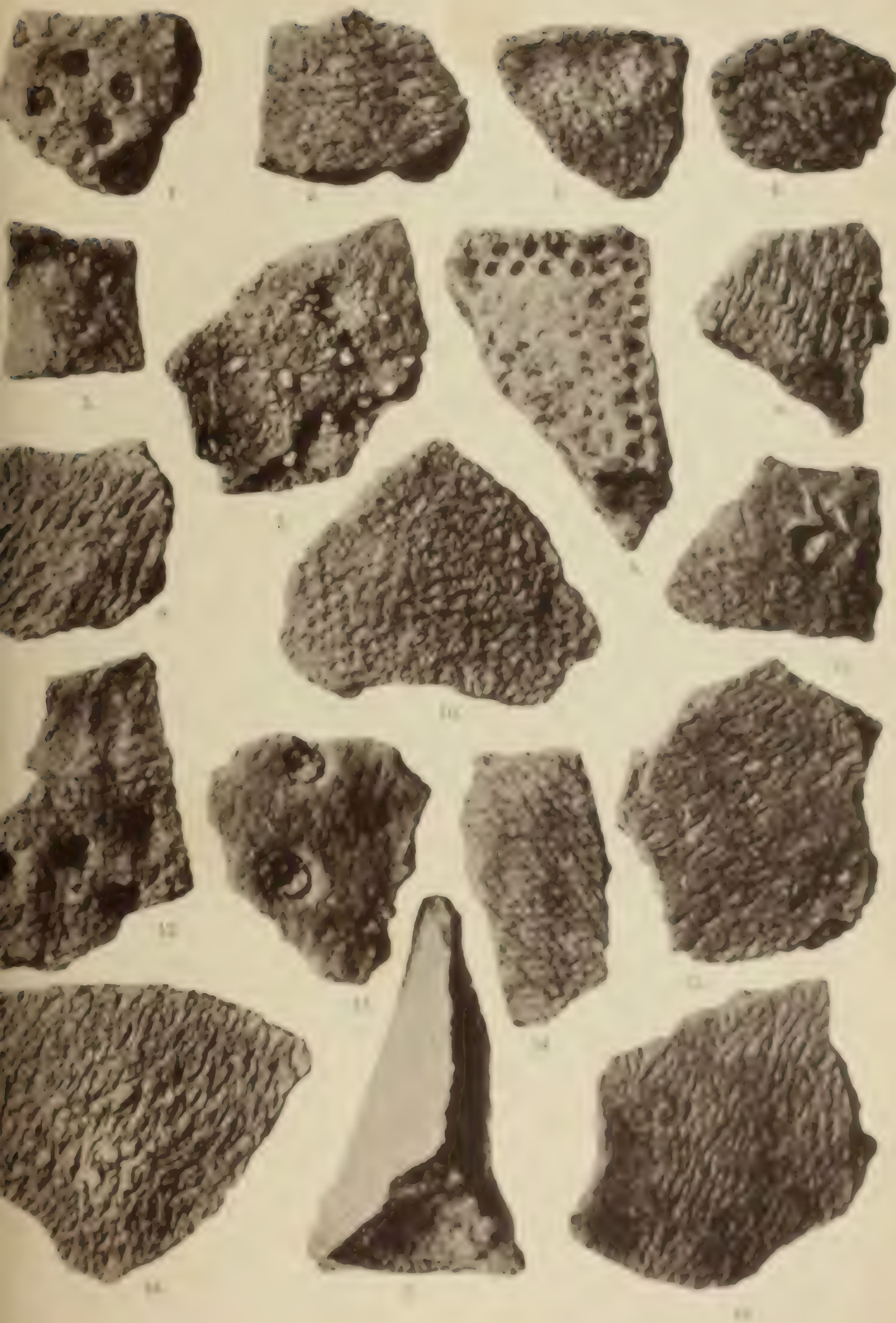
Не орнаментованныхъ черепковъ очень мало. Сосуды средней и малой величины обыкновенно покрыты сплошнымъ орнаментомъ, до самого дна. Ни одного оригинальнаго, мѣстнаго орнамента не встрѣчено. Ихъ типы (Табл. XLIV):

1) Р я б ч а т ы й. Преобладающій, почти исключительный. Повидимому, наносился широкою лопаточкой, но едва ли деревянной, въ виду непрочности ея зубцовъ. У этого орнамента довольно много разновидностей:

а) Чешуйчатый, изъ правильно расположенныхъ мелкихъ полукруглыхъ, какъ чешуя рыбы. Найденъ лишь 1 экз.

б) Полтевой, происшедшій изъ предыдущаго (Дьяк. гор. Табл.

потревоженный костякъ, лежавшій головою на З., мужской, а затѣмъ костякъ старухи, совершенно нетронутый, головою также на З., лежавшій, повидимому, ничкомъ. На одной рукѣ найденъ мѣдный узкій браслетъ типа Глаз. Табл. XXV, 4, круглый въ сѣченіи, въ которомъ оказалась значительная примѣсь цинка и малое количество олова—составъ бронзы, близкій къ латуни. Курганъ относится, по всей вѣроятности, къ XIII—XIV в.

Предметы съ выемчатой эмалью.

Настоящая статья имѣеть въ виду дать общій обзоръ найденныхъ въ Россіи и ставшихъ извѣстными составителямъ ея предметовъ съ выемчатой эмалью, причемъ тамъ, гдѣ это возможно, указывается къ какой именно мѣстной культурѣ описываемая отдѣльная вещь относится. Точка такого опредѣленія культурныхъ теченій, конечно, неспособна точная хронологія этихъ любопытнѣйшихъ памятниковъ старины, а также самыя изысканія о происхожденіи этой техники.

Мы различаемъ пять типовъ русскихъ вещей съ выемчатой эмалью: кобанскій, сарматскій, римскій, варварскій и аланскій. Вислѣвъ сознаемъ, что эти термины весьма несовершенны, и предоставляемъ каждому замѣнить ихъ другими.

Кобанская эмаль.

Выемчатая эмаль у насъ впервые выступаетъ, можетъ быть, въ древнихъ кавказскихъ могильникахъ кобанскаго типа, именно на погребальныхъ застѣжкахъ, покрытыхъ почти всегда геометрическими орнаментами, или же изображеніями животныхъ. Здѣсь эмаль записываетъ контуры рисунковъ, а также особая выемка, имѣющая видъ треугольника или ромба. Цвѣтъ ея — красный, стро-желтый, темно-синій и сѣдло-голубой. Таковы въ атласѣ граф. Уваровой выемки табл. XIV, 7, 37, XV, 4, XVI, 2, XVII, 1, 4, XIX, 1, 2, 3, XX, 1, 2, 34 и слѣд. Паркова застѣжки табл. III, 10, VIII, 13 и X, 1 (Уваровъ, стр. 66—72, граф. Уварова, стр. 46—47). Вѣроятно, къ эмалевымъ этого же типа слѣдуетъ отнести вышуклую мѣдную бляху рис. 290, «изобилующую по краямъ двумя ушками и сплошь покрытую глубокими выемками треугольниками, дѣль противоположными сторонами грубо покрыта красными и дѣль зелеными треугольниками. Желтый цвѣтъ мѣднѣннѣйшей эмалевой выемки совершенно не совпадаетъ. Составъ эмалей явно стѣсанный.

Въ Закавказьѣ слѣды стеклянной эмали также имѣются. Намъ известна небольшая мѣдная бляшка крестовидной формы изъ сел. Мегаро, Сигнахскаго у. (рис. 131), съ четырьмя кружками по окружности, украшенными глѣздами изъ синей и зеленой эмали, производящей впечатлѣніе окрашеннаго стекла. Бляшка найдена въ могилѣ, вмѣстѣ съ мѣднымъ кинжаломъ, большою булавкой и круглою булавою; для вещей этихъ ближайшая аналогія нами найдена въ предметахъ Кизильванскаго могильника, относящагося если не къ глубокой, то, по крайней мѣрѣ, къ значительной древности ¹⁾; во всякомъ случаѣ, онъ старше Кобанскаго.

Время кобанскихъ эмалей не можетъ быть опредѣлено даже съ значительнымъ приближеніемъ, а равнымъ образомъ не можетъ быть быть указано и отношеніе ихъ къ эмалямъ другихъ типовъ.

Сарматская эмаль.

Въ древностяхъ поздне-сарматскихъ (иначе ранне-аланскихъ) выемчатая эмаль наблюдается пока лишь на мѣдныхъ бляшкахъ, круглыхъ или съ круглыми выступами, снабженныхъ позади ушками. Таковы бляшки:

Рис. 136. Встрѣчены въ древностяхъ типа Анапінскаго могильника. Кружки обыкновенно аккуратнѣе, чѣмъ на предлагаемомъ изображеніи; покрыты зеленою эмалью, обыкновенно сохраняющеюся въ небольшихъ остаткахъ. Такую бляшку изъ Анапінскаго могильника я видѣлъ, между прочимъ, у Н. Е. Бранденбурга.

Рис. 133. Изъ Черкаскаго у., въ коллекціи Б. И. Ханенки; эмаль бѣлая и красная. Совершенно такая же бляшка намъ известна въ коллекціи В. В. Хвойки, изъ Потаповцевъ; въ ней рамочка покрыта красною эмалью, а глазокъ голубою и зеленою.

Рис. 135. Изъ Черкаскаго у., въ коллекціи Б. И. Ханенки; четыре сквозныя отверстія.

Рис. 137. Оттуда же и изъ того же собранія.

Рис. 138. Эмаль если и была, то, кажется, уже выпала. Изъ разореннаго кургана, раскопаннаго граф. А. А. Бобринскимъ близъ Смѣлы; вмѣстѣ съ бляшкой найдены мѣдныя удила (Курганы близъ Смѣлы, т. III стр. 119).

Если поискать въ коллекціяхъ, то возможно, что въ поздне-сарматскихъ древностяхъ найдется не мало вещей съ выемчатою разно-

¹⁾ Въ архивѣ Императ. Археологической Коммиссіи дѣло 1897 г. № 57.

пеленой эмалью. Эмаль здесь выступает очень же скромно, как и на кобанских вещах, потому на нее пока и не было обращено внимания. Весьма вероятно, что эмаль сарматская и кобанская связана между собой, и оба происходят от той районной части и культуры, которая

Рис. 133 1/2.

Рис. 134 1/2.

Рис. 135 1/2.

Рис. 136 1/2.

Рис. 137 1/2.

Рис. 138 1/2.

в таком обилии наблюдается в сарматскую и сибирскую древности классической поры. Кобанские застегивающие по форме и устройству прямо напоминают застегивающие изобитной сибирской культуры (274 г.), а связь этой коллекции с сарматскими древностями еще сомнительна.

Предлагаем, что южно-сарматские подделки с эмалью относятся приблизительно ко времени Р. Хр.

Римская эмаль

Изделия с римской эмалью, быть может, привозили из Рима со стороны, путем торговых сношений. В наибольшем количестве они найдены в Керчи, Херсонесе, Одессе и на Крымском, а также на Прибалтийском краях, куда они могли привозиться и с Балтийского моря.

Предлагаем изображения некоторых реинтерпретаций и антикварных эмалей римской и более поздней поры, имеющих ту же или близкое отношение к эмалевым русским (по атласу Липинского).

Рис. 139. Младший браслет из Цариса. Интересно по отношению его к римскому фонтану из Цариса, связанным с историей

круглою пластинкою бляхою. Очевидно, что бляха цюрихскаго браслета произошла отъ круглой римской фибулы съ эмалью.

Рис. 140, 141, 144. Такія фибулы извѣстны и въ Россіи.

Рис. 142 и 143. Рѣдкіе образцы прорѣзныхъ и фигурныхъ подѣлокъ съ эмалью, весьма развитыхъ въ позднихъ русскихъ издѣліяхъ.

Рис. 145. Очень обыкновеннаго орнамента фибула, объясняющая происхожденіе подобныхъ кievскихъ фибулъ съ орнаментомъ въ видѣ Сегнерова колеса (рис. 218).

Рис. 146. Удила изъ Англіи, украшенныя красною и желтою эмалью (изъ *The Archaeological Journal* v. XL, стр. 470, по указанію Я. П. Смирнова). Орнаментъ весьма любопытенъ тѣмъ, что подражаетъ цвѣтной инкрустаціи.

Въ Керчи подѣлокъ съ римскою эмалью находятъ мало. Намъ известна круглая фибула въ коллекціи Д. Я. Самоквасова, фибула въ видѣ быка типа рис. 150 изъ раскопокъ г. Шкорпила 1902 г. и 6 фибулъ въ собраніи М. П. Боткина. Среди послѣднихъ одна круглая, 4 ромбической формы, между прочимъ типа рис. 141, и одна изображенная на рис. 152, пластинчатая, имѣющая большую важность по отношенію ея къ болѣе позднимъ большимъ фибуламъ типа рис. 215 и 288. Эмаль этой фибулы зеленого цвѣта съ точками красными, коричневыми, бѣлыми и черными. Другіе цвѣта на эмаляхъ собранія г. Боткина — оранжевый, голубоватый или, вѣриѣ, свѣтлобирюзовый, синій. Вѣроятно, не всѣ эмали этой коллекціи происходятъ изъ Керчи.

Херсонесъ далъ болѣе разнообразныя и интересныя вещи съ эмалью. Почти всѣ онѣ здѣсь изображаются.

Рис. 148 и 149. Изъ раскопокъ 1899 г. Типы обыкновенныя. На первой фибулѣ эмаль какая-то сѣрая, очевидно, измѣнившая свой первоначальный цвѣтъ.

Рис. 147. Большая прорѣзная фибула треугольной формы, покрытая зеленою эмалью въ верхнемъ треугольникѣ и красною по нижнему бордюру. Двѣ такія бляхи найдены въ 1891 г. въ большой разоренной (?) гробницѣ, заключавшей разновременныя погребенія. Среди значительнаго количества найденныхъ вещей большинство относится къ римскому времени (золотыя бляшки, лампочки, подѣлки изъ стекла, золотыя серьги и пр., между прочимъ медальонъ съ монетою Каракаллы), нѣкоторыя же должны быть, видимо, приписаны иному времени, въ томъ числѣ и обѣ фибулы (Отчетъ Император. Археологич. Комм. 1891 г., стр. 138).

Рис. 155. Фибула крестовидной формы, изъ раскопокъ 1902 г.

FIG. 135.

FIG. 136.

FIG. 137.

FIG. 138.

FIG. 139.

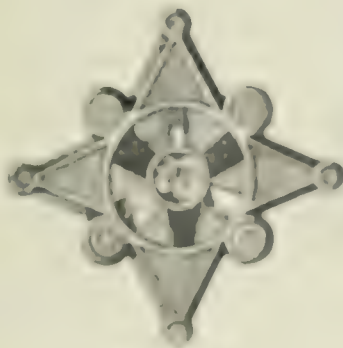

FIG. 140.

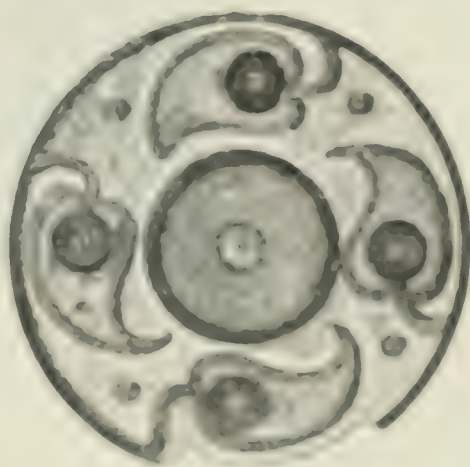

FIG. 141.

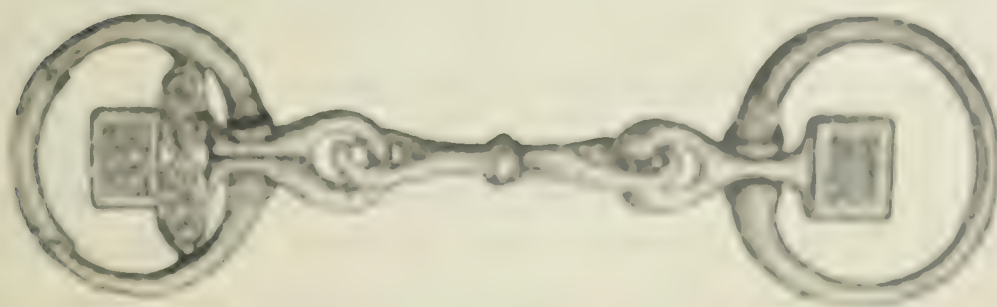

FIG. 142.

Эмаль по средокрестію матовая голубая, а въ клеймахъ красная съ бѣлыми пятнами. Весьма возможно, что это уже не римская эмаль.

Рис. 158. Прорѣзная фибула типа рис. 144. Найдена въ 1895 г. въ большомъ плитняковомъ склепѣ, вмѣстѣ съ вещами римскаго времени и монетою Максимина (235—238 г.). Эмаль обезцвѣтилась и частью выпала; видно, что въ нее вплавлены были цвѣтныя точки.

Изъ Ольвии до послѣдняго времени извѣстна была лишь одна фибула римскаго типа, прорѣзная, описанная Н. П. Кондаковымъ (рис. 154). Эмаль на мастикѣ изъ суррика: ея цвѣта—красный, бирюзовый и оранжевый. Въ 1900 г. здѣсь найдена была проф. Кулаковскимъ разноцвѣтная фибула типа рис. 141, въ 1902 г. Б. В. Фармаковскимъ фибулы круглой формы. и отсюда же двѣ круглыя разноцвѣтныя фибулы и перстень съ красною эмалью имѣются въ одной частной коллекціи.

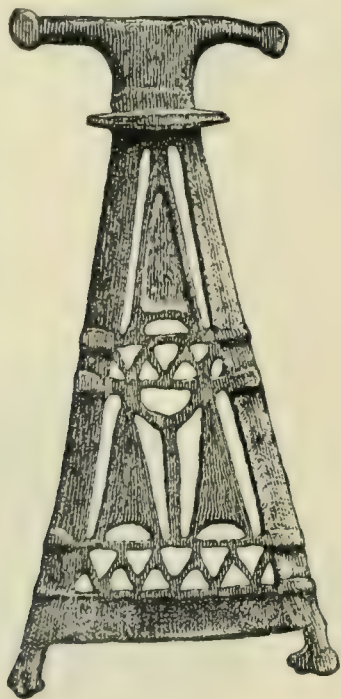

Рис. 147. $\frac{1}{2}$.

Рис. 148. $\frac{1}{1}$.

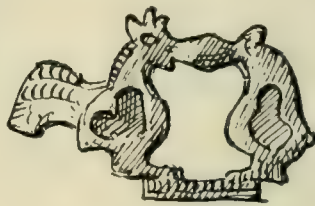

Рис. 149. $\frac{1}{1}$.

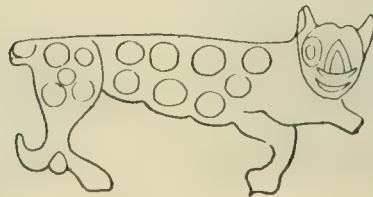

Рис. 150. $\frac{1}{1}$.

Большинство римскихъ эмалей, найденныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ, находится въ собраніи Ольшевскаго и издано въ краскахъ граф. П. С. Уваровою (Могильники Сѣвернаго Кавказа, табл. СХХVI). Помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя изображенія изъ этого изданія:

Рис. 150. Фибула формы бычка. Пятна голубыя и оранжевыя.

Рис. 151. Прорѣзная фибула изъ Камунты. Эмаль зеленая, плохой сохранности, съ вплавленными въ нее цвѣтными точками.

Рис. 153. Эмаль синяя, кружокъ оранжевый, съ бѣлою точкою.

Рис. 156. Въ среднемъ щиткѣ эмаль синяя съ бѣлыми точками и

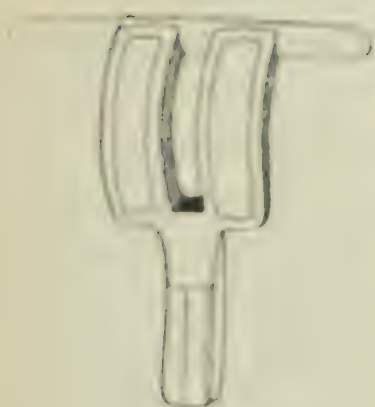

Fig. 131.

Fig. 132.

Fig. 133.

Fig. 134.

Fig. 135.

Fig. 136.

Fig. 137.

Fig. 138.

Fig. 139.

кнопка съ оранжевою эмалью; боковые щитки плохой зеленой эмали съ бѣлыми же точками.

Рис. 157. Средній щитокъ зеленой эмали, боковые оранжевой, точки и треугольнички тѣхъ же цвѣтовъ.

Рис. 159. Прорѣзная фибула, украшенная на среднемъ щиткѣ красными и зелеными ромбиками; глазки у головокъ стекляные. Кантъ неправильно представленъ на рисункѣ зерчатымъ: онъ мелкій зубчатый.

Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи римскія фибулы встрѣчены въ небольшомъ количествѣ. Намъ извѣстны: 1) круглая фибула въ собраніи Б. И. Ханенки, изъ Верхнеднѣпровскаго у. (Древности Приднѣпровья, вып. III, табл. XLII), 2) великолѣнная большая фибула ромбической формы, украшенная красною, оранжевою, темно-синюю и бѣлою эмалью, изъ д. Ольховки Бобрыйскаго у. (музей Кіевской Духовной Академіи), 3) круглая фибула изъ Пильтена, Курляндской губ. (Каталогъ выставки при Рижскомъ Археологич. Съѣздѣ, табл. VIII, 17), 4) двѣ фибулы въ видѣ ободка и щитка съ головками, изъ Бирже Ковенской губ. (рис. 161 и 166), 5) круглая фибула, найденная гдѣ-то въ Финляндіи.

Безъ сомнѣнія, фибулы съ эмалью римскаго типа находимы были и въ иныхъ мѣстахъ. Мы сообщаемъ о нихъ лишь тѣ свѣдѣнія, какія у насъ оказались подъ руками.

Варварская эмаль.

Такъ мы называемъ подѣлки съ эмалью, близкія по формѣ къ римскимъ эмалямъ, но исполненныя позднѣе и грубѣе гдѣ-то внѣ римскихъ фабрикъ или мастерскихъ, вещи мѣстной работы. Такія издѣлія у насъ сосредоточены главнымъ образомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, но есть они и на Днѣпрѣ, и на Кавказѣ. Точно опредѣлить формы и характеръ этихъ эмалей, конечно, невозможно, но ясно, что подѣлки съ эмалью промежуточныя между римскими и аланскими должны быть, и чувствуется, что онѣ есть, хотя и трудно уловимы. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма возможно, что техника выемчатой эмали была усвоена одновременно въ разныхъ варварскихъ странахъ и нашла разныя формы и разное примѣненіе, смотря по мѣстнымъ вкусамъ.

Въ настоящее время подѣлки съ варварскою эмалью наиболѣе ощутимы въ прибалтійскихъ древностяхъ. Ихъ типы:

1) Круглыя фибулы, орнаментированныя ромбическими и миндалевидными гнѣздами съ эмалью (рис. 162, 167 и 169);

2) Круглыя фибулы, орнаментированныя гнѣздами эмали на манеръ Сегнерова колеса (рис. 163, эмаль красная, синяя, бѣлая, зеленая);

3) Круглая фибула прорванная (рис. 163 и 168).

4) Пластинчатая или огуемая фибула, походящая на формы римских фибул (рис. 152 (рис. 164 и 174); нередко имела ланцетной формы.

5) Быть может на прибалтийской земле и в южной части южной по-литы были больша медная пряжка съ разложившимися концами, украшенными еружками съ эмалью (рис. 177), походящими на арктические. Въ общемъ пряжки эти представляютъ собою сочетание ланц. или триз-фибул римскаго типа, соединенныхъ между собою запяточникомъ или по-ломъ, изображающимъ, быть можетъ, талии или какому-нибудь живот-ному материалу. Такая пряжка можетъ перенести въ мѣди, напр., посылку или знакъ отличія, прикрѣпленный въ ошейникъ фибулами.

Рис. 161

Почти все перечисленные предметы найдены въ потребности, то даетъ полную возможность для хронологическаго опредѣленія, какъ въ настоящее время, то въ будущемъ.

Фибула рис. 162 найдена въ Weßla Кельвена, Сакс. Штрассе, въ содленіи, вмѣстѣ съ другою подобною фибулою, прорваной, въ 1876 г.

съ фибулой рис. 167 и еще съ фибулами: перекладчатой, пластинчатой съ глазками и узкой съ отростками:

рис. 163. Единичная находка изъ Эртена.

рис. 164. Изъ Пафуса. Въ каменной кучѣ кромѣ этой фибулы найдены: фибула пластинчатая съ глазками, узкая длинная и различныя вещи XI—XII в.

рис. 165. Въ каменной площадкѣ близъ Kaugar, вмѣстѣ съ фибулой рис. 169, съ фибулой, украшенной отростками (почками), большой пластинчатой фибулой, фибулой узкой, узкой фибулой съ широкимъ приемникомъ, гривной съ коническими концами, спиральнымъ браслетомъ, желѣзнымъ кольцомъ, ножомъ съ круглымъ обухомъ, ткацкимъ камнемъ и точильнымъ камнемъ.

рис. 168. Изъ каменной площадки близъ Langensee. Кромѣ этой подѣлки, въ погребеніи еще найдены: простая фибула съ крупною круглою дужкой, фибула съ расширенною пятой, фибула почти Люцинскаго типа съ широкою перемычкою на дужкѣ, серебряная позолоченная пластинка съ чернью, выпуклый браслетъ, спиральки, точилка.

рис. 174. Изъ каменной площадки близъ Тюрселя. Большая красивая фибула $13\frac{1}{2}$ сант. длиною. На пятѣ, кажется, слѣды эмали.

рис. 177. Изъ площадки близъ Кукерса, съ вещами тѣхъ же типовъ, какъ въ Тюрселе. Въ ромбикахъ эмаль красная, въ остальныхъ частяхъ клеймъ зеленая.

Хронологія прибалтійскихъ памятниковъ древности страдаетъ крайнею неопредѣленностью. Исслѣдователи пользовались исключительно хронологическими опредѣленіями, установленными для прусскихъ могильниковъ Тишлеромъ, на нашъ взглядъ, совершенно ошибочными; они основаны на находкѣ въ могильникахъ римскихъ монетъ, которыми въ данномъ случаѣ слѣдовало совершенно пренебречь. Вѣроятно, матеріаль прибалтійскихъ музеевъ уже достаточно обилень для болѣе точнаго опредѣленія времени мѣстныхъ древностей и даже доступенъ для обработки его въ этомъ направленіи благодаря точному изданію въ книгѣ проф. Гаусмана, но эту задачу мы принуждены отложить до иного случая и пока ограничимся замѣчаніемъ, что по нашему мнѣнію, древнѣйшія лифляндскія погребенія въ каменныхъ кучахъ относятся приблизительно къ VI—VII в., а упомянутыя выше погребенія въ Лангензее и Тюрселе быть можетъ, даже къ VII—VIII в.

Такимъ образомъ, мы считаемъ вѣроятнымъ, что варварскія эмали, встрѣченныя въ Прибалтійскомъ краѣ, относятся къ VI—VII в., хотя сохраняютъ свои типы и нѣсколько далѣе. Идутъ онѣ, вмѣстѣ съ всею

культуры, по всей вероятности, съ Бастийского погребя, хотя этого и нельзя утверждать съ полною уверенностью. Главные основания для такого предположения дают некоторые пружины югославянских изделий

Рис. 161. а)

Рис. 162. а)

Рис. 163. а)

Рис. 164. б)

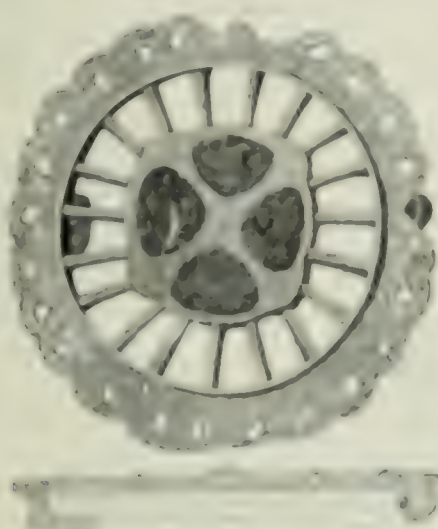

Рис. 165. а)

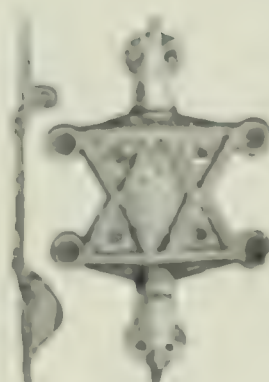

Рис. 166. а)

Рис. 167. а)

Рис. 168. а)

Рис. 169. а)

типа Gruneken и Schernob (Гринекен и Шернаб), из которых можно видеть почти все типы ранней прабалтийской ювелирной техники и техники съ эмалью.

Въ днѣпровскихъ древностяхъ есть цѣлое наслоеніе, повторяющее типы прибалтійскіе: массивныя пластинчатая фибулы, булавки, браслеты и пр. Вещи эти пока обнаружены въ небольшомъ количествѣ, но это, конечно, лишь потому, что еще не найдено соответствующихъ имъ могильниковъ. Сходство кievской и прибалтійской культуръ можетъ пойти и очень далеко. Между многочисленными кievскими эмалями уже имѣются такія, которыя можно отнести къ числу варварскихъ. Такова особенно ажурная фибула рис. 220, очень сходная съ прибалтійскими; эмаль на ней краснаго и бѣлаго цвѣта. Важно замѣтить, что кievскія вещи прибалтійскихъ типовъ нельзя относить ко времени раньше V в., потому что еще въ IV в. здѣсь господствуетъ культура совершенно иного характера ¹⁾.

Аланскія эмали.

Такъ мы почти совершенно произвольно называемъ эмали VI—VIII в., неизвѣстныя на Западѣ Европы, почти одинаково распространенныя въ это время между приднѣпровскими славянами, понѣманскими литовцами и приокскими финнами, и въ то же время едва ли принадлежащія какому-нибудь изъ этихъ племенъ. Аланы—народъ съ высококультурнымъ прошлымъ, давніе обитатели Поднѣпровья и Подонья, гдѣ уже обнаружены несомнѣнные слѣды ихъ отъ VIII—IX в. (Салты) и, конечно, найдены будутъ и болѣе ранніе, времени расцвѣта подѣлокъ съ эмалью. Удобнѣе называть данныя эмали аланскими, между прочимъ, въ виду того, что аланы уже съ давняго времени знакомы были съ техникою разнообразныхъ пастъ, а также и съ эмалью. Впрочемъ, мы совершенно не настаиваемъ на своей теоріи изготовленія роскошныхъ подѣлокъ съ эмалью VI—VIII в. именно аланами и охотно поступимся ею въ пользу болѣе вѣроятнаго предположенія, удерживаемъ же названіе этихъ эмалей аланскими лишь ради его опредѣленности и удобства.

Гдѣ бы аланскія эмали не были встрѣчены, онѣ сводятся къ слѣдующимъ основнымъ типамъ: цѣпи, крупныя пряжки съ разомкнутыми концами, фибулы прорѣзныя треугольныя, фибулы перекладчатая, лупницы и крестики. Предметы этихъ типовъ, одинаковой формы и техники, встрѣчены всюду въ Россіи между Балтійскимъ побережьемъ, теченіемъ Волги, Кавказскими горами, побережьемъ Чернаго моря, обоими Бугами и низовьями Вислы. Внѣ очерченнаго района ихъ не существуетъ.

---

¹⁾ Хвойка, Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. XII в. 1 и 2, 172—190.

Поділяючи ці не самішні організації на чь одної з їх місцевих гру-
пів даного времени и зустрічаючи ся тільки разорочними жанами,
на Німани єь одними, на Оси єь другими, на Камани єь третими.
Обов'язки ить групуємоєь по окремих районках, котрих жанами
прийти жанами: прибалтійськїх, нїмеманськїх, пруськїх, нїмеманськїх, по-
ськїх, донськїх, каманськїх и Черноморського побереж'я.

1) Прибавчівський район.

Аляскинских эмалей в древности. Прибалтийского края является
очень небольшое число.

Рис. 170. Призма общего типа, ботв. оман. Из Тарихана, сж. жеман. типот. Тареханского монумента.

Рис. 173. Прорѣзная фибула безъ ошей, изъ Гертруденхофа. Найдена въ сожжении, вмѣстѣ съ фибулой короткой перекладчатой, короткой пластинчатой съ зѣтикомъ и разширеннымъ концомъ короткой застѣжной и двумя круглыми прорѣзными, съ булавкой, гравированной, круглою браслетомъ, желѣзнымъ кольцомъ и пр.

Рис. 175. Фибула с бѣлою эмалью, напоминающая Харсовскую рис. 155. Изъ Ланс-Техверен, найдена съ сосисами. Вместе съ нею найдены: гривна съ концами въ видѣ желтоа, гривна съ желтобѣдыми концами, браслетъ нунульный, браслетъ массивный съ галлами топа рис. 181 № 9, желтый кольцо.

2) Подольский район.

Очень интересны по богатству и разнообразию видовых составу. Здесь, в значительном количестве найдены не только самые обычные для этой области, но и подвидовые образования, по типу разнообразия, циточеск., пражск. и подвисковск. группы. Большая часть находок происходят из местных порубочных дачных времени, помещавшихся на полях и вырубках курганах, укреплённых камнями булыжниками. Местностей с такими курганами известно не только в пределах, но и в районе между течением р. Двины и Ижма. Курганы этого типа переходят и на правый берег Двины, где они встречаются ещё в IX в. (Дрейман и др.).

Рис. 172 и 181 № 5, Фибула с треугольными табакими, завернутыми в крышку и синею эмалью. Из кургана № 12. Палеонтологическая, по авторству, между прочим, еще описана группа с коническими табакими формы, украшенными рис. 181 № 11, и другие эмалевые браслеты, украшенные табакими (№ 9), золотые крышки

(А-8 и 10) и многія другія любопытныя вещи (изображенныя въ ежегодникѣ Swiatowid, т. II, стр. 92—103 и Извѣст. Импер. Археолог. Комм., вып. II, стр. 95—98): булавки, цѣпочки, фибула и пр.

Рис. 174. Булавка изъ Альтъ-Раденскаго могильника XI в., имѣющая на головкѣ ромбической формы какъ бы гипъза для эмали.

Рис. 175. Цѣпочка съ прорѣзными бляхами изъ Плотеле, Ковенской губ., происшедшая, очевидно, отъ роскошной кievской цѣпи табл. XXXII. Концы цѣпочки не что иное, какъ подражаніе прорѣзнымъ фибуламъ треугольной формы. Найдена, повидимому, вмѣстѣ съ выпуклымъ браслетомъ типа и орнамента рис. 181 № 15 (см. атласъ г. Аспеллина, № 1897—1899).

Рис. 181 № 1—4, 6, 7, 11, 12, 14—17. Различныя вещи изъ Межанскихъ виленскихъ кургановъ. Эмаль № 3 красная и зеленая, № 6—тоже, № 7—красная, № 11—часть фибулы, № 17—великолѣнная серебряная фибула, № 12—мѣдныя трубочки. Остальныя вещи не требуютъ описанія. Кольчужки типа № 2 найдены и въ Мошнинскомъ кладѣ. (Покровский. Къ изслѣдованію кургановъ и пр. Труды Вилensk. Археол. Съѣзда, т. II).

Рис. 182, 184—187. Нѣкоторыя вещи изъ д. Бакшишки близъ Ошты: крестовидныя ажурныя подвѣски, подражающія подобнымъ подвѣсками Мошнинскаго клада, рис. 244, 250 и 252, одна изъ нѣсколькихъ булавокъ и двѣ большія пряжки, покрытыя въ клеймахъ красною эмалью: эмаль фибулы рис. 187 интересна тѣмъ, что она перемѣшана съ неправильными прослойками бѣлой эмали. Вмѣстѣ съ этими вещами при остаткахъ костей, были еще найдены: широкіе выпуклые браслеты, спиральный наручникъ, шейная гривна типа рис. 181 № 16, съ лоткомъ на концѣ, сплюснутыя трубочки типа 181 № 12, и пр. (Зап. Импер. Русск. Археол. Общ., т. X, в. II, стр. 358—360). Находили изъ Межанъ и Бакшишекъ, по всеѣмъ признакамъ, одновременны.

Рис. 183. Перекладчатая фибула, украшенная въ нижней части красною, а въ верхней красною и зеленою эмалью. Найдена близъ Двораки, Ломжинскаго у., при костяхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, нехарактерными вещами (Zbiór wiadom., VII, 89—92).

Табл. XXVI, рис. 192. Длинная мѣдная цѣпочка съ разнообразными бляхами и подвѣсками, Вилenskаго музея. Цѣпочка двойная, перемежается прорѣзными бляшками съ крестовиднымъ орнаментомъ, тремя круглыми и тремя крестовидными бляхами, покрытыми красною и малиновою эмалью, у нѣкоторыхъ бляхъ подвѣски-луныцы, отчасти также украшенные эмалью: съ цѣпочки на цѣлой системѣ украшенныхъ эмалью бляшекъ

FIG. 170. 16.

FIG. 171.

FIG. 172. 17.

FIG. 173. 18.

FIG. 174. 19.

FIG. 175. 20.

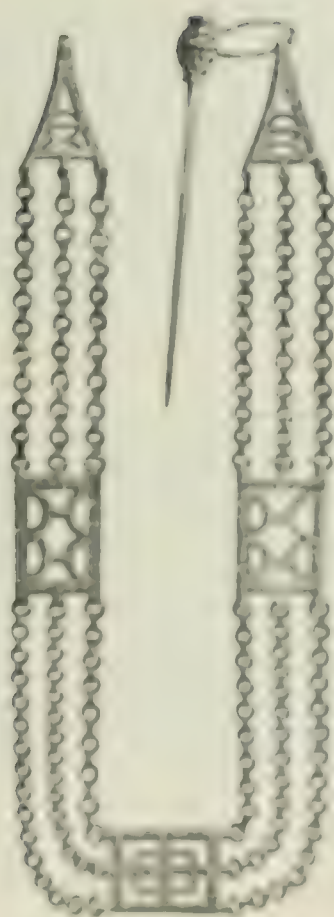

FIG. 176.

FIG. 177. 21.

и концы концовъ свѣшиваются двѣ широкія пластинчатые лопасти, украшенныя узоромъ изъ линий и concentрическихъ кружковъ, какъ на некоторыхъ подѣлкахъ киевскихъ и моцишскихъ. Употребленіе этой загадочной цѣпи непонятно (Покровскій, Виленскій музей, табл. XIII).

Табл. XXVII, № 3. Неизвѣстнаго назначенія уборъ изъ двухъ длинныхъ и широкихъ лопастей, покрытыхъ орнаментомъ и соединенныхъ между собою той же длины узкимъ пояскомъ; свободные концы лопастей оканчиваются конической формы кнопками, а по пояску передвигается круглая бляха, украшенная красною эмалью.

Табл. XXVII, 2, 4, рис. 190. Обломки такихъ же лопастей, оканчивающіеся круглыми и крестовидными бляхами въ вертикальныхъ щиткахъ; бляхи украшены красною и отчасти бѣлою эмалью.

Табл. XXVII, 2. Узкій обручъ, по которому передвигается крестовидная бляха, украшенная красною эмалью.

Табл. XXVII, 1 и рис. 191. Крестовидная бляха, украшенная красною, желтою (бѣлою?) и зеленою (бирюзовою?) эмалью, со скобочками позади.

Всѣ вещи табл. XXVII изъ плохого серебра и происходятъ изъ имѣнія Красный Боръ, Борисовскаго у., Минской губ. (Покровскій, Виленскій музей, табл. XII).

Табл. XXVIII, № 3. Мѣдная шейная гривна типа, часто встрѣчающагося съ аланскими эмалями и въ финскихъ могильникахъ; у нея на концахъ фигурная проволочная привѣска съ двумя подвѣсками въ формѣ сибижинокъ, происходящей, безъ сомнѣнія, изъ подвѣсокъ-крестовъ типа рис. 181 № 4. Таурогень, Ковенской губ. (Виленскій музей, табл. IX).

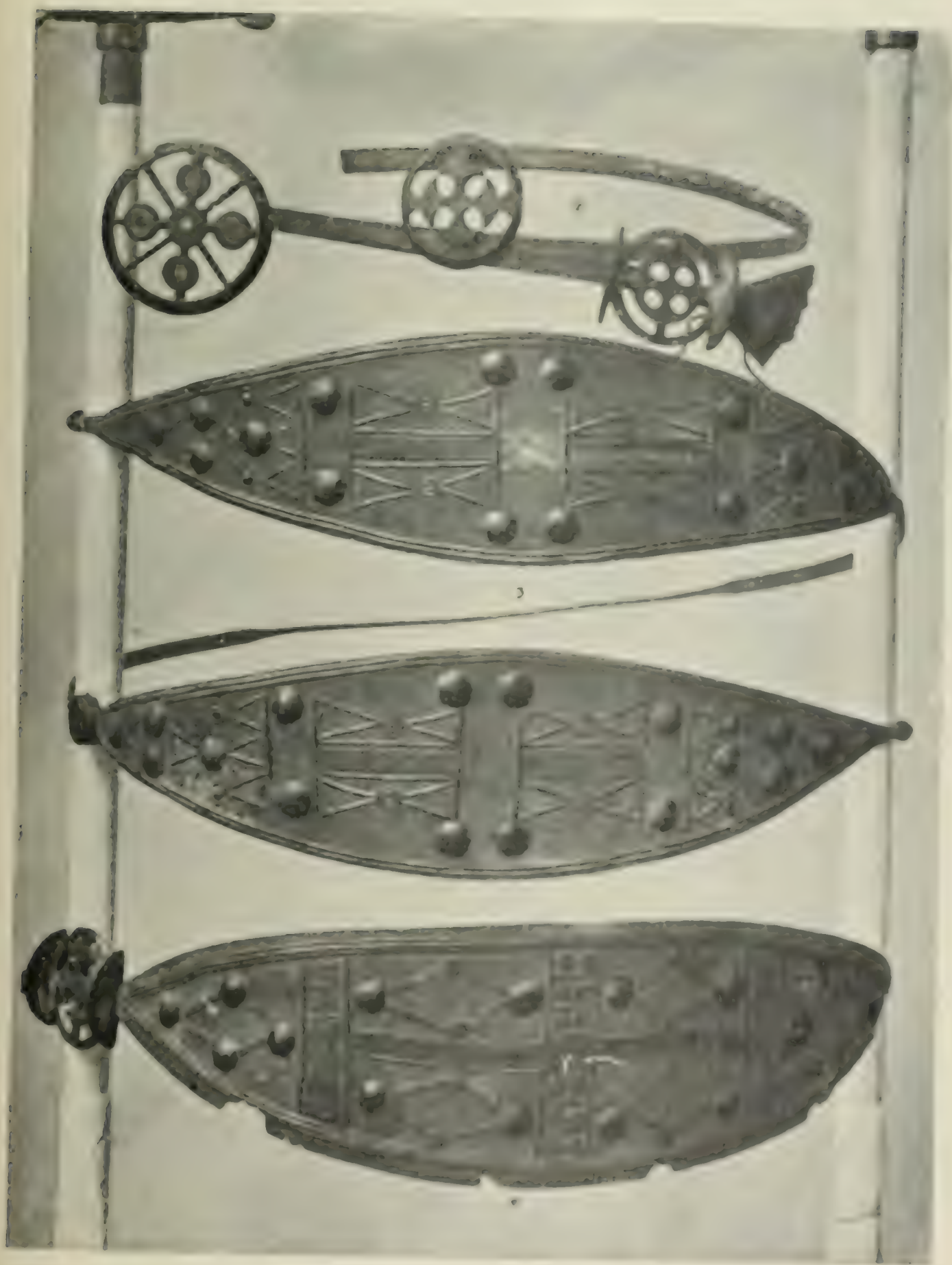
Табл. XXVIII, 4. Длинная тройная цѣпочка, прикрѣпляемая къ плечу булавкою Бакшишскаго типа и оканчивающаяся подвѣсками-луныцами. Изъ имѣнія г. Бурбы въ Ковенской губ. (Виленскій музей, табл. IX: два ключа, представленные на таблицѣ, принадлежать XIII—XIV в.).

Рис. 188. Большая пряжка изъ окрестностей Вильны, совершенно сходная съ экземпляромъ, найденнымъ въ Бакшишкахъ, рис. 187, и даже украшенная эмалью совершенно того же состава.

Рис. 189. Большая пряжка, найденная въ Витебской губ.; украшена отростками въ видѣ гриба и красною эмалью. Отростки эти составляютъ элементы креста табл. XXVII № 2. Виленскій музей.

Рис. 280. Большая пряжка совершенно той же формы, но украшенная по краю непрерывнымъ рядомъ луныцъ. Изъ могильника X в.

Figures 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100

однѣ д. Религии, Витебской губ. Фибула сломана и весьма грубо свя-
зана въ двухъ мѣстахъ мѣдною полоской; безъ сомнѣнія, она относится
къ болѣе раннему времени. (Отчетъ Императ. Археологич. Коммисіи
1893 г., стр. 15).

Обѣ витебскія фибулы отнесены нами къ погѣманскому району
на томъ основаніи, что по правую сторону Двины такія подѣлки очень
рѣдки, а принадлежать онѣ, повидимому, той же народности.

3) Прусскій районъ.

Могильники Восточной Пруссіи даннаго времени, въ которыхъ
также встрѣчаются изрѣдка вещи съ эмалью аланскаго типа, имѣютъ со-
вершенно иной характеръ, чѣмъ описанные выше: это поля урнъ съ
остатками трупосожженій, или же большіе слои пенла, покрытые не-

правильными фигурами изъ камней, въ одинъ
или нѣсколько рядовъ, также съ остатками со-
жженій. Могильники эти, несомнѣнно, разновре-
менны и при строгой систематизаціи по отдѣль-
нымъ погребеніямъ обѣщаютъ дать опредѣлен-
ную хронологію, которая будетъ весьма по-
лезна и для пониманія русскихъ древностей.
Одни изъ нихъ (типа Schernien) имѣютъ близ-
кія аналогіи въ прибалтійскихъ древностяхъ,
другія (типа Daumen) — въ финляндскихъ,
третьи въ значительной долѣ самобытны; пол-
наго сходства между прусскими и русскими
древностями VI — VIII в., однако,
нѣтъ, а въ обрядѣ погребенія между
упоминаемыми областями, какъ мы
видѣли, наблюдается коренное раз-
личіе.

Рис. 180. ¹/₁.

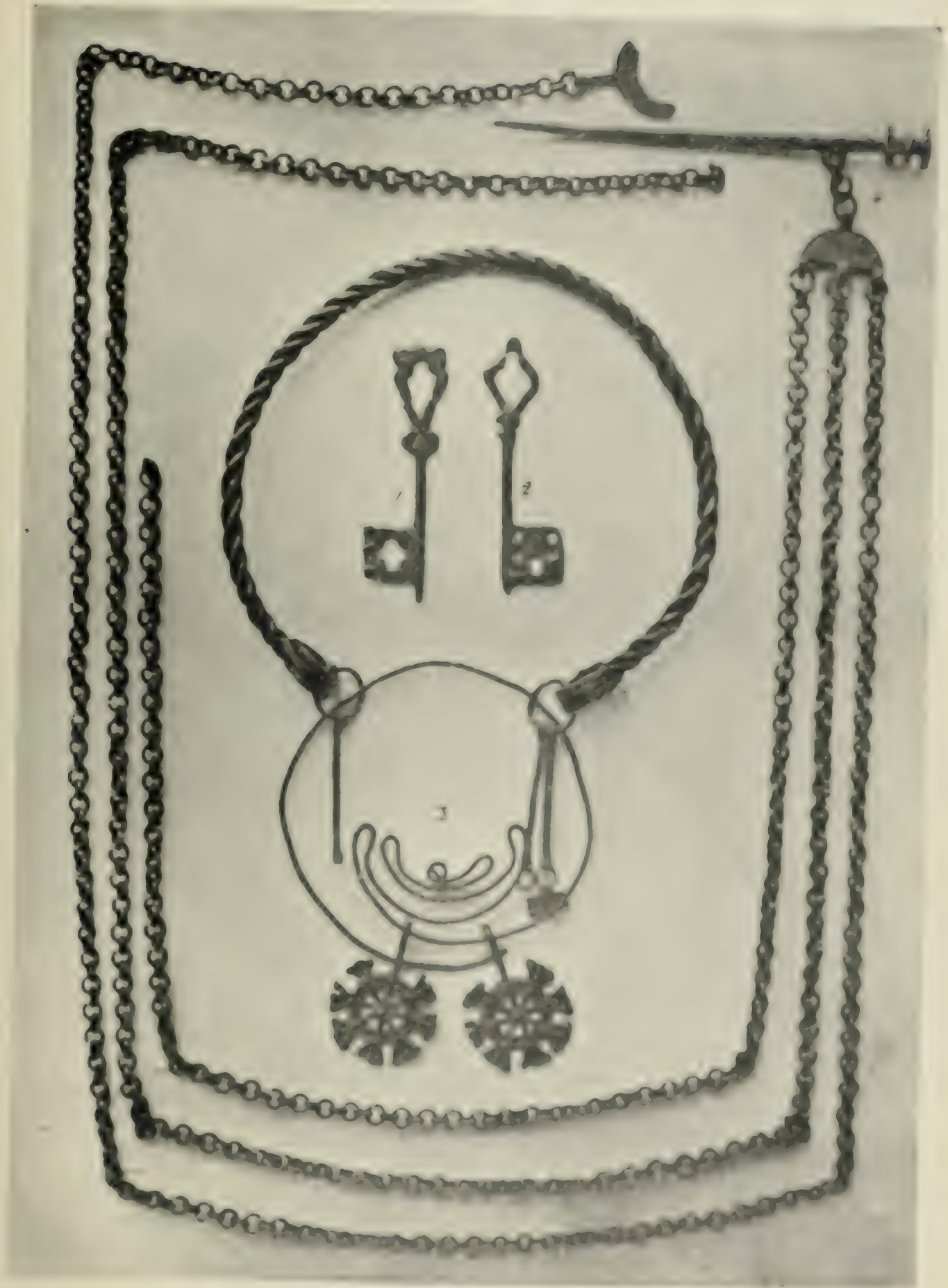
Рис. 179. ¹/₁.

Помимо подражаній подѣлкамъ
съ аланскою эмалью (прорѣзные
бляхи, цѣпочки и подвѣски-луныцы), въ прусскихъ могильникахъ най-
дены слѣдующія, извѣстныя намъ, подѣлки съ этою эмалью¹⁾.

Рис. 178. Изъ Wiska—пряжка съ красною эмалью. Въ томъ же
могильникѣ еще найдены: небольшая фибула поздне-готскаго типа, шей-

¹⁾ *Bejacek*. Die Bronzen mit Glasfluss im Prussia-Museum. Sitzungsber. der Alter-
thumsges. Prussia т. XVI (1891 г.), стр. 189—191. *Tischler*, Ostpreussische Gräberfelde,
вып. III (1879 г.).

N. 1. Tappert, Eisenring 170. N. 2. Eisenring 171.

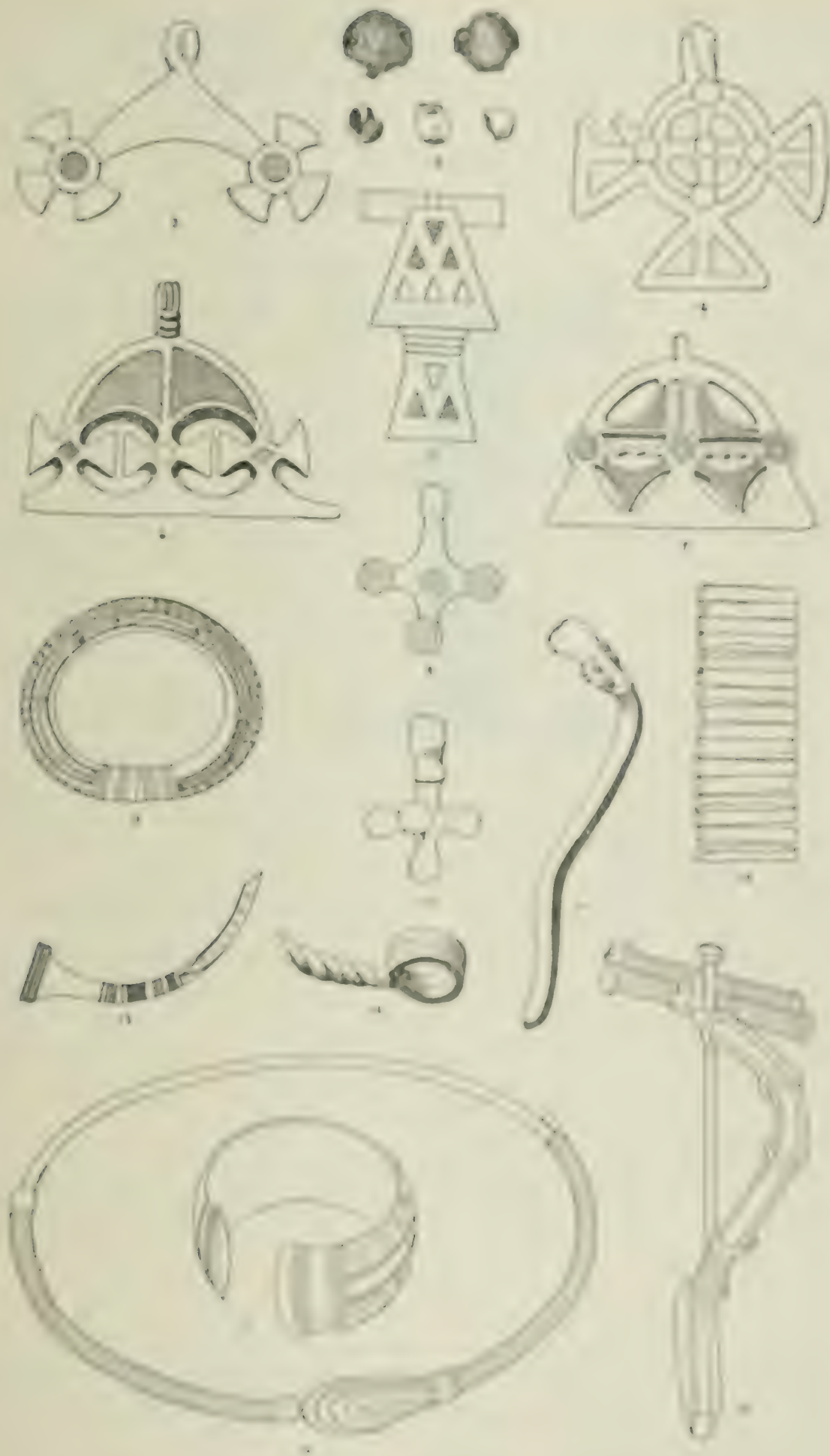

FIG. 18. NEOLITHIC PERIOD. NEOLITHIC PERIOD. NEOLITHIC PERIOD.

ная гривна съ ланцами, обтянутыми проволокою, и съ замкомъ изъ круглой пластинки и крючка, разнообразные перстни, преимущественно пластинчатые съ усиками, обломки костяного гребня, бусы, характерныя подвески изъ янтаря. Изъ Sclorren — прорѣзная фибула съ красною эмалью, въ общемъ очень напоминающая голову звѣря. Изъ Babienten — пластинчатый обручъ или діадема, украшенная насѣлкой, четырьмя вы-

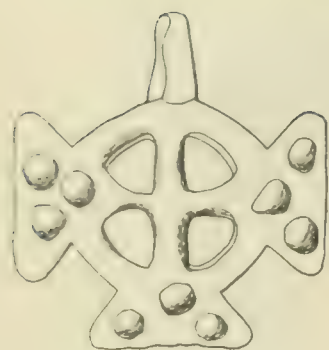

Рис. 182.

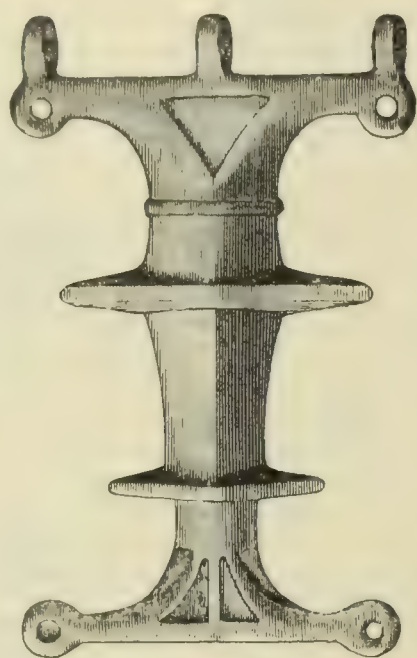

Рис. 183. ²/₃.

Рис. 184.

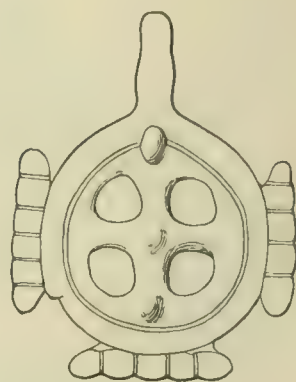

Рис. 185.

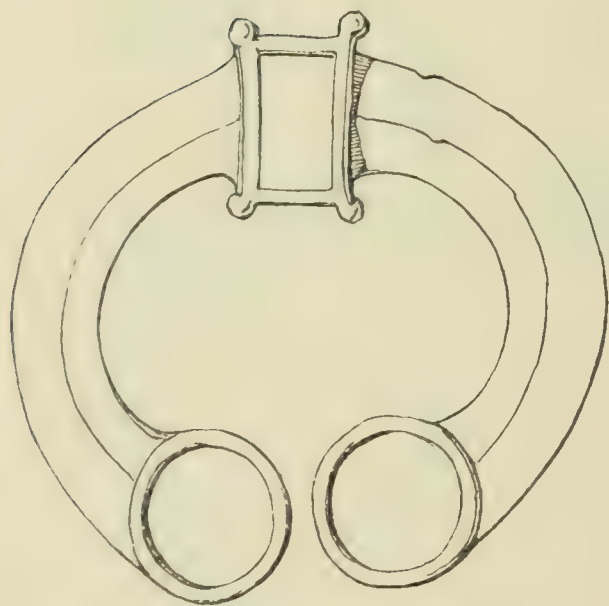

Рис. 186. ²/₃.

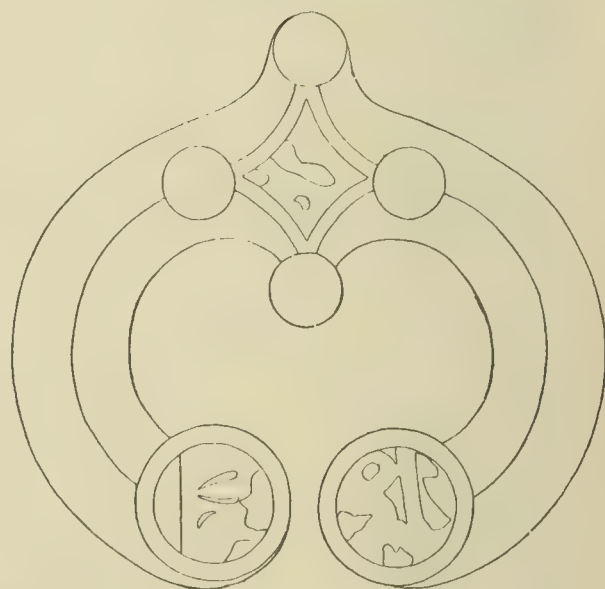

Рис. 187. ²/₃.

соими гнѣздами съ красною эмалью, двумя реберчатыми выступами и снабженная на концахъ замкомъ изъ двухъ гвоздевидныхъ головокъ. Изъ Reussen — прорѣзная лунница съ красною эмалью, обычнаго кiev-скаго типа. Изъ Laptau — обрывки затѣливой цѣпочки изъ фигурныхъ

бланище, покрытые красною, бѣлою и рубиново-красною эмалью. Въ Мѣлѣй пайлонѣ бѣлая пластина, покрытая эмалью розовато-палитовой.

Рис. 179. Круглая бляшка-напѣска изъ глины и красной эмалы, изъ могилы № 6 близъ Геновѣки.

Рис. 178. 1/2

Рис. 179. 1/2

Рис. 180. 3/4

Рис. 181. 1/2

Рис. 180. Прорѣзная фибула треугольной формы, съ красною эмалью, оттуда же. Средній круглый щитокъ позолоченный.

II Бѣлѣвскій районъ.

На Дубарѣ пока еще не найдено изобрѣтений VI—VIII вв. Хотя быть сомнѣнн, они должны существовать, рѣчь идетъ о концѣ этого времени. Благодаря изобрѣтению ружья въ вѣнцѣхъ жемчужной старинки въ послѣднее время этихъ предметовъ послѣ изысканнхъ изобрѣтений съ эмалью эмалей творилось и слѣдуетъ изобрѣтению.

въ собраніи Б. Н. Ханенки, а также въ коллекціяхъ І. А. Хойновскаго, владѣющаго, между прочимъ, межигорскимъ кладомъ.

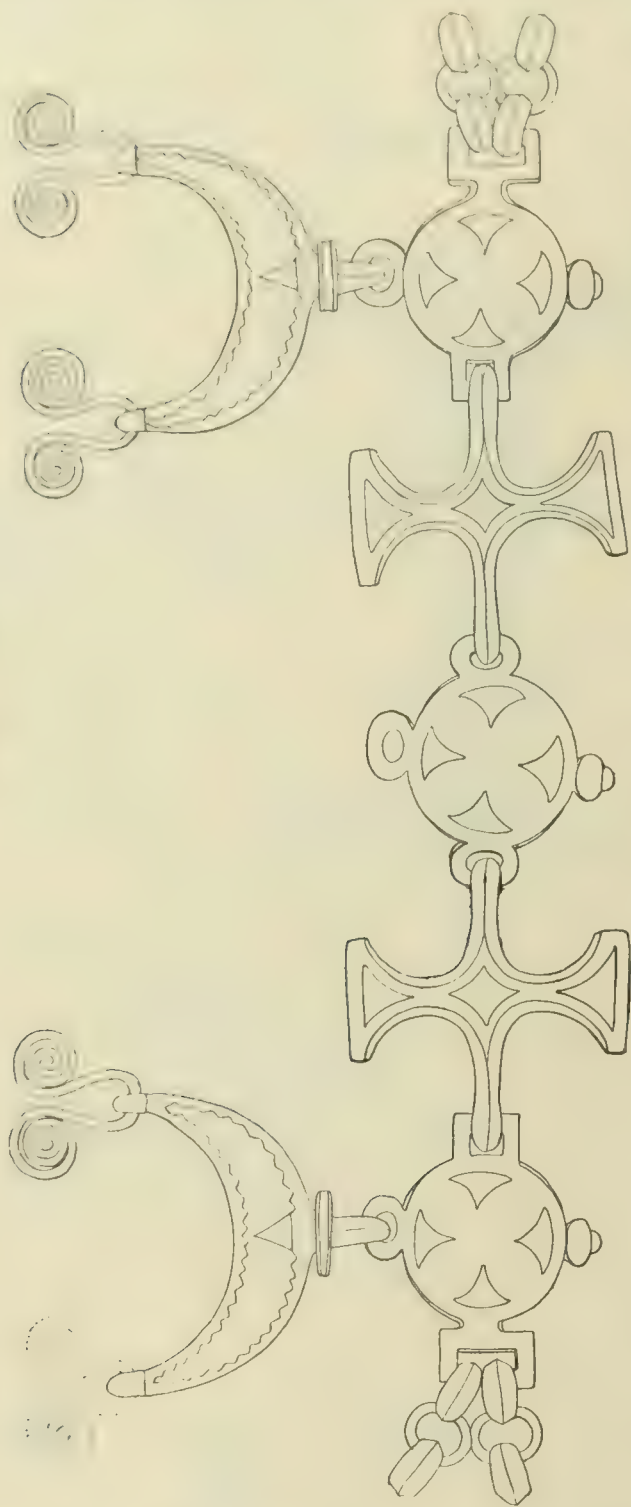
По составу вещей кievскій районъ, можно сказать, ничѣмъ не отличается отъ попѣманскаго и окскаго. Весьма вѣроятно, что онъ очень богатъ подѣлками съ аланскою эмалью, благодаря близости центра производства ихъ, который могъ находиться даже прямо по ту сторону Днѣпра.

Представляемъ изображенія кievскихъ аланскихъ эмалей ¹⁾:

Табл. XXXII. Кладъ, найденный въ окрестностяхъ Кіева, близъ Межигорья. Лучшій предметъ клада — нагрудная цѣпь изъ цѣпочекъ и прорѣзныхъ бляхъ, покрытыхъ разноцвѣтною эмалью; это прототипъ столь распространенныхъ въ болѣе позднее время у литовцевъ и прибалтійскихъ финновъ нагрудныхъ цѣпочекъ. Цѣпь прикрѣплялась къ плечамъ помощью двухъ прорѣзныхъ фибулъ особой формы, извѣстной еще лишь въ Мощинскомъ кладѣ (рис. 274). Другія вещи межигорскаго клада: двѣ поломанныя металличе-

скія ленты или повязки, виленскаго типа, двѣ витыя гривны съ спиральными кольцами на концахъ, общераспространеннаго типа, двѣ большія пластинчатая круглая подвѣски отъ головного убора, типа извѣст-

¹⁾ Рисунки предметовъ съ эмалью коллекціи г. Ханенки любезно доставлены были мнѣ В. В. Хвойкою еще до изданія ихъ владѣльцемъ; нѣкоторые исполнены вновь. Вещи, при которыхъ не отмѣчено, изъ какого собранія онѣ происходятъ, принадлежатъ коллекціи г. Ханенки.

Memory operations (L2 cache)

Fig. 101. 1/2

Fig. 102. 1/2

Fig. 103. 1/2

Fig. 104. 1/2

Fig. 105. 1/2

Fig. 106. 1/2

Fig. 107. 1/2

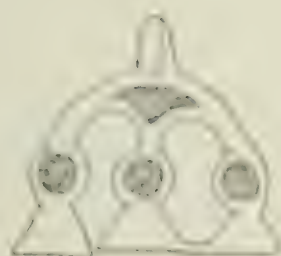

Fig. 108. 1/2

Fig. 109. 1/2

Fig. 110. 1/2

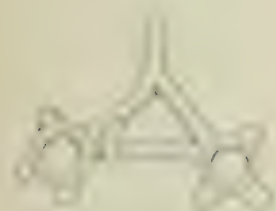

Fig. 111. 1/2

Fig. 112. 1/2

Fig. 113. 1/2

Fig. 114. 1/2

Fig. 115. 1/2

ного по Накальнишскимъ ковчешнымъ курганамъ (Извѣстія Импер. Археологич. Комм. вып. II, табл. 1, рис. 1), подвѣски въ формѣ пирамидокъ и пластинчатая, имѣющія аналоги въ Мощинскомъ кладѣ, мѣдный широкій браслетъ съ реберчатыми выступами, сходный съ браслетами того же клада. Всѣ Межигорскія вещи представляютъ украшеніе одной особы; не происходятъ ли онѣ изъ погребенія?

Представленная на таблицѣ круглая фибула съ эмалью происходитъ изъ другой мѣстности (Хойновскій І. А., Краткія археологическія свѣдѣнія и пр. 1896 г.).

Рис. 193—198, 201, 203—205, 207. Лунницы нѣсколькихъ разновидностей, всѣ съ красною эмалью. Рис. 193 изъ д. Бабичи, Черкаскаго у., рис. 195 изъ Тетіева Каневского у., рис. 201 изъ Колоберды, Переяславскаго у., остальные изъ разныхъ мѣстъ Кіевской губ. Всѣ круглые отростки на концахъ лунницъ выпуклые. Лунницы въ Кіевской губ., повидимому, очень обыкновенны; ихъ здѣсь не только много, но самыя типы ихъ разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстностяхъ.

Рис. 199 и 206. Подвѣски-лунницы съ сомкнутыми концами. Первая изъ Липлявы, Переяславскаго у., покрыта эмалью желтою. Вообще подѣлки этого рода рѣдки ¹⁾).

Рис. 200. Круглая бляха, украшенная гнѣздами синей эмали.

Рис. 202. Подвѣска въ видѣ ромбическаго прорѣзнаго креста, съ красною эмалью, кажется, изъ Колоберды. Аналогіи см. въ Мощинскомъ кладѣ, рис. 250 и 252, и въ вещахъ изъ Бакшишекъ, рис. 182, и изъ Херсонеса, рис. 155.

Рис. 208. Единственный въ своемъ родѣ предметъ, найденный въ Кіевской губ. Напоминаетъ бляшку съ цѣпочки Мощинскаго городища, рис. 261.

Рис. 209. Бляшка въ видѣ листка или глаза, съ красною эмалью. Кажется, съ Княжей горы.

Рис. 210. Изъ с. Бѣлгородки. Не знаемъ, какая на ней эмаль и принадлежитъ ли она къ числу аланскихъ, такъ какъ имѣются подобныя литовскія подѣлки отъ XIII—XIV в.

Рис. 211. Поясная пряжка изъ с. Пастерскаго, нѣкогда покрытая эмалью. Фигура пряжки напоминаетъ изображеніе спрута, довольно обыкновенное въ классическомъ искусствѣ (гр. Бобринской, Раскопки близъ Смѣлы, т. III, табл. V, № 9).

¹⁾ Boulangier, Le mobilier funéraire Gallo-Romain et Franc, т. II, табл. XXVII № 14 (V—VI в.).

Fig. 30. 7/8.

Fig. 31.

Fig. 32.

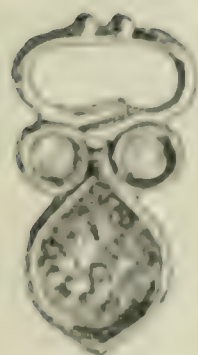

Fig. 33. 5/8.

Fig. 34.

Fig. 35. 1/2.

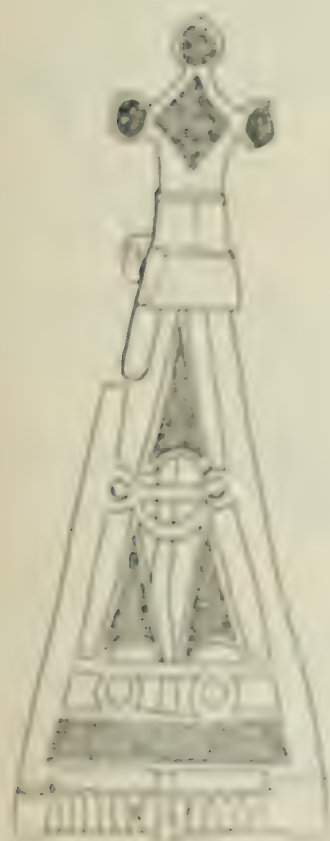

Fig. 36. 1/2.

Fig. 37. 1/2.

Fig. 38. 1/2.

Рис. 212. Прорѣзная фибула съ красною эмалью, изъ с. Черняховск. Оригинальный прорѣзной конецъ ромбической формы повторяется на одной подвѣскѣ изъ Инфляндской губ. (Каталогъ Рижскаго Археологич. Съѣзда, табл. IX, 9).

Рис. 213. Прорѣзная фибула съ красною и оранжевою эмалью, изъ с. Михайловки, Васильковского у.

Рис. 214—216. Двѣ треугольныя и одна перекладчатая фибулы, украшенныя красною и синею эмалью, изъ с. Ромашекъ Васильковского у.

Рис. 217. Часть сравнительно небольшой пряжки изъ д. Хмѣльной Черкаскаго у. Щитки покрыты красною и бѣлою эмалью.

Рис. 218. Круглыя фибулы, покрытыя красною, зеленою и оранжевою (?) эмалью, изъ Колоберды, Липлявы и другихъ мѣстъ. Происходятъ изъ римскихъ фибулъ орнаментированныхъ листками (рис. 145).

Рис. 219. Мѣдная подвѣска ромбической формы, изъ Вишенокъ (Историческій музей).

Рис. 220. Круглая прорѣзная фибула, покрытая посрединѣ гнѣздами синей, красной и бѣлою эмалю, изъ Кіевской губ. (Княжа гора?).

Рис. 221. Мѣдная пряжка съ сомкнутыми концами или кольцо, украшенное на кругломъ щиткѣ мелкими гнѣздами красной эмалю. Пастерское.

Рис. 222. Тонкая пряжка изъ круглаго дрота, орнаментированнаго глазками, съ большими круглыми щитками на концахъ, покрытыми красною эмалью, въ формѣ крестовиднаго орнамента.

Рис. 223. По словамъ г. Ханенки, фибула, съ красною эмалью, изъ Кіевской губ.

Рис. 224. Отличная подвѣска-лунища съ красною эмалью, изъ Вишенокъ (Историческій музей).

Рис. 225. Пряжка съ оригинальными выступами въ видѣ треугольниковъ, съ красною эмалью въ гнѣздахъ (Собрание В. Е. Гезе, по его же рисунку).

Рис. 226. Большая широкая стильная пряжка, съ выпуклымъ кольцомъ и крупными клеймами, покрытыми красною и синею эмалью. Мѣсто нахожденія неизвѣстно.

Рис. 227 и 228. Двѣ фибулы въ видѣ схематизированныхъ чело-вѣческихъ фигуръ, изъ Пекарей и Пастерскаго, совершенно лишеныя слѣдовъ эмалю. Представляются, какъ образчикъ подобнаго рода подѣлокъ, гладкихъ и съ приподнятымъ краемъ, которыя нѣкогда могли быть покрыты эмалью, какъ и пряжки, рис. 211.

Рис. 229 и 231. Два перстня изъ Кіевской губ., изъ которыхъ

FIG. 117.

FIG. 118.

FIG. 119.

FIG. 120.

FIG. 121.

FIG. 122.

FIG. 123.

FIG. 124.

FIG. 125.

FIG. 126.

одной, покрыть эмалью, а другой прорѣзной, по несомнѣнно того же типа.

Рис. 232 и 234. Рейнская и кievская шпоры, украшенныя эмалью.

Рис. 230. Зеркало поздне-сарматскаго типа, съ ручкою, украшенною красными эмалевыми гнѣздами. Подѣлка эта относится, быть можетъ, къ ранне-аланской техники.

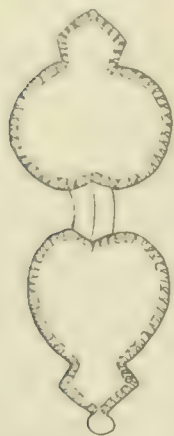

Рис. 227. $\frac{2}{3}$.

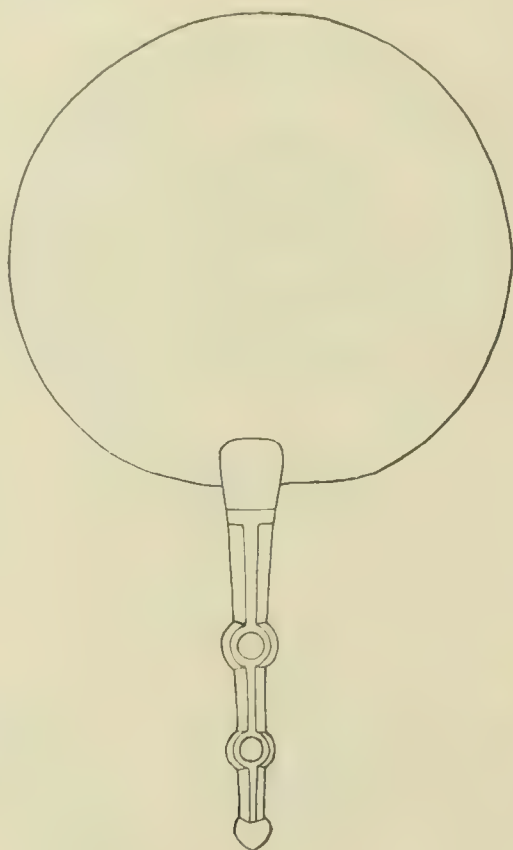

Рис. 230. $\frac{1}{2}$.

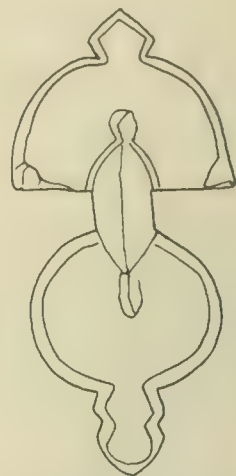

Рис. 228. $\frac{2}{3}$.

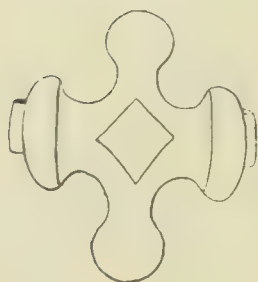

Рис. 229. $\frac{1}{1}$.

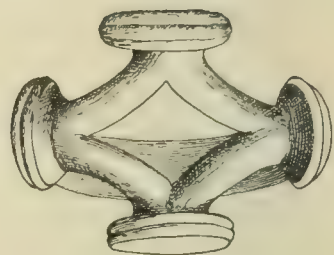

Рис. 231. $\frac{1}{1}$.

Рис. 232. $\frac{1}{1}$.

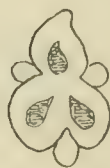

Рис. 233.

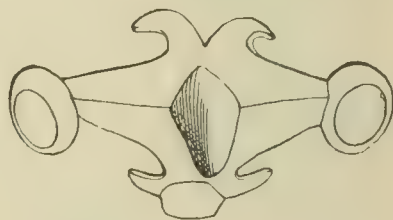

Рис. 234. $\frac{2}{3}$.

Рис. 233. Маленькая бляшка въ видѣ листка, съ эмалью (Собрание В. В. Хвойки).

Рис. 287. Булавка съ круглою головкой, украшенною красною эмалью. Изъ с. Гуты, Каневского у.

Б. И. Ханенко въ своемъ изданіи: «Древности Приднѣпровья» вып. II табл. XIV представляетъ еще украшенную эмалью часть узкой фибулы лифляндскаго типа, изъ с. Пастерскаго. Бар. де-Бай упоминаетъ

FIG. 224. 1/4

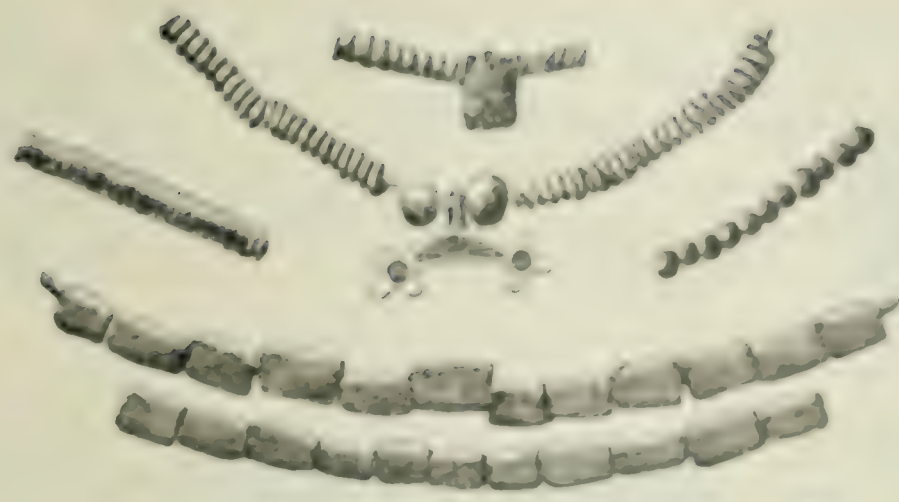

FIG. 225. 1/4

FIG. 227. 1/4

FIG. 229. 1/4

FIG. 230. 1/4

FIG. 232. 1/4

FIG. 233. 1/4

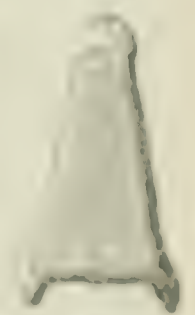

FIG. 241. 1/4

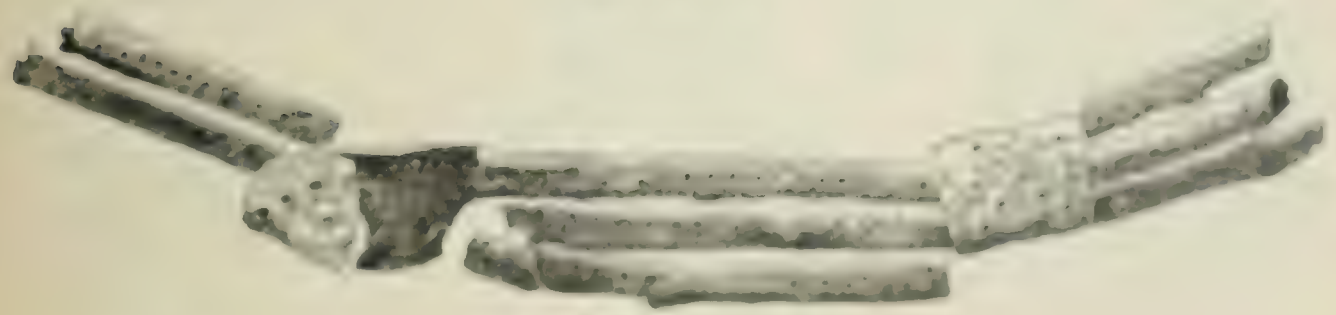

FIG. 243. 1/4

о собраніи вещей съ эмалью, принадлежащихъ г. Шомигову въ Кіевѣ. Въ музей г-жи Скаржинской имѣется ажурный мѣдный браслетъ съ эмалью, найденный въ Лубнахъ (по Бѣляшевскому). Эмальированная фибула найдена въ курганѣ «Долгая могила» на Сулѣ, въ Роменскомъ у. (Труды XI-го Кіевск. Археолог. Съѣзда, т. II, 82).

5) Окскій районъ.

Въ широкомъ окскомъ районѣ подѣлки съ аланскою эмалью VI—VIII в. найдены отчасти въ могильникахъ, главнымъ же образомъ въ многочисленныхъ мѣстныхъ городищахъ, которымъ можно придавать значеніе жертвенныхъ. Могильники, по нашей хронологіи, относятся къ VI—VII в., городища—преимущественно къ этому же времени.

Окскій районъ является однимъ изъ самыхъ богатыхъ аланскими эмальями, благодаря, главнымъ образомъ, находкѣ Мощинскаго клада.

Типы подѣлокъ совершенно тѣ же, что въ днѣпровскомъ и понѣманскомъ районахъ.

Перечисляемъ прежде всего важнѣйшія находки Мощинскаго городища, особенно же вещи клада, найденнаго подъ его валомъ (Булычевъ, Н. И., Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра. М. 1899 г.):

Рис. 235. Прорѣзной перстень, найденный въ валу.

Рис. 236 и 237. Маленькія мѣдныя лунницы древнѣйшаго типа. Въ Спасскомъ городищѣ найдена маленькая золотая лунница типа рис. 237.

Рис. 238. Мѣдная бляшка съ выпуклымъ орнаментомъ, изъ валу.

Рис. 239. Спиральки и стекляныя бусы, преимущественно красныя позолоченныя, и круглыя мѣдныя.

Рис. 240 и 241. Подвѣска пластинчатая съ орнаментомъ и въ видѣ пирамидки, обычныхъ типовъ.

Рис. 242. Мѣдная гривна обыкновеннаго типа и пластинчатый браслетъ (?).

Рис. 243. Помятый вѣнчикъ изъ трубочекъ и пластинокъ, типа, имѣвшаго позднѣе большое распространеніе въ X и XI в. въ литовскихъ, финскихъ и даже русскихъ древностяхъ.

Рис. 244—259. Предметы Мощинскаго городища, не требующіе особыхъ объясненій. Вещи рис. 245, 246 и 253 найдены въ валу, остальные въ кладѣ. Крестовидная подвѣска рис. 244 ближе всего къ бляхѣ изъ Краснаго Бора Табл. XXVII, 1. Пряжка рис. 245 интересна тѣмъ, что на кругломъ клеймѣ припаяны (?) два мѣдныя круглыя гнѣзда

Fig. 244.

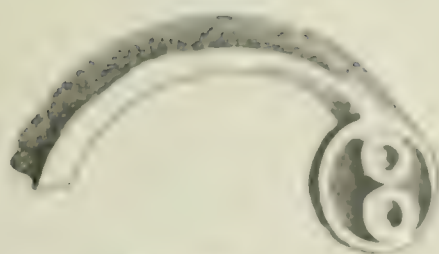

Fig. 245.

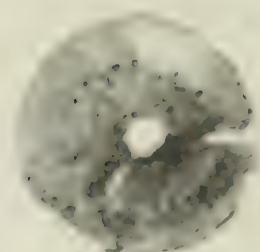

Fig. 246.

Fig. 247.

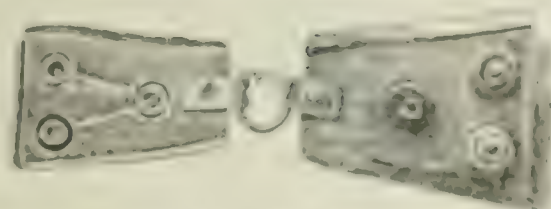

Fig. 248.

Fig. 249.

Fig. 250.

Fig. 251.

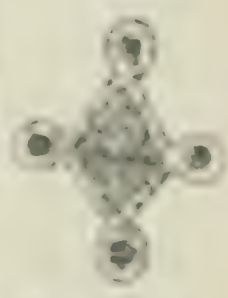

Fig. 252.

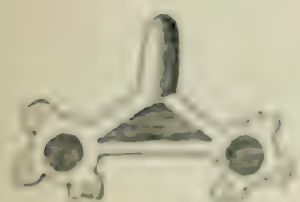

Fig. 253.

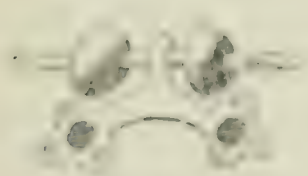

Fig. 254.

Fig. 255.

Fig. 256.

Fig. 257.

Fig. 258.

Fig. 259.

эмали иного цвѣта. Пластинчатая діадема или повязка рис. 251 близкую аналогію имѣть въ подобной прусской подѣлкѣ рис. 178.

Рис. 251 и 239 показываютъ, что лунницы поселились на ожерельяхъ. Бляха въ видѣ арочки рис. 258 близко напоминаетъ подобную бляху Межигорскаго клада Табл. XXXII; та подѣска входила въ составъ нагрудной цѣпи, занимая самую средину ея.

Рис. 260, 262—265. Треугольныя прорѣзныя фибулы, очень близкія по формѣ и въ то же время весьма разнообразныя по деталямъ. Изъ 10 экземпляровъ только два повторялись. Повидимому, четыре фибулы рис. 266 вмѣстѣ съ подѣской рис. 258 составляли короткую нагрудную цѣпь, весьма не лишенную красоты (Булычовъ, Табл. IX). Эмаль на всѣхъ фибулахъ красная, за исключеніемъ экземпляра рис. 266, гдѣ она красная и голубая. Фибула рис. 260 гладкая, безъ эмали.

Рис. 261. Весьма нарядная цѣпочка изъ трехъ фигурныхъ звеньевъ, покрытыхъ красною и голубою эмалью, имѣющая нѣкоторую аналогію въ цѣпи Виленскаго музея Табл. XXVI.

Рис. 268—279. Оригинальныя широкіе браслеты съ реберчатыми выступами, для которыхъ нами пока не сыскано аналогій (не считая Межигорскаго клада). Наиболѣе близкіе браслеты встрѣчены въ Самтавро (Chantre, Табл. XLIV), а отраженіе того же типа можно видѣть въ широкихъ браслетахъ Бакшишекъ (Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. т. X в. 1 стр. 360) и пожалуй въ прорѣзномъ браслетѣ изъ Пьяноборскаго могильника (Древности бассейновъ Оки и Камы, стр. 6). Эмаль на этихъ браслетахъ красная, кромѣ экземпляра рис. 270, гдѣ, кромѣ того, имѣется глазокъ оранжеваго цвѣта, и рис. 278, гдѣ посрединѣ помѣщенъ голубой или синій кружокъ.

Рис. 271. Фибула, соединяющая вмѣстѣ типъ треугольных и перекладчатыхъ и, повидимому, служащая показаніемъ, что обѣ эти формы вышли изъ одной, перекладчатой, что и очень естественно.

Рис. 274. Прорѣзная бляха или фибула, покрытая красною и голубою эмалью, весьма рѣдкой формы. Подобныя подѣлки мы видѣли лишь на Межигорской цѣпи (Табл. XXXII).

Рис. 275. Разрѣзъ вала Мощинскаго городища. Площадь городища расположена направо.

Сверхъ перечисленныхъ вещей, въ Мощинскомъ кладѣ находятся и нѣкоторыя иныя, между прочимъ треугольныя пластинчатыя фибулы типа рис. 128.

Даемъ перечень остальныхъ находокъ съ аланскою эмалью въ окскомъ районѣ, присоединяя сюда также вещи верховьевъ Волги и бас-

FIG. 200. 1a.

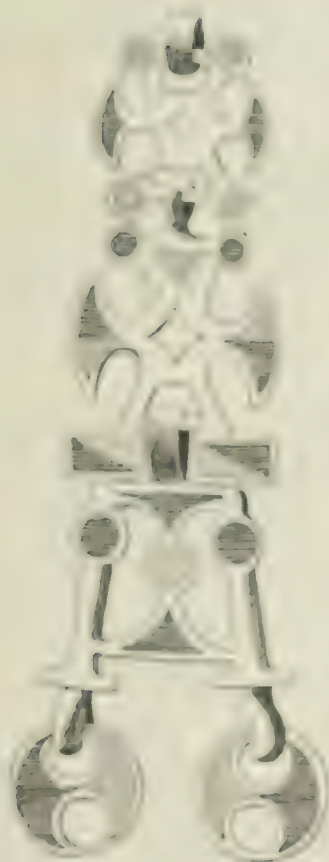

FIG. 201. 1b.

FIG. 202. 1c.

FIG. 203. 1d.

FIG. 204. 1e.

FIG. 205. 1f.

FIG. 206. 1g.

сина р. Камы, такъ какъ первый изъ этихъ районовъ находился въ культурной зависимости отъ окскаго, а второй имѣлъ съ нимъ торговыя сношенія.

Рис. 277. Мѣдная гривна изъ Кошбеевскаго могильника, найденная въ 1902 г. (см. изданіе Императ. Археологической Коммиссіи: «Древности бассейновъ р. Оки и Камы», вып. I). Эмаль красная. Бляшка отдѣляется отъ самой гривны. По формѣ она напоминаетъ римскія фибулы ромбической формы.

Рис. 278. Пряжка съ красною эмалью, изъ Муромскаго могильника (см. въ томъ же изданіи Табл. XXIX, 11; точное мѣсто нахождения неизвѣстно).

Рис. 279. Изъ кургановъ XI—XII в. близъ с. Кривецъ (Мышкинского у.), куда эта пряжка попала, можетъ быть, съ городища (Указатель Историческаго музея, стр. 232). Концы пряжки сомкнуты, эмаль выкрошилась ¹⁾).

Рис. 281. Пряжка изъ кургановъ того же времени близъ д. Кирьяновой, Рыбинскаго у., вѣроятно, также не принадлежащая къ составу погребенія. Одного типа съ фибулами Муромской рис. 278, Кузьминской рис. 284, Бакшинской рис. 187 и Виленской рис. 188 (Указатель Историческаго музея, стр. 218).

Рис. 282. Фибула перекладчатой формы, можетъ быть, изъ Федяшева городища на Окѣ (гр. Уварова, Могильники Сѣвернаго Кавказа, стр. 320). Эмаль красная.

Рис. 283. Затѣшливая мѣдная пластина, происходящая, вѣроятно, изъ какого-нибудь окскаго могильника. До сихъ поръ вѣроятнымъ мѣстомъ ея нахождения считалось Недвиговское городище (Указатель Историч. музея, стр. 37), но нами не найдено упоминанія объ этой подѣлкѣ въ подлинныхъ отчетахъ проф. Леонтьева, какъ и о другихъ вещахъ того же собранія (шейной гривнѣ, плетеныхъ пряжкахъ и проч.), которыя всѣ относятся къ раннимъ окскимъ типамъ. Пластика имѣетъ два ушка; верхній придатокъ выпуклый, какъ и круглая часть его, отдѣленная отъ основной части ребромъ. Эмаль красная, зеленая и оранжевая.

Рис. 284. Фибула изъ погребенія № 21 Кузьминскаго могильника, относящагося, по нашему мнѣнію, къ VIII в. (Древности бассейновъ р. Оки и Камы табл. XV, 5, стр. 90). Средній ромбикъ для эмали иного цвѣта вылить вмѣстѣ со всею фибулой, а не припаятъ. Эмаль выпала, какъ и на концахъ.

¹⁾ Мы, однако, колеблемся въ признаніи этой пряжки древнею. Подобная же, но меньшихъ размѣровъ была найдена въ Костромскихъ курганахъ.

FIG. 201. 14.

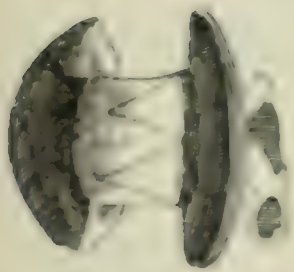

FIG. 202. 14.

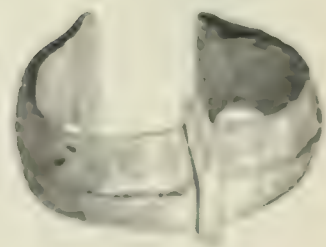

FIG. 203. 14.

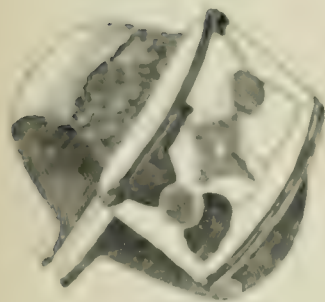

FIG. 204. 14.

FIG. 205. 14.

FIG. 206. 14.

FIG. 207. 14.

FIG. 208. 14.

FIG. 209. 14.

FIG. 210. 14.

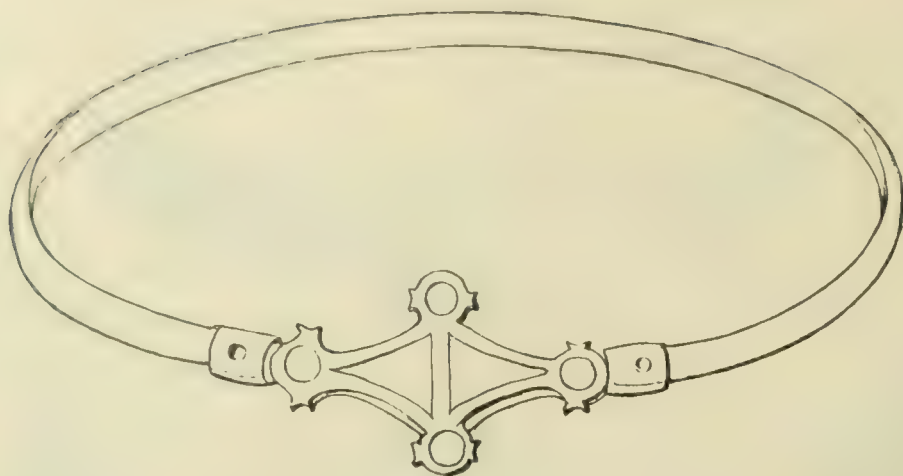

Рис. 277. $\frac{1}{2}$.

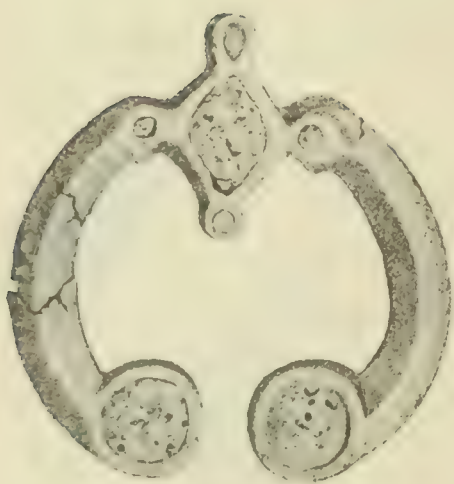

Рис. 278. $\frac{2}{3}$.

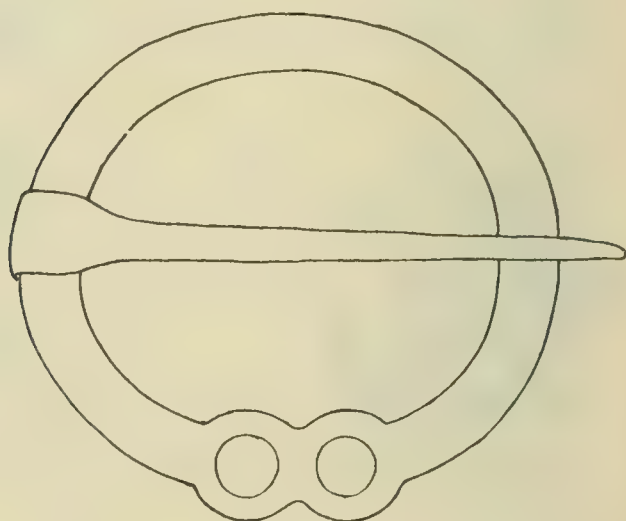

Рис. 279. По наброску.

Рис. 280. $\frac{2}{3}$.

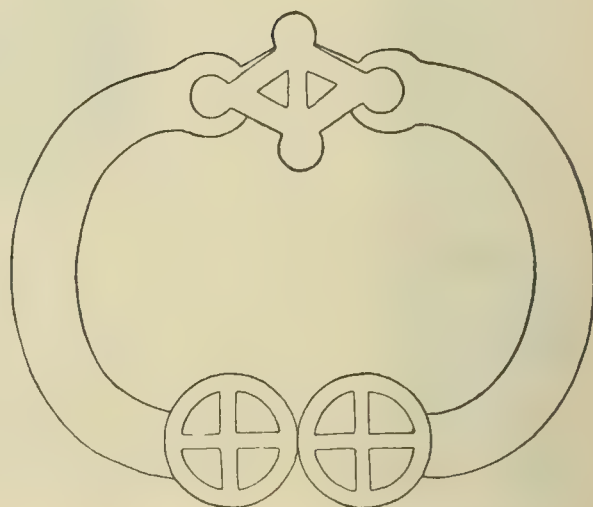

Рис. 281. По наброску.

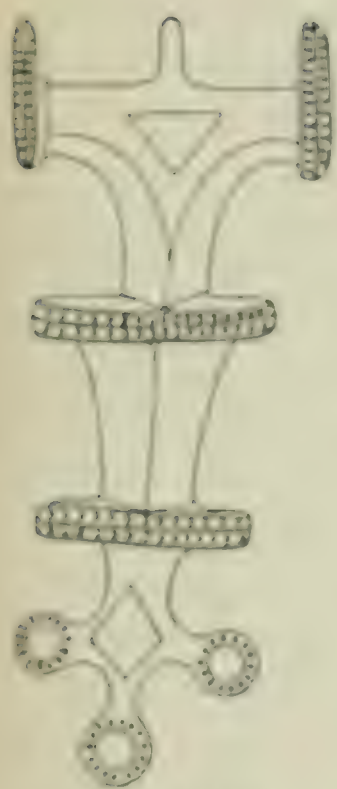

FIG. 252. 1/4

FIG. 253. Ho. pottaputak. Amant

FIG. 254. 1/4

FIG. 255. Ho. nallpaw

FIG. 256. 1/4

FIG. 257. 1/4

FIG. 258. 1/4

Рис. 285. Пиражка изъ с. Дурова, Сердобскаго у., Саратовской губ. (Саратовскій музей).

Рис. 288. Фибула изъ городища Дуна на Окѣ, изъ раскопокъ г. Жи Генидуе. Эмаль въ трехъ клеймахъ, красная. Сильный изгибъ фибулы, безъ сомнѣнія, не случайный, а преднамѣренный, что доказывается постановкой пріемника.

Рис. 302. Весьма замѣчательная фибула, найденная въ кладѣ съ вещами VIII в. въ д. Плесь на верховьяхъ Камы (Древности камской

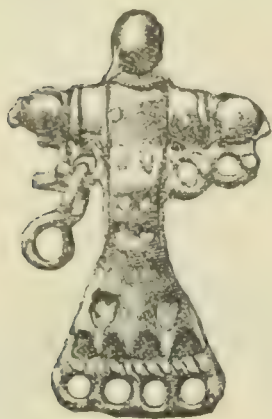

Рис. 302. ²/₃.

чуди по коллекціи Теплоуховыхъ, табл. IV, 1). Фибула эта вылита по формѣ подобныхъ окскихъ фибулъ VIII в.; ушки принадлежать къ техникѣ того же времени (встрѣченной пока на Камѣ и на Кавказѣ). Въ гнѣздахъ были примѣтны совершенно ясные остатки красной эмали. Въ пермскихъ древностяхъ фибулъ этого типа совершенно не существуетъ. Все это, взятое вмѣстѣ, на нашъ взглядъ, неопровержимо доказываетъ, что въ VIII в. на Окѣ была извѣстна мѣстная техника выемчатой аланской эмали. Если допустить, что фибула вылита не на

Окѣ, а въ какомъ-либо иномъ сосѣднемъ центрѣ (что менѣе вѣроятно), то все же она устанавливаетъ фактъ существованія данной техники и въ VIII в.

Фибула съ эмалью, повидимому, типа перекладчатыхъ, найдена въ могильникѣ при с. Масловкѣ, Лаишевскаго у., съ вещами Пьяноборскаго типа (Казанскій Родіоновскій институтъ).

6) Донской районъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что не малое количество аланскихъ эмалей будетъ найдено и по Дону, вмѣстѣ съ оживленіемъ здѣсь интереса къ собиранію предметовъ древности, пока еще очень слабаго. Въ настоящее время извѣстна лишь одна фибула аланской формы съ Дону, представленная на рис. 286 и найденная на Цымлянскомъ городищѣ (Труды II Московскаго Археологич. Съѣзда, т. IV, табл. LXXXV). Фибула очень схематизированная, безъ эмали.

7) Кавказскій районъ.

Если описываемыя эмали дѣйствительно принадлежать аланамъ, то онѣ должны въ немаломъ количествѣ оказаться и на сѣверномъ Кавказѣ, въ важнѣйшемъ аланскомъ центрѣ, гдѣ въ данное время сохранялась

для политической самостоятельности этой караванной, которая была изувеченной, но ослабленной отъ распадомъ въ отдаленныя времена. Нельзя сказать, чтобы мы были совершенно удовлетворены положением

Рис. 280

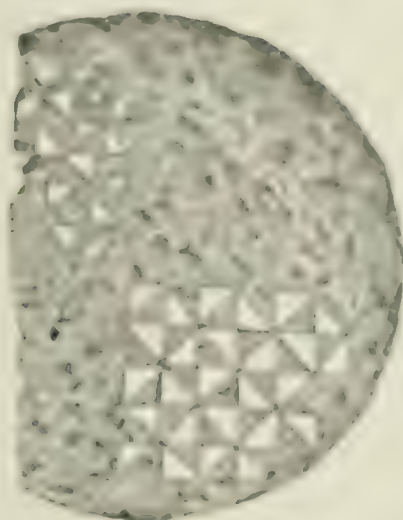

Рис. 281

Рис. 282

Рис. 283

Рис. 284

Рис. 285

Рис. 286

Рис. 287

малой аланской типа на Кавказѣ, но все же они отличаются отъ нихъ же характерныхъ типовъ, найденныхъ въ Деларкѣ и Убей. Напрямую были бы старания определить точно время расцвѣтания этого искусства на Кавказѣ, такъ какъ аланское искусство является

тѣхъ могильниковъ, изъ которыхъ они происходятъ: при хищнической эксплуатациіи этихъ могильниковъ, кажется, навсегда исчезла и возможность опредѣленія ихъ времени.

Намъ извѣстны слѣдующія вещи съ данною эмалью, найденныя въ Рутхѣ, Кумбултѣ и Чми.

Рис. 296. Ажурная подвѣска съ эмалью, изъ Рутхи, напоминающая по формѣ Ольвійскую фибулу рис. 156 и отчасти подвѣску Мощинскаго клада рис. 244.

Рис. 297. Подвѣска въ видѣ креста, съ эмалью, изъ Камбылте, общаго типа (Историческій музей).

Рис. 298. Подвѣска лунница изъ Чми, безъ эмали (коллекція Ю. Д. Филимонова). Въ той же коллекціи мы видѣли интересную фибулу съ эмалью типа рис. 157, но безъ глазковъ и съ инымъ хвостомъ; къ сожалѣнію, не можемъ дать ея рисунка.

Рис. 299. Фигурная бляшка изъ Лизгора, съ ажурнымъ низомъ, украшенная зеленою и красною эмалью, а на кружкахъ желтою или оранжевою. Подѣлка не имѣющая по формѣ аналогій. (Историческій музей).

Рис. 300. Отличная фибула, типа перекладчатыхъ. Два клейма, занятыя по половинѣ красною и зеленою эмалью.

Рис. 301. Продолговатая бляшка, украшенная красною эмалью и грибовидными отростками по краямъ, вершка $1\frac{1}{2}$ длиною, изъ Кумбулты (Историческій музей).

Рис. 293. Весьма своеобразная мѣдная фибула, покрытая въ среднихъ поясахъ и по концамъ красною эмалью. Долина Баксана и Чегема (Zichy, Voyages au Caucase et en Asie Centrale, 1897 г., табл. XX, стр. 455).

Представляемъ изображенія еще нѣкоторыхъ другихъ предметовъ съ сѣвернаго Кавказа, имѣющихъ то или другое отношеніе къ эмальямъ.

Рис. 289. Золотая бляшка изъ Терской области, орнаментированная разноцвѣтнымъ стекломъ на бѣлой мастикѣ (Гр. Уварова, Могильники Сѣвернаго Кавказа, стр. 319). Судя по мѣдной ажурной запонкѣ изъ Везенберга, Эстляндской губ. рис. 291 (Историческій музей), происходящей, повидимому, изъ подобной подѣлки съ эмалью, можно думать, что нѣкоторыя аланскія эмали подражали подѣлкамъ со стекляною инкрустаціей. Впрочемъ, мы не увѣрены, что изображенная бляха была покрыта именно стекляною инкрустаціей, такъ какъ существуетъ родъ стеклообразной слабой инкрустаціи, наблюдаемой на подѣлкахъ съ Дону и Кавказа, которая болѣе близка къ выемчатой эмали, чѣмъ къ инкру-

станции, в которой характерны также глянцевитые поверхности кружками, также помещены на одной пластине.

Рис. 292. Фибула из охры птички из Руты, покрытая, по преданию гр. Н. С. Уваровой, пыльной массой (Монеты и Копия, Табл. III, стр. 240). Если это так, то мы на этой пластине наблюдаем единственный несомненный случай записи шифра в виде охры.

Рис. 292. По изображ.

Рис. 293. По изображ.

Рис. 294. По изображ.

Рис. 295. По изображ.

Рис. 296. По изображ.

Рис. 294. Фибула из Гембурга, из выжженой глины (Исторический музей).

Рис. 295. Часть боковой поясной пряжки из Бремена, из сф. верного Канала. Средняя часть имеет сердцевидную форму, покрытую синею эмалью, инкрустированную красными и белыми металлами. (Продана Н. Н. Кондаковым, из охры и охры из Гембурга).

8) Районъ Черноморскаго побережья.

Здѣсь, въ чертѣ Босфорскаго царства, найдена пока лишь одна подѣлка съ выемчатою эмалью аланскаго типа—прорѣзная фибула треугольной формы, описанная выше (рис. 147).

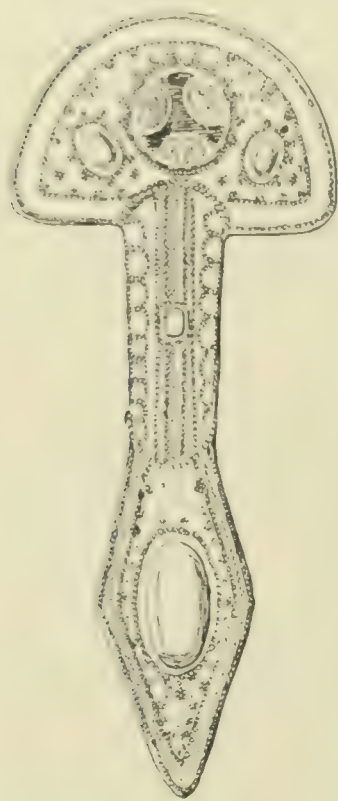

Рис. 303.

Кромѣ Россіи и Восточной Пруссіи, нигдѣ подѣлокъ съ выемчатою аланскою эмалью не встрѣчается: это мѣстная индустрія. Въ Венгріи эмаль подходящаго типа встрѣчена на золотыхъ сосудахъ Сентъ-Миклошскаго клада и въ немногихъ другихъ подѣлкахъ, какъ напр., на извѣстной золотой фибулѣ изъ Szilágysomegyóі, въ которой на щиткѣ имѣется клеймо изъ какой-то зеленой и темной эмали (рис. 303). Никакого непосредственнаго отношенія эта венгерская эмаль къ русской не имѣетъ. Подѣлки съ позднею (не римскою) эмалью встрѣчаются еще въ Скандинавіи. Достаточно взглянуть на рис. 304—309, представляющія извѣстныя намъ скандинавскія подѣлки съ эмалью, и тѣ единственные предметы, которые по формѣ до нѣкоторой степени напоминаютъ части аланскихъ цѣпей, чтобы ясно увидѣть, что тамъ существуетъ какая-то своя, мѣстная эмаль, не объясняющая русскихъ подѣлокъ съ эмалью и не объясняемая ими ¹⁾.

Результатомъ изложеннаго являются слѣдующія положенія и предположенія:

1) Еще до появленія римской выемчатой эмали такая эмаль существовала въ Россіи, именно на Кавказѣ и на Днѣпрѣ, гдѣ она впрочемъ не получила развитія, хотя можетъ быть держалась и долѣе, чѣмъ можно судить по наличнымъ памятникамъ.

2) Римская эмаль получила значительное распространеніе въ Россіи, гдѣ она сперва вызвала подражаніе себѣ въ формѣ варварскихъ эмалей, а затѣмъ черезъ нихъ дала толчокъ развитію своеобразнаго мѣстнаго искусства, давашаго весьма многочисленные и любопытные памятники, не встрѣчаемые въ другихъ странахъ.

3) Время расцвѣта русскихъ эмалей можно относить къ VI—VIII в.,

¹⁾ Рисунки взяты, главнымъ образомъ, изъ извѣстныхъ сочиненій Монтелиуса и Софуса Мюллера.

Fig. 35.

Fig. 36.

Fig. 37.

Fig. 38.

Fig. 39.

Fig. 40. THE BRASS PLATE.

в производство ихъ удобнѣ всего приписать дѣйровекимъ или доп-скимъ аланамъ.

4) Формы основныхъ типовъ подѣлокъ съ аланскою эмалью (фибулы двухъ типовъ, лунницы, кресты) взяты съ римскихъ эмальированныхъ издѣлій, удержанныхъ и варварскими эмалями. Никакого отношенія къ формамъ подѣлокъ съ стекляною инкрустаціею они не имѣютъ.

5) Элементы характерныхъ для аланскихъ эмалей украшеній въ видѣ боковыхъ и реберчатыхъ выступовъ, а также элементы прорѣзного искусства уже существуютъ въ римскихъ подѣлкахъ съ эмалью, но въ аланскихъ эмаляхъ они развиваются въ изящный пріемъ, усваивающій имъ своеобразный стиль.

А. С.

Отдельныя находки металлических вещей въ верхнемъ Поволжьи.

Въ настоящей замѣлкѣ мы имѣемъ въ виду собрать свѣдѣнія объ
отдельныхъ находкахъ данного района исключительно древнѣйшихъ ти-
повъ, до X в.

Такихъ находокъ извѣстно очень немногихъ.

Въ 1830-хъ гг. близъ д. Загорья Клинского у., у р. Состры,
при прокладкѣ канала, на глубинѣ до 3-хъ саж., найдены были кости
бобра и гдѣ-то тамъ же (или вѣрнѣе снѣгоні) медный ножъ, жѣзвѣн-
ный стрѣла и нѣсколько кремневыхъ стрѣловокъ. (Гр. Уваровъ, Казенный
ящикъ, т. II, 18.—Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 1257; въ замѣлкѣ
Гаггува о древнихъ вещахъ Чертоваго собрания.—Смѣтъ проф. Рудне-
въ *Bullet. de la Soc. Impér. des Natural. de Moscou*, 1846, т. XIX, 2,
стр. 393). Кости сохранились въ слѣдкахъ г-жа Родондой и изображены
(позидимому, не вполне точно) въ атласѣ г. Асиолина рис. 157 (рис. 417).
Къ финляндскимъ кельтамъ Загорскій не походитъ¹⁾, въ сибирскую же-
зю для него имѣются близкія аналоги, кромѣ, вѣрнѣе, кельт. Табл. IV в
въ «Сибирскихъ Древнѣстияхъ» Радлова, т. II в. 1. Форма медной стрѣлы
не можетъ быть установлена, такъ какъ Гаггувъ описываетъ не одну,
а нѣсколько стрѣлъ (одна цѣлѣвая); другія сарматскаго типа. Въ виду
истинности поэмаций, самая принадлежность перенесенныхъ вещей
вещей д. Загорья должна быть поставлена подъ сомнѣніе.

Медный ножъ въ видѣ неблизкаго кельт. образца данъ д. По-
дольской на Олѣ (Болдвинни Историческаго музея). Позидимому, въ са-
момъ отношеніи этого предмета находится въ медной (или въ брон-
зовомъ) плѣтѣ.

Билль д. Ефановой. Мраморная гл. см. 25 в. отъ Муромъ, см. рис.

¹⁾ *Наблюдения на Антропологическомъ Музее Императорскаго Музея*, т. III.

древней глины открыты были, при человѣческихъ костяхъ, мѣдныя гривны, спиральныя наручники и перстни и другія вещи, всего будто бы до 20 фунт. весомъ. Изъ нихъ въ коллекцію г. Кудрявцева попало нѣсколько кельтовъ, спиралей и мѣдныхъ бляшекъ; остальные вещи погибли въ пожарѣ, а отчасти пошли на мѣдную посуду. Въ рукахъ В. М. Иверсена изъ Ефановскихъ находокъ временно находились: небольшой пластинчатый наконечникъ стрѣлы, быть можетъ, кованый, и подѣлка въ видѣ ши-

Рис. 311. ¹/₂.

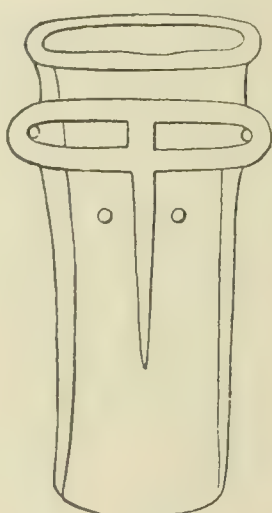

Рис. 312. ¹/₂.

рокаго и узкаго острія съ втулкой въ верхней части меньшей ширины, слѣдовательно, тина современныхъ скребковъ ¹). Не относится ли Ефановскій могильникъ къ культурѣ восточнаго мѣднаго вѣка? По всему, что мы о немъ знаемъ, этотъ могильникъ возбуждаетъ большое вниманіе.

Въ 1 в. отъ с. Подольскаго, Костромскаго у.,

при добываніи валуновъ на расположенномъ здѣсь мысу, были находимы различныя вещи, изъ кото-

рыхъ О. В. Покровскимъ были приобрѣтены: великолѣпный желѣзный наконечникъ копья хорошаго типа, съ отчетливыми гранями (рис. 310), подвергавшійся сильному накаливанію, какой-то желѣзный наконечникъ съ расширеннымъ концомъ (рис. 311), также подвергнутый дѣйствию сильнаго огня, и желѣзный кельтъ обычнаго типа, съ расширеннымъ остріемъ (типа Табл. XII, 4 Кошибеевскаго могильника), безъ слѣдовъ пребыванія на огнѣ. Вещи эти можно относить къ VII—

Рис. 310. ¹/₂.

VIII в., а найдены онѣ, быть можетъ, на городкѣ, подобномъ Минскому той же мѣстности ²). Повидимому, на Подольскомъ мысу могутъ оказаться и иные интересные предметы древности.

Близъ ст. Максатихи Рыбинско-Бологовской жел. дороги найдена большая круглая кварцевая буса и черепки древняго типа (Тверской музей).

На пустоши Часовиѣ, кемецкой вол., Валдайскаго у., «при слѣдахъ древняго кладбища» найдена мѣдная проволоочная пряжка типа Борков-

¹) *Koudriantsev*, Les vestiges de l'homme préhistorique и пр. въ Трудахъ Московск. Международн. Конгресса 1892 г., т. II, 261.

²) *Покровский*, Случайная археологическая находка. Археолог. Извѣстія, 1894 г., 358—360.

сваго мотильника. Табл. XV, 2. но съ двумя широкими жюветями и
позвѣями не ланчатыми, а конической формы, VII—VIII в. (Кол-
лекція Тверского музея).

Вещи довольно древнихъ финновъ типовъ выносятся 142-го слѣдъ
с. Загорья Вышневолоцкаго у. (Тамъ же).

Если тщательно перетомримъ старую коллекцію Тверского музея,
то въ ней, безъ сомнѣнія, найдется и другая вещь древняго типа.

Удлиненные и длинные русскіе курганы.

Вопросъ о длинныхъ смоленскихъ и витебскихъ курганахъ въ последнее время нѣсколько оживился, отчасти вслѣдствіе прилива свѣжаго матеріала, отчасти же благодаря возникшему по поводу ихъ спору. Такъ какъ курганы эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаютъ неправильное, на мой взглядъ, освѣщеніе, то считаю себя обязаннымъ нѣсколько тщательнѣе, чѣмъ прежде, остановиться на темѣ о времени ихъ и о томъ, какой народности ихъ слѣдуетъ приписывать.

На нашъ взглядъ, необходимо полагать строгое различіе между удлиненными и длинными курганами. Первые коротки, и кажется, сравнительно низки, имѣютъ прямоугольное основаніе, поверхность ихъ иногда устроена скатами. Такія курганныя насыпи встрѣчены В. И. Сизовымъ въ д. Дроковѣ, Порѣчскаго у., и въ слц. Городкѣ, Духовщинск. у., Смол. губ. (Указатель Историч. музея, стр. 118, 123). Подробныхъ отчетовъ объ ихъ изслѣдованіи еще не появлялось въ печати, такъ что нельзя составить точное понятіе объ устройствѣ этихъ кургановъ, и неизвѣстно, какія именно вещи въ каждомъ изъ нихъ были найдены. Знаемъ только, что Дроковскіе курганы были расположены перпендикулярно линіи берега озера. Вещи всѣхъ вообще Дроковскихъ длинныхъ кургановъ состояли изъ мѣдныхъ поясныхъ пряжекъ со сжатыми боками, тонкихъ и широкихъ спиралекъ, треугольныхъ пластинчатыхъ подвѣсокъ, желѣзнаго лоточка, большого мѣднаго бубенчика и желѣзныхъ удиль; эти предметы, особенно же послѣдніе, примыкаютъ къ типамъ предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ VIII—IX в.¹⁾, какъ мною давно уже отмѣчено²⁾. Быть можетъ, къ тому же типу принадлежатъ тѣ смолен-

---

¹⁾ *Спицынъ*, Предполагаемые литовскіе курганы. Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. т. VIII, в. 1 и 2.

²⁾ Обзоръ Смоленской губ. въ археологическомъ отношеніи. Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. т. XI в. 1, стр. 178.

тѣе курганы, въ которыхъ В. И. Савость находилъ мѣлныя бѣлосѣ, инкрустированныя желтымъ и зеленымъ стекломъ (см. Ирпона). Въ поверхностномъ слое длиннаго кургана у сел. Новое Голузино близъ г. Арешно, по словамъ В. И. Савости, найдена приличная коллекція предметовъ Н. И. Вудякова, украшенная красною и желтою эмалью¹⁾.

Находка двухъ послѣднихъ предметовъ служить для г. Савоса главнѣйшимъ основаніемъ относить сходныя другимъ курганы къ эпохѣ «сохранившейся еще нѣкоторыхъ черты культуры съ эпохой переселенія народовъ, именно готской», но вслѣдствіе случая не позже VII—VIII в. Противъ такого хронологическаго опредѣленія мы позволимъ себѣ рѣшительно возражать, такъ какъ полагаемъ, что оно основывается болѣе на впечатлѣніи, чѣмъ на строго фактическомъ матеріалѣ. Кѣмъ установлена хронологія различныхъ типовъ изделий съ стеклянною инкрустаціей? По орнаменту Ирпона близка имѣетъ наиболѣе близкую аналогію въ Кудонетовскихъ (бѣлаго Озарицко-свѣтлѣ) золотыхъ вещахъ, далеко не раннихъ, но она къ тому же мѣлкая, ивѣта стеклышки поздне (лиловый и зеленый), изделия съ стеклянною инкрустаціей найдены и въ терекскихъ могильникахъ VIII—IX в. (раскопки Владимірова 1878 г.). Что касается предметовъ съ изумрудною эмалью, то о времени ея также нѣтъ спеціальнаго разсужденія, и ограничиваясь ссылкой на готскія вещи, въ которыхъ она впрочемъ ева ли и можетъ имѣть отношеніе. Кроме того, оно необходимо доказать, что эта посылка относится именно къ данному населенію, а не пришла въ составъ населя съ городища или вообще съ мѣста поселенія.

Для хронологіи обсуждаемыхъ памятниковъ старинны важно принимать во вниманіе не находки единичныхъ предметовъ, какъ бы изобиліемъ они не были, а общій составъ вещей извѣстныхъ, особенно же обмѣнныхъ, курганныхъ. Въ примѣненіи этого требованія къ данному случаю получился такое убѣжденіе въ Ирпонскомъ курганѣ нѣтъ съ близкими инкрустированными стекломъ, найдены пластичныя подвески и бѣломая мѣлная браслета или гривны типа Любинскаго могильника табл. 24. Въ соседнемъ курганѣ овалной формы найдены обложка медной гривны типа Любинскаго могильника табл. III, «, подвеска изъ бронзы, сходная съ нѣкими (Любинск. могильн. табл. VIII, 11), подвеска изъ бронзы

¹⁾ Савость, Длинное курганъ въ Голузинскомъ уѣздѣ Третья XI Кавказ. Архива, т. II, стр. 81.

тина того же могильника табл. I, 5 и пластинчатая подвѣски. Въ Люпинскомъ же могильникѣ врядь ли есть вещи раньше конца IX в.

Помимо смоленской области, древніе удлиненные курганы встрѣчены еще въ странѣ западныхъ кривичей, именно въ Торонецкомъ у. По замѣчанію В. И. Глазова, ихъ нашедшаго и отчасти изслѣдовавшаго, эти курганы имѣютъ почти четырехугольное основаніе (съ закругленными углами), окружены канавками, бока ихъ, кажется, иногда несутъ слѣды обработки въ видѣ скатовъ. Подобный курганъ, раскопанный близъ пог. Бенедкаго, заключаетъ въ верхней части остатки трупосожженія, въ которыхъ найдена синяя буса, обломокъ подѣлки изъ мѣдной проволоки и часть мѣднаго браслета съ расширенными концами (рис. 315, 317, 319, выше стр. 59); послѣднюю находку предположительно можно относить къ VIII—IX в.

Отъ удлиненныхъ кургановъ происходятъ длинные, отъ 5 до 60 саж. длиною. Съ этими курганами насъ хорошо знакомятъ В. И. Глазовъ, изучавшій ихъ въ различныхъ уѣздахъ Псковской губ. Изъ его отчетовъ слѣдуетъ:

1) что длинные курганы никогда не встрѣчаются отдѣльно, а всегда въ однихъ группахъ съ круглыми курганами (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. XI т. в. 1, стр. 222);

2) что нѣкоторые такіе курганы представляютъ характерное сочетаніе съ круглыми въ одной и той же насыпи (рис. 313 и 314);

3) что устройство длинныхъ и круглыхъ кургановъ одно и то же: и тѣ, и другіе имѣютъ вокругъ основаній ровики, заключаютъ остатки трупосожженій (или въ верхней части насыпей, или въ основаніи), въ основаніи тѣхъ и другихъ проходятъ совершенно одинаковые угольно-пепельные слои (рис. 316 и 318);

4) что длинные и круглые курганы одинаково бѣдны вещами, а найденные въ тѣхъ и другихъ черепки тождественны (небрежной работы изъ плохой глины съ примѣсью кварцевыхъ зеренъ, горшки въ формѣ стопки съ короткою шейкой, см. рис. 46).

На основаніи изложеннаго, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что длинные псковскіе курганы принадлежать той же народности и тому же времени, какъ и древнѣйшіе мѣстные курганы обычной круглой формы, т.-е. западнымъ кривичамъ X в. Безъ сомнѣнія, длинные курганы смоленскіе принадлежать также X в. (не знаемъ, есть ли исключенія въ пользу IX в.), и также кривичамъ.

Такъ какъ внѣ области кривичей длинныхъ кургановъ вовсе не найдено, то очевидно, что въ этихъ курганахъ мы имѣемъ наилучшее

способе для рѣшенія вопроса о древоѣмостѣ развѣтвляющихся и для колонизаторскихъ движеній. Потому-то мы требуемъ самого пристального къ себѣ вниманія.

Рис. 313 Д. Курно

Рис. 314 Д. Восточн.

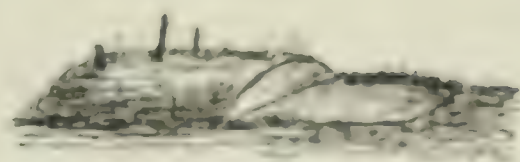

Рис. 315

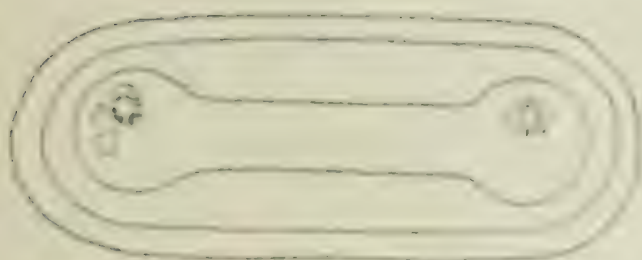

Рис. 316 Д. Курно

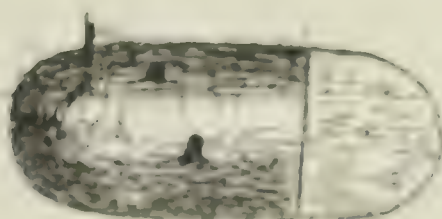

Рис. 317

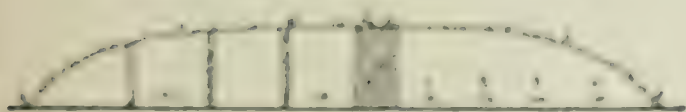

Рис. 318 Д. Шурово

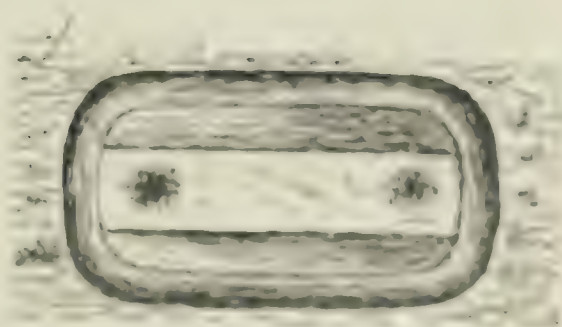

Рис. 319

Итакъ мы въ концѣ концовъ о распространении животныхъ и растений въ настоящую минуту имѣемъ въ нашихъ рукахъ (см. рисунки 313-319)

Вордона Дюфора.

1. Д. Рудинъ, Духовническая — Г. Усмановъ. Избранъ. Мюнхен, стр. 1191.

2. Д. Ярцева, того же уѣзда (Тамъ же, стр. 120).
3. Д. Хотынь и Городокъ, того же уѣзда (Тамъ же, стр. 120).
4. Д. Лошино, Смоленскаго у. (Тамъ же, стр. 111—113).
5. Д. Арефино, того же уѣзда (Тамъ же, стр. 114).
6. Д. Дрокова, Порѣчскаго у. (Тамъ же, стр. 123).
31. Д. Слобода, того же уѣзда (Тамъ же, стр. 121).

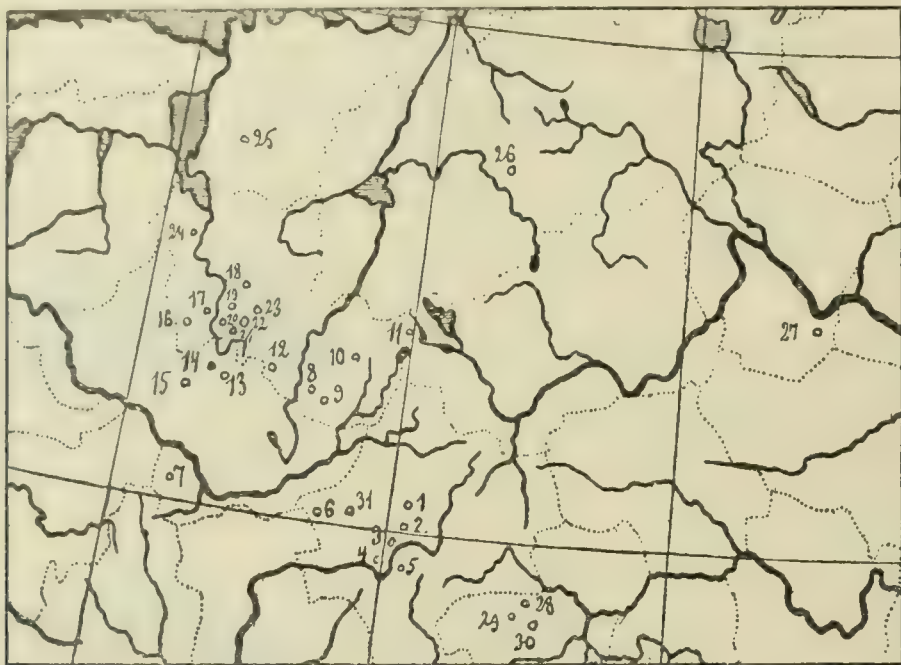

Рис. 313.

Лѣвый берегъ Зап. Двины.

7. С. Воронье, Лепельскаго у. (Изв. Имп. Археол. Комм. вып. V, 18).

Правый берегъ Зап. Двины.

14. Д. Грицкова, Себежскаго у. (Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. т. IX в. 1, стр. 260).
15. Себежскій у. (Тамъ же, стр. 260).
13. Могиланская вол., того же уѣзда. Дер. Чаинецъ, Толкаева, Ханева, Зашевская, Максимовка, Люлина (Изв. Имп. Археол. Комм. вып. V, стр. 27).

Р. Великая.

16. Д. Волково, Опочецкаго у. (Зап. Импер. Русск. Арх. Общ. т. XII в. 1, стр. 215).
17. Д. Щурупово, того же у. (Тамъ же, стр. 212).
18. Слц. Михайловское, Опочецкаго у. (Тамъ же, стр. 226).

19. С. Соголово, того же уезда (Тамъ же, стр. 220).
20. Д. Кудаво, того же уезда (Тамъ же, стр. 219).
21. Оз. Камелное, того же уезда (Тамъ же, стр. 220).
22. С. Кротова, того же уезда (Тамъ же, стр. 220).
23. Д. Романово и Дыршино, Пожаревского у. (Тамъ же, стр. 221).
24. Пос. Лыбути, Пашковскаго у. (Зап. Импер. Русск. Архива. Общ. ч. IX в. 1, стр. 255).

Р. Ловатъ, верховья Двини и Ноты

12. Д. Сатоншино, Велисслунскаго у. (См. выше, стр. 48).
9. Пос. Бенцы, Горонскаго у. (Тамъ же, стр. 58).
- Д. Петрицкая, того же уезда (Тамъ же, стр. 61).
10. Пос. Бологово, Холмскаго у. (Тамъ же, стр. 54).
11. Д. Павлово, Остапковскаго у. (Зап. Импер. Русск. Архива. Общ. ч. IX в. 1, стр. 292).

Чудское озеро.

25. Д. Гвересты, Гдовскаго у. (По сообщению В. Н. Глазкова).

Р. Волховъ.

Г. Старая Ладога. Длинный курганъ найдены и раскопаны Н. Н. Рыбниковымъ.

Р. Мста.

21. Оз. Лето, Боровичскаго у. (См. выше, стр. 19). Песчан. дну. попер. 61 арш., шириною 5 арш., глубиною 1½ арш.
- Д. Любичцы, въ 25-ти в. отъ Бологова близъ ст. Александровской. (Сборн. Архива. Инст. вып. III, 18).
- Д. Далева, Крестовскаго у. (Показан Н. Е. Макаренкомъ, рисованъ В. Н. Глазкова 1903 г.).

Р. Волга.

27. С. Забой Холмъ. Црковнаго уезда (Сообщение В. А. Гуреева, которому известно изъ Ярославской губ. много старыхъ мѣстности съ древними курганами).

Въ Новгородской и Рязанской областяхъ довольно кургановъ, но сомнѣнно, имѣются ли въ нихъ сколько нибудь древн. предметы. Имѣется въ этихъ местахъ много кургановъ, но въ этихъ областяхъ никогда не будетъ обнаружено столь много древн. предметовъ, какъ въ области поморскихъ и сибирскихъ кривичей. Въ этихъ местахъ не

повторяющіе кривичи рано, уже съ IX в., начали усваивать обрядъ погребенія въ большихъ сонкахъ. В. И. Сизовъ сообщаетъ, что въ 10 курганныхъ группахъ Смоленской губ. ему извѣстно до 100 длинныхъ насыпей. Невозможно ожидать встрѣтить такого количества ихъ ни на Мстѣ, ни на Волгѣ.

Удлиненные курганы являются древнѣйшими доселѣ извѣстными памятниками кривичской старины. Происхожденіе ихъ не ясно, и неизвѣстно, свой это обрядъ погребенія у кривичей, или же онъ откуда-нибудь ими заимствованъ. Для рѣшенія этого вопроса имѣютъ, можетъ быть, извѣстное значеніе калужскіе курганы, расположенные между р. Угрой и Окой (д. Поченки, Дубровка, Почернино, на картѣ № 27—29) и по находкамъ связанные съ мѣстными городищами; Н. И. Булычовъ, изслѣдователь этихъ кургановъ, отмѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ продолговатую форму.

Если считать возможнымъ самостоятельное появленіе у кривичей обряда погребенія въ удлиненныхъ курганахъ, то мы позволили бы себѣ высказать предположеніе, что курганы этого типа ближе всего напоминаютъ общій видъ жилища; въ пользу такого предположенія особенно говоритъ основаніе этихъ кургановъ, четырехугольной формы, и видъ боковыхъ сторонъ, имѣющихъ иногда форму скатовъ. Если принять, что отмѣчаемый у Нестора древнѣйшій русскій обрядъ погребенія «на столбѣхъ на путѣхъ» есть не что иное, какъ погребеніе въ небольшихъ домикахъ или домовищахъ, поставленныхъ на сваяхъ ¹⁾, то переходъ отъ такого деревяннаго домовища къ подражанію ему изъ земли былъ бы не очень далекъ. Болѣе поздніе курганы дреговичскіе (XI—XII в.) прямо заключаютъ внутри деревянные склепы въ видѣ дома съ крышею.

А. С.

---

¹⁾ Не отсюда ли въ нашихъ сказкахъ избушка на курьихъ ножкахъ, безъ оконъ, въ которой живетъ Баба Яга *костяная нога, бросающая въ огонь людей, ихъ пожирательница?*

Замѣтка о каменныхъ крестахъ, преимуще- ственно новгородскихъ.

Каменные русскіе кресты до сихъ поръ не служили предметомъ специальныхъ изысканій. Не опредѣлены предѣлы ихъ распространенія, ихъ время, не установлены ихъ типы, несомнѣнно ихъ действительное назначеніе, не разъяснено ихъ происхожденіе. Настоящая замѣтка свѣдѣтъ въ виду положить начало изъ изысканій. По скромности работы, прино-
рявленной къ интересамъ Тверского археологическаго общества, составитель
ей не имѣлъ возможности исполнить весь матеріалъ, какой можно было
разыскать, и вмѣстѣ не смѣетъ надѣяться, что ему удалось установить изъ-
вѣстную точку зрѣнія на описываемые остатки старины. То и другое—
дѣло будущаго. Главная цѣль, къ которой авторъ замѣтки стремился—
возбудить вниманіе къ этимъ памятникамъ, быстро исчезающимъ памят-
никамъ древности, къ которымъ начинаешь чувствовать большое стрем-
леніе, какъ только къ нимъ ближе подойдешь, ближе съ ними вступишь.

Старые русскіе каменные кресты попадаются въ изрѣдномъ про-
странствѣ, но свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны и отрывочны. Въ
Подольской губ. извѣстны кресты близъ с. Заруды, прислуровской вол.
(около кургана Кривана Грѣба) и на городишѣ у д. Ячтинѣ, Ушиц-
каго у. ¹⁾ Въ Вологодской губ. по 4 каменные креста стоятъ на двухъ
курганахъ близъ Босновки и Березны, Завьянскаго у., ²⁾ у городища
близъ д. Палиновки Каргопольскаго у.; курганъ съ кре-
стомъ извѣстенъ еще близъ Пелорости ³⁾. Въ Орловской губ. ка-
менные кресты извѣстны близъ стараго города Вишня, въ Брасовск. у.
Здѣсь въ урочищѣ Калынищѣ на курганѣ съ плоскою вершиною стоятъ
2 креста, крестовидной формы, грубо вытѣсанные изъ каменнаго гра-
нита и песчаника, безъ надписей. Два извѣстныхъ же креста извѣстны

¹⁾ Смирновъ, Археологическая карта Подольской губ., стр. 11 и 108.

²⁾ Обирятовъ Вологодской губ. въ археологическомъ сообщеніи 24-е. Изв. Губ. Архив. Общ. в. XI к. 1, стр. 206.

на выѣздъ изъ с. Вицнжъ по дорогѣ въ сл. Рудное, по правой и по лѣвой сторонѣ дороги. Одинъ изъ крестовъ поставленъ на постаментѣ изъ двухъ сомкнутихъ гранитныхъ камней, въ специально для того высѣченномъ гнѣздѣ ¹⁾. Въ Могилевской губ. каменные кресты извѣстны близъ д. Голошево, Оршинскаго у. (грубой формы четырехконечный крестъ вышиною 1½ арш., на берегу оз. Глухого), близъ д. Рагозиной того же уѣзда (5 крестовъ на городницѣ) и на кладбищѣ д. Горской Слободы Чаусскаго у.; послѣдніе, по преданію, униатскіе ²⁾. Какіе-то

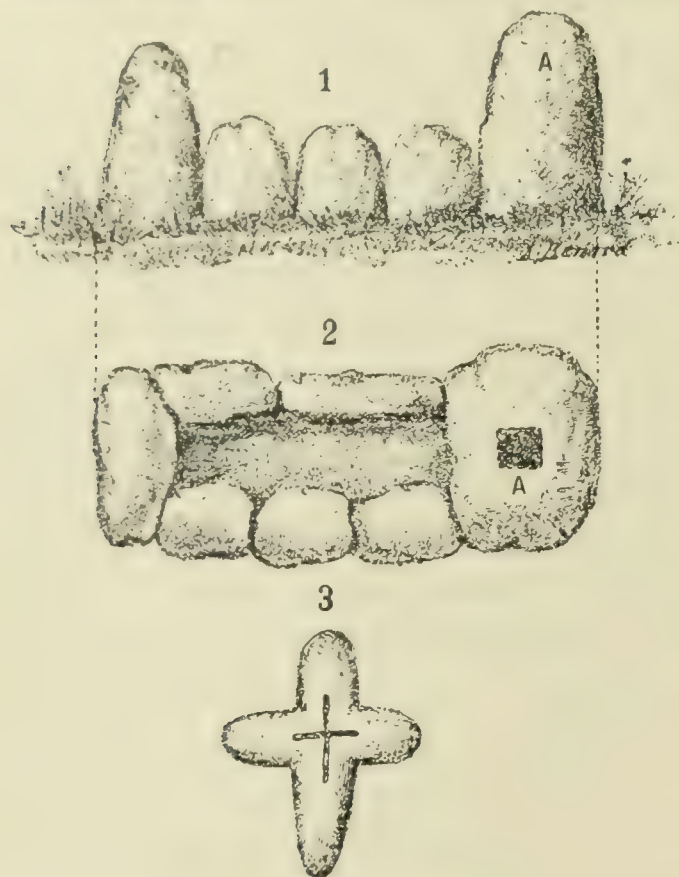

Рис. 320.

каменные кресты и плиты со славянскими надписями указываются на кладбищѣ въ уроч. Церковиско близъ д. Цѣлесцы, Константиновскаго у., Сѣдлецкой губ. ³⁾. Близъ д. Кукарево, Игуменскаго у., Минской губ., находится кладбище съ каменными крестами. Каменные кресты имѣются близъ д. Пять Крестовъ на р. Москвѣ, нѣсколько выше г. Коломны, и близъ г. Шум ⁴⁾. Въ русской части Витебской губ. кресты, какъ показалъ проф. Шепелевичъ, составляютъ очень обыкновенное явленіе на старинныхъ кладбищахъ. Иногда кресты здѣсь попадаются также на курганахъ и

на городницахъ ⁵⁾. Какими-то крестами былъ отмѣченъ перевозъ на Двинѣ нѣсколько выше Витебска: «Отъ Невчины въ трехъ миляхъ на Лутосиѣ есть перевозъ, але броду нѣтъ, и туды Витолтъ ходилъ до великого Новагорода къ Москвѣ, гдѣ и теперь тамъ еще крыжы есть» ⁶⁾.

¹⁾ Чувъ, С. А. Результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Брянскомъ у. въ 1901 г., стр. 5. Свѣдѣнія дополнены личными объясненіями г. Чуева.

²⁾ Древности, т. XI в. 2, стр. 85 (рис.).—Изв. Имп. Археол. Комм. вып. V, 49 и 60.

³⁾ Археологическія Извѣстія, 1897 г., 232.

⁴⁾ Антропологич. Выставка, т. II, 7.—С. А., Древній каменный крестъ. В л а д и м. В ѣ д о м. 1846, 34.

⁵⁾ Отчеты о раскопкахъ 1900 и 1901 гг.—Извѣст. Импер. Археол. Комм. вып. V, 14, 21, 28.—Указат. Историч. музея, стр. 160.

⁶⁾ Въ перечнѣ бродовъ на Двинѣ 1557 г., Акты, относящ. къ исторіи Южн. и Зап. Россіи, т. I, 140.

Рис. 121

Рис. 122

Рис. 123

Съ типомъ южно-русскихъ каменныхъ крестовъ можно ознакомиться по рис. 348, представляющему изображеніе огромнаго, прекрасно высѣченнаго креста, стоящаго на мѣстѣ стараго кладбища при с. Зимно, близъ г. Владиміра Волынскаго. Крестъ имѣетъ 6 клеймъ для вставки металлическихъ или каменныхъ изображеній. По мнѣнію проф. Шляпникова, онъ поставленъ на мѣстѣ погибшаго въ 1213 г. Кліма Христиныча. «сего же крестъ и донынѣ стоитъ на Сухой Дорогѣ» (Зап. Импер. Русск. Археологич. Общ., т. X, в. 1, стр. 384).

Другой весьма любопытный русскій каменный крестъ стоялъ у ст. Преградной, Донской обл., на р. Больш. Егорлыкѣ. Онъ описанъ Падласомъ (въ 1799 г.) и Бутковымъ (въ 1825 г.). Крестъ имѣлъ въ вышину 4 арш., вытесанъ былъ изъ известковаго камня, перекрестье было короткое. Въ плохо разобранный надписи, кажется, можно читать: «Помилуй, Господи... раба своего Ивана... роус...»¹⁾. Въ 1775 г. на камнѣ будто бы еще можно было различить 6549 (1041) г.

Но наибольшее количество каменныхъ крестовъ падаетъ на древнюю Новгородскую и отчасти Псковскую области. Здѣсь они встрѣчаются, главнымъ образомъ, на жальникахъ и курганахъ, а также въ стѣнахъ церквей. Уже не малое количество новгородскихъ крестовъ собрано въ музеяхъ, что и даетъ возможность ихъ описанія и изученія. Въ литературѣ указанія на каменные кресты въ предѣлахъ Новгородской и Псковской обл. довольно многочисленны, но указанія эти весьма рѣдко снабжаются рисунками²⁾.

Предлагая далѣе изображенія извѣстныхъ намъ каменныхъ крестовъ, принимаемъ дѣленіе послѣднихъ на памятные, поклонные и надгробные.

Памятные кресты.

Кресты этого рода большая рѣдкость. Ихъ извѣстно всего три: Стерженскій, Воймерицкій и Эстляндскій.

Стерженскій крестъ (рис. 323) находился на городкѣ при впаде-

---

¹⁾ Помяловскій, Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. Спб. 1881, стр. 3—4.

²⁾ См. помѣщенные выше отчеты о раскопкахъ В. Н. Глазова въ Псковской г.—Монограммы на стѣнахъ замка Изборска. *Отечеств. Зап.*, 1826, I, 28—39.—Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общ., т. VII, 218; IX, 405, 407, 443.—Сборн. Археол. Инст., вып. V, 7.—Зап. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XI, в. 1, стр. 313.—Отчеты Рериха о раскопкахъ въ Валдайскомъ, Боровичскомъ и другихъ уѣздахъ Новгородской губ.—Отчетъ *Тухомірова* о поѣздкѣ на р. Мету, стр. 6—11. Описаніе новгородскихъ церковныхъ древностей архим. *Макарія*.—*Стасовъ*, Каменный крестъ Новгородскаго Софійскаго собора. Извѣст. Импер. Русск. Археол. Общ., т. III, 423—427.—*Макарій*, Древніе кресты въ Новгородѣ поставленные на поклоненіе. Изв. Импер. Русск. Арх. Общ., т. II, 84—102.

нии Волги въ озеро Стерля, а затѣмъ на впаденіи, откуда въ 1870 г. перенесенъ въ Тверской музей. Съ XII в. она могла переимѣнить въ одно мѣсто. Высота креста 2 арш. 5 верш., толщина $5\frac{1}{2}$ верш.; въ ширину

Рис. 124.

Рис. 125.

Рис. 126.

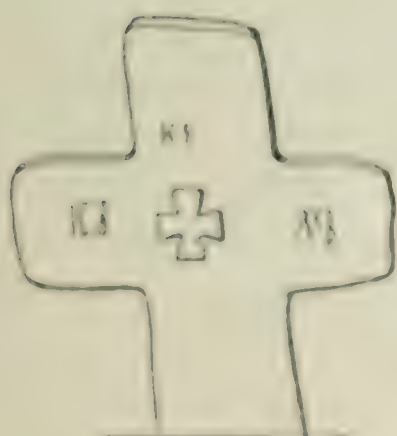

Рис. 127.

Рис. 128.

онъ быть углубленъ на $\frac{1}{2}$ арш. Крестъ весьма примечательной симметріи. Характерная особенность его формы — длинная раздѣляющая линия,

створки расширенные и обрѣзанные подь угломъ. Надпись, несмотря на плохую сохранность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, читается вполне точно: «вѣ зѣма мѣся нема дѣ днѣ печухъ рыти рѣкѣ сю азъ иванко павловиць і крѣсть съ постав.хъ». 6641 годъ соответствуетъ 1133-му. Буквы надписи вырѣзаны старательно, черты рѣзкія, точныя¹⁾.

Воймерицкій крестъ (рис. 322) находится въ часовнѣ с. Воймерицы Боровичскаго у., на р. Мстѣ. Указанъ земскимъ начальникомъ М. Д. Торопшинымъ и изученъ проф. Шляпкинымъ. Выше Стерженскаго креста болѣе, чѣмъ на аршинъ, такъ какъ имѣетъ до 3¹/₂ арш. вышины. Форма въ общемъ та же, но боковые концы плоски (хотя тоже расширены), а верхній обрѣзанъ подь болѣе острымъ угломъ и болѣе расширенъ. Часть креста, помѣщавшаяся въ землѣ, очень расширена. Надпись: «Мироу-славоу и Лазаревн братѣя и мати Мирослава поставили хрестъ. Сла-воне дѣладе». Воймерицкій крестъ, кажется, можно относить къ тому же времени, какъ и Стерженскій, т.-е. къ XII в. Хотя можетъ быть, что крестъ этотъ находился на могилѣ, однако, мы относимъ его къ памят-нымъ, такъ какъ несомнѣнно, что онъ поставленъ въ память какого-то событія, связавшаго два совсѣмъ не родственныя имени.

Эстляндскій крестъ (рис. 374) находился въ 70 вер. отъ Нарвы между станціей Ворбель и Hohenkreuz, на морскомъ берегу. Онъ, по-видимому, мѣстной, не русской работы и представляетъ собою массивное сооруженіе въ формѣ мальтійскаго креста. Нѣмецкая надпись въ современной транскрипціи гласитъ: «Anno 1590 den 4 Februar ist der Russe in das Schwedische Lager gefallen und den edlen und mannhaften Wassili Rasla(gen? din?) erschlagen». Русская надпись не разобрана. Можно читать: «Лѣта 7198, мѣсяца оевраля на память Святого Сидора... убіенъ бысть на семь мѣсте рабъ Божей Василей...» Изъ шведской хроники мы узнаемъ, что въ одномъ изъ сраженій шведовъ съ русскими въ 1590 г. со шведской стороны пали Василій Росладинъ, Гансъ Майдель и др.²⁾.

Быть можетъ, къ числу памятныхъ же крестовъ долженъ быть от-песенъ крестъ Лопастницкій (рис. 327), нѣкогда стоявшій на берегу пролива, соединяющаго оз. Лопастницкое съ оз. Витбино, близъ д. За-городье, на мысу, покрывавшемся весеннею водою. Основаніе его обло-жено было камнями. Высота креста всего 1 арш. 14¹/₂ верш.; стержень въ нижней части показываетъ, что крестъ стоялъ на кампѣ. Необыкно-венное изображеніе выбитыхъ на обѣихъ сторонахъ крестовъ и загадоч-

¹⁾ Не былъ ли Стерженскій крестъ въ первоначальномъ видѣ болѣе высокъ?

²⁾ Hansen, Geschichte der St. Narva. Dorpat, 1858, стр. 55.

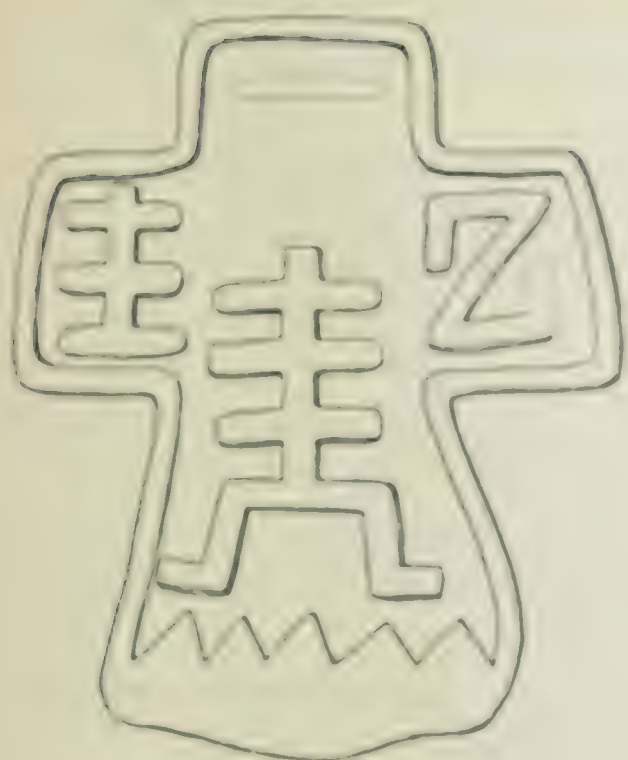

FIG. 29

FIG. 30

FIG. 31

FIG. 32

ныя монограммы приводятъ къ предположенію, что Лопастницкій крестъ, можетъ быть, не новгородскій. Аналогій среди извѣстныхъ русскихъ крестовъ онъ не имѣетъ.

Не относится ли къ числу памятныхъ также «Игначь крестъ», стоявшій по дорогѣ изъ Твери въ Новгородъ, не доходя до него за 110 в., упоминаемый Никоновскою лѣтописью подъ 1237 г. (т. X, 112)?

Поклонные кресты.

Это кресты или храмовые, вложенные въ стѣны церкви, или придорожные. Последнихъ извѣстно очень мало. Можетъ быть, къ ихъ числу относится Егорлыцкій крестъ, а также Вщижскіе, и сюда же позволяемъ себѣ отнести извѣстный крестъ 1244 г. Новгородскаго кремля. Крестъ этотъ четырехконечный и имѣетъ надписи: «Господи, спаси и помилуй раба своего Сьмеона грѣшнаго чьрньца Оркажа монастыря, аминь. Поставилъ (поставленъ?) святой крестъ си въ лѣто 6752 мѣсяца августа въ 15 д. на память святяя Богородица оуспеніе Владычица» (Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общества, т. II, 94). Перестройка этой части стѣны относится къ 1331 г., когда могъ быть помѣщенъ въ нее и крестъ чернеца Симеона, вмѣстѣ съ находящимся тамъ же другимъ крестомъ, общаго типа поклонныхъ храмовыхъ.

Обычай помѣщать на стѣнахъ храмовъ поклонные кресты въ русскихъ каменныхъ церквахъ очень древень; такіе кресты извѣстны, между прочимъ, въ Кіевской церкви Спаса на Берестовѣ и въ Новгородской Преображенской. Но кажется, что кресты эти вырѣзаны не изъ цѣлыхъ плитъ, а изъ отдѣльныхъ кусковъ камня или даже изъ кирпича. Раннихъ вкладныхъ крестовъ изъ цѣльнаго камня мы не знаемъ; извѣстные поклонные храмовые кресты идутъ, надо думать, только съ XIV в. Изъ нихъ лучшій, самый характерный и, быть можетъ, послужившій образцомъ для всѣхъ подобныхъ—крестъ въ Корсунской паперти Софійскаго Новгородскаго собора (рис. 347), поставленный въ XIV в. при архіепископѣ Алексіи (1359—1389 г.). Вышина его 2 арш. 6 верш. Крестъ съ очень расширенными концами и явными остатками перемычекъ ¹⁾. Изображенія рельефныя и раскрашенныя; надпись (по арх. Макарію): «Въ лѣто 68... писаць бысть крестъ сій въ Новѣгородѣ благословеніемъ и повелѣніемъ боголюбиваго преосвященнаго архіепископа Алексія, и поставленъ на поклоненіе правовѣрнымъ людемъ, а владыцѣ архіепископу Алексію дай Богъ многаа лѣта и здравіе и спасеніе, и дѣтемъ его и всему міру».

---

¹⁾ Наблюденіе П. П. Покрышкина.

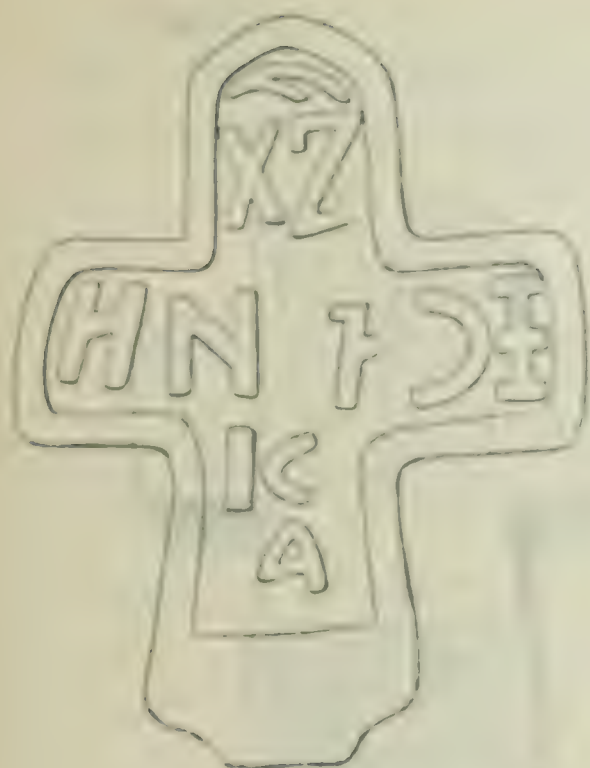

Fig. 313

Fig. 314

Fig. 315

Fig. 316

Того же типа 2 креста (рис. 350 и 353), меньшихъ размѣровъ и съ обыкновенною краткою надписью, имѣются въ Историческомъ музеѣ. Они находились, будто бы, на сводахъ Спасо-Преображенской церкви въ Нов-

Рис. 337.

Рис. 338.

Рис. 339.

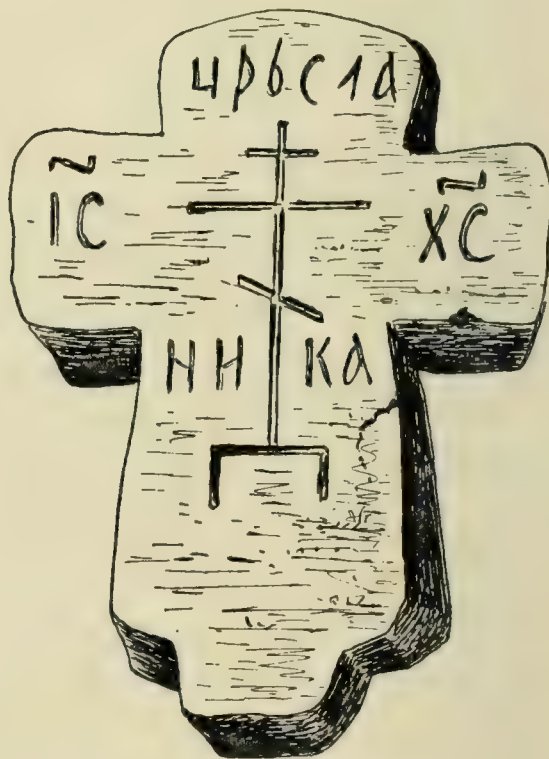

Рис. 340.

городѣ, что на Ильинской ул., построенной въ 1374 г. У одного изъ этихъ крестовъ нижній конецъ скошенъ прямо, у другого съ выступомъ¹⁾).

¹⁾ Указатель Историческаго музея, стр. 549. Крестъ, совершенно подобный по надписи и формѣ, изъ жальника близъ с. Пнева на Волховѣ хранится въ Импер. Русск. Археол. Общ. (Извѣстія Общ., т. VII, 218). Длина его 18 дюймовъ.

Fig. 341.

Fig. 342.

Fig. 343.

Fig. 344.

Fig. 345.

Fig. 346.

Второй типъ поклонныхъ храмовыхъ крестовъ—равноконечные кресты съ расширенными концами и ободкомъ (рис. 356, 357, 359, 360). Известные экземпляры такихъ крестовъ все происходятъ изъ той же Спасской Новгородской церкви и находятся также въ Историческомъ музеѣ. Кресты эти небольшихъ размѣровъ и имѣютъ очень схематизированныя позднія монограммы. Несомнѣнно, что это поклонные кресты, такъ какъ они имѣютъ форму совершенно круглыхъ клеймъ, безъ пожекъ.

Форма описанныхъ крестовъ происходить, надо думать, отъ обычныхъ византийскихъ крестовъ въ кругу, который можетъ означать, ближе всего, нимбъ, а можетъ быть, и терновый вѣнецъ. Той же формы известный поклонный деревянный Людгощинскій крестъ 1359 г., покрытый рельефными изображеніями и орнаментомъ (рис. 355). Вышина его 2 арш. 9 верш. Надпись (по арх. Макарію): «Въ лѣто 6867 индикта 12 поставленъ бысть крестъ сп. Господи Іисусе Христе, по милости вся ристыяны на всякомъ мѣстѣ молящася Tobѣ чистымъ сердцемъ. И рабомъ Божиимъ помози поставившимъ крестъ Людгощичамъ и миѣ написавшему—ѳ—с. Манас. р. рлксс. т. вввмл. р. рмл. насс. ix у сра».

Третій типъ храмовыхъ поклонныхъ крестовъ—кресты восьмиконечные, известные въ небольшомъ количествѣ. Крестъ Успенской церкви Аркажа монастыря (рис. 364), положенный на могилу священника Благовѣщенской церкви и нынѣ утраченный, имѣлъ въ вышину 2 арш. 10 верш. Надпись на немъ: «ісꙋ хꙋ ѿ ѿ ка црꙋ славы всемꙋ мирꙋ влѣка ꙗꙋꙋ Его же нꙋ конца ги сꙋи помилови раба своего—даи ги ємꙋ здравье и ꙗꙋꙋ ѿданье грѣховꙋ, а в вѣдꙋщии вѣкꙋ жизнь вѣчиꙋю». Совершенно подобный поклонный крестъ имѣется въ стѣнѣ Новгородской Борисоглѣбской церкви на Торговой сторонѣ (рис. 363). Надпись та же, въ нѣкоторомъ сокращеніи. По техникѣ крестовъ и начертанію буквъ почти несомнѣнно, что оба креста высѣчены одною и тою же рукой. Начертанія буквъ отходятъ очень далеко отъ буквъ Стерженскаго креста XII в. Въ виду того, что все монограммы и титула Борисоглѣбскаго креста совершенно тождественны съ поклоннымъ крестомъ рис. 350, думаемъ, что они одного времени, т.-е. приблизительно XIV в. Борисоглѣбская каменная церковь поставлена въ 1378 г. Къ болѣе позднему времени относится каменный поклонный крестъ той же формы въ Молотковской церкви, куда онъ перенесенъ изъ Спасской церкви на Красномъ полѣ (рис. 361). Греческая надпись на крестѣ не разобрана. Вышина креста 1 арш. 14 верш. Работа тщательная, но ремесленная. По предположенію арх. Макарія, крестъ могъ быть исполненъ грекомъ Теофаномъ, расписывавшимъ въ 1378 г. одну изъ Новгородскихъ церквей. Намъ

FIG. 347.

FIG. 348.

FIG. 349.

представляется, что онъ позднѣе этого времени. По формѣ Молотковскій крестъ чрезвычайно близокъ къ Чудному Новгородскому кресту, сооруженному въ 1548 г., но, видимо, имѣетъ болѣе раннюю дату, напр., XV в. Въ формѣ Борисоглѣбскаго креста любопытенъ каменный кругъ въ средокрестіи: по изображенію малаго, совершенно подобнаго креста въ томъ же средокрестіи видно, что кругъ этотъ означаетъ терновый вѣнецъ.

По словамъ арх. Макарія, въ новгородскихъ церквахъ каменныхъ храмовыхъ крестовъ много. Кромѣ описанныхъ выше, въ его большемъ трудѣ отмѣчаются каменные кресты въ стѣнахъ слѣдующихъ церквей: Андрея Стратилата въ Кремлѣ (стр. 116, два креста по обѣ стороны западной двери), Лазаревой (стр. 152, по правую сторону западнаго входа), Петропавловской на Софійской сторонѣ (стр. 156, снаружи алтаря, подъ горниломъ мѣстомъ), Двѣнадцати Апостоловъ (стр. 164, крестъ въ южной стѣнѣ верхней церкви, между двумя небольшими окнами), Троицкій въ Ямской слободѣ (стр. 174, на алтарной стѣнѣ, у средняго окна), Оедора Стратилата на Торговой сторонѣ (стр. 196, одинъ крестъ у діаконика, другой на сѣверной сторонѣ, съ изображеніями святыхъ), Знаменской (стр. 242, въ колокольнѣ, на сѣверной сторонѣ), Апостола Филиппа (стр. 382, подъ діаконикомъ, 1559 г.), Никитской (стр. 396, на стѣнѣ колокольни крестъ съ надписью: «7065 (1557), поставленъ крестъ сій на основанье храма и на поклоненье»), Рождественской Антоніева монастыря (стр. 471, три креста съ восточной стороны и два небольшіе съ сѣверной), Благовѣщенской на городищѣ (стр. 490, одинъ крестъ на южной стѣнѣ), Воскресенской на Мячинѣ (стр. 548, на западной стѣнѣ 2 креста), Успенской въ Волотовѣ монастырѣ (стр. 574, небольшой крестъ съ внѣшней стороны столбовой колокольни) и Ковалевской (стр. 582, четыре небольшіе креста на восточной, южной и западной стѣнахъ). Не знаемъ, всѣ ли перечисленные кресты въ точномъ смыслѣ каменные, т.-е. сдѣланные изъ одной цѣльной каменной плиты.

По словамъ В. Н. Глазова, нѣсколько каменныхъ четырехконечныхъ крестовъ (съ расширенными концами и обычными монограммами) находятся въ стѣнахъ Изборской церкви. Изъ крестовъ Новгородскаго музея нѣкоторые также могли имѣть назначеніе храмовыхъ поклонныхъ, напр. кресты рис. 326 и 351, не имѣющіе внизу стержня для прикрѣпленія. Крестовъ рис. 326, рѣдкой формы, съ расширенными концами, безъ ободка, въ Новгородскомъ музеѣ имѣется два. То же назначеніе имѣетъ небольшой четырехконечный крестъ Историческаго музея (рис. 369), происходящій, кажется, изъ той же церкви, какъ и прочіе

Fig. 351.

Fig. 352.

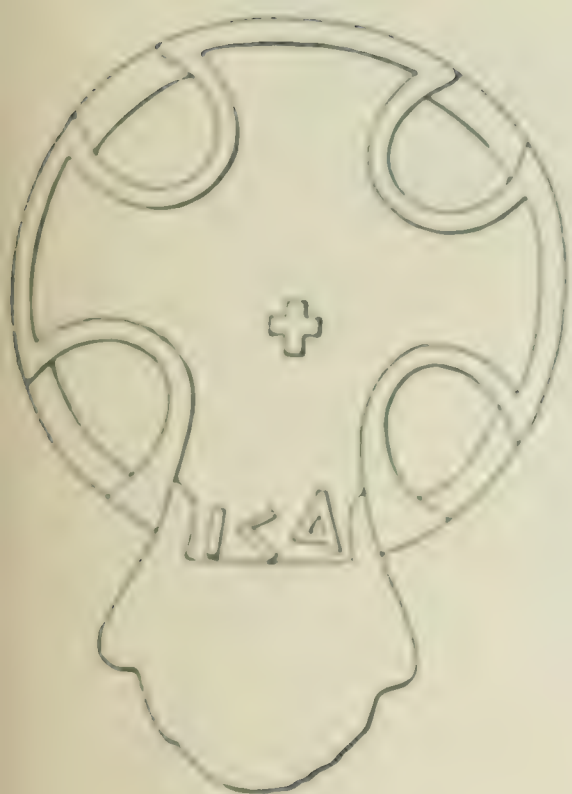

Fig. 353.

Fig. 354.

кресты музеев, т.-е. Спасской Новгородской. Къ числу поклонныхъ предположительно отнесемъ небольшіе кресты рис. 365 (Тверской музей), рис. 366 (изъ часовни д. Троицы на берегу р. Тверцы въ 7 в. отъ

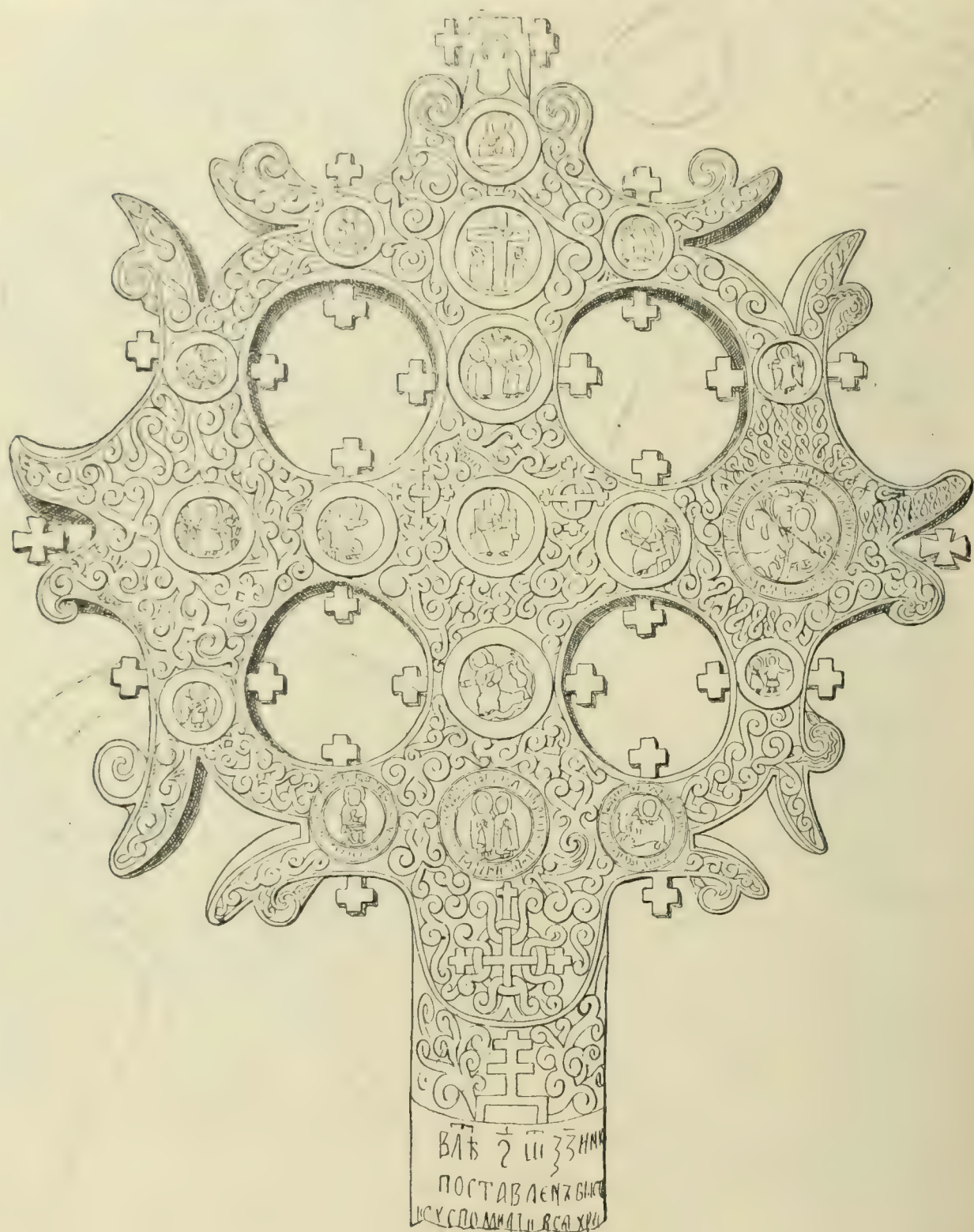

Рис. 355. 1359 г.

с. Мѣднаго, Тверской музей) и рис. 367 (найденъ на мѣстѣ монастыря св. Іоанна Богослова въ г. Старицѣ, Тверской музей). Всѣ эти кресты любопытны своими рѣзными изображеніями, изъ которыхъ изображеніе Спасителя нельзя не назвать художественнымъ. Крестъ рис. 365 имѣетъ

Fig. 137

Fig. 138

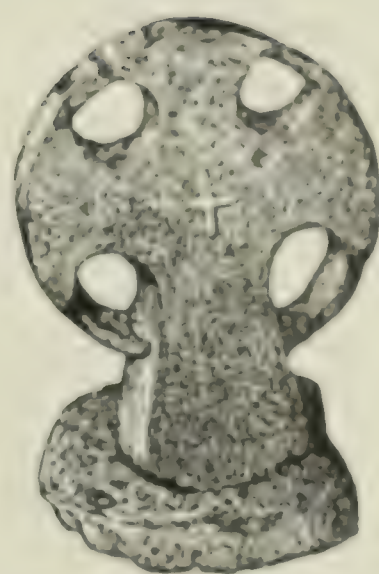

Fig. 139

Fig. 140

Fig. 141

разная фигуры и на другой сторонѣ, такъ что онъ не могъ быть настѣннымъ поклоннымъ крестомъ. Крестъ этотъ весьма интересенъ по своей формѣ: это единственный извѣстный четырехконечный крестъ съ равными, не расширенными концами и съ каменнымъ ободкомъ; вѣроятно, тутъ сказывается уже не новгородская, а московская или суздальская традиція ¹⁾).

Намогильные кресты.

Намогильные кресты, въ общемъ, повторяютъ формы памятныхъ и поклонныхъ, но имѣютъ и нѣкоторыя особенности, выражающіяся, главнымъ образомъ, въ усвоеніи стержней и зарубокъ для постановки на камняхъ и относительной массивности пропорцій, а также въ уменьшеніи величины.

Нѣкоторые изъ намогильныхъ крестовъ ставились у могилы непосредственно въ землю, другіе помѣщались на специальныхъ плитахъ, или же на крупныхъ валунахъ могильнаго огражденія (рис. 320, 325, 358, см. также рис. 43 на стр. 15 въ описаніи гдовскихъ кургановъ). Надписи на крестахъ вообще состоятъ изъ однѣхъ монограммъ, и только на немногихъ найдены имена погребенныхъ.

Намогильные кресты всѣ четырехконечные. Ихъ можно подраздѣлить на кресты безъ круга и въ кругу.

Кресты безъ круга имѣютъ нѣсколько разновидностей:

1) Кресты съ легка расширенными и скошенными подъ угломъ концами. По аналогіи со Стерженскимъ и Воймерицкимъ крестами, эту форму слѣдуетъ признавать древнѣйшею, напр. середины или конца XIII-го в. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ средокрестіи этихъ крестовъ обыкновенно выбитъ небольшой крестикъ той же формы. Такихъ крестовъ извѣстно очень немного:

крестъ рис. 375. Изъ часовни с. Воймерицкаго на Мстѣ, вышиною 1 арш.;

крестъ рис. 377. Тверской музей;

крестъ рис. 380. С. Воймерицы, вышина $\frac{3}{4}$ арш. Крестъ этотъ, несомнѣнно, относится къ тому же типу, хотя концы его и не расширены;

крестъ рис. 373. Съ жальника при д. Рабитицы, Ямбургскаго у. (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XI, в. 1, стр. 328).

2) Кресты Лопастницкаго типа, т.-е. съ концами, равными по раз-

---

¹⁾ Впрочемъ, не имѣетъ ли этотъ крестъ форму креста рис. 336?

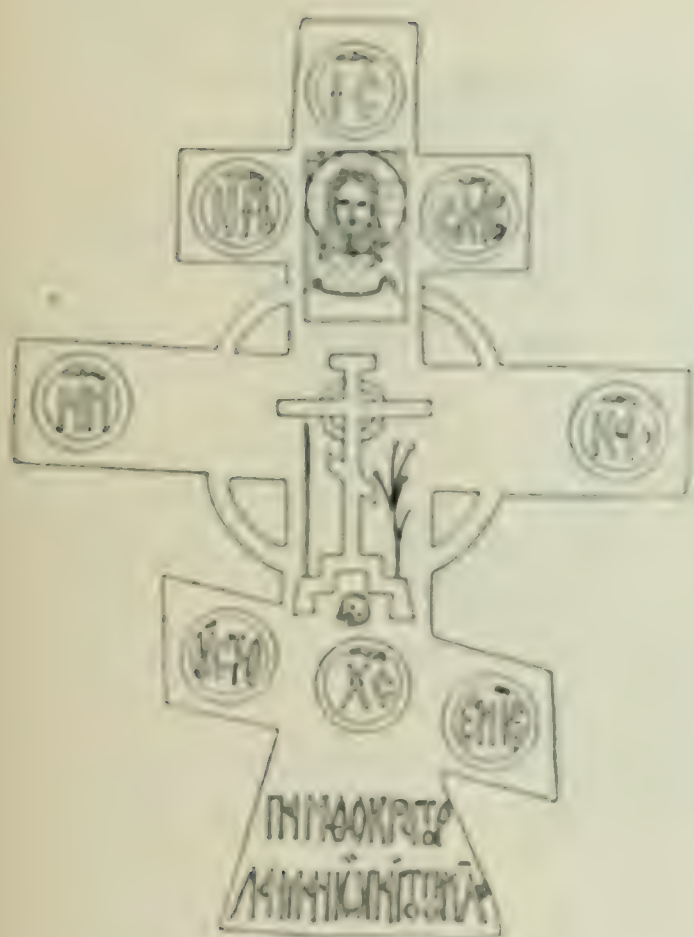

Рис. 361

Рис. 363

Рис. 362

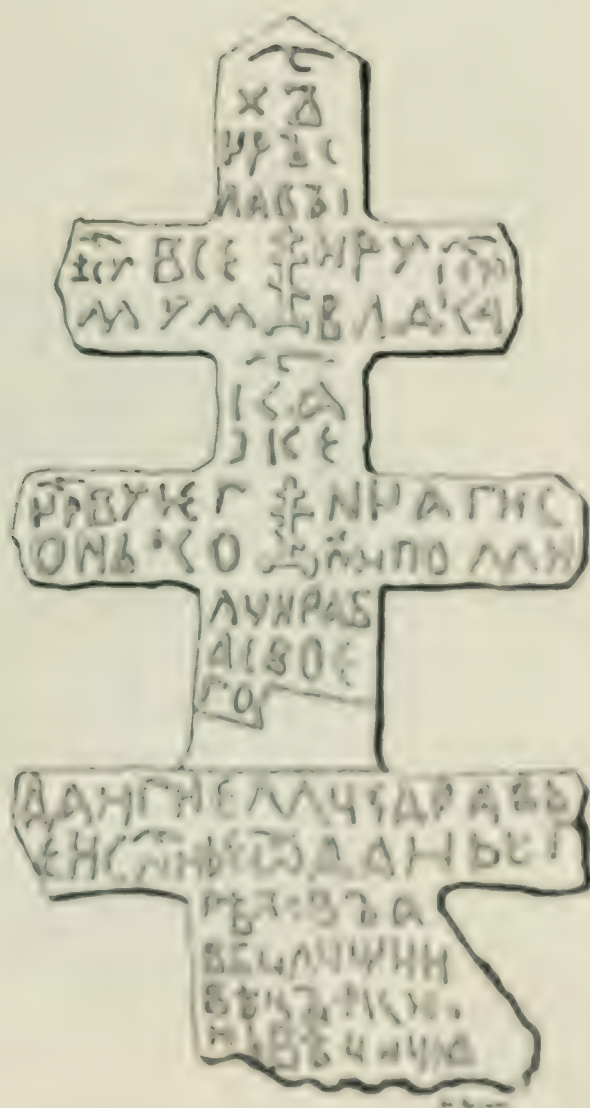

Рис. 364

Рис. 365

мирамъ средокрестію. Это наиболѣе благородная форма для крупныхъ каменныхъ крестовъ: въ средокрестіи иногда высѣченъ малый крестикъ. Вѣроятно, могутъ быть отчасти относимы также къ XIII-му в. Этихъ крестовъ извѣстно пока тоже немного:

два креста Мстинской часовни по дорогѣ въ с. Воймерицы, въ имѣніи г. Горемыкина (рис. 327 и 328); надписи стерты, непонятны и, можетъ быть, относятся къ болѣе позднему времени;

крестъ рис. 376, на жальникѣ с. Гостицѣ, Гдовскаго у., не раньше XIV в.

«Ольгинъ крестъ» въ церкви Ольгина погоста на р. Наровѣ, вышиною 1 арш. (рис. 379), вѣроятно, также не ранній. Въ договорѣ русскихъ со шведами 1585 г. упоминается Ольгинъ крестъ на Наровѣ у Николы.

3) Кресты съ удлинненными параллельными концами. Можно думать, что время ихъ XIV—XV в. Это тоже рѣдкіе кресты:

крестъ рис. 325, съ жальника у д. Подмошье, Псковскаго у.

крестъ рис. 324, въ музеѣ Археологическаго института. Интересный плетеный орнаментъ у средокрестія.

Той же формы каменный крестъ находится на берегу Волхова близъ д. Порогъ, нѣсколько выше Михаила Архангела. Онъ вставленъ въ большой лежащій камень. Той же формы крестъ XV в. имѣется въ Соловецкомъ монастырѣ и близъ с. Пингиша противъ Емецка на Двинѣ (Труды I-го Археологич. Съѣзда т. I, стр. 360). Въ Новгородской Варлааміевской часовнѣ имѣется какой-то каменный крестъ 1679 г. (Макаріи арх., въ Извѣст. Импер. Русск. Археолог. Общ. т. I, стр. 211).

4) Кресты жальничные новгородскаго типа: небольшіе, съ короткими концами и расширенною нижнею частью, всегда снабженною вырѣзками для помѣщенія на камнѣ (рис. 329—335, 343). На крестахъ почти всегда имѣются обычныя монограммы съ неизбѣжною ника, столь естественною на могильномъ крестѣ; первая буква въ имени Иисусовомъ всегда изображена въ видѣ креста. Кресты обведены по краю каймой, а въ нижней части обыкновенно орнаментированы крупными выпуклыми зубцами. Въ средокрестіи почти всегда крестъ, обыкновенно съ основаніемъ, довольно разнообразныхъ формъ. Надписи иногда безграмотны. Всѣ изображенія и буквы плоской оброчной работы. Нельзя не отмѣтить, что пропорціи этого типа жальничныхъ крестовъ въ большинствѣ случаевъ прекрасныя. Размѣръ крестовъ рис. 330 и 331—17 и 15 дюймовъ.

Въ Новгородскомъ музеѣ такихъ крестовъ имѣется 5 экз. Не имѣемъ

FIG. 506

FIG. 507

оснований относить эти кресты ко времени далѣе начала XV в. Высота ихъ 12—20 дюймовъ, матеріаль—мѣстный известякъ.

Къ этому же типу отнесемъ самый нарядный изъ извѣстныхъ жальничныхъ новгородскихъ крестовъ, сохраняющійся въ Новгородскомъ музеѣ (рис. 336). Это несомнѣнное подражаніе деревянному кресту; сверху украшенная зубцами крыша, снизу въ средокрестіи двѣ перемычки для лучшаго укрѣпленія горизонтальной планки. Монограммы обычной надписи скомпонованы не только по смыслу, но и для украшенія, вслѣдствіе чего въ нижней части помѣщенъ лишь механическій наборъ ихъ. Высота—20 дюймовъ.

5) Жальничные кресты петербургскаго типа. Въ общемъ той же формы, но еще шире, нижній конецъ расширенъ незначительно, орнаментъ отсутствуетъ, буквы монограммъ небрежнѣе и скорѣе скорописныя, чѣмъ уставныя, титла характерно иныя; кресты, въ общемъ, болѣе величины и обыкновенно ставятся прямо въ землю, почему и не имѣютъ ножекъ (рис. 337—340). Всѣ зарисованные кресты изъ Гдовскаго у. (д. Мая Руя, Гостижъ Боръ и Верхоляны). При раскопкѣ тѣхъ жальниковъ, на которыхъ стояли эти кресты, въ нихъ оказались погребенія XIV, отчасти XV в. Надпись въ средокрестіи рис. 338, безъ сомнѣнія, нужно читать ника. Матеріаль преимущественно гранитъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняются болѣе грубыя формы этихъ крестовъ сравнительно съ новгородскими.

6) Четырехконечные кресты единичныхъ формъ. Таковы: крестъ Новгородскаго музея рис. 341, съ пустою кіоткою посрединѣ, можетъ быть, типа рис. 380, неопредѣленный крестъ того же музея рис. 344, съ грубо выбитымъ посрединѣ оброннымъ крестомъ той же формы, крестъ рис. 320 съ заостренными концами, съ валдайскаго жальника, (Pr. P. Pouliatin, Variante des constructions mégalithiques en Russie du Nord, въ Трудахъ Парижскаго конгресса 1900 г.), крестъ рис. 382 изъ д. Горусова близъ станціи Валдайской (Древности, т. XII, 57), крестъ рис. 384 съ небольшого жальника близъ ст. Окуловки (Извѣст. Импер. Археолог. Комм., в. I, 62) и крестъ рис. 383, изъ Новгородскаго музея.

Кресты съ кругомъ всѣ имѣютъ расширенные концы, такъ что части круга являются какъ бы перемычками для нихъ. Нижній конецъ удлинень и расширенъ, какъ у крестовъ четырехконечныхъ, и также снабженъ зубцами или ножкою для прикрѣпленія къ камнямъ. Кресты эти близко напоминаютъ храмовые поклонные, а по матеріалу, композиціи, орнаменту и надписямъ совершенно тождественны съ описанными нов-

FIG. 37

FIG. 38

FIG. 39

горючими жальничными крестами безъ круга. Надписи нерѣдко также подвержены искаженію. Вышина крестовъ тоже незначительная, отъ полуаршина.

Большинство крестовъ этого типа собрано въ Новгородскомъ музеѣ, гдѣ ихъ можно насчитывать болѣе 12 (рис. 342, 345, 346, 354). Крестъ рис. 352 съ ошибочною монограммою иѣхъ происходитъ изъ с. Копенцаго, Новгородскаго у., крестъ рис. 358 изъ Kilpola, близъ Реексгольма¹⁾. Последний крестъ, корельскій, безъ надписей и сдѣланъ, быть можетъ, на мѣстѣ.

Особое мѣсто среди жальничныхъ крестовъ занимаютъ кресты съ очень расширенными прямыми концами, древне-византійской формы. Кресты эти попадаются только на жальникахъ пограничной полосы, гдовскихъ и изборскихъ, и, безъ сомнѣнія, заимствованы изъ Эстляндіи, гдѣ они встрѣчаются, кажется, лишь въ позднее время. Одинъ такой крестъ, какъ намъ извѣстно, до послѣдняго времени стоялъ на старомъ кладбищѣ близъ Кольцена, Лифляндской губ. На рис. 374 изображенъ описанный выше памятный крестъ этого типа 1590 г., на рис. 371—крестъ 1601 или 1604 г., стоящій на кладбищѣ близъ усадьбы Лагена въ 13 в. отъ Нарвы (Hansen, стр. 66), на рис. 370—кресты жальника близъ Изборска, теперь исчезнушіе (по старой литографіи), на рис. 368—крестъ съ жальника при д. Малой Руѣ, Гдовскаго у., на рис. 372—крестъ жальника, находящагося близъ д. Засторонье, того же уѣзда. Это самыя поздніе жальничные кресты, безъ сомнѣнія, не раньше XV в.

Начало обычая ставить на могилахъ плиты вмѣсто крестовъ относится, повидимому, также къ XIV в. По крайней мѣрѣ, такія плиты встрѣчены уже на жальникахъ новгородскихъ и гдовскихъ (рис. 362, изъ с. Млева на верховьяхъ Мсты, выше стр. 7). Извѣстная надгробная плита Тверскаго музея съ именемъ Степана (рис. 381), изъ слд. Кузнецова, Бѣжецкаго у., по начертанію буквъ можетъ быть относима къ XIV, или даже къ XV в. Начертаніе а, западно-европейскаго типа, встрѣчается на монетныхъ рублевыхъ гривнахъ XIV—XV в., буква з имѣетъ ланидарное изображеніе, встрѣчаемое и на удѣльныхъ монетахъ. Загадочный лабиринтъ камня, какъ и подобный на такой же плитѣ Изборской (рис. 378), скорѣе всего можетъ быть признанъ простымъ орнаментомъ въ родѣ плетенаго орнамента рис. 324. По общему начертанію и даже размѣрамъ, онъ чрезвычайно напоминаетъ фигуру для игры

---

¹⁾ Suomen muin.-yhdist. aikak. т. XIII, рис. на стр. 56. Подобный имѣется въ Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ, другой, болѣе изящный, въ Новгородскомъ музеѣ.

FIG. 100

FIG. 101

FIG. 102

FIG. 103

FIG. 104

въ мельницу, известную едва ли не съ XII в. и доселѣ распространенную на западѣ. Такія фигуры имѣются также на ступеняхъ Парфенона ¹⁾).

Древнѣйшіе херсонесскіе кресты имѣють четырехконечную форму; концы ихъ очень расширены. Таковы, напр., крестъ мученицы Анастасіи V—VI в. (рис. 386, Матер. по археолог. Россіи, № 25, стр. 47) и крестъ пресвитеровъ Стефана. Стефана и Христофора VI—VII в. (тамъ же, № 9, стр. 36). Керченскій каменный крестъ (изданный тамъ же, № 17, стр. 62) имѣеть болѣе близкое отношеніе къ русскимъ крестамъ, а особенно къ позднимъ алапскимъ. Онъ широкій, четырехконечный, съ короткими верхними концами.

Предлагаемъ изображенія нѣсколькихъ каменныхъ алапскихъ крестовъ, съ сѣвернаго Кавказа:

Рис. 385. Крестъ изъ Кубанской области, съ именемъ Θεодора (Помяловскій, Сборн. греч. и латинск. надписей Кавказа. Спб. 1881, стр. 19). Верхняя часть съ расширеннымъ концомъ.

Рис. 387. Крестъ оттуда же, той же формы, поломанный, съ именемъ Γεοργία (тамъ же, стр. 18).

Рис. 388. Крестъ оттуда же, 1341 г., съ именемъ Γεοργία. Историческій музей (Латышевъ В. В., Кавказскіе памятники въ Москвѣ. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. II, стр. 46).

Въ Швеціи каменные кресты встрѣчаются почти исключительно на Готландѣ и въ сѣверной части Эланда, притомъ сравнительно въ небольшомъ количествѣ. На материкѣ нѣтъ достаточно мягкаго матеріала. По мнѣнію Гильдебрандта, едва ли не одностороннему, шведскіе каменные кресты имѣють значеніе памятныхъ, поставляемыхъ, главнымъ образомъ, въ память лицъ, погибшихъ насильственною смертію, и для обозначенія самаго мѣста, гдѣ постигла ихъ гибель. Большинство крестовъ безъ надписей. Приводимъ изображенія важнѣйшихъ шведскихъ каменныхъ крестовъ:

крестъ рис. 392 изъ Салю (между оз. Венернъ и Веттеръ, XII в.); кресты въ кругѣ на плитахъ, поставленныхъ въ головахъ и ногахъ каменной гробницы (рис. 391), изъ Вригстада въ Смоландѣ, XII в.; крестъ рис. 397, рѣдкой простой формы, изъ Визби на Готландѣ; крестъ рис. 394, изъ Сикаварпа на Эландѣ, вышиною 5¹/₄ фут.; крестъ рис. 395, изъ Эндре на Готландѣ; на Эландѣ имѣется каменный крестъ съ изображеніемъ чаши, 1431 г., поставленный на мѣстѣ убіенія пастора;

¹⁾ Указанія Я. И. Смирнова и Э. Э. Ленца.—Антиона арх., О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Спб. 1894 г., стр. 37, табл. XII.

FIG. 371

FIG. 372

FIG. 373

FIG. 374

FIG. 375

FIG. 376

FIG. 377

надгробная плита рис. 396, изъ Оследа (между оз. Венернъ и Петтернъ), живо напоминающая подобныя тверскія конца XV и XVI в.: въ Швеціи это очень рѣдкая форма, время которой еще не опредѣлено; крестъ рис. 390, стоящій въ стѣнѣ гор. Визби на Готландѣ, на общей могилѣ готландцевъ, павшихъ въ 1361 году въ борьбѣ съ датчанами ¹⁾.

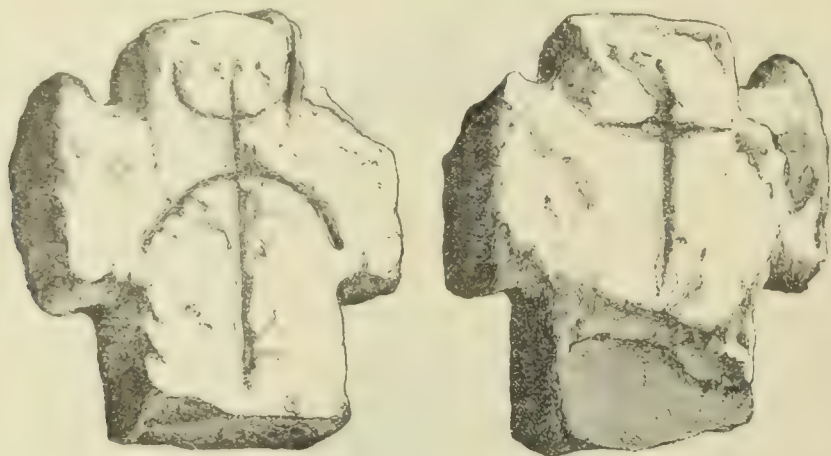

Рис. 382. ^{1/6}.

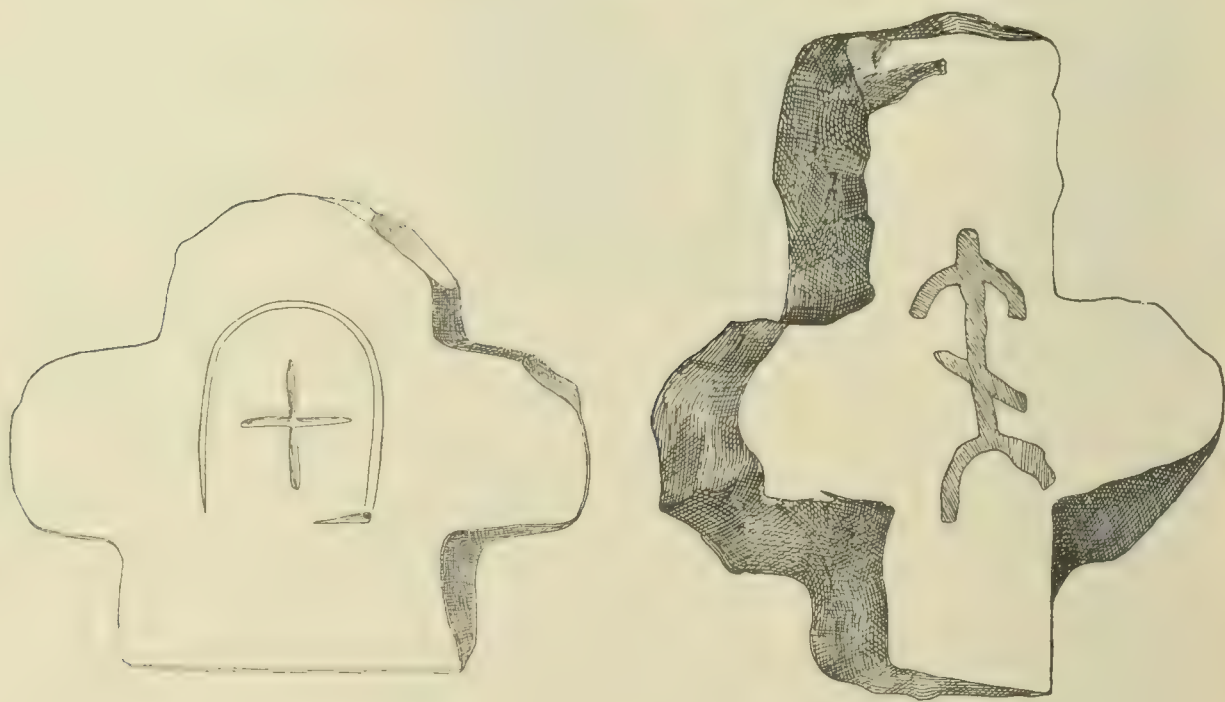

Рис. 383.

Рис. 384.

Одинъ изъ шведскихъ крестовъ имѣетъ дату XVI в. (1550 г.). Крестъ, очень близкій по формѣ къ кресту Визби 1361 г., находится въ Нарвѣ, гдѣ онъ прежде помѣщенъ былъ въ стѣнѣ православной церкви (рис. 389). Крестъ этотъ съ изображеніями символовъ евангелистовъ.

¹⁾ *Hildebrand* H. H., *Sveriges medeltid*, вып. III.—*Svenska fornminn. Tidskr.*, т. II, 1—21. Переводомъ шведской статьи Гильдебрандта мы обязаны г. Гакманъ.

Fig. 30

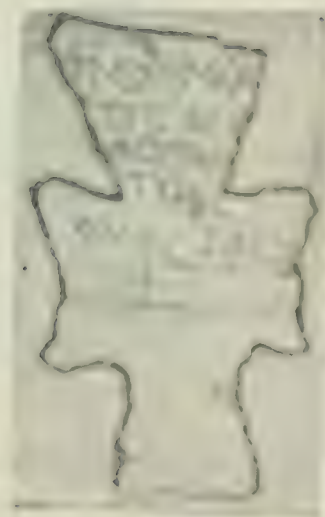

Fig. 31

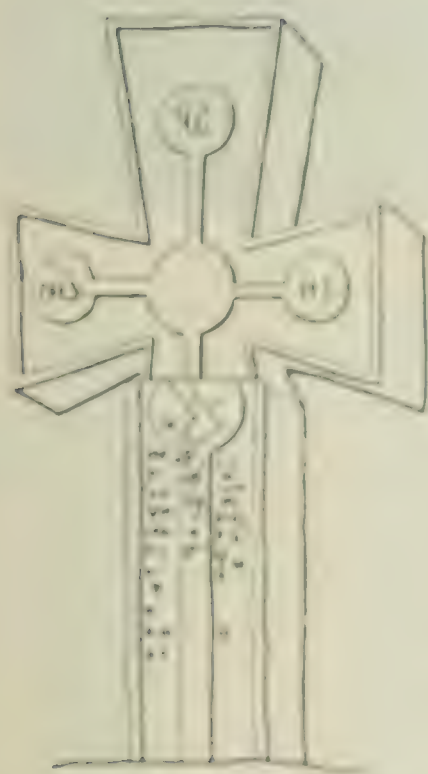

Fig. 32

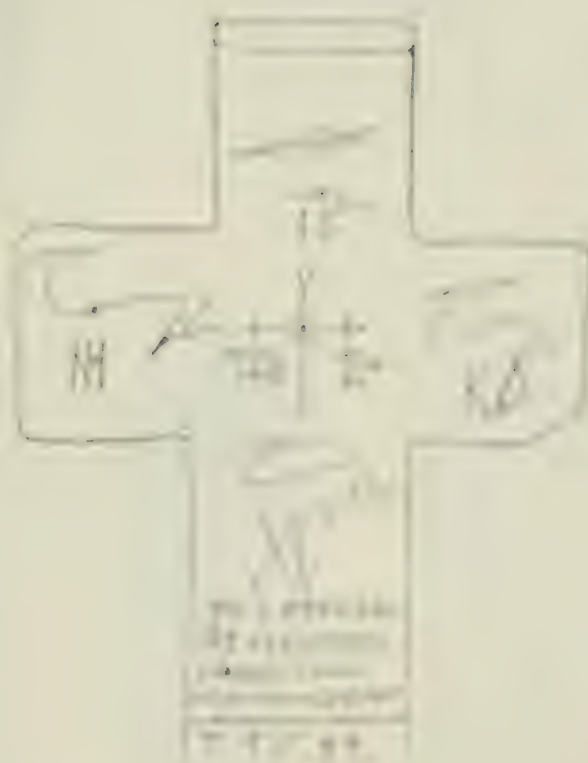

Fig. 33

готическою, трудно читаемою надписью, и съ гербомъ, принадлежащимъ, по словамъ г. Фелькерзама, къ числу марокъ городскихъ цеховъ. Рис. 393 даетъ изображеніе нимба Спасителя, близкое къ формѣ камня рис. 390.

Довольно много каменныхъ крестовъ извѣстно въ Англіи, особенно же въ Ирландіи. Въ Германіи и Франціи ихъ очень мало, почти нѣтъ вовсе. Сербскіе кресты совершенно иные (Труды XI-го Кіевского Археологическаго съѣзда, т. II, табл. V).

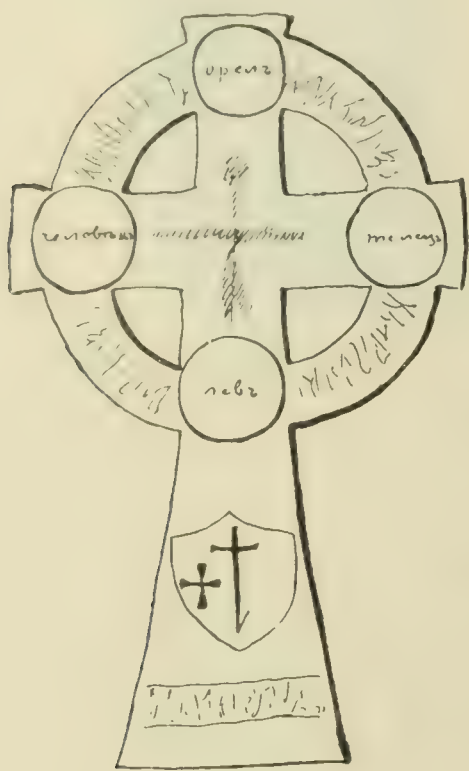

Рис. 389.

Рис. 390.

Откуда же пришелъ къ намъ обычай сооружать каменные кресты? При наличныхъ матеріалахъ на этотъ вопросъ пока невозможно дать прямого отвѣта. На первый взглядъ представляется вѣроятнымъ, что идея сооруженія крестовъ могла придти съ Запада, напр., съ Готланда, такъ какъ искусство выбивать изъ камня различные памятники процвѣтало у норманновъ съ давняго времени, и, во всякомъ случаѣ, въ болѣе интенсивномъ видѣ, чѣмъ въ Кіевской Руси или у аланъ на Кавказѣ. Но и у норманновъ обычай сооруженія крестовъ возникъ не иначе, какъ подъ византійскимъ вліяніемъ, непосредственнымъ, или же отраженнымъ, можетъ быть, чрезъ ту же Русь. Намъ кажется, что въ вопросѣ о происхожденіи русскихъ, въ частности новгородскихъ каменныхъ крестовъ слѣдуетъ различать три темы: вопросъ о происхожденіи у насъ самого

FIG. 301

FIG. 302

FIG. 303

FIG. 304

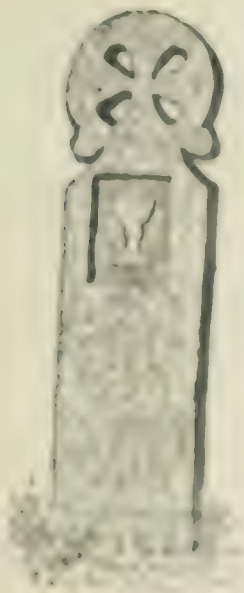

FIG. 305

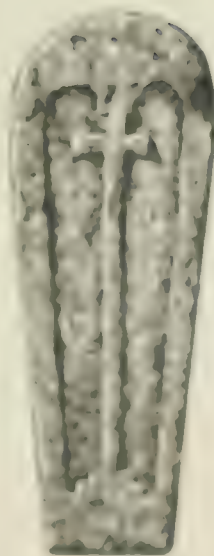

FIG. 306

FIG. 307

обычая устраивать кресты, вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ частныхъ формъ крестовъ и вопросъ о необычайномъ расцвѣтѣ издѣлій этого рода въ Новгородѣ въ XIV в. Весьма возможно, что на эти вопросы придется отвѣтить такъ: обычай ставить каменные кресты, особенно въ память какихъ-либо событій, исконно-русскій, заимствованный сѣвѣрною Русью у южной. форма поклонныхъ и памогильныхъ крестовъ XIV в., быть можетъ, также въ значительной степени самостоятельна, обычай сооружать эти кресты нашелъ въ XIV в. въ Новгородѣ весьма благоприятную мѣстную почву, чью-то вліятельную поддержку, хорошихъ мастеровъ и благодарный матеріалъ. Древнѣйшіе кресты выбиты изъ песчаника, кресты XIV в. изъ мѣстнаго известняка въ Новгородѣ и изъ гранита въ сторонѣ Чудского озера.

Но не будемъ настаивать на своихъ предположеніяхъ, изъ опасенія невольнымъ образомъ повліять на ходъ соображеній другихъ изслѣдователей. Желаемъ, чтобы такіе изслѣдователи явились поскорѣе. Каменные кресты весьма любопытное бытовое и религіозное явленіе въ средневѣковомъ Новгородѣ и вполне заслуживаютъ нашего прилежнаго вниманія, самые же памятники, нѣсколько умножаясь въ музеяхъ и въ частныхъ собраніяхъ, въ то же время чрезвычайно рѣдѣютъ на мѣстѣ.

А. С.

Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека.

Продолжая собирать материалы кочевников и первобытные орудия и предметы, находившие исключительно на Волосовской стоянке доисторического человека, находившейся в Муромском уезде Владимирской губернии, я должен заметить, что за последние годы работы мои, все уменьшающиеся в количественном отношении, были довольно успешны в качественном. Таким образом, из моего собрания исключаются из себя в настоящее время около 600 образцов изделий из камня, найденных исключительно на Волосовской стоянке, поступили предметы очень хорошей сохранности, и из того числа несколько особенно любопытных, фотографически изображены которых и рисованы предметы на прилагаемой при сем таблице, вместе с тем, почему, характеризующими богатство Волосовской стоянки, на которую и уже не раз указывал в моей заметке, появившейся в XIII том «Восточной Истории и Археологии» (1900 г.).

Из числа изображенных на прилагаемой таблице предметов по ним же считаю особено необходимо отметить следующие:

1) Крючок для ловли большой рыбы (табл. XIV фиг. 2) — сделанный из острого камня (мелкого бисера, яшмита, мелкого кварца и т.п.) и т.п.

2) Крючок (фиг. 3) представляется предметом, вероятно доисторическим, так как обитавшие на этой стоянке употребляли просверленные зубы.

3) Два древних изображения рыбы (фиг. 4 и 5) — одна простая, другая более тщательно выделанная форма, одна из них — рыба, другая — рыба, которая представляется изображением рыбы, выделанной в виде рыбы. Интересно отметить, что первая рыба — рыба, а вторая — рыба, которая представляется изображением рыбы, выделанной в виде рыбы.

4) Прекрасно сохранившійся, отбитый изъ кремня предметъ, имѣющій форму якоря (фиг. 8). Нужно удивляться искусству первобытнаго человѣка, сдѣланнаго отбивкой отъ руки изъ кремня предметъ столь правильной и симметричной формы. Если остановиться на предположеніи, что этотъ предметъ служилъ крючкомъ для ловли рыбы, то онъ въ особенности интересенъ тѣмъ, что выдѣланъ изъ кремня, а не изъ кости или раковины, какъ нѣсколько похожій на него найденный въ свайныхъ постройкахъ въ Обэнѣ.

5) Прекрасной сохранности и очень тщательной отдѣлки наконечники стрѣлъ (фиг. 18—25 и 27). Разнообразіе типовъ, разная величина и сходство формъ этихъ наконечниковъ съ такими же, найденными въ другихъ мѣстахъ, наводятъ на мысль, что формы эти не случайны, а предназначались хотя для охоты на опредѣленнаго рода животныхъ и птицъ. Такъ маленькая, довольно рѣдко попадающаяся, стрѣлка (фиг. 18) могла служить для охоты лишь за мелкою дичью, которою первобытный человѣкъ, очевидно, не пренебрегалъ.

6) Ножичекъ изъ чернаго кремня (фиг. 26), въ натурѣ очень красивый, представляется любопытнымъ тѣмъ, что сдѣланное на одномъ концѣ его заостреніе для прокалыванья пригнано какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ природный черный цвѣтъ кремня рѣзко переходитъ въ ярко красный, какъ бы кровавой.

Описанныя издѣлія указываютъ, что къ концу неолитическаго періода человѣкъ не довольствовался изготовленіемъ лишь необходимыхъ для его существованія предметовъ, а уже заботился о красотѣ и правильности формъ и о возможно полной цѣлесообразности своихъ издѣлій.

Хотя нѣкоторые изъ изображенныхъ на прилагаемой при семъ таблицѣ предметовъ уже изданы, но я счелъ не лишнимъ представить ихъ для полноты картины обихода доисторическаго человѣка на Волосовской стоянкѣ. Что касается до аналогичности формъ этихъ предметовъ съ находимыми въ другихъ, весьма отдаленныхъ отъ Волосова мѣстахъ, то это можетъ служить указаніемъ на связь отдѣльныхъ группъ первобытнаго человѣчества между собою.

На табл. XIX представлены изображенія слѣдующихъ подѣлокъ:

А. Костяныя подѣлки.

1) Острога или гарпунъ съ 4-мя зазубринами сбоку и двумя снизу на тупомъ концѣ, для привязыванія къ древку.

2) Наконечникъ стрѣлы съ плоскимъ насадомъ.

Handwritten text at the bottom of the page, likely a title or description of the artifacts.

3) Большой гребет для ловли рыбы, съ просверленным отверстием и 6-ю дыбурцами из верлеме концы, служащими для привязывания къ шнуру или веревкѣ.

4) Шило изъ кости отъ рыбьего плавника.

5) Косотъ кнѣра или большой хитиной иглы, съ отверстиемъ, сѣршино, служившій украшеніемъ.

Б. Каменные побрякушки.

6 и 7) Два отбитыя изъ кремня изображенія рыбъ, можетъ быть, служившія украшеніями.

8) Отбитый изъ кремня предметъ, имѣвшій форму жора, чрезвычайно тонкой и искусной отбивки, повидимому, кремень для ловли рыбы, а можетъ быть и украшеніе.

9) Обломокъ отбитого изъ кремня предмета, можетъ быть, кременя.

10) Приеѣска для украшенія, изъ бѣломарита, съ просверленнымъ отверстиемъ.

11) Обломокъ кремневого наконечника копья.

12) Отбитый изъ кремня предметъ, случайно (?) похожій на такую то фигуру.

13) Каменная плита съ просверленнымъ отверстиемъ, служившая привѣской для украшеній.

14) Обломокъ отбитого изъ кремня предмета, быть можетъ, наконечника стрѣлы.

15) Кремневый навёртынь (буравчикъ).

16) Кремневый предметъ, служившій и ножомъ, и навёртынемъ.

17) Кремневый наконечникъ копья.

18) Маленькій кремневый наконечникъ стрѣлы, весьма изящный.

19) Кремневый трехгранный наконечникъ стрѣлы, съ стократною въ срединѣ, нижня сторона плоская.

20) Плоскій, кремневый наконечникъ стрѣлы, очень мелкой отбивки, весьма изящный.

21) Тоже, съ перехватомъ для привязыванія къ древку.

22) Тоже, съ удлинненнымъ носкомъ.

23 и 24) Тоже, мелкой отбивки.

25) Кремневый наконечникъ стрѣлы съ удлинненнымъ трехграннымъ носкомъ, болѣе грубой отбивки.

26) Небольшой ножичокъ или чирякъ древка съ заостреннымъ съ

одному концу, служившимъ для прокалыванія: самое заостреніе краснаго дѣла и представляется какъ бы окровавленнымъ.

27) Кремневый наконечникъ кося съ двумя выемками на стержнѣ для привязыванія къ древку.

28) Кремневый навёртышъ.

29) Каменная плитка съ просверленнымъ отверстіемъ, типа точилокъ позднѣйшей эпохи.

30) Каменная привѣска съ просверленнымъ отверстіемъ.

31) Кремневая развилка.

32) Кремневый трехгранный ножичекъ.

33) Кремневый кривой двухскатный ножъ со стержнемъ.

34) Тоже, но безъ стержня.

35) Кремневый ножъ серповидной, очень типичной формы.

36) Кремневое желобчатое долото.

37) Тоже, съ расширяющимся лезвіемъ.

38) Кремневый рѣзакъ древняго типа.

39) Каменное широкое желобчатое долото, край выпуклый.

40) Кремневый скребокъ, низъ и одна сторона шлифованы.

41) Тоже, сдѣланъ исключительно отбивкой.

42) Очень изящный, тонкій, кремневый скребокъ, рѣдкой формы.

43) Каменное полированное долото, сточенное съ двухъ сторонъ.

44) Большой кремневый топоръ, типа рѣзаковъ.

45) Каменное круглое долото (долбило).

46) Каменный просверленный молотокъ, исправленный изъ обломка болѣе крупнаго молотка или топора; края сточены круто.

В. М. Иверсенъ.

Бологовская стоянка каменного века.

Каменным векомъ въ Россіи очень мало интересуются. Если и есть у насъ рѣдкіе любители, собирающіе, можетъ быть, а наиболѣе добросовѣстно подѣлки изъ камня и кости, то почти никто изъ нихъ спеціально не изученію этого періода. Никто каменный вѣкъ не знаетъ ни янтарей, ни священныя книгъ, ни величавыхъ жрецовъ. Единственная специальная работа по каменному періоду въ Россіи представляетъ собою не болѣе, какъ простой перечень отдѣльных предметовъ, безъ камня съ описаніемъ ихъ величины, формы и матеріала. Никто не установилъ хотя бы приблизительно періодовъ нашего каменнаго вѣка, никто не научился отличать старую подѣлку отъ новой, никто не научился установить, къ какому періоду вѣка относятся примѣды у насъ извѣстной подѣлки изъ камня. Въ Россіи каменный вѣкъ — еще область любительскаго интереса.

Но у насъ нѣтъ столь благоприятныхъ условий для истинно научнаго изслѣдованія, какія имѣются за границей, особенно же въ классической странѣ антологіи каменнаго вѣка — Франціи, гдѣ многочисленныя раскопки дали прямоходящій по почтѣности и обильный по количеству матеріалъ для изслѣдованій этого періода. Открытія на берегахъ эльзасской долины, рѣкою отличающіяся другъ отъ друга по вытѣску скалъ, дали много важную базу для характеристичнаго оцѣны каменнаго вѣка. Въ Россіи вѣкъ памятниковъ старымъ, разнымъ по вытѣску каменно-скалистымъ берегамъ, нѣтъ и изслѣдователей по первобытной археологіи. Мы имѣемъ лишь случайный, остроумный матеріалъ, не достаточный для научныхъ изслѣдованій. Извѣстная Бологовская стоянка не изучена со стороны отдѣльных изслѣдованій, а она не можетъ замѣнить изслѣдованій иной старыя, даже новые. Палеолитъ каменнаго вѣка по берегамъ Ладожскаго озера также не изслѣдованъ въ достаточной мѣрѣ, такъ какъ онъ собранъ изъ омерзевшихъ и ржавыхъ предметовъ, которые невозможно отнести къ опредѣленнымъ истиннымъ периодамъ.

Находятъ въ богатыхъ галичскихъ пещерахъ, изслѣдованныхъ Оссовскимъ, имѣютъ къ нашимъ древностямъ, повидимому, малое отношеніе.

Какъ ни малоблагопріятной кажется русская почва для систематическихъ изысканій по каменному вѣку, однако одному изъ нашихъ изслѣдователей удалось показать, что она далеко не безнадежна, что въ Россіи имѣется матеріалъ, который въ извѣстной степени можетъ замѣ-

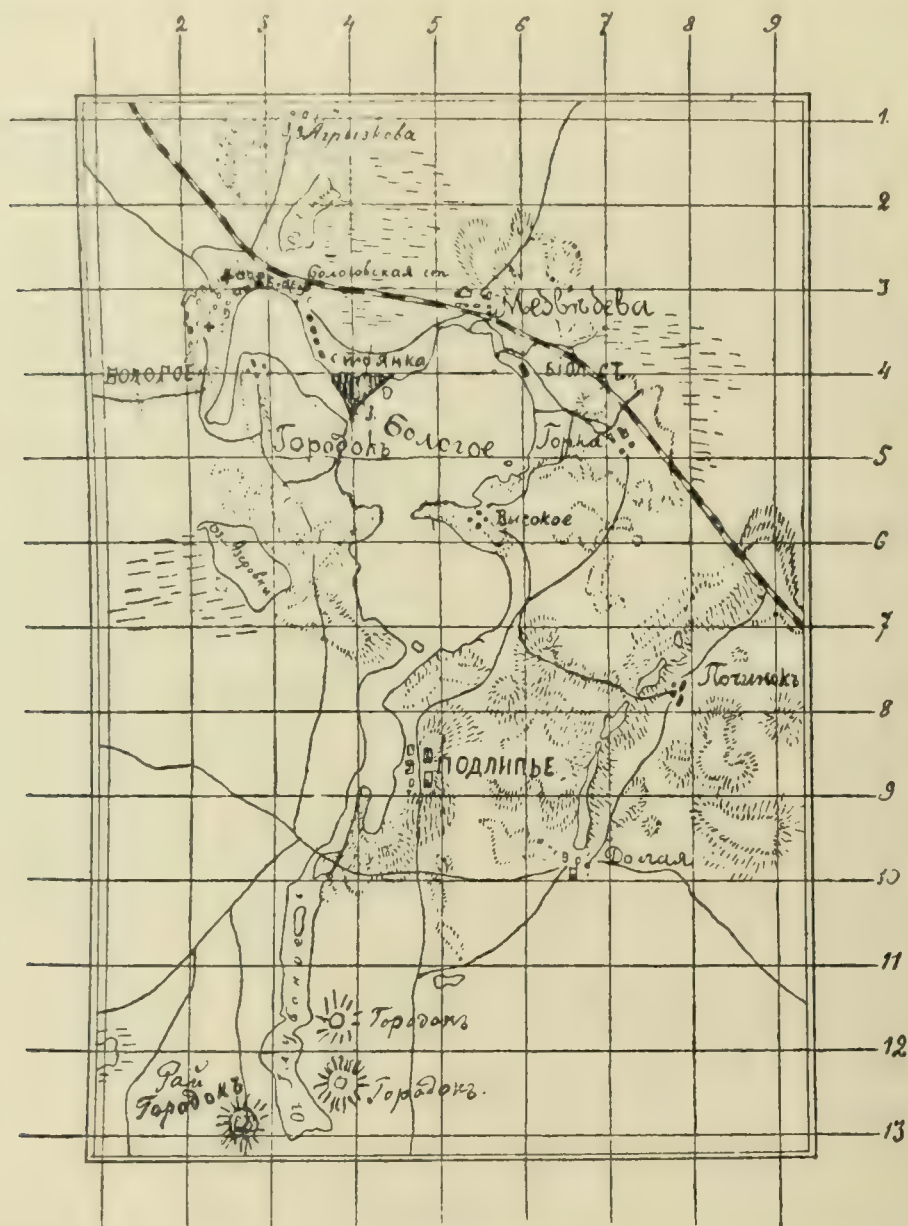

Рис. 399.

нить пещерный, именно матеріалъ стоянокъ или жилищъ. Матеріалъ, открытый кн. П. А. Путятинымъ на Бологовскомъ мысу, мы принимаемъ смѣлость назвать важнѣйшимъ изъ всего, что до сихъ поръ собрано въ Россіи по каменному вѣку. Кн. Путятину удалось напасть на поселеніе, обитаемое въ разные періоды этого вѣка и заключающее различныя напластованія, начиная отъ палеолита, которое онъ тщательно изучаетъ уже въ продолженіи почти четверти вѣка. На мысу имъ различено пять

отдельнымъ структурныхъ пластовъ, и хотя пласты эти не обильно нарезаны, главными находками по ним мы все-таки имеем возможность распределить типы веней по некоторой системе, которая, имея единственную, и должна быть съ основу дальнейшего изучения у нас каменного века.

Коллекція кн. Путятина пользуется широкою известностью, благодаря отдельнымъ сообщеніямъ ее владельцемъ въ русские и иностранныя ученые общества, но она ни разу не была издана въ «полномъ издѣніи» значительнымъ объемомъ, почему мы съ величайшею охотой исполняемъ назначенную на нашу долю задачу издать здесь этотъ единственный въ нашу минуту собранія. Атласъ этотъ, пожелавшему, довольно толстый, хотя въ немъ и могутъ быть значительныя опущенія, особенно же въ древнѣйшемъ періодѣ. Никакихъ своихъ замечаній при изданіи коллекціи мы не рѣшаемся высказывать, пользуясь съ начала до конца безысключительными указаніями самого изслѣдователя, мы принимаемъ терминологию, опредѣленіе назначенія веней и указанія на принадлежность ихъ къ тому или другому слою. Выборъ предметовъ для изданія исполненъ также главнымъ образомъ кн. Путятинымъ. Мы приписали на себя лишь изложеніе полученныхъ свѣдѣній и описаніе предметовъ, представленныхъ на таблицахъ. На работу нашу мы смотримъ лишь какъ на предварительное сообщеніе.

Но приступаемъ прямо къ дѣлу.

Бологовское озеро очень обширно и имѣетъ прихотливыя очертанія. Оно дѣлится на четыре отдѣльные плеса (Подпальевскій, Высоцкій, Мелѣевскій и Бологовскій), изъ которыхъ два (по дѣланію соединяются сравнительно глубокимъ проливомъ, носщимъ названіе «Ворота на устьѣ», именно къ этому проливу и примыкаетъ мысъ, на которомъ расположена столица и который носитъ мѣстное названіе Рокка (рис. 199). Озеро вообще не было глубокимъ, а въ настоящее время, благодаря толстому слою делавшаго на днѣ ила, оно прямо мелководно. У Рокки, кажется, самое рыбное мѣсто на всемъ озерѣ. Противъ него расположенъ городокъ болѣе поздняго времени. Озеро находится на возвышеннѣйшей окрестности его, по недостаточности стоковъ, обильнѣютъ болотистыя низины. Возможно, что въ разные геологическіе періоды высота озера была неодинакова. Съ Бологовскимъ озеромъ помолчанъ искусственный прудъ совмѣнно съ Глубокимъ¹⁾.

¹⁾ Труды Императорской Академіи наукъ. Изданіе С. Петерб. Общ. Древн. и Истор. наукъ, т. I (1861) к. 1, стр. 2—12.

Мысъ очень низокъ и имѣть удлинненную форму (рис. 400); ширина его до 10 саж., высота между 3-й и 6-й ямами до 6 фут., а далѣе площадка мыса нѣсколько подымается, и въ предѣлѣ намѣченныхъ на планѣ порослей мысъ имѣть не менѣе 8 фут. вышины. Бока мыса, вслѣдствіе постоянного подмыва водою, крутые. Стрѣлка спускается къ водѣ постепеннымъ скатомъ.

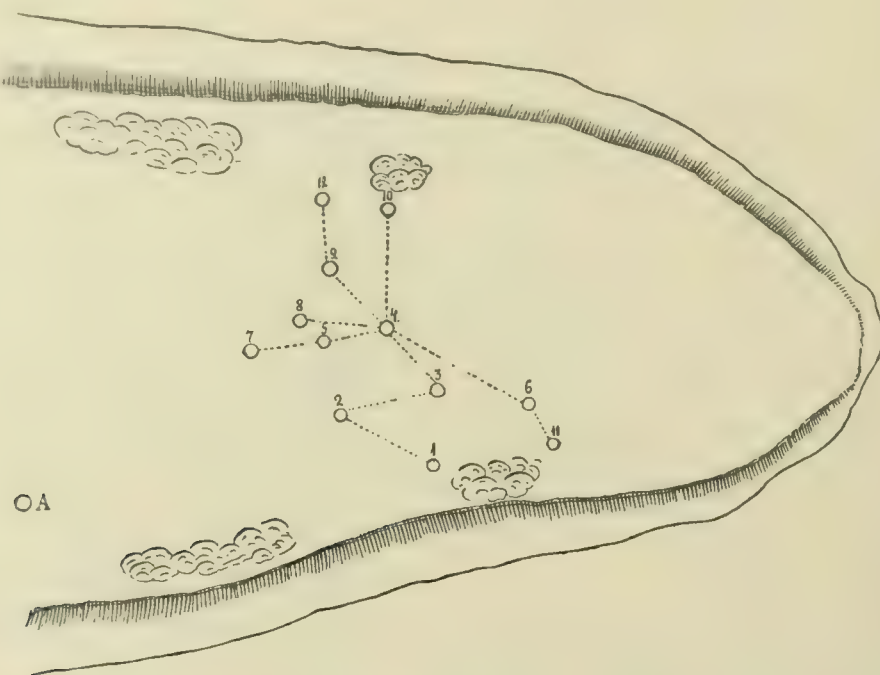

Рис. 400.

Чертежъ 401 показываетъ напластованіе слоевъ на мысу въ разрѣзѣ, произведенномъ между 3-й и 6-й ямами. Выше уровня озера (л), выступаетъ въ началѣ мокрый песокъ (к), за нимъ сухой песокъ (і), оба толщиною до 2-хъ футовъ; далѣе идетъ неправильной формы не толстый слой мелкихъ валуновъ съ известковыми прослойками (з), въ которомъ уже начинаютъ изрѣдка попадаться кремневые орудія, а выше слой, также незначительной массивности, рѣчного наноса четвертичнаго дилuvia, въ видѣ гравія (River-drift hunters), заключающій въ себѣ подѣлки изъ кремня палеолитическихъ формъ, чѣмъ глубже, тѣмъ рѣже. Выше залегаетъ слой песку, весьма неправильной формы, толщиною почти отъ 1 ф. и до $1\frac{1}{3}$ ф., смѣшанный съ прослойками гумуса и леса ¹⁾, желтаго и сѣраго, и содержащій кремневые отбивныя орудія и кости животныхъ (е). Надъ этимъ слоемъ, также древнимъ, лежитъ массивный слой песку съ прослойками гумуса, толщиною до $2\frac{1}{2}$ фут., заключающій разнообразныя остатки неолитическаго періода (б и д), чѣмъ ниже,

¹⁾ Лесъ, какъ это установлено спеціальнымъ изслѣдованіемъ, совершенно аналогиченъ по составу южно-русскому.

тѣмъ старше. Этотъ неоднородный слой можетъ быть подраздѣленъ на нижній и верхній, различающіеся по находкамъ. На нижнемъ неолитическомъ слое мѣстами выступают крупныя глыбы анатомическа чернотемнаго (м), а поверхъ его мѣстами залегаетъ тонкая ленточная, но вообще не толстый слой изъ толстыхъ крупноузерковатыхъ кремнистыхъ осколковъ (н). Наконецъ на самомъ верху, подъ дерномъ, лежитъ очень тонкій слой неолитическаго происхожденія съ желѣзными вкрапками (к).

Гиб. 40.

Мысъ изслѣдованъ въ длину приблизительно на 17 саж. Пространство культурной площади не изрѣзано, но несомнѣнно, что она обильна еще многими находками. Каждый культурный слой изслѣдуется въ П. А. Пугачевымъ отдѣльно, по нижнему границею, помощью просѣиванія земли чрезъ металлическое сито, задерживающее малѣйшія культурные остатки. Всѣ найденные предметы собираются на мѣстѣ въ отдѣльныя ящики и затѣмъ сортируются въ усадьбѣ, причемъ огромныя каменные ящики отвозятся на постоянное сбереженіе, изображающія дѣло безформенные камни безъ какой-либо обработки въ торѣ.

Коллекція состоитъ изъ части въ Бельгическомъ отрядѣ въ Петербургѣ, въ линіяхъ и на картонѣ, по возможности каждый камень отдѣльно. Въ каменныя части коллекцій, заключаемой въ ящики и предлагаемой для обзрѣнія специалистамъ, желательна постоянная перекладка

женія предметовъ, послѣдный порядокъ расположенія вещей не выдерживается въ полной строгости.

Собраніе постоянно пересматривается, такъ какъ всякое новое систематическое изданіе по каменному вѣку, выходящее за границы, даетъ осмысленіе ряду вещей, или не обращавшихъ до того на себя вниманія, или же казавшихся случайными.

Бологовскій мысъ составляетъ собственность кн. П. А. Путятина. Стоянка каменнаго вѣка на немъ открыта самимъ изслѣдователемъ въ 1880 г.: въ началѣ она не внушала особенныхъ надеждъ и была отодвинута на задній планъ шумнымъ успѣхомъ другой Бологовской стоянки каменнаго вѣка, открытой въ то же время въ Озеревичахъ, о которой теперь едва ли кто вспоминаетъ.

Важность Бологовскаго мыса выяснилась не сразу, а лишь по мѣрѣ изученія добытаго на немъ матеріала путемъ широкаго общенія съ западно-европейскою наукою. Кн. П. А. Путятинъ волей-неволей сталъ лучшимъ у насъ знатокомъ европейской литературы по каменному вѣку и почти непрѣмнымъ участникомъ международныхъ археологическихъ сѣздовъ.

Хорошая коллекція изъ Бологовскихъ находокъ составлена кн. Путятиннымъ для Историческаго музея (Указатель музея, стр. 18, 20—22). Образцы находокъ имѣются также въ Новгородскомъ музеѣ (Описаніе музея, составленное Ласковскимъ и Лашковымъ стр. 57), въ Вѣнскомъ придворномъ музеѣ натуральной исторіи и въ Смитсоніанскомъ институтѣ въ Вашингтонѣ; кромѣ Историческаго музея, всюду только дубликаты.

Кн. П. А. Путятину принадлежать слѣдующія статьи и рефераты, касающіяся Бологовской стоянки:

О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ.—Извѣст. Императ. Русск. Географич. Общ. т. XX (1884 г.) вып. 3 стр. 280—309.

Сообщеніе о раскопкахъ близъ Бологова.—Зап. Императ. Русск. Археол. Общ., нов. сер. т. IV (1887 г.), стр. IX, XIV (объ остаткахъ костяка и пластины съ изображеніемъ созвѣздій).

Орнаментация древняго гончарства.—Труды VI Археологич. сѣзда въ Одессѣ 1884 г., т. I (1886 г.), стр. 72—83.

О сходствѣ Бологовскихъ предметовъ съ индустріей кьёккенмёддинговъ.—Труды VII Археологическаго сѣзда въ Ярославлѣ 1887 г., т. III, стр. 59—60.

О способахъ продѣлки отверстій въ бокахъ глиняныхъ сосудовъ неолитнаго періода.—VIII сѣздъ русскихъ естествоиспытателей и вра-

годі 1889 р., соція етнологія і антропологи. Протоколи засідань, стр. 5.

De développement d'empreintes de produits textiles sur des pierres russes et de leur conformité avec les prod. simil. de l'Amérique. — Congrès internationale des Americanistes à Paris 1890. Comptes-rendus, p. 502—512.

О остатках неолитного периода, найденных близ Гомеля. — Протоколы засід. Антроп. Общ. при Импер. С.-Петербург. універ. за 1889 г., стр. 26—35.

Les traces des mœurs sur les ossements des périodes paléolithique et néolithique. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie, session à Moscou 1902, т. I, стр. 131—138.

О фауні каменного віка нах раскопки близ Бологого сь етнологической точки зрѣнія. — Протоколы засід. Антропологии. Общ. при Импер. С.-Петербург. універ. 1892 г., стр. 86—109.

О палеолитномъ вѣкѣ въ Европѣ. — Тамъ же, протоколы за 1891 и 1892 г., стр. 74—75.

Каменный шовъ и его наміченія. Къ вопросу о дѣленіяхъ приметовъ каменного вѣка въ Россіи. — Труды IX Археологич. съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. т. II, 55, 69—70.

Vestiges du premier âge de fer à Bologoje. — Annales de la Soc. d'Archéol. de Bruxelles t. VII (1893).

Была ли хирургія въ каменномъ вѣкѣ? — Труды Антропологическаго Общества при Импер. Военн. Медицин. Академіи, т. I кн. 2 (за 1894 г.) стр. 27—66 (рус.). — *Revue de l'anthropologie* t. XV N° 10 (1894 г.).

Les découvertes en Belgique relatives à la période néolithique de fusils en argile, pierre etc. — Труды конгресса въ Туринѣ (Италія).

Contribution à l'étude du tatouage. — Труды конгресса въ Аггері 1901 г.

Les silex taillés et les premiers pas de la technique de retouches. — Comptes-rendus Паризск. антропологии, конгресса 1889 г.

Station nouvelle sur les bords sud du lac Bologoj. Bulletin et mémoires de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1900.

Природные перетопы разныхъ смѣсей, найденные Гомельскімъ епископомъ.

Календарь. Изъ повѣсти (1880 г.) слушателей Археолог. Института. — Сборн. Археол. Инст. кн. V стр. 1.

Анучинъ, О повѣсти изъ Восточн. въ 1885 г. — Археологич. т. XI кн. 2, стр. 64—66.

Указатель выставки Ярославскаго археологич. съѣзда 1887 г., стр. 134.

Сабанѣевъ. Анализъ шлаковъ изъ коллекціи кн. Путятина. Прилож. къ X т. Изв. Импер. Русск. Археолог. Общ., стр. 24—26 (1884 г.).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1882, III, стр. 32—33.

Flammariou C. Etoiles du nord gravées sur un polissoir de l'âge de pierre, trouvé en Russie.—L'Astronomie. 1885, № 2, p. 48 (рис.).—О томъ же Le Nord 8 mai 1886.—См. также новый рисунокъ плитки въ изданіи Nueve Pietre Cupelliformi dei dintorni di Como. Como 1901, pag. 60, tav. XXI fig. 6.

Silex taillés du gouvern. Nowgorod, Russie.—Materiaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme. Mai 1886, p. 271.

Salmon Phil. L'âge de la pierre à l'Exposition universelle de 1889. Paris 1889, p. 39.

Note sur la station de Bologoje.—Compte-rendu Парижск. антропологич. Конгресса 1889 г., стр. 220.

Нану, Compte-rendu того же Конгресса. Paris 1890, p. 27.

Nery Delgado, Relatoria o томъ же Конгрессѣ. Lisboa. 1890, p. 17.

Salmon Ph., Age de pierre. Division industrielle de la periode paléolithique quaternaire et de la periode neolithique.—Bullet. Soc. d'Anthrop. de Lyon 1891 t. X pl. XVII fig 3.

Salmon Ph., Exposé méthodique des divisions industrielles aux ages de la pierre.—Bullet. de la Soc. d'Anthrop. de Bruxelles, т. X (1891), pl. IX f. 40.

Salmon Ph. Age de pierre. Division palethnologique en six époques.—Bullet. de la Soc. Dauphinoise 1894 (въ Бологомъ отмѣчается переходная стадія отъ палеолита къ неолиту).

Nikitin. Sur la constitution des depots quaternaires en Russie и пр.—Труды Моск. Междунар. Конгресса 1892 г. т. I, 18.—Тамъ же см. т. II, стр. 19 и 34.

Отчеты о Московскомъ международномъ конгрессѣ бар. де - Бая (стр. 24), Бартелеми (стр. 8 и 12), бар. де Лое (стр. 9—10).

Отчетъ бар. де Бая о Виленскомъ археологич. съѣздѣ, стр. 48.

Annalen des K. K. Naturhistorischen Hofmuseum, 1893 г. стр. 35 (о черепкахъ изъ Бологова) и стр. 47 (Замѣтка Хегера о поѣздкѣ въ Бологое); за 1894 г. стр. 38 (описаніе черепковъ).

Virchow, *Zeitschrift für Ethnologie* XXV, p. 335—337.

Annales de la Fédération archéologique et historique de Belgique. Congrès de Mons 1894, стр. 138.

Baye de bar., *Présentation de quelques échantillons de l'âge de la pierre rapportés de Belgique* — *Bullet. de la Soc. d'Anthropologie de Paris*, t. IV (IV série), 1891 г.

Archiv für Anthropologie, т. XXIV, а. 1 и 2, стр. 209.

Древнѣйшій слой.

Древнѣйшій слой относится къ первобытнымъ образцамъ (рис. 401 а и ж).

Въ немъ найдены исключительно только отбитыя каменные орудия. Посуды еще нѣтъ, подѣлки изъ кости и дерева не открыты.

Подѣлки изъ камня относятся къ типамъ Мустье-Шель, Шамъ и Магдаленъ. Ихъ формы:

1) скребки, т.-е. пластины (ручья, плоскодонныя и четырехугольныя) съ однимъ или двумя краями, подвергнутыми стиральной обивкѣ (Табл. XI, 1, 5, 6 и 7);

2) рѣзакъ (tranchet), орудіа клиновидной формы, суживающіяся въ верхней части (Табл. XI, 11 и 12);

3) ударныя орудія, удлиненные съ острой или тупой концомъ (Табл. XI, 10; IV, 16; XI, 9 и 13), формы овальной или эллиптической, это топоры или копья;

4) пилки, типа почти Табл. XII, 21 и 22, съ правымъ краемъ, Табл. XIV, 13;

5) орудія миндалевидной и треугольной формы (Табл. XI, 4 и 6, можетъ быть, Табл. VIII, 28).

Рѣзакъ относится къ культурѣ дикихъ клыковомодильныхъ или служилъ, главнымъ образомъ, топорами.

Древнѣйшія орудія отличаются, между прочимъ, главнымъ количествомъ блестящаго.

Въ Россіи древне-четвертичный перекъ былъ торжественно открытъ, еще на западѣ Европы, такъ какъ онъ относительно очень недавно освободился отъ покрывавшаго ее первому большаго ледника.

Всѣ описанныя орудія относятся къ палеолиту и представляютъ совершенно отдаленную культуру, не имѣющую никакой связи съ позднѣйшими

Второй слой.

Второй, третій и четвертый слои составляют одно напластованіе неолитическаго періода и переходят одинъ въ другой постепенно, безъ рѣзкихъ разграниченій состава находокъ. Болѣе другихъ обособленъ нижній слой, второй по счету, отличающійся отъ слѣдующихъ, какъ отмѣчено выше, и по своему виду.

Въ этомъ слоѣ, второмъ по счету, черепковъ также еще нѣтъ, кости животныхъ и подѣлки изъ кости найдены исключительно здѣсь, какъ и кости человѣка. Последнія составляютъ одинъ неполный скелетъ (тазъ, крестецъ, бедра, часть черепа) и довольно значительное количество отдѣльных костей.

Бологовская фауна соотвѣтствуетъ такъ называемому межъ-ледниковому періоду, имѣвшему болѣе теплый климатъ, чѣмъ настоящій. Въ общихъ чертахъ это та же фауна, какая встрѣчена въ находкахъ каменнаго вѣка на Ладожскомъ озерѣ и на Окѣ. Найдены кости слѣдующихъ животныхъ¹⁾:

Bos primigenius rasse.

Bos brachyceros Rütim. (Быкъ торфяниковый).

Sus scrofa europaeus palustris (Кабанъ).

Canis familiaris Ladogensis Anucin.

Canis familiaris Inostranzevi.

Castor fiber (Бобръ).

Lutra vulgaris (Выдра).

Mustela martes (Обыкновенная куница).

Mustela foina (Каменная куница).

Sciurus vulgaris (Бѣлка).

Lepus timidus (Заяцъ русакъ).

Lepus variabilis (Заяцъ бѣлякъ).

Ursus arctos (Бурый медвѣдь).

Arvicola amphibius (Водяная крыса).

Arvicola arvalis (Полевая мышь).

Myoxus glis (Полчокъ).

Собака, вѣроятно, еще не была домашнимъ животнымъ. На костяхъ животныхъ слѣдовъ зубовъ собаки не замѣчено. Горныхъ породъ животныхъ въ каменномъ вѣкѣ у насъ не найдено, равно какъ и пред-

---

¹⁾ Опредѣлены проф. Вольдржихомъ и отчасти Черскимъ.

ставителем семейства лошади, коня, и также животных вымерших. Из малого количества найдены кости птиц и волоса рыбачья, особенно же щучья. Принадлежности для лошади рыбы ит. д. чрезвычайно редки найдены даже в южном пещи. Из настоящих орудий быта много из крупных рыб: коня, лошади, ит. и ит.д.

Во втором слое, и только в нем, найдены кусочки красной, желтой, белой и черной.

Получены из кремня

1) *Скребки*. Их типы: а) круглые и овальные (Табл. XI, 2 и 3), с двумя лезвиями или с одним боковым крутою, ободованною тенью;

б) полукруглые бокового действия, с одним лезвием, массивные и короткие, типа пилы (Табл. VII, 4);

в) полукруглые бокового действия удлиненные (Табл. IV, 10), с одним лезвием;

г) полукруглые для работы сучью лезвие, с двумя острями, массивные (Табл. IV, 3);

е) обоюдоострые, с остриями полукруглыми и прямо или слегка выгнутыми (Табл. IV, 6), всегда массивные, широкие;

ж) удлиненный в вид клина (Табл. XI, 8), типа подобных пиле первой слои (табл. XI, 12), которому онъ может быть и принадлежать.

2) *Ножи*. Представляют собою сѣ же скребки, но больше расправной формы и большей величины. Их типы

а) в вид скребковъ с рубцомъ (Табл. IV, 11 и VII, 3);

б) обоюдоострые с двумя разными лезвиями, полукруглыми и прямыми или слегка выгнутыми (Табл. IV, 2); часто сложной формы;

в) обоюдоострые симметричные тонкие (Табл. VII, 2);

г) обоюдоострые симметричные массивные (Табл. IV, 13);

е) маленькие ножи с рукояткою (Табл. VIII, 32, 38, 41 и может быть, 27).

3) *Пилы*. Тѣ же скребки, но с лезвием, обработанным зубами (односторонними, двусторонними и боковыми или гребными, а. е. зубными не пильными, а пильными зубами). Лезвие бывает прямым, выгнутым и выгнуто (табл. XII, 71, 72, XIV, 1, 3, 4, 8—11). Попадаются экземпляры пилы, соединенной с выгнутым (табл. IV, 4). По мнению кн. Паскевича, пилы были одним из главных древ-

нихъ орудій инвентаря каменнаго вѣка, такъ какъ онѣ были необходимы при обработкѣ орудій и предметовъ изъ кости и дерева.

4) *Навертывши*. Весьма распространенныя подѣлки, представляющія собою заостренія на массивной, грубо обработанной рукояти (табл. IV, 1, 4, 5, 12, 15, 16; V, 12; VII, 5, 6, 9; VIII, 19, 24, 28, 30, 40, 41, 42). Нѣкоторые экземпляры соединены съ пилками или скребками.

5) *Наконечники стрѣлъ*, довольно разнообразныхъ формъ (табл. IV, 7 и 8; V, VIII и XV), съ насадомъ и безъ насада. На нѣкоторыхъ экземплярахъ боковые шишны, представляющіе, кажется, характерную особенность русскихъ подѣлокъ этого рода. Фигура стрѣлокъ вообще симметричная, но у нѣкоторыхъ насадъ образованъ неравнобѣрными выемками, для особой манеры прикрѣпленія (табл. VIII, 25). Любопытенъ экземпляръ табл. VIII, 5, представляющій подражаніе наконечнику стрѣлы изъ кости. Нѣтъ стрѣлокъ широкихъ овальной формы и стрѣлокъ съ насадомъ въ видѣ тонкаго острія.

6) *Дротики*, имѣющіе форму стрѣлокъ (табл. IV, 9; V, 2, 3, 4, 13; VII, 7, 8, 10). Наконечникъ дротика табл. VII, 1 по величинѣ можетъ быть названъ копьемъ.

7) *Кастетъ*. Такъ мы позволяемъ себѣ назвать большую подѣлку въ видѣ рѣзака табл. IV, 14, очень удобную для сжиманія въ рукѣ.

Всѣ подѣлки изъ кости, по словамъ кн. П. А. Путятина, относятся ко второму слою. Ихъ типы:

остроги (табл. IX, 9, 21);

удочки (табл. X, 13, 30);

скребокъ, типа каменныхъ скребковъ съ рукоятію (табл. X, 27);

крупныя острія (табл. IX, 1, 5, 13, 22);

тонкія проколки (табл. IX, 4);

игла (табл. X, 8);

Рис. 402. 5/9.

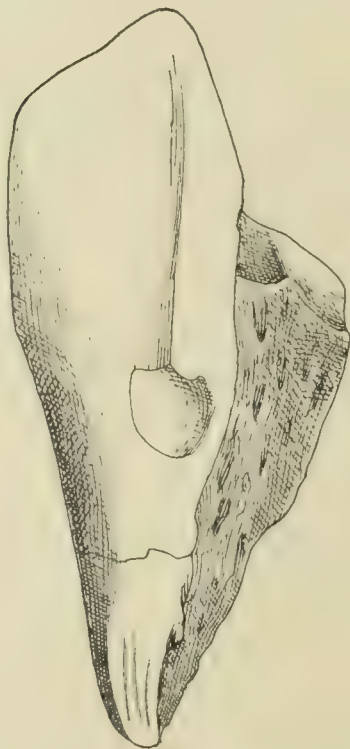

Рис. 403. 7/9.

инило, съ широкою рѣзкой, типа пашпортной (табл. IX, 2);
клинъ, типа рѣзкой, съ выемочнымъ лезвиемъ (табл. IX, 3);
массивный ударный орудія (рис. 402, 403 и табл. X, 24).

осколокъ въ видѣ набоиннаго стрѣла (табл. X, 23);
украшенія въ видѣ зубцовъ (табл. X, 7, 5, 7); — острий стрѣны
(табл. X, 12, 14) и пильчатъ концы (табл. X, 9—11);

различныя непроцѣленные пилѣлки и разнообразныя пилавы,
иногда съ варѣлками.

Вѣроятно, первые черепки отъ слепяной посуды начинаютъ появляться уже во второмъ слое, но, по словамъ кн. П. А. Путятина, они принадлежатъ собственно слѣдующему слою.

Третій слой.

Третій слой составляетъ одно вѣдло съ четвертымъ, съ которымъ онъ постепенно сливается.

Эти слои различаются составомъ черепковъ и отчасти подѣлками изъ кремня.

Кн. П. А. Путятинъ къ третьему слою относитъ слѣдующія подѣлки изъ кремня.

1) *Скребки*, отличающиеся меньшими размерами, жонклою простею, меньшимъ разнообразіемъ и пѣвноромъ прихотливостію формъ. Такихъ старое

а) скребки круглыя (табл. XII, 12);

б) скребки полукруглыя бокового дѣйствія, не столь массивныя, нѣкоторые со скошеннымъ прямымъ лезвиемъ (табл. XII 10, 13, XIII);

в) скребки полукруглыя для работы клинъ, выверты отъ себя (табл. XII, 11 и 23);

г) скребочныя лезвия, рѣзкоки, обработанные по три грани (табл. XII, 5, 14, 17—19); при употребленіи сдвигались между двумя пальцами;

е) скребки изъ рѣзкимъ остриемъ, съ кривъ лезвиемъ, остро вымученъ (табл. XII, 16);

и) скрепки четырехъугольной формы бокового дѣйствія (табл. XII, 15).

2) *Пашпортныя* (табл. XII, 3 и 20). Меньше выемки, чѣмъ въ предыдущемъ слое, но имѣли въ обществѣ тоже же характеръ.

3) *Пожилки* неопредѣленной формы, иногда со вторичною обивкой (табл. XI, 1, 2, 6).

4) *Крючкообразныя орудія*, небольшія, неизвѣстнаго назначенія (табл. XII, 3 и 4, XIII).

5) Подѣлки неизвѣстнаго назначенія въ видѣ *долота* (табл. XII, 9).

Много обломковъ, осколковъ и нуклеусовъ.

Черенки посуды третьяго слоя толстые, рыхлые, плохо обожженные, съ густою примѣсью изъ разнообразныхъ растительныхъ волоконъ и мелкихъ птичьихъ перьевъ, а нерѣдко также съ примѣсью крупной раковинною, при которой впрочемъ наблюдается присутствіе и иныхъ примѣсей. Черенки съ раковинною примѣсью крѣпче. Въ нѣкоторыхъ черенкахъ уже замѣчается легкая примѣсь кварцевыхъ зеренъ. Глина темная или сѣрая со свѣтлою наружною поверхностью. Попадаются черепки, прокаленные сильнѣе; они имѣютъ видъ плохого свѣтлаго кирпича.

Характерны широкіе, прямые края черепковъ, отчасти слегка отогнутые внутрь, обыкновенно же нѣсколько выступающіе наружу; они всегда орнаментированы специальнымъ зубчатымъ орнаментомъ, иногда покрывающимъ и заднюю часть края. Круглыхъ краевъ нѣтъ.

Основные орнаменты—ямочный, зубчатый, ногтевой, шнуровой, лунничный, углами. Узоръ вообще нанесенъ небрежно. Типы и разновидности орнаментовъ:

1) Зубчатый крупный, средній и мелкій; зубцы четырехугольной, чаще квадратной формы. Табл. XXXIII, 3, 12, 14; XXXVI, 10—12.

2) Зубчатый изъ узкихъ зубцовъ неправильной формы. Табл. XXXIII, 10 и 13.

3) Зубчатый двойной. Табл. XXXIII, 1 и 4.

4) Зубчатый двойной короткій, въ видѣ оттиска раковинки каури. Табл. XXXIII, 8.

5) Зубчатый короткій по 4 зубца. Табл. XXXVI, 8.

6) Зубчатый въ видѣ лапки или квадрата. Табл. XXXIII, 4.

7) Ногтевой, штрихомъ и чеканомъ. Табл. XXXIV, 1, 2, 4—6, 10, 14, 16, 18. Одинъ изъ древнѣйшихъ.

8) Кружковый. Табл. XXXIII, 3, 7; XXXV, 12.

9) Луночный. Табл. XXXIV, 12; XL, 9.

10) Ямочный. Ямочки неглубокія, обыкновенно неопредѣленныхъ очертаній. Табл. XXXIV, 1, 11, 13, 17. Довольно часто попадаютъ черенки съ ямками, нанесенными косточками животныхъ (рис. 404); такія ямочки распознаются по неправильному очертанію и по продольной черточкѣ.

11) Усами Табл. XXXIV, 7, 8.

12) Линейный. Во первом яремъ выходяща въннѣ (Табл. XXXIV, 8). Другіе образы ето на табл. XII, 9 и 14.

13) Шпигловый (табл. XXXIII, 5). Орнаментъ встроивается или внутри посуды, а иногда и на внешней поверхности.

14) Веревочный. Кн. II, А. Путешествіе въ чингу, третій веревочный орнаментъ изображенъ табл. XXXIX, 12, 13, XLII, 7 и 8.

Орнаменты вообще бланки из Вологодскихъ не совпадаютъ съ ними. Въ Вологодѣ нѣтъ орнаментовъ из дулунаго № 4015, шпурового № 4019, шпурово-зубчатого № 4013, овально-ямочнаго № 4018, линейнаго из круглыхъ зубцовъ № 4011, мелко-зубчатого № 4021, линейной насѣчкой № 4033; въ Вологодѣ нѣтъ Вологодскихъ орнаментовъ вогнутого, усами и линейнаго.

Особенность третьего слоя представляють костины съ суживающимся дномъ, цилиндрическіе ступки. Такихъ эмъ, которыя могли служить основаніемъ жилищъ, встрѣчено не менѣе двѣнадцати (рис. 400 и 401).

По изслѣдованію Д. А. Сабурова оказалось, что такая эмъ имѣетъ растительное, а не животное происхожденіе.

Поверхъ третьего слоя лежатъ интересныя, асимметричнаго извѣщенія истолкованія прослоекъ изъ кусковъ золотого граната, желтого шифера и другихъ подобнахъ породахъ съ примѣсями осколковъ изъ кремня (рис. 401 в). Эту прослойку прикладываетъ, вѣроятно, уже сдѣланному слою. Куски каменной пѣлы имѣютъ неправильную форму и толщину сообразно породѣ.

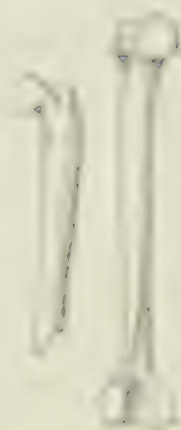

Рис. 401 в.

Четвертый слой.

Характеризуется черепками и полированными орудиями. Много ступковъ и осколковъ изъ кремня по типу кремнистыхъ подбѣлокъ, весьма ограничена. Подбѣлки эти имѣютъ главнымъ образомъ видъ воссѣлокъ и части изъ скребковъ и закружекъ, нѣсколько неправильныхъ формъ.

Полированные орудія имѣютъ форму стрѣлы и копья, иногда весьма небольшихъ размѣровъ (табл. VI). Полировка каменнаго инструмента въ этомъ слое не особенно тщательна. Кремень иногда желтъ, Уграненъ изъ шифера неправильнымъ и рубленъ остроугольнѣе, иногда обломъ болѣе (табл. VI, 6 и 10).

Подбѣлки изъ кремня небрежной работы. Острия (табл. XIII) почти

не имѣютъ характера наконечниковъ стрѣлъ, ножички то аккуратной формы (табл. XIV), то кривые (табл. XIII, XV), типъ скребковъ не-опредѣленный.

Огромное большинство черепковъ Бологовской стоянки принадлежитъ именно четвертому слою. Главный отличительный признакъ въ составѣ черепковъ—примѣсь крупныхъ зеренъ гранита, или же крупнаго песку и дресвы. Черепки не столь массивны и крѣпче. Глина въ большинствѣ случаевъ желтая и сѣрая, свѣтлая на вѣншей поверхности, изрѣдка прокаленная до красна. Края сосудовъ рѣдко прямые; нерѣдко у нихъ уже имѣется слабо развитая шейка.

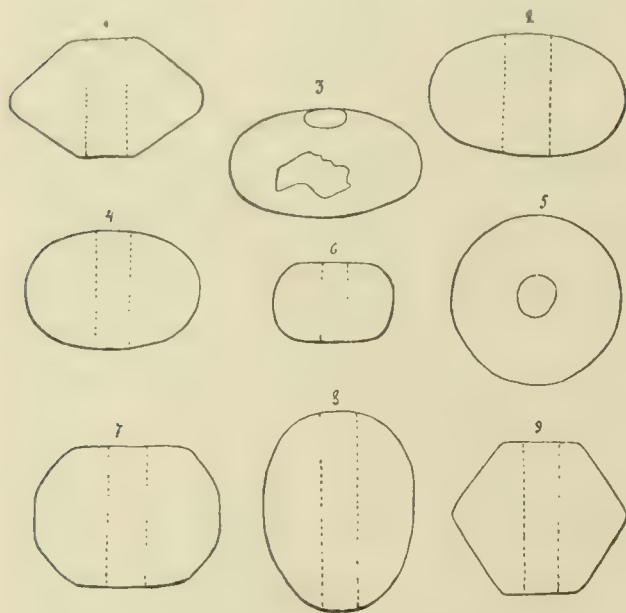

Рис. 405. 1/2.

Орнаменты въ основѣ прежніе, но они весьма отличаются въ подробностяхъ и представляютъ много прихотливыхъ разновидностей, которыя съ трудомъ подчиняются регистраціи. Перечень орнаментовъ дается ниже, при описаніи таблицъ. Изъ нихъ особаго замѣчанія требуетъ орнаментъ сѣтчатый (табл. XLIII, 15, 21, 25 и др.), встрѣчающійся, по словамъ кн. П. А. Путятина, уже въ четвертомъ слоѣ стоянки, по при-

надлежащій собственно послѣднему, новѣйшему слою.

Изъ глиняныхъ подѣлокъ четвертаго слоя слѣдуетъ еще указать на ложку (табл. XLII, 23), относимую кн. Путятинымъ именно къ данному слою, на томъ основаніи, что въ ней имѣется примѣсь кварцевыхъ зеренъ. По тому же признаку, который, какъ намъ кажется, можетъ быть и оспариваемъ, кн. Путятинъ относитъ къ четвертому слою и глиняныя пряслица или грузила (рис. 405).

Пятый слой.

Расположенъ непосредственно подъ дерпомъ и имѣетъ весьма незначительную толщину. Характеризуется подѣлками изъ желѣза и черепками съ сѣтчатымъ орнаментомъ. Значительная часть его смыта на берегъ озера.

Образцы черепковъ пятаго слоя представлены на табл. XLIII, 13,

17, 23, 24. На большинстве этих случайных орнаментов господствует из-ямотность. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что орнаментъ из-ямотъ глины, покрытой сплошнымъ зубчатымъ орнаментомъ (табл. XXXVI, 1). Рис. 4 табл. XII представляетъ брад для шнуровъ, состоящий изъ карбоната.

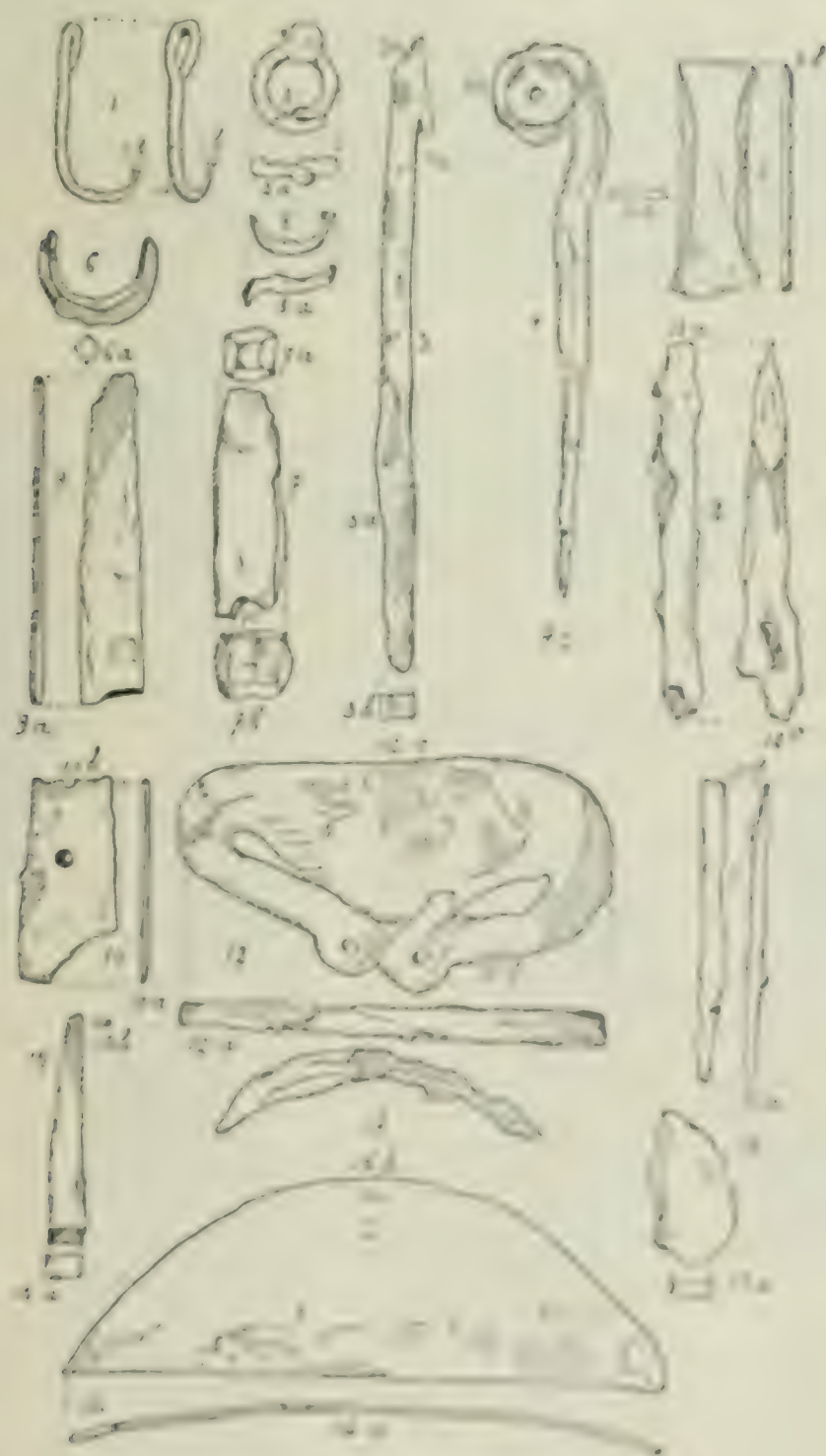

Рис. 100

Между подкладами еще видѣтъ остовное динкое мотушное тонкій ножъ съ прямымъ лезвиемъ и полукруглымъ остриемъ, такъ же динкое каменное иго (рис. 100 X 10). Изобрѣтенъ также динкое

пластинками вмѣсто жала (№ 1) и булавка со спиральной головкой (№ 4), аналогичная мѣднымъ подѣлкамъ этого рода, найденнымъ на городищахъ Дьякова типа. Остальные подѣлки или не характерны (обломки спиралей № 2 и 8, пластинка № 5, заостренія и стамески № 7, 11, 12, 15, часть дрота № 14), или же принадлежать къ числу русскихъ XI—XIII в. (гарпунъ № 3, обломки пожа № 9 и огниво № 12).

По указанію кн. П. А. Путятина, въ томъ же слоѣ еще встрѣчены куски озерной руды и шлаковъ, незначительныя подѣлки изъ мѣди, кусочки сплавленного стекла. Подѣлокъ изъ кремня опредѣленной формы почти совершенно нѣтъ.

Переходимъ къ описанію предметовъ, изображенныхъ на таблицахъ¹⁾.

Т а б л и ц а IV.

№ 1. Навертышъ изъ темно-сѣраго кремня, съ желтыми полосами на концахъ. Подѣлка массивная и грубая, вторичной обивки нѣтъ, остріе обломано. Для среднего пальца выемка.

№ 2. Массивный поже полукруглой формы. Лицевая поверхность настолько гладкая, что снять даже ударный бугорокъ, тыльная отдѣлана на двѣ грани, широкая и острая вторичная обивка. Два лезвія, прямое и круглое. Кремень темный.

№ 3. Массивный продолговатый скребокъ изъ темнаго кремня съ прожилками. Лицевая сторона гладкая и вогнутая, для указательнаго и среднего пальцевъ спеціальныя выемки. Прекрасное орудіе для чистки чешуи и внутренностей рыбъ.

№ 4. Навертышъ, преднамѣренно грубой работы, съ выемкою для большаго и со срѣзомъ для средняго пальцевъ. Изъ желтаго кремня.

№ 5. Малый и сравнительно тонкій навертышъ изъ темнаго кремня. Обивка довольно тщательная и мелкая, такъ какъ подѣлку приходится держать въ пальцахъ очень крѣпко; для той же цѣли уменьшена ширина навертыша.

№ 6. Скребокъ для желтаго кремня, очень массивный для большей устойчивости. Одна поверхность гладкая, другая выпуклая, съ гранью. Одинъ конецъ оттянуть; для употребленія назначенъ только этотъ конецъ. Инструментъ чрезвычайно удобный для удаленія чешуи. Подѣлка большихъ размѣровъ была бы менѣе удобна для держанія и менѣе прочна.

---

¹⁾ Все предметы, кромѣ имѣющихъ спеціальныя отмѣтки объ уменьшеніи, изображены почти въ натуральную величину.

№ 7. Вероятно, наконечник стрѣлы, положенный изъ сѣраго кремня. Подѣлка массивная, обинка мелкая.

№ 8. Такой же предметъ, изъ болѣе коричневаго сѣдлаго кремня съ розовымъ оттѣнкомъ, той же техники, но болѣе тонкій.

№ 9. Дротище изъ свѣтло-сѣраго кремня. Плоская, желтой обинкой подѣлка, недостаточно ясно вышедшая изъ расчистки.

№ 10. Скребокъ изъ хорошаго прозрачнаго, розоваго-сѣраго кремня съ коркой, аналогичный № 2. Могъ употребляться и въ рукоятку. Рѣзущая часть искривленная, отъ верхнеи части переходящ. для нажима указательнымъ пальцемъ. Для рукоятки внизу мелкая шероховатость.

№ 11. Ножъ изъ темнаго кремня. Одна сторона гладкая, другая на двѣ грани. Выступающая часть служила скребкомъ, а прямая — ножомъ. Въ основномъ употребленіи первая часть инструмента, такъ что его удобнѣе всего называть скребкомъ съ рукояткой.

№ 12. Навертышъ грубой работы изъ сѣраго кремня, аналогичный № 4. Выемка для большого пальца и выемка боковой сѣчь для средняго пальца. Остріе широкое и грубое.

№ 13. Ножъ-скребокъ изъ коричневаго кремня. Одна поверхность гладкая и ровная, другая выпуклая, на три грани. Ножомъ служила правая сторона, выемка въ верхней части назначена для пальца. На мѣстѣ лезвия скребка переломъ. Подѣлка аналогична № 3. По словамъ кн. Н. А. Путятина, она могла служить отбойникомъ.

№ 14. Кисть изъ коричневаго кремня, обитый длинными отко-
тами. Захватывался весь въ ладонь, причемъ сверху для большого пальца и сбоку для четырехъ остальныхъ пальцевъ имѣются специальные выемки. На тыльной сторонѣ двѣ грани. Остріе выдается изъ ладони не болѣе, какъ на 2 сант.

№ 15. Навертышъ, соединенный съ палкою, изъ сѣраго кремня, массивный. Грубая обработка на 4 грани: для большого пальца выемка для средняго сѣчь. Сбоку 4 крупные односторонние зубца.

№ 16. Навертышъ-пила, изъ блѣдн. кремня, очень грубой работы. Выемки для большого и средняго пальцевъ. Пила изъ сѣдлаго кремня съ крупными обоводосторонними зубцами. Это рвантованно по драгикъ, такъ въ виду того, что оба конца тупые. Грубую работу не обьясняютъ ли плохимъ качествомъ материала?

Таблица V.

Наконечники дротиковъ и стрѣлъ. Издѣланы всѣмъ тонкимъ, съ жел-
тою обинкой изъ хорошаго разноцвѣтнаго прозрачнаго кремня, сѣраго
Всѣ Русск. Муз. Им. Р. Арх. Муз. т. V. 17

желтого, розоватаго, чернаго, темнаго, коричневаго. Форма удлиненная лопатообразная или лавролистная, переходящая въ растянутую ромбическую. На бокахъ перѣдко имѣются характерныя шишкы, представляющіе, кажется, мѣстную особенность.

Форма наконечниковъ удлиненныхъ янцевидныхъ (№№ 27, 29, 30) рѣдка. Стрѣлка № 11 почему-то имѣетъ косою пасадь. Маленькія стрѣлки №№ 7, 9, 11, 28 имѣютъ одну сторону гладкую, другую на двѣ грани. Концы дротиковъ и крупныхъ стрѣлъ отдѣланы на 4 грани. Стрѣлки №№ 8, 10, 17, 20 и 27 обработаны грубо. Подѣлка № 12 со скошеннымъ краемъ скорѣе можетъ быть причислена къ навертышамъ.

Таблица VI.

У всѣхъ топоровъ у острія одна поверхность, именно тыловая, сѣзана круче. У №№ 1—3 и 5 поверхность не полированная, а лишь сглаженная. № 1 и 5 тонкіе расколотые клинья изъ плохого матеріала, № 16—половина расколовшагося топора, сбоку. Кромѣ маленькихъ (дѣтскихъ?) клиньевъ, всѣ экземпляры попорчены. Обработка острія желобкомъ совершенно отсутствуетъ; скосъ прямой, произведенный простою шлифовкой на камнѣ. Только у № 14 имѣются слабые признаки желобчатой выемки.

№ 6. Обломокъ тонкаго кольца изъ сѣраго шифера. Одинъ изъ краевъ съ легкими зарубинками.

Таблица VII.

№ 1. Наконечникъ дротика или копья, темно-пепельнаго кремня, довольно грубой работы. Шишкы.

№ 2. Тонкій ножъ прекрасной обивки изъ отличнаго непрозрачнаго свѣтлаго кремня. По краямъ легкая вторичная обивка. Удобно забирается въ ладонь, причемъ на ребро накладывается указательный палецъ, для лучшаго упора котораго на лезвіѣ имѣется легкая выемка. Такъ же обработано и второе лезвіе.

№ 3. Ножъ, подобныйъ предыдущему, но однолезвийный. Рѣзущая сторона—выпуклость, изображенная на рисункѣ вправо. Указательный палецъ помѣщался на противоположной сторонѣ. Для упора большого пальца оставленъ бугорокъ, а для средняго имѣется выемка съ бугоркомъ, представленная на рисункѣ. Желтый, почти непрозрачный кремень.

Museum of the U. S. Navy

Копии из П. А. Печенкина

№ 4. Пожы-ница из сѣраго кремня. Подѣлка грубая, вставшая съ тупымъ обухомъ и полузубчатымъ остриемъ (на distantъ желѣзо). Удобно и крѣпко охватывается щепотью или тремя пальцами пальцами, но острѣе выступаетъ изъ-за палланта незначительно. Этотъ видъ подѣлки пригодна лишь для поверхностныхъ надрѣзовъ.

№ 5. Навертышь - проволочка изъ желтаго кремня, совершенно того же типа и устройства, какъ остальные, напр. табл. IV, 1 и 4.

№ 6. Узкий наvertsъ изъ отличнаго темнаго кремня, очень удобной формы. Длинная рукоятка, обработанная съ одной стороны гладко, а съ другой — на двѣ грани. Вторичная обивка лишь для того, чтобы инструментъ не рѣзалъ руки. Навертышь-мъ можетъ служить и тупой конецъ подѣлки.

№ 7. Наконечникъ коня изъ свѣтло-сѣраго кремня, имѣющій для прикрѣпленія къ деревянной рукоятки специальный остроконечный стрѣла табл. VIII, 25.

№ 8. Наконечникъ коня изъ темно-желтаго плоскостного кремня, съ матовой поверхностью, довольно грубой работы.

№ 9. Навертышь изъ хорошаго желтаго кремня, массивный, съ выемкою для большого пальца и съ двумя гранями на другой сторонѣ (изображены на рисункѣ).

№ 10. Наконечникъ противи довольно тщательной работы, съ шипами. Конецъ обломанъ, и вмѣсто него приставленъ обломокъ отъ другой подобной подѣлки.

Таблица VIII.

Наконечники стрѣлъ изъ темнаго, желтаго, бѣлаго, рышлаго и бураго кремня, вообще хорошей работы. Некоторые стрѣлочки имѣютъ шипы. Обработаны выпуклыми плоскостями, со вторичной обивкой. Вообще довольно массивны, но некоторые маленькіе стрѣлки очень тонки (№ 1 и 9), некоторые обработаны на три грани (№ 16, 26, 33, 34, 36). Зарубки при насадкѣ вообще симметричны, кроме № 12, 16, 17 и 39. Стрѣла № 25 имѣетъ такое же приспособленіе для прикрѣпленія къ древку, какъ коня табл. VII, 7.

Подѣлки № 19, 24, 28, 30, 40—42 мы считаемъ наvertsъ-мъ. Они очень удобно помѣщаются въ щепотъ, вмѣстѣ заостреніемъ, а также выемки для большого и среднего пальцевъ. Быть можетъ, въ створѣ-шамъ же относится грубая подѣлка № 37 (остриѣ изъ нижней части изображенія). Навертышь № 42 имѣетъ аналогію съ табл. VII, 4.

Подѣлки № 32 и 41 могли служить ножичками, употребляемыми безъ рукоятки (рѣзущія части вѣтви); у обоихъ большой палецъ приходится на грани, а указательный на гладкой поверхности. № 38, очевидно, ножичекъ той же формы, чрезвычайно удобный, изъ отличнаго матеріала: прекрасныя выемки для большого и средняго пальцевъ.

№ 20 и 27 подѣлки неопредѣленнаго назначенія. Вторая могла служить крошечнымъ ножичкомъ.

Таблица IX.

- № 1. Гладкое остріе, изъ кости торфяного цвѣта.
- № 2. Хорошо обработанное остріе.
- № 3. Головка кости изъ рыбьяго плавника.
- № 4. Тонко отдѣланное остріе-проколка.
- № 5. Обломанное заостреніе изъ кости.
- № 6. Обломокъ рѣзака или клина изъ рога.
- № 7. Заячья кость, съ косо отшлифованнымъ концомъ.
- № 8. Остріе на три широкія грани, со слѣдами употребленія.
- № 9. Обломокъ гарпуна.
- № 10. Осколокъ кости бураго цвѣта.
- № 11. Обломанное остріе.
- № 12. Костяной осколокъ.
- № 13. Обломанное остріе.
- № 14. Неопредѣленная костяная подѣлка, съ гранями, дополненная воскомъ.
- № 15. Маленькій валикъ изъ глины.
- № 16, 17. Осколки изъ бурой кости.
- № 18. Сожженная кость, со слѣдами обработки.
- № 19. Костяная пластинка, съ тремя зарубками.
- № 20. Сожженная кость.
- № 21. Гарпунъ или крючекъ для подвѣшиванія, пластинчатый, съ нѣсколько расширеннымъ, остро отточеннымъ остриемъ въ видѣ отвертки. Въ нижней части слѣды работы скребкомъ.
- № 22. Обломанная заостренная, крѣпкая кость, обработанная кремневымъ орудіемъ.
- № 23—31. Обломки подѣлокъ изъ кости, сожженные. У нѣкоторыхъ слѣды пропиловки.
- № 32. Сожженный обломокъ, съ продольной боковой пропиловкой.
- № 33. Сожженная кость, обработанная въ нижней части срѣзомъ.

Коллекция г-на П. А. Гурьева

Таблица X.

№ 1. Кость зайца, съ отщепленным концом у табл. IX. 2. Палец и отверстие.

№ 2—5, 7. Подвѣски-зубы. У некоторых отверстія сдѣланы въ специальныхъ выемкахъ.

№ 6. Подвѣска въ видѣ длиннаго, съ заостреннымъ остриемъ и зарубкомъ для подвѣшивания.

№ 8. Обломок иглы съ ушкомъ. Игла обработана на три грани.

№ 9—11. Трубочки изъ птичьихъ костей.

№ 12 и 14. Подвѣски изъ челюстей лунныхъ.

№ 13. Часть большой удочки. Вверху двѣ зарубки для привѣрженія къ дѣсу, посрединѣ легкій шипъ, внизу 2 зарубки и продольный желобокъ для укрѣпленія острия.

№ 15. Обломок зуба, со слѣдами отверстія.

№ 16—18. Осколки изъ костей.

№ 19. Гладко отполированная костяная пластинка.

№ 20. Обломок костяной подлѣдки, съ отверстиемъ сверху.

№ 21 и 22. Обломки изъ кости.

№ 23. Костяной обломок въ видѣ палецѣника стрѣлы.

№ 24. Наконечникъ ударнаго оружія со слѣдами парбаня.

№ 25, 26. Пластинки со слѣдами обработки.

№ 27. Костяной сербукъ съ рукояткой, типа табл. IV, 11.

№ 28, 29. Обломки костяныхъ подлѣдокъ со слѣдами лѣзвѣвъ парбаня.

№ 30. Часть костяной удочки, аналогичная № 13. Верхняя часть имѣетъ специальную головку.

№ 31. Костяная пластинка-сербукъ. Правая сторона могла служить рѣзучею частью. Снизу ранний отпалъ.

Таблица XI.

Таблица подлѣдки древняго тѣнзона. Изображеніе подлѣдки на 1/4 натур. свѣтилы.

№ 1. Сербукъ-палецъ для желтаго кремня. По обоимъ краямъ вторичная обивка. Главная рѣзучая часть — крутка, чрезвычайно удобная выемки и вогнутости для бокового и срединнаго падѣновъ. Крутка обивка (на рисунокъ вѣрно) удобна для обивки пальцами; крѣпе можетъ также

исполнять свое назначеніе. Довольно удобно брать скребокъ и для употребленія вогнутого края.

№ 2. Грубо обработанный скребокъ, почти пила, съ выпуклымъ краемъ. Кажется, матеріалъ не допускаетъ лучшей обработки. Гн. П. А. относитъ эту подѣлку, какъ и слѣдующую, ко второму слою.

№ 3. Изогнутый, хорошо обработанный крупными гранями скребокъ изъ хорошаго матеріала. Есть ударный бугорокъ. Два круглые рѣжущіе края, почти не подвергавшіеся вторичной обивкѣ; верхній короткий край оббитъ круто, но не столько для употребленія, сколько для удобства обхвата. Большой палецъ приходится на ровную поверхность.

№ 4. Миндалевидное ударное орудіе типа Мустье - Шель, грубой обработки, массивное, съ неровными краями. Не употреблялось ли въ качествѣ длиннаго скребка? Поверхность бѣлая, можетъ быть, вслѣдствіе пребыванія на огнѣ.

№ 5. Широкий скребокъ изъ какого-то плотнаго известковаго камня, удачно отколовшійся. Изогнуть; одна поверхность гладкая, другая выпуклая. По краю крутая вторичная обивка; для упора въ мякоть ладони (подъ указательнымъ пальцемъ) отрѣзъ. При употребленіи орудіе выступаетъ широко и требуетъ сильной руки.

№ 6. Скребокъ, грубо обитый изъ сѣраго кремня въ видѣ треугольника. Рѣжущая часть въ основаніи треугольника. Подѣлка помѣщается на согнутый указательный палецъ и крѣпко прижимается сверху большимъ пальцемъ, для котораго имѣется выемка. Остріе грубое, почти пила.

№ 7. Древній скребокъ изъ желтаго камня, обработанный широкими гранями. Рѣжущая сторона вправо. Большой палецъ помѣщался на гладкой поверхности, указательный упирался въ бугорокъ нижней поверхности. Ущемлялся между двумя пальцами, какъ № 6, но въ основаніи болѣе узокъ. Вторичной обивки почти нѣтъ.

№ 8. Длинный скребокъ или клевецъ, грубо обработанный изъ желтаго кремня. Косой срѣзъ для упора въ ладонь, бугорокъ удобно помѣщается въ основаніи средняго и указательнаго пальца, есть выемка для большого пальца. Узкая рѣжущая часть (верхъ рисунка) обработана хорошо. Орудіе не примѣнимо ни въ качествѣ долота, ни въ роли наконечника копья.

№ 9. Большой скребокъ, очень грубо обитый, для работы въ горизонтальномъ направленіи. При употребленіи захватывался въ ладонь: для четырехъ пальцевъ выемка, изображенная на рисункѣ. Обрѣзъ для того, чтобы укоротить остріе и дать упоръ большому пальцу; для ладони

Figures 1-15. H. S. Dyer.

удобная выпуклость. Рѣзущая часть болѣе короткая, широкая. На рисункѣ представлена задняя часть оружія. Подѣлка могла употребляться и приёмомъ, обхватывая для вурцовой сѣребковъ, на ось выше сѣбѣ удобной, уже по самой величинѣ оружія.

№ 10. Массивное остріе ласоты типа Мустье-Шель, изъ сѣраго кремня, грубой обработки. Охватывалось заднимъ въ третьей грани, пальцами въ изображенной части подѣлки, для бокового удара. Нельзя сказать, чтобы оружіе было безусловно удобно для тѣсненія задонии, весьма возможно, что оно вѣшалось въ рукоятѣ, но въ то же время могло употребляться и въ видѣ ласоты.

№ 11. Длинный сѣребокъ, какъ Табл. VII, 4, изъ желтого кремня. Широкий верхній конецъ имѣетъ уворъ для удерживанія пальца для рѣзущаго острія, изъ которыхъ одно грубое. Слѣдующимъ образомъ эту подѣлку рѣзаемъ, такъ какъ на правыхъ сторонахъ обѣихъ поверхностей имѣются совершенно симметричныя выемки для большого пальца, стоящаго наизвѣстна для рѣзанія.

№ 12. Длинный сѣребокъ или клинокъ типа № 8, изъ сѣраго кремня, грубой работы. Остріе узкое, подереванное. Въ рукоятѣ замечательнѣе очень хорошо видѣляется разница въ длинѣ между верхнею и нижнею линиями сѣребка.

№ 13. Массивное ударное оружіе съ двумя параллельными гладкими поверхностями, обработанное съ боковъ грубыми косыми отколами. Вероятно, вѣшалось на рукоятѣ, такъ какъ сдвоенныхъ пропослѣдствій для охвата рукою не имѣетъ. Типъ Мустье-Шель.

Таблица XII

№ 1. Тонкая неопредѣленная выемка въ видѣ неправильнаго зазуба со вторичною обивкой по краямъ, изъ сѣраго кремня.

№ 2. Неопредѣленная, очень выпуклая выемка на двѣ грани, изъ сѣраго кремня. Есть вторичная обивка.

№ 3. Крестообразная подѣлка изъ темнаго кремня, концы острія тщательно обито. Могла служить вѣшечнымъ сѣребкомъ, употребляемымъ между двумя пальцами.

№ 4. Подобная въ подѣлку изъ сѣраго кремня, грубой обработки, безъ рѣзущаго острія (если только оно не обломано). Внутреннее остріе имѣетъ слѣды употребленія.

№ 5. Сѣребковъ изъ сѣраго кремня сѣраго кварцеваго кремня, съ прямымъ острымъ концомъ. Нижній конецъ обработанъ вторичной обивкой, верхній отломанъ.

№ 6. Маленькій кривой ножичекъ изъ желтаго кремня.

№ 7. Остріе на три грани, со скошенною нижнею частью. Безъ вторичной обивки. Изъ темнаго камня. Орудіе изъ перваго слоя.

№ 8. Навертышъ изъ темно-желтаго кремня. Одна поверхность гладкая, для большаго пальца, другая выпуклая съ крутою вторичной обивкой.

№ 9. Неопредѣленнаго назначенія очень массивная подѣлка изъ хорошаго бураго кремня, гладкая съ одной стороны и очень выпуклая съ другой; довольно тщательная вторичная обивка.

№ 10. Хорошій скребочекъ изъ бураго кремня, съ гладкимъ срѣзомъ для упора въ указательный палецъ и съ гладкою поверхностью для большаго пальца.

№ 11. Узкій скребокъ съ рукоятю, для работы снизу вверхъ, изъ хорошаго темнаго кремня. Массивный, съ крутою вторичной обивкой. Для большаго пальца гладкая поверхность.

№ 12. Круглый скребочекъ со вторичною обивкой, изъ хорошаго свѣтлаго кремня. Одна поверхность гладкая.

№ 13. Изогнутый скребочекъ изъ хорошаго прозрачнаго кремня, со вторичною обивкой. Одна поверхность гладкая.

№ 14. Массивный скребочекъ типа № 5 съ круглымъ острымъ рѣзцомъ, безъ вторичной обивки. Три стороны обиты гладкими отколами.

№ 15. Изогнутый скребочекъ, очень удобный, съ тремя рѣжущими краями, изъ желтаго кремня.

№ 16. Очень изогнутый тонкій скребочекъ съ двумя вогнутыми лезвіями и двумя круглыми.

№ 17. Скребочекъ, аналогичный № 5 и 14, т.-е. тонкій, обработанный на широкія грани, образовавшія два острые, рѣжущіе края. Верхняя часть оправлена вторичною обивкой.

№ 18. Скребокъ того же типа изъ хорошаго, желтаго кремня, тонкій, изогнутый, съ широкими граями на одной поверхности. Два острія.

№ 19. Скребочекъ изъ прозрачнаго кремня, типа № 5.

№ 20. Отличный навертышъ съ массивною рукоятю, изъ темнаго кремня. Сбоку прямой срѣзъ для упора въ указательный палецъ.

№ 21. Скребокъ или пилка изъ сѣраго кремня. Брать обычнымъ способомъ (т.-е. гладкою поверхностью вверхъ) неудобно, такъ что въ этой подѣлкѣ рѣжущая часть выступаетъ вторичною обивкой налицо.

№ 22. Скребокъ или пилка изъ чернаго кремня въ видѣ тонкой, прямоугольной пластинки со скошеннымъ краемъ. Рѣжущая часть вторичною обивкой въ обратную сторону.

№ 23. Скребок короткий, изогнутый, с рукояткой, как № 11, обработанной из хорошо, расколотого кремня на три широких грани. Одно боковое острие могло служить ий багнетъ пика или даже слуга поддержано.

Таблица XIII.

№ 1, 6, 7. Треугольные наконечники стрѣлъ, короче со вторичною обивкою.

№ 2, 14, 15, 17, 20—22. Маленькіе наконечники стрѣлъ ромбической формы.

№ 3, 4, 35, 39, 40, 60. Наконечники стрѣлъ разнообразной формы. Изготовлены излома безъ вторичной обивки.

№ 5, 10, 36, 42, 43, 45. Пожички съ заостреніями для выработки наконечниковъ стрѣлъ. Безъ вторичной обивки.

№ 8, 16, 23, 33, 34. Наконечники стрѣлъ со стержнями или черешками. Имѣютъ вторичную обивку.

№ 9, 13. Наконечники стрѣлъ миндалевидной формы безъ вторичной обивки.

№ 11 и 12. Кривые наконечники стрѣлъ, безъ вторичной обивки.

№ 18. Прекрасный наконечникъ стрѣлы въ формѣ ланцетнаго.

№ 19, 37. Кремневые наконечники съ зарубками (а тѣмъ).

№ 24. Треугольный наконечникъ стрѣлы (?), безъ вторичной обивки.

№ 25—32, 60. Наконечники стрѣлъ съ выгнутымъ основаніемъ безъ вторичной обивки.

№ 38. Маленькое орудіе изъ кремня со вторичной обивкой.

№ 41. Треугольное острие изъ кремня.

№ 44. Острый наконечникъ съ долотообразнымъ основаніемъ (а l'usage) для палача на древно.

№ 46, 68. Кривыя кремневые острия.

№ 47. Основное острие съ превращеніемъ вторичной обивкой.

№ 48—50. Пожи съ остриемъ, безъ вторичной обивки.

№ 51, 52. Пожички.

№ 53. Пожичекъ, оканчивающійся долотообразно, безъ вторичной обивки.

№ 54—56. Широкіе пожички безъ вторичной обивки.

№ 57—59. Красныя, широкіе пожи, со вторичной обивкой.

№ 61—67. Пожички клиновидной формы.

№ 69. Широкое плоское остріе съ выемками по бокамъ (a crans), со вторичной обивкой.

№ 70—78. Неопредѣленные орудія.

№ 71—72. Костеобразныя орудія.

№ 73—74. Плоскія орудія въ видѣ крючка.

№ 75. Большой кривой ножичекъ.

№ 77. Желѣзный обломокъ ножа слегка изогнутой формы.

Т а б л и ц а XIV.

№ 1—4. Осколки (éclats) изъ прозрачнаго кремня съ небольшими подправками посредствомъ вторичной обивки. По указанію кн. П. А. Путятина, древніе типы.

№ 5. Подѣлка, переходная отъ осколка къ скребку, со вторичною обивкой, изъ коричневаго полупрозрачнаго камня.

№ 6. Подѣлка, переходная отъ осколка къ наконечникамъ стрѣлы; остріе обломано. Изъ дымчато-желтоватаго кремня.

№ 7. Наконечникъ стрѣлы, изъ чернаго кремня.

№ 8. Выпуклая (convexe) пилка (scie) съ зубчиками, произведенными мелкими ударами, изъ дымчато-желтоватаго прозрачнаго кремня.

№ 9. Выпуклая пилка съ отчетливо исполненными зубцами средней величины, изъ красновато-прозрачнаго кремня. Ясно различимъ ударный бугорокъ.

№ 10. Такая же пилка, изъ дымчато-желтоватаго кремня, съ зубцами, сдѣланными посредствомъ простыхъ изломовъ.

№ 11. Вогнутая пилка (concave) съ хорошо обработанными зубцами средней величины, изъ малопрозрачнаго желтоватаго кремня.

№ 12. Вогнутая пилка, изъ прозрачнаго желтоватаго кремня.

№ 13. Прямая пилка съ довольно крупными, хорошо отдѣланными зубьями, изъ непрозрачнаго коричневаго кремня. Древняго типа.

№ 14. Прямая пилка съ хорошо обработанными зубьями средней величины, треугольной формы, изъ мало прозрачнаго желтовато-коричневаго кремня.

№ 15—52. Ножички (lames) съ острыми и зубчатыми краями, изъ кремня дымчато-розоватаго, сѣроватаго, бѣлаго съ желтоватымъ оттѣнкомъ, бураго, желтаго, лиловатаго, сѣраго, коричнево-пятнистаго, чернаго, молочно-сѣраго. № 19 имѣетъ до половины лѣваго лезвія прекрасно обработанные зубчики.

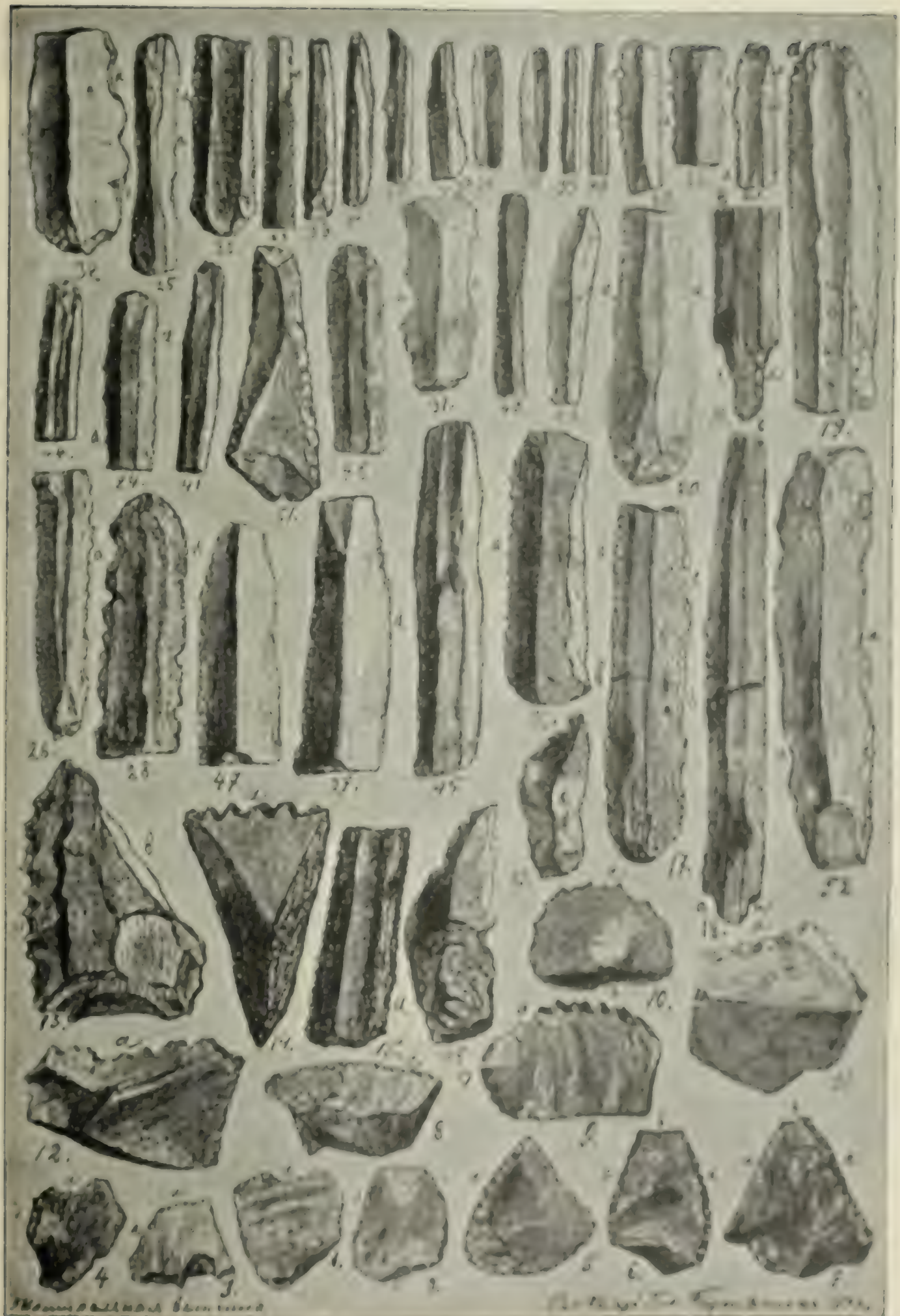

Таблица XV.

- № 1—4. Повторение рисунковъ, данныхъ на табл. IX.
- № 5 и 6. Двѣ замѣнные трубочки — прониалы.
- № 7. Трубочка изъ глины.
- № 8 и 9. Деревяннымъ палочка, обиты концы которой обрублены на двѣ грани.
- № 10. Костяной наконечникъ стрѣлы, съ зарубкой для прикрѣпления къ древку.
- № 11, 12. Острія изъ кости.
- № 13, 15—17, 21, 22. Острія изъ кремня съ зарубками на граняхъ.
- № 14, 23—25, 42. Кремневые острія эквивалентно-сложнообразной формы съ зарубками (*evolution du bec de perroquet*).
- № 18—20. Треугольные кремневые наконечники.
- № 26, 33—36. Костеобразные орудия изъ кремня.
- № 27. Ноже изъ черного кремня, съ гнущейся историчной оберткой. Древний типъ.
- № 28. Остріе изъ кремня.
- № 29. Поджигатель — остріе, чрезвычайно тонкій и острое.
- № 30—32. Небольшія костеобразные острія изъ чрезвычайно тонкихъ пластинокъ.
- № 47. Костеобразный инструментъ съ желтой пазухой, изъ Франціи, палеолитическаго періода.
- № 38. Каменный чашечка, вѣроятно, для натирания красокъ.
- № 39 и 40. Небольшіе наперстки съ очень тонкими остріями.

Таблица XXXIII.

- № 1. Черепокъ изъ темной глины съ красноватою поверхностью, слоистый, съ прямою пуха или шерою. Орнаментъ дотрубчатый.
- № 2. Темная глина съ значительною прижатою раковинаю, поверхность красноватая. Кромка толщиной до 1,7 см. Орнаментъ — слабо нанесенный зубчатый зокантъ.
- № 3. Тонкий черепокъ (1,7 см.), слоистый изъ красноватой глины съ прямою грубой раковинаю съ растительными или животными остатками. Орнаментъ кружковый, безструктурный и слабый.
- № 4. Составъ и толщина № 1, но плавнее тоньше.
- № 5. Сравнительно тонкій черепокъ съ слабой поверхностью, толщиной 0,7 см. Горизонтальное историчное съ зарубкой и ист.

гренней поверхности. По мнѣнію кн. П. А. Путятина, сосудъ былъ обтянутъ мелкоразорваннымъ лыкомъ.

№ 6. Цвѣтъ свѣтло-кирпичный. Орнаментъ лапчатый или зубчатый изъ квадратиковъ. Кромка расширена и покрыта орнаментомъ изъ двойныхъ зубчатыхъ линий.

№ 7. Глина темная, на поверхности желтовато-красная. Глубокій чеканъ концомъ пера, легкіе штрихи. Примѣсь растительная, но есть и птичьи перья.

№ 8. Глина темная, растительная примѣсь. Чеканъ двойной зубчатый, въ видѣ раковины каури, какъ въ Волосовѣ Табл. XIX № 4025, съ 8 зубцами.

№ 9. Толстый черепокъ изъ темной глины со свѣтлою поверхностью, примѣсь раковинная и растительная. Орнаментъ зубчатый.

№ 10. Толстый черепокъ вида и состава № 6. Орнаментъ двузубчатымъ чеканомъ, съ заостренными концами.

№ 11. Плохая желтая глина, смѣшанная съ какой-то шелухой. Штампъ изъ круглыхъ зубцовъ.

№ 12. Крѣпкій черепокъ, наполовину темный, наполовину желтый, съ крупною раковинною примѣсью. Изнутри штриховка.

№ 13. Толстый (1 сант.) и рыхлый черепокъ со слоистою примѣсью изъ раковины и иного состава. Зубцы чекана неправильные, кругловатые. На обратной сторонѣ штриховка.

№ 14. Толстый черепокъ, съ примѣсью шелухи и растительныхъ волоконъ.

На таблицѣ собраны образцы старыхъ черепковъ; изъ нихъ старѣйшіе № 3, 5, 7, 11—14.

Таблица XXXIV.

Образцы древнихъ черепковъ; изъ нихъ самые древніе № 1, 8, 10, 13, 18.

№ 1. Темный, почти черный, раковинная примѣсь. Ногтевой и ямочный орнаментъ; первый нанесенъ остриемъ, второй—концомъ пера. Широкий край, выступающій наружу и покрытый позади мелкозубчатымъ чеканомъ.

№ 2. Темный съ свѣтлою поверхностью. Широкий выпуклый край. Орнаментъ ногтевой.

№ 3. Желтый черепокъ, съ примѣсью перьевъ. Штриховка.

№ 4. Черепокъ темной глины съ какою-то растительною примѣсью,

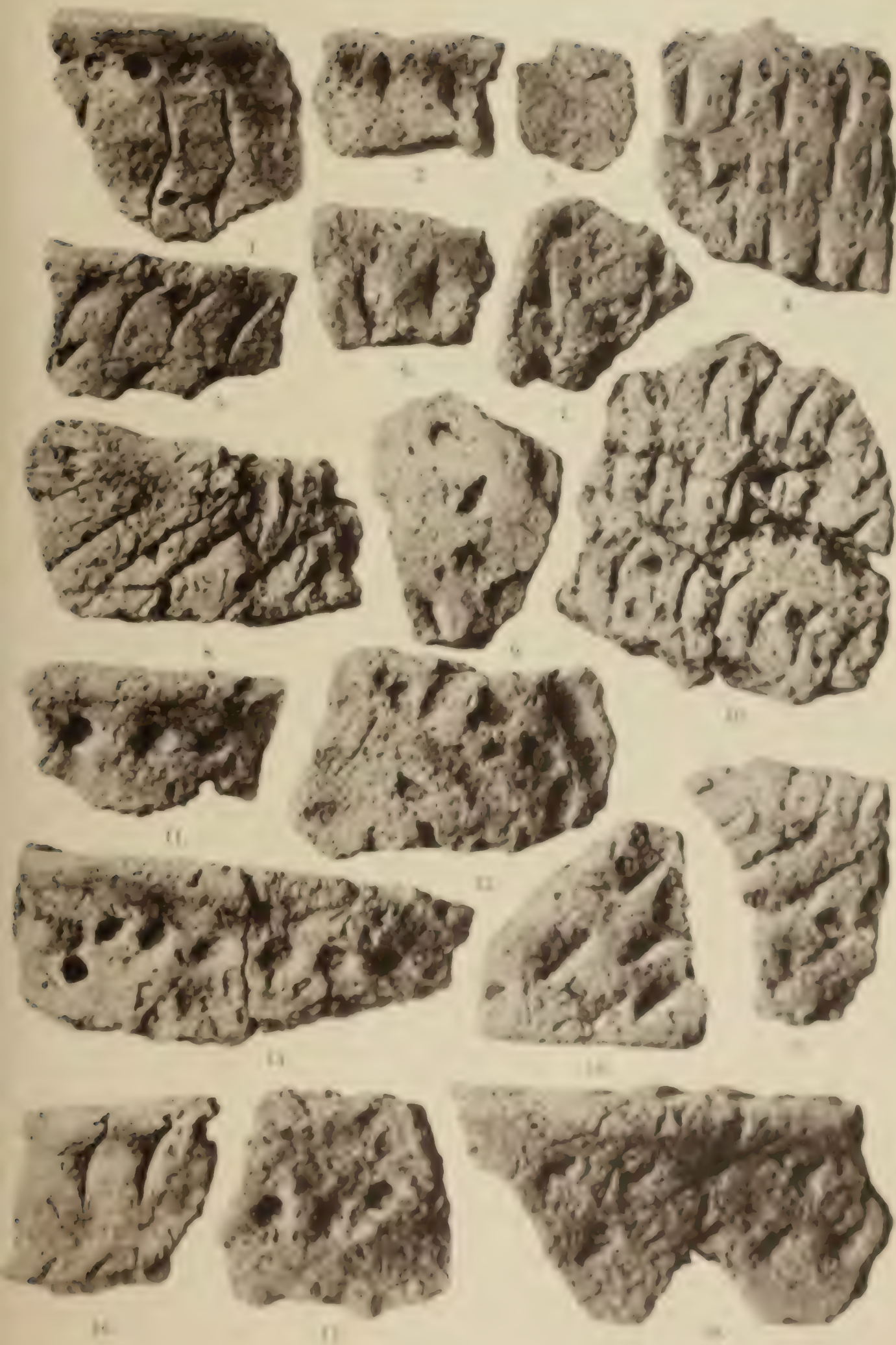

Radiolites von H. & Hyatt

довольно плотный и нетолстый. Орнаментъ потемной. Не относится ли къ иному времени?

№ 5. Примесь въ видѣ шелухи и еще чего-то. Широкий край выступомъ, орнаментированный зубцами. Орнаментъ потемной.

№ 6. Тонкій желтый черепокъ. Край слегка отогнутъ. Орнаментъ потемной.

№ 7. Темный съ свѣтлою поверхностью. Примесь шелухи и проч. Орнаментъ угломъ.

№ 8. Темный съ свѣтлою поверхностью. Примесь неопредѣленная, скорѣе поздняя. Край отогнуть наружу. Орнаментъ линейный, нанесенный потемъ.

№ 9. Черепокъ неплотной глины, кажется, болѣе позднего состава. Орнаментъ угломъ.

№ 10. Плоской тонкій черепокъ темнаго свѣта съ примесью шелухи и пр. Орнаментъ потемной.

№ 11. Темная глина, примесь раковинная и растительная. Орнаментъ неаккуратный амочный.

№ 12. Рыхлый, свѣто-красный, съ примесью. Орнаментъ углами.

№ 13. Черный съ свѣтлою поверхностью, густая раковинная примесь. Широкий прямой край, орнаментированный какъ Валосонскій черепокъ табл. XX № 4034.

№ 14. Черепокъ изъ свѣтлой глины съ слоистой примесью, можетъ быть и изъ перьевъ. Кроме орнаментъ потемной.

№ 15. Плоской черепокъ со слоистой примесью. Орнаментъ линейный.

№ 16. Крѣпкій свѣтлый черепокъ съ широкимъ краемъ. Орнаментъ потемной. Изнутри штрихованъ.

№ 17. Грубой дѣлки черепокъ изъ свѣтлой глины съ примесью шелухи и пр. Орнаментъ изъ неглубокихъ амочъ.

№ 18. Сѣрый, довольно рыхлый черепокъ съ неопредѣленнымъ орнаментомъ. Широкая плоская кромка, поверхъ которой орнаментъ угломъ, какъ № 7.

Таблица XXXV

Черепки темной или сѣрой глины съ свѣтлою желтоватою поверхностью и съ примесью изъ гранитныхъ зеренъ. Отлична въ составѣ составляются. Рисунки въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.

№ 1. Плоской темной глина, нетолстый. Край отогнутъ. Орнаментъ—шпательные кружки.

№ 2. Въ разломѣ глина имѣетъ видъ плотнаго торфа, примѣсь кварца незначительная. Орнаментъ въ видѣ продолговатыхъ ямокъ, на отогнутомъ краю парубки.

№ 3. Черепокъ отъ прямого края сосуда, краснаго цвѣта, виѣшняя поверхность гладкая. Гранитной примѣси нѣтъ. Неглубокія ямки неправильной формы.

№ 4. Плохой черной глины съ примѣсью. Край почти прямой. Тѣсная сѣтъ ямочекъ, сверху крупныхъ, внизу малыхъ.

№ 5. Черепокъ отъ малаго сосуда темнаго цвѣта. Мелкія и глубокія ямочки, расположенныя, кажется, гнѣздами или кружками.

№ 6. Толстый черепокъ. Орнаментъ изъ глубокихъ косыхъ насѣчекъ, вдоль края не ямочки, какъ представляется по рисунку, а луннички.

№ 7. Довольно толстый черепокъ. Орнаментъ въ видѣ цѣпочки, нанесенной концомъ четырехгранной палочки.

№ 8. Довольно толстый красный черепокъ съ обильною крупною примѣсью. Орнаментъ какъ у № 1, т.-е. двудольный кружковый, нанесенный вкось.

№ 9. Красный черепокъ съ гладкою поверхностью, аналогичный черепкамъ съ Панскахъ бугровъ табл. XVII. Крупная примѣсь и крупныя ямочки конической формы.

№ 10. Красный черепокъ того же типа съ широкими мелкими углубленіями неправильной формы.

№ 11. Толстый сѣрый черепокъ довольно хорошаго состава, съ гладкою поверхностью. Ямочки съ плоскимъ дномъ (скорѣе кружки), нанесенныя вкось, и веревчатый орнаментъ.

№ 12. Маленькій черепокъ древняго типа (?) съ орнаментомъ изъ мелкихъ кружковъ.

№ 13. Плотной темной глины. Неглубокія круглыя ямочки и зубчатая насѣчка.

№ 14. Черный толстый черепокъ съ крупною примѣсью. Мелкія ямочки неправильной формы.

№ 15. Глина сѣрая. Орнаментъ изъ отдѣльныхъ мелкихъ ямочекъ, нанесенныхъ вкось.

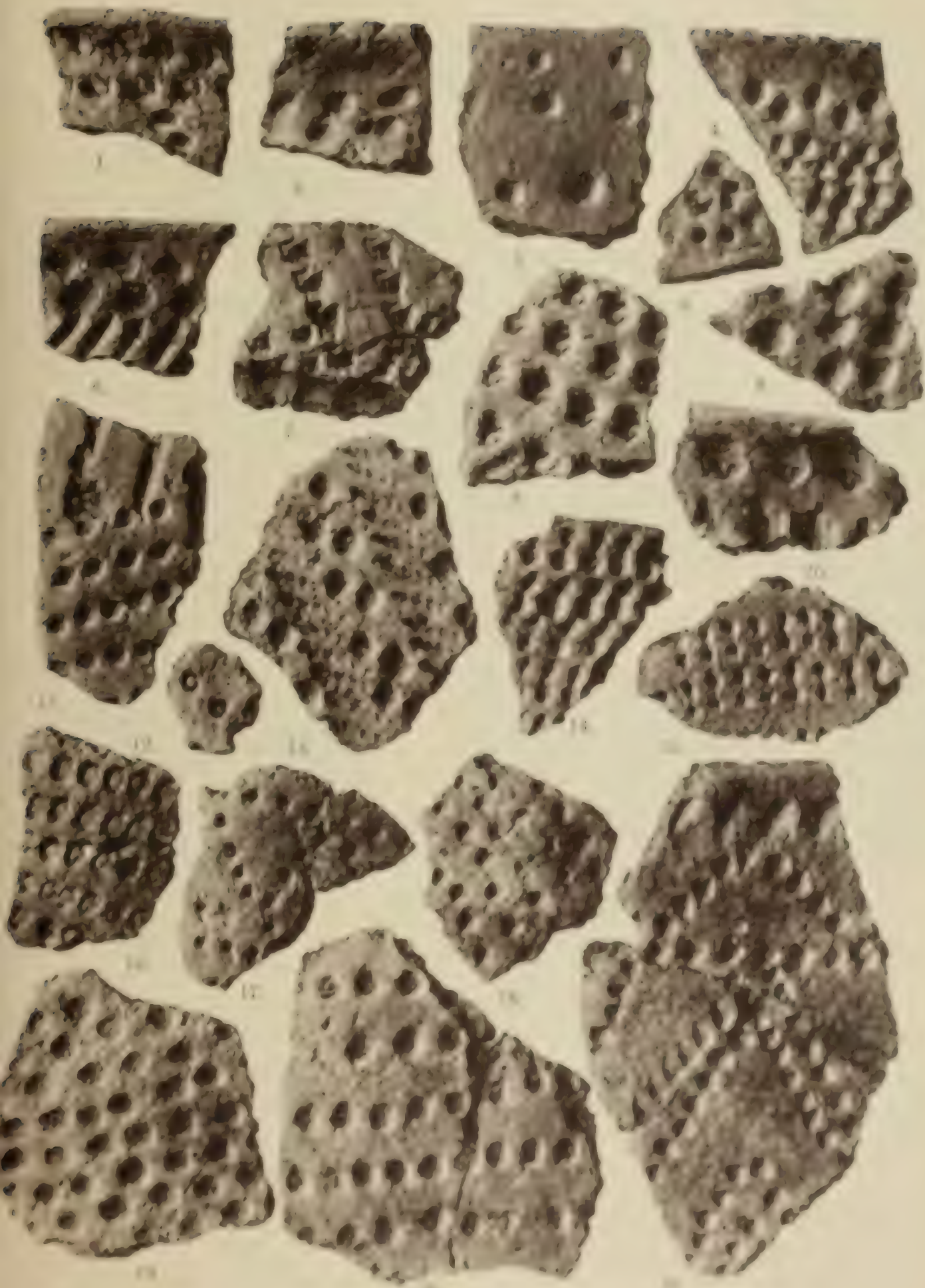
№ 16. Темный, тонкій. Орнаментъ нанесенъ неполнымъ кружкомъ.

№ 17, 18. Темная глина. Маленькія и мелкія ямочки.

№ 19. Мелкія ямочки.

№ 20. Довольно толстый черепокъ съ обильною примѣсью. Орнаментъ кружковый, какъ № 1 и 8.

№ 21. Средней толщины, край оторутъ. Орнаментъ не заметенъ, а край пилюдрической пилоты.

Таблица XXXVI.

Составъ черепковъ въ общемъ тотъ же. Предметы — рисованы на рисункахъ до $\frac{2}{3}$ натур. велич.

№ 1. Грубой работы темный черепокъ съ неинтересною примесью кварца. Зубчатый штампъ. По вл. П. А. Пузыреву, 1886 желтого слод.

№ 2. Крѣпкій гладкій черепокъ съ примесью. Орнаментъ длинными зубцами.

№ 3. Тонкій черепокъ, орнаментированный зубчиками и жмочками. Примесь слабая.

№ 4. Красная поверхность. Орнаментъ изъ длинныхъ зубчиковъ и жмочекъ.

№ 5. Черепокъ темный. Орнаментъ зубчатый и угловатый.

№ 6. Черепки съ поверхностью почти желтой. Примесь почти вовсе нѣтъ. Зубчатая линия въ слочку.

№ 7. Черепокъ съ красною гладкою поверхностью. Зубчики неправильной формы.

№ 8. Грубый черепокъ съ красною поверхностью, обильная примесь. Штампъ въ 4 зубца. Черепокъ старый.

№ 9. Хорошій толстый черепокъ съ примесью. Зубчатая линия и жмочки.

№ 10. Темный плотный черепокъ съ красною поверхностью, безъ примеси гранитныхъ зеренъ. Мелкіе зубцы. Старый типъ.

№ 11. Черный съ красною поверхностью, безъ гранитной примеси. Зубчатая линия, продолговатая, городчатая и въ слочку. Бровка съ пасѣтою зубчиками, на внутренней сторонѣ крупныя углубленія какъ бы отъ пилоты. Старый типъ.

№ 12. Темный съ свѣтлою поверхностью. Орнаментъ изъ длинныхъ зубчатыхъ линий (на рисункѣ зубчиками не жмочками).

№ 13. Толстый, тяжелый темный черепокъ съ грубою примесью.

№ 14. Хорошій черепокъ изъ сѣрой сланца съ гладкою поверхностью, отъ цвѣ.

№ 15. Сѣрый черепокъ съ желтою примесью. Брушчатый зубчатый штампъ.

№ 16. Темный съ красною поверхностью, почти безъ примеси. Тонкій зубчатый орнаментъ.

Т а б л и ц а XXXVII.

Составъ черепковъ тотъ же. Предметы уменьшены на рисункахъ въ $\frac{1}{5}$ натур. велич.

№ 1. Черепокъ съ гладкою красною поверхностью. По утолщенному краю зубчатый орнаментъ, ниже ямочки, отпечатанныя косточками животныхъ.

№ 2. Крѣпкій темный черепокъ, орнаментированный зубцами.

№ 3. Крѣпкій сѣрый черепокъ со слабою примѣсью. Орнаментъ зубчатыми челночками.

№ 4. Темная, слабая глина съ примѣсью, край отогнуть. Зубчатый орнаментъ городками и фестонами.

№ 5. Край чашки изъ темной глины съ примѣсью. Орнаментъ изъ мелкихъ зубчиковъ и ямочекъ.

№ 6. Толстый темный съ гладкою свѣтлою поверхностью. Орнаментъ мелкими зубцами.

№ 7. Крупная зубчатая насѣчка.

№ 8. Красный черепокъ съ гладкою поверхностью. Двудольныя ямки, зубчики.

№ 9. Темный со свѣтлою поверхностью, примѣсь. Зубчатый штампъ.

№ 10. Орнаментъ изъ крупныхъ зубцовъ.

№ 11. Темный. Поверхностные зубцы.

№ 12. Темный. Прямой край. Глубокая насѣчка изъ короткихъ прямыхъ линій, наставленныхъ въось.

№ 13. Темный черепокъ съ свѣтлою поверхностью, съ слабою примѣсью. Легкія зубчатая насѣчки и малыя ямочки.

№ 14. Крѣпкій черепокъ темной глины. Частый, косой зубчатый орнаментъ; между рядами остаются выпуклыя полосы, какъ у № 7.

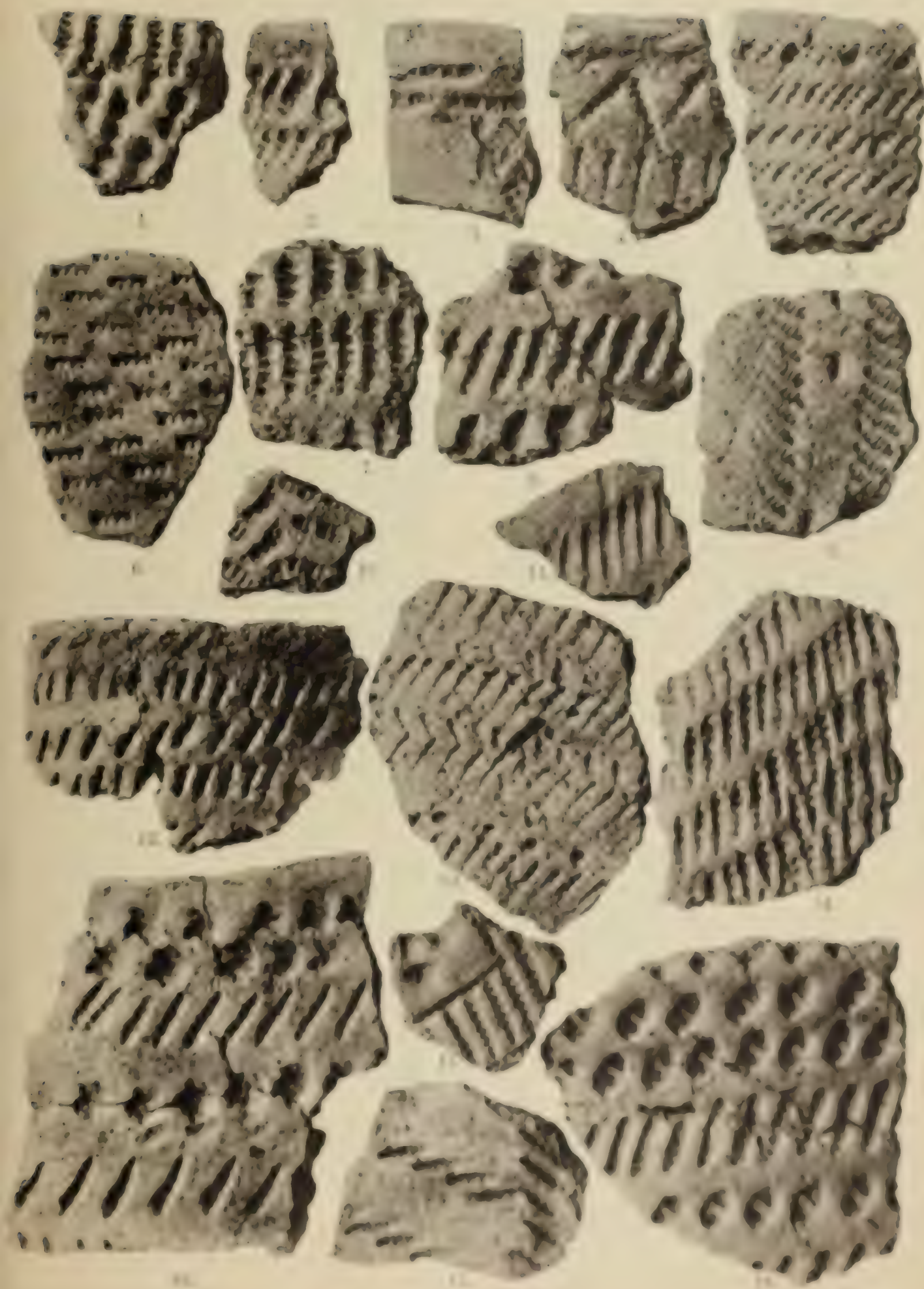
№ 15. Темный съ примѣсью. Отчетливый зубчатый орнаментъ и неглубокія ямочки.

№ 16. Толстый темный черепокъ съ гладкою поверхностью. Орнаментъ изъ зубчатыхъ клинышковъ и двудольныхъ кружковъ, нанесенныхъ *condius'омъ* косточки.

№ 17. Темный съ легкою примѣсью. Глубокія зубчатая насѣчки, нанесенныя нѣсколько въось.

№ 18. Красный черепокъ, довольно толстый. Орнаментъ изъ отчетливыхъ глубокихъ двудольныхъ оваловъ и зубчатыхъ насѣчекъ.

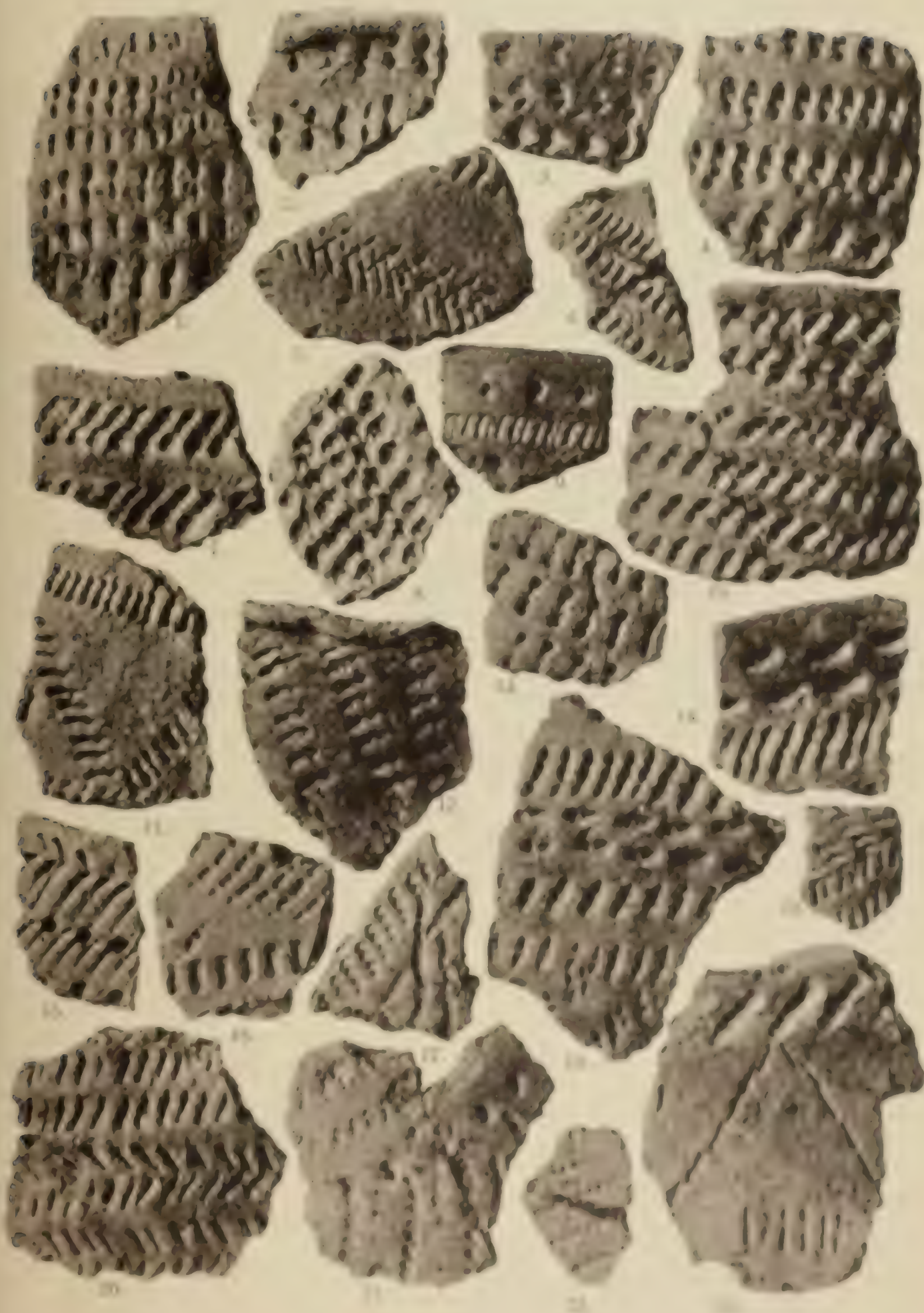

Таблица XXXVIII.

Черепки съ примѣсно изъ гранитныхъ зеренъ. На поверхности уменьшение до 2° и пазуръ великъ.

№ 1. Толстый слоистый черепокъ съ обильною примѣсною, состоящую изъ зеренъ краснаго. Штампъ изъ трехъ продолговатыхъ зубчиковъ, изъ которыхъ два ближе другъ къ другу.

№ 2. Сѣрый слоистый черепокъ съ примѣсною. Орнаментъ состоитъ изъ штамповъ изъ двухъ продолговатыхъ зубчиковъ.

№ 3. Толстый сѣрый черепокъ. Орнаментъ четырехъ круглыхъ.

№ 4. Сравнительно тонкій сѣрый черепокъ съ гладкою поверхностью. Орнаментъ изъ длинныхъ дугообразныхъ зубчиковъ.

№ 5. Темный. Зубчатая линия изъ четырехъ.

№ 6. Темный съ красною поверхностью. Орнаментъ гребенчатый.

№ 7. Темный. Зубчатая дугообразная линия.

№ 8. Толстый красный черепокъ. Орнаментъ изъ изогнутыхъ дугообразныхъ.

№ 9. Темный, тонкій. Орнаментъ зубчатый волнистый и мелкими ямочками. Толстый ермекъ, гладкая внутри.

№ 10. Темный, почти безъ примѣси. Дугообразные зубчики.

№ 11. Красной глины, съ небольшою примѣсною кварца. Орнаментъ зубчатый волнистой.

№ 12. Темный со слабою примѣсною. Отсутствуетъ край. Изготовленъ изъ дугообразныхъ зубчиковъ.

№ 13. Темный со слабою примѣсною. Дугообразные зубчики.

№ 14. Темный. Зубчатая линия, дугообразная и четырехъзубчатая.

№ 15. Темный со сѣвкою поверхностью. Орнаментъ линейный съ углубками и мелкими ямочками.

№ 16. Темный съ гладкою поверхностью. Зубчики и волнистая изъ зубчиковъ.

№ 17. Темный со сѣвкою поверхностью. Орнаментъ зубчатый штамповъ.

№ 18. Плотный черепокъ почти безъ примѣси съ обильною примѣсною кварцевыхъ зеренъ. Орнаментъ изъ продолговатыхъ и треугольных зубчиковъ.

№ 19. Мелкозубчатый ермекъ.

№ 20. Темный съ сѣвкою поверхностью. Поверхность изъ двохъ линіи прямыми линіями.

№ 21. Темный съ красною поверхностью, обильная примѣсь. Орнаментъ веревочный и маленькими полулунками.

№ 22. Тонкій темный съ примѣсю. Маленькіе зубчики, соединенные легкою полоской.

№ 23. Грубый сѣрый черенокъ со свѣтлыми поверхностями. Горохатыи и ленточный орнаментъ, наведенный короткими линіями, какъ бы стежками.

Т а б л и ц а XXXIX.

Черепки съ примѣсю крупныхъ гранитныхъ кристалловъ, не очень густою. Цвѣтъ сѣрый, у № 15, 16 и 18 съ красноватою поверхностью. Уменьшеніе до $\frac{2}{3}$ натур. велич.

Орнаментъ по терминологіи кн. П. А. Путятина:

№ 1, 3, 11, 12, 13, 15, 17, 19—витой веревочки,

№ 2—глубокой перевязки,

№ 4, 7, 20—плетеной веревочки,

№ 5, 8, 9, 18, 21—тесемки,

№ 6—навитого на палочку лыка,

№ 10—шпура,

№ 16—витой американскаго образца, у № 15 еще кружки, у № 18—ямочки, у № 19—ногтевой орнаментъ.

Черепки № 12 и 13 кн. Путятинъ признаетъ древними.

Т а б л и ц а XL.

Сѣрые черепки, чаще съ красною поверхностью. Черепки № 3, 7 и 11 темные. Поверхность № 14 и 17 красная гладкая, у № 3, 6, 16 и 20 поверхность тоже гладкая. Густая кварцевая примѣсь у № 2, 4, 8, 11, 19, 20, 23 слабая, у № 5, 7, 10, 12, 24, безъ примѣси у № 6, 14, 15, 17. У № 1 замѣтна и примѣсь растительная. Орнаментъ:

№ 1, 2, 5, 11, 21—углами, у № 11 широкими,

№ 3—двудольныя ямочки, нанесенныя косточкой,

№ 4, 15—веревочный,

№ 6, 7, 12, 16—20, 22, 23, 25—ногтевой,

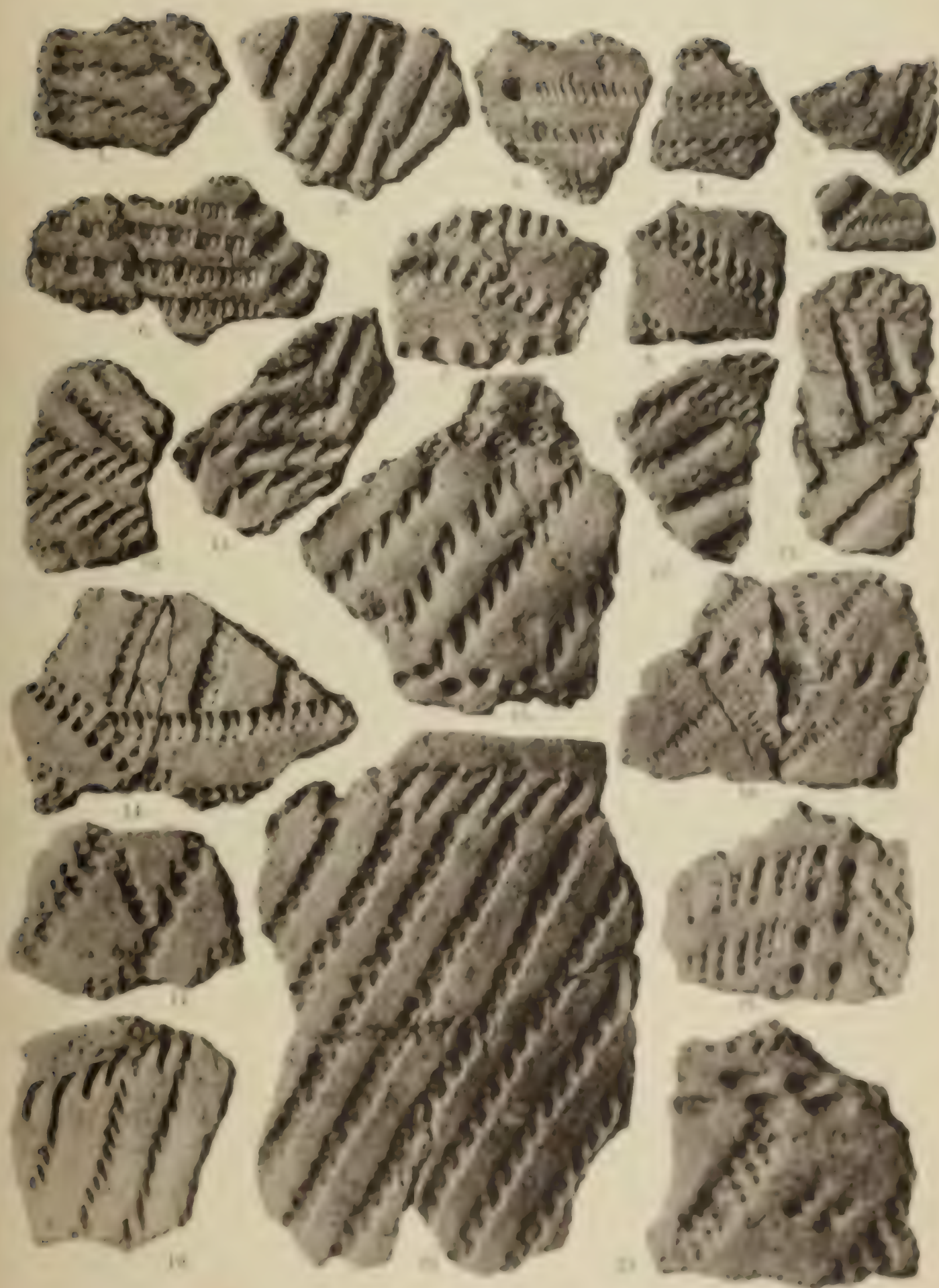
№ 8—ногтевой двусторонній,

№ 9, 10, 24—полулунками,

№ 13, 14—шнуровой,

№ 19—удлиненныя ямочки и ногтевой.

Illustrations of H. A. Dyer's collection.

Fragmente im H. A. Museum

Таблица XII.

У черепков № 1—3, 6, 10—12, 14, 16 примесь густая, у № 7 и 13 — слабая, у № 17 примесь речного песка. У № 2, 7, 12 и 13 поверхность гладкая.

- № 1. Нарбака линиями на зеве.
- № 2. Рыхлый черепок. Нарбака по косой кромке.
- № 3. Орнамент линейный и змочный.
- № 4. Линейная нарбака и змочки. Прямой край.
- № 5. Рыхлый черепок. Продольная и косая нарбака линейными рядами.

№ 6—13. Орнамент линейный, иногда змочный. Черепок № 9 дрешний, № 13 кривой.

№ 14. Рыхлый черепок разной толщины из разных мест. От 1 смх. Дрешний.

№ 15. Орнамент нанесенный линей.

№ 16. Орнамент зубчатый и змочный.

№ 17—19. Линейный, змочный и поперечный. У № 19 нарбака исполнена тем же приспособлением, как и поперечный орнамент.

Тонкие черепки покрыты более тонким орнаментом.

Таблица XIII.

Рисунки выполнены из $\frac{1}{2}$ лажур. велит.

№ 1. Темный черепок с примесью. Откопнутый край. Нарбака змочками.

№ 2. Сбрытый черепок, белая примесь, с красною поверхностью. Прямой и суженный край. Мелкие змочки.

№ 3. Тонкий сбрытый черепок с небольшою примесью. Орнамент зубчатый и овальный змочный.

№ 4. Часть дна оть подвального сосуда с шестугольными карнизами.

№ 5. Темный черепок с примесью. Орнамент из чередующейся нарбаки, нанесенной передоплащивающ инструментом из кости. Пухляк, мозаичная черепка.

№ 6. Совершенно прямой край, орнаментированный — змочками. Напоминает № 2. Примесь, белая, збета.

№ 7. Темный черепок с примесью. Край слегка откопнут. Орнамент змочный овальный, поперечный и зубчатый.

№ 8. Черепокъ отъ дна. Орнаментъ шнуровой. Примѣсь.

№ 9. Глиняный сгустокъ съ оттискомъ пальца. Примѣсь растительная.

№ 10. Кромка малаго сосуда, какъ № 2 и 6. Безъ примѣси.

№ 11. Сгустокъ глины съ отпечаткомъ пальца.

№ 12. Дно сосуда, покрытое ямочнымъ орнаментомъ.

№ 13. Глиняный валикъ (для приготовленія посуды?), съ примѣсью.

№ 14 и 15 Глиняные валики безъ примѣси.

№ 16. Дно сосуда, покрытое двойными зубчатыми линиями. Безъ примѣси.

№ 17. Острое коническое дно, почти безъ примѣси. Орнаментъ зубчатый.

№ 18. Дно, покрытое мелкимъ зубчатымъ орнаментомъ, по кн. П. А. Путятину, при помощи плетенки.

№ 19. Дно сосуда. Примѣсь слабая. Дырочка.

№ 20. Острое днище. Ямочки неправильной формы, какъ у № 2, 6 и 12. Безъ примѣси.

№ 21. Есть примѣсь. Поверхность гладкая. Орнаментъ коническими ямочками и боковыми наколами.

№ 22. Часть днища. Черепокъ темный съ примѣсью. Орнаментъ изъ мелкихъ ямочекъ и двудольныхъ зубцовъ.

№ 23. Ложка изъ сѣрой глины съ легкою примѣсью, на поверхности красная. Въ рукояти глубокая ямка для ручки.

№ 24. Край небольшой части съ круглымъ дномъ безъ кварцевой примѣси. Орнаментъ линейный и неправильными ямками.

Таблица XLIII.

Таблица черепковъ преимущественно съ сѣтчатымъ орнаментомъ. Уменьшеніе въ $\frac{5}{7}$ патур. велич.

№№ 1 и 2. Красная и темная глина съ примѣсью. Орнаментъ изъ трехдольныхъ и четырехдольныхъ зубчиковъ, нанесенныхъ формочками вродѣ № 22.

№ 3. Темная глина съ примѣсью. Орнаментъ изъ вертикальныхъ полосокъ, нанесенный, по мнѣнію кн. Путятина, ситникомъ.

№ 4. Темный, плохого матеріала съ крупною примѣсью. Орнаментъ—двудольные зубчики.

№ 5. Тонкій темный черепокъ съ примѣсью. Тонкій ногтевой узоръ въ видѣ сѣтки.

№ 6. Темный черепок, съ примѣсомъ. Поверхность сглаженная по-
лости, какъ бы отъ плетенья.

№ 7. Темный съ примѣсомъ. Орнаментъ мелкими точками, распо-
ложенными почти горизонтально.

№ 8. Темный съ примѣсомъ. Орнаментъ зубчатый рѣзцомъ и
узкими глубокими лопатками.

№ 9. Темный съ примѣсомъ, сглазая поверхность. Крупный рѣз-
чатый орнаментъ, наискосный зигзгъ, шнуръ.

№ 10. Составъ и орнаментъ тотъ-же. Плотный.

№ 11. Темный съ примѣсомъ. Плотная въ вертикальномъ на-
правлении.

№ 12. Сѣрый съ примѣсомъ, поверхность сглазая. Рѣзчатый орна-
ментъ съ мелкими условнымъ и потевымъ.

№ 13. Темный съ желтою поверхностью, довольно голый и
крѣпкій, безъ примѣси. Очень поперечный мелко-сѣтчатый орнаментъ.
Изъ пятого слоя.

№ 14. Тонкій сѣрый съ желтою поверхностью, примѣсь. Орна-
ментъ зубчатый и шнуромъ въ видѣ неправильной решетки.

№ 15. Темный съ сѣвелою поверхностью, безъ примѣси. Трава
правильными рядами.

№ 16. Того же состава, примѣсь желтая. Орнаментъ сѣтчатый, въ
видѣ веревочной ткани.

№ 17. Темный безъ примѣси. Орнаментъ сѣтчатый въ видѣ пра-
вильной сѣтки изъ уголковъ и лопочекъ. Изъ пятого слоя.

№ 18. Сѣрый черепокъ съ сѣвелою поверхностью, примѣсь. Не-
правильные штрихи.

№ 19. Такой же съ красною поверхностью. Орнаментъ сѣтчатый
и уголками, на обратной сторонѣ штриховка.

№ 20. Темный черепокъ съ примѣсомъ. Непредѣленный рѣзчатый
орнаментъ.

№ 21. Такой же. Орнаментъ въ видѣ крупной поперечной сѣтки.

№ 22. Черепокъ изъ сѣрой глины съ красною поверхностью, какъ
бы шпатель для нанесенія зубчатого орнамента въ три ряда.

№ 23, 24. Черепки безъ примѣси. Орнаментъ совершенно зигзгъ и
№ 17. Изъ пятого слоя.

№ 25. Толстый темный черепокъ, плотный, съ сѣвелою поверх-
ностью. Мелкая двойная рябинка.

А С.

Послѣдній періодъ каменнаго вѣка въ верхнемъ Поволжьѣ.

При ознакомленіи съ инвентаремъ находокъ на городищахъ Дьякова типа обращаетъ на себя особенное вниманіе обиліе находимыхъ на нихъ подѣлокъ изъ кремня. По всей вѣроятности, это не случайные предметы каменнаго вѣка, попавшіе сюда въ единичныхъ экземплярахъ, а прямыя подѣлки обитавшаго здѣсь человѣка. Но кому онѣ принадлежать: населенію, соорудившему городища, или же несравненно болѣе раннему періоду, времени каменнаго вѣка? Или же мѣстный каменный вѣкъ непосредственно примыкаетъ ко времени городищъ Дьякова типа? Это столь важный вопросъ, что, занимаясь древностями верхняго Поволжья, невозможно пройти мимо него съ закрытыми глазами. Но пока не имѣется достаточнаго матеріала для его рѣшенія, такъ какъ изслѣдователи Дьяковскихъ городищъ еще не обратили на эту сторону дѣла достояннаго вниманія. Впрочемъ, врядъ ли скоро будетъ полученъ требуемый точный матеріалъ даже при спеціальномъ вниманіи къ находкамъ изъ камня на данныхъ памятникахъ старины, въ виду того, что въ столь важномъ и сложномъ вопросѣ наблюденія однихъ изслѣдователей непременно должны пройти чрезъ контроль другихъ.

Издѣлія изъ камня найдены на всѣхъ значительныхъ, а также и малыхъ, но подвергавшихся основательному изслѣдованію городищахъ Дьякова типа. На Федяшевомъ городищѣ найдено нѣсколько кремневыхъ осколковъ и скребковъ, по словамъ изслѣдователя, подъ культурнымъ слоемъ и подъ валомъ: съ ними подняты два черепка съ ямочнымъ и зубчатымъ орнаментомъ. На городищѣ Дунѣ (стр. 116) найдено немного подѣлокъ изъ камня, именно наконечникъ кремневой стрѣлки и обухъ каменнаго молотка, на Порѣчскомъ городищѣ кремневый наконечникъ стрѣлы (стр. 118). На Гремячемъ городищѣ найдены весьма многочисленные подѣлки изъ кремня, типы которыхъ изображены на стр. 121

(серебрян. полуокружные и съ рукоятками, бывающими стрѣлы, копьями, топорами типа рѣзакоты). Вещи эти собраны почти исключительно на небольшомъ отдѣльномъ бугрѣ, въ верхней части плоскаго русловика, на глубинѣ до 1 арш., но совершенно такіе же предметы найдены и на самомъ городищѣ. Среди черепковъ, найденныхъ на Грешковѣ городищѣ и въ обити наданнымъ исследователямъ, совершенно отъ принадлежавшихъ каменному вѣку. На городищѣ близъ с. Славъ. Перемышляны кремневый ножичекъ (стр. 122); на Моштинскомъ — кремневая стрѣла; отличный ножъ и каменный молотокъ (стр. 123). Лопатный сарай расположенъ на возвышеніи, нѣкогда замощенъ каменнымъ вѣдомъ. Въ принадлежащемъ городку культурномъ слое, вместе съ металлическими подѣлками, найдено нѣсколько кремневыхъ орудій, и въ частности кремневой стрѣлы (стр. 125). На Ванаторинскомъ городищѣ (стр. 125) найдены разнообразныя подѣлки изъ камня, кости, изъ черепками, характерными для мѣстнаго каменнаго вѣка. На Горюховскомъ городкѣ подѣлокъ изъ камня, относящихся исключительно къ полному времени, не отыскано (стр. 127). Нижняя часть культурнаго слоя представляетъ собою прослойку, относящуюся къ каменному вѣку и аналогичную подобнымъ прослойкамъ, встречающимся обширное мѣстное распространѣніе. На Дельковомъ городищѣ, подыбавшемъ въ общемъ развѣ городища этого типа, подѣлокъ изъ камня исследователями почти не отысканъ (кроме изображенныхъ на стр. 129 кремневому топора и каменнаго клина).

На стр. 141 № 1—7 изображены кремневые ножичекъ и стрѣла, найденныя въ каменныхъ курганахъ, вместе съ металлическими вещами времени Дьякова городища. Большая часть ихъ найдена въ каменномъ слое, нѣкоторая же даже въ насыпи, нѣ отходящихъ отъ береговъ (Шаньково, Дубровка, Каланди).

Но важнейшій матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи мѣстнаго каменнаго вѣка къ мѣстному древнѣйшему металлургическому процессу обличаютъ доставленныя твердыя городища, замощенныя весьма многочисленными подѣлками изъ камня, кости, изъ подѣлками изъ мѣди и желѣза. Особенно богаты находками кремневыхъ вещей городища: 1. Грешковъ (стр. 127). Здесь найдены: рѣзакоты или топоры; ножъ, ножичекъ, серебрян. полуокружныя стрѣлы и дротиковаго типа копья. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. 2. Моштинское (стр. 122). Здесь найдены: кремневая стрѣла; отличный ножъ и каменный молотокъ. 3. Ванаторинское (стр. 125). Здесь найдены: разнообразныя подѣлки изъ камня, кости, изъ черепками, характерными для мѣстнаго каменнаго вѣка. 4. Горюховское (стр. 127). Здесь не отыскано кремневыхъ орудій. 5. Дельковское (стр. 129). Здесь найдены: кремневому топора и каменнаго клина.

преимущественно кварцевая. Такие же черепки, вместе съ позднѣйшими сѣтчатыми, найдены на городищахъ въ Бѣлгородѣ, Горкахъ, Максимѣ, Спаскомъ, Сухаринѣ, Пекуновѣ и на Черной Горѣ у Лисицъ; вместе съ ними найдены и разнообразныя подѣлки изъ кремня, а также различныя осколки и обломки. Находки эти перечислены выше на стр. 134—139. Специальныхъ изслѣдованій на тверскихъ городищахъ еще не было произведено, но мы возлагаемъ большія надежды на эти городища уже по тѣмъ находкамъ, какія съ нихъ извѣстны. Несомнѣнно, что между черепками мѣстнаго каменнаго вѣка (Бологовская коллекція) и черепками городищъ Дьякова типа имѣется тѣсная связь, для которой промежуточныя формы встрѣчаются именно на тверскихъ городищахъ (особенно на Лисицкомъ, давшемъ черепки весьма характерныхъ и отчетливыхъ орнаментовъ). Вѣроятно, такая же связь откроется на нихъ и для подѣлокъ изъ кремня.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса имѣетъ не меньшую важность изслѣдованіе поселеній каменнаго вѣка, подобныхъ Бологовскому. Въ Бологомъ четвертый слой (вѣрнѣе его верхняя часть) представляетъ типы послѣдняго времени каменнаго вѣка, а пятый принадлежитъ періоду металловъ, и именно времени городищъ Дьякова типа. Кн. П. А. Путьгинъ полагаетъ, что между этими слоями нѣтъ генетической связи, но намъ это положеніе представляется не достаточно доказаннымъ; оно требуетъ дальнѣйшихъ точныхъ изслѣдованій. Самъ же изслѣдователь Бологовскаго поселенія признаетъ, что сѣтчатый орнаментъ, столь обычный для культуры городищъ Дьякова типа, встрѣчается уже на черепкахъ каменнаго вѣка.

Предлагаемъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о подѣлкахъ изъ камня, найденныхъ въ древнихъ могильникахъ.

Зуевскій могильникъ (на р. Камѣ), типа Ананьинскаго могильника, относящагося, по нашему мнѣнію, къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., далъ слѣдующія находки изъ камня:

Рис. 407. Скребокъ, ущемляемый между двумя пальцами, изъ хорошаго сѣраго кремня; одна сторона гладкая съ ударнымъ бугоркомъ, другая выпуклая, рѣзущая часть—основаніе, бока обиты крутой вторичной обивкой. Лежалъ между колѣнами костяка № 211.

Рис. 408. Наконечникъ стрѣлы, вѣроятно, поломанный, найденный надъ костякомъ № 9; изъ бѣлаго кремня, обработка тщательная.

Рис. 409. Скребокъ изъ плохого сѣраго кремня, толстый, типа рис. 407, на три грани, со вторичною обивкой. Найденъ при потревоженномъ костякѣ № 20, вместе съ мѣдными вещами.

FIG. 47

FIG. 48

FIG. 49

FIG. 50

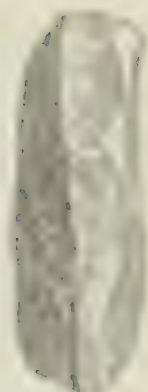

FIG. 51

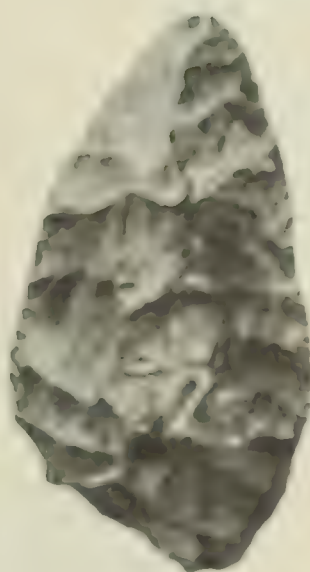

FIG. 52

FIG. 53

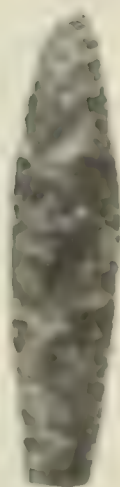

FIG. 54

FIG. 55

FIG. 56

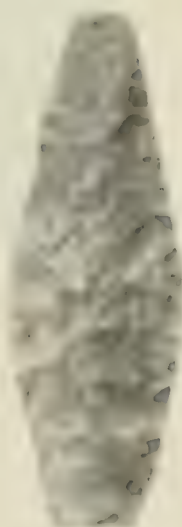

FIG. 57

FIG. 58

Рис. 410. Наконечникъ стрѣлы изъ плохого бѣловатаго кремня одна сторона выуклая другой. Найденъ въ опредѣленномъ погребеніи.

Рис. 411. Неопредѣленная подѣлка изъ отличнаго сѣро-зеленаго кремня, вродѣ ножичка: одна сторона гладкая, другая выуклая.

Котловскій могильникъ, того же типа и времени, также на Камѣ (Матеріалы по археолог. восточн. губери. т. III. стр. 55. табл. XIII). Въ немъ найдены:

Рис. 419. $\frac{1}{2}$.

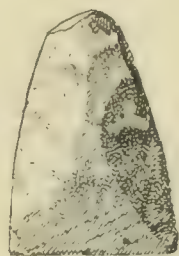

Рис. 420. $\frac{1}{2}$.

Рис. 421. $\frac{1}{2}$.

Рис. 422. $\frac{1}{2}$.

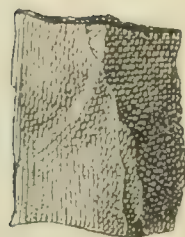

Рис. 423. $\frac{1}{1}$.

Рис. 424. $\frac{1}{2}$.

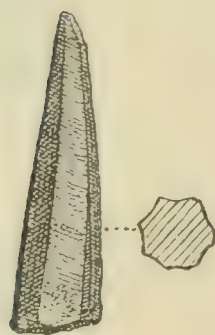

Рис. 425. $\frac{1}{1}$.

Рис. 426. $\frac{3}{1}$.

Рис. 427. $\frac{1}{1}$.

1) Въ погребеніи № 1 у правой руки подлѣ кисти три кремнѣе вые наконечника стрѣлы рис. 414, 415 и 418; у лѣвой руки того же костяка лежали 3 мѣдныя стрѣлки.

2) Въ погребеніи № 2 длинный наконечникъ стрѣлы рис. 416, найденный у кисти правой руки вмѣстѣ съ 6 мѣдными стрѣлками; по

формы наконечника очень напоминают особыми формами того же материала или кости.

3) В погребении № 3 найдены наконечники дротика рис. 412 (из головача), скребок рис. 417 у правой руки, вместе с жемчужной удочкой, и ножичек рис. 413 (из головача).

Гладенское костяное отношение датируется III—VI в., из каменных вещей такою же датирован (рис. 424) и похоронный, весьма массивный и отчасти поломанный (рис. 422).

Ныртинский могильник VI—VII в. на Каме. Здесь были найдены следующие предметы из кремня:

Рис. 423. Обломок остроконечного, толстого ножичка с заправленными лезвиями. Найден у левой правой руки костяка № 1.

Рис. 425. Небольшой тонкой работы пуклюсь из остроконечного сбитого кремня. Найден из определенного погребения.

Рис. 426. Топорь-рѣзак из бѣлаго остроконечного кремня, тыловая сторона выпуклая, лицевая почти гладкая, у лезвия крутой боковой отрѣзъ, безъ желоба, край или подержаный, или плохо обработаный. Лежалъ въ ногахъ погребенія № 26, весьма правильно, въ порочномъ направленіи къ ногамъ.

Рис. 427. Пуклюсь изъ сбитого кремня, плохой работы. Найденъ справа у ногъ дѣтскаго костяка № 10.

Томскій могильникъ VIII в. Въ немъ найдены каменный клинъ рис. 420, обломок тонкаго кремневого ножа рис. 421 и узкій наконечникъ стрѣлы рис. 419.

Намъ представляется вполне возможнымъ, что предметы изъ дротика, найденныя въ могильникахъ Алабинскаго типа принадлежатъ той же самой культурѣ, какъ и жемчужныя вещи. Что касается остальныхъ описанныхъ выше вещей изъ камня, то отношеніе ихъ къ другимъ предметамъ, найденнымъ вместе съ ними, пока не можетъ быть определено. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти вещи весьма любопытны по отношенію ихъ къ вопросу о послѣднемъ періодѣ каменнаго вѣка въ верхнемъ Поволжьи.

Мы не беремъ защищать мнѣнія, что населеніе, оставившее тверскія городища, отчасти пребывало еще въ періодѣ каменнаго вѣка, но признаемъ это возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ требуетъ весьма осторожнаго отношенія къ себѣ, и безъ основательнаго дополнительнаго не можетъ быть рѣшенъ отрицательно.

ЗАПИСКИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ V.
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ
С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографъ И. П. Соловьевъ (Политехническій музей).
1904.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Хвойка, В. Расконки 1901 г. въ области Трипольской губернии	1
Юрьенсъ, Ин. Древнѣйшая Ливонская хроника	10
Шляпкинъ, Н. Каменный крестъ 1224 года князя Святослава Юрьевича въ городѣ Юрьевѣ Подольскомъ	41
Успенскій, М. Рѣдкій антикваріатъ	53
Поѣздка Н. Н. Рѣнникова въ Старую Ладогу	57
Приваловъ, Н. Гулька, древне-русскій народный музыкальный инструментъ, въ связи съ смычковыми инструментами другихъ странъ	61

Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры.

Въ виду запутанности отношений различных сторонъ этой много-
мной Трипольской культуры, а въ 1901 г. поставить себе задачей при-
вести раскопки глиняныхъ плешаковъ въ истощающій процессъ, больше
или меньше отделяемыхъ другъ отъ друга являющихся. Въ социаль-
но-материальномъ, отъ меня обстоятельствами, а при этомъ
быть отделяться отъ первоначального больше общирно и даже
быть ограничиться только двумя пунктами — назови себя. Рядомъ и
вблизи г. Каменска.

Результаты расклина и наблюдений за тем же самым змеем, сделанные в настоящее время привели меня к такому же общему заключению.

[illegible]

Клас показується цілком різнобічним, крім того, він не єдиний і не єдиний, коли не считать випадкових психологічних змінностей, зустрічаються при різних родах розширення іншої, ніж друга, релакції.

В некоторых случаях поперечная сила характеризовалась ее предельной величиной на некотором расстоянии от поверхности жидк., тогда сама поперечная сила считалась величине, представляющей собой вполне значительный слой жидк. равномерно распределен, между двумя сферическими поверхностями, на их общей или общей плоскости, состоящей из двух, или более частей, представляющих углубления. Слой этот считался представляющим из себя жидкую пленку.

остатковъ, именно створчатыхъ рѣчныхъ раковинъ, костей дикихъ и домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ костей птицъ и рыбъ, перемѣшанныхъ съ золой, углемъ и иногда съ сажей; все это сопровождается еще большимъ количествомъ черепковъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, и среди этой массы встрѣчается обыкновенно одинъ или нѣсколько экземпляровъ кремневыхъ, костяныхъ и роговыхъ орудій. Кромѣ того, при одной изъ стѣнокъ содержащей эти предметы ямы, у самого дна, попадаются обыкновенно остатки развалившейся печи или очага изъ обожженной глины, передняя часть которыхъ выходила въ яму, а остальная была выдолблена въ стѣнкѣ. Иногда въ одной и той же ямѣ остатки

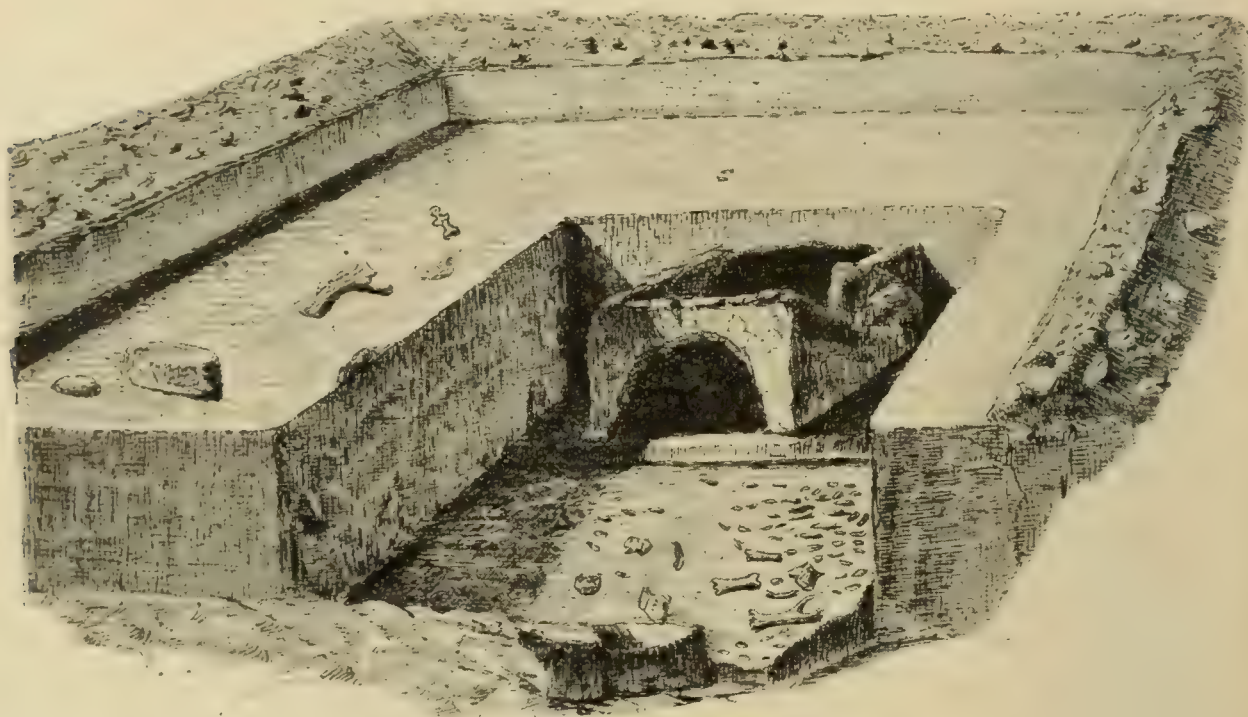

Рис. 1.

очаговъ замѣчались въ двухъ и даже въ трехъ мѣстахъ, но тогда они находились не прямо на днѣ ея, а на слоѣ раньше упомянутыхъ пищевыхъ остатковъ и другихъ предметовъ (рис. 1). Мѣста съ подобнымъ содержаніемъ, по встрѣчающимся въ нихъ предметамъ несомнѣнно относящіяся къ Трипольской культурѣ, бываютъ по большей части сосредоточены въ значительномъ количествѣ, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, по краямъ склоновъ, а иногда и на самомъ плато возвышенностей и даже цѣлаго ряда ихъ, какъ напр., кіевскія, находясь всегда въ верхней части склона.

Второй родъ условій, при которыхъ встрѣчается описываемая культура, представляютъ такъ называемыя площадки, какъ по устройству,

такъ и по находящему въ нихъ материалу не позволяя лично обходить вышеописанными мѣстами. За исключеніемъ иногда встрѣчающихся зуба, кости или рога какаго либо животнаго и 3—7 искусственныхъ рѣзныхъ раковинъ, мы видимъ въ нихъ полное отсутствіе какого либо остатковъ, угля и жемчуга, а также остатковъ рыбы или омаровъ, составляющихъ главную характеристическую черту раковинъ описанныхъ мѣстъ. Пространство, занимаемое каждой отдельной площадкой, бываетъ въ противоположность предыдущимъ, различной формы и величины. Часто оно представляетъ одинъ продолговатый вытянутый, а иногда нѣсколько примыкающихъ къ нему и расположенныхъ по разнымъ направленіямъ. Отъ различія формы зависятъ по большей части и размеры самого пространства, занимаемого каждой площадкой по площади.

Рис. 3

По составу и устройству площадки представляютъ также рѣзкія отличительныя особенности. Главнымъ образомъ они состоятъ изъ различной величины плоскостей обожженныхъ глинистыхъ стѣлъ, на которыхъ весьма часто встрѣчается отпечатки прутьевъ, корней и ископаема бревна, но чаще всего одна или обѣ стороны ихъ бываютъ слѣжены и притомъ иногда обращены не краемъ или сѣро-бѣлымъ шпатель, слои обраста равномерно только иногда нѣсколько въ другомъ матеріалѣ. Иногда, когда и края выжженной глыбы встрѣчаются на различной (отъ 10-ти см. до 1 м.) глубинѣ отъ поверхности земли и террасированными слоями доходить въ глубь ее до десятка и болѣе метровъ. Слѣды въ большинствѣ случаевъ расположены горизонтально, но иногда такое

расположеніе сохраняется только на нѣкоторомъ разстояніи, напр., 4 ряда пластовъ идутъ горизонтально, далѣе черезъ извѣстный промежутокъ два лежатъ дугообразно, въ видѣ свода или въ обратномъ направленіи углублены въ землю, а при дальнѣйшемъ протяженіи слѣдующіе слои образуютъ волнистую или косую линію, или опять возвращаются къ прежнему горизонтальному положенію (рис. 2). Въ землѣ они заканчиваются мѣстами однимъ или нѣсколькими сплошными рядами, а мѣстами разрозненными пластами или просто комками выжженной глины.

Переходя ко внутреннему содержанію площадокъ, скажемъ прежде всего, что въ нихъ встрѣчаются иногда, во-первыхъ, пирамидально сло-

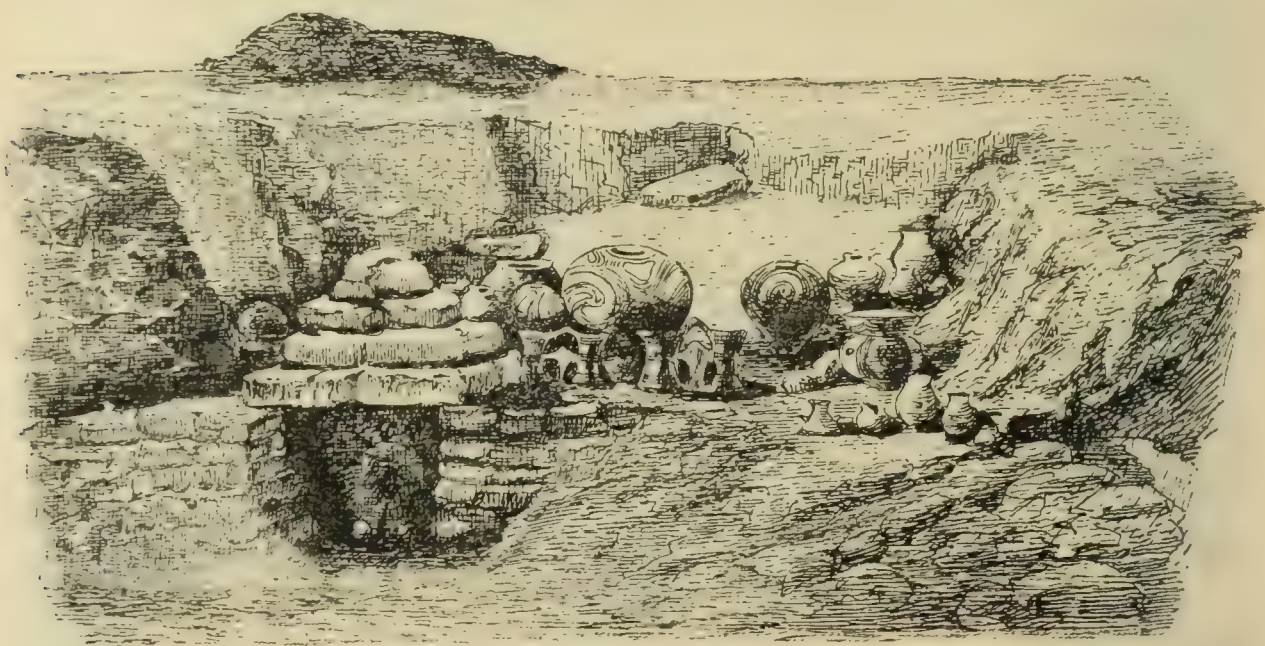

Рис. 3.

женные камни въ различномъ количествѣ (рис. 3), во-вторыхъ, вытѣпленные изъ глины и обожженные столбы въ видѣ усѣченного конуса, стѣнки котораго тщательно сглажены и выкрашены въ красный цвѣтъ (рис. 4) и, въ-третьихъ, чашеобразныя каменные плиты, обведенныя карнизомъ. Но самую важную характеристическою чертою площадокъ является присутствіе въ нихъ громаднаго количества цѣльныхъ и разбитыхъ или раздавленныхъ земляей крайне своеобразныхъ сосудовъ (рис. 5), между которыми встрѣчались наполненные пережженными человеческими костями, а также то обстоятельство, что, кромѣ череповъ и другихъ костей, лежавшихъ иногда прямо на полу площадки, въ нихъ были находимы и цѣлые скелеты, въ томъ числѣ одинъ съ полуобожженными костями. Размѣры пространства, занимаемаго площадками, бываютъ различны, обыкновенно отъ 10-ти до 15-ти м. въ длину и

5—10-ти м. въ ширину, по южной длинѣ заключенъ въ Амбу и при ширинѣ 18-ти м., и наоборотъ, встрѣчаются площадки южной юго 12—15 кв. м.

Площадки сосредоточены всегда въ бѣлье или юго-западномъ количествѣ на самой поверхности пласта отдаленныхъ возвышенностей, хв

Рис. 4

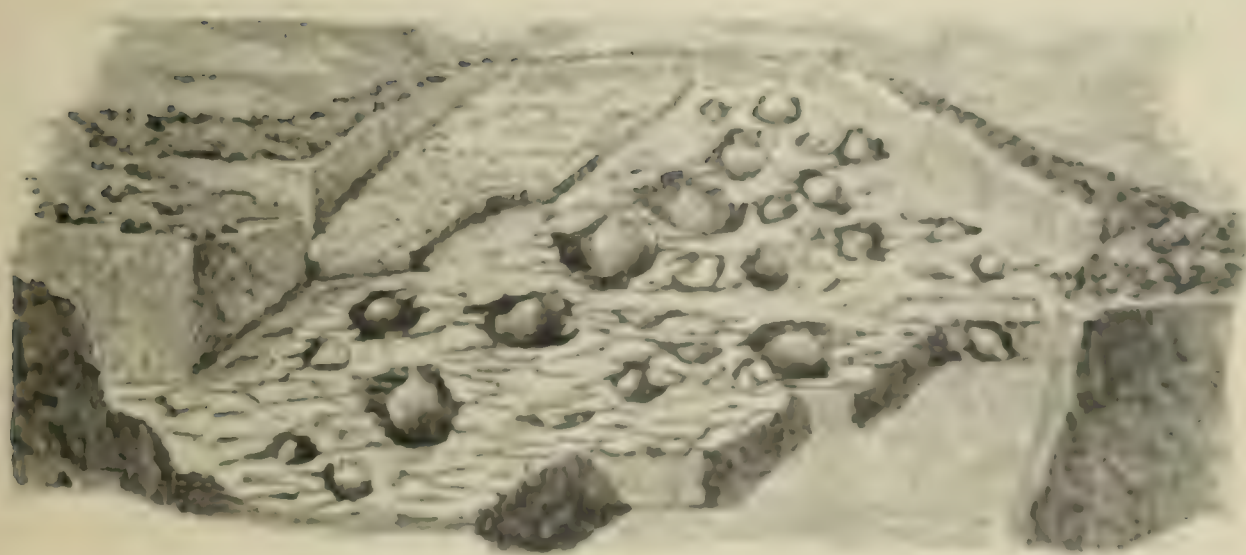

Рис. 5

ю, ю-в. и т.д. стороны. Онъ расположенъ почти во всю длину, но тѣмъ не менѣе наружная линия пласта образуетъ совершенно правильный кругъ (рис. 6).

Такимъ образомъ, границы являющагося устройствомъ, состоящаго изъ материала и условнаго, при которыхъ встрѣчается Трехлопастная структура въ двухъ описанныхъ группахъ съ наметочными, легко различимыми, точками

первой категоріи представляют собою не что иное, какъ остатки зем-
ленокъ, бывшихъ жилищъ древнихъ обитателей нашего края, площад-
ки же служатъ остатками погребальныхъ сооружений и вообще мѣстъ
ритуального характера. При каждой раскопкѣ, по устраниеніи земли и
другого матеріала, заполняющаго пространство бывшихъ землянокъ,
видно какъ нельзя яснѣе, что первое встрѣченное отъ поверхности земли
углубленіе, имѣющее обыкновенно форму продолговатаго квадрата, пред-
ставляетъ нижнюю часть когда-то бывшего помѣщенія, на полу кото-
раго, посрединѣ или въ сторонѣ, была вырыта яма, и вокругъ нея,
грѣясь у пылающаго очага или готовя себѣ на немъ горячую пищу
располагалась семья его первобытныхъ обитателей. Объ употребленіи

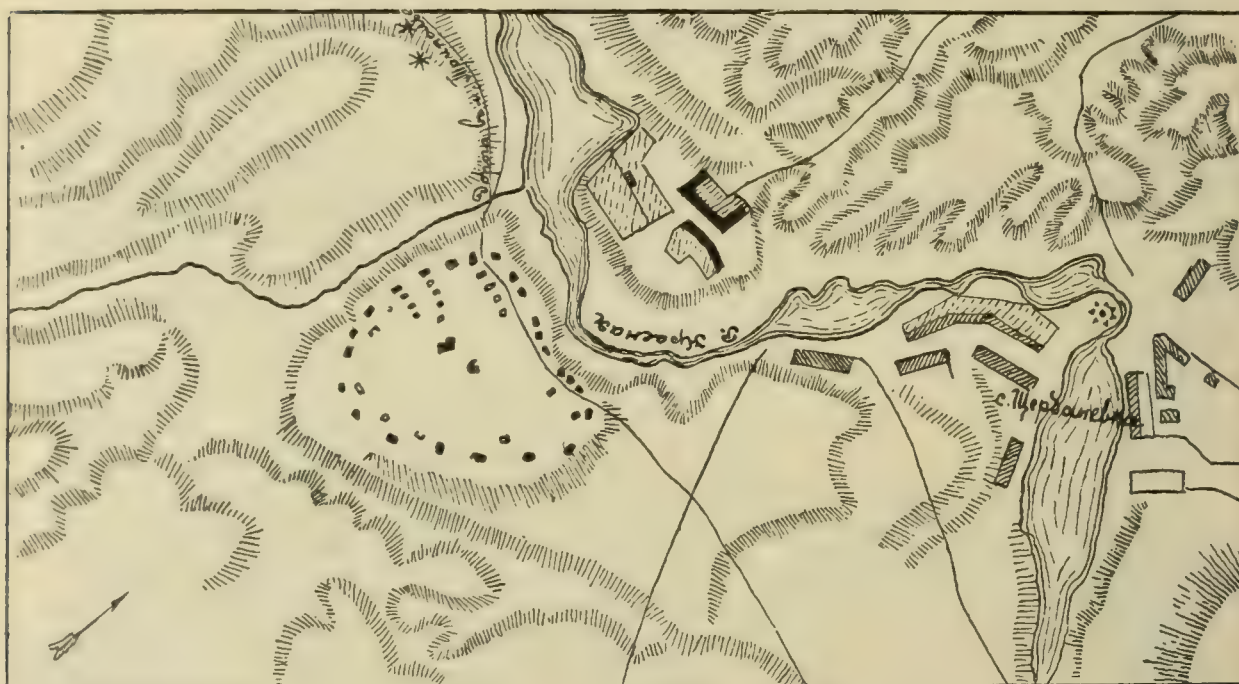

Рис. 6.

пищи на мѣстѣ свидѣтельствуешь лучше всего множество разнородныхъ
пищевыхъ остатковъ, сбрасываемыхъ во время ѣды прямо въ яму или
попадавшихъ туда случайно, по всегда находящихся въ ней въ боль-
шомъ изобиліи. Встрѣчающіяся иногда вокругъ землянокъ нижнія части
обгорѣвшихъ деревянныхъ столбовъ заставляютъ предполагать, что все
помѣщеніе было прикрыто поддерживаемой ими крышей. Кромѣ того,
слѣдуетъ еще добавить, что при раскопкахъ землянокъ я встрѣчалъ
иногда на незначительной глубинѣ по той или другой сторонѣ ихъ,
а также и по обѣ стороны, небольшія круглыя котлообразныя углуб-
ленія отъ 50-ти до 120-ти см. въ діаметрѣ, наполненные толстымъ
слоемъ створчатыхъ рѣчныхъ раковинъ, перемѣшанныхъ со множествомъ
зола и кусками обожженной глины, между которыми изрѣдка попада-

лось несколько теремовъ, разбитые кости животныхъ и, въ видѣ из-
ключенія, фрагменты глиняной статуэтки, а также костяное или роговое
орудіе, очевидно поврежденное ударъ или другимъ способомъ. По
указанію записывающаго ему матеріала оказывается, что стѣны въ домахъ
были наново штук обожжены, а на стенахъ для встрѣчанія подуряру-
шенный отъ огня. Такъ какъ земля вокругъ описываемыхъ местъ оказа-
лась ненарушенной, то наиболѣе правдоподобнымъ кажется предположе-
ніе, что въ жаркое дни жители землянокъ, во избежаніе жары въ
тѣсномъ помѣщеніи, выходили на открытый воздухъ для приготовления
пищи, чѣмъ и объясняется присутствіе обилия жилищъ подобныхъ соору-
женій пещерныхъ остатковъ и признаковъ огня.

Переходя отъ землянокъ къ пещерамъ, я долженъ сказать прежде
всего, что при изслѣдованіи ихъ, въ виду непримѣннаго, крайне разно-
образнаго и многочисленнаго матеріала, я часто затруднялся опредѣлить
ихъ первоначальное назначеніе и не былъ въ состояніи дать положи-
тельнаго отвѣта на вопросъ, что именно представляли изъ себя изыс-
куемые мною мѣста. Наблюдал за ходомъ работъ и разборкой добытаго
матеріала, я видѣлъ только, что имѣю при себѣ остатки разрушен-
ныхъ глинобитныхъ стѣнокъ и половъ, которые въ свое время подвер-
гались сильному дѣйствію огня, и что они, повидимому, принадлежали
какимъ-то сооружениямъ съ остатками той же культуры, съ которой я
встрѣчался уже раньше при раскопкахъ землянокъ близъ стѣнъ возвышен-
ностей. Только впоследствии, во мѣрѣ дальнѣйшихъ раскопокъ и систе-
матическаго изслѣдованія мѣстностей, гдѣ были открыты пещеры, во-
просы объ ихъ зачаточномъ устройствѣ и разположеніи мало-по-малу
начали выясняться сами собой, и, наконецъ, я былъ въ состояніи ориен-
тироваться въ представленныхъ раскопкахъ фактахъ.

Не могу при этомъ пройти молчаніемъ и ослѣдствій, съ ко-
торыми при изслѣдованіи пещеръ пришлось встрѣтиться на каж-
домъ шагѣ и который въ значительной степени затрудняетъ окончатель-
ное рѣшеніе интересовавшаго меня вопроса. Напр., въ с. Порожѣ, гдѣ
пещеры были открыты мною впервые, мнѣ пришлось, кромя не ма-
лаго труда, сдѣлать еще и весьма чувствительныя въ матеріальномъ отно-
шеніи затраты на вознагражденіе дѣльцовъ за исключеніе вла-
дѣльцевъ, въ усадьбахъ которыхъ я пропавшіе законы не безъ успѣш-
ныхъ розыскъ. Въ другихъ мѣстахъ заветныя пещеры были часто
окапывались подъ полами, а на время сбора хлѣба приходилось пре-
ращать начатыя работы съ тѣмъ, чтобы возобновить ихъ по окан-
чаніи. Наконецъ, не малымъ препятствіемъ послужило и самаго (примѣ-
но)

ность пространства изслѣдуемой мѣстности, требовавшая значительнаго труда и времени. Тѣмъ не менѣе, терпѣливо подвигаясь шагъ за шагомъ впередъ и изучая во всѣхъ подробностяхъ каждую площадку въ отдѣльности, я достигъ, наконецъ, возможности составить себѣ точный планъ ихъ расположенія и занимаемаго ими въ той или другой мѣстности пространства. Раскапывая группу площадокъ, часто очень близкихъ другъ къ другу, я сталъ замѣчать, что, какъ общее устройство единичныхъ площадокъ бываетъ различно по формѣ и величинѣ, такъ и составъ самыхъ предметовъ представляетъ значительное различіе между площадками той или другой возвышенности, несмотря на то, что онѣ принадлежатъ къ одной общей культурѣ. Различіе это заключается главнымъ образомъ во времени, или, что то же, въ степени развитія отдѣльныхъ моментовъ этой культуры: тогда какъ предметы, находямые въ одной группѣ площадокъ, относятся еще исключительно къ эпохѣ каменнаго вѣка, въ площадкахъ другой группы замѣчается уже присутствіе издѣлій изъ чистой мѣди, представляющихъ первые признаки появленія металла въ нашей мѣстности ¹⁾. Не касаясь многихъ другихъ относящихся сюда вопросовъ, ставшихъ также для меня впослѣдствіи совершенно ясными, укажу только на разрѣшеніе самаго важнаго изъ нихъ, именно на цѣль и назначеніе площадокъ. Отвѣтъ на это является самъ собою, если принять во вниманіе всю ихъ обстановку и содержаніе, въ особенности противопоставляя то и другое описаннымъ выше землянкамъ. Такъ какъ площадки не имѣютъ никакихъ признаковъ человѣческихъ жилищъ, то считать ихъ таковыми не представляется основаній; съ другой стороны, принимая во вниманіе повторяющееся столько разъ присутствіе цѣльныхъ или разрушившихся погребеній съ сожженіемъ, глиняныхъ столбовъ въ видѣ пьедесталовъ, своеобразной керамики, а также всю обстановку паходимаго, является неизбѣжнымъ заключеніе, что площадки представляютъ остатки древнихъ обрядовыхъ сооружений, преимущественно погребальнаго характера. Въ виду того, что землянки и площадки тысячами раскинуты на такомъ значительномъ пространствѣ (полоса распространенія ихъ начинается отъ самаго Днѣпра, доходитъ до р. Днѣстра и Карпатъ, а можетъ быть и далѣе, до р. Вислы) и что встрѣчаемая въ нихъ культура представляетъ многоразличныя стадіи развитія, отъ самой примитивной до той, которую мы видимъ вначалѣ вѣка металловъ, я могу повторить только высказанное мною уже раньше мнѣніе, именно, что оставившій ихъ народъ былъ мирнымъ, осѣдлымъ

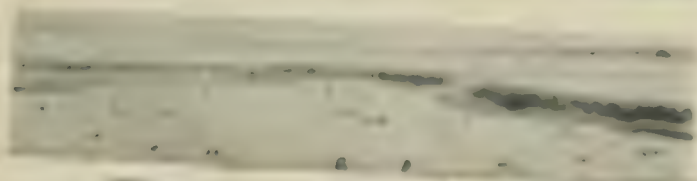
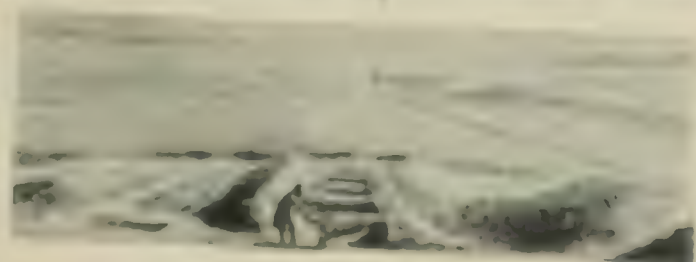
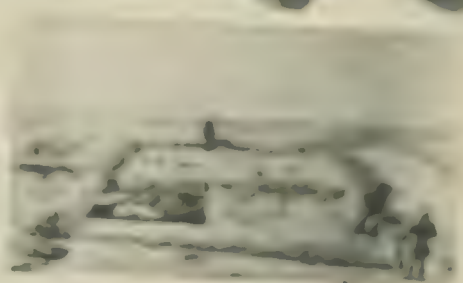
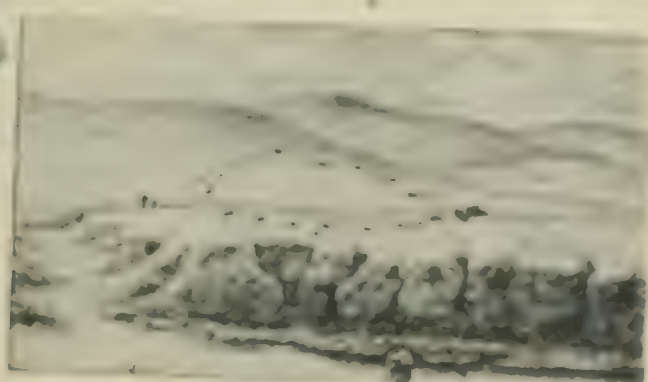
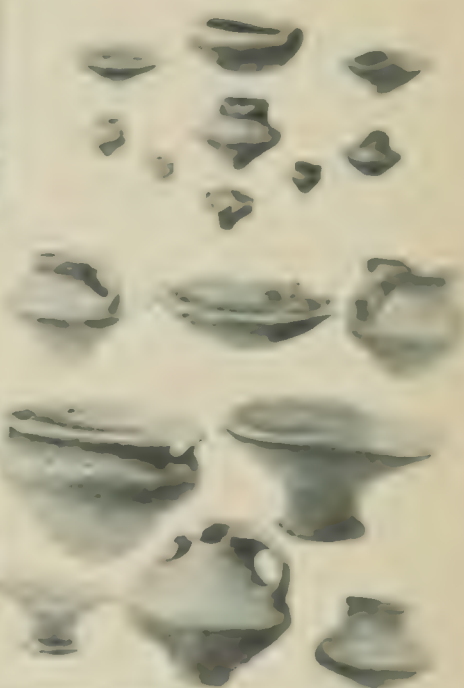
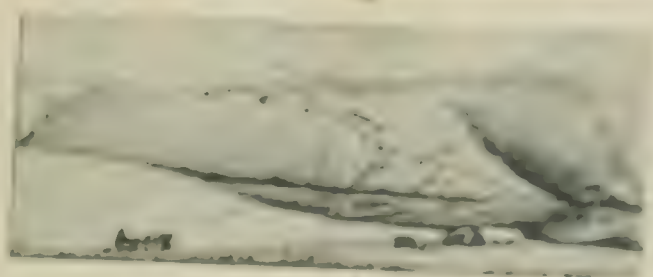
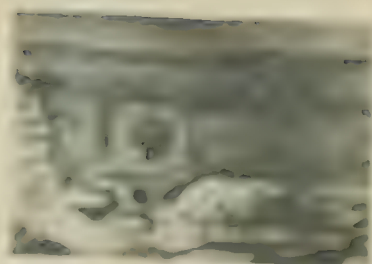
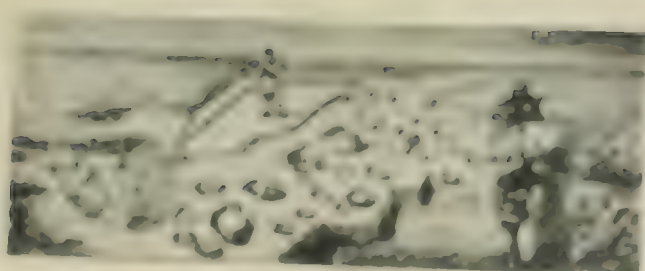
¹⁾ Культура А и В (табл. V и VI).

пашъ, рѣкъ и ручьевъ, гдѣ находки соответствующихъ предметовъ (куски обожженной глины, ракушекъ и черепковъ) заставляютъ предполагать успѣхъ поисковъ. Часто также возможность обнаруженія такихъ мѣстъ представляютъ оползни горъ или проѣзжія дороги, рвы и другія искусственныя обнаженія земли, гдѣ можно замѣтить торчація изъ стѣнокъ черепки и ракушки. Отыскавъ по такимъ признакамъ подходящую мѣстность, я прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшилъ войти въ соглашеніе съ владѣльцами земли и затѣмъ уже безпрепятственно приступать къ раскопкамъ.

Въ началѣ, будучи еще мало знакомъ съ общою характеристикою и расположеніемъ землянокъ, а въ особенности площадокъ, я былъ чрезвычайно доволенъ, если послѣ долгихъ поисковъ и путешествій по кievскимъ и другимъ возвышенностямъ, мнѣ удавалось замѣтить на склонѣ какой-либо изъ нихъ обнаженный культурный слой съ содержаніемъ большого количества ракушекъ и черепковъ или значительное количество кусковъ обожженной глины, и немедленно приступалъ къ раскопкѣ. Мнѣ не приходило въ голову, что мой трудъ будетъ напрасенъ, такъ какъ эти мѣста по большей части были уже разрушены и не могли дать мнѣ матеріала и условій для возстановленія картины ихъ первоначальнаго состоянія. Впослѣдствіи же, приобрѣтя уже достаточный опытъ, я смотрѣлъ на нихъ, какъ на разрушенныя грабителями могилы, и при встрѣчѣ съ ними довольствовался провѣркой и регистраціею ихъ содержимаго; подробному же изслѣдованію подвергались только мѣста, лежавшія подъ слоемъ нетронутой земли, присутствіе которыхъ опредѣлялось по тѣмъ же признакамъ.

Такъ какъ мѣста эти, въ особенности площадки, отстоя иногда довольно далеко другъ отъ друга, въ общемъ занимаютъ довольно обширныя пространства, иногда до 1 версты и болѣе въ діаметрѣ, и границы ихъ, благодаря засыхающей лѣтомъ землѣ, бываетъ довольно трудно опредѣлить, то во избѣжаніе лишней потери времени и другихъ неудобствъ, я употреблялъ для изслѣдованія тонкій круглый щупъ, выточенный изъ литой стали, длиною въ 1—1½ м. Отыскавъ при помощи этого орудія нѣсколько расположенныхъ недалеко другъ отъ друга мѣстъ, я принимался за раскопку. Главною моею заботою было разставить рабочихъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ въ теченіе работы постоянно слѣдить за тѣмъ, что находится передъ его глазами въ отведенной ему линіи и постепенно подвигаться впередъ, не рискуя разбить или разрушить могущіе встрѣтиться предметы: я же самъ становился такъ, чтобы имѣть возможность наблюдать за ними всѣми одно-

временно и, замѣчая пониженіе того или другого предмета, могъ бы во время остановитъ кого нужно и вообще руководить всѣмъ ходомъ работы. Для этого я, узнавъ при помощи шула приблизительную границу того или другого скрытаго поля землей яста и обозначивъ ее на поверхности, проводилъ на нѣкоторомъ разстояніи параллельную одной изъ ея сторонъ линію, на протяженіи которой копались канавы съ три и болѣе метра въ ширину и глубиной нѣсколько болѣе залегавшаго залегавшаго слоя. Всѣгда затѣмъ по всю длину протяженія канавы снималась осторожно на нѣкоторое разстояніе верхній слой земли до глубины, гдѣ обнаруживались первые слѣды залегающаго слоя материала. Тогда всѣ рабочіе спускались на дно канавы и начинали разбирать нисходящую прѣзь ними стѣнку земли, имѣя возможность каждый видѣть ее сверху и сбоку и такимъ образомъ не могли пропустить безъ вниманія ни одного встрѣчающагося предмета, а я, избравъ удобное для наблюденія мѣсто, слѣдилъ за ними и руководить работой, отмѣчая и зарисовывая все необходимое. Если же вѣтая для начала работы сторона площадки имѣла въ длину болѣе 10—15 м., то отъ главной канавы проводились перпендикулярно къ ней еще 2—3 параллельныхъ, между которыми оставался промежутокъ около 1 м. въ ширину. Одна партия рабочихъ, по 2—3 человѣка въ каждой канавѣ, приступала тогда къ разборкѣ материала, а другая отребала землю и выбрасывала ее наружу. Этотъ способъ имѣлъ еще то преимущество, что, имѣя возможность переть глазами разрывъ пройденнаго пространства, было возможно сообразить, по какому направленію должна идти работа, и вообще, что слѣдуетъ дѣлать далѣе. Наконецъ, пройдя все пространство площадки въ длину, можно было уже судить о ея размѣрахъ и хотя отчасти о томъ, какою видъ она имѣла до разрушенія.

Раскопавъ по такой системѣ всѣ наличныя площади дѣльнаго пространства, провѣривъ и принявъ все оставшееся по слѣдамъ уже временно рисункамъ, отобрать нужные предметы и составить общій планъ всѣхъ обнаруженныхъ мѣстъ, я приступалъ къ окончательной привеленію въ надлежащій порядокъ всѣхъ размѣненныхъ мѣстъ, послѣ чего работу можно было считать оконченной.

Инструменты, употребленные мною при раскопкахъ, были также весьма простыми и ограничивались самыми необходимыми. Я имѣлъ два шула, лопаты для рабочихъ, маленькая лопатка съ короткой рукою, типа саперной, два-три ножа въ видѣ топика и стачило же самое, компасъ, рулетка, котрала для рисунковъ и наконецъ фотографическій аппаратъ, который, впрочемъ, привозилъ исключительно

сравнительно рѣдко, въ виду многихъ неудобствъ, соединенныхъ съ его употребленіемъ. Упомяну еще объ одной подробности. Въ началѣ раскопокъ я долго не зналъ, какъ предохранить черепки расписныхъ сосудовъ отъ того, чтобы они не покрывались при соприкосновеніи съ воздухомъ твердою сѣроватою оболочкою, совершенно уничтожавшею пахотыяся на нихъ краски. Убѣдившись въостѣдствѣн, что явленіе это происходитъ отъ пропитыванія ихъ цементомъ, содержащимся въ большомъ изобиліи въ дессѣ нашей мѣстности, я нашелъ возможнымъ устранить это смываніемъ: немедленно по извлеченіи изъ земли черепки опускались въ ведро съ водою, въ которой лежали нѣсколько времени, послѣ чего промывались и просушивались въ тѣни.

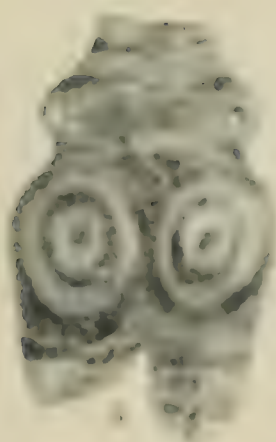
Перехожу къ описанію отдѣльныхъ раскопокъ въ каждой мѣстности, гдѣ мнѣ приходилось производить ихъ въ настоящемъ году.

Раскопки вблизи м. Ржищева, Кіевскаго уѣзда. Мѣстность, на которой производились раскопки, находится въ 7-ми верстахъ отъ м. Ржищева и примыкаетъ къ сс. Щучинка и Балыки. Въ общемъ, она очень холмиста и изобилуетъ по всѣмъ направленіямъ множествомъ овраговъ и долинъ, по которымъ текутъ небольшія рѣчки, впадающія въ близъ лежащій Днѣпръ. Представляя возвышенность у Ржищева, она мало-по-малу понижается и, наконецъ, образуя уступъ, спускается покатой долиной къ указаннымъ селамъ (рис. 7). Раскопки произведены на самомъ низкомъ мѣстѣ ея, лежащемъ за этимъ уступомъ.

Небольшое количество землянокъ находилось на самомъ плато, но онѣ преобладали въ верхней части склона, окружающаго возвышенность и спускающагося въ оврагъ съ протекающимъ по немъ ручьемъ; онѣ были расположены на закругленіи плато съ с., в. и ю. его стороны. Изъ раскопанныхъ 25-ти мѣстъ наиболѣе интересными, какъ уцѣлѣвшія, оказались землянки, обозначенныя на планѣ подъ №№ 3, 7, 8, 10 и 12.

Землянка № 1. Она находилась на самомъ плато и обозначалась присутствіемъ большого количества обожженной глины. Раскопано пространство около 200 кв. м. Здѣсь открыты 4 мѣста въ видѣ неправильнаго продолговатаго четырехугольника пространствомъ отъ 4 до 5 м. въ длину. Начиная почти отъ самой поверхности земли на разной глубинѣ (отъ 1 до 1³/₄ м.) между черноземомъ встрѣчались въ различномъ количествѣ и на разныхъ разстояніяхъ комки обожженной глины, черепки сосудовъ разнаго состава глины съ росписью по желтому фону чернымъ или коричневымъ, а также съ выпуклымъ или тисненымъ орнаментомъ. Далѣе попадались кости и зубы лошади, быка, свиньи, овцы

и др. домашних животных, гнѣздообразныя прослоины золы, перемежающейся съ ракушками, костями и рыбьей чешуей. Почти из той же смеси встречались чѣсти оловянных ружей, обрубленные съ одного конца. Найдено также 5 временныхъ остолбковъ из глины, стрѣлокъ, 1 костяная стрѣла и два круглыхъ примитива камня. Мѣсто это было уже раньше нѣсколько разъ прокопано казаческими, изъ-за чѣго невозможно было опредѣлить его первоначальную цѣль и общее устройство; побудительное призывное влеченіе къ нему имѣло присутствие очаговъ и печей, остатки которыхъ принимались за столбы и кирпичи отъ древнихъ построекъ.

Рис. 7

Землянка № 2. Представляла остатки двухъ столбчатыхъ жилищъ. Первая, около 16 кв. м., была частью разрушена проходящей черезъ нее дорогой и снесена дномъ, такъ какъ находилась на возвышенности. Здѣсь, мѣстами, отъ самой поверхности, являлся слой, состоящий изъ золы, перемежающейся съ черепками, мѣломъ, которыми перемешивалась по одной части домашнихъ животныхъ и луты рыбьей чешуи. Вторая землянка представляла довольно примитивное жилище, состоявшее изъ углубленія 1 1/2 м. въ діаметрѣ, заключенное также внутрь отъ самой поверхности ракушками, золой, черепками и костями домашнихъ животныхъ и рыбы. На самомъ днѣ, вѣроятно, на глубинѣ 1 м. до 1 м. съ с.-в. стороны, обнаружена продолговатая кланча (постройка) изъ

жженой глины, 70 см. въ діаметрѣ, поверхность которой была сглажена и совершенно растрескалась, такъ что при разборкѣ разсыпалась на части. Въ южной сторонѣ верхней части ямы найдена почти цѣлая глиняная статуэтка и фрагментъ другой; недалеко отъ нихъ лежали два пращныхъ камня, а на нѣкоторомъ разстояніи — часть топорика изъ оленьяго рога и большой осколокъ кремневаго пожа. Все вообще это мѣсто отличалось крайне плохую сохранностью.

Землянка № 3 (рис. 8). Открытая на той же поверхности, землянка имѣла форму буквы Т и состояла изъ двухъ перпендикулярныхъ другъ

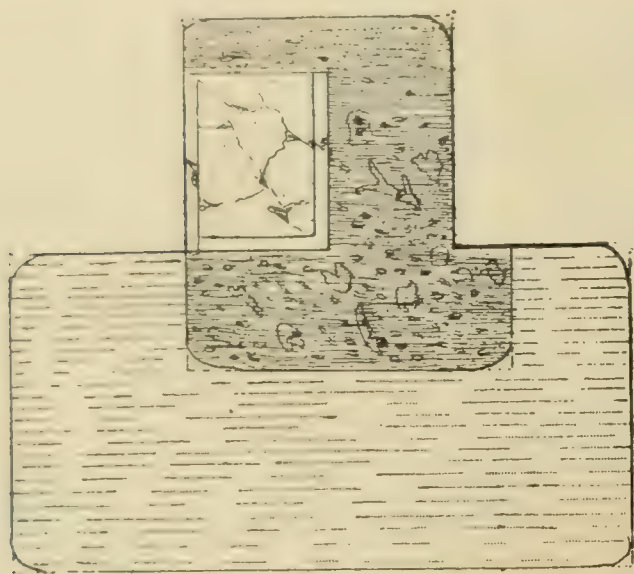

Рис. 8.

къ другу четырехугольниковъ, изъ которыхъ первый былъ больше второго по объему и менѣе глубока; онъ шелъ съ В. на З., а второй — съ С., врѣзывался въ него уголкомъ. Въ одной сторонѣ послѣдней, болѣе глубокой ямы, оказались остатки печи, отъ которой сохранились низъ и боковыя стѣнки, наполовину разрушенныя; она была устроена на материкѣ, на глубинѣ 60-ти см. отъ поверхности земли. Внутри ея на-

ходило много сухой золы, нѣсколько черепковъ и рѣчныхъ ракушекъ, засыпанныхъ комками сухой глины отъ стѣнокъ и сажей, смѣшанной съ землей; послѣ нихъ шелъ уже до верху слой чернозема, гдѣ иногда попадались также по одному черепки и ракушки. Дно ямы было покрыто плотно утоптанномъ слоемъ ракушекъ, мѣстами съ прослойками золы и кусочками жженой глины, съ довольно большимъ количествомъ черепковъ, цѣльныхъ и разбитыхъ костей домашнихъ животныхъ, птицъ и рыбъ и чешуей послѣднихъ. Изъ этой смѣси извлечены слѣдующіе предметы: два костяныя острія (табл. II, рис. 6 и 8), костяное орудіе въ видѣ широкаго долота (тамъ же, рис. 12), часть топорика изъ оленьяго рога (тамъ же, рис. 2), часть такого же рога съ нѣсколькими зарубками, два кремневыхъ скребка (тамъ же, рис. 21 и 22), два фрагмента глиняныхъ статуэтокъ, каменный шарикъ, обтесанный шестиугольникомъ, и каменная плита со сглаженной поверхностью (вѣроятно, зернотерка). Болѣе обширная и менѣе глубокая яма, расположенная съ В. на З.,

была наполнена черноземом, содержащим значительное количество безформенных или сплюснутых с двух сторон кусочков выжженной глины с отпечатками прутьев и костей; из нижней части углубления они переходили почти в сплошной слой. Под ними на дне углубления попадались часто ушки разной формы, домышки и черепки сосудов с незначительными прослойками речных ракушек и осколков пильных и разбитых костей. Здесь было найдено наибольшее количество разнообразных орнаментированных черепков, расписанных по коричневатому или красноватому фону черными и темно-коричневыми узорами (табл. III, рис. 1, 4, 6, 7, 9, и 11). У западной стѣны этого помещения найдены целый тоноринг из рога лося (табл. IV, рис. 16), три фрагмента глиняных статуэток, костяное острѣе и два полуобработанные камня.

Землянка № 2 (рис. 2). Состояла из двух главных частей. В Ю. стороне находилась яма, посреди которой было оставлено продолговатое возвышеніе 60 см. въ высоту, 50 см. въ ширину и 1 м. 50 см. въ длину, въ родѣ длинной лампы. Въ обѣ стороны ямы, съ В. на З., шли две небольшія канавки длиной въ 60 и шириною въ 40 см., оканчивавшіяся каждая овальнымъ отакомъ. Въ противоположной входу стороне ямы, на 80 см. отъ поверхности, во всю ея ширину, находилась печь, отверстие которой вставлялось во внутрь стѣны въ видѣ уступа въ 60 см. ширины. Яму и очагъ покрывала слой чернозема, подъ которымъ на разной глубинѣ начали показываться ракушки, черепки и иногда кости подобное содержаніе увеличивалось пропорционально глубинѣ ямы, образуя, наконецъ, на днѣ ея плотный сплошной слой до 15-ти см. толщины. Ось состоялъ изъ ракушекъ, черепковъ, костей животных и рыбьей чешуи, перемѣшанныхъ съ золой, иногда въ извѣстномъ количествѣ сразу. Здесь была найдены двѣ глиняныя женскія статуэтки, одна почти цѣлая, другая слобная до костей, изъ очень хорошей, тонкой свѣтло-оранжевой глины, расписанная вертикальными, косыми и поперечными полосами, а на вымученныхъ — горизонтальными грудами съ точками посрединѣ. На большей статуэтки орнаментъ верхней части образуется слѣдкомъ, а на другой — круговая горизонтальная полоса, перебитая вертикальной. Кроме того, верши

Рис. 2

представляет из себя ногъ конусообразное окончаніе, а у второй ноги раздѣлена и каждая выѣлена отдѣльно. Въ мѣстахъ, гдѣ было желательно изобразить боковыя части таза, въ обѣихъ статуэткахъ продѣланы по два отверстія для подвѣшиванія. Длина первой 13, второй 5 см. (табл. I). Кромѣ нихъ, были найдены слѣдующіе предметы: цѣльный, довольно большой олений рогъ съ развѣтвленіями, покрытый зарубками, каменная плита-зернотерка, полуобработанный камень-пестъ, круглый пращный камень и два костяныя острія (табл. II, рис. 5 и 11). Въ печи, боковыя стѣнки которой развалились, и на очагахъ оказалось значительное количество золы и ракушекъ, въ особенности на послѣднихъ. Во второмъ углубленіи сверху лежалъ такой же слой чернозема, а на днѣ найдены два топорика, одинъ изъ оленьяго, другой (половинка) изъ лосьяго рога (табл. IV, рис. 14 и 18), половинка статуэтки, два кремневые осколка, нѣсколько ракушекъ, костей и черепковъ и три круглыхъ пращныхъ камня.

Землянка А 8 (рис. 10). Имѣла форму продолговатаго четырехугольника съ выступомъ на сѣверной сторонѣ; у В. стѣнки его нахо-

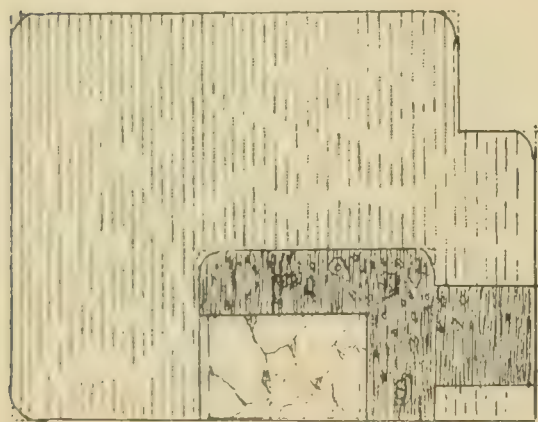

Рис. 10.

дилась яма такой же формы и съ такимъ же выступомъ, представлявшимъ входъ въ помещеніе и имѣвшимъ три полуразрушенныя ступеньки. Подъ слоемъ чернозема въ 40 см. толщины находилась разрыхленная земля, смѣшанная съ комками обожженной глины, которые шли до глубины 1 м. 20 см. Далѣе при западной стѣнкѣ начали показываться рѣчныя ракушки, перешедшія на 20 см. ниже, т.-е. на днѣ ямы, въ

сплошной слой съ примѣсью черепковъ, костей, рыбьей чешуи и небольшого количества выжженной глины со множествомъ золы. Между черепками было много расписныхъ по желто-оранжевому фону свѣтло-коричневыми и красноватыми узорами, а на двухъ, кромѣ того, находились встрѣтившіяся еще въ первый разъ изображенія человѣческихъ фигуръ съ тонкими опущенными руками, оканчивающимися тремя пальцами, очень тонкой таліей при широкихъ поднятыхъ плечахъ и сильно выдающимися бедрами (табл. III, рис. 2 и 5). Кромѣ нихъ, здѣсь же при восточной стѣнкѣ найдено плоское орудіе изъ трубчатой кости со сглаженными краями (табл. II, рис. 14) и два роговые топорика, одинъ

ние которых просверлено (табл. IV, рис. 20). В Ю-В. углу ямы, на глубинѣ 1 м. 10 см., находится печь, устроенная из кирпича. Отверстие ея выходило на С., а съ Ю. и съ З. видны были обожженные стѣнки. На полу, почти совершенно выглаженномъ, лежали кости, ракушки, комки обожженной глины и остатки черепковъ. Въ верхнемъ углубленіи подъ слоемъ чернозема оказалась та же смесь съ кусками обожженной глины, на которыхъ иногда попадались остатки улитокъ. Въ С.-З. углу на днѣ ямы найдены просверленные рожки или оловятого рога, съ отбитымъ концомъ, 21 см. въ длину и 3 см. въ ширину у обуха (табл. IV, рис. 21), и роговое орудіе въ видѣ посола (табл. IV, рис. 4). Въ Ю.-З. углу найдена каменная плита (серпентинъ) и попадались отъ нея два пестла. Въ остальной части помещения кое-гдѣ попадались ракушки, черепки и нѣсколько костей животныхъ. Съ З. стороны этой ямы на разстояніи 2 м. открыто было другое углубленіе 1 м. въ діаметрѣ и 70 см. въ глубину, надъ которымъ лежалъ сверху изъ 20 см. слой чернозема, а ниже до самаго дна шла смесь ракушечки съ золой и множество раздробленныхъ кусковъ обожженной глины. Кое-гдѣ попадались также черепки и куски костей животныхъ.

Землянка № 10 (рис. 11). Нѣкогда была правильная четырехугольная съ находящимся въ срединѣ ея углубленіемъ въ формѣ полуоклада, отъ котораго шло въходы съ уходомъ въ яму. На днѣ ея въ Ю. сторонѣ находился полуразрушенный круглый очагъ, окруженный плотно слепленнымъ слоемъ золы, ракушечки и черепковъ, а также костей животныхъ и кусковъ обожженной глины. На 25 см. выше его оказались остатки второго, а нѣтъ ли въ противоположной сторонѣ и третьяго очага, отдѣленныхъ отъ первого и другъ отъ друга слоемъ такой же смеси. Кроме обыкновенныхъ черепковъ съ тисненымъ орнаментомъ, здѣсь было найдено множество разбитыхъ, а также двѣ женскія статуэтки изъ красновато-коричневой глины, одна почти вѣшная, а другая отбитая немого рожка и безъ головы. Третья первая упрямая по груди и по спинѣ имѣла параллельные бороздками въ видѣ зубчатыхъ, а ниже шеей — тѣмъ же бороздками, плунами сдѣла круглобразно; голова безъ рта, съ бѣлыми косомъ плечи и бедра просверлены съ 6 дырками симметричными отверстіями. Вторая статуэтка безъ украшеній и отличается только смѣшанной окраской у шеей (табл. VI). Тамъ же найдено каменное орудіе изъ рога дала въ видѣ длиннаго треугольника, 75 см. длины и 3 см. ширины.

Рис. 11.

раны (табл. IV, рис. 11), другое неоконченное роговое орудіе 17 см. длины и 9 см. ширины (тамъ же, рис. 12) и кремневый скребокъ. Въ верхнемъ помѣщеніи не оказалось ничего, кромѣ обыкновеннаго содержанія кусковъ глины и изрѣдка костей и черепковъ, перемѣшанныхъ съ черноземомъ.

Землянка № 12 (рис. 12). Имѣла форму продолговатаго четырехъугольника съ идущимъ посреди его ходомъ; ходъ, расширяясь, переходилъ въ яму, дно которой было покрыто толстымъ слоемъ смѣси золы, ракушекъ и черепковъ, а также костей и кусковъ обожженной глины. Многіе черенки отличались большимъ изяществомъ, въ особенности одинъ, представлявшій горлышко свѣтло-оранжеваго сосуда, расписанный темно-коричневыми узорами въ видѣ круга у самого горлышка, и 5 при-
мыкавшихъ къ нему полукруговъ, сдѣланныхъ двумя толстыми и пятью

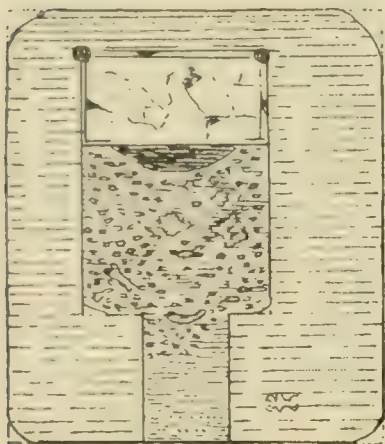

Рис. 12.

болѣе тонкими линиями внутри ихъ. Въ полукругахъ изображены знаки въ видѣ угря или змѣи, съ утолщеніемъ на одномъ концѣ (головка), а далѣе орнаментъ напоминаетъ какъ бы очертанія рыбы (табл. III, рис. 8 и 12). Изъ предметовъ найдены: поврежденный топорикъ съ просверленнымъ отверстіемъ, изъ оленьяго рога, другой, немного меньше, безъ просверлины, довольно большой овальный камень въ родѣ зернотерки и другой меньшій, величиною въ апельсинъ (пестъ). У Ю. стѣнки

ямы во всю ширину ея шла печь, предъ которой въ днѣ ямы было сдѣлано полукруглое углубленіе; стѣнки ея обрушились во внутрь. Въ Ю.-З. и Ю.-В. концахъ этой печи стояло по одному обгорѣвшему столбу, а въ самой печи было немного золы, ракушекъ и два-три черепка. При Ю.-З. стѣнкѣ найденъ топорикъ изъ оленьяго рога 13 см. длины и 6 ширины, орудіе въ видѣ долота изъ отростка такого же рога со слѣдами дѣйствія огня на толстомъ концѣ (табл. IV, рис. 8), оббитое на двѣ плоскости треугольное въ профилѣ кремневое орудіе, костяное шило и три фрагмента глиняныхъ статуэтокъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ торсъ съ головой, похожей на совиную, и 4 отверстіями на мѣстахъ глазъ и плечей; на груди сдѣланы двѣ дугообразныя параллельныя бороздки, расходящіяся на спинѣ двумя дугами въ обѣ стороны (табл. I). Другая, безъ головы, приближается къ плоской крестовидной формѣ, а третья представляетъ незначительный отломокъ верхней части туловища. Въ верхнемъ помѣщеніи не найдено ничего, кромѣ обыкновеннаго незначительнаго содержанія кусковъ глины и черепковъ.

Место, находящееся на линии между № 9 и 10, под № 7, а (рис. 7), открыто было всего на глубинѣ 10 см. отъ поверхности земли, оно представляло собой овалъ, 4 м. со стороны восточной, 60 см. ширины, идущимъ во внутрь. До глубины 50 см. все пространство сдѣлано было землей со сѣвѣмъ восточномъ обложившимъ глины, ниже этого слоя до самого дна 4 м. кроме бѣлой известной хорошей сохранности, устроенной изъ самого материка, все пространство было наполнено плотно сложеннымъ слоями створчатыхъ ракушекъ, кости и перья черепковъ и переломанныхъ костей животныхъ (рис. 13). Изъ предметовъ найдены единѣ фрагментъ статуэтки и два куска обработаннаго камня въ видѣ пращи.

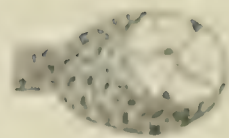

Рис. 13

Изъ другихъ более значительныхъ остатковъ землянокъ можно указать еще на место № 9, въ северной части углубленія котораго на полу найдены костяной рыболовный крючокъ (табл. II, рис. 1) — вахтекъ, повторившаяся еще въ мѣстѣ подъ № 14 (таже же, рис. 3); во мѣстѣ моихъ раскопкахъ это была первый случай подобной находки. Дальше же найдены хорошей сохранности preserved чинчикъ изъ оленьяго рога и половина глиняной статуэтки. Въ днѣ бывшей землянки, кроме разбитой печи и вѣдланнаго содержимыя ракушекъ и кости, найдены были разломанный чинчикъ, небольшое оружіе изъ рога дѣся и обломокъ кремня.

Что касается другихъ мѣстъ, то, какъ мы уже замѣтили, большая часть ихъ была разрушена или вѣдланой, или вліяніемъ бѣдѣющей воды во время талія снѣга, но мало самостоятельности также разрушено росши здесь когда-то громадная дѣрево, корни которыхъ углубились въ почву, рвали и перемѣщали культурный слой, а образовавшіеся послѣ стиванія и коренья ихъ пустоты заставляли землю обваливаться и такимъ образомъ совершенно уничтожали оторванія землянокъ. О наличности ихъ можно было только судить по присутствію разбитыхъ черепковъ или частей статуэтокъ.

Размѣры описанныхъ землянокъ. № 1 длина отъ 4 до 5 м., ширина отъ 3 до 3½ м.; № 2 диаметръ 1½ м., глубина 1 м. 10 см.; № 3 длина первого четырехугольника 6 м. 50 см., ширина 2 м. 40 см., глубина 60 см.; длина второго 2 м. 20 см., ширина 2 м. 70 см., глубина 1 м. 40 см.; (показана длина наружной стороны, внутренняя же была 1 м. 20 см.); № 7 длина дна 2 м. 10 см., ширина 1 м. 40 см., глубина 1 м. 20 см.; длина возвышенія 1 м. 1½ см., ширина 50 см., высота 60 см.; длина первого очага 50 см., ширина 45 см., второго

90 см., ширина та же; длина большей ямы 3 м. 80 см., ширина 3 м. 50 см., глубина 55 см.; № 8: длина 5 м. 30 см., ширина 4 м., глубина 45 см., длина ямы 2 м. 20 см., ширина 1 м. 75 см., глубина 1 м. 70 см., длина выступа 1 м. 20 см., ширина 95 см.; № 10: длина 3 м. 20 см., ширина 2 м. 70 см., глубина въ сѣв. части 35, въ ю. 65 см., длина полуовальной ямы 1 м. 90 см., глубина 1 м. 30 см., длина входа 80 см., ширина 60 см.; № 12: длина 4 м. 30 см., ширина 3 м. 75 см., длина хода 1 м. 30 см., ширина 85 см., длина ямы 2 м. 70 см., ширина 1 м. 60 см., глубина 1 м. 80 см.; лит. а: длина ямы 1 м. 60 см., глубина 1 м. 15 см., ширина уступа около 50 см., диаметр очага около 80 см.

Раскопки при с. Кононча, Черкасского у., Киевской губ. Мѣстность раскопки находится въ 6-ти верст. отъ г. Капева, по близости впаденія р. Рассавы въ Рось, на возвышенности, образующей съ Ю. стороны лѣвый берегъ р. Роси, гдѣ расположено с. Кононча. Съ С. она отдѣлена отъ холмистой Приднѣпровской мѣстности глубокимъ оврагомъ, который, какъ и сама возвышенность, тянется съ небольшимъ уклономъ отъ З. къ В.: здѣсь ихъ пересѣкаетъ второй оврагъ, и возвышенность, принявъ сразу болѣе покатый уклонъ, сливается съ окружающимъ ее оврагомъ, оканчивающимся тутъ же берегомъ рѣки. Свободнаго времени у меня оставалось немного, а кромѣ того большая часть этой возвышенности занята была съ В. стороны большимъ городищемъ, а съ другой, Ю.-З., расположено было около десятка кургановъ, большинство которыхъ было уже раскопано раньше другими археологами. Поэтому, желая познакомиться хотя отчасти какъ съ самимъ городищемъ, такъ и съ нѣкоторыми изъ оставшихся кургановъ, я долженъ былъ ограничиться лишь незначительной раскопкой мѣстъ, относящихся къ описанной уже культурѣ.

Первую раскопку на этой возвышенности я началъ въ З. концѣ городища, гдѣ было замѣчено присутствіе ракушекъ и черепковъ; мѣсто это находилось надъ сильно выдающимся обрывомъ, угрожающимъ вскорѣ пересѣчь ее поперекъ и въ послѣдствіи, благодаря дѣйствію атмосферныхъ водъ и образующимъ ее послѣдтветичнымъ отложеніямъ, ускорить ея полное разрушеніе, какъ это часто бываетъ въ описываемой мѣстности. Имѣя въ виду возможность встрѣтить остатки различныхъ эпохъ и боясь сдѣлать какія-либо упущенія, я сперва занялъ часть этого пространства тремя параллельными канавами шириною въ 4 м. и длиною въ 16-18 м. каждая, оставивъ между ними полосы въ 2 м.; выемка земли въглубъ зависѣла отъ того, на какой глубинѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ зале-

галь известняк (свой). Высота из глыбы 1 — 1½ м. оказалась уже чистый материал, между тем как в одной из вырытых канав оказалась колодезобразная яма 2 м. 30 см. в диаметре и 1 м. глубиной, наполненная сфагнумом торфа, жиды, тела и части костей домашних животных. На самом дне ее оказались множество обугленных и жреби иренины, остатки соломы и какого-то предмета из рода плетеной соломенной шляпы или мунда. Здесь же лежало несколько предметов, состоящих из пробки и большой желтый тонкий из круглых отверстий, сплюснутаго типа. Высота жиды из канавы происходила по направлению с З. на В. Считаю возможным полагать, что с З. в З. стороны третьей из них, из известняк вырвать от обрыва, под слоем торфа, который в начале был проложен золой с незначительной примесью костей и черепков, открыта была яма из видя продолговатого четырехугольника, закругленного с Ю. стороны; дно ее было чистое из известняк, а С. сторона из продолжения 90 см. в ширину образовала восточную стену, соединяющую в виде буквы (рис. 1). Все пространство этой ямы занимало из длину 2 м. 30 см., в ширину около 2 м. и в глубину 1 м. 20 см., считая от самой поверхности земли. Нижняя часть ее, начиная от самой ямы, до высоты 50 — 60 см. была наполнена множеством черепков, различных сосудов с украшением рисунком или различными орнаментами поверхности, но, хотя здесь было много принадлежавших к тем же культурам и вещей, мне не удалось собрать из них ни одного цельного сосуда. Культурный слой здесь был расположен таким образом, что черепки находились в горизонтальном слое торфа, состоявшем из переплывших ивовых и других органических веществ, на которых стояла другая, с простоями жиды и кусками жидой глины. В более жирных черепках слое, кроме обработанных костей домашних и (редко) диких животных, находились 4 куска оленьих рога, один из которых был из оленьего рога, один из оленьих орудий, 30 см. длины, с сломавшимся концом, могли служить и оружием для нанесения ранящих ударов. Далее, из того же слоя добыты два куска оленьего рога с зарубками, один почти целый и часть другого топорика из оленьего рога, находившаяся в яме, находившаяся с различными углублениями, два круглых камня желтого из известняк, сплюснутые с одной стороны, плоское круглое из кости и часть глиняной статуэтки. На глубине почти 1 м. от поверхности жиды из желтой глины чистого материала шло, примыкая к жиде, состояло продолжение к В. стене, довольно хорошо сохранившийся из жиды стены

толщиной въ 12 см., вокругъ котораго возвышались мѣстами углубленія до высоты 20—35 см. глиняныя стѣнки отъ 8 до 12 см. толщины. Печь, глубиной 1 м., при ширинѣ 1 м. 40 см., имѣла форму продолговатаго щипца: при разборкѣ ея развалившихся стѣнокъ, принявшихъ отъ дѣйствія огня кирпичный цвѣтъ, подъ ними оказалось много сухой золы съ небольшимъ количествомъ рѣчныхъ ракушекъ и черепковъ. На глубинѣ 1 м. 45 см. отъ поверхности земли эту яму окружало съ Ю. и отчасти съ З. стороны второе углубленіе 2 м. 25 см. длины и 2 м. 60 см. ширины, представлявшее собственно помѣщеніе жившихъ здѣсь когда-то людей. На полу его найдены въ С.-З. углу довольно большой рогъ оленя съ нѣсколькими отростками, полуовальный камень съ одной сглаженной стороной и гнѣздообразная прослойка рѣчныхъ раковинъ. Въ противоположной сторонѣ, кромѣ нѣсколькихъ черепковъ, найдены: часть остраго конца топорика изъ оленьяго рога, половина глиняной пряслицы, кусокъ камня, нѣсколько костей и зубовъ, въ числѣ которыхъ было два коровьихъ и одинъ медвѣжьей. Въ срединѣ углубленія не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ черепковъ и ракушекъ и части верхней челюсти лошади съ сохранившимися зубами. Всѣ эти предметы были покрыты слоемъ чернозема, смѣшаннаго съ кусками полубоженной глины; на 3—4 замѣтны были отпечатки прутьевъ или хвороста. На 20 см. выше лежалъ уже чистый слой чернозема, покрытый рѣзко отдѣлявшимся отъ него культурнымъ слоемъ позднѣйшей, славянской эпохи. Замѣтивъ по другой сторонѣ на значительномъ пространствѣ, въ особенности въ выброшенной изъ канавъ землѣ и въ стѣнкахъ одной изъ нихъ, присутствіе черепковъ и въ последнемъ случаѣ залеганіе слоя комковъ выжженной глины съ находящимися въ немъ черепками сосуда, я рѣшилъ прокопать незанятое мѣсто съ правой стороны обрыва, идущаго къ новому кладбищу и далѣе къ курганамъ (съ лѣвой стороны были уже всходы новаго посѣва), на пространствѣ около 30 кв. метровъ. На глубинѣ 70 см. встрѣтился сплошной слой обожженной глины, шедшій далѣе мѣстами до самой поверхности; здѣсь при самой канавѣ найдены только черепки 3—4 раздавленныхъ сосудовъ.

Второе мѣсто, въ 100 м. отъ перваго, занимало около 60—70 кв. м. и состояло также изъ комковъ выжженной глины. На сплошныхъ пластахъ ея, на глубинѣ 80 см., расположенныхъ въ видѣ точка, найдено три раздавленныхъ земель сосуда и пережженные человѣческія кости, въ томъ числѣ части черепа. Оба эти мѣста были почти совершенно разрушены кладонскателями, принимавшими ихъ за древніе погреба съкладами, но, судя по всему, они представляли изъ себя остатки площадокъ.

За недостатком времени, я не успевала больше изыскать мѣсть и перенести въ группы палеолитическія кости изъ курганныхъ. Хотя эта раскопка и не имѣла прямого отношенія къ описываемой культурѣ, но привело ее къ тому, что характеризующіе ее черенки встрѣчались какъ въ пещинахъ, такъ и особенно въ отропнутомъ пространствѣ, раздѣлявшемъ могильныя ямы трехъ надгробныхъ изъ кургановъ покойниковъ и, слѣдовательно, указывая на болѣе позднюю погребеніе послѣднихъ. Высота насыпи этого кургана (№ 4) равнялась 3 м. 20 см., окружность—65 м. Въ ямѣ на глубинѣ всего 40 см. обнаружился яма, а затѣмъ, еще на 10 см. ниже, и третье могильное патно, первыя двѣ могилы заключали дѣтскія (2—6 лѣтъ) погребенія, послѣднее — погребеніе взрослого человѣка. Скелеты дѣтей оказались почти совершенно истлѣвшими. Взрослый лежалъ въ С. сторонѣ ямы, головой на В., у поясницы его съ одной стороны стоялъ сосудъ, а съ другой—лежали два кремневыхъ орудія, оббитыхъ одно въ видѣ серпа, другое въ видѣ копья. Въ раздѣляющемъ могилы пространствѣ, какъ я уже сказала, найдены были черенки, относящіеся къ культурѣ плоскошайбъ и землянокъ. Положеніе всѣхъ скелетовъ было горизонтальное.

Такъ какъ при погребеніяхъ, подобныхъ настоящему, какъ я (напр., въ с. Веремьѣ), такъ и другіе исследователи часто встрѣчали даже желѣзные предметы, не говоря уже о бронзовыхъ, то настоящая раскопка еще болѣе утвердила меня въ убѣжденіи, высказанномъ уже раньше, — что въ краѣ, простиравшемся отъ Карпатъ до Арбура, культура плоскошайбъ и землянокъ далеко преобладаетъ надъ погребеніемъ стоячихъ скелетовъ, считавшимся раньше принадлежавшимъ наиболее глубокой древности.

Возвращаясь въ деревню, обитавшую въ нашей мѣстности въ эпоху существованія описанной культуры, вынужденъ нѣсколько соображеній объ его образѣ жизни, насколько можно судить о немъ по имѣющимся у насъ даннымъ.

Какъ извѣстно, землянки характеризуются преимущественно пещернымъ присутствіемъ въ нихъ большого количества выщелыхъ отбросовъ, преобладающую роль между которыми играютъ ракушки, но было бы ошибкою думать, что живя въ пещѣ моллюсками, въ соціальныхъ съ мѣстомъ нѣкоторыхъ животныхъ служили единственной пищей эволютивному человѣку. Это трудно допустить уже потому, что они ловили только въ лѣтнее время года, и въ другое, даже зимой, добыть ихъ невозможно, такъ какъ трудно предположить, чтобы они разговлаживались впродолженіе. Но у насъ имѣется еще и положительная указаніе на роль

пищи, употреблявшейся тогдашними жителями Приднѣпровья вмѣстѣ съ уксомъ, моллюсковъ и четвероногихъ и, по всей вѣроятности, служившій дополнительнымъ къ послѣднему или даже совершенно замѣнявшей его въ суровое время года, а можетъ быть и вообще игравшей первостепенную роль въ области пищевыхъ продуктовъ. Какъ мы уже видѣли, въ землянкахъ и площадкахъ, особенно въ первыхъ, весьма часто встрѣчались каменные плиты-зернотерки и песты къ нимъ; въ глиняной обмазкѣ стѣнъ не менѣе часто замѣчалась примѣсь просяной и пшеничной мякши, и, наконецъ, въ двухъ площадкахъ моихъ прежнихъ раскопокъ найдены были въ изобиліи обуглившіяся зерна крупной пшеницы и какого-то зонтичнаго растенія въ родѣ аниса или укропа. Все это доказываетъ, что древнимъ жителямъ нашего края было уже извѣстно земледѣліе, и что культура хлѣбныхъ растений была сравнительно довольно разнообразна. Изъ нихъ, вѣроятно, и приготовлялись всѣ роды пищи, почти неизмѣнно сохранившіеся до настоящаго времени въ своемъ первобытномъ видѣ у культурнаго и некультурнаго челоуѣчества.—разные виды кашъ, саламата и, наконецъ, хлѣбъ. Остатки растительной пищи зачастую встрѣчались въ добытыхъ изъ землянокъ сосудахъ. Солома могла имѣть различное примѣненіе въ хозяйствѣ, а мякина употребляется и теперь при крестьянскихъ постройкахъ. Обработка земли, какъ можно думать, совершалась при помощи деревянныхъ орудій въ родѣ лопатъ и мотыкъ; впрочемъ, челоуѣку могли помогать въ этомъ и домашнія животныя,—быки или лошади, кости которыхъ также попадались въ землянкахъ. Для жатвы служили кремневые серпы (въ одной изъ площадокъ я нашелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ наполненный ими сосудъ), или же стебли просто выдергивались изъ земли. Полученное зерно растиралось затѣмъ на камняхъ, и изъ него пеклись лепешки и приготовлялись другія кушанья. Возможно также, что, кромѣ всего этого, питались молокомъ животныхъ и дѣлали изъ него сыръ, но для предположеній такого рода, хотя и весьма вѣроятныхъ самихъ по себѣ, у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ доказательствъ, почему мы и упоминаемъ о нихъ только мимоходомъ.

При повторяющихся описаніяхъ раскопокъ отдѣльныхъ землянокъ мы видѣли, что каждая изъ нихъ представляетъ извѣстной величины четырехугольное пространство, нѣсколько углубленное въ землю и состоящее изъ двухъ разныхъ по высотѣ частей; верхняя, болѣе высокая, служила жилымъ помещеніемъ, а нижняя, представлявшая оканчивающуюся входомъ яму, была предназначена для приготовленія пищи, такъ какъ въ ней постоянно находится очагъ и цѣлая куча пищевыхъ отбросовъ.

совъ. Земляные воступы, необходимые паводному съ земляной ороло
м. Ржищевъ, могли служить для сидѣнья или замѣнять столы; кроме
того, какъ можно думать, употреблялись и переносная мебель, если счи-
тать объ этомъ по образцу глиняной скамеечки на четырехъ нож-
кахъ, съ выпуклымъ сидѣньемъ, на которой была хитро сплетена кай-
мана стѣлкая въ сидѣнье пологонъ глиняная фигурка. Нѣтъ ничего
увѣрительнаго, что предметы такого рода, изготовленные изъ дерева, не
сохранились до нашего времени, также какъ и остальные деревянные
орудія, употребленіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію съ нѣмъ отсут-
ствіа равнозначущихъ имъ камешныхъ и костяныхъ предметовъ. Посто-
явъ, вполнѣ естественно, что жители нашей восточнѣйшей дѣльной мѣстности
чаще всего употребляли тотъ матеріалъ, обиліе и легкость обработки
котораго позволяла пользоваться имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что народъ, обитавшій въ этой
мѣстности съ доисторическихъ временъ, былъ не бичевымъ и не охот-
ничьимъ, а мирнымъ, охотнымъ земледѣльческимъ племенемъ, на самой
зарѣ своего существованія уже носившемъ въ себѣ зарѣзанный той бла-
гопріятствующей развитію общиннаго и семейнаго начала культуры,
какую мы поспѣшательно видимъ и затѣмъ въ болѣе позднѣе и даже
современныя намъ періоды его внѣшней и внутренней жизни.

В. Хвойка

Древнѣйшая Ливонская хроника.

Принято считать, что Ливонская хроника представляет собою простодушное, безхитростное изображеніе событій, сдѣланное лицомъ, «непосвященнымъ въ тайны закулисной политики высшихъ властей страны и неимѣющимъ достаточно возможности или способности проникать во внутреннюю связь совершающихся предъ его глазами событій» ¹⁾. Такого автора Груберъ полтораста лѣтъ тому назадъ усмотрѣлъ въ лицѣ латскаго (латышскаго) священника при Имерской церкви, Генриха; мнѣніе это было позднѣе принято и обосновано Ганzenомъ и Гильдебрандомъ ²⁾, и въ настоящее время оно установилось совершенно прочно. Но Груберъ и его послѣдователи не попали ли на ложный слѣдъ?

Исключивъ все произвольное, вводимое изслѣдователями въ біографію Генриха Латыша, получаемъ слѣдующія, весьма немногія свѣдѣнія о немъ.

Посвященный еп. Альбертомъ изъ низшихъ церковнослужителей во священника для имерскихъ летовъ, Генрихъ прибылъ на мѣсто назначенія въ 1207—1208 году ³⁾, построилъ здѣсь церковь и получилъ ее отъ епископа въ ленное владѣніе ⁴⁾. Въ 1208 году въ качествѣ представителя епископской области священникъ Генрихъ принимаетъ участіе въ происходившихъ въ Летигалліи мирныхъ переговорахъ венденскихъ

---

¹⁾ Ю. Трусманъ. „Введеніе христіанства въ Лифляндію“. Спб. 1884 г., стр. 7. По выраженію Гильдебранда, „Ist der Verfasser kein politischer Kopf“. См. „Die chronik Heinrichs von Lettland“, стр. 53. Подобные же отзывы другихъ писателей сгруппированы у А. Сапунова въ „Запискахъ“ Имп. Акад. Наукъ по филологическому отдѣленію, VIII серія, т. III, № 1, стр. 116.

²⁾ F. D. Gruber, *Origines Livoniae sacrae et civiles, seu chronicon vetus*. Francofurti et Lipsiae. 1740. A. Hansen, *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd. I. Riga et Leipzig. 1853. H. Hildebrand, „Die Chronik Heinrichs von Lettland“. Berlin. 1865.

³⁾ „Chr. L. v.“ 11, 7. 8.

⁴⁾ „Chr. Liv. vet.“ 11, 7.

«ара... И пребывали мы въ страхѣ, какъ по причинѣ загражденной галани, такъ и отъ безсилія въ бою... и мы повиновались и прошли чрезъ трудныя мѣста» (XIX, 5).

Кто могъ быть этотъ разказчикъ, близкій епископу человекъ? Груберъ предполагаетъ, что это то же лицо, которое «состояло въ качествѣ переводчика при Филиппѣ, Рацебургскомъ епископѣ, въ бытность послѣдняго въ Лифляндіи» — Генрихъ, имерскій священникъ. По мнѣнію Гильдебранда, Генрихъ имерскій дѣйствительно «находился въ самыхъ близкихъ къ епископу отношеніяхъ» ¹⁾. Сужденіе о близости между еп. Филиппомъ и Генрихомъ выводится на основаніи двухъ мѣстъ хроники: «*Et volebant (Livones) episcopum rapere; sed prohibebat eos et comminabatur eis sacerdos ipsius et interpres Henricus de Lettis*» (16, 3)... «*remittens (Philippus) cum eis (filіis Thalibaldi) sacerdotem suum, qui erat prope Ymeram*» (18, 3). Повидимому, въ томъ и другомъ текстѣ Генрихъ какъ нельзя яснѣе названъ священникомъ еп. Филиппа и переводчикомъ.

Но выйдемъ въ дѣло.

Рацебургскій еп. Филиппъ пріѣхалъ въ Ригу въ 1211 году и пробылъ здѣсь четыре года, завѣдуя, въ отсутствіе еп. Альберта, всѣми дѣлами рижской епархіи. Въ 1212 году возникла тяжба между аутинскими леттами и венденскими орденскими братьями по поводу отнятыхъ послѣдними у леттовъ пашень и ульевъ. Къ леттамъ присоединились съ претензіями и ливы. Жалобы леттовъ и ливовъ на тяжкіе поборы и всякаго рода притѣсненія со стороны нѣмцевъ поддерживалъ ливскій старшина Каупо, неизмѣнный и вѣрный союзникъ нѣмцевъ. Оказалось невозможнымъ замолчать заявленія ливовъ и леттовъ. Сначала надеялись было уладить дѣло мирными переговорами. Еп. Альбертъ пригласилъ ливовъ и леттовъ явиться въ назначенный день въ Торейду. Собраніе это состоялось. На него явились два епископа — рижскій Альбертъ и рацебургскій Филиппъ — въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но переговоры кончились ничѣмъ; собраніе бурно разошлось. Въ концѣ концовъ, послѣ отъѣзда еп. Альберта и его свиты, рацебургскій епископъ, по усиленной просьбѣ какого-то посла, принялъ на себя роль третейскаго судьи. Начались вновь переговоры. Но въ то время, какъ, казалось, все направлялось къ мирному разрѣшенію спора, прошелъ слухъ, что рыцари грабятъ окрестности. Ливы схватили нѣсколькихъ лицъ изъ свиты епископа, нанесли имъ побои и заключили подъ стражу;

---

¹⁾ Script. rer. Livon. Bd. I, стр. 15; H. Hildebrand, Die Chronik Heinrichs стр. 5—7, 160—170.

хотели схватить этого епископа, но были удержаны Генрихом, «кто смирением и миролюбивостью», как сказано в прологе (10. 1).

Во всем этом рассказе Генриха, ни прося, ни косвенно, ни явно, ни в числе епископов идет при епископе. Из всего вытекает, естественно всего объяснить присутствие его в Турейтском деле, что он прибыл туда вместе со своим приходящим слугою, по приглашению самого еп. Альберта, для же по делу поужинать. Быть может именно Генрих был послан, упрямившись со слугою на глазах еп. Филиппа остаться у ливон и лотонь после продолжительных переговоров с ними и после отъезда Альберта. При таком предположении понятнее становится вмешательство Генриха и его успешное заступничество за епископа. Объяснение появления ему ливон объясняется громадным влиянием, какому, будто бы, пользовался среди них Генрих. Но о таком влиянии мы никак не свидетельствуем. Не имеем, знаем только, что раздраженные ливон напосле побой прибыл к рижскому, брату еп. Альберта и другим лицам и, вероятно, не послушался бы имперского священника, если бы тот не имел обычных доводов, ублаживших ливон не бегать еп. Филиппа. В данном случае Генрих мог повторить то же, что говорил в подобном случае угандские старшины своим землякам, собиравшимся было убить посланца Альбранда: «Если мы убьем этого епископского посла, то нам потом будет доверять или посылать посланца» (Сир. I, гл. 12, 4). Генрих потому и вмешивался это дело, что, по его предположению, Филипп остался у ливон и таким образом по его вине оказался в таком рискованном положении. Ливон послушался Генриха и не удерживал из неприкосновенной личности посла, требовавшего суда, тогдашний остался у них по их же просьбе. Сие действие на ливон оказало и угрозы Генриха, которые при поддержке, оказываемой ему ливон, могли быть очень внушительны. После этого события находимся же Генрих при еп. Филиппе? Небось основание думать, что вместе с частью ливон, не желавших принять участия в покаянии, велел за переговоры восстания ливон из союза с ливон¹⁾ Генрих опять возвратился к своей престо. По крайней мере, в следующих 1213 и 1214 годах мы видим Генриха не приходя при Имперской церкви²⁾. «Своим же» священником по отношению к еп. Филиппу Генрих плавал, вероятно, в отдалении от епископа, так

¹⁾ Сир. I, гл. 10, 4.

²⁾ Сир. I, гл. 12, 8 — 10.

принимать, т.-е. какъ ленный священникъ въ епископской области ¹⁾, какъ своими же латинскій легатъ Вильгельмъ Моденскій называетъ священниковъ еп. Альберта—Петра и его товарища: «*Legatus sacerdotes suos in Maritimam misit—Petrum videlicet Kakinwalde cum confratre suo, alio sacerdote*» (Chr. L. v. 29, 7). Во всякомъ случаѣ, «свой» въ 18. 3 главѣ не указываетъ на занятіе Генрихомъ какой-либо должности при особѣ еп. Филиппа, что ясно подтверждается и самымъ текстомъ: «*Suus sacerdos, qui erat prope Умерамъ*». Лицо, жившее близъ Умеры, не могло въ то же время находиться въ Ригѣ при епископѣ. Нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ въ теченіе времени съ 1211 по 1214 годъ свящ. Генрихъ жилъ въ Ригѣ при еп. Филиппѣ; напротивъ того, полное отсутствіе подписи Генриха подъ актами, заключенными въ этотъ періодъ при посредствѣ рацебургскаго епископа, побуждаетъ насъ къ противоположному заключенію, и этотъ выводъ тѣмъ неизбежнѣе, что въ тѣхъ же актахъ мы встрѣчаемъ подписи товарищей Генриха, подобныхъ ему деревенскихъ священниковъ въ сосѣднихъ съ нимъ приходахъ—Даніила Пдумейскаго и Алобранда. Вотъ имена свидѣтелей въ грамотѣ рижскаго епископа Альберта готландскимъ купцамъ, отъ 1211 года: «*Testes: Dom. Bartholomaeus, Paderbonensis episcopus, dom. Petrus Raceburgensis episcopus, frater Bernhardus de Lipa, Theodoricus abbas de Dunemunde, Johannes praepositus de Riga, Henricus comes de Plessa, Alexander de Luneborek, Daniel sacerdos... et alii quam plures*». (UB. I, № 20). Заслуживаетъ особаго вниманія актъ по раздѣлу латышской земли между рижскимъ еп. Альбертомъ и рыцарскимъ орденомъ, совершенный въ 1211—1212 году при участіи епископовъ В. Paderbornensis, F. Verdensis, Ph. Raceburgensis, Th. Lealensis,—актъ, касавшійся непосредственно интересовъ имерскаго священника. Въ числѣ «присутствовавшихъ» при совершеніи этого акта находился священникъ Алобрандъ: «*Presentes fuerunt, cum haec fierent, Alobrandus sacerdos, Rudolphus canonicus in Sossad, Henricus sacerdos de Lon, Helmoldus de Plesse, Conradus de Wardenberge, Nicolaus de Bnina, Egechardus Schakke, Scyenbandus de Luneba, Wridolphus miles, Frethericus de Bodenthke et alii quam plures*» (UB. I, 23). Не можемъ не указать, наконецъ, и на тотъ фактъ, что для предварительныхъ переговоровъ съ ливами, еще до извѣстнаго всеобщаго собранія въ Торейдѣ, еп. Альбертъ отправилъ къ нимъ священника Алобранда. Несомнѣнно такимъ образомъ, что Алобрандъ находился въ 1212 году въ

---

¹⁾ Chr. L. v. 11, 7.

Ригѣ при еп. Альбертѣ. А это пребывание его въ Ригѣ было не одиозное, доказываются это истинно по въ вышеприведенныхъ источн. (СВ. I, 23). Ничего подобнаго мы не можемъ сказать о Генрихѣ. Если же Генрихъ жить въ своемъ приездѣ до 1212 года и послѣ этого года, то есть ли какое-нибудь основаніе предполагать, что еп. Филиппъ, отправляясь въ 1213 году въ Германию, вѣсть его съ собою на Лангсранскій соборъ? Изъ того обстоятельства, что Генрихъ сопровождалъ рансбургскаго еп. Филиппа въ одну поѣздку его въ Ливонію и Лотвию, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ спутникомъ еп. Филиппа на пути послѣднихъ на Готландъ, описаннымъ въ вѣдѣствѣ о вѣдѣствѣ описаніе приключеній его путешествія¹⁾ (Нансен). Одновременно съ еп. Филиппомъ выѣхалъ изъ устъ Дании также датскій епископъ Теодорихъ, и оба епископа отправились въ путь подъ сильнымъ конвоемъ крестоносцевъ на девяти большихъ корабляхъ, не считая меншихъ²⁾. Въ такой многочисленной силѣ вѣсть епископовъ было не мало образованныхъ людей, которые могли составить описаніе пути, какъ описаніе.

Если все же столь шаткое мнѣніе Грубера упрочилось, то главнымъ образомъ, благодаря авторитету Гансена и Гильдебранта, какъ бы считавшихъ своимъ долгомъ обосновать завѣданную имъ Груберомъ истину. Оба они ищутъ автора хроники въ одномъ изъ миссіонеровъ, присутствовавшихъ въ 1220 и 1221 годахъ. Подтвержденіе своей мысли Гансень находитъ въ 24, 5 главѣ «in aliis plurimis villis a nobis baptizatis», а Гильдебрантъ въ 23, 7 гл. «et statim ecclesiam in ueniam (Кутнаванн) et domum domini eum in sacro fonte baptizavit oleo». Въ данное время среди эстонъ находилось пять миссіонеровъ: Алобрантъ, Людвигъ, Петръ Кайкевальдъ, Генрихъ и Теодорихъ. Въ 1220 году рижскій еп. Альбертъ отправилъ священниковъ Алобранта и Людвига крестить эстонъ въ Сагалѣ. Затѣмъ ихъ смѣнили Петръ Кайкевальдъ и имерскій священникъ Генрихъ. Покладовъ отправляясь изъ Виру, во ихъ въ Вирѣ уже предупредили датскіе миссіонеры, перешедши въ Ераву и столкнувшись здѣсь съ датскими священниками, они вмѣстѣ съ послѣдними отправились по спорному вопросу о границахъ земель въ Ревель къ архіепископу ливонскому Анцелю. Пошла шла перепишка между властями, Генрихъ въ сопровожденіи другого, именъ назначеннаго священника Теодориха, продолжалъ крестить жителей въ Еравѣ, доходя до деревни Баттиса «сѣхъ вѣдѣствѣ датчанъ построили

¹⁾ Scriptores rerum Livonicarum III, 1, стр. 12.

²⁾ См. I, к. 19, 2 к.

деревнѣ, какъ они поступили и во многихъ другихъ нами крещенныхъ деревняхъ» (Chr. L. v. 21, 5). «Я не утверждаю, — говоритъ Ганзенъ, — что pos прямо означаетъ его; авторъ употребляетъ выраженіе въ буквальномъ его значеніи. Никогда оно не означаетъ христіанъ, нѣмцевъ и т. п., рѣдко также его можно замѣнить «его»; въ большинствѣ случаевъ авторъ, говоря о себѣ анонимно, выражается въ единственномъ числѣ, напр. 20, 2». Въ приведенной цитатѣ разумѣются не священники вообще, а тѣ изъ нихъ, которые совершали крещеніе въ Ервѣ и Вирѣ и въ число которыхъ авторъ хроники включаетъ себя самого. Двое изъ нихъ — Алобрандъ и Людвигъ — не идутъ въ этотъ счетъ: они крестили въ Сакалѣ, на нее же датчане никогда не предъявляли притязаній. Такимъ образомъ остаются Петръ Кайкевальдъ и Генрихъ; именно они обновили мѣстности, служившія яблокомъ раздора между нѣмцами и датчанами. Вторая двоица состояла изъ того же Генриха и Теодориха. Изъ трехъ поименованныхъ претендентовъ на авторство хроники долженъ быть исключенъ Петръ Кайкевальдъ: послѣдній не могъ быть спутникомъ рацебургскаго еп. Филиппа въ 1215 году, такъ какъ былъ занятъ въ то время обращеніемъ эстовъ въ нынѣшнихъ Феллинскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ (Chr. L. v. 19, 7). Противъ другого товарища, Теодориха, говоритъ его молодость и ранняя смерть, случившаяся въ 1222 году, за четыре года до заключенія хроники (Chr. L. v. 26, 5). За отсутствіемъ другихъ лицъ, остается признать авторомъ хроники латышскаго священника Генриха ¹⁾.

Выводъ, къ которому пришелъ Ганзенъ, держится исключительно на пониманіи выраженія «мы», относимаго имъ къ крестившимъ въ Ервѣ священникамъ. Но уже Гильдебрандъ призналъ такое пониманіе «мы» неправильнымъ и вообще замѣчаніе Ганзена объ употребленіи «мы» въ хроникѣ неточнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ хроники употребляетъ выраженіе «мы» въ различныхъ смыслахъ: иногда замѣняетъ имъ «я», напр.: «какъ намъ было сообщено» (Chr. L. v. 11 4), или «мы помнимъ» (4, 6), «мы видѣли» (29, 9), «мы напишемъ» (30, 1) и т. д., и только дважды авторъ выражается о себѣ, какъ писателѣ, въ единственномъ лицѣ: «я не считалъ (reputavi)» и «я скажу (dicam)» (Chr. L. v. 20, 2). Съ другой стороны «мы» понимается авторомъ хроники въ очень широкомъ значеніи, обнимающемъ нѣмцевъ и ихъ союзниковъ, напр.: «русскіе имѣли тогда съ нами миръ» (Chr. L. v. 14, 10); иногда «мы» означаетъ однихъ нѣмцевъ, въ отличіе отъ союз-

¹⁾ Script. rer. Livon. Bd. I стр. 16.

было бы заговорить о себѣ въ первомъ лицѣ, еслибъ авторъ дѣйствительно записывалъ свои собственные воспоминанія. Напрасно также мы стали бы искать намековъ на личность Генриха при описаніи двухъ битвъ, происходившихъ при Имерѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ мѣстожительства Генриха, притомъ болѣе всѣхъ пострадавшаго отъ непріятели (Chr. L. v. 11. 8: 27, 1).

Изъ второстепенныхъ доводовъ Гильдебранда въ пользу Генриха заслуживаетъ наибольшаго вниманія слѣдующій. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, могъ авторъ хроники, если онъ не Генрихъ, знать подробности миссіонерскаго путешествія Генриха по Эстляндіи, напр. многочисленныя названія мѣстностей и деревень, проведенное въ каждой мѣстности время, число ежедневно крещенныхъ и прочія частныя обстоятельства миссіи Генриха? Но почему же всѣ эти свѣдѣнія нельзя было почерпнуть изъ канцеляріи рижскаго епископа? Вѣдь пользовался же составитель хроники перепиской рижскаго епископа Альберта съ архіепископомъ лундскимъ Андреемъ, возникшей по поводу жалобы послѣдняго на вторженіе рижскихъ миссіонеровъ въ его область; авторъ прямо цитуетъ колкости, которыми обмѣнялись между собою въ письмахъ эти іерархи. Въ средніе вѣка на Западѣ крещеніе служило неоспоримымъ доказательствомъ права на собраніе десятины и другихъ поборовъ съ крещеныхъ. Такой же взглядъ господствовалъ въ Ливоніи: разсылая чрезъ крестьянъ освященную воду или ставя кресты въ деревняхъ, датчане, по словамъ хроники, «старались такимъ образомъ предупредить рижскихъ священниковъ и такимъ путемъ раньше нихъ завладѣть всею страной для датскаго короля (*hoc modo totam terram ad manus regis Danorum praeoccupare studebant*). Понимая эго (*quod intelligentes*). Петръ и Генрихъ отправились въ Ерву» (Chr. L. v. 24, 2). Естественно, что рижскій епископъ считалъ важнымъ имѣть необходимыя документы на владѣніе спорными областями, а такими документами могли служить представленные миссіонерами въ Ригу списки областей, волостей и деревень, съ указаніемъ числа крещеныхъ въ нихъ жителей. Въ этихъ спискахъ могъ быть помѣщенъ извѣстный разговоръ миссіонеровъ съ крестьянами деревни Рейневеръ. Цѣль разговора очевидна — показать несостоятельность датскихъ притязаній на извѣстныя области, въ виду неправильно совершеннаго датскими священниками крещенія язычниковъ. Мы приведемъ весь этотъ разговоръ, какъ единственный, можетъ быть, памятникъ литературнаго творчества Генриха (или же его товарища Теодориха), не лишенный нѣкоторыхъ своеобразностей и не свободный даже отъ грамматическихъ неправильностей: «*Et ait rusticus,*

qui fuit senior eorum. Iam omnes, inquit, baptizati sumus. Ea requirentibus illis (sacerdotibus), capite baptizante baptizati essent, respondit ille. Cum essemus in villa Solgessum, quando sacerdos Danorum illi baptismi sui tractavit sacramenta, baptizavit tunc quosdam ex nostris, et dedit nobis aquam sanctam, et revelavit omnes ad proprias villas, et cum eadem aqua aspersionibus unusquisque nostrum familiam, «iocos» et parvulos, et nobis ultra quem (?) faciemus? Cum enim senior baptizanti saluus (?) non ultra non recipiemus» (Chr. L. v. 24, 3).

Авторъ хроники могъ читать дошедшія миссіонерскія въ архивъ нижне-скаго епископа и сдѣлать изъ нихъ нужныя замечанія для своей хроники. Рига была центромъ политическаго жизни тогда основанной немскою колоніи въ Ливоніи, отсюда исходили все административныя распоряженія и сюда стекались свѣдѣнія со всей конницы евангелии Придвинскому жителю болѣе чѣмъ кому-либо другому представлялась возможность собрать материалы для хроники, получить необходимыя свѣдѣнія или извести каки-либо справки. По богатству историческихъ матеріаловъ страна имѣетъ всегда преимущество передъ деревнями. Справивающъ, откуда заочный сынъ имерскій евангелистъ могъ получать подробныя свѣдѣнія о современникахъ ему событіяхъ во всѣхъ концахъ Ливоніи и за ея предѣлами, въ Германіи, Даніи, Швеціи, Римѣ, Россіи и т. д.? Кто сообщать ему, имѣя прибывавшаго ежегодно крестоносцевъ? Исторія чужими свѣдѣніи были вершала автору хроники такими лицами, историками, судя по ихъ жизнедеятельности, но представлялось даже случая встрѣтиться съ Генрихомъ и самоназваннымъ оутигати ливонскихъ женщинъ на тригати по умершимъ на войнѣ жителямъ авторъ пишетъ со словъ возвратившагося съ ливонскаго плѣна Геймского (придвинскаго) евангелиста Йолпа (Chr. L. i. 9, 4); вдовствующаго графа Бернарда, брата Донамандскаго монастыря, жителя сего аббата и впоследствии епископа семгальскаго, рассказавшаго со словъ самого графа, и ipse scripsit gesta (Chr. L. v. 16, 4); о мученической кончинѣ свѣдѣнія Фредерика Пальскаго рассказывали автору возвратившійся съ Эстля ливы, замѣченный въ плѣнѣ въ устьѣ Кибмы (Лифляндской Аз) (Chr. L. v. 18, 8). Трудно замѣтить, чтобы имерскій евангелистъ имѣлъ возможность часто бесѣдовать съ графомъ Бернардомъ, жившимъ въ Донамандскомъ монастырѣ, или чтобы живя въ устьѣ Кибмы ливы отправились въ Иверу съ сообщеніемъ о смерти ливонскаго евангелиста. Иная странность хроники состоитъ въ извлеченіи изъ свѣдѣній личнаго извѣстнаго некаяго событія, такъ что составляется изъ деталей и отрывковъ первоначальнаго рассказа. Привожу изъ рассказовъ прибывшихъ въ Ригу

ности литовскаго пабѣга кубесельскихъ священниковъ восклицаніе вошедшаго въ пустую церковь литовца: «Ба!» (Chr. I. v. 11, 5).

Не мыслимо, чтобы хроника могла быть составлена внѣ центра управленія страной.

Приходишь въ недоумѣніе, какъ могла появиться, а еще болѣе—удержаться гипотеза, не имѣющая за собой никакого серьезнаго основанія. удивляешься, почему жребій палъ именно на Генриха: въ пользу его авторства нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ свидѣтельствъ, а противъ этого предположенія выступаетъ весьма многое: отдаленность мѣстожителѣства Генриха отъ Риги, общественное его положеніе, образованіе и т. д.

Изъ извѣстныхъ намъ по хроникѣ лицъ Генрихъ представляется менѣе всего подходящимъ для искомаго автора хроники. Генрихъ, какъ извѣстно, жилъ среди имерскихъ латышей; поэтому естественно было бы ожидать, что пребываніе его въ этихъ мѣстахъ отразится и на хроникѣ—именно болѣе точнымъ и полнымъ опредѣленіемъ географическаго положенія данныхъ мѣстностей. Между тѣмъ латышскія мѣстности остаются въ туманѣ, и мѣстожителѣство самого Генриха указывается неопредѣленно «prope Ymeram, circa Ymeram». Точныя географическія свѣдѣнія у автора хроники ограничиваются придвинскими и торейдскими ливскими областями.

Съ другой стороны латышское вліяніе должно было бы сказаться и въ разработкѣ географической номенклатуры. Въ началѣ XIII ст. официальныхъ географическихъ названій у нѣмцевъ, надо полагать, еще не существовало. По крайней мѣрѣ, топографическія названія, встрѣчающіяся въ актахъ и въ хроникѣ, значительно разнятся между собою. Изъ одинаковыхъ латышскихъ названій можно указать развѣ лишь на Толову. Эстскія названія болѣе совпадаютъ, хотя и здѣсь транскрипція ихъ далеко не тождественна, напр. въ хроникѣ употребительны названія Ugaunia, Saccala, Waiga, Mocha, Normegunda или Nurmegunda (Chr. I. v. 15, 7); тѣ же названія въ актахъ имѣютъ форму Ugenois, Sackele, Waigele, Moke, Normigunde (UB. I. 61). Многія прежнія мѣстныя названія вскорѣ были замѣнены нѣмецкими; такъ, совершенно исчезла Имера. Анализъ географическихъ названій, встрѣчающихся въ хроникѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что многія изъ нихъ заимствованы авторомъ отъ ливовъ. Нижнее теченіе Двины или Койвы (Лифляндской Ла) служитъ автору точкой отправленія и наблюденій. Отсюда взоръ его обнималъ всю завоеванную территорію и располагалъ отдѣльныя мѣстности въ извѣстномъ направленіи. Для насъ особый интересъ представляютъ пограничныя съ латышами ливскія области Метсаполе и Идума. Названія свои онѣ получили не отъ леттовъ, а отъ ливовъ то-

(Chr. L. v. 9, 3) — полкъ, отрядъ: *waupas* (Chr. L. v. 27, 6) — грубое сукно. Конечно, объ основательномъ знаніи авторомъ ливскаго языка говорить не приходится. Одна эстская фраза, оставленная безъ перевода «*laula, laula, rappi*» (Chr. L. v. 18, 8 — пой, пой, понь!) приведена вполне правильно. Переводъ другой фразы (Chr. L. v. 15, 3) «*maða maðamas*» (усни спомъ!) не точенъ: повелительное наклоненіе авторъ передаетъ будущимъ временемъ: «*jacebis hic in eternum*». Третья фраза «*maðetac*» (Chr. L. v. 15, 3) въ перифразѣ автора «*manere in perpetuum promittunt*» представляется невразумительною. Четвертое эстское выраженіе *Tharapita*, т.-е. *Tara, abita* (Тара, помоги!), авторъ ошибочно выдаетъ за названіе великаго бога у эзельцевъ (Chr. L. v. 24, 5). Сомнительно, чтобы это выраженіе могло принадлежать перу Генриха. Невозможно, чтобы Генрихъ (еслибъ онъ писалъ хронику) допустилъ эту ошибку, такъ какъ мною о рожденіи бога Тара въ Ервской рондѣ и переселеніи его на Эзель язычники рассказывали лично Генриху и называли, конечно, бога его настоящимъ именемъ Тара, а не Таранита. Смѣшеніе можно объяснить, допуская, что настоящій авторъ слышалъ мною объ эзельскомъ богѣ отъ Генриха или Теодориха, а отъ себя присоединилъ названіе бога, слышанное имъ, можетъ быть, на войнѣ въ столкновеніяхъ съ эзельцами, дѣйствительно обращавшимися къ своему богу съ этимъ воззваніемъ (ср. Chr. L. v. 30, 4)

Генрихъ въ первый разъ въ хроникѣ выступаетъ въ качествѣ схолярія ¹⁾ еп. Альберта (Chr. L. v. 11, 7), т.-е. низшимъ церковно-служителемъ, котораго обязанностью было пѣть и читать при совершеніи мессы. На эту должность назначались, какъ видно, очень молодые люди: такъ напр., схолярій священника Фредерика Целльскаго называется мальчикомъ ²⁾. По своему образованію стоялъ ли Генрихъ выше своихъ товарищей, такихъ же священниковъ? Намъ извѣстно, въ чемъ состояло образованіе Гольмскаго священника Іоанна; оно ограничивалось изученіемъ Свящ. Писанія ³⁾. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что программа, которую проходили лица, готовящіеся къ принятію священнаго сана въ Ливоніи, не шла далѣе изученія Свящ. Писанія, знакомства съ требникомъ и нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній

¹⁾ Du Cange подъ *Clerici scholares* (II, 393 стр.): *Omnis presbyter habeat clericum scholarem, qui epistolam vel lectionem legat et ad missam respondeat, cum quo et psalmos cantet.*

²⁾ Chr. L. v. 18, 8: „Cum scolare suo“ и далѣе „cum puero suo“. Служитель (servus) священника Теодориха не есть ли тотъ же схолярій? (Chr. L. v. 11, 5).

³⁾ Chr. L. v. 10, 7: *Ut sacris litteris imbueretur, ab eodem (Meynardo) est in claustris Segeberge locatus, ubi cum plurimum profecisset... sacros adeptus ordines...*

относится съ похвальною ненавистью: но это не мѣшаетъ ему отзываться съ похвалою и объ ихъ добрыхъ качествахъ. Кажется, только къ ливамъ авторъ питаетъ сильную антипатію, остовъ часто хвалитъ за ихъ храбрость, трудолюбіе, отмѣчаетъ ихъ благосостояніе, прекрасно воздѣланныя поля, многолюдныя деревни и т. д.

Установившійся взглядъ на ливонскую хронику значительно сложился подъ вліяніемъ убѣжденія, что авторомъ ея былъ простой священникъ. Соответственно общественному положенію предполагаемаго автора, простота и безыскусственность представлялись главными отличительными особенностями хроники: считалось необходимымъ отмѣчать умственную недалекость автора, политическую его близорукость и незнакомство съ закулисною политикою. Лучшее опроверженіе всѣхъ подобныхъ голословныхъ заявленій представляетъ сама хроника. О закулисной политикѣ мы, конечно, знаемъ не изъ другого какого-либо источника, какъ изъ той же хроники. До какихъ же предѣловъ простирать безсознательность авторскаго творчества? Въ хроникѣ мы имѣемъ прекрасный очеркъ нѣмецкихъ завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ, съ указаніемъ обуславливавшихъ ихъ ходъ вліяній вѣшнихъ и внутреннихъ. Предъ нами развертывается картина постепеннаго роста колоніи, сначала робко ютившейся на берегахъ Западной Двины, затѣмъ мало-по-малу расширявшейся, захватывавшей все большій и большій районъ и, наконецъ, ставшей грозною силою для сосѣдей; ярко обрисована изумительная стойкость руководителей политики, ихъ выдержанность, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ; указаны всѣ средства въ борьбѣ, какія изыскивала рижская дипломатія въ союзахъ то съ однимъ, то съ другимъ племенемъ. Возникаетъ вопросъ уже не о томъ, былъ или не былъ авторъ посвященъ въ тайны политики, а не былъ ли онъ самъ въ числѣ руководителей политики.

Какъ по замыслу, такъ и по исполненію хроника представляетъ нѣльное художественное произведеніе. По начертанію автора, она представляетъ собою повѣсть о просвѣщеніи язычниковъ свѣтомъ Христовымъ чрезъ смиренныхъ слугъ (тевтонцевъ), «самому Господу поспѣшествующу и утверждающе» побѣдами надъ язычниками въ Ливоніи (Chr. L. v. 29. 9). Общій планъ строго выдерживается авторомъ какъ въ выборѣ матеріаловъ для исторіи, такъ и въ освѣщеніи событій. Особую печать на хронику наложилю еще и оффиціальное ея назначеніе ¹⁾, обыкновенно почему-то замалчиваемое. Отъ автора требовалось необычайное

---

¹⁾ Chr. L. v. 29. 9: „Placuit eam rogatu dominorum et sociorum humili scriptura conscribere“.

искусство, чтобы суметь в нужных случаях суметь обобщить характер событий. Знакомому с процессом развития в антикварном мире на Западе понятию трудности, которую представляет автору прилагать, чтобы дисциплинировать (выражаясь кратко) материал приключений представить в смирительной роли аналитической критики. Какое какое различие замечается в характеристике европейских деятелей в хронике с одной стороны и в последние главы — с другой — сн. Вильгельма и сн. Бальдуна ¹⁾ — с другой. Общественность официального хроникера и общий тон хроникера на автора не столько обязанность опрашивать не жестко корректный образ действий представителей власти, особенно не только международности. Упрекнуть автора в прямом извращении фактов мы, конечно, не имеем никакого основания. Но что не видно, что он многое намеренно замалчивает, многое обходить намеками, иное сознательно толкует неправильно? Чтобы не впасть в излишние подробности, возьмем лишь несколько случаев.

В 22, 1 главе автор упоминается об условности, предложенной сн. Альбертом датскому королю за обещание послать помощь против русских и эстов, чтобы не обнаруживать во всем наготу эгоизма сн. Альберта по отношению к Вальдемару.

В 9, 2, 3 гл. автор приписывает инициативу экспедиции скандинавскому старшине, между тем как в дальнейшем рассказе русская роль вполне усиливается восточными, а скандинавы, по его же словам, были приглашены на помощь (*Schibgalle's adjuncts*).

20, 3 гл. Рига принадлежит сн. Угвину, как область, известную от Пскова, но в то же время известно, что область эта платила Пскову дани и оброки.

Предположений о действительном авторе (или, может быть, даже авторах) хроники никаких мы не делаем. В самом деле, вполне и бесспорно, что вся хроника целиком (за исключением даже 10-й главы) написана одним лицом. На горькое решение назвать старейший из сохранившихся списков в тепер. экзemplарно, утраченный — кодекс Замогский, обрывающийся на 23-й главе. Не замечаются ли некоторые особенности в последних главах (24—26) по сравнению с первой частью хроники? Начиная с 24-й, каждая глава представляется вступительным или повелительным словом можно отметить «вступление» (24, 25) у автора замечается даже не столько «вступление», сколько «вступление».

¹⁾ Гл. I, 88. *Chronica*, 1-й изд. 1887, стр. 10. *Chronica*, 2-й изд. 1887, стр. 10. *Chronica*, 3-й изд. 1887, стр. 10.

ригой, по тону послѣднія главы отличаются бѣльшимъ фанатизмомъ и суровостію: если въ первой части (18, 5) у автора при видѣ гибели беззащитныхъ женщинъ и дѣтей вырвалось чувство жалости къ убитымъ, то въ послѣднихъ главахъ заповѣдуются одно безпощадное истребленіе язычниковъ: о монахахъ, совѣмъ неповинныхъ предъ рижанами, авторъ выражается, что они заслужили гибель, а не крещеніе (Chr. L. v. 30. 4: *magis occidi quam baptizari meruerunt*). Конечно, особенности эти слишкомъ незначительны и могутъ быть объяснены естественною перемѣною настроенія у одного и того же автора, бывшаго свидѣтелемъ многолѣтней и кровопролитной войны пѣмцевъ съ язычниками. Мѣстами и послѣдняя часть не уступаетъ въ силѣ первой; описаніе предпринятой папскимъ легатомъ (еп. Вильгельмомъ) ревизіи ливонскихъ церквей (29 гл.), проникнутое теплымъ и гуманнымъ чувствомъ къ поработанному мѣстному населенію, составляетъ, можетъ быть, лучшія страницы во всей хроникѣ.

Кто бы не былъ авторъ, но, несомнѣнно, это человекъ близкій къ власти, все знавшій, всѣхъ слышавшій, жившій въ Ригѣ, или въ Дюнамюндскомъ монастырѣ, или даже въ Фределандѣ, на берегу Койвы. Тѣмъ важнѣе и достовѣрнѣе написанная имъ исторія, но тѣмъ пристрастнѣе освѣщеніе изложенныхъ имъ фактовъ.

Ив. Юрьенсъ.

изъ остатковъ этого построенья нынѣшній, находился въ алтарѣ собора за престоломъ».

«Прѣздомъ моимъ черезъ Юрьевъ Польскій, Владимірской губерніи, писеть Снегиревъ 1-го марта 1824 года ¹⁾, я замѣтилъ тамъ въ соборѣ одно достопамятное произведеніе ваятельнаго художества: памятникъ благочестія В. К. Святослава II Всеволодовича, во святомъ крещеніи Гавріила, и недавно исходатайствовавъ еще дополнителныя обѣ ономъ свѣдѣнія отъ протоіерея тамошняго собора Іоанна Петрова, имѣю честь доставить вамъ записку. Это крестъ, изваянный изъ камня, и, какъ значится изъ надписи на ономъ, XIII вѣка. Сколько мнѣ извѣстно, эта древность еще не описана и, кажется, укрывалась отъ зоркаго ока археологовъ»... и далѣе идетъ почти буквально текстъ «Отечественныхъ достопамятностей». Послѣ описанія креста Снегиревъ продолжаетъ:

«Сей изваяніе въ бытность мою стояло въ каменной часовнѣ при оградѣ церковной; съ 1816 года перенесено въ соборный придѣлъ, гдѣ и теперь находится. Тамошніе старожилы знаютъ по преданію, что сей крестъ сперва стоялъ за престоломъ въ соборѣ, потомъ вставленъ былъ лицомъ наружу въ западной стѣнѣ прежней осьмнугольной колокольни, разобранной 1781 года, наконецъ помѣщенъ въ вышесказанномъ придѣлѣ. Членъ сего Общества К. Θ. Калайдовичъ изустно свидѣтельствуешь, что о семъ крестѣ упоминается въ одной рукописи. Надѣюсь, что сей трудолюбивый изыскатель... сообщить сіи свѣдѣнія и дополнить мои неполныя замѣчанія»... Въ приложенномъ рисункѣ, довольно неточномъ ²⁾, надпись сообщается въ такомъ видѣ:

соорѣженъ сей ѣтныи и живо
творящій крѣтъ гднѣ блговѣр
нымъ кнѣземъ стѣславомъ
всеволодичемъ в лѣто 5715 . е.

Во Владимірскомъ сборникѣ К. Н. Тихонова (Москва, 1857 г. стр. 92) находится слѣдующее описаніе памятника: «Крестъ составленъ изъ пяти плитъ бѣлаго камня мѣрою въ вышину 2 арш. 6 в., а въ поперечникѣ

¹⁾ Записка о Святославовомъ крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ для е. п. г. предсѣдателя Общ. истор. и древн. россійскихъ А. А. Писарева (Записки и труды въ Общ. истор. и древн. росс. при Импер. Моск. университетѣ, часть II. М. 1824, стр. 195—197).

²⁾ Подписи переданы такъ: стѣй николанъ чѣдъ. ІНШ. цѣръ іакы Іисъ Хіъ распатіе го-сподне. іѣнъ кжій. АРӨУ. стѣй іоаннъ когос. стѣй логинъ сотни. стѣй тихонъ ама чѣ. Жень мироносицъ не двѣ, а три; покрывало послѣдней видно среди двухъ другихъ; у св. Логина броня не чешуйчатая, а круглымъ меандромъ; сзади—пейзажъ съ башней и вратами. Надпись и подписи—переданы однимъ шрифтомъ.

3 арш. 1 в. Къ сократѣнно, но изображеніа въ позднѣйшее время сверху расписаны разными красками, потому украшены серебряными жѣлонами. Крестъ стоитъ на каменной тумбѣ, на которой вырѣзана въ зубъ слѣдующая надпись: Сооруженъ сей крестъ и животворный крестъ Гусюзовъ благо- вѣрнымъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ въ лѣто 6732 (1224)».

Въ 1867 году Н. П. Срезневскій подробно вопросилъ о времени сооруженія креста и далъ снимокъ съ надписи, сдѣланный отъ руки. Крестъ въ это время бытъ извлеченъ въ стѣну въ соборѣ за алтаремъ; «по обѣимъ его сторонамъ, говоритъ Н. П., помѣнены еще четыре большіе камни съ лицами святыхъ. Все это расчищено и покрыто позолоченными ризами. Надпись пока, вырѣзана на доскѣ, вставленной въ деревянную обшивку основанія «сооруженъ сей крестъ и животворный крестъ гдѣ благовѣрнымъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ въ лѣто 6732». Подъ ней есть другая, поминная, высѣченная на камнѣ, камень вставленъ въ основаніе креста и прикрытъ деревянною дверцею». Заѣмъ Срезневскій даетъ такую еще надпись

мѣна Іоанн въ 4 до
намѣ сто ру воин
ка поставленъ крѣтъ.
стославемъ всево
лодиромъ, ами 4.

Камень обдѣланный при переносѣ, продолжаетъ Н. П. и повторять описаніе Снегирева. «Годъ означенъ 6732, т. е. 1224 — но действительно ли этотъ годъ означенъ бытъ въ древней надписи? Это рѣшается сравненіемъ лѣтописей, которыя наводятъ на 6732 г. (1224 годъ) перестройки собора съ его «рѣзанными святыми, которыхъ люди взяли» и стоять до сего дня, 6732 (6732 г.) надпись отъ ошибки новой надписи имѣетъ 6742 (6742); соединенная въ одну послѣднюю букву в. н. были приняты за І. в. и получила 1224 вмѣсто 1234 года *)».

Проф. Н. П. Кондаковъ коснулся нашего креста преимущественно съ художественной стороны и повторилъ надпись съ 1224 г. по статьѣ Снегирева, прибавилъ, что икона находитъ въ противѣрчіе описаніямъ. *)

*) На камнѣ у Срезневскаго въ послѣдней стрѣлкѣ, вмѣсто вѣнчаннаго князя, замѣнено: «Святославъ» — но это не точно, потому что въ древней надписи не было имени князя.

*) Срезневскій въ примѣчаніи къ надписи, которую онъ приводитъ, замѣчаетъ, что въ 1867 г. надпись была еще не открыта.

*) Русская древность въ примѣчаніи къ надписи, которую приводитъ проф. Н. П. Кондаковъ, замѣчаетъ, что въ 1867 г. надпись была еще не открыта, потому что въ 1867 г. надпись была еще не открыта, потому что въ 1867 г. надпись была еще не открыта.

Въ бытность мою въ Юрьевѣ Польскомъ крестъ, закрытый ризами находился въ новомъ тепломъ придѣлѣ ¹⁾, въ иконостасѣ налѣво отъ царскихъ вратъ. Онъ отстоитъ отъ полу поболѣе аршина, и завѣшанъ приношеніями на лентахъ. Сверху балдахинъ, внизу дощечка, которую о. протоіерей Александръ Георгіевичъ Знаменскій любезно разрѣшилъ мнѣ открыть для осмотра и снятія эстампажа. Надпись я кое-гдѣ вымылъ отъ повѣвшихъ брызговъ известки и снялъ эстампажъ ²⁾.

Рис. 14. Рисунокъ исполненъ съ фотографіи, доставленной чрезъ соборнаго старосту и снятой, когда изображеніе было безъ ризы, отправленной для передѣлки.

Что касается художественной стороны изображенія, то, по мнѣнію спеціалистовъ, техника этого рельефа совершенно та же, что на стѣнахъ собора, и можно даже сравнить изображенные на землѣ Голгофы сельные крны съ растеніями стѣнныхъ разводовъ. Въ фигурахъ—та же сухость плоской рѣзбы, тѣ же приемы въ драпировкахъ, работѣ волюсь, контурахъ складокъ и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ представленные здѣсь фигуры и лики отличаются безусловно византійскими типами и формами. На крестѣ вмѣсто надписи—греческая гетимасія (ἐτοιμάσια)—

---

¹⁾ Въ этомъ же придѣлѣ помѣщены два новыя мраморныя надгробія князей Святослава и Дмитрія (у послѣдняго съ ошибкой въ числѣ лѣтъ его жизни).

²⁾ Фотографія съ него съ обратной стороны здѣсь прилагается. Эта обратная сторона лучше передаетъ характеръ начертаній, хотя буквы, вмѣсто углубленныхъ, кажутся выпуклыми.

установленный престолъ слона ¹⁾. И отъбѣху еще непропорциональности боковыхъ изображений съ престоломъ у креста, какъ будто они стояли когда-то не въ одной плоскости съ крестомъ: такая величина престолнича у креста съ изображаемымъ распятиемъ Господа — вещь обычная. Любопытны узоры на вершней одеждѣ Юдифи Богодлова, крутѣе нить и каннѣрѣ на Лопатисѣ, събитой изображены въ фелоняхъ, согласно древнему установившемуся жонному шит-

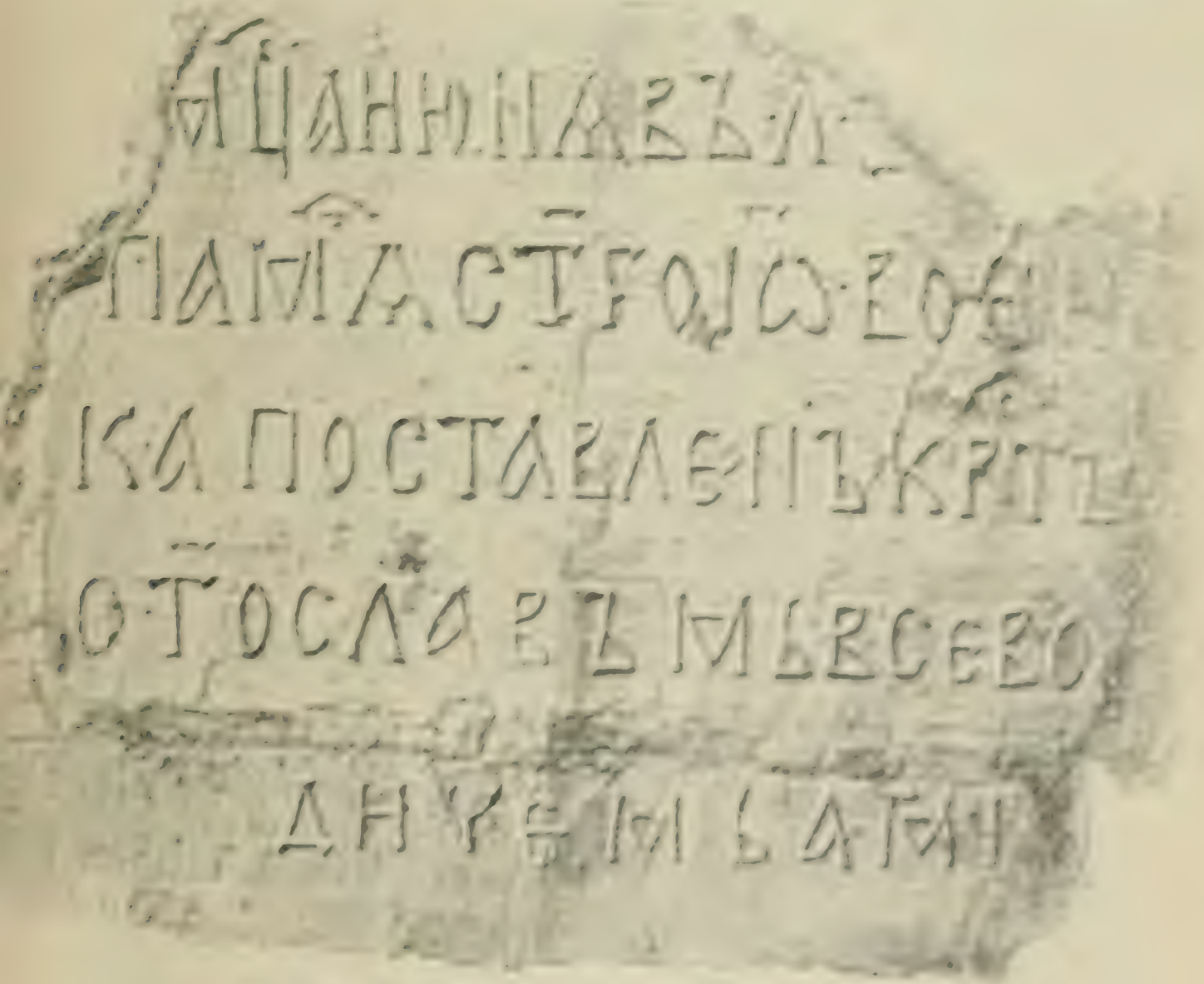

Рис. 16. По фотографии съ макета Н. А. Шестова.

Мнѣ не удалось найти подлинника всей композиции. Особенно по изображенію сотника Лопатиса съ поднятой рукой, она напоминает миниатюры славянской псалтыри Худова XIII вѣка ²⁾ и

¹⁾ Руб. древности VI, № 11 изображенъ свѣтъ въ иконостасѣ храма св. Дмитрія убомаицы пр. Парфурій Голубовскій. Икона куплена въ 1890 г. М. 1890, № 174.

²⁾ Руб. Н. Н. Пожаровскій. Византизмъ въ славянскихъ миниатюрахъ. Спб. 1892, стр. 110. Стр. Труды Московск. Арх. Общества, т. III, изданіе.

псалтыри 1397 года Имп. Общества любителей древней письменности ¹⁾. Что касается самой надписи, то прежде всего видно, что у нея не хватает правой части: особенно рѣзко бѣдается въ глаза окончаніе слова *Іѡ* воин... ка» слѣдуетъ дополнить Воиника ²⁾. Соображая вышенприведенныя чтенія, добавивъ окончанія слова: Амн—нѣ, измѣряя величину буквъ ³⁾ и сохраняя симметрію, возможно предложить слѣдующее возстановленіе всей надписи:

ВЪ ЛѢТО ~~Ѹ~~СЛѢВ
мѣѡ нѡнѡ въ ѡ д(нѣ на)
нмѡ стѣо іѡ воин(и)
ка поставленъ крѣтъ(сь)
стославѣмъ всево(до)
днѣмъ. Амн(нѣ).

Съ точки зрѣнія языка любопытны архаическій глухой въ словѣ стославѣмъ и употребленіе причастія поставленъ безъ глагола бысть. Съ палеографической точки зрѣнія уже И. И. Срезневскимъ отмѣчена особая форма буквы *ѡ*, встрѣчающаяся на чарѣ Владиміра Давыдовича (до 1151 г.), въ Лаврскомъ календарѣ и пр. Отмѣтимъ еще типичное, но не выдержанное **в** съ разстояніемъ посреди двухъ завитковъ (можетъ быть, изъ опасенія выломать камень), **ѣ** съ вытянутымъ среднимъ язычкомъ, **к** состоящее изъ двухъ отдѣльных частей, **у** въ видѣ чаши, красивую форму **ѡ**.

Никакого подобнаго изображенія изъ камня за XIII вѣкъ мы въ русской археологій не знаемъ. Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ крестъ Новгородскаго архіепископа Алексія, среди котораго есть распятіе, напоминающее наше изображеніе, но только съ двумя предстоящими. Крестъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря (XIV в.), судя по копіи, снятой моимъ университетскимъ слушателемъ Арс. Ал. Смирновымъ, — меньше и другой композиціи. Такимъ образомъ юрьево-польскій крестъ Святослава Всеволодовича есть единственный въ своемъ родѣ образчикъ крупной русско-византійской скульптуры XIII вѣка. По какому же поводу и когда быть поставленъ этотъ прекрасный памятникъ русской религіозной жизни XIII вѣка?

¹⁾ Лицевая псалтырь 1397 г. (корректурные листы). Спб. 1890, стр. 56. Распятіе нѣсколько возвышено противъ нашего рельефа. Нѣчто близкое имѣется и на мѣдномъ образкѣ моего собранія, приблизительно XVII вѣка.

²⁾ Ср. надпись Новгородской Спасо-Нередицкой церкви *Іѡ . ВОИНКО* и Ипатьевскую Лѣтопись подъ 1183 г. (Створи же Богъ побѣду сѹ мѣсяца іюля въ 30. въ понедѣльникъ въ память святого Ивана Воиника).

³⁾ Длина отъ 2,7 до 3,1 сантиметра, ширина отъ 1 до 3.

себѣ. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ же руководился князь Святославъ Всеволодовичъ (1196—1252), воздвигая въ 1224 году крестъ Христовъ и украшая его изображеніями не только обыкновенно находящихся при крестѣ Богородицы и Іоанна Богослова, но и Маріи Магдалины и Логгина сотника, и св. Николая, и св. Тихона Амаоунтскаго? Знакомая ближе съ біографіей князя, видимъ, что это былъ человѣкъ тихаго, мирнаго, мягкаго характера. Онъ не принимаетъ личнаго участія въ удѣльныхъ междоусобіяхъ, но постоянно и какъ-то покорно исполняетъ чужія порученія то отца Всеволода, то братьевъ Константина и Юрья. По чужимъ распоряженіямъ, онъ-то князь Новгородскій, то Смоленскій, то Юрьева-Польскаго, то Переяславля-Залѣскаго, то Суздаля. Даже сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ раздаетъ города своимъ племянникамъ, въ томъ числѣ и кн. Александру Невскому,— не по своему желанію, а во исполненіе завѣщанія своего брата. Его сгоняютъ съ княженій и даже съ великокняжескаго престола, и онъ смиряется... А между тѣмъ видно, что это человѣкъ безусловно храбрый, шедшій на приступъ впереди всего войска. Ему было 32 года, когда жена его, «по совѣту съ нимъ», постриглась въ монашество (1228 г.), оставивъ ему сына князя Дмитрія. Лаврентьевская лѣтопись называетъ его благовѣрнымъ княземъ,— и хотя и неканонизованный, онъ пользуется мѣстнымъ почитаніемъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Въ 1218 году пришелъ изъ Царяграда во Владиміръ къ брату нашего Святослава Константину Полоцкій епископъ (онъ нигдѣ не названъ по имени, по Строеву—Владиміръ) и «принесе ему етеру часть отъ страстей отъ Господень яже насъ ради Владыка Иисусъ Христосъ пострада (т.-е. часть древа креста Господня) ¹⁾ и мощи святаго Логгина мученика сотника, святѣи его руцѣ обѣ ²⁾, и мощи святыя Марьи Магдалины». Константинъ поставилъ ихъ въ монастырѣ Вознесенія передъ Золотыми воротами, а затѣмъ въ воскресенье, 16-го октября 1218 г., крестный ходъ изъ Владимірскаго кремля двинулся къ монастырю. Епископъ взялъ на главу свою «святую ту раку и тако возвратишася въ градъ къ святому Димитрію» ³⁾. Событіе было изъ ряду вонъ выходящее для того времени, и возможно, что въ память его Константинъ заложилъ во Владимірѣ церковь Воздвиженія креста Господня, существовавшую до XVIII вѣка. Въ томъ же году (по Спасской—по двою лѣту) Константинъ скончался, и на великокняжескій престолъ вступилъ Юрій, впоследствии

¹⁾ Есть предположеніе, что эта именно частица хранится въ Москвѣ въ крестѣ Успенскаго собора.

²⁾ Въ настоящее время одна изъ рукъ св. Логгина сохраняется въ Ватиканскомъ соборѣ св. Петра въ Римѣ. Арх. Сергіѣй. Полный мѣсяцесловъ Востока. М. 1876. т. II, стр. 332.

³⁾ Лавр. лѣтопись, стр. 419.

Тамъ на покое съ 1222 и по 1226 годъ, когда былъ походъ на Мордву, Святославъ могъ заняться сооружеиіемъ креста, тѣмъ болѣе, что мастера были подъ рукой: самъ Юрій занялся въ 1222 перестройкой соборной церкви въ Суздаль, а въ 1223 выстроена церковь въ основанномъ имъ Нижнемъ-Новгородѣ. Но почему крестъ былъ поставленъ 30-го іюля на память Іоанна Воина? У Святослава правда былъ братъ Іоаннъ, близкій по возрасту (моложе на 2 года), соратникъ князя и впослѣдствіи спутникъ его въ Орду, но онъ родился 28-го августа 1198 г. и, вѣроятно, былъ названъ въ честь св. Іоанна Предтечи. Возможно другое и, кажется, довольно убѣдительное соображеніе: въ день 30-го іюля по нѣсколькимъ пергаменнымъ спискамъ славянскаго пролога и схоже съ древнимъ Менологіемъ Василія, — празднуется Воздвиженіе честнаго креста (исхожденіе честнаго креста изъ палаты въ великую церковь) ¹⁾.

Сводя все вышесказанное, повторяю основной выводъ моего изысканія. Сооруженіе особой каменницы съ рѣзнымъ изображеніемъ распятія съ предстоящими пресвятой Богородицей и святыми женами мироносицами, Іоанномъ Богословомъ, Логгиномъ Сотникомъ, Николаемъ Чудотворцемъ и Тихономъ Амаѳунтскимъ было закончено княземъ Юрьева Польскаго Святославомъ Всеволодовичемъ ко дню древняго празднованія Воздвиженія креста 30-го іюля 1224 г. Мысль о сооружеиіи креста съ предстоящими явилась въ виду принесенія во Владиміръ частицы древа Господня и мощей св. Маріи Магдалины и св. сотника Логгина въ 1218 году. Выборъ другихъ святыхъ сдѣланъ въ память благополучнаго избавленія князя отъ опасности во время войны съ болгарами въ 1220 году. Распятіе сдѣлано изъ привезеннаго изъ Болгаръ камня, вѣроятно, мастерами Юрія Всеволодовича и напоминаетъ изображенія рукописныхъ русскихъ псалтырей XIII и XIV вѣковъ.

1-го авг. 1903. Про-
исхожденіе древъ
креста Господня.

И. Шляпкинъ.

великою... оттуду же посла Святославъ вѣсть предъ собою ко брату своему Юрью, и дошедь Городца и выиде изъ лодей и поиде ко граду Володимерю на конѣхъ. Слышавъ же его Юрьи и срѣте и у Боголюбowa на рѣцѣ Сурамлѣ и со сыномъ своимъ Всеволодомъ: и цѣловаастася съ любовью великою; пришедшимъ же имъ во градъ, бысть радость велика въ Володимери, и створи князь Юрьи учрежденіе велие брату своему и воемъ всѣмъ по 3 дни; мнози дасть дары брату златомъ, и серебромъ, и порты различными, и конми, и оружіемъ, аксамиты и поволоками, и бѣлью, такоже и вои одари повелику, коегождо по достоинству; и отъиде Святославъ съ честью великою во градъ Юрьевъ" (П. С. Р. Л. VII, стр. 127—128).

¹⁾ Сергіѣй. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, М. 1876, стр. XX и 200 (прологи синодальный, румящевскій и хлудовскій). По другимъ этотъ праздникъ—31-го іюля. Мученикъ Іоаннъ Воинъ изъ славянъ. Особое благодатное его дарованіе—открытіе похищенной на войнѣ добычи (тамъ же, стр. 220).

Рѣдкій антиминистъ.

Императоръ Александръ I-й скончался въ Таушарентъ 19-го ноября 1825 года. Извѣстіе объ этомъ получено въ Петербургъ 27-го ноября, и тогда же начали приносить императору Константину Павловичу. Но вслѣдъ затѣмъ было издано («печатавъ въ Спб. при соудѣ» 14-го дня 1825 года) манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, «считая его царствованіе съ 19-го ноября 1825 года». Такимъ образомъ, хотя въ свое время Константинъ Павловичъ былъ признанъ императоромъ, сѣмъ не мѣсто въ русской исторіи имѣть мѣста его царствованія. Предметы съ именемъ императора Константина Павловича¹⁾ весьма рѣдки. У меня имѣется одинъ изъ такихъ предметовъ — антиминистъ.

Этотъ антиминистъ атласный, жесткій, размѣрами около 20×22 дюймовъ. На немъ изображенъ на антиминистѣ изображенъ. Въ срединѣ — положеніе Спасителя во гробѣ, но въ немъ четыре оваловидныя, между послѣдними вверху и внизу антиминиста разнень, а по сторонамъ орудія страданій Господа; на лѣвой отъ зрителя сторонѣ столбъ, на которомъ стоитъ крестъ, къ столбу прикреплена жезлъ и палка съ длиннѣе-то сосудомъ, внизу фонарь, римскій топоръ, многокопечная плеть и пучокъ розогъ; на правой сторонѣ вѣстница, въ срединѣ въ концы гроба съ губкою, концы (съ тринадцатью сребренниками) желтою и лави (2), внизу сосуда (съ жезломъ и оловомъ?) и два малые кубика, обозначающие собою жребій, который жетали жинны оба члена Спаси-

¹⁾ Императоръ, перебранный русск. въ концы въ „*Journal Historique des Empereurs Russes et des Czarines*“, 1800, Vol. VIII (III Band, II Heft), стр. 208, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

теля ¹⁾. Надписи между евангелистами печатныя съ рукописными добавленіями. Въ верхней надписи напечатано: «Сей антиминосъ Си есть трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественный литургій освятися благодатию пресвятаго Духа: Сего ради преподается власть священнодѣйствовать на немъ во храмѣ»; написано: «Іоанна воина Малоархангельской округи въ селѣ Скарятинѣ Красномъ тожъ». Въ нижней надписи напечатано: «Повелѣніемъ Благодѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Константина Павловича Всея Россіи Благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода Священнодѣйствованъ Преосвященнымъ»; написано: «Гавріиломъ Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ 1826 года мѣсяца февруарія въ 7 день». Внизу антиминоса на полѣ подпись, выцвѣтная настолько, что съ трудомъ можно разобрать ее: «Смиренный Гавріиль Епископъ Орловскій и Сѣвскій».

Въ изслѣдованіи прот. К. Никольскаго «Объ антиминосахъ православной Русской Церкви» антиминосовъ съ точно такимъ рисункомъ не указано. Наибольшее же сходство имѣетъ этотъ рисунокъ съ рисунками антиминосовъ царствованія Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I, напечатанными у о. Никольскаго подъ №№ 13 и 14, и, можетъ быть, составленъ подъ вліяніемъ ихъ.

Антиминосы обыкновенно печатались въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ. Гдѣ именно напечатанъ разсматриваемый антиминосъ,—неизвѣстно.

Освятившій его преосвященный Гавріиль, въ мірѣ Василій Θεодоровичъ Розановъ, сынъ священника, родился въ 1781 году; 18-го сентября 1821 года хиротонисанъ изъ архимандритовъ Толгскаго монастыря. Ярославской епархіи, во епископа Орловскаго и Сѣвскаго; 22-го мая 1828 года переведенъ въ Екатеринославль; 31-го декабря 1832 года пожалованъ во архіепископа; съ 9-го мая 1837 года по 1-е марта 1848 года былъ архіепископомъ Херсонскимъ; изъ Херсонской епархіи ²⁾ перемѣщенъ въ Тверскую; 15-го февраля 1857 года уволенъ на покой; 8-го сентября 1858 года скончался въ Желтиковѣ монастырѣ, гдѣ и погребенъ. Преосвященному Гавріилу принадлежать труды: 1) «Историческ. зап. о Пустынно-Николаев. самар. мон.». Одесса. 1838 г.; 2) «Устное повѣствованіе бывшаго запорожца». Од. 1842 г.; 3) «Пе-

¹⁾ Въ изслѣдованіи „Объ антиминосахъ православной Русской Церкви“. Спб. 1872 г. (стр. 341), протоіерей К. Никольскій почему-то называетъ эти кубики „костями домино“.

²⁾ Преемникомъ его здѣсь былъ знаменитый проповѣдникъ Иннокентій Борисовъ.

расселение грековъ изъ Крыма въ 1779 году въ Азію (журн. Общ. иск., т. I. 1844 г.), 4) «Иск. прощад. опис. червон. скарж. Херсон. и Таурит.», Од. 1848 г. (изд. II т. «Записокъ Од. Общ.»), 5) «Очеркъ повѣств. о Новорос. краѣ, въл. описан. истощеніемъ почерпнутый», Тв. 1857 г. (тоже въ III и V тт. «Зап. Од. Общ. иск.»), 6) Собр. сочиненій его. М. 1854 г.¹⁾

Церковь села Краснаго Скартина²⁾, въ которую освященіе разсматриваемый антиминсъ, построена въ 1742 году «стѣпаніемъ и явленіемъ» помѣщика Тихона Яковлевича Скартина, помещика. Въ ней три престола въ настоящей, холодной, — во имя Боговиждима Господня, въ правомъ, холодномъ, приделѣ — во имя Сожалѣнной вѣсны Богороди Матери и въ лѣвомъ, тепломъ, — во имя святаго великомученика Іоанна Воина. Для послѣдняго престола и былъ освященъ этотъ антиминсъ, какъ видно изъ вышенприведенной надписи на немъ. Стѣпаниса первая изображаетъ различныя событія истории Нового Завета. Между прочимъ, въ картинахъ представлены заповѣда блаженства и молитва Господня. Она изъ картинъ — иллюстрація 3—5 стиховъ VII главы Евангелія Матвея изображены два разуждающіе между собою змѣицы, изъ которыхъ у одного въ глазу брѣвню, а у другого стѣпка³⁾. Изображенъ въ настоящей церкви пяти-арусный и «изначинъ», вмѣсто обычнаго креста, большой, рѣзной работы, иконою Сошествія Святаго Духа, которую съ двухъ сторонъ поддерживаютъ два рѣзные, изъ роста злато-вѣйка, ангела. На парсѣхъ же вратахъ рѣзные, въ дереву, изображеніе Тайной Вечери. Въ лѣвомъ приделѣ парсѣхъ врата съ рѣзнымъ изображеніемъ Моленія о Чашѣ, молящійся Спаситель, поддерживаемый ангелами, и три силіе апостола, а надъ парсѣхми вратами, также рѣзные, — благословляющій Господь Саваоотъ и по сторонамъ Его два ангела. Въ церкви имѣется рѣзное же изображеніе сплываго Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, особенно тѣмъ и извѣстнѣ въ народѣ подъ именемъ «Спасителя въ терновѣцѣ». Рѣзное оно изображеніе въ вѣнцѣ стѣпки въ настоящей, съ лѣвой стороны, а теперь въ устроеномъ вѣнцѣ шкафа багряницѣ.

Что же касается антиминсому, то антиминсъ въ настоящей приобрѣтенъ въ 1881 году, изъ правомъ приделѣ освященный въ 1800 году епископомъ Досифеемъ, а въ лѣвомъ, освященный епископомъ Гаври-

¹⁾ Изданіе изд. «Дружеская рукопись», т. I, стр. 1021.

²⁾ Слѣдствіе оной вышесказанной иконы, въ настоящемъ, въ Г. М. М. М. М.

³⁾ Такая картина въ православной церкви и въ другихъ церквяхъ. Въ ней и въ Евангеліи описано, что въ XVII столѣтіи.

юмъ 11-го декабря 1827 года. Въ церковныхъ прихода-расходныхъ книгахъ за 1826—1828 гг. есть о покупкѣ антиминсовъ двѣ записи, а именно, въ 1826 году: «4-го октября. Запложено за Св. Антиминсѣ пошлины пятнадцать рублей»¹⁾; въ 1828 году: «2-го генваря. Запложено за Св. Антиминсѣ пошлины пятнадцать рублей». Отсюда можно заключать, что за рассматриваемый антиминсѣ уплатили деньги 4-го октября 1826 года, а декабря 11-го 1827 года, для замѣны его, преосвященный Гавріилъ освятилъ другой антиминсѣ, за который въ 1828 году 2-го января были уплачены деньги и на которомъ совершается литургія и до настоящаго времени. Почему оказалось необходимымъ произвести эту замѣну, сказать трудно.

Рассматриваемый антиминсѣ внизу прожженъ. Мощей въ немъ нѣтъ; судя же по мѣшечку на обратной сторонѣ,—были.

Приобрѣтень мною этотъ антиминсѣ въ Воронежской губерніи.

М. Успенскій.

---

¹⁾ „Въ 1753 году Святѣйшій Синодъ приказалъ не брать платы за антиминсы“ (прот. Никольскій, стр. 283), а Высочайшимъ указомъ 18-го апрѣля 1765 года, между прочимъ, объявлялось, чтобы при отдачѣ антиминсовъ брать только за одинъ холстъ по 50 коп. (Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12379). По распоряженію Синода отъ 22-го августа 1822 года, „лица, требовавшія изъ Московской синодальной типографской конторы антиминсы, обязаны были доставлять прямо въ оную чрезъ почты, или стороннихъ повѣренныхъ, какъ деньги за напечатаніе оныхъ, по одному рублю за каждый антиминсѣ, такъ и самую матерію, на которой тѣ антиминсы должны быть печатаны, или также деньгами, по извѣстной въ продажѣ цѣнѣ“ (Никольскій, стр. 288). Такимъ образомъ, по 15 рублей за антиминсѣ взималось въ Орловской епархіи, вѣроятно, какъ за напечатаніе его, такъ равно и за матерію и пересылку.

Поѣздка Н. Н. Рѣшникова въ Старую Ладогу.

Поѣздка, исполненная г. Рѣшниковымъ въ 1903 г., по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, вызвана была слухами, что въ самой Старой Ладогѣ и близъ нея имѣются группы мелкихъ кургановъ, исследование которыхъ обѣщало дать не маловажные результаты.

Отъ устья Волхова до Старой Ладоги дорога на протяжении 12 в. идетъ по лѣвому берегу, то близъ самой рѣки, то удаляясь отъ нея. Версты на четыре вверхъ беретъ состоятъ изъ цѣлаго ряда высокихъ, круто обрывающихся долинныхъ холмовъ, на которыхъ, повидимому, можно ожидать встрѣтить не мало стоянокъ каменнаго вѣка. При д. Воды одна такая стоянка была уже открыта проф. Иностранцевымъ. Далѣе мѣстность замѣтно понижается, и лишь съ Ивановаго острова снова начинается постепенно подыматься къ Старой Ладогѣ.

Первые замѣченныя на этомъ пути концы расположены у д. Велеша, откуда онѣ слѣдуютъ цѣпью вплоть до слоб. Подмонастырской на протяжении до 4-хъ верстъ. Вѣкъ ихъ единичный. Курганы различной величины, расположены то одиноко, то парами; изъ нихъ сохранились лишь два. Своими величинами размѣрами выдѣляется конекъ расклинываемая Ходяковскимъ. Близъ слободы замѣтны глубоководы, образовавшіяся, вѣроятно, отъ выемки земли для устройства племени.

На правомъ берегу Волхова концы начинаются у д. Горчаковщины (ниже деревни селитѣ цѣлый курганъ и остатки дружнаго разрушеннаго). Конца виднѣтся у д. Захоннаго притока Ивановаго торца.

Въ Старой Ладогѣ осмотрѣнъ земной городище, расположенный на каменномъ городищѣ. Длина его около 250 шаговъ, ширинѣ до 150 шаговъ. Плоская средняя часть отгорожена и построенами притока Георгіевской церкви и вѣнчалась глубоководы (до 3-хъ саженъ) бровями, образовавшимися отъ обвала земли въ шестъ, прилегающая

пота горютокъ для добыванія бѣлаго крупнозернистаго песку. Валъ съестъ, ровъ засыпанъ. По уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ остаткамъ можно заключить, что валъ имѣлъ по откосу до 6 саж., при ширинѣ до 26 арш. у подошвы и до 10 арш. по гребню; ровъ имѣлъ до 5 саж. ширины. На горючѣхъ надъ развалинами церкви св. Климента въ особой часовенкѣ водруженъ крестъ. Культурный пластъ массивенъ и полонъ разнообразныхъ находокъ. У мѣстнаго учителя изъ такихъ находокъ сохраняются двѣ скандинавскія фабулы X в. типовъ Бранденб. табл. I, 3. и Сизова табл. I. 1 и 5, шпоры, обломки ядеръ, ружейный стволъ и пр. Значительно бѣльшая коллекція вещей съ городища собрана священникомъ Георгіевской церкви: въ ней между прочимъ находятся два мѣдные тѣльника типа корсунскихъ и диргемъ Гарунъ-аль-Рашида, чеканенный въ Испаніи въ 788 г.; диргемъ этотъ найденъ при копаніи колодца. Г. Рѣпниковымъ въ обвалахъ городища собрано значительное количество черепковъ (съ орнаментомъ волнистымъ и изъ параллельныхъ линий), нѣсколько сравнительно позднихъ бусъ, маленькія шиферныя пряслища, кости со слѣдами обработки, желѣзные гвозди, желѣзные заклепки типа X в. и маленькій кремневый скребочекъ.

Развалины церкви, открытыя ген. Бранденбургомъ на р. Ладожкѣ, находятся въ полномъ запущеніи и служатъ складочнымъ мѣстомъ для строительныхъ матеріаловъ. Развалины другой каменной церкви при устьѣ Ладожки оказались совершенно срытыми, и на мѣстѣ ихъ поставлена новая каменная часовня.

Искомые курганы обнаружены по дорогѣ изъ Старой Ладogi въ д. Княжчино. Въ верстѣ отъ города, шагахъ въ 50 отъ дороги по направленію къ Балковскому лѣсу найдены двѣ курганныя насыпи, которыя и были раскопаны. Первый курганъ, размѣровъ 1×2 арш., сильно опуханъ. По всей подошвѣ слой горѣлой земли и пепла съ вкрапинами угля, слегка выпуклый и доходящій въ центрѣ до 2-хъ вершк. толщины. Второй курганъ, лежащій въ 10 шагахъ отъ перваго, имѣлъ размѣры 1 арш. 6 верш. $\times$ 3 арш.; сложенъ, какъ и первый, изъ суглинка. По всему основанію насыпи слой горѣлой земли и пепла съ небольшою примѣсью угольковъ, поднимающійся бугоркомъ и замѣтно утолщающійся къ центру (по краямъ до 1 верш., по срединѣ до 2-хъ верш. толщины). Въ насыпи, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. и въ $\frac{3}{4}$ арш. надъ слоемъ пепла, небольшое количество углей, прикрытыхъ плитою размѣровъ $\frac{3}{4}$ арш. $\times$ $\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 2 верш.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этихъ кургановъ, ближе къ Княжчину раскопанъ третій курганъ, продолговатой формы. Насыпь сложена

въ направлении отъ В. къ З., въ размѣрахъ $9 \times 5^1_2 \times 4$ арш., грунтъ—суглинокъ. По всему основанію кургана лежитъ равномерный оловянный слой, толщиной до 2-хъ верш. Выше — никакихъ.

Нѣсколько ближе къ дорогѣ найдена четвертый курганъ, въ размѣрахъ 3×1^1_2 арш. На материкѣ оловянный слой въ мерцательномъ тѣлѣ, толщиной до 2-хъ верш., но по всему основанію — песокъ, а лина въ видѣ круга до 2 арш. въ диаметрѣ. Выше на 1 арш. $1 \times 1^1_2 \times 1$ арш. отъ верха обнаружено небольшое количество утвари.

Близъ д. Княжино разпознано гробовище «Побѣдище», состоящее своими сопоками, кладомъ куфическаго монета и разбросанными жетономъ вещей курганнаго типа. Оно лежитъ у обрыва крутого берега р. Палахова. Изъ 8 сопокъ три уже раскопаны. Между двумя изъ числа послѣднихъ усмотрѣны небольшой курганъ, раскопанъ котораго дава интересные результаты. Кургана этотъ принадлежитъ къ числу разнородныхъ и представляетъ самый размѣромъ $9 \times 3 \times 1^1_2$ арш., лежа въ направленіи отъ С. къ Ю. Грунтъ—песокъ. Въ центрѣ насыпи, лежащая дномъ, всего на глубинѣ 3-хъ верш., оказалась куча сожженныхъ костей, смѣшанныхъ съ углемъ, въ которой найдены жетоны прижизн. со слѣдами пребывания на огнѣ (рис. 14), обломки пола и черепки горшка. Глубже на 1 арш. и въ 1^1_2 арш. на материковѣ обнаружены помосты изъ 17 плитъ разной величины, размѣромъ 7×3 арш. (рис. 15).

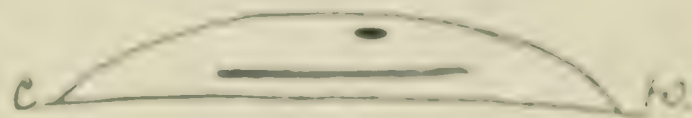

Рис. 14

Рис. 15

У гробовни д. Княжино-Мил. Артемиа, находимаго пещерный кладъ куфическаго монета VI—VIII в. 1870 г., описанъ еще при обрѣдѣ изъ этого клада — сарматскій дирхемъ 2-го VII в., дирхемъ Гарунъ-адъ-Рашида 788 г. и абхазскій дирхемъ VIII в. Кладъ былъ весьма значительной. По словамъ находившаго, наибольшее количество монетъ изъ этого сокровища до настоящаго времени имѣетъ у двухъ лицъ.

Нѣсколько къ СЗ отъ сопокъ разпознана пещерная гробовища.

сopки, принадлежащія г. Балкѣ, въ которомъ находятся до 8 небольшихъ кургановъ, повидимому, входящихъ въ составъ большой группы, нѣтъ почти совершенно сглаженной распахкою; раскопанные 4 кургана могутъ быть относимы къ этой же группѣ.

На другомъ берегу Волхова у Старой Ладогѣ, какъ разъ противъ «Побѣдицы», у д. Лошино имѣются 3 рядомъ стоящія и уже раскопанныя сopки. Противъ Георгіевской крѣпости, въ имѣніи г-жи Благодаревой, на урочищѣ «Плакунъ» расположена группа изъ 10 плоскихъ насыпей, изъ которыхъ разрѣшено было раскопать одну. Курганъ имѣлъ размѣры 7×1 арш., насыпанъ изъ песку и ничего не далъ; на глубинѣ 1 арш. тотчасъ показалась тягучая, вязкая глина. Надъ урочищемъ на краю возвышаются двѣ сopки, стоящія рядомъ, и еще одна подальше: всѣ три раскопаны. Нѣсколько далѣе, надъ мызой, противъ женскаго монастыря, имѣются еще двѣ сopки рядомъ и одна въ отдаленіи, также раскопанныя.

Для ознакомленія съ мѣстными курганами сдѣлана была поѣздка вдоль р. Волхова до д. Городище. До прист. Гостинопольской дорога идетъ еще по лѣвому берегу, представляющему здѣсь возвышенную окраину большого болотистаго пространства. Здѣсь двѣ сopки видѣются на правомъ берегу между д. Симонковымъ и Заполькомъ, близъ нихъ 6 сopокъ между д. Быльщиной и Дубовиками и за послѣдней еще двѣ. На лѣвомъ берегу въ этой мѣстности расположена лишь одна огромная сopка у с. Михаила Архангела, раскопанная Н. Е. Бранденбургомъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи еще одна. Выше по Волхову нѣтъ сopокъ по порогамъ отъ д. Порогъ на протяженіи 9 верстъ. Далѣе большая сopка имѣется у д. Вындинъ Островъ. По правому берегу Волхова дорога до д. Городище идетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, по перелѣскамъ. Здѣсь разспросы о курганахъ не дали никакихъ результатовъ. Дальнѣйшія поиски кургановъ пришлось отложить, въ виду сильно разившейся въ этой мѣстности эпидеміи скарлатины.

Въ самомъ началѣ пороговъ на берегу Волхова стоитъ каменный четырехконечный крестъ на постаментѣ изъ крупнаго булыжника, имѣющій до 1 саж. вышины; камень длиною до $1\frac{1}{2}$ саж., толщиною до 1 арш. По мѣстнымъ преданіямъ, это тотъ самый камень, на которомъ приплылъ преп. Антоній, продолжавшій отсюда путь въ Новгородъ берегомъ.

[illegible]

„Онежскія бытныя“ (1873 г.). *Абрамычевъ*: „Народныя пѣсни“. *Бабкина*: „Бала-
лики, очерки исторіи ея развитія и усовершенствованія“ („Русская Бесѣда“, мартъ,
1897 г.). *Шмидтъ*: „В. В. Андреевъ, очеркъ его дѣятельности“ (Сиб. 1898 г. тип.
Гутенберга). *Григорьевъ*: „О кустарномъ произв. муз. INSTR. въ Россіи“ (изд. О-ва
для содѣйствія рус. пром. и торг.). Сиб. 1898 г. *Kuhlman*: „Die Geschichte der Bogenin-
strumenten“ (Braunschweig). 1882.

1. Смычковые инструменты на Востокъ.

Смычковые инструменты, составляющіе красу современнаго симфо-
ническаго оркестра, имѣютъ одну общую родину— Малую Азію, откуда
они распространились по Сѣверной Африкѣ и всей Европѣ; сравни-
тельно съ другими родами музыкальных орудій, древность, смычковых не-

Рис. 1. Палестинскій арабъ, игрокъ на ребабъ.

являются любимѣйшими музыкальными народными орудіями, особенно
въ сопровожденіи пѣнія или другой музыки.

Простѣйшимъ изъ современныхъ смычковыхъ инструментовъ надо
считать арабскій *ребабъ* или *ребекъ* (*рабабе*, *ребекке*—по разнымъ мѣстнымъ

велика, такъ какъ изобрѣ-
теніе игры смычкомъ про-
изошло уже послѣ всѣхъ
другихъ способовъ вос-
произведенія музыкальнаго
звука. На древнѣйшихъ

Рис. 2. Египетскій арабъ, игра-
ющій на ребабъ.

фрескахъ и барельефахъ
античнаго міра не встрѣ-
чено ни одного изображе-
нія игры смычкомъ. Въ
настоящее же время такіе
инструменты на Востокѣ

сильно распространены и

парчами), встречающийся как дробное музыкальное средство диках сынов пустыни, свистящих под гудом единственный его струны. Изобретение импровизации о слышала. Импровизация парочка и о красоте арабских женщин. Наиболее распространенная форма куона ребаба — четырехугольная (рис. 1, 2 и 3) смычок изогнутый, на зиг

Рис. 3. Египетский ребаб. (Муз. Бюро египетской консерватории.)

Рис. 4. Египетский араб, играющий на ребабе.

лук. египетские арабы делают также и круглую форму куона (рис. 4). Ребабы изобретены и в Турции, но там он имеет форму продолговатой, т. е.

Рис. 5. Турецкий араб, играющий на ребабе.

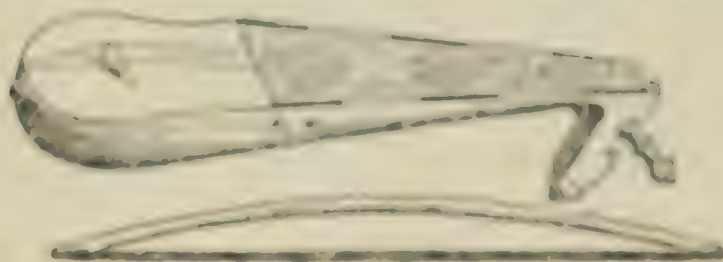

Рис. 6. Ребаб из Турции. (Муз. Бюро египетской консерватории по бокам и сдвиг струны, так как это позволяет лучше усовершенствоваться (рис. 7 и 8).)

Въ виду крайней простоты арабскаго ребаба его и надо считать родоначальникомъ всѣхъ смычковыхъ инструментовъ. Персы имѣютъ тоже очень первобытное музыкальное орудіе, тѣмъ не менѣе оно уже болѣе сложно, хотя и схоже съ арабскимъ, отъ котораго, очевидно, и произошло: это такъ называемый *кеманге* (рис. 7 и 8), встрѣчающійся не только въ Персіи, но въ азіатской Турціи и въ Египтѣ, куда онъ проникъ, очевидно, уже позднѣе. Какъ видно изъ рисунковъ, корпусъ *кеманге* полушаровидный, затянутый сверху кожей и выдолбленный изъ цѣльнаго куска дерева; на кожу ставится подставка, черезъ которую проходятъ двѣ струны; смычекъ луковидный.

Рис. 7. Персидскій кеманге. (Муз. Брюссельской конс.).

Рис. 9. Кеманге, 4 струны; на

экземплярѣ же, доставленномъ въ мою коллекцію отъ игрока армянина съ Кавказа — 3 струны. По указанію профессора Н. И. Веселовскаго, такого типа инструментъ, называемый *греческою скрипкою*, встрѣчается на побережьи Чернаго моря на Кавказѣ.

Рис. 8. Игрокъ на Кемангѣ.

Рис. 10

Но эту форму здѣсь надо считать рѣдкою; обыкновенная же и въ средѣ кавказскихъ горцевъ распространенная — очень близка къ первобытному персидско-арабскому кеманге, изображенному на рис. 7 и 8, отъ котораго, очевидно, и произошла. На ней двѣ или чаще — три струны, верхняя часть кузова затянута кожей, смычекъ луковидный, или прямой, гдѣ натяженіе волосъ производится рукою игрока (рис. 10); самый же инстру-

Рис. 14. Средне-азиатскій музыкантъ (Изъ книги „Hist. de la mus. en Russie“).

Рис. 15. Туркестанскій игрокъ. (Изъ дорожнаго альбома Н. Симакова).

по большей части примѣнены мѣстные, какъ, напримѣръ: *Eka-tantrika* (рис. 17) съ 1 струною и *Rovana* (рис. 18) — съ 2 струнами; оба изъ старин-

ной коллекціи Фетиса, — находятся въ музеѣ Брюссельской консерваторіи, изъ каталога которой здѣсь и воспроизводятся. Смычковые инструменты въ Индіи очень культивированы, и вылились во множество типовъ, дойдя до весьма сложной конструкціи и большого количества струнъ; формы кузова также разнообразны, смычки луковидные и прямые, названія по большей части изъ мѣстныхъ нарѣчій: *sarinda* (рис. 19), *sarangi* (рис. 20), *esrar* (рис. 21), *san-yogi* (рис. 22), арабское названіе *rabab* или *rud-ra-vina* (рис. 23) — мѣстное.

Рис. 16. Гиджекъ, инструментъ Таранчей (Семирѣченской области).

Рис. 17. Eka-tantrika. (Муз. Брюссельской Консерваторіи).

Рис. 18. Rovana. (Муз. Брюссельской консерваторіи).

FIG. 16. SITAR (HAYMAWA) (Hind. Sitar)

FIG. 17. Sitar (Hind. Sitar)

FIG. 18. Sitar (Hind. Sitar)

FIG. 19. Sitar (Hind. Sitar)

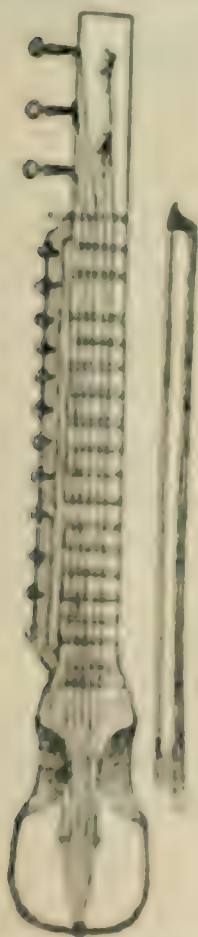

FIG. 20. Sitar (Hind. Sitar)

FIG. 21. Sitar (Hind. Sitar)

FIG. 22. Sitar (Hind. Sitar)

По сообществу музыкальных историков (Паумана, Magillon'a и др.) инструменты Сиама, Китая и Японии произошли от индійских; на это указывает, действительно, общее сходство смычковых музыкальных орудій этихъ странъ. Воспроизвожу здѣсь отдѣльно фигуру игрока изъ Сіамскаго придворнаго оркестра (рис. 24), заимствуя изображеніе это изъ каталога Magillon'a (Брюссельскій музей): самый же инструментъ названъ тамъ Saw - Tai. Въ Японіи такъ пазываемый *kokiю* похожъ на арабскій ребабъ, но имѣетъ 4 струны и большой прямой смычекъ (рис. 25). Въ Китаѣ есть смычковое музыкальное орудіе, очень похожее на индійскую говапа, съ тою лишь особенностью, что струны проходятъ между стержнемъ и тетивою смычка, которая такимъ образомъ производитъ по струнамъ трѣніе снизу (рис. 26 и 27).

Рис. 26. Китайскій инструментъ по эскизу Аллерса.

Рис. 27. Китаецъ - музыкантъ. (По фотографіи путешественника Н. М. Пржевальскаго).

Негритянскіе народы центральной и Южной Африки, находящіеся на первобытныхъ степеняхъ культуры, смычковыхъ инструментовъ, — какъ позднѣйшаго изобрѣтенія, — въ своемъ обращеніи почти не имѣютъ; послѣдніе если и встрѣчаются, то въ рѣдкихъ случаяхъ, будучи занесены туда арабами-торговцами. Профессоръ Фридрихъ Ратцель, помѣстившій въ «Народовѣдѣніи» множество рисунковъ музыкальных орудій негровъ, не изобразилъ ни одного смычковаго.

2. Смычковые инструменты Западной Европы.

Судя по рукописямъ IX столѣтія, въ Англіи (Валлисѣ) извѣстенъ былъ инструментъ *крутъ*, изобрѣтенный кельтами. Онъ имѣлъ удлиненную, почти изадратную форму, струны, поднятыя на подставку, и при игрѣ ставился вертикально на колѣно музыканта (рис. 28). До XVIII столѣтія крутъ сохранялся еще въ народномъ обращеніи въ

Англии и даже во Францию, откуда и доставлены экземпляры, хранящиеся в музее Брансбургской консерватории (рис. 29).

Настоящее же распространение смычковых инструментов во Западной Европе началось лишь со XII столетия, т.-е. со времени Крестовых походов. В это время из В. Европы представляли римляне была потребность в музыке и пении; иному Триумфу тогда таких называемых *жонглёров*, потопляя, древних гадателей, добывавших себе пропитание тем, что они представляли пароды, пьесы, анекдоты и разными представлениями. Наводилась и минутная

Рис. 28. Рубец на 3 струн. (Из рукописи IX вв.)

забавы для высшего высшего общества, также развивавшие поэзию и музыку; во Франции они назывались *жонглёрами*, во Испании *жонглёрами*, во Англии *жонглёрами* и во Германии *жонглёрами*. Таким образом являлась и потребность в разнообразии музыкальных инструментов; следовательно, с богатством в этом отношении Востоком дано обильный материал и послужило началом огромного распространения настоящих смычковых музыкальных инструментов по Западной Европе.

Рис. 29. Рубец (Муз. Брансбургской консерватории)

Героимом Моравским в своем трактате о музыке, сочиненном в XIII столетии (см. Фетиса: «Муз. инст. для школ», 1812, стр. 112), говорить, что в эту эпоху европейские смычковые инструменты были двух типов: *ребек* или *gubbe*, и *vielle* — причем их постоянной треще струны проковывались деревянными каменными, называемыми *капифе*; этот инструмент, очевидно, был родственником *лару*, который будет рассмотрен нами в отделе о перцах. Что же касается *ребек*, то уже по своему его названию мы можем судить об арабском происхождении этого инструмента. По свидетельству Героима *ребек* имела две струны, настраиваемые в октаву. Замечательные из старинных рукописей рисунки европейского *ребек* или *ребекки* представляют форму, похожую на перьята *жонглёра* или *жонглёрского скрипки* (см. выше рис. 27); таковы, например, набранные на рис. 30 и 31. Известный также из XII столетия Псалтырь (из Прокатора: «Греческое искусство»). Характере ра-

сункомъ того Псалтыря указываетъ на византійское ихъ происхожденіе а следовательно, и на существованіе въ Греціи въ XIII—XIV столѣтіяхъ типа инструмента, переходнаго отъ восточныхъ формъ къ западно-европейскимъ, — который при игрѣ начали уже поднимать на плечо.

Рис. 30. Итальянская *рибекка*.
(Живопись XIII вѣка).

Рис. 31. Греческое
(Византійское изо-
браженіе).

Рис. 32. Игрокъ
на 3 струн. *Giges*.
(Скульпт. XIII в.
Аміенск. собора).

Ребекъ и *крутъ*, двигаясь одинъ съ юго-востока, другой съ сѣвера Европы, встрѣтились и положили въ средніе вѣка начало многочисленнымъ разновидностямъ европейскихъ смычковыхъ инструментовъ.

Рис. 33. Трехструнная *віола* XIII в.
(Скульптура Аміенскаго собора).

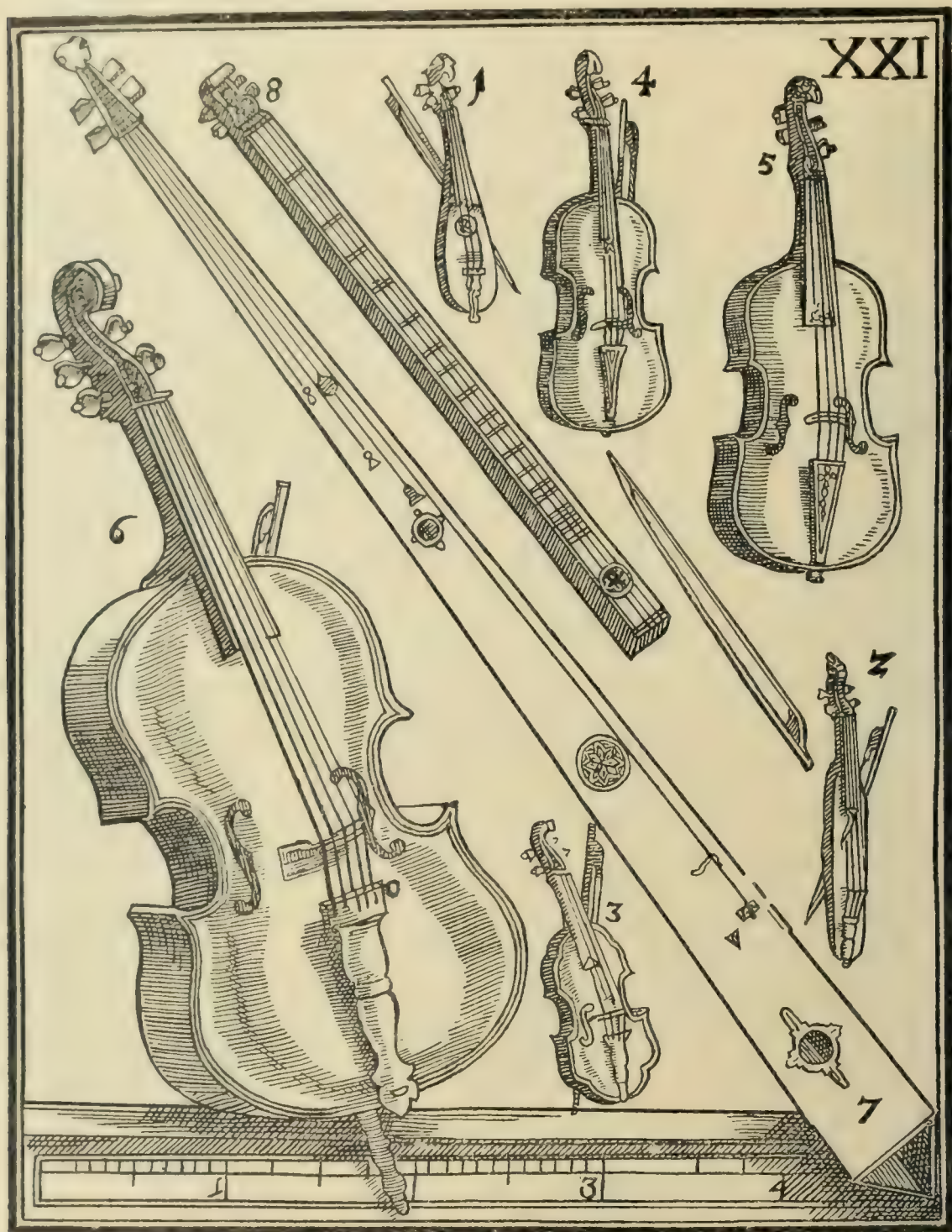
Рис. 34. Трехструнная *віола* по рукописи XIII в.
(Націон. библ. въ Парижѣ).

На старинномъ нѣмецкомъ языкѣ эти музыкальныя орудія назывались *geig* или *giges* (см., напримѣръ, рис. 32); на старинномъ французскомъ — *rota*; на итальянскомъ — *viola*, — названіе, въ послѣдствіи полу-

рис. 37). Подъ № 7 этой же таблицы помещенъ огромный контрабасъ *Trompscheit*, игра на которомъ наглядно представлена на рис. 38 (XV вѣкъ). Подъ именемъ *Trompette marine* старинный экземпляръ этого инструмента хранится въ Брюссельскомъ музеѣ.

7. 2. Kleine Poschen / Geigen ein Octav höher. 3. Discant-Geig ein Quart höher. 4. Rechte Discant-Geig. 5. Tenor-Geig. 6. Bas-Geig de bras io. 7. Trompscheit. 8. Scheidholt.

Рис. 37.

Наконецъ, подъ № 8 этой же самой таблицы изображенъ трех-струнный *scheidholt*, — смычковый инструментъ въ видѣ продольнаго

линка, однострунный или двухструнный, она и в настоящее время сохранилась в парском образчике из Финляндии. Прием игры левый (рис. 39) (фотография с натуры).

Приведу еще здесь характерное изображение концерта на охотничьем инструменте: клавишника (рис. 40), запечатленное из старинной (XVII в.) гравюры с острова Капри из Италии (см. каталога Magillon'a). Здесь видно положение плеча при игре, которая не, за исключением больших, выполняется на плечо музыканта. Это положение, как наиболее удобное для игры, представляет уже положительное определенное усовершенствование инструмента (точно так же, как и плечки на боках кузова). Факт свидетельствует, что в провинциях своих фазисах существования плеча ставилась на колена игрока, т. е. имел прием игры, близкий к своим восточному (ребаб) и китайскому (крута) прототипам.

Рис. 39. По рисунку XV в. (Надпись: «Восточный инструмент»).

Рис. 40.

Уже в XV веке делается из Китая (Европа) «инструмент» (фотография) по типу плечистого «струнного» (или «струнного») инструмента из Китая (Рис. 41).

Бурлато (1479 г.) и пѣмца *Гаспара Диффонруара* (1510 г.). По
шкѣ преобразованій смычковыхъ инструментовъ завершилъ Кремонскій

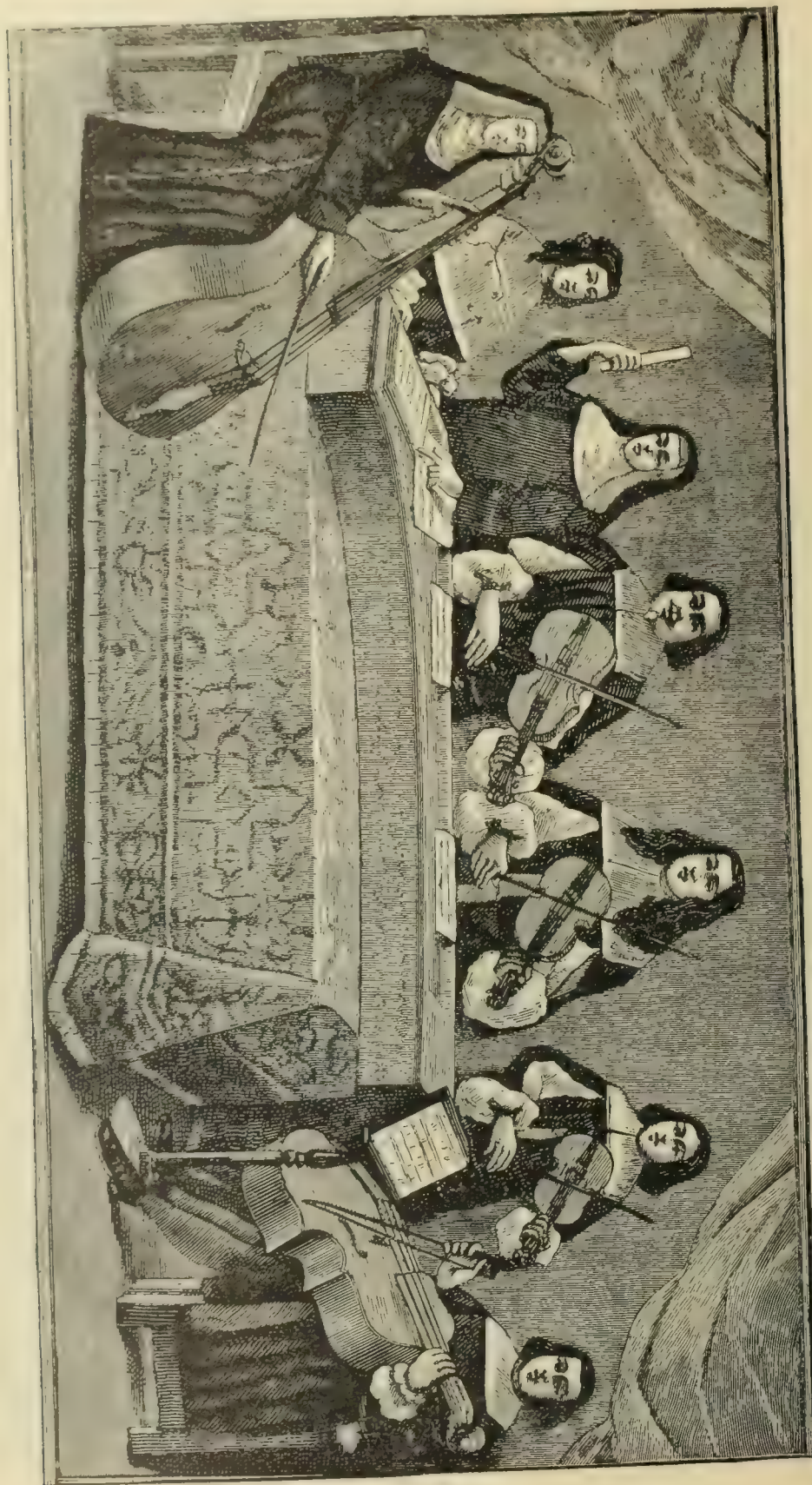

Рис. 40.

мастеръ *Антоній Страдиваріусъ* (1644— 1737), создавшій *скринку* или
violin (рис. 41) настолько совершенную, что въ продолженіе двухсотъ

дѣтъ съ тѣхъ поръ человечество не могло сдѣлать никакого откры-
тія отъ этого рода, не нарушивъ красоты звука инструмента. Съ
временники Страдиваріуса — *Никола Маюжини, Николай Амати и Лео-
польд Гварнери* установили оконча-
тельно смычковый квартетъ, въ кото-
ромъ скрипка является самымъ вы-
сокимъ инструментомъ; она имѣетъ
4 струны, настроенныя въ квинту
(основной интервалъ строя прежнихъ
виолъ); квинтою выше отъ скрипки
инструментъ большей величины —
альта, прямой и ближайшій посто-
мокъ виолы, сдѣланной только четы-
рехструнною; въ партитурахъ онъ
такъ и называется *viola*; ниже,
октавою ниже алта, — *целло* или
виолончель, и наконецъ *контрабасъ*
(Basso) (рис. 42), четыре стру-
ны котораго строятся по квартамъ
(до XIX столѣтія ихъ было только
три), при чемъ верхняя струна кон-
трабаса звучитъ въ унисонъ съ 2-ой
снизу струною виолончели.

Смычекъ долгое время употре-
блялся согнутый, дулообразный, пока въ
началѣ XIX столѣтія Туртъ не изоб-
рѣлъ сдѣлать согнутаго внутри (рис. 43).

Благодаря своему совершенству
и полной законченности, смычковый
квартетъ не только вошелъ въ со-
ставъ общаго для всего міра симфо-
ническаго оркестра, но и вытѣснить
въ Западной Европѣ все другіе смыч-
ковые инструменты для параллельнаго
употребленія. Въслѣдствіе совершенства
особыхъ причинъ остались одно одно-
ко существующіе два смычковыхъ па-
розныхъ инструмента:

1. *Strickbither* или смычковый щипокъ (рис. 44) въ общеприня-

Рис. 41

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 44

народы из Тироля и Карпатских Альпахъ. Четыре металлическихъ струны, строяся квинтами (въ униссонъ со скрипичнымъ альтомъ). При игрѣ ставится на столъ. Благодаря характерному металлическому тембру звука, чрезвычайно подходитъ къ общеизвѣстной въ Германіи и Австріи *цитру* (больше, чѣмъ скрипка), вследствие чего и распространилась въ ансамблѣ съ послѣднею среди нѣмецкой интеллигенціи. Многіе современные виртуозы на *streichzither* дѣлають ее уже въ формѣ скрипки, придавая ей иногда и строй скрипичный.

Рис. 44. *Streichzither*.

Рис. 45. *Гусла* изъ Далмаціи.
(Муз. Брюс. конц.).

2. *Гусли* или *гусла* славянъ Балканскаго полуострова (рис. 45). По простотѣ конструкции и характеру инструмента это ни что иное, какъ восточный однострунный ребабъ, занесенный сюда восточными кочевыми племенами. Въ первые вѣка по Р. Х. многіе народы переходили изъ Средней Азіи (мимо Каспійскаго и Аральскаго морей) въ нынѣшнія южно-русскія степи. Здѣсь они кочевали въ продолженіе одного-двухъ столѣтій, приходя въ соприкосновеніе и съ нарождавшимся русскимъ государствомъ; затѣмъ, вытѣсняемые болѣе сильными новыми выходцами съ востока, бросались на Западную Европу. Тутъ обыкновенно разбивались они о Карпаты и отбрасывались на сѣверную часть Балканскаго полуострова, гдѣ и осѣдали, такъ что въ концѣ концовъ здѣсь образовалась пестрая смѣсь народонаселенія. Назовемъ изъ такихъ восточныхъ народовъ хотя бы *тюрковъ* или *узовъ*, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ съ разрѣшенія византійскаго императора въ XI столѣтіи, и *половцевъ* или *комановъ*—въ XIII ст.

Восточное вліяніе, несомнѣнно занесенное этими выходцами, не могло не отразиться на быту ихъ сосѣдей, славянъ, отторгнутыхъ отъ главной массы славянства—сѣверной, и давно уже обитавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Восточный инструментъ, подъ звуки котораго

новшество, возникшее в области славянской музыки, привнесло славянам по духу, и они принимали его. Название также то распространялось, — но уже на полюбивших забытых для орудия славяно приручили к этому инструменту. Древнее славянское название *гусла* от гласа *гласи грьбъ* выражало собой понятие об инструменте арфообразном, сохранившимся в этом основном слове вид у нас, северных славян. А. С. Фаминин в своем исследовании о гуслах, приводит неоднократно подобные факты — перенесения названия старого полузабытого инструмента на новый, вошедший в народное употребление.

Славянские памятники литературы дают нам возможность вывести заключение, что уже в XII столетии (по Р. Х.) игра смычком была распространена среди южных славян. Кутач в своем сочинении *Opis i poviest narodnih glashala jugoslovena* (в журн. *Rad jugoslavenske akademije*, 1887 г.) приводит следующие, напечатанные им из древнего славяно-греческо-латинского словаря Милонича, в которых в XII веке упоминается о «струнном гусле»¹⁾.

Южно-славянские гусла и приращение себе получили от характер арабского ребабы, как и в Арабии, давая под звук единственный струн гуслей слагаются думны «воинские песни» прославлявшие варяжских воинов-героев. На рис. 46, воспроизведенном по фотографии с натуры, изображены гусляры, пение в игру которого внимательно слушают местные жители.

Рис. 46

3. Смычковые инструменты на Руси

В древнейших памятниках славянской литературы упоминается о *грьбъ* сохранившем себе старославянское обозначение — *грьба*

¹⁾ См. Фаминин, «Гусла», стр. 100—101.

струнныхъ инструментовъ, а иногда даже болѣе общее — *звуки инстру-
ментальной музыки*. На стр. 4 книги А. С. Фаминцына «Гусли»
(1890 г., прим. 2) приведено нѣсколько примѣровъ такого обозначенія:
въ XII вѣкѣ митрополитъ Іоаннъ порицаетъ «играніе, плясаніе и
гуденіе»; въ XIII в. Евсевій различаетъ «гудущихъ и пляшущихъ»;
въ XV в. Христолюбецъ въ числѣ бѣсовскихъ игръ называетъ «пля-
саніе и гудьбу»; въ XVI в. игумень Памфилъ въ посланіи 1505 г.
говоритъ «о гуденіи струнномъ», «гудуть струны» (Доп. къ актамъ
истор., № 22).

Съ XVI столѣтія появляется уже болѣе опредѣленное указаніе на
существованіе въ русскомъ народѣ смычковыхъ инструментовъ: митро-
политъ Даниилъ въ поученіи 1530 г. скорбитъ, что нѣкоторые изъ
священниковъ играютъ *въ гусли, въ домры и въ смыки*. Стоглавъ
(1551 г.) осуждаетъ «и гусли, и смыки, и сопѣли, и всякое гуденіе». Вѣ
словѣ Палладія мнѣха караются «свирѣльницы, и гусленицы, и
смычницы» ¹⁾. Характерно, что въ Лаврентьевской лѣтописи (Нестора)
подъ 1067 г. въ перечисленіи дьявольскихъ лестей, соблазняющихъ
человѣка, упоминаются «трубы, скоморохи, гусли и русалья»; въ Ни-
коновской же есть позднѣйшее добавленіе: «и смыки» (Полное собраніе
рус. лѣт., т. IX, с. 95).

Очевидно, смычковые инструменты появились на Руси въ народ-
номъ обращеніи близъ XVI столѣтія; вспомнимъ, что въ XIV—XV вѣ-
кахъ, здѣсь особенно замѣтно отразилось восточное вліяніе, какъ ре-
зультатъ монгольскаго ига: въ это время проникли къ намъ и восточ-
ные инструменты — *домра, сурна и смыки*. Последнее названіе явно
русскаго происхожденія, характеризующее тетиву, которая «смыкаетъ
лучецъ».

Въ XVII вѣкѣ чрезвычайно усиливается основанное на религіозной
почвѣ византійскаго аскетизма гоненіе духовенства и московскаго пра-
вительства на русскую народную музыку и пѣніе, ихъ представителей
(скомороховъ) и орудія ихъ—музыкальные инструменты. Объ этомъ
намъ свидѣлствуютъ рядъ памятей, наказовъ, царскихъ и патріар-
шихъ грамотъ, подробно цитированныхъ въ книгѣ А. С. Фаминцына
«Скоморохи на Руси». Точно также и Олеарій пишетъ о репрессив-
ныхъ мѣрахъ московскаго правительства въ серединѣ XVII столѣтія, вы-
разившихся въ томъ, что по домамъ всѣхъ православныхъ жителей
Москвы дѣлались полицейскіе обыски съ цѣлью отобранія музыкаль-

¹⁾ Эти цитаты извлечены также изъ книги Фаминцына «Гусли», с. 9.

ных инструментов, которые потому торжественно записались на Москвитинѣ. Этой литературѣ мы главнымъ образомъ и обязаны тѣмъ, что узнаемъ, какія музыкальныя орудія были въ употребленіи русскаго народа въ XVII столѣтіи. Точно также намъ удалось узнать, что въ XVII в. смычковые инструменты стали называться *прѣлами*, т.-е. ими пріурочено было древнее, болѣе общее обозначеніе. Названіе же «смычекъ» или «смычочекъ» (возникло «смычокъ») получило специальное свое значеніе, сохранившееся и до настоящаго времени.

Приведу, для примѣра, извлеченіе изъ царскаго указа отъ 13-го декабря 1649 г. приказчику Берхотуровскаго уѣзда Григорію Барыбину, заимствованную изъ Антоны Историческихъ (т. 1, № 36) «а гдѣ объявятся домры и сурны, *и гудки*, и гудки, и зари, и великіе гудобные бѣсовскіе сосуды, тобѣ бы то все велѣть вынимать,—и, изломать тѣ бѣсовскія игры, велѣть сжечь».

Въ XVIII столѣтіи волна анимизмистич., охватившая Русь, далеко отодвинула русскіе народныя инструменты, которые остались въ первообычномъ состояніи, и скоро начали совсѣмъ выходить изъ употребленія, будучи вытѣсняемы все болѣе и болѣе распространявшимися западно-европейскими. Народныя русскіе инструменты появляются только лишь въ шуточныхъ шествіяхъ адисторическаго свойства, такъ, напримѣръ, въ 1714 году, на свадьбѣ вилы паны Пылавы Моисеевича Зотова въ числѣ лудокъ, софторъ, баталосел и скринокъ, бывшихъ въ рукахъ участниковъ свадебной процессіи, упоминаются въ *описи* (Голіковъ, «Доп. къ дѣламъ Петра Великаго»). Въ другой подобной же процессіи 30-го февраля 1763 г. въ Москвѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины II, также участвовали «шумами съ баталыками, рылами, колысками *и прѣлами* въ рукахъ» (брошюра, принадлежавшая Н. Ф. Горбунову и содержащая описаніе этого праздника, воспроизводителемъ котораго былъ первый русскій актеръ Ф. Г. Волковъ. Панчестана потомъ въ сочин. Горбунова, изд. Мережа).

Гудокъ извѣстенъ еще быть въ обиходѣ русскаго народа и въ XIX столѣтіи на это указываютъ авторы начала XIX в. Фетисъ и Плетнеръ («Энциклопедическій словарь»); притомъ же Разумовскій въ 60-хъ годахъ пишетъ, что *гудокъ* употреблялся еще въ Малороссіи и упоминался *протавженіи гудковъ* ¹⁾. Въ 1853 году въ «Самарскій губернскій вѣдомостяхъ» извѣстнаго было и малороссійск. приношеніе съ любово «волянку, *прѣла* и *гобоу*». Народная партія изъ собранія Ровненскаго.

¹⁾ Какъ извѣстно, «гудокъ» — гудокъ, «смычокъ» — смычокъ, «прѣла» — прѣла, «гобоу» — гобоу, «волянку» — волянку, «протавженіи гудковъ» — протавженіи гудковъ.

съ пописами подъ ними въ родѣ нижегдѣдующей: «Савоська игрокъ, играетъ на гудокѣ», тоже указываютъ на распространеніе этого инструмента въ русскомъ народѣ: часто также гудокъ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ: «волышка да гудокъ, — собери нашъ домокъ» («Толк. слов.» Даля); «балалаечникъ гудокъ, раззорилъ ты весь домокъ» (Абрамычевъ, «Нар. пѣс.» № 37); «а въ третьемъ-то терему то гудки гудуть» (Гильфердингъ, «Онеж. был.» 1873, с. 954); «ой вы, гудки, не гудите» (пѣсня слѣбца, записанная мною въ 1899 г.).

Возстановитель древне-русскихъ народныхъ инструментовъ В. В. Андреевъ хотѣлъ ввести въ составъ великорусскаго оркестра и гудки; съ этою цѣлью имъ было предпринять, совмѣстно со мною, рядъ поисковъ этого инструмента въ обращеніи народа, не принесшій однако фактическихъ результатовъ, и приведшій только къ убѣжденію, что въ настоящее время гудокъ надо причислить къ инструментамъ исчезнувшимъ. Обращаюсь поэтому для возстановленія типа гудка къ сохранившимся о немъ историко-литературнымъ и этнографическимъ даннымъ.

Самое раннее изображеніе смычковаго инструмента на Руси въ XVII в. даетъ намъ Олеарій, и притомъ въ двухъ видахъ: 1) на рис. 47 изображены два музыканта, которые явились близъ Ладоги увеселять голштинскихъ пословъ, съ ин-

Рис. 47.

струментами въ рукахъ, называемыми авторомъ «Путешествія въ Московію» *geige* и *laute* (очевидно, *гудокъ* и *домра*); 2) на рис. 48 по его же наименованію *geige* и *psalter* (*гудокъ* и *гусли*) въ рукахъ игроковъ скомороховъ, увеселявшихъ народъ музыкою совмѣстно съ кукольнымъ театромъ и медвѣжьей

Рис. 48.

потѣхою. Кузовъ гудка на одномъ рисункѣ имѣетъ форму грушевидную (удлиненно овальную), похожую на индійскую *Sanyogi* (см. выше рис. 22); на другомъ же съ выемками по бокамъ, какъ у скрипки или гитары; пріемъ игры такой же, какъ это мы видѣли раньше у восточныхъ игроковъ, т.-е. опустивъ инструментъ книзу; смычки луковидные.

На палеографической выставкѣ 1902 г. въ Спб. Археологическомъ Институтѣ удалось мнѣ видѣть «Сборникъ лицевой» XVIII столѣтія.

принателем И. А. Овчинникову, и срисованы из простых конторных картишек, которая представляла изображение провинциального Исаака, окруженного бѣсами, изображенны на разныхъ музыкальных инструментахъ. Рисовальщикъ воображалъ, конечно, известныя ему музыкальныя орудія, въ числѣ которыхъ есть и смычковый инструментъ, въ изреченнѣмъ закрашенномъ желтымъ краскомъ, очевидно обозначавшемъ, что инструментъ этотъ въ натурѣ долженъ быть сдѣланъ изъ дерева (рис. 49). Кузовъ имѣеть грушевидную форму и истинныя голосники въ видѣ мелкихъ дырочекъ на верхней доскѣ, расположенныхъ кругообразно. Вѣсь игровъ ведутъ дуговыми смычками по тремъ струнамъ инструмента, держа посылкой вертикально.

Въ исторіи музыки Фетиса имѣется изображение русскаго гудка, находившагося въ его коллекціи (рис. 50). Кузовъ инструмента грушевидный, сильно урѣзанный въ верхней части, вѣсь сдѣланъ изъ дерева. Струнъ три. Онѣ проходятъ черезъ плоскую подставку (въ видѣ узкой планки, подложенной на два поперечника). Такимъ образомъ всѣ три струны лежатъ на одномъ горнѣнѣ и при игрѣ на нихъ смычкомъ (дуговыми) должны звучать одновременно.

Рис. 50. Гудокъ изъ колл. Фетиса.

Черезвычайно цѣнное изображение подарено мнѣ В. В. Андреевичемъ, который получилъ его, въ свою очередь, отъ г. Виленскаго, старожда г. Пскова. Это рисунокъ перомъ съ псковскаго художника елѣина Степана, бывшаго еще живымъ въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія (рис. 51). Количество струнъ по рисунку опредѣлить нельзя, но можно различить четыре вырѣза въ елѣи оловѣ, на верхней доскѣ инструмента, очевидно ища также грушевидная форма стѣны, обѣ плоскія (верхняя и нижняя) доски гудка и дугообразный смычокъ. Такъ какъ инструментъ изображенъ не во время игры, то о способѣ извлеченія звука можно только догадываться.

Тѣмъ не менѣе, и это послѣднее обстоятельство излагается въ рис. 52, сдѣланого съ оловѣ художникомъ XVIII столѣтія Гошпа, изображающаго сцену въ «кружаль» Петербурга. По дѣйств. 200-лѣтію г. С. Петербурга, рисунокъ этотъ былъ воспроизведенъ въ «бѣсѣнномъ сборникѣ», изданномъ городскими управленіемъ, а также въ «мостехъ

Тѣмъ не менѣе, и это послѣднее обстоятельство излагается въ рис. 52, сдѣланого съ оловѣ художникомъ XVIII столѣтія Гошпа, изображающаго сцену въ «кружаль» Петербурга. По дѣйств. 200-лѣтію г. С. Петербурга, рисунокъ этотъ былъ воспроизведенъ въ «бѣсѣнномъ сборникѣ», изданномъ городскими управленіемъ, а также въ «мостехъ

иллюстрированныхъ журналахъ. Играющій гудочникъ держитъ здѣсь инструментъ, оперевъ его на колено, и водить луковиднымъ смычкомъ по струнамъ, которыхъ (хотя и съ трудомъ) можно различить три. Такъ какъ формы гудка и смычка на обоихъ рисункахъ (51 и 52) тождественны, то оба эти изображенія дополняютъ одно другое.

Рис. 51. Псковскій гудочникъ Степанъ.

Наконецъ, нѣсколько изображеній игроковъ на гудкахъ можно видѣть въ собраніи *народныхъ картинокъ Ровинскаго* (изд. 1900 г.), съ подписями подъ ними, гдѣ названіе «гудокъ» упоминается постоянно (рис. 53—61). Одни изъ изображенныхъ здѣсь инструментовъ имѣютъ форму современную скрипичную, т.-е. съ вырѣзами въ видѣ эфовъ на верхней декѣ и съ выемками по бокамъ кузова, другіе—удлиненно-овальную, большинство же—грушевидную, подобную изображеннымъ на предыдущихъ рисункахъ 49, 51, 52. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній чисто народные: на другихъ же замѣтно, что они заимствованы съ западно-европей-

важный инструментъ о 3 струнахъ, на которомъ играютъ смычкомъ. Онъ въ большомъ употребленіи въ Южной Россіи, Малороссіи и низовыхъ губерніяхъ, гдѣ служитъ для сопровожденія пѣсенъ и хоровод-

Рис. 56. Т. II, с. 239. XXVI.
Притча о богатомъ и убогомъ Лазарѣ.

Рис. 57. Т. II. № 299.
Шуты Савоська и Парамошка.

Рис. 58. Т. II. № 301. *Вавила и Данила.*
„Вавила бросилъ свои гудища... а въспрыгнулъ наданилу козлища, стоявши наданиле блялъ а вавилка оставя гудокъ убежалъ“...

ныхъ плясокъ. Игра на немъ очень проста по простотѣ строя. Такъ, на высокой крайней струнѣ разыгрывается какой-либо народный мотивъ, а прочія двѣ струны, настроенныя квинтою внизъ, служатъ акомпани-

ментомъ или басомъ для сопровожденія мелодии». Протоиерей Рязумовскій, какъ сказано выше, изображаетъ описание Шюшара.

Рис. 49. Т. II. № 262. Рундань мажарина XVIII века.
«Прелѣ нѣю свалуть пашинѣхъ вервами привадами музыки и пѣснями».

Рис. 50. Тамъ же.
«Славати и пѣсати бѣломъ илѣ мѣмъ коцтѣмъ — да хѣмъ скоро хѣмъ пѣсати илѣмъ».

Рис. 51. Тамъ же.

Этому же описанію сазъ весьма дѣлше соответствуетъ и изображеніе прямой подставки на рис. 50 тука илѣ козавкаи Фетнеа, при которой дѣйствительно во время игры смычкомъ всѣ три струны должны звучать одновременно.

Мейеръ въ «Konversationslexicon» пишетъ, что «гудокъ—струнный инструментъ, родъ скрипки, съ одною только струною на гриффѣ и двумя крайними; звукъ гудка похожъ на dehleuer (дира)».

Въ этомъ описаніи авторъ смѣшиваетъ гудокъ съ лирою, — дѣйствительно по характеру схожіе между собою инструменты (по двумъ постоянно гудящимъ во время игры струнамъ). Гютри въ «Dissertation sur les antiquités de Russie» 1795 г. пишетъ о гудкѣ: «Этотъ инструментъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ родоначальникъ (l'origine) віолончели, на которую онъ очень похожъ какъ по формѣ, такъ и по способу игры на немъ».

Здѣсь, очевидно, говорится о формѣ съ выемками по бокамъ кузова и указывается приемъ игры на гудкѣ, опустивъ инструментъ книзу.

Фетисъ въ «Resumée philosophique» къ своей всеобщей исторіи музыки 1835 г. пишетъ, что «на гудкѣ съ сопровожденіемъ гуслей играютъ веселыя плясочныя мелодіи»; такому указанію соотвѣтствуютъ и народныя картинки изъ собранія Ровинскаго, гдѣ гудочники изображены по большей части на веселыхъ народныхъ празднествахъ (напримѣръ, на масленицѣ).

Magillon въ перепискѣ съ В. В. Андреевымъ сообщаетъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ Пѣтухова, Разумовскаго и др., слѣдующее: «Гудокъ есть старинный русскій инструментъ, смычковый, снабженный тремя кишечными струнами. Немного онъ похожъ на скрипку, но безъ эфовъ; верхняя и нижняя деки плоскія. Гудокъ находится еще въ употребленіи на югѣ Россіи, въ Украинѣ и въ губерніяхъ низовьевъ Волги, гдѣ онъ служитъ для акомпанимента пѣнію и танцамъ въ хоровахъ, вмѣстѣ съ волынкою, съ бубенчиками, балалайкою и дудкою. Гудокъ строится слѣдующимъ образомъ: двѣ струны въ униссонъ, а третья въ квинту двухъ первыхъ. На этой третьей струнѣ играютъ мелодію, двѣ другія служатъ фономъ (faisant office de bourdon)».

Михневичъ въ своихъ «Очеркахъ исторіи музыки въ Россіи» (Историч. этюды рус. жизни, т. I) пишетъ: «Гудокъ—очень близкій по своей конструкціи къ скрипкѣ инструментъ о трехъ струнахъ, по которымъ волятъ смычкомъ, отчего получается «гуденіе». Теперь гудокъ и волынка вытѣснены гармоніей и скрипкою».

Въ запискахъ генераль-маіора Тучкова, веденныхъ имъ въ періодъ времени отъ 1780 до 1809 есть отдѣлъ о русскихъ народныхъ инструментахъ современной эпохи. Между прочимъ о гудкѣ тамъ сказано слѣдующее: «гудокъ—инструментъ похожій на скрипку, съ нѣсколькими продолженнымъ гриффомъ, о 3 и 4 струнахъ. На немъ играютъ обыкно-

винными смычками». (В то время повсеместно мость еще употреблялась только *дуковинами* смычками) ²).

Вот и все документальная свідѣнія о гусли. На основании этих мы можем вывести заключение, что это были инструменты чрезвычайно первобытной конструкции, съ тремя струнами на прямой подставѣ и дуковинами смычкомъ съ плоскимъ концомъ и прямою верхней доской, на которой имѣлись выдолбленныя полукруглыя отверстія, при игрѣ гусли всегда держался концы (задъ подолубель). Игровое же поле было примитивное, такъ какъ двѣ струны, настроенныя въ октаву, гусли постоянно; третья же игралась посредствомъ палочки пальцами лѣвой руки на третью струну, которая настроивалась смитово вверху отъ первыхъ двухъ. Такимъ образомъ, игра на гусли выдвигалась изъ лиры или волынки, въ ансамбль съ которымъ она часто и встрѣчалась.

Въ поминкахъ картинокъ изъ собранія Голубовскаго упоминаются названія *гудочки, гудки, гудачки*, («Ваша брочка съими гудачками», «скачутъ верхами съ разными музыи и съ гудачками», «старенькій старичекъ изъ гудочки играть» и т. д.) Такъ какъ гудочники изображались играющими въ ансамбль съ разными другими инструментами, а на одной изъ вышеприведенныхъ картинокъ даже играютъ вмѣстѣ два гудочника, то очень возможно, что инструменты эти автономизались раньше и послѣднее и употреблялись для совместной игры. Одна старушка сибирячка действительно сообщила мнѣ, что въ дни ея молодости гудочники ходили по домамъ играть тонами ихъ избушкамъ желтка и съ инструментами разной величины — большими и маленькими. Больше подробныхъ свѣдѣній дала она мнѣ въ разговорѣ въ мѣстѣ. Отмѣтимъ также фактъ, вскользь упомянутый Мухоморовымъ въ «Очеркѣ», что однажды императрица Екатерина щедро одарила толпу гудочниковъ, олицетворявшихъ ей свою игру. И объ этомъ обстоятельстве я не могу найти ни гдѣ указаній, такъ какъ авторъ не дѣлаетъ ссылки на источники, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія.

Въ 1897 году служавшій Путиловскаго завода г. Воскресенскій отправился въ командировку въ Сибирь. Служившій инструменту гусли изъ волы. Фетиса и сибиряками, какъ писалъ и въ то время объ этомъ инструментѣ, г. Воскресенскій узналъ о нихъ на железнодорожной станціи близъ г. Златоуста играющихъ на такомъ инструментѣ старую сѣдина, которому подыгрывать на гусли одинъ свертокъ его посылалъ—

² Тутъ, а также и другія свѣдѣнія о древнихъ, архаичныхъ инструментахъ выведены мною изъ историческихъ источниковъ г. и Троицкомъ, свѣдѣнія о древнихъ инструментахъ изъ «Историческаго описанія музыкальныхъ инструментовъ» г. И. И. Соловьева, ред. «Музыкальный словарь» и др. (См. «Музыкальный словарь»).

матчуги. Сколько позволяла кратковременная остановка поезда, г. Воскресенскій осмотрѣлъ гудокъ и разспросилъ старика, который ему объяснилъ, что инструментъ этотъ называется дѣйствительно *гудкомъ*, и сыграть потомъ двѣ пѣсни—одну протяжную («Что пониже было города Саратова»), другую веселую—«Камаринскую». Звукъ гудка, по отзыву г. Воскресенскаго, былъ дребезжащій, напоминающій игру на балалайкѣ, такъ какъ старикъ игралъ, тремелируя все время смычкомъ. Струнъ было четыре, но одна прибавлена позднѣе самимъ слѣпцомъ, для усовершенствованія игры, такъ какъ онъ объяснилъ, что на трехъ струнахъ нельзя было сыграть всѣхъ пѣсень; для этого свой первоначальный трехструнный инструментъ онъ передѣлалъ на четырехструнный, показавъ г. Воскресенскому сломанное для такой передѣлки мѣсто гриффа ¹⁾. Смычекъ былъ обыкновенный, прямой, приобретаемый въ городскихъ лавкахъ. Игралъ старикъ стоя, прислонившись спиною къ забору и приподнявъ слегка лѣвую ногу, на голень которой онъ опиралъ нижній край инструмента, по размѣрамъ бывшаго немного меньше віолончели.

По объясненію слѣпца, онъ уже очень давно ходитъ по Сибири, добывая себѣ пропитаніе исключительно игрою на гудкѣ. Во всю свою бродячую жизнь онъ не встрѣчалъ другихъ гудочниковъ, но говорилъ, что при слияніи Тобола съ Иртышомъ, на мѣстѣ его родины въ деревняхъ въ дни его молодости еще существовали трехструнные гудки.

Къ величайшему сожалѣнію, гудка своего старикъ не продалъ, а г. Воскресенскій, торопясь съ поѣздомъ, забылъ спросить его имя и фамилію. Послѣ мы искали, писали даже губернатору, но такъ и не нашли слѣпца, который ушелъ куда-то, и неизвѣстно—умеръ или бродитъ еще и теперь по Сибири со своимъ гудкомъ.

Точно также безплодны были и поиски шкиперовъ пароходства по Иртышу, наводившихъ справки по моей просьбѣ въ мѣстахъ, указанных старикомъ. Вѣроятно, онъ ушелъ изъ своей родины очень давно, такъ какъ тамъ теперь исчезла и самая память о гудкѣ: попадаются лишь гармоники, балалайки и бандурки. Мнѣ сообщили только, что въ одну изъ деревень 1-го марта 1881 г. зашелъ какой-то бродячій музыкантъ съ инструментомъ въ родѣ віолончели, и вздумалъ играть въ этотъ тягостный для всей Россіи день, за что его всею деревнею «порядкомъ и помяли».

Далѣе,—сынъ старушки сибирячки, о которой говорилось выше (что она въ дни своей молодости видала гудочниковъ), сообщилъ мнѣ

¹⁾ Обратимъ вниманіе на приведенныя выше записки г. м. Тучкова, гдѣ сказано о томъ, что гудокъ имѣлъ *три* или *четыре* струны. Очевидно игроки, прибавляя 4-ю струну, руководились тѣми же соображеніями, какъ и этотъ слѣпецъ, видѣнный г. Воскресенскимъ.

о томъ, какъ въ г. Барнауль онъ выдѣлъ вчера, играли въ смѣлкомъ на инструментахъ, положевъ на изображеніи студентомъ, сдѣланныхъ по рис. В. В. Стасова на памятникѣ композитора Бородина въ Александрѣ Невской Лаурѣ (гудочники «Скула и Ерешка» ит. п. «Битые Пирки» Бородина).

Навонецъ, могу еще упомянуть, какъ остались старина, что въ рѣдъ воспоминаній о гудѣ, такъ, напримѣръ, въ Малороссіи, по свѣдѣн. очевидцевъ, дѣлають скрипки съ «малымъ кувномъ», бѣль выемокъ по бокамъ (въ Полтавской губерніи). Въ целомъ ит. гудитъ углономъ Псковской губерніи крестьяне играютъ на скрипкѣ, какъ на виолончели, т. е. держа инструментъ вертикально.

Игра же на скрипкѣ въ русскомъ народѣ очень распространена, особенно въ западномъ краѣ и въ Малороссіи, гдѣ встрѣчаются даже народные оркестры съ виолончелями и контрабасами. Существуетъ много и кустарное производство скрипокъ, напримѣръ, въ Каванской губерніи (гдѣ есть и искусные народные игроки, особенно изъ туземцевъ). На всероссійской кустарной выставкѣ въ Таврическомъ дворѣ въ 1901 г. такія скрипки народного изготонженія пропадались ит. 75 коп. за штуку. Точно также народное производство скрипокъ, часто украшенныхъ резьбою и рисунками, цѣновъ отъ 1 р. 50 коп., привозилось въ Смоленскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Въ Вятской губерніи, въ 7 верстахъ отъ г. Вятки, въ с. Богородскомъ дѣлають скрипки, азы и виолончели мастеръ Поклаженниковъ съ сыновьями, по цѣнамъ отъ 30 коп. до 2 рублей (виолончель — 9 рублей); вообще производствомъ скрипокъ въ с. Богородскомъ существуетъ уже болѣе 100 лѣтъ.

Историческія данныя (см. «Домъ бѣлыхъ рус. нар.» Забѣлина) даютъ намъ упоминанія «о скрипачикахъ», существовавшихъ въ XVII вѣ. въ царской потѣшной палатѣ. Сохранились даже имена ихъ: «Богданка Овчатый, да Иванка, да Онушка, да новокрещенный Арманка», приглашенные государя на его свадьбы въ 1626 году. Очевидно, это не были гудочники, такъ какъ гудокъ отъ скрипки «отличался» драматичнѣе въ этомъ отношеніи указанія напомнимъ, мы въ парохинахъ партитивахъ Ровинскаго, характеристичныхъ взглядъ народа на различіе между гудкомъ и скрипкою. Въ карт. № 219, т. I (XVIII столѣтіе), обозначенной потребности, есть изображение музык. играющей на скрипкѣ, съ подписью: «мышь Емелька приспѣвають, а самъ навариваетъ въ скрипачу» (рис. 67). Въ карт. № 207 т. II (рис. 68) «Шутъ Подристовъ» пописанъ «И мышю попошеющую гудочку, а контрбасу ит. скрипачу».

Въ обложкѣ этихъ изображеній мы видимъ инструменты съ кувнами по бокамъ кувномъ, «малымъ» на кувно жерновъ. Въ предположеніи

же народных картинкахъ, изображающихъ игроковъ на гудкахъ, инструменты хотя и имѣютъ иногда форму съ выемками по бокамъ кузова, но *всегда при игрѣ опущены книзу*.

Рис. 62.

Рис. 63.

Въ этомъ и состоитъ главное характерное отличіе гудка отъ скрипки: гудокъ имѣлъ иногда грушевидную, наиболѣе свойственную ему форму кузова,—но иногда и овальную или съ выемками по бокамъ; *при игрѣ же всегда опущенъ былъ книзу*. Скрипка не имѣла иной

формы кузова, какъ съ выемками по бокамъ, *поднималась на плечо игрока*, и если бы при игрѣ опускалась книзу, то могла бы именоваться гудкомъ. Но какъ только гудокъ скрипичной формы, т.-е. съ выемками по бокамъ кузова, вскидывался на плечо игрока, онъ уже получалъ названіе *скрипки, скрипицы*.

Въ вышеприведенномъ описаніи шествія 1714 года гудки въ числѣ народныхъ инструментовъ упоминаются также отдѣльно отъ скрипокъ.

Которую-же изъ формъ гудка надо считать древнѣйшею? Въ письмѣ

Рис. 64.

Рис. 65.

къ В. В. Андрееву Magillon указываетъ, какъ на ближайшихъ предковъ гудка, монгольскій *икеле* (рис. 64) и южно-сибирскій смычковый инстру-

ментъ овально-выпнутой формы (рис. 65). Оба они имѣютъ по три струны, на которыхъ играютъ лютничными смычками, и описаны русскими путешественниками Миддендорфомъ и барономъ Миддендорфомъ (Middendorff, «Sibirische Reise», Bd. IV). Прибавимъ къ этому двух-струнный монгольский инструментъ овально-грушевидной формы куэма (рис. 66), по изображенію гл. сочин. Фр. Ратисла (Народовѣдъ).

Карманный и калмыцкій смычковый инструментъ, привезенный изслѣдователемъ Рыбаковымъ, имѣетъ также три струны и форму кузова грушевидную, усѣченную въ верхней части, т.-е. близкую къ гуцу изъ коллекціи Фетиса (см. выше рис. 50). Къ сожалѣнію, я не могъ воспроизвести изображенія этого инструмента, называемаго *кобыль* и являющагося, вѣроятно, ближайшимъ предкомъ русскаго гудка, судя по сходству формы и по тому, что онъ находится въ обращеніи среди ближайшихъ восточныхъ сосѣдей нашихъ.

Рис. 66. Монгольскій куэма. (Изъ фотографіи съ оригинала).

Въ «Запискахъ» Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. X, вып. 2 (Спб. 1887 г.) находится статья: «По сообщенію капитана артиллеріи Унковскаго къ Континьмъ (назвѣніи близъ Урги) въ 1722—1724 г.». Тамъ описана слышанная Унковскимъ калмыцкая музыка во время празднованія «бѣлаго яблага» (сѣвернаго новаго года): «музыка была — одинъ игралъ *лю на рубокъ*, другой на малой свирѣли или пѣбасѣ, третій — шибобу яко бы пѣвекій жалобъ, запавшая и три струны протянувы, но калмыцы помнятъся *олукъ* по другую сторону, въ той же кибиткѣ на мѣстоутомъ *тудей яблагъ* на ишаекой игрѣ *яблагъ* поглаголко брешахъ, и оные музыканты оные припавали».

Здѣсь очевидецъ XVIII столѣтія, знавшій, конечно, русскій гудокъ, указываетъ также на существованіе у калмыковъ искомого же инструмента.

Обращаясь къ разсмотрѣнію средне-азіатскихъ смычковыхъ инструментовъ (см. выше рис. 14, 15, 16 и рис. 64, 65, 66), мы видимъ, что преобладающею формою кузова была овальная, или грушевидная, происшедшая отъ вытягиванія верхней части овальной для болѣе удобнаго хода смычка. Надо замѣтить, что средне-азіатскіе смычковые инструменты очень схожи съ тамбуровидными, по струнамъ которыхъ играютъ косточкою: въ каталогѣ «полной коллекціи музыкальныхъ инструментовъ Средней Азіи» Эйхгорна сказано, что на многихъ изъ нихъ играютъ, то перышкомъ, то смычкомъ, то просто рукою, не дѣлая строгаго различія въ приѣмахъ исполненія. Такимъ образомъ очевидно, что первоначальные смычковые инструменты, преобразованные изъ тамбуровидныхъ, имѣли и форму, свойственную послѣднимъ, т.-е. овальную или грушевидную.

Эта форма и была занесена въ южно-русскія степи выходцами изъ Средней Азіи во время переселеній народовъ въ эпоху X—XIII столѣтій, послѣ чего монголами передана и въ Русь. Понятно теперь, почему гудокъ чаще всего изображается съ овально грушевидною формою кузова, являющейся такимъ образомъ основною и первоначальною для гудка.

Восточные инструменты имѣютъ чаще всего двѣ, а иногда и три струны. По всей вѣроятности, непосредственно заимствованный русскими гудокъ имѣлъ тоже сначала двѣ струны; мы видѣли раньше, что на первоначальномъ западно-европейскомъ ребекѣ было двѣ струны, настроенныя въ квинту. Очевидно, общій для европейскихъ и средне-азіатскихъ инструментовъ прототипъ имѣлъ такіе же количество струнъ и строй. Заимствованный въ концѣ концовъ отъ того же прототипа и русскій двухструнный гудокъ строился въ квинту; по всей вѣроятности, уже въ Россіи прибавлена была къ нему третья струна, въ униссонъ съ нижнею.

Историческія данныя говорятъ намъ, что уже съ XV в., при Іоаниѣ III, и позже при другихъ государяхъ къ Московскому двору выписывались изъ заграницы европейскіе музыканты, игравшіе на разныхъ «стрементахъ»: «клевикортахъ, арганахъ, трубахъ и фіоляхъ» (т.-е. на віолахъ). Наряду съ ними въ потѣшной палатѣ состояли и русскіе игроки—*цусельники*, *цымбалышники*, *домрачеи* и *скрипотчики*. Конечно, инструменты и техника высокаго совершенства заморскихъ музыкантовъ вызвали желаніе отличиться и у русскихъ, хотя бы даже путемъ заимствованія отъ пѣмцевъ. Музыка въ З. Европѣ находилась совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ у насъ: она пользовалась тамъ все-

общимъ узаконеніемъ, ирраціональности и религіи — такъ же какъ и изобретенія инструментовъ стала мыслить и свободно развиваться. Въ XV—XVI столѣтіяхъ, гдѣ мы видѣли раньше, работали были уже формы виолы съ выемками по бокамъ кузова и приемы игры со складианіемъ инструмента на плечо.

Русскіе скрипичники, — эфронтно, вначалѣ простые гудковики, — не могли не видѣть превосходства столбчатого по характеру съ кузовомъ, но имѣннаго несомнѣннаго преимущества имѣть по конструкціи, такъ и по приемамъ игры имѣннаго инструмента. Отсюда дѣлалась, очевидно, потребность соотвѣтственно измѣнить и ставки, потому, когда мнѣнѣ для русскихъ музыкантовъ отходили отъ двора и пускались бродить по Руси широкой, появились въ пародъ эти имѣнныя — съ выемками по бокамъ — формы гудковъ, которая встрѣчались парату со старыми — грушевидными. Отимъ только и можно объяснить, почему Островскій зарисовать два типа гудка, при игрѣ, одного въ обѣихъ случаяхъ опускаемаго внизъ.

Инструментъ же, который имѣлъ выемки по бокамъ кузова, а при игрѣ всѣмался на плечо музыканта, слишкомъ уже отличался отъ гудка. И то же время это не была и «фидола», имѣнная, гдѣ известно, 6 струнъ и, слѣдовательно, большую технику игры. Такимъ образомъ явился въ Руси новый инструментъ, которому и было присвоено названіе чисто русское, характерное — *скрипка* или *скрипка*. Изображеніе такой трехструнной скрипки конца XVII ст., т. е. почти перваго ея появленія на Руси, замѣтвую изъ сочиненія 1694 г. «Будваръ словено — російскій» писмевъ установау и скорописныхъ» Карѣна (еромонаха Истомана (подъ знавомъ буквы У: рис. 67).

Рис. 67

Въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, т. XIX, столбецъ 187 («Каландѣи лѣтописецъ») говорится что царь Иванъ Васильевичъ (Грозный) не любилъ «иванскія потехи царскіе: ни гуслаго пѣванія, ни *архоньскія скрипки*, ни мѣстнаго гласа». Изъ этого слова, современника XVI столѣтія мы уже видимъ зарожденіе въ то время названія «скрипка».

Въ XVIII столѣтіи широкое открытіе дари западно-европейскому вліянію на Руси повсюду появились смѣтанный квартеты, къ тому времени окончательно уже выработанный, и русскія трехструнныя скрипки начали замѣняться четырехструнными, замѣнными болѣе простора исполненію.

Русское названіе «скринка» удержалось, конечно, и на четырехструнномъ инструментѣ.

В. В. Андреевъ, возстановившій многіе изъ древнерусскихъ народныхъ инструментовъ, пришелъ къ заключенію, что возстановленіе гудка повело бы только къ развѣчиванію царницы смычковыхъ инструментовъ — скрипки. Гудокъ не представлять собою какого-нибудь самобытнаго музыкальнаго орудія: это была одна изъ первобытныхъ формъ вродѣ описанныхъ выше ребабовъ, ребековъ, віоль и проч., которыя силою генія Страдиваріуса всѣ были слиты въ скрипкѣ, являющейся идеаломъ совершенства. Введеніе въ великорусскій оркестръ гудка въ первобытномъ его видѣ не имѣло музыкальнаго смысла; всякое совершенствованіе гудка приближало его на одну ступень къ скрипкѣ; идеальный же гудокъ такимъ образомъ со скрипкою совершенно сливался.

Несмотря на то, что эти взгляды свои В. В. Андреевъ изложилъ въ хорошо обоснованной статьѣ въ «Новомъ Времени», нашлись люди, сдѣлавшіе попытку создать новый великорусскій оркестръ, со введеніемъ въ него квартета усовершенствованныхъ гудковъ, — вѣрнѣе сказать, инструментовъ, стоящихъ на полдорогѣ между гудкомъ и скрипкою. Эти опыты не имѣли однако успѣха въ музыкальномъ отношеніи, и оркестръ вскорѣ распался.

Точно также не привился «гудокъ» музыкальнаго мастера Пасербскаго, представляющій смычковую имитацию балалайки собственнаго его изобрѣтенія; самое же названіе инструмента исторически не обосновано и принято только потому, что изобрѣтатель слыхалъ о гудкахъ, какъ о смычковыхъ инструментахъ древней Руси.

Николай Приваловъ.

С.-Петербургъ, 8-го января 1904 г.

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ VI.

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ И. Н. Губенкова Шпасского, 49.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАНИ
Дебольскій, В. Н. Духовныя и договорныя грамоты московских князей, какъ историко-географическій источникъ	1

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ ¹⁾.

II. Грамоты XV вѣка.

Изслѣдованіе В. Н. Добольскаго.

Изслѣдованіе наше, имѣя предѣльнымъ предметомъ русскій источникъ, посвящено историко-географической разработкѣ духовныхъ и договорныхъ грамотъ московскихъ князей XV вѣка. Какимъ образомъ оно является непосредственнымъ продолженіемъ изслѣдованія грамотъ и грамотъ XIV вѣка, помѣщенного въ XII-омъ томѣ «Лѣтисола Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества». Это несомнѣнно видно изъ того, какъ это настоящее наше изслѣдованіе продолжаетъ изысканія съ первой части работы и не повторяетъ ихъ выводовъ. Съ другой стороны, въ сущности, оно связано съ темъ, что признается за нами трудъ изысканія и извѣщаетъ насъ о подготовкѣ второй части, посвященной изысканію Переминыя, Рюри, Московскихъ князей и пр.

Первой грамотой XV вѣка помѣщенной въ I-омъ томѣ «Собранія Русск. Грамотъ и Договоровъ», является договорная грамота великого князя съ великою княгиней рязанской. Договоръ Олдовича, 1462 года ²⁾, подтверждающая условія договора 1451 года. Грамоты Митрофанъ и Гаврилъ оставшаяся р. Олдовичъ преемникъ Царя.

Изъ договоровъ великого князя Володаря Давыдовича съ Володаромъ Андреевичемъ 1476 года ³⁾ произошло «Собраніе вѣка великого князя серпуховскаго и утѣнскіа князя великого Володаря и Гаврила, и въ то получали: великого Володаря — Горюха и мѣста горюха — Гаврилоу,

¹⁾ См. Изв. Р. Арх. Общ., т. XII, кн. I и II.

²⁾ См. см.

³⁾ См. см.

Изв. Рязан. Арх. Общ., т. XII, кн. I.

Юриенцы, Горюкову, Чернякову и Унжинскую тамгу, а взамиѣ Ржевы — Уддече и село Золоторусское. Кромѣ того, великій князь давалъ Владимиру Андреевичу Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ. Если бы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ Владимиръ Андреевичъ потерялъ Городенъ или Козельскъ, то великій князь обязывался ему дать: вмѣсто Городна — Топну, а вмѣсто Козельска — Рожалово и Боженку.

Большая часть указанныхъ мѣстностей можетъ быть найдена на картѣ. Городенъ лежитъ на Волгѣ, въ нынѣшнемъ Балахнинскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Бѣлогородье, лежавшее ниже Городна ¹⁾, точно указано быть не можетъ. Недалеко отъ Волги, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, есть село Бѣлово, но можно-ли его считать за древній Бѣлгородъ —

неизвѣстно. Юрьевецъ — нынѣ уѣздный городъ Костромской губерніи.

Корякова лежитъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, въ 63-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города, а Чернякова — въ Кинешемскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ. Р. Унжа и гор. Угличъ извѣстны. С. Золоторусское (или Золоторучье) находится на Волгѣ, въ Угличскомъ уѣздѣ.

Козельскъ — уѣздный городъ Калужской губерніи, Алексинъ

Тульской. Мѣсто Гоголева стана можно указать лишь приблизительно. По межевой грамотѣ 1504 года Гоголевъ станъ находился вблизи Суходола, у рр. Нары и Иневки ²⁾.

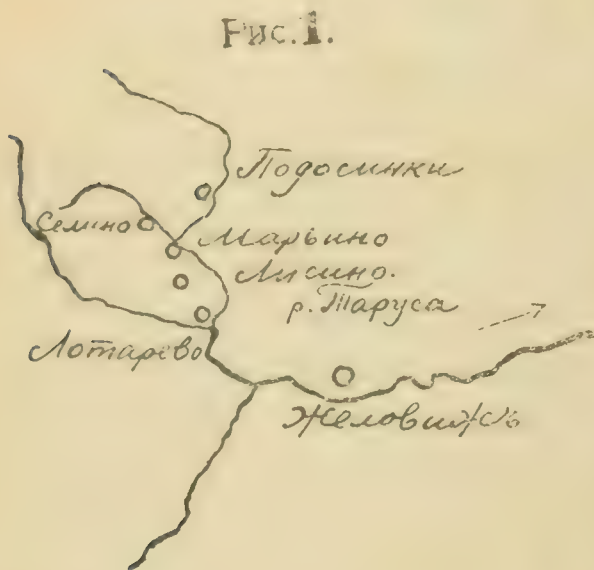
Мѣсто Лисина можетъ быть указано на основаніи данныхъ XVII вѣка ³⁾. Въ Лисинскомъ станѣ упоминаются поселенія Желовицъ на Тарусѣ, Семино, Лотарево, Марьино, Подосинки и др. Здѣсь же находится и с. Лисино. Оказывается, что Лисинскій станъ лежалъ въ сѣверной части нынѣшняго Калужскаго уѣзда. (См. черт. № 1).

«Куплю Пересвѣтову», какъ намъ кажется, можно съ достаточной увѣренностью видѣть въ позднѣйшемъ Куплинскомъ станѣ Калужскаго уѣзда. Въ немъ упоминаются деревни: Среднево, Зайцева, Китаево, Ла-

¹⁾ См. Собр. Гос. Гр. и Догов., I, 76.

²⁾ I, 350.

³⁾ П. Г. Симеонъ. Калужскій уѣздъ во времена Михаила Феодоровича. Изв. Кал. Учен. Архив. Ком. № 3, стр. 27 и сл.

лежала на верховьяхъ рр. Цны и Гуслицы, вблизи Холмовъ и Мещеры.

Мѣсто Радюкина намъ неизвѣстно. Въ Егорьевскомъ уѣздѣ есть с. Радюнина, но другихъ указаній мы не имѣемъ никакихъ.

Княгинѣ изъ коломенскихъ селъ даны Оглоблино съ Ольхомъ, Копачевское, Змѣевское и Гжеля. Гжеля намъ извѣстна, а всѣ остальные села и нынѣ находятся въ Коломенскомъ уѣздѣ.

Князю Ивану изъ московскихъ селъ даны Островское, Оришицкое, Константиновское, Жирошкнн, Малахово, а княгинѣ — починокъ и Хвостовское у города.

Изъ промысловъ Василія Димитріевича княгинѣ отданы Ухтюшка, Фоминскія села Дьяконовы, Свибловскія села на Устюгѣ, въ Отводномъ,

Сямъ и Ростовъ, въ Бѣжецкомъ верхѣ с. Максимовское съ деревнями, въ Переяславѣ с. Вельское съ Родионовскимъ, на Москвѣ с. Буйловское съ деревнями. Алексѣевское и Тимофѣевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ — с. Чагино, Савельевское, Иворово и Карабузино, въ Новгородѣ — с. Нейшино и Свибловскія села, въ Юрьевѣ — с. Фроловское съ Ольхомъ, Петровское, Богородицкое и Алексинское, въ Новгородѣ-Нижнемъ — села Алачннскія и Мангачъ. Кое-что изъ перечисленныхъ поселеній можетъ быть указано. Въ Ухтюшкѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ видѣть р. Уфтюгу, притокъ Сухоны, въ Велико-Устюгскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Въ позднѣйшихъ грамотахъ, напр., въ завѣщаніи Василія II 1462 года, или въ завѣщаніи Андрея Васильевича Меньшого 1481 года, Ухтюшка называется волостью Вологодской ¹⁾.

¹⁾ I. №№ 86, 87, 112.

Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской составилъ свою духовную грамоту въ 1410 году ¹⁾. Земли свои онъ раздѣлить между пятью сыновьями и княгиней. Старшій сынъ, кн. Иванъ, получилъ Серпуховъ и волости серпуховскія: Городецъ, Нарьское, Нивну, Темну, Синилицу, Гомонинъ, Ярославлю слободку, Мокрую, Дягилеву, Львову и слободку верхъ Москвинъ. Изъ этихъ поселеній Синилица, Гомонинъ и слобода верхъ Москвинъ указаны быть не могутъ. О Нарьскомъ, Нивнѣ и Темнѣ мы уже говорили въ нашей статьѣ о грамотахъ XIV вѣка ²⁾.

Городецъ — м. б. нынѣшнее селеніе Спасъ-Городецъ на р. Протвѣ, въ 16 вер. отъ Тарусы, Калужской губерніи.

Ярославлева слободка — м. б. Ярославцево, въ сѣверо-восточной части Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Мокрая слободка — м. б. дер. Мокрое или Мокрова, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ 10 вер. отъ Серпухова.

Львова — м. б. дер. Львово (или Крутой Врагъ), въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ 30 вер. отъ Подольска.

Дягилева. Въ этой волости указываются деревни Тесово на Москвѣ и Отяково ³⁾, а также и дер. Бугайлово ⁴⁾. Оказывается, что Дягилевъ станъ лежалъ у рр. Москвы и верхней Протвы, къ сѣверу отъ Верен. (См. черт. № 5).

За перечисленіемъ серпуховскихъ волостей, отданныхъ кн. Ивану, слѣдуетъ краткое описаніе рубежа его земель съ мало-ярославецкимъ уѣдомъ. Упоминаемые въ этомъ описаніи оз. Хрепилево, Будинъ-боръ, слободки Остаикова и Круглая приуроченію не поддаются.

Изъ Московскихъ земель кн. Ивану отданы села Микулинское, Губеино (Подольскаго уѣзда, въ 10 вер. отъ Подольска), Немцово (Нѣмино, Серпуховскаго уѣзда, въ 13 вер. отъ Серпухова), Поповское на Коломенкѣ (такого нѣтъ ни въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Московской губерніи, ни въ писцовыхъ книгахъ Коломенскаго уѣзда) и Туловское (не найдено). Кн. Ивану же отданы села Сосипетрово и Струниково взаменъ купленныхъ имъ деревень въ Ростуновой слободкѣ мало-ярославецкаго уѣзда. Села эти на современной картѣ не могутъ быть указаны.

Второму сыну, кн. Семену, отданъ Боровскъ и волости боровскія —

¹⁾ I, X, 49.

²⁾ Стр. 16—17.

³⁾ В. и Г. Холмогоровы. Можайская десятина, Чтенія, 1901, I, с. 97 и сл.

⁴⁾ Дювоней, Можайскіе акты, 166 и сл.

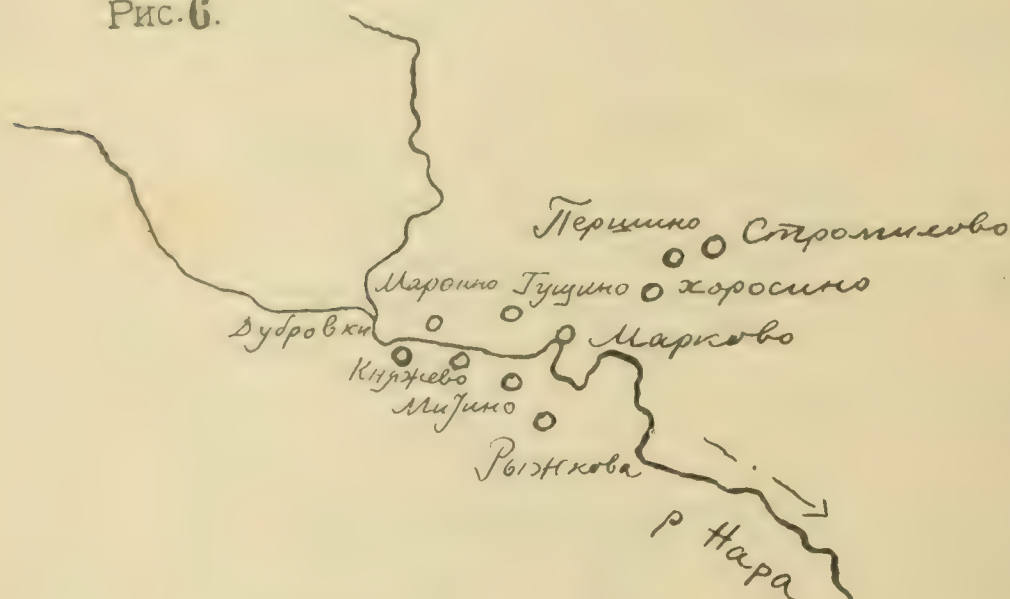

книгѣ Барановаго уѣзда ¹⁾. Въ ней названы слѣдующія деревни Цитовой волости: Свитино, Шубино, Троица, Старосвитино и Безобразово. (См. черт. V 7.)

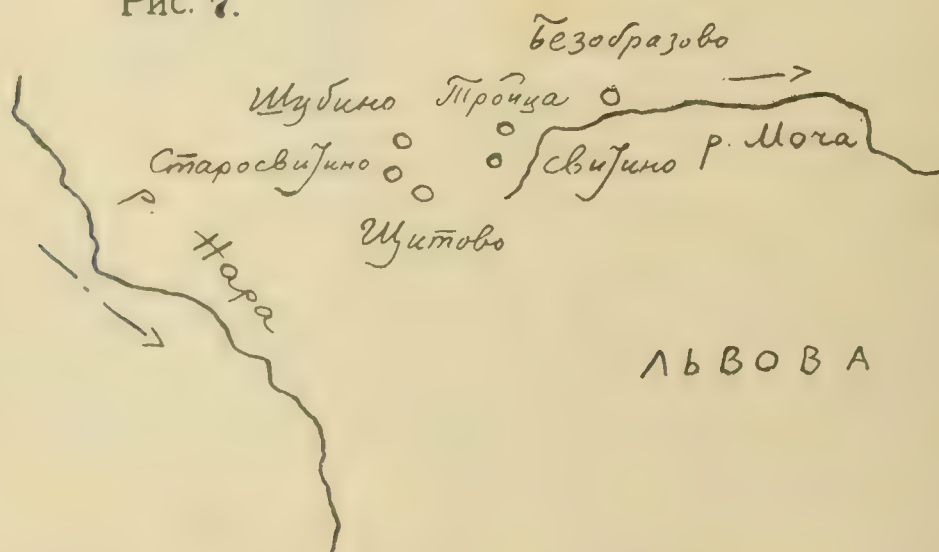
Изъ московскихъ селъ кн. Семень получилъ Выпрядково на Студенецѣ, Колыченское и мельницу на Пеглимиѣ. Села Выпрядкова въ Москов-

Рис. 6.

ской губернии теперь нѣтъ, но есть ручей Студенецъ и наемъ селеніе Студенецъ, въ 5 вер. отъ Подольска. Деревень подъ названіемъ Колычево

Рис. 7.

ныя находится нѣсколько въ Коломенскомъ, Подольскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ, и мы не знаемъ, какое изъ нихъ разумѣется въ завѣщаніи Владиміра Андреевича. Кромѣ того, кн. Семень получилъ четыре юрьевскихъ села Варварское (или Варварино, на р. Колокшѣ, въ семи

¹⁾ Ibidem. 128

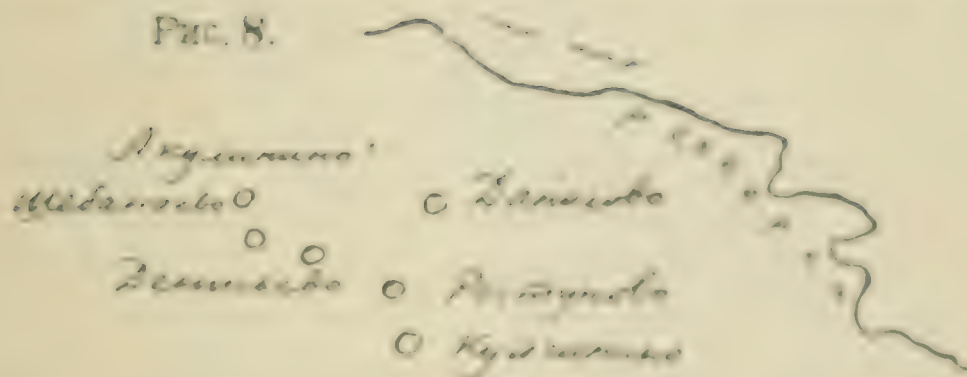

верстых от Юрьева). Юриновские (на р. Балхисе, на 12 верстах). Подпорожские (на 2 $\frac{1}{4}$ вер. от Юрьева) и Обдорские (также около 2 вер. от Юрьева) на расстоянии 20 вер. от Никольской (Серпухов, на 24 вер. от Юрьева) (табл. 1—2).

Третий слой, или Проселок Пашенниковых, находится в Проселке (Мало-Проселок), Хотуна, Вихорих, Полыки, Гостурини (Гостурин и Минюновские). Хотуна находится в д. Лопатин. Серпуховского уезда, так и на ней есть село с таким названием. Это название древней Хотуновской волости подтверждается писемной запиской (1592—1594 г. г.), где упоминается д.р. Дубовня, которая также могла быть названа на юге ¹⁾.

Вихорих находится в Серпуховском уезде, на 18-ти верстах от Серпухова. На основании писемной записки, где упоминается село Ивана Вихориха. Вихорих называется волостью вихорихской ²⁾.

Рис. 8.

Полыки и Гостурини находятся в селении Пашенниковых уезд, первое — на 18-ти, второе — на 25-ти верстах от уездного города. Больше точное лето Ростуновской волости упоминается в писемной записке 1576—1582 г. от именитого проф. Пашенникова ³⁾, где упоминается селения волости Ростуновской: Денисово, Бутыно, Акулино, Шебляево, Лопатин. См. карт № 81.

Минюновские селения с некоторыми первыми, можно видеть на писемной записке Минюновских, Серпуховского уезда, на 21 верстах от Серпухова. На Минюновских есть село Проселок (или Сарыто ⁴⁾). Вихорихи и упомина на юге Москвы.

Колон. Додик, автору сему. Вихорихи Андреевны, селом Радонев, Г. И. Черносолов, Ильяев, Г. И. Ильяев и Т. И. Ильяев.

¹⁾ В. 610—611.

²⁾ В. 612—613. См. также: Писемная записка Пашенникова. Серпухов, 1576—1582 г. г. (см. карт № 81). В. 614—615.

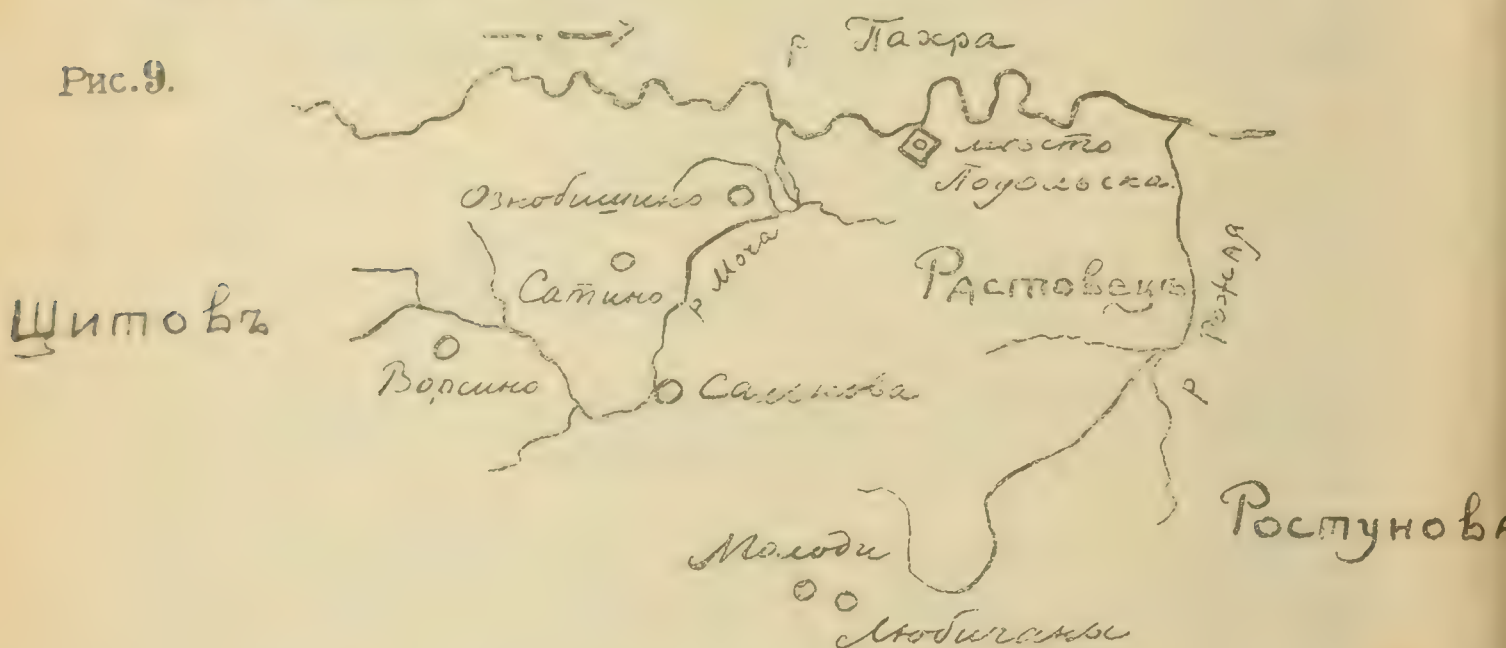
³⁾ В. 616—617.

⁴⁾ В. 618—619.

⁵⁾ В. 620—621. См. также: Писемная записка Пашенникова. Серпухов, 1576—1582 г. г.

Поселенцы подъ названіемъ Яковлевскаго много въ Московской губерніи. Кинскихъ— два: одно—Бронницкаго, другое—Богородскаго уѣзда; другихъ указаній у насъ нѣтъ никакихъ, такъ что ничего опредѣленнаго мы сказать не можемъ.

Изъ московскихъ селъ князь Андрей получилъ Михайловское, Калиткиново (Калитино ?), на Учи—Ноновское (Уча—притокъ Клязьмы, въ сѣверной части Московскаго уѣзда, но нынѣ на немъ с. Ноновскаго нѣтъ), Илью Святого, Дмитреевское село Ворошино, на Любосивли Черепковское, усть Любосивли Мосейково (Любосивль—вѣроятно, р. Любослевля, притокъ р. Вори, въ Богородскомъ уѣздѣ) и Сокову деревню (есть въ Клинскомъ уѣздѣ).

Послѣдній сытъ Владиміра Андреевича, князь Василій, получить Перемышль. Растовець, пол-Щитова, треть Добрытинскую. Относительно волостей Перемышльской и Растовской мы должны сдѣлать слѣдующее добавленіе къ первой нашей статьѣ. Какъ извѣстно, въ древней Руси было два Перемышля—калужскій и московскій. Калужскій Перемышль—нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи, а московскій—лежалъ вблизи нынѣшняго Подольска, у рр. Рожан, Пахры и Мочи. Въ историческихъ матеріалахъ Холмогоровыхъ о церквахъ и селахъ ¹⁾ упоминаются деревни Ознобишино, Сатино, Ворепно, Сальнова, Молоди, Любичаны. (См. черт. № 21. Въ Растовской волости упоминается с. Сырково. Въ первой нашей статьѣ мы высказали мнѣніе, что Перемышль, упоминаемый въ завѣщаніяхъ Ивана Калиты и Владиміра Андреевича, надо признать Перемышлемъ калужскимъ. Но теперь мы должны измѣнить наше мнѣніе и признать Пере-

¹⁾ Перемышльская десятина въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1889 г., I.

земель, оставшихся после Василия Владимировича, и жадность княжеского боярства. Эти земли могут быть две следующие комбинации: 1) если бы признали Переяславля, упоминаемый в завещании Ивана Калита, то Переяславля калужский, то оказывается, что эта часть княжеских земель осталась бы еще причаста волостей Ивана; и 2) Переяславля вовсе упоминается рядом с Рытвинскою волостью, а эта волость, по своему положению в Переяславском уезде, Московской губернии, соответствует именно Переяславлю московскому¹⁾.

Из московских есть также Василий сын Василиков и Иван сын Гари.

Кроме вышеприведенного распределения земель между детьми князя, мы видимъ въ завещании Владиміра Андреевича еще нѣкоторое распоряженіе относительно земель, полученныхъ по договору 1405 года. Такъ, князь Ивану сыну Ковальскаго, Гоголя, Адыскаго, Анзига, если бы Ковальскіе отпоели отъ князя Ивана, то ему принадлежали бы Лобутескѣ, а если бы и Лобутескѣ отпоели, то Рожалино и Голубень. Лобутескѣ — нѣмѣ с. Лобутское на рр. Лобуткѣ и Ока, въ 18 верстахъ отъ Калуги, Калужской губерніи и уѣзда²⁾.

Князьямъ Семену и Ярославу, кроме упомянутыхъ уѣздовъ, данъ Городецъ въ совместное владѣніе. Семену получать земли ниже Горюха по Волгѣ и Бѣлгородѣ, а Ярославу — земли выше Горюха и Врасненъ. Въ этомъ распределеніи земель Владиміръ Андреевичъ добавилъ, согласно сълѣдующее условіе: если Бѣлгородъ окажется больше Юрьева и Чердыной (т.-е. владѣніе имъ вытѣснитъ), то князь Семену долженъ отдать брата Корытну свободу, если же Юрьевъ и Чердыня окажутся больше Бѣлгорода, то братья должны rilascить Корытну князю Семену. Кроме того, дана на Горюхѣ Переясла. Нѣмѣ, еще большое село Порошина, въ Врасненскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, въ 52-хъ верстахъ отъ Юрьева. Такъ какъ въ договорѣ 1405 г. слѣдуетъ потерѣ владѣніемъ Владиміромъ Андреевичемъ Города быть предусматрѣнъ въ томъ смыслѣ, что горюховскій князь долженъ былъ поступить на это Гюху, то она и не, если представлялся возможность, дѣлалась раздѣломъ поровну между князьями Семеномъ и Ярославомъ. Андрей и Василий въ совместное владѣніе дано Успенское.

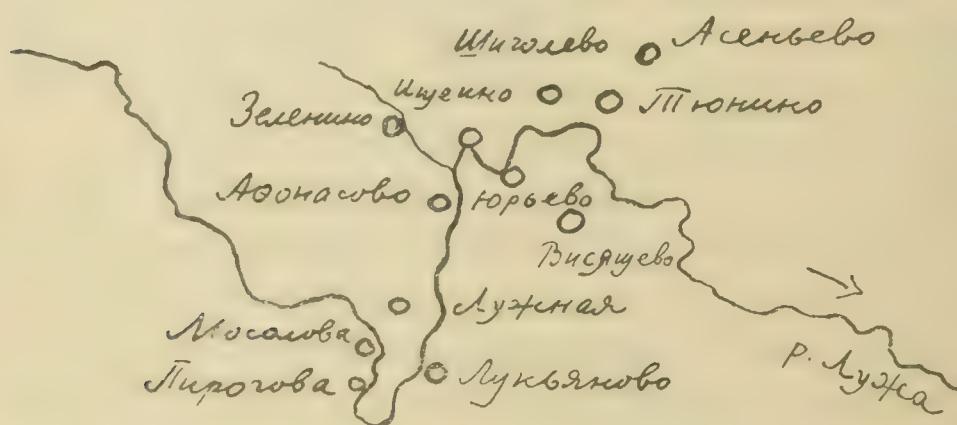
Послѣдній распорядокъ князя Владиміра Андреевича касается дѣтей боярскихъ. Въ предѣлахъ этихъ даны Лѣва, Голынь, братъ и Бѣдскіе селѣ.

¹⁾ О Переяславлѣ см. также В. М. Ковальскій, *отв. Изв. Вост. Губ. Арх. Ком.*, 1888 г., I.

²⁾ О Лобутскѣ см. также Савинскій, *отв. Изв. Вост. Губ. Арх. Ком.*, 1891 г.

боды. Какъ мы уже указывали въ нашей статьѣ о грамотахъ XIV вѣка, волость Лужевская находилась, очевидно, у р. Лужи, притока р. Протвы. Больше точно мѣсто этой волости опредѣляется уже упоминавшейся нами переписной книгой 1676—1682 гг. ¹⁾. Въ ней указываются деревни Лужная, Лукьяново, Мосолово, Пирогово, Висяцево, Юрьево, Аонасово, Зеленино, Иценно, Шиголево, Асеньево, Тюнино. (См. черт. № 10). Здѣсь намъ необходимо остановиться на одномъ мѣшѣи относительно положенія древней Лужевской волости, встрѣчающемся въ ученой литературѣ. Именно, о. іеромонахъ Леонидъ ²⁾ и М. Попронскій ³⁾ полагаютъ, что Лужа—это древнее названіе гор. Мало-Ярославца, лежащаго, какъ извѣстно, на р. Лужѣ. Врядъ-ли, однако, можно съ такимъ мѣшѣи согласиться; мы видѣли, что завычаніе различаетъ Мало-Ярославецъ (отдать князю Ярославу) и Лужу (отдача княгинѣ).

Рис. 10.

Мѣсто Козлова брода (Козлобродской волости) опредѣляется также переписной книгой въ извлеченіи проф. Замысловскаго. Въ ней ⁴⁾ указаны деревни Хлѣвино, Бѣляево, Сафоново, Поповка, Сенино, Городище, Пешково, Коровино. Оказывается, что волость Козловъ бродъ лежала на р. Лопаснѣ, въ нынѣшнемъ Серпуховскомъ уѣздѣ ⁵⁾. Бадѣева слобода (или Лопасня), впоследствии вошедшая въ составъ Козлобродской волости ⁶⁾, лежала также на р. Лопаснѣ. (См. черт. № 11).

Кромѣ Лужи, Козлова брода и Бадѣевой слободы княгинѣ даны слѣдующія лужевскія волости: Ловышина, Ярыцева, Сосновець, Турыи

¹⁾ Стр. 124—125.

²⁾ Ист. церкви въ пред. нын. Кал. губ., с. 35.

³⁾ Калужская губернія, I, стр. 3.

⁴⁾ Стр. 130—131.

⁵⁾ О Козлобродской волости см. также собраніе Холмогоровыхъ — Перемышльская десятина, Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1889 г., I, 55—57.

⁶⁾ Объ этомъ см. въ извлеченіи Замысловскаго, стр. 131

горы, Вудыги, Вапшевы, Палежи, Мокшова, Ситица, Торецкая, Сур-
дана, Ореховая и др. Селения: Грива, Ирица, Митанова, Сив-

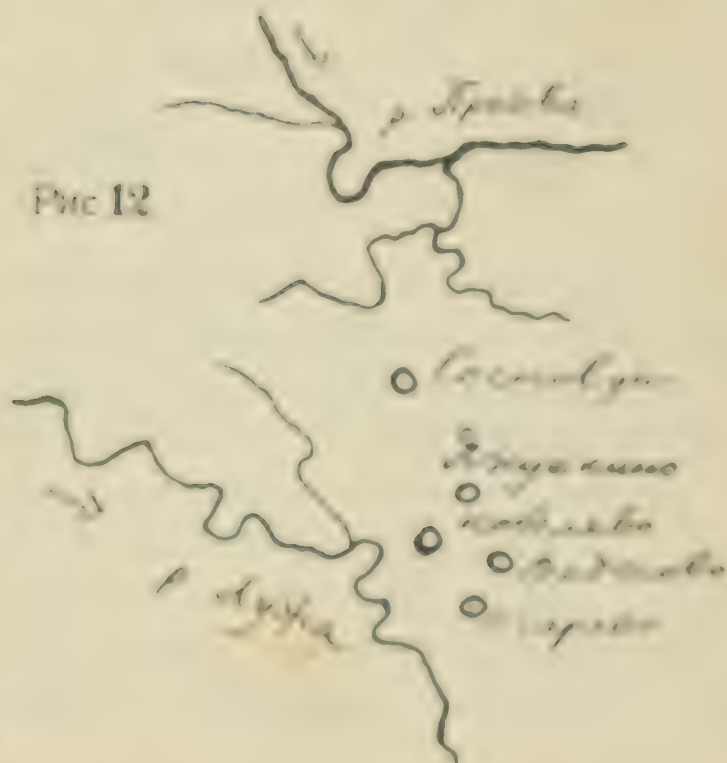
Рис. 11

пына Осинова, Дыня Мокшова и Грива Осинова. Из которых
или этих волостей могут быть найдены на карт. Ирени — в. в. 1044
пешее поселение этого
имени у р. Ивбры, при-
том р. Угря, вь волной
части Мокшанского уезда.

Место Ломынина и
Сосновца (имеющих по-
именование не состав. Ломы-
нинской волости) опре-
деляется по реке Лужи
1676—1682 гг. ¹⁾ В ней
упоминаются деревни:
Лужино, Кобелево, Ов-
сеево и Осиново. На со-
стоит по реке Лужа, впада-
ющая в верховьях течения
р. Лужи, на границе
нынешних Смоленской и
Вязьмской губерний. (См. карт. № 12).

Рис 12

Турин горы были вь волостях: Иреница, Ирица, Митанова,
Сурдана, Торецкая, Вапшевы, Палежи, Мокшова, Вудыги.

¹⁾ См. 10.

на рр. Воръ и Городенкѣ, на границѣ нынѣшнихъ уѣздовъ: Медынского, Калужской губерніи, и Гжатскаго, Смоленской ¹⁾).

Волости Буболь и Венрейка лежатъ на границѣ нынѣшнихъ Боровскаго, Малоярославскаго и Медынскаго уѣздовъ. Болѣе точно мѣсто ихъ опредѣляется все той же переписной книгой 1676—1682 гг. ²⁾. Въ волости Буболь ³⁾ указаны деревни Каменево, Слобода, Бобыли, Алешино, Кухтино, а въ Венрейкѣ—Зайцево, Костино, Кашурино, Рыбино, Шубино. (См. черт. № 13).

Якимова слобода. Это, м. б., нынѣшнее поселеніе Якимово, въ 24-хъ верстахъ отъ Мало-Ярославца. Надо, впрочемъ, замѣтить, что есть Яки-

Рис. 13.

мова гора у самого города Малоярославца ⁴⁾); но сказать, разумѣется-ли именно она въ завѣщаніи Владиміра Андреевича — не можемъ.

Маковецъ. Это, очевидно, другой—не коломенскій, извѣстный намъ, станъ; есть с. Маковецъ въ 16-ти верстахъ отъ Медыни.

Сѣтунка. Можетъ быть, одно изъ двухъ поселеній: 1) Московскаго уѣзда, подъ Москвой, на р. Сѣтункѣ (извѣстный впослѣдствіи Сѣтунскій станъ) ⁵⁾. или 2) Малоярославскаго уѣзда, на р. Сѣтунѣ, въ 30-ти верстахъ отъ уѣзнаго города. Намъ кажется болѣе правильнымъ признать, что Сѣтунка, упоминаемая въ завѣщаніи Владиміра Андреевича,

¹⁾ См. Холмогоровы, Можайская десятина, Чтенія, 1901 г., I.

²⁾ Стр. 125—127.

³⁾ Иначе—Боболы или Бобыли; ср. Попроецкій, Калужская губернія, I, 687 (Матеріалы для географіи и статистики Россіи).

⁴⁾ Ibidem, II, 426.

⁵⁾ См. писцовыя книги, изд. Геогр. Общ., I, стр. 279 и сл., а также Забѣлина, Кушново и древній Сѣтунскій станъ.

Блиницы есть такое село на р. Протвѣ, Боровскаго уѣзда ¹⁾ и Дьяковское.

Въ 1417 году скончался наслѣдникъ Василія Димитріевича, князь Иванъ, въ пользу котораго, какъ мы видѣли, было составлено первое завѣщаніе великаго князя. Въ 1423 году была составлена другая духовная грамота, по которой наслѣдниками являлись восьмилѣтній князь Василій и княгиня Софья Витовтовна ²⁾. Князю Василю Васильевичу даны треть Москвы, Добрыинское село, Васильцово и Коломна. Изъ московскихъ селъ давались ему села Островское, Ориинское, Константиновское, Малаховское, Жирошкыно, Копотенское, Хвостовское, сельцо у города надъ великимъ прудомъ (прежнее Напрудское?), лугъ у города за р. Москвою. Ходынская мельница и нѣсколько дворовъ въ самой Москвѣ. Изъ юрьевскихъ селъ князь Василій получалъ Петровское и Олексинское.

Княгинѣ даны коломенскія волости—Песочна, Брашева съ Гвоздною и съ Иванемъ, Устьмерска и Гжели. Изъ селъ коломенскихъ ей даны Малинское, Ивановское, Чюхистово, Окуловское, Захаровское и Рѣвеньское. Кромѣ того, княгиня получала «примысль прадѣда» Кистьму, въ Бѣжецкомъ верхѣ, с. Онтоново, въ Ростовѣ—Василевское, Троицкую слободку на Волгѣ, Белеутовскія села на Волоцѣ. Въ духовной грамотѣ Василія II 1462 года Кистьма называется волостью Угличской ³⁾. Въ Угличскомъ и Моложскомъ уѣздахъ, Ярославской губерніи, есть р. Кисма: С. М. Соловьевъ и полагаетъ, что здѣсь была волость Кистьма ⁴⁾. Надо, однако, замѣтить, что Кисемскій станъ былъ и въ Переяславль-Залѣйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Писцовая книга 1592—1593 годовъ ⁵⁾ точно указываетъ мѣсто Кисемскаго стана, называя деревни Свѣчно на Перлш, Измайлово, Мершиново, Желтиково, Копишино. (См. черт. № 14). Оказывается, что Кисемскій станъ находился вблизи Плещеева озера. Который изъ указанныхъ двухъ Кисемскихъ становъ надо видѣть въ Кистьмѣ, упоминаемой въ завѣщаніи Василія I, и можно-ли вообще сдѣлать какое-нибудь рѣшительное сужденіе, мы не знаемъ.

С. Василевское есть въ Ростовскомъ уѣздѣ, на р. Устьѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Ростова. Мѣсто Троицкой слободки на Волгѣ остается для насъ неизвѣстнымъ. Село Белеутово есть нынѣ въ Калязинскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, въ 15-ти верстахъ отъ уѣзднаго города.

¹⁾ О немъ см. Голубовскаго, Исторія Смоленской земли, стр. 71, пр. 2-е.

²⁾ I, № 41.

³⁾ I, стр. 203.

⁴⁾ Изд. 2-е, I, 965, пр. 3-е.

⁵⁾ I, стр. 834 и сл.

Кромѣ вышеперечисленныхъ земель, данныхъ данъ государству изъ Свирской и Сиверской земли. Федоровичъ Сиверскій на Югѣ и Бригадиръ. Бригадиръ или Бригадиръ или Бригадиръ изъ Московскаго уѣзда, верстѣхъ въ 12-то отъ Москвы.

Кромѣ того, данный данъ свободѣ на р. Гута (притокъ Оны, въ Владимірской и Рязанской губерніяхъ) въ уѣздахъ Сиверскій, Бригадиръ и Бригадиръ. Федоровичъ Сиверскій на Югѣ и Бригадиръ. Бригадиръ или Бригадиръ изъ Московскаго уѣзда, верстѣхъ въ 12-то отъ Москвы.

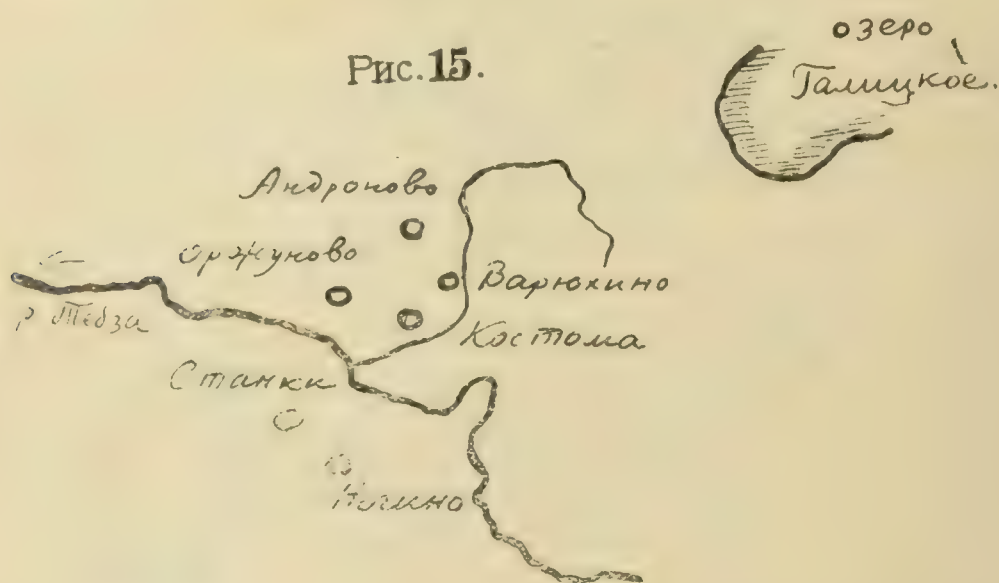

Сиверскій на Югѣ. Бостровскій на Югѣ. Издана. Обширъ (притокъ р. Бострова изъ Ярославской и Бостровской губерній). Переломъ (уѣздъ) главный городъ Бостровской губерніи. Переломскій на Югѣ и Доброе село, въ Владимірѣ. Ахромеевское село и Топка (село) въ Ярославской губерніи, по договорной границѣ съ Владимірской губерніей.

Въ концѣ записки описанъ князь, данъ данъ (уѣздъ) Владимірскій. Нижній Новгородъ (уѣздъ) данъ (уѣздъ) Бостровъ и Муромъ. Бостровскій на Югѣ. Сиверскій село, Бостровскій (уѣздъ) притокъ Востокъ на притокъ Бостровской и Нижегородской губерній и урочище село Шатровъ (уѣздъ) Федоровскаго уѣзда. Рязанской губерніи, въ 29-хъ верстахъ отъ Владиміра.

Третья записка описанъ князь, данъ данъ (уѣздъ) Владимірскій 1424 года (?) погребеніемъ распространѣнъ, данъ данъ (уѣздъ) Бостровскій и Владимірскій. Сиверскій Владимірскій и не содержитъ никакихъ данныхъ описаній.

Какъ извѣстно, сейчасъ же послѣ смерти великаго князя Василія Димитріевича вспыхнуло несогласіе между малолѣтнимъ великимъ княземъ (вѣрнѣе — его партіей) и дядей его, княземъ Юріемъ Димитріевичемъ звенигородскимъ. Несогласіе это, являвшее собою послѣднюю вспышку борьбы противъ новаго порядка престолонаслѣдія, на этотъ разъ скоро было потушено, благодаря успіямъ митрополита Фотія, и слѣдствіемъ примиренія явилась договорная грамота 1128 года ¹⁾. Въ этой договорной грамотѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько новыхъ названій. Такъ, въ ряду новыхъ условій, была установлена дань въ пользу князя Константина Димитріевича съ Шачебала и Ликурги. Мѣсто Шачебальской волости указывается писцовой книгой 1592—1593 гг. ²⁾. Въ ней

названы деревни Погино, Станки, Оржуново, Андропово, Варюхино, Костома. Оказывается, что Шачебальская (или Шачебольская) волость лежала у р. Тебзы, въ западной части нынѣшняго Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи. (См. черт. № 15).

Волость Ликурги такъ же, какъ Шачебалъ, находилась въ предѣлахъ нынѣшней Костромской губерніи, на границѣ Буйскаго и Галичскаго уѣздовъ. Въ Буйскомъ уѣздѣ есть и нынѣ посадъ Ликурги на р. Шачѣ ³⁾.

Отъ 1133 года дошло до насъ нѣсколько договорныхъ грамотъ, которыя указываютъ на смуты того времени. Великій князь Василій

¹⁾ I, №№ 43 и 44.

²⁾ I, 906 и сл.

³⁾ Въ Буйскомъ и Галичскомъ есть нѣсколько рѣкъ подъ названіемъ Шача. Ликурги стоятъ на р. Шачѣ, притокъ р. Вексы, впадающей въ Галицкое озеро. Въ жалованной несудимой грамотѣ Симонову монастырю 1623 года (А. II, III, 183) упоминается въ Ликургахъ дер. Попадъино, но мы ее не нашли.

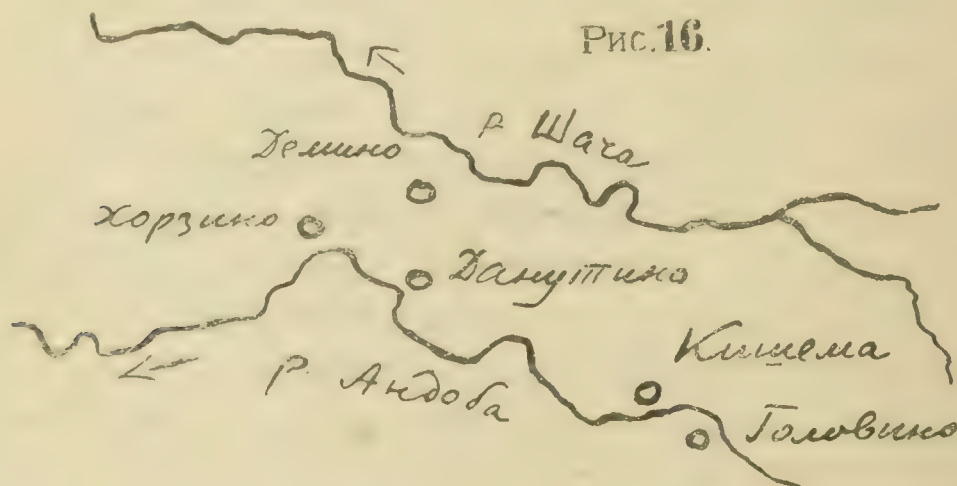
Корота, очевидно, лежала у одноименной рѣки, притока Костромы.

Шиденга — небольшая рѣка въ юго-западной части Великоустюгского уѣзда, Вологодской губернии. Гдѣ была волость Борокъ, мы сказать не можемъ. Въ Костромской губернии мы находимъ до девяти поселеній съ подобнымъ названіемъ.

Поселеніи подъ названіемъ Березовецъ и Затѣсье находятся нынѣ въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Костромской губернии, по никакихъ другихъ указаніи у насъ нѣтъ.

Бѣжецкій верхъ — очевидно Бѣжецкъ, уѣздный городъ Тверской губернии, но въ древности онъ находился въ 15-ти верстахъ отъ нынѣшняго мѣста, тамъ, гдѣ нынѣ село Бѣжичи ¹⁾.

Князь Юрій Димитріевичъ составилъ свою духовную грамоту въ 1434 году ²⁾, т.-е. въ годъ смерти, но еще до того времени, когда онъ

снова занять великокняжескій престолъ, такъ что его распоряженія касаются лишь его вотчинныхъ владѣній. Часть свою въ Москвѣ «въ городъ и станѣхъ» онъ оставляетъ на-трое своимъ сыновьямъ Василию, Димитрію и Димитрію Меньшему. Затѣмъ, старшему сыну, князю Василию, онъ даетъ Звенигородъ и звенигородскія волости: Угожъ, Плѣснь, Дмитриева слободка, Тростна, Игуча, Андреевское. Изъ московскихъ селъ ему даны Домонтовское и Таманинскіе дуга въ Перервѣ. Перерва лежитъ подъ Москвой, верстахъ въ семи отъ города.

Второй сынъ, князь Димитрій, получалъ Рузу и рузскія волости: Юрьеву слободу, Замонье, Кремичну, Скирманово съ Бѣльми, Ростовци, Фоминское, села Михайловское и Микифоровское.

Третьему сыну Юрія, князю Димитрію Меньшему, достался Вышгородъ (Верейскій), с. Косинское (нынѣ с. Косицы, Верейскаго уѣзда,

¹⁾ Соловьевъ, I, 964, пр. 2-е; Семеновъ, Геогр. Словарь, I, 349.

²⁾ I, № 51.

Последнія распоряженія Юрія Дмитріевича касаются Вятки и Галича. Вятка дана въ совместное владѣніе всѣмъ тремъ сыновьямъ, а Галичъ—Димитрію Меньшему.

Къ 1434 же году относятся первыя договорныя грамоты великаго князя Василя Васильевича съ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою ¹⁾. По первому договору за великимъ княземъ утверждались Москва, Коломна, Муромъ, Великое княженъе, Дмитровъ, Звенигородъ (отобранный великимъ княземъ у брата Димитрія—Василя Косого), а за Димитріемъ Шемякою—Галичъ, Руза, Вышгородъ, Ржева, Угличъ (изъ удѣла покойнаго Константина Димитріевича) и московскія села—Зарадылье (мѣсто намъ неизвѣстно), Сохна, Раменье, Осташевскія деревни и Щукинское (есть такое село верстахъ въ 8-ми отъ Москвы). Кромѣ того, за Шемякою утверждались Сурожикъ, Шонкова, Лучинское, костромская волость Корета. Второй договоръ великаго князя съ Шемякою является повтореніемъ перваго и не приводитъ никакихъ новыхъ названій.

Два договора Василя II съ Шемякою 1436 года также не даютъ никакихъ новыхъ названій ²⁾.

24-го іюня 1440 года былъ составленъ новый договоръ великаго князя съ обоими Димитріями—Шемякою и Краснымъ ³⁾. За Юрьевичами подтверждались ихъ права на владѣніе Ржевой, Угличемъ, Бѣжецкимъ верхомъ, селами Алабузинымъ, Есько и Новоселками. Сель подъ названіемъ Новоселки мы находимъ много, а Есько и Алабузино находятся въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, первое—въ 25-ти, второе—въ 8-ми верстахъ отъ уѣзднаго города.

Отъ 17-го іюня 1445 года дошелъ до насъ договоръ московскаго князя съ князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами ⁴⁾. За Можайскими князьями утверждалась ихъ часть въ Москвѣ, Можайскъ, Роцца, Калуга, Бѣло-озеро: за Иваномъ Андреевичемъ утверждалось, кромѣ того, мѣста, данныя ему великимъ княземъ: Козельскъ, Серенскъ, Людимскъ, Коронки, Вырки, Купля Пересвѣтова, Олексинъ, Лисинъ, Свиблово.

Относительно мѣстоположенія Роцинскаго стана мы должны внести слѣдующую поправку въ нашу первую статью. Тамъ мы высказали предположеніе, что Роцца находится, м. б., у р. Протвы, близъ Боровска, гдѣ и нынѣ есть село Роцца ⁵⁾. Но, на основаніи данныхъ XVII вѣка ⁶⁾.

¹⁾ №№ 52, 53, 54, 55.

²⁾ №№ 56, 57, 58, 59.

³⁾ № 60.

⁴⁾ № 61.

⁵⁾ Стр. 29.

⁶⁾ Симсонъ, *op. cit.*

мы должны принять, что Гощинский князь держался р. Таруга, южная Лисина. Въ немъ указаны деревни Валомъ, Шатово, Гоща (Давыдовъ), Катуново, Мишино, Дмитрово. (См. карт. № 18).

Сергеевъ станъ находился въ Гощинскомъ уезде, между самыми городами. Писцовая книга 1629—1631 г. ¹⁾ описываетъ деревни Ваши-

но, Писцовы, Лубны, Стойново, Костюново, Пашутино, Фроловское. Въ эти деревни, какъ видно изъ описанья, держалъ р. рр. Серетъ и Жидра. (См. карт. № 19).

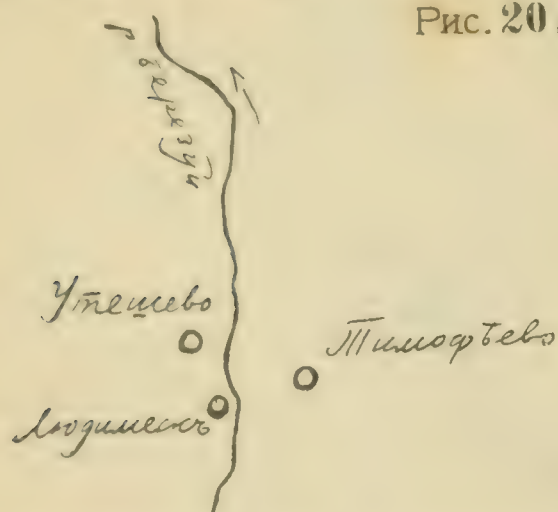

Место Лядинска также упоминается писцовой книгой 1633 года ²⁾. Въ ней указаны деревни Лядинскъ (или Гринково), Тимофеево, Ухотино. Оказывается, что Лядовский станъ держалъ р. Берестя, въ севернѣйшей части Порочинскаго уезда, Калужской губернии. (См. карт. № 20).

¹⁾ Русск. Писца 1629—1631, стр. 409, до 160—177.

²⁾ Писца, стр. 410, до 143 и 144.

Борисъ — на р. Серень, верстахъ въ 18-ти отъ Козельска; Выркъ — на р. Выркъ, протекающей по Козельскому и Перемышльскому уѣздамъ, Калужской губерніи ¹⁾.

Къ 1446 году относится договорная грамота Дмитрія Шемяки съ Василиємъ и Осодоромъ ²⁾. Въ ней мы встрѣчаемъ новыя названія — села Шухобалово, Шиповское, Шокшовъ. Шухобалово лежитъ въ Суздальскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 20-ти верстахъ отъ Суздаля ³⁾; Шиповское — на р. Прмизи, въ 22-хъ верстахъ отъ Суздаля; Шокшовъ — на той же рѣкѣ, въ 28-ми верстахъ.

Отъ 1447 года до насъ дошли двѣ договорныя грамоты Василія Темнаго съ можайскими князьями: первая — съ Иваномъ, вторая — съ Михаиломъ Андреевичами ⁴⁾. Первая не содержитъ никакихъ географическихъ названій, а вторая упоминаетъ Верею, Бѣло-озеро, Заозерье и Кубену.

Договорная грамота московскихъ князей (Василія Васильевича, Ивана и Михаила Андреевичей и Василія Ярославича) съ великимъ княземъ рязанскимъ Иваномъ Осодоровичемъ отъ 20-го іюля 1447 года ⁵⁾ не содержитъ никакихъ новыхъ названій и подтверждаетъ старую границу по рр. Окѣ и Цнѣ.

Отъ конца 1447 г. и 1448 г. до насъ дошло нѣсколько договорныхъ грамотъ московскихъ удѣльныхъ князей между собою и съ великимъ княземъ Василиємъ Васильевичемъ ⁶⁾, но никакого историко-географическаго интереса онѣ не представляютъ. Изъ новыхъ названій мы встрѣчаемъ лишь села Чахловское и Дьяковское, мѣсто которыхъ остается для насъ неизвѣстнымъ.

Въ договорной грамотѣ Михаила Андреевича можайскаго съ великимъ княземъ Василиємъ Васильевичемъ 1-го іюля 1450 года ⁷⁾ среди прочихъ земель упоминается Зеремъ: гдѣ находилась эта волость — также намъ неизвѣстно.

¹⁾ Висостьдствин на Выркъ засѣка. А. А. Э. III. 449.

²⁾ № 62.

³⁾ Писц. кн. 1592—94 гг., I, стр. 857.

⁴⁾ №№ 63 и 64.

⁵⁾ № 65.

⁶⁾ №№ 66—74.

⁷⁾ № 75.

Договорная грамота великого князя Игоря Всеволодовича с Владимиром Всеволодовичем (1151 год)¹⁾ — одна из важнейших грамот.

От того же года, после до 1167. Договорная грамота Всеволода II с Владимиром Всеволодовичем (1151 год)²⁾. Своей грамотой, что именована была, последний упоминается как Владимир Всеволодович (в.л.л. Переяславский) года, на 20-ти верстах от (восточной) границы и пограничное село Ершово (на 2-1/2 верстах от (восточной) границы).

Договорная грамота великого князя Игоря Всеволодовича с Владимиром Всеволодовичем (1151 год)³⁾. За границей князем утверждаются Гомельские волости, Гомельская волость, Гомель, Гомельские и окрестные села. Где находились волости Гомель и Гомельские — точно указать не можно. Положение же Гомельского князя определяется восточной границей 1157 — 1167 гг.⁴⁾. Из них упоминаются: Владимир, Владимир, с. Юрьевское, с. Ступино с Рогом. Означается, что Ополский князь имеет под своим городом Владимиром. Из этого видно, что Владимир упоминается как восточная граница Гомельского и Юрьевского⁵⁾ до восточной и на восточной границе (см. черт. 21).

В 1157 году упоминается, что Владимирский князь Игорь Всеволодович

¹⁾ См. 76 и 77.

²⁾ См. 78.

³⁾ См. 79—80.

⁴⁾ См. стр. 804—805.

⁵⁾ См. А. А. 10, 11.

Андреевна — Ксения Олигерловна (съ инокиняхъ Евпраксія): къ этому тому и относится ея завѣщаніе ¹⁾. Великому князю Василию Васильевичу она отдаетъ с. Коломенское, а внуку, князю Василию Ярославичу, села Омутское, Вешдское, въ Лужѣ—села Юрьевское (на р. Лужѣ, въ 20-хъ верстахъ отъ Боровака), Деготское, Осеньевское (Асеньево, Боровакаго уѣзда), Аврамовское (на р. Лужѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Боровака), Михалково, Миседьское (очевидно, у р. Месѣды, притока Лужи ²⁾) и Соснонское, а также московское село Туловское. Затѣмъ, княгиня Евпраксія отдаетъ нѣсколько селъ своимъ невѣсткамъ. Княгинѣ Василисѣ, вдовѣ князя Семена Владиміровича, она даетъ с. Погатицкое, а въ Лужѣ—села Бубольское и Бѣньское (Бешчѣское); княгинѣ Ульянѣ, вдовѣ князя Василия Владиміровича, даны села: Битягово, Домодѣдово, Танинское, Богородское. Князю Василию Ярославичу дано с. Ковезино, княгинѣ Маріи Ивановнѣ (внучкѣ княгини Елены)—с. Вороновское въ Дмитровѣ; монастырю Рождества Пресвятой Богородицы «гдѣ ми самой лечи» даны села Медкино, Дьяковское, Косино съ озерами, Глѣбковъ сать, мельница на устьѣ Яузы. Къ св. Архангелу Михаилу, гдѣ были похоронены князь Владиміръ Андреевичъ и его дѣти, даны села Микульское, на Деснѣ (м. б., на Деснѣ Никольское, въ семи верстахъ отъ Подольска, Московской губерніи), Губкино и Нѣмцово. Чудовскому монастырю даны села Соснистровское и Козинское; гдѣ они были—неизвѣстно.

Въ слѣдующемъ 1453 году скончалась великая княгиня Софья Витовтовна. Въ своей духовной грамотѣ ³⁾ она всѣ свои волости и села, полученные по завѣщанію мужа, князя Василия Димитріевича, передаетъ сыну; исключеніе составляетъ Семчицкое и Гжеля, въ которыхъ «она вольна». Кромѣ того, она даетъ сыну изъ своихъ прикуновъ коломенскія села Кольчевское, Никольцево, Липятинское, Чюхнстово, Окуловское, Рѣшинское. С. Липятинское на р. Каширкѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ 41 верстѣ отъ Серпухова. По писцовой книгѣ 1577—1578 гг. ⁴⁾ оно находилось въ Коневскомъ стану. С. Чюхнстово на современной картѣ не можетъ быть указано.

Изъ юрьевскихъ селъ великому князю Василию Васильевичу даны села Курчевское (въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Юрьева), Еленское (нынѣ с. Ельцы, въ 10-ти верстахъ отъ Юрьева, на р. Венура), Варварское. За Волгою, на Шекснѣ, великій князь получилъ

¹⁾ № 82.

²⁾ Ср. Попроцкій, Калужская губернія, I, 45.

³⁾ № 83.

⁴⁾ I. стр. 427.

р. Москвит. верстахъ въ 20-ти отъ Бронницъ), Рожевъ, починокъ у Щелкина озера (оз. Щелкино и р. Щелчка есть въ сѣверной части нынѣшняго Зарайскаго у., Рязанской губерніи, недалеко отъ Коломны) ¹⁾.

Изъ юрьевскихъ селъ кн. Юрію даны Турабьевскія села, всѣ, кромѣ Порожниковъ, Раткова и Алексина. Эти послѣднія села должны были перейти къ Юрію уже послѣ смерти княгини Маріи и Ефросиніи. Всѣ эти села находятся въ нынѣшнемъ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, Турабьево въ 14, Березинки—20 и Ратково—15-ти верстахъ отъ Юрьева. Юрію же даны Кучка (у р. Кучки, въ 8-ми вер. отъ Юрьева), Деревенька иначе Богословское, въ 10-ти вер. отъ Юрьева). Шадринъ (мѣста не можемъ указать), а равно и костромскія села Качалово (на р. Качаловѣ, Костромского уѣзда, въ 17-ти вер. отъ Костромы), Ушаково (на р. Кешкѣ, въ 28-ми вер. отъ Костромы), Святое (въ 2-хъ вер. отъ Костромы) и вологодскія села—Масленскія (м. б., на р. Маслянѣ, въ нынѣшнемъ Вологодскомъ у.), Янгасарскія (с. Янгасаръ—въ 32-хъ вер. отъ Вологды) и Говоровскія (въ 4-хъ вер. отъ Вологды).

Кн. Андрею Васильевичу данъ прикупъ княгини Вышелѣсь. Онъ находится въ нынѣшнемъ Егорьевскомъ у., Рязанской губерніи, недалеко отъ Шатура, верстахъ въ 35—40 отъ Егорьевска.

Кн. Борису Васильевичу даны «села на Волюцѣ» Белеутовскія и Огородовскія. Они находятся въ Калязинскомъ у., Тверской губерніи, первое въ 13, второе—6-ти верстахъ отъ Калязина.

Въ концѣ завѣщанія Софьи Витовтовны упоминаются села, отданныя монастырямъ: Баня (очевидно, на р. Банѣ, въ Московскомъ уѣздѣ), Дореньское и кинельскія села Чечевкино (мѣсто неизвѣстно) и Слотино (нынѣ въ Александровскомъ у., Владимірской губерніи, въ 25 верстахъ отъ Александра).

Къ 1456 году относится послѣдняя договорная грамота Василія Темнаго съ Василюемъ Ярославичемъ Боровскимъ ²⁾. Никакихъ новыхъ названій эта грамота не приводитъ, подтверждая лишь status quo ante.

Великій князь Василій Васильевичъ умеръ, какъ извѣстно, въ 1462 году. Этимъ годомъ и помѣчены двѣ дошедшія до насъ его духовныя грамоты ³⁾. Въ первой грамотѣ великій князь такъ распорядился своими землями. Старшему сыну, кн. Ивану, даны треть московская, Великое княженіе, Добрытинское село, Васильцово, Коломна съ волостями, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятская

¹⁾ Барановскій. Рязанская губ., 61.

²⁾ №№ 84 и 85.

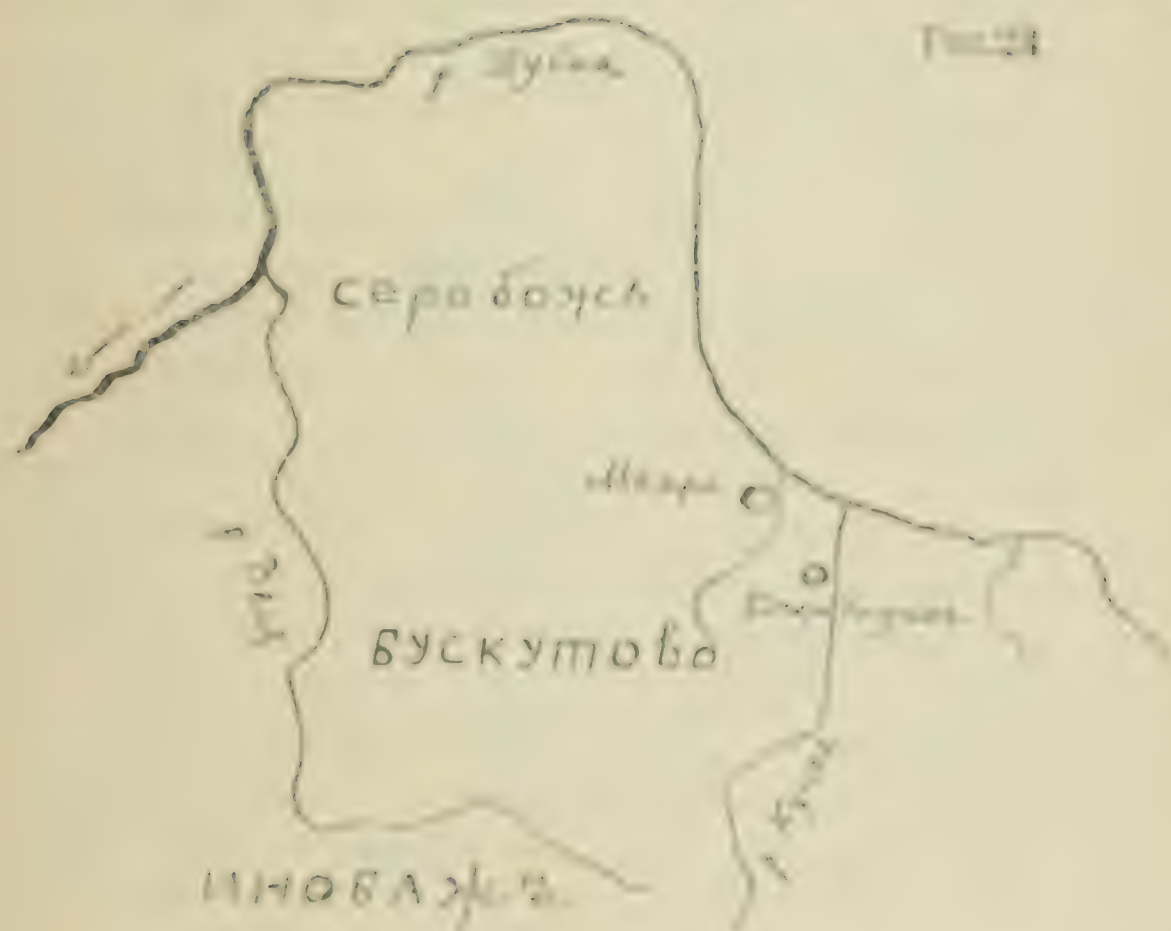
³⁾ №№ 86 и 87.

Ждан, Сухой, Николь-Польский, Муром, Юрьев, Великая Слобода, Горюхи, Сухомля (с Петей, Печеней и Брасовым Сидом, Басути Александром и посланным сыном — Александром, Остроумов, Емельянов, Малаховичев, Крысов и дочь большой и старейшая р. Мухом).

Второй сын, пол. Юрий Пасканич, получил триа Мухом (по имени владения из Владиміра Александровича Гурьевича) и три жемчужины, протекла эта часть с восточной толи. Копытович Александрович рано было имать имущество от братьев: Александр, Игорь, Ярополк, Бускутово, Роддеевичев, Монастырь, Демин, Сиротин,

Гл. 24

Хитин. Владости Сербовск и Бускутово, как видно из описания, на восточной границе (30) толи, на восточной на правой стороне реки Дубна, на восточной от восточной, на границе восточной Александровича и Александровича (30), Сербовск восточной (30) и Бускутово. Положение Роддеевичевых восточной определяется от восточной восточной (30) 1592—1592 гг. 7, на восточной рр. Дубна, Демин, Маха, Бускутово, с Маха и Бускутово. Определяется от Роддеевичевых восточной восточной Сербовск и Бускутово, на восточной Александровича и Владиміровской губернии (См. стр. № 24).

О 1. стр. 24.

О 1. стр. 24.

За им. Варіемъ же Димитріевичемъ утверждались села и волости, отданныя ему его бабкой. кн. Софьей — Семчинское. Самсоновъ дугъ. Гусовъ. Воробьевское. Семеновское. на Похрѣ Мячково. Фаустовское. Досадице. Теткино. Веліно. Кривцово. Бронниче. Чевырево. Марчуково. Роговскъ. починокъ у Щелина озера. Турабьевскія села. Кучка. Деревенна. Шагрино. Шиниловское (Юрьевского уѣзда, въ 14-ти вер. отъ Юрьева). Качатовское. Ушаково. Святое. села Масленскія, Янгасарскія и Говоровскія.

Третьему сыну, кн. Андрею Васильевичу, дана треть Москвы пополамъ съ братомъ (см. выше) Угличе-поле, Устюжна. Рожалово, Велетого. Кистьма. Мѣсто Велетова точно указать мы не можемъ. Есть указаніе, что Велетово находилось въ Угличскомъ уѣздѣ ¹⁾, но никакихъ другихъ указаній мы не имѣемъ. Андрею же даны Бѣжецкій верхъ. Звенигородъ. у Москвы с. Сущево, а также за нимъ утверждалось владѣніе пожалованнаго ему его бабкой Вышелѣса.

Кн. Борису Васильевичу данъ годъ въ Москвѣ (бывшій кн. Ивана Можайскаго). Ржева. Волокъ. Руза. за нимъ же утверждались данныя ему его бабушкой села Белеутовское, Спасское и Окороковское, а также данныя ему М. Ф. Голтяевой коломенскія села Проскурниково (Серпуховскаго уѣзда, въ 48-ми вер. отъ уѣзднаго города). Введенское (много въ Серпуховскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ). Розсудово (въ 47-ми верстахъ отъ Серпухова). Звѣрево (Верейскаго у., въ 50-ти вер. отъ уѣзднаго города). Бараново (въ 70-ти вер. отъ Верей), владимірскія села — Симишинское (Юрьевского у., въ 18-ти в. отъ Юрьева), Лазарское (въ 12-ти в. отъ Юрьева). Котязино (въ 10-ти верстахъ отъ Юрьева), у Владиміра с. Евнутовское (мѣсто неизвѣстно), на Костромѣ на Волгѣ — Нижняя Слободка. Базѣво (есть нѣсколько поселеній съ подобнымъ названіемъ), Мануйлово (также есть нѣсколько), на Вологдѣ Турандаевское (и пышѣ въ 3-хъ вер. отъ Вологды). Попизовное. Ковылинское. Горки, деревни на Шомѣ р. Шомца есть въ Вологодскомъ уѣздѣ), у Москвы Шарапово (есть въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ 13-ти вер. отъ Звенигорода), Лошаково. дугъ на Москвѣ подъ Крутицею, въ Берендѣевой слободѣ с. Ростовцовское съ деревнями (въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ 43-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города), два кинельскихъ села Суровцово и Тимофѣево (есть въ Александровскомъ уѣздѣ, въ 20 вер.) и Микульское (много).

Кн. Андрею Меньшему, по завѣщанію Василія Темнаго, отданъ въ Москвѣ годъ (бывшій кн. Петра Димитріевича). московскія села:

¹⁾ А. II. III. 183.

рогово (въ 33-хъ верстахъ отъ Юрьева): въ Суздаль — Шокново и Давыдовское: на Костромѣ — села Михайловское, Давыдовское и Колдомское: на Устюгѣ — Леонтьево (есть такое село въ 2-хъ верстахъ отъ Устюга), Пятницкое (въ одной верстѣ подъ Устюгомъ), Вондогурье (въ 59-ти верстахъ отъ Устюга), Мошенское и Дымнова слобода.

Изъ удѣла князя Андрея Старшаго княгиня получила Едду (есть такая рѣка въ Мышкинскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи), Кадку (также

рѣка Мышкинскаго уѣзда) и Васильково (нѣсколько въ Ярославской губерніи).

Рис. 24.

Изъ удѣла князя Бориса даны Издѣтедь, Юднина, Ядрово (въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ 38-ми верстахъ отъ уѣзднаго города), въ Ржевѣ — село Андреевское (мѣсто неизвѣстно).

Изъ удѣла князя Андрея Меньшаго княгиня получила Иледамъ съ Комелою и Обнорою.

Въ концѣ духовной грамоты Василя Темнаго упоминается еще городокъ Романовъ на Волгѣ, купля самой княгини, въ которомъ она вольна: «которому своему сыну восхочетъ дати, то тому дать»...

Во второй своей духовной грамотѣ великій князь Василій Васильевичъ дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія. Княгинѣ по этой духовной грамотѣ даны с. Коломенское, Дьяковское, Хвостовское у Москвы, Ортемовское село въ Марининой слободѣ, въ Переяславлѣ — Городище съ Волнинскими селами и Бармазовымъ, въ Муромѣ — Почапъ, Заколъе (у р. Колпи въ Меленковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, верстахъ въ 50-ти отъ уѣзднаго города), Черсево (также въ Меленковскомъ уѣздѣ, въ 38-ми верстахъ), на Коломнѣ — с. Оксинское (въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ 31 верстѣ отъ Серпухова), Мячково, села на Москвѣ Орины Алексѣевны, въ Можайскѣ — с. Чертановское (въ одной верстѣ подъ Можайскомъ), Белевицы (м. б., въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи), Исмейское (Исмей), мельница подъ Можайскомъ на Москвѣ, села въ Муромѣ и въ Вотскомъ Стародубѣ, села Долматовскія въ Хотуни, Роступовой и Черемышгѣ.

Договорная грамота князей московскихъ съ князьями тверскими

1462 года ²⁾, открывавшая собою длинной речью грамоту царствующаго Иоанна III не дастъ представить полную картину.

За десятилетіе съ 1463 по 1472 годъ по числу дѣлѣнъ почти двугорничная грамота Иоанна III ³⁾, не лишь сама дѣлющая съ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ жемчужины, а одна — 1472 года — съ брауномъ великаго князя Андреемъ Васильевичемъ уцѣлѣвшая. Въ ней грамота историко-географическаго значенія по вывѣстѣ.

Къ 1472 году относятся духовное завѣщаніе старшаго сына Феофана Иоанна III — князя Юрія Васильевича ⁴⁾. Въ немъ сначала дѣлается распоряженіе по части дѣлѣнія и движимаго имущества, а затѣмъ идетъ распределеніе земель. Матери своей отъ дѣда Гжего и Пашко дѣдо Вельбому князю Юанну дѣтелъ Стучинское, Духовинское, Сивинское, Воробьево, на Костромѣ—село Качалово, село великаго князя Юанну, дѣтелъ годъ Маріонъ, Лозмгинское и Тоямское. Брату своему, князю Андрею Вельбому, даны с. Турболово, Петское (въ Ильинскомъ уѣздѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Юрьева), Словинъ (въ 16-ти верстахъ отъ Юрьева), Голубининское (въ 17-ти верстахъ отъ Юрьева). Брату Васильяну даны с. Шадринъ, Крининъ (въ южной части села), а князю Андрею Меньшому—село Говоронь, Петровское и Малеинское. Расдѣливъ часть своихъ земель между братьями, князь Юрій Васильевичъ остальными землями дарить разныя монастыри. Въ Троице-Сергиевѣ монастырѣ дано село Куча, въ Спасскѣ въ Ступинѣ—с. Федорино, городище въ Пречистой на Симонѣ—с. Великое, въ Ступинѣ въ Андрониковѣ—с. Березини, въ Архангельскѣ на иконѣ—с. Маринское, въ Великомъ Васильевѣ—с. Потрохово, въ Голубининѣ въ Голубинѣ—Родокъ и Малеинъ (Голубинѣ—московское село), верстахъ въ 5-ти подъ Коложной Малеинъ—ж. п., одновѣстное поселеніе въ Рязанской губерніи, въ Егорьевскомъ уѣздѣ, въ 33 верстѣ отъ епархіальнаго города), въ Пречистой на Високѣ—село, село Иванъ Новоселовъ, въ Николѣ на Испоиѣ—с. Юрино (въ Варьковскомъ уѣздѣ, въ 14-ти верстахъ отъ епархіальнаго города), въ Борисѣ и Глѣѣ—с. Николъ, въ Пречистой на Пустынкѣ—с. Володино (въ 15-ти верстахъ отъ Юрьева) и Пятинское въ Ступинѣ—с. Овчининъ въ Голубининѣ на Березѣ—с. Рязанское, въ Пречистой на Кириллѣ—с. Ушаково. Въ концѣ грамоты князя Юрія Васильевича упоминаются с. Крайнее (Струтинское)

¹⁾ №№ 98 и 99.

²⁾ №№ 99 и 100.

³⁾ № 100.

Др. Рязан. ст. Ряз. Р. Арх. 988. Т. 1.

уѣзда, въ 30-ти верстахъ отъ уѣзднаго города) и Вишневецкая пустошь (мѣсто неизвѣстно).

Отъ 1473 года до насъ дошли три договорныя грамоты Іоанна III; одна — съ Борисомъ Васильевичемъ волоцкимъ ¹⁾ и двѣ — съ Андреемъ Васильевичемъ углицкимъ ²⁾. Историко-географическаго интереса эти грамоты не имѣютъ.

Къ 1477 году относится духовная грамота Бориса Васильевича, князя волоцкого ³⁾. Земли свои и движимое имущество онъ дѣлитъ между сыномъ Оеодоромъ и княгиней. Другихъ сыновей, очевидно, въ это время еще не было у Бориса Васильевича, умершаго въ 1494 году. Сыну своему князь Борисъ оставляетъ отчину свою Волокъ съ мытомъ Войничскимъ, Ржеву, Рузу; ему же даны села: на Коломнѣ — Проскурниковское, Введенское, Кипкино, Вельяминово, деревни въ Городнѣ; на Москвѣ — Розсудовскія села Звѣрево и Бараново; въ Володимери — Семизино, Лазарское, Котезино и у города Евнутьевское; на Костромѣ — Нижняя слободка на Волгѣ, Базѣево, Мануйлово; на Вологдѣ — Турабьево, Понизовное, Ковылинское, Горка, деревни на Шомѣ; у Москвы с. Шараново, Лошаково, дугъ подъ Крутицею, Ростовцево въ Берендѣевѣ, въ Кинелѣ села Тимофѣевское и Суровцово; князю Оеодору же даны Вышгородъ, Шенково, годъ въ Москвѣ князя Ивана Можайскаго.

Женѣ своей князь Борисъ Васильевичъ даетъ во Ржевѣ Осечепъ, Рясну, Кочково, Боронкино, Кличенъ, Елецкое, Красное, Резанцово. Мѣсто Осеченской волости точно указать мы не можемъ. Это, м. б., или с. Осечно, въ западной части Осташковского уѣзда, Тверской губернии (верстахъ въ 80-ти отъ уѣзднаго города), или повгородскій погостъ Осѣчно, въ Бѣжецкой пятинѣ (нынѣ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Волочка) ⁴⁾. Рясна, по всей вѣроятности, с. Рясна, Старицкаго уѣзда, въ 42-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города. Мѣсто Кочкова намъ неизвѣстно. Есть значительное село Кучково на Волгѣ, въ 48-ми верстахъ отъ Старицы, но никакихъ другихъ указаній мы не имѣемъ. Боронкино есть въ западной части Старицкаго уѣзда, въ 64-хъ верстахъ отъ Старицы. Мѣсто Кличенской или Кличанской волости можетъ быть указано на основаніи межевой грамоты 1483 года ⁵⁾, гдѣ указанъ рубежъ между новгородскою волостью Березовцемъ ⁶⁾ и ржев-

¹⁾ №№ 97 и 98.

²⁾ №№ 99—100 и 101—102.

³⁾ № 105.

⁴⁾ Ср. Неволнинъ. О пятинахъ и погостахъ, стр. 199 (Зап. Геогр. Общ., VIII, 1853).

⁵⁾ I, № 117.

⁶⁾ О немъ см. Неволпина, *op. cit.* стр. 184.

свой волостью Кличинскую. Из волостной грамоты видно, что Кличинская волость возникла из прадѣльных напѣвности Осткоковскаго уѣзда, близки овра Селитера, въ югу отъ Березовина и въ востокъ отъ овра Велуга ²⁾. Ближнее село, лежащее в. Елкомъ, на Волгѣ, Ржевскаго уѣзда, въ 37-ми верстахъ отъ Ржева. Ржевское — на томъ же уѣздѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Ржева.

Из волонскихъ мѣстъ книжки даны Спасское, Щитовки, Рудавское ³⁾, Оленино, Холтинское (въ Волоколамскомъ уѣздѣ, въ 6-ти верстахъ отъ уѣзднаго города) ⁴⁾, Пороховское (въ 3-хъ верстахъ отъ Волоколамска), въ Русскомъ уѣздѣ, близки получены Юрьеву слободу и Таболово (въ 4-хъ верстахъ отъ Рузы), въ Вышгородѣ Беройская — Покровская (въ 5-ти верстахъ отъ Верей), Кувелица (также въ 5-ти верстахъ отъ Верей), Самородъ (въ 8-ми верстахъ отъ Верей), Потроховое (въ 15-ти верстахъ), Филимоновское, Кориницкое (въ 10-ти верстахъ отъ Верей) и Дубровское (на р. Протвѣ, въ 11½ верстахъ отъ Верей). Въ концѣ завѣщанія Бориса Васильевича упоминается отданное имъ прамышль на Котиково ржевское село Телница. Очевидно, можетъ быть, что названное с. Телницино, въ южной части Старинскаго уѣзда, въ 11-ти верстахъ отъ уѣзднаго города.

Отъ 1481 года до насъ дошли три договорныя грамоты Ивана Васильевича, одна — съ Борисомъ Васильевичемъ волонскимъ и равн. — съ Андреемъ Васильевичемъ можаицкимъ ⁵⁾. Въ первой изъ этихъ грамотъ Андрей Васильевичъ обдѣляется областю поль великаямъ близки Дмитровъ, Ростовъ, Мединъ, Серпуховъ, Хотунъ и другіе города, а великій князь утверждать за Андреемъ Васильевичемъ земли Удѣльнѣ, Бѣловельнѣ, верхомъ, Звенигородѣ, Можайскомъ, а также въ Ростовѣ — слободой Покровской (есть въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ 2½-ти верстахъ отъ уѣзднаго города), Терентьевскимъ (въ 34-хъ верстахъ отъ Ростова), Тимофѣйковымъ (нѣсколько), Покровской, Болдырскимъ (есть въ 28-ми верстахъ отъ Ростова), Трехаровскимъ (въ 45-ти верстахъ отъ Ростова), Толмачевымъ, Павловскимъ, кромѣ за Андреемъ Васильевичемъ утверждены Мединское, Лосово въ Радомыжѣ — Талыновое, кромѣ въ Бѣлава и Вышгородѣ въ Юрьевѣ — Шинцово, а также Романовъ городокъ и усть-Шексна. Вторая грамота Андрея Васильевича съ великимъ княземъ, а равно и договоръ Бориса великаго историко-географическаго интереса не представляютъ.

¹⁾ О исторической волости см. также в. И. III, 103 и в. С. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

²⁾ См. выше описаніе статьи, стр. 14.

³⁾ Искать въ 10-ти верстахъ отъ Ржева.

⁴⁾ Искать въ 10-ти верстахъ отъ Ржева.

⁵⁾ Искать въ 10-ти верстахъ отъ Ржева.

Къ 1481 же году относится духовная грамота князя Андрея Васильевича Меньшого ¹⁾. Землями своими онъ распорядился слѣдующимъ образомъ. Брату старѣйшему, великому князю, дается годъ въ Москвѣ Петра Димитріевича, Вологда, Кубена, Заозерье, Иледамъ, Обнора, Комела, Волочскъ, Авнега, Шленга, Пельима, Бохтюга, Ухтюнка, Сяма, Тонна, Ингосаръ. Другому брату, князю Андрею, дано Раменейцо у Москвы: Борису Васильевичу—с. Ясневское; князю Василию Іоанновичу, сыну великаго князя—с. Танпское у Москвы.

Договорной грамотой 1482 года между великимъ княземъ и княземъ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ ²⁾, за этимъ послѣднимъ княземъ утверждались Верея и Малоярославецъ. Бѣлоозеро оставалось въ пожизненномъ владѣніи Михаила Андреевича, а послѣ его смерти должно перейти къ великому князю.

9-го іюня 1483 года была составлена договорная грамота московскихъ князей съ великимъ княземъ рязанскимъ, Иваномъ Васильевичемъ ³⁾. Въ ней подтверждалась старинная граница по рр. Окѣ и Цнѣ, а за Московію, кромѣ того, утверждались купли за Окою—Тѣшиловъ, Веневъ, Растовець. Мѣсто Тѣшилова опредѣляется писцовой книгой 1578—79 годовъ ⁴⁾. Въ Тѣшиловскомъ стану упоминаются деревни Пущино, Харино, Тульчино, Грызлово, Трухачево, Волохово, Теляково, Тулейна, Черносвитово, Котово, Кайсарово, Байдиково, Дятлово, Галкино, Дворяниново. Изъ этого видно, что Тѣшиловскій станъ лежалъ въ сѣверной части нынѣшней Тульской губерніи, на границѣ Алексинскаго и Каширскаго уѣздовъ. (См. черт. № 25). Растовець, какъ мы уже указывали въ первой статьѣ ⁵⁾, находился при р. Осетрѣ, усть р. Мордвезы. Писцовая книга 1577—1579 гг. называетъ Харино, Тулубьево, Борозденки, Скородино, Мойгору. Растовецкій станъ лежалъ вблизи Венева. (См. черт. № 26).

Въ договорной грамотѣ граница между Москвой и Рязанью была обозначена довольно точно—по рр. Окѣ, Смедвѣ, Песоченкѣ, Кудеснѣ, Таболу и Дону ⁶⁾. Кромѣ того, за Москвой утверждался Елецъ, а за Рязанью—Романцово (м. б. въ Енинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи). Мечу «вѣдати воиче». Рязанскій князь также обязывался не вступаться

¹⁾ № 112.

²⁾ №№ 113—114.

³⁾ №№ 115—116.

⁴⁾ II, стр. 1488—1509; 1529—1532.

⁵⁾ Стр. 17.

⁶⁾ Ср. Иловайскій. Исторія Рязанскаго Княжества, стр. 164 и сл.

въ дѣла Менцеры. Менцерои, какъ извѣстно, назывались сѣверные, западные, уѣзды нынѣшней Рязанской губерніи.

Къ 1483 же году относится договорная грамота великаго князя съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ ¹⁾, а къ 1484 г. — съ великимъ княземъ тверскимъ ²⁾. Обѣ эти грамоты историко-географическаго интереса не имѣютъ.

Духовная грамота Михаила Андреевича верейскаго написана въ годъ его смерти—1486 г. ³⁾. Главныя земли свои—Бѣлоозеро, жребій въ Москвѣ, Ярославецъ и Верею онъ даетъ великому князю Ивану Васильевичу. Дальнѣйшія распоряженія касаются отдачи отдѣльныхъ сель монастырямъ и частнымъ лицамъ. Въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь онъ даетъ въ Напорожьи село Никольское. Напорожье приблизительно можетъ быть указано. Эта волость лежала вблизи Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря ⁴⁾. Въ Мартемьяновскій монастырь даны Бѣлозерскія волости—Липникъ и Маро-озеро. Обѣ эти волости лежали у восточныхъ береговъ Бѣло-озера, въ средней части нынѣшняго Кирилловскаго уѣзда. За великимъ княземъ оставлено, впрочемъ, право взять эти волости себѣ, давъ монастырю: за Липникъ и Маро-озеро 50 руб., а за Никольское—100 руб. Троице-Сергіеву монастырю дано с. Ивановское въ Ярославцѣ. къ Архангелу на Москву—с. Якимовское; къ Пречистой на Москву—с. Татаренки (или Боровскаго уѣзда, въ 12-ти верстахъ отъ Боровска, или подъ Москвой, въ 10-ти верстахъ); къ Пречистой на Симоново—с. Богоявленское; къ Вознесенью—с. Тарутино (на р. Нарѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Боровска); въ Алексѣевскій монастырь—с. Нижнее. Всѣ эти села великій князь также имѣлъ право выкупить, уплативъ соотвѣтственныя суммы.

Къ Спасу въ Андрониково на Москву дано с. Лучинское, кромѣ Можжеельниковъ, отданныхъ боярину князю Ромодановскому; къ Пречистой на Пафнутьево—с. Кукѣново (мѣсто неизвѣстно); къ Архангелу на Ярославцѣ—с. Шубино (Боровскаго уѣзда, въ 35-ти верстахъ отъ Боровска) и Костино (въ 10-ти верстахъ отъ Малоярославца); къ Николѣ въ Ярославцѣ—с. Романсково (м. б. Ярославскаго уѣзда, въ 4-хъ верстахъ); къ Спасу—Тураево; къ Пречистой—окуловская деревня Солонова; къ Ивану св.—Усищово; къ св. Георгію—Прынеаково (указать не можемъ).

¹⁾ № 118.

²⁾ №№ 119—120.

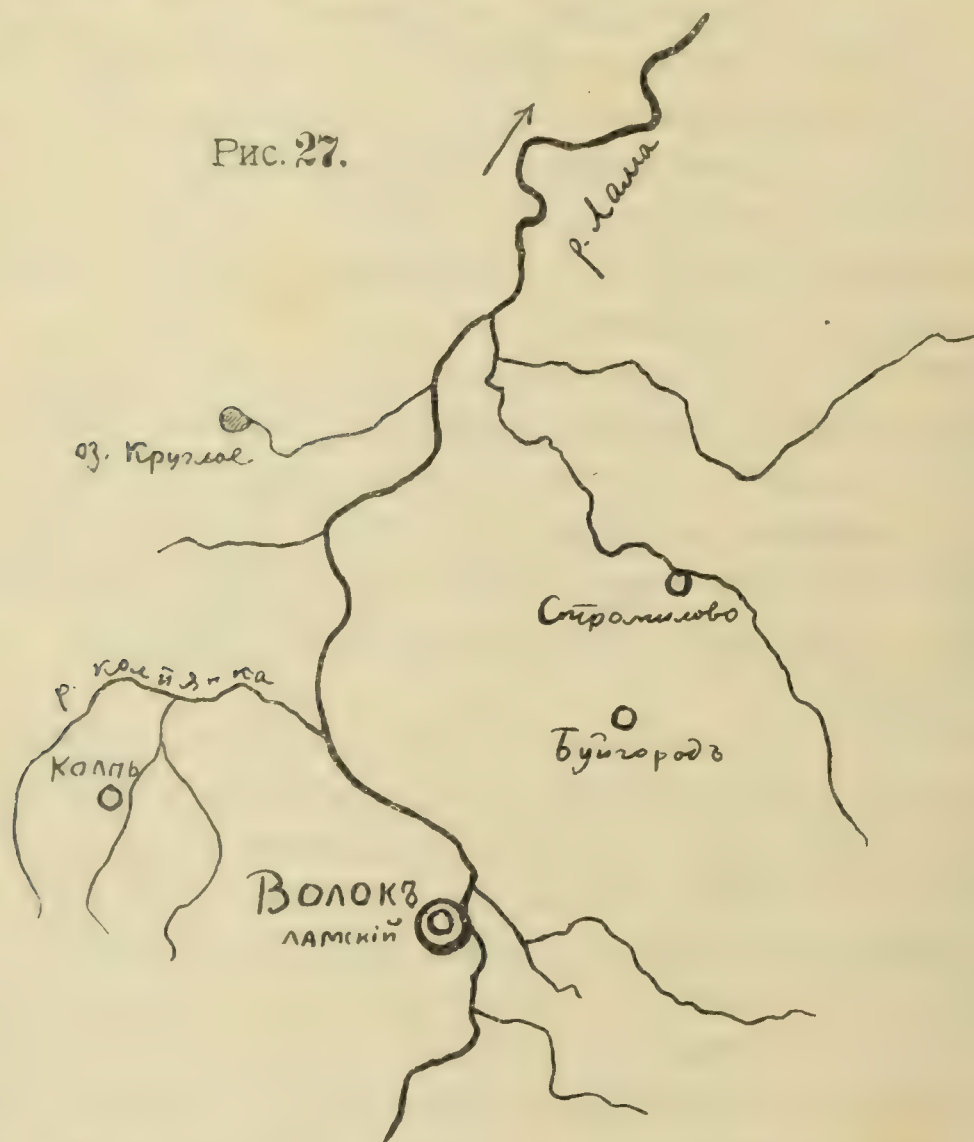
³⁾ № 121.

⁴⁾ О Напорожьи см. также А. Н. I, 411 и извлеченіе Замысловскаго, стр. 236—240 и 279.

тамса. С. Буйгородъ и нынѣ еще есть въ 11-ти верстахъ отъ Волоколамска, а кромѣ того, мѣшная грамота упоминаетъ еще бугородское село Стромиллово, которое также можетъ быть найдено на картѣ. Колпь, очевидно, лежала у р. Колпички, притока Ламы, гдѣ и нынѣ есть село Бѣлая Колпь. Кромѣ того, въ Колпичской волости находилось также известное намъ озеро Круглое. (См. черт. № 27).

Къ 1498 году относится духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрекѣева, родственника великаго князя ¹⁾, въ свое время перваго московскаго боярина, выходца изъ Литвы. Разборъ этого завѣщанія не входитъ, собственно говоря, въ нашу программу, но мы считаемъ небезынтереснымъ остановиться и на немъ для полноты историко-географическихъ данныхъ XV вѣка. Сыну Василю князь Иванъ Юрьевичъ даетъ въ Коломенѣ с. Маковское, Остафьево (м. б., на р. Каширкѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ 11-ой верстѣ отъ уѣзднаго города), Стенино (м. б.,

¹⁾ № 13.

Богородицкаго уѣзда, въ 24-мъ вер. отъ Ростова—с. Кудрино, въ Коложнѣ Вихорну (въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ Домнинѣ), въ Хвостѣ с. Радостинское—Каменино, въ Ярославлѣ—с. Шенгилевское (въ р. Лраѣ, въ 16-ти вер. отъ Переслава), Матвеевъ (въ 2-мъ вер. отъ Баронга), Киселовичи въ Олонецк. въ Выходной Прованси (Переславскаго уѣзда, въ 4-мъ вер. отъ уѣздн. города), Фалено, Ковердино (въ 2-мъ вер. отъ Верей), въ Костромѣ—с. Троицкое, Шухоминъ Падомское (въ с. Падомское въ Костромскомъ уѣздѣ, въ 18-ти вер. отъ Костромы), у Москвы въ Клязьмѣ с. Косовское (въ р. Клязьмѣ), въ Клязьмѣ с. Косово, Глибочинъ, Покровское (въ р. Покровской), въ Муромѣ с. Логово (въ р. Мелешковской уѣздѣ, въ 10-44 вер. отъ уѣздн. города).

Сыну Ивану даны въ Переславлѣ с. Романово, Носово (въ Переславскомъ уѣздѣ, въ 15-ти вер. отъ уѣздн. города), Петровское (въ 30-ти вер. отъ Переслава), Терпилово (въ 25-ти вер. с. Вилки, Клямово, въ Дмитровѣ с. Андреевское, въ Юрьевѣ—Лермонтовъ (въ 8-мъ вер. отъ Юрьева), Сосново (въ с. Александровскаго уѣзда, въ 11-ти вер. отъ уѣздн. города), во Владимирѣ с. Пеламыно, въ Коложнѣ—с. Калябѣево, Матвеевъ, Ротскъ, Пономѣвъ, въ Верей—Андреевское, въ Можайскѣ—с. Одиноцкое, Митенское (въ р. Переславск. уѣзда, въ 15-ти вер. отъ Верей), Владимѣвъ, въ Мещерѣ—с. Бѣловошенское, Лавинъ, у Москвы—с. Насинское, Ошны, Савино, Шухино, въ Владимирѣ Острокъ.

Женѣ своей даше Иванъ Юрьевичъ даше въ Юрьевѣ Пеларово и Ницкое, во Владимирѣ Минетское, Мещино, Митрофановское, у Москвы Туринское, Митрофаново. Все это село на картѣ даже указать не могутъ.

Духовная грамота княгини Евдодии, старшей жены Никиты Борисовича Волоцкого 1503 года 72, доводится протечностью довольно изумительна и упоминаетъ село с. Митрофановское въ Воложѣ. Село и деревня съ такою правильностью въ названіи своемъ, какъ мы знаемъ определеннаго селенія, нѣтъ.

Въ сибирскомъ 1544 г., означена духовная грамота князя Никиты Борисовича Волоцкого 72. Гриту (Василу отъ дяди—с. Гудилово, село Москвитинъ (Василу), неловку, дѣти въ с. Гудилово, с. Гудилово, Шенгилевъ, въ Пречистой—с. Савино, въ Ярославлѣ въ Москвитинѣ—с. Гудилово, Василу, село Гудилово и неловку, Гудилово, село Гудилово, село

который за это долженъ заплатить его долги по церквамъ и монастырямъ. Къ Ивану Богослову на Рузу дано с. Мохово; на Волокъ къ Возмищу с. Синить на Волуиѣ. Кривошеино и Бучнево. Мѣсто этихъ селъ намъ неизвѣстно.

Договорная грамота сыновей великаго князя, Василя и Юрія. 16-го июня 1504 года ¹⁾ историко-географическаго интереса не представляетъ.

Теперь мы приблизились къ важнѣйшей грамотѣ, разборъ которой составляетъ конечную цѣль нашей работы, именно къ духовному завѣщанію великаго князя Ивана III-го 1504 года ²⁾. Старшему сыну Василю даны великія княжества, городъ Москва «съ волостями и съ путми и з станы и з селы». Добрятинское село, Васильцово, с. Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ. Воробьево, Володимеровское, Семеновское, Воронцово (въ 12-ти вер. отъ Москвы), Кадашево (впослѣдствіи московская слобода), Воронцовское на Яузѣ, Лычиково (есть въ Верейскомъ уѣздѣ, въ 28-ми верстахъ отъ уѣзднаго города), Ильинская слободка, волости московскія «что были къ Дмитрову приданы»: Рогожъ, Воря, Корзенево, Шерна, Сулишинъ съ Новымъ селомъ; Сурожикъ, Лучинское, Радонежъ, треть Мункова съ мытомъ Лопьскимъ, гор. Коломна съ волостями, Кошира съ зарѣчьемъ, Тѣшиловъ, Рославль (есть нынѣ Рославль—уѣздный городъ Смоленской губ., но врядъ ли его можно признать за упоминаемый въ духовной грамотѣ городъ «у Рязанскаго рубежа»), Веневъ, Мстиславль съ Елчемъ (Ельцомъ?) и Елечскими мѣстами.

Василю же даны Серпуховъ; Хотунъ; Торуса съ Городцомъ, Исканей (м. б.. Исканское въ семи верстахъ отъ Тарусы), Мышегой (въ Тарусскомъ уѣздѣ, въ 30-ти вер. отъ уѣзднаго города) и Колодной (мѣсто неизвѣстно): Мченекъ (Мценскъ), Воротыньскъ (въ Калужской губерніи) съ Лагинскомъ и Крайнинымъ (волости неизвѣстны), мѣста Новосильскія, Одоевскія и Бѣлевскія.

Городъ Боровскъ съ Суходоломъ, Истѣей, Истервой, Краснымъ селомъ, Кременцомъ (на р. Лужѣ, Медынскаго уѣзда, верстахъ въ 15-ти отъ уѣзднаго города), Большою Песочною, со слободкою Осны на Шанѣ (въ настоящее время такой слободки на Шанѣ нѣтъ); гор. Ярославецъ съ волостями и путми; Медынь, Радомль, Вешки, слобода на Шанѣ, меньшая Песочна, деревни на сей сторонѣ Угры. Мѣсто Радомля и волости Вешки указать точно мы не можемъ. Радомль, станъ Медынскій,

---

¹⁾ №№ 133—134.

²⁾ № 144.

Лучинъ. Великое поле. Лопытино. Коньдоя. Ужица. Ведрошь. Озерица. Сверковы Луки. Кое-что изъ этихъ волостей можетъ быть найдено на картѣ. Холмъ—м. б., нынѣшнее село Дорогобужскаго уѣзда, въ 20-ти в. отъ уѣзднаго города. Простъ. Заонье и Водоса лежатъ въ Духовицкомъ уѣздѣ, первое въ 37-ми, второе—въ 33-хъ и третье—въ 15-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Селениа находится въ Ельнинскомъ уѣздѣ, въ 16-ти вер. отъ уѣзднаго города. Кремена—рѣка, притокъ Обши, въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Редынь лежитъ на р. Ужѣ, въ 25-ти вер. отъ Духовицны. Ужа—рѣка Дорогобужскаго уѣзда. Рехты (или Ректы) находится въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, въ 10-ти вер. отъ Дорогобужа. Хомичи—м. б., нынѣшніе Хомяки, въ 25-ти верстахъ отъ Дорогобужа. Путятино—въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, въ 21-ой верстѣ, Игумново есть въ Юхновскомъ уѣздѣ, въ 50-ти верстахъ. Мстиславецъ есть въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, въ 29-ти верстахъ. Ощыстово (или Очитово) есть въ 10-ти верстахъ отъ Смоленска. Жулинъ—въ Юхновскомъ уѣздѣ, въ 56-ти верстахъ. Лучинъ лежитъ на р. Ельшѣ (ср. Голубовскаго ¹). Подъ названіемъ Великое поле нынѣ есть 3 села въ Юхновскомъ уѣздѣ. Коньдоя—въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, въ 25-ти вер. отъ Дорогобужа. Озерица есть въ 15-ти верстахъ отъ Дорогобужа, Сверковы Луки (или Сверколучье)—въ 36-ти верстахъ. Мѣсто Ведроши точно указано быть не можетъ. Въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона сказано, что Ведроша—рѣка, притокъ Днѣпра, подъ Дорогобужемъ ²), но ни на картѣ генеральнаго штаба ни въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Смоленской губерніи Ведроши нѣтъ. У Максимовича ³) также этой рѣки не находимъ. Приблизительно можно сказать, что Ведроша была гдѣ-то подъ Дорогобужемъ ⁴).

Гор. Переяславль и волости: Серебожь, Рожествено, Бускутово. Гор. Владиміръ и волости: Шатуръ, Колушки, Вышелѣсь, Островъ. Мѣсто волостей Колушки и Острова остается намъ неизвѣстнымъ.

Гор. Юрьевъ съ Великою Солью, Суздаль, Ростовъ, Ярославль съ Ухрою, Петровскимъ, Кастью. Ухра—рѣка въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Касть ⁵)—рѣка въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Инопажъ—въ Рыбинскомъ.

Гор. Романовъ, Шексна и волости шохонскія: Луковесь ⁶), Арбу-

¹) Пол. Смоленск. гл. стр. 10, пр. 3-е.

²) Полутомъ 10, стр. 700.

³) Днѣпръ, Кіевъ, 1901.

⁴) Полн. Собр. Р. Лѣт., VI, стр. 46; VIII, стр. 239.

⁵) А. А. Э., I, 443.

⁶) А. А. Э., I, 76.

жесты, Митюки, Петруши Зайцевы, Кавалиты, Целые село, Воскресенское, Большие ст. Олешинская и Волжская, Натрешки, Ручей ст. Шатрово, Каштаново и Шолоховское, Белое село, Шатравы, усть-Узак, Иерейки и т. д. Кос-то жесты быть известны. Арбузовы (или Арбузовский двор) находятся на Пашенномском уездѣ, Ярославской губернии, въ 60-ти верстахъ отъ уездного города. Митюки — село Пашенномского уезда. Воскресенское жесты на р. Шенурѣ, въ Могилевском уездѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Могилы. Волжск. ж. в., жесты на р. Волжѣ, въ Рыбинском уездѣ. Натрешки жесты въ Пашенномском уездѣ, въ 10-ти вер. отъ уездного города. Каштановы и Шолоховы ст. которой прямо, жесты Пашенномск. — село въ Пашенномском уездѣ. Шатравы жесты въ Завидовском уездѣ, версты въ 25-ти отъ уездного города.

Гор. Блассово, Вологда, Золотые, Гудина, Устат, Вороток, Вороток (приток Вороток), Узор (приток на р. Вороток, приток р. Монах ?), Сисола (приток Вороток), в. Завалов, Ротоманов, Пинск, Вороток, Чамота (есть на р. Пинск, в Пинском уезде, Архангельской губернии, верстах в 80-ти от уездного города), Перелес, Монах, Пельма (приток Будок), Пилы горы (на р. Пинск, в Пинском уезде, в 15-ти вер. от уездного города ?), Пинское, Пин (р. Сельмачинского уезда), Тонка (приток Динка), Вороток, Гудина (гора на Ваг), Огонище, Перелес, Горболов, Остров, Шолова (на Ваг ?), Гудина, Сиря Пинская, Звезда (в б. Дина на р. Динск, в Архангельском уезде).

[illegible]

© 1999 by American Psychological Association 0893-3200/99/\$12.00 DOI: 10.1037/0893-3200.13.4.597

12. *Journal of the American Statistical Association*, 1961, 56, 111

 $\frac{1}{2} A_1 A_2 \cdots A_n \leq 73$ [illegible]

Бучецъ, Лопатицы. Последнія четыре волости все лежали въ Деревской пятинѣ ¹⁾ и были пограничными съ Литовскими землями ²⁾. Лежали онѣ у озера Лучанскаго, Видбина, Буйца и др. ³⁾.

Великія Луки и волости: Пуповичи (на Невѣ ⁴⁾), Вязь (озеро Великолукскаго уѣзда), Чясла, Коротай, Дубно (волости неизвѣстны), Комна (на р. Комнѣ, въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ 15-ти верстахъ отъ уѣзднаго города); Ржева Пустая, Корѣльская земля съ Лопью, Заволоцкая земля, Онега, Каргополь, Двина, Вага, Кокшенга (притокъ Ваги) ⁵⁾, Вельской, Холмогоры.

Гор. Псковъ. Торопецъ и волости торопецкія: Данково, Любута, Дубно, Рожна, Тура, Биберево, Старцево, Нежелская, Велижская, Плавѣтская, Жижетская, Озерная, Казариновская; гор. Острее и волости Березай, Невле, Усвай, Ловцо, Веснѣболого. Кое-что изъ этихъ волостей можетъ быть указано. Любута лежитъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ 27-ти верстахъ отъ уѣзднаго города; Дубна—въ томъ же уѣздѣ, въ 52-хъ верстахъ, на З. Двинѣ. Тура—также въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ 27-ми верстахъ. Велижъ—нынѣ уѣздный городъ Витебской губерніи. Относительно положенія древней Жижетской волости мы находимъ въ нашей историко-географической литературѣ различныя мнѣнія. Проф. Голубовскій ⁶⁾ полагаетъ, что Жижець лежалъ у озера Жижца, въ западной части Торопецкаго уѣзда, верстахъ въ 50-ти отъ уѣзднаго города. Г. П. Красноперовъ думаетъ, что эту волость надо искать у р. Сижки, близъ Волги, въ 25-ти вер. отъ Ржевы ⁷⁾. Мы, въ данномъ случаѣ, присоединяемся къ мнѣнію проф. Голубовскаго, такъ какъ положеніе древней волости у озера Жижца болѣе соответствуетъ положенію прочихъ волостей. Невле—нынѣ уѣздный городъ Витебской губерніи. Мѣсто волостей Усвай и Ловцо (или Усваяловца—по другому чтенію ⁸⁾), намъ неизвѣстно. Веснѣболого и нынѣ лежитъ въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ 50-ти верстахъ отъ уѣзднаго города.

¹⁾ См. Новгородскія писцовыя книги, т. II, волость Велиля, стр. 736—784; Лопатицы, стр. 784—806; Бучецъ, стр. 806—826; Холмъ, стр. 826—850.

²⁾ Ср. договоръ 1494 года, с. Г. Гр. и Д. V, стр. 17, а также Карамзина (изд. Эйперл.), VI, пр. 396.

³⁾ Погодинъ, IV, стр. 321; Неволинъ. Пятины.

⁴⁾ Дон. А. И., I, 128, 131, 145, 383.

⁵⁾ А. А. Э., I, 230—231; II, 75; П. С. Р. Л., VI, 179—180.

⁶⁾ Ист. Смоленской земли, стр. 60, пр. 3-е.

⁷⁾ Нѣкоторые данныя по географіи Тверскаго и Смоленскаго края XII в.. Ж. М. Н. П., 1901, VI.

⁸⁾ Ср. Перемириую грамоту 1503 года въ Сборникъ Муханова, изд. 2-е, № 79, стр. 125 и сл.

Васильевъ до дѣли Радичевскія земли, въ томъ числѣ Старая Глина и Перевитоска.

За перепишемъ волостей, отпавшихъ князю Василью, слѣдуетъ распределение городовъ въ Мценскіе и восточнѣе дворцы. Затѣмъ Юрьданово с. Сушине и Липино. Липовицы — тутъ Неврунское и Овручское. Семову — селѣ Лучинское и Росудовская земля. Зюбровъ в Барятинско. Андреевъ — Колычево, Игумново, Сырово и Будино.

Затѣмъ слѣдуетъ перемѣнить волостей, отпавшихъ князю въ новыя. Князю Юрію даны Дмитровъ и волости Дмитровскія (кроме пѣлотормъ, отпавшихъ Василью, имр., Серебрянъ, Бутытормъ), переименованъ волость Юлія Звенигородъ, Шеняно, Канинъ, Гута, Бранскіе и волости бранскія: Соловьевичи, Приладо, Пѣльск, Овручскіе, Осеинъ, Поминоичи, Сушаръ, Вославскіе, Воронинъ, Жеринъ, Бавининъ, Хвонинъ, Пѣльскъ, Вославскіе. Изъ этихъ волостей могутъ быть выдѣлены на картѣ. Въ волости Приладо, или Приладоичи, называлась деревня Селетинъ. Находясь на сѣв. Устара, Гдѣмънъ Павловити, Тарлоново¹⁾. Означается что Приладоичскій уѣздъ начался на самомъ крайнемъ вост. Московскаго государства южнее нынѣшняго города Савска. (См. черт. N 23).

Мѣсто Пандынской волости укажется той же описанною книгой 1676—1682 гг.²⁾ Называются деревни Жуково на Двѣхъ, Осеинскіе, Черныя, Милейково, Сушаръ, Моаре, Тѣльскіе, Панды, Бавининъ, Шеняно, Бавини, Родичино, Мелотилово, Литовинки. (См. черт. N 23).

Овручское есть въ Рославльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, въ 55-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Осеинъ и Сушаръ, какъ же тоѣмъ что выдѣли, вошла впоследствии въ составъ Пандынской волости. Панды оба эти послѣдніе лежатъ въ Рославльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, Осеинскіе — въ 57-ти верстахъ, а Сушаръ — въ 55-ти верстахъ отъ Рославля.

Покиничи, Жеринъ, Вославскіе, Пѣльскіе и Волковичи (Пѣльковичи) лежатъ также въ Рославльскомъ уѣздѣ. Покиничи — въ 55-ти, Жеринъ — въ 22-хъ, Вославскіе (или Ивонскіе)³⁾ — въ 18, Пѣльскіе — въ 52-хъ и Волковичи — въ 37-ми верстахъ отъ уѣзднаго города.

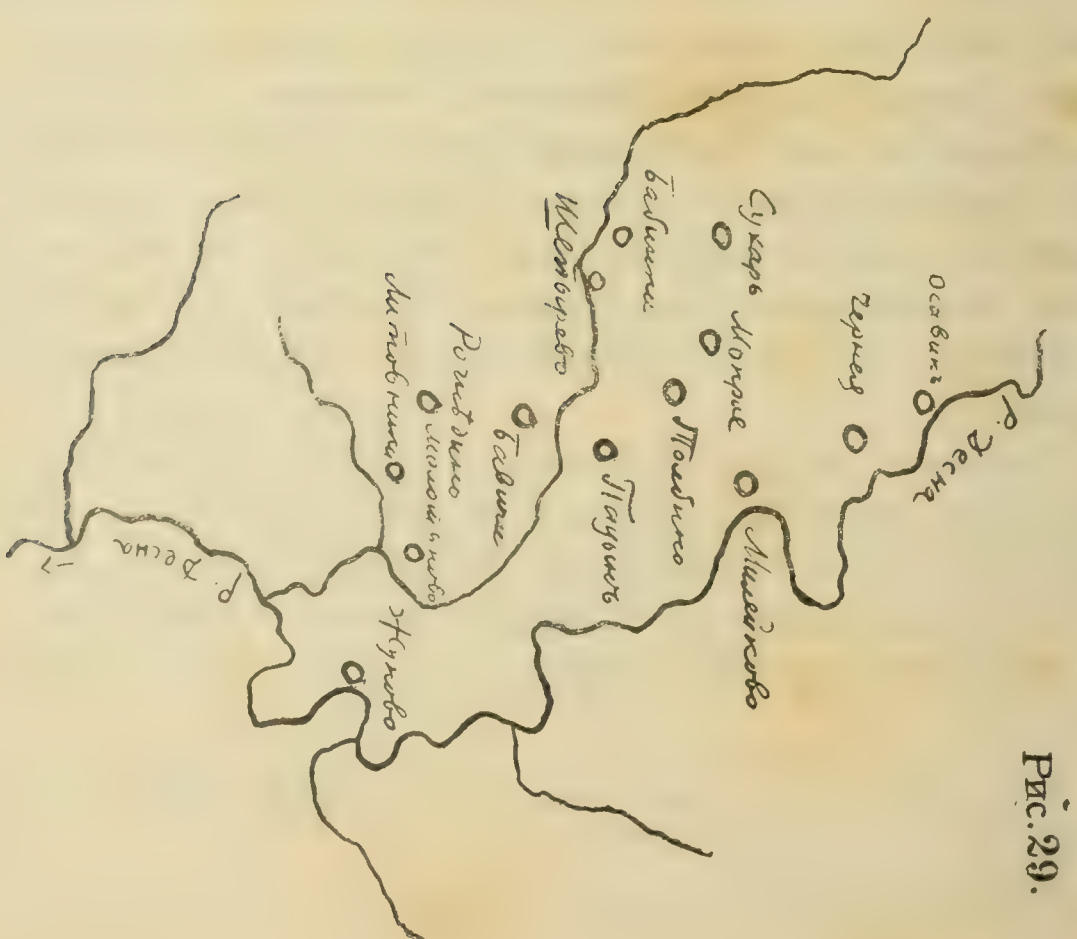
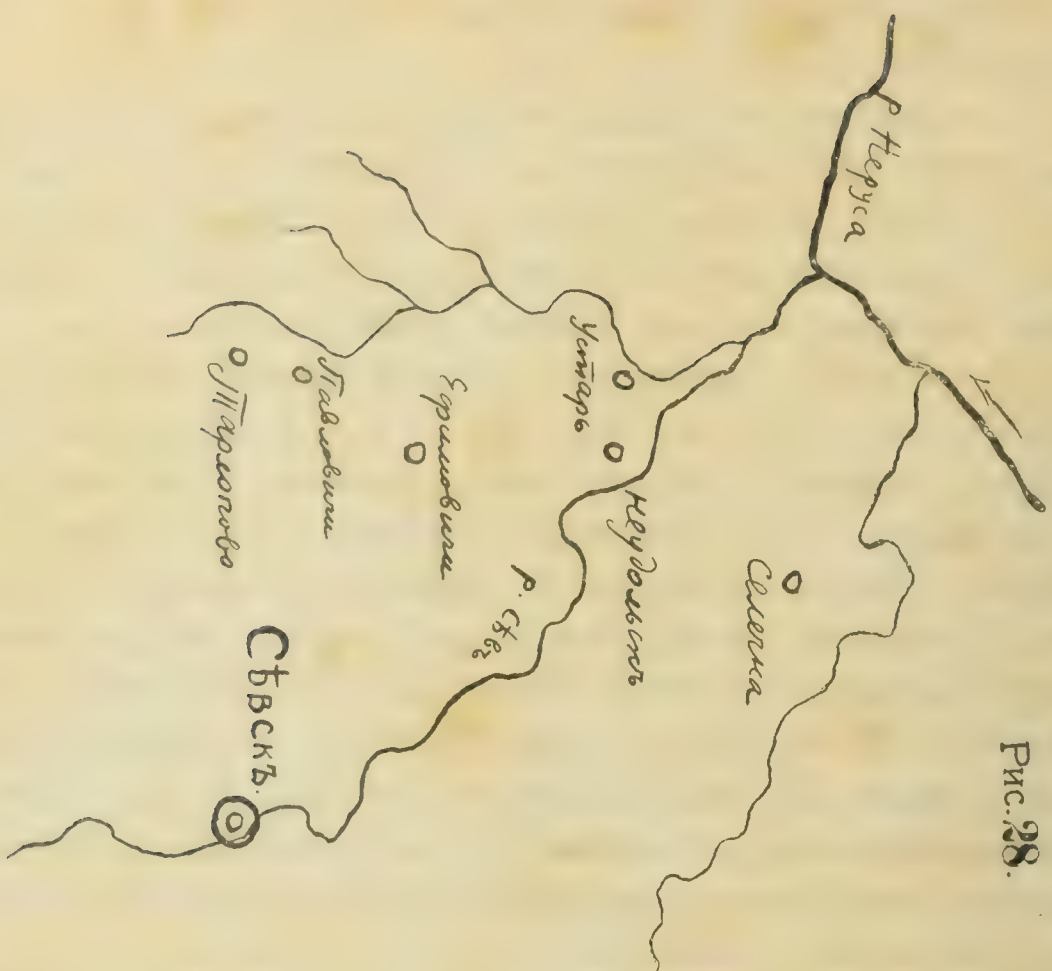
Въ востокъ Воронинъ переименованъ⁴⁾ назывался Моладуно.

¹⁾ Перевитоска дана Юрію — 1687 гг., въ количестве 24 кв. в. 40 кв. саж. стр. 148—149.

²⁾ Волость, стр. 128 и сл.

³⁾ Пандыничскіе, стр. 128—129, 148, стр. 149.

⁴⁾ Стр. 128 и сл.

Жарнак, Банино, Хорошани, Иванова, Болотъ, Порожня дача у р. Овчинна, между Соснаго и Вайковичей. (См. черт. № 20.)

Рис 30

Въ Хвощинской волости перенесенная карта ¹⁾ упоминаетъ деревни Ибмину, Рубцу, Батыну, Савино, Вербижичи, Отыпанину, Поура, Чайковичи, Доминково, Умыслани, Лавино, Хвощу, Иванковичи, Померни, Хотмирово, Коваль. Изъ этого видно, что въ концѣ XVII вѣка Хвощина занимала громадное пространство подлѣ сѣвера Брестской повогости. По этому можно думать, что граница повогости въ концѣ XVI вѣка. (См. черт. № 21.)

Мѣсто Баниновской волости также представляется порожней дачей ²⁾. Упомянутыхъ деревень Дука-

Рис 31

¹⁾ Спр. 188 и 189

²⁾ Спр. 188 и 189

вещь, Улемть, Судимірь, Мишино, Высокое, Подбужье, Елдахово, Пеневичи, Нехочи, Буяновичи, Батогово, Журиничи, Радца, Пушково. (См. черт. № 32).

ХВОЩНА.

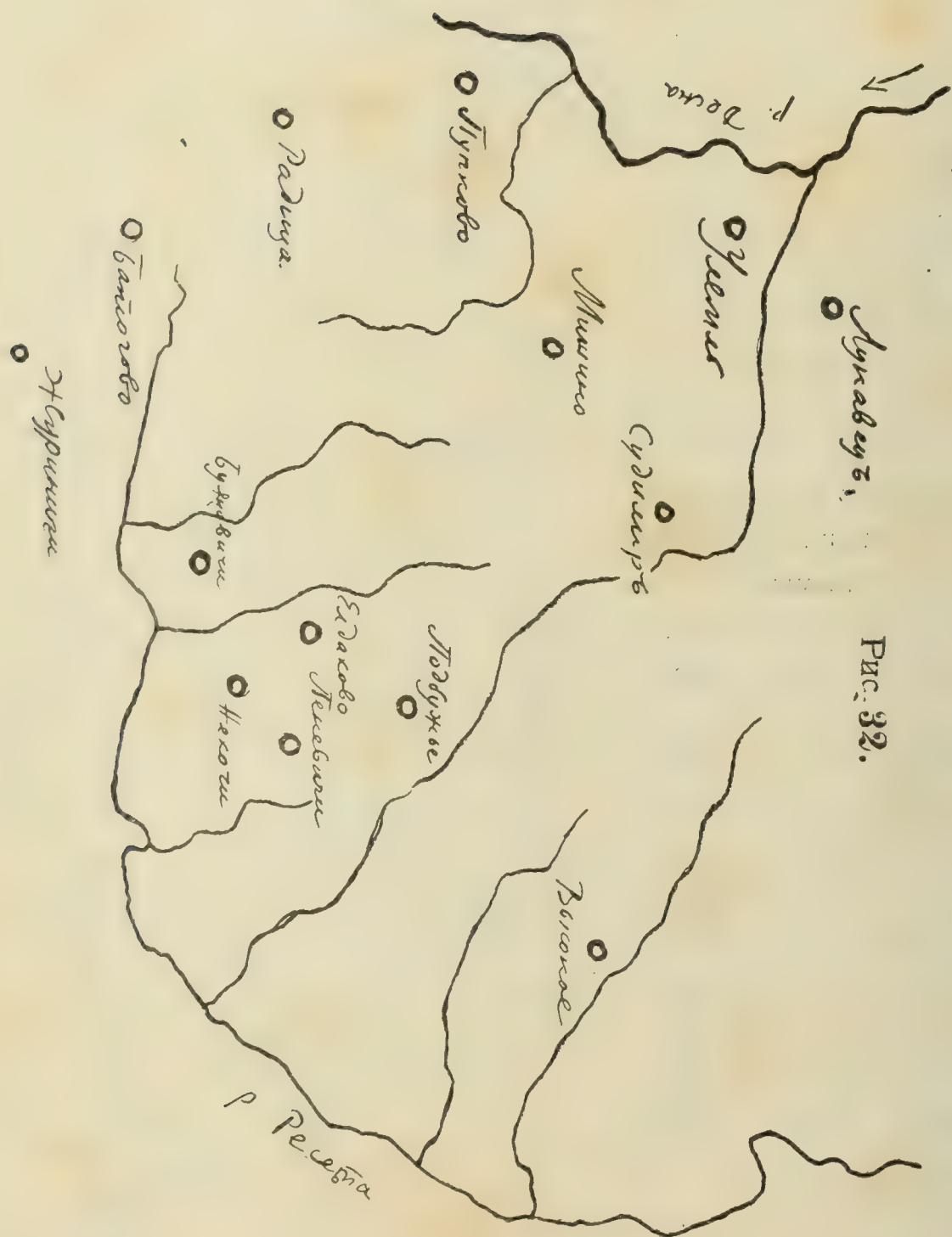

Рис. 32.

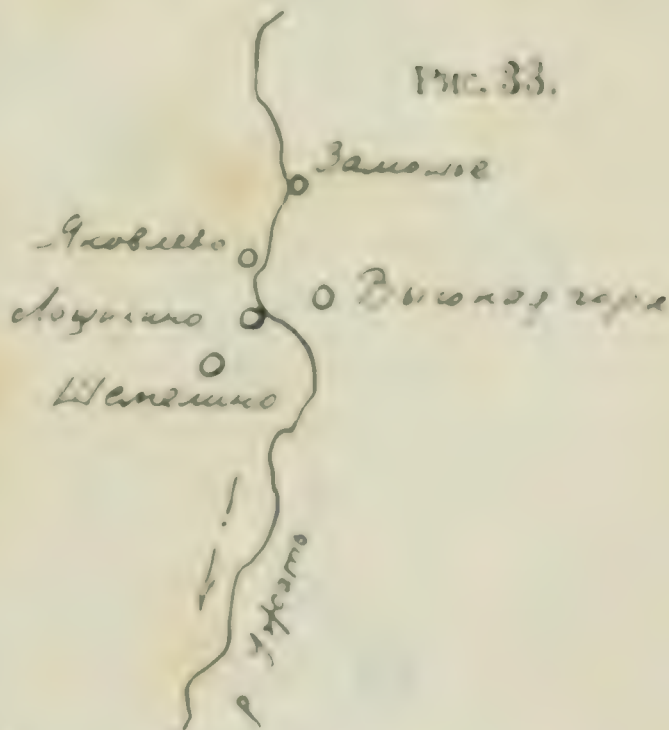

Юрю да дань городъ Серпейскъ и волости сороковѣйскія: Замосце, Тухачевъ, Дегна, Обминичи, Погостинце, Ковыльскъ, Ближевичи, Любушь, Снопоть, Даниловичи, Шуа, Демна, Ужесиреть, Чернаухинъ, Городецка, Мощинъ и Губадиллово.

Замосце, по всей вѣроятности, лежало у р. Ужати, гдѣ и нынѣ есть село этого имени, въ Мосальскомъ уѣздѣ, въ 25-ми верстахъ отъ уѣзднаго города. Это подтверждается писмою князя Серпейскаго уѣзда 1636—1637 гг., гдѣ названы деревни Замосце, Моклово, Вышняя гора, Лоцихино, Шемелино. (См. карт. № 33).

Дегна, очевидно, лежала у р. Дегны, Мосальскаго уѣзда. Обминичи¹⁾ въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ 45-ти верстахъ отъ Жиздры. Погостинце, м. б., нынѣшній Погость на Болѣѣ, въ 40 верстахъ отъ Жиздры. Ковыльскъ лежитъ въ Мосальскомъ уѣздѣ, въ 55-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Ближевичи — въ 68-ми верстахъ. Любушь — въ 80-ти, Снопоть — въ 75-ти, у р. Снопоти, притока Десны. Место юности Даниловичи мы указать не можемъ, въ виду краткости и неопредѣленности писмовой бѣги²⁾. Шуа вѣроятно, лежала у р. Шуи, притока Снопоти, въ 100 верстахъ отъ Мосальска³⁾. Демна очевидно, Спасъ-Нмлинское, въ 76-ти верстахъ отъ Мосальска. Ужесиреть — р. Ельнинскаго уѣзда. Городецка — въ 55-ти верстахъ отъ Мосальска, Мощинъ — въ 12-ти верстахъ⁴⁾, Губадиллово — рядомъ съ Мощинскимъ, въ 13-ти верстахъ отъ Мосальска.

Князь Тимуръ даю Устичъ, Устоюва, Громово, Валетово, Кистьма, Молога, Хлепень (на р. Воруѣ, въ Пудинскомъ уѣздѣ, въ 25-ти верстахъ отъ уѣзднаго города); Рогачевъ (въ 25-ти верстахъ отъ

¹⁾ Рубин. Писма. Пуд. уѣзд. № 14, стр. 111 и 112.

²⁾ Рубин. а. 225 и сл.

³⁾ Рубин. а. 207 и сл.

⁴⁾ Рубин. а. 200 и сл. 201 и сл.

⁵⁾ Рубин. а. 24 и сл.

Зубцова). Илгомиръ (въ 32-хъ верстахъ отъ Зубцова). Зубцовъ. Оноки: половина Ржевы. Мещовскъ. Опаковъ (на р. Угрь, въ Юхновскомъ уѣздѣ, Смоленской губернии, въ 7-ми верстахъ отъ уѣзднаго города, иначе Палатки). Залидово ¹⁾ Недоходово (въ Мещовскомъ уѣздѣ, въ 36-ти верстахъ отъ Мещовска). Лычно (есть въ 30-ти верстахъ отъ Мещовска). Бышковичи (въ 43-хъ верстахъ отъ Мещовска).

Князю Семену даны Бѣжецкій верхъ. Калуга. Козельскъ и волости козельскія: Серенскъ. Людмескъ. Коробки. Вырки. Сѣнина. Сытичи.

Выйно, Липицы, Взбыново, Серена, Лугань, Мѣстилово, Кцынь. Хвостовичи, Порыски, Борятинъ. Орень, Хостыци, Жереминь, Сныхово, Незнаново. Кое-что изъ этихъ волостей можно найти на картѣ. Серенскъ и Людмескъ намъ уже извѣстны. Коробки — на р. Серенѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Козельска. Станъ Вырскій указывается переписной книгой Бѣлевскаго уѣзда 1676—1682 гг. ²⁾. Названы деревни Вырское, Сныхово, Кунилово, Козино, Карманья. Изъ этого видно, что Вырскій станъ лежалъ по Окѣ, въблизи Бѣлева. (См. черт. № 34). Сытичи находятся въ Лихвинскомъ уѣздѣ, въ 30-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Мѣсто Лугани указано писцовой книгой 1633 года ³⁾. Названы деревни

Слаутино. Карцово. Дерягино. Мольнино. Оказывается, что Луганскій станъ лежалъ у р. Серены, въблизи города Мещовска. (См. черт. № 35). Липицы и Взбыново лежатъ въ Мещовскомъ уѣздѣ, первая — въ 23-хъ и второе — въ 10-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Кцынь и Хвостовичи находятся въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Кцынь — въ 12-хъ ⁴⁾ и Хвостовичи — въ 15-ти ⁵⁾ вер-

¹⁾ Озеро Залидово въ Мещовскомъ уѣздѣ. Попроецкій, I, 91.

²⁾ Извлеченіе Замысловскаго, стр.

³⁾ Рукоп. Импер. Публ. библ., F IV, 410, лл. 331 и сл.

⁴⁾ Ibidem, F IV, 411, л. 335 и сл.

⁵⁾ Ibidem. лл. 349 об. и сл.

стать отъ уѣзднаго города. Поросля, Овощное, Простая, на 7-ми верстахъ отъ Ковальска, Бордича—на Мещовскомъ уѣздѣ, на 17-ти верстахъ отъ Мещовска, Хостыни, н. с., живущие село Хосты, на 10-ти верстахъ отъ Ковальска, Жеремини живутъ на Олѣ, на 6-ми верстахъ отъ Дикихи. Сильно мало мы видѣли, но и теперь дошли въ составъ Выречнаго стана.

Была Аларемъ днѣмъ Верея, Восторжскъ, Алочина на Волоную (рѣка на Овощномъ уѣздѣ), Кошница (на 25-ти верстахъ отъ Алар-

Рис. 35

ева Горбюхино, Неховица (неизвѣстно), Лебутьское у Олѣ и Верея (р. Верея на 16-ти верстахъ отъ Аларема). Глеба, Рамнеино, Селна, Загары, Гуслино, Возна, Буной, Старица, Холма съ волостями Олоши и Сино, Кривотокъ, изъ западныхъ селенъ 10 верстъ Сели, но, изъ селенъ, мы мѣстами увидѣли на картѣ лишь село Дедово.

Такъ разпределены земли между князьями Юриемъ III.

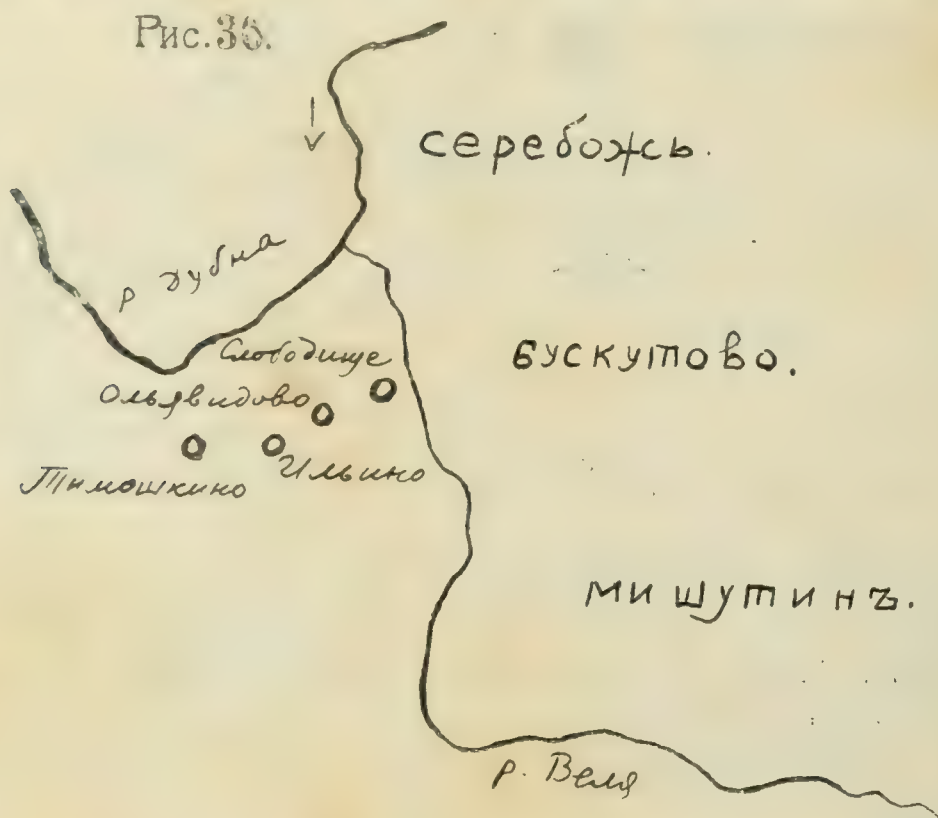
Почти въ каждой работѣ мы рано критически обращаемся къ даннымъ древнихъ грамотъ (1301 года ¹⁾) и извѣщать посылъ нашимъ изъ историко-географическое значеніе. Но имѣя возможность, изъ соображеній, представить картину ихъ разработку, мы, вѣдь, не могли, — имѣемъ въ распоряженіи, изъ записокъ этой работы, ознакомиться съ первоисточникомъ, — историческимъ документомъ изъ древнихъ грамотъ, но не извѣщая насъ изъ другихъ работъ. Такимъ образомъ Жадна, Манутино, Гостина, Пониславъ, Пониславъ, Замославъ, Манутино и Юриемъ, Лебутьская, Каряжское.

¹⁾ См. Труды Г. и Д. С. 104-105, 111.

Новельскій станъ, какъ показываетъ самое названіе его, лежалъ по р. Велѣ. Писцовая книга 1592—1593 гг. ¹⁾ называетъ деревни Олявидово, Слободище, Илыно, Тимошкино. Изъ этого видно, что Новельскій станъ лежалъ въ сѣверной части Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи. (См. черт. № 36).

Волость Жабна находилась у р. Жабны, въ сѣверной части Калязинскаго уѣзда.

Мишутинъ станъ лежалъ у р. Вели, вблизи Бускутова, въ западной части Александровскаго уѣзда. И нынѣ здѣсь есть село Мишутино,

въ 43-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города. Писцовая книга 1592—1593 годовъ ²⁾ называетъ еще нѣсколько деревень, которыхъ на картѣ мы не нашли.

Станы Пневичскій и Замыцкой лежали въ области рр. Нерли, Сольбы, Кубри и Пашмы. Въ Пневичскомъ стану названы деревни Панское и Юрцово, а въ Замыцкомъ—Дидерево, Губино, Стѣпцово, Волино ³⁾. (См. черт. № 37).

Въ Гостунской волости названы деревни Вотрино и Пригарино. Оба эти поселенія находятся въ Калязинскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи (въ 72-хъ и 84-хъ верстахъ).

Въ стану Манатынъ и Быковъ писцовая книга ⁴⁾ между прочими

¹⁾ I, стр. 776—785.

²⁾ I, стр. 840—841.

³⁾ I, стр. 836—839.

⁴⁾ 1573—1574 гг. на стр. 33—39 и 63—66; 1585—1586 гг. на стр. 172—206 и 1593—1594 гг. на стр. 281—282.

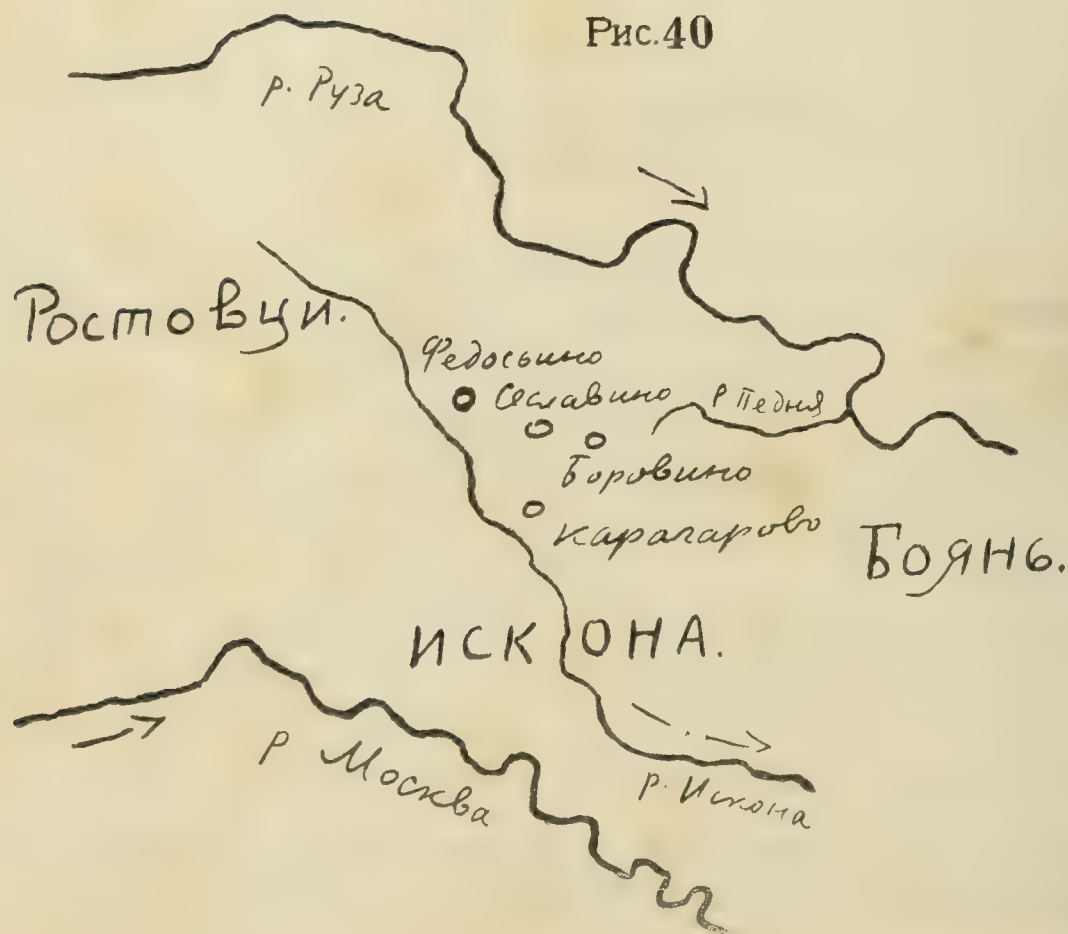

Рис. 39.

Рис. 40

Закубелевая волость, такъ видно изъ меновой грамоты, тѣхъ упоминаются деревни Лютинино, Исккино и Коскиново, земля «ближе Густунской волости, отъѣзжая р. Дубной отъ Сердобы и Пашебываго стана. (См. карт. № 39).

Въ волости Барятинской меновая грамота № 141 упоминаетъ деревни Федосино, Сославино, Боровино, Барятинно. Изъ этого видно, что Барятинская волость лежала не вѣдѣвшая р. Искки, «ближе стана Исконо-Боанскаго и Ростовнянскаго. (См. карт. № 40).

DK 30 .A18522 v.7 IMS

Zapiski umperatorskago
russkago arkheologicheskago
obshchestva 47050618

FONTAINELL INSTITUTE
OF MEDIEVAL STUDIES
75 QUEEN'S PARK
TORONTO 5, CANADA

